Александр Колпакиди, Александр Север

Спецслужбы Российской Империи
Уникальная энциклопедия

Вступление

Спецслужбы Российской империи были так же могущественны и беспощадны к противникам монархии, как и органы госбезопасности СССР к врагам Советской власти. Другое дело, что во время правления императора Николая II из-за слабой политической воли последнего царские спецслужбы были менее жесткими к внешним и внутренним врагам, чем, например, при императоре Николае I. Несмотря на это, чекисты очень многое позаимствовали у своих предшественников, но никогда не признавались в этом.

История спецслужб Российской империи начала создаваться еще в советское время и отразила все особенности царившей в то время официальной идеологии. Органы госбезопасности занимались исключительно политическим сыском. При этом жандармы изображались исключительно в негативном свете, а размах террора со стороны радикальной оппозиции тщательно скрывался. В качестве примера можно назвать напечатанную в 2002 году книгу В.М. Жухрая «Террор. Гении и жертвы»[1] (репринт изданного в 1991 году в издательстве «Политиздат» произведения этого автора «Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы»[2]). Факт существования политической и научно-технической разведки в советское время умалчивался, а об отдельных операциях военной разведки сообщалось крайне лаконично. В качестве примера можно назвать книгу А. Горбовского, Ю. Семенова «Без единого выстрела: Из истории российской военной разведки»[3].

В девяностые годы ситуация изменилась. Теперь героями или хотя бы верными защитниками интересов государства были объявлены сотрудники Департамента полиции и офицеры Отдельного корпуса жандармов. В результате на книжном рынке появилось множество качественных книг. Перечислим основные из них: сборник статей «Жандармы России»[4]; «Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917»[5]; монографии: З.И. Перегудовой «Политический сыск России (1880–1917)»[6]; Ф. Лурье «Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917»[7]; А.А. Здановича, В.С. Измозика «Сорок лет на секретной службе: жизнь и приключения Владимира Кривоша»[8]; Б.Н. Григорьева, Б.Г. Колоколова «Повседневная жизнь российских жандармов»[9]; В.К. Агафонова «Парижские тайны царской охранки»[10]; А. Борисова «Особый отдел империи»[11]; В. Джанибекяна «Провокаторы»[12]; Н.В. Воскобойниковой «Управление и делопроизводство органов политического сыска Нижегородской губернии (1890–1917)»[13]; мемуары «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений» в двух томах[14] и К.И. Глобачева «Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения»[15].

В последнее десятилетие стало популярным писать о Третьем отделении Канцелярии Его Императорского величества (1826–1880). Правда, большинство авторов большую часть своих произведений посвящали рассказу об организации политического сыска на территории России и за ее пределами, крайне лаконично касаясь темы внешней разведки и контрразведки. Возможно, что они следовали традиции, зародившейся в советское время. Тогда Третье отделение имело «ярлык» главного борца с инакомыслием в Российской империи XIX века. Дескать, создано оно было после восстания декабристов, а расформировано, когда стало ясно, что оно не может справиться с радикальной левой оппозицией. Среди книг, посвященных Третьему отделению, можно назвать: Г.Н. Бибиков

«А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I»[16]; О.Ю. Абакумов «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830 – начало 1860-х гг.)»[17]; А.Г. Чукарев «Тайная полиция России: 1825–1855»[18] и сборник документов «Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827–1869»[19].

Отдельная тема – история органов политического сыска от опричнины Ивана Грозного до Третьего отделения Николая I. Разумеется, еще в советское время историки регулярно издавали свои монографии, вот только написаны они были сухим научным языком и рассчитаны на коллег-ученых. К тому же в них присутствовало множество идеологических клише. Зато в изданной в последние два десятилетия научно-популярной литературе можно узнать подробности организации политического сыска: И.В. Курукин «Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного»[20]; В.Д. Володихин «Опричнина и «псы государевы»[21]; И.Я. Фроянов «Грозная опричнина»[22]; И.В. Курукин, Е.А. Никулина «Повседневная жизнь Тайной канцелярии»[23]; Е.В. Анисимов «Русский застенок. Тайны Тайной канцелярии»[24]; М.И. Семеновский «Тайная канцелярия при Петре Великом»[25]; Н.М. Молева «Тайная канцелярия Российской империи (секретные люди, секретные дела, секретное время)»[26].

История военной разведки Российской империи в отечественной литературе отражена скромно. Возможно, что это одно из последствий советской книгоиздательской политики. Об агентурной военной разведке, тем более дореволюционного периода, тогда было не принято писать. Сложно сказать, чем был вызван подобный запрет. Может быть, в СССР военной разведки официально не существовало. Вспомним, что книга «Аквариум» перебежчика Виктора Суворова, изданная тогда в еще Советском Союзе в конце восьмидесятых годов, произвела эффект разорвавшейся бомбы. Именно тогда граждане СССР узнали новую аббревиатуру – ГРУ.

Появление книг, посвященных военной разведке Российской империи, не произвело аналогичного эффекта. Изданные в конце девяностых – начале «нулевых» годов монографии сейчас стали библиографической редкостью. Перечислим эти издания: В. М. Безотосный «Разведка и планы сторон в 1812 году»[27]; четыре книги М. Алексеева «Военная разведка России от Рюрика до Николая II» (книги I и II)[28] и «Военная разведка России. Первая мировая война» (книга III, части 1 и 2)[29]; В. Авдеев, В. Карпов «Секретная миссия в Париже: граф Игнатьев против немецкой разведки в 1915–1917 годах»[30], Е. Сергеев, Ар. Улунян «Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914»[31], К.К. Звонарев «Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 годов»[32] (репринт с изданной в 1931 году в СССР книги, где военная разведка царского периода была, мягко говоря, изображена очень субъективно), а также мемуары (П. Игнатьев «Моя миссия в Париже»[33]). В мае 2010 года на прилавках книжных магазинов появилась книга М. Алексеева «Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II»[34].

Деятельность военной контрразведки в отечественной литературе отражена специфично. Часть авторов утверждают, что органы контрразведки были созданы только в начале прошлого века. Непонятно, правда, кто до этого ловил иностранных шпионов.

В данной книге будет рассказано о том, что по тем или иным причинам не было описано в перечисленной выше литературе.

Часть первая

Политический сыск

Глава 1

Опричнина

Первым из российских правителей подступаться к решению задачи, связанной с организацией органов госбезопасности, начал Иван Грозный, стремление которого к неограниченной самодержавной власти вошло в непреодолимое противоречие с интересами боярской аристократии и всего политического строя Московского царства. Субъективно воспринимая сопротивление бояр как измену и не имея возможности изменить сам политический строй, царь попробовал найти выход из создавшегося тупика с помощью создания особой – «опричной» – организации, ставшей инструментом крупномасштабного кровавого террора. Показательно, что главной причиной учреждения опричнины в 1565 г. Иван IV назвал невозможность при существующем порядке наказывать преступных бояр, которых он перед всем народом громогласно обвинил в казнокрадстве и государственной измене в виде сговора с врагами Руси. Не имея сил и дальше терпеть подобное положение дел, Грозный публично отказался от монаршей власти и соглашался вернуться на царство, только получив от подданных согласие на вручение ему неограниченных полномочий, которые в первую очередь подразумевали полную свободу наказания изменников: «...хто будет государьские лиходеи, которые изменные дела делали, и в тех ведает Бог да он, государь, и в животе и в казни его государьская воля». Чтобы максимально укрепить свое положение, царь разделил страну на опричнину и земщину и создал особый привилегированный корпус из тысячи человек. Входившие в него опричники должны были, во-первых, охранять священную особу государя и, во-вторых, находить и безжалостно уничтожать его врагов. Символизировать эти задачи должна была эмблема опричнины – собачья голова и метла. Отбор в новую организацию был чрезвычайно жестким: специальная опричная комиссия, состоявшая из А.Д. Басманова, А.И. Вяземского и П. Зайцева, с пристрастием допрашивала «старших» дворян, зачисленных в опричнину уездов, которые должны были под присягой предъявить комиссии родословную каждого кандидата в опричнину, рассказать о происхождении его жены, а также о том, с какими князьями и боярами он водит дружбу и т.п. В привилегированную «тысячу» были зачислены лишь те дворяне, которые не имели компрометирующих связей с аристократической средой, т.е. в основном представители худородной и мелкопоместной части господствующего сословия.

За сравнительно небольшой исторический срок (считая время фиктивного правления Симеона Бекбулатовича, опричнина просуществовала всего восемь лет – с 1565 по 1572 г.) у руля террористическо-сыскной машины успело смениться целых три поколения руководителей. На первом этапе формально возглавлял опричную думу шурин царя М.Т. Черкасский, сын кабардинского князька и родной брат второй жены Ивана Грозного – Кученей (Марии) Темрюковны. Никакой реальной властью он не обладал, и фактическими руководителями опричнины в тот период были приближенные царя А.Д. Басманов и А.И. Вяземский. Инициатором создания нового органа современники считали Басманова. В начальный период опричные репрессии носили ярко выраженную антибоярскую направленность. Однако последовательно выдержать эту линию опричное руководство не смогло, в результате начатый террор приобрел бессистемный и хаотический характер. Число доносов, «раскрытых» на их основании заговоров и казненных стремительно множилось. Были ли среди этих заговоров реальные – сказать трудно.

Венцом опричного террора стал разгром Новгорода в 1570 г., когда жители этого древнего города были обвинены в измене и подвергнуты жестокой расправе. Понимая всю вздорность и надуманность выдвинутых обвинений, грозивших гибелью второго после Москвы города русского государства, А.Д. Басманов и А.И. Вяземский попытались если не предотвратить карательную акцию, то хотя бы предупредить новгородцев о нависшей смертельной опасности. Когда после разгрома Новгорода об этом стало известно Ивану

Грозному, то опричная машина террора с легкостью перемолола своих создателей: по утверждению Курбского, Басманов был зарезан собственным сыном, тоже служившим в опричнине, а регулярно избиваемый палками Вяземский умер в оковах в тюрьме. Хотя М. Черкасский никакой самостоятельной роли не играл, но и он на следующий год был зарублен опричными стрельцами. После уничтожения создателей опричнины руководство этой организацией перешло к новым людям, бесспорное первенство среди которых занял печально знаменитый Малюта Скуратов, выдвинувшийся именно в связи с новгородским делом. Мастер заплечных дел, он пользовался полным доверием царя, однако доставшейся властью ему пришлось наслаждаться сравнительно недолго – в начале 1573 г. он погиб во время боевых действий в Ливонии. Отменив опричнину в 1572 г., царь Иван Грозный через три года возрождает ее под видом удела, полученного им от Симеона Бекбулатовича, временно посаженного прихотью царя на московский трон. В последний период опричнину возглавили Б.Я. Бельский и А.Ф. Нагой, благополучно пережившие эпоху террора.

Несмотря на то что из-за явного преобладания в опричнине даже не карательного, а террористического элемента, ее нельзя рассматривать как первый отечественный орган государственной безопасности в строгом смысле этого слова, тем не менее отдельные элементы политического сыска (наряду с ее функциями как удела, личной царской гвардии, своего рода пародии на духовно-рыцарский орден и т. п.) во вновь созданной организации налицо.

Биографии руководителей опричнины

БАСМАНОВ Алексей Данилович (год рождения неизв. – 1570). Первый боярин, один из руководителей опричнины в 1565–1570 гг.

Происходил из старинного московского боярского рода Плещеевых. Выдвинулся благодаря незаурядным военным и политическим способностям. Впервые упоминается в разрядных книгах от 1542 г. и с тех пор принимает активное участие во многих важнейших событиях государственной жизни.

Решающую роль в судьбе А.Д. Басманова сыграли Казанские походы, в которых он в качестве воеводы и дворянина участвует в 1548–1549, 1550 и 1552 гг. Под стенами столицы татарского ханства впервые в полной мере проявился военный талант будущего организатора опричнины. Во время последней осады Казани в 1552 г. он обеспечил успех дела, придя на помощь воеводе большого полка князю М.И. Воротынскому. Он не только отразил опасную вылазку татар из крепости, но и спас большой полк от разгрома. Во время общего штурма Казани Басманов командовал боем у Царских ворот, через которые в город ворвались основные силы русской армии. Доблестный окольничий (этот высокий придворный чин был пожалован Басманову незадолго до описываемых событий) после взятия Казани был оставлен царем третьим воеводой в городе.

В мае 1554 г. состоит вторым воеводой сторожевого полка в Коломне, летом следующего года первым воеводой передового полка участвует в походе на крымские улусы. В сражении на Судьбищах 3–4 июля 1555 г. храбрый воевода спасает от поражения русское войско: под его командованием 5–6 тысяч детей боярских, стрельцов и боярских холопов устроили засеку и героически отбили три приступа многотысячной крымской орды хана Девлет-Гирея, который был вынужден отступить в степь. Воинское умение героя Судьбищинской битвы не остается незамеченным, и он получает чин боярина.

В 1557 г. – второй наместник в Новгороде, ведет переговоры со шведским послом о заключении мира. Стремившийся обеспечить России свободный доступ к Балтийскому морю для торговли с Западной Европой, которой активно препятствовал Ливонский орден, Иван Грозный хотел как можно скорее урегулировать дела на севере, чтобы развязать себе руки на западе. Назревала Ливонская война. В январе 1558 г. Басманов второй воевода передового полка в походе в Ливонию, затем командует русским войском

в Ивангороде. Несмотря на то что под его началом были сосредоточены незначительные силы – тысяча новгородских дворян и полтысячи стрельцов, – приказывает открыть орудийный огонь по находящейся на противоположном берегу р. Нарова ливонской крепости Нарве. Когда город загорелся от обстрела, с небольшим отрядом переплыл через пограничную реку и повел его на приступ. 11 мая 1558 г. Нарва была взята. Басманов остался в завоеванной крепости первым воеводой.

Узнав о покорении этого крупного ливонского города, Иван Грозный меняет планы и берет курс на завоевание всей Прибалтики. Царь объявляет войну Ливонскому ордену. В нее незамедлительно включается новый нарвский воевода. В конце мая 1558 г. войска под командованием Басманова захватывают крепость Нейшлос в устье Наровы, все приграничье оказывается в руках русских.

Не оставляет Басманов и дипломатическое поприще: в июле–августе 1561 г. вел переговоры со шведскими послами, в сентябре принимал посольство из Дании. Датским послам был официально представлен как старший советник Ивана Грозного и государственный казначей, что свидетельствует о его возросшем влиянии на царя. Возможно, секрет возвышения Басманова заключался не только в его ратных успехах, а и в том, что, будучи частым сотрапезником и собутыльником Ивана Грозного, боярин – «согласник» и «ласкатель» – неизменно поддерживал идеи и замыслы царя.

В чине третьего воеводы передового полка Басманов участвует в походе на Полоцк в 1563–1564 гг. и после взятия этого сильно укрепленного города вместе с В.М. Юрьевым возглавляет дипломатические переговоры с Литвой, на которых и выступает поборником продолжения Ливонской войны.

В октябре 1564 г. случай представил Басманову возможность вновь отличиться на поле брани. Ведя войну на западе, Иван Грозный старался обезопасить себя на юге, вынудил поклясться крымского хана хранить мир с Россией. Однако, вероломно нарушив мир, крымская орда осенью 1564 г. вторглась в русские пределы и, не встречая сопротивления, устремилась к Рязани. А.Д. Басманов вместе с сыном находился в своих рязанских поместьях. Узнав о нападении крымцев, вооружил своих людей и атаковал их передовые разъезды. 2 октября татарская орда окружила Рязань и держала ее в осаде вплоть до подхода из Москвы русских войск. Хан неоднократно пытался взять приступом город, однако его жители под искусным командованием Басманова каждый раз давали достойный отпор.

Внутри страны назревал острейший политический кризис, усугубленный изменой и бегством за рубеж царского любимца князя Курбского. В основе конфликта лежало стремление Ивана Грозного править единолично, натолкнувшееся на упорное сопротивление боярской аристократии. Поскольку в рамках традиционной политической системы Московской Руси подобный конфликт был неразрешим, то царю оставалось либо смириться с боярским могуществом и отказаться от своих политических притязаний, либо силой подавить оппозицию. Насилие как единственный путь разрешения проблем поддерживал лишь немногочисленный круг царских приближенных, возглавляемых А.Д. Басмановым и А.И. Вяземским. Очевидно, что во многом благодаря советам Басманова Иван Грозный приходит к мысли об учреждении особого корпуса телохранителей из худородных дворян, опираясь на который можно было сломить «мятежное» боярство.

Обосновавшись в Александровской слободе, царь под угрозой отречения от трона в начале 1565 г. добивается от Боярской думы учреждения опричнины и права казнить изменников по собственному усмотрению. В решающий момент вместе с царем находились самые доверенные и преданные ему люди, среди которых выделялись своей близостью к самодержцу А.Д. Басманов и А.И. Вяземский. Разделив страну на опричнину и земщину, царское окружение сформировало особую вооруженную силу, на которую Иван Грозный мог бы полностью положиться. Вызвав в Москву дворян Суздальского, Можайского и Вяземского уездов, отнесенных к опричнине, специальная комиссия,

возглавляемая первым боярином А.Д. Басмановым, А.И. Вяземским и П.Зайцевым, тщательно изучив их родословную и социальные связи, отобрала в опричнину тысячу дворян, которые и должны были стать надежным орудием царя в его борьбе с непокорным боярством.

Как фактический руководитель опричнины на ее первом этапе, А.Д. Басманов был инициатором и участником многих пыток и казней, обрушившихся на страну. Но, несмотря на многие жесточайшие репрессии и крупномасштабные земельные конфискации, задуманная царем политическая программа потерпела крах. Как показал в своих исследованиях Р.Г. Скрынников, опричнина просуществовала всего один год, после чего превратилась в бессистемный террор, от которого не был застрахован ни один человек в государстве. В связи с негласной сменой внутригосударственного курса отпала нужда в его проводниках, и по законам политической логики его инициаторы и охранители должны были тем или иным способом быть устранены со сцены. Однако перед уходом в небытие А.Д. Басманов успел осуществить громкое политическое дело, направленное против главы русской православной церкви митрополита Филиппа Колычева, осмелившегося открыто обличать беззакония опричнины. Митрополит был схвачен А. Басмановым и М. Скуратовым во время богослужения в Успенском соборе и затем задушен по приказу царя.

Деятельное участие Басманова в низложении митрополита не спасло его самого от царской немилости, первые грозные признаки которой стали появляться перед «Новгородским делом» – одним из наиболее кровавых и бессмысленных деяний опричнины, когда по обвинению в мнимой измене в 1570 г. были казнены десятки тысяч жителей города. Новое поколение опричных руководителей во главе с Малютой Скуратовым и Василием Грязным убедило царя в том, что его бывшие любимцы и доверенные лица заодно с «новгородскими изменниками». А.Д. Басманов был объявлен пособником новгородцев и вскоре убит. Относительно его смерти существуют две взаимоисключающие версии. По словам Курбского, Федор Басманов по приказу Ивана Грозного собственноручно зарезал в присутствии царя своего отца и этим на время спас себе жизнь. Потомки Басмановых в начале XVII в. утверждали, что отец и сын были сосланы на Белоозеро и там их «не стало в опале».

БЕЛЬСКИЙ Богдан (Андрей) Яковлевич (год рождения неизв. – 1611). Один из руководителей опричнины в 1575–1576 гг.

Приходился родным племянником Малюте Скуратову-Бельскому. Возвышение Бельского начинается после того, как его дядя становится фактическим руководителем опричнины; вслед за этим в разрядах появляется и имя его племянника. В походе против Девлет-Гирея в сентябре 1571 г. входит в милость к Ивану Грозному. Весной 1572 г. в чине рынды состоит при царе во время осады Пайды, в которой сложил голову его кровавый родственник. Гибель Малюты Скуратова не отразилась на положении его племянника. В феврале 1573 г. он получает богатейшее поместье в Шелонской пятине и огромный по тем временам денежный оклад в 250 рублей.

Отмена опричнины в 1572 г. также не остановила продвижение Бельского по службе – во время весеннего похода 1574 г. к Серпухову он служит у «шелома», затем получает должность оружничего (хранителя царского оружия), что свидетельствовало о большом доверии к нему Ивана Грозного. Обострившийся конфликт с внутренней оппозицией заставляет царя в 1575 г. фактически возродить опричнину. Царь вновь отрекается от трона, на который сажает служилого татарского хана Симеона Бекбулатовича, а себя объявляет «князем московским» и разделяет страну на земщину и «удел». Руководителями опричнины на этом последнем ее этапе становятся Б.Я. Бельский и думный дворянин А.Ф. Нагой. В 1576 г. Иван Грозный прекращает фарс со служилым ханом, соглашается вернуться на царство; Бельский вплоть до самой смерти государя в 1584 г. ходит у него в любимцах. Оставляя власть в стране слабовольному сыну Федору,

Иван Грозный создал Верховную думу из пяти бояр, включив в нее и Бельского. После смерти царя-тирана в его ближайшем окружении начинается ожесточенная борьба за власть. Сначала Нагие, опираясь на последнюю жену Ивана Грозного Марию Нагую, пытаются посадить на престол ее сына царевича Дмитрия, младшего брата Федора Ивановича. Бельский состоял воспитателем младшего царевича, и некоторые историки полагают, что он поддерживал эту попытку, надеясь восстановить опричные порядки. Нагие потерпели поражение и вместе с царевичем и вдовствующей царицей были высланы в Углич. Бельский остался в столице, стремясь любой ценой удержаться у власти. Враждебные ему боярские группировки распустили в Москве слух, будто племянник Малюты Скуратова отравил Ивана Грозного и теперь хочет извести его сына Федора и посадить на престол Бориса Годунова. Этого оказалось достаточным для народного бунта против ненавистного фаворита. Бельскому пришлось спасаться от разгневанной толпы. Он был отправлен воеводой в Нижний Новгород.
Когда в 1598 г. со смертью Федора Ивановича пресеклась династия Рюриковичей, бывший руководитель опричнины безуспешно пытался заявить свои претензии на престол. Царем был избран Борис Годунов, не забывший династических амбиций Бельского. Последний был обвинен в заговоре против Годунова, арестован и заключен в тюрьму. Вступивший на престол после смерти отца в 1605 г. Федор Годунов (был царем в апреле–мае 1605 г.) освободил Бельского из тюрьмы и ввел в состав Боярской думы. Однако эта милость не обеспечила его верности новой династии, и когда Лжедмитрий I занял Тулу, Бельский вместе с другими боярами перешел на сторону самозванца. После вступления Лжедмитрия в Москву Бельский рьяно убеждал народ в том, что самозванец действительно сын Ивана Грозного, спасенный Николаем Чудотворцем. Подобное усердие не осталось незамеченным, и, взойдя на русский трон, мнимый царевич Дмитрий пожаловал его чином боярина и местом великого оружничего. В 1610 г. самозванец был свергнут, и Бельский был отправлен воеводой в Казань, где и убит в 1611 г.

НАГОЙ Афанасий Федорович (год рождения неизв. – 1585). Один из руководителей опричнины в 1575–1576 гг.
Боярский род Нагих берет начало от Семена Григорьевича по прозвищу Нага, который в 1495 г. выехал из Твери в Москву на службу к Ивану III и получил от него чин боярина. Впервые Афанасий Нагой упоминается в источниках как один из присутствующих на царской свадьбе в 1547 г. В 1558–1559 гг. служит царю в чине рынды. В 1563 г. Иван Грозный дает Нагому ответственное поручение. В условиях начавшейся Ливонской войны для Москвы был жизненно важен мир на южных рубежах, и в Крым к хану с богатыми подарками был отправлен А.Ф. Нагой. Хотя нападений крымских татар не удалось предотвратить, Нагой сумел известить Ивана Грозного из Крыма о намерении Девлет-Гирея напасть на Астрахань, а затем о новых его замыслах набегов на русские земли. За это крымский хан, презрев все существующие международные нормы, арестовал русского дипломата, но вскоре обменял на пленного татарского вельможу.
В период выполнения посольской миссии Нагой в 1571 г. был заочно зачислен в опричнину. Подобный беспрецедентный шаг Ивана Грозного Р.Г. Скрынников объясняет следующим образом: «Будучи в Крыму, этот земской дворянин в знак особой милости заслужил в июне 1571 г. жалованье «из опришнины...». Эту награду никак нельзя объяснять дипломатическими успехами посла, ибо ее выдали на другой день после сожжения татарами Москвы. Но пожалование точно совпало с началом следствия о заговоре Мстиславского и других бояр в пользу Крыма. Когда в ноябре 1573 г. Нагой вернулся из Крыма, розыск о заговоре тотчас же возобновился. По доносу посла были арестованы вернувшиеся из татарского плена холопы Мстиславского, после чего царь с Боярской думой приговорили «...по Офонасьевы Нагово с товарищами речем княж Ивановых людей Мстиславского... разпросить подлинно и пыткою пытать...». Под пыткой холопы подтвердили версию об измене в пользу Крыма главнейших руководителей

земщины. За верную службу А.Ф. Нагой был принят во «двор» и к концу 1574 г. получил чин «дворянина ближней думы». Влияние бывшего дипломата на царя возрастало, и, когда опричнина была возрождена под видом удела, руководителями ее стали Б.Я. Бельский и А.Ф. Нагой. В том же 1575 г. последний возглавил переговоры об избрании Ивана Грозного на польский трон, окончившиеся неудачей. В походах Нагой сопровождал царя в качестве второго дворового воеводы, заняв пост, прежде принадлежавший Малюте Скуратову. Высшее достижение этого временщика – женитьба царя на Марии Федоровне Нагой в 1581 г., ставшей седьмой и последней женой Ивана IV. Когда через три года царь умер, Нагой с родственниками попытался захватить реальную власть и возвести на трон малолетнего Дмитрия, сына своей племянницы, в обход старшего сына Ивана Грозного – Федора. Нагие потерпели поражение, всех их вместе со вдовствующей царицей и царевичем Дмитрием сослали в Углич. Там бывший руководитель опричнины вскоре умер, лишь на год пережив Ивана Грозного.

СКУРАТОВ-БЕЛЬСКИЙ Григорий Лукьянович (Малюта) (год рождения неизв. – 1573), Фактический руководитель опричнины в 1570–1572 гг.

Хотя в народной памяти страшное имя Малюты Скуратова, руководившего жестокими пытками и казнями, навсегда связалось с опричным террором, он не сразу пришел к руководству этой зловещей организацией. Происходил из провинциального дворянства. Впервые в источниках упоминается в сентябре 1567 г. как третий воевода в ливонском походе Ивана Грозного. В этом же чине он остается и во время низложения митрополита Филиппа Колычева, с которого Скуратов прямо в церкви сорвал священнические одежды. Безграничная собачья преданность царю и не менее безграничная жестокость Скуратова были замечены Иваном Грозным, который вскоре приблизил к себе очередного любимца.

Стремительное возвышение Скуратова происходит в 1569 г., когда он участвует в расследовании дела двоюродного брата царя князя В.А. Старицкого, обвиненного в измене и затем казненного. В конце 1569 г. Малюта совершает очередное громкое преступление. Перед выступлением в поход на Новгород царь решил заручиться благословением низложенного митрополита Филиппа, томившегося в Тверском отроческом монастыре. В келью к нему был послан Скуратов, предложивший узнику в обмен на благословение расправы с новгородцами вновь занять митрополичий престол. Колычев с негодованием отверг предложенную сделку и в очередной раз потребовал уничтожения опричнины, угрожая в противном случае Ивану Грозному и его кромешникам проклятием. Придя в ярость, Малюта Скуратов задушил его.

Во всем своем мрачном блеске проявил себя палач во время массовых казней новгородцев в январе 1570 г. В царском Синоднике опальных бояр записано: «...по Малютине скаске новгородцев отделал 1490 человек да 15 человек ис пищалей отделано». Заслужив массовым убийством безоговорочное доверие царя, Скуратов поспешил избавиться от своих прежних начальников, чтобы самому выдвинуться на вершину опричной пирамиды. Добившись отставки Басманова и Вяземского, он обезглавил опричное правительство, а затем довершил разгром старого опричного руководства. Свирепые репрессии позволили Скуратову окончательно захватить власть в свои руки.

Внешне возвышение Малюты Скуратова выглядело следующим образом. 27 мая 1570 г. в благодарность за усердие в «Новгородском деле» он получает чин опричного думного дворянина, а в сентябре фигурирует как дворянин «в стану у государя» в походе против Девлет-Гирея. Однако значимей чинов и званий было то, что в 1570 г. овдовевшему во второй раз государю Малюта Скуратов сосватал в жены свою дальнюю родственницу Марфу Собакину, породнившись таким образом с Иваном Грозным. Свадьбу сыграли в октябре 1571 г., однако царица была неизлечимо больна и уже через неделю отошла в лучший мир. Тем не менее это обстоятельство никак не сказалось на положении фактического главы опричнины. В качестве дворянина «ближние думы царя» Малюта Скуратов в начале 1572 г. вел переговоры с крымскими и литовскими послами, а весной

того же года был назначен дворовым воеводой в смешанное опрично-земское войско, отправившееся в поход против шведов. В декабре 1572 г. – январе 1573 г. в ближайшей свите царя участвует в очередном походе в Прибалтику и гибнет при штурме ливонской крепости Пайды. По приказу царя опричник Е.М. Пушкин отвез его тело в Иосифо-Волоколамский монастырь. Иван Грозный сделал огромный по тем временам вклад в 150 рублей на помин его души. Даже на помин душ собственных дочерей Анны и Марьи, брата Юрия и жены Марфы Собакиной царь давал меньшие суммы.

ЧЕРКАССКИЙ Михаил (Салтанкул) Темрюкович (год рождения неизв. – 1571). Глава опричной думы в 1565–1571 гг.

Сын кабардинского князя Темрюка Айдаровича (Идарова), получивший свою фамилию от распространенного на Руси названия северокавказских племен – черкесов. После того как Иван Грозный вторым браком женился на его родной сестре Марии (Кученей) Темрюковне осенью 1558 г., мальчиком Салтанкул был привезен в Россию, перешел в православие, при крещении получил имя Михаил. Царь пожаловал ему городок Гороховец с уездом в Суздальской земле. Иван Грозный дал в жены дочь Б.М. Юрьева, благодаря чему царский шурин породнился с семьей первой умершей жены царя. Тем не менее прочными связями в среде московской знати не располагал.

С учреждением опричнины как ближайший родственник царя в соответствии с московскими традициями формально возглавил Опричную думу. Однако реальное влияние на политику новой организации оказывал не он, а боярин воевода А.Д. Басманов и князь А.И. Вяземский. Черкасский довольствовался представительскими функциями. В январе 1567 г. Иван Грозный покидает Кремль и переезжает на Воздвиженскую улицу, на Арбат, на двор Черкасского. Арбат был центром опричных владений в Москве, и опасавшийся заговора земщины царь повелел в кратчайшие сроки воздвигнуть здесь укрепленный замок. В сентябре того же года во время ливонского похода Черкасский состоял при особе царя и числился главным дворовым воеводой, т.е. вторым лицом после Ивана Грозного в опричной армии. Согласно разрядным спискам, той же осенью под Вязьмой служил первым воеводой большого полка. Факт близкого родства с Иваном Грозным автоматически обеспечивал Черкасскому высокие посты и положение при дворе. В походе на крымского хана Девлет-Гирея в сентябре 1570 г. вновь сопровождает царя и является главнокомандующим; летом следующего года при отражении набега хана командует опричным войском.

К 1571 г. над головой его сгущаются тучи. По навету Малюты Скуратова, захватившего реальную власть в Опричной думе, жестокие гонения обрушились и на род Захарьиных-Юрьевых, к которому принадлежала жена Черкасского. Судьбу царского шурина решил пронесшийся во время набега Девлет-Гирея на Москву в мае 1571 г. слух о том, будто отец Черкасского изменил русскому царю и вместе с крымцами участвует в военных действиях. Иван Грозный, опасаясь предательства Черкасского, который в тот момент вел передовой полк русских войск в Серпухов для отражения неприятеля, приказал его убить. Был зарублен опричными стрельцами между 16 и 23 мая 1571 г. по дороге к Серпухову. Были убиты и его жена с шестимесячным сыном.

Глава 2
Приказ Тайных дел

Страшный опричный террор нанес огромный ущерб Российскому государству и стал одной из причин Смутного времени, в ходе которого страна чуть было не потеряла свою национальную независимость. После разгрома и изгнания из Москвы иностранных интервентов встал вопрос об избрании нового царя и новой династии вместо пресекшейся

династии Рюриковичей. На Земском соборе 1613 г. прошла компромиссная фигура Михаила Федоровича Романова, положившего начало новой правящей династии. Однако сам факт выборности Романовых, отсутствия у них авторитета древности (в отличие от 700-летней династии Рюриковичей) делали их положение на троне более шатким по сравнению с потомками Рюрика. В этом отношении показателен пример московского восстания 1682 г., участники которого через 69 лет после избрания первого Романова вполне серьезно обсуждали идею истребления царской фамилии и провозглашения новым царем князя М.А. Хованского. На объективную шаткость новой династии накладывалось и растущее сопротивление народных масс, противившихся усилению различных форм государственного гнета, резко возросшего при первых Романовых. Достаточно сказать, что почти все время правления Алексея Михайловича, второго царя новой династии, сопровождалось народными восстаниями: в 1648 г. произошли социальные взрывы в Москве, Томске, Соли Вычегодской, Устюге и других городах, в 1650 г. – в Пскове и Новгороде, в 1662 г. – восстание жителей столицы, а в 1670–1671 гг. вспыхнула крупномасштабная крестьянская война под предводительством Степана Разина. Наряду с социальной борьбой в русском обществе в это же время начался и религиозный раскол, вызванный церковными реформами патриарха Никона. Неудивительно, что в обстановке нестабильности государственная власть начинает спешно усиливать репрессивный аппарат. Именно при первых Романовых происходят два взаимосвязанных явления: с одной стороны, впервые государственные преступления начинают выделяться из общей массы уголовных преступлений, и появляются специальные органы политического сыска, которые эти преступления расследуют, – с другой.

Государственное преступление стало обозначаться стереотипной формулой «слово и дело», надолго укоренившейся в русской истории. Именно этими словами начинался публично объявляемый донос о любом политическом преступлении. Источники начинают фиксировать эту формулу с 1622 г., когда один казак пригрозил перерезать горло царю. Первоначально «слово и дело» обозначало уголовное преследование по обвинению в словесном оскорблении государя, но очень быстро стало толковаться максимально расширительно. Окончательно эта практика кодифицируется и государственные преступления отделяются от общеуголовных в принятом при Алексее Михайловиче Соборном уложении 1649 г. Данному виду преступлений посвящена вторая глава уложения «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать, а в ней 22 статьи». Первая статья гласила: «1. Буде кто коим умышлением учнет мыслить на государьское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил и делать хотел, и такова по сыску казнит смертию».

Уложение совершенно не проводило различия между умыслом и деянием, в результате чего в разряд важных государственных преступлений попадали не только сказанные во хмелю неосторожные слова, но и произнесенное безо всякого умысла неудачное выражение. Так, например, стрелец Иван Хлоповский, поднявший на пиру чашу в честь своего командира со словами «Здоров бы был Микита Дмитриевич Воробьин да государь», был нещадно бит кнутом за то, что упомянул царя после сотника. Нещадно били батогами и бросили в тюрьму другого стрельца, Томилку Белого, только за то, что тот неосторожно похвалялся: ехал-де на лошади, словно великий князь. При первых Романовых подобные обвинения составляли едва ли не большую часть всех дел, рассматриваемых органами политического сыска.

Наряду с покушением на жизнь царя другим из наиболее серьезных преступлений считался заговор с целью «Московским государством завладеть и государем быть». Государственными преступниками признавались и те, кто «недругу город сдаст изменою» или «в городы примет из иных государств зарубежных людей для измены же». За массовые выступления народа против властей – «скоп и заговор», государство безоговорочно назначало смертную казнь. Статья 18 второй главы уложения 1649 г.

однозначно вменяла всем российским подданным незамедлительно доносить об известных им государственных преступлениях.
За подтвердившийся донос назначалась щедрая награда, а за недонесение уложение сулило смертную казнь.
В силу зачаточности форм политического сыска в то время донос являлся для власти практически единственным способом получения информации о государственных преступлениях, в результате чего она и поспешила объявить его гражданской обязанностью для всех членов русского общества. Главным способом подтверждения правильности доноса была пытка. По сложившейся традиции в первую очередь пытали самого доносчика. Если он под пыткой не отказывался от своего доноса, то немедленно арестовывали обвиняемых и всех свидетелей того или иного события.
Стоило любому человеку сказать за собой «слово и дело государево», как он немедленно изымался из сферы обычных отношений, как гражданских, так и уголовных, и становился объектом пристального интереса тех, кому было поручено расследование политических преступлений. Насколько безотказно действовало это правило, свидетельствует пример Фрола Разина. Когда его вместе с братом Степаном Разиным должны были уже казнить, Фрол с плахи крикнул за собой «слово и дело» и после этого на протяжении целых шести лет морочил следователям головы рассказами о «воровских письмах», закопанных где-то на Дону под вербой. Зная, что все случаи доносов о политических делах тщательно учитываются верховной властью, а то и самим царем, представители местной администрации немедленно принимали их к рассмотрению, задержанию подозреваемых и свидетелей, стараясь лишь во избежание излишней ответственности затем отправить их в Москву. Поскольку под формулу «слово и дело государево» легко было подвести любое, даже самое невинное деяние, а розыск по нему неизменно сопровождался пыткой, то неудивительно, что от этих роковых слов, которые на протяжении многих десятилетий сопровождали политический сыск на Руси, замирало сердце даже у самых отважных.
В 1654 г., всего через пять лет после законодательного закрепления понятия государственного преступления, возникает и первый отечественный орган государственной безопасности – Приказ тайных дел.
Приказ был учрежден Алексеем Михайловичем в 1654 г. перед военным походом против Речи Посполитой и оставлен в Москве, имея задачей разбирать подаваемые на царское имя челобитные. Во главе его был поставлен тайный дьяк, которому подчинялся небольшой штат из 6–7 подьячих. Обычно, рассмотрев дело по челобитной, глава Приказа тайных дел докладывал о нем лично царю, после чего по указу Алексея Михайловича дело, минуя Боярскую думу, разрешалось в личной канцелярии царя или передавалось для исполнения в другой приказ. Сфера деятельности приказа неуклонно расширялась по мере возникновения тех или иных вопросов.
Однако главное предназначение Приказа тайных дел – контроль за деятельностью всего государственного аппарата Московской Руси. Контроль мог носить как явный, так и тайный характер. Открытый контроль мог проявляться в распределении тех или иных дел между другими приказами, затребовании из них в Приказ тайных дел для «ведома» различных дел, сведений или отчетности, а также в проверке ведения ими приказного делопроизводства. Тайный контроль проявлялся в посылке подьячих Приказа тайных дел с секретными инструкциями о надзоре за деятельностью во время международных переговоров отдельных русских послов, которые «много чинять не к чести своего государя», или, во время боевых действий, за некоторыми воеводами, допускающими «много неправд... над ратными людьми». О результатах расследования докладывалось лично Алексею Михайловичу: «...ите подьячие над послы и воеводы подсматривают и царю, приехав, сказывают». В некоторых случаях надзор ставился на постоянную основу. Так, 28 февраля 1665 г. царь приказал Разрядному приказу ежедневно доставлять в Приказ тайных дел сводки о положении дел в полках.

Как орган политического сыска Приказ тайных дел рассматривал особо значимые дела государственной важности. В 1666 г. этот орган при личном участии царя производил розыск по доносу Михаила Афанасьева на патриарха Никона и по другим материалам, связанным с низложенным главой церкви. Дело о расследовании восстания Степана Разина формально велось через приказы Казанского Дворца и Разрядной, но фактически им руководил Приказ тайных дел. Именно в него поступила собственноручно составленная царем памятная записка с десятью вопросами, которые руководившие следствием бояре должны были задать Степану Разину. Особенно интересовала Алексея Михайловича возможная связь между вождем крестьянского восстания и патриархом Никоном. Приказ тайных дел периодически запрашивал из других ведомств и различные материалы для этого процесса – распросные и пыточные речи и т.д. Серьезную угрозу экономической стабильности государства представляло фальшивомонетчество, и именно из недр этого приказа 12 августа 1663 г. вышел царский указ, предусматривавший за первую попытку выпуска фальшивой монеты ссылку в Сибирь, за вторую – смертную казнь. Поскольку противодействие иностранному шпионажу было актуально во все времена, то в компетенцию Приказа тайных дел стал входить надзор за подозрительными лицами и чужеземцами на территории русского государства.

Глава приказа являлся «дьяком в государевом имени», что, по мнению исследователей, означало право тайного дьяка подписывать указы от имени царя. Данная черта еще раз подчеркивает исключительное доверие Алексея Михайловича к руководителям этого особого ведомства. Понятно, что чрезвычайно широкий круг возложенных на Приказ тайных дел задач неизбежно должен был привести и привел к расширению его штатов: в конце существования Приказа во главе его стояла коллегия из тайного дьяка и помогавших ему дьяков Челобитного и Стрелецкого приказов, а число подьячих выросло до пятнадцати. У современников сложилось устойчивое убеждение, что царь лично руководит Приказом тайных дел. Действительно, поскольку это ведомство размещалось во дворце, царь часто бывал в нем, имел там свой стол с письменным прибором и нередко лично рассматривал дела, заслушивал доклады и отчеты и даже принимал участие в составлении бумаг. Надо отметить, что заложенная Алексеем Михайловичем традиция совмещения функций личной канцелярии монарха и органа государственной безопасности оказалась устойчивой, и в дальнейшем ей следовали и другие представители новой династии. Эта черта наглядно демонстрирует, сколь большое значение придавали Романовы защите своей власти и политическому сыску в целом. Со смертью Алексея Михайловича в 1676 г. и вступлением на престол царя Федора Алексеевича Приказ тайных дел был упразднен[35].

К сказанному следует добавить один малоизвестный факт. Подьячие Приказа тайных дел сопровождали российских послов во время их миссий в другие государства и воевод, когда последние отправлялись на войну. Там подьячие должны были следить за дипломатами и военачальниками и доносить об их словах и делах царю[36].

Биографии руководителей Приказа тайных дел

БАШМАКОВ Дементий Минич (год рождения неизв. – после 1700). Возглавлял Приказ тайных дел в 1656–1657, 1659–1664 и 1676 гг.

Служил в общей сложности в 16 приказах, пройдя путь от подьячего до думного дворянина. Впервые упоминается в источниках под 1653 г. в качестве подьячего приказа Большого Дворца, ведавшего снабжением царского двора и пополнением казны. Выделяясь своими способностями из общей массы приказных людей, Башмаков, по всей видимости, уже тогда обратил на себя внимание царя. В декабре 1654 г. становится дьяком при дворецком В.В. Бутурлине; в 1655 г. руководит Царской Мастерской палатой, в 1656 г. – приказом Большого Дворца. С 11 июля того же года становится дьяком Приказа тайных дел, незадолго до этого созданного царем (первоначально в качестве

своей личной канцелярии). Непрерывно занимал этот пост до 1657 г.; в 1658 г. служил в этом приказе под руководством окольничего Ф.М. Ртищева, а с 1659 по 1664 г. вновь возглавлял его.

В качестве руководителя органа политического сыска тайный дьяк Д.М. Башмаков распоряжался ссылкой дьякона Федора и знаменитого протопопа Аввакума, отправленных за приверженность «старой» вере в Угрешский монастырь. Как глава Приказа тайных дел и Сыскного приказа денежного дела в 1663 г. являлся активным участником денежной реформы 1654–1663 гг. и связанных с ней событий.

Ответом народа на спровоцированную властью финансовую катастрофу стал разразившийся летом 1662 г. так называемый Медный бунт. В появившихся в Москве прокламациях («воровских листах») были поименно указаны «изменники», повинные в народных бедствиях бояре И.Д., И.М. и И.А. Милославские, окольничие Ф.М. Ртищев, Б.М. Хитрово, дьяк Д.М. Башмаков, гости В.Г. Шорин, С. Задорин и др. Напуганный царь пообещал снизить налоги и провести расследование в отношении названных лиц. Однако вместо этого спешно стянул войска к своей резиденции в подмосковном селе Коломенском, и по его личному приказу началась расправа с восставшими. Около тысячи было убито, повешено или утоплено в Москве-реке. Несколько тысяч было арестовано, и следствие было поручено руководителю Приказа тайных дел Д.М. Башмакову.

Реформой постаралась воспользоваться в личных интересах часть приближенных к власти лиц, а также ее рядовые технические исполнители. По свидетельствам иностранцев, тесть царя И.Д. Милославский на государственных денежных дворах тайно отчеканил для себя медной монеты на 120 тысяч рублей. На несколько тысяч рублей было изготовлено медных денег для руководителя Новгородского денежного двора. «За денежное воровство» на Новом Московском денежном дворе была арестована половина мастеров. Наряду с ними действовали фальшивомонетчики. Только в «декабре месяце 1661 г. в Москве содержалось в темницах до 40 тайных литейщиков медных копеек». Возглавлять борьбу с этим злом, подрывавшим и без того шаткую систему денежного обращения, выпало на долю Башмакова. Из недр руководимого им Приказа тайных дел 12 августа 1663 г. появился царский указ о фальшивомонетчиках. Однако результаты следствия оказались незначительны: была схвачена лишь часть фальшивомонетчиков, рядовых мастеров и начальник Новгородского денежного двора, царский тесть остался безнаказанным.

Одновременно с Приказом тайных дел в 1658 г. Башмаков возглавлял Литовский приказ, в 1658–1659 гг.– Устюжскую четь. Во главе царской канцелярии и политического сыска оставался до мая–июня 1664 г.; с 23 мая этого года стал ведать Разрядным приказом – важнейшим государственным органом, занимавшимся комплектованием русской армии, денежными и поместными окладами, назначением на должности наместников, воевод, послов, судей, разбором наместнических споров. Был пожалован в чин думного дьяка и в этой должности сменил думного дьяка С.М. Заборовского. В июне 1670 г. переходит в Посольский приказ. Одновременно в 1670–1671 гг. возглавляет Владимирский, Галицкий и Малороссийский приказы. В 1672 г. в составе русского посольства едет в Польшу. В бумагах под 21 декабря 1674 г. упоминается как дьяк Челобитного приказа. В 1676 г. снова становится во главе Приказа тайных дел. Со смертью Алексея Михайловича приказ прекращает существование, и Башмаков контролирует ход его ликвидации. С 1676 по 1700 г. возглавляет Печатный приказ, получает чин печатника – хранителя государственной печати. Эта должность была чрезвычайно ответственной, так как печатник одновременно заведовал личной канцелярией царя. В 1676 г. снова назначается главой Разрядного приказа. После ликвидации Приказа тайных дел в 1677 г., после двухлетнего перерыва в 1680 г. руководит Сыскным приказом, продолжая оставаться печатником. С 1678 по 1680 г. возглавляет Казенный приказ (последний год одновременно с Сыскным); в 1681 г. занимается делами приказа Денежного сбора, в 1682 г. вновь становится во главе Казенного приказа. За долгую и безупречную службу правительство в

1682 г. жалует ему думное дворянство. Последний раз упоминается в источниках около 1700 г.

МИХАЙЛОВ Федор (годы жизни неизв.). Глава Приказа тайных дел в 1664–1672 гг. Впервые упоминается в источниках под 1656 г. в качестве дьяка Пушкарского приказа. Следующие два года руководит Иноземским приказом. С 1660 по 1664 г. – приказом Большой казны, затем 16 июля 1664 г. переводится в Приказ тайных дел, сменив на посту руководителя этого важнейшего государственного органа Д.М. Башмакова, и возглавляет его до августа 1672 г. На этот период приходится наиболее острая фаза конфликта между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном. Последний, став в 1652 г. главой Русской православной церкви, проводит широкомасштабное исправление церковных книг и обрядов по греческому образцу, заменяет двоеперстие при крестном знамении на троеперстие. Все это вызывает раскол среди народа и духовенства. Не ограничившись церковной реформой и унификацией культа, Никон активно вмешивается в мирские дела, выдвигает тезис «священство выше царства», пытается поставить духовную власть патриарха выше светской власти царя. В довершение от своего «государева» имени начинает рассылать грамоты воеводам, вмешивается в работу приказов и в дела внешней политики. Так, он склонял Алексея Михайловича к прекращению войны с Польшей и началу борьбы со Швецией за выход к Балтийскому морю. Рост недовольства в придворных и церковных кругах самовластием Никона привел к разрыву между ним и царем. В июле 1658 г. Никон оставляет патриаршество и уезжает из Москвы в Новоиерусалимский Воскресенский монастырь. Властолюбивый патриарх надеялся, что царь не сможет без него обойтись и будет умолять его вернуться, но обманулся в своих расчетах. Безрезультатно прождав несколько лет, Никон 18 декабря 1664 г. самовольно возвращается в столицу и пытается вновь занять патриаршье место, однако терпит провал. Царь повелевает дьяку Приказа тайных дел Михайлову начать следствие по делу бывшего главы церкви, в котором лично принимает участие. Когда розыск по делу Никона, его связях в Москве и переписке с единомышленниками был завершен и в Приказе тайных дел оказалось достаточно материалов, изобличающих Никона, в 1666–1667 гг. был проведен церковный собор, на котором иерархи церкви хотя и подтвердили проведенные Никоном церковные реформы, но лишили его сана патриарха. Никон был сослан в Ферапонтов Белозерский монастырь. Усердие Михайлова в этом чрезвычайно важном для государя деле было оценено, и когда в 1672 г. он перестал ведать Приказом тайных дел, был пожалован в думные дьяки и переведен в приказ Большого Дворца, который возглавлял до 1677 г.

ПОЛЯНСКИЙ Даниил (Иван) Леонтьевич (годы жизни неизв.). Руководитель Приказа тайных дел в 1672–1675 гг.
Хотя в источниках Полянский фигурирует под именем Даниила, на самом деле это было прозвище, а не его настоящее имя. Авторитетный «Дворцовый разряд» сообщает: «Иван Леонтьев сын Полянский, по прозвищу Данило». Государственную службу начал подьячим Приказа тайных дел в 1665 г. По-видимому, участвовал в розыске по делу патриарха Никона. Подьячим продолжает оставаться до августа 1672 г., когда сменяет Ф. Михайлова на посту руководителя Приказа тайных дел и получает чин дьяка. В 1675 г. в составе комиссий вел розыск по двум делам Арины Мусиной-Пушкиной, ее сына Ивана, известного сокольничего Зота Полозова, неких портных и жены Алексея Луговского, обвинявшихся в «великом государевом деле», а также дела о «слепой Феньке», «ведомой ворихе и ворожее», которую держал у себя боярин Ф. Куракин. Тайным дьяком остается по день смерти Алексея Михайловича 29 января 1675 г., когда вместе с ближними людьми приводит придворных к присяге новому государю. После упразднения первого отечественного органа госбезопасности Полянскому был пожалован чин думного дьяка, и в том же 1676 г. он назначается руководителем сразу пяти приказов: Хлебного (1676–

1678), Большого Прихода (1676), Сыскного (1676–1678), Стрелецкого (1676–1678, а также 1682) и Устюжской чети (1676–1678). Помимо этого, в 1681 г. руководит Судным приказом, в 1687–1690 гг. – Земским и в 1690 г. – Казенным приказами. Во время стрелецкого бунта в Москве в 1682 г. восставшие требовали его казни, однако ему удалось спастись.

РТИЩЕВ Федор Михайлович (1626–1673). Глава Приказа тайных дел в 1658 г.
Род Ртищевых ведет свое начало от Ослана-Челеби-Мурзы, выехавшего из Золотой Орды к князю Дмитрию Донскому в 1389 г. Сын татарского мурзы, Лев Прокопиевич получил прозвище Широкий Рот и стал основателем этого дворянского рода. Родившись в семье окольничего, Ф.М. Ртищев сделал служебную карьеру, но также прославился на ниве культуры и благотворительности. Раздав часть своего имущества бедным, жил отшельником в окрестностях Москвы. Слух о его благотворительности достиг Алексея Михайловича, который посетил отшельника и приблизил к себе. Благотворительностью Ртищев занимался и в более поздние времена. Во время голода в Вологде, не имея денег, продал свои одежды и драгоценные сосуды, а вырученные деньги раздал простому народу. Заслужил у современников прозвище «милостивого мужа».
Службу при царском дворе начал в чине стряпчего в 1645 г. С 1649 по 1655 г. руководит царской Мастерской палатой, получив в 1650 г. еще и должность постельничего. Являясь близким советником Алексея Михайловича, обладал большим влиянием на царя, которое значительно превышало его официально занимаемое положение. Принимает активное участие в проведении денежной реформы 1654–1663 гг., закончившейся Московским восстанием в июле 1662 г. В расклеенных перед началом Медного бунта прокламациях упоминался как один из «изменников», повинных в обрушившихся на народ бедствиях. В 1654–1655 гг. участвует в походах против Польши, в 1656 г. – против Швеции, организует лечение раненых – своих и противника, выполняет дипломатические поручения. В 1656 г. пожалован в чин окольничего и с этого года по 1664 г. руководит приказом Большого Дворца. После года руководства органом политического сыска в 1659 г. назначается ведать Лифляндским приказом. С 1664 г. по поручению Алексея Михайловича становится «дядькой» (воспитателем) десятилетнего царевича Алексея Алексеевича. После смерти воспитанника в 1670 г. Ртищев удаляется от дел и через три года умирает.
Окольничий сыграл заметную роль и в истории духовной жизни XVII в. Пользуясь покровительством царя Алексея Михайловича и патриарха Иосифа, Ртищев на месте своего отшельнического скита построил Спасо-Преображенский монастырь, в Москве при Андреевском монастыре открыл школу (так называемое Ртищевское братство), где «обучали языкам славянскому и греческому, наукам словесным до риторики и философии». Преподавали в нем приглашенные из Киева ученые монахи, которых основатель училища всемерно поощрял к переводам с греческого на славянский, а Епифания Славинецкого подвигнул составить славяно-греческий словарь. Школа стала основой знаменитой Славяно-греко-латинской академии.

Глава 3
Преображенский приказ

Хотя первый отечественный орган государственной безопасности – Приказ тайных дел – не пережил своего основателя, однако и после него политический сыск и наиболее ярко олицетворяющий его институт «слова и дела» остался в России в полной неприкосновенности. Время и вся обстановка правления Петра I – крупнейшего представителя династии Романовых, – когда на народные выступления наложилась

ожесточенная борьба в самом правящем классе, еще более настоятельно потребовали создания нового органа госбезопасности, чем это было при предшественниках на троне. После смерти Федора Алексеевича, старшего бездетного сына Алексея Михайловича, на престол в апреле 1682 г. был возведен Петр, сын царя от второго брака. Однако Милославские, родственники первой жены Алексея Михайловича, и царевна Софья, его дочь от первого брака, воспользовались восстанием стрельцов в Москве и уже в следующем месяце произвели государственный переворот. В мае 1682 г. по заранее составленному списку на глазах малолетнего царя были убиты его дяди по матери Афанасий и Иван Нарышкины, боярин А.С. Матвеев, некоторые другие знатные бояре из поддерживающей Петра партии. Увиденная им кровавая драма, судя по всему, нанесла серьезную психическую травму десятилетнему мальчику и обусловила припадки гнева и конвульсивное подергивание головы, неоднократно наблюдавшиеся у Петра в зрелом возрасте. Клан Нарышкиных был отстранен от власти, безраздельно доставшейся Софье Алексеевне, а Петр, отправленный правительницей вместе с матерью в почетную ссылку в подмосковное село Преображенское, был объявлен «младшим» царем при «старшем» царе – его старшем сводном брате Иване Алексеевиче, болезненном и неспособном к руководству государством. Шло время, Петр рос, и тем самым естественным образом исчезал единственный законный повод нахождения государственной власти в руках Софьи, заключавшийся в малолетстве ее сводного брата. Женитьба молодого царя в январе 1689 г. и его публичный скандал с сестрой в июле того же года подтолкнули Софью и ее окружение к решительным действиям. В том же месяце Ф. Л. Шакловитый, еще ранее назначенный правительницей думным дьяком Стрелецкого приказа, начал составлять заговор, в который попытался втянуть подчиненных ему стрельцов. Предполагалось убить Петра, зарезав его ножом на пожаре или бросив в него гранату, а Софью официально возвести на престол. Когда в августе 1689 г. Петр узнал о готовящемся заговоре, он поспешно бежал в Троице-Сергиев монастырь, куда начали стягиваться верные ему войска. Открытое вооруженное противостояние наглядно показало всем, что сила на стороне молодого царя, а не его сестры, которая в конечном итоге была вынуждена капитулировать и выдать своих сообщников. Шакловитого и других заговорщиков 7 сентября привезли к Петру в монастырь, где их допрашивала боярская следственная комиссия, подвергнувшая сторонников Софьи долгим и мучительным пыткам. В конце концов Шакловитый признался в заговоре и сделал это письменно, после чего через пять дней ему отрубили голову. Софья была заточена в Новодевичий монастырь, и вся полнота власти перешла к Петру.

Однако начатые царем крутые реформы породили во всех слоях русского общества, от самых высших до низших, массу недовольных. Это постоянное сопротивление, принимавшее то открытую, то скрытую форму, непосредственно угрожало власти, а подчас и самой жизни Петра I. После Азовских походов (1695–1696) возникает второй заговор против царя. Во главе его стоял думный дворянин И. Цыклер, посланный Петром руководить постройкой Таганрога и считавший это назначение незаслуженной опалой. К нему примкнул сокольничий А. Соковнин, возмущенный отправкой за границу двоих своих сыновей для учебы, и стольник Ф. Пушкин, недовольный назначением своего отца воеводой в Азов. Заговорщики установили контакт с некоторыми стрелецкими начальниками и донскими казаками, но 23 февраля 1697 г. заговор был раскрыт. Петр спешил за границу, куда отправлялся в составе Великого посольства, и поэтому следствие было проведено очень быстро – уже 2 марта Боярская дума приговорила главных заговорщиков к смертной казни. Однако на следующий год в Европе Петра настигает весть о вспыхнувшем Стрелецком мятеже. Причиной стало то, что стрельцов после тяжелого Азовского похода не отправили на отдых к семьям в Москву, на что они рассчитывали, а погнали к литовской границе. По пути в июне 1698 г. 2200 стрельцов взбунтовались и решили идти на столицу, чтобы свергнуть ненавистную власть и возвести на престол царевну Софью. Оставленные Петром управлять страной в его отсутствие

бояре спешно собрали верное царю восьмитысячное войско, которое под руководством А.С. Шеина встретило мятежников 17 июня у Воскресенского монастыря, в 50 верстах от Москвы. Переговоры ни к чему не привели, и при поддержке артиллерии правительственные войска разбили восставших. Шеин по горячим следам провел розыск и арестовал 254 наиболее активных участника мятежа, из которых 130 были немедленно казнены. Однако спешно вернувшийся из-за границы Петр остался недоволен результатами следствия. Подозревая более глубокие корни заговора и участие в нем ненавистных Милославских, царь распорядился возобновить следствие. 17 сентября 1698 г. начался знаменитый стрелецкий розыск, поразивший современников своей исключительной жестокостью. После допросов и изощренных пыток, в проведении которых активное участие принимал сам царь со своим ближайшим окружением, 1182 мятежника были казнены, а стрелецкие полки расформированы.

Кровавая расправа над стрельцами не могла сдержать протест народа против гнета государства, еще более усилившегося с началом Северной войны. Не выдержав издевательств властей, в 1705 г. восстали жители Астрахани, перебившие русских и иноземных чиновников и офицеров, находившихся в городе. Астрахань семь месяцев находилась в руках восставших; оттуда бунт перекинулся на другие волжские и прикаспийские города. 3 марта 1706 г. Астрахань была взята правительственными войсками, после чего начались массовые аресты, допросы и пытки. По подсчетам исследователей, 365 участников астраханского восстания погибли во время пыток или были казнены. Невыносимые условия труда и жизни систематически приводили к более мелким восстаниям: в 1698 г. – на Воронежских верфях, в 1705–1710 и 1715 гг. – на Олонецких заводах в Карелии, в 1720-х гг. – на московских мануфактурах, липецких и кузьминских заводах. В 1703 г. восстали крестьяне Предуралья и Поволжья, с 1705 по 1711 г. длился мятеж башкир. Но самым опасным оказалось Булавинское восстание, охватившее в 1707–1709 гг. обширные территории на юге России. Полуторогодовая борьба с правительственными войсками велась с переменным успехом, но в момент наивысшего подъема Булавинский мятеж охватывал территорию от Днепра до Волги. Силы повстанцев были столь значительны, что в условиях войны со Швецией Петр I был вынужден бросить против них 32-тысячную армию. Лишь после того, как изменники из казачьей старшины вероломно убили Булавина, начатое им восстание было потоплено в крови. Понятно, что в этих исключительно напряженных условиях царю был жизненно необходим эффективный орган политического сыска, который бы пресекал готовящиеся выступления против государственной власти и вел следствие по уже произошедшим мятежам. Этим органом стал Преображенский приказ.

Свое название приказ получил от села Преображенское, где в полуссылке провел детство будущий государь. Возник он в 1686 г. в виде Преображенской потешной избы, ведавшей Преображенским и Семеновским «потешными» полками – любимым детищем юного царя, а также занимавшейся обслуживанием резиденции Петра и его матери и частично выполнявшей функции царской канцелярии. Первоначально не имел сыскных функций, поскольку для расследования заговора Ф. Шакловитого Петр в 1689 г. создал специальный Приказ розыскных дел во главе с боярином Т.Н. Стрешневым. Молодой царь активно участвовал в допросах стрельцов, и один из важнейших документов следствия «Вопросные статьи» 1698 г. был записан под его диктовку. Однако после завершения расследования Приказ розыскных дел прекращает свое существование. Тем временем обретший фактическую власть Петр наделяет Преображенскую потешную избу полномочиями по набору даточных, снабжению, обучению войск и организации военных маневров. В этом качестве данный орган сыграл большую роль в осуществлении первой крупной военной кампании Петра I – Азовских походов. После резкого ограничения функций Стрелецкого приказа он стал ведать охраной порядка в столице, в том числе организацией караулов в Кремле. Помимо этого, начал осуществлять» и другое дело,

крайне важное для победившей партии: надзор за Новодевичьим монастырем, где находилась в заточении свергнутая сводная сестра Петра I.

В 1695 г. потешная изба переименовывается в Преображенский приказ. В конце следующего года, после Азовского похода, царь подписывает указ о передаче в ведение Преображенского приказа исключительного права следствия и суда по всем государственным преступлениям. Тем самым произошло законодательное закрепление функций политического сыска за одной организацией. Ее исключительные полномочия, ставящие данный орган над всеми другими приказами, были подтверждены петровским указом от 25 сентября 1702 г. В соответствии с этим документом за невыполнение распоряжений Преображенского приказа или любое вмешательство в сферу его деятельности глава этого ведомства имел право привлечь любое должностное лицо к административной или судебной ответственности, а за недостаточно быстрое и точное выполнение его указаний – наказать штрафом, битьем палками или заточением в острог. Понятно, что при подобных полномочиях находилось немного желающих перечить бессменному главе Преображенского приказа князю Ф.Ю. Ромодановскому, одно имя которого внушало страх и о жестокости которого ходили легенды. Когда он в 1717 г. умер, руководителем Преображенского приказа стал его сын Иван Ромодановский, возглавлявший приказ до его упразднения в 1729 г. (с 1725 г. он именовался Преображенской канцелярией). Штат Преображенского приказа состоял из двух дьяков и 5–8 подьячих. Для производства арестов, обысков, охраны и курьерской связи приказ использовал своих давних подшефных – солдат и офицеров Преображенского и Семеновского гвардейских полков.

Превращение Преображенского приказа из административного ведомства в центральный орган политического сыска произошло не одномоментно. Так, из сохранившихся 605 дел этого учреждения за 1696 г. лишь 5 относятся к категории «слово и дело государево». Вскоре, однако, положение изменилось, и все другие центральные учреждения начали регулярно присылать политические дела на рассмотрение в Преображенский приказ. За все время существования в нем было расследовано несколько тысяч политических дел, самая многочисленная группа из которых относилась к стрелецкому мятежу 1698 г. и астраханскому восстанию 1705–1706 гг. Царь активно участвовал в расследовании наиболее важных дел. Так, за период с 1700 по 1705 г. в делопроизводстве приказа отложилось более 50 вынесенных лично царем решений по политическим преступлениям. Сохраняя в действии Соборное Уложение 1649 г., Петр указом от 25 января 1715 г. конкретизировал сферу применения системы «слово и дело». С этого времени самому государю подданные должны были доносить, во-первых, о замысле против царя, во-вторых, об измене и, в-третьих, о казнокрадстве. Государственными преступлениями считались только дела «первых двух пунктов» и об оскорблении царской особы.

Наряду с политическим сыском Преображенский приказ занимался также контрразведывательной деятельностью. Под постоянным наблюдением его агентов находились, например, торговые города, куда прибывали иноземные купцы, выполнявшие нередко секретные задания правителей своих стран. Но наибольшее внимание уделялось иностранным посольствам, появлявшимся в Москве. Уже в ту эпоху не было большим секретом, что практически все они имели «особые поручения» в России.

Тем не менее почти 70% дел Преображенского приказа так или иначе касались расследования народных выступлений против постоянно усиливающегося государственного гнета. Такая генеральная направленность его деятельности сохранялась в неизменности вплоть до самой ликвидации приказа в 1729 г.

Предпринятая Петром коренная ломка всего прежнего уклада жизни порождала не только активное сопротивление народа, но и глухую оппозицию боярства и даже проникла в царскую семью. Сын Петра от первого брака Алексей совершенно не желал быть исполнителем начатых отцом реформ, которые считал пагубными для страны. Взаимоотношения отца и сына осложнялись тем, что Петр заточил Евдокию Лопухину,

мать Алексея, в Суздальский монастырь, а сам женился во второй раз на Екатерине, жаждавшей посадить на русский престол собственного сына. Царевич ненавидел и презирал свою мачеху, а она соответственно платила ему той же монетой. В конце концов Петр поставил сыну ультиматум – или активно содействовать начатым им преобразованиям, или отречься от прав на наследование престола и удалиться в монастырь. Опасаясь уже не только за будущую власть, но и за саму свою жизнь, царевич Алексей в 1716 г. бежал за границу. Его сообщник А. Кикин, бывший приближенный Петра, заранее договорился с австрийским императором, предоставившим наследнику русского престола тайное убежище. Узнав об исчезновении сына, Петр распорядился начать тщательные поиски его по всей Европе, и в конечном итоге, несмотря на тщательную конспирацию австрийского правительства, местонахождение беглеца было обнаружено. Вернуть сына царь поручил умному, но, по словам историка Я. Гордина, «вполне аморальному» и хитрому дипломату П.А. Толстому. Добившись от австрийского императора разрешения на свидание с царевичем, русский дипломат сумел уговорить Алексея вернуться на Родину, обещая ему полное отцовское прощение. Беглый сын был доставлен к отцу 31 января 1718 г., однако Петр, будучи уверен, что Алексей не дерзнул бы совершить в одиночку столь отчаянное дело, и подозревая за этим широко разветвленный заговор «бородачей» – ревнителей старины, в действительности и не думал прощать сына. Уже 3 февраля 1718 г. царь поручает капитан-поручику Г.Г. Скорнякову-Писареву начать следствие в отношении своей бывшей жены Евдокии Лопухиной, а на следующий день, 4 февраля, предлагает Алексею дать ответ на «пункты», написанные рукой Толстого. Поскольку Петр, судя по всему, не испытывал безоговорочного доверия к опытности Ивана Ромодановского, как это было по отношению к его незадолго до этого умершему отцу, то решил не поручать розыск по делу своего сына Преображенскому приказу и создал для этого новый орган политического сыска – Тайную канцелярию.

Биографии руководителей Преображенского приказа

РОМОДАНОВСКИЙ Иван Федорович (конец 1670 – 1730). Руководитель Преображенского приказа в 1717–1729 гг.

Служебную карьеру в сыскном ведомстве отца начал в сентябре 1698 г. во время кровавого следствия по Стрелецкому бунту. При жизни отца Ф.Ю. Ромодановского получает чин ближнего стольника и начинает восприниматься царем как полноправный наследник князя-кесаря. Когда осенью 1717 г. умирает его отец, И.Ф. Ромодановский подает царю челобитную, в которой просит не оставить его монаршими милостями, а главное – батюшкиным служилым наследством. Просьба была удовлетворена.

Но характером новый глава Преображенского приказа сильно отличался от своего кровавого родителя. По природным склонностям Ю.Ф. Ромодановский во время следствия достаточно редко прибегал к пыткам. Очевидно, отчасти поэтому Петр I поручил розыск по делу обвиненного в измене царевича Алексея не Преображенскому приказу, а специально созданному органу государственной безопасности. Почувствовав слабые стороны нового руководителя политического сыска, другие ведомства пытаются урезать в свою пользу имеющиеся у него полномочия, а то и вовсе подчинить. Особенно усердствовали Юстиц-коллегия и Сенат. Но передача любого дела из Преображенского приказа в Сенат – высший государственный орган Российской империи, учрежденный в 1711 г., – была возможна лишь в одном случае: если на бумаге стояла личная подпись царя.

Наряду с Преображенским приказом Ромодановский наследовал и звания своего отца, и в том же 1717 г. вместе с назначением на должность Петр даровал ему титул «князя-кесаря Вашего Величества», а при посещении им Северной столицы в знак особого уважения лично встречал его за городом со свитой. Подобное уникальное положение закрепляется женитьбой Ромодановского на Анастасии Федоровне Салтыковой, родной сестре царицы

Прасковьи Федоровны, жены царя Иоанна Алексеевича. Поддерживая начавшуюся с его отца традицию, Петр I часто посещает дом нового князя-кесаря, а в 1719 г. приглашает на свой флагманский корабль, где принимает с исключительным почетом, салютуя ему 15 пушечными залпами всех кораблей флотилии. Когда война со Швецией наконец закончилась в 1721 г. Ништадтским миром, то, начиная празднование этого события в Петербурге, Петр 14 сентября после благодарственного молебна в церкви Св. Троицы «тотчас отправился к князю Ромодановскому, как князю-кесарю, и объявил ему о заключенном мире». Помимо руководства делами политического сыска, новый князь-кесарь в 1719–1724 гг. являлся главным начальником Москвы, ведавшим управлением старой столицей.

После смерти Петра I в 1725 г. при Екатерине I Ромодановский сохраняет свое прежнее положение, но перестает носить титул князя-кесаря, кажущегося неподобающим новой императрице, чьи права на русский престол были далеко не бесспорны. Взамен он производится в действительные тайные советники – второй гражданский чин по Табели о рангах, введенной Петром I в 1722 г. Продолжая заведовать Преображенским приказом, он считался с одной лишь императрицей, что закономерно вызывало недовольство Сената и других высших государственных структур. Однако под конец жизни Ромодановского, страдавшего «каменной болезнью», это руководство было чисто формальным, и с конца 1726 г. всеми делами в этом органе государственной безопасности руководит его помощник А.И. Ушаков. Когда же тот в 1727 г. попадает в опалу, фактическое руководство Преображенским приказом переходит к секретарю С. Патокину. В том же году к расследованию политических дел подключается Сенат.

Несмотря на то что руководство И.Ф. Ромодановского политическим сыском в последний период его жизни носит во многом номинальный характер, власть продолжает жаловать его. В 1726 г. Екатерина I награждает его орденом Св. Андрея Первозванного, а когда после ее смерти на престол в 1727 г. восходит Петр II, то на другой день Верховный тайный совет уведомляет Ромодановского об оставлении его в звании генерал-губернатора Москвы и поручает привести жителей старой столицы к присяге новому государю. Указом Верховного тайного совета ему подчиняется московская полиция. После смерти внука Петра I от оспы на престол Российской империи вступила Анна Иоанновна, в 1730 г. пожаловавшая Ромодановскому звание сенатора. Однако тот был уже настолько болен, что не смог даже прибыть в Сенат.

РОМОДАНОВСКИЙ Федор Юрьевич (ок. 1640–1717). Руководитель Преображенского приказа (до 1695 г. – Преображенской потешной избы) в 1686–1717 гг.

Родоначальником фамилии Ромодановских считается живший во второй половине XV в. князь Василий Федорович Стародубский-Ромодановский, потомок Рюрика в 16-м колене. Хотя его потомки уже с XVI в. упоминаются в перечне знатных лиц, настоящее возвышение рода началось при царе Алексее Михайловиче. Сам Федор Юрьевич последовательно состоял ближним стольником при царях Алексее Михайловиче, Федоре, Иоанне и Петре Алексеевичах. Во время празднования при дворе в 1672 г. рождения Петра, в числе девяти дворян, приглашенных в Грановитую палату, князь Ф.Ю. Ромодановский упоминается на первом месте. В 1675 г. пожалован в боярское достоинство.

В подмосковном государевом селе Преображенском, куда отправляется при правительнице Софье временно потерпевший поражение клан Нарышкиных, князь Ромодановский с середины 1680-х гг. примыкает к кружку молодых сподвижников Петра. Он уже тогда сумел предугадать, кому в конечном итоге достанется победа в схватке за власть. С 1686 г. становится бессменным руководителем Преображенского приказа, первоначально обслуживавшем небольшой двор Петра I и его матери Натальи Кирилловны, а с началом формирования Преображенского и Семеновского «потешных» полков стал ведать и этим занятием юного государя, страстно обожавшего «марсовы

игры». В сложившейся вокруг будущего преобразователя России «потешной» компании Ромодановский, уже зрелый боярин, занимает почетное первое место. Для окружающих, не исключая и Петра, Ромодановский является «государем», «царем Прешбургским», «генералиссимусом Фридрихом», королем и «князем-кесарем Всепьянейшего собора». Наравне со всеми с показным смирением Петр демонстративно отбивает ему поклоны, благодарит за награды, пишет челобитные, в которых именует «Вашим пресветлым царским величеством», а себя – Петрушкой Алексеевым или «всегдашним рабом и холопом Piter(ом)». Следует отметить, что «перевернутая» модель отношений царя из новой династии Романовых с потомком Рюрика выходит за пределы маскарадов и Всепьянейшего собора: звание князя-кесаря становится официальным титулом Ромодановского, переданным им по наследству сыну, и все высшие чины (полковника в 1706 г., генерал-поручика и шаутбенахта (контр-адмирала) в 1709 г., вице-адмирала в 1714 г.) жалуются Петру I именно им. Неизменное уважение оказывалось монархом своему подданному и в быту. Ромодановский жил в Москве около Каменного моста на Моховой улице, и никто не смел въезжать к нему во двор. Сам Петр оставлял свою одноколку у ворот княжеского двора, на столбах которого красовался родовой герб Ромодановских.

В качестве командира Преображенского полка Ромодановский активно участвует во всех «потешных» походах Петра, руководит строительством на Переяславском озере первого русского военного корабля и назначается царем адмиралом. Заведуя как глава Преображенского приказа материальным обеспечением маневров, вносит немалый вклад в военно-техническое снаряжение первой настоящей боевой операции Петра I. На все время отсутствия царя в Москве в период Азовских походов 1695–1696 гг. власть в стране и столице фактически передается в руки князя-кесаря. Подобная ситуация повторяется во время пребывания Петра за границей в составе Великого посольства. В конце 1696 г. царь превращает возглавляемый Ромодановским Преображенский приказ в единственный орган политического сыска, наделив его исключительным правом следствия и суда по государственным преступлениям. Текст соответствующего документа не сохранился, но его суть восстанавливается по именному царскому указу от 25 сентября 1702 г., подтверждавшему исключительные права князя-кесаря в этой сфере: «Буде впредь на Москве и в Московский судный приказ учнут приходить каких чинов нибудь люди или из городов воеводы и приказные люди, а из монастырей власти присылать, а помещики и вотчинники приводить людей своих и крестьян; а те люди и крестьяне учнут за собой сказывать Государево слово и дело, – и тех людей в Московском судном приказе не расспрашивая, присылать в Преображенский приказ к стольнику ко князю Федору Юрьевичу Ромодановскому». Одновременно царь освобождает Преображенский приказ от рассмотрения обычных уголовных дел. Историк XIX в. Д.Н. Бантыш-Каменский писал: «Князь Федор Юрьевич Ромодановский был человек нрава жестокого, не знал, как милуют. Вид его, взор, голос вселял в других ужас. Воров Ромодановский вешал за ребра». Бьющая через край жестокость сподвижника подчас возмущала даже Петра, отнюдь не склонного к излишней гуманности.

Уезжая инкогнито в составе Великого посольства в 1697–1698 гг. и надолго оставляя страну, Петр I не колеблясь вверяет охрану престола на время своего отсутствия князю-кесарю. Формально для этого была образована комиссия из боярина Л.К. Нарышкина, князей П.И. Прозоровского, Б.А. Голицына, Т.Н. Стрешнева и ближнего стольника Ф.Ю. Ромодановского, который назначался главой совета и наместником Москвы. Находясь за границей, Петр получает известие о разразившемся в июне 1698 г. Стрелецком мятеже и ответных действиях властей. Почувствовав смертельную угрозу своей власти, в которой он по старой привычке подозревал царевну Софью и «семя Милославских», Петр, оставив инструкции для Великого посольства, с немногочисленной свитой в пяти колясках мчится из Вены в Россию. В Кракове он получает письмо из

Москвы, где говорится, что бунтовщики разбиты, мятеж подавлен, зачинщики восстания казнены, остальные взяты под стражу.

Следует сказать, что в обстановке реального, а не вымышленного бунта фактический правитель страны на время отсутствия царя, Ромодановский, оказался не на высоте положения. Вершивший следствие и расправу боярин А.С. Шеин, по мнению царя, провел дело излишне мягко – из более чем 2 тысяч мятежных стрельцов казнено было всего 130, остальные сосланы в отдаленные места. В сентябре 1698 г. под личным руководством Петра начался страшный стрелецкий розыск. Для допросов и пыток такого большого числа обвиняемых было образовано 10 возглавлявшихся боярами следственных комиссий, подчиненных главе Преображенского приказа. Старавшийся загладить вину Ромодановский свирепостью розыска превзошел всех и под пытками быстро вырвал у стрельцов сведения об их замыслах и связях с заточенной Софьей. Цели своей он достиг – Петр вернул свое доверие главному палачу страны. В 1705–1706 гг. глава Преображенского приказа провел крупномасштабный розыск о «ворах» в Астрахани и на Дону, также сопровождавшийся жестокими пытками, в 1706 г. – дело об украинском изменнике Мазепе. Во время последнего князь-кесарь опять оказался не на высоте положения. Произошло следующее. В сентябре 1707 г. в Преображенский приказ явился иеромонах Никанор, посланный генеральным судьей Левобережной Украины В.Л. Кочубеем предупредить царя о замыслах украинского гетмана Мазепы изменить Москве и переметнуться на сторону шведского короля Карла XII. Однако князь-кесарь, посчитав это известие надуманным, не придал ему значения. Тем не менее понимавший реальную опасность заговора Мазепы монах Никанор еще раз явился к Ромодановскому. Назойливого посетителя вновь допросили, заковали в цепи и отправили в ссылку, а верного России Кочубея выдали Мазепе. В июле 1708 г. гетман отрубил генеральному судье голову, а в октябре перешел на сторону шведского короля, вторгшегося в пределы русского государства.

Помимо заведования политическим сыском Ромодановский исполнял целый ряд других обязанностей. Поскольку исход Северной войны во многом определялся количеством и качеством артиллерии, Петр поручил ему снабжение этого рода войск, рассчитывая на свойственные ему крутые меры. Как главный начальник старой столицы, князь-кесарь заботился и о ее благоустройстве: в 1703 г. ведал Аптекарским и Сибирским приказами. Но постепенно из-за преклонного возраста и с выдвижением плеяды более молодых и энергичных сподвижников Петра отходит на второй план, оставив в своих руках лишь одно детище – Преображенский приказ, которым руководил до самой своей смерти. Данный факт красноречиво свидетельствует об искренней и нелицемерной приверженности князя-кесаря к делу политического сыска.

Глава 4
Тайная канцелярия

Тайная канцелярия была образована в феврале 1718 г. в Москве как временный следственный орган по делу царевича Алексея, однако после переезда в Петербург, где она разместилась в Петропавловской крепости, 20 марта этого же года была преобразована в постоянное ведомство. Поскольку следствие по делу царского сына было поручено П.А. Толстому, выманившему царевича из-за границы, костяк сотрудников нового учреждения составил небольшой штат помощников этого дипломата. Однако круг подозреваемых по делу царевича оказался достаточно широк, поэтому Петр укрепил руководство Тайной канцелярии своими доверенными лицами. Помимо Г.Г. Скорнякова-Писарева, ведшего следствие по делу матери Алексея, в него вошли гвардии майор А.И. Ушаков, приданный в помощь Толстому, и находившийся в Петербурге генерал

И.И. Бутурлин, принявший в марте 1718 г. присланные из Москвы все бумаги по делу царевича. Эти четверо и составили руководство нового органа государственной безопасности.

В 1718–1720 гг. руководители Тайной канцелярии назывались «министрами», в начале 1720-х гг. – «судьями», иногда их именовали «инквизиторами». Формально все четверо «министров» были равны, однако главным среди них, безусловно, являлся П.А. Толстой. Помогавший им штат был весьма немногочислен: секретарь, 6 канцелярских служащих и необходимое количество заплечных дел мастеров. Тайная канцелярия стала первым в отечественной истории узкоспециализированным органом, целиком сосредоточившимся на вопросах политического сыска и ни на какие другие посторонние дела не отвлекавшимся.

С марта по август 1718 г. Тайная канцелярия занимается исключительно делом царевича Алексея, и на протяжении этого периода ее фактическим руководителем является сам Петр. Под его началом следствие было проведено достаточно быстро, широко и досконально. В беседе с Толстым царь сразу очертил круг подозреваемых: «Когда б не монахиня (насильно постриженная его первая жена Евдокия Лопухина. — Прим. авт.), и не монах (епископ Ростовский Досифей. — Прим. авт.), и не Кикин, Алексей не дерзнул бы на такое неслыханное зло. Ой, бородачи! многому злу корень старцы и попы; отец мой имел дело с одним бородачом (патриархом Никоном. — Прим. авт.), а я с тысячами». Действительно, через своего личного духовника Якова Игнатьева, близкого друга епископа Досифея, царевич поддерживал связь с заточенной в Суздальский монастырь матерью. Следствие установило, что кружок приближенных Алексея в сношениях между собой пользовался конспиративными кличками и шифрованной перепиской. Поскольку все эти люди никакого реального влияния не имели и тайнопись была для них наполовину игрой, то гораздо более опасной была деятельность А.В. Кикина – бывшего сподвижника Петра, пойманного царем на воровстве и после наказания примкнувшего к кружку царевича, став главным советчиком наследника. Именно этот человек был инициатором и организатором бегства Алексея в Австрию, и от него тянулись более чем подозрительные нити к лицам, обладавшим действительной военной и административной властью. При аресте у Кикина были найдены «цифирные азбуки» для переписки с князем В.В. Долгоруким, князем Г.Ф. Долгоруким, князем Я.Ф. Долгоруким, генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным, фельдмаршалом Б.П. Шереметевым, дипломатом С.В. Рагузинским, А. Волковым и А. Веселовским.

Для получения подробных признаний царь не остановился перед пыткой сына. Так, например, с 19 по 24 июня 1718 г. Алексея шесть раз подвергали пыткам в каземате Петропавловской крепости, причем в первый день пытали дважды – с полудня до часа и с 6 до 9 вечера. Под пыткой у него удалось вырвать признание, что ради захвата власти царевич готов был даже согласиться на австрийскую интервенцию в пределы Отечества.

Собранные в ходе следствия доказательства были представлены Верховному суду из генералитета, сенаторов и Синода, который 24 июня 1718 г. приговорил сына Петра I к смертной казни. По официальной версии, царевич Алексей скончался в Петропавловской крепости от апоплексического удара, а по ходившим тогда слухам, был задушен, отравлен или забит насмерть кнутом. Хотя этот самый громкий процесс Петровской эпохи и закончился казнью главного виновника и его ближайших помощников, тем не менее, по мнению некоторых исследователей, Петр намеренно не стал доводить расследование до логического конца, поскольку уже имеющиеся материалы указывали на весьма широкий крут высокопоставленных лиц, которые если и не состояли непосредственно в заговоре, то были в той или иной степени оппозиционно настроены по отношению к Петровским реформам.

Поскольку в качестве центрального органа государственной безопасности в России уже существовал Преображенский приказ, то по окончании дела царевича Алексея Тайную канцелярию должны были бы упразднить, однако Петр решил по-иному. Сразу по

завершении процесса царь 8 августа 1718 г. поручает Толстому расследование «адмиралтейского ревельского дела» – дела о грандиозных хищениях по военно-морскому ведомству в Ревельском порту. В том же году Тайная канцелярия проводит несколько важных процессов, относящихся к категории «слово и дело» в трактовке царского указа от 26 января 1715 г. («трех пунктов»): уголовное дело фаворитки Петра Марии Гамильтон, укравшей царские драгоценности; о злоупотреблениях в Астрахани; группу дел, «касающихся к расколу»; дело по доносу Зверева на майора Фуникова по расхищению им казенных денег и имущества; о краже корабельных лесов на Днепре; дело поручика Друккерта, подделавшего подпись и печать А.Д. Меншикова; об обвинении русского посла в Польше Г.Ф. Долгорукова в измене и взяточничестве и ряде других «тайных дел». Сложившийся параллелизм в деятельности двух органов госбезопасности был закреплен Петровским указом от 28 апреля 1722 г., предписывавшим местным властям направлять все дела о государственных преступлениях в Преображенский приказ или Тайную канцелярию. Судя по всему, решающую роль в этом дублировании сыграл географический фактор. С одной стороны, Петр рассматривал Москву центром крамолы против всех его начинаний и не считал возможным вывести из старой столицы Преображенский приказ, но с другой – царю был необходим и орган политического сыска, что называется, «под рукой», в Санкт-Петербурге.

Хотя с завершением дела царевича Алексея Петр и перестает быть фактическим главой Тайной канцелярии, тем не менее он не обходит ее своим вниманием. О том, сколь важную роль придавал первый русский император политическому сыску, наглядно свидетельствует тот факт, что начиная с 25 ноября 1716 г. Петр специально выделял один день в неделю (понедельник), когда приезжал в располагавшуюся в Петропавловской крепости Тайную канцелярию и самым внимательным образом вникал во все ее дела, оказывая решающее влияние на ведение следствия и вынесение приговоров. Тем не менее основной объем работы по-прежнему приходился на Преображенский приказ. С 1719 по 1724 г. это ведомство рассмотрело 1363 дела, а Тайная канцелярия за этот же период – лишь 280. При Екатерине I в Тайную канцелярию вообще поступило 3–4 дела.

В 1722 г. в работе Тайной канцелярии перестал участвовать И.И. Бутурлин, а со следующего года и Г.Г. Скорняков-Писарев. Таким образом, в последние три года ее существования органом политического сыска в новой столице руководили вдвоем П.А. Толстой и А.И. Ушаков. Первый тяготился навязанной ему Петром ролью заплечных дел мастера и изыскивал лишь благовидный предлог, чтобы отказаться от должности инквизитора. В конце царствования Петра ему удалось убедить государя издать указ о том, чтобы Тайная канцелярия вновь присылаемых заключенных и дел больше не принимала. Однако что-то в тот раз не заладилось, и окончательно убедить закрыть подчиненное ему ведомство Толстому удалось лишь вдову Петра I. 28 мая 1726 г. Екатерина I подписала указ, упразднявший Тайную канцелярию и передававший все ее дела в Преображенский приказ, который вновь становился единственным органом государственной безопасности Российской империи.

Потребность иметь политический сыск и в Петербурге побудила Екатерину I уже в мае 1727 г. привлечь к решению этой задачи Сенат, который, действуя параллельно с Преображенским приказом, должен был расследовать преступления против государства, совершавшиеся в Северной столице и ближайших к ней губерниях. Когда во время кратковременного правления Петра II, сына царевича Алексея, в 1729 г. был ликвидирован Преображенский приказ, то разбирательство всех политических преступлений было поручено двум высшим органам – Верховному тайному совету и Сенату. Однако затея эта была явно непродуманной, и деятельность обоих органов, быстро заваленных делами о «слове и деле государевом», была частично парализована. Уже летом 1729 г. стали поступать жалобы, что из-за ликвидации Преображенского приказа «в Сенате в делах затруднение происходит». Со смертью Петра II в 1730 г. пресеклась мужская ветвь династии Романовых, в стране возник острый династический и

политический кризис. На российский престол в конечном итоге была выбрана племянница Петра I Анна Иоанновна, жившая в Курляндии. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Верховный тайный совет, в который входили представители старой и новой аристократии, предпринял шаги к введению в России конституционной монархии и потребовал от новой императрицы подписать «кондиции», существенно ограничивающие ее власть. Однако испугавшееся угрозы установления власти олигархии дворянство выступило против Верховного тайного совета, и, опираясь на его поддержку, Анна Иоанновна разорвала подписанные ею кондиции и жестоко расправилась с их «верховниками».

Обстановка напряженной политической борьбы в самом правящем классе Российской империи, сопровождавшей вступление императрицы Анны Иоанновны на престол, вновь показала актуальность понятия «государственное преступление». Манифестом от 4 марта 1730 г. новая правительница распустила Верховный тайный совет, а указом от 10 апреля конкретизировала понимание «первых двух пунктов», составлявших с 1715 г. конкретную сущность «слова и дела». Первый пункт теперь касался тех лиц, «кто какие умышления учнет мыслить на наше императорское здоровье, злое дело или персону и честь нашего величества злым и вредительным поносить»; второй пункт следовало применять в тех случаях, «буде кто за кем подлинно уведает бунт или измену против нас и государства». За недонесение или ложный донос власть вновь сулила жестокое наказание и смертную казнь, а за правильный донос – царскую милость и вознаграждение. Из Курляндии Анна Иоанновна привезла с собой ближайшее окружение во главе с фаворитом Бироном, всячески покровительствовавшим своим соплеменникам. Началось мрачное время немецкого засилья, получившего меткое название «бироновщины». Иноземное влияние при дворе вызывало протест не только в простом народе, но и среди патриотично настроенной части правящего сословия. Для охранения своей самодержавной власти новая императрица через год после воцарения поспешила воссоздать специализированный орган политического сыска – Канцелярию тайных розыскных дел[37].

Отдельно следует отметить, что иногда Тайная канцелярия занималась делами, связанными с иностранным шпионажем. Так, в 1732 г. в шпионаже подозревался некий грек. Чем закончилось следствие – неизвестно. В 1756 г. под подозрение попали миссионер Валькруассан и барон Будберг. В 1761 г. генерала Тотлебена заподозрили «в сношениях его с прусскими». В январе 1762 г. «Тайная Канцелярия вела большое дело о шпионстве, открытом в наших войсках в Пруссии»[38].

Биографии руководителей Тайной канцелярии

БУТУРЛИН Иван Иванович (1661–1738). «Министр» Тайной канцелярии в 1718–1722 гг.

Принадлежал к одному из древнейших дворянских родов, который вел происхождение от «мужа честна» легендарного Ратши, служившего Александру Невскому. Его потомок, живший в конце XIV в., звался Иван Бутурля и дал имя этому роду. И.И. Бутурлин начал карьеру в качестве спальника, а затем стольника молодого Петра I. Когда в 1687 г. юный царь учреждает свои потешные полки, он назначает Бутурлина премьер-майором Преображенского полка. Последний становится одним из самых преданных помощников царя в его борьбе за власть с правительницей Софьей. Вместе с Преображенским полком участвует в Азовских походах Петра I. В начале Северной войны со Швецией царь производит Бутурлина в генерал-майоры. Во главе Преображенского и Семеновского гвардейских полков он первым подошел к Нарве, осада которой окончилась разгромом русской армии шведами. Хотя руководимые им полки храбро сражались и вырвались из окружения, сам генерал был взят в плен, в котором провел девять лет.

Вернувшись в Россию в 1710 г., Бутурлин на следующий год получает под командование особый корпус, во главе которого защищает Украину от вторжения крымских татар и изменников-запорожцев, командует русскими войсками в Курляндии и Финляндии,

принадлежавшей в то время Швеции. За успешные действия против шведов Петр I в мае 1713 г. присваивает Бутурлину чин генерал-поручика; 29 июля 1714 г. принимает участие в знаменитом морском Гангутском сражении.

В 1718 г. генерал-поручик Бутурлин по решению царя вводится в число «министров» Тайной канцелярии, принимает активное участие в допросах и суде над царевичем Алексеем, подписывает наряду с остальными коллегами по политическому сыску смертный приговор. По окончании этого дела царь присваивает ему звание подполковника лейб-гвардии Преображенского полка. Несколько следующих лет он продолжает участвовать в работе Тайной канцелярии, но постепенно отходит от ее дел, и с 1722 г. его имя не встречается в документах этого органа государственной безопасности.

В ноябре 1719 г. Петр I назначает Бутурлина членом Военной коллегии, и в этой должности он вместе с другими подписывает 9 февраля 1720 г. положение об армии. В том же году во главе Преображенского и Семеновского гвардейских, Ингерманландского и Астраханского пехотных полков выступает в Финляндию, где под началом М.М. Голицына отличился в морском сражении при Гренгаме. В честь заключения Ништадтского мира, положившего конец Северной войне, Петр 22 октября 1721 г. производит Бутурлина в чин полного генерала. В 1722 г. прекращается его участие в работе Военной коллегии, однако он остается начальником над теми же четырьмя элитными полками, которыми командовал во время последнего похода в Финляндию. Эти четыре полка, сведенные в дивизию, были расквартированы в Санкт-Петербурге, и вскоре им предстояло сыграть решающую роль в истории России. Последнее крупное поручение, возложенное на него при жизни Петра I, было участие в комиссии, образованной для суда над «министром» Тайной канцелярии Г.Г. Скорняковым-Писаревым в 1723 г.

Первый русский император при жизни не успел назначить себе преемника. В отсутствие его ясно выраженной воли этот вопрос решался соратниками Петра. Как это происходило, великолепно описал В.О. Ключевский: «28 января 1725 г., когда преобразователь умирал, лишившись языка, собрались члена Сената, чтобы обсудить вопрос о преемнике. Правительственный класс разделился: старая знать, во главе которой стояли князья Голицын, Репнин, высказывалась за малолетнего внука преобразователя – Петра II. Новые неродовитые дельцы, ближайшие сотрудники преобразователя, члены комиссии, осудившей на смерть отца этого наследника, царевича Алексея, с князем Меншиковым во главе, стояли за императрицу-вдову... Вдруг под окнами дворца раздался барабанный бой: оказалось, что там стояли два гвардейских полка под ружьем, призванные своими командирами – князем Меншиковым и Бутурлиным. Президент Военной коллегии (военный министр) фельдмаршал князь Репнин с сердцем спросил: «Кто смел без моего ведома привести полки? Разве я не фельдмаршал?» Бутурлин возразил, что полки призвал он по воле императрицы, которой все подданные обязаны повиноваться, «не исключая и тебя», добавил он. Это появление гвардии и решило вопрос в пользу императрицы». Так была заложена основа традиции, действовавшей в истории России на протяжении всего столетия.

Оказавшись на краткий миг в роли «делателя королей», Бутурлин был щедро вознагражден императрицей, которую он, по сути дела, возвел на престол. Отдавая должное его роли в этом событии, Екатерина I поручила ему на похоронах своего покойного супруга нести корону Российской империи, которую он фактически ей доставил. Однако благоденствие его продолжалось недолго – лишь до конца правления императрицы, когда он вместе со всеми своими коллегами по Тайной канцелярии был втянут П.А. Толстым в заговор против планов А.Д. Меншикова сочетать браком свою дочь с внуком Петра I и возвести его на престол. Когда заговор был раскрыт, Бутурлин по воле светлейшего был лишен всех чинов и знаков отличия и сослан «на безвыездное жительство» в свое дальнее поместье. Не облегчило, но сильно ухудшило его положение последовавшее вскоре падение светлейшего, поскольку получившие доминирующее влияние на сына царевича Алексея князья Долгорукие отняли у него все поместья,

пожалованные Петром I, оставив лишь наследственное имение Крутцы во Владимирской губернии, где он провел остаток жизни. Бутурлин был награжден высшими российскими орденами Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского.

СКОРНЯКОВ-ПИСАРЕВ Григорий Григорьевич (год рождения неизв. – ок. 1745). «Министр» Тайной канцелярии в 1718–1723 гг.

Род Скорняковых-Писаревых ведет начало от польского выходца Семена Писаря, которого великий князь Василий Васильевич пожаловал поместьем в Коломенском уезде. Г.Г. Скорняков-Писарев впервые упоминается в официальных документах с 1696 г. в качестве рядового бомбардира. По всей видимости, он сумел обратить на себя внимание государя своей сообразительностью и на следующий год был отправлен в Италию на обучение, сопровождая князя И. Урусова. Находясь в составе Великого посольства за границей, Петр I распорядился переместить Скорнякова-Писарева в Берлин, где тот овладел немецким языком, а затем изучил математику, механику и инженерное дело. По возвращении в Россию царь поручает ему обучение бомбардиров во вверенной ему роте, и этим делом он занимается на протяжении 20 лет. Молодой преображенец доблестно проявляет себя при осаде Нарвы в 1700 г., и Петр производит его в прапорщики. Когда в 1704 г. А.Д. Меншиков выбывает из числа офицеров бомбардирской роты Преображенского полка, то на его место назначается Г.Г. Скорняков-Писарев, что свидетельствует о большом расположении к нему как царя, так и его любимца. Он входит в сравнительно узкий круг приближенных Петра и является одним из немногих «доверенных» офицеров, переписывающихся с монархом.

В качестве офицера действующей армии Скорняков-Писарев принимает участие во многих сражениях Северной войны со Швецией, в том числе и в решившей судьбу войны Полтавской битве, за умелое руководство артиллерией в которой производится в чин капитан-поручика. В эти же годы Петр I, который даже в самые напряженные моменты войны не забывал о задачах экономических преобразований России, поручает ему изучить возможность соединения каналами Днепра и Двины между собой и с рекой Ловатью. В связи с этим стоит отметить, что проектирование и строительство каналов становится второй специальностью Скорнякова-Писарева в Петровскую эпоху. Вслед за этим он отправляется в окрестности Смоленска на реку Касплю подготовить суда и организовать перевозку на них артиллерии и провианта для осадившей Ригу русской армии. От Риги в конце 1709 г. Скорняков-Писарев во главе своей бомбардирской роты был отправлен в Москву для участия в торжественном параде в честь Полтавской виктории, а в следующем году участвует в штурме Выборга. В неудачном Прутском походе Петра I против Турции в 1711 г. Скорняков-Писарев командует артиллерией в царском дивизионе, в 1712–1713 гг. – командует гвардейской артиллерией в продолжающейся войне со шведами, а в конце 1713 г. – всей артиллерией Северной столицы. Царь поручает ему организовать в Петербурге артиллерийскую школу для будущих навигаторов, получившую вскоре название Морской академии.

С началом дела царевича Алексея Петр I создает новый орган политического сыска – Тайную канцелярию. Показателен состав руководства этой новой структуры: помимо дипломата Толстого, выманившего «зверя» из-за границы, он целиком укомплектован гвардейскими офицерами Преображенского полка. Подобный шаг Петра был далеко не случаен – созданная им гвардия была тем учреждением, на которое он мог смело положиться и откуда черпал руководящие кадры для самых разнообразных поручений. Гвардейцу Скорнякову-Писареву царь доверяет самую деликатную часть следствия, касающуюся его бывшей жены Евдокии Лопухиной.

Помимо этого, «бомбардир капитан» участвовал в следствии и суде над царевичем Алексеем, подписав с другими судьями сыну Петра I смертный приговор. Скорняков-Писарев был в числе лиц, выносивших гроб с его телом из церкви. Нечего и говорить, что после завершения столь важного для Петра I дела на него, как и на остальных

«министров» Тайной канцелярии, пролился дождь монарших милостей. Скорнякову-Писареву 9 декабря 1718 г. «...за верные труды в бывшем тайном розыскном деле» был пожалован чин полковника и двести крестьянских дворов. По окончании дела царевича Алексея Скорняков-Писарев остается служить в Тайной канцелярии.

Наряду со службой по ведомству политического сыска царь возлагает на оправдавшего его доверие полковника ряд новых поручений. В декабре 1718 г. Скорнякову-Писареву вменяется в обязанность надзор за строительством Ладожского канала, в январе 1719 г. он назначается директором петербургской Морской академии, в мае получает поручение устроить «бечевник» – водный путь от Ладоги по Волхову и Мете, чтобы по этим рекам «везде можно было водить суда лошадьми до пристани» и т.д. Наконец, в ноябре того же 1719 г. его попечению вверяются псковская, ярославская и новгородская школы при архиерейских домах вместе с московской и новгородской школами навигаторов. Однако на этот раз бывший бомбардир не оправдал царских надежд. Человек суровый и жестокий, великолепно подходивший для работы в застенке, он оказался неспособным наладить учебный процесс.

Крайне медленно продвигалось и вверенное ему строительство Ладожского канала, который за четыре года работ к 1723 г. был проложен всего на 12 верст. Петр I лично осмотрел произведенные работы и по итогам ревизии снял Скорнякова-Писарева с руководства строительством. Чуть раньше между Скорняковым-Писаревым и вице-канцлером Шафировым произошло скандальное выяснение отношений в Сенате, что вызвало сильнейший гнев Петра I против обоих участников ссоры. Однако благодаря заступничеству светлейшего князя А.Д. Меншикова за своего бывшего подчиненного по Преображенскому полку он понес сравнительно легкое наказание в виде понижения по службе. Параллельно с этим он был отстранен от дел в Тайной канцелярии. Опала длилась недолго, и в мае 1724 г. Скорняков-Писарев особым указом был прощен, однако Петр I так и не забыл проступков своего бывшего любимца. Тем не менее, когда первый российский император умер, во время его похорон полковник Скорняков-Писарев наряду с другими наиболее приближенными покойного монарха нес его гроб.

Когда влияние Меншикова на Екатерину I становится решающим, звезда его бывшего подчиненного пошла было вверх, и по настоянию светлейшего он получает чин генерал-майора. Однако в 1727 г. Скорняков-Писарев дал себя Толстому втянуть в заговор и под его влиянием выступает за переход трона Российской империи к Елизавете Петровне и против свадьбы дочери Меншикова с царевичем Петром Алексеевичем (будущим императором Петром II). Заговор был очень быстро раскрыт, и светлейший не простил своему бывшему протеже черной неблагодарности. Скорняков-Писарев был наказан суровее большинства других заговорщиков: помимо лишения чести, чинов и имения был бит кнутом и сослан в Жиганское зимовье, откуда до ближайшего города Якутска было целых 800 верст. Однако находиться в якутской ссылке пришлось сравнительно недолго. Как известно, в царствование Екатерины I была снаряжена 1-я Камчатская экспедиция Беринга. По возвращении из экспедиции мореплаватель подал в правительство доклад, где, в частности, предлагал учредить Охотское управление и построить порт в устье реки Охоты. Это предложение было одобрено, и поскольку дальневосточная окраина империи испытывала острый дефицит в образованных руководителях, Беринг указал на Скорнякова-Писарева, «безо всякой пользы» для правительства сидевшего в Жиганском зимовье, как на человека, которому можно поручить эту задачу. Поскольку Петр II к этому времени уже умер и на престол вступила Анна Иоанновна, эта идея не вызвала возражений, и 10 мая 1731 г. последовал указ о назначении ссыльного Скорнякова-Писарева командиром в Охотск. Россия уверенно начинала осваивать побережье Тихого океана, и в этот процесс внес свою посильную лепту бывший петровский бомбардир, целых 10 лет руководивший портом на Охотском море.

Положение бывшего «министра» Тайной канцелярии круто меняется с воцарением Елизаветы Петровны. Она не забыла своих давних сторонников, пострадавших при

попытке добыть ей корону. 1 декабря 1741 г. подписывает указ об освобождении из ссылки Скорнякова-Писарева. Связь с Дальним Востоком в ту эпоху осуществлялась крайне медленно, и Охотска указ достиг только 26 июня 1742 г.
По возвращении в столицу Скорняков-Писарев получил чин генерал-майора, все свои ордена и имения. Последние известия о нем датируются 1745 г., и, очевидно, вскоре он умер.

ТОЛСТОЙ Петр Андреевич (1645–1729). «Министр» Тайной канцелярии в 1718–1726 гг.
Этот знаменитый дворянский род ведет начало от «мужа честна» Индроса, выехавшего в 1353 г. в Чернигов «из немецкей земли» с двумя сыновьями и дружиною. Крестившись на Руси, он получает имя Леонтия. Его правнук Андрей Харитонович переселяется из Чернигова в Москву при великом князе Василии II (по другим данным – при Иване III) и получает от нового сюзерена прозвище Толстого, ставшее фамилией его потомков. Начало возвышения этого рода приходится на царствование Алексея Михайловича. Умерший в 1690 г. отец Петра Андреевича, боярин Андрей Васильевич Толстой, был женат на Марии Ильиничне Милославской, сестре первой жены царя Алексея Михайловича. Родившийся в год воцарения Алексея Михайловича и в 1676 г. получивший «по отчеству» чин стольника, Петр Андреевич Толстой вместе со своим покровителем Иваном Милославским активно подготавливал Стрелецкий бунт 1682 г., отнявший власть у малолетнего Петра и передавший ее царевне Софье. В майские дни 1682 г. Толстой лично дал сигнал к началу Стрелецкого бунта, проскакав верхом вместе с племянником Милославского по Стрелецкой слободе, громко крича, что Нарышкины задушили царевича Ивана Алексеевича. Лично для себя от переворота Толстой ничего не получил и после смерти всесильного при правительнице Милославского в 1685 г. отдаляется от сторонников Софьи. Этим, сам того не подозревая, он предохраняется от последствий падения регентши через четыре года.
Хотя будущий руководитель Тайной канцелярии не пострадал, при очередном перевороте 1698 г., давшем всю полноту власти молодому Петру, он практически не имел никаких шансов сделать служебную карьеру при новом государе. Мало того, что он принадлежал к столь ненавистному для Петра «семени Милославских», так еще и своей ложью в 1682 г. положил начало восстанию стрельцов, нанесшему неизгладимую психическую травму маленькому Петру. Этого царь не забывал ему никогда.
При подобном отношении монарха для любого другого человека сделать в его царствование карьеру было бы попросту невозможно – но не для умного и изворотливого Толстого. Через своего родственника Апраксина он сближается со сторонниками Петра I и в 1693 г. добивается назначения воеводой в Великий Устюг.
Между тем Петр, отвоевав для России выход в Черное море, активно начинает строить флот. В ноябре 1696 г. он своим указом посылает 61 стольника за границу учиться навигаторскому искусству, т.е. уметь «владеть судном как в бою, так и в простом шествии». Подавляющее большинство будущих мастеров судовождения были отправлены на Запад насильно, ибо за ослушание царский указ грозил лишением всех прав, земель и имущества. В отличие от них 52-летний Толстой, гораздо старше других учеников по возрасту, понимая, что лишь изъявление желания изучать столь любимое Петром морское дело может в перспективе привести к царской милости, 28 февраля 1697 г. вместе с 38 стольниками выехал на учебу в Венецию (остальные направились в Англию). Он учится математике и морскому делу, даже несколько месяцев плавал по Адриатическому морю. Хотя настоящим моряком Толстой и не стал, однако близкое знакомство с заграничной жизнью сделало из него западника и убежденного сторонника Петровских реформ. В этом плане предпринятое путешествие, значительно расширившее его кругозор, не пропало даром. За время проживания в стране он достаточно хорошо выучил итальянский язык. Попутно у него, пращура великого писателя Льва Толстого, открывается недюжинный литературный талант, и он составляет дневник своих путешествий по Италии, переводит

на русский язык «Метаморфозы» Овидия, а впоследствии создает и обширное описание Турции.

Однако одного знакомства с западным образом жизни оказалось недостаточно, чтобы заслужить милость недолюбливающего его царя, и по возвращении в Россию он пребывает не у дел. Положение круто меняется, когда в апреле 1702 г. уже немолодой Толстой назначается первым постоянным русским послом в Константинополе, столице Османской империи. В тот момент это был самый тяжелый и ответственный пост всей российской дипломатической службы. Вступив в 1700 г. ради выхода к Балтийскому морю в опасную и затяжную войну со Швецией, Петр I жизненно нуждался в стабильном мире на южных границах России, поскольку войну на два фронта страна могла не выдержать. Предотвращать нападение Турции на Русь и был послан Толстой, «зело острый» ум которого и явную способность к интригам были вынуждены признавать даже его враги.

Несмотря на то что русское посольство в Константинополе было поставлено в крайне неблагоприятные условия, Толстой умудрялся добиваться успехов в исполнении возложенной на него миссии. Когда не помогали взятки и льстивые речи, русскому дипломату приходилось прибегать к интригам, в которых он был достаточно ловок. Ко всему добавлялись интриги французской дипломатии, самой влиятельной в Константинополе из европейских стран, которая, исходя из интересов своего государства, активно побуждала Турцию напасть на Россию. Колоссальные усилия посла не были напрасны – в момент решающей схватки со шведским королем Карлом XII в 1709 г. руки у Петра были развязаны, и он мог, не опасаясь удара с юга, сосредоточить все силы против главного врага.

Сокрушительный разгром шведской армии под Полтавой вызвал у турок, надеявшихся на поражение Петра и легкий захват Азова и юга Украины, взрыв ярости. Бежавших во владения султана Карла XII и изменника Мазепу встречали с небывалым почетом, и сразу же были двинуты войска к русским границам. Посол Толстой доносил канцлеру графу Г.И. Головкину из турецкой столицы: «Не изволь удивляться, что я прежде, когда король шведский был в великой силе, доносил о миролюбии Порты, а теперь, когда шведы разбиты, сомневаюсь! Причина моему сомнению та: турки видят, что царское величество теперь победитель сильного народа шведского и желает вскоре устроить все по своему желанию в Польше, а потом, не имея уже никакого препятствия, может начать войну и с нами, турками. Так они думают...» Однако Толстой в очередной раз справился со своей задачей, и уже в январе 1710 г. султан Ахмед III дает ему аудиенцию и торжественно вручает ратификационную грамоту, подтверждающую Константинопольский договор 1700 г.

Но находившийся на территории Турции шведский король не думал сдаваться. Забрав золото, вывезенное Мазепой, сделав крупные займы в Голштинии, в английской Левантийской компании и одолжив у турок полмиллиона талеров, Карл XII сумел перекупить турецких чиновников. Несмотря на все попытки Петра I и его посла сохранить мир, Великий диван высказывается за разрыв отношений с Россией, и 20 ноября 1710 г. Турецкая империя официально объявляет войну. Свое решение о войне османы дополнили актом, до которого не опускались и более дикие варварские племена, – арестом и заточением посла. В знаменитой тюрьме Пикуле, или, как ее еще называли, Семибашенном замке, он провел почти полтора года вплоть до заключения мира.

Сама эта война оказалась для России неудачной. Возглавляемая Петром I немногочисленная русская армия оказалась окруженной на Пруте превосходящими силами турецких войск. Царь был вынужден 12 июля 1712 г. подписать чрезвычайно невыгодный Прутский мирный трактат. Однако мир не наступил. Сославшись на то, что Петр I не исполнил всех своих условий мирного договора, султан 31 октября 1712 г. во второй раз объявляет России войну. Толстого опять арестовывают и бросают в Семибашенный замок, правда, на этот раз не одного, а в компании с вице-канцлером

П.П. Шафировым и Михаилом Шереметевым, сыном фельдмаршала Б.П. Шереметева, присланными царем в Турцию в качестве заложников по условиям Прутского договора. Султан, видя, что на этот раз Россия основательно готовится к войне на юге, не решился идти на вооруженный конфликт и в марте 1713 г. возобновил мирные переговоры. Для ведения их русских дипломатов освобождают из константинопольской тюрьмы. Турецкое правительство предъявляет ультимативные требования: Россия должна фактически отказаться от Украины и поселить там беглых приверженцев Мазепы, а также возобновить выплату дани крымскому хану. Русские послы отвергают эти унизительные требования. Их положение чрезвычайно осложняется тем, что канцлер Головкин в этот ответственный момент оставил русских дипломатов в Турции безо всяких инструкций. Шафиров и Толстой были вынуждены самостоятельно вести тяжелые переговоры, на свой страх и риск, отвергая или принимая условия турецкой стороны. Тем не менее новый мирный договор «по многим трудностям и поистине страхом смертельным» был наконец заключен 13 июня 1712 г., и Петр, ознакомившись с его условиями, одобрил результат напряженной работы своих дипломатов. Тяжелая 12-летняя служба Отечеству в турецкой столице для Толстого закончилась, и он смог наконец вернуться на родину.

Его богатый дипломатический опыт был немедленно востребован, и по приезде в Петербург Толстой назначается членом Совета по иностранным делам. Он принимает деятельное участие в выработке внешней политики России, в 1715 г. удостаивается чина тайного советника и теперь именуется «министром тайного чужестранных дел коллегия». В июле того же года ведет переговоры с Данией о занятии русскими войсками острова Рюген, необходимом для быстрейшего окончания Северной войны. В 1716–1717 гг. сопровождает Петра I в его новой поездке по Европе. В ходе ее в 1716 г. Толстой участвует в сложных переговорах с польским королем Августом: вдвоем с русским послом Б.Куракиным тайный советник ведет нелегкие переговоры с английским королем Георгом I, а в 1717 г. вместе с Петром посещает Париж и пытается наладить дружественные отношения с французским правительством. Там, за границей, в Спа 1 июня 1717 г. царь поручает Толстому самую трудную и ответственную в тот момент миссию – вернуть в Россию его бежавшего во владения австрийского императора сына. Законный наследник престола мог стать козырной картой в руках враждебных России сил, которые могли таким образом получить благовидный предлог для вмешательства во внутренние дела страны. Нависшую опасность следовало устранить любой ценой. То, что подобное щекотливое поручение было возложено Петром на Толстого, свидетельствует о высокой оценке царем его дипломатической ловкости и ума. После того как русская разведка установила точное местонахождение тщательно скрываемого от посторонних глаз царевича, Толстой 29 июля 1717 г. вручил австрийскому императору письмо Петра I, где говорилось, что его сын в данный момент находится в Неаполе, и от имени своего государя потребовал выдачи беглеца. Посол тонко намекнул, что разгневанный отец с войском может появиться в Италии, а на заседании австрийского тайного совета пригрозил, что стоящая в Польше русская армия может двинуться в принадлежавшую Австрийской империи Чехию. Оказанный Толстым нажим не прошел зря – русскому послу разрешили встретиться с Алексеем и согласились отпустить его, если он добровольно поедет к отцу.

Внезапное появление Толстого и сопровождавшего его Александра Румянцева в Неаполе, где царевич считал себя в полной безопасности, поразило Алексея как удар молнии. Посол вручил ему письмо Петра I, полное горьких попреков: «Мой сын! Что ты учинил? Ушел и отдался, яко изменник, под чужую протекцию, что не слыхано... Какую обиду и досаду отцу своему и стыд Отечеству своему учинил!» Далее Петр требовал от сына возвращения, обещая ему свое полное прощение. Для Толстого потянулись дни регулярных посещений беглеца, в длительных беседах с которым он, ловко перемежая увещевания и угрозы, убеждал Алексея в полной бессмысленности дальнейшего сопротивления отцовской воле, и настоятельно советовал повиниться перед Петром и

положиться на его милосердие, клятвенно заверяя его в отцовском прощении. Вряд ли проницательный Толстой питал какие-либо иллюзии относительно царской милости, и он, таким образом, сознательно выманивал Алексея в Россию на верную смерть.
Уговорив наконец Алексея вернуться к отцу, Толстой немедленно извещает государя о своем успехе. Одновременно пишет неофициальное письмо Екатерине, упрашивая ее поспособствовать в получении награды. 14 октября 1717 г. царевич вместе с Толстым выезжает из Неаполя и после трех с половиной месяцев пути прибывает в Москву. 31 января 1718 г. Толстой передает его отцу.
Обещавший простить сына Петр I не думал держать своего слова. Для розыска по делу царевича Алексея создается чрезвычайный следственный орган – Тайная канцелярия, во главе которой царь ставит продемонстрировавшего свое умение и верность Толстого. Уже 4 февраля Петр I диктует ему «пункты» для первого допроса сына. Под непосредственным руководством царя и во взаимодействии с другими «министрами» Тайной канцелярии Толстой быстро и исчерпывающе проводит расследование, не останавливаясь даже перед пытками бывшего наследника престола. Благодаря своему участию в деле Алексея бывший приверженец Милославских наконец добился царских милостей, которых так давно и страстно жаждал, и вошел в ближний круг сподвижников Петра. Наградой за жизнь царевича ему стал чин действительного статского советника и орден Св. Андрея Первозванного.
Тайная канцелярия первоначально создавалась Петром как временное учреждение, однако потребность царя иметь под рукой орган политического сыска сделала ее постоянной. Едва успели похоронить казненного Алексея, как царь 8 августа 1718 г. с борта корабля у мыса Гангут пишет Толстому: «Мой господин! Понеже явились в краже магазейнов ниже именованные, того ради, сыскав их, возьми за караул». Следствие по содержавшемуся далее в письме списку предполагаемых воров вылилось в громкое Ревельское адмиралтейское дело, закончившееся суровыми приговорами для виновных. Хотя все «министры» Тайной канцелярии были формально между собой равны, Толстой играл среди них явно лидирующую роль. Остальные трое коллег, как правило, доводили до него свое мнение по тем или иным делам и, признавая его негласное первенство, испрашивали если не прямого одобрения собственным действиям, то, во всяком случае, согласия хитрого дипломата. Тем не менее в глубине души Толстой, по всей видимости, тяготился возложенными на него следственно-палаческими обязанностями. Не решаясь впрямую отказаться от этой должности, он в 1724 г. убеждает царя распорядиться не присылать новые дела в Тайную канцелярию, а имеющиеся дела сдать в Сенат. Однако при Петре эта попытка сбросить с своих плеч эту опостылевшую «тягость» не удалась, и свой замысел Толстой смог осуществить лишь в правление Екатерины I. Пользуясь своим возросшим влиянием, он в мае 1726 г. убедил императрицу упразднить этот орган политического сыска.
Что касается остальных сторон деятельности Толстого, то 15 декабря 1717 г. царь назначает его президентом Коммерц-коллегии. С учетом того, сколь огромное значение Петр придавал развитию торговли, это было еще одним свидетельством монаршего доверия и очередной наградой за возвращение из-за границы царевича. Этим ведомством он руководит до 1721 г. Не оставляет «умнейшая голова» и дипломатическое поприще. Когда в начале 1719 г. царю становится известно, что между Пруссией и враждебной России Англией происходит интенсивный процесс сближения, который должен увенчаться официальным договором, на помощь русскому послу в Берлине графу А. Головкину Петр I отправляет П.А. Толстого. Однако на этот раз усилия не увенчались успехом, и англо-прусский договор был заключен. Эта частная неудача не повлияла на отношение к нему Петра I, и в 1721 г. Толстой сопровождает царя в его поездке в Ригу, а на следующий год – в Персидском походе. Во время этой последней войны Петра I он является начальником походной дипломатической канцелярии, через которую в 1722 г. проходят все доклады Коллегии иностранных дел. По окончании похода Толстой

некоторое время остается в Астрахани для переговоров с Персией и Турцией, а в мае 1723 г. направляется в Москву для подготовки церемонии официального коронования Екатерины I.
Во время этой торжественной процедуры, состоявшейся 7 мая 1724 г., старый дипломат выполнял роль верховного маршала, и за успешное проведение коронования ему был пожалован графский титул.
Когда в январе следующего года император умирает, не успев назвать преемника, П.А. Толстой вместе с А.Д. Меншиковым энергично содействует переходу власти к Екатерине I. Толстой великолепно понимал, что если престол перейдет к Петру II, сыну погубленного им царевича Алексея, то его голова имеет все шансы слететь с плеч. В начале царствования императрицы граф пользовался большим влиянием, и именно ему приписывают идею образования Верховного тайного совета, созданного указом Екатерины I от 8 февраля 1726 г. Этот орган состоял из представителей новой и старой знати и фактически решал все важнейшие государственные дела. Толстой входил в него наряду с шестью другими его членами. Однако в конце царствования Екатерины I преобладающее влияние на нее получает Меншиков. В результате политический вес бывшего дипломата резко убывает, и он уже почти не является с докладами к императрице. Понимая, что государыня скоро умрет и престол неизбежно достанется Петру II, Меншиков, чтобы обеспечить свое будущее, задумал женить наследника на своей дочери и добился согласия Екатерины I на этот брак. Однако против этого плана восстал Толстой, видевший в сыне царевича Алексея для себя смертельную угрозу. Он чуть было не расстроил этот брак, а в качестве наследницы престола прозорливо выдвинул кандидатуру цесаревны Елизаветы, дочери Петра I. Елизавета Петровна действительно в конечном итоге станет императрицей, однако произойдет это лишь в 1741 г. Тогда же, в марте 1727 г., план Толстого потерпел полную неудачу. Поражение старого дипломата было во многом предопределено тем, что практически никто из влиятельных лиц не поддержал его и ему пришлось бороться со всемогущим противником практически в одиночку.
В поисках союзников Толстой обращался к коллегам по Тайной канцелярии, также не имевшим оснований ждать хорошего от восшествия на престол Петра II, и генерал-полицмейстеру графу Девиеру. Однако Меншикову стало известно об этих переговорах, и он приказал арестовать Девиера. На допросе тот быстро во всем сознался, и по его показаниям были немедленно схвачены все бывшие «министры» Тайной канцелярия. Лишенный чести, чина, деревень, графского звания (этот титул был возвращен его внукам в 1760 г.), Толстой с сыном Иваном был сослан в суровую северную тюрьму Соловецкого монастыря. Первым не вынес тягот заточения и умер Иван, а через несколько месяцев – и его отец, скончавшийся 30 января 1729 г. в возрасте 84 лет.

УШАКОВ Андрей Иванович (1670–1747). «Министр» Тайной канцелярии в 1718–1726 гг., руководитель Преображенского приказа в 1726–1727 гг., глава Канцелярии тайных розыскных дел в 1731–1746 гг.
Происходил из незнатных дворян Новгородской губернии, вместе со своими братьями владел единственным крепостным крестьянином. В бедности прожил до 30 лет, пока вместе с другими дворянскими недорослями в 1700 г. (по другим сведениям, в 1704 г.) не явился на царский смотр в Новгород. Могучего новобранца записывают в лейб-гвардии Преображенский полк, и там усердием и расторопностью он обращает на себя внимание государя. Недавний недоросль достаточно быстро продвигается вверх по служебной лестнице и в 1714 г. становится майором, всегда с тех пор подписываясь: «От гвардии майор Ушаков Андрей».
Поворотным моментом в его судьбе становится участие в расследовании Булавинского восстания 1707–1708 гг. Жестокость, с какой Ушаков расправлялся с его участниками и при этом еще успевал набирать лошадей для регулярной армии, пришлась по нраву царю.

Постепенно он входит в сравнительно тесный круг гвардейской элиты, которой Петр I доверял ответственные поручения как своим самым надежным и испытанным слугам. В июле 1712 г., будучи адъютантом царя, посылается в Польшу для тайного надзора за находящимися там русскими офицерами. Проявившийся сыщицкий талант своего адъютанта Петр I решает использовать по прямому назначению. В 1713 г. царь отправляет Ушакова в старую столицу для проверки доносов на московское купечество, набора купеческих детей на учебу за границей, розыска беглых крестьян. В 1714 г. именным царским указом назначается расследовать причины пожара на Московском пушечном дворе. Одновременно с этим гласным поручением Петр поручает ему тайно расследовать в Москве целый ряд важных дел: о кражах по подрядам, лихоимстве в военной канцелярии, московских ратушных делах, об утайке крестьянских дворов и укрывающихся от службы. Для ведения подобного разнообразного розыска Ушаков по царскому повелению создает свою особую «майорскую канцелярию». Касаясь отношений царя со своим верным слугой, известный историк XIX в. Д.Н. Бантыш-Каменский отмечал: «Петр Великий отдавал ему всегда преимущество перед другими гвардейскими офицерами за отличное его некорыстолюбие, беспристрастие и верность и обыкновенно говаривал о нем, «что если бы он имел много подобных офицеров, то мог бы назвать себя совершенно счастливым». Действительно, преданностью и отвагой могли похвастать многие петровские сподвижники, но отсутствие корыстолюбия было среди них большой редкостью. Ушаков занимается ревизией судебных мест Московской губернии, в 1717 г. едет в новую столицу для набора матросов и наблюдения за постройкой кораблей. Вплоть до смерти Петра I он надзирает за должным исполнением любимого дела царя – строительством кораблей в Петербурге и Нижнем Новгороде.

В 1718 г. открывается дело возвращенного в Россию царевича Алексея, и царь включает верного и сообразительного майора в число «министров» Тайной канцелярии, где тот сразу же становится ближайшим помощником П.А. Толстого. Активно участвуя в расследовании, Ушаков по приказу Петра I создает в старой столице филиал нового ведомства политического сыска, разместившийся на Потешном дворе в Преображенском. Как другие участники розыска этого исключительно важного для государя дела, он получает щедрые монаршие награды. В 1721 г. производится в чин генерал-майора с оставлением майором Преображенского полка. Испытывая очевидную склонность к политическому сыску, Ушаков остается в Тайной канцелярии и усердно трудится в ней до ее ликвидации (одновременно состоит членом Адмиралтейств-коллегии). Фактический глава Канцелярии, П.А. Толстой тяготился навязанной ему Петром I должностью и охотно взвалил всю текущую работу на плечи своего старательного помощника. Взошедшая на трон после смерти Петра I Екатерина I благоволила к верному слуге своего покойного мужа, одним из первых удостоила его звания кавалера вновь учрежденного ею ордена Св. Александра Невского, назначила сенатором.

После упразднения в 1726 г. Тайной канцелярии Ушаков не оставляет привычную ему стезю и переходит в Преображенский приказ. Он становится фактическим руководителем этого ведомства при тяжелобольном официальном его начальнике И.Ф. Ромодановском. Вместо него производит розыск, наиболее важные дела докладывает императрице и Верховному тайному совету. Ушакову довелось недолго руководить Преображенским приказом. Вместе с другими коллегами по Тайной канцелярии он был втянут П.А. Толстым в интригу против А.Д. Меншикова, в мае 1727 г. был арестован и обвинен в том, что, «знав о злоумышлении, не донес о том». Правда, в отличие от других отделался легко – он не был сослан с лишением всех прав и чинов в Соловки или Сибирь, а в звании генерал-лейтенанта отправлен в Ревель.

Причастность, хоть и косвенная, к попытке воспрепятствовать восшествию на престол Петра, сделала для Ушакова невозможной успешную карьеру при новом монархе, но его царствование было непродолжительным, и при государыне Анне Иоанновне его звезда засияла особенно ярко.

Когда в 1730 г. в среде столичной элиты происходило политическое брожение и различные группировки аристократии и дворянства составляли различные проекты ограничения монархии, что на краткий миг было закреплено в кондициях Верховного тайного совета, подписанных Анной Иоанновной при избрании ее на царство, Ушаков держался в тени и не чуждался участия только в тех проектах, которые призывали к восстановлению самодержавия в полном объеме. Когда новая императрица разорвала подписанные ею кондиции, лояльность бывшего «министра» Тайной канцелярии была замечена и оценена. В марте 1730 г. ему возвращается звание сенатора, в апреле он производится в чин генерал-аншефа, в 1733 г. – подполковника лейб-гвардии Семеновского полка. Но главным было то, что в его руки вновь была возвращена реальная власть в сфере политического сыска. Укрепившись на престоле, Анна Иоанновна поспешила ликвидировать Верховный тайный совет, а политические дела изъяла из ведения Сената и передала во вновь создаваемый особый орган, во главе которого был поставлен возвращенный ко двору Ушаков – лучшей кандидатуры на эту ответственную роль императрица не смогла бы найти. 6 апреля 1731 г. новому ведомству было присвоено название «Канцелярии тайных розыскных дел», а по правовому статусу она официально была приравнена к коллегиям. Однако благодаря тому, что Ушаков получил право личного доклада государыне, возглавляемая им структура оказалась вне влияния Сената, которому подчинялись коллегии, и действовала под непосредственным руководством Анны Иоанновны и ее ближайшего окружения, в первую очередь печально известного фаворита Бирона. Свой первый удар императрица направила против тех членов Верховного тайного совета, которые чуть было не лишили ее полноты самодержавной власти. Первым пострадал В.Л. Долгорукий, в 1730 г. сосланный в Соловецкий монастырь, а в 1739 г. казненный. В 1731 г. настала очередь его родственника фельдмаршала В.В. Долгорукого, обвиненного в неодобрительном отзыве о новой государыне в домашнем разговоре. Розыск вел Ушаков, и на основании материалов сфабрикованного им в угоду Анне Иоанновне дела за действительные или мнимые слова в адрес императрицы опасный фельдмаршал был заключен в Шлиссельбургскую крепость, в 1737 г. сослан в Ивангород, а еще через два года заточен в Соловецкий монастырь.

М.М. Голицын подвергся опале сразу по воцарении Анны Иоанновны, но ему «повезло» умереть своей смертью в 1730 г. Его брат Д.М. Голицын, истинный «идеолог и организатор» заговора «верховников», был обвинен в служебных злоупотреблениях и привлечен к суду в 1736 г. Формально за «злоупотребления», а фактически за попытку ограничить самодержавие старый князь был приговорен к смертной казни, замененной заточением в Шлиссельбургской крепости, где он вскоре и скончался.

Князей Долгоруких Ушаков судил совместно с другими доверенными лицами Анны Иоанновны, в числе которых был и кабинет-министр императрицы А.П. Волынский. Но в 1740 г. начальник Канцелярии тайных розыскных дел пытал уже своего недавнего коллегу по ведению этого процесса, попытавшегося положить конец немецкому засилью при дворе. Изъятые у Волынского при обыске черновики документов свидетельствовали о замысле ограничить самодержавную власть, а его единомышленники под пыткой «засвидетельствовали» стремление кабинет-министра узурпировать русский трон – последнее обвинение, судя по всему, Ушакову подсказал Бирон.

Искренне преданный своему пыточному ремеслу, Ушаков выполнял свое дело не за страх, а на совесть. Даже в свободное от присутствия в Канцелярии время он ни на миг не забывал о своих обязанностях. За страшным руководителем застенка закрепилась такая репутация, что одно его имя заставляло трепетать каждого, притом не только русских подданных, но и пользовавшихся дипломатической неприкосновенностью иностранных послов. «Он, Шетардий, – докладывали в 1744 г. члены комиссии по выдворению из России французского дипломата, – коль скоро генерала Ушакова увидел, то в лице переменился».

Анна Иоанновна умерла в 1740 г., завещав русский престол младенцу Иоанну Антоновичу, регентом при нем она назначила своего фаворита Бирона. В последовавшей затем череде государственных переворотов Ушаков демонстрирует чудеса политической выживаемости. Поначалу по старой памяти поддерживает Бирона. Но уже через месяц фельдмаршал Миних без особого труда свергает ненавистного временщика и провозглашает регентшей Анну Леопольдовну, мать Иоанна Антоновича, принцессу Брауншвейгскую. Чтобы придать военному перевороту вид хотя бы какой-то законности, победитель приказывает Ушакову добыть необходимые сведения о заговоре Бирона. Застенки Канцелярии тайных розыскных дел заполнились курляндцами, главными из которых были сам бывший фаворит и его двоюродный брат, пристроенный своим всемогущим родственником в капитаны Преображенского полка. Им было предъявлено обвинение в намерении отравить Иоанна Антоновича, обвинить в его смерти Анну Леопольдовну и провозгласить Бирона российским императором. В итоге дело закончилось тем, что последний был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Пелым, а неуемное рвение членов Канцелярии тайных розыскных дел представить мнимый заговор как можно более масштабным и обвинить в участии в нем как можно больше людей было пресечено самим Минихом, обругавшим следователей и велевшим им «прекратить болванское занятие, от коего по Российскому государству смута сеется». Тем не менее регентша наградила А.И.Ушакова орденом Св. Андрея Первозванного.

Курляндское засилье при русском дворе сменилось брауншвейгским, вновь создав питательную среду для недовольства. Но всему приходит конец: 25 ноября 1741 г. гвардия произвела переворот и возвела на престол Елизавету Петровну. Малолетний император Иоанн Антонович вместе с родителями и игравшими главную роль при дворе Анны Леопольдовны Минихом и Остерманом был арестован. Когда дочь Петра была еще не у власти, Ушаков отказался примкнуть к поддерживавшей ее партии, однако после свершения переворота в ее пользу сумел сохранить и свой пост, и влиятельное положение при дворе. В то время как многие видные представители прежней элиты были сосланы или лишены прежних мест, глава Канцелярии тайных розыскных дел попадает в обновленный состав Сената. Незадолго перед тем он допрашивал по воле Миниха Бирона, якобы хотевшего извести Иоанна Антоновича, теперь же расследует новое дело – «О злоумышлениях былого фельдмаршала фон Миниха на здоровье принца Иоанна Антоновича, герцога Брауншвейгского», ведя попутно и еще одно – «О происках былого канцлера графа Остермана». Оба руководителя предыдущего переворота были объявлены врагами Отечества и в свой черед отправлены в ссылку. Наряду с крупными политическими фигурами Канцелярии тайных розыскных дел приходилось разбираться и с некоторыми из победителей, опьяненных чередой военных переворотов и ощутивших свою вседозволенность. Так, подвыпивший 19-летний сержант Невского полка А. Ярославцев, «гуляя с приятелем и дамой легкого поведения», не пожелал в центре Петербурга уступить дорогу карете самой императрицы Елизаветы. Ореол величия и неприкосновенности носителя верховной власти в глазах части военных был уже сильно размыт, и на попреки и увещевания свиты сержант отвечал: «Экая де великая диковинка, что выбранили де мы генерала или ездовых. И сама де государыня такой же человек, как и я, только де тем преимущество имеет, что царствует».

Захваченная силой оружия власть Елизаветы Петровны на первых порах не была стабильной. Соблазн в очередной раз произвести переворот был велик, готовых принять в нем людей, обделенных чинами и наградами, было достаточно, так что без работы Канцелярия тайных розыскных дел не оставалась. Ведомство Ушакова проводит следствие по нескольким делам, связанным с попытками новых переворотов с целью освободить из заключения и возвести на трон малолетнего «законного» императора Иоанна VI (Ивана Антоновича). За преданность и усердие главу Канцелярии тайных розыскных дел ждала очередная награда: в июле 1744 г. императрица жалует ему графское звание.

Наряду с действительным преемником Анны Иоанновны на русский престол беспокойство дочери Петра I доставляли различные самозванцы. В 1742 г. в Тобольске сыном Петра I объявил себя флотский лейтенант И. Дириков, в 1747 г. то же самое заявил гвардейский подпоручик Д. Никитин. После проведения следствия этих и им подобных других самозванцев заточали в монастыри «неисходно до смерти». Личная жизнь императрицы и неизбежные слухи об этом интересном предмете также доставляли немало работы Канцелярии тайных розыскных дел. Поручик Ростовского полка А. Кучкин прямо заявил на допросе Ушакову: «Ее императорское величество изволит находиться в прелюбодеянии с его высокографским сиятельством Алексеем Григорьевичем Разумовским». Еще большую осведомленность проявил капитан-поручик гвардии Г. Темирязев. Своему сослуживцу он поведал о том, что Петр I был «великий блудник», а его дочь сначала любила «арапа Аврамку», затем сына генерал-полицмейстера Девиера, потом безвестного «ездового», «а четвертого Алексея Шубина; и пятого ныне любит Алексея Григорьевича Разумовского, да это де не довольно». Репутация у Елизаветы Петровны была такая, что гренадер Преображенской роты П. Лахов мог спокойно приврать друзьям, что он «с ея императорским величеством жил блудно». Эти и многие подобные им дела приходилось разбирать Ушакову.

За время долголетней службы на поприще политического сыска при пяти государях и государынях Ушаков скопил значительное состояние и спокойно умер в Петербурге на 77-м году жизни. Похоронен был в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры.

Глава 5
Канцелярия тайных розыскных дел

Новое ведомство было учреждено 24 марта 1731 г. и стало полноправным преемником петровской Тайной канцелярии и Преображенского приказа. От первой оно унаследовало название и узкую специализацию на политических преступлениях, от второго – место пребывания (Преображенский генеральный двор) и бюджет (3360 рублей в год при общем бюджете Российской империи в 6–8 миллионов рублей). Штат новой службы государственной безопасности также остался компактным и в 1733 г. состоял из двух секретарей и 21 канцеляриста. К этому времени П.А. Толстой уже потерпел поражение в политической борьбе того бурного времени и был заточен в Соловецкий монастырь, где и умер. Начальником Канцелярии тайных розыскных дел был назначен его бывший сподвижник А.И. Ушаков, успевший поработать в обоих петровских сыскных ведомствах. Рабски преданный императрице Анне Иоанновне, Ушаков вел два самых громких политических процесса в ее правление – «верховников» Долгоруковых и Голицыных и кабинет-министра А.П. Волынского, попытавшегося положить конец бироновщине. Когда в начале 1732 г. двор во главе с императрицей вернулся из Москвы в Санкт-Петербург, туда же со своей канцелярией, получившей название «Походная канцелярия тайных розыскных дел», переехал и Ушаков. Чтобы не оставлять без присмотра старую столицу, в ней открыли «от оной канцелярии контору», разместившуюся на Лубянке. Во главе московской конторы был поставлен родственник царицы генерал-адъютант С.А. Салтыков, немедленно развернувший бурную деятельность. Только за первые четыре года своего существования руководимая им контора рассмотрела 1055 дел и арестовала 4046 человек. Понимая значение политического сыска для укрепления своей власти, ненавидимой значительной частью населения, Анна Иоанновна придала Канцелярии тайных розыскных дел статус выше, чем любой коллегии империи, и подчинила ее лично себе, категорически запретив вмешиваться в ее деятельность любым другим государственным органам. Руководивший Канцелярией Ушаков не был обязан

отчитываться в своих действиях даже перед Сенатом, но зато регулярно являлся с докладами к самой императрице.

В развернувшемся после смерти Анны Иоанновны в 1740 г. очередном туре борьбы в верхах за власть руководитель политического сыска сознательно не принял никакого участия, довольствуясь, по словам историка, «ролью беспринципного исполнителя воли любого лица, в чьих руках на данный момент оказывалась власть». Беспощадно расправившись при прежней императрице с противниками Бирона, Ушаков затем вел следствие над этим некогда всесильным временщиком, после того как его свергли фельдмаршал Миних и вице-канцлер Остерман. Когда же вскоре свергли их самих, то оба они также попали на допрос к руководителю Канцелярии тайных розыскных дел. Благодаря подобному конформизму и рабской преданности любому власть предержащему, А.И. Ушаков сохранил свой пост и при Елизавете Петровне, воцарившейся на русском престоле с 1741 г. Дочь Петра Великого оставила в полной неприкосновенности орган политического сыска, который при ней расправился со сторонниками свергнутой Брауншвейгской династии, руководителем башкирского восстания 1755 г. Батыршем и вел целый ряд других процессов по «слову и делу». Эта сфера государственной деятельности не была обделена вниманием новой правительницы, и, несмотря на отмечаемую современниками ее склонность к лени, Елизавета периодически заслушивала доклады Ушакова, а когда тот состарился, отправила ему в помощь брата своего фаворита Л.И. Шувалова, который в конечном итоге и сменил Ушакова на его посту. На момент восшествия новой императрицы на престол в 1741 г. штат Канцелярии тайных розыскных дел состоял из 14 подчиненных Ушакова: секретаря Николая Хрущева, четырех канцеляристов, пяти подканцеляристов, трех копиистов и одного «заплечных дел мастера» – Федора Пушникова. Еще 14 сотрудников насчитывалось в московской конторе. Объем их работы постоянно расширялся. Подсчет сохранившихся в архивах к началу XIX в. дел этого ведомства показывает, что от эпохи бироновщины осталось 1450 дел, а от времени царствования Елизаветы Петровны – 6692 дела. Помимо политических дел о «первых двух пунктах», этот орган государственной безопасности рассматривал также дела о взяточничестве и злоупотреблениях властей на местах, придворных интригах и ссорах. Выполняла Канцелярия тайных розыскных дел и контрразведывательную функцию. «В частности, – пишет историк, – в 1756 году императрица Елизавета Петровна поручила ей (Канцелярии. — Прим. авт.) расследовать дело о подозреваемом в шпионаже французском миссионере Валькруассане и бароне Будберге. В 1761 г. сюда было передано дело по подозрению саксонского уроженца генерала русской службы Тотлебена в сношениях с пруссаками. В январе 1762 г. здесь велось большое дело о шпионаже в русских войсках в Пруссии».

В 1754 г. порядок проведения розыска в Канцелярии был регламентирован специальной инструкцией «Обряде како обвиняемый пытается», утвержденной лично императрицей. Если подозреваемый на допросе и очной ставке с доносчиком сразу не признавал за собой вины, то для выбивания из него правдивых показаний в первую очередь применяли дыбу и кнут. Дыба представляла собой два вертикально вкопанных столба с перекладиной наверху. Палач связывал длинной веревкой руки допрашиваемого за спиной, второй конец перекидывал через перекладину и тянул за него. Связанные руки выходили из суставов, и человек повисал на дыбе. После этого жертве наносили 10–15 ударов кнутом. Работавшие в застенках палачи были «настоящими мастерами кнутобойного ремесла»: «Они могли класть удар к удару ровно, как бы размеряя их циркулем или линейкой. Сила ударов такова, что каждый пробивает кожу и кровь льется ручьем; кожа отставала кусками вместе с мясом».

Если дыба и кнут не оказывали желаемого воздействия, то «Обряд» рекомендовал использовать следующие «средства убеждения». В документе говорилось: «Тиски, зделанные из железа в трех полосах с винтами, в которые кладутся злодея персты сверху большие два из рук, а внизу ножные два; и свинчивается от палача до тех пор, пока или

повинится, или не можно будет больше жать перстов и винт не будет действовать. Наложа на голову веревку и просунув кляп и вертят так, что оной (пытаемый. — Прим. авт.) изумленным бывает; потом постригают на голове волосы до тела, и на те места льют холодную воду только что почти по капле, от чего также в изумление приходит». Помимо этого, «заплечных дел мастер» «висячего на дыбе ростянет и зажегши веник с огнем водит по спине, на что употребляется веников три или больше, смотря по обстоятельству пытанаго».

Активное применение указанных мер на практике породило столь сильную ненависть к Канцелярии тайных розыскных дел во всех слоях русского общества, не исключая и правящего, что сменивший Елизавету на престоле Петр III счел за благо «высочайшим манифестом» 21 февраля 1762 г. ликвидировать это учреждение и повсеместно объявить населению. Одновременно запрещалось «ненавистное изражение, а именно «слово и дело», не долженствует отныне значить ничего». Зловещие слова, целых 140 лет звучавшие над Россией, утрачивали свою магическую силу. Известие об этом было с энтузиазмом встречено в российском обществе. Современник событий, писатель и естествоиспытатель А.Т. Болотов так пишет в своих воспоминаниях: «Превеликое удовольствие учинено было и сим всем россиянам, и все они благословляли его за сие дело». Некоторые дореволюционные историки были склонны приписывать решение об упразднении Канцелярии тайных розыскных дел благородству и великодушию Петра III, однако сохранившиеся документы напрочь разбивают эту легенду. Оказывается, что еще за две недели до обнародования манифеста, вызвавшего такое «превеликое удовольствие» в обществе, новый царь распорядился взамен уничтожаемой Канцелярии тайных розыскных дел учредить при Сенате Особую экспедицию, ведающую вопросами политического сыска. Таким образом, решение Петра III представляло собой типичный лицемерный маневр власти, стремящейся, ничего не меняя по существу, одной лишь сменой вывесок более привлекательно выглядеть в глазах общества. Вместо широковещательно объявленной ликвидации структуры политического сыска на деле происходило ее простое перетекание под вывеску Сената. Все перемены свелись к тому, что сохранивший свои кадры орган политического сыска из самостоятельной организации стал структурным подразделением при высшем государственном органе Российской империи.

Биография руководителя Канцелярии тайных розыскных дел

ШУВАЛОВ Александр Иванович (1710–1771). Глава Канцелярии тайных розыскных дел в 1746–1762 гг.

Дворянский Костромской род Шуваловых упоминается в исторических документах со второй половины XVI в., и хотя один из Шуваловых в 1669 г. был пожалован в бояре, подлинное возвышение этого рода происходит при Петре I и его дочери Елизавете. Отец А.И. Шувалова дослужился до чина генерал-майора и умер в 1736 г., успев причислить двоих своих сыновей – Александра и Петра – ко двору царевны Елизаветы Петровны. Как стало явным впоследствии, это был исключительно предусмотрительный шаг, хотя во время десятилетнего пребывания на русском троне Анны Иоанновны сама дочь Петра I и ее ближайшее окружение пребывали в полуопальном положении. Современники отмечали, что до 1741 г. Александр Шувалов входил в тройку самых близких к Елизавете лиц. Он принимал самое активное участие в подготовке осуществленного гвардией государственного переворота 25 ноября 1741 г., положившего конец немецкому засилью и доставившего русский престол дочери Петра Великого. После переворота Шувалов становится камергером, получает чин поручика лейб-гвардии. Правда, как отмечали современники, будущий глава Канцелярии тайных розыскных дел был человеком безынициативным и нерешительным, лишенным творческого начала, не наделенным большим умом, но зато обладавшим немалой жестокостью. Во всех придворных и

государственных вопросах Александр Шувалов предпочитал без особых раздумий поддерживать своего родного брата Петра, который был хотя и моложе его, но гораздо умнее, и пользовался значительным влиянием на Елизавету Петровну на протяжении всего ее царствования.

В 1742 г. происходит его первое прикосновение к сфере политического сыска, когда по высочайшему повелению он арестовал и заключил под стражу принца Людвига Гессен-Гомбургского. Между тем прежний начальник Канцелярии тайных розыскных дел А.И. Ушаков был уже стар, и в 1745 г. А.И. Шувалов назначается ему в помощь, что и находит отражение в документах ведомства политического сыска. Поскольку положение Елизаветы Петровны на престоле было не совсем прочным из-за нахождения в стране бывшего императора Иоанна Антоновича и других представителей Брауншвейгской фамилии, тайные приверженцы которой потенциально были способны произвести очередной дворцовый переворот, то неослабевающий надзор за этими претендентами и пресечение их замыслов составляли одну из главных сфер деятельности государственной безопасности. В этой ситуации на освобождающуюся должность руководителя Канцелярии тайных розыскных дел императрица могла назначить лишь абсолютно надежного и преданного ей человека, которому бы полностью доверяла. Им и стал А.И. Шувалов, возглавивший это ведомство в 1746 г. и начавший действовать теми же приемами, что и его непосредственный предшественник, «наводя ужас и страх на всю Россию», как отозвалась о нем впоследствии Екатерина II.
9 июня 1746 г. Елизавета Петровна именным указом назначает его своим генерал-адъютантом, 5 сентября вместе с братом Петром возводит в графское достоинство. Одной из первых крупных политических акций, которую в 1748 г. провел новый глава Канцелярии, был розыск по делу Лестока. Последний был в столь дружеских отношениях с императрицей, что довести до конца это важнейшее для государственной безопасности России расследование Шувалов смог лишь благодаря безоговорочному доверию к нему Елизаветы Петровны и при мощной поддержке канцлера А.П. Бестужева. Выходец из Франции, получивший у себя на родине специальность армейского лекаря, в России он становится личным хирургом Екатерины I, затем, во время ее правления, – лейб-медиком цесаревны Елизаветы Петровны, позднее активно участвует в подготовке военного переворота 25 ноября 1741 г. С началом царствования Елизаветы Петровны влияние на нее лейб-медика особенно усиливается, и он быстро находит способ использовать его для своего обогащения. За крупную денежную сумму Лесток не только передает французскому послу донесения русского посла в Париже А.Д. Кантемира и держит его в курсе важнейших дипломатических событий, но через императрицу Елизавету активнейшим образом воздействует в интересах Франции на всю внешнюю политику России. Пораженные резким ростом французского влияния на политику Петербурга другие иностранные послы быстро обнаружили истинную причину этого поразительного явления, и с декабря 1741 г. Лесток становится также платным агентом Пруссии, а с июня следующего года еще и Англии. Понимая, что, если подобное положение дел сохранится, Россия окончательно утратит свою самостоятельную внешнюю политику, канцлер Бестужев по своей инициативе начинает слежку за приближенным Елизаветы и в начале 1745 г. доставляет императрице объемистую переписку Лестока со всеми своими тремя хозяевами. Проведенное Шуваловым следствие полностью доказало факт получения любимцем государыни денег от иностранных правительств за выдачу им тайных секретов русской политики. Лесток был приговорен к смертной казни, замененной конфискацией имущества и ссылкой в Углич (впоследствии его перевели в Великий Устюг, где он пробыл до 1762 г.).
В 1749 г. фаворитом Елизаветы Петровны становится Иван Иванович Шувалов – двоюродный брат Александра и Петра Шуваловых, и это обстоятельство еще больше упрочивает положение при дворе как начальника политического сыска, так и всего клана

Шуваловых в целом. С 1750 г. А.И. Шувалов начинает появляться в Сенате в качестве генерал-адъютанта императрицы и объявлять этому верховному органу повеления государыни. Между тем бездетная правительница должна была как-то решить вопрос продолжения династии и на следующий год после переворота объявила наследником своего племянника Петра-Ульриха, или Петра Федоровича, будущего императора Петра III, сына ее сестры Анны Петровны и герцога Голштейн-Готторпского Карла-Фридриха. В 1744 г. императрица женила его на принцессе Ангальт-Цербстской, ставшей в будущем императрицей под именем Екатерины II. Поскольку двор будущего наследника русского престола имел явную пруссофильскую ориентацию, то Елизавета Петровна сочла за лучшее иметь там своего верного соглядатая, которым и стал ее давний приближенный.

В апреле 1754 г. умирает Чоглоков, гофмейстер двора великого князя Петра Федоровича. На его место императрица назначает «по совместительству» А.И. Шувалова. Новая должность не доставила начальнику Канцелярии тайных розыскных дел приятных ощущений. Сам факт, что начальником их двора является глава страшного ведомства политического сыска, явно приставленный к ним императрицей Елизаветой с целью надзора, чрезвычайно нервировал как наследника Петра Федоровича и его окружение, так и великую княжну. Впоследствии Екатерина II вспоминала, что встречалась с Шуваловым каждый раз «с чувством невольного отвращения». По ее словам, выходило, что глава Канцелярии тайных розыскных дел пытался окончательно рассорить ее с Петром Федоровичем, чтобы полностью подчинить наследника трона своему влиянию и после смерти Елизаветы Петровны через него управлять государством. Учитывая умственные способности Шувалова, подобные обвинения Екатерины II кажутся весьма сомнительными, однако подобные планы действительно могли вынашивать его родной и двоюродный братья.

За успешное выполнение обоих этих ответственных поручений императрица в августе 1760 г. назначает главу Канцелярии тайных розыскных дел сенатором.

Смерть Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. и восшествие на престол Петра III поначалу не ослабили влияния партии Шуваловых. Что касается А.И. Шувалова, то уже вскоре после своего воцарения новый император пожаловал ему чин генерал-фельдмаршала и полковника Измайловского полка. 21 февраля 1762 г. был издан манифест императора, по которому Канцелярия тайных розыскных дел формально ликвидировалась, а фактически политический сыск передавался в ведение Сената. В апреле Петр III освобождает А.И. Шувалова от обязанности надзирать за томившимся в тюрьме свергнутым Иоанном Антоновичем и другими членами Брауншвейгской фамилии. 9 июня 1762 г., за две недели до своего низложения, Петр III награждает А.И. Шувалова двумя тысячами крепостных за верную службу. Близость к новому императору естественным образом предопределила его позицию в начавшемся 23 июня 1762 г. государственном перевороте в пользу Екатерины. Новоиспеченный генерал-фельдмаршал однозначно принимает сторону Петра III и, как заявляла впоследствии Екатерина II, взялся за дело, которое решительно должно было переломить ход событий: «Потом приехали... из Петергофа князь Трубецкой и граф Александр Шувалов: они хотели увериться в расположении войск и убить меня». Проверить это утверждение невозможно, но, во всяком случае, увидев, что сила на стороне Екатерины, оба эмиссара ее свергнутого супруга поспешили присягнуть и, бросившись к ее ногам, стали молить о прощении, которое им и было даровано. Девятилетнее общение с Екатериной II в качестве гофмейстера и занятая во время переворота позиция не оставляли никаких шансов Шувалову на продолжение карьеры в новое царствование. В 1763 г. он был отстранен от всех занимаемых официальных должностей.

Глава 6

Тайная экспедиция при Правительствующем сенате

В феврале 1762 г. взамен уничтожаемой Канцелярии тайных розыскных дел Петр III учредил при Сенате Особую экспедицию, ведающую вопросами политического сыска. Однако власть Петра III была настолько непопулярной в обществе, особенно в армейской среде, что ее не могли спасти органы безопасности ни в прежнем, ни в реформированном виде. В июне 1762 г., опираясь на гвардию, Екатерина осуществляет переворот против собственного мужа и берет власть в свои руки. Ненавидя мужа, новая императрица при каждом удобном случае старалась подчеркнуть глупость и безумство его поступков, однако его решение о сохранении политического сыска под крышей Сената глупостью ей не показалось. Своим указом от 19 октября 1762 г. Екатерина II почти дословно повторяет манифест Петра III от 21 февраля того же года, полностью солидаризируясь с ним. Лицемерием новая правительница ничуть не уступала своему супругу. Еще в бытность свою великой княгиней, имея основания опасаться главы Канцелярии тайных розыскных дел А.И. Шувалова, Екатерина как-то заявила окружающим: «Не знаю, но мне кажется, что у меня на всю жизнь будет отвращение к назначению чрезвычайной комиссии, особенно когда эта комиссия должна оставаться негласною... Преступление и производство дела должно быть оглашено, чтобы общество, всегда судящее беспристрастно, могло распознать правоту».

Однако, став императрицей, она быстро забыла свои мысли относительно гласности при расследовании важнейших преступлений и, как и ее предшественники, вновь сделала ставку на тайный орган госбезопасности, замаскированный на этот раз от посторонних глаз. Позднее, в законодательной записке о будущем устройстве Российской империи, Екатерина II так сформулировала свое мнение по поводу функций данного органа. Тайная экспедиция, по ее убеждению, во-первых, должна собирать сведения «о всех преступлениях противу правления» и, во-вторых, «велит преступников имать под стражу и соберет все обстоятельства», т.е. осуществляет арест злоумышленников и проводит расследование по их делам. Исследователь проблемы Н.Б. Голикова так оценивает результаты проведенной императрицей реорганизации: «Передача Тайной экспедиции в ведение генерал-прокурора обеспечивала органам политического сыска максимальную централизацию, независимость от других учреждений и сохранение наиболее полной секретности при расследовании политических процессов». Не следует думать, что замаскированный орган госбезопасности был подчинен собственно Сенату как высшему государственному учреждению, при котором он формально числился. Как и раньше, структура политического сыска вновь замыкалась напрямую на персоне самодержца, на этот раз благодаря посредству генерал-прокурора Сената, игравшего, по большому счету, роль передаточного звена.

Как свидетельствуют источники, Екатерина II действительно знала толк в политическом сыске и лично вникала во все тонкости того, «что до Тайной касается». Причина подобного пристрастия императрицы вполне объяснима, поскольку власть ее первоначально не была особенно прочна. Это впоследствии время правления Екатерины стало восприниматься дворянством как счастливый «золотой век», а вначале оно далеко не единодушно признало ее право на власть. Часть дворян вообще желала видеть на престоле малолетнего сына Екатерины II Павла, причем совершеннолетие последнего дало новый толчок подобным настроениям. Спустя два года после воцарения Екатерины офицер В. Мирович попытался осуществить государственный переворот и освободить заключенного в Шлиссельбургской крепости Иоанна Антоновича, также имевшего все права на корону, поскольку после смерти Анны Иоанновны именно он был провозглашен императором. Скоропостижная смерть мужа Екатерины Петра III была более чем подозрительна даже для непосвященных и закономерно породила слухи о том, что законный император жив, но где-то скрывается. Подобные настроения привели к

появлению целого ряда самозванцев, несших в себе огромную потенциальную угрозу неверной супруге. «Золотой век» дворянства обернулся для крестьян дальнейшим усилением крепостного гнета, на что ответом стала последняя грандиозная крестьянская война 1773–1775 гг. под предводительством Е. Пугачева, который также объявил себя императором Петром III. Расследованием причин восстания, потрясшего сами устои Российской империи, также занималась госбезопасность. Поскольку личная жизнь императрицы была весьма далека от аскетизма, то многочисленные слухи, сплетни, шутки и прибаутки, ходившие по этому поводу в народе, также составляли предмет неослабевающего интереса политического сыска. И это были лишь некоторые причины, побуждавшие Екатерину II сохранять специальный орган для осуществления этого специфичного вида государственной деятельности.

Подавляющее большинство дел, по которым вел следствие этот «новый-старый» орган госбезопасности, как и прежде, были так или иначе связаны с «первыми двумя пунктами» указов 1715 и 1730 гг. Через Тайную экспедицию прошли в основном разбирательства по всем политическим процессам того времени. Являвшийся формально главой Экспедиции генерал-прокурор Сената А.И. Глебов лично докладывал о ее деятельности императрице, от которой получал указания, и, помимо нее, не был обязан отчитываться по этим вопросам ни перед кем. В 1764 г. Екатерина сместила А.И. Глебова и назначила генерал-прокурором князя А.А. Вяземского. Фактически же политическим сыском в империи руководил обер-секретарь Экспедиции С.И. Шешковский, бессменно занимавший этот пост в течение целых 30 лет.

«Просвещенная императрица» не могла не понимать, что пытка как средство получения показаний все более и более становится анахронизмом в глазах как отечественного, так и европейского общественного мнения, симпатии которого она так настойчиво старалась завоевать. В указе Сенату от 15 января 1763 г. по этому поводу говорилось: «Чтобы всех тех, кои в разные преступления впадают, обратить к чистому признанию больше милосердием и увещанием, а особливо изысканием по происшедшим в разные времена околичностям, нежели строгостью и истязанием, но стараться как возможно при таких обстоятельствах кровопролитие уменьшить». Далее подчеркивалось: «Когда при следствии какого дела неминуемо дойдет до пытки, в таком случае поступать с крайнею осторожностью и рассмотрением, и паче всего при том наблюдать, дабы иногда с винными и невинные истязания напрасно претерпеть не могли». Тем не менее пытка сохранялась как последний способ вырвать у подследственного истину: «Если же все способы не предуспевают, в таком уж случае дошедших к пыткам по законам пытать».

Сужение сферы применения пытки постарались заполнить действием религии. Для получения правдивых показаний с обвиняемым, равно как и с доносчиком, в начале следствия беседовал тюремный священник Петропавловской крепости, чьи действия стали называться «увещевание священническое». Важнейшей целью следователей как в рясах, так и в партикулярном платье было добиться от допрашиваемого не только чистосердечного признания, но и раскаяния в содеянном. Раскаяние под угрозой применения пытки в случае упорствования быстро превратилось в высшую форму признания под воздействием религиозного чувства. Широкому внедрению его в следственную практику в немалой степени способствовала и показная набожность С.И. Шешковского, отмечаемая современниками. При этом ставшее ритуалом раскаяние чрезвычайно упрощало розыск, делая ненужным не только улики и доказательства, но и пытку как способ получения признаний. Пытать в Екатерининскую эпоху действительно стали несколько реже, однако сенатское постановление от 15 мая 1767 г. указывало, что «пытки же производить, если же со увещевания не признаются». Окончательно пытки были отменены Александром I лишь в 1801 г.

Помимо некоторого ограничения пыток, Екатерина II внесла в деятельность политического сыска два важных новшества. Во-первых, она распорядилась засылать лазутчиков в места массового скопления людей для подслушивания разговоров.

Московский главнокомандующий князь М.Н. Волконский 13 декабря 1773 г. так характеризовал императрице свою деятельность на этом поприще: «Употреблять надежных людей для подслушивания разговоров публики в публичных собраниях, как-то: в рядах, банях, кабаках, что уже и исполняется, а между дворянством также всякие разговоры примечаются». Секретными агентами в собственном смысле слова такие «слухачи» еще не являлись, но были, безусловно, их предшественниками. Екатерина II желала знать не только что говорят, но и что пишут ее подданные, и вторым ее нововведением стала перлюстрация корреспонденции, т. е. ознакомление с письмами без ведома отправителя и получателя. На почтамтах письма аккуратно вскрывали, переписывали, а оригиналы отправляли по назначению. Вызывавшие по тем или иным причинам интерес письма отправлялись в Тайную экспедицию, а иногда попадали на стол к самой императрице. Перлюстрация стала дополнительным источником информации, и если добытые таким путем сведения заслуживали внимания, то начинался стандартный розыск с арестом подозреваемых, допросами свидетелей и т.п.

После смерти Екатерины II в 1796 г. на престол вступил ее сын Павел I. Матери своей он не любил и многие из своих начинаний, будучи императором, проводил в пику прежней политике. Хотя новый император и освободил из заточения и ссылки целый ряд преследовавшихся при Екатерине II по политическим мотивам лиц, тем не менее Тайная экспедиция была оставлена в неприкосновенности. Подчиненный генерал-прокурора П.Х. Обольянинова, фаворита Павла, чиновник Д.Б. Мертваго вспоминал об этом периоде: «Время это было самое ужасное. Государь был на многих в подозрении... Знатных сановников почти ежедневно отставляли от службы и ссылали на житье в деревни. Государь занялся делами церковными, преследовал раскольников, разбирал основание их секты, многих брали в Тайную экспедицию, брили им бороды, били и отправляли на поселение. Словом, ежедневный ужас. Начальник мой стал инквизитором, все шло через него. Сердце болело, слушая шепоты, и рад бы не знать того, что рассказывают». Уже в самом начале правления Павла I была сделана попытка рассмотрения письменных доносов самим царем. Подозрительный даже к ближайшему своему окружению, император приказал повесить на стене Зимнего дворца специальный ящик, куда каждый желающий мог положить сообщение для государя. Никому не доверяя этой ответственной миссии, царь каждый раз собственноручно открывал ящик и забирал корреспонденцию. Правда, вскоре Павлу I пришлось отказаться от этой затеи – в ящик стали бросать ругательные письма и памфлеты против него самого. Шпиономания доходила до крайних пределов. Граф Е.Ф. Комаровский вспоминал, что как-то раз в беседе с ним Павел I сказал, «что все против него, т.е. императрица и наследник, что он окружен шпионами». Император, по словам князя А.Чарторыйского, с самого момента восшествия на престол со страхом предчувствовал грядущий дворцовый переворот. Предчувствия не обманули Павла, и, невзирая на все меры предосторожности, переворот все-таки произошел.

После убийства Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Михайловском замке на престол вступил его сын Александр I. Если Павел I ненавидел свою мать Екатерину II, то Александр I, в свою очередь, сильно недолюбливал отца и, напротив, обожал свою державную бабку. Стремясь успокоить дворянство, взбудораженное суровостями Павла, новый царь в своем манифесте от 12 марта 1801 г. обязался править народом «по законам и сердцу бабки нашей Екатерины Великой». Подобно тому как в начале своего правления императрица Екатерина подтвердила решение Петра III о ликвидации Канцелярии тайных розыскных дел, так и одним из первых шагов ее внука стало упразднение Тайной экспедиции. Но в отличие от своих предшественников на троне, ограничивавшихся лишь сменой вывесок в демагогических целях, Александр I действительно уничтожил в тот момент политический сыск как централизованную структуру. Следующим шагом царя-либерала было полное и безусловное запрещение пыток. В императорском указе от 27 сентября 1801 г. говорилось: «...Чтобы нигде ни под каким видом ни в вышних, ни в нижних правительствах и судах никто не дерзал ни делать, ни допущать, ни исполнять

никаких истязаний под страхом неминуемого и строгого наказания... чтоб, наконец, самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной». Зловещая пыточная канцелярия наконец прекратила свое существование на деле.

Биографии руководителей Тайной экспедиции при правительствующем Сенате

ВЯЗЕМСКИЙ Александр Алексеевич (1727–1793). Генерал-прокурор Правительствующего сената в 1764–1792 гг.

Древний дворянский род Вяземских берет начало от князя Ростислава-Михаила Мстиславовича Смоленского, умершего в 1136 г., внука знаменитого Владимира Мономаха. Правнук Ростислава-Михаила, князь Андрей Владимирович, умерший в 1224 г., получил в качестве удела город Вязьму, от которого и пошла фамилия его потомков.

Александру Вяземскому родители выбирают традиционную для его времени военную карьеру. В 1747 г. он оканчивает Сухопутный кадетский корпус. Участвует в Семилетней войне, проявив храбрость не только на полях сражений, но и при выполнении тайных поручений командования. Войну заканчивает в чине генерал-квартирмейстера. Екатерина II по достоинству оценивает работоспособность и честность молодого генерала и в 1763 г. поручает ему возглавить следственную комиссию с самыми широкими полномочиями для усмирения волнений горнозаводочных крестьян на Урале.

Убедившись в исключительной честности и неподкупности Вяземского, императрица решает поставить его во главе Сената – на одну из ключевых должностей в системе управления всей Российской империи, именно здесь ей требовался человек, на которого она могла полностью положиться. Официальное назначение 37-летнего А.А. Вяземского на пост генерал-прокурора Сената состоялось 3 февраля 1764 г. Историк Д.Н. Бантыш-Каменский в своем «Словаре достопамятных людей Русской земли» перечислил главные достоинства руководителя Сената, благодаря которым тот почти 30 лет продержался на своем высоком посту: «Князь Вяземский отличался верностью своею престолу, бескорыстием, был чрезвычайно трудолюбив, умел избирать достойных помощников; враг роскоши, но скуп и завистлив, как отзывались о нем современники. В его петербургском доме находилась Тайная экспедиция, и он часто присутствовал при допросах».

Вскоре после вступления в новую должность Вяземскому пришлось как генерал-прокурору Сената принимать участие в расследовании крупного политического дела. В июле 1764 г. 24-летний поручик Смоленского полка В.Я. Мирович попытался освободить из Шлиссельбургской крепости свергнутого императора Иоанна Антоновича и возвести его на престол. Мирович явился в крепость и, зачитав поддельный манифест, обманом заставил подчиненных ему солдат навести пушку на гарнизонную команду. Два караульных офицера, неотлучно приставленных к Иоанну Антоновичу, имели инструкцию убить секретного узника, если будет предпринята попытка его освобождения, и в сложившейся критической ситуации исполнили свой долг. Увидев, что предпринятая им попытка государственного переворота потеряла всякий смысл, Мирович дал себя арестовать и предстал перед следственной комиссией. Пытки были отменены, однако обер-прокурор Синода передал Екатерине II мнение церковных иерархов, желавших выслужиться перед императрицей: «Некоторые из духовенства приговаривают злодея пытать». Тщательно выяснив все обстоятельства дела, судьи приговорили отрубить Мировичу голову, а тело сжечь.

Однако смерть в крепости Иоанна Антоновича побудила недовольные правлением Екатерины II элементы избрать себе новое знамя – ее собственного сына. В 1769 г. по доносу майорской вдовы Анны Постниковой власти стало известно о намерении офицеров Преображенского полка Озерова, Жилина, Попова и Афанасьева свергнуть императрицу и

провозгласить государем Павла Петровича. Следственную комиссию возглавил граф Н.И. Панин, в нее вошли генерал-прокурор Сената Вяземский, генерал-полицмейстер Чичерин и кабинет-секретарь И.П. Елагин. Расследование установило виновность офицеров, которые были лишены всех чинов, дворянства и звания, после чего сосланы на вечные работы в Нерчинск, приговорены к заключению в крепости, отправлены на Камчатку. В 1772 г. Тайная экспедиция при Сенате ведет следствие по делу капралов Преображенского полка Оловянникова, Подгорого, Чуфаровского, подпоручика Тобольского полка Селехова и группы солдат, которые хотели убить Екатерину II и короновать ее сына. Императрица, не на шутку встревоженная заговором в гвардии, пристально следила за следствием и дала ведущему его генерал-прокурору Сената следующее указание: «Я нахожу, сия шайка такого роду, что, конечно, надлежит всех, в ней участие имеющих, вывести в наружу, дабы гвардию, колико возможно, на сей раз вычистить и корень зла истребить». Все заговорщики были приговорены к смертной казни, которую заменили наказанием кнутом и ссылкой на работы в Нерчинск «навечно».

Еще одним предметом надзора Тайной экспедиции при возглавляющем ее генерал-прокуроре Вяземском были различные самозванцы, в изобилии появлявшиеся в царствование Екатерины II. Еще до Пугачева законным императором Петром III объявляли себя беглый рекрут Евдокимов, беглый солдат Кремнев, капитан Кретов, солдаты Чернышев и Сенюшин и др., а Елизавета Тараканова в 1775 г. в Париже выдавала себя за дочь Елизаветы Петровны и объявила себя претенденткой на русский престол. Самозванцев обычно казнили, заключали в крепость, в иных случаях немилосердно били кнутом, вырывали ноздри и отправляли на каторжные работы в Сибирь.

Но самым крупномасштабным розыском Тайной экспедиции в бытность Вяземского генерал-прокурором Сената стало расследование о крестьянской войне под предводительством Е. Пугачева, также принявшего имя Петра III. Тайная экспедиция, ее московская контора, губернские канцелярии районов, где проходило восстание, а также Оренбургская и Казанская секретные комиссии из гвардейских офицеров и чиновников Тайной экспедиции занимались розыском о Пугачевском бунте почти все 1774–1775 гг. Низовые подразделения составляли на свои следственные дела «экстракты», которые отправляли в Сенат, где по ним после получения соответствующих указаний от императрицы Тайная экспедиция выносила окончательные решения, которые исполнялись на местах.

Разгромив вооруженные отряды Пугачева, правительство начало расправу над участниками крестьянской войны. Почти все предводители восставших, начиная с самого Е. Пугачева, были казнены. Крестьян обычно били кнутом и отправляли к своим помещикам или на каторгу в Таганрог и Рогервик, где их должны были всю жизнь «содержать в оковах», или в сибирскую ссылку. Весьма оперативно Тайная экспедиция при Сенате вынесла решения по 685 розыскным делам. Из них по казакам был расследовано 246 дел, крестьянам – 177, священникам – 140, башкирам, татарам, чувашам и другим инородцам – 55, дворянам – 29, работным людям – 22 и солдатам – 13 дел.

Одновременно с политическим сыском генерал-прокурор Сената с усердием исполнял многие другие поручения Екатерины II. В 1765 г. Вяземский был назначен начальником Межевой канцелярии, а в 1767 г. председательствовал в Комиссии по составлению нового Уложения (Свода законов). С 1769 г. является членом Совета при высочайшем дворе, в 1775 г. при его участии вводится в действие «Учреждение о губерниях», которое подробно регламентировало права и обязанности прокуратуры на местах, деятельностью которой генерал-прокурор активно руководил с помощью «предложений» и «ордеров», направляемых местным прокурорам. К началу 80-х гг. сфера компетенции Вяземского и соответственно его власть существенно расширилась, и помимо Сената, он руководил финансами, юстицией и внутренними делами. В течение ряда лет возглавлял Экспедицию о государственных доходах и исполнял обязанности государственного казначея, был директором Ассигнационного банка, заведовал всеми денежными делами за границей,

впервые введя строгую отчетность в финансовых делах. Генерал-прокурор Сената был составителем проекта выпуска в России бумажных денег, а также занимался вопросами, связанными с продажей соли и вина на территории империи. Помимо этого, с 1771 г. занимался финансовой отчетностью по Синоду и губернскому управлению, с 1775 г. возглавлял Канцелярию опекунства над иностранными подданными, руководил осушением болот под Петербургом, строительством театра в Северной столице и Екатерининского канала. За «прилежание, усердие и ревность к пользе службы» на своих многочисленных постах А.А. Вяземский был награжден орденами Св. Анны 1-й степени, Св. Александра Невского, Св. Владимира 1-й степени и Св. Андрея Первозванного.
В начале 1790 г. из-за тяжелой болезни отходит от дел и в сентябре 1792 г. окончательно увольняется в отставку. Скончался на 66-м году жизни, был похоронен в Благовещенской усыпальнице Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга.

ГЛЕБОВ Александр Иванович (1722–1790). Генерал-прокурор Правительствующего сената в 1761–1764 гг.
По семейному преданию, дворянский род Глебовых происходил от касожского князя Редеди, убитого в 1022 г. князем Мстиславом Владимировичем Тмутараканским. «Зарезав Редедю пред полками касожскими», победитель взял в плен его семью и крестил двух его сыновей под именами Романа и Юрия. Праправнук Романа, Глеб Михайлович Сорокоумов, и стал основателем рода новгородских дворян Глебовых. Александр Глебов в возрасте 15 лет был определен сержантом в Бутырский пехотный полк. В царствование Анны Иоанновны принимает участие в русско-турецкой войне, участвует в штурме крепости Очаков. 17 августа 1739 г. Глебов в чине поручика в сражении под Ставучанами храбро и умело командует отрядом, получает тяжелое ранение. Прослужив в армии еще 10 лет, в 1749 г. он переходит на гражданскую службу.
Бывшему офицеру повезло войти в доверие к графу П.И. Шувалову, фавориту императрицы Елизаветы Петровны, взявшему его к себе на службу коллежским асессором. Покровительство могущественного представителя рода Шуваловых значило в тот период гораздо больше, чем официально занимаемое им место в бюрократической системе. В 1756 г. Шувалов женит своего сметливого и привлекательного, лично преданного ему чиновника на графине Марии Симоновне, урожденной Гендриковой, вдове гофмейстера великокняжеского двора Чоглокова, приходившейся государыне двоюродной сестрой. Чтобы как-то сгладить неравность брака, Глебову незадолго до свадьбы был пожалован чин обер-прокурора Сената. Бракосочетание произошло в присутствии самой Елизаветы Петровны. Таким образом он входит в высший слой общества и получает причитающуюся ему долю монарших милостей, в августе 1760 г. возведен в звание генерал-майора и назначен генерал-кригскомиссаром. На своей новой должности Глебов не слишком заботится о снабжении воюющей с Пруссией русской армии, но зато делает гораздо более важное для своей будущей карьеры дело – входит в доверие и добивается расположения наследника престола великого князя Петра Федоровича.
В своем сочинении «О повреждении нравов в России» князь М.М. Щербатов дает далеко не лестную характеристику этому выскочке и его всесильному покровителю: «Глебов угодник графу Шувалову, умный по наружности человек, соединяющий в себе все пороки, которые сам он, Петр Иванович, имел». Эти двое и сочинили Уложение, которое они наполнили, по словам того же Щербатова, «неслыханными жестокостями пыток и наказаний». Очевидно, родственная связь П.И. Шувалова с руководителем Канцелярии тайных розыскных дел А.И. Шуваловым сыграла здесь не последнюю роль, и автор законопроекта составлял его под своего брата. Елизавета Петровна, уже готовая подписать представленный ей документ, случайно натолкнулась на главу, посвященную пыткам, «ужаснулась тиранству» и повелела переделать Уложение. Тем не менее подобные далеко не лучшие качества Глебова нисколько не отталкивали Петра III,

который 25 декабря 1761 г., в день своего вступления на престол после смерти Елизаветы Петровны, назначил своего друга генерал-прокурором Сената. Как генерал-прокурор, Глебов имел возможность оказывать влияние на Петра III. Им составлялись почти все поручения, даваемые императором Сенату, и некоторые из царских манифестов.

Несмотря на близость и дружбу с Петром III, глава Сената верно определил реальную расстановку политических сил и в момент июньского переворота 1762 г. поспешил переметнуться на сторону Екатерины. Подобная изворотливость и беспринципность на некоторое время продлили его карьеру, и Глебов сохраняет свой высокий пост при новой императрице. Только через два с половиной года Екатерина II отстраняет его от должности, назначив генерал-прокурором князя Вяземского.

Однако в начале правления Екатерины II реальные полномочия генерал-прокурора Сената даже расширились. Новая императрица полностью восприняла «сенатскую концепцию» организации политического сыска, доставшуюся ей по наследству от покойного мужа. Согласно ей эта деликатная область государственной деятельности маскировалась от глаз общества вывеской высшего правительственного учреждения империи, каковым являлся Сенат. Своим рескриптом от 2 октября 1762 г. Екатерина предписала генерал-прокурору Сената рассматривать поступающие во вверенное ему учреждение бумаги о «первых двух пунктах», которые прежде должна была расследовать Канцелярия тайных розыскных дел, и по важным делам «определение чинить». Поскольку переметнувшемуся к ней от Петра III руководителю Сената императрица полностью не доверяла, то разбор дел по поводу государственной безопасности она повелела вершить ему не единолично, а совместно с тайным советником графом Н.И. Паниным, который и должен был контролировать эту сферу деятельности генерал-прокурора.

Новый постоянный орган политического сыска, а им стала Тайная экспедиция при Сенате, был образован в декабре 1763 г., когда указом Сенату сенатский секретарь С.И. Шешковский был назначен «состоять по некоторым поручениям от нас... при наших: сенаторе тайном советнике Панине, генерал-прокуроре Глебове». С этого времени С.И. Шешковский становится фактическим руководителем Тайной экспедиции, надолго пережив в служебном отношении генерал-прокурора, своего номинального начальника. Когда в 1763 г. возникает очередное дело, связанное с низложенной Брауншвейгской династией, его расследует уже не специально созданная комиссия, а Тайная экспедиция.

В том же году службе политического сыска пришлось заниматься делом ростовского и ярославского митрополита Арсения Мацеевича. Образованность и волевой характер помогли ему достичь поста митрополита сначала в Тобольске, а затем в Ростове, стать членом Синода. Поскольку у правителей Российской империи стали отчетливо прослеживаться секуляризаторские тенденции, то, ратуя за права своего сословия, Мацеевич подает сначала Петру III, а затем Екатерине II записку, в которой заявляет, что мирским людям нельзя захватывать церковные имения, а наоборот, «Церковь содержать надо без скудности и обиды». Возмущенная императрица приказывает Синоду призвать мятежного митрополита к ответу за оскорбление царского величества и «превратное толкование» Священного писания. Мацеевича заключают под караул в московском Симоновом монастыре. В записке Глебову Екатерина пишет: «Нынешнюю ночь привезли враля, которого исповедывать должно, приезжайте ужо ко мне, он здесь во дворце будет». Помимо Екатерины и генерал-прокурора Сената при «исповеди» присутствовал С.И. Шешковский. Однако митрополит оказался человеком не робкого десятка и смело высказал в лицо государыне то, что он о ней думал. По слухам, «исповедь» кончилась тем, что Екатерина II заткнула уши, чтобы не слышать дерзостей в свой адрес, и велела «закляпить рот» наглецу. После формального суда Мацеевича сослали в Карельский монастырь. Однако вскоре доброхоты из монастырской братии донесли императрице, что бывший митрополит говорил им, что нынешняя власть разграбила православную церковь хуже турок и что «государыня наша не природная и не надлежало ей российского престола принять». Узнав об этом, императрица велела расстричь дерзкого монаха,

сослать на вечное поселение в ревельский каземат. Изоляция для узника предусматривалась абсолютная.
Генерал-прокурору Сената и его подчиненному приходилось заниматься разбором самых различных, иногда незначительных мелких дел. Так, например, московский крестьянин Захаров, сказавший о новой императрице в 1762 г.: «Села баба на царство и ничем народ не обрадовала», был наказан плетьми и сослан на каторгу. Туда же отправился и солдат Рябинин, сказавший о Екатерине II: «У нас-де баба и царством правит, нам дает жалованье слабое, а как на что другое, так у нее больше денег идет».
Тем временем над головой самого руководителя Сената сгущались тучи. К недовольству Екатерины II нерасторопным исполнением Глебовым своих служебных обязанностей и ее желанием видеть на посту генерал-прокурора человека, которому бы она полностью доверяла, прибавились сведения о финансовой нечистоплотности главы Сената. Расследование, проведенное в Иркутске, вскрыло грандиозную картину злоупотреблений и хищений, особенно по винным откупам, в которых первое место принадлежало Глебову.
Но опала на этот раз оказалась относительной, и императрица не смогла довести до конца принятое решение. Утратив пост генерал-прокурора Сената, Глебов сумел сохранить за собой должность генерал-кригскомиссара, а в 1773 г., когда возмущение Екатерины II по поводу «иркутского дела» улеглось, он был произведен в генерал-аншефы, затем, в 1775 г., назначен белгородским и смоленским генерал-губернатором. Однако новый виток его карьеры был окончательно пресечен проведенной в следующем году ревизией в Главном кригскомиссариате, выявившей крупные злоупотребления как раз за тот период, когда им руководил Глебов. Для окончательного расследования императрица распорядилась создать специальную комиссию, и незадачливый генерал-губернатор в июне 1776 г. был отстранен от всех должностей и в качестве обвиняемого подвергнут допросам и суду. Следствие длилось достаточно долго, и приговор по делу был утвержден Екатериной II только в сентябре 1784 г. Глебов был признан виновным «в небрежении должности», «исключен из службы», а на его имения был наложен арест. Последние шесть лет жизни бывший генерал-прокурор Сената доживал в своем имении в старой столице на Ходынке и в своей усадьбе в подмосковном селе Виноградове.

КУРАКИН Алексей Борисович (1759–1829). Генерал-прокурор Правительствующего сената в 1796–1798 гг.
Представитель старинного княжеского рода, истоки которого восходят к правителю Литвы Гедимину, давшему России многих крупных государственных и военных деятелей.
Алексей Борисович Куракин вместе с братом Александром получил образование в Лейденском университете в Голландии, где будущий генерал-прокурор изучал юриспруденцию. Недолгое время прослужив в гвардии, князь переходит на гражданскую службу, которая продолжается почти полстолетия. При Екатерине II уже к 35 годам достиг чина тайного советника.
После смерти Екатерины II ее сын, император Павел, стремится заменить на государственных постах выходцев из окружения своей матери. Начинается стремительное восхождение по службе тех, кого новый монарх знал лично. По вступлении его на трон Александр Борисович Куракин, старший брат Алексея (он воспитывался вместе с Павлом, тогда еще наследником престола), становится вице-канцлером и до сентября 1802 г. возглавляет (с перерывами) Коллегию иностранных дел. Не был обойден милостями и его младший брат. 4 декабря 1796 г. Павел I назначает Алексея Борисовича генерал-прокурором Сената, членом Совета при высочайшем дворе и главным директором Ассигнационного банка. Из тайного советника он становится действительным тайным советником. Расширяется круг его обязанностей, и вскоре он становится министром Департамента удельных имений и канцлером российских орденов. По инициативе Куракина учреждается государственный вспомогательный банк для дворян, главным попечителем которого он назначается.

При новом императоре Куракин становится чрезвычайно влиятельной фигурой. Без его ведома практически не решалось ни одно важное административное, полицейское, судебное, финансовое или иное дело, включая продвижение по службе сановников. Новый генерал-прокурор Сената существенно усиливает прокурорский надзор на местах и в переписке с местными губернаторами предписывает им «требования прокуроров с надлежащим уважением принимать». Стоит отметить, что Куракин первым обратил внимание на незаурядные способности будущего знаменитого реформатора М.М. Сперанского, поручив ему сначала должность своего домашнего секретаря, а потом ввел в Сенатскую канцелярию.

Хотя Павел I крайне отрицательно относился к наследству Екатерины II и многое стремился в нем изменить, тем не менее он в полной неприкосновенности сохранил Тайную экспедицию при Сенате, возглавлять которую должен был новый глава этого высшего государственного органа. В этом качестве Куракин должен был следить за всеми разговорами и критическими оценками по поводу различных нововведений императора и в первую очередь в области «новоустановленной формы», вызывавшей у военных множество нареканий. За отрицательное отношение к внедряемым в армию новым порядкам в 1797 г. попал в опалу прославленный полководец А.В. Суворов, высланный Павлом I в село Кончанское Новгородской губернии. Не ограничившись ссылкой, царь лично предписал генерал-прокурору Сената установить за А.В. Суворовым негласное наблюдение, для чего Куракин отправил в губернию одного из чиновников Тайной экспедиции, коллежского асессора Николаева.

Последнему была вручена секретная инструкция, согласно которой он должен был «сколько возможно скрывать от него самого (А.В. Суворова. — Прим. авт.) и его окружающих, что предмет пребывания его там и есть полученное оное надзирание». Однако чиновнику Тайной экспедиции не удалось утаить от проницательного Суворова истинную цель своего появления в Кончанском. Уже при первой встрече, как вспоминал впоследствии секретный агент, полководец «встретил меня с печальным видом, спросил, откуда я приехал. Я сказал, что проездом в Тихвин. На что он мне сказал: «Я слышал, ты пожалован чином, и служба большая. Выслужил! Выслужил, – повторил он, улыбаясь. – Продолжай эдак поступать, еще наградят». Я в ответ ему сказал, что исполнение воли монаршьей – первейший долг всякого верноподданного. На сие он мне отвечал: «Я б сего не сделал, а сказался б больным». Для установления регулярного наблюдения за домом Суворова Николаев получил от Боровичского земского исправника двух солдат «в исправности и расторопности испытанных». Помимо того, шпионить за военачальником согласились и два его соседа по имению.

Пока Куракин организовывал всеохватывающий надзор за опальным полководцем, опала постигла и его самого. Характер императора Павла I был непредсказуем, и это стоило мест многим деятелям в его царствование. 8 августа 1798 г. А.Б. Куракин был монаршьим велением смещен с поста генерал-прокурора Сената и назначен простым сенатором, а вскоре и окончательно отправлен в отставку. При новом императоре Александре I Куракин возвращается на службу и становится председателем Комиссии по пересмотру прежних уголовных дел. Его деятельность на этом посту заслуживает одобрения Александра I, и 4 февраля 1802 г. он назначает Куракина генерал-губернатором Малороссии; одновременно в 1804 г. тот становится членом Государственного совета. В ноябре 1807 г. следует очередное назначение – на пост министра внутренних дел, который он занимает до 1810 г. Уйдя с поста министра внутренних дел, Куракин сосредоточивает свои усилия на работе в Государственном совете, где ему не раз приходилось выполнять обязанности председателя и возглавлять различные комитеты и комиссии. Он занимается борьбой с чумой, помощью пострадавшим от наводнения жителям Северной столицы, другими неотложными вопросами. В 1821 г. А.Б. Куракин становится председателем Департамента государственной экономии Государственного совета, а в 1826 г. входит в состав Верховного уголовного суда, рассматривавшего дело

декабристов. Служба Куракина царскому престолу была отмечена орденами Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 2-й и 1-й степеней и орденом Св. Андрея Первозванного. Бывший генерал-прокурор Сената был похоронен в своем любимом имении Куракине Малоархангельского уезда Орловской губернии.

ЛОПУХИН Петр Васильевич (1753–1827). Генерал-прокурор Правительствующего сената в 1798–1799 гг., с 1807 г. возглавлял Комитет общей безопасности.

Дворянский род Лопухиных, как и род Глебовых, берет свое начало от касожского князя Редеди и его сына Романа. Его далекий потомок Василий Варфоломеевич Глебов носил прозвище Лопух, ставшее фамилией последующих поколений этого рода. Возвышение Лопухиных происходит после первого брака молодого Петра I с Евдокией Лопухиной, когда ее отец и четыре брата были пожалованы в дворяне. Однако близость к трону обернулась близостью к смерти. По делу царевича Алексея был казнен родной брат бывшей царицы Авраам Лопухин, при Елизавете Петровне ее двоюродный брат Степан Лопухин был наказан «урезанием языка, битьем кнутом и ссылкой в Сибирь» за то, что считал, что царский престол по праву принадлежит не дочери Петра I, а Иоанну Антоновичу.

Тем не менее кары не подорвали положение рода в целом, и Петр Лопухин 7 лет отроду числился уже капралом лейб-гвардии Преображенского полка. В 16-летнем возрасте он является на действительную службу в свой полк и к концу 1770-х гг. дослуживается до чина полковника, после чего оставляет военную службу и переходит на гражданскую. Начав ее помощником генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга, в царствование Екатерины II исполняет должности московского гражданского губернатора, ярославского и вологодского губернатора, получает в 1791 г. чин генерал-поручика (в 1796 г. переименованный в генерал-лейтенанта).

Вступивший на престол Павел I в 1796 г. пожаловал его чином тайного советника и званием сенатора. Новоявленный сенатор изо всех сил стремился выслужиться перед монархом и вполне достигает своей цели, когда в следующем году Павел I приехал на коронационные торжества в Москву. Находясь там, в марте–апреле 1797 г. император обратил внимание на 19-летнюю красавицу Анну, дочь Лопухина. Вскоре она становится фавориткой Павла I, и на отца проливается обильный дождь монарших милостей. Император вызывает его в Северную столицу и 6 августа назначает генерал-прокурором Правительствующего сената и членом Совета при высочайшем дворе. Он получает чин действительного тайного советника. Не обделил милостями Павел I и Анну Лопухину. Она получает придворное звание камер-фрейлины, затем статс-дамы. Статс-дамой становится и Екатерина Николаевна, жена Лопухина. 1799 г. приносит генерал-прокурору Сената новые знаки отличия: указом императора он возводится в княжеское достоинство Российской империи, удостаивается титула «светлости». Но поток монарших милостей иссяк так же внезапно, как и начался, и уже 7 июля 1799 г. Лопухин отправляется в отставку, переезжает в Москву и вплоть до конца царствования Павла I никаких должностей не занимает.

Как генерал-прокурор Сената, Лопухин руководил Тайной экспедицией, которая по воле Павла I продолжала надзор за А.В. Суворовым и другими офицерами русской армии. В качестве секретного агента для этой цели в 1799 г. использовался статский советник Е. Фукс, ставший впоследствии личным секретарем прославленного полководца. Фукс немедленно приступает к своим обязанностям и вскоре сообщает в Тайную экспедицию, что «по содержанию данной мне инструкции употребил все возможные способы для разведывания об образе мыслей итальянского корпуса и о поведении офицеров». В мае 1799 г. шпион доносит, что «...по всем военным письменным делам употребляет меня его сиятельство граф Александр Васильевич Суворов», и старательно пересылает в Петербург копии писем полководца, а также информирует обо всех его встречах с генералами и

офицерами. Под таким неусыпным шпионским надзором и пришлось Суворову совершать свой знаменитый Итальянский поход.
Новый взлет карьеры Лопухина начинается с восшествием на престол Александра I. В 1801 г. император возводит его в действительные камергеры и назначает членом Государственного совета. С 1803 по 1810 г. Лопухин занимает посты министра юстиции и генерал-прокурора, одновременно возглавляя комиссию по кодификации законодательства, на которую молодой император возлагал большие надежды. Там ему пришлось сотрудничать с М.М. Сперанским, внесшим большой вклад в работу комиссии в качестве товарища министра. Поскольку министр юстиции числился на хорошем счету у императора и к тому же имел опыт непосредственного руководства как петербургской полицией, так и упраздненной к тому времени Тайной экспедицией при Сенате, то неудивительно, что именно ему Александр I поручает возглавить Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия – Комитет общей безопасности, – учрежденный царским указом от 13 января 1807 г. Значение этого межведомственного органа государственной безопасности в преддверии надвигающейся смертельной схватки с Наполеоном было исключительно велико, и пост его главы император мог доверить только преданному ему человеку. В связи с образованием Министерства полиции Комитет общей безопасности с 1810 г. во многом теряет свое значение, и его руководитель получает новые назначения в рамках Государственного совета.
С 1810 по 1816 г. Лопухин является председателем Департамента гражданских и духовных дел, с 1812 г. возглавляет Департамент законов, в 1812–1816 гг. руководит Департаментом экономии Государственного совета. За свою деятельность на этих постах в 1814 г. он получает чин действительного тайного советника первого класса, что приравнивалось к воинскому чину генерал-фельдмаршала (как отмечают специалисты, за все время существования Российской империи этот высокий чин носило немногим более 10 человек). С 1816 г. и до конца жизни Лопухин является председателем Государственного совета и Комитета министров, сосредоточивая в своих руках почти все нити управления Российской империей. За полвека службы светлейший князь Лопухин был удостоен орденов Св. Владимира 3-й и 2-й степеней, Св. Андрея Первозванного, Св. Иоанна Иерусалимского, Св. Анны 1-й степени.
Последнее важное поручение, которое было возложено на него уже новым императором Николаем I в 1826 г., заключалось в том, что Лопухину было доверено председательствование в Верховном уголовном суде по делу о восстании декабристов. Следует отметить, что в числе последних оказался и его единственный сын Павел Он участвовал в Отечественной войне 1812 г., в 1818 г. стал одним из основателей «Союза благоденствия». Когда этот «Союз» распался, вступил в тайное Северное общество и принял участие в попытке свержения самодержавия. Император Николай I лично допросил Павла Лопухина. Когда тот откровенно рассказал монарху о своем участии в тайных обществах, император в знак признания заслуг его отца «высочайше освободил» молодого Лопухина от всякой ответственности. Историк и писатель того времени Модест Корф, характеризуя личность бывшего генерал-прокурора Сената, отмечал его всегдашнюю приспособляемость к духу эпохи: «При Екатерине требовали, чтобы каждый исправно делал свое дело, и он был прекрасным губернатором; при Павле потребовали от него иных услуг, и он – пожертвовал и женою своею, и дочерью (если дочь была фавориткой самого императора, то жена – любовницей князя Г. Гагарина. — Прим. авт.); наконец, при Александре потребовали, чтобы он ничего не делал, и он в точности исполнял и эту высочайшую волю».

МАКАРОВ Александр Семенович (1750–1809 или 1810). Тайный советник, фактический руководитель Тайной экспедиции при Правительствующем сенате в 1794–1801 гг.

При череде генерал-прокуроров Сената, один сменявших другого, фактическим руководителем Тайной экспедиции в царствование Павла I стал А.С. Макаров. О нем известно немного. Точных данных о начальном этапе его карьеры на государственной службе нет. Есть лишь сведения, что в 1786 г. он производится в надворные советники и состоит секретарем при рижском генерал-губернаторе Ю.Ю. Броуне. После этого переводится в Северную столицу и продолжает службу под началом Шешковского, который и заметил способного чиновника, произведенного в коллежские советники в октябре 1791 г. После смерти своего печально знаменитого предшественника Макаров с апреля 1794 г. возглавляет Тайную экспедицию при Сенате и приводит в порядок дела этого грозного ведомства. Первым делом надо было разобраться с документацией, а затем на повестку дня стал ремонт мест заключения, поскольку уже через два дня после вступления на престол Павел I распорядился «для содержания под стражею по делам, до тайной экспедиции относящимся, изготовить дом с удобностью для содержания в крепости». Новый император имел в виду Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Вслед за этим Макаров посещает другие тюрьмы, подчиненные его ведомству, составляет подробный доклад о содержащихся в Кексгольмской крепости членах семьи Пугачева.

Следует отметить, что в отличие от своего предшественника Макаров обладал редкой способностью располагать к себе не только свое непосредственное начальство, но даже государственных преступников, дела которых по долгу службы расследовал. Побывавший узником Петропавловской крепости будущий генерал А.П. Ермолов назвал фактического главу Тайной экспедиции человеком «честнейшим и порядочным». Подобного мнения придерживался и прошедший через это страшное ведомство В. Пассек: «Я нашел в Петербурге Александра Семеновича Макарова и Егора Борисовича Фукса, облегчавших сколько было в силах их... в содрогание приводящую Тайную экспедицию». С другой стороны, «честнейшим порядочным» чиновником, судя по всему, было весьма довольно и начальство: в 1798 г. Макаров производится в действительные статские советники, в 1800 г. назначается сенатором с повышением в чине до тайного советника.

В отличие от его непосредственного последнего начальника Обольянинова, карьера Макарова не оборвалась с убийством Павла I и восшествием на престол нового монарха. Упразднив Тайную экспедицию, Александр I назначает ее фактического руководителя в состав Комиссии по пересмотру прежних уголовных дел, оставшихся ему от предшествующего царствования. Амнистия проводилась достаточно широкая, и из 700 проходивших по делам Тайной экспедиции лиц было освобождено 482 человека. Исследователи отмечают убежденные монархические воззрения А.С. Макарова, особо наглядно проявившиеся в «Деле о восстановлении утерянной Сенатом власти», возбужденном летом 1801 г. по докладу графа П.В. Завадовского. Вместе с сенаторами П.И. Пущиным, Толстым, С.И. Салагоновым и И.С. Захаровым А.С. Макаров составляет отзыв на этот проект, в котором категорически отвергалась сама мысль о какой-либо самостоятельности Сената и утверждалось, что данное высшее государственное учреждение обязано действовать «на основании законов и во исполнение особенных императорского величества повелений». Когда для противодействия масонам и французскому шпионажу 13 января 1807 г. был образован Комитет общей безопасности, то в его состав входит и сенатор Макаров. Это назначение следует расценивать не только как признание его профессионализма в сфере политического сыска, но и как знак высокого императорского доверия. Бывший фактический глава Тайной экспедиции с энтузиазмом берется за привычное дело и, начиная с первого заседания нового органа государственной безопасности, состоявшегося 15 января 1807 г., не пропускает ни одного из них вплоть до февраля 1809 г., когда посещать заседания он не смог по состоянию здоровья.

ОБОЛЬЯНИНОВ Петр Хрисанфович (1752–1841). Генерал-прокурор Правительствующего сената в 1800–1801 гг.

Дворянский род Обольяниновых восходит к XVI в. Крупных должностей представители его никогда не занимали, и к середине XVIII в. род достаточно оскудел.

Будущий генерал-прокурор Петр Обольянинов до 16 лет жил в имении родителей, небогатых помещиков Псковской губернии, образования практически не получил, с трудом выучившись читать и писать. В 1768 г. в звании кадета поступает в армию, являя собой пример образцового службиста. По отзывам современников, Обольянинов выделялся среди сослуживцев «усердным исполнением своих обязанностей и беспрекословным и пунктуальным следованием приказаний высшего начальства».

К 1780 г. дослуживается до чина премьер-майора и выходит в отставку. Три года живет в деревне, затем поступает на гражданскую службу, посвятив ей следующие десять лет жизни. Но и на гражданском поприще не достигает заметных успехов ввиду малообразованности и начинает усиленно хлопотать об обратном переводе в армию.

В 1793 г. в чине подполковника зачисляется в гатчинские войска наследника престола великого князя Павла Петровича. Здесь удача улыбается ему, поскольку будущий император превыше всего ценил в военных умение слепо и без рассуждений повиноваться приказаниям, пунктуальность и дисциплинированность – именно те качества, которыми подполковник обладал в полной мере. В правление Павла I Обольянинов делает головокружительную карьеру и уже в 1796 г. производится в чин генерал-майора, назначается генерал-провиантмейстером. В 1798 г. получает чин генерал-лейтенанта, на следующий год – звание сенатора. Горько разочаровавшись в честном и правдивом А.А. Беклешове, император решает опираться на проверенные кадры и 2 февраля 1800 г. назначает сенатора генерал-прокурором. Ему присваивается чин генерала от инфантерии. Обольянинов был награжден орденами Св. Анны 1-й степени, Св. Александра Невского, Св. Иоанна Иерусалимского и Св. Андрея Первозванного.

Новый генерал-прокурор Сената пользуется полным доверием императора, что было огромной редкостью по тем временам, учитывая крайне подозрительный характер Павла I. Он регулярно видится с ним, представляет царю доклады по самым разнообразным вопросам, пользуется почти неограниченной властью. Нечего и говорить, что ни по образованию, ни по умственным способностям он совершенно не подходил для занимаемой высокой должности: писал с ошибками, коверкал многие названия и слова, был груб с подчиненными, которых поносил последними словами. Тем не менее даже у него наблюдались отдельные проблески ума, если речь заходила о сохранении людей, способных выполнять за него конкретную работу. Когда Павел I, не ограничившись отставкой А.А. Беклешова, повелел уволить всех чиновников Сенатской канцелярии, служивших под его началом, новый генерал-прокурор, кажется, единственный раз проявил самостоятельное мнение и сумел отстоять М.М. Сперанского. Однако в целом, по отзывам современников, с приходом Обольянинова на высший государственный пост «...дела пошли хуже прежнего; произвол водворился окончательно и над людьми, и в деловых решениях. Генерал-прокурор слепо исполнял все полученные повеления и никогда не возражал». Понятно, что подобный глава Сената казался Павлу I идеальным, и, по всей видимости, ему была бы гарантирована долгая и успешная карьера, если бы не дворцовый переворот.

В качестве шефа Тайной экспедиции при Сенате Обольянинов ведал надзором за арестованными, сосланными и находящимися под надзором государственными преступниками. По личному повелению Павла I он осуществлял «наблюдение за поведением» Николая Румянцева, сына знаменитого полководца, за бывшими фаворитами государя – князем Александром Куракиным, графами Кириллом и Андреем Разумовскими и другими высшими сановниками. Не избежал слежки и его предшественник на посту генерал-прокурора Алексей Борисович Куракин. Хотя обязанности политического сыска Обольянинов исполнял дисциплинированно и пунктуально, тем не менее ограниченный

ум солдафона не был создан для подобного рода деятельности. Его ограниченностью и воспользовались заговорщики, которые, чтобы не возбуждать излишних подозрений, избрали его дом в качестве сбора, где и арестовали генерал-прокурора Сената в ночь убийства Павла на 11 марта 1801 г. Восшедший на престол Александр I прежде всего вернул на высший государственный пост А.А. Беклешова, а П.Х. Обольянинова отправил в отставку.

САМОЙЛОВ Александр Николаевич (1744–1814). Генерал-прокурор Правительствующего сената в 1792–1796 гг.

В 1760 г. в 16-летнем возрасте был определен рядовым в лейб-гвардии Семеновский полк. В составе его участвовал в войне с Турцией 1768–1774 гг. и за «храбрые и мужественные дела при Силистрии» награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Военная карьера молодого офицера складывалась удачно, и параллельно с ней начиналась его карьера при императорском дворе. В 1775 г. Екатерина II назначает Самойлова камер-юнкером, и очень скоро он становится правителем дел Совета при высочайшем дворе. Состоя при императрице, достаточно быстро продвигается по службе. В начале Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. – генерал-поручик. В действующей армии, которой командовал Г.А. Потемкин, участвует в главных сражениях: во главе колонны 6 декабря 1788 г. одним из первых врывается в мощную неприятельскую крепость Очаков, участвует в штурме крепостей Каушаны, Килия, Бендеры, Измаил. В конце войны в Яссах умирает Потемкин, и Самойлов по поручению императрицы до прибытия канцлера А.А. Безбородко ведет мирные переговоры с турками. В январе 1792 г. привозит Екатерине II весть о заключении мира с Турцией. На радостях по этому случаю императрица лично пожаловала гонцу орден Св. Андрея Первозванного (также был награжден орденами Св. Георгия 4-й и 2-й степени, Св. Александра Невского, Св. Владимира 1-й степени) и 30 тысяч рублей.

В этот период Екатерина II усиленно ищет замену тяжелобольному генерал-прокурору Сената А.А. Вяземскому. Никого достойного в своем постоянном окружении она не находит, и в сентябре 1792 г. назначает «на краткое время» на высокий пост генерал-прокурора Сената Самойлова. «Краткое время» растянулось на целых четыре года вплоть до смерти Екатерины II. Суммируя реакцию тогдашнего общества на это назначение, историк П. Иванов отмечает, что, по отзывам современников, «граф А.Н. Самойлов был храбрый и честный человек, но мало сведущий в делах гражданских».

Успешней складывались у нового генерал-прокурора дела на поприще политического сыска, благодаря чему, по всей видимости, он и оставался длительное время на своем ответственном посту. Старательно вникая в суть следствия, Самойлов докладывал о его ходе лично императрице, нередко получал от нее дальнейшие указания. Первым крупным процессом в его руководство Тайной экспедицией при Сенате стало дело книгоиздателя и просветителя Н.И. Новико€ва. Власти давно знали о его принадлежности к масонской ложе и держали под подозрением за острые сатиры в журналах и распространение идей французских просветителей. Пока эти идеи не привели к революции во Франции, Екатерина II более или менее терпимо относилась к их отечественному пропагандисту, предпочитая бороться с ним с помощью литературной полемики. Великая французская революция заставила императрицу пересмотреть политику в этом вопросе и прибегнуть к карательным мерам. В апреле 1792 г. Н.И. Новиков был арестован, а его издания конфискованы. Высокий уровень образованности подследственного доставлял много хлопот руководителям Тайной экспедиции. Екатерина II внимательно следила за ходом этого политического дела и сама составила вопросные пункты, на которые Новиков должен был дать ответ в каземате Шлиссельбургской крепости. Тем не менее конкретных обвинений просветителю Тайная экспедиция предъявить так и не смогла, и по повелению императрицы он и без этой «формальности» был приговорен к 15 годам заключения.

На следующий год Тайной экспедиции при Сенате пришлось заниматься розыском по делу отставного поручика Ф. Кречетова. В доносе на арестованного говорилось, что он

«сочиняет разные сочинения против царской власти, клонящиеся к соделанию бунта, а нередко говорил и на словах возмутительные речи, касающиеся до порицания особы ее императорского величества и нынешнего правления». При обыске у него, помимо сочинений об учреждении в империи школ, типографий, нашли записку о введении в России «Основного государственного закона», согласно которому монархи должны являться лишь «блюстителями» и «стражами» закона, а в случае его нарушения отрешаться от престола. За подобное вольнодумство Кречетов был заточен в Петропавловскую крепость «под крепчайшей стражей» без права писать что-либо и встречаться с родными. Эти и другие подобные дела генерал-прокурору Сената с особым усердием помогал расследовать неутомимый С.И. Шешковский.
Карьера Самойлова закончилась сразу после смерти Екатерины II в ноябре 1796 г. Ее наследник Павел I не любил свою мать и всех деятелей из ее окружения и через месяц после вступления на престол отправил Самойлова в числе других в отставку.

ШЕШКОВСКИЙ Степан Иванович (1727–1794). Обер-секретарь Тайной экспедиции при Правительствующем сенате в 1767–1790 гг.; фактический руководитель ведомства политического сыска России с начала 1760-х гг.
Печально знаменитый в Екатерининскую эпоху Степан Шешковский, которого Пушкин заклеймил «домашним палачом кроткой Екатерины», родился в семье коллежского регистратора. Отец отдал его в греко-латинскую школу, но поскольку он учился там только до 10-летнего возраста, то образование получил самое поверхностное. Первоначально отец пристроил его на службу в Сибирский приказ, где с 1740 г. он числится среди приказных недорослей. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба мелкого чиновника, находившегося отнюдь не в гуще политических событий, если бы его отец не был лично знаком с самим главой Канцелярии тайных розыскных дел А.И. Шуваловым, приближенным императрицы Елизаветы Петровны. В 1752 г. старший Шешковский по своим делам едет в Петербург, где останавливается в доме Шувалова, и в том же году его сына назначают на должность архивариуса столичного ведомства политического сыска. А.И. Шувалов остался доволен усердием своего подчиненного и менее чем через два года, в феврале 1754 г., доносит в Сенат, что «в Канцелярии тайных розыскных дел имеется архивариус Степан Шешковский, безпорочно и состояния доброго и во исполнении важных дел поступает добропорядочно и ревностно, почему и достоин быть он, Шешковский, протоколистом». Сенат утвердил представление. Должность протоколиста была достаточно важной в этом ведомстве, поскольку требовала умения точно и сжато изложить в протоколе содержание допроса и на его основе грамотно составить подаваемые вышестоящим лицам вплоть до самой императрицы «экстракты» и проекты приговора по делу. Одновременно она давала богатый опыт ведения допросов. Шешковский вкладывает в работу на новом поприще всю душу, и через три года о его усердной службе начальник докладывает самой Елизавете Петровне. Примерная старательность была оценена, и императрица «всемилостивейше пожаловать соизволила». С этого времени Шешковский начинает делать личные доклады по наиболее важным делам самой государыне.
Смерть в 1761 г. Елизаветы Петровны и ликвидация ее преемником Канцелярии тайных розыскных дел не остановила его карьеры, и 25 февраля 1762 г. Шешковский становится секретарем в учрежденной Петром III Тайной экспедиции при Правительствующем сенате. Свержение и смерть императора также не поколебали его положения, поскольку Екатерина II остро нуждалась в политическом сыске и опытных кадрах для его ведения. В 1763–1764 гг. он активно участвует в расследованиях по делам митрополита Арсения Мацеевича и Мировича. За проявленное усердие в апреле 1764 г. получает чин надворного советника и завоевывает полное доверие новой императрицы. Связь с государыней, стремившейся постоянно быть в курсе расследования политических преступлений и давать по ним собственные указания, он чаще всего поддерживает через своего

непосредственного начальника генерал-прокурора Сената А.А. Вяземского или статс-секретаря Екатерины, хотя неоднократно делает ей и личные доклады.
П.А. Радищев, сын автора знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву», попавшего за него в Тайную экспедицию и там познакомившегося с фактической главой этого зловещего учреждения, описывает его со слов отца так: «Низкий происхождением, воспитанием и душевными качествами, Шешковский был грозою столицы... ему была препоручена Тайная канцелярия, и этот Великий инквизитор России исполнял свою должность с ужасною аккуратностью и суровостью. Он действовал с отвратительным самовластием и суровостью, без малейшего снисхождения и сострадания. Шешковский сам хвалился, что знает средство вынуждать признания; а именно, он начинал тем, что допрашиваемое лицо хватит палкой под самый подбородок, так что зубы затрещат, а иногда и повыскакивают... Всего замечательнее то, что Шешковский обращался таким образом только с знатными особами, ибо простолюдины были отдаваемы на расправу его подчиненным... Наказание знатных особ он исполнял собственноручно. Розгами и плетьми он сек часто. Кнутом он сек с необыкновенной ловкостью, приобретенной частым упражнением». По самым приблизительным подсчетам современников, он за долгие годы своей службы высек не менее двух тысяч человек. Среди них были генералы и даже дамы, хорошо известные в обществе. Согласно слухам, среди последних особ пострадали Елизавета Петровна Дивова (урожденная графиня Бутурлина) и Анна Алексеевна Турчанинова (урожденная графиня Эльмпт). С помощью Шешковского императрица жестоко расправлялась с теми придворными дамами, которые осмеливались отпускать шутки по ее поводу или обсуждать женские достоинства самой государыни.
При всем этом «домашний палач» отличался крайней набожностью и ханжеством. Комната для истязаний в Тайной экспедиции была увешана иконами, а когда Шешковский вел допрос, то в его устах непрерывно звучали библейские тексты. Когда же по его приказу людей начинали сечь или пытать, то под их крики и стоны он с особенным умилением начинал петь акафист Сладчайшему Иисусу или Божьей Матери.
Исправно исполняя свое кнутобойное ремесло, он стремился сделать так, чтобы ни одно многолюдное сборище в столице не прошло без его надзора. Историк П.Ф. Карабанов писал, что Шешковский «везде бывал, часто его встречали там, где и не ожидали. Имея, сверх того, тайных лазутчиков, он знал все, что происходило в столице: не только преступные замыслы или действия, но и даже вольные и неосторожные разговоры». Такая старательность не могла остаться незамеченной, и 4 января 1767 г. он производится в коллежские советники и уже официально получает должность обер-секретаря Тайной экспедиции при Сенате.
Почти за полтора десятилетия ревностной службы Шешковский стал хорошо известен Екатерине II, и когда наконец был схвачен Е. Пугачев, не было сомнений, кого назначить для допроса самозванца. С этой целью Шешковский командируется императрицей в Москву. По прибытии в Москву Шешковский первым делом явился к М. Н. Волконскому и получил от него последние сведения по поводу предводителя мятежников. 5 ноября 1774 г. в 9 часов утра в старую столицу привезли Пугачева, которого поместили на Монетном дворе и приковали к стене надежными цепями. Уже через час к нему явились Волконский и Шешковский. После первого допроса, продолжавшегося до двух часов дня, формальный глава следствия уехал, поручив всю черновую работу своему старательному помощнику. Первоначально обер-секретарь Тайной экспедиции полагал окончить дело за 60–70 часов, однако не смог уложиться в этот срок. Составляя донесение Екатерине II на четвертый день непрерывных допросов, князь Волконский сообщал императрице, что допрос Пугачева окончить, «по пространству его гнусной истории и скаредных его злых деяний», никак не удается и в лучшем случае он завершится дня через два. Отвергая упреки в излишней медлительности, он рисует картину «напряженного труда» следственной комиссии: «Шешковский, всемилостивейшая государыня, пишет день и ночь злодеев гисторию, но окончить еще не мог». Несмотря на прогнозы Волконского и

самого исполнителя, следствие в действительности затянулось на месяц. Императрица все это время находилась в курсе процесса и направляла его в нужное русло. На основании собранных Шешковским сведений суд над Пугачевым состоялся в Москве 29–31 декабря 1774 г. и приговорил его к смерти. Казнь состоялась 10 января следующего года. За активнейшее участие в следствии по делу Пугачева Шешковский удостаивается чина статского советника.

По возвращении в Санкт-Петербург фактический глава Тайной экспедиции занимается привычными розыскными и «воспитательными» обязанностями. Наибольшую известность в послепугачевскую эпоху получили его расследования по делу Натальи Пассек, ради которого он вновь ездил в Москву; по книге Радищева, по делам секретаря Коллегии иностранных дел надворного советника Вальва, обвиненного в шпионаже; просветителя Новикова и студентов Невзорова и Колокольникова. За эти и многие другие дела Шешковский в 1781 г. производится в чин действительного статского советника и получает орден Св. Владимира 2-й степени, в 1791 г. – «при особо порученных от ея императорского величества делах» – чин тайного советника.

Сохранились описания внешности «домашнего палача» Екатерины II. Наиболее подробное принадлежит майору Бехтереву, побывавшему «в гостях» у фактического руководителя Тайной экспедиции: «За столом, заваленным грудами бумаг между двух восковых свечей, я разглядел прямо сидевшую против меня добродушную фигуру невысокого, сгорбленного, полного и кротко улыбавшегося старика. Ему было под семьдесят лет. В таком роде я встречал изображения некоторых, прославленных тихим правлением, римских пап. Жирный, в мягких складочках, точно взбитый из сливок, подбородок был тщательно выбрит, серые глаза глядели вяло и сонно; умильные, полные губы, смиренно и ласково сложенные, казалось, готовы были к одним ободряющим привет и ласку словам. Белые сквозящие жиром руки в покорном ожидании были сложены на животе...» Однако эта неказистая фигурка внушала трепет окружающим, великолепно осведомленным о творимых им делах. Когда, например, А.Н. Радищеву при аресте сказали, что его делом будет заниматься Шешковский, тот упал в обморок. А когда Шешковский передал автору «Путешествия из Петербурга в Москву» слова императрицы о том, что она считает его «бунтовщиком хуже Пугачева», и показал орудия пыток, тот был морально сломлен, немедленно признался и раскаялся во всем. Информируя Екатерину II о ходе следствия, Шешковский так оценивал состояние Радищева: «В себе иного не содержит, как он описал гнусность своего сочинения и кое он сам мерзит». Благодаря этому смертный приговор обвиняемому был заменен ссылкой в Сибирь.

Глава 7
Комитет общей безопасности

Ликвидировав в 1801 г. Тайную экспедицию, вскоре Александр I и его ближайшее окружение поняли, что без органа государственной безопасности власть существовать не может. Основная угроза на этот раз исходила не столько изнутри страны, сколько извне: ставший императором Франции Наполеон явно рвался к мировому господству. После сокрушительного разгрома Австрии и Пруссии на пути к нему перед великим завоевателем оставалось только два препятствия – Англия и Россия. Французская разведка в тот период являлась одной из лучших в мире и проявляла большой интерес к делам и замыслам своих действительных или потенциальных противников. В русских документах за 1810–1812 гг. упоминается более 60 разыскиваемых французских лазутчиков и шпионов. Несмотря на все попытки противодействия им (так, перед самым началом Отечественной войны 1812 г. русская военная разведка под руководством М.Б. Барклая де Толли через Д. Савана сумела подбросить французам дезинформацию о планах русского командования ведения боевых действий), далеко не все усилия наполеоновской разведки

оказались тщетными. Французский офицер Домберг, участник наполеоновского похода в Россию, вспоминал:
«Москва, несмотря на громадное протяжение и обезлюдение, царствовавшие в ней, не представляла для французов никакого затруднения относительно распознавания местности, что обыкновенно случается в незнакомом городе. Самые положительные сведения, мельчайшие топографические подробности доставлены были еще до начала войны нашим консулом Дорфланом. Он находился тут же при армии, так что указания его переходили ко всем, начиная с офицеров и до последнего солдата».
Первоначально Александр I попытался решить проблему государственной безопасности без создания единого специализированного органа. На учрежденное 8 сентября 1802 г. Министерство внутренних дел были возложены многочисленные функции управления страной, в том числе «попечение о повсеместном благосостоянии народа, о спокойствии, тишине и благоустройстве всей империи». Вторая экспедиция министерства, которая ведала «делами благочиния», наряду с руководством земской и городской полицией занималась вопросами политического сыска и цензуры. Одновременно при петербургском военном губернаторе на строго конспиративных началах стала действовать Тайная полицейская экспедиция. Согласно секретной инструкции в круг ее обязанностей входили:
«...все предметы, деяния и речи, клонящиеся к разрушению самодержавной власти и безопасности правления, как-то: словесные и письменные возмущения, заговоры, дерзкие или возжигательные речи, измены, тайные скопища толкователей законов, учреждениев, как мер, принимаемых правительством, разглашателей новостей важных, как предосудительных правительству и управляющим, осмеяний, пасквилесочинителей, вообще все то, что относиться может до государя лично, как правление его». Тайная полицейская экспедиция также должна была ведать «о всех приезжих иностранных людях, где они жительствуют, их связи, дела, сообщества, образ жизни, и бдение иметь о поведении оных»
Однако обе структуры работали неэффективно и, отправляясь в 1805 г. в действующую армию на войну с Наполеоном, Александр I сказал графу Е.Ф. Комаровскому:
«Я поручаю столицу Вязмитинову, а тебя назначаю к нему в помощники; сверх того, я желаю, чтобы учреждена была секретная полиция, которой мы еще не имеем и которая необходима в теперешних обстоятельствах. Для составления правил оной назначен будет комитет из князя Лопухина, графа Кочубея и тебя...».
Первой попыткой претворения в жизнь монаршей воли было образование 5 сентября 1805 г. «Комитета для совещания по делам, относящимся к высшей полиции». В него вошли министр внутренних дел В.П. Кочубей, министр юстиции П.В. Лопухин и военный министр С.К. Вязмитинов, одновременно являвшийся военным губернатором Петербурга (Е.Ф. Комаровский к работе в комитете, несмотря на разговор с императором, не был привлечен). В составленной графом Н.Н. Новосильцевым инструкции определялись две функции этого межведомственного учреждения:
«а) сохранение общественного спокойствия и тишины;
б) отвращение недостатков продовольствия и жизненных припасов в столице».
Для достижения этих целей Комитет высшей полиции должен был «немедленно и исправно» получать информацию от столичного обер-полицмейстера (о подозрительных лицах, приезжих, слухах, «скопищах и собраниях», состоянии продовольствия), министра внутренних дел (о слухах, поступающих из губерний через местных начальников), директора почт (о подозрительной переписке) и доводить эту информацию до сведения Комитета министров и самого императора. Не только деятельность, но и само существование этого органа было окружено завесой строжайшей секретности.
Однако в целом этот опыт был признан неудачным, и по предложению графа Н.Н. Новосильцева, одного из ближайших друзей царя, 13 января 1807 г. был образован

Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия (Комитет общей безопасности).
Царский указ, объявлявший об учреждении нового органа государственной безопасности, прямо указывал на внешнюю угрозу – со стороны Франции – как непосредственную причину его образования и предусматривал «меры предосторожности в рассуждении проживающих в России французских подданных», пресечение «удобности к совершению замыслов внешних врагов государства через зловредные переписки, подсматривания (шпионство) и разглашения». Вместе с тем в документе подчеркивалась необходимость «при самом открытии злого намерения и измены сохранить строжайший порядок и благоразумную осторожность в производстве следствия по сему роду дел, где малейшая погрешность обратиться может или к притеснению невинности, или к закрытию преступления...» В соответствии с указом императора комитет должен был состоять «из министра юстиции князя Лопухина и сенаторов, тайных советников Макарова и Новосильцева, и в случае нужды назначая присутствовать в оном главнокомандующему в столице, министру военных сухопутных сил Вязмитинову и министру внутренних дел действительному тайному советнику графу Кочубею...» Как легко заметить, костяк нового Комитета был точно такой же, как и предыдущего. Когда у Вязмитинова после выхода этого указа возник закономерный вопрос: что же делать с Комитетом 1805 г., Александр I ответил ему: «За учреждением Комитета 13 января 1807 года первый существовать уже не может, а вместе с тем и секретное наставление, данное тому Комитету, повелено было хранить в новом Комитете».
Весьма симптоматично появление в составе Комитета общей безопасности А.С. Макарова – ученика и преемника С.И. Шешковского на посту фактического руководителя Тайной экспедиции при Сенате. Тем самым устанавливалась определенная преемственность между прежним и новым органом политического сыска. Помимо указанных выше лиц, в работе Комитета 1807 г. позднее принимали участие фельдмаршал Н.И. Салтыков, министр полиции А.Д. Балашов и с 1814 г. – А.А. Аракчеев.
Интересно, что Н. Новосильцев, бывший инициатором создания Комитета общей безопасности, в составленной им для этого органа секретной инструкции указывал несколько иной перечень врагов Российской империи, нежели в официальном указе:
«Коварное правительство Франции, достигая всеми средствами пагубной цели своей – повсеместных разрушений и дезорганизации, между прочим, как известно, покровительствует рассеянным во всех землях остаткам тайных обществ под названием иллюминатов, мартинистов и других тому подобных, и через то имеет во всех европейских государствах, исключая тех зловредных людей, которые прямо на сей конец им посылаются и содержатся, и таких еще тайных сообщников, которые, так сказать, побочным образом содействуют французскому правительству и посредством коих преуспевает оно в своих злонамерениях».
Итак, новый орган госбезопасности Российской империи создавался не только для противодействия французскому шпионажу, но и для борьбы с масонскими тайными обществами – иллюминатами и мартинистами. В принадлежности к иллюминатам подозревали автора проекта крупномасштабных реформ М.М. Сперанского, бывшего одно время одним из наиболее близких советников Александра I. Входивший в состав комитета 1807 г. А.Д. Балашов вместе со своим помощником Я.И. де Сангленом обвинил инициатора реформ в государственной измене, тайных связях с Наполеоном и поляками и добился от царя согласия на арест и ссылку Сперанского. Однако торжество представителей Комитета общей безопасности было временным – спустя некоторое время оба инициатора отставки Сперанского были сначала фактически, а затем и официально отстранены от власти, а сам реформатор возвращен из ссылки.
Опубликованный императорский указ от 13 января 1807 г. определял следующую схему работы вновь созданного комитета. При открытии дел по важным преступлениям местные власти должны были немедленно через петербургскую полицию и военного губернатора

передавать их в Комитет общей безопасности, который согласно с обстоятельствами предпишет им порядок следствия и будет наблюдать за его ходом вплоть до завершения. Результаты расследования губернское начальство затем направляло на ревизию в комитет. Министрам следовало информировать этот орган о том, кого они намерены выслать за пределы страны, а кого задержать. Все государственные учреждения и должностные лица обязаны были предоставлять комитету необходимые сведения и выполнять его предписания. Упомянутая выше секретная же инструкция Новосильцева для этого органа госбезопасности требовала «предусматривать все то, что могут произвести враги государства, принимать сообразные меры к открытию лиц, посредством коих могут они завести внутри государства вредные связи и отвращать или искоренять благовременно такое зло». Каналы информации были те же самые, что и предусматривались для Комитета 1805 г. Штат Особенной канцелярии Комитета общей безопасности по указу от 13 января 1807 г. был определен в 23 человека. С образованием канцелярии комитет окончательно оформился как центральный следственно-судебный орган по политическим делам империи. Администрации и полиции на местах вменялось предварительное дознание или краткое следствие дел, и они поступали затем для более глубокого расследования в Комитет общей безопасности, решения которого утверждались лично царем. Большинство рассмотренных этим органом дел тем или иным образом было связано с наблюдением за лицами, подозревавшимися в работе на французскую разведку или состоящими в масонских ложах, за распространителями слухов и пасквилей. Основная работа организации сыска легла на плечи обер-полицмейстера, будущего министра полиции А.Д. Балашова, который представил на утверждение императору «Примерное положение полицейской экспедиции», где конкретно определялись штат, жалованье, «необходимые свойства» служащих и их должности. Будущие сотрудники должны были «слышать, выведывать, проникать в образ мыслей всех и каждого».

Комитет общей безопасности просуществовал до начала 1829 г., однако наиболее интенсивно он работал в первые годы, когда его члены собирались на заседания регулярно раз в неделю. Так, если с 1807 по 1810 г. состоялось 170 заседаний комитета, то в период с 1811 по 1829 г. – лишь 195. Соответственно в первые четыре года в комитет поступило 94 дела, из которых он рассмотрел 57, а в последующие 19 лет – 57 дел, из которых было рассмотрено 36. Столь резкое снижение активности Комитета общей безопасности объясняется тем, что в 1810 г. Александром I было образовано Министерство полиции, повлекшее за собой существенное перераспределение полномочий. Инициатором создания нового министерства был М.М. Сперанский.

Хотя комитет 1807 г. являлся центральным органом политического сыска в стране, параллельно с ним в Петербурге (при генерал-губернаторе) и Москве (при обер-полицмейстере) существовала особая секретная полиция, подчинявшаяся одновременно и Министерству внутренних дел. «Долг сего таинственного отделения полиции, – указывалось в секретном предписании московскому обер-полицмейстеру от 8 января 1807 г., – главней состоять будет в том, чтоб получать и ежедневно доносить вам все распространяющиеся в народе слухи, молвы, вольнодумства, нерасположение и ропот, проникать в секретные сходбища... Допустить к сему делу людей разного состояния и различных наций, но сколько возможно благонадежнейших, обязывая их при вступлении в должность строжайшими, значимость гражданской и духовной присяги имеющими реверсами о беспристрастном донесении самой истины и охранения в высочайшей степени тайны... Они должны будут, одеваясь по приличию и надобностям, находиться во всех стечениях народных между крестьян и господских слуг; в питейных и кофейных домах, трактирах, клубах, на рынках, на горах, на гуляньях, на картечных играх, где и сами играть могут, также между читающими газеты – словом, везде, где примечания делать, поступки видеть, слушать, выведывать и в образ мыслей проникать возможно».

Секретная экспедиция при московской полиции состояла из 27 человек, и денег на ее содержание отпускалось гораздо больше, чем на канцелярию Комитета общей

безопасности. Стремление создавать дублирующие и в силу этого неизбежно конкурирующие друг с другом структуры политического сыска было характерно для Александра I, этого «настоящего византийца», как отозвался о русском царе имевший с ним дело Наполеон. Результаты подобной «византийской политики» довольно быстро привели к абсурдному положению дел, описанному военным историком генерал-лейтенантом А.И. Михайловским-Данилевским:

«В Петербурге была тайная полиция: одна в Министерстве внутренних дел, другая у военного генерал-губернатора, а третья у графа Аракчеева. (...) В армиях было шпионство тоже очень велико: говорят, что примечали за нами, генералами, что знали, чем мы занимаемся, играем ли в карты и тому подобный вздор».

Бестолковая организация сыска помножалась при этом на низкие профессиональные качества занимавшихся им агентов, по поводу которой со знанием дела впоследствии писал декабрист Г.С. Батеньков:

«Разнородные полиции были крайне деятельны, но агенты их вовсе не понимали, что надо разуметь под словами карбонарии и либералы, и не могли понимать разговора людей образованных. Они занимались преимущественно только сплетнями, собирали и тащили всякую дрянь, разорванные и замаранные бумажки, их доносы обрабатывали, как приходило в голову».

Неудивительно, что при подобном положении дел Александр I так и не получил той секретной полиции, о которой мечтал. Опасаясь чрезмерного, по его мнению, сосредоточения власти в каком-либо одном органе, император с подачи М.М. Сперанского в 1810 г. создает особое Министерство полиции. При этом Комитет общей безопасности (просуществовавший до 1829 г.) и обе столичные «сокровенные полиции» не были упразднены, а взаимоотношения всех четырех органов политического сыска друг с другом никогда не определены.

Глава 8
Министерство полиции

Министерство полиции было учреждено 17 августа 1810 г. согласно закону «О разделении государственных дел по министерствам». При создании этой структуры М.М. Сперанский взял за образец наполеоновскую полицию, возглавлявшуюся знаменитым Фуше. Министерство состояло из двух канцелярий (Общей и Особенной) и трех департаментов.

Департамент полиции исполнительной ведал административно-полицейским аппаратом, тюрьмами и рекрутскими наборами.

Департамент полиции хозяйственной занимался продовольственными делами и учреждениями общественного призрения.

Департамент полиции медицинской – врачебным персоналом, «заготовлением медикаментов» и снабжением медицинских учреждений. Единого исполнительного органа министерство не имело, и на местах его функции выполняли губернаторы.

25 июня 1811 г. было обнародовано новое распределение дел между министерствами, согласно которому вновь учрежденному полицейскому ведомству были поручены все дела «внутренней безопасности». В этих целях в составе министерства был образован специальный орган – Особенная канцелярия. На нее возлагались «дела по ведомству иностранцев и заграничным паспортам», «цензурная ревизия» и «дела особенные». Под «особенными делами» понималось пресечение любых форм антиправительственной деятельности, будь то борьба со слухами или различными проявлениями крестьянского и общественного движения, надзор за «политическими настроениями» различных слоев населения, деятельностью масонских лож и религиозных сект. В этот круг дел входила и борьба с иностранным шпионажем, причем исследователи отмечают, что примерно четверть из сохранившихся в архиве дел Особенной канцелярии посвящена этому виду

антигосударственной деятельности, что позволяет говорить о ее отчетливо выраженной контрразведывательной функции. Штат канцелярии состоял из правителя, трех столоначальников, трех старших и трех младших помощников столоначальников, экзекутора, начальника архива, его помощника, нескольких чиновников по «особым поручениям».

Об активной деятельности нового органа государственной безопасности свидетельствует записка министра внутренних дел В.П. Кочубея, в которой, в частности, говорилось:

«Город (Санкт-Петербург. — Прим. авт.) закипел шпионами всякого рода: тут были и иностранные, и русские шпионы, состоявшие на жалованье, шпионы добровольные; практиковались постоянные переодевания полицейских офицеров; уверяют, даже сам министр прибегал к переодеванию. Эти агенты не ограничивались тем, что собирали известия и доставляли правительству возможность предупреждения преступления, они старались возбуждать преступления и подозрения. Они входили в доверенность к лицам разных слоев общества, выражали неудовольствие на Ваше Величество, порицая правительственные мероприятия, прибегали к выдумкам, чтобы вызвать откровенность со стороны этих лиц или услышать от них жалобы. Всему этому давалось потом направление сообразно видам лиц, руководивших этим делом».

Правда, следует учитывать личность автора этой записки, поданной Александру I, – то, что им был руководитель конкурирующего с Министерством полиции ведомства, а сама записка была составлена в 1819 г., т.е. непосредственно перед упразднением последнего и поглощением его аппарата Министерством внутренних дел. Тем не менее этот документ примечателен тем, что фиксирует возникновение в России полицейской провокации как более или менее распространенного приема борьбы с политическими преступлениями. Такой более чем сомнительный способ предотвращения преступлений широко использовался французской полицией, по образцу которой создавалась эта отечественная, говоря по современному, силовая структура, и он с готовностью был подхвачен русским политическим сыском, лишившимся пытки как старого проверенного приема получения необходимой информации.

Учитывая большой личный опыт и активную работу в Комитете общей безопасности, министром полиции царь назначил А.Д. Балашова. Правителем Особенной канцелярии при нем стал Я.И. де Санглен. Оба они развили активную деятельность, венцом которой стал арест М. Сперанского. Вскоре после этого их карьера обрывается. Балашов, формально оставаясь министром полиции, с середины 1812 г. был фактически отстранен от руководства этим ведомством, которое фактически было передано в руки военного губернатора Петербурга С.К. Вязмитинова. Произошла перемена и в руководстве Особенной канцелярии, где де Санглена сменил М.Я. фон Фок. В 1819 г. Министерство полиции было ликвидировано, а его Особенная канцелярия включена в Министерство внутренних дел.

Биография руководителя Министерства полиции

БАЛАШОВ Александр Дмитриевич (1770–1837). Министр полиции в 1810–1819 гг.

Происходит из дворянского рода, известного с начала XVI в. Пяти лет отроду в октябре 1775 г. родители записывают Александра фурьером (унтер-офицером) в лейб-гвардии Преображенский полк. В январе 1791 г. он заканчивает Пажеский корпус и зачисляется поручиком в лейб-гвардии Измайловский полк, где командует ротой. На воинской службе состоит до 1800 г., когда в чине генерал-майора выходит в отставку. Однако через два месяца возвращается на военную службу и получает назначение на пост обер-полицмейстера Москвы, который занимает с декабря 1804 г. по ноябрь 1807 г. В этот период приобретает первые навыки полицейской деятельности, которые в скором времени станут его профессиональными качествами на дальнейшей государственной службе. Очевидно, к сфере сыска у него имелись немалые природные задатки и склонности,

поскольку недолюбливавший Балашова поэт и мемуарист князь И.М. Долгоруков дал ему следующую характеристику: «Человек черный, владеющий в тончайшей степени шпионским искусством и по сердцу привязанный к сему низкому ремеслу». После трехлетней службы в Москве менее чем на полгода назначается исправляющим должность генерал-кригскомиссара Военного министерства, т.е. главным интендантом армии. В марте 1808 г. А.Д. Балашов становится обер-полицмейстером Северной столицы, а с февраля следующего года – военным губернатором Санкт-Петербурга и генерал-адъютантом императора. Тогда же ему присваивается чин генерал-лейтенанта. В этот период происходит сближение Балашова с Александром I и знакомство с М.М. Сперанским. На последнего умный и образованный обер-полицмейстер поначалу произвел благоприятное впечатление и, очевидно, не без его протекции 1 января 1810 г. император назначает своего генерал-адъютанта членом Государственного совета, в июле того же года – министром полиции.

А.Д. Балашов энергично принимается создавать вновь учрежденное ведомство. Поскольку Министерству полиции был поручен широчайший круг обязанностей (наряду с наблюдением и пресечением «происшествий» и «неповиновений» оно должно было осуществлять надзор за тюрьмами, арестантами, беглыми, раскольниками, притонодержателями, буянами, развратниками и пр., обеспечивать рекрутские наборы, сооружение мостов, бесперебойное снабжение продовольствием, контролировать корчмы и т.п.), то, чтобы не упустить за текучкой важные дела, Балашов учреждает Особенную канцелярию. На эту структуру были возложены «дела по ведомству иностранцев и заграничным паспортам», «цензурная ревизия» и «дела особенные», под которыми понималась прежде всего любая антигосударственная деятельность во всех ее проявлениях. Правителем Особенной канцелярии был назначен Я.И. де Санглен, близкий к Александру I чиновник. В целом Балашов сумел достаточно быстро наладить работу своего ведомства, которое его соперник, князь В.П. Кочубей, возглавлявший конкурирующее Министерство внутренних дел, называл «министерством шпионажа».

Но уже вскоре после начала своей деятельности Балашов начинает вызывать недовольство М.М. Сперанского и самого императора. Причина крылась в характере Александра I, который, как «хитрый византиец», руководствовался старым, как мир, правилом разделять и править, не допуская ни у одного из своих подчиненных сосредоточения слишком большого объема власти и контролируя их с помощью друг друга. В разговоре с де Сангленом император как-то сказал: «Балашов все желает более и более пространства для своего министерства; он хочет завладеть всем и всеми. Это мне нравиться не может». Очевидно, не без подачи М.М. Сперанского в разговоре с тем же начальником Особенной канцелярии Александр I отозвался о Балашове как о «подлом интригане». Тем не менее даже при таком отношении к себе министр полиции при поддержке своего помощника, все того же де Санглена, сумел убедить императора, что его реформатор – это «второй Мазепа», и добиться в марте 1812 г. ареста М.М. Сперанского. Этого либеральная общественность Балашову никогда не смогла простить. Вынужденный признать некоторые его положительные качества, известный литератор Н.И. Греч писал, что Балашов, «как частный человек, может быть имел и достоинства. Он был, например, приятелем Карамзина, но в отношении государственном он был более вреден, нежели полезен. Непростительная ссылка Сперанского была отчасти его делом». Однако Балашов и сам попадает в опалу к Александру I. С марта 1812 г. по октябрь 1819 г. он, по словам современника, «носил только звание и титул министра», а фактически выполнял обязанности министра полиции и военного губернатора Петербурга генерал граф С.К. Вязмитинов.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая карьера Балашова, если бы не начавшаяся война с Наполеоном. Именно его 13 июня 1812 г. Александр I направляет с личным письмом к Наполеону, наделив полномочиями вступить в переговоры о прекращении военных действий. Как известно, из этой дипломатической миссии ничего не вышло.

В конце беседы Наполеон с иронией спросил у посланца императора: «Какой дорогой удобней идти на Москву?» По легенде, не растерявшись, Балашов дал всемогущему повелителю чуть ли не всей Европы достойный ответ: «Есть несколько дорог, государь. Одна из них ведет через Полтаву». Вернувшись в армию, он первоначально состоит при особе императора, однако затем, убедившись, что бездарное руководство войсками Александра I грозит России поражением, 30 июня вместе с А.С. Шишковым и А.А. Аракчеевым подписывает совместное прошение к императору оставить действующую армию. После этого формальный министр полиции сопровождает государя в его поездках в Москву и Петербург, занимается организацией народного ополчения, в начале августа участвует в совете, избравшем М.И. Кутузова главнокомандующим. Оценив ущерб, нанесенный Москве французами, Балашов, сопровождая императора, в январе 1813 г. прибывает в действующую армию и участвует в целом ряде сражений. Зная, однако, способности своего министра, Александр I предпочитает использовать его не на военном, а на дипломатическом поприще. В частности, в феврале 1814 г. поручает ему склонить неаполитанского короля Мюрата к измене Наполеону, а после окончательного поражения Бонапарта Балашов ведет переговоры по проблемам послевоенного устройства Европы с представителями некоторых европейских дворов.
В ноябре 1819 г. Министерство полиции было слито с Министерством внутренних дел, и Балашов официально увольняется от министерской должности. В тот же день назначается генерал-губернатором центрального округа, образованного из Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний. На новом месте бывший министр уделяет большое внимание вопросам централизации управления вверенного ему округа, совершенствованию делопроизводства, сбору налогов и выполнению повинностей, благоустройству губерний и развитию в них народного просвещения. В Рязани он открыл Дом Трудолюбия, в Орле – школу канцелярских служащих, военное училище землемерии и архитектуры. Был инициатором сооружения на Куликовом поле памятника Дмитрию Донскому. 12 декабря 1823 г. был произведен в генералы от инфантерии, в июне 1826 г. входил в состав Верховного уголовного суда по делу восстания декабристов. 10 марта 1828 г., в связи с упразднением центрального генерал-губернаторства, был уволен от этой должности с оставлением в составе Государственного совета. В сентябре 1834 г. Балашов выходит в отставку по болезни. Скончался в Кронштадте. За время своей службы А.Д. Балашов был удостоен многих отечественных (среди них высшими являлись ордена Св. Александра Невского и Св. Владимира 1-й степени, полученные им соответственно в 1811 и 1814 гг.) и иностранных орденов.

ВЯЗМИТИНОВ Сергей Кузьмич (1749–1819). Управляющий Министерством полиции в 1812–1819 гг.
Из древнего дворянского рода польского происхождения, известного с конца XV в. Сын небогатого помещика. 22 июня 1759 г. записан унтер-офицером в Обсервационный корпус. Службу начал 21 декабря 1761 г. прапорщиком в Украинском ланмилиционном корпусе; в 1762 г. переведен в Манежную роту. Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. состоял (с 1768 г.) флигель-адъютантом при вице-президенте Военной коллегии графе З.Г. Чернышеве. С 1770 г. генерал-аудитор-лейтенант премьер-майорского ранга, заведующий делами походной канцелярии Чернышева (с окт. 1771 г. графа П.А. Румянцева-Задунайского). В 1777 г. произведен в полковники и назначен командиром Астраханского пехотного полка. В 1784 г. произведен в бригадиры с назначением в Вологодский пехотный полк. 22 сентября 1786 г. получил чин генерал-майора и стал командиром сформированного им Астраханского гренадерского полка.
Во время второй турецкой войны командовал сводным отрядом из егерских и гренадерских батальонов. Участвовал во взятии Хотина, Аккермана, Бендер. С 1 марта 1790 г. правитель Могилевского наместничества и командир Белорусского егерского корпуса. 2 сентября 1793 г. произведен в генерал-поручики. С 4 марта 1794 г. – сенатор.

28 сентября 1794 г. назначен и.о. Симбирского и Уфимского генерал-губернатора. С 1795 г. командующий Оренбургским корпусом. Подавил волнения киргизов и добился избрания ханом сторонника России. С 29 ноября 1796 г. – Оренбургский военный губернатор и шеф Московского мушкетерского полка. С 1 декабря 1796 г. Каменец-Подольский военный губернатор, с 3 декабря 1796 г. – генерал-губернатор Малороссии. С 13 января 1797 г. комендант Петербургской крепости и шеф гарнизонного полка. Одновременно с 24 апреля 1797 г. управляющий Комиссариатским департаментом. 5 ноября 1799 г. уволен в отставку. 9 сентября 1801 г. назначен управляющим гражданской частью малороссских губерний.

С 1 января 1802 г. вице-президент Военной коллегии. С 15 января 1802 г. одновременно сенатор и член Непременного совета. После создания Военного министерства 8 сентября 1802 г. занял пост военного министра. Провел огромную работу по реорганизации военного управления в России и повышению боеспособности армии. По его инициативе на новых началах введена дивизионная система и создано земское ополчение.

Во время своего отъезда в действующую армию (1805 г.) император Александр I оставил Вязмитинова также и главнокомандующим в Петербурге. 13 января 1808 г. вышел в отставку (одной из причин стали крупные злоупотребления интендантских чиновников). 20 апреля 1811 г. вновь принят на службу и назначен членом Государственного совета. С 25 марта 1812 г. – член Комитета министров, а с 28 марта – главнокомандующий в Петербурге на время отсутствия императора и управляющий Министерством полиции. С 9 сентября 1812 г. – одновременно председатель Комитета министров. С 30 октября 1816 г. по 31 августа 1818 г. – Петербургский военный генерал-губернатор. В 1816 г. возведен в графское достоинство.

Глава 9
Особенная канцелярия МВД

Образованное в 1802 г. Министерство внутренних дел изначально было наделено широкими функциями. Закон о введении министерств так определял полномочия его руководителя:

«Должность министра внутренних дел обязывает его печись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве империи».

В 1810 г. из ведомства внутренних дел выделяется Министерство полиции и вопросы надзора за «иностранными вероисповеданиями», переданные отдельному управлению. В самом министерстве создаются канцелярия и ряд департаментов: почтовый, мануфактур и внутренней торговли, а также государственного хозяйства и публичных зданий. Последний ведал сбором статистических сведений, управлением иностранными поселениями, постройкой и эксплуатацией «публичных зданий», к числу которых относились все казенные помещения, занимаемые государственными учреждениями, казармами, тюрьмами, складами и т.п.

Вопросы контрразведки и политического сыска входили в сферу компетенции Особенной канцелярии МВД. Отметим, что данному подразделению приходилось решать и множество других задач.

Перечень вопросов, которые находились в компетенции Особенной канцелярии, большой, поэтому перечислим основные из них: «политический розыск, борьба с общественным и революционным движением, расследование дел о государственных преступлениях, оскорблении царской фамилии, надзор за деятельностью масонских лож, религиозных сект, состоянием мест заключения и приведением в исполнение приговоров; сбор сведений о положении крестьян и борьба с крестьянским движением, надзор за деятельностью цензуры и борьба с распространением запрещенных изданий, наблюдение

за ввозом иностранной литературы; надзор за подготовкой и проведением эвакуации населения пограничных губерний, размещением военнопленных в период Отечественной войны 1812 года, борьба со шпионажем, наблюдение за иностранцами, принятие в русское подданство, выдача виз и видов на жительство иностранцам, выдача заграничных паспортов и разрешений на возвращение российских подданных из-за границы; разбор важных гражданских и уголовных дел, прошений частных лиц, сбор сведений о происшествиях, борьба с деятельностью националистов и антирусскими настроениями на Кавказе, надзор за политическим и экономическим положением, состоянием управления и настроением населения Польши, борьба с общественным и революционным движением в Польше; сбор сведений о политическом положении в зарубежных странах, о важных событиях за границей, противодействии других государств политике России и об их действиях в ущерб российским интересам»[39].
После ликвидации в 1819 г. Министерства полиции его аппарат был вновь включен в Министерство внутренних дел, из состава которого одновременно был выведен Департамент мануфактур и внутренней торговли, переданный Министерству финансов. Политическим сыском в стране стала ведать Особенная канцелярия Министерства внутренних дел, ликвидированная в 1826 г. в связи с созданием Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Ее руководителем был М.Я. фон Фок, ставший в 1826 г. управляющим III Отделением.

Биография руководителя Особенной канцелярии МВД

ФОК Максим Яковлевич фон (1773–1831). Руководитель Особенной канцелярии Министерства внутренних дел в 1819–1826 гг.
Военную службу начал в 1793 г. в лейб-гвардии Конном полку. Однако эта карьера его не прельщала, прослужив шесть лет, выходит в отставку. В сентябре 1811 г. определяется в число чиновников Министерства полиции, где попадает в Особенную канцелярию, главой которой тогда был Я.И. де Санглен. Под его руководством осваивает профессию политического сыска, которой посвятил всю свою последующую жизнь.
Вскоре его непосредственный начальник вместе с министром полиции А.Д. Балашовым сумели убедить Александра I согласиться на арест и ссылку М.М. Сперанского. Однако это была пиррова победа. Если А.Д. Балашов сохранил за собой формально должность министра, то де Санглен был официально лишен своего влиятельного поста. На его место правителем Особенной канцелярии 26 марта 1812 г. назначается статский советник фон Фок. Литератор Н.И. Греч, состоявший осведомителем политической полиции, оставил о своем патроне восторженный отзыв: «Он был человек умный, благородный, нежный душой, образованный, в службе честный и справедливый... Бенкендорф был должен ему своею репутацией ума и знания дела...» Подобной явно пристрастной характеристикой можно было бы пренебречь, если бы почти все мемуаристы того времени не отзывались положительно об этом деятеле политического сыска. О его незаурядном уме свидетельствуют и составленные им документы. Когда в 1819 г. Министерство полиции было слито с Министерством внутренних дел, Особенная канцелярия во главе с фон Фоком в полном составе переходит в новую структуру и продолжает там заниматься вопросами государственной безопасности.
Восстание декабристов наглядно продемонстрировало неэффективность системы политического сыска Александровской эпохи. Новый император Николай I взамен нее решает создать принципиально новый орган государственной безопасности, в основу которого был положен проект А.Х. Бенкендорфа, поданный императору в январе 1826 г. Однако записка будущего руководителя Третьего отделения решала вопрос в теоретическом плане и почти не касалась конкретных сторон деятельности нового органа. В марте 1826 г. фон Фок направляет А.Х. Бенкендорфу записку относительно «высшей наблюдательной полиции». Автор предлагает для создания полиции «по новому образцу»

«на первый случай» перевести шесть ««благонадежных и опытных чиновников из Министерства внутренних дел в разряд «чиновников по особым поручениям», подчинить их непосредственно начальнику Третьего отделения и поручить организацию новой агентурной сети, простимулировав их деятельность высоким годовым жалованьем. Новая структура должна была состоять из нескольких секретарей, служителей, управляющего и полностью подчиняться одному начальнику. На основе объединенных предложений А.Х. Бенкендорфа и М.Я. фон Фока в конечном итоге и создается Третье отделение, куда последний вместе с большинством своих подчиненных и переходит из Министерства внутренних дел.

Один из первых исследователей архивов новой структуры государственной безопасности Б.Л. Модзалевский так характеризует роль бывшего руководителя Особенной канцелярии МВД:

«...душою, главным деятелем и важнейшею пружиною всего сложного полицейского аппарата был неутомимый фон Фок, сосредоточивший в своих опытных руках все нити жандармского сыска и тайной агентуры. Его деятельность была поразительно обширна, он отдавался ей, по-видимому, с любовью, даже со страстью, в буквальном смысле слова не покладая рук... Своим большим образованием и кипучею деятельностью он как бы дополнял Бенкендорфа, человека малообразованного и вялого, ленивого; их отношения друг к другу были самые дружественные, хотя Фок в своих письменных сношениях с «шефом» никогда не терял тона почтительного уважения».

Фон Фок и его опытные подчиненные налаживают агентурную сеть для Третьего отделения, охватывающую все слои общества – от лакеев и извозчиков до генералов и лиц, близко стоящих к трону. Поскольку Николай I и А.Х. Бенкендорф стремились «облагородить» политический сыск и привлечь в его ряды людей, которые с готовностью служили бы за чины, награды и благодарности, чем за денежное вознаграждение, бывший начальник Особенной канцелярии быстро приспосабливается к новым веяниям и в письме от 17 июля 1826 г. характеризует А.Х. Бенкендорфу завербованных им новых агентов:

«Г[осподин] Нефедьев имеет деревню под Москвой... Это очень благоприятно для нашего дела. С этим господином не знаешь никаких затруднений: ни жалованья, ни расходов. Услуги, которые он может оказать нам, будут очень важны вследствие его связей в высшем и среднем обществах Москвы. Это будет ходячая энциклопедия, к которой всегда удобно обращаться за сведениями относительно всего, что касается надзора... Нефедьев – статский советник и имеет орден Св. Владимира 3-го класса, он честолюбив и жаждет почестей... Граф Лев Сологуб... может принести нам большую пользу в Москве... С этим человеком также никакого жалованья, никаких расходов... Предложение его – действовать заодно с «надзором», цель же быть покровительствуемым во всем, что касается ведения интересующего его дела. Граф – человек скромный и способный выполнять даваемые ему поручения».

Получая от своих секретных агентов информацию, фон Фок обрабатывал ее в виде докладов А. Х. Бенкендорфу, который доводил наиболее важные сведения до Николая I.

Многочисленные письма и доклады начальству позволяют понять взгляды фон Фока на самые разнообразные явления окружавшей его действительности. Например, он подробно анализирует механизм образования общественного мнения, поскольку весьма скоро в поле зрения новой структуры государственной безопасности попадают публицисты и литераторы как властители умов в обществе той эпохи. Считая одной из важнейших функций Третьего отделения надзор за государственным аппаратом, фон Фок рассматривает проистекающее от бюрократии зло. Он пишет своему шефу:

«Бюрократия, говорят, это гложущий червь, которого следует уничтожить огнем или железом; в противном случае невозможны ни личная безопасность, ни осуществление самых благих и хорошо обдуманных намерений, которые, конечно, противны интересам этой гидры, более опасной, чем сказочная гидра. Она ненасытна; это пропасть, становящаяся все шире по мере того, как прибывают бросаемые в нее жертвы...»

Впрочем, он реалистически смотрел на положение дел и в другом своем письме с сожалением отмечал:
«Подавить происки бюрократии – намерение благотворное, но ведь чем дальше продвигаешься вперед, тем больше встречаешь виновных, так что, вследствие одной уж многочисленности их, они останутся безнаказанными. По меньшей мере, преследование их затруднится и неизбежно проникнется характером сплетен».
Активно участвуя в решении всех вопросов, стоявших перед Третьим отделением, фон Фок до конца жизни оставался незаменимым помощником Бенкендорфа. Узнав о его смерти в один день с известием о взятии русскими войсками Варшавы, А.С. Пушкин 4 сентября 1831 г. записал следующее: «На днях скончался в П.Б. (Петербурге. — Прим. авт.) фон Фок, начальник 3-го отделения государевой канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное. Государь сказал: «Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и сетовать, что я не мог его любить». Вопрос «кто будет на его месте?» важнее другого вопроса: «что сделаем с Польшей?»

Глава 10
Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии

Децентрализованная структура обеспечения государственной безопасности, имевшая место при Александре I, себя не оправдала. Активно занятые собиранием различных сплетен и слухов, дублирующие друг друга органы политического сыска умудрились в значительной мере проглядеть крупномасштабный военный заговор офицеров-декабристов, вызревавший в недрах армии в течение девяти лет. Принципиальное его отличие от всех предыдущих военных заговоров заключалось в том, что целью его было не свержение очередного правителя и возведение на престол нового, а установление в России республики. Заговор декабристов угрожал уже не просто власти и жизни Николая I, а институту монархии в целом. Воспользовавшись неразберихой с присягой после смерти Александра I, декабристы начали вооруженный мятеж. Однако нерешительность их верхушки позволила вступившему на престол Николаю I собрать верные ему войска и разгромить восставших. Естественно, что после подавления мятежа началось следствие. По сравнению с петровским розыском о восставших стрельцах, оно велось в более мягких формах: к суду было привлечено 579 человек, из которых казнено было лишь пять руководителей.
Новому царю, правление которого началось с крупного военного мятежа, была очевидна необходимость создания действенного органа государственной безопасности взамен доказавших свою неэффективность старых структур. Для выполнения этой ответственной миссии требовался решительный и абсолютно надежный человек, и выбор Николая I пал на А.Х. Бенкендорфа. Тот еще в 1821 г. предупреждал Александра I о существовании заговора декабристов и предлагал проект организации единой системы «высшей» полиции в общероссийском масштабе. По невыясненным до конца причинам Александр I не придал значения этому и ряду других доносов о готовящемся мятеже. Во время восстания декабристов Бенкендорф командовал войсками на Васильевском острове и на деле доказывал преданность новому императору, а после разгрома восстания участвовал в работе Следственной комиссии. В январе 1826 г. он представил Николаю I проект организации политического сыска, который, в отличие от первого, оказался немедленно востребован властью. 12 апреля царь передал проект на рассмотрение близких ему генерал-адъютантов И.И. Дибича и П.А. Толстого. Предложенная в нем схема получила принципиальное одобрение и, после некоторых доработок, положена в основу устройства нового ведомства, организация и руководство которым были поручены инициатору проекта.

Но одно из предложений А.Х. Бенкендорфа Николай I отверг сразу же. В своем январском проекте Бенкендорф предлагал в качестве централизованного органа государственной безопасности использовать возрожденное Министерство полиции. Для царя, воспринимавшего себя как «отца народа» и испытывавшего после событий декабря 1825 г. потребность держать защищающее его власть ведомство, что называется, под рукой, подобный бюрократический подход оказался неприемлем. В одном из последних черновых вариантов проекта, явно отражавшем мнение Николая I, отмечалось: «...высшая полицейская власть в тесном, основном ее смысле должна проистекать от самого лица монарха и развиться по всем ветвям государственного управления. Посему и самый источник, в котором сосредоточиваются все сведения Высшей наблюдательной полиции, должен состоять при лице государя».

При реализации этой принципиальной установки происходит возврат к изначальной схеме еще царя Алексея Михайловича, совмещающей орган политического сыска с личной канцелярией царя. Последняя в 1826 г. реформируется, и интересующая нас структура органично включается в ее состав, получив официальное название Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Помимо кардинальной реорганизации политического сыска данное преобразование одновременно привело к существенному изменению властных полномочий в масштабах всей государственной структуры. Исследовавший этот вопрос И.В. Оржеховский так оценивает произошедшую перемену:

«Личная канцелярия царя, возникшая еще в 1812 г., с созданием 3 июля 1826 г. III отделения превратилась в орган верховной власти, концентрирующий в своих руках почти все стороны управления государством и, по существу, подменяющим ряд министерств. Как часть императорской канцелярии, III отделение, подчиняясь только Николаю I, стояло вне общей системы государственных учреждений, а в известной степени и над ними. Министры и главноуправляющие должны были выполнять все его указания по поводу беспорядков и злоупотреблений в их ведомствах, генерал-губернаторы и губернаторы по вопросам, входившим в сферу деятельности III отделения, доносили не министру внутренних дел, а непосредственно императору через главного начальника отделения».

Новый орган госбезопасности стал гораздо могущественнее своих предшественников и в этом отношении.

Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии под руководством А.Х. Бенкендорфа было образовано царским указом от 3 июля 1826 г. В качестве «нейтрального штаба по наблюдению за мнением общим и духом народным» этот орган официально наделялся весьма разнообразными функциями. По указу к их числу были отнесены:

«1) Все распоряжения и известия по всем случаям высшей полиции.

2) Сведения о числе существующих в государстве сект и расколов.

3) Известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам и проч., коих розыскания и дальнейшее производство остаются в зависимости министров: финансов и внутренних дел.

4) Сведения подробные о всех лицах, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предмету расхождения.

5) Высылка и размещение людей, подозреваемых и вредных.

6) Заведывание наблюдательное и хозяйственное всех мест заключения, в коих заключаются государственные преступники.

7) Все постановления и распоряжения об иностранцах.

8) Ведомости обо всех без исключения происшествиях.

9) Статистические сведения, до полиции относящиеся».

Третье отделение разительно отличалось от учреждений политического сыска при Александре I по самому уже подходу к организации их деятельности. Прежняя децентрализация и дублирование ведомств заменялись жесткой централизацией.

В проекте об устройстве «высшей полиции» А.Х. Бенкендорф недвусмысленно обозначил одно из важнейших условий ее эффективной деятельности:
«Для того чтобы полиция была хороша и обнимала все пункты империи, необходимо, чтобы она подчинялась строгой централизации, чтобы ее боялись и уважали и чтобы уважение это было внушено нравственными качествами ее главного начальника».
Исключительное значение Третьего отделения особенно возрастало за счет одной его важной функции, не упоминавшейся в официальном указе о его образовании. Оно обладало правом надзора и контроля за деятельностью всех государственных учреждений и местных органов, что было закреплено в секретных инструкциях по Корпусу жандармов. Третье отделение принципиально отличалось от своих предшественников чрезвычайно существенной чертой – из всех отечественных органов госбезопасности оно первым стало иметь под своим началом разветвленную территориальную сеть местных органов политического розыска в виде жандармских подразделений. Опираясь на них, оно смогло гораздо эффективнее выполнять стоящие перед ним задачи. На новом этапе развития повторялась принципиальная схема «интеллектуальный центр – вооруженные исполнители», появившаяся в зачаточной форме уже в деятельности Преображенского приказа. Сочетание деятельности небольшого гражданского органа, игравшего роль мозгового центра, со значительными по численности военизированными жандармскими подразделениями дало на первых порах ощутимые результаты.
Структура Третьего отделения была установлена на основе записки Бенкендорфа «О делении на четыре экспедиции» от 14 июля 1826 г., представленной царю. «Первая экспедиция в себе будет заключать, – писал глава госбезопасности, – все предметы высшей наблюдательной полиции... наблюдение за общим мнением и народным духом; направление лиц и средств к достижению этой цели; соображение всех поступающих в сем отношении сведений и донесений; составление общих и частных обозрений; сведения подробные о всех людях, под надзором полиции состоящих, равно и все по сему предмету распоряжения; высылка и размещение лиц подозрительных и вредных».
Первой экспедиции отводилось ведущее место в структуре создаваемого органа политического сыска. Ее задачи состояли в предупреждении «злоумышлений против особы государя императора»; обнаружении тайных обществ и заговоров; сборе информации о положении в империи и за границей, состоянии общественного мнения, настроениях в политических течениях в различных слоях населения, в тайном надзоре за государственными преступниками, «подозрительными лицами» и т.п. Помимо этого, к ведению первой экспедиции был отнесен общий контроль и наблюдение за деятельностью государственного аппарата, выявление злоупотреблений местных чиновников, беспорядков при дворянских выборах, рекрутских наборах и т.п.
На вторую экспедицию возлагался надзор за «направлением», «духом» и «действиями» всех существовавших в России религиозных сект и особенно раскольников. В нее же должны были поступать «известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам» и т.п., равно как и сведения об открытиях, изобретениях, усовершенствованиях, а также об учреждении и деятельности различных обществ в сфере науки, культуры, просвещения. В подчинение второй экспедиции перешли изъятые из ведения Министерства внутренних дел секретные политические тюрьмы – Алексеевский равелин Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, Шлиссельбургская крепость, Суздальский Спасо-Ефимьевский монастырь и Шварцгольмский арестный дом в Финляндии, «в коих заключаются государственные преступники». Помимо этого, в ее обязанности входило разбирательство жалоб, просьб и прошений по «тяжебным и семейным делам», поступавшим в Третье отделение на царское имя, она же ведала личным составом нового органа госбезопасности, вопросами определения, перемещения, награждения и увольнения чиновников отделения.
Третья экспедиция выполняла разведывательные и контрразведывательные функции. В этом качестве она надзирала за пропуском иностранцев через границу, осуществляла

постоянный контроль за их пребыванием на территории Российской империи, вела негласное наблюдение за их поведением и образом жизни, высылала неблагонадежных иностранцев за пределы страны. Также ей подчинялись командированные за рубеж с секретными миссиями сотрудники и агенты Третьего отделения. Подробно об этом будет рассказано в главе, посвященной политической разведке.

Четвертая экспедиция должна была заниматься «всеми вообще происшествиями в государстве и составлением ведомостей по оным», т.е. сбором информации о пожарах, эпидемиях, грабежах, убийствах, крестьянских волнениях, злоупотреблениях помещиков властью над крепостными и т.п. Эту информацию предписывалось систематизировать и еженедельно обобщать в виде специальных сводных таблиц. Бенкендорф полагал, что экспедиции не должны были представлять собой некие обособленные, независимые друг от друга структурные звенья. Все имевшие важное значение (с точки зрения правительства) дела, независимо от их характера и принадлежности к сфере деятельности других экспедиций, в обязательном порядке подлежали рассмотрению в первой, самой главной экспедиции.

Таким образом, задачи, возлагавшиеся на вновь формируемое Третье отделение, были весьма широки и многогранны. Тем больше поражает то незначительное количество сотрудников этого центрального органа, которым предназначалось заниматься их решением. В той же записке Бенкендорфа, утвержденной Николаем I, приводится весь штат Третьего отделения по экспедициям:

Первая экспедиция
Экспедитор (начальник. — Прим. авт.) – титулярный советник П.Я. фон Фок
Старший помощник – титулярный советник А.М. Садовников
Младшие помощники:
коллежский секретарь– Н.Я. фон Фок губернский секретарь – Л. К. фон Гедерштерн

Вторая экспедиция
Экспедитор – титулярный советник В.И. Григорович
Старший помощник – титулярный советник Я.М. Смоляк
Младший помощник – титулярный советник С.Л. Леванда

Третья экспедиция
Экспедитор – титулярный советник барон Д. И. Дольет
Старший помощник – титулярный советник А.Г. Гольст
Младший помощник – титулярный советник А.А. Зеленцов

Четвертая экспедиция
Экспедитор – титулярный советник Н.Я. Лупицын
Старший помощник – титулярный советник Я.И. Никитин
Младший помощник – титулярный советник К.А. Зеленцов
Экзекутор – надворный советник К.Л. фон Гедерштерн
Журналист – губернский секретарь Я.П. Полозов
Помощник экзекутора и журналиста – губернский секретарь Ф.Ф. Элькинский.

Эти 16 чиновников руководили всем политическим сыском в Российской империи. Хотя численность Третьего отделения с течением времени росла, она всегда оставалась небольшой, ограничиваясь несколькими десятками человек даже в периоды высшего подъема революционного движения, и на момент его ликвидации в 1880 г. так и не перевалила за сотню.

Если в 1826 г. – в год образования Третьего отделения – в нем трудилось 16 человек, то в 1828 г. – 18, в 1841 г. – 27, в 1856 г. –31, в 1871 г. – 38, в 1878 г. – 52, в 1880 г. – 72

человека. При этом следует иметь в виду то обстоятельство, что возможность карьерного роста у сотрудников этого ведомства практически отсутствовала, а их жалованье достаточно долгое время было ниже, чем у чиновников других отделений императорской канцелярии. Так, в 1829 г. наивысший оклад чиновника Третьего отделения составлял 3 тысячи рублей ассигнациями в год, тогда как в других отделениях получали по 4,5–5 тысяч.

Третье отделение до 1838 г. размещалось в доме на углу набережной Мойки и Гороховой улицы, а затем переехало в дом № 16 на набережной Фонтанки у Цепного моста, на углу Пантелеймоновской улицы. Через это учреждение проходил гигантский объем документации. В первые годы его существования одних только жалоб о пересмотре решений местной администрации, суда, полиции, о служебных делах, о восстановлении прав, по поводу личных оскорблений, семейных дел и на правительственные учреждения поступало в год от 5 до 7 тысяч. Объем этот неуклонно рос, и только в одном 1869 г. Третье отделение представило царю 897 «всеподданнейших докладов», завело 2040 новых дел, получило 21 215 входящих бумаг и отправило 8839 исходящих – каждый день эта структура, по подсчетам исследователей, получала в среднем около 60 и отправляла более 24 документов.

Показательно и то, что с ростом численности сотрудников параллельно расширялась и без того громадная сфера деятельности Третьего отделения. После подавления восстания 1830–1831 гг. в Польше в Западной Европе появляется многочисленная польская политическая эмиграция. Для надзора за ее деятельностью создается заграничная агентурная сеть Третьего отделения, которая вскоре начинает следить и за обосновавшейся на Западе русской революционной эмиграцией. Систематические командировки чиновников государственной безопасности «как для изучения на месте положения дел, так и для приискания надежных агентов и организации правильного наблюдения в важнейших пунктах» начинаются с 1832 г. Объектами наиболее пристального интереса стали страны наибольшего сосредоточения революционной эмиграции – Франция и Швейцария. В феврале 1834 г. Россия заключает соглашение о взаимном сотрудничестве в сборе сведений о политических эмигрантах, о воздействии и гонениях на революционную печать с Австрией и Пруссией, также кровно заинтересованных в подавлении польского революционного движения.

Не ограничиваясь за границей слежкой за русско-польской эмиграцией, Третье отделение организует там пропагандистские кампании в поддержку русского самодержавия, а также собирает для Николая I сведения о внутриполитическом положении в европейских государствах, направлении и деятельности различных политических партий, об отношении иностранных правительств к России и т.п. Таким образом, оно частично выполняет функции внешней разведки. С течением времени эта сторона его деятельности постепенно развивается.

Огромное воздействие на умонастроения общества XIX в. оказывала передовая русская литература. Надзор за ней также начинает осуществлять Третье отделение, хотя первоначально эта сфера деятельности не входила в пределы его компетенции. Сразу после создания этого учреждения в 1826 г. Николай I поручает ему надзор за А.С. Пушкиным, и в том же году под надзором и следствием оказывается А.С. Грибоедов. С начала 30-х гг. и до своей смерти в поле зрения Третьего отделения попадает А.И. Герцен, с 1837 г.– М.Ю. Лермонтов, обративший на себя внимание стихотворением «На смерть поэта». С 1828 г. Третье отделение получает право на присылку ему из типографий по одному экземпляру всех издаваемых в России газет, журналов, разного рода альманахов, а также подчиняет себе цензуру всех драматических сочинений, предназначаемых для театральных постановок. Например, только за сентябрь 1842 г. им было рассмотрено 57 театральных пьес. Добившись фактически руководящей роли в области цензуры, Третье отделение стремилось закрепить ее за собой и формально. Осенью 1842 г. А.Х. Бенкендорф, ссылаясь на резкий рост числа театров в стране,

испросил у царя согласие на образование в подведомственном ему отделении Пятой экспедиции в составе цензора, его помощника и младшего чиновника. Императорский указ об этом последовал 23 октября 1842 г. Новой экспедиции была поручена цензура за драматическими сочинениями, предназначенными к театральной постановке на русском, немецком, французском, итальянском и польском языках и надзор за всеми выходящими в России периодическими изданиями. В обязанность чиновников входило сообщать «о статьях безнравственных, неприличных по обстоятельствам или по содержанию личностей и требующих почему-либо замечания, сообщать министру народного просвещения или тому главному начальству, от которого принятие надлежащих мер зависит».

Ведущими направлениями деятельности Третьего отделения в николаевскую эпоху были разветвленный и всепроникающий политический сыск и общий контроль за государственным аппаратом империи. Исследователи достаточно высоко оценивают эффективность данного ведомства на первом поприще в это время:

«Третье отделение было призвано подавлять в стране дух свободолюбия, который годом ранее проявился в потерпевшем неудачу восстании декабристов. Причем тайная полиция настолько преуспела в своей борьбе со свободомыслием, что Россию миновала волна революций, потрясших крупнейшие страны Западной Европы в начале 1830-х и в 1848 г.».

Однако приспособленное к борьбе с небольшими противоправительственными организациями и крестьянскими бунтами, это ведомство оказалось не в состоянии справиться с широкомасштабным революционным движением 60–70-х гг. XIX в., начавшемся после либеральных реформ Александра II. Разгромить тщательно законспирированную организацию революционеров, избравших путь индивидуального террора, Третьему отделению оказалось не по силам. В своей деятельности оно претерпевает внутреннюю реорганизацию, выразившуюся в перераспределении функций между его структурными подразделениями.

К ведению Первой экспедиции были отнесены дела, связанные с оскорблением особы императора и членов августейшей фамилии, равно как и следствие по государственным преступлениям, т.е. важнейшие для власти процессы.

Вторая экспедиция заведует штатом Третьего отделения и продолжает собирать сведения о религиозных сектах, изобретениях, усовершенствованиях, культурно-просветительных, экономических и страховых обществах, рассматривает дела, связанные с фальшивомонетничеством, и разбирает различные жалобы и прошения о пособиях.

Третья экспедиция утрачивает свою функцию контрразведки и начинает руководить карательными мерами по борьбе с массовым крестьянским движением, общественными и революционными организациями, наблюдением за общественным мнением. В этом качестве она отдавала распоряжения о высылке неблагонадежных элементов под надзор полиции, ссылке на поселение и заключении в крепость.

Четвертая экспедиция, существовавшая до 1872 г., продолжала собирать сведения о пожарах, грабежах и убийствах, сведения о «видах на продовольствие жителей», о состоянии различных отраслей торговли, руководила борьбой с контрабандой, злоупотреблениями властей и т. п.

Пятая экспедиция была упразднена в 1865 г., подведомственное ей руководство цензурой было передано в Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. Вместе с тем в составе Третьего отделения была создана специальная Газетная часть, которая не только анализировала содержание периодической прессы, но и вела активную антиреволюционную пропаганду в печати.

В связи с тем что после судебной реформы 1864 г. существенно возросло количество политических процессов, в 1871 г. при главном начальнике Третьего отделения была учреждена Юрисконсультская часть, преобразованная впоследствии в Судебный отдел МВД.

Подъем революционно-демократического движения в России в царствование Александра II привел к резкому расширению масштабов слежки. Современный исследователь пишет:
«Круг лиц, за которыми Третье отделение вело наблюдение, был очень велик и не поддается даже приблизительному подсчету. Студенты и профессора, литераторы и учителя, крестьяне и рабочие, мелкие чиновники и министры, губернаторы и высшие сановники – все, кто смел думать «не по шаблону Третьего отделения», находились под его надзором и наблюдением. Даже члены императорской фамилии – великие князья и сам наследник престола – не избежали внимания со стороны этого учреждения. Родной брат императора великий князь Константин Николаевич предупреждал своего адъютанта: «Будь, пожалуйста, осторожен: мы живем в Венеции – у стен, у каждого стула и стола уши, везде предатели и доносчики!» В делопроизводстве Третьего отделения сохранилось множество агентурных донесений о том, как проводили время наследник и другие члены царской семьи. Длительное время состоял под наблюдением военный министр Д.А. Милютин, курьер которого, как выяснилось впоследствии, был «по совместительству» тайным агентом Третьего отделения. По словам государственного секретаря Е.А. Перетца, шеф жандармов постоянно докладывал государю «о частной жизни министров и других высокопоставленных лиц». Как отмечали современники, эта сторона деятельности Третьего отделения была доведена «до совершенства».
Помимо секретных агентов, осуществлявших так называемое «внутреннее наблюдение», в распоряжении Третьего отделения имелись агенты «наружного наблюдения», получившие впоследствии название филеров. Число первых так и осталось неизвестным, однако один только член организации «Народная воля» Н.В. Клеточников сумел за 1879–1881 гг. выявить 385 таких агентов. Содержание этой многочисленной, но в массе своей малоэффективной агентуры довольно дорого обходилось казне. Так, из выделенных Третьему отделению в 1877 г. 307 454 рублей затраты на личный состав равнялись 30,5% (93 648 рублей); 8,7% (26 929 рублей) расходовалось на различные хозяйственные нужды, в том числе и на питание политических заключенных; львиная доля бюджета шла на борьбу с революционным движением и содержание внутренней и внешней агентуры – 60,8% всех средств (186 877 рублей).
Отслеживая практически все важнейшие стороны жизни государства и общества, Третье отделение было завалено информацией, частью совершенно ненужной, и при малочисленном штате служащих проблема сохранения документов, в том числе особой секретности, всегда была из острейших. Бумажный поток рос как снежный ком. В первый год работы Третьего отделения в одной только первой экспедиции было заведено 120 новых дел, зарегистрировано 198 входящих бумаг и 170 исходящих. В 1848 г. эти показатели соответственно составили 564, 4524 и 2818. Еще через два года в архиве Третьего отделения скопилось уже около 30 тысяч дел, число которых продолжало неудержимо увеличиваться – в одном только 1869 г. было заведено 2040 новых дел.
Длительное время архивом заведовал только один человек; условия хранения секретной документации оставляли желать много лучшего. Так, в январе 1849 г. из архива Третьего отделения пропало сразу 18 докладов его шефа с собственноручными резолюциями императора. Вырезки из них вместе с анонимной запиской были потом присланы по почте Николаю I. Служебное расследование установило, что повинен в этом был губернский секретарь А.П. Петров, сверхштатный сотрудник Третьего отделения, с корыстной целью выкравший секретные бумаги «для передачи частным лицам».
Но особенно значительный ущерб нанес внедренный в штат этого органа безопасности уже упомянутый народоволец Н.В. Клеточников. В начале 1879 г. он поступил на службу в секретную часть третьей экспедиции. Обладая каллиграфическим почерком и феноменальной памятью, Клеточников не только образцово исполнял порученные обязанности, но и с готовностью брался переписывать секретные бумаги за своих ленивых сослуживцев, а полученную информацию на протяжении двух лет систематически

передавал своей организации. Благодаря ему «Народная воля» в эти годы стала неуловимой для политического сыска. Имея возможность оценивать ситуацию изнутри, Клеточников отмечал низкую эффективность работы агентуры Третьего отделения в последний период его деятельности. Он писал:

«Итак, я очутился в III отделении, среди шпионов. Вы не можете себе представить, что это за люди! Они готовы за деньги отца родного продать, выдумать на человека какую угодно небылицу, лишь бы написать донос и получить награду. Меня просто поразило громадное число ложных доносов. Я возьму громадный процент, если скажу, что из ста доносов один оказывается верным. А между тем почти все эти доносы влекли за собой аресты, а потом и ссылку».

Возможно, Н. Клеточников сознательно сгустил краски, но факт остается фактом – вплоть до самой ликвидации Третьего отделения его руководство так и не смогло разоблачить агента в своем учреждении, хотя по публикациям в демократической прессе имен некоторых секретных агентов и знало о его существовании.

Неудовлетворенные половинчатостью проводимых правительством реформ, народовольцы выносят начавшему их царю Александру II смертный приговор и, начиная с выстрела Каракозова 4 апреля 1866 г., неоднократно пытаются привести его в исполнение. К политике регулярного террора Третье отделение оказалось совершенно неготовым и так и не смогло его пресечь. Дело дошло до того, что в 1878 г. революционеры убили самого шефа Корпуса жандармов Н.В. Мезенцева. После покушения Каракозова тогдашний начальник Третьего отделения П.А. Шувалов представил императору доклад, в котором предлагал учредить особую «охранительную команду» для защиты от покушений августейшей особы в составе начальника, двух его помощников, 6 секретных агентов и 80 стражников (их численность была сокращена до 40). Идея встретила понимание Александра II, и 2 мая 1866 г. он утвердил проект. Но ни отряд личных телохранителей императора, ни Третье отделение, оказавшееся неспособным защитить даже собственного начальника, не смогли предотвратить новых попыток цареубийства. Все это закономерно породило глубочайшее недовольство Александра II деятельностью органа госбезопасности. Последней каплей, переполнившей чашу царского терпения, явился взрыв в Зимнем дворце, произведенный в феврале 1880 г. революционером-рабочим С.Н. Халтуриным.

По образному выражению одного из исследователей, динамит, предназначавшийся для императора, «взорвал» само Третье отделение. Окончательно удостоверившись в его недееспособности, Александр II в том же месяце создает Верховную распорядительную комиссию во главе с графом М.Т. Лорис-Меликовым, облеченным диктаторскими полномочиями. 3 марта 1880 г. последовал царский указ, временно отдававший под контроль «диктатора сердца» (так поначалу в обществе окрестили Лорис-Меликова за его взгляды и некоторые практические дела, имевшие явно либеральный оттенок) Третье отделение, до этого подчинявшееся лично императору. Ориентировавшийся в своей деятельности на либеральную часть общества, в глазах которого Третье отделение выступало оплотом крайней реакции и произвола, Лорис-Меликов в июле того же года предложил царю свой план административных реформ, предусматривавший одновременную ликвидацию этого учреждения вместе с Верховной распорядительной комиссией. План был одобрен Александром II, и 6 августа 1880 г. появился на свет соответствующий императорский указ. Третье отделение было упразднено, а его дела переданы Особому департаменту Министерства внутренних дел. С ликвидацией этого ведомства, просуществовавшего под одним и тем же названием целых 54 года (больше, чем какой-либо иной аналогичный орган), заканчивается целая эпоха в истории политического сыска в России.

Как уже отмечалось, исполнительным органом Третьего отделения являлся военизированный Корпус жандармов, благодаря чему политический сыск впервые стал надежно охватывать всю территорию Российской империи. Подобная двухзвенная

структура была сохранена в неприкосновенности и при преемнике Третьего отделения – Департаменте полиции Министерства внутренних дел.

Главные начальники Третьего отделения:
июль 1826 г. – сентябрь 1844 г. – гр. Бенкендорф А.Х.;
сентябрь 1844 г. – апрель 1856 г. – гр. Орлов А.Ф.;
июнь 1856 г. – апрель 1866 г. – кн. Долгоруков В.А.;
апрель 1866 г. – июль 1874 г. – гр. Шувалов П.А.;
июль 1874 г. – декабрь 1876 г. – Потапов А.Л.;
декабрь 1876 г. – август 1878 г. – Мезенцев Н.В.;
август–сентябрь 1878 г. – Селиверстов Н.Д. (и.д.);
сентябрь 1878 г. – февраль 1880 г. – Дрентельн А.Р.;
февраль–август 1880 г. – Черевин П.А. (и.д.).

Товарищи главного начальника Третьего отделения:
май 1871 г. – июль 1874 г. – гр. Левашов Н.В.;
август 1874 г. – декабрь 1876 г. – Мезенцев Н.В.;
апрель – август 1878 г. – Селиверстов Н.Д.;
октябрь 1878 г. – Мезенцев Н.В.;
ноябрь 1878 г. – август 1880 г. – Черевин П.А.

Управляющие Третьим отделением:
июль 1826 г. – июль 1831 г. – фон Фок М.Я.;
сентябрь 1831 г. – март 1839 г. – Мордвинов А.Н.;
март 1839 г. – август 1856 г. – Дубельт Л.В.;
август 1856 г. – август 1861 г. – Тимашев А.Е.;
август– октябрь 1861 г. – гр. Шувалов П.А.;
октябрь 1861 г. – июль 1864 г. – Потапов А.Л.;
июль 1864 г. – май 1871 г. – Мезенцев Н.В.;
декабрь 1871 г. – ноябрь 1878 г. – фон Шульц А.Ф.;
ноябрь –декабрь 1878 г. – Черевин П.А. (и.д.);
декабрь 1878 г. – май 1880 г.– Шмидт Н.К.;
июнь–август 1880 г. – Никифораки А.Н. (вр.и.д.).

Руководители Третьего отделения

БЕНКЕНДОРФ Александр Христофорович (1781, по другим данным, 1783–1844). Главный начальник Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф жандармов в 1826–1844 гг.
Предки Александра Бенкендорфа происходили из франконского дворянского рода. Один из них, Христофор Иванович (1749–1823), дослужился до чина генерала от инфантерии, в 1796–1799 гг. был рижским военным губернатором. Он был женат на баронессе Анне Юлиане Шиллинг фон Капштадт, прибывшей в Россию из Вюртемберга вместе с Марией Федоровной, вышедшей замуж за будущего императора Павла I. То обстоятельство, что мать А.Х. Бенкендорфа была подругой юности императрицы, имело решающее значение в начале его карьеры. Он воспитывается в иезуитском пансионе аббата Николя в Санкт-Петербурге. В 1798 г. поступает на службу в лейб-гвардии Семеновский полк унтер-офицером и вскоре зачисляется флигель-адъютантом императора Павла I.
С 1804 г. молодой офицер служит на Кавказе, проявляет себя с самой лучшей стороны в боевых действиях против горских племен. С 1805 г. принимает участие в войне с Наполеоном, сражается с французами под Увассельском, Маковом, Липштадтом, а в январе 1807 г. – под Прейсиш-Эйлау. В 1809 г. назначается в Молдавскую армию и во

время очередной войны с Турцией участвует в осаде Браилова и Силистрии, в сражении под Рущуком.

В начале Отечественной войны 1812 г. Бенкендорф командует арьергардом корпуса генерала Винценгероде и 27 июля отличается в сражении при Велиже, за что производится в чин генерал-майора. Опытный и мужественный кавалерийский офицер участвует во многих сражениях. Как отмечает современный историк Д. Рац, за время войны с Наполеоном части под его командованием отбили у неприятеля более 200 орудий и взяли в плен более 30 тысяч человек. После того как русские войска в октябре 1812 г. освобождают от французов захваченную ими Москву, Бенкендорф короткое время исполняет обязанности коменданта старой столицы. Затем принимает участие в преследовании французской армии до Немана и Заграничном походе русской армии. В апреле 1816 г. назначается начальником 1-й уланской дивизии, в марте 1819 г. – начальником штаба Гвардейского корпуса и становится генерал-адъютантом императора; в сентябре 1821 г. ему присваивается чин генерал-лейтенанта.

В том же году Бенкендорф подает императору две записки. Первая представляла собой, по сути дела, донос о программе и структуре тайного «Союза благоденствия». Автор был достаточно осведомлен о деятельности этого конспиративного объединения, так как в 1816–1819 гг. сам состоял членом масонской ложи «Соединенные друзья», куда входили такие известные общественные деятели, как П.Я. Чаадаев, А.С. Грибоедов, П.И. Пестель и др. Но поскольку «Союз благоденствия» к моменту подачи записки был уже распущен, то А.Х. Бенкендорф подчеркивал насущную необходимость на будущее «решительных и немедленных действий» против возникновения подобного рода общественно-политических движений. Вторая записка содержала проект организации единой системы «высшей» полиции в общегосударственном масштабе для подавления могущих возникнуть антиправительственных заговоров. Однако по неизвестной причине Александр I не обратил никакого внимания на обе записки Бенкендорфа, а к их автору стал относиться весьма холодно. Под предлогом назначения начальником 1-й Кирасирской дивизии Бенкендорф 1 декабря 1821 г. покидает штаб Гвардейского корпуса.

В какой-то мере начальнику Кирасирской дивизии позволило реабилитировать себя в глазах Александра I страшное наводнение в Петербурге 7 ноября 1824 г. Царь приказал Бенкендорфу послать 18-весельный катер гвардейского экипажа, постоянно дежуривший у Зимнего дворца, для спасения тонувших в Неве людей. Вот как описывает события той жуткой ночи отнюдь не принадлежавший к апологетам официальной власти А.С. Грибоедов: «... Из окружавших его (императора. — Прим. авт.) один сбросил с себя мундир, сбежал вниз, по горло вошел в воду, потом на катере поплыл спасать несчастных. Это был генерал-адъютант Бенкендорф. Он многих избавил от потопления...» Александр I назначает храброго генерала временным военным губернатором наиболее пострадавшего от наводнения Васильевского острова. Эту должность Бенкендорф занимал с 10 ноября 1824 г. по 14 марта 1825 г.

Отношение Бенкендорфа к восстанию декабристов и его действия в этот критический для нового императора момент предопределили его будущую судьбу и на многие годы обеспечили ему признательность Николая I. 14–16 декабря 1825 г. Бенкендорф командует войсками, расположенными на Васильевском острове, и безоговорочно выступает на стороне самодержца. Непосредственно в разгроме декабристов он участия не принимал, находясь весь день 14 декабря рядом с Николаем I, и только вечером с шестью эскадронами кавалерии вылавливал прятавшихся на Васильевском острове участников восстания. 17 декабря Бенкендорф был назначен членом Следственной комиссии по делу декабристов. Практически все источники свидетельствуют, что во время следствия над декабристами Бенкендорф вел себя с арестованными вежливо и корректно. Видный член Северного общества М.А. Фонвизин отмечал, что у него даже вырывалось сердечное сочувствие и сострадание к узникам. Однако достойное отношение к подследственным декабристам, многие из которых были его боевыми товарищами, тем не менее не

помешало ему настаивать на предании смертной казни пяти заговорщиков в назидание на будущее.

Во время работы в Следственной комиссии будущий глава Третьего отделения детально знакомится с идеями Пестеля из его «Русской правды» о создании могущественной жандармской организации для защиты революционной диктатуры, некоторые использует в своих проектах. Суммируя опыт французской тайной полиции при Наполеоне, идеи, почерпнутые у Пестеля, и собственные размышления на этот счет, Бенкендорф в январе 1826 г. подает Николаю I проект устройства «высшей полиции». Подвергнув резкой критике органы безопасности, существовавшие при прежнем императоре, которые не сумели предотвратить «страшный заговор, подготовлявшийся... более десяти лет», он обосновывает необходимость организовать тайную полицию, которая бы «обнимала все пункты империи», «подчинялась системе строгой нейтрализации, чтобы ее боялись и уважали и чтобы уважение это было внушено нравственными качествами ее главного начальника». Главный начальник «должен был носить звание министра полиции и инспектора Корпуса жандармов в столице и в провинции» и «пользоваться мнением честных людей, которые пожелали бы предупредить правительство о каком-нибудь заговоре или сообщить ему какие-нибудь интересные новости». Все это «дало бы возможность заместить на эти места людей честных и способных, которые часто брезгуют ролью тайных шпионов, но, нося мундир, как чиновники правительства, считают долгом ревностно исполнять эту обязанность». 25 июля 1826 г. Николай I утверждает Бенкендорфа в должности главного начальника Третьего отделения собственной Его канцелярии, шефа жандармов и командующего Императорской главной квартирой.

Ко времени руководства Бенкендорфом политическим сыском Российской империи относится целый ряд различных, порой противоположных словесных портретов начальника Третьего отделения. Его личный адъютант А.Ф. Львов вспоминал: «...Я непременно вышел бы из службы, если бы не отличныя качества благородной души Бенкендорфа меня к нему не привязывали более и более. Он был храбр, умен, в обращении прост и прям; сделать зло с умыслом было для него невозможность, с подчиненными хорош, но вспыльчив, в делах совершенно несведущ... к производству дел совершенно неспособен, разсеян и легок на все... Государь любил его как друга». Адъютант старательно подмечал также слабые стороны своего шефа: «Я заметил, что Бенкендорф был совершенно чужд производству дел... Приказывал он всегда в полслова, потому что подробно и обстоятельно приказать не мог и не умел...» Государственный секретарь граф М.А. Корф отмечал: «Вместо героя прямоты и праводушия... он, в сущности, был более отрицательно-добрым человеком, под именем которого совершалось наряду со многим добром и немало самоуправства и зла. Без знания дела, без охоты к занятиям, отличавшийся особенно безпамятством и вечною разсеянностью, которая многократно давала повод к разным анекдотам... наконец, без меры преданный женщинам, он никогда не был ни деловым, ни дельным человеком и всегда являлся орудием лиц, его окружавших». Наконец представитель революционного лагеря А.И. Герцен, имевший все основания не замечать в своем противнике каких-либо положительных качеств, следующим образом отзывался о Бенкендорфе, которого видел в 1840 г.: «Наружность шефа жандармов не имела в себе ничего дурного; вид его был довольно общий остзейским дворянам... он имел обманчиво добрый взгляд, который часто принадлежит людям уклончивым и апатическим. Может, Бенкендорф и не сделал всего зла, которое мог сделать, будучи начальником этой страшной полиции, стоявшей вне закона и над законом, имевшей право мешаться во все, – я готов этому верить, особенно вспоминая пресное выражение его лица, – но и добра он не сделал, на это у него недоставало энергии, воли, сердца». Как видим, даже явные противники и недоброжелатели ставили в вину начальнику Третьего отделения не причиненное им кому-либо зло, а несовершенное добро.

Под руководством Бенкендорфа и непосредственными стараниями его ближайшего помощника Третье отделение развивает активную деятельность. Взяв на вооружение образную формулу фон Фока о том, что «общественное мнение для власти то же, что топографическая карта для начальствующего армией во время войны», шеф жандармов начинает эту карту тщательно составлять. Уже в «обзоре общественного мнения» на второй год своего существования Третье отделение дает довольно подробную картину отношения к правительству различных слоев общества.

В частности, констатирует Бенкендорф, чиновничество не внушает сколько-нибудь серьезных опасений, но «морально наиболее развращено». Он не закрывает глаза на отрицательные стороны жизни николаевской России и так характеризует бюрократию: «Хищения, подлоги, превратное толкование законов – вот их ремесло. К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но, в сущности, все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы». От армии как от целого также не следовало ждать какой-либо опасности: «если и нельзя утверждать, что она всем довольна», то, во всяком случае, она «вполне спокойна и прекрасно настроена». Единственную непосредственную угрозу на фоне всеобщего спокойствия представляет из себя интеллигентская дворянская молодежь, причем здесь корень бед Бенкендорф видит в дурном воспитании: «Молодежь, то есть дворянчики от 17 до 25 лет, составляет в массе самую гангренозную часть империи. Среди этих сумасбродств мы видим зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух, выливающийся в разные формы и чаще всего прикрывающийся маскою русского патриотизма... В этом развращенном слое общества мы снова находим идеи Рылеева, и только страх быть обнаруженными удерживает их от образования тайных обществ». Тем не менее страх удерживал далеко не всех. Так, в Москве Третье отделение раскрыло кружок братьев Критских, возбудило дело об антиправительственной деятельности студентов и преподавателей Нежинской «гимназии высших наук», пресекло попытку канцеляриста Д. Осинина во Владимире создать тайное общество, обнаружило в Оренбурге тайный кружок молодых офицеров и т.д.

Третье отделение стремилось установить тотальный (по тем временам) контроль за всеми недовольными элементами общества. Например, в 1828 г. Бенкендорф сообщал императору: «За все три года своего существования надзор отмечал на своих карточках всех лиц, в том или ином отношении выдвигавшихся из толпы. Так называемые либералы, приверженцы, а также и апостолы русской конституции в большинстве случаев занесены в списки надзора. За их действиями, суждениями и связями установлено тщательное наблюдение».

Пристальное внимание Третье отделение уделяет крестьянам (Бенкендорф писал: «Так как из этого сословия мы вербуем своих солдат, оно, пожалуй, заслуживает особого внимания со стороны правительства»). В обзоре говорилось: «Исследуя все стороны народной жизни, отделение обращало особенное внимание на те вопросы, которые имели преобладающее значение... Между этими вопросами в течение многих лет первенствующее место занимало положение крепостного населения. Третье отделение обстоятельно изучало его бытовые условия, внимательно следило за всеми ненормальными проявлениями крепостных отношений и пришло к убеждению в необходимости, даже неизбежности отмены крепостного состояния». То есть еще задолго до отмены крепостного права в 1861 г. на необходимости данного принципиального шага настаивали А.Х. Бенкендорф и его сотрудники. В отчете за 1839 г. Третье отделение снова напоминает власти, что степень недовольства низших слоев общества опасно повышается и «весь дух народа направлен к одной цели – к освобождению». В силу этого Бенкендорф и его единомышленники приходят к категоричному выводу: «Крепостное состояние есть пороховой погреб под государством».

Не упустило из поля своего внимания Третье отделение и зарождающееся рабочее движение, своевременно указав правительству на эту новую опасность. По данным этого

ведомства, в 1837 г. в «нагорных заводах Лазаревых в Пермской губернии некоторые мастеровые заводские... составили тайное общество, имевшее целью уничтожение помещичьей власти и водворение вольности между крепостными крестьянами» и даже выпустили по этому поводу прокламации. Подавляя антиправительственные элементы, Третье отделение не забывало и о необходимости социальной профилактики. В результате не без его влияния в 1835 г. был издан первый фабричный закон, а в 1841 г. под председательством генерал-майора Корпуса жандармов графа Буксгевдена была учреждена особая комиссия для исследования быта рабочих людей и ремесленников в Санкт-Петербурге. Представленные ею сведения были доведены до соответствующих министров и вызвали некоторые административные меры, содействовавшие улучшению положения столичного рабочего населения. Между прочим, на основании предложений комиссии по инициативе Третьего отделения была устроена в Санкт-Петербурге больница для чернорабочих, послужившая образцом для создания подобного же учреждения в Москве. Необходимо отметить и другие инициативы главы Третьего отделения, имевшие общегосударственное значение. Так, в 1838 г. Бенкендорф выступил с предложением провести железную дорогу между Москвой и Петербургом и в феврале 1839 г. был назначен председателем комитета по ее строительству. Третье отделение указывало на всеобщее недовольство рекрутскими наборами, в 1841 г. отмечало необходимость улучшения здравоохранения.

Совсем не просто складывались отношения Бенкендорфа с виднейшими представителями литературы того времени, неусыпный надзор за которыми он должен был осуществлять. Еще во время следствия каждого декабриста спрашивали: «С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей?» Обычно участники восстания называли иностранных философов или публицистов, а из отечественных сочинений в первую очередь ссылались на вольнолюбивые стихи Пушкина. Понимавший истинное значение поэта и его влияние на российские умы, император с 1826 г. сам становится личным цензором Пушкина, а на долю не разбиравшегося в поэзии Бенкендорфа достается постоянный надзор за его повседневной жизнью и регулярные занудные поучения, когда поэт «переступал границы дозволенного». Принимая точку зрения императора, главный начальник Третьего отделения так писал ему о величайшем поэте: «Он все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно». За 11 лет «отеческих» отношений шеф жандармов писал Пушкину по различным вопросам 36 раз, а поэт ему – 54 раза. Перед ним он должен был оправдываться по поводу всевозможных обвинений. Совершенно иначе дело обстояло с П.Я. Чаадаевым, опубликовавшим в 1836 г. свое знаменитое «Философическое письмо». По этому поводу шеф жандармов получил рапорт начальника Московского округа жандармского генерала Перфильева, который сообщал, что чаадаевская статья «произвела в публике много толков и суждений и заслужила по достоинству своему общее негодование, сопровождаемое восклицанием: «как позволили ее напечатать?». В публике не столько обвиняют сочинителя статьи – Чаадаева, сколько издателя журнала – Надеждина». Бенкендорф приказал прислать Надеждина в Санкт-Петербург для допроса, а у Чаадаева было предписано взять «все его бумаги без исключения» и доставить в Третье отделение. Бенкендорф вместе с другими государственными деятелями входил в следственную комиссию по делу Чаадаева, которая провела быстрое, но подробное следствие. Автор «Письма» был объявлен сумасшедшим.

Когда в январе 1837 г. А.С. Пушкин погиб на дуэли, М.Ю. Лермонтов написал стихотворение «На смерть поэта». 22 февраля командующий Гвардейским корпусом генерал-адъютант Бистром прислал ходивший по рукам рукописный список этого стихотворения начальнику Третьего отделения. Уже 25 февраля Бенкендорф уведомил военного министра Чернышева, что император приказал корнета Лермонтова перевести в Нижегородский драгунский полк, а чиновника Раевского за распространение крамольного сочинения посадить под арест на один месяц, а потом сослать на службу в Олонецкую

губернию. Помимо своей основной деятельности, Бенкендорф участвует в придворной жизни и неотлучно сопровождает Николая I в его поездках. В апреле 1829 г. ему присваивается чин генерала от кавалерии. 8 февраля 1831 г. руководитель Третьего отделения становится членом Государственного совета и Комитета министров, а в ноябре следующего года возводится, с нисходящим потомством, в графское достоинство Российской империи (ввиду отсутствия у шефа жандармов сыновей этот титул перешел к его племяннику). За свою военную и государственную службу А.Х. Бенкендорф был награжден орденами Св. Анны 3-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 4-й, 2-й и 3-й степеней, Св. Георгия 4-й и 3-й степеней, Св. Александра Невского и золотой шпагой с алмазами и надписью «За храбрость».
С конца 1830-х гг. здоровье начальника Третьего отделения неуклонно ухудшалось. Много хлопот доставлял ему прогрессирующий склероз, дававший обильную пищу для анекдотов по этому поводу. По настоянию врачей Бенкендорф в апреле 1844 г. выехал за границу на воды. К осени ему стало лучше, и он морем через Ревель возвращался в Санкт-Петербург, намереваясь приступить к служебным обязанностям. Однако 11 сентября, находясь на пароходе «Геркулес», неожиданно скончался. Похоронен в своем имении – на мызе Фалль близ Ревеля в Эстляндской губернии.

ДОЛГОРУКОВ Василий Андреевич (1804–1868). Главный начальник Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф Отдельного корпуса жандармов в 1856–1866 гг.
Происходил из знаменитого в русской истории княжеского рода Долгоруковых, относящегося к черниговской ветви Рюриковичей. Будущий руководитель политического сыска получил разностороннее домашнее образование, 17-летним юношей поступил в 1821 г. на военную службу юнкером в лейб-гвардии Конный полк. Полком в тот период командовал А.Ф. Орлов, и это обстоятельство во многом предопределило дальнейшую судьбу Долгорукова. Во время восстания декабристов он находится во внутреннем карауле Зимнего дворца. В этот решающий момент на молодого корнета обращает внимание Николай I, с тех пор оказывавший ему свое монаршее благоволение. В январе 1826 г. производится в чин поручика, в 1829 г. – штаб-ротмистра. Когда в 1830 г. А.Ф. Орлов подавлял восстание в военных поселениях Новгородской губернии, Долгоруков состоял при своем командире и за участие в этой карательной акции был пожалован во флигель-адъютанты императора. В 1831 г. участвует в подавлении Польского восстания, проявляет усердие «при исполнении поручений и мужество в делах против польских мятежников, где под сильным ружейным и картечным огнем передавал приказы главнокомандующего», за что удостаивается наград, производится в ротмистры. В декабре 1835 г. выслуживает чин полковника.
В 1841 г. назначается начальником штаба инспектора резервной кавалерии и отбывает к новому месту службы в Чугуев, в 1842 г. производится в чин генерал-майора и включается в состав императорской свиты, в 1845 г. становится генерал-адъютантом императора. В ноябре 1848 г. назначается товарищем военного министра. В следующем году происходит его первое соприкосновение с областью политического сыска, когда он в ранге товарища военного министра вводится в состав следственной комиссии по делу петрашевцев. В 1849 г. Долгоруков становится генерал-лейтенантом, в 1852 г. занимает кресло военного министра, в котором сменил светлейшего князя А.И. Чернышева. Военным министром Долгоруков оказался никудышным, что со всей очевидностью показала Крымская война. «Во все время войны, – писал об этом этапе его биографии двоюродный брат шефа жандармов, эмигрантский публицист князь П.В. Долгоруков, – у Василия Андреевича было единственной мыслью скрывать от государя настоящее положение дел, не расстраивать его дурными вестями».
После поражения в Крымской войне даже весьма расположенный к нему новый император Александр II счел за благо уволить Долгорукова с поста военного министра,

правда, не забыв ему пожаловать в утешение чин генерала от кавалерии. Когда с уходом А.Ф. Орлова освободилась должность руководителя тайной полиции, Александр II 27 июня 1856 г. назначает своего старого знакомого главным начальником Третьего отделения и шефом жандармов. Как отмечал П.В. Долгоруков, новый глава политического сыска это назначение принял «не только не морщась, но еще с восторгом от мысли, что будет иметь к государю постоянный, беспрепятственный доступ и право вмешиваться во все дела и дела каждого». Он же дал ему такую исчерпывающую характеристику: «Бездарность полная и совершенная; эгоизм, бездушие в высшей степени; ненависть ко всему, что умно и просвещенно; боязнь... всего, что независимо и самостоятельно». А так как со своим начальником ушел в отставку и Л.В. Дубельт, то на его место в день коронации Александра II был назначен генерал-майор свиты А.Е. Тимашев, «дотоле известный лишь замечательным дарованием рисовать карикатуры». Понятно, что с такими «толковыми» руководителями дела у Третьего отделения пошли отнюдь не на улучшение.

Поскольку первостепенной для нового императора после Крымской войны стала проблема отмены крепостного права, то в отчете за 1857 г. Долгоруков рисует подробную картину настроений в народе в связи со слухами о скором освобождении крестьян. Глава Третьего отделения в интересах государственной безопасности считал необходимым для правительства заручиться поддержкой дворянства при обсуждении условий предстоящих реформ. Логично утверждая, что «монархическая власть основана на власти дворянской», Долгоруков советовал императору «до некоторой степени» сохранить власть помещиков над крестьянами, поскольку такая власть является «иерархическим продолжением власти самодержавной». Состоя с октября 1857 г. по 1859 г. членом Особого комитета для рассмотрения постановлений и предложений о крепостном состоянии (с февраля 1858 г. – Главный комитет по крестьянскому делу), Долгоруков и там яростно выступал против полного освобождения крестьян и наделения их землей.

«По наследству» от своего предшественника Долгорукову досталась и «проблема» Герцена, который в своих статьях из Лондона призывал производить «преобразования по всем частям вдруг, тогда как правительство может допускать их не иначе как тихо и постепенно». Борьба с агитатором-революционером протекала трудно. На территории империи «Колокол» конфисковывался, а его распространители и читатели арестовывались и отправлялись в ссылку. Но репрессивные меры не приносили желаемого результата. Видя это, Третье отделение старалось внедрить своих агентов в ближайшее лондонское окружение А.И. Герцена и с их помощью установить адреса основных корреспондентов газеты. Уже осенью 1857 г. Г. Михайловский, один из служащих лондонского издателя герценовской литературы, был разоблачен как сотрудник царского политического сыска. В конце 50-х гг. Третье отделение направляет в Лондон своих лучших специалистов – А.К. Гедерштерна, В.О. Мейера, М.С. Хотинского, Г.Г. Перетца и других, – однако и им не удается приблизиться к заветной цели. В июне 1859 г. с секретной миссией в Париж отправляется управляющий Третьим отделением А.Е. Тимашев и добивается от французских властей запрета на пятую книжку «Полярной звезды» и на отдельные номера «Колокола», конфискованные на таможне. Русские революционные эмигранты постепенно берутся «под колпак», и в отчете за 1862 г. руководитель Третьего отделения с нескрываемым удовлетворением докладывает, что с начала года было организовано «самое близкое секретное наблюдение как за политическими выходцами, так и за их посетителями... в Лондоне... и в Париже». Сеть надзора становится все более плотной, и на основании сообщения своего лондонского агента Г.Г. Перетца летом 1862 г. Третье отделение арестовывает на пароходе при возвращении в Петербург отставного коллежского секретаря П.А. Ветошникова. При обыске у него были найдены письма А.И. Герцена, Н.П. Огарева и М.А. Бакунина к различным лицам в России, а также списки и адреса некоторых корреспондентов «Колокола». Хотя последние были записаны тайнописью, жандармы сумели разобраться в несложном шифре и нанесли мощный удар по всему русскому революционно-демократическому лагерю. Однако революционную

газету погубил не этот провал, а поддержка Герценом Польского восстания 1863–1864 гг., после чего русская читательская аудитория отхлынула от «Колокола»; его тираж сократился в несколько раз, и в 1867 г. пропагандисты были вынуждены прекратить издание.

Однако с тех пор, как в 1855 г. Александр II значительно ослабил цензуру печатных изданий, беспокойство государственной безопасности стала доставлять не только эмиграционная, но и отечественная пресса. Долгоруков не уставал бить по этому поводу тревогу. В «нравственно-политическом обозрении» за 1860 г. он отмечал, что взгляды и суждения, высказываемые на страницах русских газет и журналов, «слишком свободны и даже опасны». Подчеркивая, что «журналистика подстрекает свойственное и без того настоящей эпохе брожение умов», начальник Третьего отделения убеждал императора, что «необузданность печати... есть величайшая опасность для сохранения существующего порядка». Врагом номер один стал для Долгорукова ведущий идеолог революционно-демократического лагеря Н.Г. Чернышевский. Руководимый им журнал «Современник» насчитывал 6 тысяч подписчиков – колоссальная цифра для того времени. Говоря об исключительной популярности публициста, Б.Б. Глинский отмечал: «На него и в обществе, и в правительственных кругах смотрели как на властителя тогдашних революционных дум, как на тайную пружину, которая приводит все окружающее в определенное движение, чей дух чувствуется в каждом проявлении тогдашней общественной оппозиции». С осени 1861 г. за Чернышевским устанавливается постоянное наблюдение. Не ограничиваясь этим, Третье отделение периодически перлюстрировало его корреспонденцию. Видя в демократической публицистике серьезную угрозу безопасности империи, Долгоруков посоветовал Александру II организовать специальную комиссию, наподобие той, которая рассматривала дело декабристов, для пресечения изданий антиправительственного направления. 19 июня правительство за «дурное направление» закрыло радикальные журналы «Современник» и «Русское слово», а 7 июля 1862 г. жандармский полковник Ракеев арестовал Чернышевского, который сначала был доставлен в Третье отделение, а оттуда по распоряжению начальника штаба Отдельного корпуса жандармов А.Л. Потапова препровожден в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Непосредственным предлогом для ареста писателя стало перехваченное у упомянутого выше П.А. Ветошникова письмо А.И. Герцена, в котором тот предлагал одному из сотрудников Чернышевского издавать «Современник» за границей. Тем не менее ни письмо Герцена, ни результаты девятимесячной слежки за Чернышевским, ни его статьи, опубликованные в «Современнике», поскольку в свое время все они были пропущены цензурой, не давали юридических оснований для его ареста. Это было вынуждено признать и само руководство Третьего отделения. Начавшийся политический процесс спасло то обстоятельство, что через месяц после ареста Чернышевского был схвачен его молодой сотрудник В.Д. Костомаров. Последнего обвинили в том, что в своей типографии он пытался напечатать революционную прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Чернышевский был объявлен основным автором воззвания и обвинен в политическом преступлении; в мае 1863 г. его дело было передано в Сенат. Хотя обвинение так и осталось недоказанным, тем не менее Чернышевский был признан виновным «в сочинении возмутительного воззвания, передаче оного для тайного печатания с целью распространения и в принятии мер к ниспровержению существующего в России порядка управления». Суд приговорил его к 14 годам каторги (Александр II смягчил срок до 7 лет) и пожизненному поселению в Сибири.

Десятилетняя карьера главы государственной безопасности окончилась неожиданно для него самого. Весной 1866 г. Долгоруков составлял отчет за предшествующий 1865 г., в котором отмечал укрепление позиций самодержавия за счет поддержки народа и патриотических чувств, проявленных русской армией при подавлении восстания в Польше. Большие надежды возлагал и на земства, в которых, по его мнению, успешно

сочетаются местное самоуправление и монархическая власть; радовал его новый закон относительно прессы, позволяющий чиновникам закрывать политически вредное издание. Начальник Третьего отделения полагал, что эти факты привели к спаду «революционных и утопических настроений» в печати. Россия, заключал Долгоруков, твердо стала на путь реформ благодаря моральной силе правительства. Не успел он завершить свой оптимистический отчет, как 4 апреля 1866 г. бывший студент Московского университета Д.В. Каракозов стрелял в царя, и лишь случайность спасла жизнь Александру II. Этот выстрел открыл целую череду покушений на императора, предотвратить которые государственная безопасность оказалась не в состоянии. Хотя первая попытка цареубийства была неудачной, она не прошла бесследно ни для внутренней политики государства, ставшей поворачивать в сторону реакции, ни для императорского окружения, так или иначе связанного с прежним курсом. «Пуля Каракозова попала не в государя, но в целую толпу лиц, ему близких», – записал по этому поводу в своем дневнике А.А. Половцов. Одним из этих лиц оказался Долгоруков, который счел за лучшее подать в отставку через четыре дня после покушения. Александр II принял отставку. Впрочем, император не держал зла на него и уже через семь дней назначил Долгорукова обер-камергером своего двора. За десятилетия службы Долгоруков был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Анны 2-й степени и высшим российским орденом – Св. Александра Невского.

ДРЕНТЕЛЬН Александр Романович (1820–1888). Главный начальник Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф Корпуса жандармов в 1878–1880 гг.

Происходил из старинного немецкого дворянского рода, известного с XVI в. Воспитывался в Александровском сиротском кадетском корпусе в Царском Селе, после которого был определен в Первый кадетский корпус в Петербурге. Окончив учебу, в 1838 г. начинает военную службу прапорщиком карабинерской роты лейб-гвардии Финляндского полка. Начинается его последовательное восхождение по ступеням военной карьеры. Ее будущий глава Третьего отделения сделал лишь благодаря своему замечательному усердию безо всякой протекции, что было достаточно большой редкостью для того времени. Как отмечали современники, это был военный человек по страсти, знакомый со всеми мелочами армейской службы, непреклонный по части дисциплины, но при этом замечательно справедливый и беспристрастный. Даже его полнота («он был сравнительно небольшого роста, чрезвычайно полный, почти совсем без шеи») не мешала его подвижности и распорядительности. В годы службы в лейб-гвардии Дрентельн близко познакомился с будущим императором Александром II, что сыграло заметную роль в его последующей судьбе.

После Крымской войны, активным участником которой он являлся, в 1859 г. назначается командиром лейб-гвардии Измайловского полка, в сентябре того же года производится в чин генерал-майора. К этому периоду относится его активная работа в комиссиях по различным армейским вопросам. Когда в 1863 г. вспыхнуло восстание в Польше, командует войсками в Виленской губернии, пользуется особым доверием М.Н. Муравьева. В августе 1864 г. назначается в императорскую свиту. Помимо придворных обязанностей в столице, активно работает по подготовке военных реформ в рамках Главного комитета по устройству и образованию войск. Председателем его был великий князь Николай Николаевич старший; с февраля 1865 г. Дрентельн становится вице-председателем комитета. В августе этого года ему присваивается чин генерал-лейтенанта. В июле 1867 г. становится генерал-адъютантом Александра II. Состоит в ряде комиссий при Главном штабе – по перевооружению армии, ее материальному и продовольственному снабжению. С 1867 по 1869 г. преподает военные науки великим князьям Александру и Владимиру Александровичам, заслуживает особое расположение

будущего императора Александра III, называвшего его «одним из самых честнейших и благороднейших слуг Отечества».
В августе 1872 г. назначается командующим Киевским военным округом, является членом комиссий по организации войск и о воинской повинности, в преддверии войны с Турцией успешно проводит мобилизацию войск своего округа. В апреле 1878 г. производится в чин генерала от инфантерии. Дрентельн был награжден орденами Св. Анны 3-й и 1-й степеней, Св. Станислава 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 3-й и 2-й степеней, Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного.
Гибель Н.В. Мезенцева поставила перед Александром II вопрос о новом руководителе ведомства государственной безопасности, и его выбор пал на сторонника жестких мер Дрентельна. 15 сентября 1878 г. он был официально назначен главным начальником Третьего отделения и шефом Корпуса жандармов. На новом посту Дрентельн прежде всего распорядился прекратить попытки убедить правительство Швейцарии выдать террористку В.Засулич, понимая бесперспективность этой акции, способной лишь вызвать волну демонстраций протеста в России и за рубежом. В конце 1878 г. в правительственных кругах обсуждался вопрос о централизации полиции и замене Третьего отделения, оказавшегося неспособным обеспечить безопасность ни императора, ни собственного начальства, новым органом, например, Министерством полиции. Между тем волна террора продолжалась. В феврале 1879 г. в Харькове был убит губернатор князь Д.Н. Кропоткин, 13 марта студент Медико-хирургической академии Мирский стрелял в карету нового начальника Третьего отделения на набережной Лебяжьего канала. Не успел улечься шум от этого дерзкого покушения, как 2 апреля член тайной организации «Земля и воля» А.К. Соловьев трижды стрелял из револьвера в императора на Дворцовой площади, и только неисправность прицела револьвера террориста спасла жизнь Александру II.
Тем временем сторонники террора в августе 1879 г. выделились в особую подпольную организацию «Народная воля», благодаря чему этот крайне опасный процесс приобрел качественно новые черты. У нового объединения было неизмеримо больше сил, чем у любой из тайных организаций предшествовавшей поры. По самым осторожным подсчетам историков, «Народная воля» объединяла в своих рядах 80–90 местных, 100–120 рабочих, 30–40 студенческих, 20–25 гимназических и 20–25 военных кружков по всей стране, вплоть до высших армейских сфер. Оперативно справиться с таким мощным противником Третье отделение оказалось явно не в состоянии.
26 августа 1879 г. Исполнительный комитет «Народной воли» вынес Александру II смертный приговор (один из лидеров организации А.И. Желябов по этому поводу прямо заявил: «Честь партии требует, чтобы он (император. — Прим. авт.) был убит») и энергично приступил к подготовке его исполнения.
Три предпринятые попытки цареубийства путем взрыва императорского поезда – под Одессой, в Екатеринославской губернии и под Москвой – закончились ничем. Однако Александр II мог благодарить за это случайность, но отнюдь не Третье отделение и его начальника, оказавшихся бессильными предотвратить покушения. Организационных выводов на сей раз не последовало, и Дрентельн временно остался на своем посту вплоть до следующего покушения. Долго ждать оно себя не заставило. Устроившийся столяром в Зимний дворец рабочий Степан Халтурин беспрепятственно пронес на свое место службы 2,5 пуда динамита. Непрофессионализм государственной безопасности был вопиющим, поскольку она знала о готовящемся покушении. Третье отделение арестовало члена Исполнительного комитета «Народной воли» А.А. Квятковского, при котором нашли план Зимнего дворца с помеченной крестиком царской столовой, которую Халтурин собирался взорвать. Проведенные ночные обыски среди дворцовых служащих и установленный постоянный жандармский надзор были настолько поверхностными, что террорист смог безбоязненно проносить динамит во дворец и держать его в своей комнате в сундуке. В намеченное время Халтурин запалил фитиль и скрылся с места преступления; жизнь

Александру II вновь спасла чистая случайность. Видя, что руководимое им учреждение неспособно обеспечить личную безопасность императора даже в его собственной резиденции, начальник Третьего отделения 28 февраля 1880 г. подал в отставку.
После отставки остался императорским генерал-адъютантом и членом Государственного совета. В мае 1880 г. был назначен временным одесским генерал-губернатором и командующим войсками Одесского военного округа, в январе 1881 г. – киевским, подольским и волынским генерал-губернатором и командующим войсками хорошо знакомого ему Киевского военного округа. Одновременно он состоял членом Особой комиссии для обсуждения вопросов об улучшении устройства военного управления. Восшедший на престол после убийства народовольцами Александра II Александр III не забыл своего наставника в военной науке, продолжал возлагать на него все новые государственные поручения. Последний руководитель Третьего отделения скоропостижно скончался в Киеве во время парада в день празднования 900-летия крещения Руси.

ДУБЕЛЬТ Леонтий Васильевич (1792–1862). Начальник штаба Отдельного корпуса жандармов с 1835 г.; в 1839–1856 гг. одновременно управляющий Третьим отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии.
Происходил из лифляндского дворянского рода, известного в Прибалтике с начала XVIII в. Получив домашнее образование, в 1801–1807 гг. обучался в Горном кадетском корпусе и по его окончании поступил на службу в Псковский пехотный полк в чине прапорщика. В течение последующих семи лет юный офицер участвует во всех войнах с Наполеоном: русско-французской войне 1806–1807 гг., Отечественной войне 1812 г. (во время Бородинского сражения был ранен), в заграничных походах русской армии. Во время последних состоял адъютантом при генералах Д.С. Дохтурове и Н.Н. Раевском, благодаря чему оказался близок к декабристским кругам. Служебная карьера складывалась успешно: в 1817 г. дослужился до чина подполковника; с 1821 г. состоял дежурным штаб-офицером 4-го пехотного корпуса, на следующий год был произведен в чин полковника и получил под командование Старооскольский пехотный полк.
В этот период Дубельт являет собой пример вольнодумца, состоит членом двух масонских лож и считается «одним из первых крикунов-либералов Южной армии». Хотя и продолжает поддерживать связи с декабристами, однако в тайное общество не вступает, предпочитая ограничиваться одними разговорами. Тем не менее после 14 декабря 1825 г. Дубельт попадает под следствие, его фамилия заносится в «Алфавит» декабристов, но к суду он не привлекается и продолжает военную службу. Остатки вольнодумства, по всей видимости, сохранились у него и в 1828 г., когда он поссорился с начальником дивизии и подал в отставку «по домашним обстоятельствам».
В 1830 г. по рекомендации своего родственника, видного государственного деятеля адмирала Н.С. Мордвинова, определяется в Корпус жандармов. Обладая минимальными связями, но зато недюжинным умом и исключительной работоспособностью, Дубельт всего за пять лет делает стремительную карьеру. Начав свою деятельность как губернский жандармский штаб-офицер, он уже на следующий год становится дежурным офицером Корпуса жандармов, а в 1835 г. уже занимает пост начальника штаба Корпуса жандармов. В характеристике, данной Дубельту, начальник II жандармского округа генерал-лейтенант А.А. Волков подчеркивал, что он «трудами постоянными, непоколебимою нравственностью и продолжительным прилежанием оказал себя полезным и верным, исполнительным в делах службы». Сохранилось немало различных отзывов о нем и со стороны идейных противников самодержавия, соприкасавшихся по разным делам с начальником штаба Корпусов жандармов, и со стороны более или менее нейтральных наблюдателей, не вовлеченных в борьбу правительства и революционеров. Сталкивавшийся с ним Герцен дал такую характеристику: «Дубельт – лицо оригинальное, он, наверное, умнее всего Третьего и всех трех отделений собственной канцелярии. Исхудалое лицо его, оттененное длинными светлыми усами, усталый взгляд, особенно

рытвины на щеках и на лбу, ясно свидетельствовали, что много страстей боролось в этой груди, прежде чем голубой мундир победил или, лучше, накрыл все, что там было. Черты его имели что-то волчье и даже лисье, т.е. выражали тонкую смышленость хищных зверей, вместе уклончивость и заносчивость. Он был всегда учтив». Н.И. Костомаров, встретившийся с Дубельтом при допросе, вспоминал, что тот выражался в высшей степени мягко и все приговаривал: «мой добрый друг», «ловко цитировал в подтверждение своих слов места из Священного писания, в котором был, по-видимому, очень сведущ, и искусно ловил на словах». Но если Герцен сумел раскусить лицемерие Дубельта, то на некоторых революционеров обходительное обращение жандармского начальника производило поистине чарующее впечатление. Попавший в Третье отделение по делу петрашевцев Ф.М. Достоевский назвал Дубельта «преприятным человеком». Хотя фактический руководитель Корпуса жандармов и очень искусно носил маску доброго человека и обожал, чтобы к нему обращались со ссылками на «всем известную его доброту», случалось, эта маска спадала, и из-под нее появлялось его истинное лицо. И.В. Селиванов в своих записках приводит следующий характерный эпизод: «вслед за упоминанием им имени Герцена... Дубельт вспыхнул как порох; губы его затряслись, на них показалась пена.

– Герцен! – закричал он с неистовством. – У меня три тысячи десятин жалованного леса, и я не знаю такого гадкого дерева, на котором бы я его повесил».

Не пользовался его расположением и А.С. Пушкин. Охотно соглашаясь с утверждениями о гениальности поэта, Дубельт всегда замечал, что он идет по ложному пути и «прекрасное не всегда полезно». После смерти Пушкина в обществе бытовало мнение, что, прекрасно осведомленные о предстоящем поединке с Дантесом, Бенкендорф и Дубельт специально послали «не туда» жандармов, обязанных предотвратить дуэль. Когда же великого поэта не стало, Дубельт сделал все, от него зависящее, для ограничения влияния его произведений на умы людей и, в частности, при случае ласково сказал издателю А.А. Краевскому: «Что это, голубчик, вы затеяли, к чему у вас потянулся ряд неизданных сочинений Пушкина? Э-эх, голубчик, никому-то не нужен ваш Пушкин... Довольно этой дряни, сочинений-то вашего Пушкина, при жизни его напечатано, чтобы продолжать и по смерти его отыскивать «неизданные» его творения да и печатать их. Нехорошо, любезнейший Андрей Александрович, нехорошо...»

Следует отметить, что умный жандармский офицер не был расположен безоговорочно верить всем доносам своих многочисленных информаторов и в ряде случаев тщательно их перепроверял. Когда, например, литератор Ф.В. Булгарин подал донос на своего конкурента, упомянутого Краевского, Дубельт распорядился его проверить, в результате чего стало ясно, что весь донос построен на недобросовестно подобранных цитатах: «Г-н Булгарин хорошо знает, что нет книги в свете, не исключая и самого Евангелия, на которых нельзя было бы извлечь отдельных фраз и мыслей, которые отдельно должны казаться предосудительными». Вообще отношение Дубельта к доносчикам было двойственным. Регулярно пользуясь их услугами по долгу службы, он, с другой стороны, выражал к ним явную брезгливость и неизменно оплачивал их доносы денежными суммами, кратными трем «в память тридцати серебренников», за которые Иуда предал Иисуса Христа.

Помимо повседневной, что называется, оперативной работы, Дубельт принимал активное участие в структурных преобразованиях государственной безопасности Российской империи. В 1836 г. под его руководством разрабатывается Положение об учреждении Отдельного корпуса жандармов, впервые законодательно формулирующее должностные обязанности жандармских чинов. После смерти М.Я. фон Фока ближайшим помощником начальника Третьего отделения А.Х. Бенкендорфа на некоторое время стал Мордвинов. Однако последний вскоре провинился в том, что пропустил в печать (в альманахе «Сто русских литераторов») портрет декабриста Бестужева-Марлинского, после чего был отправлен в отставку, а правой рукой главы политического сыска стал Дубельт. С 1839 г.

он долгие годы одновременно был начальником штаба Отдельного корпуса жандармов и управляющим Третьим отделением.
Л.В. Дубельта можно считать творцом жандармской системы в том виде, в каком она существовала при нем и впоследствии. Руководитель государственной безопасности очень быстро оценил своего умного и энергичного нового помощника. О том, до какой степени Бенкендорф дорожил своим заместителем, свидетельствует следующий эпизод. Когда Николай I еще мало знал Дубельта, он поверил какой-то жалобе на него и выразил свое неудовольствие. Начальник штаба Отдельного корпуса жандармов подал прошение об отставке. По этому случаю Бенкендорф явился к императору с двумя бумагами. Одна из них была прошением Дубельта об отставке, а на вопрос о содержании второй глава политического сыска ответил Николаю I: «А это моя отставка, если вы ту подпишете». Нечего и говорить, что государь не пожелал расстаться со своим преданным начальником Третьего отделения и Дубельт остался на службе.
Пока во главе Третьего отделения находился Бенкендорф, которого признательный подчиненный называл «человеком ангельской доброты», Дубельт мог ничего не опасаться, но когда после его смерти место главы политического сыска империи занял А.Ф. Орлов, его положение, по мнению многих, пошатнулось. М.А. Корф отмечает, что начальника штаба Отдельного корпуса жандармов новый руководитель Третьего отделения «накануне своего назначения называл всегда подлецом, плутом и мерзавцем». Однако, к удивлению многих, ничего не произошло, и новый начальник Третьего отделения попал под влияние своего подчиненного, быстро поменял о нем мнение и проработал вместе с ним все время своего пребывания на посту главы государственной безопасности. «Орлов по свойственной ему лени и нелюбви к труду, – вспоминал баварский посол О. де Брэ, – более чем кто-либо нуждался в помощнике, который отличается ловкостью, деятельностью и знанием дела». Действительно, Дубельт идеально отвечал всем этим требованиям, и новый его начальник, часто вынужденный отлучаться из своего ведомства с дипломатическими миссиями или для сопровождения императора в его поездках, скоро это понял.
Благодаря этому обстоятельству карьера управляющего Третьим отделением продолжала развиваться безоблачно, и в декабре 1844 г. он получает чин генерал-лейтенанта. Занимаясь политическим сыском в Третьем отделении и Отдельном корпусе жандармов, Дубельт в 1852–1855 гг. одновременно являлся еще товарищем министра внутренних дел, исполняя должностные обязанности и в этом ведомстве. Помимо этого, был членом Главного управления цензуры и Комитета о раскольниках. За свою службу он был награжден многими высшими орденами Российской империи, в том числе и орденом Св. Александра Невского. Когда в 1856 г. в отставку ушел А.Ф. Орлов, за ним вскоре последовал и Дубельт.

ЛОРИС-МЕЛИКОВ Михаил Тариелович (1824, по другим сведениям, 1825–1888). Главный начальник Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в феврале—августе 1880 г. Царским указом от 3 марта 1880 г. ему было «временно» подчинено Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии вплоть до его ликвидации в августе 1880 г.
Происходил из дворянского рода, представители которого были наследственными меликами (правителями) Лорийской долины в Армении. Обучался в пансионе Арзановых в Тифлисе и армянском Нерсесовском училище, где обнаружил незаурядные лингвистические способности, в совершенстве выучил к 10 годам русский, немецкий, французский, грузинский и азербайджанский языки. С обозом армянских купцов Михаил был отправлен в Москву. Учился в Лазаревском институте восточных языков, овладел турецким и персидским языками. Затем поступает в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Санкт-Петербурге. В 1841 г. знакомится с молодым

Н.А. Некрасовым, тогда начинающим поэтом, несколько месяцев живет вместе с ним на одной квартире. По окончании военной школы в 1843 г. производится в чин корнета и определяется на службу в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Через три года, будучи поручиком, подает прошение о переводе на Кавказ, где шла война с горскими племенами, возглавлявшимися имамом Шамилем.

Лорис-Меликов состоит офицером для особых поручений при кавказском наместнике генерале от инфантерии графе (будущем фельдмаршале и светлейшем князе) М.С. Воронцове. Последний обратил внимание на способного поручика, и своей быстрой последующей карьерой тот во многом был обязан ему. За время военной службы Лорис-Меликов, по подсчетам его биографов, участвовал в 180 боях и стычках. В Крымскую войну Лорис-Меликов сражается против турецких войск на Кавказском фронте. В январе 1854 г. производится в чин полковника. После взятия крепости Карс, как знаток местных условий, назначается управлять городом и прилегающей территорией. Первый административный опыт Лорис-Меликова оказался удачным: он быстро сумел найти общий язык с местным населением, восстановить нормальную жизнь и предотвратить угрозу голода и эпидемий. В августе 1856 г. получает чин генерал-майора. С апреля 1858 г. становится исправляющим должность начальника войск в Абхазии. Весной 1860 г. направляется в Турцию для переговоров с султанским правительством о принятии в пределы азиатской части этой страны тех горцев из Терской области, которые категорически не желали признавать над собой власть Российской империи. Переговоры прошли успешно, Турция согласилась принять единоверцев, а выселение за пределы России непримиримой части горцев, безусловно, способствовало быстрейшему умиротворению Кавказа.

В конце мая 1860 г. Лорис-Меликов был назначен исправляющим дела военного начальника Южного Дагестана и градоначальником Дербента, в марте 1863 г. – исправляющим дела начальника Терской области и командующим находящимися там войсками с присвоением звания генерал-лейтенанта. В течение 12-летнего руководства Терской областью (до апреля 1875 г.) он получает звания генерал-адъютанта, наказного атамана Терского казачьего войска; в феврале 1870 г. ему присваиваются права генерал-губернатора Терской области. На этом посту он проявил себя умелым и энергичным администратором.

В апреле 1875 г. Лорис-Меликов был назначен состоять при наместнике Кавказа великом князе Михаиле Николаевиче с производством в чин генерала от кавалерии. В 1875 и 1876 гг. дважды находится в продолжительных отпусках ввиду необходимости лечения. В немецком курортном городе Эмсе знакомится с вышедшей в Берлине брошюрой «Наше положение» либерального земского деятеля А.И. Кошелева, критиковавшего недостатки российской бюрократической системы. Там же, в Эмсе, встречается с автором брошюры и историком-славянофилом М.П. Погодиным. Идейные воззрения всех троих были довольно близки, и, по всей видимости, к этому периоду относится оформление умеренно-либеральных взглядов самого Лорис-Меликова. Вскоре он принимает посильное участие в разработке новой брошюры Кошелева «Общая земская дума», в которой намечались пути «восстановления утраченной связи народа и государя» без нарушения основополагающих принципов самодержавной монархии. Для этого, по мысли разработчиков, следовало создать Думу из депутатов от земских губернских собраний с правом законосовещательного голоса. Именно из этого концептуального проекта черпал Лорис-Меликов идеи в области политических реформ в период высшего взлета своей карьеры.

В 1876 г. Лорис-Меликов назначается командующим отдельным Кавказским корпусом, в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он проявляет себя талантливым военачальником, одерживает крупные победы над неприятелем. В апреле 1878 г. был удостоен графского титула Российской империи. За более чем 30-летнюю военную службу Лорис-Меликов награждается орденами Св. Анны 4-й, 3-й и 2-й степеней, Св. Владимира 4-й, 3-й и 1-й степеней, Белого Орла, Св. Александра Невского,

Св. Георгия 1-й и 2-й степеней, золотой саблей «За храбрость» и целым рядом иностранных орденов: мекленбург-шверинским «За военные отличия» 2-й степени, прусским «За заслуги» и черногорской медалью.
В апреле 1879 г. назначается временным харьковским генерал-губернатором, а вслед за этим и командующим войсками Харьковского военного округа. На новом месте стремится соединить жесткую линию по отношению к революционному подполью с привлечением к сотрудничеству с властью умеренной оппозиции. В последнем Лорис-Меликову значительно помогало его личное обаяние, умение завоевать популярность людей. Биограф оставил такой отзыв о нем в харьковский период его деятельности: «Доступность, простота в обращении, ласковость графа быстро расположили к нему массу. Он действительно имел способность привлекать к себе людей; его мягкие, вкрадчивые манеры, веселость, магнетическое влияние красивых умных глаз очаровывали многих...» Даже в выполнении прямых служебных обязанностей по подавлению революционного движения проявил недюжинные дипломатические способности, чтобы, с одной стороны, своими энергичными действиями заслужить одобрение правительства, а с другой – провести их осмотрительно, не вызывая к себе чрезмерной ненависти революционеров. О том, насколько это ему удалось, красноречиво свидетельствует уже тот факт, что Лорис-Меликов умудрился стать единственным среди генерал-губернаторов, не включенным Исполнительным комитетом «Народной воли» в список приговоренных им к смерти.
Пока граф проводил свою хитроумную политику в Харькове, революционный террор в общероссийском масштабе продолжал усиливаться, и именно это обстоятельство в конечном итоге вознесло его к вершинам государственной власти. Как известно, народовольцы вынесли смертный приговор самому Александру II и осуществили в общей сложности семь покушений на жизнь царя-освободителя. Взрыв, произведенный Халтуриным, высветил всю неспособность как Третьего отделения, так и бюрократического аппарата в целом обеспечить безопасность главы государства, не говоря уже о более масштабной задаче – подавлении революционного движения в стране. Сложившаяся ситуация побудила царя и его ближайшее окружение срочно искать нетрадиционный выход. Его указал проправительственный публицист и издатель М.И. Катков, подавший мысль учредить диктатуру, способную придать расшатанному административному организму единство и силу. Организационной формой задумывавшейся диктатуры должна была стать Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Решение о ее создании было принято 9 февраля 1880 г. Естественно, встал вопрос о кандидатуре главы вновь создаваемого органа. Военный министр Д.А. Милютин и граф Адлерберг указали царю на харьковского генерал-губернатора как на человека, способного взять в руки и крепко держать власть. Судя по всему, и сам Александр II понимал необходимость нового курса в деле борьбы с революционерами, в связи с чем ловкий и умный Лорис-Меликов, уже зарекомендовавший себя на этом поприще в Харькове, был наиболее подходящей фигурой из всей правительственной элиты того времени. Законодательно это решение было оформлено императорским указом от 12 февраля 1880 г., провозглашавшим создание Верховной распорядительной комиссии во главе с Лорис-Меликовым для «положения предела беспрерывно повторяющимся в последнее время покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок». Указ прямо подчеркивал, что комиссия создается «в видах объединения действий всех властей» «по охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Данный законодательный акт предоставлял главному начальнику Верховной распорядительной комиссии право принимать любые решения, безусловно обязательные для исполнения всеми «генерал-губернаторами, губернаторами и градоначальствами», всеми чиновниками Российской империи, «не исключая военного», т.е. фактически Лорис-Меликов наделялся всей полнотой государственной власти.

Действующий монарх на время уходил в тень и официально передавал главе вновь созданного органа неограниченные полномочия – случай беспрецедентный в русской истории. Военный министр Д.А. Милютин так суммировал в своем дневнике впечатление от его назначения: «Граф Лорис-Меликов понял свою новую роль не в значении только председателя следственной Комиссии, а в смысле диктатора, которому как бы подчиняются все власти, все министры». М.Н. Катков назвал его «диктатором сердца», что чрезвычайно понравилось Лорис-Меликову, пожелавшему, чтобы это определение высекли на могильном камне после его смерти как высшую награду за труды при жизни.

Получив, по сути дела, неограниченные диктаторские полномочия, глава Верховной распорядительной комиссии свою первоочередную задачу видел в преодолении революционной ситуации с помощью комбинированной политики уступок либеральной части общества для изолирования собственно революционеров, с которыми следовало расправляться путем репрессий. 15 февраля 1880 г. Лорис-Меликов опубликовал воззвание «К жителям столицы», в котором просил поддержки общества и, заигрывая с либералами, обещал «приложить все старание и умение к тому, чтобы, с одной стороны, не допускать ни малейшего послабления и не останавливаться ни перед какими строгими мерами для наказания преступных действий, позорящих наше общество, а с другой – успокоить и оградить законные интересы его здравомыслящей части».

Чтобы выиграть битву за общественное мнение, «диктатор сердца» провозгласил целый ряд либеральных шагов, сопровождавшихся шумной рекламой. Лорис-Меликов публично обещал расширить права земств, назначил сенаторские ревизии для расследования чиновничьих злоупотреблений, создал комиссию для пересмотра закона о печати, уволил с поста министра просвещения Д.А. Толстого, ненавидимого интеллигенцией как самого ярого реакционера в правительстве, что сопровождалось некоторым увеличением свободы в учебном деле. В чисто демагогических целях было ликвидировано Третье отделение, ставшее притчей во языцех у либералов, сделана попытка хотя бы частично упорядочить институт административной ссылки. По заданию Верховной распорядительной комиссии сенатор М.Е. Ковалевский разработал проект, ограничивающий право местных властей на внесудебную высылку, а для решения вопроса об административной ссылке было создано Особое присутствие.

Однако все широковещательные обещания Лорис-Меликова об установлении строгой законности были мигом забыты, когда революционный террор коснулся его лично. После его назначения на пост диктатора Исполнительный комитет «Народной воли» начал готовить на него покушение, однако отказался от этого замысла ввиду легко прогнозируемой отрицательной реакции общественного мнения. Но не во власти высшего органа народников было не допустить выступления террориста-одиночки. Им оказался И.О. Млодецкий, молодой крещеный еврей из г. Слуцка Минской губернии. 20 февраля 1880 г. у подъезда канцелярии Министерства внутренних дел он в упор стреляет в Лорис-Меликова, но промахивается. Незадачливого террориста приговорили 21 февраля к смерти, а уже 22 февраля повесили. Подобная поспешность объяснялась категорическим требованием «диктатора сердца», чтобы преступник был казнен в 24 часа. Неоднократно и далее прибегая к жестким мерам, Лорис-Меликов заботился лишь об одном: чтобы они не были преданы гласности в отечественной и зарубежной прессе. Только с 18 марта по 21 июля 1880 г. Верховная распорядительная комиссия рассмотрела 453 дознания о «государственных преступлениях», при этом в подавляющем большинстве случаев революционеры подверглись наказанию в административном порядке. «Если мы будем ставить на суд множество людей, – поучал в этой связи Лорис-Меликов жандармского генерала В.Д. Новицкого, – то напишут, что у нас в России революция». По подсчетам исследователей, за 14 месяцев диктатуры состоялось 32 судебных процесса (в основном закрытых), по итогам которых было вынесено 18 смертных приговоров.

Понимая, что для подавления путем репрессий непримиримой части революционного лагеря необходимо объединение усилий всех карательных органов, «диктатор сердца»

добился от Александра II издания указа от 3 марта о временном подчинении Третьего отделения Верховной распорядительной комиссии. Учитывая, что Третье отделение было высшим органом политической полиции и подчинялось непосредственно императору, это официальное решение явилось большой победой Лорис-Меликова в деле дальнейшей концентрации власти в своих руках. Логически завершая начавшийся процесс, на другой день, 4 марта 1880 г., последовало высочайшее повеление «о временном подчинении Отдельного корпуса жандармов главному начальнику Верховной Распорядительной Комиссии», которому предоставлялись «все права и круг действия, присвоенные законом шефу жандармов». Лишь напрямую подчинив себе все органы политического сыска, Лорис-Меликов смог наконец обрести всю полноту диктаторской власти. По данным на 1 января 1880 г., Отдельный Корпус жандармов насчитывал 521 офицера и 6287 «нижних чинов», а штат Третьего отделения составляли 72 чиновника (данные на август 1880 г.).

Став временным главой этих ведомств, Лорис-Меликов для установления единства действий жандармских и полицейских органов в Санкт-Петербурге в конце марта 1880 г. предложил вывести из ведения Третьего отделения «Секретное отделение по охране общественного порядка и спокойствия» и поручить его ведению столичного градоначальника, правами которого он обладал по указу от 12 февраля. За Третьим отделением временно сохранялась организация агентурного наблюдения «в различных слоях общества для уяснения общего политического настроения». Следующим шагом «диктатора сердца» стало установление четкой координации действий местных органов власти с губернскими жандармскими управлениями. Осуществив эти первоочередные меры, Лорис-Меликов начинает намечать подходы к решению других неотложных задач общероссийского масштаба. На мартовских заседаниях Верховной распорядительной комиссии он предлагает объединить действия всех административных и судебных органов, «призванных к обнаружению и преследованию преступных замыслов и действий». Усматривая трудности в борьбе с революционным терроризмом в «крайней медленности производства дознаний и дел о государственных преступлениях», он считал необходимым в кратчайшее время упорядочить вопросы об административной ссылке и организации гласного и негласного полицейского надзора. Поскольку революционное подполье в России было тесно связано с революционной эмиграцией, осевшей в других странах, Лорис-Меликов предпринял ряд мер по усилению политического сыска и за границей.

По поручению Лорис-Меликова летом 1880 г. член Верховной распорядительной комиссии сенатор И.И. Шамшин провел тщательную ревизию деятельности Третьего отделения. Это было первое (и единственное) независимое расследование за всю историю этой могущественной спецслужбы. Итоги оказались на редкость неутешительными. И.И. Шамшин изучил около 1500 дел преимущественно о лицах, высланных за политическую неблагонадежность. Результатом этого труда было освобождение очень многих невинных людей. По словам Шамшина, дела велись крайне небрежно. Хранились следственные дела в чрезвычайном беспорядке, часто отсутствовали в них весьма важные документы, на которых было основано обвинение. Были вскрыты также крупные финансовые упущения. Значительная часть денежных средств, выделенных на борьбу с революционным подпольем, была выплачена «агентам, наблюдавшим преимущественно за высокопоставленными лицами...». Неудивительно, что при подобной организации работы Третье отделение часто не выполняло своей основной задачи. Доклад Шамшина укрепил зревшую у Лорис-Меликова решимость в первую очередь в пропагандистских целях ликвидировать Третье отделение, превратившееся в глазах общества в самое непопулярное, жестокое и неразборчивое в средствах учреждение.

Еще до начала ревизии Лорис-Меликов 11 апреля 1880 г. представил Александру II всеподданнейший доклад, в котором сформулировал программу дальнейших действий Верховной распорядительной комиссии. В докладе указывалось, что для вывода страны из кризиса необходимы реформы, касающиеся различных сторон общественной жизни

Российской империи. Ключевую роль в их проведении «диктатор сердца» отводил самому себе. В области «охранения государственного порядка и общественного спокойствия», т.е. сфере своей прямой компетенции, Лорис-Меликов предлагал царю «идти твердо и решительно в деле преследования злоумышленников, но не смешивать с ними людей, виновных лишь в проступках, не имеющих прямого отношения к социально-революционным проявлениям», т.е. сузить сферу необходимых репрессий. «Либеральный диктатор» специально подчеркивал, что необходимо «стремиться к возвращению от чрезвычайных мер к законному течению дела», и перечислял конкретные меры по нормализации общественных отношений. В этой связи в докладе говорилось о пересмотре паспортной системы, облегчении крестьянских переселений, преобразовании губернских административных учреждений, установлении отношений нанимателей к рабочим и т.п. То есть Лорис-Меликов предлагал сочетать ограниченные репрессии с назревшими преобразованиями в либеральном направлении.

Доклад был одобрен Александром II. Однако осуществить даже эту довольно скромную программу Верховная распорядительная комиссия не успела, так как ее глава неожиданно подал императору идею об упразднении самого этого органа. 26 июля 1880 г. Лорис-Меликов в очередном всеподданнейшем докладе отметил «некоторые благоприятные признаки, свидетельствующие о заметном успокоении умов», но при этом подчеркнул, что «вредные для государственного строя проявления социальных учений... могут быть парализованы не в короткий срок», что сама ликвидация почвы для развития крамолы возможна только в результате объединения усилий правительства и общества». Поэтому деятельность Верховной распорядительной комиссии, «как и всякой исключительной власти, не должна быть продолжительною». А так как с марта по июль 1880 г. не произошло ни одного террористического акта, Лорис-Меликов считал «...настоящую минуту... наиболее удобным временем» для ликвидации самой Верховной распорядительной комиссии, равно как и Третьего отделения, с одновременной концентрацией всех жандармско-полицейских функций в одном из центральных государственных учреждений. При этом явно подразумевалось, что «создание прочного порядка» потребует нахождения во главе этого ведомства неординарного человека наподобие автора проекта. Царь одобрил доклад. 6 августа 1880 г. на свет появился императорский указ «О закрытии Верховной Распорядительной Комиссии, упразднении III отделения с. е. и. в. канцелярии и об учреждении Министерства почт и телеграфа». Согласно указу комиссия, как выполнившая свою ближайшую задачу, ликвидировалась, Третье отделение упразднялось, а функции политического сыска переходили к Департаменту государственной полиции – новому учреждению, создаваемому этим указом в составе Министерства внутренних дел. Новым министром внутренних дел, являвшимся одновременно и шефом Отдельного корпуса жандармов, был назначен, естественно, Лорис-Меликов. К немалому изумлению окружающих, директором вновь созданного Департамента государственной полиции он назначил И. О. Велио, много лет руководившего Департаментом почт и телеграфа в рамках МВД, преобразованного последним указом в самостоятельное министерство.

Реорганизованному МВД в этот период сопутствовал некоторый успех в борьбе с террористами «Народной воли». Во время беседы Лорис-Меликов лично завербовал Г. Гольденберга, и по его наводке в ноябре 1880 г. был арестован виднейший член Исполнительного комитета «Народной воли» Александр Михайлов. В январе 1881 г. был арестован активный член подпольной организации Иван Окладский. Приговоренный к смертной казни, он обещанием помилования был без особого труда перевербован начальником Петербургского жандармского управления генералом А.В. Комаровым. Окладский оказался ценным источником информации и немедленно выдал две конспиративные квартиры, типографию и мастерскую по производству динамита. Как личный агент министра внутренних дел он встречался с Лорис-Меликовым, верно служил полиции на протяжении следующих 37 лет. Пиком удачи «диктатора сердца» на

полицейском поприще стал арест руководителя и главного стратега «Народной воли» А. Желябова в конце февраля 1881 г.

Все это породило у Лорис-Меликова настоящую эйфорию, крайне опасную для руководителя политической полиции. Дело дошло до того, что накануне 1 марта Александр II радостно говорил окружающим: «Поздравьте меня вдвойне: Лорис мне возвестил, что последний заговорщик схвачен и что травить меня уже не будут!» Вместо выполнения прямых повседневных обязанностей министр внутренних дел продолжал ощущать себя вершителем судеб России и 28 января 1881 г. подал Александру II проект реформ, с помощью которых надеялся окончательно выйти из политического кризиса. Смысл проекта сводился к образованию из представителей чиновников и от земства совещательного органа при Государственном совете, который и сам был совещательным органом при императоре. Суть этого достаточно умеренного проекта, получившего название «конституции Лорис-Меликова», сводилась к постепенному переходу к околопарламентской форме правления при незыблемости самодержавия. Тем не менее и такой урезанный вариант показался излишне радикальным Александру II, который по прочтении проекта возмущенно воскликнул: «Да ведь это Генеральные штаты!» Однако, чувствуя поддержку либеральной части общества, «диктатор сердца» упорно настаивал, и, по странной иронии истории, царь за несколько часов до своей смерти 1 марта 1881 г. одобрил предложенную «конституцию» и назначил на 4 марта заседание Совета министров для того, чтобы согласовать правительственное сообщение о предстоящей политической реформе.

Когда министр государственных имуществ П.А. Валуев передавал Лорис-Меликову эту важную для него весть, на улице прогремело два взрыва. «Возможно, покушение», – по-французски сказал Валуев. «Невозможно», – ответил министр внутренних дел. Однако собеседник Лорис-Меликова оказался прав. Гибель Александра II от бомбы террористов означала крах всей стратегии Лорис-Меликова по предотвращению революционного террора путем осуществления мелких либеральных реформ и обещания в будущем реформ крупных. Хотя новый император Александр III и отклонил предложение обер-прокурора К.П. Победоносцева немедленно уволить Лорис-Меликова, дни временщика были уже сочтены. Политический курс его с треском провалился. Несмотря на траур, обсуждение «конституции» Лорис-Меликова состоялось 8 марта 1881 г. в Совете министров. Не оправившийся еще от удара новый царь колебался, большинство участвовавших в совещании были сторонниками либерального курса «диктатора сердца», однако ситуацию переломил К.П. Победоносцев, произнесший громовую речь о том, что Лорис-Меликов навязывает России конституцию, а конституция погубит Россию. Взывая к личным чувствам царя, он протягивал руки к портрету Александра II, восклицая: «Кровь его на нас!» Хотя Александр III так и не высказался на этом совещании, всем наблюдателям стало ясно, что карьере Лорис-Меликова пришел конец. Не помогло ему и то, что уже к 17 марта все участники цареубийства были арестованы полицией и 3 апреля казнены. Решающее политическое влияние на нового императора приобрел Победоносцев, который сумел убедить Александра III подписать 29 апреля 1881 г. написанный им манифест о незыблемости самодержавной власти и готовности царя «утверждать и охранять» ее «от всяких на нее поползновений». Официально провозглашенный курс на «твердую власть» представлялся либералам страшной реакцией, и в знак протеста Лорис-Меликов вместе с несколькими единомышленниками подал в отставку. 4 мая 1881 г. Лорис-Меликов был уволен с поста министра внутренних дел.

В 1883 г. Лорис-Меликов уехал во Францию, где жил в Ницце в фактической эмиграции. Там он сблизился со многими представителями либеральной интеллигенции (М.Е. Салтыков-Щедрин, юрист А.Ф. Кони, редактор газеты «Общее дело» Н.А. Белоголовый). После его смерти в Ницце, в декабре 1888 г., прах генерала был перевезен в Тифлис и погребен в Ванхском кафедральном соборе.

МЕЗЕНЦЕВ Николай Владимирович (1827–1878). Главный начальник Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф Корпуса жандармов в 1876–1878 гг.

Происходил из дворянского рода, известного со второй половины XVII в. По матери был правнуком великого русского полководца А.В. Суворова. В 1845 г. начал военную службу в лейб-гвардии Преображенском полку. В чине подпоручика встретил начало Крымской войны 1853–1856 гг. Принимал участие во многих боевых операциях, в отступлении Южной армии к Севастополю. В качестве адъютанта главнокомандующего Южной армией М.Д. Горчакова в 1855 г. участвовал в обороне Севастополя, был произведен в штабс-капитаны. В 1860 г. получает очередной чин капитана с переименованием в подполковники армии, в ноябре 1861 г. становится флигель-адъютантом Александра II и на следующий год посылается инспектировать подразделения Корпуса внутренней стражи в губернии Поволжья. В августе 1863 г. прикомандировывается к управлению шефа Отдельного корпуса жандармов.

Дальнейшая карьера Мезенцева все в большей степени связывается со сферой политического сыска. С ноября 1863 г. по май 1871 г. состоит членом Следственной комиссии в Санкт-Петербурге, принимает участие в расследовании покушения Каракозова на императора Александра II в 1866 г. В июле 1864 г. назначается исправляющим делами начальника штаба шефа Корпуса жандармов и управляющего Третьим отделением. В апреле 1865 г. производится в чин генерал-майора и утверждается в должности начальника штаба Корпуса жандармов и управляющего Третьим отделением.

В мае 1871 г. пожалован в звание генерал-адъютанта Александра II с отчислением от занимаемой должности. Однако этот перерыв в карьере по сыскной части был непродолжительным. В августе 1873 г. производится в чин генерал-лейтенанта, а спустя год назначается товарищем шефа жандармов и главного начальника Третьего отделения. Когда в конце декабря 1876 г. А.Л. Потапов в связи с болезнью был уволен со своего поста, назначается главным начальником Третьего отделения и шефом Отдельного корпуса жандармов, одновременно становится членом Государственного совета и комитетов по делам Кавказа и Царства Польского. Был награжден орденами Св. Анны 3-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 4-й, 3-й и 2-й степеней, Св. Станислава 2-й и 1-й степеней, орденом Белого Орла.

Хотя на некоторых знавших его людей новый руководитель государственной безопасности производил впечатление «сонного тигра», а в советскую эпоху неизменно характеризовался в исторической литературе как жестокий каратель, военный министр и прогрессивный реформатор, Д.А. Милютин воспринимал его совершенно иначе. По его словам, «Мезенцев вел дела гуманно, не имел личных столкновений с преступниками. Мне даже всегда казалось, что он, по своей натуре, совсем непригоден для своего поста. С молодых лет он был повеса и в то же время набожен».

Понимая, что одними арестами революционное движение не победить, глава Третьего отделения в январе 1878 г. предложил Александру II развернуть по всей стране систему правительственной контрпропаганды: «в простонародье» – распространение книг и брошюр благонамеренного содержания, а «в обществе» – через «кружки, имеющие целью препятствовать дальнейшему развитию революционных замыслов». Однако этот план показался императору слишком смелым и был отвергнут. Для выработки стратегии борьбы с народничеством летом 1878 г. было образовано Особое совещание, в которое вошли шеф жандармов, министр юстиции и помощник министра внутренних дел. На нем Мезенцев предложил расширить штат секретных агентов, полагая, что лучшим способом борьбы явится их проникновение в подпольные организации. Эти агенты не только смогут раскрыть планы заговорщиков, но, войдя к ним в доверие, спровоцировать действия, которые вызовут общественное негодование и будут способствовать их изоляции. Такие агенты должны находиться в полном распоряжении Третьего отделения. На эти цели

правительство немедленно выделило 400 тысяч рублей в дополнение к бюджетным ассигнованиям.
Пока царские сановники обсуждали стратегию борьбы, народники перешли к новой тактике. Разочарованные тем, что агитация не привела к немедленному народному восстанию, и озлобленные репрессиями власти, они становятся на путь индивидуального террора. Начало положила Вера Засулич, стрелявшая в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова и оправданная судом присяжных. Вскоре последовали террористические акты в Киеве. Быстро оценивший поворот тактики народников жандармский полковник В. Д. Новицкий предупредил начальника Третьего отделения, что следует ожидать покушений на высшее руководство его ведомства, ненавистного для противников самодержавного режима. В ответ Мезенцев самоуверенно заявил: «Власть шефа жандармов так еще велика, что особа шефа недосягаема, обаяние к жандармской власти так еще сильно, что эти намерения стоит отнести к области фантазий и бабьих сплетен, а не к действительности». Эта самоуверенность стоила ему жизни. 4 августа 1878 г. он был убит на Михайловской площади в Петербурге народником С. Кравчинским, через два дня после расстрела в Одессе по приговору военно-полевого суда революционера И. Ковальского, оказавшего вооруженное сопротивление при аресте. Виновником гибели одесского народника революционеры считали Мезенцева.
Это убийство, по свидетельству князя В.П. Мещерского, «повергло в ужас правительственные сферы». Военный министр в своем дневнике зафиксировал собственное видение этого события, которое разделяли многие: «Убийство подобного человека не может быть иначе объяснено, как сатанинским планом тайного общества навести террор на всю администрацию. И план этот начинает удаваться». По Северной столице поползли настойчивые слухи о том, что революционеры готовят «варфоломеевскую ночь» своим противникам. В обстановке паники, охватившей высшее общество Петербурга, Третье отделение продемонстрировало потрясающую беспомощность, оказавшись не в состоянии даже схватить убийцу, который, бежав за границу, ушел от преследования и под псевдонимом Степняк потом описал покушение на шефа жандармов в брошюре.

ОРЛОВ Алексей Федорович (1786–1861). Главный начальник Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф Корпуса жандармов в 1844–1856 гг.
Будущий глава ведомства государственной безопасности Российской империи имел не совсем прямое отношение к прославленному графскому роду Орловых – он был внебрачным сыном генерал-аншефа Федора Григорьевича Орлова и вдовы камер-фурьера Л.С. Попова Елизаветы Михайловны Гусятниковой (по другим данным – полковницы Татьяны Федоровны Ярославовой) и официально числился «воспитанником» своего отца. Незадолго до своей смерти в апреле 1796 г. Ф.Г. Орлов уговорил Екатерину II даровать своим «воспитанникам» потомственное дворянство и фамилию Орловых, однако графского титула своего отца они не унаследовали.
Алексей Федорович Орлов получил домашнее образование, воспитывался в пансионе аббата Николя в Санкт-Петербурге, по окончании которого с января 1801 г. служил юнкером в Коллегии иностранных дел, где и приобрел дипломатические навыки, так пригодившиеся ему впоследствии. В мае 1804 г. был переведен в лейб-гвардии Гусарский полк. В 1805 г. молодой корнет принимает участие в кампании против Наполеона, где отличается в знаменитом сражении под Аустерлицем. В 1807 г. проявляет незаурядное мужество и отвагу в сражениях под Гейльсбергом и Фридландом. В 1809 г. в чине штабс-ротмистра переводится в лейб-гвардии Конный полк, в списках которого числится до конца жизни. Нашествие Наполеона на Россию в 1812 г. Орлов встречает в чине ротмистра, участвует в сражениях под Витебском, Смоленском, Красным и в знаменитой битве под Бородино, во время которой он получил шесть сабельных ран в голову и удар

пики в бок. В начале 1813 г. Орлов назначается адъютантом к великому князю Константину Павловичу и участвует в Заграничном походе русской армии. В августе 1813 г. ему присваивается чин полковника. Заслуживает упоминания тот факт, что именно внебрачный сын Федора Орлова, Михаил Орлов, брат Алексея, был тем офицером, который подписал предварительные условия сдачи Парижа русским войскам. По окончании войны с Наполеоном Алексей Орлов увольняется с военной службы в отставку. Однако уже через год подает прошение о возвращении на военную службу и вновь зачисляется в кавалерию. В апреле 1816 г. становится флигель-адъютантом императора Александра I, в 1817 г. производится в чин генерал-майора, в начале 1819 г. назначается командиром своего лейб-гвардии Конного полка, в июне 1820 г. – генерал-адъютантом императора.

14 декабря 1825 г. становится переломным в судьбе Орлова. В те напряженные часы восстания декабристов, когда не только корона, но и сама жизнь Николая I висела на волоске, он первым из полковых командиров привел к новому императору свой лейб-гвардии Конный полк, также его полк стал первым присягнувшим на верность Николаю I. Во главе своего полка Орлов несколько раз в тот день ходил в атаку на мятежников. По делу декабристов был арестован его родной брат генерал-майор Михаил Орлов, герой Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Этот факт, однако, не помешал дальнейшему продвижению А.Ф. Орлова по службе, но, напротив, еще более оттенил твердость его убеждений и непоколебимую верность престолу. Новый император запомнил преданность командира Конного полка и сохранил чувство благодарности к нему до конца своей жизни, неоднократно отзываясь об А.Ф. Орлове как о «надежном, умном и истинно русском человеке». 25 декабря 1825 г. императорским указом А.Ф. Орлов был возведен в графское достоинство. В знак признания его заслуг Николай I избавил его брата Михаила Орлова от неминуемой каторги.

В апреле 1828 г. А.Ф. Орлов сопровождает Николая I в поездке в действующую армию в связи с начавшейся войной с Турцией. В ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. вновь демонстрирует свое мужество, во главе особого отряда берет штурмом крепости Мачин и Гирсово, командует 1-й конно-егерской дивизией и во главе ее участвует в сражениях при Шумле; производится в чин генерал-лейтенанта. Он назначается представителем (вместе с графом Ф.П. Паленом) на мирных переговорах с Турцией. Во многом благодаря его стараниям между воюющими сторонами был заключен Адрианопольский договор (сентябрь 1829 г.), чрезвычайно выгодный для России.

В 1831 г. Николай I посылает Орлова с рядом поручений к главнокомандующему русскими войсками в Польше генерал-фельдмаршалу И.И. Дибичу, затем назначается руководить подавлением «холерного бунта» в Петербурге и восстаний в Новгородском и Старорусском военных поселениях, успешно справляется с этими задачами. В 1833 г. он вновь подтверждает свои блестящие способности дипломата, подписав с Турцией Ункяр-Искелесийский договор о вечном мире, дружбе и оборонительном союзе. В этом же году производится в чин генерала от кавалерии. В декабре 1835 г. Орлов назначается членом Государственного совета. Государственный секретарь М.А. Корф отмечал, что удачливый дипломат и генерал от кавалерии с конца 1830-х гг. XIX в. становится «едва ли не ближайшим к государю человеком». Как близкого своего друга император назначает его попечителем своего сына и наследника престола великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II). Орлов был награжден орденами Св. Георгия 4-й степени, Св. Анны 4-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира всех степеней, Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного.

Когда встал вопрос о новом главе ведомства государственной безопасности, то для Николая I не существовало сомнений, кому именно доверить этот чрезвычайно ответственный и важный и для государства, и для его личной власти пост. Официально Орлов стал главным начальником Третьего отделения, шефом жандармов и командующим Императорской Главной квартирой 17 сентября 1844 г., однако фактически приступил к

исполнению этих обязанностей уже в апреле, после отъезда А.Х. Бенкендорфа на лечение за границу. Орлов принял назначение руководителем политического сыска довольно неохотно и с готовностью переложил основной объем работ по Третьему отделению и жандармерии на своего помощника Л.В. Дубельта.

Согласно официальным отчетам ведомства государственной безопасности за 1840-е гг., наиболее опасную угрозу «общественному порядку» в России Третье отделение видело, во-первых, в активизации деятельности журналов «Отечественные записки» и «Современник», фактически выступавших органами революционной демократии, во-вторых, в подъеме студенческого движения в крупнейших вузах страны (Петербургском и Московском университетах, Училище правоведения, Горном институте) и, в-третьих, в возникновении общественно-политического движения на Украине. Последнее проявилось в том, что в конце 1845 г. в Киеве возникло Украино-Словенское общество Св. Кирилла и Мефодия. В начале 1847 г. это общество было обнаружено Третьим отделением, и участие в нем окончилось достаточно печально для Н.И. Костомарова, Т.Г. Шевченко, П.А. Кулиша и других его членов. Донесший на них студент Киевского университета Петров из-за бойкота товарищей был вынужден покинуть учебное заведение, но был без экзаменов удостоен звания действительного студента и по инициативе Орлова вызван в Северную столицу и определен «соответственно его способностям» чиновником в Третье отделение. Характеризуя совокупность негативных явлений, орган государственной безопасности заверял царя, что все они носят поверхностный характер, не имеют определенной теоретической основы и затрагивают только незначительные круги общества.

Резкий всплеск революционной активности в Западной Европе в 1848 г. вызвал у Николая I и руководства Третьего отделения стремление надежно изолировать Российскую империю от революционного Запада. Как им было хорошо известно, «умственная зараза» проникала тремя путями: «путешествиями наших по Европе, просвещением и ввозом к нам иностранных книг». Нечего и говорить, что правительство постаралось как можно плотнее перекрыть эти каналы. С началом революций 1848 г. Николай I распорядился вызвать на родину всех находившихся в Западной Европе русских подданных, и Третье отделение бдительно следило за неукоснительным исполнением этого указа. Сверх того, от русских дипломатических представительств в Европе оно получало необходимую информацию для проверки «политической благонадежности» этих «путешественников». Но, несмотря на все старания политического сыска, революционные идеи проникали на территорию империи. Возросло количество политических дел, связанных с чтением запрещенных книг, порицанием существующих порядков, одобрением событий в Западной Европе, «вольномыслием» в учебных заведениях и т.п. Хотя большинство этих дел были незначительными, а подчас и просто надуманными, отдельные были достаточно громкими по меркам того времени. Так, например, стараниями Третьего отделения был пресечен «мятежный заговор в Вильно, ставивший целью освободить бывшие польские провинции от русского владычества», а в Училище правоведения, среди учащихся которого были обнаружены «преступные замыслы» относительно правительства, был «наведен порядок». Особняком стоит знаменитое дело петрашевцев, по которому под следствие попало 123 человека. Сам кружок сложился вокруг М.В. Петрашевского в 1844 г., а с осени следующего года стал регулярно собираться по пятницам. Своей целью участники кружка ставили пропаганду идей демократии и утопического социализма, однако под влиянием революционного взрыва в Западной Европе в 1848 г. начали задумываться над более радикальными действиями. В преддверии ожидаемого начала крестьянской революции М.В. Петрашевский и Н.А. Спешнев разработали план руководства восстанием, которое по их замыслу должно было закончиться свержением царя. В конце 1848 г. – начале 1849 г. на «совещаниях пяти» (Петрашевский, Спешнев, Момбелли, Львов и К. Дебу) ставился вопрос о создании тайного общества, его программе и тактике. Однако кружок

петрашевцев первым обнаружило не Третье отделение, а его давний конкурент – Министерство внутренних дел, что, разумеется, свидетельствовало о не очень высоком профессионализме специализированного органа политического сыска. Об этом деле царю доложил министр внутренних дел Л.А. Перовский, который, по словам А.И. Герцена, не желал упустить «отличный случай доказать царю, что тайная полиция состоит из ничтожеств». В минуту гнева Николай I сказал Орлову, что «у его ищеек нет нюха, что это – сопливые собаки». А.И. Герцен так описывает начало следствия: «Как только первые подсудимые, в числе 48, были приведены утром в канцелярию графа Орлова, он имел удовольствие убедиться собственными глазами в том, что доклады Перовского были не вполне точны, по крайней мере, в смысле личной значительности заговорщиков. Среди обвиняемых, на которых падали самые тяжелые подозрения, был мальчик 14–15 лет, жандармы разбудили его рано утром, и он мирно доканчивал свой сон в зале канцелярии, пока его не разбудил внезапно громкий голос графа Орлова: «Что заставило вас устроить заговор, а?.. Вас слишком хорошо кормили, сукины сыны, вы с жиру беситесь!» Этот взрыв гнева не был притворством знатного графа: он был искренен, потому что видел перед собой молодых людей, при помощи которых министр внутренних дел чуть было не подставил ему знатную подножку». Промах, допущенный Третьим отделением, не отразился на положении его начальника. Что же касается петрашевцев, то из 123 человек 22 предстали перед военным судом, который приговорил почти всех из них, за исключением одного, к расстрелу. На Семеновском плацу Санкт-Петербурга все уже было приготовлено к смертной казни, однако в последний момент Николай I заменил расстрел каторгой или арестантскими ротами.

Не успел руководитель Третьего отделения избежать негативных для себя последствий дела петрашевцев, как возникла новая неприятность, на этот раз в недрах его собственного ведомства. В январе 1849 г. из архива ведомства государственной безопасности пропало сразу 18 докладов Орлова императору с резолюциями последнего. Вырезки из них вместе с анонимной запиской потом были отправлены по почте самому Николаю I. Специально образованная по этому случаю следственная комиссия быстро установила, что виновником был бывший доносчик А.Петров. Взятый секретарем «сверх штата» в Третье отделение, он похитил секретные бумаги и продал их частным лицам. Ввиду сложившихся обстоятельств Орлов в апреле 1849 г. проводит реорганизацию архивного дела: архивом политического сыска стали ведать три человека вместо одного – заведующий и два его помощника, и они теперь подбирались из «самых надежных и не из молодых» чиновников с проживанием в самом здании Третьего отделения, чтобы он даже ночью был «готов в случае дел для справок».

На время руководства Орлова Третьим отделением приходится и начало революционной деятельности А.И. Герцена в эмиграции. В 1847 г. Герцен с семьей выезжает за границу и в 1850 г. отвечает отказом на требование русского правительства вернуться на родину. В 1853 г. он основывает в Лондоне Вольную русскую типографию для идеологической борьбы с самодержавием и крепостничеством. В конкретных исторических условиях середины XIX в., по словам самого Герцена, «основание русской типографии в Лондоне является делом наиболее практически революционным, какое русский может сегодня предпринять в ожидании исполнения иных, лучших дел». В том же году он публикует свое первое обращение к русскому обществу «Юрьев день! Юрьев день!» и рассылает по почте разным лицам в России. Один экземпляр воззвания получил граф Потемкин, передавший его императору. Николай I, в свою очередь, отослал его Дубельту в Третье отделение с весьма примечательной припиской: «Получено по почте из Лондона к Потемкину, это сочинение известного Герцена и, вероятно, прислано ко многим; любо читать! – пришли мне назад». Развернутая Герценом агитация набирает силу, с 1855 г. он начинает издавать альманах «Полярная звезда», посвященный запретным политическим темам и получивший в России широкое распространение. С 1 июля 1857 г. Герцен вместе с Огаревым выпускает в Лондоне «Колокол» – первую русскую революционную газету.

Развернутая из-за границы агитация оказала колоссальное революционизирующее воздействие на русское общество, справиться с которым Третье отделение было не в состоянии.
Наряду с руководством политическим сыском Орлов неоднократно выполняет поручения императора; в сентябре 1844 г. становится членом Комитета по делам Закавказья, в октябре того же года – председателем Совета о военно-учебных заведениях, затем – «главноначальником» над Лазаревским институтом восточных языков в Москве, председателем комитета Общества попечения о тюрьмах и т.д. В последующие годы руководитель Третьего отделения сопровождает Николая I в его поездках по империи и в зарубежные страны. После начала Крымской войны Орлов в 1854 г. вел в Вене окончившиеся неудачей переговоры о сохранении нейтралитета Австрийской империи в этом конфликте. Перед своей смертью в феврале 1855 г. Николай I долго беседовал «с самым близким другом» и поручил его особому вниманию своего наследника. 24 февраля Орлов был назначен исполнителем духовного завещания покойного императора.
Отсталая крепостническая Российская империя, несмотря на героизм ее войск, потерпела в этой войне тяжелое поражение. Представляя в качестве руководителя Третьего отделения отчет за 1855 г. о положении в стране, Орлов настоятельно советует новому императору Александру II заключить мир. Он писал: «Война чрезвычайно тягостна для России: рекрутские наборы, ополчение, остановившаяся торговля умножают нужды и бедность, и хотя русские готовы переносить и дальнейшие бедствия, но если бы правительство, сохраняя твердость и свое достоинство, достигло мира на условиях честных, то это было бы общею радостью в империи». Проблема выхода из проигранной войны с наименьшим уроном была неотложнейшей задачей для Александра II, и ее решение было возложено на опытного дипломата и старинного друга прежнего императора. Орлов в феврале–марте 1856 г. возглавляет русскую делегацию на Парижском конгрессе и, используя противоречия между союзниками, добивается некоторого смягчения для России условий мира. За выполнение этой своей последней дипломатической миссии Орлов возводится в княжеское достоинство, а французское правительство награждает его орденом Почетного легиона.
Хотя в царствование Александра II Орлов пользовался не меньшим доверием императора, чем в правление его отца, и в первый же год пребывания его на престоле был удостоен новых высоких назначений, однако годы брали свое. 9 апреля 1856 г. оставляет посты главного начальника Третьего отделения, шефа жандармов и командующего Императорской Главной квартирой, но одновременно назначается председателем Государственного совета и Комитета министров. 3 января 1857 г. он становится председателем Особого комитета для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии (16 февраля 1858 г. переименован в Главный комитет по крестьянскому делу). В отличие от своего предшественника Бенкендорфа Орлов был убежденным противником немедленного освобождения крестьян и, находясь с 1857 по 1860 г. во главе комитета, стремился по мере возможности затормозить этот процесс, а если уж предстояло осуществить освобождение, то только в самых ограниченных размерах.
В конце жизни здоровье бывшего начальника Третьего отделения значительно ухудшилось. В январе 1861 г. Орлов увольняется от всех своих должностей. В отставке прожил всего четыре месяца и скончался в Петербурге.

ПОТАПОВ Александр Львович (1818–1886). Главный начальник Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф Корпуса жандармов в 1874 – 1876 гг.
Происходил из семьи богатого воронежского помещика. В 10-летнем возрасте был определен пажом к императорскому двору. В 1835 г. поступает на службу в лейб-гвардии Гусарский полк с одновременным зачислением в Школу гвардейских подпрапорщиков.

В декабре 1838 г. оканчивает это учебное заведение и в чине корнета возвращается в полк. В 1846 г. в чине ротмистра увольняется в бессрочный отпуск, но уже в 1848 г. восстанавливается на военной службе и назначается адъютантом главнокомандующего действующей армией генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. принимает участие в боевых действиях в составе Дунайской армии.

В ноябре 1855 г. производится в чин полковника и в мае 1856 г. жалуется званием флигель-адъютанта императора. Он продолжает воинскую службу, выполняет ряд поручений военно-следственного характера. В июне 1860 г. назначается исправляющим обязанности обер-полицмейстера Санкт-Петербурга, а в августе производится в генерал-майоры и зачисляется в императорскую свиту. В ноябре 1860 г. Александр II назначает его обер-полицмейстером Москвы, но уже в июле следующего года он командируется в Варшаву с задачей проведения реорганизации местной полиции.

В октябре 1861 г. Потапов назначается исправляющим должность начальника штаба Корпуса жандармов и управляющего Третьим отделением (утвержден в ней 15 декабря). Главной заслугой его на этом посту являлось дело Н.Г. Чернышевского, окончившееся осуждением писателя. Карьера Потапова в Третьем отделении была временно прервана в июле 1864 г. в связи с назначением его помощником по гражданской части виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева. Карательные меры последнего против поляков вызвали сначала тайное, а затем и явное противодействие со стороны его помощника, должность которого 17 апреля следующего года была упразднена, а сам он уволен. Видя, что с Муравьевым Потапов не ужился, Александр II командирует его на Дон для ревизии положения бывших крепостных крестьян, а затем назначает наказным атаманом Войска Донского. Через год он жалуется в звание генерал-адъютанта императора, производится в чин генерал-лейтенанта и назначается войсковым атаманом Войска Донского с правами генерал-губернатора и командующего войсками военного округа.

2 марта 1868 г. следует новое назначение – виленским генерал-губернатором и командующим войсками Виленского военного округа. Эту должность Потапов занимал до июля 1874 г. и в короткий срок добился смещения с важнейших административных постов сторонников репрессивной политики своего предшественника Муравьева. Когда император решает избавиться от опеки «Петра IV» – П.А. Шувалова, то на его место 22 июля 1874 г. назначает Потапова, учитывая как его опыт работы в Третьем отделении и полиции обеих столиц, так и успешно завершенное дело Чернышевского.

От своего предшественника Потапову досталось большое количество арестованных участников «хождения в народ». Наученные неудачным опытом суда над участниками нечаевского общества, жандармы и следователи вели расследование чрезвычайно осторожно, в силу чего дело пропагандистов продвигалось крайне медленно. 267 молодых революционеров, которых следствие привлекло по этому делу, в ожидании суда провели в предварительном заключении целых три года. За этот срок многие из обвиняемых умерли или сошли с ума, в итоге перед судом предстали 193 человека, трое из которых скончались во время процесса. Это обстоятельство широко комментировалось в отечественной и зарубежной прессе, часть которой прямо обвиняла правительство в намерении уморить своих политических противников в тюрьме без суда. Тем не менее ореол мученичества за правое дело оказался весьма притягателен, и в 1874 г. новые массы студенчества устремились «в народ». Для выработки мер, способных уменьшить влияние революционной пропаганды, в декабре 1874 г. было образовано Совещание начальника Третьего отделения и семи министров, однако никаких кардинальных решений оно предложить не смогло.

Понимая, что все-таки надо что-то делать, Потапов 14 февраля 1875 г. разослал начальникам губернских жандармских управлений секретный циркуляр № 17. По сути, это была новая инструкция «по наблюдательной части», содержавшая «общие разъяснения по этому предмету». Циркуляр содержал требования к чинам жандармерии наблюдать «за духом всего населения и за направлением политических идей общества»,

раскрывать и преследовать любые попытки «к распространению вредных учений, клонящихся к колебанию коренных основ государственной, общественной и семейной жизни». В силу этого объектами постоянного жандармского наблюдения должны были стать «школы, публичные лекции и чтения для народа, дабы верно знать их направление и иметь возможность всегда указать вредных деятелей на этом поприще»; «книжная торговля, особенно вразнос, кабинеты для чтения и вообще все подобного рода заведения, имеющие возможность сбыта книг преступного или вредного содержания», и «лица, путешествующие для собирания разных сведений с научной целью, которой можно иногда прикрывать другую, преступную цель».

Усиление надзора дало некоторые результаты. Осенью 1875 г. в Москве была раскрыта «Всероссийская социально-революционная организация», ставившая целью революционную пропаганду среди рабочих крупных центров европейской части империи. 50 членов этой подпольной организации были схвачены жандармами, и впервые среди арестованных значительное число составили рабочие (14 человек) и женщины (16 человек). На состоявшемся в феврале–марте 1877 г. судебном процессе («Процессе пятидесяти») оправдано было только 3 человека, в сибирскую ссылку было отправлено 26 человек, на каторгу – 10, еще 10 приговорены к тюремному заключению и один – к заключению в смирительном доме. Однако праздновать заслуженный триумф главе Третьего отделения не довелось – еще до начала процесса у него открылось «разжижение мозга», перешедшее вскоре в «буйное помешательство», и 30 декабря 1876 г. Потапов был уволен от должности в связи с явно выраженным «умственным расстройством». За время своего пребывания на посту шефа жандармов и главного начальника Третьего отделения он по занимаемой должности стал членом Государственного совета, был произведен в чин генерала от кавалерии. Был награжден орденами Св. Владимира 4-й и 2-й степеней, Св. Анны 1-й степени, Св. Александра Невского, австрийскими орденами.

СЕЛИВЕРСТОВ Николай Дмитриевич (1830–1890). Временно исправляющий должность начальника Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шефа Отдельного корпуса жандармов в 1878 г.

Имя этого жандармского генерала, руководившего тайной полицией в течение двух месяцев после убийства главного начальника Третьего отделения Н.В. Мезенцева, было мало знакомо современникам и сегодня плохо известно даже специалистам (историки часто неправильно пишут его фамилию – Селивестров, Сильвестров). А между тем он был неординарным человеком среди жандармов.

Происходил из богатой дворянской семьи Симбирской губернии. По наследству получил обширные имения в Тульской, Саратовской, Тамбовской и Симбирской губерниях, мериносовый и конный заводы. В Карсунском уезде Симбирской губернии ему принадлежали суконная фабрика, производившая ежегодно 500–700 тыс. аршин сукна, механическая мастерская, чугуноплавильный, кожевенный и клеевой заводы. Это был один из самых состоятельных людей на посту руководителя высшего органа безопасности России.

С 1843 г. учился в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге (его соучеником был знаменитый впоследствии географ П.П. Семенов-Тян-Шанский, ставший близким другом, а затем и душеприказчиком Селиверстова). По окончании школы в августе 1847 г. начал службу в чине корнета лейб-гвардии Гусарского полка. В апреле 1849 г. участвовал в походе к западной границе, предпринятом в связи с интервенцией русской армии в Венгрию. В 1852 г. был произведен в штабс-ротмистры и в 1854 г. назначен адъютантом генерал-адъютанта Николая I графа Ф.В. Редигера, в 1855 г. занявшего пост главнокомандующего Гвардейским и Гренадерским корпусами. В 1856 г. был переведен в лейб-гвардии Кирасирский полк в чине подполковника и назначен чиновником по особым поручениям при шефе жандармов и начальнике Третьего отделения В.А. Долгорукове; с конца 1861 г. состоял в чине полковника для особых

поручений при министре внутренних дел, бывшем управляющем Третьего отделения А.Е.Тимашеве. В 1864 г. «исполнял должность» начальника штаба войск в Самарской, Казанской и Саратовской губерниях. Был награжден орденами Св. Анны 2-й и 1-й степеней, Св. Станислава 1-й степени. В июле 1867 г. Селиверстов был произведен в чин генерал-майора и назначен пензенским губернатором. Губернией управлял около пяти лет, был уволен в отставку «согласно его прошению, по расстроенному здоровью», получил «высочайшее соизволение» на присвоение звания почетного гражданина 12 городов Пензенской губернии. Являлся почетным мировым судьей по уездам Саратовской и Пензенской губерний.

Спустя несколько лет возвращается на службу в Отдельный корпус жандармов. В апреле 1878 г. становится товарищем главного начальника Третьего отделения и шефа Корпуса жандармов Н.В. Мезенцева, а после его убийства в августе 1878 г. назначается императором Александром II исполняющим должность главного начальника Третьего отделения и шефа Корпуса жандармов. По инициативе Селиверстова (совместно с министром внутренних дел Л.С. Маковым) дела о революционных террористах были переданы по подсудности в военно-полевые суды, что привело к резкому ужесточению наказаний за государственные преступления. Но наряду с этим в конце сентября новый руководитель тайной полиции издал секретный приказ о запрете расширительно толковать принятые 1 сентября 1878 г. временные правила о производстве арестов, и без того предоставлявшие жандармам исключительно широкие полномочия для арестов «подозрительных лиц», поскольку полагал, что подобные меры могут настроить против правительства общественное мнение.

Селиверстов не оправдал надежд императора и в октябре 1878 г. был уволен с должности товарища главного начальника Третьего отделения и шефа Корпуса жандармов. Выйдя в отставку, подолгу жил за границей, последние годы – в Париже, где 17 октября 1890 г. был убит выстрелом из револьвера в номере в гостинице польским социалистом Сигизмундом Падлевским, ранее отбывшим четырехлетнее заключение в варшавской тюрьме.

Существуют разные версии этого убийства. Жандармский генерал В.Д. Новицкий, в своих записках характеризовавший Селиверстова как «полнейшего самодура, крайне невоздержанного характера и скупости», считал, что убийство было организовано известными польскими социалистами С. Мендельсоном и М. Янковской, посчитавшими факт присутствия Селиверстова на процессе по делу русских эмигрантов-народовольцев, проходившем в парижском суде, свидетельством выполнения им специального задания русского правительства, – «чего в действительности вовсе и безусловно не было», по утверждению Новицкого.

Бывший чиновник Департамента полиции Л.П. Меньшиков, порвавший со своим ведомством, и другие современники из либерально-революционного лагеря, утверждали, что Селиверстов действительно выполнял специальную миссию в Париже – ревизию деятельности руководителя заграничной агентуры Департамента полиции П.И. Рачковского, и последний руками польского эмигранта (затем бесследно исчезнувшего) подстроил убийство нежелательного для себя генерала.

Незадолго до смерти в Петербурге Селиверстов составил завещание, по которому в собственность г. Пензы переходили 300 тысяч рублей (а также другие денежные суммы) и коллекция собранных им книг и картин для организации художественной школы, которая должна была носить имя дарителя. Коллекция Селиверстова, в которую входили полотна таких мастеров, как Коро, «барбизонцы», А. ван Остаде и другие «малые голландцы», была перевезена из имения генерала в с. Румянцево Карсунского уезда Симбирской губернии в Пензу, и при активном участии П.П. Семенова-Тян-Шанского на ее основе была создана Пензенская картинная галерея имени Н.Д. Селиверстова (1892–1897). После Октябрьской революции музей носит имя первого директора училища художника К.А. Савицкого.

ЧЕРЕВИН Петр Александрович (1837–1896). Исправляющий должность начальника Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шефа Отдельного корпуса жандармов в 1880 г.

Происходил из старинного рода костромских дворян, известного с XV в. После окончания Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров с 1855 г. служил корнетом в лейб-гвардии Кавалергардском полку. В 1860 г. в чине капитана переводится на Кавказ командиром роты, участвует в боевых действиях против горцев в составе Лабинского, Ичкерийского, Аргунского и Алхаловского отрядов. В 1861 г. был произведен в чин майора и в 1862 г. назначен командиром батальона Севастопольского пехотного полка.

С конца 1863 г. Черевин состоит «для особых поручений» при виленском генерал-губернаторе М.Н. Муравьеве, участвует в подавлении Польского восстания. В 1865 г. откомандировывается в распоряжение военного министра Д.А. Милютина; в 1866 г. в чине подполковника входит в состав следственной комиссии по делу Д.В. Каракозова, стрелявшего в императора Александра II. В ходе расследования дела Черевин производит в Петербурге арест профессора Михайловской артиллерийской академии полковника П.Л. Лаврова, впоследствии известного идеолога революционного народничества.

В 1867 г. в карьере Черевина происходит важный поворот– он становится флигель-адъютантом Александра II, а в 1869 г. – командиром «Собственного Его Величества конвоя». В 1877 г. вместе с императором Черевин отправляется в действующую армию, временно командует Кавказской бригадой, вместе с которой в составе Западного отряда генерала И.В. Гурко участвует в сражениях под Дольным Нетрополем, Горным Дубняком, в переходе через Балканы и в последующих сражениях под Ташкисеном, Горном Бугарове, Филиппополем (Пловдивом), преследовании разгромленной турецкой армии Сулеймана-паши в Родопских горах. За отличную службу производится в чин генерал-майора с назначением в императорскую свиту, оставаясь при этом начальником императорского конвоя. Был награжден орденами Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 2-й и 1-й степеней, Св. Георгия 4-й степени.

В 1878 г. назначается начальником штаба Отдельного корпуса жандармов с оставлением в списках «лейб-гвардии казачьих эскадронов Собственного Его Величества Конвоя»; 5 ноября того же года – товарищем главного начальника Третьего отделения и 16 ноября по совместительству занимает пост управляющего Третьим отделением: до августа 1880 г. исправляет должность начальника Третьего отделения и шефа Корпуса жандармов. Он являлся членом Верховной распорядительной комиссии, а после ее ликвидации и реорганизации Министерства внутренних дел был назначен товарищем министра М.Т. Лорис-Меликова, сохранив этот пост и при его преемнике Н.П. Игнатьеве. Был одним из разработчиков «Положения о чрезвычайной охране», принятого в августе 1881 г.

3 ноября 1881 г. на жизнь Черевина покушался акцизный чиновник, бывший волонтер в Черногории Н.М. Санковский, явившийся к нему на прием и выстреливший в него из револьвера. Санковский промахнулся, впоследствии на суде раскаялся, был приговорен к смертной казни, замененной вечной каторгой; покончил самоубийством в тюрьме в 1890 г. По свидетельству генерала В.Д. Новицкого, первым желанием Черевина после покушения было высечь Санковского розгами, но этому воспрепятствовал начальник Санкт-Петербургского жандармского управления генерал Оноприенко. Новицкий характеризовал Черевина как «добрейшего человека и очень умного, пользовавшегося особым доверием и любовью императоров Александра II и Александра III, коими отнюдь не злоупотреблял».

С 1883 г. после отставки министра Игнатьева, к чему и сам Черевин приложил немало стараний (Новицкий называет Черевина «ненавистником графа Игнатьева»), уходит из Министерства внутренних дел и остается «главнозаведывающим охраной Его Императорского Величества», т.е. начальником личной охраны императора

Александра III. С императором у Черевина сложились дружеские отношения (по воспоминаниям современников, они вместе пьянствовали). Также активно участвует в деятельности так называемой «Священной дружины», ультрамонархической организации, созданной представителями аристократических кругов для борьбы с «Народной волей».
С 1882 г. Черевин – генерал-адъютант императора Александра III, в 1886 г. производится в чин генерал-лейтенанта. В мае 1894 г. Александр III назначает Черевина дежурным генералом «при своей особе», эту должность он сохраняет и при новом монархе Николае II.

ШУВАЛОВ Петр Андреевич (1827–1889). Главный начальник Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф Отдельного корпуса жандармов в 1866–1874 гг.
Происходил из старинного дворянского рода, уже давшего России одного руководителя государственной безопасности – Александра Ивановича Шувалова, возглавлявшего Канцелярию тайных розыскных дел при императрице Елизавете Петровне. Характеризуя преемника В.А. Долгорукова, хорошо знавший его статс-секретарь А.А. Половцов писал: «Шувалов был далеко недюжинный человек. При чрезвычайно статной, красивой, изящной наружности он отличался редким умом, сметливостью, уменьем схватывать существенные стороны вопросов и оценивать общее их значение. Проведя раннюю молодость в стенах Зимнего дворца, где отец его был обер-гофмаршалом императора Николая, получив весьма поверхностное образование, прослужив сначала в Конногвардейском полку, а потом в свите государя, он выделялся из толпы товарищей в 60-х годах при покойном государе (Александре II. — Прим. авт.)». В августе 1844 г. был произведен в камер-пажи, через год оканчивает Пажеский корпус и в звании корнета поступает в лейб-гвардии Конный полк, который благодаря А.Ф. Орлову становится как бы кузницей руководящих кадров для Третьего отделения. В декабре 1846 г. получает чин поручика, в 1852 г. становится ротмистром и в апреле–июле 1854 г. состоит в отряде, предназначенном для обороны побережья Балтийского моря в период Крымской войны.
В августе 1854 г. П.А. Шувалов назначается адъютантом военного министра В.А. Долгорукова и возвращается в Петербург. По поручению министра занимается отправкой резервов для действующей армии, обеспечения ее боеприпасами, в июне 1855 г. командируется в Севастополь «в помощь свиты Его Императорского Величества генерал-майору Чернышеву для наблюдения за введением в Крымской армии нарезного оружия». В августе–сентябре 1855 г. П. Шувалов вновь в Севастополе, участвует в обороне города, удостаивается звания флигель-адъютанта императора. В феврале–марте 1856 г. сопровождает графа А.Ф. Орлова на мирных переговорах в Париже. В это же время производится в чин полковника. А.А. Половцов свидетельствует: «Сопровождая князя Орлова в 1856 г. на Парижский конгресс, он изучил полицейское устройство Парижа и вскоре был назначен петербургским обер-полицмейстером, начав здесь обновление прежних кулачных и взяточнических порядков...» 3 февраля 1857 г. Шувалов становится исправляющим дела обер-полицмейстера Северной столицы, 6 декабря официально утверждается в должности главного полицейского Петербурга, производится в генерал-майоры и зачисляется в императорскую свиту. В ноябре 1860 г. оставляет должность обер-полицмейстера в связи с назначением директором Департамента общих дел Министерства внутренних дел, заняв второй по важности пост в этом ведомстве.
Назначенный в августе 1861 г. начальником штаба Корпуса жандармов и управляющим Третьего отделения, он, только вступив в должность, сумел печально прославиться «усмирением» студенческих волнений в Северной столице, по словам П.В. Долгорукова, «приказал ударить в штыки на студентов». Он же руководил арестом и ссылкой поэта-демократа М.Л. Михайлова. На этом закончилось его первое пришествие в сферу государственной безопасности, и 15 декабря 1861 г. он увольняется от должности начальника штаба Корпуса жандармов и управляющего Третьего отделения. Затем

участвует в подавлении Польского восстания 1863–1864 гг., в бою с мятежниками под Свенцянами. В декабре 1864 г. производится в чин генерал-лейтенанта, после чего стремительно идет на повышение. В марте 1866 г. становится генерал-адъютантом государя, а в апреле, после отставки В.А. Долгорукова, назначается шефом жандармов и главным начальником Третьего отделения, входит в состав Государственного совета. Был награжден орденами Св. Владимира 4-й и 3-й степеней, Св. Александра Невского и офицерским знаком французского ордена Почетного легиона.

Напуганный покушением на свою жизнь, Александр II искал опытного в сыскном деле человека, способного обеспечить его безопасность и которому ради этого он был готов предоставить самые широкие, почти диктаторские полномочия. Моментально оценив сложившуюся ситуацию, новый руководитель государственной безопасности использовал ее для практически неограниченного усиления своего влияния. Об этом свидетельствуют многие современники. Так, сенатор Е.М. Феоктистов писал, что, используя подозрительность Александра II, Шувалов «стращал его, стараясь убедить, что только неутомимой деятельности Третьего отделения обязан государь своей безопасностью»; «указывая беспрерывно государю на опасность со стороны революционного движения и преувеличивая его размеры, он стоял на весьма твердой почве, выставляя себя человеком, необходимым для борьбы с ним». В результате глава политического сыска очень скоро добился полного доверия императора и стал «первым лицом в государстве», практически прибрав к рукам всю внутреннюю политику.

Вскоре после назначения руководителем государственной безопасности Шувалов представляет царю записку с анализом положения дел в империи и предложением мер по выходу из кризиса. Такие меры он видит в необходимости «восстановить власть, преобразовать полицию, изменить направление Министерства народного просвещения и поддержать органы землевладения, а следовательно, и дворянство». Главная цель преобразований, по его мнению, заключалась в создании «по мере возможности» политических полиций «там, где они не существуют», и в сосредоточении «существующей полиции в Третьем отделении». «Революционная зараза», распространяющаяся из высших учебных заведений, утверждал шеф жандармов, «скрывается главнейше в политических и нравственных убеждениях тех личностей, в руках которых (находится) воспитание молодого поколения», и поэтому «личный состав как преподавателей, так и учебного начальства должен быть... значительно изменен». Такая мера представлялась ему столь насущной, что, как он писал в своей записке, «лучше на некоторое время приостановиться на пути просвещения, чем выпускать тот недоучившийся уродливый слой, который в настоящее время обратил на себя внимание правительства». А поскольку «правительство одно не будет в состоянии открыть повсеместную борьбу с вредными началами», то ему необходимо опираться на дворянство, которое «представляет собою лучшее орудие для противопоставления демократии... социализму и революционным стремлениям, как консервативный элемент», для чего требуется «поставить этот класс снова на ту ступень, которая подобает для поддержания равновесия государства». Записка Шувалова была обсуждена на первом же заседании Особой комиссии 28 апреля 1866 г., т. е. через две недели после его назначения на новый пост, и получила одобрение. В результате идеи шефа жандармов легли в основу нового правительственного курса, первым проявлением которого стал императорский рескрипт от 13 мая того же года, ознаменовавший начало перехода от реформ к реакции.

П.А. Шувалов не удовольствовался одним лишь «концептуальным изменением» курса правительства, а произвел целую «кадровую революцию», проталкивая всюду, куда было только можно, своих ставленников. Военный министр Д.А. Милютин так характеризовал положение: «Граф Шувалов брался за все, судил и рядил в делах всех ведомств; в совещаниях высказывался с самоуверенностью человека, имеющего за собой могущественную опору... Голос его получил преобладающее влияние в вопросах о личных назначениях на должности. Конечно, он воспользовался этим влиянием, чтобы

выдвигать своих друзей и товарищей и чтобы занять сколь можно более видных мест людьми своей партии. ...Под предлогом сохранения личности государя и монархии граф Шувалов вмешивается во все дела, и по его наушничеству решаются все вопросы. Он окружил государя своими людьми; все новые назначения делаются по его указаниям».
Констатируя, что всесильного временщика «в публике... называли даже вице-императором», А.А. Половцов в январе 1867 г. дает такую оценку ситуации: «Полновластие Шувалова безгранично. Его называют не Петром Андреевичем, а Алексеем Андреевичем (Аракчеевым)». Сходство с последним бросалось в глаза многим, и по отзывам лиц, близко знавших начальника Третьего отделения, «в нем под лоском навыка светского, под блеском мишуры салонной много свойств аракчеевских: бездушие, жестокость, алчная жажда к власти неограниченной, бесконтрольной...» Стоит добавить, что большой популярностью в обществе пользовалась эпиграмма Ф.И. Тютчева на Шувалова:
«Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой –
Петр, по прозвищу Четвертый,
Аракчеев же – второй».

Подобной безграничной властью могущественный временщик пользовался все восемь лет своего пребывания во главе государственной безопасности.
Активно занимаясь внутренней политикой Российской империи, Шувалов проводит реорганизацию и собственного ведомства. Прежде всего он расширяет 5-й секретариат Третьего отделения, сотрудники которого должны были реагировать на общественные события. Вслед за этим добивается строгой централизации полиции и Отдельного корпуса жандармов. Для обеспечения полного контроля положения дел на местах страна была разбита на жандармские округа и была создана сеть из 31 наблюдательного пункта. В секретной инструкции от декабря 1866 г. шеф жандармов приказывает подчиненным «доводить до сведения начальства о всяком покушении взволновать умы изустными проповедями с помощью речей», не передоверять политические дела судебному разбирательству, если существует возможность провести расследование собственными силами. Наконец, руководитель Третьего отделения обращает внимание на организацию наружного наблюдения и секретной агентурной сети. В Петербурге и Москве устанавливалась слежка за всеми подозрительными лицами при помощи сотрудников, которые негласно были приняты на службу еще при прежнем руководителе государственной безопасности; значительные надежды Шувалов возлагал на добровольных осведомителей из числа верноподданных граждан. В сентябре 1867 г. император узаконил предложения начальника государственной безопасности. Жандармерия объявлялась национальной полицией, которая обязана была действовать в соответствии с Уголовным кодексом и принципами проводившейся судебной реформы. Хотя по новому закону жандармы должны были только наблюдать за обществом, а не наводить в нем порядок, Шувалов предусмотрительно обговорил лазейку из этого общего правила, благодаря которой его ведомство имело право заниматься преступниками, когда местной полиции «не оказывалось на месте» или когда последняя самостоятельно «не могла справиться» с беспорядками и т.п.
Реорганизация была проведена Шуваловым в 1870-е г. и в Третьем отделении. Ее главная суть состояла в ужесточении карательных мер против массовых крестьянских выступлений и надзора за общественным и революционным движением. Вынужденное приспосабливаться к новым правовым условиям, сложившимся в ходе судебной реформы, и увеличению числа политических процессов в судах, Третье отделение с 1871 г. обзаводится собственной юрисконсультативной частью. Помимо общего архива, при нем создается Секретный архив, где сосредоточиваются дела по политическим преступлениям и данные перлюстрации корреспонденции. Систематически обновляются картотека,

носившая название «Алфавит лиц, политически неблагонадежных», и альбомы с их фотографиями. Поскольку политический сыск плохо вписывался в новые правовые условия, по инициативе шефа жандармов Александр II 19 мая 1871 г. издал закон, значительно расширивший полномочия этого ведомства. Согласно ему, Отдельный Корпус жандармов официально наделялся «полицейскими» функциями, а его сотрудники получили право задерживать как «политических», так и «гражданских» предполагаемых преступников. При рассмотрении политических преступлений новый закон предписывал жандармам в обязательном порядке проводить предварительное дознание.

Наиболее крупным делом, которым пришлось заниматься Шувалову в бытность его начальником Третьего отделения, была организация «процесса нечаевцев», названного так по имени С.Г. Нечаева, автора знаменитого «Катехизиса революционера». Появившись в Москве в сентябре 1869 г., Нечаев представился местной демократически настроенной молодежи как доверенный русского отдела «Всемирного революционного союза» (никогда не существовавшего в реальности) и, действуя от его имени, создал тайное общество «Народная расправа», в которое завербовал около 80 человек. Целью общества, якобы имевшего свои отделения повсеместно, была «народная мужицкая революция», которую глава «Народной расправы» наметил на 19 февраля 1870 г. Столкнувшись с тем, что студент И.И. Иванов, вступивший в тайное общество, отказался верить его россказням о «Всемирном революционном союзе» и пытался публично поставить их под сомнение, Нечаев обвинил его в предательстве и 21 ноября 1869 г. организовал его убийство, в которое втянул еще четверых членов «Народной расправы».

Обнаружив труп Иванова, полиция в ходе следствия вышла на след тайного общества. Когда начались аресты, Нечаев бежал за границу. Всего по делу «Народной расправы» было задержано в Москве и Петербурге около 300 предполагаемых членов общества и им сочувствующих, однако за отсутствием улик половина из них была сразу отпущена. Поскольку ложь и коварное убийство «во имя революции» были налицо, то правительство решило организовать открытый судебный процесс над обвиняемыми. Но дело стало разваливаться с нарастающей скоростью, и в соответствии с действующими законами прокуратура нашла основания для привлечения к судебной ответственности только 77 из 148 арестованных. На суде по этому громкому делу обвинение старалось представить подсудимых опасными государственными преступниками и опытными конспираторами, сплотившимися для ниспровержения существующего строя, тогда как адвокаты характеризовали их как молодых, наивных и горячих радикалов, чье членство в тайном обществе нельзя приравнивать к участию в политическом заговоре. Аргументы адвокатуры были признаны судьями более убедительными, вследствие чего только 34 человека были приговорены к различным срокам тюремного заключения, каторжных работ и ссылки. Крупномасштабного процесса, дискредитирующего в глазах общества революционную идею, на который рассчитывали император и шеф жандармов, не получилось. Негодующему на «необъективность» суда Шувалову пришлось утешиться тем, что почти всех оправданных по суду он в административном порядке отправил в ссылку. Он также приложил большие усилия для того, чтобы поймать за границей виновника всей этой истории и доставить его для суда на родину. Поскольку Нечаев был виновен в уголовном преступлении, то правительство Швейцарии, где он скрывался, арестовало его и выдало России. В 1873 г. он был судим в Москве и приговорен к 20 годам каторжных работ.

Однако, справившись с нечаевским кружком, Третье отделение оказалось совершенно неподготовленным к борьбе с массовым антиправительственным движением народников. Хотя «хождение в народ», как форму ведения революционной агитации, государственная безопасность и предусматривала заранее (еще 31 мая 1869 г. Шувалов циркулярно предписал местным властям брать под «усиленный надзор» студентов, отъезжающих в разные места на каникулы, поскольку они «намереваются распространять ложные понятия между фабричными рабочими и бывшими помещичьими крестьянами»), но она явно была

захвачена врасплох масштабами начавшегося движения. Весной 1874 г. после окончания занятий тысячи студентов, скромно одетых и снабженных фальшивыми паспортами и прокламациями, отправились агитировать народ за социализм и свержение самодержавия. «Хождение в народ» захлестнуло страну, и жандармские власти первоначально растерялись перед лицом революционной пропаганды, одновременно развернутой более чем двумя сотнями подпольных кружков в 50 губерниях Российской империи. Лишь случайность помогла жандармерии сохранить лицо. 31 мая во время рейда в одной мастерской сапожника в Москве, оказавшейся достаточно неумело законспирированной явкой, жандармы арестовали нескольких народников, у которых при себе оказалась не только революционная литература, но и десятки адресов и шифров. Благодаря этому Третье отделение напало на след нелегальной типографии в Москве и многих тайных кружков, разбросанных по различным губерниям. Проведя широкомасштабную операцию, жандармы арестовали большое число народнических пропагандистов (различные источники оценивают количество арестованных от одной до восьми тысяч).

Однако этот крупный успех уже не смог спасти репутацию начальника Третьего отделения. Хотя надежды народников на всеобщую революцию не оправдались, их деятельность имела один важный побочный результат. Сам факт начала охватившей всю страну революционной агитации, в которой участвовали многие тысячи человек, наглядно показал тщетность восьмилетней диктатуры начальника Третьего отделения. К этому объективному обстоятельству примешивались еще и субъективные факторы. Очевидно, весьма близко к истине объяснение А.А. Киреева: «Шувалов действительно надоел государю постоянной своей опекой». Относительно последней капли, переполнившей монаршее терпение, Б.Н. Чичерин пишет: «Княжна Долгорукая... бывшая уже тогда в фаворе, сообщила государю все толки, ходившие тогда в обществе, о всемогуществе Шувалова, о том, что его зовут Петр IV. Государь... был очень щепетилен на счет своей власти и своего авторитета. Он не терпел, чтобы кто-нибудь его затмевал». Так или иначе, Александр II неожиданно для многих 22 июля 1874 г. уволил Шувалова с поста главного начальника Третьего отделения и шефа жандармов и назначил своего недавнего любимца послом в Лондон. По сути дела, для него это была почетная ссылка.

В отличие от А.Ф. Орлова, его предшественника на посту начальника Третьего отделения, дипломатическая деятельность Шувалова была далеко не столь успешной. Что, в частности, проявилось во время работы Берлинского конгресса летом 1878 г., на котором он возглавлял русскую делегацию в качестве второго уполномоченного (первым был престарелый канцлер А.М. Горчаков). Подписанный в итоге трактат лишил Россию почти всех преимуществ, достигнутых в победоносной войне с Турцией 1877–1878 гг. В октябре 1879 г. Шувалов был уволен от должности чрезвычайного и полномочного посла в Великобритании.

Подводя итог его политической карьеры, нельзя не согласиться с мнением, высказанном о бывшем начальнике Третьего отделения сенатором Е.М. Феоктистовым:

«Обладал он, кажется, умом блестящим, но поверхностным, не способным к серьезному мышлению; если о каждом государственном человеке следует судить по его делам, то Шувалов, сойдя с поприща, не оставил по себе ровно ничего, что могло бы быть поставлено ему в заслугу».

Глава 11
Верховная распорядительная комиссия

К 1880 г. в России вновь складывается революционная ситуация. С 1875 по 1879 г. в стране было зафиксировано 152 крестьянских выступления; 16 из них пришлось усмирять с помощью войск. География волнений постоянно расширялась: в 1878 г. они наблюдались в 14 губерниях, в 1880 г. ими были охвачены уже 34 губернии центра, юга и

востока европейской части России. Одновременно нарастало рабочее движение: в 1875–1879 гг. происходят 165 выступлений пролетариата, причем больше половины их пришлось на последние два года. Венчала этот процесс революционная организация «Народная воля», возникшая в августе 1879 г. и объединившая в своих рядах около 500 членов. Народовольцы подготовили семь покушений на Александра II, и Третье отделение, несмотря на все свои усилия, так и не смогло пресечь революционный террор. Как уже говорилось, окончательно убедившийся в неэффективности ведомства, Александр II создает новую структуру государственной безопасности – Верховную распорядительную комиссию по охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

Она была учреждена царским указом от 12 февраля 1880 г. для «положения предела беспрерывно повторяющимся в последнее время покушениям дерзких злоумышленников». В состав комиссии первоначально вошли 9 человек (генерал-майор свиты М.И. Батьянов, начальник штаба гвардии и Петербургского военного округа генерал-адъютант князь А.К. Имеретинский, управляющий делами Комитета министров М.С. Каханов, сенатор М.Е. Ковалевский, обер-прокурор Сената П.А. Макаров, правитель канцелярии МВД С.С. Перфильев, член Государственного совета К.П. Победоносцев, исполняющий обязанности шефа жандармов П.А. Черевин, сенатор И.И. Шамшин, с мая 1880 г. начальник Главного управления печати Н.С. Абаза), но поскольку она собиралась на свои заседания только три раза, то уже современники высказали достаточно обоснованное предположение, что эта структура представляла собой не более чем ширму, скрывающую фактически диктаторскую власть ее главного начальника графа М.Т. Лорис-Меликова. Ему были предоставлены все права петербургского градоначальника и ведение политического следствия в столице и Петербургском военном округе, а также верховный надзор за политическими расследованиями по всей стране. Все требования Лорис-Меликова по делам об охранении государственного порядка и общественной безопасности подлежали немедленному исполнению органами власти всех уровней, а распоряжения главного начальника Верховной распорядительной комиссии могли быть отменены только самим императором. Особым указом от 3 марта 1880 г. Александр II передал Лорис-Меликову управление Третьим отделением, прежде подчинявшимся непосредственно императору, а 4 марта и Отдельным корпусом жандармов.

Одним из существенных факторов, препятствовавших эффективной борьбе правительства с революционным движением, являлось соперничество между органами политического сыска, привыкшими действовать бесконтрольно, и новыми судебными органами, появившимися в результате либеральных реформ Александра II и ревниво защищавшими свои ведомственные права. В своем отчете за март 1880 г. член Верховной распорядительной комиссии, управляющий делами Комитета министров М.С. Каханов писал Лорис-Меликову, что соперничество между жандармами и прокуратурой крайне отрицательно сказывается на борьбе с государственными преступниками. Юридические рамки по каждой процедуре были настолько строгими, что малейшее отступление от них со стороны следователя или прокурора почти автоматически приводило к оправданию в суде самого злостного террориста. Кроме того, «неподлежащие воззрения» реформаторов в прокуратуре часто приводили к поражению правительственной стороны в судебных политических процессах и вызывали ответную резко негативную реакцию жандармов. В целях преодоления этих недостатков Верховная распорядительная комиссия пыталась объединить усилия всех административных и судебных органов, ранее созданных для борьбы с революционным движением, и ускорить следствие по делам о государственных преступлениях, равно как и упорядочить вопрос об административной ссылке и о полицейском надзоре. Стремясь ликвидировать крайне непопулярное в народе Третье отделение, Лорис-Меликов направил туда для ревизии члена комиссии сенатора И.И. Шамшина. Последний представил отчет, свидетельствовавший о чрезвычайно неудовлетворительном состоянии дел в этом ведомстве. Воспользовавшись временным

затишьем революционного террора, глава Верховной распорядительной комиссии решил сделать эффектный жест в сторону либеральной общественности, добровольно «отказавшись» от своих диктаторских полномочий, и 26 июля 1880 г. подал императору доклад, в котором предложил одновременно ликвидировать как саму комиссию, так и Третье отделение, а их функции передать Министерству внутренних дел, на пост руководителя которого Лорис-Меликов прочил самого себя. Идея была одобрена Александром II, и 6 августа 1880 г. на свет появился царский указ «О закрытии Верховной Распорядительной Комиссии, упразднении III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и об учреждении Министерства почт и телеграфа». Просуществовавший всего семь месяцев чрезвычайный орган прекратил свое существование, а его главный начальник, почти ничего не потерявший из своих властных полномочий, пересел в кресло министра внутренних дел.

Пункт второй указа от 6 августа 1880 г. гласил:

«III отделение Собственной нашей Канцелярии упразднить, с передачей дел оного в ведение министра внутренних дел, образовав особый для заведывания ими в составе Министерства внутренних дел Департамент государственной полиции...»

Так одновременно с упразднением старой структуры был создан последний в истории Российской империи орган государственной безопасности. У многих современников, привыкших к лицемерию царского правительства, возникло убеждение, что на деле произошла не ликвидация, а простое переименование органа политического сыска и вся реформа в очередной раз свелась к простому изменению вывески с сохранением прежнего кадрового состава. Либеральный журналист Г. Градовский, например, писал:

«При старом режиме были и хорошие, показные стороны в обособленном и независимом существовании III отделения, этой полиция над полицией или сверхполиции. На деле вышла пересадка, а не упразднение. Корпус жандармов с его шефством даже не умирал, а «отделение» превратилось в департамент государственной полиции. Все функции остались в неприкосновенности, а исчезла лишь прежняя возможность контроля над Министерством внутренних дел. При хорошем министре, в благополучные времена, такое совместительство было безвредно; но имели ли мы благожелательных министров внутренних дел после Лорис-Меликова?»

Подобную точку зрения разделяют и некоторые современные историки. Однако факты заставляют внести серьезную корректировку в подобную схему.

Глава 12
Департамент полиции

Реальная организация нового органа политического сыска началась после издания указа императора от 15 ноября 1880 г. «О соединении Департамента государственной полиции и Полиции исполнительной в одно учреждение – Департамент государственной полиции». Указ определил структуру этого ведомства, утвердил его штатное расписание и решил вопрос о финансировании. Свое окончательное название – Департамент полиции – последний орган государственной безопасности царской России получил лишь в 1883 г. с присоединением к Департаменту государственной полиции судебного отдела МВД, ведавшего надзором за политическими дознаниями.

Несмотря на все слияния, численность нового органа государственной безопасности продолжала оставаться сравнительно небольшой: в 1881 г. – 125 человек, в 1895 г. – 153, в 1899 г. – 174 человека (по штату – 42).

Сохранялась оправдавшая себя двухзвенная вертикаль органов политического сыска. Вместо начальника Третьего отделения шефом жандармов теперь являлся министр внутренних дел, а заведовавший полицией товарищ министра (эта должность была введена 25 июня 1882 г.) становился, как правило, командиром Отдельного корпуса

жандармов. Хотя основная деятельность жандармов осуществлялась под контролем Департамента полиции, по строевой, кадровой и хозяйственной линии они были подчинены штабу своего корпуса. В связи с этим директора Департамента полиции нередко жаловались, что им трудно добиться от жандармов безусловной дисциплины, поскольку реальные рычаги воздействия на них (присвоение офицерских званий, продвижение по службе и размер жалованья) находились в руках штаба корпуса, а не начальника полиции. От своего предшественника Департамент полиции унаследовал и его резиденцию на Фонтанке, 16.

Статья 362 «Учреждения Министерства» определила следующий круг обязанностей Департамента полиции:

1) предупреждение и пресечение преступлений и охранение общественной безопасности и порядка;

2) ведение дел о государственных преступлениях;

3) организация и наблюдение за деятельностью полицейских учреждений;

4) охрана государственных границ и пограничных сообщений; выдача паспортов русским подданным, видов на жительство в России иностранцам, высылка иностранцев из России; наблюдение за всеми видами культурно-просветительской деятельности и утверждение уставов различных обществ. Эти обязанности были впоследствии детализированы ведомственными инструкциями и распределены по структурам этого органа.

Первоначально Департамент полиции подразделялся на три делопроизводства.

Первое (распорядительное). «Занималось общеполицейскими делами, личным составом Департамента полиции, ведением списков чинов полиции и служебными перестановками по полицейским должностям от VI класса и выше, назначением пенсий, пособий, награждением, расходованием средств, представленных в распоряжение ДП, делами об изготовлении и распространении фальшивых денег, об объявлении лицам, находящимся за границей, требований правительства о возвращении их на родину. С марта 1883 г. ведало рассмотрением заявлений о неправильных действиях полиции, отчетов губернаторов по ревизии полицейских учреждений и сенатских определений по вопросам о привлечении полицейских чинов к ответственности. С 1907 г. вопросы о кредитах и пенсиях переходят в 3-е делопроизводство»[40].

Второе (законодательное). «Осуществляло организацию и контроль за деятельностью полицейских учреждений, разработку инструкций, циркуляров, правил для руководства чинов полиции по предметам их служебной деятельности, наблюдение за точным исполнением законов и уставов, высочайших повелений, указов Правительствующему сенату, всех вопросов, касающихся соблюдения порядка в полицейских управлениях. Занималось охраной и возобновлением государственных границ и рубежных знаков, предупреждением и пресечением преступлений против личной и имущественной безопасности, утверждением уставов общественных собраний и клубов, разрешением балов, маскарадов, танцевальных вечеров, наблюдением за питейными и трактирными заведениями, исполнением узаконений и правил о паспортах, урегулированием отношений между рабочими и фабрикантами, заводчиками, нанимателями (с 1881 г.), принятием из-за границы русских подданных (после 1 января 1889 г.): малолетних, беглых, уголовных преступников, учетом паспортов, снабжением паспортами русских подданных для въезда в Россию (за исключением политических). С января 1901 г. в круг деятельности 2-го делопроизводства входили вопросы об изменении уездных границ, о сборах пожертвований, об учреждении должностей пограничных комиссаров, об утверждении скаковых и беговых обществ, о паломничестве магометан. С 3 января 1914 г. в ведение этого делопроизводства вошли вопросы об объявлении местностей на «исключительном положении», о продлении срока действия усиленной и чрезвычайной охраны, об учреждении отдельных полицейских должностей на средства городов, о льготной перевозке безработных, о принятии в пределы империи умалишенных, больных, неимущих русских подданных, об организации полицейского надзора в приморских и

коммерческих портах, о высылке иностранных подданных, о ввозе в империю аэропланов, автомобилей, о рассмотрении жалоб в связи с наложением административных взысканий губернаторами, градоначальниками, главноначальствующими за нарушение издаваемых ими обязательных постановлений. С 24 декабря 1915 г. 2-е делопроизводство занималось вопросами применения рабочего законодательства»[41].

Третье, так называемое секретное, делопроизводство занималось вопросами политического сыска и руководило внутренней и заграничной агентурой Департамента полиции, охраной императора и его семьи, ведало наблюдением за революционной деятельностью в России, ее предупреждением и пресечением. Необходимая информация поступала в Департамент полиции по нескольким каналам: через перлюстрацию писем, внешнее филерское наблюдение и внутреннюю агентуру в лице осведомителей и секретных сотрудников. Если последние представляли из себя агентов, внедренных полицией в антиправительственные организации, то осведомители в них не состояли и потому не участвовали в противоправной деятельности. Как правило, осведомителей вербовали из числа дворников, лакеев, официантов и лиц других профессий, часто находящихся по роду своих занятий в местах большого скопления людей. Наиболее ценились именно секретные сотрудники, и инструкция 1907 г. по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях особо подчеркивала:

«Следует всегда иметь в виду, что один, даже слабый секретный сотрудник, находящийся в обследуемой среде («партийный сотрудник»), несоизмеримо даст больше материала для обнаружения государственного преступления, чем общество, в котором официально может вращаться заведующий розыском. <...> Поэтому секретного сотрудника, находящегося в революционной среде или другом обследуемом обществе, никто и ничто заменить не может».

Убийство народовольцами императора Александра II 1 марта 1881 г. положило конец «диктатуре сердца» Лорис-Меликова, но не затронуло созданный им орган политического сыска, который вскоре даже расширился из образованных в 1883 г. двух новых делопроизводств (в дополнение к уже существовавшим).

Четвертое делопроизводство стало наблюдать за ходом политических дознаний в губернских жандармских управлениях. Оно было создано в марте 1883 г. и просуществовало до сентября 1902 г., когда было организовано очередное 7-е делопроизводство, куда перешли все его функции и документы.

«Новое 4-е делопроизводство было создано в январе 1907 года при очередной реорганизации Департамента полиции на базе второго отделения Особого отдела Департамента. На него были возложены обязанности наблюдения за рабочим и крестьянским движением, политическим направлением легальных обществ, земских союзов, городских и сословных учреждений, регистрация дел о прессе, монастырях»[42].

Пятое делопроизводство («исполнительное»). Было создано в 1883 г. на базе 2-го делопроизводства судебного отдела Министерства внутренних дел. В его функции входило составление докладов для Особого совещания под председательством товарища министра внутренних дел по вопросам об административной высылке ряда лиц в связи с их политической неблагонадежностью под гласный надзор полиции. Ведало перепиской по приведению в исполнение решений Особого совещания, надзором за применением учреждениями, подведомственными Министерству внутренних дел, «Положения о негласном надзоре» 1882 г. (до 1 января 1889 г.), «Положения о государственной охране», «Положения о гласном полицейском надзоре», правил о высылке, содержании в тюрьмах, об изменении положения о поднадзорных.

В июне 1912 г. 5-е делопроизводство было объединено с 6-м, и к нему перешли все его функции.

После очередной реорганизации в Департаменте в январе 1914 года функции 5-го делопроизводства были вновь уточнены. К этому времени, кроме подготовки материалов к докладу в Особом совещании, исполнения состоявшихся постановлений, составления

докладов министру по пересмотру постановлений, в 5-м делопроизводстве стала производиться переписка по ходатайствам лиц, отбывающих ссылку, о лицах, высылаемых по распоряжению местных властей согласно правилам об усиленной и чрезвычайной охране, о высылке из пределов Кавказского, Степного, Туркестанского края на основании особых законоположений, о высылке из столицы разных лиц за нищенство и отсутствие паспорта в порядке особых законоположений, переписка о высылке конокрадов, доклады и переписка об отпуске кредитов на содержание, одежду, лечение и передвижение лиц, отбывающих ссылку и надзор, о лицах, бежавших с мест выселения, переписка о лицах, которым высылка в отдаленные местности губернии заменена выездом за границу на тот же срок»[43].

В 1894 г. образуется Шестое делопроизводство, заведующее различными вопросами, относящимися к сфере деятельности Департамента полиции, к числу которых принадлежали изготовление, хранение и перевозка взрывчатых веществ (этим раньше занималось Второе делопроизводство), разработка и надзор за реализацией фабрично-заводского законодательства и т.п.

«В июне 1900 г. к обязанностям этого делопроизводства относилась переписка с Министерством финансов по вопросам награждения чинов полиции за заслуги по делам казенной продажи «питей», принятия мер против хищения оружия и о разрешении провоза через границу оружия и взрывчатых веществ, против бродяжничества, подделки денежных знаков.

В январе 1901 г. прибавились функции в связи с применением уставов о частной золотопромышленности и частном нефтяном промысле.

С 1907 г. 6-е делопроизводство стало заниматься составлением справок по запросам различных учреждений о политической благонадежности лиц, поступающих на государственную и земскую службу.

В июне 1912 г. это делопроизводство объединяется с 5-м, к которому и переходят все его функции.

30 октября 1912 г. 6-е делопроизводство было восстановлено, но в виде центрального справочного аппарата ДП. В делопроизводстве находилась справочная часть всех делопроизводств и отделов ДП, Центральный справочный алфавит, справочный стол. В 6-м делопроизводстве были сосредоточены сведения о политической благонадежности лиц, поступающих на государственную и земскую службу. 27 марта 1915 г. 6-е делопроизводство было присоединено к Особому отделу, который стал называться 6-м делопроизводством (5 сентября 1916 г. восстанавливается Особый отдел с его прежними обязанностями)»[44].

В 1902 году создается Седьмое (наблюдательное) делопроизводство, на которое возлагаются дела упраздненного Четвертого делопроизводства, т.е. наблюдение за производством жандармами дознаний по государственным преступлениям.

«С мая 1905 г. на 7-е делопроизводство возлагалось составление розыскных циркуляров, ведение переписки по тюремному ведомству (о числе заключенных, о беспорядках в тюрьмах, побегах и т.д.); с 3 января 1914 г. на делопроизводство были возложены обязанности по юрисконсультской части: разработка всех законопроектов, касающихся устройства, деятельности и штатов полиции, переписка по этим законопроектам, разработка законодательных предложений по вопросам, касающимся ведения ДП, заключений по этим предложениям, инструкций и правил, вырабатываемых другими учреждениями, но поступающих на заключение или для отзыва в ДП»[45].

В 1908 г. было учреждено Восьмое делопроизводство, заведующее органами уголовного сыска, школой инструкторов и фотографией Департамента полиции.

«Осуществляло наблюдение за деятельностью сыскных отделений, составление инструкций и правил, касающихся уголовно-сыскной деятельности, издание розыскных циркуляров, сношения с иностранными полицейскими учреждениями, организацию работы школы инструкторов, заведование фотографией ДП. С 3 января 1915 г. занималось

организацией сыскных отделений. После декабря 1915 г. из 4-го делопроизводства в 8-е были переданы все сообщения местных властей о происшествиях уголовного характера (разбои, грабежи)»[46].
Девятое делопроизводство было создано в апреле 1914 г. на базе упраздненного Особого отдела (о нем расскажем ниже) «со всеми обязанностями, ранее выполнявшимися Особым отделом». После начала Первой мировой войны «9-е делопроизводство стало заниматься вопросами, касающимися борьбы с «немецким засилием», вопросами о военнопленных, перепиской о подданных неприятельских держав. При очередной реорганизации 27 марта 1915 г., когда Особый отдел стал называться 6-м делопроизводством, 9-е делопроизводство сохраняется как структура с функциями, связанными с военным временем»[47].
Важнейшим органом, ведавшим политическим сыском, в Департаменте полиции был Особый отдел. Первоначально он входил в состав Третьего делопроизводства, занимаясь разработкой секретных сведений и перлюстрацией писем. Как самостоятельная структура он выделяется из него через 17 лет после создания Департамента полиции, 1 января 1898 г. Это было обусловлено как бурным ростом рабочего движения (число стачек с 77 в 1894 г. возрастает до 258 в 1897 г.), так и значительным движением объема ведомственной документации.
«В ближайшем будущем, – отмечал в 1898 г. директор Департамента полиции С. Э. Зволянский, – предвидится еще более быстрое возрастание дел, ввиду увеличивающегося рабочего движения и признанной необходимости упорядочения розыскного дела в более крупных центрах».
Третье же делопроизводство даже «при самых напряженных усилиях не могло справиться с такой непосильной работой».
Для хранения и систематизации поступающей в Департамент полиции информации в 1907 г. в его составе был образован специальный Регистрационный отдел, в котором на базе переданных ему из отдельных делопроизводств учетных карточек была сформирована общая картотека департамента. Сведения о социал-демократах заносились на синие карточки, об эсерах – на красные, анархистах – на зеленые, кадетах – на белые, студентах – на желтые. Всего в картотеке было собрано около 2,5 млн карточек. На основании этих данных в Департаменте полиции составлялись списки лиц, подлежащих всероссийскому политическому розыску. Как следует из материалов архивов полиции, все разыскиваемые по спискам делились на несколько групп:
«1. Лица, подлежащие немедленному аресту и обыску, включались в список А 2. Социалисты-революционеры, максималисты и анархисты выделялись в особый список А 1.
2. Разыскиваемые лица всех прочих категорий, по обнаружении которых следовало, не подвергая их ни обыску, ни аресту, ограничиться установлением наблюдения, надзора или сообщением об их обнаружении разыскивающему учреждению, включались в список Б 1. Лица, которым въезд в империю запрещался или же которые были высланы безвозвратно или на известных условиях за границу, а равно подлежащие особому наблюдению иностранцы, выделялись в список Б 2.
3. Сведения о неопознанных революционерах с приложением фотографий на предмет опознания и установления личности включались в список В.
4. Сведения о лицах, розыск которых подлежит прекращению, помещались в список Г...».
Важнейшими звеньями системы политического сыска Российской империи являлись местные органы Департамента полиции – Охранные отделения (охранка), кратковременный расцвет которых приходится на период правления Николая II. Еще в 1866 г. после выстрела Каракозова при Петербургском градоначальстве был создан новый орган политического сыска – Отделение по охранению общественного порядка и спокойствия в столице. Однако вплоть до назначения М.Т. Лорис-Меликова на пост министра внутренних дел оно влачило жалкое существование. В 1880 г. новый министр

приказывает создать Секретно-розыскное отделение при канцелярии московского обер-полицмейстера. Петербургское охранное отделение состояло из 12 сотрудников, московское – из 6. В утвержденных для этих отделений инструкциях указывалось, что они учреждены «для производства негласных и иных розысков и расследований по делам о государственных преступлениях с целью предупреждения и пресечения последних». Тогда же, в 1880 г., возникает третье охранное отделение – в Варшаве. Стремительное развитие новая организационная структура получает в начале прошлого века, что объясняется как ослаблением координации действий между Департаментом полиции и Отдельным корпусом жандармов, так и лавинообразным ростом числа подпольных революционных организаций, охвативших сетью своих кружков целые регионы. К концу 1902 г. министр внутренних дел В.К. Плеве создает розыскные отделения еще в восьми городах: Вильно, Екатеринославе, Казани, Киеве, Одессе, Саратове, Тифлисе и Харькове. В следующем году по ходатайству начальников этих органов они из розыскных переименовываются в охранные отделения. В 1906 г. начинается процесс создания районных охранных отделений, охватывавших несколько губерний (Московское – 12, Самарское – 11, Киевское – 5), и к концу года насчитывается уже 10 таких отделений. Создание промежуточных – между центром и губернскими городами – полицейских структур стимулировало и рост низовых охранных отделений.

Каждое охранное отделение состояло из канцелярии и отделов: наружного (филерского) наблюдения и агентурного, ведавшего внутренним наблюдением за подпольными организациями.

На роль носителя и распространителя «передового опыта» в масштабах России претендовало Московское охранное отделение во главе с ее начальником, жандармским полковником С.В. Зубатовым, занимавшим эту должность с 1896 по 1902 г., который даже организовал «летучий отряд филеров», сопровождавший московских революционеров по территории всей империи. Создание конкурирующей структуры вызвало недовольство руководства Отдельного корпуса жандармов, которое резко выступило против подобного новшества. В 1913 г. часть охранных отделений была ликвидирована, другая – переведена на положение розыскных пунктов. Со следующего года начался процесс упразднения районных охранных отделений, из которых к 1917 г. сохранились только три на окраинах империи – Туркестанское, Кавказское и Восточно-Сибирское.

Сумев разгромить в начале своей деятельности сравнительно немногочисленную «Народную волю», Департамент полиции спустя некоторое время столкнулся с гораздо более массовым рабочим и революционным движением, заставившим его перейти к новой тактике борьбы. Как впоследствии установил на основе секретных директив этого ведомства следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства И. Молдавский, начиная с создания охранных отделений в 1903 г. политическая полиция делала главный упор на использование осведомителей и провокаторов. Окончательно закрепил переход от преимущественно наружного наблюдения к внедрению секретных агентов в подпольные организации министр внутренних дел и премьер-министр П.А. Столыпин в своих циркулярах от 10 февраля 1907 г. и 19 февраля 1911 г. Департамент полиции постепенно делает ставку не на полное подавление подполья, а на наводнение его своими секретными агентами-провокаторами, в идеале ставившими конспиративные организации под свой полный контроль. В своем завершенном виде эта идея была сформулирована начальником Петербургского охранного отделения полковником А.В. Герасимовым:

«Моя задача заключалась в том, чтобы в известных случаях сберечь от арестов и сохранить те центры революционных партий, в которых имеются верные и надежные агенты. Эту новую тактику диктовал мне учет существующей обстановки. В период революционного движения было бы неосуществимой, утопической задачей переловить всех революционеров, ликвидировать все организации. Но каждый арест революционного центра в этих условиях означал собой срыв работы сидящего в нем секретного агента и

явный ущерб для всей работы политической полиции. Поэтому не целесообразнее ли держать под тщательным и систематическим контролем существующий революционный центр, не выпускать его из виду, держать его под стеклянным колпаком – ограничиваясь преимущественно индивидуальными арестами. Вот в общих чертах та схема постановки политического розыска и организации центральной агентуры, которую я проводил и которая, при всей сложности и опасности ее, имела положительное значение в борьбе с возобновившимся единоличным террором».

Хотя подобная тактика и могла незамедлительно принести значимые результаты, но в стратегическом плане борьбы с революционным движением она была неосуществимой полицейской утопией. Наиболее громкими успехами Департамента полиции на этом поприще явилось внедрение своих агентов Евно Азефа на пост руководителя «Боевой организации» эсеров и Романа Малиновского в ЦК РСДРП (в 1913 г. он возглавлял фракцию большевиков в IV Государственной думе), что, однако, не привело к установлению контроля над этими революционными партиями. Более того, провокация, нанося серьезный ущерб подпольным организациям, оказалась обоюдоострым оружием. Агент-провокатор Азеф организует убийство министра внутренних дел, шефа Отдельного корпуса жандармов Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, а другой провокатор, Д. Богров, убивает премьер-министра Столыпина. Результаты наиболее крупномасштабных провокаций, связанных с именами Азефа, Талона, Малиновского, показывают, что в конечном итоге они принесли правящему режиму больше вреда, чем пользы. Что касается общей численности секретных агентов, то в результате частичного уничтожения полицейских архивных документов точно определить ее не представляется возможным. Оценки численности тайной агентуры Департамента полиции и местных учреждений политического сыска различными исследователями колеблются от 10 до 40 тысяч человек.

Однако все усилия Департамента полиции не смогли предотвратить Февральскую революцию 1917 г., начало которой стало для этого ведомства полной неожиданностью. В первые дни начавшейся революции министр внутренних дел А.Д. Протопопов докладывал о ней царю как о незначительных волнениях, вызванных нехваткой продовольствия в столице, которые мгновенно утихнут, как только подвоз продовольствия в Петроград возобновится после расчистки от снежных заносов железнодорожных путей. Отвечавшего за политический сыск товарища министра в эти же дни больше всего волновал вопрос, следует ли мостить улицы Ялты брусчаткой или залить асфальтом. Между тем начавшаяся 23 февраля революция развивалась по своим законам, и 27 февраля всеобщая политическая стачка переросла в вооруженное восстание, к которому примкнули солдаты петроградского гарнизона. Одним из первых учреждений царского режима подвергся нападению Департамент полиции, сотрудники которого, не оказав сопротивления, разбежались из дома № 16 на Фонтанке. Ворвавшаяся в здание толпа, в которой, как полагают, находились и опасавшиеся за свою судьбу провокаторы, разгромила и сожгла часть секретного архива. Аналогичная участь постигла и многие местные охранные отделения. Последний орган государственной безопасности Российской империи прекратил свое существование вместе с охраняемым им самодержавием.

Биографии руководителей Департамента полиции

АЛЕКСЕЕВ Борис Кириллович (1882–после 1927). Коллежский асессор, чиновник Департамента полиции.

Окончил Александровский лицей. С февраля 1910 г. – старший помощник делопроизводителя 2-го делопроизводства Департамента полиции, затем чиновник особых плоручений при МВД. В октябре 1910 г. по инициативе Николая II, вел. кн. Николая Михайловича, П.А. Столыпина и П.Г. Курлова был командирован в Берлин, Брюссель и

Париж для сбора сведений о масонах в Западной Европе и России. В 1910 г. возвратился в Петербург. Составил несколько докладных записок о масонстве, опубликованных в 1917 г. и вызвавших иронические комментарии как тогдашних, так и современных исследователей.

БЕЛЕЦКИЙ Степан Петрович (1872, по другим данным, 1873–1918). Директор Департамента полиции в 1912–1914 гг. Происходил из мещан. После окончания юридического факультета Киевского университета в августе 1894 г. получает чин коллежского секретаря и спустя месяц зачисляется в штат канцелярии киевского, подольского и волынского генерал-губернатора. Через два года становится титулярным советником и младшим, а через год – старшим помощником делопроизводителя губернаторской канцелярии. На этом его продвижение по службе надолго замирает. Если представители дворянства довольно быстро продвигались по служебной лестнице, то Белецкий, принадлежавший к неблагородному податному сословию, на целых десять лет застрял в должности старшего помощника. Лишь в 1900 г. по выслуге лет производится в коллежские асессоры, а в 1904 г. – в надворные советники. В этот период на него обратил внимание ковенский губернский предводитель дворянства П.А. Столыпин, который, став министром внутренних дел, в феврале 1907 г. назначил исполнительного чиновника самарским вице-губернатором. На этом посту недавний мелкий чиновник, которому наконец-то улыбнулась удача, старался изо всех сил, дважды участвовал в подавлении крестьянских беспорядков (в 1907 и 1908 гг.) и «за отличие по службе» был произведен в чин коллежского советника.
Деятельностью Белецкого в Самаре Столыпин остался доволен и в июле 1909 г. назначил его вице-директором Департамента полиции. На новом месте он занимался финансово-хозяйственной частью, о чем свидетельствует список тех межведомственных органов, в деятельности которых он принимал участие. По делам службы в 1909–1910 гг. вице-директор побывал в командировках во многих губерниях, в частности, в Казани, Саратове и Астрахани, где обследовал деятельность местных сыскных отделений.
С.П. Белецкий участвует в деятельности законодательной комиссии по разработке реформы полиции, где входит в доверие к ее председателю А.А. Макарову. Когда последний стал министром внутренних дел, он в феврале 1912 г. назначил приглянувшегося ему сотрудника директором Департамента полиции. Хорошо знавший нового руководителя ведомства государственной безопасности товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский дал ему такую характеристику: «Белецкий был действительно человек поразительной работоспособности, он мог работать круглые сутки, очень быстро разбирался в делах, умел ориентироваться и приспособляться к обстановке». Вместе с тем тот же автор отмечал: «…А что он действительно делал превосходно, что выходило у него мастерски, так это втирание очков». Министр А.А. Макаров тоже говорил, что Белецкий безупречен лишь до тех пор, пока его держат в узде. Современники, констатируя его явное заискивание перед вышестоящими начальниками, не могли не признавать и его незаурядных способностей – если министр требовал срочный доклад, то Белецкий за ночь мог проработать тысячу страниц документов и наутро представить обстоятельную справку. Новый директор Департамента полиции с энтузиазмом погрузился в стихию политического сыска, засиживаясь на работе до поздней ночи, лично руководил секретной агентурой, встречался с осведомителями на конспиративных квартирах. Для изучения новшеств полицейского дела за границу специально командировались чиновники, а на первом совещании начальников сыскных отделений их руководитель пропагандировал научные методы борьбы с преступностью. Как только на Западе появились подслушивающие устройства, Белецкий немедленно закупил несколько таких аппаратов и установил их в помещении большевистской фракции Государственной думы.

Оценивая деятельность своих предшественников до и во время первой русской революции, он утверждал: «События 1905 г. – результат непринятия своевременно решительных мер, что в свое время было результатом неосведомленности розыскных органов вследствие неудовлетворительной постановки политического розыска, почему все подготовительные работы революционеров прошли незамеченными или были учтены недостаточно серьезно местными розыскными органами». Ввиду этого Белецкий настаивает на усилении в стране политического сыска. Поскольку в этот период временно удалось сбить террористическую активность партии эсеров, наибольшее внимание директор Департамента полиции уделяет рабочему движению и претендующим на руководство им социал-демократам. Он негласно принимает все меры к тому, чтобы предотвратить объединение соперничающих друг с другом фракций большевиков и меньшевиков.

Важную роль в этом плане Белецкий отводит Р.В. Малиновскому – самому знаменитому провокатору в рядах РСДРП. Происходя из обрусевших поляков, будущий провокатор был неоднократно судим за кражи, последний раз даже со взломом. Покончив с уголовным прошлым, Малиновский участвует в создании Петербургского союза рабочих-металлистов и, проявив ораторские и организаторские способности, в 1907 г. становится секретарем этого союза. С этого же года начинает добровольно передавать информацию полиции; с 1910 г. официально числится секретным агентом охранки. Поскольку провокатор сумел завоевать себе немалый авторитет в рабочей среде, то полицией «Малиновскому были даны указания, чтобы он по возможности способствовал разделению партии». Перейдя по поручению Белецкого из фракции меньшевиков к большевикам, Малиновский в 1912 г. отправился на Пражскую конференцию РСДРП (проезд ему оплатила охранка) и там произвел настолько благоприятное впечатление на Ленина и его окружение, что был избран членом большевистского ЦК и на время стал как бы главным представителем вождя в России. Помимо этого, он был выдвинут от рабочей курии Московской губернии кандидатом в депутаты IV Государственной думы и одержал победу на выборах благодаря поддержке не только товарищей по партии, но и полиции. Поскольку закон требовал от депутатов незапятнанной репутации, то директор Департамента полиции распорядился уничтожить документы о судимостях Малиновского и выдать ему новый паспорт. К моменту выборов у провокатора испортились отношения с мастером на текстильной фабрике, грозившимся его уволить, а поскольку закон требовал для кандидата в Государственную думу не менее полугодового стажа работы у одного нанимателя, то полиции ничего не оставалось делать, как арестовать фабричного мастера и незаконно четыре месяца продержать его за решеткой. Когда все эти препятствия были обойдены и Малиновский наконец стал депутатом, Белецкий лично руководил его деятельностью в Думе и нередко редактировал его выступления, в том числе и те, которые были написаны для него Лениным. Неизвестно, чем бы закончилась его парламентская карьера, однако сместивший Белецкого с поста директора Департамента полиции В.Ф. Джунковский с возмущением узнал, что агент охранки является депутатом Государственной думы, и потребовал от Малиновского немедленно покинуть законодательный орган и уехать из России. 4 мая 1914 г. провокатор так и сделал, получив от Департамента полиции пенсию в 6 тысяч рублей, равнявшуюся его последнему жалованью в данном ведомстве. Уже после этой неожиданной отставки пошли слухи о предательстве Малиновского, однако Ленин и его сподвижники категорически настаивали на невиновности председателя думской фракции своей партии. Точку в этом споре поставила публикация секретных документов охранки в 1917 г., однозначно свидетельствующих о предательстве Малиновского. Вынужденный признать свою ошибку, Ленин тем не менее заявил, что своей работой в Думе провокатор принес большевикам огромную пользу. Сходной оценки придерживался и Джунковский: «Думаю, что Департаменту полиции от него (Малиновского. — Прим. авт.) было пользы немного, вернее, он отвлекал внимание Белецкого от серьезных дел».

Помимо вопроса о Малиновском, разногласия у Белецкого и товарища министра внутренних дел Джунковского возникли также по поводу использования в качестве осведомителей охранки учащихся и офицеров – последний находил подобную практику «преступной» и «развращающей». Тем не менее директор Департамента полиции исподволь гнул свою линию и, как вспоминал Джунковский, намеренно «переутомлял меня всякой мелочью, испрашивая моего согласия на разные пустяки, стараясь этим отвлечь меня от главного, существенного». Конфликт между начальником и подчиненным закончился тем, что по инициативе Джунковского Белецкий 28 января 1914 г. был освобожден от руководства Департаментом полиции. За то время, что последний возглавлял государственную безопасность, он получил чин действительного статского советника (август 1912 г.). В день отставки он был произведен в тайные советники, назначен сенатором и определен в Первый департамент Правительствующего сената. Тем не менее сенаторская рутина тяготила деятельного Белецкого и при посредничестве князя М.М. Андроникова он добивается благорасположения Распутина, а через него и императрицы. Завоевал благосклонность и другого ближайшего лица супруги Николая II – фрейлины Анны Вырубовой, которую очаровал доскональным знанием всех интриг в высшем обществе и убедил в том, что только он сможет обеспечить безопасность старца. Последнее обстоятельство имело решающее значение, и в сентябре 1915 г. Белецкий был назначен товарищем министра внутренних дел, заняв должность своего недруга В.Ф. Джунковского. Министр внутренних дел А.Н. Хвостов (также получивший свой пост благодаря протекции Распутина) впоследствии утверждал, что Белецкий был буквально навязан ему императрицей Александрой Федоровной. Вскоре растущее влияние старца на все сферы государственной жизни стало серьезно мешать министру Хвостову, и он задумал убить Распутина, поручив эту деликатную миссию своему заместителю. Поскольку Белецкий не торопился исполнять это щекотливое поручение, явно противоречившее его личным интересам, то Хвостов решил связаться с Илиодором – заклятым врагом Распутина, жившим в это время в Норвегии. Выбранный министром на роль эмиссара репортер Б.М. Ржевский по возвращении в Россию был немедленно арестован по распоряжению товарища министра и на допросе сознался в участии в организации убийства Распутина. Хвостов утверждал, что послал Ржевского лишь для того, чтобы выкупить у Илиодора рукопись обличающей Распутина книги, а все остальное является возмутительной интригой Белецкого, решившего свалить своего шефа и выслужиться перед старцем и императрицей. Стараясь удержаться в зашатавшемся под ним кресле, министр внутренних дел в первую очередь постарался избавиться от своего вероломного заместителя и 13 февраля 1916 г. добился его назначения иркутским генерал-губернатором. В Сибирь Белецкий не поехал, а в ответ дал интервью корреспонденту «Биржевых ведомостей», в котором достаточно подробно изложил собственное видение роли своего бывшего начальника в подготовке убийства Распутина, под конец с гордостью заявив: «Я понимаю борьбу с революцией, с врагами строя, но борьбу честную, грудь с грудью. Они нас взрывают, мы их судим и караем. Но нападение из-за угла, но возвращение ко временам Венеции с ее наемными убийцами должны не укрепить, а расшатать и погубить государственность». Этим громким интервью Белецкий надеялся вновь заслужить милость распутинского окружения, однако вынос сора из избы вызвал острое недовольство правительства, и 15 марта 1916 г. он был уволен от должности иркутского генерал-губернатора с оставлением в звании сенатора (ранее был награжден орденами Св. Станислава 3-й и 1-й степеней). В этом звании его и застала Февральская революция. Вместе с несколькими другими бывшими руководителями Департамента полиции он был заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Как свидетельствуют документы, Белецкий активно сотрудничал с Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, надеясь откровенными и полными показаниями спасти себе жизнь. Октябрьская революция, однако, перечеркнула все его надежды. Очевидцы рассказывали, что панически боявшийся расстрела бывший директор

Департамента полиции даже раздобыл яд для самоубийства, но не успел им воспользоваться. В дни «красного террора» находившейся под стражей группе царских сановников было объявлено, что их казнят как заложников. Чекисты вывезли арестованных на Ходынку и поставили на край общей могилы. Белецкий пытался бежать, но был застрелен конвоирами.

БРЮН де Сент Ипполит Валентин Анатольевич (1871–1918). Директор Департамента полиции в 1914–1915 гг.

Его родители, выходцы из Франции, были потомственными дворянами Санкт-Петербургской губернии. После окончания юридического факультета Петербургского университета в 1893 г. В.А. Брюн получает чин коллежского секретаря и поступает на службу в Министерство юстиции. В течение 20 лет занимает различные должности при Московской судебной палате, Ярославском, Нижегородском, Екатеринодарском окружных судах, Омской судебной палате, последовательно продвигаясь по служебной лестнице. В 1914 г. он уже имеет чин действительного статского советника.

Когда товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский избавился от неугодного ему Белецкого, он в феврале 1914 г. добивается назначения Брюна на должность директора Департамента полиции. В этой должности он представляет Министерство внутренних дел в Особых междуведомственных совещаниях и комитетах, в частности, в Комитете Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. В связи с начавшейся Первой мировой войной В.А. Брюн уже к началу сентября 1914 г. составляет и рассылает на места секретный циркуляр с оценкой сложившейся новой ситуации и прогнозом дальнейших действий ведомства государственной безопасности в военных условиях. В данный момент, указывал директор Департамента полиции, оппозиция временно выжидает, не желая выступлениями против правительства обратить на себя гнев основной части населения, сплотившейся вокруг царя в патриотическом порыве. Однако ее далеко идущие планы остаются прежними – помочь кадетам занять важнейшие посты в правительстве, поскольку либералы наверняка расширят политические свободы, включающие в себя свободу слова, союзов, собраний, и тем самым создадут для революционеров обстановку, позволяющую беспрепятственно вести «социалистическую пропаганду и агитацию». Со своей стороны либералы и раньше помогали революционерам возрождать рабочие организации. В связи с притоком на заводы и фабрики с началом войны новых работников из деревни и женщин эти организации уже «склонились на сторону радикалов». Как только настанет подходящий момент, революционеры воспользуются поддержкой рабочих масс, чтобы устранить со своего пути не только самодержавную власть, но и самих либералов, «захватить власть и насадить в стране социализм». Государственная безопасность должна не допустить подобного развития событий, для чего ей требуется располагать исчерпывающей информацией о кадетах как основной силе оппозиции, за которой стоят крупные предприниматели. Видя тенденцию к объединению большевиков и меньшевиков в рамках РСДРП, Брюн приказал внутренней агентуре полиции в обеих фракциях всеми доступными средствами препятствовать этому процессу.

Тем не менее через год после этих директив руководство Брюна Департаментом полиции заканчивается – 4 сентября 1915 г. он производится в тайные советники и назначается сенатором с определением в Судебный департамент Сената. Брюн был награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Станислава 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 4-й степени.

ВАСИЛЬЕВ Алексей Тихонович (1869 – год смерти неизв.). Директор Департамента полиции в 1916–1917 гг.

Происходил из семьи чиновника. После окончания юридического факультета Киевского университета в 1891 г. в чине губернского секретаря исполняет судебные должности в Киевской судебной палате, Каменец-Подольском, Луцком, Санкт-Петербургском окружных судах. В феврале 1906 г. в качестве чиновника особых поручений переводится в Департамент полиции и с июня того же года заведует в нем Особым отделом. Однако служба на поприще политического сыска не удовлетворяет его, и в январе 1909 г. он возвращается в Министерство юстиции на прежнее место товарища прокурора окружного суда Северной столицы. В 1911 г. производится в чин статского советника. В 1913 г. снова состоит на службе в Министерстве внутренних дел, где командируется в Департамент полиции для исполнения обязанностей его вице-директора. За годы службы Васильев был награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Станислава 2-й степени, Св. Владимира 4-й и 3-й степеней.
После увольнения Е.К. Климовича в сентябре 1916 г. назначается на пост директора Департамента полиции. Во многом это произошло благодаря влиянию Распутина, способствовавшего возвращению к активной деятельности П.Г. Курлова, ранее привлекавшегося к ответственности в связи с убийством П.А. Столыпина. Став неофициальным заместителем министра внутренних дел, Курлов постарался назначить своего друга и партнера по финансовым операциям Васильева на вакантное место главы политического сыска. Когда Курлов поделился мыслями на сей предмет с начальником царской охраны жандармским полковником Спиридовичем, последний просто ахнул: «Да что вы, Павел Григорьевич, да ведь он только пьет! Пьет и в карты играет. Какой же он директор Департамента полиции, да еще в теперешнее время?» Курлов, однако, на кандидатуре настоял. Предчувствуя надвигающуюся катастрофу, последний директор Департамента полиции требовал от подчиненных расширения «секретной внутренней агентуры», однако главную опасность видел в либералах, считая, что П.Н. Милюков, А.И. Гучков и председатель Думы М.В. Родзянко тайно склоняют часть военной верхушки к государственному перевороту. Но уже ничто не было в состоянии предотвратить революцию. Когда она произошла, последний директор Департамента полиции был арестован и предстал перед Чрезвычайной следственной комиссией. Тем не менее Васильев спасся, эмигрировал и в 1930 г. даже издал в Филадельфии воспоминания.

ВЕЛИО Иван Осипович (1827–1899). Директор Департамента полиции в 1880–1881 гг.
Его дед Осип-Петр де Велио (Вельго) был португальцем и занимал должность «генерального комиссара его величества короля Португальского во всех портах Балтийского моря». В 1782 г. благодаря женитьбе на Софье Северин породнился с семьей одного из придворных банкиров Санкт-Петербурга, а вскоре и сам стал банкиром русского императорского двора. Павел I жалует ему баронский титул. Сын бывшего португальского консула, Осип (Иосиф) Осипович Велио выбирает не финансовую, а военную стезю, на которой дослужился до чина генерала, участвовал в подавлении восстания декабристов и был комендантом Царского Села. От брака с Екатериной Ивановной Альбрехт у него рождается сын Иван Осипович Велио, восприемником которого при крещении был сам император Николай I. Образование получил в Александровском лицее, по окончании которого в июне 1847 г. производится в титулярные советники и зачисляется на службу в Министерство иностранных дел. В 1851 г. производится в чин коллежского асессора, а через год назначается чиновником для особых поручений при главнокомандующем действующей армией. В сентябре 1853 г. Велио прикомандировывается к русской миссии в столице Саксонии Дрездене, становится ее старшим секретарем. В марте 1856 г. переводится старшим секретарем в русскую миссию в Брюссель и получает чин коллежского советника.
Неизвестно, как бы дальше сложилась дипломатическая карьера Велио, если бы он в сентябре 1861 г. не перешел на службу в Министерство внутренних дел. Уже в ноябре того же года он назначается херсонским вице-губернатором. В конце 1862 г. уже в чине

статского советника становится исправляющим должность Бессарабского гражданского губернатора, в августе 1863 г. производится в действительные статские советники и назначается градоначальником Одессы. В том же году жалуется званием камергера императорского двора. Деятельность Велио по управлению этим крупным южным городом вызывает одобрение вышестоящего начальства, и по докладу министра внутренних дел император в январе 1865 г. назначает его симбирским губернатором. Одновременно в 1866–1868 гг. Велио является директором Департамента исполнительной полиции Министерства внутренних дел.

21 июня 1868 г. И.О. Велио назначается директором Департамента почт и телеграфа Министерства внутренних дел. Как отмечал статс-секретарь А.А. Половцов, Велио «всегда был безукоризненно честен, добивался введения лучших порядков и преследовал злоупотребления во время управления почтовым ведомством; его упрекали лишь в некоторой грубости форм при сношениях с подчиненными». Для развития почтового дела директор департамента сделал немало: число почтовых учреждений было увеличено, созданы вспомогательные земские почтовые конторы, благодаря чему на всей территории европейской части России был введен ежедневный прием и выдача корреспонденции. Была налажена почтовая сеть в Средней Азии и Восточной Сибири, в практику повсеместно введены открытые письма, заказные и ценные пакеты, а также доставка корреспонденции на дом во всех местах, где существовали почтовые отделения (раньше подобная услуга практиковалась лишь в обеих столицах, на Кавказе и в Казани). В 1868–1874 гг. перевозка почты стала осуществляться по 35 железнодорожным линиям.

В качестве уполномоченного Велио представляет в 1870 г. интересы Российской империи при заключении почтовых конвенций с правительствами Бельгии, Великобритании, Дании, Италии, Нидерландов, Франции, Швейцарии и Соединенных Штатов Северной Америки, участвует в обсуждении и заключении Почтового договора в Берне, по которому Россия присоединяется к Всемирному почтовому союзу. Четыре года спустя подписывает международную конвенцию на Парижском почтовом съезде. За свою многообразную деятельность Велио производится в тайные советники. Он является одним из разработчиков закона от 30 октября 1878 г., согласно которому разрешается перлюстрация корреспонденции по решению окружных судов, следователей, по постановлению министров внутренних дел и юстиции при производстве дознания чинами Отдельного корпуса жандармов по делам о государственных преступлениях.

В августе 1880 г. Велио назначается директором только что учрежденного Департамента полиции. Трудно сказать, чем именно руководствовался всесильный Лорис-Меликов при выборе данной кандидатуры на пост руководителя политического сыска. Хотя бывший директор Департамента почт и телеграфа и был старательным и добросовестным чиновником, однако, за исключением сфер исполнения наказания и перлюстрации корреспонденции, он не имел опыта работы в данной области. Очевидно, что в момент смертельной схватки революционеров с самодержавием, когда террористы вели непрерывную охоту на Александра II, на посту руководителя государственной безопасности должен был быть гораздо более сведущий в этом деле человек. Между тем независимо от неопытности нового руководителя механизм политического сыска хотя и с большими трудностями, но продолжал работать, и еще до 1 марта 1881 г. были арестованы такие крупные деятели народовольческой организации, как А.Д. Михайлов, Н.А. Морозов, А.А. Квятковский, С.Г. Ширяев, А.И. Баранников, Н.Н. Колодкевич, А.И. Зунделевич, Н.В. Клеточников, а вскоре и А.И. Желябов. Тем не менее «Народная воля» еще была способна продолжать террористическую деятельность. Убийство Александра II 1 марта 1881 г. потрясло Россию, в высших кругах общества воцарилась паника. Хотя сотрудники политического сыска и не смогли предотвратить этого преступления, они оказались в силах его быстро раскрыть, и к 17 марта все участники покушения были схвачены полицией. С 26 по 29 марта состоялся суд над цареубийцами, приговоривший их к смертной казни, которая 3 апреля была приведена в исполнение.

Несмотря на это, директор Департамента полиции, осознавая свою долю вины за произошедшее и в связи с «расстроенным здоровьем», 15 апреля подал в отставку. Она была принята новым императором, назначившим Велио сенатором. В мае 1896 г. он становится членом Государственного совета. За свою службу Велио был награжден орденами Св. Станислава 2-й и 1-й степеней, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 3-й и 2-й степеней, Св. Александра Невского.

ВУИЧ Эммануил Иванович (1849 – год смерти неизв.). Директор Департамента полиции в 1905–1906 гг.
Происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии. Окончив юридический факультет Петербургского университета в чине коллежского секретаря, в декабре 1871 г. поступает на службу в Министерство юстиции и командируется «для занятий» в Правительствующий сенат. В 1875 г. переводится на должность товарища прокурора Московского окружного суда, в 1879 г. назначается товарищем прокурора Санкт-Петербургского окружного суда.
В 1881 г. происходит первое его соприкосновение со сферой государственной безопасности: в мае–августе командируется в Пруссию и Варшаву для всестороннего ознакомления с делом о ввозе туда из Лондона русских фальшивых кредитных билетов; затем осуществляет надзор за отдельными следственными действиями, производившимися офицером Корпуса жандармов по делу о покушении на товарища министра внутренних дел генерала Черевина. В последующий период служит в судебных органах Северной столицы. В сентябре 1891 г. назначается членом Петербургского окружного суда, в феврале 1894 г. вступает в должность прокурора Московского окружного суда, в следующем году «за отличия по службе» производится в действительные статские советники, затем жалуется в камергеры высочайшего двора. В июне 1902 г. становится прокурором Петербургской судебной палаты. Вуич за годы службы был награжден орденами Св. Владимира 4-й и 3-й степеней и Св. Анны 1-й степени.
В ноябре 1905 г., после ухода в отставку Н.П. Гарина, Э.И. Вуич назначается директором Департамента полиции. Как и его предшественник, он не был профессионалом сыскного дела и руководил государственной безопасностью Российской империи недолго. Одной из наиболее значительных его акций стало восстановление летучего охранного отряда филеров. Это по-своему знаменитое подразделение было создано в 1894 г. при Московском охранном отделении и неплохо справлялось со своими обязанностями. Однако в ходе реформ А.А. Лопухина в 1902 г. летучий отряд был фактически расформирован, основная часть его личного состава была распределена по новым розыскным пунктам, и лишь 20 сотрудников вошли в состав отряда, состоявшего при Департаменте полиции. В марте 1906 г., ввиду больших расходов, предлагалось расформировать и оставшийся отряд. Однако очень скоро Вуич понял, что наружное наблюдение в революционную эпоху вещь необходимая. В своей докладной записке он констатирует: «...Все чаще и чаще возникают случаи острого положения революционного движения в той или другой местности, вызывающие необходимость немедленного и осторожного наблюдения посредством опытных агентов... При отсутствии Летучего отряда приходится в таких случаях прибегать к командировкам агентов из охранных отделений, иногда далеко отстоящих от подлежащей обследованию местности». Понятно, что в таких условиях охранные отделения посылали на места людей «худшего сорта и мало надежных», которые «разительно контрастируют» с сотрудниками бывшего подразделения: «Личные же качества филеров бывшего летучего отряда Департамента представляются особенно ценными, потому что большинство из них – люди давно служащие, прошедшие хорошую школу, дисциплинированные, хорошо знающие многих революционных деятелей и в большинстве случаев могущие вести наблюдение

самостоятельно». На доклад была наложена резолюция: «Доложено г. Министру. Приказано расформирование приостановить до особого распоряжения...»
Как уже сказано, Вуич недолго находился во главе Департамента полиции: 13 июня он был освобожден от руководства государственной безопасностью и назначен сенатором. Дальнейшая его судьба неизвестна.

ГАРИН Николай Павлович (1861– после 1935). Директор Департамента полиции в 1905 г.
Происходил из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. После окончания Императорского училища правоведения с серебряной медалью и чином титулярного советника посещал лекции в Париже.
В мае 1882 г. поступает на службу в Четвертый департамент Правительствующего сената; затем причисляется к Государственной канцелярии; в мае 1885 г. переходит в Кодификационный отдел при Государственном совете, где ему поручается редактирование законов Российской империи. В 1897 г. в чине статского советника занимает должность помощника статс-секретаря Государственного совета, участвует в разработке законопроектов. В апреле 1905 г. возводится в звание камергера двора Его Императорского Величества. В июле 1905 г. камергер двора и действительный статский советник назначается директором Департамента полиции. Это неожиданное назначение С.Ю. Витте объясняет личной близостью Гарина к чрезвычайно влиятельному в тот период Д.Ф. Трепову – товарищу министра внутренних дел и Санкт-Петербургскому генерал-губернатору. Однако бурные революционные события чрезвычайно скоро показали полное несоответствие руководителя политического сыска занимаемому положению, и уже 9 ноября Гарин был отстранен от своего поста, произведен в тайные советники и назначен сенатором. Против этого назначения, по свидетельству С.Ю. Витте, был тогдашний министр юстиции С.С. Манухин, «...ввиду значительного числа деятелей во всех ведомствах гораздо более заслуженных, чем Гарин, и гораздо более серьезных, нежели он, которые тем не менее не пользуются этим званием; но государь сказал, что это он уже обещал, а потому Манухин и представил указ о назначении Гарина в сенат». Далее Витте пишет: «Затем сенатор Гарин начал жить в резиденциях государя, там, где дворцовый комендант Трепов, и в самом непродолжительном времени сделался неофициальным статс-секретарем генерала Трепова в новой его роли постоянного охранителя, советника и помощника государя императора в текущих делах».
В декабре 1907 г. Николай II по докладу министра юстиции поручает Гарину ревизию московского градоначальства, а затем и всех, кроме управлений православным духовенством, московских правительственных учреждений. По итогам ревизии были отданы под суд градоначальник Москвы генерал-майор А.А. Рейнбот и его помощник полковник Короткий. Хорошо осведомленный о большинстве придворных интриг, С.Ю. Витте так описывает истинную подоплеку этого громкого дела: «Вероятно, Столыпин увидел в Рейнботе своего будущего соперника, и это было не без основания, потому что Рейнбот очень решительный человек, но имеет тормоза, так как он человек умный и довольно культурный... Поэтому Столыпин сочинил сенаторскую ревизию над Рейнботом... Многие вещи, которые были поставлены в вину Рейнботу, были в значительной степени преувеличены».
После ревизии в Москве на бывшего директора Департамента полиции в марте 1909 г. было возложено проведение ревизии ряда военных округов. Здесь также были получены данные, свидетельствующие о преступном нарушении денежных интересов казны. В результате были преданы суду многие видные чины военного ведомства. Усердие Гарина было поощрено – в ноябре 1915 г. он назначается членом Государственного совета, в апреле 1916 г. становится помощником военного министра на время войны. Гарин был награжден орденами Св. Станислава 2-й степени, Св. Владимира 4-й, 3-й и 2-й степеней, Св. Анны 2-й и 1-й степеней.

Дальнейшая его судьба точно не известна, однако имеются сведения, что Октябрьскую революцию он пережил спокойно, остался в России и попал под жернова карательных органов советской власти лишь в 1935 г. Тогда в феврале–марте в Ленинграде органы госбезопасности провели операцию «Бывшие люди» по очищению «колыбели революции» от представителей старого режима. В списке арестованных бывший директор Департамента полиции значится на первом месте со следующей характеристикой: «1. Гарин Николай Павлович. 1861 г. рождения. На момент ареста без определенных занятий. До революции являлся помощником Военного министра царского правительства. Сенатор. Член Государственного совета. В 1905 г. был директором Департамента полиции, имел самые близкие отношения со всеми бывшими чинами госаппарата Дома Романовых. Является махровым монархистом. Выслать в Уфу на 5 лет». Следует отметить, что с наказанием бывшему руководителю царской госбезопасности чрезвычайно повезло – в ходе операции «Бывшие люди» в Ленинграде и пригородах было арестовано 11 тысяч «бывших». Большинство из них понесло гораздо более суровое наказание: Особой тройкой УНКВД СССР по Ленинградской области к расстрелу было приговорено 4393 человека. На подобном фоне высылка была весьма мягкой мерой. В Уфе следы Гарина теряются.

ДОБРЖИНСКИЙ Антон Францевич (1844–1897). Директор Департамента полиции в 1896–1897 гг.

Происходил из потомственных дворян. После окончания юридического факультета Киевского университета был в январе 1868 г. зачислен кандидатом на должность судебного следователя при Александрийском уездном суде, а в марте официально назначается исправляющим должность заседателя этого суда. После упразднения в том же году Александрийского уездного суда в течение нескольких лет служит следователем в судах различных инстанций Одесского округа.

В начале 1880-х г. А.Ф. Добржинский уже опытный следователь, товарищ прокурора Одесского окружного суда, имеет чин коллежского асессора. На его счету исключительно важное для властей чистосердечное признание террориста-народовольца Г.Д. Гольденберга. Последний 9 февраля 1879 г. застрелил харьковского генерал-губернатора Д.Н. Кропоткина и после ареста первоначально держался на следствии стойко, наотрез отказываясь давать какие-либо показания. Ведший его дело Добржинский сразу понял, что этот арестант не уступит силе, и постарался сломить его стойкость иными методами: в камеру к террористу привели его мать; она умоляла сына не губить себя ради семьи, показывала ему панические письма старика отца. К нему подсадили провокатора Ф. Курицына, осторожно прощупывавшего его «в задушевных беседах». Когда террорист в достаточной степени «размяк», Добржинский без особого труда соблазнил его утопической идеей открыть правительству истинные цели подпольной организации «Народная воля», рассказать о людях, в ней состоящих, а правительство, убедившись в том, насколько благородны и цели партии, и входящие в нее люди, немедленно перестанет преследовать революционеров. Гольденберг поверил следователю и 9 марта 1880 г. написал показания на 80 страницах, а 6 апреля дополнительно составил к нему приложение на 74 страницах, в котором подробно описал биографии, идейные убеждения, личные качества и внешние приметы всех известных ему 143 членов «Народной воли». Получив подобную уникальную наводку, правительство, разумеется, начало не диалог со своими противниками, а охоту на них. Когда после встречи в тюрьме в июне 1880 г. с арестованным членом Исполнительного комитета партии А.И. Зунделевичем Гольденберг понял, что оказался предателем, то попробовал «пригрозить» своему искусителю: «Помните, если хоть один волос упадет с головы моих товарищей, я себе этого не прощу». На это довольный собой товарищ прокурора цинично ответил: «Уж не знаю, как насчет волос, ну а что голов много слетит, это верно». Не вынеся мук совести, Гольденберг повесился в камере 15 июля 1880 г.

А.Ф. Добржинский, способности которого были по достоинству оценены начальством, в августе 1880 г. назначается товарищем прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты. Когда 1 марта 1881 г. народовольцы убили Александра II, то 19-летний террорист Рысаков, неудачно бросивший первую бомбу в императора, в страхе за свою жизнь стал предателем, его вместе с подполковником Никольским допрашивал и новый товарищ прокурора столицы. В 1881–1884 гг. Добржинский неоднократно исправлял должность прокурора Санкт-Петербурга, правительство по-прежнему поручало ему наиболее ответственные дела. Так, в феврале 1883 г. он допрашивал знаменитую террористку В. Фигнер, а 16 марта того же года император по докладу министра юстиции возложил на него прокурорские обязанности при дознании «о преступной пропаганде», которое вел генерал-майор Середа. В июле 1884 г. Добржинский назначается товарищем обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената. 23 мая 1896 г., будучи уже в чине действительного статского советника, занимает пост директора Департамента полиции и руководит этим ведомством вплоть до своей смерти в августе 1897 г. Награжден орденами Св. Станислава 3-й и 1-й степеней и Св. Владимира 4-й степени.

ДУРНОВО Петр Николаевич (1842–1915). Директор Департамента полиции в 1884–1893 гг.

Происходил из потомственных дворян Московской губернии и был внучатым племянником знаменитого флотоводца адмирала М.П. Лазарева. Последнее обстоятельство, вероятно, повлияло на начало его карьеры. В октябре 1855 г. П.Н. Дурново поступает в Морской кадетский корпус, в 1857 г. производится в гардемарины, а на следующий год отправляется в свое первое плавание на паровом фрегате «Камчатка». С 1860 по 1870 г., за исключением одной зимы, находится в дальних плаваниях в Тихом и Атлантическом океанах, а также в Черном, Балтийском и Средиземном морях. В 1862 г. производится в чин мичмана, в 1865 г. – лейтенанта. Морская служба Дурново была отмечена орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степеней и Св. Анны 3-й степени.

В сентябре 1870 г. Дурново успешно сдает выпускные экзамены за курс Военно-юридической академии, получив после этого права и преимущества окончившего курс данной академии, и вскоре получает назначение на должность помощника прокурора при Кронштадтском военно-морском суде. Меньше чем через два года он «по своему прошению» увольняется с воинской службы и определяется «к статским делам». В последующие 10 лет служит товарищем прокурора и прокурором Владимирского, Московского, Рыбинского окружных судов, товарищем прокурора Киевской судебной палаты, производится в чин надворного советника, затем коллежского советника. На этом прокурорская карьера заканчивается, принеся Дурново ордена Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени.

В октябре 1881 г. Дурново назначается управляющим Судебным отделом Департамента полиции Министерства внутренних дел, ведавшим дознанием по делам о государственных преступлениях; в августе 1882 г. производится в чин статского советника и в феврале 1883 г. становится вице-директором Департамента полиции. Наконец, уже в чине действительного статского советника 21 июля 1884 г. становится исправляющим должность директора Департамента полиции, в которой утверждается с 1 января 1885 г. На эту ответственную должность его рекомендовал императору министр внутренних дел Д.А. Толстой, высоко ценивший способности своего дальнего родственника. С.Ю. Витте, отнюдь не склонный преувеличивать положительное в современниках, дает ему следующую оценку: «Все суждения, которые высказывал Дурново, отличались знанием дела, крайней рассудительностью и свободным выражением своих мнений. Я ранее знал Дурново за человека умного, характерного, многому научившегося на службе по судебному ведомству». Другие современники также отмечали глубокий и острый ум

директора Департамента полиции, его волю и умение высказываться кратко, ясно и определенно.

Наиболее крупным успехом Департамента полиции за время руководства Дурново стал разгром «Террористической фракции» партии «Народная воля», основанной в декабре 1886 г. в Петербурге студентами П.Я. Шевыревым, А.И. Ульяновым, старшим братом В.И. Ленина, и др. Молодые революционеры готовились повторить «подвиг первомартовцев». Террористы изготовили несколько начиненных динамитом бомб и особые, наполненные ядом пули. Зная, что 1 марта 1887 г. Александр III будет присутствовать в Петропавловском соборе на заупокойной службе по своему убитому отцу, революционеры группами стали прогуливаться в месте вероятного проезда его кареты, но, прежде чем смогли привести свой замысел в исполнение, были схвачены полицией. При аресте у них обнаружили три бомбы, револьвер и программу Исполнительного комитета «Народной воли». Покушение удалось предотвратить благодаря тому, что полиция уже давно установила наблюдение за П.И. Андреюшкиным, одним из членов «Террористической фракции», и через него вышла на след остальных участников готовившейся акции. Все 15 членов подпольной организации 8 мая 1887 г. предстали перед судом, приговорившим их к смертной казни, однако император распорядился казнить только пятерых, остальным заменить ее различными сроками каторги и ссылкой в Сибирь.

За свою успешную деятельность директор Департамента полиции получает высочайшее монаршье благоволение, производится в чин тайного советника. Казалось бы, ничто не предвещало краха его удачно протекающей карьеры, если бы не его страсть к прекрасному полу. Одной из любовниц директора Департамента полиции была жена пристава Меньчукова. Все обстояло спокойно до тех пор, пока Дурново не узнал, что его пассия имеет еще одного возлюбленного – бразильского (по другим данным, испанского) посла. Пришедший в ярость от подобной неверности Дурново добывает вещественные доказательства измены наиболее привычным для себя способом с помощью полицейских агентов. Дело получило огласку и стало известно императору Александру III, который, по словам С.Ю. Витте, «имел отвращение ко всему нравственно нечистому». Взбешенный подобным использованием служебного положения, глава Российской империи распорядился: «Убрать эту свинью в Сенат в 24 часа!» Как отмечали современники, такому сравнительно мягкому наказанию руководитель государственной безопасности был обязан министру внутренних дел И.Н. Дурново, своему брату, еле-еле уговорившему Александра III не увольнять провинившегося донжуана, а назначить его в Сенат, что и было сделано 3 февраля 1893 г.

На его министерской карьере в царствование Александра III была поставлена точка, и он был вынужден ограничиться присутствием в Сенате, где, по оценке С.Ю. Витте, «все время отличался между сенаторами разумно-либеральными идеями» и являлся «сенатором, на которого обращали внимание и с логикой которого считались». Переждав в Сенате смерть Александра III, Дурново постепенно возвращается к активной деятельности при его сыне императоре Николае II. В феврале 1900 г. он занимает пост товарища министра внутренних дел. После убийства террористами Плеве Дурново с 15 июля 1904 г. вступает в заведование текущими делами министерства и 14 сентября «за отличные труды» удостаивается монаршей благодарности.

В обстановке подъема революционного движения Николай II поручает формирование кабинета министров С.Ю. Витте. Последний долго колебался, опасаясь ошибиться с кандидатурой на ключевой в сложившихся условиях пост министра внутренних дел. С одной стороны, правительству было необходимо, как вспоминал Витте, чтобы «министр внутренних дел, вступающий в управление в момент революции, мог бы сразу взять в руки весь полицейский аппарат и с надлежащей компетентностью им управлять», и с этой точки зрения многолетний опыт руководства Департаментом полиции был незаменим. С другой – Витте, помимо ума и энергии, привлекал либерализм, проявленный Дурново в

Сенате, а также неизменная «корректность» его отношений со всеми предыдущими начальниками. Сочетание этих качеств предопределило выбор, и, несмотря на неодобрение предложенной им кандидатуры среди части императорского окружения, кадетов и октябристов, председатель Совета министров настоял на своем.

Новый министр немедленно принялся за наведение порядка в стране. Были увеличены силы полиции в основных городах империи. В Москве, кроме конного жандармского дивизиона, была сформирована конно-полицейская стража, а чинам полиции, по свидетельству Витте, «на долю которых выпало наиболее труда в настоящее беспокойное время», было роздано наград на общую сумму в полмиллиона рублей. 3 декабря 1905 г. полиция арестовала 267 членов Петербургского Совета и тогда же провела широкомасштабные аресты организаторов революционных выступлений в других городах. По отношению к рядовым революционерам Дурново был настроен еще более решительно и, например, в директиве командующему войсками Сибирского военного округа требовал: «Необходимо избегать арестов и истреблять мятежников на месте или немедленно судить военным судом и казнить». По подсчетам исследователей, с конца 1905 г. по март 1906 г. по всей России было расстреляно около 20 тысяч человек и арестовано 72 тысячи. Проведя «поворот к более энергичной внутренней политике», Дурново переломил ситуацию и, по мнению некоторых современников, «спас положение» в целом. Вместе с тем, по утверждению С.Ю. Витте, министр понимал, что одними только карательными мерами проблемы не решить, «он находил, что единственный выход из создавшегося положения вещей заключается в широких либеральных преобразованиях и в уничтожении исключительных положений».

Когда непосредственная угроза ниспровержения самодержавного режима миновала, Николай II стал избавляться от ставших теперь ненужными лиц. 16 апреля 1906 г. в отставку был отправлен С.Ю. Витте, а вслед затем, 22 апреля, состоялась и отставка министра внутренних дел.

Помимо своей бурной деятельности на поприще охраны безопасности самодержавного государства (за которую он был награжден орденами Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 2-й и 1-й степеней, Св. Александра Невского, Белого Орла), Дурново известен еще и тем, что в феврале 1914 г., за полгода до начала Первой мировой войны, подал Николаю II записку, в которой достаточно точно предсказал начало этой войны и ее последствия для Российской империи. Правильно определив состав противостоящих друг другу военных блоков, бывший министр стремится доказать ошибочность сделанного русским правительством внешнеполитического выбора: «Англо-русское сближение ничего реально полезного для нас до сего времени не принесло. В будущем оно сулит нам неизбежно вооруженное столкновение с Германией... При таких условиях борьба с Германией представляет для нас огромные трудности и потребует от нас неисчислимых жертв... Главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю... Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам...» Дурново подчеркивал, что Россия экономически не выдержит военного напряжения: «Война потребует таких огромных расходов, которые во много раз превысят более чем сомнительные выгоды... Не стоит даже говорить о том, что случится, если война окончится для нас неудачно. Финансово-экономические последствия поражения не поддаются ни учету, ни даже предвидению и, без сомнения, отразятся полным развалом всего нашего народного хозяйства».

Показав, что война со своим могущественным западным соседом невыгодна для России ни с какой стороны, Дурново переходит к возможным политическим последствиям вооруженного столкновения и, основываясь на том опыте, который он приобрел во главе Департамента полиции и Министерства внутренних дел, дает свой прогноз вероятного развития внутриполитической ситуации в стране, результатом которой, по его мнению, явится социальная революция.

Автор записки писал: «Нельзя не предвидеть, социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна... Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная против него кампания, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которыми можно поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, за сим и общий раздел всех ценностей и имущества. Побежденная армия, лишившаяся к тому же во время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей ее части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению».
Николай II не придал значения этой записке, и Россия через полгода вступила в Первую мировую войну. Автору сделанного пророчества довелось увидеть лишь начало его исполнения, а его венценосному адресату пришлось досмотреть его до конца – сначала возглавляемой им Российской империи, а затем и своего личного.

ЗВОЛЯНСКИЙ Сергей Эрастович (1855–1912). Директор Департамента полиции в 1897–1902 гг.
Происходил из дворян Екатеринославской губернии. Окончив Императорское училище правоведения с чином губернского секретаря, в мае 1877 г. был определен кандидатом на судебные должности при Санкт-Петербургском окружном суде. Однако немедленно начать судебную карьеру ему не довелось – началась Русско-турецкая война 1877–1878 гг., и он поступает вольноопределяющимся в гвардейскую Конно-артиллерийскую бригаду, производится в бомбардиры и со своей частью отправляется в поход. Участвует в знаменитой осаде Плевны, во многих других сражениях, заканчивает войну в чине корнета под Константинополем, был награжден знаком отличия Военного ордена 4-й степени.
В июне 1879 г. увольняется с военной службы и возвращается к первоначальной профессии; служит судебным следователем в Северной столице, Одессе. Согласно собственному прошению, в апреле 1881 г. переводится на службу в Департамент полиции и назначается исправляющим должности младшего, затем старшего помощника делопроизводителя, секретаря при директоре Департамента полиции. В 1882 г. производится в чин коллежского асессора, утверждается в должности секретаря тогдашнего главы политического сыска империи В.К. Плеве. В 1885 г. посылается во Францию и Швейцарию для проверки заграничной агентуры русской полиции. В рапорте по возвращении счел возможным отнести заграничную агентуру к «числу самих лучших (если не лучшей) русских политических агентур, заслуга организации которой всецело принадлежит г. Рачковскому» (будущий руководитель заграничной агентуры и вице-директор Департамента полиции).
С.Э.Зволянский успешно продвигается по службе, становится статским советником. После скандала с директором Департамента П.Н. Дурново в 1893 г. и назначением П.И. Петрова руководителем ведомства государственной безопасности назначается исправляющим должность вице-директора Департамента полиции. В январе 1895 г. производится в действительные статские советники и в апреле того же года официально утверждается вице-директором департамента. С марта по май 1896 г. исправляет должность директора Департамента полиции, присутствует на коронационных торжествах Николая II в Москве, обеспечивает безопасность нового монарха во время его поездок в Нижний Новгород, Киев и Варшаву, активно участвует в руководстве первой всеобщей переписью населения 1897 г., состоит членом Комиссии по переустройству центральных учреждений Министерства внутренних дел.

В августе 1897 г. после смерти А.Ф. Добржинского Зволянский назначается директором Департамента полиции. Судя по всему, немалую роль в этом назначении сыграла его дружба с министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным. Наряду с исполнением обязанностей по департаменту участвует в работе ряда законосовещательных органов. В своей докладной записке предупреждает правительство о росте «пропаганды социал-демократического движения среди рабочих» и подчеркивает необходимость упорядочения розыскного дела в крупных промышленных центрах. В ноябре–декабре 1898 г. участвует в работе международной конференции по принятию мер против анархистов, проходившей в Риме. В марте 1902 г. включается в состав комиссии «для пересмотра правил и штата полиции в губерниях, по общему учреждению управляемых, и о преобразовании сельской полиции». В мае того же года в связи с производством в сенаторы и тайные советники освобождается от должности директора Департамента полиции.
В связи с начавшимся революционным подъемом в стране Николай II в феврале 1905 г. повелел сенатору Зволянскому совместно с вновь назначенным директором Департамента полиции подробно проанализировать работу этого органа государственной безопасности и подведомственных ему учреждений и по согласованию с курирующим полицию товарищем министра внутренних дел представить предложения о главных направлениях деятельности департамента. В последующие годы продолжал заседать в Особом присутствии Сената «для суждения дел о государственных преступлениях». Служба Зволянского была отмечена орденами Св. Владимира 4-й и 3-й степеней, Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Александра Невского и Белого Орла.

ЗУЕВ Нил Петрович (1857–1918). Директор Департамента полиции в 1909–1912 гг.
Происходил из дворян. После окончания Императорского училища правоведения в 1876 г. в течение нескольких лет служит секретарем при прокуроре Московской судебной палаты, затем товарищем прокурора Рязанского окружного суда. В 1888 г. – коллежский советник.
По собственному прошению в 1889 г. причисляется к Министерству юстиции, в Первое уголовное отделение. Однако вскоре вновь меняет место службы и в феврале 1894 г. переводится в Департамент полиции, успешно трудится на ряде ответственных должностей и в 1903 г. в чине действительного статского советника назначается вице-директором департамента и, наконец, в марте 1909 г. становится его директором. Не слишком разбираясь в тонкостях службы государственной безопасности, новый руководитель Департамента полиции сосредоточивает основные усилия на кадровых вопросах, для чего в марте 1910 г. учреждает «секретарскую часть». «В секретарской части, – отмечает историк З.И. Перегудова, —
... он стремился держать в своем непосредственном ведении наиболее секретные дела, касающиеся кадров, переписки, с тем чтобы они не выходили на более широкий круг исполнителей. В секретарской части сосредоточиваются переписка по уничтожению старых шифров, введению новых, разбор всех поступающих в Департамент шифрованных телеграмм, шифровка исходящих депеш по всему Департаменту (исключая Особый отдел): личная переписка директора Департамента, производство дел и переписок, которые носят «особый характер», хотя и входят в компетенцию других делопроизводств, заведование общей журнальной частью». В апреле 1910 г. Зуев был произведен «за отличие» в чин тайного советника.
21 февраля 1912 г. он был освобожден от руководства Департаментом полиции, назначен сенатором и определен в Первое общее собрание Правительствующего сената. Награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3, 2 и 1-й степеней, Св. Владимира 4, 3 и 2-й степеней.

КАФАФОВ Константин Дмитриевич (1863 – год смерти неизв.). И. д. Директор Департамента полиции в 1915–1916 гг.

Сын надворного советника. После окончания юридического факультета Петербургского университета в 1888 г. с чином коллежского секретаря поступает в Министерство юстиции. Служит товарищем прокурора Нижегородского, Московского окружных судов, прокурором Орловского окружного суда, является членом Московской судебной палаты. В 1911 г. – действительный статский советник. 12 апреля 1912 г. Кафафов назначается вице-директором Департамента полиции и занимает эту должность до 27 февраля 1917 г., когда был отправлен в отставку. С ноября 1915 г. по февраль 1916 г. исправлял обязанности директора Департамента полиции. Однако за время своего недолгого пребывания во главе политического сыска самостоятельных решений не принимал и фактически всеми делами Департамента полиции заправлял С. П. Белецкий, состоявший в этот период товарищем министра внутренних дел. В марте 1916 г. Кафафов был назначен на должность члена совета министра внутренних дел с возложением на него обязанностей вице-директора Департамента полиции. Награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Станислава 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени. После Февральской революции с марта по май 1917 г. находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Сведения о его дальнейшей судьбе отсутствуют.

КЛИМОВИЧ Евгений Константинович (1871–1932). Директор Департамента полиции в 1916 г.

Происходил из потомственных дворян Витебской губернии. После окончания Полоцкого кадетского корпуса в сентябре 1889 г. поступил юнкером в 1-е Павловское военное училище, закончил его по первому разряду в августе 1891 г. Служил в пехотных и саперных частях. В 1895 г. – поручик.

В начале 1898 г. в судьбе Климовича происходит перелом – он прикомандировывается к штабу Отдельного корпуса жандармов, успешно проходит испытательный срок и официально зачисляется на должность адъютанта Волынского губернского жандармского управления. Дальнейшая его служба проходит в уездных жандармских управлениях на территории Царства Польского, с 1904 г.– в Виленском губернском жандармском управлении. По итогам проверки Департаментом полиции работы местных охранных отделений с секретной агентурой он получает высокую оценку.

В июне 1905 г. Климович был прикомандирован к штабу Корпуса жандармов с назначением в распоряжение виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора. Одновременно ему было поручено исполнение должности виленского полицмейстера. В условиях нарастания революции это было далеко не безопасно: 27 октября 1905 г. революционеры бросили в него бомбу. Климович остался жив, но был тяжело ранен осколком в левую ногу. Неудавшееся покушение пошло на пользу его карьере, и за отличие по службе в январе 1906 г. он назначается начальником Московского охранного отделения. В старой столице Климович, произведенный во внеочередном порядке в чин подполковника, старается изо всех сил. Его подчиненный А.П. Мартынов так характеризовал своего начальника: «Большой службист, днюет и ночует в охранном отделении, других интересов и склонностей или слабостей у него нет: очень ценит, если служащие отделения сидят по своим кабинетам до поздней ночи (вернее, до раннего утра) и всегда «под рукой» на случай вызова в кабинет начальника». «Внешне блестящая» его деятельность вызывала далеко не однозначную оценку сослуживцев. По словам того же Мартынова, для скорейшего продвижения по службе Климович избрал путь «быстрых шумных успехов, выгодных с показной стороны; он ликвидировал подпольные организации, не считаясь с возможными вредными последствиями для секретной агентуры; он, так сказать, выжимал из секретного сотрудника все, до последней капли, пользовался его сведениями с выгодой для себя, «проваливал» агентуру, отбрасывал ее за негодностью и принимал другую».

Подобная бурная активность, приносящая видимые успехи, хотя и сиюминутные, была замечена начальством, и в апреле 1907 г. Климович становится исправляющим дела

помощника московского градоначальника. В.Ф. Джунковский, бывший тогда вице-губернатором, а затем и губернатором старой столицы, так отзывался о нем: «Климович представлял из себя выдающегося по уму администратора. Отлично знал секретно-агентурное и розыскное полицейское дело, это был честный человек и отличный семьянин, благодаря чему был человеком нравственным. В то же время это был большой ловкач, не без хитрости и себе на уме, карьерист, но не в ущерб делу. Как помощник градоначальника был вполне на месте, был головой выше своего начальника генерала Рейнбота, но умел себя так поставить, что это никому и в голову не приходило. Я лично очень ценил его способности и считал его выдающимся для полицейской службы человеком, поэтому в бытность мою товарищем министра выдвинул его в серьезную минуту на пост московского градоначальника и не ошибся в этом». Кипучая энергия Климовича была вознаграждена, и уже в июле 1907 г. «за особое отличие» он производится в чин полковника, а с ноября 1907 г. по март 1908 г. исправлял должность московского градоначальника.

22 июля 1908 г. Климович вновь переводится в Отдельный Корпус жандармов и через год прикомандировывается к штабу корпуса. В этот период он составляет «Краткую таблицу важнейших политических партий России» – первое пособие для сотрудников политического сыска с описанием истории, программ и уставов, тактики и ближайших целей революционных партий. В июле 1909 г. назначается исправляющим обязанности заведующего Особым отделом Департамента полиции. Работа в отделе ко времени его прихода туда была сильно запущена, и хотя он руководил им всего четыре месяца, но успел улучшить положение в отношении надзора за политическими партиями и организациями в крупных городах и губерниях. В апреле 1913 г. производится в чин генерал-майора, а в ноябре переводится на должность градоначальника в Ростов-на-Дону, где отлично проводит всеобщую мобилизацию военнообязанных в связи с началом Первой мировой войны. Был награжден орденами Св. Владимира 4-й и 3-й степеней и Св. Станислава 1-й степени. В июне 1915 г. назначается градоначальником в Москву.

В феврале 1916 г. Климович становится директором Департамента полиции. Пробыл в этой должности недолго – до сентября того же года – и об этом периоде сохранил нерадостные воспоминания. У председателя Совета министров Б.В. Штюрмера, ставленника Распутина, не хватало терпения выслушивать даже самые сжатые доклады главы политического сыска, и последний впоследствии констатировал: «...Я в конце концов был совершенно без руля и без ветрил и не знал, что делать». 15 сентября Е.К. Климович становится сенатором. После свержения Николая II его допрашивала Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства. Когда власть в Петрограде взяли большевики, бывшему директору Департамента полиции удалось уехать на юг, где он вступил в Добровольческую армию. После разгрома белогвардейцев вместе с последними частями уехал из Новороссийска в Турцию, затем в Югославию (был одним из ближайших сотрудников барона Врангеля по контрразведке – начальником Особого отдела штаба армии в чине генерал-лейтенанта), где и умер.

КОВАЛЕНСКИЙ Сергей Григорьевич (1862 – год смерти неизв.). Директор Департамента полиции в 1905 г.

Происходил из дворянского рода. После окончания Императорского училища правоведения в мае 1879 г. получил чин коллежского секретаря и был определен кандидатом на судебные должности при прокуроре Петербургского окружного суда. До своего назначения на пост директора Департамента полиции в течение почти четверти века служит в окружных судах и судебных палатах ряда губерний юга России, Сибири, Закавказья и Туркестана, входит в состав особой комиссии Сената «для разработки предположений об улучшении судебной части в губерниях и областях Сибири», с мая 1896 г. исправляет должность помощника начальника Главного тюремного управления, с 5 октября того же года состоит в «Особой комиссии для составления законодательных

предположений об устройстве тюремной части в Министерстве юстиции». За более чем 20-летнее пребывание на государственной службе последовательно проходит ступени Табели о рангах и в 1902 г. получает чин действительного статского советника.
В марте 1905 г. назначается директором Департамента полиции. Очевидно, что в условиях бушующей в стране революции чиновник без сколько-нибудь значительного опыта в области политического сыска явно не подходил на этот чрезвычайно ответственный пост, и уже 29 июня 1905 г. Николай II освобождает его от руководства ведомством государственной безопасности, производит в чин тайного советника и утверждает членом Сената. В продолжение службы был награжден орденами Св. Станислава 2-й и 1-й степеней, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 3-й степени.
Дальнейших биографических сведений о нем не имеется. По воспоминаниям С.Ю. Витте, Коваленский застрелился (приблизительно в 1908–1909 гг.).

ЛЕБЕДЕВ Василий Иванович (1865 – год смерти неизв.). Статский советник.
Закончил Киевское юнкерское училище. С 1884 г. – в ведении Министерства внутренних дел.
С 1893 г. – начальник Московской сыскной полиции. В 1908–1914 гг. – делопроизводитель Департамента полиции. С 1915 г. – чиновник особых поручений при Департаменте полиции. Выезжал неоднократно в командировки за границу для связи с сыскными полициями западных государств и объединения деятельности по раскрытию общеуголовных преступлений.

ЛОПУХИН Алексей Александрович (1864–1928, по другим данным, 1927). Директор Департамента полиции в 1902–1905 гг.
Происходил из старинного дворянского рода, к которому принадлежала первая жена Петра Великого Евдокия Федоровна, а также один из руководителей ведомства государственной безопасности России XVIII в. – генерал-прокурор Сената П.В. Лопухин.
А.А. Лопухин окончил орловскую гимназию, где учился в одно время с будущим председателем Совета министров П.А. Столыпиным. Продолжил образование на юридическом факультете Московского университета, после окончания которого в 1886 г. в течение семи лет исполнял судебные должности при Тульском, Ярославском, Рязанском окружных судах. Параллельно идет его продвижение по ступеням Табели о рангах – в 1891 г. становится и коллежским асессором.
В ноябре 1893 г. Лопухин переводится товарищем прокурора Московского окружного суда. В старой столице ему неоднократно доводилось вести политические судебные дела, и на этой почве он познакомился с начальником Московского охранного отделения Зубатовым. Традиционно между этим ведомством и прокуратурой шла глухая межведомственная борьба. Зубатов решительно ломает эту «традицию», с первых же дней знакомит молодого товарища прокурора со всеми тонкостями работы охранного отделения и даже приглашает на конспиративные квартиры, где проходили встречи с секретными агентами. Уже в ту пору начальник охранного отделения вынашивал идею создания легальных рабочих организаций под опекой полиции для отвращения пролетариата от революционной борьбы, и ему без особого труда удается увлечь своего нового знакомого этим заманчивым планом.
В апреле 1900 г. Лопухин, ставший к этому времени надворным советником, переводится прокурором Санкт-Петербургского окружного суда. Министр внутренних дел Сипягин предлагает ему оставить Министерство юстиции и занять должность вице-директора Департамента полиции, однако Лопухин отклоняет это предложение, поскольку методы работы тогдашнего главы политического сыска Зволянского шли вразрез с его убеждениями, представлявшими собой смесь либерализма и юридического формализма.
1 февраля 1902 г. Лопухин был назначен исправляющим должность прокурора Харьковской судебной палаты. На новом месте службы он достаточно быстро провел

следствие об аграрных волнениях, когда туда приехал новый министр внутренних дел Плеве, назначенный на этот пост после убийства террористами Сипягина, то сделал обстоятельный доклад о причинах и ходе волнений. «Мое мнение, – рассказывал впоследствии об этой беседе Лопухин, – сводилось к тому, что пережитые Полтавской и Харьковской губерниями погромы помещичьих усадьб нельзя было рассматривать как явления случайные, что они представляются естественными результатами общих условий русской жизни: невежества крестьянского населения, страшного его обнищания, индифферентизма властей к духовным и материальным его интересам и, наконец, назойливой опеки администрации над народом, поставленной взамен охраны его интересов законом». По его мнению, предотвратить революцию могли не репрессии, а реформы в духе «полицейского социализма» Зубатова в общероссийском масштабе.

Как это ни странно звучит, но консерватору Плеве пришелся по душе либерализм Лопухина, и вскоре он предложил ему возглавить Департамент полиции. По мнению некоторых современников, подобным неожиданным жестом новый министр пытался заручиться симпатиями либеральных кругов. Что же касается Лопухина, то он полагал, что Плеве одобряет его программу либеральных мероприятий, при помощи которых он собирался нейтрализовать революционное движение и для ее реализации согласился возглавить политический сыск, отлично понимая при этом свою непригодность к работе в этой специфической сфере. По словам Лопухина, он получил от Плеве разрешение ограничить процедуры политических расследований строгими рамками закона, положить конец «административным» мерам воздействия и подвергать задержанных лишь наказаниям, предусмотренным юридическими нормами. При этом министр якобы пообещал отменить указ от 14 августа 1881 г., предоставлявший особые полномочия местным властям при задержании лиц, подозреваемых в революционной деятельности. Если подобные обещания и были даны, то они так и остались пустыми словами. Публично Плеве заявлял, что ожидает от Лопухина более строгого следования букве закона, а в личных беседах ему объяснял, что его идеи преобразований наталкиваются на решительное сопротивление Николая II. Назначение Лопухина директором Департамента полиции с одновременным производством в статские советники состоялось в мае 1902 г., а через полгода он признавался своему шурину князю С.Д. Урусову, что Плеве его предал. Тем не менее даже окончательно убедившись в том, что его непосредственный начальник и не собирается проводить никаких перемен, в отставку со своего поста Лопухин не подал – карьера была важнее либеральных убеждений.

Не успел Лопухин занять кресло директора Департамента полиции, как ему пришлось ознакомиться с целым рядом докладных записок начальника Особого отдела Л.А. Ратаева. Опытный сыщик, работавший в этом ведомстве с момента его основания, бил тревогу: «Революция идет вперед, захватывает все более и более широкие слои общества, изобретает новые формы: правительство же пользуется для противодействия ей все теми же старыми способами, пригодными быть может лет сто назад...» Полиция бессильна противостоять росту революционного движения в Российской империи. Ратаев называет конкретную причину этого бессилия: «Существует масса полиции: общая, земская, сыскная, секретная, политическая, железнодорожная – все они в лучшем случае друг другу только мешают, а подчас и противодействуют и нет ответственного лица, которое бы их объединяло, руководило их действиями и направляло к общей цели». Аналогичный разлад, считал Ратаев, существовал и между полицейской и административной властью. В преодолении всех этих негативных явлений Ратаев и видел назревшую реформу полиции. Однако новый директор Департамента полиции не внял этим советам и предупреждениям.

Полностью проигнорировав мнение профессионала, Лопухин начал реформу полиции на свой лад. В первую очередь, уже в июле 1902 г., сместил с поста заведующего заграничной агентурой Рачковского, занимавшегося ею почти 20 лет и немало преуспевшего на этом поприще, но имевшего в глазах нового начальника один

существенный недостаток – привычку принимать на месте ответственные решения, а не ждать в быстро меняющейся ситуации подробных директив из Петербурга. Для обеспечения дисциплины и законности, к которой был привержен глава политического сыска, он провел кадровые чистки и перестановки в подведомственных ему учреждениях. Своего старого знакомого по Москве Зубатова назначил начальником Особого отдела и передал основные полицейские функции силам безопасности под его руководством для обеспечения строжайшей законности в ведении политических дел. Зубатову приказал назначать начальников охранных отделений из молодых жандармов, ранее в полиции не служивших – директор Департамента полиции считал, что от них он скорее добьется выполнения своих требований о строгом соблюдении законности. Значительное увольнение старых кадров и приток на руководящие посты неопытных новичков существенно снизили эффективность работы государственной безопасности, что было губительно в условиях нарастания революционного движения. В борьбе с последним Лопухин сделал ставку на развитие секретной агентуры внутри антиправительственного лагеря. Впоследствии на суде он заявил: «В России, при существовании революционных организаций, полиции обойтись без агентуры совершенно невозможно, для меня весь вопрос сводился к тем границам, в которых агентура может существовать и действовать». Очерчивая эти границы, в директиве 1903 г. он предписал начальникам местных охранных отделений уделить «особое внимание... тому, чтобы агенты не участвовали в политических преступлениях». Каким образом секретные агенты полиции, вступив в подпольную организацию (что уже само по себе было политическим преступлением), должны были, не вызывая подозрения остальных революционеров, уклоняться от активной в ней деятельности и при этом регулярно поставлять в охранные отделения требуемую информацию, – это, похоже, было известно одному только витающему в юридических абстракциях директору Департамента полиции. Тем не менее на этот свой проект Лопухин менее чем за три года своего руководства политическим сыском истратил громадную по тем временам сумму в 5 млн рублей, практически полностью истощив финансовые средства Департамента полиции непосредственно перед началом революции.

Нечего и говорить, что дела Департамента полиции шли все хуже и хуже. Летом 1903 г. в Одессе вспыхнула стачка, перекинувшаяся на другие крупные центры юга России. Пикантность ситуации придавало то, что решающую роль в ее организации сыграл рабочий кружок, финансируемый Зубатовым, и это обстоятельство бросало тень на непосредственного начальника последнего. Для Плеве это событие стало формальным предлогом, чтобы отправить интриговавшего против него Зубатова в отставку, а непричастному к заговору против министра Лопухину удалось выкрутиться, обвинив местные власти в отсутствии «инициативы» в урегулировании отношений между рабочими и работодателями. 15 июля 1904 г. происходит убийство министра внутренних дел Плеве, которое организовал секретный агент охранки Е. Азеф, что, разумеется, не красило директора Департамента полиции, оказавшегося неспособным защитить жизнь своего непосредственного начальника. 6 декабря 1904 г. А.А. Лопухин подает в Комитет министров записку о развитии революционного движения в стране, где указывает, что «борьба с крамолой одними только полицейскими методами была бессильной». Очередным результатом экспериментов с «полицейским социализмом» стало Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. в Петербурге, с которого началась Первая русская революция. Организатором и руководителем этой нелегальной демонстрации был поп Гапон, связь которого с Зубатовым и Лопухиным была отлично известна в правительственных сферах. Последней каплей, переполнившей чашу монаршего терпения, стало организованное все тем же Е. Азефом убийство 4 февраля 1905 г. московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, дяди Николая II. Для Лопухина дело осложнилось тем, что незадолго до этого его просили усилить охрану великого князя, но растративший средства своего ведомства на секретную агентуру директор Департамента полиции ответил отказом. На очередном докладе

императору министра внутренних дел Николай II выразил ему обоснованное недовольство работой Департамента полиции, и его тогдашнему директору больше ничего не оставалось, как подать в отставку, что он и сделал 4 марта 1905 г.

Из Северной столицы Лопухин был переведен в Ревель на должность эстляндского губернатора, однако весьма недолго пробыл и на этом посту. На этом государственная служба бывшего руководителя государственной безопасности заканчивается (за годы службы Лопухин был награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Станислава 2-й степени) и начинается его борьба против того ведомства, которое он недавно возглавлял.

Устроившись на службу в Соединенный банк, уже в 1906 г. Лопухин начинает выступать в печати со статьями, разоблачающими деятельность Департамента полиции, обвиняя последний, в частности, в печатании там погромных прокламаций. В том же 1906 г. с Лопухиным устанавливает знакомство революционер и знаменитый охотник за провокаторами В.Л. Бурцев. Энтузиаст борьбы с провокаторами надеялся, что обиженный властью бывший глава государственной безопасности расскажет много интересного. При первых встречах Лопухин ему ничего не сказал. Однако неутомимый Бурцев, уже знавший из других источников о существовании крупного провокатора в руководстве боевой организации эсеров, действовавшего под псевдонимом Раскин, но еще не знавший, кто это конкретно, не терял надежды и, узнав, что отдыхавший на курорте близ Кёльна бывший директор Департамента полиции возвращается домой на поезде, 5 сентября 1908 г. подсел к нему в купе. Их разговор длился 6 часов, и в конце концов бывший глава политического сыска заявил, что Евно Азеф и есть тот самый таинственный провокатор Раскин. Что заставило Лопухина выдать представителю революционного лагеря служебную тайну? Однозначного ответа на этот вопрос нет. По версии Бурцева, он сделал это, пораженный фактом участия полицейского провокатора в двух самых громких убийствах того времени, когда он находился во главе Департамента полиции, – министра внутренних дел Плеве и великого князя Сергея Александровича.

Вернувшись в Париж, где по цензурным соображениям он с 1908 г. издавал исторический сборник «Былое», Бурцев поспешил объявить о предательстве Азефа. Однако авторитет последнего в партии был так велик, что эсеры поначалу попросту отмахнулись от «вздорных обвинений» и лишь под угрозой публичного скандала со стороны «охотника за провокаторами» с неохотой согласились учредить третейский суд для проверки этой невероятной версии. Во время беседы с Лопухиным Бурцев клятвенно обещал хранить его инкогнито, но слова не сдержал и указал эсерам на бывшего руководителя Департамента полиции как на главный источник своей информации. Решено было, что для новой беседы с ним в Петербург отправится член ЦК партии эсеров А.А. Аргунов. В Северную столицу помчался и напуганный Азеф и, встретившись там с начальником охранного отделения А.В. Герасимовым, обрисовал сложившуюся ситуацию. Тот посоветовал Азефу объясниться с бывшим директором Департамента полиции. 11 ноября 1908 г. на квартиру к Лопухину явился сам провокатор и умолял взять свои показания обратно и тем самым спасти ему жизнь. Его собеседник категорически отрицал факт разговора с ним Бурцева, но не ответил, как будет вести себя, если эсеры силой потребуют от него показаний. Вернувшись к Герасимову, Азеф сказал ему: «Лопухин, несомненно, находится в связи с революционерами, и он передаст им о моем сегодняшнем посещении. Сейчас я окончательно пропал». Провокатор не ошибся, и встреча с Лопухиным действительно послужила для эсеров главным доказательством его измены. По просьбе эсеровских руководителей Лопухин выехал к ним в Лондон. Там 10 декабря 1908 г. в гостиницу «Уолдорф-отель» к нему явились члены ЦК партии социалистов-революционеров В.М. Чернов, Б.В. Савинков и А.А. Аргунов. Лопухин рассказал им все, что знал об Азефе, поведав гораздо более, чем сказал Бурцеву.

Вследствие этих сенсационных разоблачений разразились два тесно связанных между собой скандала – в революционной среде в связи с предательством Азефа, в

правительственной – в связи с предательством бывшего директора Департамента полиции и его сотрудничеством с террористами. По возвращении в Петербург Лопухин был арестован и 28–30 апреля 1909 г. был судим Особым присутствием Правительствующего сената. Сам Лопухин оправдывал разглашение революционерам секретной информации своими нравственно-религиозными убеждениями. Судьи единодушно признали его виновным и приговорили к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы сроком на пять лет. После поданной апелляции отдел кассаций Сената смягчил приговор, заменив каторгу ссылкой на поселение в Сибирь, которое Лопухин отбывал в Красноярске. 4 декабря 1912 г., когда бывшему директору Департамента полиции оставалось еще два года поселения, он был амнистирован и восстановлен в правах, что было приурочено к манифесту 21 февраля 1913 г. по случаю 300-летия дома Романовых. Из Сибири он приехал в Москву, где поступил на службу вице-директором отделения Санкт-Петербургского международного коммерческого банка (по другим данным, Сибирского торгового банка).

Когда в 1917 г. некогда защищаемое им самодержавие пало и к власти пришло Временное правительство, Лопухин дал письменные показания Чрезвычайной следственной комиссии. После прихода к власти большевиков он продолжал жить в Москве, написал в этот период мемуары, после чего беспрепятственно выехал за границу и в 1928 г. умер в Париже.

МАНАСЕВИЧ-МАНУЙЛОВ Иван Федорович (1869–1918). Надворный советник. Чиновник Департамента полиции, сотрудник контрразведки.

Выходец из бедной еврейской семьи, отец его был по приговору суда за подделку акцизных бандеролей сослан в Сибирь на поселение, где Иван в 7 лет был усыновлен богатым сибирским купцом Мануйловым. Принял лютеранство, окончил реальное училище в Петербурге, поступил на службу в Департамент духовных дел. С 1890 г. – сотрудник в газетах «Новое время» и «Новости» и одновременно в Санкт-Петербургском охранном отделении. В качестве секретаря редакции газеты «Новости» в 1894 г. ездил в Париж для сбора по поручению Санкт-Петербургского охранного отделения сведений о положении заграничной агентуры. В 1899 г. назначен агентом Департамента духовных дел в Риме. Одновременно по поручению Департамента полиции вел с 1901 г. наблюдение за русскими революционными группами. В 1902–1903 гг. временно командирован, по приказанию Плеве, в Париж для информации и подкупа иностранной печати. В течение нескольких месяцев издавал в Париже газету «La revue russe».

Во время Русско-японской войны занимался за границей контрразведкой, устроив внутреннюю агентуру при японских миссиях в Гааге, Лондоне и Париже и добыв часть японского дипломатического шифра.

В 1905 г. был поставлен во главе организованного им отдела Департамента полиции, в задачи которого входила, кроме наблюдения за иностранными шпионами, добыча шифров иностранных государств, причем, по его словам, им были получены шифры Америки, Китая, Болгарии и Румынии. С назначением генерала Д.Ф. Трепова товарищем министра внутренних дел и П.И. Рачковского – заведующим политической частью Департамента полиции Манасевич-Мануйлов был освобожден от своих обязанностей и откомандирован в распоряжение председателя Совета министров графа С.Ю. Витте. 1 сентября 1906 г. уволен в отставку, после чего занимался журналистикой в «Новом времени» и «Вечернем времени».

21 января 1910 г. по распоряжению генерала П.Г. Курлова у Манасевича-Мануйлова был произведен обыск, ввиду поступивших сведений о его контактах с В.Л. Бурцевым и продаже ему секретных документов Департамента полиции, но обыск оказался безрезультатным и дальнейших последствий не имел.

В 1915 г. Манасевич-Мануйлов был личным информатором С.П. Белецкого, осведомителем следственной комиссии генерала Батюшина и одним из близких к

Распутину людей. В конце того же года причислен к Министерству внутренних дел, а после назначения в январе 1916 г. Б.В. Штюрмера председателем Совета министров откомандирован в его распоряжение. Петроградским окружным судом 13–18 февраля 1917 г. по обвинению в шантаже товарища директора Московского соединенного банка И. Хвостова был признан виновным в мошенничестве и приговорен к лишению всех особых прав и преимуществ и к заключению на 1,5 года. 27 февраля 1917 г. при пожаре тюрьмы был в числе прочих заключенных освобожден.
После Октябрьской революции пытался бежать с документами на имя иностранного гражданина за границу, но на финляндской границе был узнан одним из членов пограничной комиссии и арестован. Расстрелян ВЧК.

МОЛЛОВ Русчу (Гавриил) Георгиевич (1867–1925). Директор Департамента полиции в 1915 г.
Происходил из семьи землевладельцев Полтавской губернии. По национальности болгарин. После окончания Императорского училища правоведения в 1889 г. служит в Орловском окружном суде. В дальнейшем исполняет должности товарища прокурора Полтавского, Ярославского, Московского окружных судов, прокурора Полтавского суда, прокурора Одесской судебной палаты. В 1912 г. – действительный статский советник. Награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Владимира 3-й степени, Св. Станислава 1-й степени.
В сентябре 1915 г. Моллов назначается директором Департамента полиции, однако в связи с вступлением Болгарии в войну на стороне возглавляемого Германией Четвертого союза в ноябре этого же года освобождается от руководства государственной безопасностью Российской империи. В сенаторы произведен не был; в 1916 г. – член Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия. В 1918 г. на Украине при гетмане Скоропадском он – главноуправляющий на правах министра по ликвидации общеземских и общегородских учреждений.

ПЕТРОВ Николай Иванович (1841–1905). Директор Департамента полиции в 1893–1895 гг.
Происходил из мелкопоместной дворянской семьи Саратовской губернии. После смерти матери во время эпидемии холеры в семилетнем возрасте был отдан на воспитание в Александровский кадетский корпус в Царском Селе, после чего продолжил образование в Аракчеевском кадетском корпусе и Константиновском военном училище, которое окончил первым в своем выпуске. В звании поручика в июне 1860 г. определяется в лейб-гренадерский Екатеринославский Его Величества полк. Мечтая о военной карьере, в том же году поступает вольнослушателем в Московский университет для лучшей подготовки к поступлению в военную академию.
Способности молодого поручика были замечены, и в августе 1862 г. он был направлен в Николаевскую академию Генерального штаба «для образования в высших военных науках». Учился отлично, за время учебы был произведен в чин штабс-капитана, а затем капитана. Окончив по первому разряду академию, в ноябре 1864 г. был причислен к Генеральному штабу и назначен на службу в Московский военный округ. Спустя год становится младшим помощником «распорядительного по войскам Отделения Главного управления Генерального штаба». 1 января 1867 г. следует новое назначение – столоначальником 2-го отделения Генерального штаба. За период службы в Генштабе Петров наблюдал за перевозкой водным путем молодых солдат в Кавказскую армию по Волге и Каме, Черному, Азовскому и Каспийскому морям, одновременно исследуя эти маршруты в военном отношении; в качестве адъютанта члена Военного совета генерал-адъютанта барона Врангеля принимал участие в инспектировании войск Московского военного округа. В 1870 г. в чине подполковника состоит при Главном штабе штаб-офицером, вновь наблюдает за перевозкой войск по Черному и Азовскому морям.

В апреле 1871 г. производится в чин полковника. В ноябре 1873 г. назначается начальником отделения Главного штаба. В последующие годы принимает участие в разработке Устава о всеобщей воинской повинности, состоит членом комиссии по составлению правил об организации Государственного ополчения и др. В 1879 г. командируется военным министром в Астраханскую губернию и на Кавказ для подготовки предложений о привлечении к воинской повинности инородческого населения. В апреле 1880 г. производится в чин генерал-майора и получает новое назначение – начальником штаба Восточно-Сибирского военного округа. На новом месте службы Петров много внимания уделяет укреплению восточных рубежей Российской империи, развитию военной инфраструктуры округа, исследует Приморскую область с точки зрения организации обороны края на случай обострения отношений с Китаем. В качестве представителя от Военного министерства входит в особую секретную комиссию для обсуждения мер, направленных к устранению беспорядков в высших учебных заведениях, в мае 1883 г. назначается докладчиком Особого совещания под председательством генерал-адъютанта графа Баранова «для обсуждения политического и военного положения России на побережье Великого (Тихого. — Прим. авт.) океана и в Приамурском крае и для выяснения предстоящих правительству на этих окраинах государственных задач, а также гражданских, экономических и военных мер по упрочению русского там положения». По результатам работы совещания было принято решение о разделении Восточной Сибири на два генерал-губернаторства – Иркутское и Приамурское. По возвращении из командировки в сентябре 1883 г. назначается астраханским губернатором и наказным атаманом Астраханского казачьего войска.

В январе 1884 г. назначается на должность начальника штаба Отдельного корпуса жандармов с оставлением по Генеральному штабу. В 1885–1886 гг. проводит широкомасштабную инспекцию вверенных ему частей – Московского губернского жандармского управления и Московского жандармского дивизиона; Киевского, Орловского, Харьковского, Минского жандармских управлений на железных дорогах, некоторых губернских жандармских управлений, а также частей и управлений Корпуса жандармов в Финляндии и на Кавказе. В 1887–1891 гг. вновь инспектирует жандармские полицейские управления на железных дорогах. В августе 1891 г. производится в чин генерал-лейтенанта. После того как в 1893 г. разразился скандал с «Дурново-бразильским», перед Александром III встает вопрос о том, кого назначить новым директором Департамента полиции, и после недолгих раздумий он останавливает выбор на начальнике штаба Отдельного корпуса жандармов. На новом посту, по отзывам современников, Петров проявил себя талантливым администратором, умело сочетавшим необходимую строгость и глубокую справедливость по отношению к подчиненным. Следует отметить, что именно в период его руководства Департаментом полиции становится полицейским осведомителем знаменитый впоследствии Евно Азеф. Последний анонимно предложил свои услуги полиции еще при П.Н. Дурново, обещая доносить на русских студентов, обучающихся в германском городе Карлсруэ, где он учился в политехникуме. В департаменте довольно быстро установили личность неизвестного добровольца, и ему был дан ответ, что полицию интересует не деятельность студенческого кружка, а «доставление достоверных и точных сведений об отправке в Россию транспортов запрещенных изданий, с указанием, когда, куда, каким путем, по какому адресу и через кого именно они пересылаются». Хотя таких сведений провокатор не имел, однако обещал их добыть и запросил сравнительно небольшое жалованье за свою работу. Руководитель министерства, «имея в виду значительную пользу, которую можно извлечь из этого сотрудника», ответил согласием, и зловещая карьера этого двойного предателя, принесшего немалый вред как Российской империи, так и революционному движению, началась.

В 1895 г. Петров был переведен на пост начальника Главного управления почт и телеграфов. 1 января 1903 г. назначается членом Государственного совета и работает в

Департаменте законов этого высшего законодательного органа Российской империи. Был награжден орденами Св. Станислава 3-й и 1-й степеней, Св. Анны 3-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 4-й, 3-й и 2-й степеней, Белого Орла, Св. Александра Невского и иностранными орденами.

ПЛЕВЕ Вячеслав Константинович (1846–1904). Директор Департамента полиции в 1881–1884 гг.; министр внутренних дел в 1902–1904 гг.
Сын провинциального школьного учителя, до 20 лет германский подданный, Вячеслав Плеве в 1863 г. с золотой медалью заканчивает Калужскую Николаевскую гимназию и поступает на юридический факультет Московского университета. Завершив университетский курс, в 21 год определяется кандидатом на судебные должности при прокуроре Московского окружного суда. Начав восхождение по служебной лестнице с низшего чина – коллежского секретаря – и не имея в чиновном мире ни связей, ни влиятельных покровителей, молодой кандидат должен был рассчитывать только на свои способности. Близко знавший его сенатор Е.М. Феоктистов позднее отмечал: «Он совмещал в себе немало достоинств – значительный ум, громадную память и способность работать без отдыха; не было такого трудного дела, которым он не в состоянии был бы овладеть в течение самого непродолжительного времени. Нечего, следовательно, удивляться, что он быстро сделал карьеру, на всяком занимаемом им месте он считался бы в высшей степени полезным деятелем...» Советский историк П.А. Зайончковский на основании многочисленных отзывов констатировал: «Ум, энергия и деловые качества Плеве, его лошадиная работоспособность весьма положительно расценивались современниками. Но вместе с тем человек этот был крайнего честолюбия, типичный чиновник, лишенный твердых взглядов и убеждений». С 1868 г. в течение более чем десяти лет Плеве занимает различные должности во Владимирском, Тульском, Вологодском губернских и окружных судах, Варшавской судебной палате. В июле 1879 г. последовало новое перемещение по службе, предопределившее его дальнейшую судьбу: способный 33-летний юрист назначается исправляющим должность прокурора Санкт-Петербурга с одновременным производством в коллежские советники. В этой должности он состоял, когда С. Халтурин осуществил свой террористический акт, и, докладывая о ходе расследования по делу о взрыве в Зимнем дворце, стал лично известен императору. Александр II обратил внимание на молодого прокурора, способного, не извлекая бумаг из портфеля, более часа свободно излагать дело по памяти со всеми подробностями. Царь не преминул указать на понравившегося ему чиновника «диктатору сердца» Лорис-Меликову как на человека исключительных способностей, заслуживающего особого внимания. В качестве исправляющего должность прокурора Санкт-Петербурга Плеве находился и 1 марта 1881 г., когда народовольцы убили Александра II. Естественно, он немедленно включился в расследование и в марте–апреле по ордеру министра юстиции исполнял обязанности прокурора при Особом присутствии Правительствующего сената, занимавшегося этим делом. Усердие его на этом посту было отмечено, и 12 апреля он был произведен в чин действительного статского советника.
Отставка И.О. Велио освободила место директора Департамента полиции, и перед новым императором и сохранявшим еще власть Лорис-Меликовым встал вопрос о кандидатуре на этот чрезвычайно важный в сложившиеся условиях государственный пост. Министр внутренних дел сделал правильный выбор, рекомендовав на эту должность усердного прокурора: «Служебные и нравственные качества г. Плеве служат достаточным ручательством, что и в новую сферу деятельности он внесет ту же энергию и разумное отношение к делу, каким постоянно отличалось его служение по ведомству судебному». На Александра III и его окружение Плеве также поначалу произвел весьма благоприятное впечатление. Однако своим возвышением он был обязан не только деловым качествам, но и беспринципности, способности ловко подлаживаться под мнение очередного начальства. Когда император с течением времени раскусил эту сторону своего

руководителя государственной безопасности, его мнение насчет его достоинств изменилось. Но ко времени назначения приспособленчество и безыдейность Плеве были неизвестны Александру III, и 15 апреля 1881 г. он становится директором Департамента полиции. На новом месте службы недавний прокурор без устали работает день и ночь, и во многом благодаря его энергии «Народная воля» была окончательно разгромлена, раскрыты и уничтожены другие многочисленные революционные организации. Подобного феноменального результата директор Департамента полиции смог добиться благодаря созданию системы провокации в таких масштабах и формах, каких Россия еще не знала. Как отмечают специалисты, при нем впервые возникает система двойных агентов, среди которых наиболее известными стали Сергей Дегаев и Евно Азеф. Непосредственным проводником новой политики в сфере государственной безопасности стал Г.П. Судейкин, с начала 1881 г. заведовавший агентурой Санкт-Петербургского охранного отделения, а со следующего года ставший жандармским подполковником и инспектором тайной полиции. Этот свободомыслящий и образованный жандармский офицер и одновременно непревзойденный мастер политической провокации производил немалое впечатление на недостаточно стойких в своих убеждениях революционеров, которых он соблазнял исторической ролью посредников на переговорах между правительством и революционерами. Попавшему к нему члену Исполнительного комитета «Народной воли» Дегаеву, например, Судейкин заявил следующее: «Я знаю, что вы мне ничего не скажете, и не для того я позвал вас, чтобы задавать вам бесполезные вопросы. У меня другая цель относительно вас... То, что я вам предлагаю, заключается в следующем: правительство желает мира со всеми, даже с революционерами. Оно готовит широкие реформы. Нужно, чтобы революционеры не препятствовали деятельности правительства. Нужно их сделать безвредными. И помните, ни одного предательства, ни одной выдачи я от вас не требую». Стоит отметить, что идея переговоров с враждебным лагерем не была инициативой жандармского подполковника – уже с конца 1881 г. Плеве вел переговоры с О.С. Любатович, а по ее рекомендации и с членом Исполнительного комитета «Народной воли» Г.Г. Романенко, желая узнать условия, на которых революционная партия согласна прекратить террор. Помимо провокации, Г.П. Судейкин значительно усовершенствовал политический сыск и ввел в него целый ряд других новшеств. Он категорически запретил немедленный арест выслеженного революционера и требовал от подчиненных путем неспешного всеохватывающего наблюдения установить весь круг его связей, а затем разом брать всю группу. Наряду с внедрением провокаторов в подпольные организации, действующие на свободе, Судейкин использовал своих агентов и против уже арестованных подпольщиков. Посаженные в соседние камеры провокаторы перестукивались с соседями и, называя себя фамилиями других революционеров, добывали у последних ценную информацию.

Взятая на вооружение Плеве и Судейкиным новая система на первом этапе оказалась весьма эффективной и приносящей зримые плоды. В ночь на 5 июня 1882 г. Судейкин провел в Санкт-Петербурге небывалую по масштабам облаву и за один раз арестовал 120 революционеров, практически обезглавив «Народную волю». Во главе обескровленного революционного движения жандармский подполковник предусмотрительно планировал поставить завербованного им Дегаева, которому устроил «героический побег» из заключения. Поскольку почти все руководители подпольной организации были арестованы, провокатор должен был стать ее полновластным руководителем, а все лавры за последующий ее разгром должны были принадлежать Судейкину. Однако хитроумно задуманный план Судейкин не успел реализовать. Разоблаченный своими прежними товарищами-революционерами, Дегаев сознался в предательстве и, спасая себе жизнь, обязался устранить своего хозяина, в котором народовольцы видели главную для себя опасность. С помощью Дегаева террористам удалось заманить жандармского подполковника в засаду и убить его 16 декабря 1883 г. Такая гибель своего самого

ценного сотрудника, безусловно, поразила директора Департамента полиции, но тем не менее не отвратила от выработанной новой системы.
Помимо текущей работы по ликвидации революционного подполья, руководитель государственной безопасности в силу занимаемой должности активно работал в Комиссии по подготовке «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Разработанный документ предусматривал возможность введения в отдельных губерниях исключительного положения двух степеней – состояния усиленной охраны губернии и состояния чрезвычайной охраны. При любом из вариантов полномочия как местных властей, так и Министерства внутренних дел резко расширялись, а сам министр наделялся практически неограниченными правами. Согласно положению, власти получали право запрещать «народные общественные и даже частные собрания», закрывать торговые и промышленные заведения, органы печати, обыскивать, арестовывать, учреждать особые военно-полицейские команды, передавать дела на рассмотрение военных судов. Само положение было утверждено 14 августа 1881 г. и первоначально вводилось как временное, сроком на три года, но его действие постоянно продлевалось, и оно просуществовало вплоть до Февральской революции 1917 г., оставаясь «одним из самых устойчивых основных законов Российской империи». К началу XX в. режим усиленной охраны распространялся на губернии, в которых проживало более трети населения России. Таким образом, директор Департамента полиции сам во многом разрабатывал те юридические нормы, которые впоследствии определяли условия работы его ведомства.
Не секрет, что Плеве считал, что если правительство «не в силах изменить исторического течения событий, ведущего к колебанию государства, то оно обязано поставить ему преграды». Все это давало основание части современников, и в первую очередь С.Ю. Витте, утверждать, что Плеве «не может придумать никаких мер для устранения общественного возмущения, кроме мер полицейских, мер силы или мер полицейской хитрости». Мнение это на первый взгляд опровергается запиской с анализом внутренних причин развития революционных настроений в обществе, поданной Плеве новому (с 1882 г.) министру внутренних дел Д.А. Толстому. В ней Плеве в качестве духовного противовеса революционной идеологии выдвигал «другую, подобную же силу – силу религиозно-нравственного перевоспитания нашей интеллигенции». Казалось бы, данное положение опровергает выше приведенное высказывание С.Ю. Витте. Однако, учитывая безыдейно-карьеристские наклонности Плеве, сомнительно, чтобы оно отражало его действительные убеждения. Скорее всего, составляя записку, он, как всегда, просто подлаживался под взгляды своего начальника – Д.А.Толстого, который, прежде чем стать министром внутренних дел, долгие годы занимал должность обер-прокурора Синода. Во всяком случае, в своей повседневной деятельности в сфере государственной безопасности никаких попыток к «религиозно-нравственному перевоспитанию» интеллигенции Плеве не предпринимал, ограничиваясь одним лишь полицейским надзором. Когда, например, по прошению детей Чернышевского Александр III согласился перевести их отца из Сибири в Астрахань, то Плеве шифрованной телеграммой предписал начальнику Астраханского жандармского управления Головину «иметь особых негласных агентов, на коих возложить постоянный надзор за действиями Чернышевского, так как с его стороны могут быть попытки побега... Распорядитесь снять с него фотографические карточки, коими... снабдить, по соглашению с губернатором, полицейских чинов и жандармов... Примите также меры, чтобы попытка бегства морем не могла иметь места». По приезде в Астрахань к Чернышевскому были приставлены три агента, один из которых поселился рядом с ним и негласно наблюдал за образом его жизни, его занятиями и знакомствами, следил за посещающими его лицами. Подобной деятельностью Плеве как министр Д.А. Толстой, так и император остались довольны.
20 июля 1884 г. в возрасте 38 лет Плеве назначается сенатором и на время оставляет службу в ведомстве государственной безопасности. В начале следующего года с

оставлением в звании сенатора Александр III назначает его товарищем министра внутренних дел. Когда 25 апреля 1889 г. умер министр внутренних дел Д.А. Толстой, перед императором встал вопрос о его преемнике. Александру III пришлось выбирать из двух кандидатов на этот пост – И.Н. Дурново и В.К. Плеве. Предпочтение в конечном итоге было отдано первому, поскольку многие приближенные царя запугивали его, называя бывшего директора Департамента полиции «чарующим, но страшно умным человеком» и «умным и ловким, как Вельзевул». Для честолюбивого Плеве это был, безусловно, сильный удар, однако он остался товарищем министра при своем более удачливом сопернике. Как отмечал отнюдь не расположенный к нему С.Ю. Витте, фактически всю работу по руководству министерством при Дурново вел его заместитель.

Новый этап карьеры Плеве начинается с января 1894 г., когда он назначается государственным секретарем с оставлением в звании сенатора. В мае 1896 г. он был пожалован в статс-секретари Его Императорского Величества. На новом посту участвует в работе разнообразных законосовещательных органов и комиссий: по делам дворянского сословия, рассмотрению проекта уголовного уложения (член с 3 июня 1898 г.) и др. С августа 1899 г. исправляет должность министра статс-секретаря Великого княжества Финляндского, энергично проводит политику русификации и объединения Финляндии с Российской империей, активно поддерживая деятельность в этом направлении генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобрикова. Плеве был награжден орденами Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 3-й и 2-й степеней, Белого Орла и Св. Александра Невского.

Тем временем вновь оказалась свободной должность министра внутренних дел после убийства эсером Балмашевым занимавшего этот пост Сипягина. Благодаря поддержке влиятельного при дворе князя В.П. Мещерского Николай II в апреле 1902 г. назначает на нее Плеве. На новом посту он проявил себя сторонником жесткой линии по отношению ко всем оппозиционным движениям, жестоко подавив выступления крестьян в Подольской и Харьковской губерниях, разогнав ряд земств и нанеся чувствительные удары партии эсеров. В мае 1903 г. министр вводит институт уездной полицейской стражи, заменившей прежнюю сельскую полицию. Директором Департамента полиции он назначает А.А. Лопухина и первоначально дает добро начальнику Московского охранного отделения С.В. Зубатову на его эксперименты с «полицейским социализмом», имевшим целью вывести рабочее движение из-под влияния революционеров и поставить под контроль полиции.

Очень скоро выяснилось, что на министерском посту Плеве не устраивал ни значительную часть правящей элиты, ни либеральное общество, ни, разумеется, революционеров. Уже сама его фамилия стала в обществе предметом каламбуров и всевозможных насмешек: «плевое министерство», «плевый проект», «плевки» – сторонники Плеве, «плевела» – его мысли и мероприятия и т.д.

Заняв пост своего убитого предшественника Сипягина, Плеве не мог не понимать, что и сам является одной из наиболее притягательных мишеней для террористов. Отдавая себе отчет в этой опасности, министр внутренних дел перестал ходить пешком днем и гулял лишь ночами в сопровождении пяти-шести агентов. Понятно, что революционеры ненавидели каждого министра внутренних дел как конкретного проводника направленной против них карательной политики самодержавия. Однако после Кишиневского погрома в апреле 1903 г., во время которого погибло 40 евреев и 3 христианина, ненависть революционеров (многие из которых сами были евреями) к Плеве, которого они считали главным виновником этого события, выросла неимоверно. Возглавлявший «боевую организацию» партии эсеров Евно Азеф решил любой ценой убить лично ненавистного ему министра. То обстоятельство, что он сам с 1892 г. работал на Департамент полиции, не остановило провокатора. По его приказу террористы устраивают самую настоящую охоту за министром внутренних дел.

Организация «казни» Плеве была поручена знаменитому впоследствии террористу Б. Савинкову. Согласно плану Азефа эсеровские боевики установили слежку за маршрутом и точным временем передвижений министра внутренних дел, который жил в здании Департамента полиции на Фонтанке и каждую неделю по четвергам ездил на доклад к Николаю II. Однако первая попытка покушения 18 марта 1904 г. сорвалась из-за трусости сбежавшего с места предполагаемого теракта Боришанского и недостаточной сноровки Е. Сазонова, другого бомбиста. Также не удалась и следующая попытка 8 июля: Сазонов опоздал к месту сбора метальщиков, в результате чего произошла неразбериха при раздаче бомб. Наконец, 15 июля настойчивость социалистов-революционеров была вознаграждена. В половине десятого утра Плеве в своей бронированной карете выехал с министерской дачи на Аптекарском острове и направился на Балтийский вокзал, чтобы оттуда проследовать в Петергоф на обычный четверговый доклад императору. Дальнейшее со знанием дела описал жандармский полковник А.И. Спиридович: «Сзади насилу поспевала одиночка (коляска, запряженная одной лошадью. — Прим. авт.) с чинами охраны. Сбоку катили велосипедисты охраны. Вытягивалась полиция, шарахались извозчики, оглядывалась публика. А навстречу министру... спокойно шли с бомбами направленные Савинковым трое боевиков. Недалеко от моста через Обводный канал наперерез карете свернул с тротуара некто в железнодорожной форме со свертком под мышкой. Он у кареты. Он видит пристальный, угадывающий судьбу взгляд министра. Взмах руки – сверток летит в карету, раздается взрыв. Министр убит. Убит и кучер, и лошади. Бронированная карета разнесена в щепы. Бросивший бомбу Егор Сазонов сбит с ног охранником-велосипедистом и ранен взрывом». От террористического акта пострадало около 20 человек.

Показательна реакция различных общественных сил, последовавшая на это убийство. Узнав о случившемся, Николай II записал в своем дневнике: «В лице доброго Плеве я потерял друга и незаменимого министра внутренних дел. Строго Господь посещает нас Своим гневом... На то Его святая воля!» Совершенно иной была реакция социалистов-революционеров. Когда об убийстве министра стало известно из печати, недалеко от Женевы проходил съезд заграничных секций партии эсеров. Присутствовавший на нем боевик С. Слетов так описывал произведенное этой вестью впечатление: «На несколько минут воцарился какой-то бедлам... Большинство обнималось. Кричали здравицы... Как сейчас вижу Н. (так автор обозначал Азефа. — Прим. авт.): стоит в стороне, бьет о пол стакан с водой и со скрежетом зубов кричит: «Вот тебе за Кишинев!» Организатора удачного покушения все приветствовали как триумфатора, а «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская, не любившая ни евреев, ни террористов и величавшая за глаза Азефа «жидовской мордой», на сей раз поклонилась ему до земли». Что же касается восприятия случившегося основной массой общества, то оно исчерпывающе характеризуется двумя достаточно беспристрастными авторами. В.П. Обнинский констатировал: «Убийства министров внутренних дел Сипягина и Плеве произвели странное впечатление на петербургское население. Оно положительно, хотя и молча, одобряло эти ужасные акты...» Л. Тихомиров в дневнике записал: «...О самом Плеве я не слыхал ни одного слова сожаления... Никому он не сделал добра. Всем надоел».

САБУРОВ Николай Николаевич (1846 – год смерти неизв.). Директор Департамента полиции в 1895–1896 гг.

Происходил из мещанской семьи. После окончания юридического факультета Московского университета в 1867 г. в течение 10 лет служит в Московском, затем в Пензенском окружных судах. В декабре 1877 г. в чине надворного советника вступает в должность прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, в 1879 г. производится в чин коллежского советника. После убийства народовольцами Александра II 4 марта 1881 г. назначается товарищем обер-прокурора Первого департамента Правительствующего сената. В феврале 1885 г. занимает пост вице-директора

Департамента полиции. В 1886 г. проводит ревизию прохождения дел о государственных преступлениях в Таврическом, Харьковском и Московском губернских жандармских управлениях. Одновременно является представителем от Министерства внутренних дел и Департамента полиции в различных следственных и законодательных комиссиях, в частности, участвует в разработке проекта «Положения об устройстве и содержании промышленных заведений и о надзоре за производством в них работ». Был награжден орденами Св. Станислава 2-й и 1-й степеней, Св. Анны 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 3-й и 2-й степеней.
В июле 1895 г. Сабуров назначается директором Департамента полиции и с 1 января 1896 г. производится в чин тайного советника. В апреле 1896 г. он увольняется с этого поста. Дальнейшие сведения о нем отсутствуют.

ТРУСЕВИЧ Максимилиан Иванович (1863 – год смерти неизв.). Директор Департамента полиции в 1906–1909 гг.
Происходит из дворян Черниговской губернии. После окончания Императорского училища правоведения с чином коллежского секретаря 14 мая 1885 г. поступил на службу кандидатом на судебные должности при прокуроре Санкт-Петербургской окружной палаты. До ноября 1901 г. служит в Северной столице, затем назначается прокурором Новгородского окружного суда. В январе 1902 г. становится товарищем прокурора Петербургской судебной палаты. Вскоре командируется в Уфимскую губернию наблюдать за производством дознания по делу об убийстве губернатора Богдановича. 1 января 1905 г. «за отличие» производится в действительные статские советники.
13 июня 1906 г. Трусевич был утвержден на пост директора Департамента полиции. Начальник Московского охранного отделения полковник А.И. Мартынов дал следующую характеристику своего начальника: «Выше среднего роста, худощавый, исключительно элегантный шатен с тонкими чертами лица, чуть коротковатым тонким носом, щетинистыми усиками, умными, пронизывающими и несколько насмешливыми глазами и большим открытым лбом. Трусевич являл собою тип европейского светского человека. Он был живой, даже порывистый в движениях, без типично русских манер. Даже многочисленные недруги его никогда не отказывали ему в остроте мышления, знании дела и трудоспособности, докладывать ему дела, самые запутанные и сложные, было просто удовольствием – он понимал все с полуслова... Он схватывал сущность дела сразу и давал ясные указания. Он был по своему характеру замечательным мастером розыска, тонким психологом, легко разбиравшимся в людях. Политическая карьера его окончилась с выяснением роли Азефа и переменами в Министерстве... С его уходом правительство потеряло исключительного человека «на своем месте». На Витте новый глава государственной безопасности произвел совсем другое впечатление: «С этим Трусевичем я довольно близко познакомился в тот день, когда у меня была в доме обнаружена адская машина. Тогда он приезжал и очень интересовался этим делом, у меня завтракал, и я сразу понял, что Трусевич – человек, которому доверять нельзя. Это тип полицейского сыщика-провокатора». При оценке этого свидетельства, однако, следует иметь в виду, что, по мнению многих современников, покушение на жизнь Витте было инсценировано им самим, и, по всей видимости, новый директор Департамента полиции раскусил этот маскарад, чем и объясняется столь сильная антипатия к нему автора мемуаров.
Встав во главе государственной безопасности, ее новый энергичный руководитель начинает приводить этот институт в соответствие с требованиями времени. 1 июля 1906 г. Трусевич рассылает на места секретный циркуляр о необходимости оперативно пресекать и подавлять любые призывы к новым антиправительственным выступлениям. Вскоре начинает масштабную работу по изменению структуры политического сыска в целом. Создаются новые учреждения – районные охранные отделения, усиливается их сеть. Изучив все тонкости новой сферы деятельности, директор Департамента полиции подает министру внутренних дел П.А. Столыпину записку «О реорганизации политического

розыска в связи с усилением революционного движения в России». Анализ сложившейся ситуации привел Трусевича к выводу о том, что «образование противоправительственных центров стоит в несомненной зависимости от степени успешности борьбы с крамолой со стороны тех или других местных розыскных органов власти, причем революционеры избирают пунктами сосредоточения руководящих организаций обыкновенно те местности, в которых жандармские и полицейские учреждения выказывают более или менее постоянную неумелость или небрежность по выполнению своих обязанностей». В свете этого предлагалось «существенно изменить постановку политического расследования сообразно революционных фракций», создать несколько центральных розыскных органов и провести изменения в организации Особого отдела, работа которого строилась «по районам географического значения», что мешало ему «иметь ясное представление о деятельности партий». Также главой политического сыска был поставлен вопрос о кадрах, внутренней агентуре и наружном наблюдении, намечена программа действий, которая с согласия П.А. Столыпина стала проводиться в жизнь. Помимо расширения сети охранных отделений, Трусевич развивает бурную деятельность по подбору способных кадров, вводя жандармских офицеров в Департамент полиции, сосредоточивая в одном ведомстве всех, кто имел склонность к работе по политическому сыску и мог успешно руководить ею. При этом активно выдвигались на руководящие посты молодые офицеры, имеющие призвание и практический опыт в этой сфере.

В начале 1908 г. Трусевич ходатайствует перед министром внутренних дел о создании в составе Департамента полиции новых структурных частей – Инспекторского отдела и Уголовно-сыскной части. Необходимость образования первого была вызвана тем, что после подавления революции работа местных органов политического сыска заметно ослабла и их сотрудники часто игнорировали присылаемые из центра директивы. Что же касается Уголовно-сыскной части, то ее учреждение было обусловлено резким ростом уголовных преступлений в послереволюционную эпоху. Доводы директора Департамента полиции были признаны убедительными, и в марте 1908 г. два новых подразделения были созданы. Стремясь как можно лучше знать действительные или потенциально оппозиционные существующему строю силы, Трусевич потребовал от своих сотрудников «составить особый сборник уставов всех революционных и профессиональных организаций». Что касается подпольных организаций, то он распорядился активизировать работу служб наружного наблюдения и внутренней агентуры и ускорить их разгром, способствуя радикализации их программ. Проведенный комплекс мер в этом отношении принес свои результаты, и, в частности, Московский и Московский окружной комитеты РСДРП в период с июня 1907 г. по ноябрь 1910 г. подвергались разгрому 11 раз.

Что касается причин ухода Трусевича из Департамента полиции, то, по мнению исследовательницы проблемы З.И. Перегудовой, приводившееся выше утверждение полковника А.П. Мартынова о связи этого события в разоблачением Е. Азефа верно лишь отчасти. Основная причина заключалась в том, что в марте 1909 г. на должность товарища министра внутренних дел, которую руководитель государственной безопасности желал получить, был назначен не он, а его подчиненный П.Г. Курлов, вице-директор Департамента полиции. В силу этого Трусевич почувствовал себя обойденным и подал в отставку. Отставка была принята. Бывший директор Департамента полиции был назначен сенатором.

Вскоре, однако, на бывшего руководителя политического сыска с учетом его знаний и способностей было возложено более ответственное поручение. Во время пребывания Николая II в Киеве там в театре произошло убийство премьер-министра П.А. Столыпина. 16 сентября 1911 г. император поручил Трусевичу расследование действий Киевского охранного отделения, а с 4 октября и всех других должностных лиц, принимавших участие в организации охраны и не предотвративших это громкое политическое убийство. Трусевич провел тщательное расследование, и по его итогам по обвинению «в бездействии власти, имевшем особо важные последствия», было решено предать суду

генерал-лейтенанта Курлова, статского советника Веригина, полковника Спиридовича и подполковника Кулябко. В январе 1913 г., когда обвинительный акт был уже готов, Николай II внезапно приказал прекратить дело в отношении первых трех обвиняемых. Перед судом предстал лишь подполковник Кулябко, осужденный всего на 16 месяцев, уменьшенных по высочайшему повелению до 4 месяцев.
С января 1917 г. Трусевич стал членом Государственного совета. Был награжден орденами Св. Станислава 3-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Анны 3-й, 2-й и 1-й степеней.
Дальнейшая судьба неизвестна, однако, по непроверенным данным, после Октябрьской революции он остался в Советской России, позднее был репрессирован.

Приложение 1
Районные охранные отделения и Охранные отделения

Положение о районных охранных отделениях, 14 декабря 1906 года

Совершенно секретно

§1
Для объединения и направления деятельности местных органов, ведающих политический розыск в Империи, учреждаются районные охранные отделения, действующие под непосредственным руководством и контролем директора Департамента полиции, через Особый отдел последнего.
§2
Районные охранные отделения учреждаются в следующих пунктах:
1. В Петербурге (Северное) – для губерний: Петербургской, Эстляндской, Псковской, Новгородской и Олонецкой.
2. В Москве (Центральное) – для губерний: Московской, Тверской, Ярославской, Вологодской, Архангельской, Костромской, Калужской, Тульской, Орловской, Владимирской, Рязанской и Нижегородской.
3. В Самаре (Поволжское) – для губерний: Самарской, Пермской, Вятской, Казанской, Симбирской, Уфимской, Саратовской, Оренбургской, Астраханской, Пензенской и Уральской области.
4. В Харькове (Юго-Восточное) – для губерний: Харьковской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Донской области, Черноморской и Екатеринославской.
5. В Киеве (Юго-Западное) – для губерний: Киевской, Черниговской, Полтавской, Подольской и Волынской.
6. В Одессе (Южное) – для губерний: Херсонской с городом Одессой, Таврической, Бессарабской и для надзора за всем побережьем Черного моря.
7. В Вильно (Северо-Западное) – для губерний: Виленской, Ковенской, Гродненской, Могилевской, Минской, Витебской и Смоленской.
8. В Риге (Прибалтийское) – для губерний: Лифляндской и Курляндской.

§3
Во главе охранных округов стоят начальники районных охранных отделений, каковые должности могут совмещаться с должностью начальника местного губернского жандармского управления или охранного отделения.
Примечание: Впредь до дальнейших изменений на начальников охранных отделений в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Вильно и Риге, а равно и на начальника Самарского губернского жандармского управления возлагаются обязанности начальников соответствующих районных отделений.

§4

Независимо от прав и обязанностей, возлагаемых на начальников районных отделений настоящей Инструкцией, они пользуются всеми правами начальников охранных отделений и руководствуются в своей деятельности по розыску установленной для начальников охранных отделений Инструкцией.
Занятия между служащими в канцеляриях районных охранных отделений должны распределяться по отдельным революционным организациям.

§5
С учреждением районных охранных отделений временное положение о начальниках охранных отделений, утвержденное 27 июня 1904 года, остается в силе впредь до изменения, но начальники местных охранных отделений поступают в непосредственное подчинение начальников районных отделений, которые и дают им, по требованию Департамента полиции, служебные аттестации.

§6
В округе районного отделения все органы, ведающие политическим розыском, а именно: губернские, уездные и полицейские жандармские управления и отделения, охранные отделения, начальники крепостных жандармских команд, чины городских и уездных полиций руководствуются, в деле розыска, указаниями начальника районного охранного отделения и исполняют все требования последнего по розыскной части и вытекающим из розыска следственным действиям. При этом начальники районных охранных отделений сносятся с чинами полиции, вне мест их квартирования, по возможности через местных начальников жандармских управлений или охранных отделений.
Все недоразумения, возникающие между начальниками Районных отделений и Жандармских управлений, разрешаются директором Департамента полиции.

§7
Одной из главнейших задач начальников районных охранных отделений является учреждение центральной внутренней агентуры, могущей освещать деятельность революционных сообществ вверенной его надзору области. Указания этой агентуры должны быть использованы для направления деятельности входящих в районы розыскных органов и в особенности тех, которые проявляют недостаточно успешную деятельность.

§8
Начальникам районных охранных отделений, в целях объединения деятельности входящих в район розыскных органов, предоставляется, с особого каждый раз разрешения Департамента полиции, созывать областные съезды лиц, непосредственно ведающих розыском. Вообще же рекомендуется возможно более живое общение розыскных органов и возможно частый личный обмен сведениями лиц, стоящих во главе розыска в соседних местностях, причем неуместная конспирация между лицами, призванными к исполнению одного и того же дела в данном районе, недопустима.

§9
Требования начальников районных охранных отделений о производстве обысков, осмотров, выемок и арестов для начальников Губернских жандармских управлений, их помощников и чинов жандармской железнодорожной, а равно общей и сыскной полиций, обязательны, причем арестованные зачисляются за подлежащим начальником Губернского жандармского управления.
Начальнику Управления или лицу, произведшему арест (если оно имеет право самостоятельного производства дознаний), должны быть переданы начальником районного охранного отделения в трехдневный срок все данные, послужившие основанием к задержанию данного лица. В случае неполучения этих сведений в течение

семи дней, по отношению к арестованному принимаются меры сообразно имеющимся в распоряжении местной власти основаниям к дальнейшему содержанию его под стражей.
В экстренных случаях, начальник районного охранного отделения обращает требование о производстве обысков, осмотров, выемок и арестов непосредственно к отдельным чинам Корпуса жандармов и чинам полиции, помимо начальников жандармских управлений.

§10
Агентурные сведения, имеющие значение в общественной жизни или требующие принятия немедленных мер вне округа данного районного охранного отделения, должны быть сообщаемы в Департамент полиции и начальникам районных охранных отделений непосредственно местными розыскными органами, по телеграфу, с добавлением в телеграммах, присылаемых Департаменту, слов: «району сообщено». Все же прочие агентурные указания немедленно доставляются в районные охранные отделения, по каждой организации отдельно, с указанием принятых мер и результатов разработки, или объяснением причин неисполнения последнего.
Начальники районных охранных отделений, сделав сводки по организациям по всему району, представляют таковые в Департамент полиции один раз в месяц, с изложением результатов разработки района и сделанных ими указаний на места.

§11
Начальники районных отделений, при посещении губерний, словесно осведомляют начальников губерний, жандармских управлений и прочих розыскных органов о ходе розыска, о положении революционного движения, сообщая о тех мерах, которые, по их мнению, необходимо предпринять. Этими же приездами начальники районных отделений пользуются для дачи личных указаний и чинам полиции, получив на это предварительно разрешение от губернатора.

§12
В интересах розыска начальники районных охранных отделений и командированные ими офицеры и чиновники для поручений пользуются всеми, имеющимися в местных жандармских управлениях, сведениями.
Они имеют доступ по всем делам (в том числе и производящимся во порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд.) и перепискам управления. В случае требования с их стороны им должны быть известны и секретные сотрудники как управления, так равно и охранных и железнодорожных отделений, и в случае надобности предоставлена возможность личных переговоров с таковыми. Если начальник районного отделения признает необходимым принять в свое ведение непосредственные сношения с наиболее серьезными сотрудниками, то местные органы оказывают в этом отношении полное содействие.

§13
Для надобностей розыска вне мест расположения районных охранных отделений начальники последних пользуются назначенными в их распоряжение чиновниками особых поручений, отдельными офицерами Корпуса жандармов и филерскими отрядами.
В случае необходимости произвести розыск в означенных местностях начальники районных охранных отделений, по соглашению с лицами, ведающими местный розыск, временно командируют в их распоряжение упомянутых чиновников, офицеров и филеров (или только филеров), которые и производят розыск согласно данным им начальником районного охранного отделения указаниям и в полном единении с местными органами, которые обязаны сообщать старшим из командированных все необходимые им сведения местной агентуры. Все установки лиц и адресов производятся местными властями. О назначении подобных командировок местные начальства обращаются непосредственно к начальникам районных охранных отделений.

§14
В целях усиления филерского состава на местах начальники губернских жандармских управлений обязаны выбрать лучших унтер-офицеров для подготовки к филерской службе, которые ни в каком случае не должны уже надевать форму. Таких унтер-офицеров-филеров должно быть не менее 2 человек при 10 унтер-офицерах штатного состава, а при большем составе – не менее половины всех остальных. В случае серьезной огласки деятельности таких филеров таковые немедленно, распоряжением начальника районного отделения, перемещаются в другие управления и отделения по представлению начальника районного отделения, директору Департамента полиции, для сношения со штабом Корпуса жандармов.

§15
В районных охранных отделениях, губернских жандармских управлениях и в охранных отделениях должна вестись, по установленным на сей предмет Департаментом полиции образцам, регистрация данных розыска:
а) Дневники агентурных сведений, доставляемых секретными сотрудниками, отдельно по каждой организации и к ним отдельный листковый алфавит лиц, упоминаемых в этих дневниках.
б) Дневники наружного наблюдения, с соответствующими сводками, отдельно по каждой организации.
в) Листковый алфавит лиц, сведения о коих имеются в данном управлении или отделении, а также и разыскиваемых лиц, по установленной форме.
г) Листковый алфавит домов, проходящих по наблюдению, агентуре или переписке, с выписками из домовых книг. (На листках трех цветов.)
д) Особые наряды по каждой организации отдельно, с образцами всех прокламаций данной фракции.
е) Особые дела по каждой организации отдельно (комитетские), куда подшиваются в хронологическом порядке все бумаги, имеющие значение для освещения деятельности данной партии и принимаемых против нее мер.
ж) Фотографический архив.
з) Схемы.
и) Библиотека нелегальных изданий, с алфавитным к ней каталогом. Образцы описанной регистрации при сем приложены.

§16
Начальники районных охранных отделений избираются директором Департамента полиции из числа штаб-офицеров Корпуса жандармов или других известных ему лиц и утверждаются в должности шефом жандармов.
Примечание. В случае необходимости директору Департамента полиции предоставляется право представлять к возложению исполнения этих должностей на местных начальников губернских жандармских управлений.

§17
Начальники районных охранных отделений, если они в то же время не состоят в должности начальников губернских жандармских управлений, при назначении их на эту должность откомандировываются в непосредственное распоряжение директора Департамента полиции; для получения же содержания от Интендантства офицеры, занимающие означенные должности, зачисляются в списки подлежащих жандармских управлений.

Офицеры для замещения других должностей в районных охранных отделениях назначаются тем же порядком и, по прибытии к месту служения, поступают в непосредственное подчинение начальника районного отделения.

§18
О лицах, назначенных на должности начальников районных охранных отделений, Департамент полиции сообщает штабу Корпуса жандармов для объявления в приказах по корпусу.

§19
Начальники Районных охранных отделений, а равно и заведующие таковыми начальники жандармских управлений, пользуются должностными печатями и бланками служебной переписки, присвоенными местным управлениям и отделениям, при коих учреждены Районные охранные отделения. Представления свои в Департамент полиции начальники Районных отделений адресуют на имя директора Департамента по I Особому отделу, что обязательно отмечается и на конвертах.

§20
Начальник районного охранного отделения имеет право отлучаться из места его квартирования в пределах района, не испрашивая разрешения, а лишь сообщив о цели и месте поездки в Департамент полиции. В случае же надобности выезда из пределов района испрашивает разрешение директора Департамента полиции.

§21
Личное присутствие начальников районных охранных отделений при обысках предоставляется их усмотрению. Кроме того, начальникам отделений предоставляется право командировать для присутствия при обысках и подведомственных им чинов, с правом давать в потребных случаях необходимые указания лицам, производящим обыски.

§22
Начальники районных отделений и командированные классные чины отделения, при разъездах по делам службы, получают прогонные деньги на общем основании, через Департамент полиции, по представлении установленных маршрутов поездок.
Источник: Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. СПб.; М., 2006. С. 76–82.

Положение об Охранных отделениях9 февраля 1907 года

Секретно

§1
В тех местностях Империи, где представляется необходимым создание отдельных розыскных органов, негласные расследования по делам о государственных преступлениях возлагаются на особо назначаемых для этой цели офицеров Корпуса жандармов или состоящих при Департаменте полиции чиновников, с образованием при них, в случае надобности, канцелярии, именуемой охранным отделением.
Примечание. Положение упоминаемых в этой инструкции лиц гражданского ведомства, назначаемых к должностям для розыскного дела, определяется особыми правилами.

§2
Район деятельности отделения составляют город, где оно находится, и те местности губернии, относительно коих последует особое указание Департамента полиции.

§3
Начальники охранных отделений, при определении на должность, назначаются в распоряжение директора Департамента полиции (1 п. 689 и 701 ст. III кн. Св. Воен. Пост.); для получения же содержания от Интендантства офицеры Корпуса жандармов, занимающие означенную должность, зачисляются в списки подлежащих губернских жандармских управлений приказами по корпусу жандармов.

§4
О назначении на должность начальников охранных отделений Департамент полиции сообщает подлежащим лицам и учреждениям.

§5
Начальники отделений осуществляют свои обязанности под высшим руководством Департамента полиции, который, ввиду лежащей на нем по закону (ст. 362. Т.1. 4.2 Свода законов и 656 ст. III кн. Св. Воен. Пост.) обязанности, ведает делами по охранению общественной безопасности и порядка и дает общее направление розыскной деятельности, распоряжаясь всем личным составом отделений. Вмешательство других учреждений и лиц, кроме Департамента полиции и начальников районных охранных отделений, в деятельность местных охранных отделений не может иметь места.
Примечание. Охранные отделения в гг. С.-Петербурге, Москве и Варшаве состоят в ведении подлежащих главных начальников полиции.

§6
Начальники охранных отделений в тех местностях (округах), где учреждены районные охранные отделения, подчиняются начальникам сих последних, руководствуются в своей деятельности их указаниями и исполняют все служебные требования начальника районного охранного отделения, согласно утвержденному 14 декабря 1906 г. Положению о районных охранных отделениях.

§7
Департамент полиции отпускает в непосредственное распоряжение начальников охранных отделений потребные суммы на содержание канцелярии, секретных и наблюдательных агентов и прочие расходы по розыску.
В израсходовании отпускаемых сумм начальники охранных отделений представляют отчеты непосредственно в Департамент полиции ежемесячно, не позже 15-го числа следующего месяца.

§8
Начальники отделений имеют в своем распоряжении письмоводителя и других служащих, согласно особым для каждого отделения расписаниям. Кроме того, в распоряжение начальников отделений, в случае надобности, могут быть командируемы Департаментом полиции офицеры Корпуса жандармов или чиновники для исполнения отдельных поручений.
Для практического ознакомления с делом политического розыска в охранные отделения могут быть назначаемы офицеры Корпуса жандармов и чиновники полиции, по соглашению с их начальством.

§9
Письмоводитель отделения (где таковые положены) и старшие служащие избираются начальником отделения и определяются на службу с разрешения директора Департамента полиции. Прочие служащие избираются и определяются на службу начальником

отделения, которому предоставляется право входить в Департамент с ходатайством о зачислении чинов отделения на государственную службу.

§10
Лица, привлекавшиеся к ответственности по государственным преступлениям, а также состоявшие секретными сотрудниками, не могут быть допускаемы к занятию должностей в охранных отделениях.

§11
О всех переменах в составе служащих отделения сообщается Департаменту полиции, с указанием звания, происхождения, имени, отчества и фамилии лиц, принимаемых вновь на службу.

§12
О всех отлучках из постоянного места пребывания начальники охранных отделений доводят до сведения начальника районного охранного отделения, с указанием своего временного адреса. Для выезда за пределы губернии требуется разрешение Департамента полиции по предварительном сношении с начальником районного отделения.

§13
Начальники охранных отделений принимают все меры к сосредоточению в своих руках всего розыскного дела. Чины Корпуса жандармов и общей полиции, получая из негласного источника сведения, относящиеся к политическому розыску, сообщают таковые начальнику охранного отделения для разработки и производства обысков, выемок и арестов, каковые меры не могут быть применяемы без ведома начальника охранного отделения.
О должностных лицах, не принадлежащих к составу охранных отделений и оказавших существенные услуги делу розыска, начальник охранного отделения представляет их начальству или Департаменту полиции, на предмет их поощрения.

§14
Начальники отделений с Департаментом полиции, начальниками районных охранных отделений, жандармских управлений и их помощниками, а равно губернскими и уездными учреждениями и между собою сносятся непосредственно. Письменные сношения ведутся записками на личных бланках начальника охранного отделения. Представления свои в Департамент полиции начальники охранных отделений адресуют на имя директора Департамента по Особому отделу, что обязательно отмечается и на конвертах.

§15
Начальники охранных отделений принимают все зависящие меры к установлению правильных отношений с начальниками управлений, офицерами корпуса, производящими дознания, а равно с прокурорским надзором и судебными следователями, в видах оказания содействия успеху дознаний и следствий, а также для извлечения из этих производств всех сведений, полезных для розыска.
О всех случаях обнаружения следствием или дознанием секретных сотрудников отделения или приемов его агентурной деятельности и о разногласиях с упомянутыми чинами судебного ведомства и Корпуса жандармов начальники охранных отделений подробно доносят Департаменту полиции.

§16

Начальники охранных отделений осведомляют начальников губернских жандармских управлений об обстоятельствах, интересующих начальников означенных управлений по производимым в последних дознаниям.

§17
В интересах розыска начальники отделений, кроме данных агентуры и наблюдения, пользуются также и всеми имеющимися в местных жандармских управлениях сведениями и с разрешения начальников сих управлений могут обозревать дела, производящиеся в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. и в порядке Положения об охране, а равно и по негласному розыску. Все сведения, дающие основания к принятию мер негласного розыска в местах нахождения охранного отделения, должны быть немедленно направляемы начальниками управлений к начальнику охранного отделения, без принятия мер предварительного исследования.

§18
Начальники отделений, по делам их должности, с разрешения генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, имеют непосредственные с ними сношения и докладывают им лично все то, что необходимо знать высшим представителям административной власти в целях охранения государственного порядка и общественной безопасности в крае.

§19
Агентурные сведения, имеющие значение в общественной жизни или требующие принятия мер вне сферы деятельности охранного отделения, должны быть сообщаемы в Департамент полиции и соответствующим начальникам районных охранных отделений непосредственно местными розыскными органами, с добавлением в телеграммах, присылаемых в Департамент полиции, слов «району сообщено».
О том же начальники охранных отделений словесно докладывают губернаторам и градоначальникам.
Все же прочие агентурные указания начальники охранных отделений в пределах, определяемых начальником районного охранного отделения, сообщают последнему по каждой организации отдельно, с указанием принятых мер и результатов разработки или объяснением причин неисполнения последнего.

§20
Регистрация данных розыска в охранном отделении должна быть так поставлена, чтобы начальник отделения в каждый момент мог дать все сведения о преступной деятельности известного отделению лица.
В этих целях надлежит обратить внимание на систематическое составление сводок всех сведений (агентурных, наружного наблюдения, по сообщениям других розыскных учреждений и т. п.) на каждое отдельное лицо, известное отделению. Сведения эти начальник отделения должен тщательно изучить, предварительно решения вопроса об обыске и особенно о личном задержании данного лица.

§21
В районных охранных отделениях, губернских жандармских управлениях и охранных отделениях должна вестись по установленным на сей предмет Департаментом полиции образцам регистрация данных розыска:
а) Дневники агентурных сведений, составляемые со слов секретных сотрудников, отдельно по каждой организации, и к ним отдельный листковый алфавит лиц, упоминаемых в этих дневниках.

б) Дневники наружного наблюдения с соответствующими сводками, отдельно по каждой организации.
в) Общий листковый алфавит лиц, сведения о коих имеются в данном управлении или отделении, а также и разыскиваемых лиц, по установленной форме.
г) Листковый алфавит домов, проходящих по наблюдению, агентуре или переписке, с выписками из домовых книг (на листках трех цветов).
д) Особые наряды, по каждой организации отдельно, для образцов всех изданных ею прокламаций.
е) Особые дела, по каждой организации отдельно (комитетские), куда подшиваются в хронологическом порядке все бумаги, имеющие значение для освещения деятельности данной партии и принимаемых против нее мер.
ж) Фотографический архив.
з) Схемы текущего наружного и внутреннего наблюдения.
и) Библиотека нелегальных изданий с алфавитным к ней каталогом.

§22
Начальники отделений в исследовании государственных преступлений и политической благонадежности отдельных лиц руководствуются Уставом уголовного судопроизводства и Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (прил. I к прим. 2 к ст.1 Т. XIV Св. Зак.), а также инструкцией, изданной в развитие означенных законов.

§23
Начальники отделений, при получении сведений секретной агентуры, предварительно их использования, обязываются тщательно проверять таковые и основательно разрабатывать их наружным наблюдением. При этом надлежит иметь в виду, что розыскные органы должны руководить секретными сотрудниками, а не наоборот. Направлять внутреннюю агентуру и наружное наблюдение должно таким образом, чтобы попутно с обследованием обстоятельств дела выяснялись и отмечались с особенною точностью те факты, которые в дальнейшем, при ликвидации или формальном расследовании, могли быть установлены как улики следственными действиями. В этом отношении начальники охранных отделений обязаны руководствоваться тем соображением, что главным мерилом успешности их деятельности будет всегда не количество произведенных ими ликвидаций, а число предупрежденных преступлений и процентное отношение обысканных лиц к количеству тех из них, которые подвергнутся судебной каре.

§24
В деятельности охранных отделений должны быть различаемы: а) расследования в видах предупреждения и обнаружения преступных деяний государственных (ст. 1 и 103–127 Уст. о пред. и прес. преет. Т. XIV Св. Зак. и 250–261, 1035 и сл. ст. Уст. Угол. Судопр.) и б) исследования политической благонадежности отдельных лиц (32 и сл. ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия).

§25
В отношении предупреждения и обнаружения государственных преступлений начальники охранных отделений руководствуются правилами, указанными в 250–261 и 1035 и сл. ст. Уст. Угол. Суд.
При этом собирание сведений о замышляемом или совершенном преступлении политического характера производится способами, указанными в 251 ст. Уст. Угол. Суд., то есть путем розысков (секретная агентура), словесных расспросов и негласного наблюдения (через секретных сотрудников и филеров).

§26
Если начальником охранного отделения получены достоверные сведения о совершившемся уже преступном деянии государственном, то он немедленно сообщает о сем подлежащему начальнику жандармского управления или его помощнику, а также прокурорскому надзору (250 ст. Уст. Угол. Суд.).

§27
В случае возбуждения по указанному в предшествующей статье поводу предварительного следствия или дознания начальник охранного отделения сообщает производящим таковые должностным лицам все имеющиеся у него сведения, сообразовывая полноту таковых с интересами ограждения внутренней агентуры и приемов деятельности отделения.

§28
Если поступившие к начальнику охранного отделения сведения не дают оснований к немедленному возбуждению формального дознания и следствия, то начальник отделения приступает, на основании 253 ст. Уст. Угол. Суд., к проверке и разработке означенных путем негласного расследования, причем если событие или состав преступления не подтвердятся, то может по данному делу не было составляемо формальных актов, расследование остается без дальнейших последствий, в противном же случае производство направляется: 1) в местное губернское жандармское управление, если перепиской выяснена политическая неблагонадежность кого-либо, вызывающая только необходимость дальнейшего дознания для внесения дел в Особое совещание, образованное на основании 33 и 34 ст. Положения об охране, и 2) в губернское жандармское управление в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. для направления прокурорскому надзору, если для принятия мер, указанных в п. I, нет достаточных оснований, причем дальнейшее расследование, если таковое окажется необходимым, производится жандармским управлением.

§29
Если произведенное негласное дознание приведет к положительным результатам, то начальник охранного отделения руководствуется в дальнейшем нижеследующим: а) если расследование обнаружило основательные указания на готовящееся преступление (покушение на чью-либо жизнь, ограбление с политической целью, приготовление к демонстрациям и т. п.), то начальник охранного отделения принимает меры к предупреждению такового путем задержания заподозренных лиц и отобрания орудий преступления и б) если негласное расследование установило совершающееся преступление (существование революционного сообщества (102, 124, 126 и др. ст. Угол. Улож.), тайной типографии (132 ст. того же Улож.), лаборатории взрывчатых веществ (закон 9 февраля 1906 г.), склада преступной литературы (132 ст. Угол. Улож.) и т. д., – то начальник охранного отделения, на основании 257 и 258 ст. Уст. Угол. Суд., если на месте не находятся судебный следователь, начальник жандармского управления или его помощник, принимает все не терпящие отлагательства меры, как-то: осмотры, освидетельствования, обыски и аресты, руководствуясь в этом отношении Уст. Угол. Судопр.

§30
Время производства обысков и арестов должно быть строго сообразовано с возможностью наиболее полного обнаружения уличающих вещественных доказательств, для чего начальник охранного отделения должен обстоятельно осветить этот вопрос внутренней агентурой и наружным наблюдением.

§31

При невозможности выполнить означенные выше следственные действия своими силами, начальник охранного отделения обращает требование об исполнении таковых к чинам общей полиции или входит в соглашение с начальником губернского жандармского управления (или железнодорожной жандармской полицией) о командировании на указанный предмет офицеров Корпуса жандармов. При этом в требовании чинам полиции должно быть указано следующее: а) если обыск касается исследования политической благонадежности, то в ордере означается 21 и 29 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия; б) если делается в виду сведений о нахождении у заподозренного предметов, уличающих его в государственном преступлении, то в поручении полиции указывается, что обыск производится в порядке 258 и 1035 ст. Уст. Угол. Суд.

§32
О предполагаемых к одновременному производству многочисленных обысках и арестах (ликвидациях) надлежит, по возможности заблаговременно, входить в соглашение с начальниками районных охранных отделений, если данное охранное отделение входит в охранный район. Списки лиц, намеченных к обыскам и арестам, с указанием имеющихся о них кратких сведений и предполагаемых мер пересечений, совершенно доверительно передаются начальнику жандармского управления и его помощнику, а за отсутствием их начальник охранного отделения предупреждает старшего начальника полиции о числе предстоящих обысков и арестов с таким расчетом, чтобы было время для назначения необходимых полицейских и жандармских нарядов, приготовления арестантских помещений и других предварительных распоряжений. Со своими предложениями о готовящихся ликвидациях рекомендуется своевременно совершенно доверительно ознакомливать и местного начальника губернии или градоначальника, а в необходимых случаях просить содействия последних.

§33
Личное присутствие при обысках начальников Отделений предоставляется их усмотрению. Начальникам Отделений предоставляется право командирования для присутствования при обысках состоящих в их распоряжении лиц, с правом давать в нужных случаях соответствующие указания чинам, производящим обыски.

§34
Все протоколы следственных действий (а равно и поручения, даваемые полиции) должны быть составляемы с соблюдением установленных законом форм. Таким образом – а) если обыск произведен исключительно в видах исследования политической благонадежности заподозренного лица и не дал никаких результатов, то в протоколе должно быть отмечено, что обыск сделан на основании 21 или 29 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, и б) если при производстве обыска, сделанного хотя бы и в порядке предшествующего пункта или на основании указаний на наличность у обыскиваемого вещественных доказательств, будут обнаружены предметы, уличающие обыскиваемого в преступлении государственном или общеуголовном, то в протоколе, на точном основании 258 ст. Уст. Угол. Суд., обозначается, что таковой составлен в порядке этой статьи (а если оказались признаки государственного преступления, то и 1035 ст. того же Устава).

§35
В тех же протоколах должно быть самым точным образом обозначено, где именно найдены предметы, приобщаемые к протоколу, причем если таковых отбирается немного, то все они должны быть поименованы отдельно в протоколе. Если же перечисление всех вещей потребовало бы слишком много времени, то они распределяются по группам

(напр., брошюры, письма, карточки и т. п.), с обозначением количества предметов, входящих в каждую группу, и затем опечатываются при обыскиваемом лице (или его заменяющем) и при понятых.

§36

По окончании обысков протоколы таковых со всеми вещественными доказательствами доставляются в Охранное отделение, где начальник такового или его помощник, имеющие право производства следственных действий, делают, в случае надобности, на основании 258 и 259 ст. Уст. Угол. Судопр., осмотр вещественных доказательств в присутствии обысканного лица, если к этому не представляется особых препятствий. По поводу этого осмотра составляется особый протокол, в котором обозначается, что осмотр произведен в порядке 258 ст. Уст. Угол. Суд., а также излагаются следующие сведения: 1) какой печатью был опечатан вскрытый пакет; 2) краткое описание (в форме описи) предметов, оказавшихся в пакете; 3) распоряжение об оставлении при отделении до востребования вещей, неудобных для перевозки к следователю или в жандармское управление или не могущих, во всяком случае, иметь значение для дела; 4) обозначение печати, коей опечатан пакет, в который заключены вновь вещественные доказательства в охранном отделении и 5) подписи производившего осмотр, а равно понятых и других лиц, присутствовавших при таковом.

§37

Осмотры вещественных доказательств должны быть произведены с наибольшею быстротой, причем из них должны быть извлечены все сведения, необходимые для дальнейшего негласного расследования. Если заключающиеся в вещественных доказательствах данные не требуют принятия немедленных мер, то об этих обстоятельствах должно быть особо указано в сообщении судебному следователю или жандармскому офицеру с отметкой, что данные эти не использованы.

§38

В отношении принятия мер пресечения против лиц, подвергавшихся обыскам, начальники охранных отделений должны избегать заключения под стражу лиц, лишение коих свободы не вызывается необходимостью в видах воспрепятствования им возможности уклониться от преследования или скрыть доказательства преступления. При этом начальники охранных отделений должны соблюдать требования, указанные в 416–421 ст. Уст. Угол. Судопр.

§39

По поводу составлений постановлений о заключении под стражу должны быть соблюдаемы нижеследующие правила:

1) Если обыски произведены лицами, имеющими право арестования на основании 21 и 29 ст. Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (начальники полиции, начальники губернских жандармских управлений и их помощники), то постановления составляются теми же лицами.

2) Если обыски или задержания произведены без заранее условленного планами лицами, не пользующимися правами, указанными выше в п. I, то лица эти составляют постановления в порядке 257 ст. Уст. Угол. Суд, и передают задержанных в распоряжение начальников жандармских управлений, или их помощников, или, по предложению прокуратуры, судебным следователям.

3) Если обыски и задержания происходят на основании законного негласного расследования, то, если означенными мерами руководит лицо, пользующееся правами, описанными в п. I сей статьи, оно же и подписывает постановления об арестах в порядке

257 ст. Угол. Суд., или 29 ст. Положения об охране, сообразно тому, будет ли подлежать дело немедленной передаче судебной власти или дальнейшему исследованию.
4) Если распоряжения об указанных мерах делаются начальником охранного отделения, его помощником или чиновником особых поручений, притом все эти лица не обладают означенными в I п. правами, то списки подлежащих задержанию лиц, с кратким объяснением имеющихся против них данных расследования, представляются местному начальнику губернского жандармского управления или его помощнику, коим затем подписываются надлежащие постановления об арестах обвиняемых, зачисляемых дальнейшим содержанием за теми же должностными лицами, причем, ввиду единства власти и действий чинов розыскных органов, упомянутые требования начальников охранных отделений обязательны.

§40
Подлинные постановления об аресте должны быть обязательно предъявляемы при самом задержании лицам, заключаемым под стражу, а копии сих постановлений доставляются неукоснительно в место заключения в течение 24 часов с момента ареста.

§41
Начальники охранных отделений или уполномоченные ими лица должны в течение суток с момента ареста заподозренного допросить его по существу падающего на него обвинения, причем если опросу подлежит значительное количество лиц, то начальники охранных отделений обращаются за содействием к начальнику жандармского управления, который командирует для опроса офицеров Корпуса жандармов, осведомляемых начальником отделения с обстоятельствами дела, касающимися данного арестованного.

§42
Тотчас по окончании расследования и обысков, удостоверивших наличность государственного преступления, начальник охранного отделения не позднее как в течение 24 часов дает знать об этом начальнику жандармского управления или его помощнику и прокурорскому надзору о сущности обнаруженного деяния государственного и о подвергнутых аресту лицах. Вместе с тем начальник охранного отделения немедленно изготовляет и подробное сообщение по данному делу, включая в него все агентурные сведения (кроме могущих повредить агентуре) и указания на значение существенных вещественных доказательств и тех свидетелей, которые могут дать полезные для расследования показания. При этом не должно быть допускаемо присвоение значения агентурных сведений результатам обысков, а также голословных характеристик обвиняемых (вроде фраз «член комитета», «главарь партии», «пропагандист» и т. п.), так как сообщение начальника охранного отделения должно служить основанием для разрешения вопроса о привлечении заподозренного к формальной ответственности и избрания против него соответствующей меры пресечения. Поэтому в отзыве начальника охранного отделения должны быть по возможности указаны все факты, удостоверяющие проявление преступной деятельности данного лица.

§43
Ни в каком случае не следует соединять в одной записке или сообщении сведения о деятельности разных партий, а тем более не соединять такие сообщения с посторонними делу данными (как, например, с денежными требованиями и отчетами и т. п.). О лицах, принадлежащих к разным партиям и организациям, а равно о разных отдельных проявлениях революционной деятельности надлежит составлять отдельные же сообщения.

§44

Если в течение 7 дней начальник жандармского управления или его помощник, за коим зачислены лица, арестованные охранным отделением, не получат от последнего сообщения для приступа к дознанию в порядке 29 ст. Положения об охране или 1035 и следующих статей Уст. Угол. Судопр., то названные жандармские офицеры поступают в дальнейшем сообразно имеющимся у них сведениям, немедленно освобождая тех задержанных, к дальнейшему аресту коих нет достаточных оснований.

§45
Все распоряжения о производстве обысков и арестов по делам политического характера, основанные на постановлениях местных жандармских и полицейских властей или вытекающие из отдельных требований, должны приводиться в исполнение не иначе как по предварительному сношению с начальником охранного отделения или жандармским офицером, ведающим самостоятельно розыском в данной местности. В случае возникших по сему предмету неустранимых разногласий о таковых, до исполнения следственных действий, доносится немедленно Департаменту полиции, если требование исходит от жандармской или полицейской власти, и прокурору палаты, если подлежит исполнению постановление судебной власти, причем о сем факте доводится до сведения названного Департамента, с указанием, на распоряжение какого прокурора палаты представлено возникшее пререкание.

Источник: Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. СПб.; М., 2006. С. 83–94.

Глава 13
Особый отдел Департамента полиции

Эта важнейшая структура политической полиции Российской империи впервые была организована в Департаменте полиции в 1881 г. в составе Третьего делопроизводства. В этот период сотрудники Особого отдела занимались в основном перлюстрацией корреспонденции. По инициативе директора Департамента полиции С.Э. Зволянского Особый отдел с 1 января 1898 г. был выделен в самостоятельное подразделение с подчинением непосредственно директору Департамента полиции (ДП). В новые функции отдела вошли: руководство внутренней и заграничной агентурой, перлюстрация корреспонденции наиболее важных лиц, находившихся под наблюдением, надзор за студенчеством и рабочими, розыск, сбор и хранение нелегальной печати, дешифровальная работа. В ведении Особого отдела находилась коллекция фотографий революционеров (около 20 тысяч снимков) и именная картотека на 55 тысяч человек. Первоначально отдел насчитывал 13 сотрудников, из них 8 были канцелярскими служащими, 4 – помощниками первого заведующего отделом Л.А. Ратаева, проведшего реорганизацию, в результате которой возникли 4 подразделения – «стола»: 1-й – дешифровальный (руководитель – И.А. Зыбин): 2-й, ведавший заграничной агентурой, во главе с Н.А. Пешковым; 3-й – наблюдение за высшими учебными заведениями (В.Д. Зайцев); 4-й – делопроизводство по розыску и наружному наблюдению (Г. Трутков). При Ратаеве Особый отдел начал курировать и давать задания летучему отряда филеров.
С октября 1902 г., после перевода Ратаева в Париж на пост заведующего заграничной агентурой, Особый отдел возглавил С.В. Зубатов, в свою очередь, проведший реорганизацию. Были созданы еще 2 «стола» – по охранным отделениям и филерской службе. При Зубатове в отделе впервые начали работать офицеры Отдельного корпуса жандармов. В результате ведомственных интриг в августе 1903 г. Зубатов был отстранен

от руководства отделом. В 1903–1906 гг. отдел возглавляли Я.Г. Сазонов, А.Н. Тимофеев и (с перерывами) Н.А. Макаров. Структура Особого отдела несколько изменилась. К январю 1905 г. в нем насчитывалось 4 отделения:

1-е отделение в составе 9 человек во главе с Е.П. Медниковым занималось наружным наблюдением, дешифровкой документов, разработкой информации по политическим партиям, переводами иностранных текстов, фотоделом;

2-е отделение (заведующий – С.А. Пятницкий) ведало розыскным делопроизводством, заграничной агентурой, связями с иностранной полицией;

3-е отделение (заведующий – В.Д. Зайцев) – высшими учебными заведениями, составлением докладов, библиотекой нелегальных печатных изданий;

4-е отделение (заведующий – А.М. Гартинг) расследовало дела по «государственной измене» и военному шпионажу.

Летом 1905 г. после назначения исполняющим обязанности вице-директора Департамента полиции П.И. Рачковского в Особом отделе количество отделений было сокращено до трех, службу филеров планировалось передать в столичное охранное отделение. После ухода в отставку Макарова (из-за конфликта с Рачковским) в Особом отделе была проведена очередная реорганизация. Отдел был разделен на два самостоятельных подразделения – Особый отдел «А» (политический розыск, партии, заграничная и внутренняя агентура, наблюдение в армии, дешифровальное и фотодело, составление докладов) и Особый отдел «Б» (наблюдение за профсоюзами, рабочими, крестьянскими и студенческими волнениями). Деятельность каждого курировал отдельный вице-директор Департамента полиции.

«Особый отдел «А» занимался вопросами политического розыска, на первое место выдвигались вопросы наблюдения за деятельностью политических партий, руководства деятельностью местных розыскных органов, разработки агентурных сведений и данных наружного наблюдения, издания розыскных циркуляров, формирования библиотеки революционных изданий, переписка по ней, вопросы организации заграничной агентуры, наблюдения за революционной пропагандой в войсках, заведования отделом фотографий, расшифровки криптограмм, составления «всеподданнейших» записок.

Особый отдел «Б» занимался вопросами наблюдения за общественным движением, профессиональными союзами, имевшими и не имевшими политическую окраску, революционными выступлениями среди рабочих, крестьян, выступлениями железнодорожных служащих, телеграфистов, подготовкой отчетов о стачках, забастовках, нелегальных съездах, дислокацией войск»[48].

В январе 1907 г. Особый отдел «Б» был преобразован в 4-е делопроизводство Департамента полиции, а собственно Особый отдел стал включать в себя 4 отделения:

1-е отделение – розыскные органы, шифровальная, химическая, фотографическая части, перлюстрация;

2-е отделение занималось эсерами и анархистами;

3-е отделение – РСДРП, Бундом и другими социал-демократическими организациями;

4-е отделение – наблюдение за служащими железных дорог, почтово-телеграфного ведомства, польскими социалистами и всеми национальными партиями, кроме социал-демократических.

С 1907 г. в ведение Особого отдела были переданы только что учрежденные районные охранные отделения. В 1910 г., после скандала с разоблачением Азефа, в Особом отделе по инициативе нового заведующего отделом полковника А.М. Еремина было образовано новое подразделение – агентурный отдел, в котором была сосредоточена вся работа с секретной агентурой. В 1914 г. по предложению директора Департамента полиции С.П. Белецкого Особый отдел был переименован в 9-е делопроизводство, которое в 1915 г. было объединено с 6-м делопроизводством. В сентябре 1916 г. название Особого отдела вновь было восстановлено.

К началу 1917 г. в Особом отделе насчитывалось более 100 сотрудников, работавших в 8 отделениях:
1-е отделение – контрразведка, охрана императорской фамилии;
2-е отделение – наблюдение за эсерами;
3-е отделение – наблюдение за социал-демократами;
4-е отделение – наблюдение за кадетами и национальными партиями;
5-е отделение – дешифровка и перлюстрация;
6-е отделение – кадры;
7-е отделение – наблюдение по материалам Департамента полиции;
Секретное отделение – ведало секретной агентурой.
Заграничная агентура также подчинялась Особому отделу.
Особый отдел Департамента полиции, последним заведующим которого был полковник И.П. Васильев, прекратил свое существование после февраля 1917 г. вместе с Департаментом полиции, Министерством внутренних дел и государственным строем Российской империи.

Заведующие Особым отделом Департамента полиции:
январь 1898 г. – сентябрь 1902 г. – Ратаев Л.А.;
сентябрь–октябрь 1902 г. – Зиберт (и.о.);
октябрь 1902 г. – август 1903 г. – Зубатов С.В.;
сентябрь–октябрь 1903 г. – Сазонов Я.Г. (и.о.);
октябрь 1903 г. – июль 1905 г. – Макаров Н.А.;
август–декабрь 1905 г. – Тимофеев А.Н. (и.о.);
январь–февраль 1906 г. – Макаров Н.А;
июль 1906 г. – июнь 1908 г. – Васильев А.Т.;
июнь 1908 г. – декабрь 1909 г. – Климович Е.К.;
январь 1910 г. – июнь 1913 г. – Еремин А.М.;
июль 1913 г. – декабрь 1916 г. – Броецкий М.Е.;
январь–февраль 1917 г. – Васильев И.П.

Биографии руководителей Особого отдела Департамента полиции

БРОЕЦКИЙ Митрофан Ефимович (1866 – год смерти неизв.). Действительный статский советник.
Окончил Киевский университет. С 1890 г. служил по судебному ведомству, товарищ прокурора Житомирского окружного суда, затем в Министерстве внутренних дел.
С 1909 г. – чиновник по особым поручениям при Департаменте полиции.
В 1913–1916 гг. – заведующий Особым отделом ДП.
В начале 1917 г. – вице-директор Департамента полиции.

ВАСИЛЬЕВ Иван Петрович (1872 – год смерти неизв.). Полковник Отдельного корпуса жандармов.
Окончил Сибирский кадетский корпус и 3-е Александровское военное училище. С 1891 г. служил в чине подпоручика в 254-м Темир-Хан-Шуринском резервном батальоне. 31 декабря 1899 г. перешел в Отдельный корпус жандармов, с 4 января 1900 г.– адъютант Московского ГЖУ. С августа 1902 г. – в резерве при Московском губернском жандармском управлении, с ноября 1903 г. – помощник начальника того же управления по Клинскому и Волоколамскому уездам, в марте 1907 г. – прикомандирован к Московскому ГЖУ и откомандирован в Московское охранное отделение, в июне 1909 г. прикомандирован к Санкт-Петербургскому ГЖУ, в апреле 1913 г. – к Лифляндскому губернскому жандармскому управлению. В 1915–1916 гг. служил в Контрразведывательном отделении Главного управления Генштаба. С мая 1916 г. вновь

прикомандирован к Петроградскому губернскому жандармскому управлению с откомандированием в Департамент полиции.
С января 1917 г. – заведующий Особым отделом Департамента полиции. 1 марта 1917 г. добровольно явился в Военную комиссию Государственной думы, был арестован, некоторое время находился в заключении в Доме предварительного заключения, где дал откровенные показания следствию, в частности написал записку «О провокационной деятельности некоторых розыскных деятелей», и предлагал свои услуги В.Л. Бурцеву в деле освещения деятельности Департамента полиции. Дальнейшая судьба неизвестна.
Награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Анны 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени.

ВИССАРИОНОВ Сергей Евлампиевич (1867–1918). Действительный статский советник.
Из семьи штаб-офицера. Окончил Московский университет, с 1899 г. служил по судебному ведомству.
В 1906 г. – прокурор Ярославского окружного суда.
С 7 января 1908 г. – чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел. С 12 января того же года – и. о. вице-директора Департамента полиции, заведующий Особым отделом ДП (до 1910 г.). В 1912–1913 гг. – вице-директор Департамента полиции. С 1913 г. – член совета Главного управления по делам печати и председатель Санкт-Петербургского комитета по делам печати, с 1915 г. – член совета министра внутренних дел.
Арестован после Февральской революции, расстрелян в период «красного террора».

ЗУБАТОВ Сергей Васильевич (1864–1917). Надворный советник.
Родился в Москве в семье обер-офицера. За участие в ученических кружках исключен из 7-го класса гимназии. Работал библиотекарем в частной библиотеке А.Н.Михиной, на которой женился в 1883 г. В том же году арестован, выпущен под залог.
В 1885 г. завербован начальником Московского охранного отделения ротмистром Н.С. Бердяевым в качестве секретного сотрудника, с 1886 г. – агент внутреннего наблюдения. Служил телеграфистом на Московской центральной телефонной станции, станциях «Славянский базар» и «Окружной суд». С помощью Зубатова в 1886–1888 гг. было разгромлено московское революционное подполье (арестовано более 2000 человек). С 1889 г. официально служил в московской охранке – филер, чиновник по особым поручениям, с 1894 г. – помощник начальника отделения.
Быстро выдвинулся и был назначен в 1896 г. начальником Московского охранного отделения (до 1902 г.). На этой должности он проводил особую систему, получившую затем известность под названием «зубатовщины», «систему отвлечения рабочего класса от политики». В 1902 г. Зубатов основал в Москве «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», затем такие же организации появились и в других отраслях промышленности. Некоторое время система Зубатова имела среди московских рабочих большой успех. Кульминационным его пунктом была организация демонстрации 19 февраля 1903 г.: около 50 000 рабочих во главе с великим князем Сергеем Александровичем отправились через всю Москву к памятнику Александра II для торжественной панихиды и возложения венка.
В августе 1902 г. был назначен чиновником «особых поручений 6-го класса сверх штата МВД», в октябре того же года – заведующим Особого отдела Департамента полиции, в котором провел реорганизацию, создав столы по заведованию охранными отделениями и наружным наблюдением.
Деятельность Зубатова в области рабочего движения вызвала его конфликты с петербургской и губернской бюрократией и предпринимателями. В результате интриг по распоряжению Плеве Зубатов был уволен в отставку по обвинению в попустительстве рабочему движению и разглашению государственной тайны (в частном письме Зубатов

рассказал о беседе Николая II с одесским градоначальником), арестован, а после освобождения выслан во Владимир под надзор полиции. В ноябре 1904 г. надзор был снят. С 1910 г. Зубатов жил в Москве, отклоняя все предложения о возвращении на службу.
Застрелился после Февральской революции в марте 1917 г.

МАКАРОВ Николай Александрович (1863–1906). Статский советник. В 1903–1905 гг. и в 1906 г. – заведующий Особым отделом Департамента полиции.
Помещик Курской и Владимирской губерний. Окончил Московский университет. По судебному ведомству служил с 1888 г. С 1894 г. – товарищ прокурора окружного суда, с 1897 г. – в Москве.
С 11 октября 1903 г. до начала августа 1905 г. и затем с 16 января по февраль 1906 г. – заведующий Особым отделом Департамента полиции.
6 февраля 1906 г. подал прошение об отставке, мотивируя его воцарившимся в департаменте с назначением заведующим политической частью ДП П.И. Рачковского двоевластием, благодаря чему, по мнению Макарова, оказалось возможным печатание в декабре 1905 г. в помещении департамента, без ведома «высших начальствующих лиц», но с разрешения Рачковского, черносотенных воззваний. 15 февраля того же года подал второй рапорт министру внутренних дел П.Н. Дурново с обвинением жандармского ротмистра Будогосского в организации еврейского погрома в Александровске (этот рапорт появился затем в газете «Речь» в мае 1906 г.). Рапорты Макарова послужили основанием для прений в Государственной думе 8 и 9 июня 1906 г., окончились принятием запроса правительству. Макаров был назначен помощником московского градоначальника, но вскоре умер.

МЕДНИКОВ Евстратий Павлович (1853–1914). Руководитель службы наружного наблюдения Особого отдела Департамента полиции. Надворный советник.
Родился в деревне Шильковой Колыберовской волости Коломенского уезда Московской губернии в семье крестьянина-старообрядца. После службы в армии и выхода в отставку в чине унтер-офицера поступил на службу в московскую полицию (городовой, околоточный надзиратель). С 1882 г. – агент наружного наблюдения Московского охранного отделения. С 1896 г. руководил Особым отрядом наблюдательных агентов. В 1902 г. вместе с Зубатовым перешел в Особый отдел Департамента полиции, где заведовал Особым отрядом наблюдательных агентов (известен также как «летучий охранный отряд филеров»), с 1905 г. – 1-м отделением Особого отдела (занималось наружным наблюдением, дешифровкой документов, разработкой информации по политическим партиям, переводами иностранных текстов, фотоделом). Руководил ликвидацией ряда нелегальных типографий и арестами многих революционеров. Награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Владимира 4-й степени, болгарским орденом. Удостоен личного, а затем потомственного дворянства.
В 1906 г. по болезни уволен в отставку.
Умер в Петербурге в психиатрической больнице.

РАТАЕВ Леонид Александрович (1857–1917). Действительный статский советник. Заведующий Особым отделом Департамента полиции в 1898–1902 гг.
Родился в селе Берники Ярославской губернии в дворянской семье. Закончил Николаевское кавалерийское училище (1878), вступил в службу корнетом в лейб-гвардии Уланский полк. С 1882 г., после выхода в отставку, служил в Департаменте полиции Министерства внутренних дел, с 1887 г. – младший помощник, старший помощник делопроизводителя, с 1897 г. – чиновник для особых поручений. В 1898–1902 гг. – заведующий Особым отделом Департамента полиции.

С июля 1902 г. по август 1905 г. – заведующий заграничной агентурой ДП со штаб-квартирой в Париже.
В августе 1905 г., после возвращения в ДП Рачковского, уволен в отставку, получил в виде пособия 15 000 франков. Жил в Париже под фамилией «Рихтер». В 1911–1916 гг. собирал за границей для Департамента полиции сведения о масонстве. Во время Первой мировой войны работал в резидентуре военной разведки во Франции под руководством военного атташе А.А. Игнатьева.
Награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Увлекался театром, автор ряда пьес, участвовал в спектаклях Петербургского драматического кружка.
Умер во Франции.

Приложение 2
Документы, регламентирующие оперативно-розыскную деятельность

Инструкция филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений,
31 октября 1902 г.

1) Старший филер сообщает письменно Департаменту полиции, на имя заведующего наружным наблюдением Евстратия Павловича Медникова, не менее двух раз в неделю, краткие сведения по текущему наблюдению: об установке и выяснении наблюдаемых и мест, ими посещаемых, о появлении в сфере наблюдения новых лиц, о перемене наблюдаемыми места жительства, об их выбытии куда-либо, о сходках, конспиративных свиданиях, о появлении у наблюдаемых, при их передвижениях и деловых сношениях, каких-либо свертков и вообще подозрительных предметов и о передаче таковых. Независимо от этого, старший филер сообщает заведующему наблюдением о всех выдающихся фактах по наблюдению – немедленно.
2) Филер, выехавший из места постоянного пребывания с наблюдаемым, при первом удобном случае телеграфирует заведующему наблюдением и своему начальнику. Телеграммы должны носить характер торговой корреспонденции, например: «Товар Черного везу Тулу»; подписывать такие телеграммы филер должен собственной фамилией.
3) По прибытии в какой-либо другой город вне своего постоянного места жительства филер немедленно телеграфирует свой адрес заведующему наблюдением и своему начальнику и письменно сообщает подробно результаты наблюдения ежедневно.
4) Письма отправляются заказными, причем рекомендуется сдавать таковые на вокзалах или же опускать в почтовые ящики поездов.
5) Желательно, чтобы старшие филеры знали адреса таковых же старших в других пунктах.
6) Все письма из какой-либо одной местности должны иметь общую порядковую нумерацию и указания, когда и где они составлены, в конце подпись.
7) Каждому лицу, вошедшему в наблюдение, дается кличка, как равно и лицам, кои, по мнению филеров, будут представляться интересными или часто встречаться ими по наблюдению.
8) Кличку надлежит давать краткую (из одного слова). Она должна характеризовать внешность наблюдаемого или выражать собою впечатление, которое производит данное лицо.
9) Кличка должна быть такая, чтобы по ней можно было судить, относится ли она к мужчине или к женщине.
10) Не следует давать одинаковых кличек нескольким лицам, и каждый наблюдаемый должен иметь одну кличку, данную ему впервые, когда его узнали.
11) Упоминая новое лицо под кличкой, должно сообщать подробно, когда и как оно появилось, описать его приметы, а также кто из филеров его лучше знает.

12) Приметы должны быть сообщаемы в следующем порядке: лета, рост, телосложение, лицо (глаза, нос, уши, рот, лоб), растительность на голове и проч., цвет и длина волос; одежда; особенности в походке или манерах.
13) При сообщении сведений о каждом наблюдаемом в самом начале должно указывать, где он живет и с какого приблизительно времени, если же в адресе его нет полной уверенности, то следует оговариваться об этом.
14) При посещении наблюдаемыми домов следует точно указывать помимо улиц еще номер владения и фамилию владельца, а равно, по возможности, и квартиру (ход, этаж, флигель, окна).
15) Если в одном доме наблюдаемые посещают два или несколько разных помещений, то надлежит каждый раз указывать, куда именно они ходят.
16) Если дом угловой, надлежит обязательно указывать, под какими номерами он значится и с какой улицы существует вход в такой дом.
17) В донесениях не следует писать «пошел» к такому-то, а «пошел в дом» такой-то к такому-то.
18) В донесениях надлежит указывать на места, где наблюдаемые бывают по частным надобностям (обед, занятия, родственники).
19) При посещениях же наблюдаемыми магазинов и мастерских следует обязательно указывать фамилию владельцев их и улицы, на которых эти заведения находятся.
20) С карточек, находящихся у входов, надлежит записывать все полностью (фамилию, имя, отчество и т. д.).
21) При осуществлении наблюдения необходимо всегда действовать так, чтобы не обратить на себя внимания, не ходить заметно тихо и на одном месте в течение продолжительного времени не оставаться.

Подписал: директор Лопухин.

С подлинною верно: за заведующего Особым Отделом Трутков.

Источник: Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. СПб.; М., 2006. С. 43–45.

Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения
10 февраля 1907 г.

Совершенно секретно
Копии снимать воспрещается

§1
На обязанности лица, ведающего политическим розыском, лежит прежде всего приобретение и сбережение внутренней секретной агентуры – единственного вполне надежного средства, обеспечивающего осведомленность.
На приобретение и сбережение внутренней агентуры должны быть направлены все усилия лица, ведающего розыском.
Наружное наблюдение является лишь вспомогательным и притом весьма дорогим средством для разработки агентурных сведений и для прикрытия конспиративности агентурного источника.

§2
Для успешной работы в деле политического розыска и руководства внутренней агентурой лица, ведающие розыском, должны знать программы революционных партий, быть

знакомы с историей революционного движения, положением его, движения в данный момент и следить за революционной литературой.

§3

Лица, заведующие агентурой, должны руководить сотрудниками, а не следовать слепо указаниям последних. Обыкновенно сотрудник выдающийся – интеллигентный и занимающий видное положение в партии – стремится подчинить своему авторитету лицо, ведущее с ним сношения, и оказывает давление на систему розыска. Если для сохранения отношений возможно оставлять его в убеждении, что такое его значение имеет место, то в действительности всякое безотчетное увлечение сотрудниками приводит к отрицательным результатам. Лицо, ведающее агентуру, должно составить себе план расследования и стремиться извлечь из агентуры все данные для его осуществления. Поэтому, никогда не открывая своих карт перед сотрудником, надлежит давать ему поручения, вытекающие из плана розыска.

При этом следует с особенным вниманием относиться к выяснению или закреплению в памяти сотрудников таких фактов, которые могли бы быть впоследствии использованы как судебные улики и подтверждены доказательствами, лежащими вне соприкосновения с сотрудником. Эти задачи розыска (в общих чертах) могут быть указаны сотруднику, дабы и он приучился к собиранию данных, пригодных для судебного расследования и прикрытия агентуры.

§4

Лица, ведающие розыском, должны твердо помнить, что «сотрудничество» от «провокаторства» отделяется весьма тонкой чертой, которую очень легко перейти. Они должны знать, что в умении не переходить эту черту и состоит искусство ведения успешного политического розыска. Достигается это только безусловно честным отношением к делу и пониманием целей розыска, а не погоней за отличиями, открытием и арестом отдельных средств пропаганды (типографии, склады оружия, взрывчатые вещества и проч.).

Лица, ведающие розыском, должны проникнуться сознанием, что лучшим показателем успешной и плодотворной их деятельности будет то, что в местности, вверенной их надзору, совсем не будет ни типографий, ни бомб, ни складов литературы, ни агитации, ни пропаганды. Последние результаты будут достигнуты, если они при серьезной осведомленности о революционной деятельности и умении систематически и планомерно пользоваться этими знаниями достигнут того, что революционеры вынуждены будут прекратить в данной местности свою преступную работу.

§5

Секретные сотрудники должны состоять членами одной из революционных организаций (о которых они дают сведения) или, по крайней мере, тесно соприкасаться с серьезными деятелями таковых, т. к. только тогда сведения их будут ценны. Лица, не состоящие в революционных организациях и не соприкасающиеся с ними, особенно различные местные «старожилы», принадлежащие иногда к крайним правым партиям, зачастую не только не бывают полезны в целях политического розыска, но даже и вредны, т. к. заставляют неопытных и неосведомленных лиц, ведающих розыском, направлять таковой в ложную сторону и совершенно непроизводительно тратить силы и средства. Изложенное отнюдь не значит, что сведениями таких лиц надлежит пренебрегать, – не следует лишь на последних возлагать больших надежд и считать таких лиц «секретными сотрудниками», а сведения их «агентурными». В деле розыска нельзя пренебрегать никакими сведениями, но нужно научиться давать им надлежащую оценку и не считать их без проверки (дающего сведения лица и самых сведений) достоверными.

§6
Секретные сотрудники должны быть постоянными и получать определенное жалование (помесячно), а не за отдельные сообщения, т. к. только при имении постоянной агентуры можно быть в курсе деятельности революционных организаций, и только постоянная агентура может относиться с интересом к делу розыска.
В сотруднике, начавшем работу по материальным соображениям, надлежит, по возможности, создавать и поддерживать интерес к розыску, как орудию борьбы с государственным и общественным врагом – революционным движением. Особенно ценны в этом отношении сотрудники, взявшие на себя эту роль по побуждениям отвлеченного характера.
При удачных ликвидациях, являющихся результатом сведений и разработки, постоянного сотрудника следует поощрить денежной наградой.

§7
Сведения приходящих лиц, требующих платы за каждое отдельное указание на то или другое революционное предприятие («штучники»), конечно, должны быть использованы в интересах дела, в особенности сведения о предполагаемых экспроприациях, совершаемых часто лицами, не имеющими никакого отношения к революционным организациям, но к таковым сведениям нужно относиться с большой осторожностью и тщательно проверять их всеми способами. Зачастую сведения эти бывают провокаторскими, а иногда просто «дутыми». При этом всегда надлежит стремиться использовать лицо, дающее отдельные сведения, в целях учреждения при его посредстве систематической агентуры.

§8
Состоя членами революционных организаций, секретные сотрудники ни в коем случае не должны заниматься так называемым «провокаторством», т. е. сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли. Хотя для сохранения своего положения в организациях сотрудникам приходится не уклоняться от активной работы, возлагаемой на них сообществами, но в таких случаях они должны на каждый отдельный случай испрашивать разрешения лица, руководящего агентурой, и уклоняться во всяком случае от участия в предприятиях, угрожающих серьезною опасностью. В то же время лицо, ведающее розыском, обязано принять все меры к тому, чтобы совершенно обезвредить задуманное преступление, т. е. предупредить его с сохранением интересов сотрудника. В каждом отдельном случае должно быть строго взвешиваемо, действительно ли необходимо для получения новых данных для розыска принятие на себя сотрудником возлагаемого на него революционерами поручения или лучше под благовидным предлогом уклониться от его исполнения. При сем необходимо помнить, что все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центров революционных организаций и к уничтожению их в момент проявления ими наиболее интенсивной деятельности, почему не следует «срывать» дело розыска только ради обнаружения какой-либо подпольной типографии или мертво лежащего на сохранении склада оружия, помня, что изъятие подобных предметов только тогда приобретает особо важное значение, если они послужат к изобличению более или менее видных революционных деятелей и уничтожению организации.

§9
Секретных сотрудников надлежит иметь в каждой из действующих в данной местности революционных организаций и, по возможности, по несколько в одной и той же организации. Лицо, ведающее розыском, не должно упускать ни одного случая, могущего дать хотя бы слабую надежду на приобретение секретного сотрудника. Каждое лицо, подающее надежду, надлежит расположить к себе и использовать в целях агентуры,

причем нужно помнить, что дело приобретения секретных сотрудников очень щекотливое и требует много терпения и осторожности. Малейшая неосторожность или форсировка часто вызывает решительный отпор.

§10
Секретные сотрудники приобретаются различными способами. Для приобретения их необходимо постоянное общение и собеседование лица, ведающего розыском, или опытных, подчиненных ему лиц с арестованными по политическим преступлениям. Ознакомившись с такими лицами и наметив тех из них, которых можно склонить на свою сторону (слабохарактерные, недостаточно убежденные революционеры, считающие себя обиженными в организации, склонные к легкой наживе и т.п.), лицо, ведающее розыском, склоняет их путем убеждения на свою сторону и тем обращает их из революционеров в лиц, преданных Правительству. Этот сорт сотрудников нужно признать наилучшим. Помимо бесед с лицами, уже привлеченными к дознаниям, удается приобретать сотрудников и из лиц, еще не арестованных, которые приглашаются для бесед лицом, ведающим розыском, в случае получения посторонним путем сведений о возможности приобретения такого рода сотрудника.
Независимо от сего при существовании у лица, ведающего агентурой, хороших отношений с офицерами Корпуса Жандармов и чинами Судебного ведомства, производящими дела о государственных преступлениях, возможно получать от них для обращения в сотрудники обвиняемых, дающих чистосердечные показания, причем необходимо принять меры к тому, чтобы показания эти не оглашались. Если таковые даны словесно и не могут иметь серьезного значения для дела, то желательно входить в соглашение с допрашивавшимся о не занесении таких показаний в протокол, дабы с большею безопасностью создать нового сотрудника.

§11
Кроме того, можно использовать тех лиц, которые, будучи убеждены в безопасности своей личной революционной деятельности, нуждаются в деньгах и хотя не изменяют коренным образом убеждений, но ради денег берутся просто продавать своих товарищей.

§12
Сотрудники, находящиеся в низах организаций, могут быть путем постоянной совместной работы с лицом, ведающим розыском, а равно арестами более сильных работников, окружающих его, проведены выше.

§13
Вновь принятого сотрудника всегда следует незаметно для него основательно выверить наблюдением и постараться поставить под перекрестную агентуру.

§14
Лицо, ведающее политическим розыском, должно осмотрительно относиться к приезжим заявителям, разъезжающим по Охранным отделениям и Жандармским Управлениям с единственной целью выманивать деньги. Такие лица (в большинстве случаев из провалившихся сотрудников), зачастую довольно развитые, развязные, будучи осведомлены о личном составе некоторых Охранных отделений или Управлений и знакомы с деятельностью некоторых революционеров, вводят в заблуждение даже опытных лиц, давая им заявления о готовящихся террористических актах и других выдающихся преступлениях, и тем заставляют вести розыск в ложном направлении. Личность такого заявителя и его нравственные и служебные качества надлежит немедленно проверить по алфавиту и путем сношения по телеграфу с Начальником

подлежащего Управления или Отделения, прежде чем предпринимать что-либо по его указанию.

§15
Самым прочным, хотя и не всегда продуктивным, положением сотрудника является такое положение, когда он находится в организации в роли пособника и посредника в конспиративных делах, т. е. когда его деятельность ограничивается сферой участия в замыслах или приготовлениях к преступлению, что фактически неуловимо формальным дознанием и следствием и дает возможность оставлять на свободе сотрудника и близких к нему.

§16
Секретные сотрудники ни в коем случае не могут посвящаться в сведения, даваемые другими сотрудниками. С особою осторожностью следует относиться вообще к ознакомлению сотрудника с ходом розыска, а также деятельностью и личным составом розыскного учреждения. При сношениях с сотрудником нужно получать от него все необходимое и по возможности не разоблачать перед ним ничего. В противном случае лицо, ведущее агентуру, быстро окажется в руках сотрудника, из коих очень многие склонны вести двойную игру, а в случае разрыва отношений с ними розыскному делу и лицам, ведущим его, будет всегда угрожать крайняя опасность.

§17
Никто, кроме лица, заведующего розыском, и лица, могущего его заменить, не должен знать в лицо никого из секретных сотрудников.
Фамилию сотрудника знает только лицо, ведающее розыском, остальные же чины учреждения, ведающего розыском, имеющие дело со сведениями сотрудника, могут в необходимых случаях знать только псевдоним или номер сотрудника. Чины наружного наблюдения и канцелярии не должны знать секретного сотрудника и по кличке. Он им должен быть известен лишь как действительный революционный деятель по кличке наружного наблюдения, если он вошел в сферу последнего.

§18
Секретные сотрудники ни в коем случае не должны знать друг друга, так как это может повлечь за собою «провал» обоих и даже убийство одного из них.

§19
Сведения, даваемые секретными сотрудниками, должны храниться с соблюдением особой осторожности и в строгой тайне.

§20
Сведения, полученные от секретных сотрудников, обязательно проверяются, если к этому представляется возможность, наружным наблюдением.

§21
Заведующему агентурой рекомендуется ставить надежных сотрудников к себе в отношения, исключающие всякую официальность и сухость, имея в виду, что роль сотрудника обыкновенно нравственно очень тяжела и что «свидания» часто бывают в жизни сотрудника единственными моментами, когда он может отвести душу и не чувствовать угрызений совести. Только при соблюдении этого условия можно рассчитывать иметь преданных людей.

§22

Никогда не следует заставлять сотрудника форсированно добывать сведения, т. к. это часто вызывает провалы. После ликвидации необходимо дать сотруднику возможность на время прекратить активные сношения с товарищами.

§23
Производя ликвидацию, никогда не следует арестовывать всех, окружающих сотрудника лиц, оставляя его одного на свободе, но надлежит оставлять около него несколько лиц, более близких и менее вредных, или дать ему возможность заранее уехать по делам, или в крайнем случае арестовать и его самого, освободив впоследствии с близкими к нему и наименее вредными лицами по недостатку улик. О предстоящем аресте сотрудника всегда нужно войти с ним в соглашение. Арест сотрудника допустим лишь в случаях неустранимой необходимости.

§24
Производство обысков и арестов по агентурным сведениям совершать с большой осторожностью и осмотрительностью, дабы не «провалить» секретного сотрудника, почему, предварительно ликвидации, надлежит тщательно рассмотреть все то, что может повлиять на целость агентуры, и отвести последнюю от возможности подозрений.

§25
В ликвидационных записках никогда не следует помещать конспиративных кличек сотрудников, а также указывать вообще на лицо, давшее сведения, а употреблять для этого выражения «по имеющимся негласным сведениям». Агентурные сведения, известные лишь одному секретному сотруднику или очень тесному кругу лиц, помещать в такие записки не надлежит вовсе.
Ликвидацию следует начинать с тех мест и лиц, где могут быть серьезные вещественные доказательства или «техника», т. к. таковое, как поличное, дает возможность привлекать по обвинению в участии в революционном сообществе лиц, даже застигнутых без вещественных доказательств на их квартирах, и дает возможность прикрыть агентуру. Лучше всего удается прикрыть агентуру, если начинать ликвидацию с ареста установленной наблюдением сходки хотя бы некоторых из подлежащих ликвидации наиболее видных лиц, т. к. таковой прием придает ликвидации вид случайности. Для взятия типографий или мастерских бомб хорошо начинать с задержания на улице, под благовидным предлогом, кого-либо из проживающих в намеченной квартире лиц, чем и объясняется обыск квартиры.

§26
Вознаграждение сотрудника находится в прямой зависимости от ценности даваемых им сведений и положения, занимаемого им в организации.

§27
Секретные сотрудники, если они не живут на партийные средства, обязательно должны иметь какой-нибудь легальный заработок, т. к. неимение такового немедленно возбуждает в организации подозрение относительно источника средств к существованию. Устраиваться на службу сотруднику следует рекомендовать самому, без посредства лица, ведающего розыском, т. к. посредничество это, хотя бы и через промежуточных лиц, рано или поздно неминуемо ведет к «провалу» сотрудника. При наличности скудного легального заработка секретного сотрудника надлежит обращать самое серьезное внимание на то, чтобы он не давал повода заметить другим, что он живет выше своих средств. В особенности следует обращать внимание на несоответствие легальному заработку платья, обуви и т. п.

§28
Во время ареста жалованье сотруднику должно быть обязательно сохранено и, по возможности, даже увеличено. Провалившихся сотрудников следует стараться устраивать на места (кроме службы в розыскных учреждениях) и первое время поддерживать их материально.

§29
Расставаясь с секретным сотрудником, не следует обострять личных с ним отношений, но вместе с тем не ставить его в такое положение, чтобы он мог в дальнейшем эксплуатировать лицо, ведающее розыском, неприемлемыми требованиями.

§30
Свидания с секретными сотрудниками должны происходить на особых («конспиративных») квартирах. Не выяснившемуся секретному сотруднику не следует показывать «конспиративную» квартиру; лучше иметь для такового особую квартиру или номер в гостинице или же назначать свидания с такими лицами в ресторанах и т. п. местах.

§31
Конспиративная квартира не должна помещаться в таких местах, где за ней может быть установлено наблюдение (соседство трактира, сада, мелочной лавочки, стоянки извозчиков, трамвайного павильона, общественного заведения и пр.). Она должна иметь обязательно два входа, если позволяют обстоятельства, не находиться во дворе, быть по возможности ближе к канцелярии и в такой части города, где живет поменьше революционных деятелей.

§32
Конспиративных квартир для свидания с сотрудниками нужно иметь по возможности больше и на одной и той же квартире назначать свидания в разные дни и часы сотрудникам разных партий, чтобы предупредить не только весьма вредные последствия, но и самую возможность встречи двух сотрудников.

§33
Чтобы предупредить возможность встречи двух сотрудников, из коих один пришел в назначенный час, а другой по какому-либо экстренному делу, квартира должна быть устроена так, чтобы сошедшихся всегда можно было изолировать друг от друга.

§34
Хозяином наилучшей конспиративной квартиры может служить безусловно верный человек, служивший в Охранном отделении или в Жандармском учреждении на должности, по которой его мало знали в городе, живущий на покое, в отставке, без прислуги и не имеющий никакого другого отношения к розыскному учреждению.

§35
Обыкновенно же конспиративная квартира устраивается у лиц, служащих в Отделении или Управлении, пользующихся особым доверием, которые не занимают показных должностей (которых меньше знают) и которых никто из служащих, известных в городе, и в особенности в форменном платье, не посещает.

§36
Следует принять за правило запирать на ключ комнату, в которой происходит свидание с секретным сотрудником или в которой он находится один. У зеркала или окна сотрудника

никогда сажать не следует. Не следует также иметь в комнате, посещаемой сотрудником, никаких бумаг, записок и т. п. документов, относящихся к деятельности Отделения или Управления. Вообще в целях предупреждения различных неудач не следует пренебрегать никакими предосторожностями до мелочных включительно.

§37
Самое ничтожное сведение о подозрении в «провале» конспиративной квартиры должно служить основанием к немедленной ее перемене.

§38
На каждого секретного сотрудника заводится особая тетрадь (книжка), куда заносятся все получаемые от него сведения. В конце тетради должен быть алфавит, в который заносятся все имена, упоминаемые сотрудником, со ссылкой на страницу тетради, на который имеются о них сведения. В этот же алфавит заносятся и установки лиц со ссылкой на первоначальное имя или революционную кличку.

§39
Со всех алфавитов пишутся листки, которые нанизываются на дугу (общий архив) или регистратор всех лиц, проходивших по внутреннему и наружному наблюдению. На каждое лицо может быть несколько листков по различным кличкам и установке, но со ссылкой на другие листки, например «Мортимер» (кличка в организации Самуила Рысса). Регистр. СР. т. 1. см. Николаев Иван Петров (нелегальный паспорт Рысса) – см. Рысс Самуил Янкелев – действительная фамилия Николаева («Мортимера») см. «Самоня» – (Имя Рысса в семейном кругу) см. «Берлинский» – (кличка наблюдения Рысса) и т. п.
Таким образом, имея отдельный лист на каждую из кличек со ссылкой на остальные, всегда можно по каждому из них найти нужное лицо. На этих листках, кроме кличек и установок и ссылки на регистратор агентуры или № сотрудника, который дает сведения о данном лице, ничего не пишется.

§40
Все сведения об одном лице, поступающие от различных сотрудников, заносятся из книжек на особый лист, на котором сосредоточиваются решительно все агентурные сведения о данном лице ...
Все листки со сведениями о членах одной и той же организации нанизываются на отдельный регистратор, на который и делается ссылка в листке, находящемся на дуге (напр. – «Рег. С. Р. т. 2»).

§41
О лицах, бывших секретными сотрудниками и зарекомендовавших себя с отрицательной стороны, следует незамедлительно сообщить в Департамент полиции, а также во все розыскные учреждения и Жандармские управления.

Источник: Сватиков С. Зарубежная агентура Департамента полиции. – М., 2002. С. 213–229.

Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения. 1907 г.

§1
Одним из средств негласного расследования является наружное наблюдение за лицами, прикосновенными к революционному движению, для каковой цели назначаются особые лица (филеры).

§2
Наружное наблюдение представляется средством, большей частью вспомогательным, а потому, при отсутствии освещения со стороны внутренней агентуры, оно лишь в исключительных случаях может дать самостоятельный материал для выяснения сообществ. Поэтому наибольшую выгоду из наружного наблюдения можно получить только при строгом сообразовании его с указаниями внутренней агентуры на значение наблюдаемых лиц и намеченных филерами событий.

§3
При отсутствии попутного освещения со стороны внутренней агентуры не следует допускать чрезмерного развития наружного наблюдения, так как, будучи весьма растяжимо, оно может давать весьма обширный, непонятный материал, крайне затрудняющий работу филеров и отделения.

§4
Подробные правила для деятельности филеров изложены в особой инструкции.

§5
В видах успешного наблюдения филеры должны быть приучены к возможно тщательному запоминанию лиц наблюдаемых, а не к определению их по одной одежде.

§6
Начальники охранных отделений, кроме денег, назначаемых по их усмотрению и выдаваемых только за дни действительной службы, возмещают филерам также и расходы, вызываемые осуществлением наблюдения (трактиры, извозчики, квартиры и т. п.) по представляемым ими счетам, по мере действительной надобности. Расходы эти покрываются из отпускаемых на каждого филера 15 рублей «суточных» денег.

§7
В отношении представления филеров для допроса в качестве свидетелей при дознании надлежит в точности руководствоваться правилами, изложенными в циркулярном предписании начальникам губернских и областных жандармских управлений от 20 марта 1903 года № 2821.

§8
Заведующий наружным наблюдением в охранном отделении разрабатывает все поступившие сведения по наблюдению, выбирает из них наиболее серьезные и заслуживающие внимания и представляет таковые через начальника отделения в районное охранное отделение, по каждой организации отдельно, один раз в неделю. Никаких переписок помимо начальника отделения с другими учреждениями и лицами, а также Департаментом заведующие наблюдением вести не имеют права.

§9
Все сведения по наружному наблюдению за каждым отдельным лицом записываются филерами ежедневно в вечерние рапортички.
В дальнейшем сведения по наблюдению за лицами, принадлежащими к одной и той же организации, переписываются и соединяются в дневники наблюдения за определенный период времени (форма Б.). При этом, прежде внесения в дневник, сведения выверяются соответственно позднейшим данным и делаются установки лиц и домов, которые в день наблюдения не были выяснены.

Независимо от этого по каждой организации отдельно составляются сводки лиц и домов, проходящих по наблюдению (форма Б.).

§10
Для более быстрого ориентирования в домах, проходящих по наблюдению, в отделении должен иметься листковый алфавит сведений о домах, так называемая «дуга домов», на которую нанизываются листки трех цветов в порядке номеров домов по каждой улице особо.
Первый – красный (форма Г.-I), на который заносятся вкратце все сведения о данном доме по агентуре, делам и проч. (например, «живет социалист-революционер» «Артур» – см. регистр. С. Р. № 1; собираются сходки социал-демократов в квартире № 6 (агент. № 4); входящий № 168, исходящий № 379 и т. п.). Если дом проходит по наблюдению, то на красном листке ставится штемпель того месяца, когда дом проходил по наблюдению: «Наблюдение, январь 1906 г.». Взяв соответствующую сводку, можно видеть, кто посещал этот дом.
Второй лист – зеленый (форма Г.-И) – является сводкой наружного наблюдения по этому дому. На нем в соответствующих графах по каждой организации отдельно отмечается, кто, когда и кого посетил в данном доме. В верхней части этого листка (где нет граф) выписываются фамилии, имена, отчества и звания лиц, к которым, по предположению, могло относиться посещение. Зеленые листы, если дом проходит в данное время по наблюдению, находятся у заведующего наблюдением и представляют из себя черновую сводку домов текущего наблюдения. По окончании же наблюдения за данным домом зеленые листы помещаются на дугу для справок.
Третий лист – белый (форма Г.-З) – представляет из себя выписку из домовых книг лиц, живущих в означенном доме, к квартирам которых, по предположению, могли относиться посещения, агентурные сведения или сведения по переписке.
Все три листа на один дом кладутся по порядку один под другой.

§11
Сводки к дневникам наблюдения (без дневников) к 5-му числу каждого месяца начальники охранных отделений представляют в районные охранные отделения, в Департамент же полиции представляются ими ежемесячно к 5-му числу следующего за отчетным месяца списки лиц, проходивших по наблюдению в этом месяце по каждой организации отдельно, с полной установкой наблюдаемых (фамилия, имя, отчество, звание, лета, вероисповедание, занятие, кличка по наблюдению и в организации) и кратким указанием причин, вызвавших наблюдение. Наиболее серьезным (центральным) лицам следует давать вкратце характеристику в особом примечании к этому списку.

§12
Заведующий наблюдением в районах и старшие филеры в отделениях должны знать адреса таковых же всех других охранных отделений и пунктов для посылки условных телеграмм и писем. Адреса эти и все перемены их сообщаются начальникам всех охранных отделений и заведующему Особым отделом Департамента полиции.

§13
Филерам должны быть заранее отданы приказания о том, кого из наблюдаемых надлежит сопровождать в случае выезда их из города.

§14
Сопровождать наблюдением в иногородних поездах следует только лиц: а) в отношении коих имеются специальные на этот предмет распоряжения Департамента полиции, б) заведомо нелегальных, в) основательно подозреваемых в террористических

злоумышлениях и г) относительно которых доподлинно известно, что поездка их имеет революционную цель.

§15
Для сопровождения наблюдаемых в иногородних поездках командируются не менее двух агентов, так как только в этом случае может быть обеспечен успех наблюдения и устранены нежелательные случайности (потеря, провал и т. п.).

§16
Филер, выехавший из места постоянного пребывания с наблюдаемым, при первом удобном случае телеграфирует заведующему наблюдением в районе и своему начальнику. Телеграммы должны носить характер торговой корреспонденции, например «Товар Черного везу Тулу», или другую, установленную районными отделениями форму.

§17
В случае выбытия наблюдаемого в сопровождении филеров в район ведения другого охранного отделения или управления начальнику последних надлежит немедленно телеграфировать о том шифром, с обязательным указанием: какого числа, каким поездом и какой дорогой в вагоне какого класса и за каким номером, до какого пункта выехал наблюдаемый, как его фамилия или, если он установлен, кличка; кто именно его сопровождает; к какой организации он принадлежит; какое значение он имеет для розыска и что требуется в отношении его предпринять (неотступное наблюдение, установка личности, задержание). В этих телеграммах желательно указывать условные признаки, по которым можно узнать сопровождающего филера.

§18
В случаях переездов лиц, причастных к преступной деятельности, наблюдательные агенты передают наблюдаемого для дальнейшей проследки, тотчас по прибытии в район первого же на пути охранного отделения или жандармского управления филерам этих учреждений. Если же лицо остановилось на более или менее продолжительное время в местности, где филерских отрядов не имеется, то старшему из прибывших филеров вменяется в обязанность явиться к подлежащему жандармскому начальству, если таковое есть в данной местности, и, доложив о цели своего прибытия, продолжать наблюдение силами своего отделения до получения распоряжения своего начальника.
В то же время начальник отделения сообщает начальнику управления, в район коего проведен наблюдаемый, необходимые о последнем сведения, входит с начальником управления в соглашение относительно дальнейшего наблюдения, то есть или о передаче наблюдаемого местным органам, или о продолжении наблюдения филерами отделения, причем последнее, если это возможно по состоянию сил отделения, должно предпочитаться.

§ 19
О выезде всякого наблюдаемого в сопровождении филеров безотлагательно сообщается начальнику районного охранного отделения с подробными сведениями о личности выехавшего и основаниях, послуживших к сопровождению его.
Если наблюдаемый не будет в дальнейшем передан на ответственность розыскных органов другого района, то о результатах проследок, а равно о прекращении таковых сообщается дополнительно.

§20
О принятии в наблюдение приезжего лица доставленного иногородними филерами, в течение суток уведомляется соответствующий начальник охранного отделения и

одновременно сообщается в районное отделение, а после того дополнительно сообщается о результатах последующего наблюдения.

§21
Расходы по разъездам филеров по делам службы вне постоянного местопребывания их покрываются Департаментом полиции, которому и представляются счета по этому поводу с отметкой на представлении и конверте: «по 3-му делопроизводству».

§22
О каждой иногородней командировке надлежит представлять в Департамент полиции по Особому отделу по окончании командировки сведения о причинах, вызвавших сопровождение наблюдаемого, результатов, достигнутых наблюдением, числе дней командировки и количестве израсходованных денег на командировку, со ссылкой на номер представления счетов в 3-е делопроизводство.

Источник: Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. СПб.; М., 2006. С. 95–105.

Инструкция по организации наружного (филерского) наблюдения, 1907 г.

Совершенно секретно
§1
Для несения наружной наблюдательной (филерской) службы выбираются строевые запасные нижние чины, предпочтительно унтер-офицерского звания, не старше 30 лет. Преимущество, при удовлетворении условиям, изложенным в последующих §§, отдается окончившим военную службу в год поступления на филерскую службу, а также кавалеристам, разведчикам, бывшим в охотничьей команде, имеющим награды за разведку, отличную стрельбу и знаки отличия военного ордена.

§2
Филер должен быть политически и нравственно благонадежен, твердый в своих убеждениях, честный, трезвый, смелый, ловкий, развитой, сообразительный, выносливый, терпеливый, настойчивый, осторожный, правдивый, откровенный, но не болтун, дисциплинированный, выдержанный, уживчивый, серьезно и сознательно относящийся к делу и принятым на себя обязанностям; крепкого здоровья, в особенности с крепкими ногами, с хорошим зрением, слухом и памятью, такою внешностью, которая давала бы ему возможность не выделяться из толпы и устраняла бы запоминание его наблюдаемыми.

§3
Филерами не могут быть лица польской и еврейской национальности.
Вновь поступившему филеру должно быть разъяснено:
О том, что такое Государственное преступление.
Что такое революционер.
Как и какими средствами революционные деятели достигают своих целей.
Несостоятельность учений революционных партий.
Задачи филерского наблюдения и связь его с внутренней агентурой.
Серьезность принятых филером на себя обязанностей и необходимость безусловно-правдивого отношения к службе вообще, а к даваемым сведениям в особенности.
Вред от утайки, преувеличивания и вообще ложных показаний, причем ему должно быть указано, что только совокупность безусловно точно передаваемых им сведений ведет к успеху наблюдения, тогда как искажение истины в докладах и в особенности стремление

скрыть неудачи в его работе наводят на ложный след и лишают филера наверное возможности отличиться.

§4
Когда молодых филеров наберется несколько, то желательно попросить в Отделение священника и привести их к присяге на верность службе.

§5
Принимать филеров нужно с большой осторожностью, и, в случаях сомнений, надлежит новичка испытать, для чего выдержать его при Отделении недели две без поручений по наблюдению, стараясь за это время изучить его характер, на основании данных общения его с другими служащими. Бывает, что филер, при всех своих достоинствах, обладает также чрезмерной нежностью к семье или непростительной слабостью к женщинам, – эти качества с филерской службой несовместимы и вредно отражаются на службе.
Филеру в первый же день службы должно быть внушено, что все, что он слышал в Отделении, составляет служебную тайну и ни в коем случае не может быть известно кому бы то ни было.
Во время испытания новичка нужно посылать для деятельного изучения города. Он должен знать части города, улицы, площади, полицейские участки, проходные дворы, трактиры, пивные, общественные сады, скверы, сколько последние имеют входов, выходов; отход и приход поездов, пути трамвая, конки, места стоянки извозчиков, таксу последних, учебные заведения, государственные и частные учреждения, время занятий в таковых; фабрики, заводы, время начала и окончания в последних работы; формы чиновников, служащих в различных учреждениях и заведениях, техников, учащихся.
Полученные филером в этой области познания он должен представлять ежедневно в письменном виде заведующему наблюдением. По этим письменным ответам можно судить до некоторой степени о пригодности его к филерской службе.

§6
При удостоверении в наличности требуемых от филера качеств можно его посылать и в наблюдение за своими служащими, показав ему некоторые приемы наблюдения; в дальнейшем можно уже будет переходить на настоящее наблюдение, для чего назначать новичка в помощь к старому, опытному филеру, который дает ему соответствующие практические указания и поправляет его ошибки. До этого же о служебных приемах, составляющих тайну, говорить не следует.

§7
Так как филер полезен для службы только тогда, когда его мало знают в лицо и не знают его профессии, то филер должен держать себя конспиративно, избегать знакомства, в особенности в месте его квартирования, чтобы там не знали, что он служит в Охранном отделении. Отнюдь никому не следует говорить о приемах филерской службы, и каждому филеру должно быть внушено, что чем меньше посторонние знают приемы филерской службы, тем успешнее розыск. Квартиру следует избирать в таком доме, где нет учащейся молодежи. Если филер живет одиноко, то комнату подыскивает в таком семействе, где меньше интересовались бы его службой и поздним возвращением домой. Род занятий нужно указать такой, при котором можно поздно возвращаться домой (служба на железной дороге, в товарной конторе, трамвае, гостинице и т. п.), дав филеру возможность иметь у себя дома и некоторые доказательства этого рода занятий.

§8
Одеваться филер должен, согласуясь с условиями службы; обыкновенно же так, как одеваются в данной местности жители среднего достатка, не выделяясь своим костюмом

вообще и отдельными его частями (шапка, пальто, ботинки и пр.) в частности из общей массы жителей.

§9
Филеры ни под каким условием не должны знать лиц, состоящих секретными сотрудниками, и – наоборот.

§10
Наружное наблюдение устанавливается за известной личностью с целью выяснения ее деятельности, связей (знакомства) и сношений. Вследствие этого недостаточно «водить» одно данное лицо, а надлежит выяснять лиц, с которыми оно видится и чьи квартиры посещает, а также и связи последних.

§11
Дабы приобрести навык быстро (с первого же взгляда) запоминать наблюдаемого, филер должен пользоваться всяким удобным случаем для практики в запоминании на лицах не наблюдаемых. Посмотрев на таковое, филер, отвернувшись в другую сторону или закрыв на минуту глаза, должен представить себе все приметы этого лица и проверить, таким ли является лицо в действительности.

§12
Приметы должны быть замечаемы в следующем порядке: лета, рост, телосложение, лицо (глаза, нос, уши, рот, лоб), растительность на голове и проч., цвет и длина волос, особенности в одежде, походке или манерах.
Примечание. При описании цвета волос рекомендуется не употреблять мало понятных для филеров и не точно определяющих цвет выражений: «брюнет», «шатен», «блондин», а определять цвет так: 1) черный («брюнет»), 2) темный («шатен»), темно-русый («блондин»), светло-русый, седой. Рыжие цвета: темно-рыжий, рыжий, светло-рыжий.
Для более точного определения цвета волос филерам должно показать примеры на живых лицах.

§13
При сообщении сведений о каждом наблюдаемом в самом начале должно указывать, где он живет, если же в адресе нет уверенности, то писать: «по предположению в доме № ____по____улице». Если местожительство не установлено, то писать: «местожительство не установлено».

§14
При посещении наблюдаемыми домов следует точно указывать, помимо улиц, еще номер владения и фамилию владельца, если нет № , а равно, по возможности, и квартиру (ход, этаж, флигель, окна, балкон и т. п.).

§15
Если в одном доме наблюдаемые посещают два или несколько разных помещений, то надлежит каждый раз указывать, куда именно они ходят.

§16
Каждому лицу, вошедшему в наблюдение, дается кличка, как равно и лицам, кои, по мнению филеров, будут представляться интересными или часто встречаться ими по наблюдению.

§17

Кличку должно давать краткую (из одного слова). Она должна характеризовать внешность наблюдаемого или выражать собою впечатление, которое производит данное лицо.

§18
Кличка должна быть такая, чтобы по ней можно было судить, относится она к мужчине или женщине.

§19
Не следует давать одинаковых кличек нескольким лицам. Каждый наблюдаемый должен иметь одну кличку, данную ему впервые, когда его узнали.

§20
Упоминая новое лицо под кличкой, должно в вечерней рапортичке сообщать подробно, когда, как и где оно появилось, описать его приметы, а также кто из филеров его лучше знает (например: минский мещанин Лейба Ицков Фридман (кличка «Худой»), проживающий в доме № 29, квартира 3 по Златоустовской улице. 20 сентября «Худой» вышел из дому в 91/2 часов утра и направился на Спасскую улицу в д. № 26 (по предположению в квар. 5), откуда вышел с неизвестным, по виду рабочим (лет 20–23, среднего роста, плотного телосложения, рябой, русый, с маленькими рыжеватыми усиками, без бороды, коротко остриженный, одет в сероватый пиджак, такие же брюки, высокие сапоги, черная фуражка: при походке прихрамывает на левую ногу), коему дана кличка «Хромой». Наблюдаемый вместе с «Хромым» сели в вагон трамвая и поехали к Гостиному двору, где зашли в писчебумажный магазин Петрова и т. д. Подписи: Фролов, Сидоров, Зорин).

§21
Определенное число филеров, назначенных для наблюдения за определенной личностью или домом, называется наблюдательным постом.
На каждый наблюдательный пост назначается не менее 2 филеров, причем один посильнее, другой послабее.

§22
Необходимо менять филеров при назначении на посты, с тою целью, чтобы, во-первых, наблюдаемые не замечали одних и тех же наблюдающих за ними филеров, и, во-вторых, чтобы все филеры ознакомились со всей наблюдаемой группой и имели бы понятие о важности того или другого лица в наблюдении. Последнее важно для того, чтобы стоящие на посту филеры, видя серьезного наблюдаемого без наблюдения, следовательно утерянного, могли оставить свой пост, как менее важный, и взять его в наблюдение для передачи потерявшим филерам. Дабы не оставлять свой пост без наблюдения, можно отделиться только одному. Знать всех наблюдаемых нужно также и для того, чтобы своевременно скрыть себя от случайно проходящего одного из наблюдаемых, так как он может невольно обратить внимание на стоящих филеров, а последним, может быть, завтра же придется за ним наблюдать.

§23
Филеру, назначенному на пост, указывается место, откуда нужно взять наблюдаемое лицо, описываются приметы последнего, дается (если есть) фотографическая карточка; сообщается, если известно, время выхода или прихода; вообще дается вся сумма имеющихся данных, по которым можно узнать лицо, подлежащее наблюдению.

§24

Во избежание провалов и вообще для конспиративного наблюдения рекомендуется иногда одевать филеров посыльными, торговцами, газетчиками, солдатами, сторожами, дворниками и т. п., смотря по местности и надобности.

§25
На пост филер должен прийти не более как за час до известного времени выхода наблюдаемого; если же время неизвестно, то нужно быть на посту ко времени начала общего движения в данной местности.

§26
При осуществлении наблюдения необходимо действовать так, чтобы не обратить на себя внимания, не ходить заметно тихо и на одном месте в течение продолжительного времени не оставаться.

§27
В ожидании выхода наблюдаемого лица филер становится на таком расстоянии от места выхода, чтобы только видеть последний (на сколько хватает зрения) с тем, чтобы по выходе безошибочно определить по приметам данное для наблюдения лицо.

§28
Позиция филера должна быть по возможности закрыта, т. е. чтобы филер не бросался в глаза наблюдаемому лицу. Для этого нужно применяться к местности, пользуясь для прикрытия калитками, углублениями в воротах, бульварами, скверами, парадными ходами, общественными и публичными зданиями и т. п. Удобными местами прикрытия являются находящиеся по близости трактир или чайная, пивная, кофейная и т. п. Заведения, где, усевшись у окна, из которого видно место выхода, можно спокойно ожидать наблюдаемого.

§29
Во время стоянки на посту, в ожидании выхода наблюдаемого, филеры становятся таким образом, чтобы один был к месту выхода лицом, а другой – спиной: при этом они стараются по возможности изобразить из себя лиц очень занятых деловым разговором, обращая в то же время внимание на окружающее; один из филеров смотрит к месту выхода, а другой отдыхает глазами. Если нельзя стоять, то филер фланирует около места жительства наблюдаемого таким образом, чтобы как можно меньше оставалось места без присмотра, останавливаясь в пути под различными благовидными предлогами: рассматривая витрины, разговаривая с извозчиками, лавочниками, женщинами и проч. В случае совершенно неудобной стоянки и невозможности фланировать надлежит занять концы улицы и брать наблюдаемого по пути.

§30
При выходе наблюдаемого филер должен держать себя спокойно, не теряться, не срываться с места. Если наблюдаемый еще не увидел наблюдающего за ним филера, то последнему лучше укрыться, но если наблюдаемый заметил, то лучше оставаться, не изменяя положения, и трогаться лишь тогда, когда наблюдаемый далеко отойдет или завернет за угол.

§31
Заметив выход наблюдаемого и его направление в их сторону, филеры должны быстро сообразить, по условиям местности, как избежать встречи с наблюдаемым: последнее необходимо достигнуть всеми способами, но без суеты и торопливости. Для этого

филеры, зная проходные дворы, лавочку, калитку, скрываются туда и, давши время пройти мимо них наблюдаемому, следуют за ним по одной с ним стороне или по противоположной, что зависит от условий местности.

§32
Следуя за наблюдаемым, филер должен изучить его походку, характерные движения, обращает внимание на то, как наблюдаемый держит голову, руки, как ступает ногами и проч. Чтобы посмотреть в лицо наблюдаемого, нужно пользоваться людными улицами, базарами, перекрестками улиц, трамваем, конкой и проч., так как в этих местах можно видеть лицо наблюдаемого незаметно для последнего. На глухих улицах и переулках совершенно нельзя смотреть в лицо наблюдаемому.

§33
Если встреча наблюдаемого с филерами неизбежна, то не следует ни в каком случае встречаться взорами (не показывать своих глаз), так как глаза легче всего запоминаются.

§34
Дистанция, которую нужно держать при следовании за наблюдаемым, зависит от многих причин. Например, если улица прямая, длинная, мало оживленная, филеры держатся сзади на таком расстоянии, чтобы только видеть наблюдаемого. При следовании по оживленной улице дистанция сокращается; в толпе же нужно держаться близко.

§35
Если наблюдаемый начинает оглядываться, то филер должен определить, почему именно он начал оглядываться: потому ли, что намеревается посетить какое-либо конспиративное место и боится, чтобы его не заметили, или потому, что сам заметил наблюдение. В первом случае нужно продолжать наблюдение с большей осторожностью (если место позволяет, то в обход или в объезд), если же есть основание предполагать, что наблюдаемый может заметить даже осторожное наблюдение, то лучше прекратить таковое. Если есть основание предполагать, что серьезный наблюдаемый может уехать из города, то нужно обеспечить железнодорожный вокзал.
Если наблюдаемый вообще очень «строг» (оглядывается, конспирирует), то нужно чаще меняться филерам и вообще вести наблюдение осторожней.

§36
Проведя наблюдаемого в дом, филер должен обследовать дом, т. е. узнать, не проходной ли он, и если проходной, то обеспечить все выходы. Проходные дворы в городе, где филер имеет постоянное жительство, он должен знать все наизусть.

§37
Все места, куда заходил наблюдаемый, нужно твердо запоминать и при первом удобном случае записывать: время пребывания, прихода и выхода, улицу, № дома, парадное; если на последнем есть карточка, то запомнить ее и записать.

§38
Если дом угловой, надлежит обязательно указать, под какими №№ он значится с обеих улиц и с какой улицы существует вход в таковой дом.

§39
В сведениях не следует писать: «пошел к такому-то», а «пошел в дом такой-то, к такому-то».

§40
В сведениях должно указывать на те места, где наблюдаемые бывают по частным надобностям (обед, занятия, родственники и т. п.), если это уже ранее выяснено.

§41
При посещении наблюдаемыми магазинов и мастерских следует обязательно указывать фамилию владельцев их и улицы, на которых эти заведения находятся.

§42
При посещении наблюдаемым какого-либо дома желательно установить квартиру, в которую он зашел, что сразу удается сравнительно редко, поэтому на первых порах филер ограничивается тем, что узнает, какие №№ квартир в том парадном, куда зашел наблюдаемый, и кто там живет (по дверным карточкам); при дальнейшем наблюдении, можно иногда зайти несколько вперед наблюдаемого и пройти на самый верхний этаж, и, когда наблюдаемый войдет, то, спускаясь, заметить квартиру, в которую он зашел. С тою же целью можно заранее приготовить филера, одетого посыльным, или одному из филеров где-нибудь по близости снять пальто, шапку, даже сюртук, выпустив цветную рубаху на выпуск, и зайти в парадное, как бы здесь живущему человеку.

§43
Если наблюдаемый завернул за угол, нужно ускорить шаги, дабы видеть, как бы за углом наблюдаемый не зашел куда-либо. Если наблюдаемый будет утерян за углом, то, значит, он зашел в место, находящееся недалеко от угла. Рассчитав по времени место, куда мог приблизительно зайти наблюдаемый, нужно вновь избрать место стоянки и стать так, чтобы видно было несколько парадных выходов и ворот.

§44
В местностях, недоступных для стоянки пеших филеров (где они очень заметны), а также к наиболее важным наблюдаемым для успешности наблюдения назначается конное наблюдение через филера, переодетого извозчиком.
В извозчики избирается филер более находчивый, знакомый с управлением лошадью, а также с правилами езды извозчиков. Если такового в Отделении нет, то нужно его подготовить (без наблюдения). Без выучки в наблюдение пускать нельзя, так как неумелый извозчик быстро «провалится». Филер-извозчик по внешности, костюму, равно как и его экипаж, ничем не должен отличаться от извозчиков профессионалов или кучеров собственных экипажей, если употребляется последний. Извозчику-филеру нужно всегда помнить, что по внешности он прежде всего извозчик, а потому он должен исполнять беспрекословно требования полиции, не вступая ни в какие пререкания. Если требование чина полиции приносит вред наблюдению, то оно все равно должно быть выполнено, а потом незаметно от других извозчиков филеру нужно переговорить с чином полиции или старшим над ним, сказав ему, кто он есть в действительности. Если этих переговоров можно избежать, не нанося особого ущерба делу, то последнее предпочтительнее.
При появлении среди других извозчиков извозчику-филеру нужно прежде всего бояться «провала», так как появление нового извозчика сразу заинтересует его коллег; поэтому с посторонними извозчиками надлежит поменьше разговаривать. Появление извозчика вне места обычной их стоянки обращает внимание дворников и сторожей, которые обыкновенно гонят их, чтобы не «гадили лошади». В этом случае продолжительность стоянки филера-извозчика на одном месте зависит всецело от находчивости филера. Он всегда должен быть готовым к ответам и быстро схватывать тип дворника. Судя по типу дворника, извозчик одному говорит, что выжидает доктора, приехавшего к больному, другому «по секрету» сообщает, что ожидает «барина», который находится у чужой жены и для поездок по этому делу всегда берет его, или рассказывает басню про такую же

барыню, третьему предлагает угостить «по-хорошему», чтобы не гнал с «выгодного» места и т. п.; все это зависит от находчивости извозчика. На вопросы публики филер-извозчик отвечает: «Занят». Возить наблюдаемого, во избежание провала, не считается удобным, но иногда, вечером, или в дождливую погоду, или близко к ликвидации, или, если нет другого извозчика и филеру неудобно сказать, что он «занят», это делается, но извозчик торгуется с наблюдаемым так же, как со всяким пассажиром.

§45

Обязанности филера-извозчика те же, что и пешего. Он также должен выбрать позицию и оттуда наблюдать выход наблюдаемого. Пешие же, назначенные в помощь конному, обыкновенно скрываются в ближайшем прикрытии (трактир, чайная), расположение которого извозчик должен знать. По выходе наблюдаемого извозчик, незаметно для наблюдаемого и посторонних, трогается с места, сажает пеших филеров, если они на улице, с такими же приемами, как обыкновенных седоков, и едет за наблюдаемым, если тот также поехал на извозчике; или идет один, а пешие ведут пешком извозчика, если наблюдаемый идет пешком. Если пешие находятся в трактире, то извозчик, заметив направление наблюдаемого, быстро дает знать пешим посредством условного между ними сигнала, если они сидят у окна; или входит во внутрь трактира и говорит пешим что-нибудь вроде следующего: «Что же, господа, деньги давайте, или поедем?» Пешие спокойно, но быстро выходят, садятся на извозчика, и последний догоняет наблюдаемого. Если наблюдаемый идет пешком, то пешие оставляют извозчика и следуют обыкновенным порядком за наблюдаемым непосредственно или за извозчиком, а последний ведет уже наблюдаемого, следуя тихо за ним. При приближении к углам извозчик подъезжает ближе, дабы, при повороте за угол, видеть, куда зайдет наблюдаемый. Вообще извозчик может держаться ближе к наблюдаемому, что и делает там, где этого нельзя пешим.

§46

Когда наблюдаемый поехал на извозчике, пешие филеры должны также брать извозчика (хотя бы и не филера) и ехать за наблюдаемым. Извозчику нужно только указать – куда ехать. Заметив, что наблюдаемый оставил извозчика и зашел в дом или пошел дальше пешком, нужно также оставить извозчика, свернув для этого за первый попавшийся угол, для того, чтобы наблюдаемый не заметил, что ехавшие сзади его также оставили извозчика. После этого, рассчитав извозчика подальше от места стоянки, надлежит продолжать наблюдение пешком. Иногда (например, когда близко нет угла), дабы не упустить наблюдаемого из виду, один из филеров оставляет извозчика на ходу и занимает позицию, а другой едет для расчета дальше и затем возвращается. Необходимо всегда запоминать и записывать № извозчика, на котором едет наблюдаемый, дабы, в случае утери, можно было навести справку у извозчика – куда он возил пассажира. Если наблюдаемый часто ездит на извозчиках и представляет интерес, полезнее назначать за ним своего филера-извозчика.

§47

Если наблюдаемый садится в трамвай или конку, то филер может также сесть с ним, но должен обратить внимание на то, не наблюдает ли наблюдаемый за тем, кто после него садится и слезает. Если наблюдаемый обращает на это внимание, то в следующий раз садиться в трамвай не следует, а нужно ехать на извозчике. Так как извозчик не всегда успевает за трамваем и поэтому можно потерять наблюдаемого, то одному из филеров можно сесть на извозчика, а другому в трамвай.

§48

Если наблюдаемый отправился в театр, сад и т. п. места, то одному из филеров следует отправиться за наблюдаемым, а другому остаться оберегать выход, на случай если филер, вошедший внутрь, утеряет там наблюдаемого. Нужно иметь в виду, что наблюдаемые вообще редко заходят в увеселительные места для развлечения, а в большинстве случаев они пользуются этими местами для конспиративных свиданий; а потому, если в театре наблюдаемый с кем-либо виделся, имея продолжительный разговор, или избирал для разговора укромные места, и вообще, судя по конспиративным приемам, имел деловое свидание, то лицо, видевшееся с наблюдаемым, по выходе следует брать под наблюдение для установки.
Находясь в театре, филер ведет наблюдение так же, как и на улице, и также старается не встречаться с наблюдаемым лицом к лицу.
Если нет возможности быть в одном отделении с наблюдаемым (партер, балкон, галерея), то филеру надлежит поместиться так, чтобы все-таки видеть наблюдаемого. Надлежит также заметить вешалку, на которой оставил наблюдаемый пальто.
Если филер почему-либо найдет неудобным для себя дальнейшее пребывание в театре, то, заметив хорошо приметы лица, с которым виделся наблюдаемый, выходит наружу, присоединяется к своему товарищу, и они вместе ожидают выходов наблюдаемых.

§49
При входе наблюдаемого в трактир или другое подобное заведение, нужно проникнуть туда и посмотреть, что делает там наблюдаемый. При этом нужно держаться очень осторожно: войти вместе с другими посетителями и под их прикрытием быстро сообразить расположение помещения, дабы занять удобный пункт для наблюдения и, заняв таковой, наблюдать. Если заметно, что наблюдаемый зашел не на свиданье с кем-нибудь, а просто поесть, напиться чаю и пр., то тогда лучше всего поскорее уйти из трактира, если же заметно, что наблюдаемый кого-то ждет, то непременно нужно ожидать (заказав себе что-либо в трактире), кто к нему явится, и затем, если пункт для наблюдения удобный, можно ожидать его выхода там же; если же почему-либо наблюдать неудобно, то выйти на улицу и ожидать там. Если наблюдаемых несколько и они выйдут порознь, то один из филеров ведет первого, а другой остается в ожидании выхода второго и ведет его.

§50
Если филеры осуществляют наблюдение, сидя в пивной, трактире и проч., то должны садиться у окна таким образом, чтобы видно было, когда войдет или выйдет наблюдаемый. Деньги за пиво, чай и т. п. должны быть всегда наготове. Разговоров с посторонними нужно избегать. Заметив наблюдаемого, нужно спокойно кончить чаепитие, спокойно встать и также спокойно выйти. Если наблюдаемый сам находится в трактире, чайной и проч., то особенно важно не срываться с места вслед за ним. Не говорить вслух фраз, относящихся к наблюдению, вроде следующих: «Вышел – пойдем». Собираясь уходить, нужно спокойно сказать: «Не пора ли?» «Пойдем», чтобы и окружающая публика не имела ни малейшего подозрения, что филеры за кем-нибудь наблюдают.

§51
При встрече наблюдаемого с другими лицами нужно запоминать их приметы (лицо, костюм), обращать внимание на характер встречи (условный, случайный, сердечный, товарищеский, формальный и пр.), продолжительность разговора, передачу чего-либо и проч.
И все это потом записать, а также записать, в какой час встретились, в каком месте, сколько времени говорили.

§52

Если при наблюдении за одним лицом будет замечено свидание его с несколькими при конспиративной обстановке (в трактире, саду, сквере и т. п.) или сходка, то в этом случае один из филеров должен немедленно дать знать в Отделение, которое распорядится послать подкрепление, для чего, в случае недостатка филеров, последние снимаются с менее важных постов. Присутствовавшие на свидании или сходке устанавливаются; т. е. их нужно водить до того места, где они, по признакам, живут (нужно «положить» наблюдаемого). Признаками возвращения домой могут служить: уверенная походка, вход в парадное без звонка, своим ключом, выход на балкон, к окну, одетым по-домашнему, зажигание огня в темной квартире, выход за покупкой съестных припасов и т. п. Если же подобных признаков нет, то иногда можно, под благовидным предлогом, завести осторожный разговор с дворником или прислугой и навести у них в разговоре справки. (Не доктор ли возвратился?. Кажется, акушерка пришла? А, вот, наконец, и сапожник пришел... и т. п.).

§53
При наблюдении за домом, куда зашел наблюдаемый, филер должен обращать внимание на то, нет ли около дома патруля, не проходят ли туда через короткие промежутки времени лица, знакомые наблюдению, или вообще подозрительные, которые ищут дом, не заходят в него сразу, а сначала проходят мимо, оглядываются и проч. Такое поведение заходящих указывает, что в означенном доме происходит сходка, о чем филер должен немедленно дать знать в Отделение.

§54
Если филеру нельзя оставить пост, а нужно дать знать о чем-нибудь в Отделение (сходка, необходимость увеличить наблюдательные силы и проч.), то он пишет записку заведующему наблюдением и посылает ее с посыльным или извозчиком в Отделение, запоминая № извозчика или посыльного. Записку надлежит писать условно. («В таком-то доме гости ждут Вас», «Пришлите столько-то приказчиков туда-то», «Мы ждем Вас с товарищами там-то» и т. п.).

§55
Если при наблюдении за конспиративным свиданием или сходкой число наблюдаемых будет больше, чем число филеров, несмотря на присланное подкрепление, то под наблюдение, для установки, берутся наиболее серьезные, преимущество отдается более пожилым и тем, которые при выходе конспирируют, т. е. оглядываются, прячут лицо и т. п., или тем, которые имеют при себе какую-нибудь подозрительную ношу.

§56
Если несколько наблюдаемых приведены в одно место и вследствие этого произошло в данном месте скопление филеров, то последние не должны группироваться, а должны немедленно же распределить роли и оставить необходимый пост; остальные удаляются в ближайшее укрытое место (пивную, чайную и т. п.), где ожидают сигнала о выходе.
Если оставшимся на посту неудобно зайти в трактир, чтобы предупредить о выходе наблюдаемых, то можно филерам, сидящим у окна трактира, показать условный сигнал, например, пальцы, число коих означает выход первого, второго и т. д. наблюдаемых; по этому сигналу подлежащий филер выходит и ведет своего наблюдаемого.

§57
Находясь в продолжительном наблюдении у дома, где живет наблюдаемый, филер должен изучать живущих в наблюдаемом доме, чтобы отличать живущих от случайно приходящих, и интересующую личность взять под наблюдение.

§58
Наблюдение за местами, где предполагается, что имеется лаборатория, типография, склад оружия и т. п., ведется с крайней осторожностью. В таких случаях обыкновенное пешее наблюдение часто ведет к провалу, а потому нужно наблюдать или из квартиры (снимается напротив или по близости квартира), или ставить конное наблюдение, если есть близко извозчики, или же, если на боковой улице, то переодетым торговцем, посыльным и проч., в помощь которым даются пешие филеры. Последние не становятся близко около наблюдаемого дома, а загораживают выходы из улиц и берут наблюдаемых по пути, ведут с большой осторожностью, остерегаясь малейшего провала. При возвращении таких наблюдаемых домой нужно идти как можно дальше от наблюдаемого. Входить во двор или дом, для установки квартиры, можно только в бойких дворах и очень больших домах.

§59
Если приходится арестовать наблюдаемого на улице, то филеры должны «отвести» наблюдаемого подальше от его квартиры и указать наблюдаемого чину полиции, для ареста. Если наблюдаемый идет по направлению к полицейскому участку, то лучше «подвести» его ближе к последнему.

§60
В случае потери наблюдаемого филеры должны возвратиться к месту жительства наблюдаемого и ожидать вторичного его выхода или возвращения, а также установить наблюдение в местах наиболее частых его посещений.

§61
Вечером, на общем собрании в Отделении, филеры обмениваются приметами новых лиц, вошедших в отчетный день в сферу наблюдения, и этим путем удостоверяются, не было ли данное лицо в этот же день в сфере наблюдения другого поста; в то же время сообщается о новых местах, посещаемых наблюдаемыми, дабы общими силами наметить квартиру, которую посещает наблюдаемый. Дома, посещаемые наблюдаемыми, в тот же день отмечаются заведующим наблюдением или самими филерами на «дуге домов», имеющейся в Отделении (на красном листе дома ставится штемпель: например, «Наблюдение Март»), и одновременно наводятся справки (на листе посещенного дома), имеющиеся о нем в Отделении.

§62
Если филер находится на службе на вокзале или пристани для наблюдения за приходящими и отходящими поездами и пароходами, то он должен приходить за 1 час до отхода поезда и за 15 минут до прихода, чтобы иметь возможность оглядеться в публике.

§63
Если наблюдаемый явился на вокзал или пароходную пристань и имеет там свидание с отъезжающим пассажиром и, может быть, что-нибудь ему передает, то надлежит немедленно дать знать об этом (по телефону или лично) в Отделение и спросить, нужно ли ехать за этим пассажиром.
Относительно сопровождения наблюдаемых при выездах из города нужно заранее дать указания филерам, дабы они имели возможность всегда ехать с наблюдаемым, так как последние весьма часто являются для отъезда в момент отхода поезда.
На случай отъезда наблюдаемых должно иметь на вокзале у состоящих при вокзале филеров аванс, из которого отъезжающие филеры берут себе на дорогу. Этот же аванс может храниться в жандармской канцелярии на вокзале, или же иметься у филеров

(рублей по 25 на каждого), которые наблюдают за лицами, подлежащими сопровождению при выездах.
Если наблюдаемый намеревается брать билет, то нужно постараться стать непосредственно за ним, чтобы узнать, куда он берет билет, если же это не удается, то заблаговременно предупредить жандармского унтер-офицера, который может всегда узнать, куда наблюдаемый берет билет. Если не удалось узнать у жандармского унтер-офицера, то попробовать узнать у носильщика, который прислуживает наблюдаемому. На больших вокзалах можно узнать по кассе, какой взял билет наблюдаемый: пригородный или дальний. Если не удалось узнать, куда взял билет наблюдаемый, то филер берет билет до первой большой станции. В пути филер старается узнать, куда взят билет у наблюдаемого. Это можно узнать путем наблюдения за кондуктором, контролером, которые при поверке билетов имеют обыкновение говорить вслух конечную станцию пассажира. Спрашивать кондукторов и контролеров нужно избегать, так как они могут сообщить наблюдаемому; во всяком случае, спрашивать нужно под благовидным предлогом. Если наблюдаемый держится спокойно, то филеру можно поместиться в одном с ним вагоне (в другом отделении), заняв верхнее место, откуда и следить за наблюдаемым. Установку места следования наблюдаемого надлежит делать весьма осторожно и, в случае неудачи, брать билет до следующей узловой станции.
В пути один филер всегда бодрствует, другой отдыхает. При приближении к каждой остановке необходимо посмотреть, не приготовляется ли наблюдаемый к оставлению поезда.

§64
В случае неуказания, что за наблюдаемым надлежит следить и после его выбытия из города, наблюдение должно производиться только в сем последнем. Если, однако, есть агентурные сведения о том, что выезд делается с нелегальными целями (съезд, серьезное конспиративное поручение и проч.), надлежит продолжать за ним наблюдение и по выбытии его из города. При этом филеры передают наблюдаемого для дальнейшей за ним проследки тотчас по прибытии в район первого же по пути Охранного пункта, Охранного Отделения или Жандармского Управления филерам сих Отделений или Управлений. О выбытии наблюдаемого делается предупреждение условной телеграммой для организации встречи.

§65
В случаях переездов лиц, состоящих под наблюдением, в район другого Отделения, наблюдение передается местным филерам, о чем филер, начавший наблюдение, докладывает Начальнику местного Отделения. Если же лицо прибыло в местность, где Охранного Отделения или филерских отрядов не имеется, то наблюдение за ним продолжается прежними филерами, причем старшему из них вменяется в обязанность явиться к подлежащему Жандармскому Начальству, если таковое в данной местности имеется, и доложить о цели прибытия.

§66
При неожиданном, внезапном выезде с наблюдаемым филеры обязаны при первой же возможности телеграфировать своему Заведующему наблюдением условным языком о том, каким поездом они следуют, кого сопровождают, куда направляются, а также указать станцию (узловую), куда можно послать ему телеграмму «до востребования» если потребуется дать какие-либо распоряжения относительно наблюдаемого. Если место следования наблюдаемого известно филерам, то они телеграфируют, кроме того, Заведующему наблюдением соответствующего Охранного Отделения, сообщая иносказательно, сколько наблюдаемых едет, каким поездом, кто именно сопровождает. Если после этого наблюдаемый изберет почему-либо иное направление или пересядет в

другой поезд, филер о происшедших переменах дополнительно и своевременно телеграфирует в пункт встречи, во избежание напрасного там ожидания.
Если расстояние между местом следования и пунктом направления слишком кратко, то извещение о необходимости встречи должно делаться срочно телеграммой, дабы было время для необходимых распоряжений.

§67
Если наблюдаемый направится с какой-либо железнодорожной станции лошадьми в имение или деревню, то в большинстве случаев ехать за наблюдаемым не представляется возможным. В этом случае нужно заметить № извозчика, нанятого наблюдаемым, а если нет №, то спросить других извозчиков, как зовут того, который повез наблюдаемого. Наняв после этого извозчика, в разговоре спросить его, куда он отвез седока.

§68
При прибытии филеров и наблюдаемого из места постоянного жительства в другой город филеры немедленно сдают свои вещи (если таковые имеются) на хранение носильщику и продолжают вести наблюдение.
В это время наблюдение нужно вести особенно энергично, дабы не упустить наблюдаемого, и беспрерывно до тех пор, пока не явится возможность определить, где именно поселился наблюдаемый.
Если представится возможным, то филерам полезно занять квартиру такую (в гостинице, меблированных комнатах и пр.), чтобы можно было видеть выход наблюдаемого.
В первые же свободные часы филеры должны заняться изучением города, т. е. узнать улицы, общественные места, коночные пути, узнать приходы и отходы поездов, переменить головные уборы, если таковые не соответствуют уборам, которые носят в данное время в этой местности.
Если не удалось поселиться около наблюдаемого, то полезно останавливаться в гостинице около вокзала. Это необходимо потому, что часто приходится уезжать из города вслед за наблюдаемым, а потому, если филер живет близко к вокзалу, то он, при отъезде наблюдаемого, успеет захватить свои вещи.
В случае потери наблюдаемого необходимо одному из филеров являться на вокзал к отходу поездов, дабы не пропустить отъезда наблюдаемого, а в городе производить розыск около того места, где наблюдаемый утерян, а также около тех мест, которые он часто посещал, и в пунктах гуляния публики.

§69
Если наблюдаемый привезен в другой город и приезжих филеров встретили филеры местного Охранного Отделения, то приезжим надлежит немедленно же передать местным филерам наблюдаемого и отнюдь не ехать вместе с ними в наблюдение, так как наблюдаемый мог при отъезде или в пути запомнить филеров, и тогда наблюдение будет испорчено.
Приехавшие филеры, сдав наблюдаемого, должны немедленно с вокзала явиться в местное Охранное Отделение и доложить имеющиеся у них сведения о наблюдаемом и, если не будет особого приказания, возвратиться назад.

§70
По прибытии в какой-либо другой город, вне своего постоянного местожительства, филер немедленно телеграфирует свой адрес своему Начальнику и письменно сообщает подробно результаты наблюдения ежедневно.
О всех выездах наблюдаемых лиц Начальник Охранного Отделения письменно сообщает в Особый Отдел Департамента Полиции, с краткой характеристикой лица, указывающей на причину сопровождения наблюдаемого.

§71
В небольших провинциальных городах, где улицы пусты и филер, близко идущий к наблюдаемому, заметен последнему, практикуется способ «параллельного» наблюдения (по смежной улице). При таком способе наблюдения один из филеров идет по улице, параллельной той, по которой идет наблюдаемый, и притом со скоростью движения наблюдаемого, а другой сзади наблюдаемого, но настолько далеко от последнего, чтобы его было только видно. Первый филер равняется с наблюдаемым на перекрестках, где филеры непременно должны зорко проверить проход наблюдаемого через пересекающую улицу. Таким образом, можно всегда (при ровных улицах) наблюдать «без провала» и видеть, куда заходит наблюдаемый. При наблюдении за очень серьезной личностью по параллельным улицам идут два филера: один с правой, другой с левой стороны наблюдаемого, а третий – на далеком расстоянии сзади, по одной улице с наблюдаемым.

§72
При осуществлении наблюдения в небольшом городе нельзя долго оставаться на одном месте на улице, не обратив на себя внимания жителей, поэтому наблюдаемые берутся на ходу, т. е. не прямо от дома, а на пути его из последнего, а также из наблюдательных квартир, с мест прогулок и проч.

§73
В продолжительной командировке, в маленьком городе, удобнее жить с семьей, так как меньше шансов на провал и, кроме того, прогулки с женой или ребенком часто могут замаскировать наблюдение.

§74
Письма по наблюдению посылаются заказными, в двух конвертах, запечатанных сургучной печатью; причем в верхнем (большом) конверте на месте печати делается прорез, чтобы сургуч при запечатании проник до внутреннего конверта и припечатал его к наружному. Письма рекомендуется сдавать на вокзалах или же опускать в почтовые ящики поездов.

§75
Все письма из одной какой-нибудь местности должны иметь общую порядковую нумерацию и указание, когда и где они составлены, в конце – подпись.

Источник: Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. СПб.; М., 2006. С. 120–140.

Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры.
1914 г.

Совершенно секретно
Служебная тайна
Предъявлению и передаче не подлежит

I

Единственным вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскного органа, является внутренняя агентура.

Состав агентуры пополняется лицами, непосредственно входящими в какие-либо преступные организации, или прикосновенными к последним, или же лицами, косвенно осведомленными о внутренней деятельности и жизни, хотя бы даже отдельных членов преступных сообществ. Лица, состоящие членами преступных сообществ и входящие в постоянный состав такой агентуры, называются «агентами внутреннего наблюдения» или «секретными сотрудниками». Лица, которые хотя и не входят в преступные организации, но, соприкасаясь с ними, постоянно содействуют делу розыска, исполняя различные поручения и доставляя для разработки материал по деятельности партии, в отличие от первых носят название «вспомогательных агентов». Лица, доставляющие сведения, хотя бы и постоянно, но за плату за каждое отдельное свое указание на то или другое революционное предприятие или выступление какого бы то ни было сообщества, называются «штучниками».

В правильно поставленном деле последние – явление не нормальное, и вообще «штучники» нежелательны, так как, не обладая положительными качествами сотрудников, они быстро становятся дорогим и излишним бременем для розыскного органа.

В деле розыска не следует пренебрегать никакими лицами и исходящими от них сведениями, невзирая ни на форму, ни на способ их доставки.

Откровенные показания, заявления, анонимы и проч. должны быть приняты, надлежаще оценены и подвергнуты тщательной и всесторонней проверке. К откровенникам и заявителям следует относиться с большой осторожностью, проверяя как лицо, дающее сведения, так и самые сведения, дабы избежать умышленного направления ими розыска на ложный путь. Личности заявителей, именующих себя «бывшими сотрудниками», надлежит проверять путем сношений по телеграфу с Начальником подлежащего Управления или Отделения, прежде чем вступать с ними в постоянные деловые сношения; к сведениям их должно относиться весьма осмотрительно.

О лицах, бывших секретными сотрудниками и зарекомендовавших себя с отрицательной стороны, немедленно сообщать в Департамент Полиции (циркуляр Д-та Пол. 8 июля 1908 г. № 135007). Секретные сотрудники должны быть постоянными, должны своевременно удовлетворяться определенным ежемесячным жалованьем, размер коего находится в прямой зависимости от ценности даваемых ими агентурных сведений и того положения, которое каждый из них занимает в организации. Весьма полезно поощрять денежными наградами тех сотрудников, которые дают определенные и верные сведения, способствующие удачам ликвидации.

Все стремления политического розыска должны быть направлены к выяснению центров революционных организаций и к уничтожению их в момент наибольшего проявления их деятельности. Поэтому не следует, ради обнаружения какой-либо типографии или мертволежащего на сохранении склада оружия, «срывать» дело розыска. Изъятие этих предметов только тогда приобретает ценность, если они могут послужить изобличительным материалом против видных революционеров, дающим полные основания для привлечения их к дознаниям или следствиям, чем и будет достигнута конечная цель розыска – уничтожение организации.

Только в отношении террористов и грабителей по ликвидированию их не должно допускать излишнего промедления.

Лучшим показателем успешной и плодотворной работы лиц, ведающих розыском, является отсутствие в местности, вверенной их надзору, бомб, различных складов, типографий и пропаганды. Результаты эти могут быть достигнуты только при серьезной осведомленности и при умении систематически и разумно пользоваться этими знаниями.

Провалившихся сотрудников следует стараться устраивать на места, но не в розыскных учреждениях. До приискания ими мест их надо поддерживать как нравственно, так и материально. Необходимо помнить, что сотрудники, дававшие ценные сведения и не тронутые ликвидациями, рискуют провалиться и, таким образом, стать совершенно

бесполезными. В случае провала они бывают вынуждены вести скитальческую жизнь по нелегальным документам и находятся под постоянным страхом мести. Во избежание провала можно с их согласия включать их в ликвидацию и тем дать им возможность нести наравне с товарищами судебную ответственность, но при условии сохранения за ними права на получение жалованья за все время судебного процесса и отбывания наказания. Этим путем не только можно предупредить их провал, но возможно еще больше усилить к ним доверие со стороны партийных деятелей, благодаря чему в дальнейшем они будут в состоянии оказывать делу розыска крупные услуги.
Расставаясь с сотрудником, не следует обострять отношения с ним, но и нельзя ставить его в такое положение, которое давало бы ему возможность в дальнейшем эксплуатировать заведующего розыском различными требованиями.

II

Приобретение секретной агентуры является постоянной заботой заведующего розыском и всех его помощников. В силу этого нельзя упускать ни одного случая, могущего дать хотя бы слабую надежду на приобретение сотрудника или вспомогательного агента.
Каждое лицо, подающее надежду в смысле возможности приобретения в нем секретного сотрудника, надлежит расположить к себе и использовать в целях агентуры, не забывая, однако, что дело приобретения сотрудников очень щекотливое, требующее большого терпения, такта и осторожности. Малейшая резкость, неосторожность, поспешность или неосмотрительность часто вызывают решительный отпор.
Одним из наиболее практикуемых способов приобретения сотрудников является постоянное общение и собеседование с арестованными по политическим преступлениям.
Наиболее подходящими для склонения в работу по агентуре можно считать лиц следующих категорий: подозревавшиеся или уже привлекавшиеся к политическим делам, слабохарактерные революционеры, разочарованные или обиженные партией, нуждающиеся материально, бежавшие из мест высылки, а также и предназначенные в ссылку.
Наметив из них наиболее склоняющихся на путь убеждения и строго считаясь с наиболее заметными слабостями их характеров, все свои усилия должно направить на этих отмеченных, дабы расположить их к себе, склонить в свою сторону, вызвать их доверие и, наконец, обратить их в преданных себе людей.
В этих же целях и для распознания слабых сторон арестованных следует не упускать случаев для собеседований с родственниками и знакомыми их и вообще с лицами, приходящими по разным случаям в Управления, Охранные и Железнодорожные Отделения.
Каждый повод (дознание, расследование, заявление, жалобы и т. д.), дающий возможность заведующему розыском войти в близкое соприкосновение с рабочею массою или со служащими какого-либо более или менее обширного учреждения, должен быть лично им использован в смысле подыскания в этой среде секретной агентуры.
В случае получения о каком-нибудь лице посторонним путем (секретные сведения или через агентуру) сведений о возможности приобретения его в секретную агентуру, таковое под благовидным предлогом, с соблюдением проверки и осмотрительности, может быть приглашено для собеседования.
Приобретение сотрудников возможно из числа обвиняемых, раскаивающихся и дающих откровенные показания во время производства дознания или следствия. В таких случаях необходимо принять меры против оглашения этих показаний и занесения их в протоколы.
Могут быть использованы и материально нуждающиеся революционеры, которые, не изменяя своих убеждений, соглашаются доставлять агентурные сведения исключительно только за денежное вознаграждение.

Способ «подсаживания» в камеры к арестованным своего человека, но не сотрудника, неоднократно дававший крупные результаты, применяется как в целях склонения арестованных к откровенным показаниям, так и для приобретения среди них сотрудников.
Лицо, намеченное к приобретению в качестве сотрудника, рекомендуется секретно задерживать на улице и немедленно доставлять для собеседования непосредственно к заведующему розыском. Способ этот наиболее применим тогда, когда имеются в наличности достаточные улики для дальнейшего задержания этого лица в случае его отказа от предложения сотрудничать. В последнем случае следует ликвидировать ту группу, в которую входит задержанный, и непременно до освобождения его, ибо в противном случае группа эта будет им провалена.
Также могут быть приглашены для собеседования под каким-либо благовидным предлогом, но по предварительной проверке и с соблюдением необходимой осмотрительности, те лица, сведения о возможности приобретения которых в секретную агентуру были получены при посредстве агентуры или же путем совершенно секретных сведений.
Собеседование, в виде внимательного расспроса и серьезного разговора по различным вопросам, без запугивания, без излишних обещаний и откровенностей, всегда должно происходить с глазу на глаз.
При наличности несомненных улик обвинения, добытых по обыскам или по агентуре, склоняемое лицо можно заинтересовать материально или обещанием освобождения из-под стражи и при возможности даже от угрожающего ему наказания.
Действуя убеждениями – для достижения цели по приобретению сотрудника, – можно воспользоваться известными партийными неладами, ссорами и неблаговидными поступками отдельных членов организации.
Лицу, склоняемому к работе по агентуре, следует убедительно разъяснить, что работа его будет совершенно секретной, что каждое данное им сведение будет подвергнуто строгой проверке и что за дачу ложных сведений, кроме прекращения с ним работы, против него будет возбуждено законное преследование.
Обещания склоняемых лиц, что сведения ими будут доставляться впоследствии, не могут служить основанием к их освобождению из-под стражи.
Пока лицо окончательно не склонено к работе, не следует знакомить его с приемами и способами предупреждения провала и прикрытия внутренней агентуры.
Секретных сотрудников надлежит иметь в каждой из действующих в данной местности революционных организаций и по возможности по несколько в одной и той же (но не в одной и той же группе), чтобы организовать проверочную – «перекрестную агентуру».
Весьма полезно заинтересовать приобретением секретной агентуры чинов полиции, начальников тюрем, жандармских унтер-офицеров и других лиц, которым, по роду их служебной деятельности, приходится сталкиваться с разнообразным элементом населения.
Чины полиции, тюремного ведомства и др. с готовностью помогают делу розыска, если дела, получаемые при их содействии, приписываются им и служат основанием для поощрительных представлений о них начальству.
Наличность хороших отношений у заведующего розыском с офицерами Корпуса Жандармов и чинами судебного ведомства, производящими дела о государственных преступлениях, в значительной мере облегчает трудное дело приобретения и сохранения секретных сотрудников.

III

Для успешного руководства делом политического розыска, ведения и развития внутренней агентуры необходимо знание программ революционных партий, знакомство с

историей революционного движения, осведомленность о положении этого движения в данный момент и постоянное чтение вновь выходящей революционной литературы, дабы следить и за дальнейшим ходом его.

Ведение внутренней агентуры определенным шаблонам не подчиняется: в зависимости от местных условий, обстоятельств и сопоставления всех имеющихся в наличности данных изменяются общепрактикуемые приемы и вырабатываются новые.

Во всяком случае, заведующий агентурой должен руководить сотрудниками, а не следовать слепо указаниям последних, а тем более подчиняться их авторитету.

Рекомендуется относиться весьма осторожно к сведениям об отсутствии революционных организаций в данном месте, так как нередко таковые являются или результатом добросовестного заблуждения со стороны сообщающего их, или же намерения отвести розыск на ложный путь.

Составив себе план расследования, заведующий для осуществления его стремится, путем расспросов и поручений, извлечь из агентуры все необходимое, не разоблачая в то же время перед нею ничего со своей стороны. В противном случае можно быстро и незаметно для себя оказаться в руках сотрудников, а при разрыве отношений с кем-либо делу розыска и лицам, ведущим его, будет угрожать опасность.

Вообще излишняя откровенность с сотрудниками приводит к отрицательным результатам. Новому и еще не испытанному сотруднику необходимо предоставлять самому высказываться о преступной деятельности как отдельных лиц, так и сообществ.

К числу вопросов, по ответам на которые можно судить о степени партийной осведомленности нового сотрудника, относятся следующие:

1) В чем заключается программа той партии, в которую он входит и о которой он будет давать сведения?

2) Как сформирована местная организация и из каких отделов состоит она?

3) Какая литература этой партии распространялась и распространяется в данное время?

4) Кто был арестован из членов этой партии, кто остался на свободе и т. п.

Приступая к работе с сотрудником, надлежит и объявить, и внушить ему следующее:

– безусловная необходимость полнейшей откровенности и правдивости с заведующим агентурой, как по деловым, так и по личным вопросам;

– решительно никто, кроме заведующего агентурой, не должен знать о его работе по розыску. Принадлежность его к составу агентуры не может быть им обнаружена никому, ни при каких обстоятельствах и ни в коем случае;

– что размер ежемесячного содержания ему, как сотруднику, определяется «такой-то» и время получения его «такое-то»;

– с поступлением на службу в агентуру сотрудник не должен изменять ни образа своей жизни, ни обстановки, чтобы этими переменами и новыми, даже мелкими, расходами не вызвать зависти и подозрения товарищей по поводу источника денежных получений;

– сотрудник не должен иметь ни при себе, ни в своей квартире ничего такого, что при обнаружении могло бы послужить, хотя бы даже косвенным, указанием на принадлежность его к составу агентуры;

– партийная работа сотрудника по возможности должна быть сведена к посреднической и исполнительной, отнюдь не созидательной, но в то же время к такой работе, чтобы при ликвидации членов группы, им обслуживаемой, в случае даже дачи откровенных показаний последними, сам сотрудник не мог бы быть изобличен в преступной деятельности;

– без ведома заведующего агентурой сотрудник не должен принимать к себе на хранение литературы, оружия, бомб, взрывчатых веществ и проч., а также предоставлять свою квартиру для сходок, собраний и давать свой адрес для явок;

– на каждую активную работу и поручение, возлагаемые на сотрудника сообществом, он каждый раз и до исполнения их обязан испрашивать разрешения заведующего агентурой;

– сотрудники, состоя членами революционных организаций, ни в коем случае не должны подстрекать других на преступные деяния и, таким образом, подводить их под ответственность за сделанное по их же наущению;
– все сведения должны доставляться им заведующему агентурою по возможности немедленно по получении и обязательно с таким расчетом, чтобы по ним можно было принять предупредительные меры;
– в доставляемых сведениях необходимо должен быть точно указан источник их получения; кроме того, сотрудник должен всегда делать строжайшее разделение между слухами, различными передачами, почерпнутым им из газет или партийной литературы и теми событиями, очевидцем которых он сам лично являлся;
– партийную литературу, письма, печати и другие документы и предметы, доверенные сотруднику на хранение, должны быть принесены им на первое же свидание с заведующим для обозрения их;
– приходить сотруднику в учреждение, ведающее розыском, ни в коем случае не разрешается;
– в целях усиления своей осведомленности сотрудник не должен вести проследок, расспрашивать и угощать товарищей, а также переодеваться и гримироваться и...
Ложное заявление, искажение в ту или иную сторону добываемых сотрудником сведений и умышленное создание обстановки преступления, в видах получения вознаграждения, из мести или по иным соображениям личного характера, является тяжким уголовным преступлением и наказуется на общем основании, согласно существующих на сей предмет законов.
Главнейшие вопросы, на которые сотрудник должен всегда стремиться иметь обстоятельные ответы, следующие:
– какие лица являются самыми серьезными, активными и интересными работниками данного момента в обслуживаемой сотрудником организации или партии, где с ними можно встретиться и как, не возбуждая их подозрений, учредить за ними наблюдение;
– как построена обслуживаемая сотрудником организация и партия вообще, начиная от «верхов» и кончая «низами»; каким организациям высшего порядка она подчинена, на какие низшие группы и ячейки распадается и с какими партийными учреждениями находится в непосредственных сношениях;
– какие образцы партийной литературы известны сотруднику: издания повременные и периодические, революционно-подпольные и легальные, заграничные, местные и из других районов Империи; что составляет «злобу дня» и о чем вообще говорится в партийной литературе (легальной и нелегальной) данного момента;
– положение партии и партийных организаций в настоящее время; к чему сводится активная работа текущего момента;
– в чем может и должна в обследуемый период непосредственно проявиться преступная деятельность отдельных лиц, групп и организаций; особенное внимание должно быть обращено на готовящиеся террористические акты, экспроприации, забастовочное движение и массовые выступления вообще, сведения о коих, в видах их предупреждения, должны быть заблаговременно сообщаемы, даже в форме маловероятных, общих и непроверенных слухов;
– кто из партийных и вообще интересных для розыска лиц приехал или выехал: когда, куда, с какой целью, на какой срок и по каким явкам, связям и адресам, места их ночевок, свиданий и т. п.;
– какие сотруднику известны организации и группы, а равно и представители таковых, среди учащейся молодежи высших, средних и низших учебных заведений; каков характер этих учреждений (академический или с примесью политических тенденций); не имеют ли эти организации непосредственных сношений с чисто революционной активной средой и не готовятся ли к каким-либо самостоятельным или в связи с последней выступлениям и действиям;

– какие имеются у сотрудника сведения о деятельности других партий (революционных, оппозиционных и крайних правых) и лиц, принадлежащих к таковым;
– кого из вообще неблагонадежных лиц знает и может указать сотрудник;
– кто в настоящее время подозревается или обвиняется партийной средой в сношениях с розыскными органами и чем эти подозрения и обвинения вызваны;
– что известно сотруднику о предлагаемом употреблении и местах хранения кассы, библиотек, паспортов, типографий, разрывных снарядов, взрывчатых и ядовитых веществ, оружия, огнестрельных и боевых припасов, кинжалов, финских ножей, кастетов и т. п.;
– каково настроение и к чему стремится в данный момент не революционная, но соприкасающаяся с ней среда;
– какие имеются у сотрудника случайные сведения о деятельности и замыслах преступного элемента общеуголовного порядка: возможные грабежи, убийства, разбои и т. д.;
– все сведения, добытые и сообщаемые сотрудником, должны строго распределяться по следующим категориям: а) что известно ему, как очевидцу, и носит вполне достоверный характер; б) что известно от лиц определенно партийных и заслуживающих в своих сообщениях доверия; в) что почерпнуто из литературы и г) что носит предположительный характер и стало известно из случайных разговоров, по непроверенным слухам и от мало осведомленных лиц и источников;
– на всех указываемых сотрудником лиц по мере возможности должны быть даны следующие сведения: а) имя, отчество и фамилия и партийная кличка или прозвище; б) место жительства, род и место занятия или службы и родственные связи; в) приметы: возраст (от 33 до 35, примерно), рост (высокий, выше среднего, средний, ниже среднего, низкий), телосложение (полный, плотный, среднее, худощавый), наружность и ее особенности (видный, представительный, невзрачный, сутуловатый, безрукий, горбатый, косой; знаки, порезы и следы ран на лице и теле вообще); лицо (продолговатое, круглое, заостренное вверх или вниз, полное, худощавое, с выдающимися скулами, бледное, смуглое, румяное), цвет, размеры и формы волос на голове, бороде и усах (светло-русый, темно-русый, брюнет, рыжий, черный как жук, длинные волосы зачесаны вверх, назад, с пробором, бобриком; борода брита, подстрижена, клинышком, лопатой, окладистая), походка (быстрая, медленная, «семенит», «с подпрыгиванием»), манера говорить (тенорком, отрывисто, шепелявя, с инородческим акцентом, картавя), тип (русский, поляк, кавказец, еврейский; рабочий, приказчик, купец), костюм (подробное описание головного убора, верхнего и нижнего платья, обуви), носит ли очки, пенсне, трость, портфель; привычки (вертляв, осторожен, оглядывается и проверяет себя, относится ко всему безразлично); г) с кем встречается и где чаще всего бывает; д) настоящая и прошлая роль в организации или преступная деятельность указываемого лица вообще (подробный и без, совершенно недопустимых, лаконических определений: «агитатор», «видный работник» и т. п.);
– образцы попадающей в руки сотрудника партийной переписки и нелегальной литературы должны быть доставляемы им руководящему его лицу обязательно; экземпляры легальных партийных изданий – по мере возможности.

За две недели перед 9 января, 19 февраля, 18 апреля (1 мая) и другими днями, отмечаемыми постоянными революционными выступлениями, все сотрудники должны стремиться заблаговременно собрать полные сведения о предположенных и готовящихся беспорядках, а заведующий агентурой в подобные периоды времени обязан иметь свидания с сотрудниками по возможности ежедневно.

Вновь принятого сотрудника следует с полной осторожностью незаметно для него основательно выверить опытным наружным наблюдением и постараться поставить его под перекрестную агентуру.

Сотрудники ни в коем случае не могут посвящаться в сведения, даваемые другими сотрудниками.

Сотрудник должен быть поставлен заведующим розыском в такое положение, чтобы он не имел возможности не только заподозрить, но даже и предположить, кто именно, кроме него, принимает участие в работе по агентуре.
С особой осторожностью следует относиться к ознакомлению сотрудника с ходом розыска, с деятельностью учреждения и с его личным составом, если в последнем, по местным условиям, является неизбежная необходимость.
Необходимо заниматься с сотрудниками и направлять их внимание и память на такие обстоятельства, которые, при производстве дознаний, могли бы быть подтверждены доказательствами, не затрагивающими самого сотрудника, и в то же время могли бы быть использованы как явно уличающие то или иное лицо.
В сотруднике, начавшем работу лишь по материальным расчетам, необходимо создавать и поддерживать интерес к розыску как орудию борьбы с вредом революционного движения.
Необходимо всегда иметь в виду, что роль сотрудника нравственно крайне тяжела, и, считаясь с этим, следует поставить его по отношению к себе в такое положение, чтобы он не чувствовал угрызений совести, шел бы охотно на свидания с заведующим агентурой, находя во время последних душевный отдых, внимание, сочувствие и нравственную поддержку.
Сотрудник, стоящий в «низах» организации, постепенно может быть продвинут выше, путем последовательных арестов более сильных, окружающих его, работников.

IV

Свидания с секретными сотрудниками, уже достаточно выяснившимися и вполне заслуживающими доверия, должны происходить на конспиративных квартирах.
Последние должны быть выбраны в частях города, наименее населенных революционными деятелями, и в таких местах, где трудно установить за ними наблюдение.
Квартира должна состоять из нескольких комнат, так расположенных, чтобы было возможно разделить в них случайно сошедшихся нескольких сотрудников, без встречи их между собою.
Хозяином квартиры может быть надежный, семейный служащий, состоящий на такой должности, по которой обыватели города его не знают.
Желательно, чтобы при квартирах, в которых происходят частые свидания, не было бы швейцаров.
Хозяину конспиративной квартиры должно быть внушено следующее:
У него не должны бывать гости и вообще частые посетители, хотя бы даже и его родные.
Прислуга не должна открывать дверей приходящим на квартиру.
Он не должен допускать встречи между сотрудниками.
Он не должен вступать в какие бы то ни было разговоры с сотрудниками, спрашивать их фамилии и вглядываться в их лица.
Он должен немедленно запирать за сотрудником двери и удаляться от дверей комнаты, в которой последний принимается.
Он не должен допускать в квартиру новых лиц, не имея на то предупреждения и разрешения заведующего.
Он не должен выпускать сотрудника, не проверив, что последнему, по выходе, не угрожает встреча с кем бы то ни было.
По уходе сотрудника и заведующего, он должен осмотреть комнату, и если бы в ней оказались случайно ими оставленные какие-нибудь вещи, а в особенности рукописи и записки, то таковые он должен сохранить и обязательно передать их заведующему и что нарушение выше приведенных требований лишит его права на дальнейшее держание квартиры.

Конспиративных квартир, сообразно с числом сотрудников, следует иметь по возможности больше, дабы избежать посещений одной и той же несколькими сотрудниками одной организации.
Полезно иметь одну из них, специально предназначенную для свиданий с наиболее серьезными и ценными сотрудниками, которая не должна быть известна остальным.
Не следует назначать свиданий нескольким сотрудникам в один и тот же день и час, на одной и той же квартире, во избежание возможности встречи их друг с другом.
Если же после одного свидания необходимо иметь в той же квартире свидание с другим сотрудником, то после ухода первого необходимо проверить, не остановился ли он где-либо поблизости с целью установить своего соработника. Большинство сотрудников, невзирая на их надежность, стремится к этому.
Свидания с сотрудниками в квартире заведующего агентурой производить не следует; в квартире же сотрудников они совершенно недопустимы.
В прихожей квартиры отнюдь никаких вещей, а тем более одежды сотрудника, оставлять не следует.
В комнате, в которой происходит свидание или где ожидает сотрудник, следует закрывать дверь на ключ.
У окон и зеркала сажать сотрудника нельзя; в сумерки следует закрывать ставни и спускать занавеси.
В комнатах, посещаемых сотрудниками, не должно оставлять никаких документов и записок, имеющих отношение к делу розыска.
По окончании свидания первым из квартиры выходит заведующий агентурой, чтобы предупредить встречу сотрудников.
Для проверки квартиры следует время от времени ставить за нею наблюдение, но людьми вполне надежными.
В случае подозрения в провале ее необходимо немедленно прекратить свидания в ней и, в случае подтверждения подозрений, оставить квартиру совершенно.
Сотрудникам, начинающим работать, показывать квартиру нельзя. С ними свидания возможны в гостинице и т. п. местах, но каждый раз с соблюдением полной предосторожности и с обязательной проверкой за собою как со стороны заведующего агентурой, так и сотрудников. Всякое подозрение должно быть тщательно, спокойно и лично проверено, хотя бы и с пропуском назначенного свидания.
Следует иметь в виду, чтобы при свидании в номерах гостиниц прислуга не видела бы в лицо сотрудника.
Для облегчения сношений между заведующим агентурой и сотрудниками необходим взаимный между ними обмен условными или частными адресами и указанием друг другу мест, возможных для ежедневных встреч на улице, в проходных дворах или на лестницах.
Для вызова на экстренные свидания также должны быть выработаны условные сообщения, посылаемые по заранее намеченным адресам.
Показателем необходимости свидания может быть и как бы случайная встреча.
Свои письма и сообщения сотрудник должен составлять в третьем лице, с упоминанием в равной мере, среди перечисляемых лиц, и своей фамилии или клички, если только он в действительности прикосновенен к описываемому им событию. Почерк должен быть совершенно изменен, а подпись заранее условленная.
Письма и записки заведующего агентурой к сотруднику должны быть строго конспиративного содержания, написаны также измененным почерком и с условною подписью.
Рекомендуется выбирать для писем бумагу и конверты сообразно со средой, в которой вращается сотрудник, а также и способ изложения их.
Деловую часть письма следует воспроизводить химическими чернилами, в качестве каковых могут служить насыщенный раствор обыкновенной свинцовой примочки,

щавелевая кислота, лимон и т. п. Проявление этих чернил достигается посредством нагревания (утюгом) или же смачивания 5%-ным раствором хлористого железа.
По прочтении писем они должны быть вместе с конвертами лично и немедленно сожжены самим сотрудником.
Свои письма сотрудник должен лично опускать в почтовый ящик.
Условный адрес и пароли следует помнить наизусть, не внося их в памятную книжку.

V

Заведующий розыском, направляя все усилия к предупреждению задуманных революционерами преступлений, в то же время должен заботиться о сохранении и прикрытии своих сотрудников.
Каждое агентурное сведение, даже маловажное по первому впечатлению, должно быть сохранено в строгой тайне.
Вообще агентурные сведения не могут служить темой для собеседования даже с избранными сослуживцами раньше, чем они не будут окончательно разработаны и ликвидированы.
Все материалы, имеющие отношение к делу розыска и к сотрудникам, должны сохраняться в совершенном секрете и с наивозможной бережливостью и осмотрительностью.
Откровенные показания, заявления и анонимы – если есть возможность авторов их склонить в агентуру – оглашению и предъявлению не подлежат, а первые в протоколы не заносятся.
Необходимо, чтобы сотрудник работал в революционной среде или под псевдонимом, или под нелегальной фамилией, но отнюдь не под своей настоящей.
Надо иметь в виду, что иногда строго-конспиративные организации время от времени проверяют некоторых своих членов; для этого ими ложно указываются места и время для явок или собраний, а затем устанавливается наблюдение за появлением филеров и полиции. Поэтому надо быть осмотрительным при постановке наружного наблюдения в таких местах, имея в виду, не производится ли организацией в данном случае розыск сотрудника.
Приобретая сотрудника из числа арестованных, необходимо обставить его освобождение так, чтобы оно не могло вызвать подозрений. При этом надо иметь в виду, что «побеги» арестованных вызывают в революционной среде недоверие.
В каждом случае, при возложении сообществом на сотрудника какой-либо активной работы или поручения, следует строго оценить действительную надобность принятия им последнего на себя, как в смысле прикрытия своего положения, так и в целях получения новых данных для розыска, причем следует иметь в виду, что постоянные уклонения сотрудника от поручаемой ему организацией работы могут неблагоприятно отразиться на его репутации.
Перед ликвидацией следует, не знакомя сотрудника со временем производства ее, установить, путем расспроса его, какие лица не могут быть ликвидированы в целях прикрытия и сохранения его положения в революционной среде.
В этих же целях следует не вводить в ликвидацию нескольких, наиболее близких лиц к сотруднику из числа менее вредных по своей деятельности, дабы не оставить нетронутым в организации одного сотрудника.
В случае крайней необходимости возможен и арест самого сотрудника, но по предварительному с ним соглашению. Освобождение его в таком случае возможно, но уже после освобождения группы лиц, равного с ним партийного положения.
В ликвидационных записках не следует называть даже псевдонимов сотрудников, употребляя взамен их выражение – «по имеющимся агентурным сведениям».

Сведения, известные лишь одному сотруднику или строго ограниченному кругу лиц, в записку вовсе не помещаются и являются достоянием исключительно лица, ведущего данного сотрудника, которое знакомит с частями этих сведений тех служащих розыскного органа, содействие которых по таковым необходимо для дальнейшей работы.
Секретные сотрудники, если они не живут на партийные средства, должны иметь какой-нибудь легальный заработок.
Устраиваться на службу сотруднику следует без явного посредства заведующего розыском.
Фамилию и адрес сотрудника должен знать только заведующий агентурой; остальные же чины учреждения, имеющие дело с его сведениями, могут знать его номер или псевдоним.
Наружное наблюдение и чины канцелярии совершенно не должны знать сотрудника. Им он должен быть известен, но лишь по кличке, как действительный революционер, и только в том случае, если он вошел в сферу наблюдения.
Источник: Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. СПб.; М., 2006. С. 344–358.

Глава 14
Заграничная агентура Департамента полиции

Агентура русской тайной полиции действовала за границей начиная с эпохи Третьего отделения. Так, в Париже постоянно работал бывший член декабристского «Союза благоденствия» Я.Н. Толстой, считавшийся эмигрантом-невозвращенцем, недолго в 1840-х гг. осуществлял общее руководство агентами-иностранцами барон К.Ф. Швейцер, неоднократно выезжали в командировки в различные европейские страны чиновники Третьего отделения, уже после его ликвидации и образования Департамента полиции в 1880 г. во Франции и Германии для сбора сведений о русской политэмиграции по приказу М.Т. Лорис-Меликова побывали сотрудники аппарата Верховной распорядительной комиссии М. Баранов и В. Юзефович, некоторое время в начале 1880-х гг. в Париже политическим сыском руководил лично русский посол князь Н.А. Орлов (известный своим либерализмом). Но как систематически работающее за рубежами Российской империи подразделение тайной полиции было создано в мае 1883 г. под названием Заграничной агентуры. Оно входило в состав Департамента полиции (подчинялось Третьему делопроизводству, с 1898 г. – Особому отделу), с местопребыванием в Париже (в помещении русского посольства) и главной задачей – наблюдением за русской политической эмиграцией. Первым руководителем новой структуры в июле того же года стал надворный советник П.В. Корвин-Круковский. В первоначальном составе Заграничной агентуры было четыре русских секретных сотрудника, занимавшихся русской эмиграцией, и четыре француза – полицейские чиновники во главе с А. Барле, осуществлявших наружное наблюдение. Позднее руководство филерской службой взял на себя присланный из России чиновник Департамента полиции Милевский.
В марте 1884 г. Корвин-Круковский был уволен по обвинению в непрофессионализме, халатности и денежных махинациях. Чиновник Департамента полиции П.И. Рачковский был назначен заведующим Заграничной агентурой в Париже и Женеве, официально числясь советником посольства в Париже.
С 1882 г. подразделение Заграничной агентуры действовало на Балканах (охватывала Австро-Венгрию, Болгарию, Румынию, Сербию), с 1894 г. – в Галиции (Лемберг/Львов), с 1900 г. – в Берлине во главе с А.М. Гартингом. Среди проведенных Рачковским и его сотрудниками акций наиболее известны разгром народовольческой типографии в Женеве

в 1886 г., склонение к разрыву с революционным движением известного народовольца Л.А. Тихомирова (1888), разгром с помощью французской полиции кружка эмигрантов-народовольцев в Париже, готовивших (по инициативе агента Рачковского Геккельмана-Ландезена) покушение на собиравшегося с визитом во Францию Александра III.

В июне 1902 г. Рачковский в результате ведомственных и придворных интриг вышел в отставку. Его сменил бывший заведующий Особым отделом Л.А. Ратаев, по инициативе которого было ликвидировано подразделение Заграничной агентуры в Берлине. После возвращения Рачковского в Департамент полиции Ратаев в августе 1905 г. был уволен, преемником его стал Гартинг, а Берлинская агентура восстановлена. Гартинг придавал особое значению освещению деятельности социал-демократической эмиграции. В феврале 1909 г. Гартинг был смещен со своего поста с заменой его жандармским ротмистром В.И. Андреевым, но оставался в Париже, фактически продолжая руководить Заграничной агентурой. В июле того же года после разоблачения эмигрантским публицистом В.Л. Бурцевым Гартинга (Бурцев доказал его тождество с заочно осужденным в 1890 г. парижским судом Ландезеном на основании данных, сообщенных бывшим чиновником Департамента полиции Л.П. Меньшиковым) и последовавшего за этим скандала во французской прессе и дебатов в парламенте Гартинг выехал из Парижа и был уволен в отставку; обязанности заведующего Заграничной агентурой исполнял ротмистр Долгов. В ноябре того же года в Париж на должность заведующего Заграничной агентурой прибыл из Департамента полиции А.А. Красильников. Деятельность Заграничной агентуры была еще более законспирирована. Так как «охотник на провокаторов» Бурцев сумел организовать слежку за филерами-иностранцами, работавшими на русскую тайную полицию, служба наружного наблюдения Заграничной агентуры была официально представлена как «Розыскная контора Биттар-Монена», а филерам было запрещено приходить в русское посольство в Париже. В 1913 г. в Париж был командирован заведующий Особым отделом Департамента полиции М.Е. Броецкий, из служебного доклада которого, введенного в научный оборот историком З.И. Перегудовой, можно узнать численность секретных сотрудников Заграничной агентуры в Европе – 23 человека (11 чел. наблюдали за эсерами, 4 – за анархистами, 2 – за РСДРП, по одному – за Бундом, латышскими социал-демократами и армянскими дашнаками и 2 человека – специально за Бурцевым). В результате реорганизации Заграничной агентуры Красильников стал выполнять функции официального представителя МВД при русском посольстве и французской полиции, фактическое руководство секретными сотрудниками осуществляли жандармские офицеры А.В. Эргардт (во Франции, после его смерти в 1915 г. – В.Э. Люстих) и Б.В. Лиховский (в Швейцарии), а «Розыскная контора Биттар-Монена» была упразднена с учреждением вместо нее частной розыскной конторы, названной по имени ее номинальных владельцев, бывших агентов наружной службы Заграничной агентуры, «Бинт и Самбэн» (личный состав насчитывал около 20 человек, курировал лично Красильников).

В период Первой мировой войны заграничной охранке пришлось работать также в области контрразведки против германской агентуры, в частности в нейтральных странах (Швейцарии, Швеции и др.). Деятельность Заграничной агентуры Департамента полиции была прекращена после Февральской революции. Архивы были переданы в Париже Красильниковым комиссии Временного правительства, состоявшей из бывших поднадзорных Заграничной агентуры – русских политических эмигрантов (в настоящее время архив Заграничной агентуры находится в Гуверовском институте войны, революции и мира в США).

Кратко расскажем о деятельности Балканской агентуры. Она была создана в 1882 г. для тайного наблюдения за российскими политэмигрантами, проживающими на Балканах. Ее первым негласным руководителем стал русский вице-консул в румынской Сулине Виктор Александрович Шафиров.

Официально Балканская агентура со штаб-квартирой в Бухаресте была учреждена в 1886 г., ее возглавил статский советник Алексей Евстафьевич Мищенко. В 1890 г. его сменил подполковник Отдельного корпуса жандармов Александр Иосифович Будзилович. После смерти последнего в 1902 г. агентуру возглавил ротмистр Отдельного корпуса жандармов Владимир Валерьянович Тржеяк. К 1904 г. она имела 15 секретных агентов (филеров и осведомителей) в Румынии, пятерых в Болгарии, двух в Сербии и одного в Вене. Деятельность агентуры постоянно сопровождалась провалами и скандалами, поэтому в феврале 1904 г. она официально была упразднена.

В марте 1905 г. после реорганизации системы политического сыска за рубежом Заграничная агентура в Румынии и Болгарии была восстановлена. В декабре 1906 г. она утратила самостоятельность и была подчинена начальнику Одесского охранного отделения, который руководил ее деятельностью до 1910 г. После создания в 1910 г. Константинопольского бюро Департамента полиции агентура в Болгарии была передана возглавлявшими бюро Ленчевскому, а затем сменившего его Кречунеско.

В августе 1914 г., столкнувшись с резко усилившимся противодействием турецких спецслужб, руководство Департамента полиции было вынуждено «бюро Балканской агентуры упразднить впредь до окончания войны с Германией и выяснения политических взаимоотношений с Турцией». С сентября 1914 г. Балканская агентура Департамента полиции официально прекратила свое существование[49].

Биографии руководителей Заграничной агентуры Департамента полиции

ГАРТИНГ Аркадий Михайлович (1861– год смерти неизв.). Действительный статский советник (1910). Настоящее имя – Геккельман Аарон Мордухович.

Родился в Пинском уезде Минской губернии в семье купца 2-й гильдии. Окончил экстерном гимназию в Твери. В 1882 г. недолго был студентом Санкт-Петербургского университета, затем, по некоторым данным, Петербургского горного института. В 1882 г. был завербован Г.П. Судейкиным в качестве агента охранного отделения (официально в службе с 1883 г.). Способствовал провалу нелегальной типографии «Народной воли» в Дерпте. Заподозренный товарищами, в январе 1885 г. уехал в Швейцарию, где учился в Цюрихском политехникуме под именем Аркадия Ландезена, будучи секретным сотрудником заведующего Заграничной агентурой П.И. Рачковского, согласно заключенному ими письменному контракту. Участвовал в подготовке налета агентов Рачковского на нелегальную типографию эмигрантов (ноябрь 1886 г.).

В конце 1886 г. поселился в Париже, где учился в сельскохозяйственном институте, жил на одной квартире с народовольцем А.Н. Бахом и поддерживал близкое знакомство с революционерами Баранниковой, П.Л. Лавровым и Паленом, часто ссужая Баха и других из казенных средств небольшими суммами, от 50 до 200 франков. Тогда же Геккельман-Ландезен сблизился с террористическим кружком Накашидзе, Кашинцева, Теплова и других и вместе с ними, и частью на деньги, отпущенные Рачковским, устроил в Париже мастерскую бомб для будущих террористических актов, в том числе против императора Александра III. Испытания взрывной силы изготавливаемых бомб производились в окрестностях Парижа. По просьбе Рачковского и по распоряжению французского министра внутренних дел Констана весь кружок, за исключением скрывшегося Ландезена, был арестован и предан суду, по решению которого в 1890 г. многие участники были приговорены к высылке из Парижа, а некоторые к тюремному заключению. Ландезен заочно был приговорен к 5 годам тюрьмы. В награду за это дело Ландезен получил звание потомственного почетного гражданина.

В 1892 или 1893 г. Ландезен в Висбадене принял православие, причем его воспреемниками при крещении были секретарь русского посольства в Берлине, впоследствии министр иностранных дел граф М.Н. Муравьев и жена сенатора Мансурова. После крещения он получил имя Аркадия Михайловича, а в 1896 г. – фамилию Гартинг.

В 1893 г. был командирован в Кобург-Гота на помолвку наследника престола великого князя Николая с принцессой Алисой Гессенской, затем охранял Александра III в Копенгагене, в Швеции и Норвегии (на охоте) и Николая II в Бреславле, при его свидании с Вильгельмом II.
В 1900–1903 гг. Гартинг заведовал Берлинской агентурой ДП, где приобрел сотрудников Житомирского (Ростовцева) и Льва Бейтнера (Москвича) и, помимо их, работал также с З. Жученко, Степановым, Кондратьевым и др. Вел наблюдение за известным общественным деятелем П.Б. Струве и редакцией журнала «Освобождение» в Штуттгарте.
В 1904 г. Гартингу была поручена организация контрразведки для борьбы с японским шпионажем и охрана пути эскадры адмирала З.П. Рождественского на Дальний Восток, в связи с чем он был командирован в Копенгаген. 30 января 1905 г. Гартинг был зачислен и.о. старшего помощника делопроизводителя Особого отдела Департамента полиции.
19 июля (1 августа) 1905 г. Гартинг был назначен после Ратаева заведующим Заграничной агентурой Департамента полиции (парижский псевдоним «Жак»), формально числясь старшим помощником делопроизводителя Особого отдела Департамента полиции, с февраля 1907 г. – чиновником особых поручений при МВД.
Летом 1909 г., когда известный «охотник на провокаторов» В.Л. Бурцев разоблачил во французских газетах Гартинга, доказав его тождество с Ландезеном на основании данных, сообщенных бывшим чиновником ДП Л. Меньшиковым, что привело к скандалу (запрос лидера французских социалистов Ж. Жореса в парламенте, официальное заявление премьера Ж. Клемансо), Гартинг уехал из Парижа и был уволен в отставку с пенсией и производством в действительные статские советники. В 1911 г. получил потомственное дворянство.
Во время Первой мировой войны сотрудничал с русской контрразведкой в Бельгии и Франции. После 1917 г. жил в Бельгии, занимаясь банковским делом.
Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, датским, австрийским и двумя прусскими орденами.

РАЧКОВСКИЙ Петр Иванович (1853 (по другим данным, 1851) – 1910). Действительный статский советник. Заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции в 1884–1902 гг., вице-директор Департамента полиции (1905–1906).
Родился в дворянской семье почтмейстера Дубоссарского уезда Херсонской губернии (родители – католики, сам П.И. Рачковский крещен в православии). Получил домашнее образование. С 1867 г. – младший сортировщик Киевской и Одесской почтовых контор. Вышел в отставку в 1869 г., но в том же году вернулся на службу, до 1871 г. служил в канцелярии одесского градоначальника. В 1873 г. вновь вышел в отставку, через месяц вновь поступил на службу «чиновником для письма» в канцелярии варшавского генерал-губернатора. С 1874 г.– «чиновник для письма» канцелярии 10-го департамента Правительствующего сената, помощник секретаря Калишского губернского правления. С 1875 г. – секретарь Калишского губернского по крестьянским делам присутствия. В 1876 г. вышел в отставку, в том же году – помощник судебного следователя в Ковенской губернии. С 1877 г. – и. д. судебного следователя в г. Пинега Архангельской губернии. С 1878 г. причислен к Министерству юстиции.
В 1879 г. в Петербурге был домашним воспитателем в семье генерал-майора И.В. Каханова, секретарем редакции журнала «Русский еврей». В апреле того же года был арестован по делу о покушении Л. Мирского на шефа жандармов А.Р. Дрентельна, тогда же был завербован сотрудниками Третьего отделения и внедрен в революционные кружки, но раскрыт Н.В. Клеточниковым, тайным агентом «Народной воли» в Третьем отделении.

В 1879–1881 гг. служил в Вильно по Министерству юстиции. В 1883 г. причислен к Министерству внутренних дел в распоряжение Департамента полиции. Командирован в помощники полковнику Г.П. Судейкину.
В январе 1884 г., после убийства Судейкина, командирован в Париж для обнаружения местожительства жены С.П. Дегаева и для установления за ней наблюдения.
В марте 1884 г. назначен заведующим Заграничной агентурой в Париже и Женеве, официально числясь советником посольства в Париже. Провел ряд успешных акций. В ночь на 21 ноября 1886 г. по его плану в Женеве был произведен налет на народовольческую типографию, где «было истреблено до 6000 экземпляров литературы, рассыпан текущий набор журнала и разбросано по улицам Женевы около 6 пудов шрифта». После быстрого возрождения народовольческой типографии она вновь была тем же путем разгромлена Рачковским. Рачковский также способствовал разрыву с революционным движением известного народовольца Льва Тихомирова, перешедшего в лагерь монархистов. Вместе с французскими журналистами Жюлем Гансеном, Кальметом из «Фигаро», Мора и Рекули Рачковский вступил в серьезную публицистическую борьбу с революционерами и революционной подпольной печатью, печатая статьи и брошюры. Завязав близкие отношения со многими французскими государственными деятелями – с Флурансом, Констаном, Делькассе и президентом Э. Лубэ, Рачковский играл большую роль в дипломатических сношениях и оказал большое содействие в заключении франко-русского союза. Поддерживая также близкие отношения с влиятельными представителями католического мира, Рачковский вел борьбу с кардиналом Ледоховским, главой польских католиков, тяготевших к Австрии. С этой целью Рачковский получил в 1901 г. аудиенцию у папы Льва XIII.
В 1902 г. Рачковский написал вдовствующей императрице Марии Федоровне письмо, в котором сообщил отрицательные сведения о «ясновидящем» Филиппе Вашо, находившемся тогда в Санкт-Петербурге и пользовавшемся большим влиянием у нее и Николая II. По сведениям Рачковского, Филипп был орудием в руках масонов. В результате этого письма, а также отрицательного отношения к его деятельности нового министра внутренних дел Плеве Рачковский в 1902 г. принужден был выйти в отставку, проживал в Варшаве и в Париже, являясь советником акционерного металлургического общества «Рута Банкова».
С февраля 1905 г. состоял в распоряжении временного санкт-петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова. В июле 1905 г. по предложению Д.Ф. Трепова (назначенного товарищем министра внутренних дел) Рачковский был назначен исполняющим обязанности вице-директора Департамента полиции, причем самостоятельно, на правах директора департамента (при директоре департамента Гарине), заведующим всей политической частью департамента. В декабре 1905 г. Рачковский выезжал в Москву и руководил там арестами участников вооруженного восстания.
В январе 1906 г. Рачковский вышел в отставку с должности вице-директора ДП, в июне того же года – с должности чиновника по особым поручениям при МВД.
Умер на железнодорожной станции Режица (ныне Резекне, Латвия).
Награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Станислава 3-, 2– и 1-й степеней, Св. Владимира 3-й и 4 степеней, французским орденом Почетного легиона, прусским, шведским, датским, болгарским и черногорским орденами.
Обладая высокими профессиональными способностями и большим политическим влиянием, Рачковский пользовался крайне негативной репутацией среди своих современников, считавших его (возможно, необоснованно) причастным к убийствам жандармского генерала Н.Д. Селиверстова, В.К. Плеве, Г. Гапона, погромным прокламациям, появлению «Сионских протоколов» и т.д.

Приложение 3
Заграничная агентура Департамента полиции

Письмо заведующего Заграничной агентурой ротмистра В.И. Андреева директору Департамента полиции Н.П. Зуеву о состоянии агентурной работы,
17/30.08.1909 г.

Лично
Совершенно секретно

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Нил Петрович

6/19 сего августа за № 404 я вошел с совершенно секретным, личным представлением к Вашему Превосходительству и в общих чертах осветил нынешнее положение Заграничной Агентуры. В то же время я почтительнейше испрашивал скорейшего решения некоторых вопросов, составляющих крайнюю суть нашего дела. Хотя до сего времени я не был почтен ответом Вашего Превосходительства, но истолковывая замедление в ответе тем обстоятельством, что Ваше Превосходительство полагаетесь на мои силы и предоставляете мне справляться с насущными вопросами, я позволил себе сделать некоторые шаги в области расширения секретной агентуры, приобретением четырех секретных сотрудников, обследование и приобретение коих составляло работу последних двух месяцев.
Ваше Превосходительство изволили, вероятно, отметить, что довольно значительная часть современного умственного движения социалистов-революционеров склоняется влево, увлекаясь анархизмом, который приобретает, таким образом, известное большое значение. Нельзя также не отметить, что центром российского идейного анархизма, вернее сказать, импульсом, дающим определенную окраску анархизму, является Лондон, где обосновались две силы – Кропоткин и Теплов, имеющие громадное влияние в социальном мире вообще и поддерживающие сношения с Центрами социал-революционного движения.
Насколько реальны эти силы – видно из того, что недавно имевшие место так называемые «митинги протеста» в Англии, а также происходившие в Английском Парламенте запросы депутатов опирались именно на названные силы.
Так как до сего времени Заграничная Агентура не имела должного, непосредственного освещения именно Лондонской группы анархистов с Кропоткиным и Тепловым во главе, а освещение это ныне является, по вышеуказанным вкратце причинам, своевременным и необходимым, то мною и были приняты меры к розыску подходящих секретных сотрудников, закончившиеся приобретением на службу:
1) одного лица, близко стоящего к Теплову и проживающего в Лондоне, могущего освещать круг непосредственно этого центра;
2) одного лица, проживавшего до сего времени в Париже, но командируемого мною ныне в Лондоне с подлежащими явками для освещения анархистских периферий и 3) одного французского анархиста, проживающего в Париже для освещения совместного движения французских и русских анархистов, каковое движение к объединению последовало в недавнее время и чему отчасти дало толчок уже имевшее место объединение русских Парижских анархистских групп (донесение от 23 мая / 5 июня с. г. за № 300).
Кроме того, я вступил в сношение с одним уже состоявшим в Заграничной Агентуре крупным сотрудником, ушедшим со службы в сентябре – октябре минувшего года из-за полного разлада и разрыва с А.М. Гартингом, который хотя и ценил этого сотрудника, что видно уже из того, что платил ему 1000 франков в месяц и готов был еще и много прибавить, но употреблял, по словам этого сотрудника, некорректные в отношении его приемы, могущие повлечь за собой провал этого лица.

Так как это лицо имело близкое соприкосновение с Бурцевым и другими верхами революционного Парижского мира, то я вошел с ним в переговоры и добился согласия работать со мною, начиная с 1 октября сего года.
Кроме этих мер, я позволяю себе почтительнейше доложить о нижеследующем:
Уже в начале этого года Гартинг доносил Вашему Превосходительству о необходимости в государственных целях вообще иметь воздействие 1) на французскую публику, дающую общественное мнение вообще и 2) на известные французские административные круги, резюмирующие и реализующие это общественное мнение.
Если Ваше Превосходительство изволите припомнить дело того же А.М. Гартинга в Палате Депутатов и принятое постановление этой Палаты, совершенно незнакомой, в сущности, с ходом и условиями русского революционного движения, то Ваше Превосходительство изволите убедиться в силе общественного мнения на реальном факте. Кроме того, в повседневной прессе то и дело встречаются заметки, неблагоприятные для России вообще, представляющие часто абсурд, пошлый вымысел, басню. Их никогда никто не опровергает, обрисовывая действительно существующее положение, и они делают свое вредное для России дело.
Это обстоятельство вообще, а главное, мысль обезопасить положение Агентуры от возможных излишних, а главное, ложных и не освещенных в действительном свете запросов в Палате Депутатов в предстоящую осеннюю и зимнюю сессию, на каковые запросы я имею некоторые данные рассчитывать, заставили меня обратиться к изысканию способов, непосредственно влиять на умы депутатов, путем своевременного освещения того или другого вопроса, конечно, в отношении дела политического розыска, путем подходящего печатного органа.
Не приходя ни к какому заключению впредь до разрешения этого вопроса Вашим Превосходительством, я тем не менее вступил в секретные обсуждения дела с редактором журнала «Le courrier du Parlement», являющегося, так сказать, хроникой парламентской жизни и получаемого всеми административными учреждениями и депутатами, причем редактор, являющийся искренним приверженцем России, соглашается помещать в своем журнале за своею подписью передовые статьи в желательном направлении, которые, таким образом, не только будут служить разъяснением для депутатов и административных учреждений того или иного поднятого вопроса, но, будучи перепечатываемы и другими повседневными журналами, дадут нам возможность заставлять правильно смотреть на вещи и влиять на общественное мнение.

Ваше Превосходительство, конечно, изволите усмотреть, что французу одной словесной благодарности за сочувственное к нам отношение недостаточно и придется давать небольшую годовую субсидию в сумме около двух тысяч франков, каковая сумма может быть разделена на два-три приема.
Ежели бы Ваше Превосходительство нашли приемлемым это последнее обстоятельство, то почтительно просил бы поставить меня о том в известность в возможно непродолжительном времени, дабы дать окончательный ответ редактору и в последующем с ним более близком общении ознакомить его с действительным положением вещей в России.
Докладывая о вышеизложенном, я позволяю себе в отношении секретной агентуры добавить к моему предыдущему личному к Вашему Превосходительству донесению за № 404 следующее: А.М. Гартинг, спешно покидая Париж, оставил мне 8 условных адресов для сношения с его секретными главными сотрудниками; теперь, когда я сошелся и списался с некоторыми, оказалось, что 3 адреса служат для одного и того же лица (я с ним уже вступил в личные сношения); по оставшимся 5 адресам я списался уже с двумя; из оставшихся 3 адресов – по двум нет ни ответа на запросы, ни писем вообще, а 3-й оказался, видимо, неправильным, так как мои письма лежат на почте, а сотрудник пишет и

пишет, не давая своего адреса и то требуя, то умоляя прислать ему денег, так как он гибнет... не получив уже ни за июль, ни за август...
Наконец списался с двумя по адресам, мне совершенно не указанным, и уловив лишь приблизительно их адреса.
Ваше Превосходительство из изложенного ясно изволите усмотреть всю тягость положения и мое глубокое волнение и огорчение, так как я почти до сего времени не мог, да и теперь не всецело могу пользоваться фактически главными силами агентуры.
Я уже списался с Гартингом и умоляю его приехать в Париж или дать мне свидание, рассчитывая, что он сдаст мне, наконец, этих скрываемых им сотрудников; он обещал приехать, но времени не назначил, а кроме сотрудников, ведь есть еще и денежные счеты.
В заключение, кроме ответа по поводу дела с редактором, в истинных видах пользы дела почтительно прошу Ваше Превосходительство, не соблаговолите ли сколь возможно скоро дать мне сведения о секретных сотрудниках, известных знакомившемуся с нашей Агентурой Г. Вице-Директору С.Е. Виссарионову, означив важнейшие сведения в шифрованном лентой виде. Это вывело бы агентуру из смутного положения и ввело бы в надлежащую правильную колею.
Свидетельствую Вашему Превосходительству чувства моего глубочайшего уважения и совершенной искренней преданности.
Источник: Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. СПб; М., 2006. С. 178–182.

Доклад заведующего Заграничной агентурой А.А. Красильникова директору Департамента полиции Н.П. Зуеву о состоянии наружного наблюдения,
11/24 октября 1910 года

Вследствие предписания от 5 января с. г. за № 104121, имею честь представить вашему превосходительству доклад о постановке в настоящее время Заграничной агентурой наружного наблюдения и о причинах, вызвавших затруднение в осуществлении оного.
До августа месяца 1908 г. наружное наблюдение за границей за русскими эмигрантами и пришлым революционным элементом осуществлялось в Париже и других местностях Европы, по возможности, согласно преподанной Департаментом полиции инструкции о «ведении наружного наблюдения», препровожденной при циркуляре 1902 г. за № 6899 и применительно к указаниям, данным в периодических записках Департамента за №№ 83 и 86-1904 г.
Измена наблюдательного агента заграничной агентуры Леруа в связи с предшествовавшими с революционерами сношениями сына наблюдательного агента Леблана, ознакомившего революционеров с практикою филеров, нанесли весьма существенный вред осуществлению заграничной агентурой наружного наблюдения.
Вопреки данной подписке о сохранении в тайне служебных секретов, Леруа, при участии Савинкова, не замедлил войти в сношения с Бурцевым, которого и посвятил во все ему, Леруа, известное как о наблюдательном и личном составе агентуры, так и о способах осуществления ею наружного наблюдения.
Большинство агентов заграничной агентуры, перешедших на службу из Парижской полицейской префектуры, не было в лицо известно революционерам и могли поэтому с успехом вести за ними наблюдение. Леруа их всех поочередно показал Бурцеву и его сотрудникам, вследствие чего работа наблюдательных агентов из нормальной сделалась весьма трудной.
Осуществление неотступного и регулярного наблюдения в Париже вследствие большого движения и многочисленности разнообразных способов сообщений, а подземной железной дороги в особенности, представляется и вообще-то весьма нелегким, когда же Леруа открыл революционерам всю технику и приемы наблюдения, то вести таковое

неотступно стало почти совершенно невозможно и часто приводило к открытым столкновениям с наблюдаемыми.

Стремясь научить революционеров лучше парализовать действия русской полиции, Леруа было составлено нечто вроде руководства для революционеров, в коем рекомендовались самые практические способы к избавлению от слежки. К этому указателю прилагался детальный список имеющихся в Париже пассажей, тупиков, частных дворов (cites) с выходами на разные улицы и перечень общественных зданий и учреждений с свободным входом и несколькими выходами на разные улицы.

Подробное ознакомление революционеров с практикующимися приемами наружного наблюдения не замедлило также отозваться на избрании ими местожительства в Париже. Они стали постепенно переселяться из кварталов с густо населенными улицами на мало застроенные окраины города, где применение наблюдения представляет большие затруднения. Большинство русских революционеров жило (Савинков, Бурцев, Бакай) и живет (Аргунов, Кузьмин, Чернов, Ракитников и др.) в условиях, не допускающих установки наблюдения близ их домов.

Леруа сообщил имена, приметы и адреса своих бывших сослуживцев по заграничной агентуре и самые подробные сведения о прошлом и интимной их жизни, причем он даже передал и фотографии некоторых из них.

После разоблачения Леруа Бурцев поручил ему сформирование «революционной полиции», в состав коей вошли русские молодые выходцы-революционеры и несколько французских социалистов и анархистов.

Сорганизованная «революционная полиция» имела задачей фактически установить существование «русской политической полиции», выяснить лиц, с ней соприкасающихся, воспрепятствовать ее деятельности и удостоверить сношения ее с французской полицией.

Преследуя эти цели, Леруа и его помощниками было учреждено систематическое, неотступное наблюдение не только за зданием императорского посольства в Париже, где помещалась канцелярия заграничной агентуры, но даже за частной квартирой г. Гишара, заведующего полицейской бригадой, специально ведающей наблюдением за анархистами и заподозренного революционерами в сношениях с русской полицией.

В силу этих осложнений, делавших почти невозможным как наружное наблюдение по месту жительства, так и при передвижениях наблюдаемых по городу и ввиду того, что наблюдение на северном вокзале не достигало цели, ибо отъезжающие в Россию могли свободно пользоваться окружной дорогой для пересадки за город на соответствующие поезда, то заграничной агентурой был организован надзор на пограничной с Францией бельгийской станции Эркелин, где наблюдательные агенты обходили вместе с таможенными чинами прибывающие из Франции поезда.

Однако после присылки в Париж партии петербургских и московских филеров и этот способ наблюдения стал известен революционерам благодаря измене Луриха и Баркова.

В результате всего изложенного создались те крайне трудные условия, в которых приходится ныне агентуре осуществлять наружное наблюдение, причем, кроме того, оно вообще затрудняется еще и тем обстоятельством, что в Париже, как и всюду за границей, русские эмигранты и революционеры именуются в партии только кличками, а проживают под чужими именами, которые обыкновенно агентуре неизвестны, тогда как по месту жительства, конечно, не знают их партийных кличек, в результате чего, если не имеется налицо достаточно характерных примет, постоянно возможны ошибки в личностях наблюдаемых.

Способы осуществления наблюдения практикуются в настоящее время следующие:

1) наем в гостиницах и частных квартирах комнат, расположенных против или около жилых помещений, занимаемых революционерами, или подъездов домов ими обитаемых;

2) в отдельных случаях, требующих особо тщательного наблюдения, филеры агентуры прибегают к найму закрытых извозчиков и автомобилей, благодаря чему имеют возможность проследить входы и выходы из данного дома;

3) когда тому представляется возможность, наблюдательные агенты входят в сношения с привратниками домов, в коих живут наблюдаемые и за плату получают от них нужные сведения о жильцах; способ этот часто устраняет надобность в постоянном, безотлучном нахождении агента на улице у дома наблюдаемого;
4) при получении агентурных сведений о предстоящем отъезде кого-либо из наблюдаемых филеры сконцентрировываются таким способом в местности их жительства, чтобы отъезжающий, направляясь на один из вокзалов, не мог миновать контроля наблюдения;
5) при благоприятных условиях применяется тщательная, но крайне осторожная прослежка наблюдаемого по городу и филирование его при отъезде и в пути;
6) в исключительных случаях заграничная агентура обращается к содействию полицейской префектуры, которая и предоставляет в ее распоряжение нужное число агентов;
7) ввиду трудности осуществления наблюдения в Париже за отъезжающими, я намерен, если окажется возможным, возобновить практиковавшийся ранее контроль на пограничных станциях, из коих важнейшей является Бельгийская Эркелин, и для сношения по этому поводу с властями поименованной станции я только ожидаю разрешения моего ходатайства о скорейшем награждении начальника этой станции Эрнеста Прео, который был представлен к пожалованию орденом Св. Станислава 3-й ст. еще в январе 1909 г. (письмо от 28 января, 10 февраля 1909 г. за № 81).
Озабочиваясь более нормальной и успешной постановкой деятельности наружного наблюдения и в то же время убедившись по примерам инцидентов с Озанном и Демайлем в опасности давать каждому из числящихся на службе в агентуре филеров фактические данные считать себя на службе у русского правительства, а следовательно, и возможность в случае чего шантажировать агентуру, совершенно изменил существовавшие до сих пор порядки: в задании посольства была нечто вроде сборной филеров, которые являлись туда ежедневно и группами просиживали в очень тесном помещении, отведенном заграничной агентуре. Туда же на различные имена адресовывались все рапорты по наблюдению.
Такое хождение агентов не могло не быть заметным даже для публики, посещающей консульство, и весьма понятно, что оно возбуждало неудовольствие посольства, положение которого в данном случае нельзя не признать действительно деликатным.
Вместе с тем, свободно являясь ежедневно в посольство, адресуя туда свои доклады, у агентов не только складывалось понятие, но и имелись все доказательства, что они служат непосредственно посольству и чуть ли не входят в состав оного, причем при малости помещения заграничной агентуры они прекрасно могли видеть и слышать все, что там делалось.
Признавая такой порядок, безусловно, вредным, а нежелательную для императорского посольства видимость существования в его здании заграничной агентуры совершенно для существа дела не нужной, я не только не допускаю более филеров с докладами в здание посольства, но и строго запрещаю им туда являться, а всю свою корреспонденцию агенты направляют теперь не на официальный адрес агентуры, а конспиративный. Точно так же и вся секретная корреспонденция теперь получается по особым конспиративным адресам вне посольства. Заведующий наблюдением ежедневно знакомится и докладывает мне содержание донесений наблюдательных агентов, а затем при личных свиданиях с ними в условленных местах, вне помещения агентуры, получает от них лично дополнительные сведения, дает им все нужные инструкции и передает им мои приказания.
Руководствуясь вышеизложенными соображениями, я задаюсь целью все дело мало-помалу обставить таким образом, чтобы впоследствии филеры совершенно не могли считать себя на службе у императорского посольства или русского правительства, а только на службе у частного лица, занимающегося розыском, или, так сказать, частной полицией, каковых предприятий в Париже имеется не мало, и как на пример можно указать на частную полицию бывшего начальника французской тайной полиции Горона, а также, что сама полицейская префектура поручает иногда одному известному мне

частному розыскному бюро, пользующемуся ее доверием, те расследования и наблюдения, которыми префектуре почему-либо заняться неудобно.
В данном случае таким якобы предпринимателем должен явиться заведующий личным составом наружного наблюдения, который будет ведать филерами от своего имени в качестве частного лица, что нисколько, конечно, не изменит хода самой службы наблюдения, ибо оно по существу своему будет по-прежнему руководиться и направляться заведующим заграничной агентурой, но только в качестве постороннего лица, пользующегося услугами розыскного бюро, хозяином-предпринимателем которой будет являться заведующий наружным наблюдением.
Само собою разумеется, что филеры по роду поручаемого им наблюдения будут понимать и знать, для кого именно они работают, но даже зная, что они работают для русского правительства, они, однако, не будут иметь ни права считать, ни основания и возможности доказывать, что они состоят у русского правительства или его посольства непосредственно на службе.
Даже при нападениях в парламенте на русскую политическую полицию не отрицалось право русского правительства осведомляться о происходящем среди русских эмигрантов и революционеров, и главная атака велась только против существования во Франции собственной у русского правительства политической полиции, – при предлагаемой же мною постановке дела подобное обвинение сделается беспочвенным, а следовательно, и исчезнет основание для каких-либо по этому предмету со стороны агентов угроз и вымогательств.
Намечаемая реорганизация наружного наблюдения, конечно, может быть осуществлена лишь постепенно, по мере обновления личного состава, в пополнении какового уже ощущается надобность, но ввиду необходимости подыскать людей, вполне отвечающих действительным требованиям службы и заслуживающих достаточного доверия, я до сих пор еще не имел возможности пополнить число наблюдательных агентов, и мною принимаются все меры к тому, чтобы для этой цели найти людей опытных и на которых можно было бы в достаточной мере положиться.
Чиновник особых поручений Красильников

Источник: Сватиков С. Зарубежная агентура Департамента полиции. М., 2002. С. 205–213.

Письмо и. д. директора Департамента полиции С.П. Белецкого заведующему заграничной агентурой в Париже А.А. Красильникову о порядке передачи агентурных сведений особой важности
Июль 1910 года

Доверительно

Милостивый Государь Александр Александрович,
Депешей от 29 минувшего июня за № 1411 Ваше Высокоблагородие известили Департамент Полиции о том, что, по исходящим из Лондона сведениям, группа серьезных боевиков готовит покушение на жизнь Господина Председателя Совета Министров, намереваясь привести в исполнение свой злодейский умысел в месте нынешнего пребывания Его Высокопревосходительства – в деревне.
При отсутствии в вышеуказанной Вашей телеграмме хотя бы самых общих указаний на организацию, со стороны которой угрожает опасность, а равно и Вашего заключения о степени достоверности источника, из коего были почерпнуты переданные Вами сведения, – сообщение Ваше, порождая лишь тревогу, не предоставляло Департаменту возможности войти в оценку создавшегося положения, а вместе с тем и не давало Департаменту уверенности в том, что принятые, вследствие означенного Вашего

сообщения, особые меры к ограждению личной безопасности Господина Председателя Совета Министров были направлены в должную сторону.
Ввиду этих именно причин Департамент Полиции 30 июня и обратился к Вам по телеграфу с просьбой доставить более подробные по делу сведения, с пояснением, насколько таковые заслуживают доверия, какая организация участвует в задуманном предприятии и кто из прикосновенных к готовящемуся покушению лиц известен Заграничной Агентуре.
В ответ на означенный запрос Ваше Высокоблагородие в телеграмме от 2 сего июля за № 143 сообщили, что [затребованных Департаментом сведений в Вашем распоряжении не имеется и что] из Лондона получены [лишь следующие] указания, что «известный Гольденберг в разговоре высказал, что вскоре весь мир заговорит о революционерах, которые ныне готовят преступный замысел, указанный в телеграмме № 141, [подготовляющих ныне покушение на жизнь Статс-Секретаря П.А. Столыпина]. [При этом в той же телеграмме Вы отметили, что] лицо, [слышавшее вышеприведенную фразу и] передавшее слышанное им от Гольденберга [слова последнего Заграничной Агентуре], доверия не заслуживает, но ввиду важности сообщения Вы сочли необходимым оное доложить.
Это новое Ваше сообщение, помимо имеющегося в нем указания на сомнительность агентурного источника, и в остальной части не соответствовало первоначальному Вашему донесению, так как в первой телеграмме за № 141 Вы вполне определенно указывали на участие в подготовляемом покушении «группы серьезных боевиков» и даже отметили пункт, где предположено выполнение террористического акта, а во второй телеграмме за № 143, служащей как бы коррективом первой, лишь удостоверили, что все это дело сводится, в сущности, к имевшему место в революционной среде разговору о готовящемся покушении на жизнь Господина Председателя Совета Министров.
Такое разноречие и поставило меня в необходимость в депеше от 3 июля за № 507 настоятельно рекомендовать Вам на будущее время, при донесениях столь исключительной важности, неукоснительно всякий раз указывать источник и степень достоверности передаваемых Вам агентурных сведений, безотлагательно принимать меры к проверке таковых и вообще относиться осторожнее к сообщениям подобного рода.
По поводу этого разъяснения Ваше Высокоблагородие сочли нужным в ответной телеграмме от 4 июля № 145 высказать личный Ваш взгляд по данному предмету, причем, ссылаясь на возможность выступлений автономных боевых групп и упомянув о сношениях Гольденберга с Верой Фигнер, Тепловым и др., заявил и что, ввиду важности агентурного сообщения, Вы не находили возможным умалять его значение характеристикой источника, тем более что если заявитель и не заслуживает доверия, то получение им сведений от Гольденберга, с которым он сносился в Лондоне, представляется вполне допустимым.
Усматривая из такового Вашего отзыва, что преподанные мною в телеграмме за № 507 указания не совсем правильно усвоены Вами, я, в устранение всяких превратных толкований, считаю нужным еще раз подтвердить к неуклонному исполнению изложенное в помянутой депеше распоряжение и при этом пояснить, что на Вашей обязанности лежит осведомлять Департамент о всех [более выдающихся] сообщениях агентуры, что какое бы то ни было умаление подобных сведений признается Департаментом совершенно недопустимым и что требования Департамента исключительно клонятся к получению от Вас агентурных сведений во всей их точности, т. е. в том именно виде, в каком они поступают в Ваше распоряжение, с непременным притом указанием источника их получения (кличка секретного сотрудника), как это требуется вообще от всех розыскных учреждений, и с добавлением, при сенсационных сообщениях, Вашего заключения о степени их достоверности, так как в этом отношении мнение лица, непосредственно связанного с агентурой и знающего индивидуальность последней, имеет, конечно, немаловажное значение; что же касается засим оценки

доставленных в таком виде сведений, то это всецело относится уже к предмету ведения Департамента, который и в данном случае сумел бы самостоятельно разобраться в вопросе о том, насколько возможно для заявителя, не внушающего к себе доверия, получение сведений первостепенной важности непосредственно от видного революционного деятеля, и не преминул бы, конечно, также по собственной инициативе войти в обсуждение вопроса о возможности участия в замышляемом предприятии автономных боевых групп.
Сообщая об изложенном, не могу в заключение не отметить, что в последнем Вашем докладе по настоящему делу вновь замечается неуместное с Вашей стороны стремление к вступлению в пререкания с Департаментом.
Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Источник: Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. СПб; М., 2006. С. 202–205.

Справка Департамента полиции об организации заграничной агентуры. 16 февраля 1916 года

После обнаружения в 1909 г. во Франции деятельности заведующего заграничной агентурой Гартинга и заявления во французском парламенте председателя Совета министров Клемансо об отсутствии во Франции иностранной полиции, возник вопрос о возможности дальнейшего существования за границей секретного заграничного бюро.
Вследствие сего было решено, после необходимых перемен в личном составе служащих в секретном бюро деятельность последнего не прерывать. Но подобное неофициальное положение нашего розыскного бюро за границей, в связи со случаями разоблачения его деятельности со стороны агентов наружного наблюдения, при крайней чувствительности французской полиции ко всяким инцидентам, могущим поднять вопрос о продолжении деятельности означенного бюро во Франции, создало не только чрезвычайно трудное положение для осуществления возложенной на бюро розыскной деятельности, но могло вынудить французское правительство к заявлению о желательности прекращения во Франции всякой деятельности русской полиции.
Для выхода из этого положения в целях сохранения для нас возможности вести за границей политический розыск признано необходимым преобразовать постановку русского заграничного розыскного бюро на таких началах, когда, при возникновении вопроса о деятельности нашей политической полиции, французскому правительству не придется давать объяснений по вопросу о воспрепятствовании действию организованного и субсидируемого Департаментом предприятия.
В этих целях Департаментом полиции в конце 1913 г. русское заграничное бюро по политическому розыску было преобразовано на следующих основаниях:
В Париже организовано на средства Департамента, с соблюдением всех требований французского закона, частное розыскное бюро «Бинт и Самбен», которое подобно другим существующим частным предприятиям занимается розыскной деятельности вполне легально.
Деятельность этого частного бюро подчиняется статскому советнику Красильникову, являющемуся в действительности заведующим всем секретным политическим розыском за границей, организованным Министерством внутренних дел.
В качестве директора-владельца частного розыскного бюро назначен Генрих Бинт, а в качестве его помощника Альберт Самбен, бывшие агенты наружного наблюдения.
В личный состав служащих частного розыскного бюро, за увеличением всего прежнего состава наружного наблюдения, включено 18 из уволенных агентов, считая в том числе Бинта и Самбена.

Из личного состава служащих в частном бюро в сношениях со статским советником Красильниковым находятся только Бинт и Самбен, остальные служащие не должны знать о существовании этих отношений.
Заведующий заграничной агентурой именуется в переписке: «Командированным министерством внутренних дел за границу для сношения с местными властями и российскими посольствами и консульствами», причем положение его в Париже легализировано, как представителя от министерства внутренних дел.
В непосредственном распоряжении заведующего заграничной агентурой находятся агенты для охраны пребывающих заграницей высокопоставленных лиц.
Сношения с секретной агентурой и руководством последней производятся при посредстве командированных в распоряжение заведующего заграничной агентурой лиц.
Для исполнения разного рода отдельных поручений по сношениям с чинами французской полиции по текущим делам назначен бывший заведующий наружным наблюдением Биттар-Монен.

Личный состав:
Заведующий заграничной агентурой чиновник особых поручений при министре внутренних дел статский советник Александр Александрович Красильников.
Командированные в его распоряжение:
а) отдельного Корпуса жандармов ротмистр Люстих,
б) отдельного Корпуса жандармов ротмистр Лиховский и в) губернский секретарь Литвин.

Чины канцелярии:
1. Титулярный советник Мельников.
2. Губернский секретарь Бобров.
3. Губернский секретарь Волховский.
4. Г. Чашников.

Секретная агентура:
1. «Шарин».
2. «Американец».
3. «Матисс».
4. «Ратмир».
5. «Космополит».
6. «Серж».
7. «Дасс».
8. «Пьер».
9. «Скосе».
10. «Гретхен».
11. «Поль».
12. «Мартен».
13. «Лебук».
14. «Шарпантье».
15. «Россини».
16. «Женераль».
17. «Луи».
18. «Гишон».
19. «Вебер».
20. «Ниэль».
21. «Ней».
22. «Сименс».
23. «Франсуа».

24. «Орлик».
25. «Шарль».

Наружное наблюдение:
Во Франции осуществляется частным розыскным бюро «Бинт и Самбен».
А) В Лондоне – 4 агента.
Б) В Италии – 5 агентов.

Агенты охранной команды:
4 агента.

Содержание заграничной агентуры:
Сметный годовой отпуск – 687 613 фр. (258 542 руб.). Израсходовано в 1914 г. 595 651 фр.

Источник: Сватиков С. Зарубежная агентура Департамента полиции. М., 2002. С. 244–247.

Глава 15
Отдельный корпус жандармов

Жандармерия, как имеющая военную организацию полиция, возникла во Франции в 1791 г. Там она входила в состав вооруженных сил, но, помимо военного министра, подчинялась также министрам внутренних дел и юстиции. Французское новшество было по достоинству оценено и заимствовано некоторыми другими государствами, в частности Австрией и Пруссией. В России жандармские команды впервые появляются в 1792 г. в гатчинских войсках Павла I, тогда еще наследника престола, и функционируют в качестве военной полиции до 1796 г. В русской армии это понятие возрождается во время Заграничных походов 1813–1814 гг. Выбранные от каждого кавалерийского полка один благонадежный офицер и пять рядовых должны были следить за порядком на марше, бивуаках, в их обязанности входила борьба с мародерством, сопровождение раненых на перевязочные пункты и т.п. «Людям сих команд, – гласил приказ главнокомандующего М.Б.Барклая де Толли от 10 июня 1815 г., – именоваться жандармами, и они должны быть отличны от прочих красной повязкою на правой руке».
Однако вскоре эти команды были упразднены, а Борисоглебский драгунский полк был переименован в жандармский. В помощь ему в конце 1815 г. при гвардейском корпусе был создан лейб-гвардии жандармский полуэскадрон. Помимо этого, с 1810 г. в России существовал Корпус внутренней стражи, занимавшийся обучением рекрутов и содействием губернским властям в поимке разбойников, подавлении неравных волнений, взыскании податей и недоимок. В 1817 г. в составе корпуса были сформированы жандармские подразделения для несения службы в обеих столицах, губернских и главных портовых городах. Всего к 1826 г. в России насчитывалось 59 различных по своему назначению жандармских частей и подразделений общей численностью в 4099 человек.
На эти лишенные единого центра воинские образования, разбросанные по всей империи, обратил внимание А.Х. Бенкендорф. В поданном Николаю I проекте об организации централизованного политического сыска он предлагал подчинить эти части и подразделения начальнику «высшей полиции»: «К этому начальнику стекались бы сведения от всех жандармов, рассеянных во всех городах России и во всех частях войск».
Идея разом поставить и страну, и армию под неусыпный политический контроль нашла поддержку императора, и он почти одновременно с назначением Бенкендорфа главой Третьего отделения 25 июня 1826 г. поручил ему исполнение должности шефа жандармов.

Хотя руководителю госбезопасности на первых порах организационно была подчинена только часть жандармов, а решение хозяйственных, продовольственных, военно-судных и следственных вопросов оставалось вне его компетенции, тем не менее начало новой мощной централизованной структуре было положено. В первую очередь Бенкендорф обязал начальников жандармских частей и подразделений раз в месяц представлять рапорты и донесения о происшествиях, а также в качестве шефа жандармов взял в свои руки кадровый вопрос. Официальное оформление новой структуры было совершено указом от 28 апреля 1827 г. об учреждении Корпуса жандармов. Вся территория европейской части России была поделена на 5 жандармских округов по 8–11 губерний в каждом, а каждый округ в свою очередь подразделялся на 4–6 отделений (всего их было 26). Во главе округа стоял жандармский генерал, во главе отделения – жандармский штаб-офицер в чине от майора до полковника. Штаб корпуса с 1835 г. размещался в Петербурге. Общая численность этой военизированной структуры к концу 1828 г. составляла 4278 человек, в том числе 3 генерала, 41 штаб-офицер, 160 обер-офицеров, 3617 нижних чинов и 457 нестроевых. В этой связи любопытен следующий факт: еще в 1823 г. лидер Южного общества декабристов полковник П.И. Пестель рассчитал, что после свержения самодержавия революционной диктатуре для поддержания своей власти в России потребуется 112 900 жандармов. Численность же царской жандармерии никогда даже отдаленно не приближалась к такой цифре: в 1836 г. в ее штатах числилось 5164 человека, в 1857 г. – 4629, 1866 г.– 7076, 1880 г.– 6708, 1895 г.– 9243, 1914 г.– 13 645 и в 1917 г. – 15 718. Уже только на этом основании можно поставить вопрос о корректировке привычного нам стереотипа о прогрессивных революционерах, стремившихся «освободить» народ от военно-полицейского гнета реакционного царизма.

Новое ведомство задумывалось и создавалось как элитное соединение. На должности нижних чинов специально отбирались грамотные и наиболее развитые солдаты других родов войск. Еще более строгим был порядок отбора офицеров. Помимо дворянского происхождения, желания служить в Корпусе жандармов и достижения 20-летнего возраста, им следовало пройти специальную проверку. Любое служебное взыскание, а тем более свидетельства о политической неблагонадежности становились практически непреодолимым препятствием при поступлении на службу в жандармерию. Каждый офицер корпуса давал специальную подписку в том, «что ни к каким масонским ложам и тайным обществам, думам, управам и прочим, под каким бы названием они ни существовали, я не принадлежал и впредь принадлежать не буду». Впоследствии для поступающих в корпус были введены курс обучения, экзамены и испытательный срок. Столь строгий отбор был обусловлен тем, что Николай I видел в жандармских офицерах своих представителей на местах, а Бенкендорф не переставал напоминать подчиненным об их высоком предназначении: «В вас всякий увидит чиновника, который через мое посредство может довести глас страждущего человечества до престола царского и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставит под высочайшую защиту государя императора».

Отношение общества к новому элитному подразделению было двойственным. С одной стороны, монаршее доверие и проистекающая из него власть вкупе со значительно более высоким, чем в армии, жалованьем влекли в Корпус жандармов многих офицеров. Например, в 1871 г. прошения о переводе в жандармы подали 142 армейских офицера, из которых был отобран 21, а к занятиям было допущено только 6 человек. Число желающих стать жандармами почти всегда превышало количество имеющихся вакансий. С другой стороны, в обществе достаточно быстро утверждается взгляд на жандарма как на шпиона и доносчика, случаи отказа от подобной «постыдной» службы со стороны тех лиц, которых приглашали на жандармскую службу, также были не единичны.

Когда после своего назначения шефом жандармов Бенкендорф попросил у Николая I инструкцию для вверенного ему корпуса, царь протянул ему свой платок со словами: «Вот тебе инструкция. Чем больше утрешь слез этим платком, тем лучше». Даже если эта

история и представляет из себя сочиненную позднее легенду, на чем настаивают некоторые исследователи, тем не менее она характеризует царя и его сподвижника как людей, способных на подобный образ мыслей. Вместе с тем она показывает, что сфера деятельности жандармов как представителей императора на местах виделась Николаю I столь обширной, что он счел бессмысленным пытаться втиснуть ее в рамки какой-либо инструкции. Но все же без такого документа ни одно учреждение функционировать не может, и, отправляя жандармского полковника И.П. Бибикова и агента Третьего отделения поручика И.В. Шервуда на политическое обследование южных губерний, 13 января 1827 г. Бенкендорф дал им инструкцию, текст которой впоследствии стал трафаретным. Первый и самый главный пункт этой инструкции от подчиненных шефа жандармов требовал: «Обратить особенное внимание на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотребления, беспорядки и закону противные поступки». Второй пункт обязывал «наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не могли быть нарушены». Исходя из третьего пункта, находящийся на месте жандарм получал право сноситься с теми местными властями, в ведении которых им замечены беспорядки, «предварять их» и только в тех случаях, если все его «домогательства» «будут тщетны», сообщать о них в Третье отделение. В инструкции особо обращалось внимание жандармов на следующее:
«Цель вашей должности должна быть прежде всего предупреждение и отстранение всякого зла». Весьма расплывчатое понимание борьбы со «всяким злом» давало жандармским офицерам широкий административный простор, а их подчиненность далекому начальнику округа и еще более далекому шефу жандармов надежно обеспечивала их независимое положение на местах.
Секретная агентура Третьего отделения и подразделения Корпуса жандармов на местах охватили всю страну сетью регулярного политического сыска. В письме Бенкендорфу от 14 августа 1826 г. управляющий канцелярией Третьего отделения М.Я. фон Фок констатирует масштабы этого процесса: «Деятельность надзора растет с каждым днем, и у меня едва хватает времени для принятия и записывания всех заявлений». Общество мгновенно почувствовало тотальную по тем временам слежку, и уже в следующем месяце, 24 сентября 1826 г., критики «сильно восстают» против введенной Николаем I системы: «Нельзя чихнуть в доме, сделать жест, сказать слово, чтобы об этом тотчас не узнал государь». Приписываемое М.Ю. Лермонтову знаменитое стихотворение 1841 г. отражало общее мнение относительно всепроникающего надзора жандармов, носивших мундиры голубого цвета:
Прощай, немытая Россия.
Страна рабов, страна господ.
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

После подавления Польского восстания на территории входившего в состав Российской империи Царства Польского в 1832 г. был образован шестой жандармский округ, находившийся в двойном подчинении– шефа Корпуса жандармов и наместника. В своих основных чертах жандармская структура складывается к 1 июля 1836 г., когда Корпус жандармов реорганизуется в Отдельный Корпус жандармов (отдельным корпусом в России XIX в. считалось воинское соединение, в своем правовом статусе приравниваемое к армии) и к шести существующим округам был добавлен Сибирский жандармский округ. Все семь округов перестали делить на отделения, вместо них в каждой губернии были

сформированы управления жандармских штаб-офицеров, в результате чего сеть органов сыска стала еще гуще. Хозяйственное обеспечение жандармских подразделений из Корпуса внутренней стражи перешло в ведение шефа жандармов, а так называемое «дежурство» корпуса было заменено штабом. Тогда же было принято «Положение о корпусе жандармов». Наконец, в декабре 1837 г. был образован восьмой жандармский округ – Кавказский, а в 1842 г. жандармерии был передан Борисоглебский полк.

Объединение Третьего отделения и Отдельного корпуса жандармов в единую вертикаль политического сыска долгие годы обеспечивалось тем, что во главе обеих структур находился один и тот же руководитель – А.Х. Бенкендорф (умер в 1844 г.). Однако фактическое соединение обоих ведомств оказалось настолько удачным, что личная уния приобрела характер традиции и все преемники Бенкендорфа по Третьему отделению также одновременно назначались шефами Отдельного корпуса жандармов. Когда же первая структура была ликвидирована, то жандармерия перешла под начало Департамента полиции, ставшего преемником Третьего отделения как ведущего органа государственной безопасности.

Разработанная А.Х. Бенкендорфом внутренняя структура Отдельного корпуса жандармов просуществовала в неизменном виде до ее реорганизации, предпринятой П.А. Шуваловым в 1867 г. Для дальнейшего увеличения сети жандармских органов прежняя окружная система территориального деления была сохранена на окраинах империи (Сибирь, Кавказ и Царство Польское), а в остальной России основными структурными подразделениями стали губернские жандармские управления. Деятельность чинов Корпуса жандармов регламентировалась особыми инструкциями. Например, секретная инструкция от 14 февраля 1875 г. предусматривала, что она (эта деятельность) «представляется в двух видах: в предупреждении и пресечении разного рода преступлений и нарушений закона и во всестороннем наблюдении. Первый из этих видов деятельности опирается на существующее законодательство, и все действия жандармских чинов в этом отношении определены законом 19 мая 1871 г. Второй же вид... не может подчиняться каким-либо определенным правилам, а, напротив того, требует известного простора и тогда лишь встречает ограничения, когда материал, добытый наблюдением, переходит на законную почву и подвергается оценке, т.е. уже является предметом деятельности первого вида». В этом же документе подчеркивалось, что основная задача сотрудников жандармского ведомства состояла в том, чтобы путем наблюдения за «духом всего населения и за направлением политических идей общества» раскрывать и преследовать любые попытки «к распространению вредных учений, клонящихся к колебанию коренных основ государственной, общественной и семейной жизни». Закон от 19 мая 1871 г., на который ссылается инструкция, предоставил жандармам право на «производство дознаний о преступлениях государственных», причем этим жандармы могли заниматься «как по предложению прокурора судебной палаты, так и непосредственно», ставя в последнем случае прокурора лишь в известность.

Для обеспечения выполнения возложенных на них функций канцелярии жандармских управлений стали делиться на следующие части: общего руководства, розыскную, следственную, политической благонадежности и денежную. Когда в России стал бурно развиваться новый вид транспорта – железнодорожный, он также был поставлен под контроль и охрану этого ведомства. В 1861 г. в стране появилось первое жандармское полицейское управление железной дороги, а к 1895-му их число возросло до 21. Они имели отделения на всех узловых железнодорожных станциях. Первоначально эти управления находились в ведении министра путей сообщения, однако в 1866 г. начальник штаба Корпуса П.А. Шувалов добивается передачи их под свое начало, вновь вводя все жандармские части и управления в состав Отдельного корпуса жандармов. Во время его руководства этим ведомством (до 1874 г.) были приняты меры по повышению образовательного уровня жандармов, а также их материального содержания. В таком

обновленном виде Отдельный Корпус жандармов просуществовал до Февральской революции 1917 г., когда был ликвидирован.

Командиры (командующие) Отдельного корпуса жандармов (в мае 1896 г. – январе 1898 г. – товарищ министра внутренних дел – помощник шефа жандармов):
1882–1887 гг. – Оржевский П.В. (товарищ министра внутренних дел);
апрель 1887 г. – 1895 г. – Шебеко Н.И. (товарищ министра внутренних дел);
май 1896 г. – февраль 1897 г. – Фрезе А.А. (товарищ министра внутренних дел);
февраль 1897 г. – апрель 1900 г. – Пантелеев А.И. (товарищ министра внутренних дел);
апрель 1900 г. – сентябрь 1902 г. – кн. Святополк-Мирский П.Д. (товарищ министра внутренних дел);
сентябрь 1902 г. – январь 1904 г. – фон Валь В.В. (товарищ министра внутренних дел);
январь 1904 г. – май 1905 г. – Рыдзевский К. Н. (товарищ министра внутренних дел);
май – октябрь 1905 г. – Трепов Д.Ф. (товарищ министра внутренних дел);
декабрь 1905 г. – сентябрь 1906 г. – Дедюлин В.А.;
ноябрь 1906 г. – февраль 1909 г. – барон Таубе Ф.Ф.;
март 1909 г. – сентябрь 1911 г. – Курлов П.Р. (товарищ министра внутренних дел);
январь 1912 г. – январь 1913 г. – Толмачев В.А.;
январь 1913 г. – август 1915 г. – Джунковский В.Ф. (товарищ министра внутренних дел);
октябрь 1915 г. – февраль 1917 г. – гр. Татищев Д.П.

Начальники штаба ОКЖ:
апрель 1830 г. – сентябрь 1831 г. – и.д. дежурного штаб-офицера КЖ (Корпус жандармов. — Прим. авт.) Дубельт Л.В.;
сентябрь 1831 г. – апрель 1835 г. – дежурный штаб-офицер КЖ
Дубельт Л.В.;
апрель – июнь 1835 г. – и.д. начальника ШОКЖ (штаб Отдельного корпуса жандармов. — Прим. авт.) Дубельт Л.В.;
июнь 1835 г. – август 1856 г. – начальник ШОКЖ (с марта 1839 г. – начальник ШОКЖ и управляющий III Отделением) Дубельт Л.В.;
август 1856 г. – август 1861 г. – Тимашев А.Е.;
август– декабрь 1861 г. – гр. Шувалов П.А.;
октябрь 1861 г. (утвержден в декабре 1861 г.) – июль 1864 г. – Потапов А.Л.;
июль 1864 г. – май 1871 г. – Мезенцев Н.В.;
декабрь 1871 г. (утвержден в апреле 1872 г.) – март 1882 г. – Никифораки А.Н.;
март–июль 1882 г. – Козлов А. А.;
июль 1882 г. – декабрь 1883 г. – Кантакузин М.А.;
январь 1884 г. – февраль 1893 г. – Петров Н.И.;
март 1893 г. – ноябрь 1896 г. – Мезенцев С.Н.;
ноябрь 1896 г. – октябрь 1903 г. – Зуев Д.П.;
октябрь 1903 – январь 1905 г. – Дедюлин В.А.
январь 1905 г. – октябрь 1907 г. – Саввич С.С.;
октябрь 1907 г. – июль 1913 г. – Гершельман Д.К.;
август 1913 г. – не ранее октября 1916 г. – Никольский В.П.

Биографии командиров Отдельного корпуса жандармов

АНДРЕЕВ Владимир Иванович (1866 – год смерти неизв.). Подполковник Отдельного корпуса жандармов.
Окончил Московское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генштаба, с 1889 г. – подпоручик стрелкового полка. В 1898 г. перешел из Финляндского стрелкового полка в Отдельный корпус жандармов. Служил адъютантом Гродненского, с

1899 г. – Санкт-Петербургского губернских жандармских управлений. С 1901 г. – нач. отдела Харьковского жандармского полицейского управления железных дорог, помощник начальника жандармского управления г. Одессы и в 1907 г. прикомандирован к тому же управлению. В 1908 г. прикомандирован к СПб. ГЖУ с откомандированием в Париж в распоряжение заведующего Загранагентурой Гартинга, после расконспирирования которого в начале 1909 г. временно находился во главе Загранагентуры. 4 декабря 1909 г. прикомандирован к ЖПУ Средне-Азиатской ж.д. и в 1911 г. Лифляндскому ГЖУ, где руководил розыском, широко применяя метод провокации, что и привело к его увольнению в отставку. Вступил во время Первой мировой войны в действующую армию, служил командиром батальона в одном из армейских пехотных полков на Австрийском фронте. Согласно показаниям полковника И.П. Васильева, характеризовавшего Андреева как германофильски настроенного, во время войны был командирован штабом Одесского военного округа за границу с секретной миссией.

БЕКЛЕМИШЕВ Василий Андреевич (1868–1911). Полковник Отдельного корпуса жандармов.
Окончил Виленскую гимназию и Московское военное училище. Служил в чине подпоручика с 1890 г. в 105-м пехотном Оренбургском полку, в 1895 г. переведен в Отдельный корпус жандармов, адъютант Киевского ГЖУ, в 1897 г. прикомандирован к Виленскому, а затем к Киевскому ГЖУ. С 1898 г. – помощник начальника Киевского ГЖУ. 6 апреля 1905 г. назначен начальником жандармского управления Ломжинского, Мазовецкого, Шутинского и Кольненского уездов, 16 июня того же года прикомандирован к СПб. ГЖУ, с 4 сентября 1905 г. – помощник начальника Воронежского ГЖУ в Воронежском, Задонском и Нижнедонецком уездах. С июня 1906 г. – помощник начальника Воронежского ГЖУ в г. Воронеже. С июля 1907 г. – в резерве и прикомандирован к штабу отдельного Корпуса жандармов, откомандирован в распоряжение Департамента полиции, где служил в Особом отделе. С 1910 г. – начальник Петроковского ГЖУ (Царство Польское).

БРОК Николай Петрович (1839 – год смерти неизв.). Генерал от инфантерии (1900).
Окончил Пажеский корпус, с 1857 г. служил в лейб-гвардии Гусарском полку. Состоял офицером для особых поручений при главнокомандующем Кавказской армией (1860–1862), адъютант военного министра Д.А. Милютина (1862–1869), чиновник московского особых поручений 5-го класса при военном министре (1869–1875). В 1875–1877 гг. командовал лейб-гвардии Московским пехотным полком, в 1877–1880 гг. – 1-й бригадой 2-й гвардейской пехотной дивизии. Участник Кавказской и Русско-турецкой войн.
С мая 1884 г. по апрель 1897 г. – начальник Варшавского жандармского округа. С апреля 1897 г. по январь 1900 г. состоял в распоряжении шефа жандармов. С января 1900 г. – почетный опекун Опекунского совета учреждений императрицы Марии.
Награжден орденами Св. Станислава 1-й степени и Св. Анны 1-й степени (1878), Белого Орла (1889), Св. Александра Невского (1894), Св. Владимира (1907).

ВАЛЬ фон Виктор Вильгельмович (1840–1915). Генерал от кавалерии (1904).
Родился в Лифляндской губернии. Окончил Николаевское инженерное училище. В марте 1863 г. – феврале 1876 г. служил в Варшаве адъютантом при главноначальствующем войск Царства Польского (до 1873 г.), участвовал в подавлении Польского восстания 1863–1864 гг., был контужен, состоял офицером для особых поручений при главнокомандующем войсками Варшавского военного округа. В феврале 1876 г. в звании полковника переведен в Ярославль вице-губернатором (до июня 1878 г.). Флигель-адъютант императора с 1874 г., генерал-майор свиты с 1879 г. Далее служил губернатором в Гродно (июнь 1878 г. – февраль 1879 г.), в Харькове (февраль 1879 г. – апрель 1880 г.), Витебске (апрель 1880 г. – июль 1884 г.), в Подольской (июль 1884 г. – июнь 1885 г.) и

Волынской губерниях (июнь 1885 г. – февраль 1889 г.) и Курске (февраль 1889 г. – май 1892 г.).
С мая 1892 г. до декабря 1895 г. – градоначальник Санкт-Петербурга. С 1895 г. – почетный опекун, с 1896 г. – управляющий Ксениинским институтом. С октября 1901 г. – виленский губернатор. 5 мая 1902 г. в г. Вильно на него произведено покушение бундовцем, сапожником Гиршем Леккертом за то, что 1 мая демонстранты были подвергнуты по распоряжению фон Валя телесному наказанию. Фон Валь был ранен в руку и ногу. Леккерт 28 мая повешен.
С 15 сентября 1902 г. до 10 января 1904 г. фон Валь– товарищ министра внутренних дел В.К. Плеве и командир Отдельного корпуса жандармов.
С 10 января 1904 г. – член Государственного совета. Награжден орденами Св. Анны 3-й и 1-й степеней, Св. Станислава 3-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Александра Невского, Св. Владимира 1-й степени и прусским орденом Белого Орла.

ВОЛКОВ Иван Дмитриевич (1854–1917). Генерал-лейтенант Отдельного корпуса жандармов (1915).
Окончил Виленское пехотное юнкерское училище, с 1872 г. служил в 108-м Саратовском пехотном полку. В 1880 г. в звании штабс-капитана перешел в ОКЖ.
Служил адъютантом Виленского ГЖУ с апреля 1880 г., начальником жандармского управления Чаусского, Мстиславского и Горецкого уездов Витебской губернии, помощником начальника Витебского ГЖУ с февраля 1888 г., помощником начальника СПб. ГЖУ с марта 1888 г. до февраля 1899 г. Начальник ГЖУ в Твери (1899–1900), Витебске (1900–1902), Екатеринославе (1902–1903), Лифляндского ГЖУ (1903–1915). Начальник Петроградского ГЖУ с 9 января 1915 г. до февраля 1917 г. Награжден орденами Св. Анны 4-й, 3-й и 1-й степеней, Св. Станислава 3-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 4-й и 3-й степеней.
По воспоминаниям П.Г. Курлова, был убит революционными солдатами во время Февральской революции.

ГЕРАРДИ Борис Андреевич (1870 – год смерти неизв.). Полковник Отдельного корпуса жандармов (1907).
Закончил Кутаисскую классическую гимназию и Тифлисское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду. В службу вступил 6 июля 1888 г. С 1891 г. – подпоручик 77-го пехотного Тенгинского полка.
В январе 1898 г. переведен в Отдельный Корпус жандармов и прикомандирован к Московскому губернскому жандармскому управлению. С октября 1900 г. переведен в резерв при том же управлении. С октября 1902 г. причислен к штабу ОКЖ и откомандирован в распоряжение санкт-петербургского градоначальника. С декабря 1903 г. – помощник начальника Санкт-Петербургского охранного отделения. С апреля 1905 г. состоял в распоряжении дворцового коменданта, с 1 мая 1905 г. – начальник дворцовой полиции.
Награжден орденом Св. Владимира 4-й и 3-й степеней.

ГЕРАСИМОВ Александр Васильевич (1861–1944). Генерал-лейтенант Отдельного корпуса жандармов в отставке.
Окончил Харьковское реальное училище и Чугуевское пехотное юнкерское училище. С 1883 г. – прапорщик 61-го резервного пехотного батальона. В 1889 г. переведен в Отдельный корпус жандармов. Служил адъютантом Самарского, с 1891 г. – Харьковского ГЖУ, с 1894 г. – помощник начальника Харьковского ГЖУ, с 1902 г. состоял при том же управлении.
С 3 февраля 1905 г. по 25 октября 1909 г. – начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге. Участвовал в раскрытии и предотвращении

террористических актов против Николая II, великого князя Николая Николаевича, министра юстиции И.Г. Щегловитова, премьера П.А. Столыпина и др.
25 октября 1909 г. из-за конфликта с П.Г. Курловым отстранен от должности начальника охранного отделения, произведен в генерал-майоры и назначен генералом для поручений при министре внутренних дел по должности шефа жандармов. При преемниках Курлова получал ревизионные поручения по инспектированию и руководству охранными отделениями в России. В 1912 г. командирован за границу для наблюдения за великим князем Михаилом Александровичем и Н.С. Вульферт, впоследствии Брасовой, и воспрепятствования их браку, но он узнал об этом уже после его совершения.
В начале 1914 г. вышел в отставку с произведением в генерал-лейтенанты. В 1918 г. эмигрировал. Автор воспоминаний «На лезвии с террористами» (впервые изданы в Париже в 1934 г.). Умер в Берлине.

ГЕРШЕЛЬМАН Дмитрий Константинович (1859–1913). Генерал от инфантерии (1913).
Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генштаба. В военной службе с 1877 г. Участник войны с Турцией. Занимал командные должности в войсках. С 1904 г. служил в Главном штабе.
Начальник штаба ОКЖ с 14 октября 1907 г. по 22 июля 1913 г. Награжден орденами Св. Анны 4, 3 и 1-й степеней, Св. Станислава 3-й и 1-й степеней, Св. Владимира 3-й степени, румынскими и бухарскими орденами.

ГЛОБАЧЕВ Константин Иванович (1870–1941). Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов (1915).
Закончил Полоцкий кадетский корпус, 1-е Павловское военное училище и два класса Николаевской академии Генштаба по 2-му разряду.
Вступил в службу с 1 сентября 1888 г. В 1890 г. – подпоручик в Кексгольмском гренадерском полку. 23 сентября 1903 г. переведен в Отдельный корпус жандармов. С 30 сентября 1903 г. – адъютант Петроковского губернского жандармского управления. В 1904 г. переведен в резерв при Бакинском, а затем Гродненском губернском жандармском управлении. В 1905 г. – начальник жандармского управления Лодзи. Находился в распоряжении варшавского обер-полицмейстера (с 29 декабря 1909 г. – начальник отделения по охране общей безопасности и порядка в Варшаве). С 20 ноября 1912 г. служил начальником Нижегородского губернского жандармского управления, с 1 февраля 1914 г. – начальник Севастопольского жандармского управления.
С 11 февраля 1915 г. по 27 февраля 1917 г. – начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде. Арестован после Февральской революции, находился под следствием в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, освобожден в октябре 1917 г. под подписку о невыезде. После Октябрьской революции вновь арестован Петроградской ЧК, освобожден в начале 1918 г. Уехал на юг, служил в полиции в Киеве и Одессе при белых, с 1920 г. – в российском посольстве в Константинополе. В 1923 г. эмигрировал в США, где работал наемным слугой, занимался живописью в Нью-Йорке. С 1929 г.– гражданин США. В 1929–1934 гг. жил в Париже, работал в РОВС (заместитель начальника секретно-политического отдела). С 1934 г. жил в Нью-Йорке, где и умер. Автор воспоминаний «Правда о русской революции».
Награжден орденом Св. Владимира 4-й и 3-й степеней.

ДЕДЮЛИН Владимир Александрович (1858–1913). Генерал-адъютант (1909). Генерал от кавалерии (1912). Числился по Генеральному штабу, состоял в списках Отдельного корпуса жандармов с 18 сентября 1906 г.
Выходец из старого дворянского рода, помещик Ярославской губернии, брат сенатора Н.А. Дедюлина. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального

штаба по 1-му разряду (1883). С 1877 г. служил в лейб-гвардии Уланском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1883 г. служил в Харьковском военном округе – офицер для особых поручений при штабе 10-го пехотного корпуса, старший адъютант штаба пехотной дивизии. С 1885 г. – заведующий передвижениями войск по железным дорогам и водным путям Петербургско-Динабургского района, с 1898 г. – помощник начальника отдела Главного штаба по передвижению войск и военных грузов. В 1900–1903 гг. – начальник управления военных сообщений.
С 28 октября 1903 г. по 17 января 1905 г. – начальник штаба Отдельного корпуса жандармов. С 17 января 1905 г. – градоначальник в Санкт-Петербурге.
С 31 декабря 1905 г. по 2 сентября 1906 г. – командир Отдельного корпуса жандармов.
3 сентября 1906 г. назначен дворцовым комендантом, оставался в этой должности до своей смерти.
Награжден орденами Св. Станислава 3-й (с мечами и бантом) и 2-й степеней, Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Владимира 4-й и 3-й степеней, французским Орденом Почетного легиона (офицерским крестом), румынским и немецкими орденами.

ДЖУНКОВСКИЙ Владимир Федорович (1865–1938). Генерал-майор (1908).
Родился в дворянской семье. Брат члена совета наместника на Кавказе егермейстера Николая Федоровича Джунковского.
Окончил курс Его Величества Пажеского корпуса. 1 сентября 1882 г. поступил на военную службу. С 1884 г. служил в лейб-гвардии Преображенском полку; адъютант московского генерал-губернатора с 1891 г., флигель-адъютант Николая II с 1905 г. Назначен московским вице-губернатором 12 августа 1905 г., а 1 1 ноября того же года – московским губернатором.
С 25 января 1913 г. по 19 августа 1915 г. – товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов. В 1915 г. назначен в действующую армию, служил командиром бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии, затем начальником 15-й Сибирской стрелковой дивизии. Награжден орденами Св. Станислава 2-й и 1-й степеней, Св. Анны 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 3-й и 2-й степеней, немецким, черногорским, румынским, австрийским, болгарским, турецким, французским, персидским, шведским, сербским, бельгийскими, бухарским орденами.
После Октябрьской революции несколько раз арестовывался. Жил в Москве, консультировал сотрудников ВЧК—ОГПУ по вопросам охраны правительства. Автор воспоминаний. Арестован в 1937 г. Расстрелян 21 февраля 1938 г. по приговору тройки УНКВД Московской области. Посмертно реабилитирован.

ЕРАНДАКОВ Василий Андреевич (1875 – год смерти неизв.). Полковник Отдельного корпуса жандармов.
Окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище. С 1894 г. служил в казачьих войсках. В 1902 г. переведен в ОКЖ. Служил адъютантом Тульского ГЖУ, с 1903 г. – помощником начальника Киевского ГЖУ, с 1906 г. состоял в резерве при Херсонском ГЖУ, с 1908 г. – при Нижегородском ГЖУ.
С 1910 г. Ерандаков – начальник городского контрразведывательного отделения при Санкт-Петербургском ГЖУ. С 1914 г. – начальник Контрразведывательного отделения (КРО) Отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генштаба. Арестован после Февральской революции, освобожден.

ЕРЕМИН Александр Михайлович (1872 – год смерти неизв.). Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов (1915).
Родился в казачьей семье. Закончил Оренбургский-Неплюевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду и казачье отделение офицерской стрелковой школы. В 1891–1903 гг. служил в кавалерии. В январе 1903 г. переведен в

Отдельный корпус жандармов, с прикомандированием к Киевскому губернскому жандармскому управлению. В апреле 1904 г. переведен в резерв при Херсонском жандармском управлении. В 1905 г. состоял при Киевском губернском жандармском управлении в должности и.д. начальника Киевского охранного отделения. В 1906 г. состоял при штабе ОКЖ.
С 12 января 1908 г.– начальник Тифлисского губернского жандармского управления. С 24 января 1910 г. состоял в распоряжении командира Корпуса жандармов с прикомандированием к Санкт-Петербургскому губернскому жандармскому управлению. В 1910–1913 гг. – заведующий Особым отделом ДП. С июня 1913 г. – начальник Финляндского жандармского управления. Награжден орденами Св. Станислава 3-й степени и Св. Владимира 4-й и 3-й степеней.
Во время Гражданской войны служил в Белой армии на Урале. С марта 1918 г. – командующий войсками Уральской области. С апреля 1919 г. – сопредседатель комиссии для расследования обстоятельств эвакуации белогвардейских войск из Уральска и виновности должностных лиц. Возглавил Управление генерал-квартирмейстера. Участник похода в Иран (1920). Умер от малярии в Шахруде.

ЗАВАРЗИН Павел Павлович (1868 – год смерти неизв.). Полковник Отдельного корпуса жандармов.
Окончил Одесское реальное училище и Одесское пехотное юнкерское училище по 1-му разряду. С 1888 г. служил в чине подпоручика в 16-м стрелковом батальоне Его Величества. В мае 1898 г. переведен в Отдельный корпус жандармов. С июня того же года служил адъютантом Бессарабского губернского жандармского управления, с 1899 г. – адъютантом Таврического губернского жандармского управления. С мая 1900 г. – помощник начальника Волочисского отделения Киевского жандармского полицейского управления. С июня 1901 г. – начальник Лубенского отделения Московско-Киевского ЖПУ. С июня 1903 г. прикомандирован к Бессарабскому губернскому жандармскому управлению. С 24 июня 1904 г. – помощник начальника Могилевского губернского жандармского управления по Гомельскому уезду и затем в резерве при жандармском управлении г. Одессы, с июля 1905 г. – в резерве при Донском областном жандармском управлении.
11 августа 1906 г. назначен начальником отделения по охране общественной безопасности и порядка в Варшаве. С 29 декабря 1909 г. – начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве.
С 31 июля 1912 г. – начальник Одесского губернского жандармского управления.
С 3 июня 1916 г. – начальник Варшавского губернского жандармского управления (ввиду немецкой оккупации Варшавы временно прикомандирован к Петроградскому ГЖУ).
Эмигрировал. Автор воспоминаний. Награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Владимира 4-й и 3-й степеней, Св. Анны 2-й степени.

КАРПОВ Сергей Георгиевич (1864–1909). Полковник Отдельного корпуса жандармов.
Закончил 4-й Московский кадетский корпус. С 1885 г.– подпоручик 131-го пехотного Тираспольского полка. В 1895 г. переведен в Отдельный Корпус жандармов адъютантом Донского областного жандармского управления. С 1897 г. – начальник Екатеринбург-Челябинского отделения Екатеринбургского жандармского полицейского управления.
С 1898 г. – начальник Брянского отделения Минского жандармского полицейского управления. С 1903 г. – помощник начальника Донского областного жандармского управления в Ростовском уезде. В 1906 г. прикомандирован к тому же управлению.
В сентябре 1909 г. назначен начальником Санкт-Петербургского охранного отделения. Убит в декабре того же года на конспиративной квартире (на Астраханской улице на Выборгской стороне) путем взрыва скрытой в мебели «адской машины», к которой были приспособлены провода от электрических звонков. Этот террористический акт был

совершен членом партии эсеров А.И. Петровым, предложившим с согласия и под контролем ЦК партии полковнику Карпову свои услуги в качестве сотрудника по раскрытию политической организации. Согласно воспоминаниям генерала А.В. Герасимова, Карпов поддерживал с Петровым приятельские отношения, вполне ему доверяя, что и привело к такому трагическому концу.

КЛЫКОВ Митрофан Яковлевич (1847 – год смерти неизв.). Генерал-лейтенант Отдельного корпуса жандармов (1913).
Окончил Воронежскую военную гимназию и Одесское пехотное юнкерское училище. С 1869 г. – в 13-м стрелковом батальоне и Ольвипольском уланском полку. В 1881 г. в чине штабс-ротмистра переведен в ОКЖ. Служил адъютантом в Тифлисском ГЖУ, помощником начальника Тифлисского ГЖУ до 1889 г., затем помощником начальника Одесского (1889–1891) и Харьковского ГЖУ (1891), в Киевском ГЖУ– в резерве, помощником начальника управления (1893–1894). Далее служил начальником ГЖУ в Эривани (1896–1901), Самаре (1901–1902), Вильно (1902–1905), Петербурге (с декабря 1905 г.).
С декабря 1914 г. – помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части.
Награжден орденами Св. Станислава 3-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Анны 3-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 4-й, 3-й, 2-й степеней, Белого Орла, Св. Александра Невского.

КОЗЛОВ Александр Александрович (1837 – после 1916). Генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1896). Исполняющий должность начальника штаба Отдельного корпуса жандармов в 1882 г.
Получил образование в Пажеском корпусе. В службу вступил в 1855 г. в лейб-гвардии Измайловский полк. Служил адъютантом при санкт-петербургском военном генерал-губернаторе (1861–1865), рижским старшим полицмейстером (1865–1869), помощником санкт-петербургского обер-полицмейстера (1869–1873), помощником санкт-петербургского градоначальника (1873–1878), состоял при МВД (1878), московский обер-полицмейстер с 14 октября 1878 г. по 13 августа 1881 г., санкт-петербургский обер-полицмейстер с 13 августа 1881 г. по 26 июля 1882 г., и. д. начальника штаба Отдельного корпуса жандармов с 26 марта по 26 июля 1882 г., московский обер-полицмейстер (с 26 июля 1882 г. по 17 января 1887 г.). С 1888 г. – почетный опекун Московского опекунского совета учреждений императрицы Марии, попечитель и опекун Московского коммерческого училища. Московский генерал-губернатор с 14 апреля по 15 июля 1905 г. Смещен из-за конфликта с Д.Ф. Треповым по поводу запрещения съезда представителей земств в Москве. С 1905 г. жил за границей в связи с необходимостью лечения.
Награжден орденами Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени, Белого Орла, Св. Александра Невского, Св. Владимира 1-й степени.

КОМИССАРОВ Михаил Степанович (1870–1933). Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов.
Закончил Полоцкий кадетский корпус и 3-е Александровское военное училище. С 1890 г. – подпоручик 1-го мортирного артиллерийского полка. В 1904 г. переведен в Отдельный Корпус жандармов с прикомандированием к Санкт-Петербургскому губернскому жандармскому управлению.
С августа 1904 г. прикомандирован к Департаменту полиции, где стал во главе вновь образованного секретного отделения по наблюдению за иностранными посольствами и военными агентами, перлюстрации и расшифровке их секретной дипломатической переписки. В конце 1905 г. по распоряжению стоявшего тогда во главе политической части департамента П.И. Рачковского напечатал в помещении департамента два воззвания: «К солдатам» и «К избирателям в Государственную думу», которые и дали потом повод к запросу в Государственной думе о погромной деятельности Департамента

полиции. С 15 сентября 1906 г. поступил в распоряжение санкт-петербургского градоначальника для и.д. помощника начальника Санкт-Петербургского охранного отделения.
В 1909–1915 гг. – начальник губернских жандармских управлений (Енисейского в 1909–1910 гг., Пермского в 1910–1912 гг., Саратовского в 1912–1915 гг., с июня 1915 г. – Вятского).
С 26 октября 1915 г. назначен начальником Варшавского губернского жандармского управления, но ввиду занятия Варшавы немцами прикомандирован к Петроградскому губернскому жандармскому управлению. По распоряжению товарища министра внутренних дел Белецкого назначен заведующим охраной Распутина.
В марте 1916 г. назначен градоначальником Ростова-на-Дону и 3 августа того же года уволен в отставку. После Февральской революции с марта по июнь 1917 г. находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Умер в эмиграции в Чикаго.

КОТТЕН фон Михаил Фридрихович (1870–1917). Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов.
Окончил Полоцкий кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище, два курса Николаевской академии Генштаба. В 1903 г. из запаса переведен в ОКЖ. С 1905 г. состоял в распоряжении санкт-петербургского градоначальства. В 1905 г. прикомандирован к Санкт-Петербургскому ГЖУ. В 1907–1909 гг.– начальник Московского охранного отделения, с 1909 г. – начальник Санкт-Петербургского охранного отделения. В мае того же года в Париже в фон Коттена неудачно стрелял его бывший агент эсер М. Рипс.
В начале Первой мировой войны фон Коттен находился в секретной командировке (руководил резидентурой военной разведки – «организацией № 31», действовавшей против Австро-Венгрии с территории Швейцарии, под псевдонимом Викторов, был арестован в августе 1914 г. и выслан во Францию).
Служил после возвращения в Россию начальником штаба Кронштадтской крепости. После Февральской революции арестован.

КУРЛОВ Павел Григорьевич (1860–1923). Шталмейстер. Генерал-лейтенант.
Из помещиков Курской губернии. Закончил Николаевское кавалерийское училище и Александровскую военно-юридическую академию. С 1880 г. – прапорщик лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. С 1883 г. служил в пограничной страже на Кавказе, откуда поступил в военно-юридическую академию. С 1889 г. находился при военной прокуратуре Московского окружного суда. С 1890 г. – товарищ прокурора Костромского и затем Тверского окружных судов. С 1891 г. – помощник военного прокурора Одесского военного окружного суда. В мае 1892 г. вышел в отставку в чине подполковника и в ноябре того же года назначен товарищем прокурора Владимирского, а с 1897 г. – Московского окружных судов. С 1899 г. – прокурор Вологодского окружного суда. С 1900 г. – товарищ прокурора Московской судебной палаты, в 1903 г.– курский вице-губернатор. С 1905 г. – губернатор в Минске.
14 января 1906 г. в Минске в него была брошена бомба И. Пулиховым, и одновременно эсерка Александра Измаилович стреляла в полицмейстера Норова. Вскоре после этого Курлов был уволен от должности с назначением расследования о неправильных его действиях при подавлении в Минске революционных беспорядков. Расследование это было прекращено сенатом.
В 1906 г. Курлов был назначен членом совета министра внутренних дел. С 8 декабря 1906 г. по 7 февраля 1907 г. – киевский губернатор.
С 14 апреля 1907 г. Курлов исполнял обязанности вице-директора Департамента полиции, заведующий Особым отделом.

Летом 1907 г. – исполняющий должность директора Департамента полиции. С 26 октября 1907 г. – начальник Главного тюремного управления.
С 1 января 1909 г. Курлов – товарищ министра внутренних дел и с 24 марта одновременно командир Отдельного корпуса жандармов. Сопровождал Николая II в его путешествиях в Полтаву, Ригу и в Киев в 1911 г., заведуя охраной императора. В сентябре 1911 г., после убийства Столыпина в Киеве, уволен в отставку с назначением расследования его действий, которое производил сенатор Трусевич, а затем сенатор Шульгин. По высочайшему повелению дело о нем было прекращено, но Курлов продолжал быть в отставке до 1914 г., когда с объявлением войны был назначен сначала в распоряжение, а затем и помощником начальника Двинского военного округа. В октябре 1914 г. командирован в Ригу, в должности особоуполномоченного по гражданскому управлению Прибалтийского края на правах генерал-губернатора.
С 3 августа 1915 г. по приказу Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича отчислен в резерв чинов Двинского военного округа с назначением расследования о неправильных его действиях в Прибалтийском крае (медленность эвакуации и потворство немцам), которое было поручено генералу-адъютанту Баранову, но не выяснило в его действиях признаков каких-либо преступлений. 3 ноября 1915 г. отчислен в резерв при штабе Петроградского военного округа.
3 декабря 1916 г. сенатом были одновременно сообщены для опубликования указы о назначении Курлова с сентября товарищем министра внутренних дел А.Д. Протопопова (вместе с которым Курлов служил в гвардии) и об освобождении его с 3 декабря от этой должности. В том же году Курлов вместе с П.А. Бадмаевым и Г.А. Манташевым организовал акционерное общество для железнодорожного строительства в Монголии.
В 1917 г. был арестован, находился в заключении в Петропавловской крепости, освобожден. В 1918 г. эмигрировал. Автор мемуаров. Умер в Берлине.

ЛАВРОВ Владимир Николаевич (1869 – год смерти неизв.). Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. Начальник разведочного отделения Главного управления Генштаба в 1903–1910 гг.
Окончил 2-е Константиновское военное училище. Служил в Тифлисском ГЖУ, начальник местного охранного отделения. С 1903 по 1910 г. возглавлял (в звании полковника) разведочное отделение ГУ ГШ. В 1911 г. Лавров, выйдя в отставку и поселившись во Франции, руководил первой организацией агентурной разведки в Западной Европе – так называемой «организацией № 30», действовавшей против Германии.

МАРТЫНОВ Александр Павлович (1875 – год смерти неизв.). Полковник Отдельного корпуса жандармов (1915). Начальник Московского охранного отделения в 1912–1917 гг.
Окончил 3-й Московский кадетский корпус и 3-е военное Александровское училище по 1-му разряду. С 1894 г. – во 2-м пехотном Софийском полку. 8 мая 1899 г. переведен в Отдельный Корпус жандармов младшим офицером Московского жандармского управления. С декабря 1901 г. – адъютант Санкт-Петербургского губернского жандармского управления. С января 1903 г. – помощник начальника Петроковского губернского жандармского управления. В феврале 1903 г. прикомандирован к Санкт-Петербургскому губернскому жандармскому управлению. С июля 1906 г. находился в резерве при Саратовском губернском жандармском управлении, начальник Саратовского районного охранного отделения.
С августа 1912 г. находился в распоряжении московского градоначальника. С 10 июля 1912 г. до 27 февраля 1917 г. – начальник Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве.
Награжден орденом Св. Станислава 3-й и 2-й степеней.

НИКОЛЬСКИЙ Владимир Павлович (1873 – год смерти неизв.). Генерал-майор (1915, числился по Генеральному штабу). В 1913–1916 гг. – начальник штаба Отдельного корпуса жандармов.
Окончил курс в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, Михайловском артиллерийском училище по 1-му разряду и Николаевскую академию Генштаба по 1-му разряду. В 1893 г. направлен на службу в 3-ю гвардейскую гренадерскую артиллерийскую бригаду. С 1900 г. – помощник старшего адъютанта, в 1905–1911 гг. – старший адъютант штаба Московского военного округа. В 1903–1913 гг. прикомандирован к московским военным учебным заведениям для преподавания военных наук. С 1913 г. – штаб-офицер для поручений при штабе 7-го армейского корпуса.
С 14 августа 1913 г. – начальник штаба Отдельного корпуса жандармов.
Награжден орденами Св. Станислава 3-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Анны 3-й степени, Св. Владимира 4-й и 3-й степеней.

НОВИЦКИЙ Василий Дементьевич (1837–1907). Генерал-лейтенант Отдельного корпуса жандармов.
Родился в Псковской губернии в дворянской семье. Окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, Константиновский кадетский корпус, Елизаветградское кавалерийское училище. В 1867–1871 гг. служил в штабах войск Харьковского военного округа старшим адъютантом. В 1871–1874 гг. – чиновник для особых поручений при войсковом атамане Войска Донского М.И.Черткове. С 1874 г. – в Отдельном корпусе жандармов.
В 1874–1879 гг. – начальник Тамбовского ГЖУ. В 1879–1903 гг. – начальник Киевского ГЖУ. Активно боролся с революционным движением. Крайне враждебно относился к С.В. Зубатову.
В 1906–1907 гг.– градоначальник Одессы. Автор мемуаров («Из воспоминаний жандарма». Л., 1929).

ОРЖЕВСКИЙ Петр Васильевич (1839–1897). Генерал от кавалерии (1896). Командир Отдельного корпуса жандармов в 1882–1887 гг.
Родился в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Внук священника села Оржево Кирсановского уезда Тамбовской губернии, сын тайного советника, сенатора, директора Департамента исполнительной полиции МВД (1837–1855). Окончил в 1857 г. Пажеский корпус, служил в чине прапорщика в лейб-гвардии Измайловском полку. В 1858–1860 гг. – слушатель Николаевской академии Генштаба, по окончании которой переведен в лейб-гвардии Кавалергардский полк в чине корнета. До 1873 г. – полковой квартирмейстер, адъютант, командир эскадрона, председатель полкового суда, командир 1-го дивизиона, помощник командира полка. С 1867 г. – флигель-адъютант императора.
С 1873 г. – начальник Варшавского жандармского округа. С 1874 г. – генерал-майор с зачислением в свиту императора.
С 1882 по 1887 г. – товарищ министра внутренних дел Д.А. Толстого, заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов, сенатор (с 1884 г.). В 1893–1897 гг. был виленским, ковенским и гродненским генерал-губернатором.

ПАНТЕЛЕЕВ Александр Ильич (1838 – после 1917). Генерал от инфантерии (1904), генерал-адъютант (1905). Командир Отдельного корпуса жандармов в 1898–1900 гг.
Сын генерал-майора, начальника 2-го округа Внутренней стражи в Ярославле. С июня 1856 г. поступил на военную службу. Получил образование в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, направлен в 1856 г. в лейб-гвардии Преображенский полк. Командовал ротой, батальоном, был председателем полкового суда в Преображенском полку, командиром 17-го пехотного Архангелогородского полка (1877–1878). Участник Польской (1863) и Русско-турецкой кампаний 1877–1878 гг.

В 1878–1882 гг. – командир 1-й бригады 5-й пехотной дивизии. В феврале 1882 г. – декабре 1890 г. – командир лейб-гвардии Семеновского полка. В 1882 г. командирован по приказу Александра III во Францию для присутствия на маневрах. В 1888 г. – член Главного военного суда. В декабре 1890 г. – феврале 1897 г. – директор Императорского училища правоведения.
С 4 февраля 1897 г. – товарищ министра внутренних дел и помощник шефа жандармов. Командир Отдельного корпуса жандармов с 31 января 1898 г. по 20 апреля 1900 г.
В апреле 1900 г. – мае 1903 г. – иркутский военный генерал-губернатор. Член Государственного совета с 13 мая 1903 г. В феврале 1905 г. – апреле 1906 г. – член Особого совещания по пересмотру установленных для охраны исключительных законоположений.
Награжден орденами Св. Станислава 3-й, 2-й, 1-й степеней, Св. Владимира 4-й, 3-й, 2-й степеней, Св. Анны 2-й и 1-й степеней, Св. Георгия 4-й степени, Белого Орла, Св. Александра Невского, Командорским крестом французского ордена Почетного легиона, австрийским, прусским, румынским и бухарским орденами.

ПОПОВ Петр Ксенофонтович (1868 – год смерти неизв.). Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов (1916). Начальник охранного отделения в Санкт-Петербурге в 1914–1915 гг.
Закончил 3-е военное Алексеевское училище. С 1886 г.– в конном полку Оренбургского казачьего корпуса. С 1894 г. – адъютант Симбирского губернского жандармского управления. С 1895 г. – помощник начальника Екатеринославского губернского жандармского управления по Бахмутскому и Славяносербскому уездам. С 1902 г. – помощник начальника Донского областного жандармского управления по Таганрогскому округу. С 1907 г. – в резерве при Харьковском губернском жандармском управлении.
С 1909 г. – и. д. начальника Полтавского губернского жандармского управления. С июля того же года – начальник Севастопольского губернского жандармского управления.
С апреля 1914 г. – начальник охранного отделения в Санкт-Петербурге.
С 1915 г. – штабной офицер для поручений при Министерстве внутренних дел. С 1916 г. – генерал для поручений при министре внутренних дел. В декабре 1916 г. по поручению Протопопова производил расследование об убийстве Распутина. Автор учебника по истории революционного движения (для служебного пользования).
Награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Владимира 3-й и 2-й степеней, Св. Анны 2-й степени.

САВВИЧ Сергей Сергеевич (1863 – год смерти неизв.). Генерал-лейтенант (1909). Начальник штаба Отдельного корпуса жандармов в 1905–1907 гг.
Получил образование в Петровско-Полтавской военной гимназии, Михайловском артиллерийском училище и Николаевской академии Генштаба по 1-му разряду. С 1882 г. служил в 31-й артбригаде, командовал ротой и батареей. Занимал различные командные должности – старший адъютант штаба, обер-офицер для особых поручений при штабе 14-го армейского корпуса, заведующий передвижением войск по железной дороге Харьковского района, делопроизводитель отдела Главного штаба по передвижению войск с января 1899 г., начальник отдела управления военных сообщений Главного штаба с ноября 1900 г., и. д. начальника отдела управления военных сообщений Главного штаба с июня 1904 г.
Начальник штаба Отдельного корпуса жандармов с 25 января 1905 г. по 14 октября 1907 г.
Затем Саввич вновь в армии – командир 1-й бригады 42-й пехотной дивизии (1907–1908). Начальник штаба 21-го армейского корпуса (1908–1909), начальник штаба Приамурского военного округа (1909–1913), комендант Владивостокской крепости и командир 4-го Сибирского армейского корпуса с августа 1913 г., начальник штаба армий Северо-

Западного фронта с 1915 г., начальник снабжения армий Северо-Западного и Северного фронтов с 1917 г.
Награжден орденами Св. Станислава 3-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Анны 3-й, 2-й и 1-й степеней, Св. Владимира 4-й и 3-й степеней.

САВИЦКИЙ Сергей Викторович (1866 – год смерти неизв.). Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов (1916).
Окончил Псковский кадетский корпус, 2-е военное Константиновское училище, Военно-юридическую академию. С 1887 г. служил в 8-м гренадерском Московском полку, откуда и перешел в 1895 г. в ОКЖ. Адъютант Московского ГЖУ (1896–1898), в резерве при Санкт-Петербургском ГЖУ с 1898 г. Затем до 1908 г. служил в Департаменте полиции в должности чиновника для особых поручений 5-го класса. С 1908 г. вновь в ОКЖ – старший адъютант Штаба ОКЖ, с 1915 г. – зав. судной частью штаба ОКЖ.
С апреля 1916 г. до февраля 1917 г. – начальник Московского ГЖУ.
Награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени.

САЗОНОВ Яков Григорьевич (1865 – год смерти неизв.). Подполковник Отдельного корпуса жандармов.
Служил в офицерских чинах в армии с 1884 г. С 1889 г. – в Отдельном корпусе жандармов. С 1893 г. поступил в распоряжение московского обер-полицмейстера, с 1901 г. – в распоряжении санкт-петербургского градоначальника, исправлял должность начальника СПб охранного отделения.
В августе–октябре 1903 г. – временно исправлял должность заведующего Особым отделом Департамента полиции.

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ Петр Дмитриевич (1857–1914). Князь. Генерал от кавалерии (1913), генерал-адъютант (1904). Командир Отдельного корпуса жандармов в 1900–1902 гг.
Сын генерала от инфантерии, временного харьковского генерал-губернатора и княжны Орбелиани. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генштаба. С 1875 г. служил в лейб-гвардии Гусарском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Отличился в боях под Карсом. Флигель-адъютант Александра II с 1877 г. В 1881 г. прикомандирован к Одесскому ВО, в том же году – к штабу Петербургского ВО. С 1882 г. – командир батальона 57-го пехотного Модлинского полка. С 1883 г. состоял при штабе Одесского ВО, с 1884 г. – при штабе 10-го армейского корпуса. С 1886 г. – начальник штаба 3-й гренадерской дивизии.
В 1893–1895 гг. – харьковский уездный предводитель дворянства. В 1895 г. назначен губернатором в Пензу, в 1897 г. – в Екатеринослав.
С 20 апреля 1900 г. по 15 сентября 1902 г. – товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов.
В сентябре 1902 г. – августе 1904 г. – виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор.
Министр внутренних дел и шеф Отдельного корпуса жандармов (26 августа 1904 г. – 18 января 1905 г.). Член Государственного совета по должности. Предлагал провести частичную амнистию, смягчить цензуру, включить в Государственный совет выборных представителей от земств и городских дум. Уволен в отставку после Кровавого воскресенья 9 января 1905 г., ответственность за которое правящие круги возложили на него. Участия в политической жизни не принимал, проживая в своем имении в Харьковской губернии.
Награжден орденами Св. Анны всех четырех степеней, Св. Владимира 4, 3 и 2-й степеней, Св. Станислава 2-й и 1-й степеней и французским орденом Почетного легиона.

СКАНДРАКОВ Александр Спиридонович (1849–1905). Полковник Отдельного корпуса жандармов.
Служил адъютантом Киевского губернского жандармского управления. После убийства Г.П. Судейкина – инспектор Санкт-Петербургского охранного отделения, затем начальник охранного отделения в Москве. С 1902 г. – чиновник для особых поручений при министре внутренних дел В.К. Плеве.

СПИРИДОВИЧ Александр Иванович (1873–1952). Генерал-майор Отдельного корпуса жандармов.
Закончил 1-е Павловское военное училище. С 1892 г. – в 105-м пехотном Оренбургском полку. С декабря 1899 г. служил в Отдельном корпусе жандармов, прикомандирован к Московскому губернскому жандармскому управлению, работал в Московском охранном отделении под руководством С.В. Зубатова.
В 1902 г. прикомандирован к Киевскому губернскому жандармскому управлению. В 1903–1905 гг. – исполняющий обязанности начальника Киевского охранного отделения. В 1905 г. в Киеве ранен террористкой, после чего 26 июня прикомандирован к штабу Отдельного корпуса жандармов.
В начале 1906 г. откомандирован в распоряжение дворцового коменданта и назначен начальником дворцовой охраны. В 1912 г. после убийства П.А. Столыпина вместе с П.Г. Курловым, начальником Киевского охранного отделения полковником Н.Н. Кулябко (шурином Спиридовича) и чиновником Департамента полиции М.Н. Веригиным привлечен к производившемуся расследованию в качестве обвиняемого в неприятии надлежащих мер охраны убитого премьер-министра. На время производства расследования, а затем и предварительного следствия по личному желанию Николая II не был устранен, подобно другим обвиняемым по этому делу, от должности. Дело о нем и других было прекращено. В августе 1916 г. Спиридович назначен ялтинским градоначальником.
С марта по август 1917 г. – в заключении в Трубецком бастионе. Эмигрировал. Автор воспоминаний и ведомственной истории революционного движения (для служебного пользования).

СУДЕЙКИН Георгий Порфирьевич (1850–1883). Подполковник Отдельного корпуса жандармов.
Служил в Киевском губернском жандармском управлении, инспектор Санкт-Петербургского охранного отделения. Завербовал в 1882 г. народовольца С.П. Дегаева, благодаря чему было арестовано большое число революционеров, в том числе все остававшиеся на свободе члены Исполнительного комитета «Народной воли». Убит в декабре 1883 г. на конспиративной квартире в Петербурге народовольцами В. Конашевичем и Н. Стародворским (при содействии Дегаева, ведшего двойную игру).

ТАТИЩЕВ Дмитрий Николаевич (1867–1919). Граф. Генерал-майор (1915). Командующий Отдельным корпусом жандармов в 1915–1917 гг.
Окончил курс Александровско-Вяземской гимназии и 3-е военное Александровское училище по 1-му разряду. Направлен в 1890 г. в 4-й гренадерский Несвижский полк. После выхода в отставку служил в МВД, губернатор в Ломже и Ярославле.
Командующий Отдельным корпусом жандармов, в звании шталмейстера императорского двора с 20 октября 1915 г.
Награжден орденами Св. Владимира 3-й степени и Св. Станислава 1-й степени.

ТАУБЕ Федор Федорович (1857–1911). Барон. Генерал-лейтенант (1907). Командир Отдельного корпуса жандармов в 1906–1909 гг.

Получил образование во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии, 1-м Павловском военном училище и Николаевской академии Генерального штаба по 1-му разряду (1884). С 1877 г. служил в 34-м пехотном Севском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Тяжело ранен в бою. После излечения в 1878–1881 гг. служил в лейб-гвардии Измайловском полку, в канцелярии Военного министерства, в охране Зимнего дворца и загородных резиденций.
После окончания академии служил в 39-й пехотной дивизии Кавказского военного округа, в штабе 1-го Кавказского армейского корпуса. В апреле 1885 г. вышел в отставку, через месяц вернулся в армию. Командовал ротой в 13-м лейб-гренадерском Эриванском полку, в 1887–1890 гг. служил делопроизводителем канцелярии в военно-ученом комитете Генштаба. С 1890 г. – военный агент в Румынии и Сербии. С 1899 г. – в распоряжении начальника Генштаба, затем командир 148-го Каспийского пехотного полка и 2-й бригады 37-й пехотной дивизии. С июня 1903 г. – начальник штаба Оренбургского казачьего войска. С апреля 1906 г. – оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска.
В ноябре 1906 г. – феврале 1909 г. – командир Отдельного корпуса жандармов.
Числился по Донскому и Оренбургскому казачьим войскам и в списках Генерального штаба.
Наказной атаман Войска Донского с февраля 1909 г. Умер в Новочеркасске.
Награжден орденами Св. Станислава 3, 2 и 1 -й степеней, Св. Анны 3, 2 и 1-й степеней, Св. Владимира 4-й и 3-й степеней и семью иностранными орденами.

ТОЛМАЧЕВ Владимир Александрович (1853 – год смерти неизв.). Генерал-лейтенант (1909). Командир Отдельного корпуса жандармов в 1912–1913 гг.
Окончил Пажеский корпус. Служил в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Занимал должности командира сотни, атамана 2-го войскового отдела Оренбургского казачьего войска, командира 2-го Оренбургского казачьего полка, командира 2-й бригады Оренбургской казачьей дивизии. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Прикомандирован к штабу Варшавского военного округа (1906), начальник Отдельной Забайкальской казачьей бригады (1906–1907), начальник Уссурийской конной бригады (1907–1912).
Командир Отдельного корпуса жандармов с 26 января 1912 г. по 25 января 1913 г.
Состоял при МВД с января по август 1913 г. Военный губернатор Амурской области и наказной атаман Амурского казачьего войска с августа 1913 г. С января 1916 г. до 1917 г. – военный губернатор Приморской области и атаман Уссурийского казачьего войска.
Награжден орденами Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 2-й степени, Белого Орла.

ТУРКЕСТАНОВ Василий Георгиевич (1871–1937). Князь. Полковник Отдельного корпуса жандармов (1916). Начальник Центрального военно-регистрационного бюро и контрразведывательного отделения при Главном управлении Генерального штаба в 1915–1917 гг.
Владелец имения Озерище (Духовщинский уезд), где семья несколько лет проживала и после революции. Получил образование во 2-м Московском кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище по 1-му разряду. С 1892 г. – в 162-м пехотном Ахалцыхском полку. 29 мая 1898 г. переведен в Отдельный Корпус жандармов из того же полка. С июня 1898 г. – адъютант Могилевского губернского жандармского управления. С ноября 1901 г. – начальник Ашанского отделения Самарского ЖПУ. С сентября 1902 г. – начальник Калужского отделения того же управления.
В 1907–1915 гг. находился в Москве в распоряжении градоначальника. С 10 июля 1908 г. находился при Московском губернском жандармском управлении.

С 1911 г. перешел на службу в контрразведку и был назначен начальником Московского контрразведывательного отделения. В феврале 1914 г. находился в Пермской губернии для задержания приземлившихся там германских летчиков. В 1915 г. прикомандирован к Петроградскому губернскому жандармскому управлению и затем откомандирован в распоряжение военного министра.
С 1915 г. был начальником Центрального военно-регистрационного бюро и контрразведывательного отделения при Главном управлении Генерального штаба в Петрограде. Награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Станислава 2-й степени.
После Февральской революции 1917 г. по случаю расформирования Корпуса жандармов приписан к армейской пехоте. Назначен членом Петроградской военно-приемной комиссии (28 июля 1917 г.) и только в мае 1918 г. по болезни был из нее уволен.
Ходатайствуя о пенсии, писал: «Каждое государство, вне зависимости от его политического строя, использовав силы и работоспособность лица, обслуживавшего в течение определенного времени государственные нужды, дает в дальнейшем этому лицу возможность существовать, т.е. не умереть с голоду, как самому, так и его семье, путем назначения пенсии. В этом заключается справедливость, благодарность и возмездие со стороны государства за те силы и годы, которые ему отданы. Мы, посвятившие себя делу контрразведки и первые пионеры в России по борьбе с иностранным шпионством, оказались в неизмеримо худших условиях в смысле пенсионных прав по сравнению со всем прочим офицерством и даже Корпусом жандармов».
Получал небольшую пенсию с 7 сентября 1918 г. Во время советско-польской войны был мобилизован и некоторое время находился на фронте. После высылки его семьи из имения жил в Москве. Арестован и расстрелян НКВД 9 ноября 1937 г. Посмертно реабилитирован.

УТГОФ Лев Карлович (1852 – год смерти неизв.). Генерал-лейтенант Отдельного корпуса жандармов.
Закончил Санкт-Петербургское реформатское реальное училище и Рижское пехотное юнкерское училище.
Прапорщик, с 1875 г. – в 3-м пехотном Донском полку. С 1880 г. – в Отдельном корпусе жандармов. С 1889 г. – начальник жандармского управления Новоалександровского и Любартовского уездов, с 1890 г. – Люблинского и Яновского уездов, с 1893 г. – Варшавского, Новомосковского и Радомского уездов.
С 1899 г. – начальник Петровского губернского жандармского управления.
В 1906–1914 гг. – помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части.
Отец видного деятеля партии эсеров В.Л. Утгофа. Брат полковника
К.-Р.К. Утгофа, начальника Финляндского (1908–1913) и Псковского ГЖУ (с 1913 г.).

ФРЕЗЕ Александр Александрович (1840 – после 1917). Генерал от инфантерии (1903). Командир Отдельного корпуса жандармов в 1896–1897 гг.
Получил образование в Институте корпуса горных инженеров и Николаевской академии Генштаба по 1-му разряду. Направлен в 87-й пехотный Нейшлотский полк, где служил командиром роты. Участвовал в подавлении Польского восстания в 1864 г. Затем, уже будучи майором, переведен в гвардию в чине капитана (с причислением к Генеральному штабу) и назначен старшим адъютантом штаба 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии. Далее служил в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа – помощником старшего адъютанта, секретарем, состоял для поручений. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Прикомандирован к войскам гвардии и Петербургского военного округа с декабря 1878 г. по август 1880 г.

Далее на командных должностях – командир лейб-гвардейского Егерского полка с августа 1880 г. до мая 1887 г., начальник штаба 2-го Кавказского армейского корпуса, губернатор в Эривани (с февраля 1891 г. по ноябрь 1895 г.) и Вильно (с ноября 1895 г. по май 1896 г.).
Затем генерал Фрезе служит в столице товарищем министра внутренних дел и помощником шефа Отдельного корпуса жандармов, командиром Отдельного корпуса жандармов с 24 мая 1896 г. по 4 февраля 1897 г.
В 1897 г. Фрезе вновь на военно-административной службе – помощник главноначальствующего гражданской части на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа с февраля 1897 г. по октябрь 1904 г., Виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор и командующий войсками Виленского военного округа с 12 октября 1904 г. по 19 декабря 1905 г.
Член Государственного совета (группа правых) до 1917 г.
Награжден орденами Св. Владимира 4, 3 и 1-й степеней, Св. Георгия 4-й степени, Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени, Белого Орла, Св. Александра Невского, иностранными орденами (прусским, австрийским, болгарским, сербским, черногорским, румынским, персидским).

ШЕБЕКО Николай Игнатьевич (1834–1904). Генерал от кавалерии (1900). Командир Отдельного корпуса жандармов 1887–1895 гг..
Родился в дворянской семье, сын офицера лейб-гвардии Кавалергардского полка. Окончил Санкт-Петербургский университет (1855). В службу вступил юнкером в ноябре 1855 г. в 4-й дивизион Кавалергардского полка, с 1856 г. – корнет. С 1861 г. – адъютант штаба Отдельного корпуса жандармов, с 1866 г. – адъютант шефа жандармов П.А. Шувалова.
В 1871 г. произведен в генерал-майоры и назначен губернатором Бессарабии. В 1879–1883 гг. состоял при МВД, в 1883 г. командирован в Воронежскую губернию для организации мер по борьбе с саранчой.
6 апреля 1887 г. произведен в генерал-лейтенанты и назначен товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией и командиром Отдельного корпуса жандармов (до 1895 г.). Сенатор (с августа 1887 г.) и член Государственного совета по Департаменту гражданских и духовных дел.
Награжден орденами Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Владимира 2-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Станислава 1-й степени, иностранными орденами (прусским, турецким и Большим Офицерским крестом французского ордена Почетного легиона).

ЭРГАРДТ Александр Владимирович (1870–1915). Подполковник Отдельного корпуса жандармов.
Закончил 1-е военное Павловское училище и казачью Отдельную офицерскую стрелковую школу. С 1891 г. служил подпоручиком в Майкопском резервном батальоне.
В 1903 г. перешел в Отдельный Корпус жандармов адъютантом, а затем помощником начальника Волынского губернского жандармского управления. В 1907 г. прикомандирован к Московскому губернскому жандармскому управлению, в 1908 г. – к Тифлисскому губернскому жандармскому управлению, в 1909 г.– к Санкт-Петербургскому губернскому жандармскому управлению.
В конце 1909 г. командирован в Париж в качестве помощника заведующего Заграничной агентурой А.А. Красильникова. Умер в Париже.

ЯКУБОВ Владимир Михайлович (1868 – год смерти неизв.). Полковник Отдельного корпуса жандармов (1916). Начальник Контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа в 1916–1917 гг.
Получил образование в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище по 1-му разряду. В 1888 г. направлен в 3-й кубанский

пластунский батальон. В апреле 1895 г. переведен в Отдельный Корпус жандармов адъютантом Рязанского губернского жандармского управления, с апреля 1897 г. – и. д. помощника начальника Донского областного жандармского управления по Усть-Медведицкому и Хоперскому округам.
С 7 января 1902 г. – помощник начальника Полтавского губернского жандармского управления по Лубенскому и Миргородскому уездам, с мая 1903 г. – помощник начальника того же управления в Полтаве. С 1908 г. состоял в резерве при Санкт-Петербургском губернском жандармском управлении.
С 1911 г. – помощник делопроизводителя Особого делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера ГУ ГШ. С июня 1914 г. прикомандирован к жандармскому управлению Одессы.
С 1915 г. – помощник начальника разведывательного отделения штаба 7-й армии.
В 1916–1917 гг. – начальник КРО штаба Петроградского военного округа. Арестован 6 марта 1917 г., освобожден.
Награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степеней, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени.

Приложение 4
Список ГЖУ – Губернских жандармских управлений

Губернские жандармские управления

1-го разряда:
Санкт-Петербургское губернское жандармское управление.

2-го разряда:
Варшавское губернское жандармское управление;
Виленское губернское жандармское управление;
Витебское губернское жандармское управление;
Екатеринославское губернское жандармское управление;
Иркутское губернское жандармское управление.

3-го разряда:
Архангельское губернское жандармское управление;
Астраханское губернское жандармское управление;
Бакинское губернское жандармское управление;
Бессарабское губернское жандармское управление;
Владимирское губернское жандармское управление;
Вологодское губернское жандармское управление;
Волынское губернское жандармское управление;
Воронежское губернское жандармское управление;
Вятское губернское жандармское управление;
Гродненское губернское жандармское управление;
Енисейское губернское жандармское управление;
Калишское губернское жандармское управление;
Курское губернское жандармское управление;
Минское губернское жандармское управление;
Омское губернское жандармское управление;
Пермское губернское жандармское управление;
Плоцкое губернское жандармское управление;
Седлецкое губернское жандармское управление;

Симбирское губернское жандармское управление;
Смоленское губернское жандармское управление;
Тифлисское губернское жандармское управление;
Томское губернское жандармское управление;
Уфимское губернское жандармское управление;
Эстляндское губернское жандармское управление;
Казанское губернское жандармское управление;
Калужское губернское жандармское управление;
Киевское губернское жандармское управление;
Ковенское губернское жандармское управление;
Костромское губернское жандармское управление;
Кронштадтское губернское жандармское управление;
Кубанское губернское жандармское управление;
Курландское губернское жандармское управление;
Кутаисское губернское жандармское управление;
Келецкое губернское жандармское управление;
Лифляндское губернское жандармское управление;
Ломжинское губернское жандармское управление;
Люблинское губернское жандармское управление;
Могилевское губернское жандармское управление;
Московское губернское жандармское управление;
Нижегородское губернское жандармское управление;
Новгородское губернское жандармское управление;
Одесское губернское жандармское управление;
Олонецкое губернское жандармское управление;
Оренбургское губернское жандармское управление;
Орловское губернское жандармское управление;
Пензенское губернское жандармское управление;
Петроковское губернское жандармское управление;
Подольское губернское жандармское управление;
Полтавское губернское жандармское управление;
Псковское губернское жандармское управление;
Радомское губернское жандармское управление;
Рязанское губернское жандармское управление;
Самарское губернское жандармское управление;
Саратовское губернское жандармское управление;
Севастопольское губернское жандармское управление;
Сувалкское губернское жандармское управление;
Таврическое губернское жандармское управление;
Тамбовское губернское жандармское управление;
Тверское губернское жандармское управление;
Терское губернское жандармское управление.

Областные жандармские управления
Донское областное жандармское управление.

Жандармско-полицейские управления железных дорог

Московско-Архангельское жандармское полицейское управление железных дорог. 1870–1917 гг.
Московско-Ростовское жандармское полицейское управление железных дорог. Москва, 1870–1873 г. Московско-Ростовское жандармское полицейское управление железных

дорог. Москва, 1870–1873 Московское жандармское полицейское управление железных дорог. Москва. 1873–1897. Московское жандармское полицейское управление железных дорог. Москва, 1873–1897. Московско-Архангельское жандармское полицейское управление железных дорог. Москва, 1897–1917. Московско-Архангельское жандармское полицейское управление железных дорог. Москва, 1897–1917.
В ведении управления находились Московско-Ярославско-Архангельская ж.д. с ветвями: на Киржач, Кострому, к Рыбинску, Юрьев-Польскому, Мытищам и линии от ст. Новки до ст. Кинешма и от ст. Нерехта до ст. Ермолино с Тейковским подъездным путем.
Имела отделения: Юрьевское, Даниловское, Сергеевское, Киржачское, Савеловское, Шуйское, Александровское, Архангельское и Котельническое.

Московско-Камышенское жандармское полицейское управление железных дорог. 1897–1917 гг.
В ведении управления находились Рязанско-Уральская ж.д. от Москвы до Камышина с ветвями к ст. Елец, Астапово, Рязань, Бенкендорф-Сосновка и линия Астапово-Смоленск; Сызрано-Вяземская ж.д.
Имела отделения: Бирюлевское, Ельнинское, Московско-Веневское, Пензенское и Раненбургское.

Московско-Киевское жандармское полицейское управление железных дорог. 1897–1917 гг.
В ведении управления находилась линия Общества Московско-Киевско-Воронежской железной дороги.
Имела отделения: Брянское, Малоярославецкое (Московское), Мармыжское.

Московско-Рижское жандармское полицейское управление железных дорог. 1870–1917 гг.
Московско-Брестское жандармское полицейское управление железных дорог. Москва, 1870–1873. Минское жандармское полицейское управление железных дорог. Москва, 1873–1887. Смоленское жандармское полицейское управление железных дорог. Москва, 1897–1902. Московско-Рижское жандармское полицейское управление железных дорог. Москва, 1902–1917.
В ведении управления находились линии Александровской и Рижско-Орловской ж.д.
Имелись отделения: Борисовское (Минское), Дриссенское (Двинско-Витебское), Жабинское, Могилевское, Можайское, Рижское и Смоленское.

Московское жандармское полицейское управление железных дорог. 1868–1917 гг.
Московско-Киевское жандармское управление железных дорог. Москва, 1868–1873. Орловское жандармское полицейское управление железных дорог. Москва, 1873–1897. Московское жандармское полицейское управление железных дорог. Москва, 1897–1917.
В ведении управления находились Московско-Курская ж.д., Московско-Нижегородская ж.д., Сормовский подъездной путь, Московско-Казанская ж.д., Волго-Бугульминская ж.д. и ж.д. Московского общества подъездных путей.
Имела отделения: Коломенское, Сасовское, Рязанское, Курское, Богородское, Владимирское, Муромское, Юрьевское, Ярославское, Московское, Подольское, Тульское, Нижегородское и Архангельское.

Петербургско-Виндавское жандармское полицейское управление железных дорог. 1868–1917 гг.
Петербургско-Виндавское жандармско-полицейское управление железных дорог. Санкт-Петербург, 1901–1914. Петроградско-Виндавское жандармское полицейское управление железных дорог. Петроград, 1914–1917.

В ведении управления находились линии Общества Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги.
Имела отделения: Великолуцкое, Волоколамское, Рыбинское и Старорусское.

Петербургское жандармское управление железных дорог. Санкт-Петербург, 1873–1914 гг.
Жандармское полицейское управление Николаевской и Московско-Нижегородской железных дорог. Санкт-Петербург, 1861–1873. Петербургское жандармское управление железных дорог. Санкт-Петербург, 1873–1914. Петроградское жандармское полицейское управление железных дорог.
В ведении управления находились Николаевская железная дорога и отдельные участки Северных железных дорог.
Имела отделения: Бологовское, Валдайское, Вологодское, Вяземское, Котельническое, Молодечненское, Московское, Петроградское, Тверское и Шуйско-Кинешемское.

Жандармское полицейское управление Северо-Западных железных дорог. 1887–1917 гг.
Петербургско-Варшавское жандармское полицейское управление железных дорог. Санкт-Петербург, 1887–1907. Жандармско-полицейское управление Северо-Западных железных дорог. Санкт-Петербург, 1907–1914. Жандармско-полицейское управление Северо-Западных железных дорог. Петроград, 1914–1917.
В ведении управления находились линии Северо-Западной железной дороги, Петербургско-Варшавской железной дороги с ветвями: императорской и к Царскому Павильону; Балтийская и Псковско-Рижская ж.д. и подъездные пути.
Имелись отделения: Вержболовское, Виленское, Воломинское, Двинско-Витебское.

Тамбовско-Уральское жандармское полицейское управление железных дорог. Саратов, 1897–1917 гг.
Рязанско-Уральское жандармское полицейское управление железных дорог. Саратов, 188? –1897. Тамбовско-Уральское жандармское полицейское управление железных дорог. Саратов, 1897–1917.
В ведении управления находились участки Общества Рязанско-Уральской ж.д. (от Тамбова до Уральска) с ветвями: от Иноковки до Инжавика, от Вертуновки до Бековo, от Пензы до Балашова, от Аткарска до Вольска и Баланда, от Красного Кута до Астрахани с ветвями до Озера Эльтон и до р. Бузана, от Урбаха до Александрова-Гая, от Ершова до Николаевска-Уральска, а также Баскунчакская ж.д.

Жандармское полицейское управление Финляндских железных дорог. Гельсингфорс, 1870–1917 гг.
В ведении управления находились участки финляндских железных дорог от ст. Санкт-Петербург до ст. Гельсингфорс, Приморская ж.д., Ириновско-Шлиссельбургская ж.д., Соединительная линия между Имперскими и Финляндскими железными дорогами. В отличие от других ЖПУ ж.д. на финляндское возлагалась ответственность за таможенный осмотр провозимых грузов и паспортный контроль проезжающих граждан.

Источник: Путеводитель. Т. 1. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX – начала XX в. – М., 1994. С. 123–128.

Жандармское полицейское управление Амурской железной дороги

Владикавказское жандармское полицейское управление железных дорог

Орловское жандармское полицейское управление железных дорог.

Жандармское Полицейское управление на Юго-Восточной железной дороге.

Часть вторая
Внешняя разведка

Глава 16
Политическая разведка

Существует три версии истории политической разведки Российской империи: советская, официальная и неофициальная.
Первая версия появилась в советское время и была призвана в очередной раз доказать истинность тезиса о том, что спецслужбы «проклятого царского режима» занимались исключительно политическим сыском внутри и за пределами Российской империи. Разумеется, они проводили и мероприятия в сфере политической разведки, но происходило это крайне нерегулярно и зависело от прихоти царей.
Вторая версия была создана в середине девяностых годов прошлого века, когда на прилавках книжных магазинов появился первый том «Очерков истории российской внешней разведки»[50]. Согласно ей, политическая разведка возникла при Иване Грозном, и ее деятельность до 1917 г. носила хаотичный и эпизодический характер. Главную роль в ней играли отдельные личности. Было два или три десятка выдающихся разведчиков, чьи имена фигурируют в названной книге, и все.
Третья версия звучит так: разведка была всегда, и занимались ею все, начиная от крестьян и заканчивая высокопоставленными государственными деятелями. Другое дело, что имена большинства агентов и кадровых сотрудников, в силу множества причин, мы уже никогда не узнаем. Другой важный факт – сторонники этой версии утверждают, и это справедливо, что в Российской империи не было специализированного органа, который занимался бы исключительно политической разведкой. Если взять XIX век, то, например, отечественные дипломаты добывали секретные сведения политической и военной тематики. При этом в самом МИДе не было подразделения, которое отвечало за внешнюю разведку. Аналогичная картина по Третьему отделению и Департаменту полиции. У обоих учреждений была заграничная агентура, но занималась она преимущественно политическим сыском, а не разведкой. Иногда деликатные поручения выполняли чиновники Министерства финансов. Не следует забывать и о том, что Отдельный корпус пограничной стражи (создан указом Александра III в 1893 г. путем выделения в особое военное формирование отделения пограничного надзора Департамента таможенных сборов Министерства финансов России) отвечал не только за охрану госграницы, но также занимался разведкой и контрразведкой в приграничной полосе[51].

Политическая разведка с древнейших времен до XIV века

Политическая разведка родилась одновременно с появлением первых племенных союзов. Вождям, прежде чем заключить союз или, наоборот, объявить войну, требовалась определенная информация, которую тогда могли добыть только разведчики. С возникновением государств это направление деятельности продолжало активно развиваться. Причем чем древнее и мудрее была та или иная цивилизация, тем более изощренные методы сбора информации использовали и используют ее правители. В качестве примера можно указать на современные Китай и Иран.
Китайская цивилизация – одна из древнейших на земном шаре. Китайские ученые утверждают, что ее возраст 5000 лет. Письменные источники – 3500 лет. Давнее наличие

систем административного управления, которые совершенствовались сменявшими друг друга династиями, создавало очевидные преимущества для китайского государства, экономика которого основывалась на развитом земледелии, по сравнению с более отсталыми соседями-кочевниками и горцами. Понятно, что не оставили правители без внимания и систему шпионажа. Разведка современного Китая – «головная боль» и очень опасный противник для контрразведок США и Западной Европы.

Персия (так до 1923 г. назывался Иран) еще 3000 лет назад считалась одним из важнейших центров цивилизации и внесла большой вклад в развитие научной мысли и культуры человечества. Разведка современного Ирана нанесла сокрушительное поражение спецслужбам США и Израиля[52].

Правители русских княжеств, как и их европейские коллеги, применяли методы разведки для сбора сведений военного и политического характера. Так, великий князь Московский и Владимирский Дмитрий Донской во время подготовки к Куликовской битве (1380 г.), «используя разведывательные методы, выявил состав, направление и время движения вражеских войск на Русь». Александр Невский также «широко использовал разведку для выявления истинных намерений противника»[53]. В частности, при налете на шведский Стокгольм (в то время укрепленный населенный пункт, который должен был защищать от вражеских нападений с Балтийского моря и остановить грабеж иных городов на озере Меларен) Александр Невский использовал в качестве тайных лоцманов карелов, которые до этого не раз плавали с товарами к шведам и поэтому знали все проливы у озера Меларен[54]. Отметим, что отношения карелов и шведов сложно было назвать дружественными. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Александр Невский сумел найти среди них тех, кто согласился тайно вывести его воинов к шведскому населенному пункту.

Готовясь к вооруженному столкновению с Золотой Ордой, князь Дмитрий, которого позже назовут Донским, организовывал активный сбор сведений о противнике. К Мамаю с богатыми дарами был послан Захарий Тютчев для переговоров. Тютчев был опытным дипломатом и получил задачу выяснить силы и намерения противника, а также следить за его действиями и своевременно сообщать в Москву об изменении обстановки.

Как следует из Никоновской летописи, Тютчев узнал, что князь Рязанский Олег и литовский князь Ягайло «прилошися ко царю Мамаю», т.е. присоединились к татаро-монголам[55]. Добыв эти сведения, Тютчев «посла тайно скоровестника к великому князю на Москву». Это донесение имело очень важное значение, так как раскрывало действительную роль Рязанского княжества и замысел противника.

Но Дмитрий решил проверить сведения Тютчева. Он приказал выслать в придонскую степь «крепкую сторожу» с задачей «на Быстрой или на Тихой сосне стречи (встретиться. — Прим. авт.) со всяким опасением и под Орду ехати языка добывати и истину уведети Мамаева хотения»[56]. «И посла на сторожу крепких оружников: Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика и иных крепких и мужественных», – сообщает Никоновская летопись.

Так как от высланной сторожи долгое время не поступало никаких вестей, было приказано выслать вторую, «заповеда им вскоре возвращатися». Вскоре второй дозор встретил Василия Тупика, который вел пленного к великому князю. Сведения Тютчева полностью подтверждались и дополнялись новыми данными: «Яко неложно идет царь на Русь, совокупяся со Олгом князем Рязанским и с Ягайлом князем Литовским...»[57].

К сожалению, мы мало что знаем о самом Захарии Тютчеве, кроме ориентировочной даты его рождения – 1360 г. Рассказ о его молодости есть лишь в поздних списках летописи, датированной XVII–XVIII вв. Там этот эпизод тайной войны – сюжет отдельной повести «О послании к безбожному царю Мамаю от великого князя Дмитрия Ивановича Московского и всея Руси».

Князь Дмитрий принимает решение: вступить в битву с Мамаем до объединения его с Ягайло и Олегом, а в ночь перед сражением проводит личную разведку. Результат битвы

известен. А сам Захарий Тючев сумел вернуться обратно живым из смертельно опасного путешествия в стан врага[58].
Другой эпизод тайной войны – срыв с помощью агентов планов убийства великого князя Дмитрия Ивановича в XIV в. В 1373 г. великий князь Дмитрий, тогда еще не Донской, упразднил в Москве должность тысяцкого (главы городского ополчения), традиционно принадлежавшего боярскому роду Вельяминовых. Глава рода Иван Вельяминов посчитал себя оскорбленным московским князем и с тех пор стал его заклятым врагом. Бежав из Москвы сначала в Тверь, а затем в Орду, он всюду рьяно интриговал против Дмитрия. В 1378 г. московское войско на реке Воже разбило татар, и в обозе захватчиков нашли служившего беглому боярину попа и «обретоша у того попа злых лютых зелей мешок», явно предназначавшийся московскому князю. Понимая, что час решающего столкновения с Москвой близится, Мамай повсюду искал союзников и в преддверии своего нашествия в 1379 г. отправил Ивана Вельяминова в Тверь, чтобы тот уговорил тверского князя в нужный момент ударить в тыл московским войскам. Однако москвичи бдительно следили за беглым изменником и в Серпухове захватили его «некоей хитростью». Связанный татарский эмиссар был привезен в Москву и 30 августа 1379 г. казнен на Кучковом поле – это была первая публичная казнь в будущей столице русского государства. Благодаря этому замысел Мамая оказался сорванным, и в судьбоносной битве на Куликовом поле тверская рать не ударила в спину Москвы.
В XV в., когда русские купцы начали возить свои товары в Англию, Швецию, Данию, Персию, Турцию и в другие страны[59], то среди прочего они выполняли задания разведывательного характера. В частности, узнавали относительно свежие политические и военные новости. Одновременно российские цари начали отправлять своих послов в страны Западной Европы. Именно поэтому принято считать, что в конце XV – начале XVI в. в России начала формироваться система политической разведки.

Разведка в XIV–XVII веках

Во второй половине XIV в. на Руси начала активно развиваться система агентурной разведки. Ее занимались направляемые одним князем к другому дипломаты, служивые люди и наемники, которые регулярно меняли «места работы», купцы и лазутчики[60]. Одновременно начался процесс сбора русских земель вокруг Москвы.
Великий князь Московского государства Иван III прославился не только как мудрый государственный деятель, но и как активный сторонник агентурной разведки. Этот мудрый политик прекрасно понимал, что правильно организованная политическая и военная разведка может дать не менее, а может быть, и более хорошо проведенного похода и выигранной битвы. Вот почему он предпочитал использовать для достижения своих целей средства тайной войны.
Тайные задания этого политика выполняли многие люди, в т.ч. и его собственная дочь. В 1487 г. Московское государство начало регулярные дипломатические отношения с Польшей и Литвой. Это совпало с вопросом о соединении западных русских земель с Москвой, который со времени великого князя Ивана III становится господствующим в русской внешней политике. Немало в этом направлении предпринимал мер разведывательного порядка Иван III, но едва ли не самым крупным делом является выдача им в 1495 г. собственной дочери Елены замуж за литовского великого князя, ставшего затем польским королем, Александра. Фактически Елена одновременно была королевой Литовской и высокопоставленным агентом русской разведки в этой стране.
Вместе с Еленой Ивановной, в виде ее двора, провожатых и обслуживающего персонала, отправилась целая группа русских военных разведчиков, возглавляемая вначале князем Василием Васильевичем Ромодановским, приехавшим с женой сопровождать Елену Ивановну в Литву и получившим от великого князя указание пожить там при великой княжне, пока она пообвыкнет. С ним отправилось шесть человек московских агентов:

Ондрейко Захаров сын Щулепникова, Федоров сын Глотова, Якут Семичев, Федко сын Болобанова да Сенка Аврамов.
К этой группе специально был прикомандирован подьячий Иван Котов, который отвечал за организацию тайной переписки с Москвой. Иван III распорядился: если дочь захочет написать секретную грамоту для отправки ее отцу, то подьячий должен подготовить данный документ. Великий князь строго требовал от него сохранения тайны переписки «да что дочь наша будет нам писать, и того бы никто не знал». Хотя не все, видимо, гладко шло в группе Елены Ивановны. Иван III делает выговор за имевший место случай разглашения тайны переписки: «то пригоже пи так делается: что наша дочь к нам пишет, что вы пишете и что она с вами говорит, то у вас ребята знают; так впредь бы этого не бывало».
Несмотря на то что на приближенных Елены Ивановны в Вильне смотрели как на агентов Москвы, их тайная разведывательная деятельность ни разу не создала конфликта Литвы с Москвой. Это, в конце концов, свидетельствовало о высококачественной работе русской военной разведки в конце XV в. Москва в результате ее деятельности прекрасно была осведомлена о положении дел в Польше и Литве, что помогало Ивану III принимать ответственные решения по вопросам высвобождения русских земель из-под гнета Литвы.
Насколько был заинтересован Иван III в получении разведывательных данных от этой группы, видно из того, что уже через несколько дней после отъезда за границу Иван III посылает дочери, чуть ли не вдогонку, с гонцом Михаилом Погожевым приказ, чтобы она извещала отца о литовских делах, но так, «чтобы у тебя не ведал тех речей, что говоришь с бояры тайные дела и что мне пишешь, ино бы и нынеча в избе тех речей не тведал никто».
Это заставляет предполагать, что Елена Ивановна вела активную секретную переписку с отцом, о чем сама Елена Ивановна говорила послу Ивана III Микуле Ашелову в ноябре 1497 г., что «ино отец мой ко мне листы присылает тайно».
Вместе с тем Елена Ивановна умышленно, чтобы ее не заподозрили, писала иногда безобидные письма о том, чтобы присылали ей кречетов, рыбы сухой, белки сибирской, собольих мехов; да нельзя ли и таких мехов достать, чтобы соболь был черный с ногами передними и задними и с ногтями и т. д., предоставляя, очевидно, деловую и разведывательную переписку вести прикомандированным к ней дворянам[61].
С помощью агентурной разведки Иван III выиграл Шелонскую битву. Напомним, что она произошла 14 июля 1471 г. на левом берегу реки Шелони (на территории современной Новгородской области) между московскими войсками во главе с воеводой Даниилом Холмским и новгородским ополчением под командованием сына Марфы Посадницы – Дмитрия Борецкого. Это сражение стало кульминацией противостояния между Новгородом и Москвой в XV в. и утраты Новгородской землей самостоятельности.
В походе на Новгородскую республику, кроме войск московского князя, участвовали полки союзного Великого княжества Тверского, Пскова, а также правитель Касимовского ханства Данияр с дружиною. Военное преимущество было на стороне новгородского ополчения (большая численность, знание местности и т.п.). Возможно, Новгород сумел бы сохранить свою самостоятельность, но активная деятельность московской агентуры значительно снизила его боеспособность. Так, в одну из ночей диверсанты забили железом большинство имеющихся у Новгорода пушек. Нужно отметить, что артиллерия в то время была очень грозным и редким оружием. Поэтому такая диверсия негативно сказалась на моральном состоянии новгородского ополчения.
Сын Ивана III новый московский государь Василий III в тонкостях организации разведывательной службы разбирался слабее отца. В 1510 г., когда налаженная тайная связь начала нарушаться, он через русского посла в Литве, дворецкого Ивана Юрьева и дьяка Василия Третька Долматова, решил выяснить, как сестра может тайно переписываться с ним. Елена очень обиделась на нетактичность брата, и впоследствии подобных предложений от него уже не поступало.

В истории сохранились имена некоторых из первых разведчиков. Оговоримся сразу: они не были профессиональными шпионами, а были вынуждены заниматься сбором секретной информации в силу своего служебного положения.

Царь Василий III отправил в 1520 г. посла Харламова в Ливонию и Австрию, приказав ему тайно выяснить подробности военного конфликта Ливонского ордена с Польшей и возможного союза России с последней.

Направленный к турецкому султану Селиму российский посол Василий Коробов регулярно отсылал в Москву секретные депеши о распрях турок с Персией, о состоянии турецкой армии, о перемещениях в районе Дона союзного туркам крымского хана. Также Василий Коробов направил в Москву донесения наместника султана (аги) в оккупированном тогда турками Азове по имени Бурган. Этот очень ценный агент предупредил Москву о выступлении против русских войск крымского хана Менгли I Гирея.

В июне 1542 г. было отправлено посольство к королю Сигизмунду I Старому[62] во главе с боярином Василием Морозовым. Последнему было поручено выяснить международные связи Польши с Крымом, Турцией, королевством Венгрия, княжеством Валахия, германскими государствами и Королевством Чехия[63].

Царь Иван III поручал послам выяснять ответы на более широкий круг вопросов, чем его предшественник. Вот что, в частности, его интересовало:

«Опишите великому князю о тамошних вестях о всех, о ординском деле, о турском и о волошском, и о Литве, и о королях, и о всех тамошних делах».

Позднее русских царей интересовала не только подробная информация обо всем происходящем за рубежом, но и возможность влиять на эти события. Поясним, что речь идет о вербовке высокопоставленных государственных, военных и политических деятелей в стане противника.

Со второй половины XVI в. разведка начала играть важную роль в проводимой Россией внешней политике. Именно в это время царь Иван Грозный начал военную кампанию по выходу России к берегам Балтийского моря и присоединению прибалтийских территорий, одновременно он начал активно развивать торговлю с Европой[64]. Драматичная и загадочная история внешнеторговой деятельности России в XVI в. подробно описана в книге Л. Ю. Таймасовой «Зелье для государя. Английский шпионаж в России в XVI столетии»[65], поэтому мы не будем касаться данной темы.

Посланному в 1563 г. к польскому королю Сигизмунду II Августу[66] гонцу Андрею Каблукову наряду с легальными заданиями (как «править посольство», что говорить о разных делах) были даны тайные инструкции о том, какие собирать вести: «Да проведывать Ондрею, как ныне король с турским царем и с крымским царем». Польский король вел тайные, скрытые от Москвы переговоры с татарами и шведами, подговаривая их напасть на Москву; сношения Польши с татарами так и остались в этом случае для Москвы тайной, но сношения со Швецией были вскрыты благодаря перехвату грамот Сигизмунда II Августа к шведскому королю, в которых первый старался уговорить последнего к походу на Москву.

Во время Ливонской войны (1558–1583), которую вел Иван Грозный, при взятии Полоцка (1563) в плен попал воевода Вильно (Вильнюса) Ян Глебович. Он был завербован, а потом обменен на русских пленных. Вернувшись на родину, воевода начал регулярно сообщать в Москву новости. В 1569 г. он был, говоря современным языком, разоблачен польской контрразведкой и предстал перед судом. Его приговорили к смертной казни, но по указу короля Сигизмунда не только сохранили ему жизнь, но и выпустили на свободу[67]. Другому агенту российской разведки – дворянину Орлику – повезло меньше. Его разоблачили и казнили в 1580 г. в Варшаве. Справедливости ради отметим, что кроме шпионажа этот человек занимался еще фальшимонетничеством, что и усугубило его вину[68].

Попавшие в 1559 г. в русский плен ливонцы заявили, что у московского царя везде были свои агенты, которые знали все «лозунги» (секреты) Ливонии[69].
Возможно, что одним из источников информации из Ливонии были русские пленные. Сейчас в это сложно поверить, но в XVI в. многие высокопоставленные военнопленные жили относительно свободно. Они не только должны были собирать интересующую Москву информацию, но и, что более важно, оперативно передавать ее на родину. Так, находившийся в литовском плену князь Федор Васильевич Овчина-Телепнев-Оболенский послал к своим родственникам слугу Якова Скозина, приказав передать ряд ценных сведений[70].
Московское правительство интересовалось обычно только сопредельными странами, но не упускало случая разведывать страны более отдаленные. Когда в 1588 г. толмач Посольского приказа Роман Векман был отправлен в Англию послом к королеве Елизавете с деловыми претензиями русских купцов, он получил тайную инструкцию разведать и об отношении королевы к европейским королям. В этой инструкции говорилось:
«Да паять Роману: будучи ему в Английской земле, проведывать себе тайно, с кем нынче королева в братстве и в любви и в ссылке, которыми короли, и со францовским и с ышпанским, и с чешсим и с иными короли, в миру ли или не в миру, и с кем у нее ныне война, да и о том себе проведать: вперед ли начнет королева пропущать всех английских гостей и опроча тех гостей, которым дана грамота, о том ему, о всем проведав, записать себе и, приехав, рассказать государю»[71].
Известно, что политическую разведку при Иване Грозном возглавлял дьяк и руководитель Посольского приказа Иван Восковитый. Этот человек прославился не только в качестве разработчика и руководителя множества разведопераций, но и талантливого разведчика. Так, во время Ливонской войны он лично ездил в Данию, где склонил короля Фредерика выступить на территории России. Тогда наша страна получила единственного союзника.
Судьба Ивана Восковитого сложилась трагически. Он был обвинен по тому же «новгородскому делу об измене», по которому казнили впавшую в немилость царю верхушку опричников. Талантливый разведчик был четвертован в Москве в 1570 г.[72]
Соседние страны постоянно испытывали на себе активную деятельность русской агентурной разведки и достаточно высоко отзывались о ней. Такой крупный политический деятель своего времени, как польский король Сигизмунд II Август, писал о русской разведке английской королеве Елизавете в 1568 г.:
«...всего более заслуживает внимание, что московиты снабжаются сведениями о всех наших самых сокровеннейших намерениях, чтобы потом воспользоваться ими, чего не дай бог, на гибель нашим»[73].
В 1550 г. мемуарист-этнограф Михалон Литвин написал трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян», которые были изданы в Базеле только в 1615 г. В своем произведении этот ученый написал:
«Имеется уже великое множество московских (Moscorum) перебежчиков, нередко появляющихся среди нас, которые, разведав дела и разузнав о деньгах, состояниях и обычаях наших, беспрепятственно возвращаются восвояси; пребывая у нас, они тайно передают своим наши планы…
Среди перебежчиков москвитян (Moscos), которые глубокими ночами убивали жителей Вильны и освобождали из тюрьмы пленников своего рода, был один священник (presbyter), который, тайно проникнув в королевскую канцелярию (cancellariae regiae), доставлял своему князю (ducem) копии договоров (foederum), постановлений (decretorum), указов (consiliorum). Другой купил у одной девушки евхаристию, используемую при таинстве причастия, для чародейства и ворожбы. И когда в 1529 г. вся Вильна сгорела дотла, то такие вот пронырливые и преступные люди немедленно донесли своему князю (principi). Здесь в соборной церкви блаженного Станислава (Stanislai), крытой свинцом с золочеными верхами, украшенной также драгоценными каменьями, вместе со многими

золотыми, серебряными сосудами, сгорело и около трехсот старинных знамен, добытых в победах над роксоланами, москвитянами (Moscorum), алеманами (Alemanorum) и другими народами. После победы над москвитянами (Moscus) при Орше (ad Orsam) в день Рождества Девы Марии, 8 сентября 1514 г., когда убитых и взятых в плен было восемьдесят тысяч, к этим знаменам были присовокуплены еще 12. Ведь этим хитрым человеком перебежчику, возвратившемуся даже ни с чем, установлено вознаграждение: рабу– свобода, плебею – знатность, должнику, опутанному долгами,– свободу от долгов, преступнику – прощение»[74].

Об активной разведывательной деятельности Москвы при Иване IV сообщал также и состоящий на русской службе опричник Штаден. Обращаясь к германскому императору, он просил, чтобы его описание не переписывалось, поскольку «великий князь не жалеет денег, чтобы узнавать, что творится в иных королевствах и землях. И все это делается в глубокой тайне»[75].

Иван Грозный умер 18 марта 1584 г. После непродолжительного царствования слабовольного Федора на престол вступил Борис Годунов. При них активность русской разведки заметно снизилась. А потом наступил период Смутного времени, затем борьба за царский престол. И только в середине второго десятилетия XVII века русская разведка вновь активизировала свою деятельность за рубежом.

Разведка в XVII веке

В XVII в. разведка работала по трем основным направлениям и четвертому – второстепенному:

север и северо-запад (Швеция и Прибалтика) – разведку вел Посольский приказ и новгородские воеводы;

запад (Речь Посполита (Польша) – разведку вел Посольский приказ и с 1634 г. смоленские воеводы;

юг (Турция, Крым и Балканы) – разведку вел только Посольский приказ, т.к. в приграничной зоне отсутствовали крупные населенные пункты[76];

восток (Китай и другие страны) – разведка велась эпизодически и сводилась к отправке послов в интересующие Москву страны.

В 1613 г. в Польшу от Земского собора был послан дворянин Денис Оладьин, которому были даны подробные секретные инструкции в виде наказа:

«А едучи от Вязьмы до Смоленска и от Смоленска до Орши и от Орши до короля дорогою и на станах проведывать ему тайно всяких людей про короля и про панов-рад: где ныне король и паны-рада… А больше всего проведывать ему всякими мерами накрепко, что с сайму вперед королевского и панов-рад над Московским государством умышляется, и про королевский поход и про всякие вести, которые надобно ведати для оберегания от недругов в Московском государстве».

Содержание этого документа он должен был выучить наизусть. Саму бумагу при малейшей опасности надлежало уничтожить[77].

В 1634 г. переводчик Посольского приказа грек Мануила Фильденский в составе посольства возвращался из Константинополя в Москву. Находясь на территории Крыма, он получил указание провести разведку. С заданием он успешно справился, хотя несколько раз был на грани «провала». Когда он прибыл в Москву, то за достигнутые результаты был возведен в княжеское достоинство[78].

Расскажем теперь о нескольких попытках проведения разведопераций на территории Китая. Отметим сразу: в Москве имели весьма смутное представление об этом государстве. Более того, первые российские торговые караваны появились в Пекине только в 1658 г. А посланные Посольским приказом в 1618–1619 гг. в Китай дипломаты Петлин и Мунд не имели верительных грамот, поэтому не смогли получить аудиенцию у местных правителей. Возможно, что столь важным документом их не снабдили из-за того, что в Москве очень мало знали о «Поднебесной империи». В 1675 г. в Пекин в качестве

посла был направлен переводчик Посольского приказа Николай Спафарий. После своего возвращения он подготовил подробное описание дороги в Китай.
В 1619–1622 гг. разведывательную поездку по странам Средней Азии совершил Хохлов. Один из результатов его миссии – подробное описание вооруженных сил нескольких государств.
В 1669 г. было направлено посольство во главе с братьями Борисом и Семеном Лазухиными, которым было поручено:
«Борису ж с товарищи в Бухарсх и в Балках и в Юргенчах проведывать того всякими накрепко как ныне и в какой мере бухарской и юргенской и балханские цари с турским султаном, и с персидским шахом и с индийским царем, и с грузинскою землею, с кем в дружбе, а с кем в недружбе, и кто ныне владеет юргенскую землею, сколь сильна Бухарская и Юргенская и Балхинская земля ратными людьми и казною»[79].
Часто задание на проведение разведки на территории иностранных держав исполнители получали не в Москве, а непосредственно по месту жительства – от местных воевод.
Так, в начале XVII в. в указе брянскому воеводе, подготовленному Разрядным приказом, можно прочесть:
«Как к вам ся наша грамота придет и вы тотчас послали из Брянска в Литву к их города лазутчиков добрых, приведучи к крестному целованию и дав их нашего жалованья»[80].
Говоря современным языком, воеводе Брянска предписывалось подобрать агентов для отправки в Литву, предварительно приняв у них присягу на верность московскому правителю и договорившись о выплате им зарплаты за выполнение опасных для жизни заданий за рубежом.
Назначенным в Вязьму воеводам Ф. В. Волынскому и И. С. Урусову было приказано царем:
«…выбрати в Вязьме из числа посадских людей, и из пашенных крестьян, и из всяких людей лазутчиков добрых людей и разумных и привести их к крестному целованию на том, что им государю служити, в литовские городы лазучить ходити и вестей всяких проведывати доподлино, а московских никаких вестей на смуту и никакого дурна литовским людям опричь добри не сказывайте… и во всем государю служите в правду, без всякой хитрости, а приведши их ко кресту, дати им государева жалования, по чему доведется, смотря по человеку… и имяна тех лазутчиков прислать государю…»
Определялся и характер информации, которая интересовала правительство:
«Велети проведывать всяким обычай: про короля и про королевича, и про панов разных, и кто ныне гетман, и про сбор ратных людей, и где у них в сборе ратные люди, и многие ль людей, и против кого стоят, и как у короля и королевича сойм был, и о чем, и что на сойме приговорили, и война у них с Турским и Крымским царем и Свейским королем есть ли, и будет есть, и в которых места воинские люди стоят, под которым города и бои меж ними бывали ли и будет были, и в какую пору и на какую сторону людей больше побито и в полон поименно, и кто у них были начальниками, и чего меж ими впредь чаять? До и того велите проведывать… нет ли у них какого умышления на Московское государство…»[81]
В январе 1625 г. торопецкий воевода послал за рубеж посадского торгового человека Алексея Беляева. Купец с товарищами проник в Витебск, оттуда в имение гетмана Радзивилла – «Копыя», «на ярмонку». Здесь ему удалось попасть в гетманский дворец и «торговать с ним, с гетманом, с Радзивиллом самим – собольми и куницами». Ловко заведя разговор о делах польских, Беляев узнал важные новости, которые потом и сообщил воеводам.
В 1625 г. воронежский воевода послал «проведывать на Дон про всякие вести» детей боярских Неустроя Тарарыхова с товарищами. В апреле того же года путивльский воевода в качестве лазутчика послал за рубеж боярского сына Григория Гладкова, который принес важные вести.

В мае того же года новгородские воеводы послали «для проведывания вестей в Ивангород посадского человека Ивана Иванова», а несколько ранее тороповецкий воевода «посылал в литовскую землю для вестей посадских людей Ивашку Зиму и Ивашку Щеку».
В том же 1625 г. вяземский воевода послал за рубеж «вязьмитина торгового человека» Гришку Чертолина в Дорогобуж «проведывать литовский вести». А в августе того же года послал за рубеж «торгового человека Климку Васильева, с товаром для торгу и вестей ему всяких проведывать приказывал».
Новгородские воеводы в 1625 г. направили в «свейские городы с соболиною казною новгородских торговых людей и велели им в свейских городах про всякие вести проведывать подлинно».
В мае 1628 г. мосальский воевода послал за рубеж «всякие вести проведывать государево дворцового села Берны, деревни Борисова крестьянина Федьку Семенова».
Осенью 1648 г. севский воевода З. Леонтьев направил за рубеж под видом торгового человека севского пушкаря Семена Кутузова, который привез важные вести о том, что «Вишневецкий князь, собрав войско, будто пойдет не на татар, а хочет де украдом и обманом взять город Путивль».
В марте 1638 г. Разрядный приказ отправил грамоту:
«От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси, в Торопец, воеводе нашему Федору Тимофеевичу Пушкину, как к тебе ся грамота придет, а которые торговые люди из Торопца для торгового промысла по мирному договору начнут ездить в Литовскую сторону, и ты б тем торговым людям наказывал наодине, чтоб они, будучи на литовской стороне для торгового промысла, проведывали всякие обычаи: и в которых городах ныне польский король и брат его Казимир… и с турским султаном и с крымским царем у литовского короля ссылка есть ли, и чаять ли от Турского и от Крымского войны на Московское государство и на Литовскую землю… А как из Литовской земли торговые люди в Торопец придут, ты б про тех торговых людей про все расспрашивал подлинно наедине… А сю б если нашу грамоту держал у себя тайно, чтоб у тебя нашего указу никто не ведал».
Также можно указать на новгородского воеводу Ивана Репина, который завербовал двух торговавших в городе купцов – новгородца Михаила Селиверстова и ямленика Сеньку Октокова, «чтобы у свейских иноземцев о том разведали тайным делом… и что у кого сведают, чтобы мне объявили».
В 1638 г. за рубеж в Волковицкий повет был отправлен поручик Игнатий Коровин. Возвратившись обратно, он доложил посылавшему его воеводе Шаховскому, что «видался де он с шляхтичем паном Евпашевским с каштеляном смоленским, а он де каштелян ему дружен и знаком гораздо; и сказывал де ему Игнатью столь много подробных и важных военно-политических вестей, что часть которых следует воспроизвести в полном виде: «а от Крымского де у короля послы были, с тем чтобы король с тобою государь не мирился, а у прусского де подлинный мир, и войска де Прусской обещал королю давать, а будет де у короля с казаками мир станется, а с тобою де великим государем мира не будет, а у короля де войска цесарского тысяч двадцать, а присланы де те люди от Цесарского, да от Венгерского и к Польскому королю на помочь, да и от иных де шляхты, которые ему Игнатию знакомы гораздо и дружны, слышал Игнатий те же вести слово в слово».
В 1651 г. яблоновский воевода Борис Репнин «посылал за рубеж в литовскую сторону, в Киев, для проведения вестей алешинцев детей боярских Федьку Спесивцева да Ваську Бряистова». Они привезли с собой письмо от русского агента в Киеве «Федьки Лукьянова, сына Барыжпольцова» с важными вестями.
В мае 1651 г. великолуцкий воевода Алексей Лобанов-Ростовский посылал под видом торговых людей «в литовскую сторону на Усвят луцкого казака Якушка Кондратьева… а на Невель луцкого ж казака Бориска Панфильева сына Махина, а велел им тайным обычаем проведывать про литовские и всякие вести».

В июле того же года «приехал из литовской стороны в Тороповец торопчанин торговый человек Офонасий Чиреев» и привез важные вести о войне Богдана Хмельницкого с поляками.

В июне 1653 г. брянский воевода Григорий Долгорукий направил сначала за рубеж торговых людей, а когда те благополучно вернулись – дворян и сообщил в Разрядный приказ: «А впредь для проведывания послал я брянчан дворян, а с ними брянчан же торговых людей»[82].

Летом 1661 г. севские воеводы Щербаков и Апраскин получили из Разрядного приказа письменные указания о том, что интересует это учреждение о борьбе Богдана Хмельницого против Польши. Выполнив указание Москвы, они сообщили в приказ:

«…а в твоей государевой грамоте написано которые севские посадские люди преж сево бывали в литовской стороне для торгового промыслу и нам бы холопам твоим ис тех торговых служилых людей, самых добрых, которым мочно верить, выбрав двух или трех человек, отпустить в литовскую сторону тайным обычаем в розные места, и приказати б, государь, тем людям накрепко, чтоб они тебе государю послужили, в литовской стороне проведывали подлинно в которых местах запорожский гетман Богдан Хмельницкий и черкасские полковники против польского короля стоят и много ль с ними в сборе черкас, и крымской царь и царевичи к черкасам в помочь пришли ль, и будет государь пришли по кою пору и сколько с ними людей. И к турскому, государь, царю от гетмана Богдана Хмельницкого послы посланы ль, и будет посланы, и для чего посланы, и не хочет ли гетман Хмельницкий с черкасы быть у турского подданства, и помочи себе от турского не чает ли, и польский король и гетман польский и князь Вишневецкий и Роживил все ли вместе стоят или в разных обозах, и многие, государь, с ними люди ль против черкас и татар стоят, и польскому, государь, королю, которых государств короли и папа римский помогают ли, людей к ним на помочь прислали ль и сколько, откуда к королю и с кою пору ратные люди пришли или польский король людей к себе на помочь ожидает и с которых государств, и вскоре ль тех людей ожидают к королю приходу, и от польского, государь, короля к турскому послы посланы ль, и давно послаы ль, и на черкас, государь, помочи король у турского короля просит, или с иных о каких делах послы к турском у посланы, и у короля и у польских гетманов с черкасы и с татары бои бывали ль, и давно бываль ль, и которея сторона сильная, и чего государь, меж ими чаять впредь. И на твой, государь Украины крымского царя и царевичей с крымскими и нагайскими приходу не чаять ли, и будет, государь, те посыльщике севчане в литовской стороне съедутся в одно место, и что они и от коих людей проведуют, и один бы из них приехал в Севск вскоре, и достальные побыли б в литовской стороне да подлинных вестей, что у польского короля с черкасы учиниться бой или мир, и как, государь, с польского короля с черкасы и татары учинится бой, и которая, государь, сторона на том бою будет сильнея, и тебе, государь, посыльщики с подлинными вестьми ехали в Севск тотчас не мешкая ни часу, и для, государь, тоя посылати б к нам холопам твоим тем севченом твоего государева жалованья по десяти рублев человеку из севских изо всяких доходов».

В 1662 г. воевода Борис Репнин направил «из Смоленска в Ригу смоленского мещанина Федьку Бовецкого для проведывания вестей».

В том же году борисовский воевода Хлопов донес в Разрядный приказ, что посылал в Минск «и в иные во многие местечка лазутчиков проведывать… про вести польских и литовских людей и про зборы нет ли где в коих местах польских и литовских людей». Лазутчик, «борисовский мещанин Костька Прудник», в расспросе заявил, что «слышал де он Костька будучи в Минске от менских мещан… что де турок вышел на цесаря и был у турка с цесарем бой и турок взял у цесаря два города, а которые города именно того он Коська не упомнит».

Также воеводы должны были допрашивать иностранцев и пытаться завербовать их. Так, летом 1613 г. в Холмогоры прибыл англичанин Вилем Ватцы, заявивший о своем желании

служить русскому царю. Холмогорский воевода Пушкин допросил его и отправил в Москву сообщение:
«И мы, холопы твои, того немчина Вилема Ватцы, поставя перед собой, и его расспрашивали: в Датской он земле был ли, и что датский король с свейским королем учинил, и сколь давно он из Датской земли, что он про тамошние вести ведает ли? И немчин Вилем нам в расспросе сказал, что де он в Датской земле был…»
Дальше излагаются сообщенные иностранцем новости.
До начала XVII в. Россия не имела постоянных представительств за рубежом. Поэтому по мере необходимости посылала в другие страны посольства. Такая официальная правительственная делегация могла насчитывать от одного до нескольких сотен человек. Понятно, что входившие в нее служивые люди, среди прочего, занимались разведывательной деятельностью. Также для сбора информации активно привлекались купцы и священнослужители[83].
В ноябре 1662 г. шведский королевский секретарь Адольф Эверс сообщил из Москвы, что в Стокгольме имеется русский шпион, присылающий сообщения обо всех событиях шведского двора. Все донесения «тайного информатора Москвы» идут без подписи и написаны на шведском или немецком языке.
Когда в 1665 г. в Швецию был направлен посол Волынский, то шведский представитель в Москве Лилиентал поспешил сообщить в Стокгольм:
«…с послами едут четыре переводчика – Лазарь Циммерман, Иоахим Мейснер, Филат и еврей Жорж. Последний – добрый малый, к которому можно иметь полное доверие, что нельзя сказать о других трех. Особенно следует соблюдать осторожность с Филатом…»[84]
Говоря современным языком, описанные выше два эпизода – классические примеры работы внешней контрразведки Швеции. К сожалению, неизвестно, удалось ли российским контрразведчикам выяснить, кто именно информировал иностранных дипломатов.
В 1672 г. к германскому императору, курфюрстам Брандербургскому и Саксонскому, в Рим и Венецию был отправлен генерал Павел Менезей. Ему было поручено:
«Да в тех же во всех государствах будут ему, Павлу, проведывать про все тамошние вести, которые гонцы великому государю Его Царскому Величеству и всему Российскому государству, и писать те вести особо, порознь, статьями, и во всем в его государских делах быть радетельному».
В том же году направленный к английскому, французскому и испанскому королям переводчик Посольского приказа Андрей Виниус получил такое разведзадание:
«А будучи ему, Андрею, в английской и во французской и гишпанских землях проведывать себе тайно: с иными окрестными государями и с Папою и с Цесарем Римским и с Галанскими статы и Виницеяны ссылка у них есть ли, или война, и буде есть, и о чем и с которыми государи или владетили в мире или не в миру? … и у французского и английского королей с Галанскими Статы миру тоесть ли, и на чем, и кто ныне в той войне меж них силен и про иные всякие вести, которые великому государю Е. Ц. В. и всему Московскому государству надобны, а проведав, записывать себе именно и подлинно в статейный список, и тот статейный список и всякими вестями записку, приехав в Москву, подать в Посольском приказе окольничему Артемону Сергеевичу Матвееву да Ивану Естафьеву»[85].
Иногда разведывательные задания выполняли состоявшие на службе у российских царей иностранцы. Так, в 1672 г. шотландец Павел Меневий по случаю смерти отца был отпущен в отпуск на родину. Во время поездки он должен был собрать максимум информации о военно-политической обстановке в Европе.
«Августа 8 день в Посольском приказе майор Павел Миневиус росспрашиван про вести, а в расспросе сказал… слышал в Польше де сейм разорвался от Сибежского да от советников, да от них же против короля бунты чинятся велкие и король де под Варшавой

от них в осаде. А Сабежскому де французский король прислал 12 миллионов золотых польских, чтоб он промыслом своим с королевства сгинул, а быть бы Польше королем сроднику его молодому Кондеушу… А турского де султана с поляки быть войне великой, и изготовлено было у молдавской земли, опричь всякого, начальных чинов войск янычар 50 000, а с самым де было салтаном быть войску с 300 000. А как салтан почал конечно намеревать на поляков войною и приблизиться к их рубежам, и салтану де видимо учинилось, что Персидский шах, послышал его салтана, что он пошел на поляков войною, собрался великим собраньем, пришел под Вавилон войною, и великие шкоды и разоренья чинят».

Русский агент в Прибалтике ливонец Роман Бекман сообщил из Риги:

«А в местах зде сказывают, что Арцыкарло ливонские земли поимал города: Пернов, Вильям, Каркус, Елмен, Полчев, Арлюс. А здесь же говорят канцлеру польскому с семиградскими да молдавскими людьми бой был великой, а напоследок канцлер перемог; а учинилось канцлеру в том бою изрону 6000 человек, и на обе стороны людей много пало. А здесь же сказывают, что виленский воевода сюда скоро будет, а стоять ему за ливонскую землю, а с ними будет воинских людей 20 000 человек».

Об этом мало кто знает, но в XVII в. разведывательные операции, как это было показано выше, проводили не только Посольский и Разрядный приказы, а также Приказ тайных дел, но и Малороссийский приказ, основной задачей которого было управление присоединенной к России территории Левобережной Украины. В качестве примера можно назвать жителя Киева Михайло Суслова, который с 1669 г. по 1694 г. вел активную работу по указанию «из приказа Малыя Россия и по приказу киевских бояр и воевод». Он неоднократно посылался с разведывательными целями «о неприятельских замыслах в Варшаву, Краков, Львов и иные польские города, и Цесарские (турецкие. – Прим. авт.) города, в Венецыйскую землю и иные многие дальние посылки во все годы многожды». Так, в 1682 г. у него было 12 «командировок» за рубеж. За активную разведывательную работу Михайло Суслова в июне 1682 г. возвели в дворянское достоинство.

Отметим другой важный факт. В XVII в. в разведывательных операциях активно участвовали подьячие из различных приказов. Так, в декабре 1665 г. для встречи иерусалимских патриархов были посланы на Терек подьячие Еремей Полянский и Иов Ветошкин. В первой статье наказа им предписывалось: «ехати им с Москвы на Саратов, на Царицын, на Черный Яр, на Астрахань и на Терек, а едучи дорогой проведывати всякими людьми тайно про Паисея папу и патриарха Александрийского и про Макария, патриарха Антиохийского, где они ныни и какими местами к Москве едут, а дорогою едучи сказыватца им дворцовыми подьячими, что посланы они из Дворца для садового завода, чтоб было не прилично»[86].

В это же время сформировалась система делопроизводства, которая в немного измененном виде продолжает использоваться и в наши дни. Перед отправкой за рубеж и в процессе выполнения миссии сотрудники посольства получали «наказы». В них были изложены не только цели и задачи посольства, поручения, возложенные на руководителей дипмиссии, но и также указывалось на необходимость собирать сведения разведывательного характера.

О результатах выполнения «наказов» дипломаты сообщали в Москву в т.н. «отписках». В конце XV – начале XVI в. последние стали своеобразным отчетным документом дипломатов. Со второй половины XVI в. эту функцию стали выполнять «статейные списки», а «отписки» стали сводками краткой, оперативной информации[87].

Священнослужители и разведка

Если бы в мире не существовало различных религий, «рыцарям плаща и кинжала» пришлось бы затрачивать гораздо больше усилий на решение поставленных перед ними задач. В истории «тайной войны» есть множество эпизодов, когда разведка использовала верующих в своих целях, а многие священнослужители были прекрасными шпионами.

С другой стороны, религиозные фанатики часто становились коварными лазутчиками и изощренными убийцами, искренне веря, что они совершают свои преступления ради Бога, а не собственной выгоды или прихоти политиков.
Среди основных признаков христианской церкви можно выделить четкую иерархическую организацию, централизованное управление, деление верующих на профессиональных служителей культа (клир) и мирян и владение церковной организацией имуществом. Не следует забывать и то, что две ее основные конфессии, православная и католическая, разделили мировые регионы, где они присутствуют, на отдельные участки – епархии и диоцезы соответственно. Еще одна интересная черта: священнослужители, с одной стороны, имеют возможность общаться с представителями различных слоев местного общества и активно ею пользуются, с другой – ведут закрытый образ жизни.
Если убрать из этого описания все, что связано с религией, то любой эксперт по вопросам «тайной войны» скажет: данную структуру можно эффективно задействовать для сбора информации, а также проведения других операций в сфере разведки. И повезло тому государству, в чьем подчинении она находится.
До середины XV в. Русская православная церковь находилась в подчинении у Константинопольской церкви, которая играла малозначимую политическую роль не только в Европе, но и даже на территории самой Византийской империи.
В 1448 г., выйдя из канонической зависимости от Константинопольского патриархата, Русская православная церковь попала в серьезную административно-политическую зависимость от московского правительства. Так, в XVI в. из одиннадцати митрополитов Московских пятеро были лишены кафедры по произволу светской власти, а митрополит Филипп – убит в 1569 г. С 1721 по 1917 г. Русской православной церковью управляло гражданское учреждение – Святейший правительствующий синод. При советской власти деятельность Московской патриархии находилась под контролем государства. Поэтому священнослужители выполняли деликатные поручения светских властей – например, находясь за границей, собирали интересующую правительство информацию[88]. С другой стороны, даже если епархия не находилась в подчинении у Московской патриархии, то ее священнослужители все равно могли оказывать услуги «братьям по вере».
В 1651 г. на территории Белоруссии, находившейся тогда в подчинении Речи Посполитой, проживал в селе Сопоти Бельского уезда поп Федор, снабжавший торопецкого воеводу Ивана Бутурлина важными сведениями об отношениях между Украиной и Польшей.
В качестве примера расскажем об одном из эпизодов тайной деятельности этого священника. В июне 1651 г. воевода послал торопецкого стрельца Матюшку Решетникова в Литовскую сторону в «ыменье ксенжей витебских на погост к сопотскому попу Федору, а велел тому Матюшке у того попа проведыть тайным обычием, что ныне у поляков с черкасы делается?». Через несколько дней связник вернулся обратно и принес от попа Федора «вестовое письмо по польски написано» следующего содержания:
«Мне на память со стороны войны. Казаки ляхов побили, убили 10 000, обоз новый поставили казаки недалеко от Могилева за 200 верст. А посполитов рушенье еще не поспело, еще ныне из Витебска поехали на Себеж, а король, ведомо, подлинно жив. Турки на ляхов восстали и уже на Литовской земле стоят. А гонец ваш еще мимо Смоленск не бывал».
Через несколько дней воевода послал нового связного – пушкаря Семена Костина, который доставил новое сообщение:
«Богдан де Хмелницкий стоит на Днепре реке за Могилевым с черкасы, а другой гетман за двести за полтретьятцать верст с черкасы по сторон Кричева… а чернь вся к нему, Богдану Хмельницкому оборотилась. А крымского царя и царевича нет у Богдана Хмельницкого. А турский царь вышел со своими людьми на литовскую землю с войной, а того ведома нет, по ссылке с Богданом Хмельницким или нет… и король польский с Родивиллом стоят в Польше, збирают людей посполитого рушенья, а помочи у короля польсково и литовского шестьдесят тысяч шведов, только и люду крепокого, а бою

посполитого рушенья прямово не было, бился князь Вишневецкий украдом, и Вишневецкого победили… а папа римской королю не пособляет и впредь от него помочи не чает и не откупь помочи нету, опричь немец… а то де мне Сеньке поп Федор велел сказать, что никакой у гетмана Богдана Хмельницково с польским королем из гетманов и со всем посполитым рушеньем миру не будет».

В том же 1651 г. из Путивля в Киев был послан с тайной миссией конотопский протопоп Димитрий. Он был должен «будучи в Киеве подождал того, как в Варшаве сейм совершится, и того разведал накрепко, о чем у короля и у всей Речи Посполитой сейм был».

Епископ Полоцкий и Витебский Калиаст регулярно посылал лазутчиков на Десну, а именский протопоп Симеон Адамович – в Яссы.

В 1664 г. дьяк Разрядного приказа Дементий Башмаков выезжал в Глухов на тайное свидание с московскими агентами, среди которых был архимандрит Киево-Печерской лавры, и возил им награду за оказанные услуги.

К середине XVII в. Посольский приказ сумел создать мощную агентурную сеть на территории Турции, состоящую из представителей греческого православного духовенства. В ней были задействованы все, начиная от патриархов и заканчивая простыми монахами.

Например, из пяти так называемых «вселенских» патриархов – антиохийского, иерусалимского, александрийского, константинопольского и римского – первые четыре были тайными агентами Москвы. Назовем имена некоторых из них: иерусалимские патриархи Феофон, Феодил и Досифей, александрийский Ионнкий, антиохийский Макарий, константинопольские Парфений I, Парфений II и Кирилл Лукарис и др.

Среди «тайных информаторов Москвы» были: митрополиты Севастийский, Веррийский, Фессалийский, Тырновский, Приконийский, Халкидонский, Назаретский, Вифлеемский и Коринфийский; архимандриты Амфилохский, Бенедикт, Парфений и др.

Восточные патриархи оказывали всемерное содействие российским послам в Константинополе, давая им необходимые советы и снабжая тайными вестями, а также регулярно снабжая Москву ценной информацией о положении на Востоке. Фактически они были главными источниками положения дел в военно-политической области на Ближнем Востоке. Так, в 1630 г. константинопольский патриарх Кирилл Лукарис в грамоте, отправленной в Москву, написал: «а в той грамоте пишу и поведую все тайное, всякое бытейское дело, истинное».

Севастийский митрополит Иосиф, проживавший в Москве с 1630 по 1634 г., был направлен на Восток, откуда присылал сообщения военно-политического содержания. Информацию он получал от людей из ближайшего окружения турецкого султана.

В 1649 г. архимандрит Амфидохий сообщил в Москву о произошедшем в Константинополе перевороте:

«Объявляем тебе, великому государю, что июля 28 числа собрались все янычаре, и стали они заодно со всем оружием против царского дворца, и заперли все ворота цареградские и поймали они царя Ибрагима, августа в 8 день, и задавили его за многую его неправду, и на его место посадили на царство царевича, сына его Ибрагимова, по седьмому году, и убили еще визиря Ахмед-пашу и на его место выбрали нового визеря Мехмед-пашу».

После убийства турецкого султана Ибрагима в столице Турции начались волнения, о чем поспешил сообщить в Москву Амфидохий:

«Объявляю, что в великом бессилии пребывает нечестивое царство турецкое, ибо султан молод, а паши владеющие разных дум, и всякий делает по своему разуму. Еще в прошлых днях имели междоусобную брань янычары с дворянами, не только в Цареграде, но и везде побивали друг друга, и то знаю подлинно. Ныне они помирились, но меж себя вражду держат, а когда-нибудь меж них великое зло будет, и пошли бог такой гнев на них».

Это подтверждает и фессалийский архиепископ Даниил в 1652 г.:

«Вельможи едят друг друга, как псы, кому из них быть визирем и богатство собирать, а султан остался без родителей, и вельможи владеют, как хотят»[89].

Так же активно работало на Москву украинское православное духовенство. Центр агентурной разведки находился в Киево-Печерской лавре. Его возглавляли митрополиты Иов Борецкий и Петр Могила. Также «тайными информаторами Москвы» были архимандрит Печерский Иннокентий Гизель и протопоп Переславский Григорий Бутович.
Отдельно нужно отметить деятельность черниговского архиепископа Лазаря Барановича, который имел агентов в Киеве и на территории Польши. В декабре 1670 г. из Посольского приказа он получил приказ разведать: «подлинно, где находится король, коронный и литовский гетманы и их войска, какое состоялось на сейме постановленье, где находится Турский султан и Крымский хан, и чаять ли от них войны, и если чаять, то на кого и немедленно зимою или весною и полученные вести отписывать государю подлинно, а в дальнейшем и впредь о таких вестях для проведывания посылать почасту, чтоб великому государю небезизвестно было».
Во второй половине XVII в., когда назревал конфликт между Россией и Турцией, иченский протопоп Симеон Адамович с помощью своих агентов не только узнавал настроения политической элиты Турции, но и регулярно посылал агентов – маршрутников в приграничные с Россией районы с целью выяснения численности и мест дислокации турецких войск[90].

Разведка в XVIII веке

Среди достижений Петра I следует выделить его успехи в сфере организации политической разведки. Дело в том, что до него в России было «не принято» держать за рубежом постоянные посольства. В случае надобности можно было отправить дипломатов для решения того или иного вопроса.
Другое важное достижение Петра I – отправка дипломатов во все страны не только Европы, но и даже Азии. Если раньше основное внимание внешнеполитическое ведомство, а вместе с ним и разведка, уделяло Польше, Ливонии и Турции (основные источники военной угрозы для России), то теперь всей Европе. Да и не только ей, но и, например, Индии и Центральной Азии (Хива, Бухара, Коканд и Джунгария). Так, петровский посланец Спафарий прибыл в Пекин и установил дипломатические отношения с китайской циньской империей[91].

В начале 1718 г. Петр I, чтобы ускорить заключение мира со Швецией, решил склонить на свою сторону министра Карла XII, голштинца по происхождению барона Г. Герцеля – одного из выдающихся европейских политиков того времени. Направляя А. Остермана и Я. Брюса на Аландский конгресс для переговоров со шведской делегацией, Петр в особой инструкции указывал им:
«Повеливаем вам особливо, чтобы вы частным образом трудились с бароном Герцелем в дружбу и конфиденцию войти и старались с ним наедине разговаривать. При разговорах этих обнадежьте его в нашей к нему особливой склонности... Если усмотрите его склонность и разсудите за благо, то можите обещать ему в подарок хоть до ста тысяч рублей и вперед всякое награждение, только бы он трудился заключить мир по нашему желанию. Взявши с него честное слово соблюдать тайну, объясните ему, что мы желаем не только со Швецией мир заключить, но и обязаться дружбой»[92].
Российские представители обнаружили в Герцеле весьма большую «склонность». Помимо пророссийской позиции на официальных переговорах, Герцель информировал русскую делегацию о положении в Швеции и интригах военной партии вокруг Карла XII и даже обсуждал с Остерманом те вопросы, которые члены шведской делегации должны были согласовывать с королем.
Кроме Герцеля, Остерман завербовал еще и секретаря шведской делегации Штамкена, который также передавал ему сведения о работе шведских дипломатов. Однако гибель при загадочных обстоятельствах короля Карла XII 8 ноября 1718 г. под крепостью Фредрексхалль положила конец мирным переговорам. Восшедшая на шведский трон

сестра Карла Ульрика Элеонора решила продолжать войну с Россией. В марте 1719 г. Герцель был обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни[93].

В 1739 г. произошел один из первых (известных историкам) случаев активного мероприятия по отношению к дипломату иностранного государства. В 1738 г. в Санкт-Петербурге узнали о том, что Швеция намерена заключить военный союз против России с Турцией. Шведский военный агент (дипломат) майор Синклер выехал с депешами к Великому визирю. Русский посланник в Стокгольме М.П. Бестужев назвал его «великим злодеем и поносителем всей российской нации», незатейливо предложив «его анлеировать, а потом пустить слух, что на него напали гайдамаки или кто-то еще». В столице идея дипломата понравилась, и главнокомандующий российской армией фельдмаршал Миних лично отобрал двух исполнителей: капитана Кутлера и полковника Левицкого. Им предстояло «перенять» Синклера на обратном пути на территории Австрии. В июне 1739 г. в Силезии они убили шведского дипломата, а все найденные при нем бумаги отвезли в Санкт-Петербург. При этом они так «наследили» на месте преступления, что списать на разбойников смерть шведа не получилось. Разразился громкий международный дипломатический скандал, и это стало одной из причин Русско-шведской войны 1741–1743 гг.[94]

Накануне Семилетней войны (1756–1763 гг.) русские офицеры «инкогнито» инспектировали прусские приграничные области[95]. А во время самой войны в Пруссии был казнен немецкий офицер Фербер, который регулярно сообщал в Санкт-Петербург секреты короля Пруссии в 1740–1786 гг. Фридриха I Великого[96].

В 1764 г. польский престол занял граф Станислав Понятовский[97], который на протяжении многих лет был ценным агентом российской разведки. Более того, он длительное время жил в Санкт-Петербурге и даже был любовником Екатерины Великой. Его правление закончилось в 1796 г., когда Польша окончательно потеряла свою независимость. Понятовский отрекся от престола и всю оставшуюся жизнь (два года) прожил в городе на Неве, находясь на полном содержании у российского государства[98].

В царствование Екатерины II в мае 1790 г. к секретарю российского посольства в Париже Машкову обратился некий чиновник, служивший в Министерстве иностранных дел Франции, с предложением снабжать российское посольство конфиденциальной информацией о негласной внешнеполитической деятельности своего правительства, в частности, в Турции и Швеции, с которыми Россия в то время находилась в состоянии войны. С чиновником был налажен регулярный контакт. В Петербурге распорядились выплатить завербованному агенту единовременно 10 тыс. ливров, а в дальнейшем платить тысячу ливров ежемесячно; Машков же был награжден орденом Св. Владимира и повышен в чине до советника посольства.

Агент передавал российскому послу Симолину шифры и секретные документы, относящиеся к переписке французского министра иностранных дел с послами в Стокгольме, Константинополе, Варшаве, Копенгагене и, главное, с французским поверенным в делах в Петербурге Жене, который не только являлся разведчиком, что, в общем-то, и в те времена было достаточно естественным для дипломата, но и пытался заниматься распространением крамолы в духе Французской революции среди гвардейских офицеров петербургского гарнизона. Эта информация позволила российскому правительству разоблачить ряд чиновников, за деньги передававших французам секретные сведения о русской армии, а самого Жене выслать из России. К сожалению, и российский «крот» в октябре 1792 г. был уволен из французского МИДа, после чего связь с ним прекратилась[99].

В 1792 г. российский посол во Франции Иван Симолин попытался спасти императора Людовика XVI, которого революционеры планировали казнить. Дипломат снабдил потерявшего трон монарха и его свиту российскими паспортами, а также принимал активное участие в организации их бегства из страны. Это едва не стоило ему жизни, когда агрессивно настроенная толпа чуть не растерзала его у Пале-Рояля[100].

Людовик и вся его семья в ночь на 21 июня 1791 г. тайно выехали из Парижа в карете в сторону восточной границы. Стоит заметить, что в организации побега, кроме российского дипломата, участвовал шведский дворянин Ханс Аксель фон Ферзен, который был безумно влюблен в жену короля Марию-Антуанетту. В Париже почтосодержатель Друэ узнал в выезжающей из Парижа карете короля, но, чтобы удостовериться в этом, он запрыгнул на коня и пустился вдогонку карете. В Варенне, узнав в лице пажа переодетого Людовика, он ударил в набат. Сбежались люди. Король и королева были задержаны и под конвоем возвращены в Париж. Людовик был заключен с семьей в Тампль и обвинен в составлении заговора против свободы нации и в ряде покушений против безопасности государства. 30 января 1794 г. казнен.
В 1799 г., во время альпийского похода армии Суворова против революционной Франции, российский император Павел I приказал «сопровождающим армию людям» схватить и доставить в Санкт-Петербург главу Швейцарской Директории (республиканского правительства) Лагарпа. План так и не был реализован[101].

Дипломаты на фронтах «тайной войны»
В XIX в. российские дипломаты, как и прежде, продолжали заниматься разведкой. Они участвовали в разведоперациях на территории балканских государств, в странах Восточной Азии, Ближнего Востока, Северной Африки и Америки[102]. При этом в структуре центрального аппарата МИДа отсутствовало специальное подразделение, ответственное за постановку задач для российских дипломатов по сбору разведданных, а также анализу полученных данных. Вся информация поступала в канцелярию, где и происходило ее распределение по потребителям. Например, данные военно-политического и военного характера отправлялись в начале XIX в. в Министерство военно-сухопутных сил на имя министра[103].
Также задания чиновников внешнеполитического ведомства выполняли российские купцы при путешествиях за границу. Можно указать на грузинского купца Рафаила Данибегова (Данибегашвили, Р.Р. Орбели), который занимался не только торговыми делами, но также дипломатической и разведывательной деятельностью[104]. В 1815 г. с грузинского языка на русский была переведена и издана его книга «Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова». До последнего времени было известно, что к моменту издания книги ее автор совершил две дипломатические поездки из Грузии в Индию. Первая, начатая в 1795 г., продолжалась почти четыре года, вторая длилась в 1799–1813 гг. и завершилась в Москве. Данибегов посетил Турцию, Индию, Бирму, Тибет, Синьцзян, Сибирь, а в Индии прожил многие годы[105].
Другим дипломатом, разведчиком и бизнесменом был Мехти Рафаилов[106]. Сведения, доставленные Рафаиловым, представляли для русского правительства важность, это были новейшие документы, связанные с соседними восточными государствами: Пенджабом и Кашмиром[107].
В начале XIX в. военное ведомство активно использовало возможности МИДа для сбора интересующей его информации. Проявлялось это по-разному. Например, накануне войны с Францией по инициативе военного министра А.А. Аракчеева в 1808 г. были переведены в МИД с сохранением воинских званий генерал от инфантерии Иоганн-Христофор (Иван Романович) Ливен, генерал-лейтенант Павел Андреевич Шувалов и генерал-майор Николай Григорьевич Репнин-Волконский, которые затем были откомандированы на должности послов в Берлин, Вену и Мадрид соответственно. На следующий год послом в Швецию был направлен бывший генерал Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части (подробнее об этом органе будет рассказано в главе, посвященной военной разведке XVIII в., а пока отметим, что это подразделение занималось сбором сведений об окраинах Российской империи и сопредельных территорий (за исключением Европы) генерал-лейтенант и полный инженер-генерал Петр Корнилович Сухтелен. На пост чрезвычайного посланника в Дрездене (Саксония) был

назначен генерал-лейтенант В.В. Ханыков[108]. Отметим, что к началу Отечественной войны 1812 г. все эти люди были отозваны из-за границы.
Другой пример использования дипломатов в интересах военной разведки. Занимавший с января 1810 г. по август 1812 г. пост военного министра Михаил Богданович Барклай де Толли поставил перед послами в ряде государств задачи по сбору информации разведывательного характера (численность и места дислокации частей и соединений, состояние крепостей, характеристики военачальников и т.п.).
В середине пятидесятых годов XIX в. военное ведомство продолжало активно использовать возможности МИДа в сфере сбора интересующей его информации. Так, в мае 1852 г. военный министр А.И. Чернышев написал письмо руководителю Департамента внутренних сношений МИДа Л.Г. Сенявину. В нем он просил «нижеозначенным посольствам нашим доставлять военному министерству два раза в год: к 1 января и 1 июля, по прилагаемой у сего краткой инструкции и формам, сведения о военных силах:
А) посольству в Штутгарте и при Германском союзе – о силах Вюртембергского королевства и о состоянии 8-го германского корпуса.
Б) Посольству в Мюнхене – о силах Баварии.
В) Посольству в Неаполе – о силах Королевства Неаполитанского.
Г) Посольству в Риме – о папских и тосканских войсках.
Д) Посольству в Дрездене – о силах Саксонии.
Е) Посольству в Лиссабоне – о силах Португалии.
Ж) Посольству в Тегеране – о войске Персии»[109].
В тридцатые годы XIX в., когда политической разведкой начало активно заниматься Третье отделение (об этом подробно будет рассказано ниже), произошло своеобразное разделение зон ответственности этих двух ведомств. МИД проявляло повышенное внимание к тем странам, где не было политической эмиграции из России. Например, Ближний Восток или Северная Америка. В то же время Третье отделение держало под контролем страны Западной Европы, где ее резидентуры, говоря современным языком, работали по линии «Э» (эмиграция) и «ПР» (политическая разведка).
В отличие от советского времени, когда взаимоотношения между органами внешней разведки и МИДа носили, скажем так, не очень дружеский характер, в первой половине XIX в. Третье отделение и МИД активно сотрудничали[110].

Разведка Третьего отделения

Вопросами внешней разведки руководство Третьего отделения начало заниматься с момента создания этого учреждения. Так, в 1826 г. Бенкендорф направил в Турцию армянского купца с целью создания агентурной сети в этой стране. В тридцатые годы XIX в. начался процесс создания агентурных сетей в Западной Европе[111]. В результате в начале семидесятых годов того же века их число превысило 20 (Париж, Вена, Лондон, Ницца, Женева, Бухарест, Потсдам, Мюнхен, Стамбул, Палермо, Львов, Турин и др.)[112].
С 1826 г. по 1844 г. внешней разведкой руководил глава Третьего отделения Бенкендорф. Разумеется, из-за большого объема других дел ключевую роль в разработке и проведении большинства разведопераций играл не он, а один из его подчиненных – Адам Сагтынский. О последнем мы расскажем ниже.
С 1869 г. по 1874 г. внешней разведкой руководил Константин Федорович Филиппеус[113]. Последний утверждал, что именно он привлек к работе на Третье отделение множество талантливых разведчиков, в то время как при вступлении в должность обнаружил в штатах агентов весьма сомнительных:
«Один убогий писака, которого обязанность заключалась в ежедневном сообщении городских происшествий и сплетен. Первые он зауряд выписывал из газет, а последние сам выдумывал... Кроме того, ко мне явились: один граф, идиот и безграмотный, один сапожник с Выборгской стороны – писать он не умел вовсе, а что говорил, того никто не

понимал... двое пьяниц, одна замужняя женщина, не столько агентша сама по себе, сколько любовница и сотрудница одного из агентов, одна вдовствующая, хронически беременная полковница из Кронштадта и только два действительно юрких агента...»[114]

Непосредственно организацией политической разведки занималась 3-я экспедиция Третьего отделения[115]. Отметим, что одновременно она отвечала за политический сыск не только на просторах Российской империи, но и за ее пределами. Речь идет о наблюдении за живущими в Европе политэмигрантами и при необходимости проведения против них активных мероприятий (например, насильственный вывоз на родину).

С 1832 г. начинаются многочисленные командировки чиновников 3-й экспедиции в Европу с целью изучения обстановки, приобретения агентов и организации системы наблюдения в столицах ведущих европейских держав того времени. В результате наиболее крупные резидентуры у Третьего отделения были созданы в Австро-Венгрии, Германии, Великобритании и Франции[116].

Возглавил заграничную разведку Третьего отделения чиновник по особым поручениям А.А. Сагтынский. До этого он занимался аналогичными делами в Главном штабе Военного министерства, а еще ранее руководил разведывательной деятельностью в Австрии и Пруссии, находясь на службе в канцелярии наместника Царства Польского великого князя Константина Павловича. По делам службы он совершил множество тайных поездок по территории Западной Европы: в 1838 г. – в Париж, в 1840–1884 гг. – в Германские государства, в 1838 г. – в Италию, г. Палермо, остров Сицилия.

Именно Сагтынский создал в Европе агентурную сеть из так называемых «агентов-литераторов»: Якова Толстого[117], К. Ф. Швейцера (резидент в Берлине и в Вене), французского журналиста Шарля Дюрана. Они, кроме ведения разведывательной деятельности, выполняли также задачи контрпропаганды, опровергая своими публикациями, регулярно появлявшимися на страницах газет, журналов и книг, неблагоприятные отзывы о России и режиме Николая I.

Обильную информацию о внешней политике Англии, Франции, Австрии давала Третьему отделению родная сестра начальника Третьего отделения Бенкендорфа баронесса Д. Ливен, жена русского посла в Англии, вхожая в придворные круги этих стран.

Кроме Англии и Франции, опорные пункты Третьего отделения имелись в Швейцарии, Бельгии и Австрии[118].

Якову Толстому удалось создать самую многочисленную агентурную сеть в Третьем отделении. Несколько слов об этом человеке. Будучи старшим адъютантом дежурного генерала Главного штаба и членом «Союза благоденствия» (одно из тайных обществ декабристов), он принимал довольно активное участие в литературной жизни конца десятых – начала двадцатых годов XIX в. В 1821 г. издал сборник стихотворений «Мое праздное время». В театрах шли осуществленные им переделки французских комедий. Возможно, если бы в 1823 г. он не уехал во Францию на лечение, его судьба сложилась бы трагично. Скорее всего, он бы принял активное участие в восстании декабристов и был бы репрессирован. А так он остался жить во Франции, но был уволен с военной службы с сохранением чина. Яков Толстой жил в Париже и печатался в русской и французской прессе. Кроме того, он нередко выпускал брошюры, в которых полемизировал с французскими авторами, критически отзывавшимися о России и русской литературе. Его деятельность была замечена в России, и в 1837 г. он был восстановлен на государственной службе. Формально Яков Толстой стал корреспондентом Министерства народного просвещения (говоря современным языком – атташе по культурным связям) в Париже, а реально – чиновником по особым поручениям Третьего отделения, получая там солидное содержание[119].

В ходе своей разведдеятельности, кроме информации о Франции, Якову Толстому удавалось регулярно получать информацию и о соседних странах: Англии, Испании, Италии, Германии, Бельгии, Голландии, Швейцарии.

Его работа в Европе продолжалась 30 лет (1837–1867 гг.). В 1837–1854 гг. он находился в Париже, в 1854–1867 г. – в Брюсселе (Бельгия). За это время им было передано в Третье отделение 250 крупных сообщений, не считая текущей переписки. К своим сообщениям он обычно прилагал обширный дополнительный материал – вырезки из европейских газет и журналов.

Говоря о работе Якова Толстого во Франции, необходимо отметить, что, благодаря своим аналитическим способностям, он на основании получаемой информации делал правильные и далеко идущие выводы. Так, еще за 15 лет до начала Крымской войны и Первой обороны Севастополя он в своих донесениях 1838–1839 гг. отмечал растущее влияние на Францию постоянно враждебной к России Англии, которая в то время соперничала с Россией за влияние в Турции и Персии. Он также указывал на попытки Англии привлечь к направленному против России англо-французскому альянсу и Австрию, которая соперничала с Россией за влияние на Балканах.

Начиная с марта 1850 г., в своих донесениях в Петербург Яков Толстой указывал, что традиционная враждебность Англии к России приобретает все более конкретные очертания. Так, в своем донесении от 27 марта 1850 г. Яков Толстой сообщал о планах Англии: «уничтожить русский флот и сжечь Севастополь».

Обширная агентурная сеть дала ему возможность узнать о подготовке президентом Луи-Наполеоном Бонапартом государственного переворота и установления во Франции режима Второй империи за четверо суток до того, как он произошел 2 декабря 1851 г.

Разведдеятельность Якова Толстого во Франции успешно продолжалась и после установления во Франции военно-полицейского режима Второй империи. Он приобретает новых агентов в ближайшем окружении Наполеона III. Одним из них становится секретарь императора, некий Паскаль.

Своих людей Яков Толстой имел и во французской тайной полиции. В донесении от 10 декабря 1851 г., то есть спустя неделю после прихода Наполеона III к императорской власти, он сообщал о приказе императора о высылке из Франции подозрительных иностранцев и об удвоении персонала так называемых «черных кабинетов» – пунктов перлюстрации почтовой корреспонденции.

После того как Франция весной 1854 г. вступила вместе с Англией в Крымскую войну на стороне Турции против России, Толстой был выслан из Франции и переехал в Брюссель – столицу соседней Бельгии, где продолжил руководить своими агентурными сетями во Франции и Англии и других европейских странах.

На протяжении всего периода Крымской войны он регулярно посылал в Петербург большое количество информации, необходимой для ведения боевых действий, а затем для дипломатических маневров и интриг на мирной конференции в Париже, где русскую делегацию возглавлял начальник Третьего отделения граф Орлов[120].

Известны имена других резидентов. Так, в Берлине работал Юзефович, в Женеве – Бутковский и Савченко, во Львове (Австрийская империя) – Воронович, в Турине – Федор Тютчев[121].

С 1833 г. в Германии у Третьего отделения были агенты: Гутман, Декен, Мейер и Гартман. В Вене – К. Ф. Швейцер, который «посылал обширные агентурные наблюдения за политическими процессами в Дунайской монархии».

В 1833–1840 гг. информатором Третьего отделения в Брюсселе был Лами дю Фиоге, который сам предложил свои услуги российскому правительству.

С 1838 г. агентом Третьего отделения был чиновник берлинской полиции Ведеке, из Франкфурта донесения шли от некого Мезерица.

С 1837 г. по 1839 г. «тайным информатором Петербурга» был отставной профессор колледжа Карла Великого Бакье. В 1839 г. на связи у чиновников Третьего отделения был германский историк А.Л. Рохау[122].

С 1848 г. до начала семидесятых годов XIX в. подробно освещал социальную и политическую ситуацию в Германии журналист Луи Шнейдер. Во Франции аналогичным делом занимался журналист де Кардон[123].
Александр Балашевич под именем польского графа – противника царского режима Потоцкого – был командирован в Лондон с заданием внедриться в круги русской политической эмиграции. Любопытно, но в 1861 г. этот человек, будучи студентом, был арестован за распространение революционных прокламаций. Именно тогда он и был завербован чиновниками Третьего отделения. В 1872 г. ему удалось стать одним из лидеров польских радикальных эмигрантов. Был разоблачен в 1875 г. другим агентом – Бутковским из Швейцарии. Последний в состоянии сильного алкогольного опьянения во время ужина в ресторане начал хвастаться своими успехами в политическом сыске[124].

Активные мероприятия Третьего отделения

Об этом мало кто знает, но именно чиновники Третьего отделения впервые в истории российских спецслужб начали практиковать насильственный захват врагов государства и отправки их в Россию. Не все операции были доведены до логического конца. В отдельных случаях жертве удавалось избежать организованной для нее ловушки. А иногда операцию в последний момент отменяли приказом из Санкт-Петербурга.
В 1872 г. на территории Швейцарии был захвачен и депортирован в Россию руководитель террористической организации «Народная расправа» Сергей Нечаев. Нужно признать этот случай уникальным. Хотя бы потому, что жертва обладал уникальными навыками конспирации. Во-первых, его местонахождение не смогла установить даже швейцарская полиция.
Во-вторых, в Россию он был депортирован не как политический диссидент, а как обычный уголовный преступник. В-третьих, по тем временам для России фигура Сергея Нечаева была примерно тем же самым, что сейчас Бен Ладен для США. Просто в то время этот человек создал первую террористическую организацию, которая ставила своей целью планомерное уничтожение представителей царской власти.
Кратко расскажем об этом человеке и созданной им организации. Антиправительственной деятельностью Сергей Нечаев начал заниматься с осени 1868 г. – вел революционную пропаганду среди студентов Санкт-Петербургского университета и Медицинской академии. Вспыхнувшие в феврале 1869 г. студенческие волнения были в значительной мере результатом его деятельности.
Осенью 1869 г. он основал общество «Народной расправы». В написанном им уставе организации («Катехизис революционера») говорилось: «революционер – человек обреченный; у него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни имени. Он отказался от мирской науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает… только науку разрушения, для этого изучает… механику, химию, пожалуй, медицину… Он презирает общественное мнение, презирает и ненавидит… нынешнюю общественную нравственность».
По мнению большинства историков, «Народная расправа» была первой антиправительственной террористической организацией, которая от теории перешла к практике. Именно Сергей Нечаев первым провозгласил вооруженную борьбу с существующей властью, ввел жесткие принципы конспирации деятельности и т. п.
Сергей Нечаев умел подчинять своему влиянию даже людей, значительно его старших. Когда студент Иван Иванов обнаружил неповиновение воле Сергея Нечаева, последний решил устранить его, и в ноябре 1869 г. студент был убит членами «Народной расправы». Самим Нечаевым, а также Успенским, Прыжовым, Кузнецовым и Николаевым. Все убийцы, кроме Сергея Нечаева, были задержаны полицией и приговорены к различным срокам каторги. Всего по делу этой организации было задержано 82 человека.
Лидер «Народной расправы» сумел сбежать за границу, где заявил, что в России уцелела часть организации и она готова продолжить борьбу с проклятым царским режимом. Вот

так началась история «виртуальной» организации «Народная расправа». Понятно, что такая бурная деятельность Сергея Нечаева не могла оставить равнодушной руководство Третьего отделения. Было принято решение доставить его в Россию и судить как уголовного преступника.

С просьбой депортировать его на родину обратились к властям Швейцарии. Последние в принципе были согласны выдать его России, но вот где найти этого неуловимого русского? Действительно, Сергей Нечаев жил в этой стране по поддельному сербскому паспорту. Свое жилище оборудовал где-то в горах в окрестностях Цюриха. С другими русскими эмигрантами встречался крайне редко и только по собственной инициативе. К тому же он страдал маниакальной манией преследования, что еще больше затрудняло его поиск.

На его след удалось выйти жандармскому полковнику Карлу Романну, который под именем Николая Постникова в 1869 г. был внедрен в круги русских эмигрантов в Западной Европе. В конце 1870 г. ему удалось узнать, что Сергей Нечаев живет в окрестностях Цюриха. Прибывший в это же время из России известный оппозиционный деятель и революционер Петр Лопатин обвинил лидера «Народной расправы» в том, что его организация «виртуальная», да и он сам занимается шантажом, когда нужно добыть денег на ее финансовую подпитку. В результате от Сергея Нечаева отвернулись почти все российские политические эмигранты. Фактически он оказался в своеобразном политическом «вакууме».

Этой ситуацией и воспользовались сотрудники Третьего отделения. В 1872 г. трое представителей этой организации – Стемпковский, Ремер и Николич (поляк, немец и серб) – вышли на Сергея Нечаева в качестве представителей некой польской террористической организации. Нужно отметить, что в Европе за польскими радикалами закрепилась «слава» террористов и противников царского режима.

Территория царства Польского, которое входило в состав Российской империи, постоянно создавала Санкт-Петербургу множество проблем. И это несмотря на то, что с 1815 г. по 1831 г. этот регион был дотационным, в Польше была самая либеральная конституция в Европе, страна имела собственный парламент, армию и органы самоуправления. Чего еще не хватало полякам? Польское дворянство и помещики остро нуждались в анархической свободе. «Пан мог безнаказанно отчеканить золотые монеты с изображением польского короля, где вместо подписи «Божьей милостью король» красовалось «Божьей милостью дурак». Пан мог явиться на бал к королю в кафтане, сшитом из листов пергамента с текстом приговоров королевский судей, суливших ему тюрьму и изгнание. Пан мог напасть и ограбить своего соседа-помещика, да что соседа – мог и начать свою частную войну с соседней державой. Несколько панов, объединив свои частные армии, могли организовать конфедерацию и объявить войну собственному королю. Ну а о таких мелочах, как казнь крестьян, и говорить не приходится»[125]. Именно это и стало истинной причиной многочисленных антироссийских выступлений, которые были замаскированы лозунгами борьбы за независимость страны.

С ноября 1830 г. по октябрь 1831 г. на территории царства Польского, Литвы, Правобережной Украины и Белоруссии произошло антироссийское восстание под лозунгом восстановления «исторической Речи Посполитой» в границах 1772 г. Об этом не принято говорить, но фактически российская армия воевала с польскими вооруженными силами. В марте 1831 г. польская армия имела 57 924 человека пехоты, 18 272 кавалерии и 3000 волонтеров – всего 79 000 человек при 158 орудиях. В сентябре, к концу восстания, армия насчитывала 80 821 человека. Это почти равнялось выставленной против Польши русской армии. Тем не менее качество состава армии сильно уступало русскому: в основном это были недавно призванные и неопытные солдаты, в массе которых растворялись ветераны. Особенно уступала польская армия русской в кавалерии и артиллерии. О кровопролитном и тяжелом характере боев свидетельствует такой факт.

В феврале 1863 г. в результате сражения, состоявшегося возле деревни Грохов, поляки потеряли 12 000 убитыми, а русские – 9400 человек.
С января 1863 г. до конца осени 1864 г. на той же самой территории произошло второе антироссийское восстание. В этот раз русским войскам пришлось сражаться с многочисленными партизанскими отрядами.
Не следует забывать и о террористической деятельности поляков. Так, в мае 1862 г. наместником царства Польского был назначен брат императора Николая I великий князь Константин Павлович. Сразу после прибытия нового правителя в Варшаву на него было совершено покушение. В 1867 г. поляк – фанатик Березовский – совершил покушение на жизнь Александра II в Париже, во время Всемирной выставки.
Понятно, что Сергей Нечаев не заподозрил подвоха, когда к нему обратились «польские» повстанцы. О боевых делах их «товарищей» по оружию он был наслышан. Западноевропейские СМИ подробно освещали борьбу поляков за свою «независимость».
В этой истории есть один любопытный факт. Стемпковский на момент проведения операции был не кадровым сотрудником Третьего отделения, а всего лишь агентом. Более того, до того, как поступить на государеву службу, он участвовал в польском антироссийском движении. Так что играть чужую роль ему не требовалось.
Сергея Нечаева троица представителей Третьего отделения скрутила во время второй встречи в кафе Мюллера, расположенном на одной из улочек Цюриха, и доставила в ближайший полицейский участок, где сотрудники местных правоохранительных органов оформили его арест. Позднее швейцарские полицейские, участвовавшие в процедуре оформления ареста, были тайно награждены представителем Третьего отделения. Каждый из них получил по 100 франков. Дальше лидера «Народной расправы» ждали депортация в Россию, суд и заключение в одиночной камере Петропавловской крепости, где он и умер в 1882 г.[126]
Список тех, кого Третье отделение планировало насильственно вывезти в Россию, не ограничивался только Сергеем Нечаевым. В «доме у Цепного моста» (так иногда называли в XIX в. Третье отделение) мечтали увидеть: Александра Герцена[127], Михаила Бакунина[128], Николая Огарева[129], Ивана Головина[130], Петра Кропоткина[131], Петра Долгорукова[132], Николая Тургенева[133] и Льва Гартмана[134].
Из этого списка в Россию удалось депортировать только одного человека – Михаила Бакунина. Петр Кропоткин и Лев Гартман были осуждены на относительно небольшие сроки тюремного заключения западноевропейскими судами. Все остальные смогли избежать наказания за антиправительственную деятельность.
В 1881 г. швейцарское правительство, по предложению правительства Российской империи, предписало Петру Кропоткину, как опасному революционеру, покинуть пределы страны. Кропоткин переехал во Францию.
В декабре 1882 г. Кропоткин вместе с лионскими анархистами был арестован французской полицией по обвинению в организации взрывов в Лионе. В январе 1883 г. в Лионе состоялся суд; под давлением правительства Российской империи Петр Алексеевич был приговорен к пятилетнему тюремному заключению по обвинению «за принадлежность к Интернационалу», которого к тому времени уже не существовало. В середине января 1886 г., благодаря протестам левых депутатов и целого ряда общественных деятелей, Петр Кропоткин получил свободу.
Михаил Бакунин был выдан германскими властями России по причине активного участия в неоднократных попытках свержения существующего строя. В мае 1849 г. он стал одним из руководителей восстания в Дрездене. После подавления восстания Бакунин бежал в Хемниц, где был арестован. Был приговорен саксонским судом к смертной казни. Он отказался подписать просьбу королю о помиловании, но смертная казнь все же была заменена ему пожизненным заключением. Вскоре, однако, саксонское правительство выдало его Австрии, где он был в 1851 г. вторично судим австрийским судом и осужден на смертную казнь за участие в Пражском восстании, но и на этот раз замененной

пожизненным заключением. В этом же, 1851 г. он был выдан австрийским правительством царскому правительству России. Отбывал заключение в Алексеевском равелине Петропавловской крепости (с 1851 по 1854 г.) и Шлиссельбургской крепости (с 1854 по 1857 г.). В 1857 г. после 7 лет заключения, уступая настойчивым хлопотам семьи Бакунина, Александр II разрешил перевести его на вечное поселение в Сибирь. Оттуда осенью 1861 г. Михаил Бакунин совершил побег и через Японию и Америку добрался до Лондона, где был принят Герценом в состав издателей «Колокола». До самой смерти в июле 1876 г. занимался активной революционной деятельностью.

Со Львом Гартманом произошла другая история. В 1879 г., после участия в покушении на императора Александра II, он сбежал за границу. До августа 1880 г. его розыском занималось Третье отделение (затем оно было распущено, а его функции в сфере политического сыска переданы Департаменту полиции, именно последний и довел до логического конца розыск Льва Гартмана). Беглеца обнаружили в Париже. По требованию русского правительства французская полиция арестовала его 23 января 1880 г. Благодаря поднятой в французской прессе русской революционной эмиграцией и прогрессивной французской интеллигенцией (в том числе Виктором Гюго) кампании протеста был вскоре освобожден. После освобождения Лев Гартман долгие годы являлся заграничным представителем «Народной воли». Был знаком с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом.

Известны подробности операции по похищению Петра Долгорукого. В 1860 г. в Лондоне его планировалось заманить на территорию российского генконсульства и тайно вывезти в Россию. Для этого генконсул Федор Грот по указанию министра иностранных дел Александра Горчакова (последний выполнял просьбу начальника Третьего отделения Василия Долгорукова (двоюродного брата жертвы) написал письмо Петру Долгорукому. В нем он просил эмигранта посетить генконсульство для улаживания каких-то формальностей и дружеской беседы. Адресат отказался принять данное предложение и пригласил дипломата к себе домой – в гости. Понятно, что Федор Грот так и не посетил эмигранта, а в ответном письме сухо и лаконично сообщил о том, что все имущество Петра Долгорукого в России конфисковано, а сам он лишается гражданства[135].

Аналогичным способом пытались захватить и вывезти в Россию Ивана Головина. Его тоже пригласили в консульство, но он там не появился[136].

Разведывательные операции на окраинах империи в XIX веке

В 1837 г. под видом хивинского купца на территорию Афганистана проник поручик Виткевич – с целью выяснения возможной реакции Кабула и Тегерана на планируемый поход российской армии в Хиву.

В середине XIX в. в Кашгарию (территория современного Сидзянь-Уйгурского автономного округа Китая) был направлен Чокан Валиханов. Так как этот район был «закрыт» для иностранцев – «варваров», то ему пришлось проникнуть туда, говоря современным языком, в качестве разведчика-нелегала. Летом 1858 г. под видом купца Алимбая он отправился в смертельно опасное путешествие и прожил в том районе свыше шести месяцев. После своего возвращения он был награжден орденом Св. Владимира[137].

Департамент полиции и политическая разведка

После того как летом 1880 г. Третье отделение было ликвидировано, органы политической разведки были переподчинены Департаменту полиции. В силу множества причин Заграничная агентура Департамента полиции стала основное внимание уделять проживающим за границей российским революционерам, а не сбору информации политического характера.

При этом резидентуры Департамента полиции функционировали во многих странах, начиная от Лондона до Бухареста, также они были в США, Турции, Китае, Персии и

других странах. Это свидетельствует о том, что Департамент полиции пусть даже в минимальной степени, но занимался вопросами политической разведки.
В качестве примера укажем на созданную резидентуру секретным сотрудником Балканской агентуры Департамента полиции Александром Вейсманом. Она охватывала территории Румынии, Болгарии, Сербии, Черногории, болгарские провинции Австро-Венгрии и Османской империи[138]. Хотя отдельные историки называют Вейсмана «редкостным авантюристом и проходимцем»[139]. Другие утверждают, что «нарушения финансовой отчетности, организация фиктивного покушения на жизнь болгарского князя Фердинанда (из карьерных соображений) стоили ему должности»[140].
Другой важный факт. Произошел отказ от привлечения к разведывательной работе (в качестве резидентов) лиц, не имеющих отношения к Департаменту полиции (дипломатов, чиновников, коммерсантов и т.п.)[141].

Охота на «охотника на провокаторов»
Владимир Бурцев в историю революционного движения вошел в качестве «охотника на провокаторов» – активного разоблачителя агентов Департамента полиции. Кто-то называл его «русским Шерлоком Холмсом». А еще он был талантливым публицистом, издателем и редактором, историком российского революционного движения. Хотя все эти качества проявились в нем конце девяностых годов XIX в., а до этого он был обычным революционером-эмигрантом, который в силу своего характера не мог заниматься практической деятельностью, только теорией. Правда, у руководства Департамента полиции было другое мнение. Владимира Бурцева считали особо опасным террористом, который мечтал убить императора Николая II. «Цареубийцу» несколько раз пытались захватить и насильственно вывезти на родину. Дважды по инициативе Санкт-Петербурга суды Парижа и Лондона пытались надолго упрятать его в тюрьму. И это им удавалось. Небольшое лирическое отступление. Если сейчас тюрьмы западноевропейских стран славятся своей повышенной комфортностью, то в начале прошлого века условия содержания в них были суровыми. Например, в британских тюрьмах работать приходилось с раннего утра до позднего вечера, за малейшее неповиновение – суровое наказание, одно письмо в два месяца, свидание – раз в три месяца.
«Особо опасным террористом» и потенциальным цареубийцей Владимир Бурцев стал случайно. На его месте мог оказаться кто-нибудь другой из числа российских революционеров-эмигрантов. Сам он до начала девяностых годов XIX в. не был замечен в приверженности террористическим методам борьбы с царским режимом и поэтому мало интересовал Департамент полиции. Разумеется, за революционером и политэмигрантом Владимиром Бурцевым присматривали секретные сотрудники Заграничной агентуры, но дело ограничивалось исключительно фиксацией его деяний и связей с другими политическими противниками царского режима. И только из-за стечения обстоятельств Владимир Бурцев сначала примкнул к группе революционеров-террористов, которые занимались опытами с изготовлением взрывчатых веществ из различных доступных средств (которые можно было бы приобрести в российских аптеках)[142], затем чудом избежал ареста французской полицией и отправился в нелегальное путешествие по России. Именно тогда Департамент полиции начал охоту на Владимира Бурцева (переписка по этому мероприятию заняла 6 дел в 8 томах[143]), израсходовав на это мероприятие приличную сумму денег, но так и не достигнув желаемого результата – насильственной доставки этого человека на территорию Российской империи с целью ареста и суда. Чтобы понять причины и механизм произошедших событий, мы кратко расскажем несколько эпизодов из истории революционного движения.
В декабре 1886 г. в Санкт-Петербурге Александром Ульяновым (старший брат Владимира Ленина) и Петром Швыревым[144] была создана «Террористическая фракция» партии «Народная воля». Эта организация была независима от других народовольческих групп, поддерживала связи с кружками в Вильнюсе и Харькове, с революционно настроенными

учащимися столичных военно-учебных заведений, вела пропаганду среди рабочих. Большинство ее членов были студентами столичных вузов.
В марте 1887 г. члены «Террористической фракции» подготовили покушение на Александра III, которое правоохранительные органы смогли предотвратить. В апреле того же года участники и организаторы покушения (15 человек) были судимы в Особом присутствии Правительствующего сената. В мае пятеро из них были повешены в Шлиссельбургской крепости, остальным первоначально был также вынесен смертный приговор, но заменен на различные сроки каторги и ссылку в Сибирь.
Оставшиеся на свободе члены «Террористической фракции» перебрались в Цюрих, где образовали революционный кружок, посвятив себя главным образом изучению взрывчатых веществ.
22 февраля 1889 г. руководители кружка Исаак Дембо[145] и Александр Дембовский[146], производя в окрестностях Цюриха опыты с изобретенными первыми бомбами, были ранены упавшим к ногам снарядом. У Дембо были оторваны ноги, Дембовский же, хотя и раненый, добрался до города и послал нескольких товарищей перенести в госпиталь Дембо. Последний прожил еще несколько часов и перед смертью рассказал следователю, что он русский революционер, занимавшийся изготовлением снарядов с целью политических убийств. Происшествие заставило швейцарские власти произвести расследование, в результате которого 19 человек – политэмигрантов из России – были высланы из Швейцарии. Кружок перебрался в Париж, где вновь сорганизовался и принялся опять за старое дело.
Одним из наиболее деятельных членов кружка был Авраам Геккельман (Михаил Ландензен, Аркадий Гартинг) – секретный сотрудник Заграничной агентуры Департамента полиции, пользовавшийся большим доверием своих товарищей. Геккельман прибыл в Париж после цюрихских событий, где он играл какую-то темную роль. В кружке Геккельман познакомился с Бурцевым. Также нужно отметить другой важный факт: именно Геккельман выступил инициатором организации покушения на российского императора во время посещения последним Парижа.
Советские историки справедливо назвали эту идею провокацией, но при этом стыдливо умалчивали тот факт, что группа политэмигрантов не только поддалась на нее, но и начала активно участвовать в процессе изготовления самодельных взрывчатых веществ. Они идею секретного сотрудника Заграничной агентуры восприняли всерьез и были готовы реализовать ее на практике. Кто знает, как бы развивались события, если бы на месте Геккельмана оказался другой человек, не связанный с правоохранительными органами. О серьезности намерений революционеров и их способности изготовить самодельную бомбу свидетельствуют как минимум два несчастных случая. Один описан выше, о другом чуть ниже. Поэтому неудивительно, что в Санкт-Петербурге этих людей воспринимали как особо опасных преступников.
В Париже одновременно существовал и второй кружок, члены которого также занимались экспериментами с взрывчатыми веществами. При одном таком опыте близ местечка Raincy был тяжело ранен революционер А. Л. Теплов[147]. В своих мемуарах Бурцев рассказывает, каким образом сведения о существовании второго кружка дошли до первого:
«Один друг Теплова состоял одновременно членом обоих кружков. Я ясно помню, как одним вечером он пришел к нам чрезвычайно встревоженный и приказал нам немедленно спрятать компрометирующие бумаги. По его встревоженному виду мы поняли, что случилось нечто серьезное, о чем он нам рассказать не мог. Более всех встревожился Ландензен. Он выказал живейший интерес и закидал вновь прибывшего вопросами. Из разговора мы поняли, что в Париже существует второй террористический кружок. Вскоре Ландензен удалился. Впоследствии я понял причину его ухода.
Путем энергичных уговоров и усилий Ландензену удалось соединить оба кружка в один. Опираясь на свое все увеличивающееся влияние, Ландензен теперь принял живейшее

участие во всех работах. Между прочим, он настаивал на новом покушении на царя, чтобы тем самым способствовать освободительному движению в России и дать ему новую силу. 28 мая 1890 г. он распределил несколько бомб между товарищами, и, убедившись, что они достаточно скомпрометированы, он подал сигнал. Утром 29 мая полиция ворвалась в квартиры русских эмигрантов и арестовала 27 человек, но за недостатком обвинения большинство было отпущено, и только 9 человек привлечены к суду. Имена арестованных следующие: Рейнштейн[148] с женою Анной, князь Георгиев-Накашидзе, Львов (под псевдонимом Теплова), Левренус, Степанов, Кашинцев, молодая девушка по имени Бромберг и, наконец, Ландензен-Геккельман. Но этот последний не предстал пред судом. На предварительном следствии, производимом следователем Аталиным, один из обвиняемых, Рейнштейн, заявил, что он и его товарищи пали жертвами гнусного провокатора – Ландензена. Через два дня адвокат одного из обвиняемых, Мильеран, подтвердил заявление Рейнштейна. Лишь 18 июня следователь подписал приказ об аресте Геккельмана, который, таким образом, имел достаточно времени для того, чтобы скрыться».

В изложенной выше истории странным звучит заявление подсудимых о том, что они «пали жертвами гнусного провокатора». Когда они принимали от Геккельмана бомбы, то должны были осознавать, что они делают, и «адские машины» они получили для вполне конкретной цели – участия в покушении на российского императора.

В апреле 1890 г. Владимир Бурцев вместе с Юрием Раппопортом[149] решили совершить нелегальное путешествие в Российскую империю. Первый планировал отправиться в Поволжье, а второй – в Санкт-Петербург. По мнению руководства Департамента полиции, а также отдельных историков, основная цель этой миссии – активизация террористической деятельности в России. Правда, в правоохранительных органах считали, что главная миссия визита – подготовка покушения на императора. Сам Владимир Бурцев не планировал заниматься организацией убийства царя. В силу своего характера он был скорее теоретик, чем практик. Другое дело, что для полиции он был активным участником группы, которая готовила убийство императора в Париже. Поэтому появление Бурцева в России могло быть объяснено лишь одной причиной – он готовил покушение на родине жертвы. Понятно, что главная задача Департамента полиции в такой ситуации – контролировать каждый шаг этих двоих и при первой же возможности арестовать.

Хотя была и другая веская причина, заставившая полицию с нетерпением ждать появление этих двух лиц на территории Российской империи. С помощью них руководство Департамента полиции надеялось обнаружить и задержать находящихся в розыске революционеров. Поэтому всем региональным подразделениям (полиция и жандармы) было приказано арестовывать Бурцева и Раппопорта лишь в крайнем случае. Жизнь внесла свои коррективы.

На пути из Франции в Румынию революционеры обнаружили за собой слежку. Ее осуществляли агенты Заграничной агентуры Департамента полиции. Более того, в какой-то момент им удалось оторваться от преследователей. В течение нескольких дней в Департаменте полиции ничего не знали об их местоположении. Затем их пути разделились. Юрий Раппопорт все же решил ехать в Россию, а его спутник – остаться в Европе. В тот день, когда он отдал свой фальшивый паспорт в российское консульство для оформления визы, все европейские газеты сообщили об аресте в Париже группы террористов – эмигрантов из России. Владимир Бурцев решил сначала выяснить причины провала, а только затем продолжить свой путь в Поволжье.

Владимир Раппопорт был задержан, как только ступил на российскую землю. Согласно официальной версии, у жандармского подполковника не выдержали нервы, и он решил не рисковать и сразу задержать объявленного в розыск революционера.

В Департаменте полиции начали срочно готовить операцию по захвату и доставке в Россию Владимира Бурцева, т.к. он сам передумал посещать родину и на несколько

месяцев поселился в Болгарии. В то время взаимоотношения между Софией и Санкт-Петербургом были напряженными, поэтому проводить операцию по его насильственному захвату на болгарской территории в Департаменте полиции не решились. Вот если бы заманить жертву на территорию Турции и там ее арестовать. Местное правительство не возражало против этого.

Для этого Владимиру Бурцеву была послана телеграмма из Константинополя от имени его приятеля Н. Волянского («Белова»), где последний приглашал его в Турцию. Может быть, этот план сработал бы, если бы не одно досадное обстоятельство. В тот же день жертва получила вторую телеграмму от самого «Белова», но отправленную из Рущука (старое название болгарского города Руса). Владимир Бурцев сообразил, что в Турции ему лучше не появляться. В сентябре 1890 г. он перебрался в Румынию, где от местных социалистов узнал, что Департамент полиции объявил на него охоту.

В ноябре 1890 г. Владимир Бурцев на грузовом пароходе «Ашланд» (плыл под британским флагом из Галаца в Лондон) отправился в Великобританию. В Департаменте полиции рассчитывали арестовать его в тот момент, когда он во время стоянки корабля в Константинополе сойдет на берег, чтобы забрать оставленные в Турции вещи. Заведующий Балканской агентурой Департамента полиции подполковник Отдельного корпуса жандармов Александр Будзилович получил разрешение на проведение «силовой» акции у султана, а глава Тайной полиции Ахмет Джелаладин-паша выделил своих сотрудников.

Владимир Бурцев предпочел остаться на борту корабля, прислав записку с просьбой доставить все его вещи на пароход. Будзилович предложил 5 тысяч франков капитану за то, что тот позволит арестовать пассажира, но британец отказался. Тогда полковник нанял некого грека, который согласился за 1000 франков проникнуть на судно, схватить жертву и вместе с ней прыгнуть за борт в воды Босфора. Там их должна была подобрать одна из четырех дежуривших около «Ашланда» лодок. Против этого плана выступил министр полиции Назим-бей, который боялся, что грек может утонуть. Именно так сообщил своему начальству о причинах отмены операции полковник. Владимиру Бурцеву удалось благополучно добраться до берегов туманного Альбиона, но это не дало ему полной безопасности и покоя. Департамент полиции сделал все, чтобы упрятать жертву за решетку, сначала на территории России, а когда это не получилось – в одной из западноевропейских стран.

В марте – апреле 1893 г. некая Шарлотта Бюлье пыталась заманить Владимира Бурцева на территорию Австрии. Российское правительство договорилось с австрийскими и прусскими коллегами о выдаче эмигранта. В силу ряда причин жертва проигнорировала предложение подруги и в Австрию не поехала.

Летом того же года дама попыталась заманить его на борт паровой яхты и в открытом море передать на борт российского судна. Операция сорвалась из-за того, что в окрестностях Марселя в тот момент не было подходящего корабля, а посылать специально пароход из России руководство Департамента полиции отказалось.

Услуги Шарлотты Бюлье обошлись российской казне в 4100 франков (не считая 300 франков, которые она получала каждый месяц за освещение деятельности российских политэмигрантов).

В 1897 г. за издание трех номеров журнала «Народоволец» Владимир Бурцев был приговорен лондонским судом присяжных к 18 месяцам каторги. Инициатором судебного процесса выступила Россия. В Санкт-Петербурге торжествовали. Потенциального «цареубийцу» удалось наказать.

В ноябре 1903 г. Владимир Бурцев был арестован в Швейцарии. Через месяц его выслали из страны.

В Россию «цареубийца» все же приехал, причем по собственной воле, в октябре 1905 г., когда были объявлены политические свободы[150].

Разведчики из МВД

В 1900 г. директор Департамента духовных иностранных исповеданий МВД Российской империи командировал в Рим своего сотрудника Ивана Манасевича-Мануйлова. Перед ним стояло две задачи: следить за жившими в эмиграции российскими революционерами и заниматься политическим шпионажем в Ватикане. Он занимал должность посланника и вел жизнь богатого аристократа и талантливого журналиста.

С первым заданием он справился блестяще. Представители католической церкви, которые считаются мастерами «тайной войны», не смогли распознать в нем российского разведчика.

А вот второе задание – следить за эмигрантами – Иван Манасевич-Мануйлов «провалил». Уже осенью 1901 г. русские и польские социал-демократы начали кампанию по разоблачению в западноевропейских СМИ «дипломатического агента при римской курии, шпиона и начальника заграничной полицейской агентуры». Хотя необходимого результата она достигла.

Осенью 1902 г. он был вынужден спешно покинуть Италию по другой причине. В качестве помощников у него служили двое российских подданных – отставной поручик Казимир Дроецкий и его юная двоюродная сестра Зося. Отставной военный был влюблен в свою родственницу, она ему тоже отвечала взаимностью. Однажды поручик узнал, что возлюбленная регулярно изменяет ему с их шефом. В порыве ревности он застрелил девушку, а затем сдался полиции. Из-за этого бытового происшествия Иван Манасевич-Мануйлов уехал из Италии[151].

В Российской империи он находился недолго. Началась Русско-японская война, и чиновник из МВД снова отправился в Западную Европу. О том, чем он там занимался, можно узнать из сообщения начальника Особого отдела директору Департамента полиции, которое датировано 3 августа 1903 г.:

«Во исполнение приказания вашего превосходительства имею честь доложить, что вскоре по открытии военных действий на Дальнем Востоке департамент полиции, при посредстве чиновника особых поручений при министре внутренних дел Мануйлова, стал пытаться организовать правильное наблюдение за представителями японского правительства в западноевропейских государствах, и уже в феврале месяце, благодаря полному содействию начальника Французской секретной полиции Кавара и начальника Разведочного бюро при Министерстве внутренних дел Моро, удалось получать копии всех телеграмм японской миссии в Париже, а также, ввиду существующей во Французском бюро секретной агентуры в японской миссии, г-н Мануйлов регулярно стал получать значительное количество документов из Парижской миссии. Затем, по предложению французской полиции, г-н Мануйлов расширил свою деятельность и установил правильное наблюдение при посредстве домашней прислуги в японских миссиях в Лондоне и Гааге, и кроме того, в настоящее время происходят переговоры об учреждении нашей секретной агентуры в японских миссиях в Стокгольме и Вене»[152].

В Справке Департамента полиции от 2 декабря 1904 г. сообщаются новые подробности его деятельности:

«С началом военных действий против нашего отечества Мануйловым была учреждена непосредственно внутренняя агентура при японских миссиях в Гааге, Лондоне и Париже с отпуском на сие 15 820 руб.; благодаря сему представилось возможным, наблюдая за корреспонденцией миссий, получать должное освещение настроений и намерений нашего врага; кроме того, Мануйлову удалось получить часть японского дипломатического шифра и осведомляться таким образом о содержании всех дипломатических сношений. Этим путем были получены указания на замыслы Японии причинить повреждения судам Второй эскадры по пути следования на Восток. По возвращении в столицу Мануйлов от департамента полиции организовал специальное отделение разведки по международному шпионству и по наблюдению за прибывавшими в столицу представителями некоторых держав, сочувствующих Японии. Энергичная деятельность Мануйлова дала вскоре

осведомленность в отношении английского, китайского и шведского представителей, причем Мануйлов даже сумел проникнуть в тайну их дипломатических сношений, а равно организовать агентуру при турецком посольстве.
В октябре 1904 г., ввиду полученных указаний, что Вена, Стокгольм и Антверпен являются центрами военно-разведывательной организации, департаментом было приказано учредить через посредство Мануйлова в этих городах наблюдение, на что Мануйлову и было отпущено первоначально 770 франков, а затем 800 франков и, наконец, ежемесячно по 5500 франков»[153].
Вот пример одного из сообщений Ивана Мануйлова, которое он отправил из Парижа 26 июня 1904 г. директору Департамента полиции:
«Согласно приказанию вашего превосходительства я сообщил в Париж по вопросу об учреждении секретной агентуры в японской миссии и Лондоне, с платой агенту по 500 франков в месяц.
Сегодня мною получено от помощника начальника Французского разведочного бюро письмо, в котором мне сообщают, что наши условия агентом приняты, а также, что на сих днях мы получим непосредственные указания из японской миссии в Лондоне.
Докладывая о вышеизложенном, позволяю себе просить ваше превосходительство сделать распоряжение о ежемесячном отпуске 500 франков»[154].
Отдельно следует отметить его вклад в добычу японских шифров. В делах Департамента полиции, которые хранятся в Государственном архиве РФ (ГАРФ), содержится не менее 350 японских телеграмм за 1904–1905 гг. 70% из них – переписка японского посольства во Франции с Токио, остальные представляют собой корреспонденцию японских миссий в других западноевропейских странах. Кроме того, здесь широко представлена телеграфная переписка военных и морских атташе Японии в Западной Европе с Генеральным и Морским штабами[155]. Нужно учесть, что в начале прошлого века их было значительно больше. Часть из них была уничтожена во время революции 1917 г. Другой важный факт – Токио уделяло повышенное внимание защите своих секретов, во время Русско-японской войны Япония отказалась от использования международных линий связи, которые проходили через территорию Российской империи, из-за боязни перехвата противником передаваемых сообщений. А все телеграммы, даже отправляемые из стран-союзниц (Великобритания и Германия), шифровались.
В Париже тексты японских телеграмм добывали агенты Мануйлова, которые работали на международном телеграфе или были сотрудниками французской полиции, действовавшие в частном порядке. В архиве французской полиции не сохранилось текстов добытых телеграмм. Иначе обстояло дело с материалами японской миссии в Гааге. Агент Мануйлова работал непосредственно в стенах посольства и доставлял своему шефу черновики подлинных документов. Этот же агент передал Мануйлову и ключ к расшифровке корреспонденции. Наконец, часть расшифрованных японских телеграмм попадала в руки Мануйлова из французского МИДа, который также занимался дешифровкой японской корреспонденции. Облегчало задачу Мануйлова и то обстоятельство, что японское дипломатическое ведомство свою секретную переписку вело не на японском, а на английском языке, используя кодовые книги, полученные в Великобритании.
Справедливости ради отметим, что в 1904 г. российский военный атташе в Шанхае сумел договориться с чиновником Северной компании, которая занималась организацией международной телеграфной связи между Китаем и Японией, о получении копий телеграмм. Чиновника, правда, быстро разоблачили, и с большим трудом удалось избежать международного скандала[156].
В 1910 г. Иван Мануйлов в письме в МВД сообщил другие подробности своей деятельности во время Русско-японской войны:
«Проживая в Париже, я имел возможность получать сведения о шпионских происках в России, и когда я вернулся в Петербург, я доложил директору Департамента полиции о

необходимости организации для борьбы с международным шпионажем, направленным против русского правительства. Мой проект был одобрен в то время министром внутренних дел, и мне было поручено организовать особое отделение при департаменте. Основная задача отделения, кроме наблюдения, чисто полицейского, за шпионами, сводилась к получению агентурным путем шифров иностранных государств. В самое короткое время мною были получены дипломатические шифры следующих государств: Америки, Китая, Болгарии, Румынии. Благодаря этим шифрам вся отправляемые и получаемые телеграммы разбирались в Департаменте полиции и представлялись Его Императорскому Величеству.
Во время войны мне было приказано достать шифр японского государства. Я был искренне счастлив, что мне удалось в такой трудный момент выполнить столь важное поручение. Затем я нашел возможность получить германские шифры, но не воспользовался ею по преступной небрежности покойного директора Департамента полиции Ковалевского. Мои доклады подтверждают, что я имел сведения, которые не были использованы департаментом. Эта страница деятельности департамента достойна внимания. Она могла стоить очень дорого…»[157]

Действительно, в конце августа 1904 г. Мануйлов представил в департамент добытый «агентурным путем» шифр американского посольства, а в начале сентября – китайский, шведский и часть японского дипломатического шифра. В октябре 1904 г. в дополнение к нему были получены еще 4 китайских шифра, а также фотокопия книги посольских донесений. В результате появилась возможность контролировать всю переписку китайской миссии. Если же учесть, что через Петербург шли депеши МИД Китая к его представителям в странах Западной Европы, можно утверждать, что перехватывалась и большая часть корреспонденции китайского внешнеполитического ведомства[158].

Приложение 5
Рассказ высокопоставленного перебежчика об организации разведки середины XVII века

Сочинение Г.К. Котошихина является одним из ценнейших источников о состоянии Московского государства в середине XVII в. Его автор, Григорий Карпович Котошихин, был подьячим Посольского приказа. В 1664 г. он бежал из России в Польшу. Перебежчик объяснял свой поступок тем, что невольно оказался вовлеченным в боярские распри и попал в очень сложную ситуацию. Проведя некоторое время в Польше, он давал консультации по вопросам обороноспособности России, а затем перебрался в Пруссию и далее в Любек и в Швецию. В 1666–1667 гг. он жил в Стокгольме под именем Ивана Александра Селицкого, где «при ободрении» государственного канцлера графа Магнуса Делагарди и составил свое описание быта, нравов и политического устройства России. В 1667 г. Котошихин был обвинен в убийстве своего домохозяина и казнен.

Из сочинений Григория Котошихина
«О России в царствование Алексея Михайловича»

Глава 4
О Московских послех и посланникех и гонцех, кто каков чином и честию посылаются выные государства, и о послех же на посолские сьезды

(…)
21. А пишетца послом и посланником и гонцом, в наказех, кроми новых дел, о чем лучится говорити и что делати, таким обычаем: 1. Как они будут которого великого государя в стороне, и они б посылали к генералом губернатором и к воеводам из дворян

своих посолских человека разумного, а с ним переводчика; о своем отпуске х кому они будут посланы от царя, и о приставе, и о корму и о питье, и о подводах и о провожатых, чтоб их отпущено было без задержанья. 2. А будучи другово великого государя в стороне, ехали б тихо и смирно, и задору б они послы и посолские их дворяне и люди с чюжеземскими людми ни о чем не чинили никакого, и домов не разоряли и не грабили, и сами б насилством своим не имали ничего ни у кого, чтобы на них послов в проезде их не было жалобы ни от кого, такъже б царскому имени не учинили к бесчестью. 3. А как они послы приедут к которому государю, в котором он городе живет, или где в отъезде, и их тот государь велит приняти и поставити на дворе, и они б послы на другой или на третей день приказывали к тому государю с приставом своим, которого к ним уставят, что присланы они от государя своего к тому государю для великих дел и для дружбы и любви, чтоб тот государь велел быти им у себя на дворе на приезде и посолства их выслушал.
4. А как тот государь которого дни велит им послом быти у себя на дворе, и им послом велено с приставом говорить и посылать, чтоб он того государя думным людем объявил, которого дни будут они у государя их на дворе и посолство свое учнут править, чтоб иных государств послов и посланников и гонцов при том не было. И как тот пристав пришед от думных людей скажет им послом, что того дни которого будут они у государя их, иных послов и посланников и гонцов не будет никого, и им послом велено ехать по чину: наперед бы их послов несли к тому государю от царя дары, да перед ними ж послами ехали посолские дворяне, а грамоту б царскую вез подьячей; а приехав на двор шли б в полаты к тому государю, сняв с себя сабли; а людей бы своих, окром дворян, с собою в полаты не имали. 5. А как они послы уведают, что у того государя тогодни, которого им быти у него, будут иных государств послы, или посланники: и им послом велено с приставом же приказывать говорить, что им при чюжеземских послех и посланникех быти у того государя и посолства своего правити не уметь, и в посолство к тому государю за чюжеземскими послами з двора ездить не велено. А будет они послы, приехав к тому государю на двор, сведают, что тутъже с ними вместе будут иные послы на посолстве: и им потомуж велено отговаривать, и в посолство при них не ходить. 6. А приехав к тому государю, велено к нему в полаты итти по чину: наперед нести дары, да шли б дворяне и грамоту несли, а сами послы позади. А вшед в полату и став пред тем государем, по посолскому обычаю, и держа грамоту, первому послу говорити речь такову: «Бога в Троице славимаго милостию великий государь царь»; потом имянованье его царское и титла болшие, а по титлах имянованье ж и титлы того государя, к которому бывают они присланы, а по титлах: «к вашему королевскому величеству [Цесарская: «к вашему Цесарскому величеству». Персидцкому: «к вашему Шах Аббасову величеству». Х Крымскому: «к вашему Махметь Гирееву цареву величеству» или какое имя его будет. Х курфистром, и х князем, и к иным: «к вашей курфистрской, или княжой честности»] прислал нас своих царского величества великих и полномочных послов, с своею царскою грамотою, и велел поклонитися, и свое царского величества здоровье сказати, а ваше королевского величества здоровье видети». А кланятися им послом велено, по обычаю, в пояс. И потом как спросит тот государь послов про царское здоровье, и посла б другой товарыщ говорил: «как они поехали от великого государя царя», имянованье царское и титла короткая, а по титле «и великий государь наш, его царское величество, на своих преславных и великих государствах Росийского царствия, дал Бог в добром здоровье». А как тое речь переводчик скажет, и третьему человеку послу велено говорити речь такову: «Божиею милостию великий государь царь», имянованье ж его царское и титла короткие, а потом другого государя имянованье и титла короткие, а по титлах «к вашему королевскому величеству прислал свою царского величества любителную грамоту». А как тое речь переводчик скажет, велено поднеси грамоту; и потом им же послом четвертому товарыщу велено говорити речь такову, а четвертого не бывает, и тое речь говорити первому послу: «великий государь царь», имянованье и титла короткие ж, «к вам», титла того государя; по титлах: «прислал свои царского величества любителные поминки».

И потом велено им послом дары подносити тому государю, самим, порознь; а будет у них послов свои дары будут, и им потомуж велено подносити с учтивостию; и тот государь как примет у них дары и велит быти к себе послом к руке, и им велено к руке итти вежливо и учтиво; а кланятися тому государю велено потомуж, по обычаю, в пояс. А как тот государь посолства их выслушав отпустит к себе на подворье, и пришлет к ним с столом с ествою и с питьем: и кто будет прислан с столом, велено говорити с ним речи вежливые, разумным поступком. А как придет до того что за государские здоровья пити чаши, и послом велено пить наперед про царское здоровье, потом другово государя; а будет у них о том учинится спор, и им велено отговарить и упрашивать, чтоб пить наперед про царское здоровье. А будет тот государь велит им послом быти у себя на обеде, и им потомуж велено ехать, и бывши у него за столом чтоб сидели вежливо, и не упивалися, и речи разговорные говорили остерегаяся с вымышлением; такъже и посолским своим дворяном от себя приказывали, чтоб они не упивались, и сидели вежливо ж и тихо, и слов никаких меж себя и ни с кем не говорили. А как им послом велят быти у думных людей в ответе, и им потомуж велено ездить в ответ учтиво, и в ответе з думными людми о делех говорить по наказу, разумно и вежливо, чтоб царскому имяни от того было к чести и к повышению.

А как им послом будет отпуск, и они б на отпуск ехали ж и оговаривались, чтоб и при отпуске их иных государств послов и посланников и гонцов не было; и будучи на отпуске потомуж чин свой исправили, вежливо и смирно, как и на приезде, во всем против посолского обычая. А как их отпустят домовь, и они б государством того государя, или другово которого, ехали назад потомуж тихо и смирно, как и туды едут сперва; и даров бы, едучи туды, и будучи там, и назад едучи, от всяких дел кому доведется дати, давали б не жалея, чтоб от того царскому имени было к чести и к повышению, а им послом к проезду и отъезду их без задержания. А чем их послов которой государь на отпуске подарит, и те дары показывают приехав царю; и что ис тех даров понадобится царю, и то у них емлет, а за то из своей царской казны дает денгами, по оценке, что чего стоит.

Таким же обычаем как посылаются во окрестные государства посланники, и им в наказех пишут и делать велят против того же, во всем что и послом.

Такъже и гонцом бывает указ против того же. кроме речи, что говорят послы и посланники, как подносят дары; а сверх того не бывает на них положено, чтоб от них каких дел выслушать и быть в ответех, или писмами какими крепится, и кроме того что грамоту отдать ничего делати не указано.

22. А которые послы бывают на посолских сьездех о постановлении покою християнского, и им с чюжеземскими послами велено ссылатца листами, в которых местех сьехатися ближе и податнее, и о посолском их съезде велено бывает договариватца по полным их посолским мочам, через дворян, и через их дворянские записи, и крестное целование и веру, чтоб им послом друг з другом сьехатися и розъехатся волно было, хотя и доброго ничего не учинится, и друг на друга зла никакого не мыслити, и не подъискивати и мыслити не велеть никому. А как они по таким дворянским записям съедутся, и им велено шатры царской с королевским поставити поровну, полами вместе, или избы зделав, а меж ними сени опчие; и в тех обчих полах, или сенях, послом с послами сходитися, и сшедся наперед бы говорили речи они Руские послы, а потом розменялись верющими грамотами, а сверх того и о делех бы говорили, о чем им наказано. А как посолство учнет приходить к доброму делу, и им по зговору записи велят писать, по указу, и учиня б меж себя веру и крестное целованье, розъехався з другими послы, ехали к Москве не мешкая.

23. А прямого истинного наказу, и указу, на посолские сьезды послом своим ведати не дадут, до тех мест, как они сьедутся з другими послами, и что с ними на сьезде чюжеземские послы поговорят. И будет в чом упорно стоят, и они о том пишут к Москве, что чюжеземские послы стоят упорно и гораздо спесивы и неподатны, что им бес прямого

подлинного указу делать не по чему; и к ним посылают наказ тайной, в то время как отпишут.
24. А будучи послы и посланники в посолстве своем, о делех говорят в ответех с ответными людми, и на сьездех с послы, по наказом, каковы им бывают даны ис Посолского Приказу и от Тайных Дел; и те их речи записывают подьячие. И кто что в посолстве своем говорил какие речи, сверх наказу, или которые речи не исполнят против наказу: и те все речи, которые говорены и которые не говорены, пишут они в статейных своих списках не против того, как говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разум на обманство, чрез чтоб достать у царя себе честь и жалованье болшое; и не срамляются того творити, понеже царю о том кто на них может о таком деле объявить?
Вопрос. Для чего так творят?
Ответ. Для того: Росийского государства люди породою своею спесивы и необычайные ко всякому делу, понеже в государстве своем научения никакого доброго не имеют и не приемлют, кроме спесивства и безстыдства и ненависти и неправды; и ненаучением своим говорят многие речи к противности, или скоростию своею к подвижности, а потом в тех своих словах времянем запрутся и превращают на иные мысли; а что они каких слов говоря запираются, и тое вину возлагают на переводчиков, будто изменою толмачат; а как бы они те все свои слова велели записывать и при них стояли, и таким бы указ был учинен за их службу, как о том ниже сего писано. Благоразумный читателю! чтучи сего писания не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая в-ыные государства детей своих не посылают, страшась того: узнав тамошних государств веры и обычаи, и волность благую, начали б свою веру отменить, и приставать к иным, и о возвращении к домом своим и к сродичам никакого бы попечения не имели и не мыслили. И о поезде Московских людей, кроме тех, которые посылаются по указу царскому и для торговли с проезжими, ни для каких дел ехати никому не поволено. А хотя торговые люди ездят для торговли в-ыные государства, и по них по знатных нарочитых людех собирают поручные записи, за крепкими поруками, что им с товарами своими и з животами в-ыных государствах не остатися, а возвратитися назад совсем. А которой бы человек, князь или боярин, или кто нибудь, сам, или сына, или брата своего, послал для какого нибудь дела в-ыное государство без ведомости, не бив челом государю, и такому б человеку за такое дело поставлено было в-ызмену, и вотчины и поместья и животы взяты б были на царя; и ежели б кто сам поехал, а после его осталися сродственники, и их бы пытали, не ведали ль они мысли сродственника своего; или б кто послал сына, или брата, или племянника, и его потомуж пытали б, для чего он послал в-ыное государство, не напроваживаючи ль каких воинских людей на Московское государство, хотя государством завладети, или для какого иного воровского умышления по чьему научению, и пытав того таким же обычаем, как написано об указе выше сего, кто пойдет через царской двор с ружьем.
(…)
27. А как послы, или полковые воеводы, приедут к Москве, и царь велит им быть к себе, или как встречает образы, и они бывают у руки, и подносят посолств своих грамоты и записи и статейные списки, как что делалось; и царь слушав их посолского дела, будет служба их будет в выслугу, жалует за выслугу честью, как о том выше написано. Да им же послом и полковым воеводам, бояром, околничим, думным людем, столником, дворяном и дьяком, даются шубы собольи, покрыты золотным бархатом или отласом, рублев в 200 и в 300 и в 400 и в 500 шуба, смотря по службе и по чести человека.
Да им же даются вотчины, или на вотчины денги, тысечь по десяти и по семи и по шти и по пяти и по 3 и по две, ефимков Любских, смотря по службе ж и по чести человека; да к годовому денежному жалованью и к поместному окладу придача.
А столником же, и стряпчим, и дворяном, и жилцом, и переводчиком, и подьячим, и толмачем, которые бывают посыланы с послами, а не сами собою, за службы дается жалованье: сукна, камки, тафты, смотря по человеку, да к годовому денежному жалованью и поместному окладу придача. Таким же обычаем посланником и гонцом,

которые бывают во окрестных государствех, и им за службу их потомуж бывает честь, и к годовому жалованью и к поместному окладу придача.
28. А иным послом и посланником и гонцом, или и полковым воеводам, за их службы о жалованье бывает указ: на площади перед Посолским Приказом бьют кнутьем, а иных казнят смертию, а у иных отымается честь, и поместья и вотчины, и ссылают в ссылку в Сибирь на вечное житье, з женою и з детми, в дети боярские, или в казаки, или в какую службу годятся. А кому за какие вины бояром, и околничим, и думным и ближним людем, и столником, и иным чином, о наказании бывает указ: и о тех людех жены их, и дети, и сродичи, бьют челом царице, или царевичам и царевнам – и они по их челобитью о прощении упрашивают царя, и царь, по их прошению, тех людей в винах их прощает и наказания им не бывает; такъже и ис тюрем и из ссылок свобождают, и поместья их и вотчины отдаются им назад, а чести дослуживаются вновь.

Глава 7
О приказех

1. Приказ Тайных Дел; а в нем сидит диак, да подьячих с 10 человек, и ведают они и делают дела всякие царские, тайные и явные; и в тот Приказ бояре и думные люди не входят и дел не ведают, кроме самого царя. А посылаются того Приказу подьячие с послами в государства, и на посолские съезды, и в войну с воеводами, для того что послы, в своих посолствах много чинят не к чести своему государю, в проезде и в розговорных речах, как о том писано выше сего в посолской статье, а воеводы в полкех много неправды чинят над ратными людми, и те подьячие над послы и над воеводами подсмтривают и царю приехав сказывают: и которые послы, или воеводы, ведая в делах неисправление свое и страшась царского гневу, и они тех подьячих дарят и почитают выше их меры, чтоб они будучи при царе их послов выславляли, а худым не поносили. А устроен тот Приказ при нынешнем царе, для того чтоб его царская мысль и дела исполнилися все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали.
Да в том же Приказе ведомы гранатного дела мастеры, и всякое гранатное дело и заводы; а на строение того гранатного дела и на заводы денги, на покупку и на жалованье мастеровым людем, емлют из розных Приказов, откуды царь велит. Да в том же Приказе ведомо царская летняя потеха, птицы, кречеты, соколы, ястребы, челики и иные; а бывает теми птицами потеха на лебеди, на гуси, на утки, на жеравли, и на иные птицы, и на зайцы, и учинен для тое потехи под Москвою потешной двор; да для тое ж потехи и для учения учинены соколники со 100 человек, и на том дворе летом и зимою бывают у птиц беспрестанно, днюют и начюют, по переменам, человек по 20, а честию те соколники против жилцов и стремянных конюхов, люди пожалованные денежным жалованьем и платьем, погодно, и поместьями и вотчинами, и будучи у тех птиц пьют и едят царское; а будет у царя всяких потешных птиц болши 3000, и корм, мясо говяжье и боранье, идет тем птицам с царского двора; да для ловли и для учения тех же птиц, на Москве и в городех и в Сибири, учинены кречетники и помощники, болши 100 человек, люди пожалованные ж; а ловят тех птиц, под Москвою и в городех и в Сибири, над озерами и над болшими реками на берегах по пескам, голубми и сетми, и наловя тех птиц привозят к Москве болши 200 на год; и посылаются те птицы в Персию с послы и куды лучится, и Перситцкой шах те птицы от царя принимает за великие подарки, и ставит ценою те птицы рублев по 100 и по 200 и по 500 и по 1000 и болши, смотря по птице; да на корм тем птицам и для ловли емлют они кречетники и помощники голуби, во всем Московском государстве, у кого б ни были, и имав привозят к Москве ж, а на Москве тем голубям устроен двор же, и будет тех голубей болши 100 000 гнезд, а корм ржаные и пщеничные высевки идут з Житенного двора.
2. Посолской Приказ; а в нем сидит думной дьяк, да два дьяка, подьячих 14 человек. А ведомы в том Приказе дела всех окрестных государств, и послов чюжеземских

принимают и отпуск им бывает; такъже и Руских послов и посланников и гонцов посылают в которое государство прилучится, отпуск им бывает ис того ж Приказу; да для переводу и толмачества переводчиков Латинского, Свейского, Немецкого, Греческого, Полского, Татарского, и иных языков, с 50 человек, толмачей с 70 человек. А бывает тем переводчиком на Москве работа по вся дни, когда прилучатца из окрестных государств всякие дела; такъже старые писма и книги для испытания велят им переводити, кто каков к переводу добр, и по тому и жалованье им даетца; а переводят сидячи в Приказе, а на дворы им самых великих дел переводити не дают, потому что опасаются всякие порухи от пожарного времяни и иные причины.

А дается им царское жалованье годовое: переводчиком рублев по 100 и по 80 и по 60 и по 50, смотря по человеку, толмачем рублев по 40 и по 30 и по 20 и по 15 и менши, смотря по человеку; да поденного корму переводчиком по полтине и по 15 алтын и по четыре гривны и по 10 алтын и по 2 гривны на день, смотря по человеку, толмачем по 2 гривны и по 5 алтын и по 4 и по 3 и по 2 алтына, и по 10 денег на день человеку, смотря по человеку ж, помесечно, ис Приказу Болшого Приходу. Да они ж толмачи днюют и начюют в Приказе, человек по 10 в сутки, и за делами ходят, и в посылки посылаются во всякие; да они ж, как на Москве бывают окрестных государств послы, бывают приставлены для толмачества и кормового и питейного збору.

Да в том же Приказе ведомы Московские и приезжие иноземцы всех государств торговые и всяких чинов люди: и судят торговых иноземцов, и росправу им чинят с Рускими людми, в одном в том Приказе.

Да в том же Приказе ведомы 5 городов, и для приказного строения, и на всякие покупки на росход, и на жалованье подьячим и сторожем, собирают денги с тех городов, которые в том Приказе ведомы, с кабаков и с таможенных доходов, погодно; а соберетца тех денег в год болши полу–3000 рублев. Да в тот же Приказ со всего Московского государства, з царских дворцовых и черных волостей, и с помещиковых и вотчинниковых крестьян и бобылей, собираются денги пленным на окуп, которые бывают в Крыму и в Турецкой земле, погодно, по указу, а указная статья збору написана подлинно в Уложенной Книге; и соберется тех полоненичных денег с полтораста тысечь рублев в год, и окроме выкупу, тех денег не дают ни в какие росходы.

Да в том же Приказе ведомы печати: болшая государственная, которою печатают грамоты, что посылают во окрестные государства, другая что печатают грамоты жаловалные на вотчины всяких чинов людем; тою ж печатью печатают грамоты х Крымскому хану и х Калмыкам, как о том писано выше сего.

Да в том же Приказе ведомы Донские казаки, Татаровя крещеные и некрещеные, которые в прошлых годех взяты в полон ис Казанского и Астараханского и Сибирского и Касимовского царств, и даны им вотчины и поместья в Подмосковных ближних городех; Греческие власти и Греченя, как приезжают для милостини и для торговли, ведомы в том же Приказе.

3. Розрядной Приказ; и в том Приказе сидят околничей, да думной дьяк, да два дьяка. А ведомы в том Приказе всякие воинские дела, и городы строением и крепостми и починкою и ружьем и служивыми людми; такъже ведомы бояре, околничие, и думные и ближние люди, и столники, и стряпчие, и дворяне Московские, и дьяки, и жилцы, и дворяне городовые, и дети боярские, и казаки и салдаты, всякою службою; и кого куды лучится послати на службы, в войну и в воеводства в городы и во всякие посылки, и за службы о жалованье и о чести и о прибавке денежного жалованья указ в том же Приказе, такъже и о сыску чести и о бесчестии и о наказании, как о том писано выше сего; а кого царь куды посылает на службы и что кому за службы бывает чести и жалованья и бесчестия, и то записывают в книги. А доходов в тот Приказ, с неболших городов и с судных дел пошлин, соберется в год мало болши 1000 рублев.

Приложение 6
Пример разведывательного задания, который получали российские дипломаты во второй половине XVIII века

Инструкция
из государственной коллегии иностранных дел отправляющемуся в Крым консулом премьер-майору Никифорову

Из давних лет здешний императорский двор прилагал прилежное старание при Порте оттоманской и при ханах крымских о содержании в Крыму при лице ханском одной под именем консула уполномоченной персорны как для подлиннаго и надежнаго разведывания о тамошних обращениях, так и ради других полезных политических намерений, не меньше же и для того, дабы посредством такой уполномоченной с здешней стороны и при хане обретающейся персоны пограничныя спорныя дела и обыкновенно случающиеся тамо безпорядки сокращены, а тишина и спокойствие толь наилучше сохранено и утверждено, здешние ж подданные за торгами и промыслами в ханских владениях находящиеся от обид и утеснения защищены, а российская комерция вообще в пользу здешняго государства и подданных по возможности была обращена, и вследствие таких здешняго имп. двора долговременных стараний и домогательств, наконец, ныне владеющий хан крымский за обещанное ему и фаворитам его, известному доктору Мустафе и переводчику Якубе Аге, денежное награждение и подарки оказал действительно к учреждению в Крыму консула свою склонность и о надобности такого учреждения представил и Порте, которая в угодность ему или и собою подала |йа на согласие, и здешнему резиденту Обрескову учинила о том формальное уже объявление; почему дабы время втуне не уронить и оказуемою ныне хана крымскаго и Порты оттоманской склонностью отныне и поелик; возможно вскоре пользоваться, за потребно и нужно разсуждено одну достойную и способную персону к исправлению консульской должности к хану крымскому немедленно отправить, а к сему вы достаточным признаны.
Дабы сим делом толь наилучше ускорить, отправлен ныне по указу коллегии иностранных дел от киевскаго ген.-губернатора Глебова к хану крымскому с письменным и формальным об учреждении в Крыму российскаго консула требованием поручик Бастевик, который по сему делу в обсылках и переговорах между ханом и ген.-губернатором Глебовым неоднократно употреблен был; сего требования и сам он, хан крымский, иметь желал повидимому для того, дабы оному учреждению порядочное основание положить. Означенному ж поручику Бастевику велено хана уведомить, что отсюда один достойный человек в консульском чине и звании с потребными подарками к его светлости неукоснительно отправится; також хана предупредить и о том, что определяемому отсюда консулу поручено будет с его светлостью согласиться и постановить за взаимными от Порты оттоманской и от здешняго императ. двора ратификациями письменный акт, на каком основании и при каких преимуществах тому консулу здешнему при его светлости пребывать и содержану быть, а в чем именно оный акт главнейше состоять имеет, о том Бастевику приказано хана чрез упомянутых же фаворитов словесно предуведомить и тем его к снисхождению на сие заблаговременно приуготовить, как усмотрите из приложенной при сем сокращенной выписки обо всем происхождении сего дела.
Для будущаго о том акте с ханом крымским соглашения и действительнаго заключения онаго, прилагается при сем сокращенной выписки обо всем происхождении сего дела.
Для будущаго о том акте с ханом крымским соглашения и действительнаго заключения онаго, прилагается при сем полная мочь от ея имп. в-ва канцлера, а для акредитования вас при хане в консульском звании следует при сем же верющее от ея ж имп. в.-ва канцлера письмо.

Вы по получении оных, сей инструкции и прочаго к вашему отправлению потребнаго, имеете не мешкав ехать в Киев к тамошнему ген.-губернатору Глебову и от него ожидать своего дальнейшаго отправления к хану, а ему, ген.-губернатору, повелено, придав к вам одного достаточнаго на турецком и татарском языках переводчика и двух надежных толмачей и потребный до татарских границ конвой, вас к хану при особливом письме своем отправить в силу приложенной при сем копии с указа к нему же, ген.-губернатору отправленнаго.

Вы потому имеете следовать в Бахчисарай или туда, где хан крымский обретаться будет, и поступать по нижеследующему:
1. По прибытии вашем в определенное вам место, надобно вам чрез поручика Бастевика, которому при хане прибытия вашего ожидать велено, снестись к ханским переводчикам Якубом и доктором Мустафою и объявить им, что вы присланы туда при письме от главнаго киевскаго командира в достоинстве уполномоченнаго от высочайшаго ея имп. в-ва двора консула для бытия в Крыму при лице его ханской светлости, и при себе имеете о том верющее письмо от ея. имп. в-ва первенствующаго министра, при чем поручено вам постановить с его светлостью письменный акт, состоящий в некоторых статьях, кои бы служили прочным и порядочным основанием делу об учреждении консульском; а до чего точно те статьи касаться имеют, о том надлежит вам тому доктору и переводчику знать дать по содержанию следующаго при сем проекта, с котораго и перевод на татарском языке при сем же приобщается, равно как и примечания на оный акт, кои хранить вам в тайности для единаго собственнаго знания и употребления вашего. Вы потщитеся при сем случае того доктора и переводчика, а чрез них и самого хана крымскаго по возможности склонять не токмо на постановление того акта, но и к тому, дабы он, хан, на себя перенял исходатайствовать на оный и ратификацию от Порты оттоманской. Вы можете доказывать и объяснять им, что его светлости от сего акта не имеет последовать ни малейшаго вреда или предосуждения, ниже от Порты оттоманской какого-либо зазрения и нарекания, ибо в том акте не включается ничего такого, что бы его светлости и Порте оттоманской во вред и предосуждение вменяемо и истолковано быть могло, и чего бы и сама ода, Порта, другим державам, да и здешнему императорскому двору в ея собственных владениях уже не дозволила; что оное постановление для издешней стороны весьма нужно и необходимо, инаково ж росс, консул порученную ему должность согласно с декором высоч. двора своего исправлять не может, ниже о поручаемых ему делах его светлости свободно представлять посмеет, не выговоря о себе и состоянии своем никакой надеждости и находясь тамо во всегдашней неизвестности, и якобы партикулярный человек всяким случаям подверженный, а не публичныя персона под защитою народных прав, и которой довлеют как в разсуждении соседства и знатности росс, державы, так и характера, которым тот консул прямо от двора снабден и уполномочен, весьма отличныя пред другими преимущества, и что здешний двор примет себе сие особливым знаком искренней дружбы и благонамерения его светлости. Вы можете притом отозваться им, доктору и переводчику, что о благонамерении их и полезных услугах по делу учреждения консульскаго здешнему имп. двору уже довольно известно, и что вам велено оказать им за то достойное признание, да кроме сего без награждения они не останутся, а особливо, если хана склонять, как на постановление упоминаемаго акта, так и на исходатайствование от Порты ратификации на оной, и к тому с успехом употреблять свое посредство и старание; что впрочем с вами присланы отсюда к хану по желанию его (о котором отзывались они к поручику Бастевику) подарки, кои вам ему и доставить велено, а именно: деньги, меха и карета со всем прибором и с лошадьми, тайно и без малейшей огласки, потому что публичных и никаких подарков от здешняго двора и к самой Порте оттоманской никогда не делается, а в сем разсуждении она, Порта может в подобном поступке российский имп. двор зазрить и осуждать и делать из того предосудительный толкования. И когда вы от них доктора и переводчика, уведомлены и обнадежены будете,

что хан крымский на требование и домогательство ваше согласен, то надлежит вам испросить себе от хана аудиенцию и на оной при письме от киевскаго ген.-губернатора Глебова подать ему верющее письмо от ея имп. в-ва канцлера, також проект известнаго акта на татарском языке и перевод с полной мочи к заключению онаго; а потом не оставите на письме положить по содержанию того проекта и подлинный акт в двух равногласящих экземплярах на российском и татарском или турецком языке и один из них на российском языке заручить с приложением своей обыкновенной печати, напротив уж того другой экземпляр на татарском или турецком языке от хана принять за его подписанием и печатью ж, и оными разменяться на особливой конференции. А коль скоро сие последует, то крайне нужно домогаться вам, чтоб хан крымский тот размененный российский экземпляр отправил неукоснительно к Порте для утверждения онаго сея стороны ратификацией). Вы же сами немедленно татарский экземпляр для того жетавда отправите, також и обо всем обстоятельно уведомите с нарочным и резидента Обрескова, которому отсюда поручено будет всевозможные способы в его месте употребить к тому, дабы как сия ратификация тамо совершенное действо свое и исполнение возимела, так и размена б оной на здешнюю во свое срочное время учиниться могла в Константинополе или в Крыму, где Порта сему за потребно и пристойно быть разсудит.

Но если хан от постановления акта с исходатайствованием от Порты ратификации совершенно уклонится под какими нибудь резонами и затруднениями, или в оном пожелает учинить какия либо отмены, о чем вам неперед чрез известнаго доктора и переводчика сведать должно, то в первом случае не надлежит уже вам ни полной мочи ни проекта ему на аудиенции подавать, но так-мо упомянутыя письма вручить и оставаться в молчании, отлагая сие дело впредь до удобнейшаго времени и обстоятельств, когда усмотрится об успехе онаго лучшая надежда; а дотоле можете довольствоваться одним патентом, который здешним резидентом Обресковым при Порте на чин ваш исходатайствован и к вам прислан будет, при чем не оставите вы подробно сюда донести обо всем том происхождении. В последнем же случае надобно вам, отобрав от хана мнение его, в чем бы оныя отмены точно состоять имели, представить сюда немедленно с нарочным и ожидать отсюда резолюции, между тем однакож вступить в консульскую должность и чрез ханскаго переводчика или доктора послать ему, хану, подарки от имени и стороны киевскаго ген.-губернатора Глебова приватно по росписи при сем прилагаемой, також и награждение сим фаворитам его, каждому по одному горностаевому и бельему меху и по сту турецких червонных, и прочим тамошним чиновным людям по оной же росписи означенные подарки раздать.

2. В бытность вашу в Крыму при хане, надлежит вам возможное прилагать старание о сыскании себе любви его и доверенности, а о случающихся пограничных делах с ним, ханом сноситься и когда от границ получите известие о каких либо обидах здешним подданным от татар приключенных, или о каких либо поступках ими в противность и в нарушение имеющагося между Портою и здешним имп. двором мирнаго трактата учиненных о том имеете вы неукоснительно хану представлять и от него удовольствия суще обидными и поправления требовать во веем том, что в нарушение трактата последовало; а если бы случилось на границах споры и дела на сих землях, крепостях, селениях и сему подобных случаях, кои подлежали бы крайней важности или сумнительству, об оных, не вступая с ханом крымским в дальнейшие изъяснения, надлежит вам доносить сюда, в коллегию иностранных дел, требуя от оной в том наставления; но о прочих пограничных спорах и делах можете вы по сношению с киевским ген.-губернатором Глебовым и на месте с ним, ханом, изъясняться и оныя решить по справедливости. Требования же ваши и изъяснения учреждать на содержание с Портою заключеннаго трактата и конвенции разграничения, о коих всех, також и с трактата 700 года и последующей по нем конвенции 706, яко сопряженных с последними мирными договорами, прилагаются при сем копии с ландкартами разграниченных земель восточной и западной стороны реки Днепра и Азовского края, и о всем том, что бы по

делам здешним тамо ни происходило, не меньше ж того о тамошних обращениях: например о будущих иногда походах или восприятиях хана крымскаго, до какой бы стороны оныя не касались, а толь наипаче о восприемлемых иногда им противу здешней державы набегах или вредных намерениях предуведомлять с возможным поспешением чрез нарочных коллегию иностранных дел доношениями, також киевскаго ген.-губернатора Глебова, которому ныне пограничныя дела и кореспонденция поручены, и обретающагося в Константинополе резидента Обрескова, а в нужном и потребном случае запорожскаго и донскаго атаманов и прочих пограничных начальников письмами; ради сего приобщается при сем цыфирный ключ для кореспонденции с резидентом Обресковым и для доношения сюда в коллегию иностранных дел по делам тайнонадлежащим, а для писем к киевскому ген.-губернатору Глебову имеется особливый цыфирный ключ в киевской губернской канцелярии, из которой вам оный и дан будет.
3. И понеже главнейшая должность ваша состоять имеет в точных об всем разведываниях, то и надлежит вам надежных приятелей из ханских фаворитов или служителей тамошней канцелярии или временною дачею; подарков для сообщения обо всем достоверных известий себе приискать и сущую в том истину на месте отбирать и различать, и по оным доношения и уведомления ваши куда потребно распоряжать с крайним осмотрением и осторожностию, дабы по важным каким либо случаям и, например, в будущих иногда хана крымскаго недружеских намерениях к набегам и нашествиям на здешнюю сторону или соседние народы, о чем выше упомянуто, не нанесть здесь излишне тревоги и заботы, и тем не подать повода к мерам и распоряжениям вотще приемлемым, а на границах напраснаго движения войск и изнурения их и казенных издержек обыкновенно доныне бывших; в чем и заключается первый вид консульскаго в Крыму учреждения.
4. Дела здешния в разсуждении хана крымскаго натурально и главнейше касаться имеют: 1) до жалоб, обид и ссор между запорожскими и донскими казаками и вообще здешними пограничными подданными и между крымцами и другими татарами, в похищении людей и имения, в отгоне скота, в смертоубийствах и других самовольствах между сими соседними и свирепыми народами обыкновенно происходимых; и 2) до освобождения российских пленных и выдачи беглецов поныне удержанных в Крыму или в других ордах ведомства и владения хана крымскаго.
Что надлежит до перваго пункта, то для разбирания обосторонних исков и претензий, а особливо сомнительных, соглашенось и учреждено в 1761 году с обеих сторон содержать на границах повсегодно при наступлении весны нарочную комиссию, на которой все таковые сомнительные и другие накопившиеся в один год взаимные иски обоюдными комиссарами на общем съезде разсматриваются и к концу и решению приходят чрез добровольную генеральную письменную сделку, иногда заметно одни на другие, а иногда и денежным платежом за остающияся на которую нибудь сторону претензии. Сия комиссия отныне и впредь продолжаться имеет, однакож надлежит вам, не запуская дел в ожидании ея погодняго срока, прилагать прилежное старание о сокращении и совершенном искоренении всяких происходимых на границах ссор, злодейств и безпорядков и ради сего при самом начале их с ханом изъясняться, о будущих же обидах от татар здешней стороне приключаемых, ему, хану, представлять и у него скорой управы и удовольствия обидимым требовать; напротиву того, если здешними подданными турецким и ханским подданным в самом деле будет приключен какой либо вред, обида в похищении людей, скота и имения, или убийство и в том изобличены будут сами злодеи, или окажутся поличные и другие достоверные тому доводы, а сие дойдет до знания вашего, или хан крымский о сем вам отзовется с жалобою, то во всех таковых случаях имеете вы при отсылке тех злодеев под конвоем и при обстоятельном описании дела, немедленно давать знать киевскому ген.-губернатору Глебову и в другия из пограничных команд по близости и принадлежности, и в том требовать тамо строгаго с винных взыскания и наказания, а обидимым удовлетворения, не допуская подобные безпорядки до дальнейших следствий и формальных от Порты оттоманской жалоб, о чем вам

всевозможное попечение прилагать надлежит во всю тамошнюю бытность и особливо при начале оной, дабы Порта оттоманская чрез сие видеть и удостовериться могла, что от консульскаго в Крыму учреждения происходит не токмо для здешняго государства, но и для нея собственно существительная польза, и она, Порта от пограничных хлопот и докук пред прежним наипаче освобождена, а пограничные народы в лучшем порядке и тишине противу прежняго содержатся.

По 2 пункту, с пленных и здешних всякого звания беглецах, надобно поступать вам и требовать освобождения первых по 7 статье мирнаго трактата, а выдачи других по 8 статье онаго, и если бы поныне оставались еще в Крыму и в прочих хана крымскаго владениях в полону и в порабощении здешние подданные от начатия последней войны и после оной, кои бы магометанскаго закона не приняли, таковых надлежит вам отыскивать и отбирать безплатежно и без выкупу, а какие беглые российские и к здешней державе принадлежащие люди ханами крымскими и в противность последняго мирнаго трактата приняты и по многократным здешним жалобам и требованиям поныне сюда не выданы и в татарской стороне удерживаются, о том пришлется к вам роспись впредь; но в сих обоих случаях при самом начале бытности вашей надлежит вам поступать с умеренностию, дабы хану крымскому излишне не надокучить и не обратиться ему в тягость.

Но кроме сего продолжаются еще и другие пограничные споры между ханом крымским с Портой оттоманскаго и между здешним имп. двором, а именно:

1) о новостроющейся здесь на Дону при устье реки Темерника крепости святаго Димитрия;

2) о жилищах запорожских казаков, учиненных будто во владениях Порты оттоманской, о чем хан крымский ей, Порте, приносил напредь сего неоднократныя жалобы;

3) о селениях здешних заведенных будто в азовской барьерной земле; о которых он же, хан пред сим Порте же представлял;

4) о едичкульских татарах, кои по указу ханскому в 1759 году поселены близь реки Днепра и самих владений запорожских казаков в противность древнему обыкновению, а некоторым образом и противу трактатов, и

5) о строении крепости святыя Елисаветы.

Дело крепости святаго Димитрия и о жилищах запорожских, також и о селениях в барьерной земле ныне почти уже решено, потому что хотя Порта по жалобам и наветам хана крымскаго требовала нарочных комиссаров для осмотра местоположения той крепости и тех мест в барьерной азовской земле и в других турецких владениях, где б жилища запорожских казаков или здешния селения заводились, и ради сего от здешней стороны оные комиссары уже и определены были, но потом получено здесь из Коушан и из Константинополя известие, что хан крымский для того ли чтоб здешнему двору показать услугу, или для того, чтоб жалобы и наветы его о упомянутых жилищах и селениях изобличены быть не могли, как он, хан, так и Порта, чаятельно в угодность ему, к тому осмотру нарочных посылать не желает, а притом она Порта намерена о признании здешняго права в строении той крепости учинить резиденту Обрескову формальное объявление, и следовательно когда в оной посылке нарочных остановка происходит не с здешней, но с турецкой и ханской стороны, то сие самое обстоятельство, а паче упомянутое формальное будущее резиденту Обрескову объявление ея имеет служить достаточным доказательством правости двора здешняго по сим всем делам; но если бы против чаяния оныя дела еще возобновились, или бы Порта предала их на хана крымскаго решение и разсмотрение и о том бы хан крымский к вам отзываться стал, в таком случае имеете вы изъясняться, утверждать и доказывать в оных право здешнее по резонам изображенным в копии с инструкции, изготовленной определенному пред сим для осмотра крепости святаго Димитрия и барьерной земли здешнему комиссару, також и в копии с двух указов к киевскому ген.-губернатору Глебову отправленных, кои для известия и наставления вашего при сем прилагаются.

О деле же крепости святыя Елисаветы если хан крымский отзываться вам станет, надобно вам отзыв его о том принять на доношение двору и ожидать отсюда наставления.
А елико касается до отводу едичкульских татар от реки Днепра, о том хотя бы желательно было отныне ж чрез вас у хана домогаться, но при первом случае за потребно не разсуждается сим ему докучать, а можете вы при удобных обстоятельствах и времени об отводе тех татар, яко заселенных по реке Днепру вопреки древняго обыкновения и доброй соседственной дружбы, не меньше жив противность 705 года конвенции, которая в мирном трактате о границах за основание принята, и в которой селение подвластных Порте оттоманской народов по Днепру именно запрещено ему, хану крымскому, представлять и в том удовольствия от него требовать, доказывая между иным, что от ближняго соседства обоих сих диких и степных народов кроме пограничных неспокойств и безпорядков, никакого добра ожидать нельзя, ибо они между собою никогда в тишине ужиться не могут.
Впрочем обращаются еще с ханом крымским и другия здешния дела о Кабардинцах, Темиргойцах и сему подобных пограничных народах, но каким образом вам в разсуждении их поступать, о том пришлется к вам отсюда наставление впредь.
5. Между тем нужно вам разведывать о состоянии Крыма вообще, и во первых о форме тамошняго правительства, – совершенно ли безпредельную власть хан крымский в том имеет, или с соучастием тамошняго дивана или совета? Доколе простирается соучастие сего совета и по каким делам и случаям? В коликам числе оный совет составлен и из каких людей и чину? Может ли хан крымский собою что-нибудь важное воспринимать?
...2) О тамошних княжеских и мурзинских фамилиях, – в чем состоят пред прочими их преимущества, и какия между ими из древнейших остаются ныне в знатности и кредите у народа? Сколь многочисленна фамилия Гиреев, из которой нынешние ханы происходят, и много ли у нынешняго хана крымскаго имеется детей и принцев ближних к наследству его и преемничеству?
3) О гражданских законах: постановлены ль тамо порядочные и прочные и по оным ли, или иначе отправляется тамо правосудие?
4) О военной тамошней силе, – в каком она ныне состоянии, сколько действительных бойцов из всех орд генерально в случае нужды в поле выступить может, на каком находится содержании то войско, с тимаров ли и займов, т.е. с поместий и сему подобных земских складов военные люди отправляют тамо свою службу, или из жалованья? Сколь многочислены тамо военные расходы и казна? В каком состоянии ныне тамошния крепости, а паче Перекоп, Шникале, Керчь, Кафа и Козлов? В довольном ли запасе хан крымский в военных снарядах и других потребностях, яко то в пушках, свинце, порохе и в прочем, и откуда все сие получает, от Порты ли оттоманской и иных областей, или из домашних своих заводов, и не заводятся ли в тамошних гаванях вооруженный и другие суда, и к какому употреблению оныя служить могут? Також сколько тамо ныне по крепостям и гаваням сухопутной турецкой силы и галер или других военных судов?
5) О числе татарского народа вообще, – сколько исчисляется по примерной смете, или по имеющейся тамо иногда переписи всех жителей обоего пола в Крыму и в прочих ордах, подвластных хану крымскому? Из того числа за военно неслужащими, також гражданами, купцами, художниками и разночинцами, много-ль земледельцев? Из какого состояния сии последние, – из природных ли татар, или из пленников и оружием покоренных греков и других христиан? Какие полагаются на них погодные сборы и подати; наличными деньгами по оценке с земли и скота, или натурою берется с них от земных плодов и прочаго десятая часть, так как сие обыкновенно чинится в турецких владениях, или по окладу с душ, домов и имения? И какую во всех чинах и званиях льготу и выгодность имеют природные татары пред христианами?
6) О казенных доходах хана крымскаго собственных и государственных, – откуда они главнейше и из каких источников в казну входят и в коликом числе? Також сколько на

содержание ханскаго двора определено и доколе простираются обыкновенныя государственныя издержки погодно?
7) О положении полуострова Крыма, – окружен ли он отьсюду с поморья горами и трудными проходами, как сие по многим географическим картам приметно? Где и какия в нем находятся гавани удобныя к содержанию купеческих и других вооруженных судов от Азовскаго и Чернаго моря? Також нет ли мест способных к укреплению между ущелинами в тех горах и на других поморских урочищах, дабы трудно было наружному неприятелю с морской стороны высадить многочисленное войско, и можно ли такую высадку сделать тамо неудобною, или оный остров от сего случая по существу своему находится без закрытия?
8) О изобилии тех земель и недостатке: какия главнейше бывают земныя тамо произращения и в чем наипаче состоит их богатство и недостаток? Известно здесь, что полуостров Крым и оконечныя онаго места не оскудны хлебом и скотом, разными фруктами, виноградным вином, медом, воском, шерстью, солью и прочим, что только от скотоводства и хлебопашества происходит; но вам надлежит обстоятельно сведать, какой сорт хлеба та земля наипаче произносит и становится ли онаго токмо на пропитание тамошних обывателей, или за излишеством и в отпуск выходит в турецкия и другая азиатския области? Також нет ли в каком другом сорте и недостатка и нужды для тамошняго обихода, и чем сей недостаток награжден бывает? И не имеется ли тамо рудокопных заводов и других минеральных руд, годных на какия-нибудь потребности?
9) О нравах татарского народа генерально: пребывает ли оный в прежней свирепой и грубой жизни, или склоняется к умеренной и благоустроенной? Имеет ли склонность к трудам, а паче к земледелию, и прилагается ли старание о приведении земледелия в лучший порядок и совершенство? Заводится ли художество, рукодельное ремесло и фабрики, и в чем сии последния состоят? Також сколь великое отвращение тот народ являет противу христианского имени вообще, а особливо противу России, и какого об ней мнения и разсуждения? Имеет ли действительно к туркам любовь по единоверию, или примечается в нем внутренняя к ним ненависть, и что мыслят о правлении, силе и состоянии турецком?
Вы о всем вышеписанном и о прочем к знанию здешнему потребном не оставите сюда доносить, и хотя о некоторых из означенных обстоятельств здесь уже довольною частию известно, однакож вы будучи тамо на месте, об оных с лучшею подлинностью и точностью и о сущей истине разведывать можете.
6. Надобно ведать вам, что едисанская орда бывшая издревле под здешнею державою, чрез нарочных депутатов, а именно, в 1756 году чрез присланнаго в С.-Петербург ногайца, называемого Кутлуакай Хаджи, а в 1759 году чрез присланнаго ж в Киев называемого Казнадар-Ага-Османа, и во время последняго возмущения своего прибегала с прошением к ея имп. величеству о принятии ея в протекцию и подданство; а как нынешний хан крымский Крым-Гирей находился тогда и счислялся между сею ж едисанскою возмутившеюся ордою и оною напоследок против воли и намерения Порты возведен, и потому он, хан, сколько известно, турецкою Портою ненавидим, да и сам он взаимно к ней не весьма благонамеренным себя оказывает, опасаясь от нея, Порты, себе низвержения, к тому же крайне восприимчиваго и отважнаго нрава, проницательнаго и остраго разума есть и на все способы готов к сохранению себя в ханском достоинстве, то надлежит вам прилежно, но с крайнею осторожностью и осмотрением примечать, не покусится ли он желанием быть в здешнем подданстве, или отступить от Порты и учинить себя самодержавным и ни от кого независимым государем? В каких обращениях и коннексий он ныне с Портою пребывает? Что мыслит о ея состоянии? В какой сам он силе и кредите у едисанской и других крымских орд и у тамошних мурз, и на которую орду более полагает свое утверждение?
И если б он к вам собою прямо о том отзываться стал с требованием здешняго на то мнения и подкрепления, токо отзыв примите вы на доношение сюда, не вступая с ним в

дальнейшия разсуждения, дабы тем себя не обязать к чему излишнему и здешний двор не подвергнуть нечаянно остуде и вражде с Портою оттоманскою, и в том имеете ожидать отсюда резолюцию.
Но если и без прямого отзыва ханскаго вы приметите в нем подобныя мысли и склонность, или стороною чрез верных друзей сие дойдет до знания вашего, то не оставите немедленно и в подробности о сем коллегию иностранных дел с нарочным уведомить.
7. Что надлежит до распространения тамошних торгов, о том прислана к вам будет особливая инструкция из здешней комерцколлегии, между тем надлежит вам высматривать, в чем бы можно было оную распространить в пользе здешних подданных. А дабы коммерция в пользе здешней обратиться имела, то за главнейшее и первоначальное правило поставлять вам должно перевес оной на здешнюю сторону, а по крайней мере баланс или равновесие, т.е. чем превосходнее будет число отвозимых отсюда продуктов и вещей в Крым, против отпуска продуктов и вещей отсылаемых оттуда в российския границы, тем выгоднее и прибыточнее будут торги для здешняго государства вообще; и потому надобно вам точно разведать, какие российские товары и произращения служат к нужде, знатнейшему расходу, или и роскоши тамошних обывателей, и какие крымские товары и произращения за действительным их здесь недостатком и оскудением годны будут к единому необходимо нужному употреблению и обиходу в границах российских; и понеже комерция отсюда рекою Доном и Днепром в Трапизонд, Ангору и другия азиятскйя области Черным морем распространена быть может, то надлежит вам с торгующими в Крыму армянскими, греческими и другими азиатскими купцами ознакомиться и от них потребное получить сведение, нельзя ли из упомянутых мест завесть полезную и прибыточную торговлю прямо с Россией, ибо известно, что те области, а особливо ангорская провинция, изобилуют шелком, хлопчатого бумагою, наилучшим гарусом и ароматами, а сие все можно б было иногда частию на здешния нужды употреблять, а частью и за границы в прочия европейския государства отсюда отпускать с пользою и прибытком; и что по сему осведомлению вашему произойдет, о том не оставите вы сюда доносить, дабы здешнею комерцколлегиею надлежащее старание и меры к сему употреблены быть могли. Из девятаго артикула мирнаго с Портою трактата усмотрите вы, что здешнему купечеству в Оттоманской империи в отправлении торгов дозволена такая же свобода, какую тамо имеют прочие европейские народы, а понеже те европейския нации, а особливо англичане, французы и голландцы по силе своих купечественных с Портою трактатов, имеют в империи ея многия преимущества и выгоды, которыми и здешним купцам по содержанию упомянутаго артикула равномерно пользоваться следует, то и не оставите вы возможным образом при хане домогаться, дабы тамо излишняго взыскания пошлин с здешних торгующих подданных более требовано и им никаких обид, утеснения, напрасной остановки и убытка приключаемо не было, как сие обыкновенно в Крыму над ними случалось под единым неосновательным предлогом и отговоркою, будто действие упомянутаго артикула до владения хана крымскаго касаться и распространяемо быть не должно, и будто и сама Порта к тому хана принудить не может, яко в деле принадлежащем до внутренних его распорядков, в которых он самовластен и в которые и Порта не мешается, вам надлежит у хана настоять и прилежно стараться, дабы здешние купцы и подданные не токмо в подобных случаях, но и во всем прочем, яко в судах, тяжбах и спорах с его подданными по торгам своим в крымских областях содержаны были на таком точно основании и при тех привилегиях, какия позволены французам, англичанам и голландцам в империи Оттоманской; а в чем состоят именно те привилегии, о том усмотрите вы из приобщенной при сем для известия и наставления вашего копии с купечественных трактатов Портою заключенных с французскою и английскою короною и с голландскою республикою. Впрочем имеете вы сами давать суд и расправу здешним

купцам в междуусобных коммерческих делах их и спорах по силе купеческих обрядов и регламенту и будущей о том особливой инструкции из здешней коммерц-коллегии.
А дабы 9 артикул мирнаго трактата имел свое полное действие и в крымских владениях, и ханы бы крымские к соблюдению онаго директно и с своей стороны были обязаны и ни чем более от исполнения того артикула отговориться не могли, то сей артикул, також и прочее, что к полезнейшему истолкованию и разумению онаго служить бы могло, внесено будет в особливой статье проектованного письменнаго акта, если тот акт постановить вы предуспеете.
8. Известно здесь, что ныне владеющий хан крымский запрещает плавание из турецких областей по Черному морю рекою Днепром в Запорожскую Сечь, а оттуда обратно торговым судам, принуждая их приставать для нагружения товаров в крымских гаванях в надежде, что сим способом не токмо может он налагать и получать с них пошлины по своему произволу и прочий от коммерции прибыток, но и полуостров Крым учинить центром торгов российских с турецкими, из чего неминуемо последовать имеет здешним подданным в коммерции ущерб и отягощение, а особливо, когда они по такому ханскому запрещению принуждены будут товары свои сухим путем до крымских портов для отпуска в турецкия владения привозить, а не водою по реке Днепру и прямо в определенное им место, минуя Крыма.
Ради сего не оставите вы при хане с твердостию настоять и требовать о немедленной отмене того запрещения, представляя ему в резон между прочим, что пока постановленное трактатами как обеим империям, так ему, хану, предосудительное запрещение здешним купцам на своих собственных торговых судах по Черному морю столь обеим нациям прибыточную навигацию иметь отменено не будет, а между тем ходящия в Сечь и оттуда тем морем турецкия суда с товарами, кои здешним подданным принадлежат, или на счет их нагружены бывают, от него, хана, воспрепятствованы и запрещены будут, то уже коммуникация в торгах между российскими и турецкими владениями необходимо остановиться имеет, толь наипаче, что здешним подданным в разсуждении знатных издержек, да и по самой неудобности, а при том и по дальнему разстоянию, сухим путем товаров своих в Крым для отпуска далее Черным морем и оттуда к себе обратно доставлять отнюдь несходно и не можно; и следовательно сия остановка противная будет не токмо соседней дружбе, но и статье последняго освященного вечномирнаго трактата, по силе которой дозволено здешним подданным торговать на турецких судах безпрепятственно и с такою же свободою, с какою и других держав подданные в областях оттоманской империи торгуют.
9. С консулами других держав, кто тамо ныне обретается или впредь обретаться будет, надобно вам пристойное и ласковое обхождение иметь, но за поступками и делами их прилежно примечать; також будет к хану от польской республики и вельмож, или горских владельцев и прочих народов присылаемы будут посланцы и нарочные люди, то о прямой причине таковых присылок надобно вам надежныя известия сюда присылать и о том же, смотря по нужде и материи, уведомлять и киевскаго ген.-губернатора Глебова, також и резидента Обрескова; а когда бы хан крымский, по высылке ныне от себя прусскаго резидента Боскампа, вновь ему при себе пребывание дозволить похотел, от того имеете пристойными способами и внушениями отвращать его, хана и воздерживать.
10. В бытность вашу в Крыму надлежит вам во всем содержать и вести себя согласно с декором здешняго императорскаго двора неоскудно и непостыдно; ради чего определяется вам с. имп. в-ва ежегоднаго жалованья 2000 рублев, на проезд ваш туда и на исправление экипажа 1000 р., на отправление курьеров и кормовыя им деньги 1000 р., на канцелярские расходы и на наем дома, ежели вам от хана безплатежной квартиры дозволено не будет – 500 р., на чрезвычайные расходы, подарки и дачи приятелям 1000 р., да на содержание сейменов и их караула 500 р., всего 6000 рублев, но из определенной суммы на чрезвычайные расходы тысячи рублев можете вы дачи производить приятелям за получаемыя от них важныя и верныя известия, представя о том наперед в коллегию

иностранных дел и истребовав на то резолюцию, или не описываяся в оную, смотря по нужде и по таким случаям, кои бы к донесению сюда не терпели времени, и о всех тамошних издержках присылать сюда по третям подробный счет; а кроме сего для исправления канцелярских дел и переводов определены к вам будут из киевской губернски канцелярии один переводчик, да один канцелярский житель отсюда из коллегии; також два толмача и шесть человек гренадер из Киева.
11. Для известия вашего прилагаются при сем копии с циркулярных указов к здешним пограничным командирам, а именно в Киев к ген.-губернатору Глебову, командующему ныне украинским корпусом ген.-поручику Олицу, в Астрахань к тамошнему губернатору, в крепость святаго Димитрия к ген.-майору тамошнему коменданту Сомову, в крепость святыя Елисаветы к ген.-поручику Нарышкину, к донскому войсковому атаману Ефремову и с рескрипта к резиденту Обрескову о содержании с вами корреспонденции письмами по делам здешним, принадлежащим до их команд и места, и дабы они по будущим от вас представлениям и требованиям чинили во всем потребное исполнение; да при сам же следует к исполнению вашему копия с указу 1724 года о делах тайности подлежащих, а впрочем чего не достанет в сей инструкции, на первый случай ныне вам даваемой, оное наградите вы собственным искусством вашим и знанием.
12. Сию инструкцию надлежит вам хранить в крайней тайности, для единаго собственнаго знания вашего и употребления, и если бы нашлись вы в каких-нибудь опасных обстоятельствах по нечаянному случаю войны, высылки вашей и прочаго сему подобнаго, то не оставите вы во первых оную и прочие секрету подлежащие насылаемые вам отсюда указы истребить, дабы оные отнюдь и никаким образом до знания места вашего или Порты оттоманской дойтить не могли. О всех же тамошних обращениях надлежит вам помесячно давать знать ныне киевскому ген.-губернатору Глебову, или тому, кому пограничныя дела и корреспонденция впредь поручены будут, а о важных делах и в коллегию иностранных дел доносить чрез нарочных курьеров из определенных к вам шести человек гренадер и присылаемых к вам из Киева рейтар и толмачей, и сим последним давать на проезд обыкновенную в путь их дачу, також рейтарам и толмачам кормовыя деньги на день по 6 коп., а будущим иногда из полону освобожденным пленникам кормовых же денег по 4 коп. с половиною на день.

Граф Михайла Воронцов, К. Александр Голицын.
В Москве, 14 мая 1763 года.

Источник: Гражуль В.С. Тайны галантного века. – М., 1997. С. 269–288.

Глава 17
Научно-техническая разведка

О научно-технической разведке эпохи средневековой России и ее роли в укреплении обороноспособности страны большинство исследователей истории российской разведки вспоминают крайне редко. А напрасно, ведь без заимствования на Западе новейших технологий не удалось бы за относительно короткий срок преодолеть отставание от стран Западной Европы в научно-технической сфере.
По мнению автора книги «Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева» историка Сергея Чертопруда, первым случаем отечественного государственного научно-технического шпионажа принято считать эпизод, который датирован 1555 г.[159] Первый русский посол в Англии и разведчик Осип Непея, возвращаясь из Лондона, привез с собой группу специалистов[160]. Этот факт можно считать первым случаем официального

приглашения иностранных специалистов российским царем. И началом участия дипломатов в операциях научно-технической и военно-технической разведки.
Это позволяет утверждать, что родоначальником государственного «промышленного шпионажа» был Иван Грозный. Заметим, что одновременно этот царь считается организатором первой спецслужбы в Российском государстве – опричнины. Об этом подробно рассказано в первой главе данной книги.
Хотя многие называют царя Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим, с его Приказом тайных дел или императора Николая I, сформулировавшего первое задание российской научно-технической разведки.
В 1556 г., в грамоте, адресованной царем новгородским дьякам, говорилось о том, что немецких пленных мастеров нужно продавать не в Литву или в Германию, а направлять в Москву. Была назначена премия тому, кто сообщит о нарушении данного требования. Виновных приказано было брать под стражу и держать в тюрьме до особого царского распоряжения. Таким образом, была предпринята попытка более рационального использования пленных, чем просто получение за них выкупа.
В 1567 г. из Англии в Москву приехали доктор, аптекарь, инженер с помощником, золотых дел мастер и еще несколько специалистов[161]. Этот случай можно считать одним из первых эпизодов переманивания специалистов. Ехать в неизвестную далекую страну решился бы не каждый. Другое дело пленные мастера. У них просто не было выбора.
Одной из особенностей российской армии того периода было большое количество «наемников» со всей Европы. И поэтому нет ничего удивительного в том, что некий «солдат удачи» полковник Лесли подрядился набрать мастеров для нового пушечного завода, организованного в Москве другим иностранцем – Коэтом. Производство находилось на берегу Поганого пруда, что около реки Неглинной, и специализировалось на изготовлении пушек и колоколов.
Практика приглашения иностранных мастеров была прервана из-за событий Смутного времени. Иностранцы либо погибли, либо бежали из России, поэтому нужно было возрождать пришедшую в упадок экономику.
В 1579 г. в Москве жило и работало свыше 400 иностранцев. Через два года их количество превысило 1200 человек. Так утверждал британский дипломат Джон Гарсея. Его соотечественник сообщил в Лондон другие данные: 4300 человек. Из них поляков 4000; голландцев и шотландцев – 150; греков, датчан и шведов – более сотни[162].
В тридцатые годы XVII в., когда Россия оправилась от последствий Смутного времени, политика, начатая еще при Иване Грозном, стала более активной и целенаправленной.
В 1630 г. бархатных дел мастер Фимбранд поехал за рубеж для найма людей. Через год в Европе было объявлено о том, что Россия нуждается в десяти ювелирах. И поэтому есть вакансии для этих мастеров при царском дворе. В Москве уже работал ювелир Иван Мартынов, но он не справлялся с имеющимся объемом работы.
В 1634 г. в Россию приехал Х. Головей, часовых дел мастер. В том же году специальные гонцы отправились в Саксонию, чтобы нанимать медеплавильных мастеров[163]. Может, среди них были переводчик З. Николаев и золотых дел мастер П. Ельрендорф, которым было поручено разыскать за границей специалистов по выплавки меди. Список специалистов, которые поехали в Россию, начал стремительно расти[164].
Летом 1640 г. из Москвы за рубеж «для найму мастеровых людей скляничного дела» ездил швед Антон Куст[165].
Вербовкой иностранных технических специалистов занимался даже сам глава Иноземного приказа И.Д. Милославский. В 1646 и 1658 гг. он ездил в Англию, Данию, Голландию и Северную Германию для вербовки специалистов. При этом он требовал от кандидатов наличия диплома и рекомендаций с прежнего места работы. Плюс проверялись биография кандидата и его моральные качества[166].

Правда, не всегда приглашенные иностранцы способствовали развитию отечественной промышленности. Например, в одном из донесений, адресованных шведскому королю в 1648 г., посол этой страны Коммеринниг писал: «Как эти (иностранныи специалисты) уедут отсюда, тульские и другие горные заводы не в состоянии будут вредить горным заводам вашего королевского величества, ибо я достал Петру Марселису (владельцу горного завода) плохого кузнечного мастера»[167].

В 1645 г. царь Алексей Михайлович, прозванный за свой добрейший характер Тишайшим, организовал Приказ тайных дел. Несмотря на грозное название, данное учреждение занималось обслуживанием царя и членов его семьи.

В его задачи входило решение широкого круга вопросов, начиная от организации соколиной охоты царя и заканчивая раздачей милостыни. Кроме этого, сотрудники приказа обеспечивали безопасность царя, дегустируя все блюда, перед тем, как они попадут на царский стол. Также его сотрудники занимались изготовлением лекарств и напитков для царской семьи и выполнением различных тайных поручений царя.

Например, среди хранящихся в архиве царских грамот есть одна, приказывающая астраханскому воеводе князю Одоевскому прислать в Москву «индийских мастеровых людей», владеющих секретами изготовления и покраски легкой ткани. Астраханский воевода отрапортовал царю, что в Астрахани таких людей нет, но одного он сумел разыскать. Это был «бухарского двора жилец» красильный мастер по имени Кудабердейка.

Иван Гебдон, англичанин по происхождению, начал свою карьеру в России в качестве переводчика при английских купцах. Затем он регулярно совершал поездки в Венецию и Голландию, выполняя личные поручения царя Алексея Михайловича. Отметим, что у этого человека были свои доверенные лица в различных европейских городах: в Любеке – фон Горн, в Амстердаме – Петр Лютцын и братья Беркарцы, в Кролевце – Юст Фандерслюс, в Митаве – Яган Донарсон и другие. Все эти люди в качестве «тайных информаторов Москвы» регулярно получали оплату за свои труды на благо государства Российского[168]. Среди заслуг Ивана Гебдона – приглашение в Россию двух мастеров «комедии делать». Таким образом, у истоков создания в России театра стояла научно-техническая разведка.

В тот период в России уже умели делать цветные оконные стекла, но при изготовлении стеклянной посуды возникали проблемы. Поэтому при Приказе тайных дел существовало два стекольных завода, где под руководством выписанных из Венеции мастеров изготовляли различную посуду. Например, потешные стаканы – «в четверть ведра и больше» и «царь-рюмку в сажень величиной»[169].

А в образцовом царском питомнике в подмосковном селе Измайлово успешно выращивали разные диковинные растения: русский виноград, дыню бухарскую и туркменскую, арбузы, кавказский кизил, венгерскую грушу и даже пытались выращивать финиковую пальму. Семена для этого питомника было поручено добывать российским послам в Англии.

В 1626 г. было организовано регулярное морское сообщение со Стокгольмом. К 1641 г. в этом городе русские купцы уже имели 33 амбара, стапель для судоремонта и пирс для швартовки. Разумеется, занимались они в Швеции не только торговлей, но и научно-технической разведкой. В частности, им удалось вывезти огнестрельную новинку XVII в. – пистолет[170].

В 1663 г. к находящимся в Англии российским послам Ивану Желябужскому и дьяку Ивану Давыдову был направлен подьячий Приказа тайных дел Юрий Никифоров. Он не только доставил в Лондон указание русского царя своим дипломатам ехать в Венецию и Флоренцию, но и должен был выполнить важное задание. Юрию Никифорову предписывалось вывезти из Англии «птиц, лошадей и всякие товары по росписи из Приказа, а так же навербовать искусных людей». В том же году его коллега подьячий Кирилл Демидов «был отправлен с большим запасом товаров в Персию, где должен был

обменять их на персидские товары; он же должен был привезти опытных шелководов, рудознатцев, сафьянных дел мастеров и т. д.»[171].

Военно-техническая разведка при Петре I

Выше мы уже коснулись темы военно-технического шпионажа и его роли в развитии русской армии. При Петре I приглашение иностранных мастеров стало одним из элементов развития промышленности (в т.ч. и оборонной) Российской империи. Например, после первой заграничной поездки 1697–1698 гг. в Россию вместе с Петром приехало 900 человек, начиная от вице-адмирала и заканчивая корабельным поваром[172]. Иностранным мастерам были созданы все условия для работы. Контракт заключался сроком на пять лет и предусматривал возможность беспошлинного вывоза из России всего нажитого за эти годы имущества. При этом если иностранец решил уехать раньше срока, то российские власти проводили расследования, не было ли притеснений этого иностранца со стороны местного населения. Единственное, что требовалось от приглашенных мастеров, – обучение местных жителей тонкостям и секретам своего ремесла[173]. Наверное, за всю историю Российской империи это был самый благоприятный для иностранных специалистов период.

Тогда же была возрождена практика приглашения зарубежных военных специалистов и стажировка офицеров российской армии и флота за рубежом. Кроме непосредственного обучения, эти люди выполняли и разведывательные задания. Например, изучение иностранных технологий в сфере военного судостроения[174].

Не следует забывать и о том, что в охоте на иностранные технологии участвовали и дипломаты, которые в то время одновременно занимались и шпионажем. Так, в годы Северной войны (1700–1721) Андрей Матвеев (сын Артамона Матвеева – главы Посольского приказа) был послом-резидентом в Вене при дворе Габсбургов и в Голландии. Он сумел добыть образцы нового английского оружия. Из-за анонимного письма и своей любви к шведской подданной был отозван в Россию и впал в немилость к царю. Его успехи в сфере тайной войны были учтены. Его не репрессировали, но и карьеры он не сделал[175].

Военно-техническая разведка после Петра I

Было бы ошибочно считать, что после смерти Петра I в России ослаб интерес к достижениям иностранной науки и технике. Да, действительно, деятельность научно-технической разведки во второй половине XVIII в. ослабла, собственно, как и политической, но все равно разведчики продолжали добывать чужие секреты.

В 1768 г. граф Алексей Орлов выехал за границу в качестве волонтера фон Острофа в сопровождении находившихся на русской службе немцев. Это был первый случай в истории российской разведки, когда высокопоставленный сановник и один из фаворитов императрицы в качестве разведчика-нелегала выехал для выполнения серии секретных миссий за рубеж. Мы не будем рассказывать обо всех заданиях, которые успешно выполнил «фон Остроф», а коснемся лишь одного, которое имеет непосредственное отношение к теме данной главы. Компания немцев поселилась на знаменитом германском курорте Карлсбаде (сейчас это Карловы Вары в Чехии). Здесь он в перерывах между водолечением и употреблением минеральной воды занимался изучением новейших образцов австрийского и прусского огнестрельного оружия. Самые интересные образцы он тайно переправлял в Россию[176].

Новые задачи для военно-технической разведки

В первой половине XIX в. военно-технической разведкой за рубежом занимались не кадровые офицеры, а гражданские лица. Кто-то должен был добывать образцы оружия и боеприпасов стран – потенциальных военных противников Российской империи. Была и другая причина повышенного внимания Санкт-Петербурга к достижениям зарубежного военно-промышленного комплекса. В тридцатые годы XIX в. отставания в сфере технического оснащения российской армии по сравнению с вооруженными силами западноевропейских стран стали заметны даже не специалисту. Надо было что-то срочно делать.

В ноябре 1830 г. по инициативе военного министра А.И. Чернышева российский император Николай I дал указание начать собирать сведения обо всех открытиях, изобретениях и усовершенствованиях «как по части военной, так и вообще по части мануфактур и промышленности» и немедленно «доставлять об оных подробные сведения». Российские подданные, в первую очередь дипломаты, ретиво начали выполнять указания царя. В охоте на иностранные технологи участвовали все, начиная от крестьян (которых их владельцы специально отправляли за границу) и заканчивая князьями.

В качестве примера можно вспомнить историю появления в Российской империи паровозов и железных дорог. В обеспечение обороноспособности страны они, особенно во второй половине XIX – начале XX в., играют важную роль. По железной дороге можно оперативно перебросить войска и боевую технику из одного региона в другой, обеспечить непрерывный подвоз продовольствия, боеприпасов и военнослужащих, а также организовать вывоз раненых и эвакуацию мирного населения из прифронтовой полосы.

Все преимущества железнодорожного транспорта в военном деле в мире осознали только во второй половине XIX в., когда началось массовое строительство железных дорог, а в тридцатые годы XIX в. паровозы начали активно использовать в промышленности. Поэтому в Российской империи первые образцы появились на частных горнометаллургических заводах на Урале.

Для сбора всей необходимой информации о паровозах в Англию был «командирован» крестьянин Мирон Черепанов. Вместе со своим отцом он участвовал в воспроизведении иностранных водоотливных машин и поэтому имел необходимые навыки инженера. Во время поездки он регулярно посещал заводы Стефенсона и многочисленные английские рудники и шахты. По мнению некоторых специалистов, во время этих экскурсий он обзавелся множеством знакомых, через которых и сумел собрать максимум необходимой информации. При этом нужно учитывать и тот факт, что оба Черепановых – отец и сын – были неграмотными, поэтому все данные им приходилось запоминать.

После возвращения в Россию начались активные работы по созданию паровоза. Первая модель была построена в декабре 1833 г., а в феврале 1834 г. прошли первые испытания. Из-за несовершенной конструкции котла, а эту проблему не смогли сразу решить и в Англии, происходили частые аварии. Осенью того же года «сухопутный пароход» был торжественно продемонстрирован публике. Он проехал 854 метра. Железная дорога соединила Войский медеплавильный завод и незадолго до этого открытые месторождение медных руд у подножия горы Высокой. Позднее этот маршрут гордо именовался Тагильской железной дорогой.

Второй отечественный паровоз был построен в 1835 г. По своей конструкции он значительно превосходил общий уровень паровой техники того периода, а рельсовая колея была в техническом плане совершеннее зарубежных магистралей[177].

Промышленным шпионажем занимались не только представители низших сословий, но и высших. Например, в марте 1819 г. внимание французской полиции было приковано к деятельности русского князя Долгорукого. Он через специальных эмиссаров активно приглашал рабочих лионских шелковых мануфактур сменить место жительства и поработать в России. В тот период в Лионе была безработица, и соблазнить рабочих

несколькими экю было очень просто. В Российской империи в то время активно развивалась легкая промышленность и требовались квалифицированные специалисты.
В конце 1823 г. граф Демидов нанял множество высококвалифицированных рабочих и механиков для своих металлургических заводов. Когда полиция арестовала нескольких рабочих, согласившихся ехать в Россию, то на допросах они утверждали, что цель поездки – знакомство с Россией. Французской полиции так и не удалось привлечь их к суду. Ведь формально они не нарушили закон и не стали сообщать технологические секреты агентам графа Демидова. Более того, полиция подозревала, что рекомендации, как вести себя на допросах, рабочие получили именно от этих агентов.
В 1823–1824 гг. французская полиция пыталась следить не только за агентами графа Демидова, но и за баронами Нейгардтом и Шиллингом, которые выполняли поручения российского правительства по организации закупок механических станков. В конце 1824 г. в Париж прибыла новая многочисленная группа русских агентов для закупки оборудования и переманивания высококвалифицированных рабочих[178]. Понятно, что станки были нужны в т.ч. и для производства оружия и боеприпасов для российской армии. Описанные выше эпизоды «тайной войны» – лишь вершина айсберга.
В сентябре 1829 г. в США для ознакомления с новейшими достижениями в судостроении был направлен капитан 1-го ранга А. П. Авинов. Официальная цель поездки – покупка парового корвета американской постройки «со всеми новейшими усовершенствованиями». Ровно через год он вернулся на купленном корабле «Кенсингтон» (затем переименован в «Князь Владимир» и стал флагманским кораблем Балтийского флота). В Петербурге Авинов представил отчет, в котором содержались сведения о новейших технологиях в области кораблестроения, дополненные чертежами и специальной литературой[179].
Подробности многих операций той эпохи мы уже никогда не узнаем. Ветераны «тайной войны» тогда не писали мемуаров, а в архивах не сохранилось отчетов о проведенных разведоперациях.
В качестве примера еще одной разведоперации – история о том, как была добыта информация о технологии изготовления ударных колпачков для ружей в Англии.
Российский посол в Лондоне Х.А. Ливен поручил выполнение этого ответственного задания генеральному консулу в Англии Бенкгаузену. Тот обратился к своему агенту – главному инспектору английского арсенала Ч. Мантону. Англичанин, выслушав просьбу российского дипломата, заявил, что только одно описание ничего не даст. Нужна машинка для изготовления этих колпачков.
Мантон согласился передать комплект колпачков, несколько старых ружей, переделанных для использования новых колпачков, и машинку для их изготовления.
А вот ружья новой модели, переделанные для использования этих колпачков, которые так интересовали военное ведомство Российской империи, агент передать не смог, так как они только начали поступать в арсенал и находились на строгом учете.
Тогда Бенкгаузен обратился к другому своему агенту – Л. Дэвису, владельцу оружейной мастерской в Лондоне. Тот был в приятельских отношениях с директором государственного оружейного завода в Энфильде и через приятеля сумел достать один экземпляр нового ружья. Таким образом через полгода ответственное задание было выполнено.
Были и другие достижения. Например, в 1832 г. российский посол в Париже лично купил за 600 франков описания и чертежи новых лафетов для французской полевой артиллерии. В 1835 г. он потратил 6500 франков на «чертежи и описание нового вида зажигательных ракет, ударного ружья и чертежей крепостной, осадной, береговой и горной артиллерии» – последних достижений Франции в военной области.
Посол в Вене сообщил в 1834 г. об изобретении австрийским изобретателем Цейлером нового ударного механизма для огнестрельного оружия, а также об изобретении этим мастером сменного магазина для патронов. Он не только сумел добыть описания и

чертежи этих изобретений, но и договориться с Цейлером о тайной поездке в Россию для организации производства новых ружей.
Генеральный консул в Гамбурге Р.И. Бахерахт приобрел в 1835 г. через свою агентуру в Бельгии модели орудия с лафетом, два ружья новейшего образца, модель телеграфа нового типа. Николай I наградил Р.И. Бахерахта, по представлению военного министра А.И. Чернышева «за усердную службу его и особенные труды», орденом Св. Анны 2-й степени, украшенном императорской короной.
В 1835 г. была получена документация по производству французских пушек на заводах в Тулузе. В том же году сотрудник российского посольства в Париже приобрел образцы витых ружейных стволов, которые выпускались на одном из заводов в Вогезах[180].
Такой резкий всплеск активности в сфере научно-технической разведки не случаен. В августе 1832 г. генерал-инспектор по инженерной части российской армии великий князь Михаил Павлович приказал разослать во все дипломатические миссии указание о необходимости закупать открытую и добывать секретную литературу по инженерному искусству, относящемуся «к долговременной и полевой фортификации, атаке и обороне крепостей, военно-строительному и понтонному искусству»[181].
С 1835 г. по 1844 г. в Париже находился Гвардейского Генерального штаба штабс-капитан Борис Григорьевич Глинка-Маврин. До ноября 1842 г. он занимал пост «Представителя Военного министерства в Париже», а затем, до января 1844 г. «состоял для особых поручений при после в Париже». Регулярно добывал ценные сведения «об открытиях по военной части». В частности, по разработке и производству огнестрельного оружия во Франции[182].
Во второй половине 1837 г. в США «для осмотра всего примечательного по морской части и в особенности вооружения судов, устройства и управления пароходами» был направлен капитан 2-го ранга И.И. Шанц. Он собрал огромную коллекцию чертежей и моделей различных машин и судов, сделал обширную подборку сведений об американских новинках – начиная с оборудования портов и кончая данными о мельницах и машинках для изготовления чертежа. В середине 1838 г. он вернулся в Европу. С 1848 г. по 1853 г. Шанц посещал зарубежные судоверфи, продолжая изучать иностранный опыт «железного судостроения»[183].
Сейчас никто не сможет назвать точное число добытых отечественной разведкой иностранных военно-технических новинок. Дело в том, что большинство образцов не оставили заметного следа в истории российского оружия. Вот типичная история той эпохи.
В 1839 г. был организован специальный Комитет по улучшению штуцеров и ружей. По его настоянию испытали несколько десятков моделей капсюльных замков отечественного и иностранного производства. Опыт продолжался три года, а потом представитель Комитета во Франции донес о местном способе переделки кремневых ружей и пистолетов в капсюльные, особо отметив его простоту и дешевизну. На нем и остановились[184].
Россию интересовали не только новые технологии, но и достижения конкурентов. Проанализировав их наработки, можно было усовершенствовать собственные разработки. В первую очередь в военной сфере. Теперь государство заботилось только о жизненно важных отраслях промышленности. Новый период охоты за ткацкими станками начнется уже при советской власти.
В декабре 1854 г. российскому представителю в Брюсселе графу Хрептовичу свои услуги по информированию о ситуации в сфере создания военно-морского флота Франции предложил грек С. Атаназ. В качестве инженера-кораблестроителя он был направлен правительством Греции официальным представителем во Францию и имел доступ во все военно-морские учреждения Франции. Используя свое служебное положение, он мог добывать информацию, которая так интересовала военное ведомство Российской империи.

Успехи, достигнутые этим человеком, впечатляют. Он не только сумел добыть чертежи и подробное описание всех военных кораблей, которые строились на судоверфях Франции и Англии в тот период, но и собрать максимум другой ценной информации, связанной с новейшими технологиями, используемыми в тот период[185].

Так в начале 1856 года он добыл: «десятки рисунков и чертежей французских кораблей, в т.ч. двух строящихся новейших канонерских лодок, подробные сведения о строительстве кораблей на верфях Бреста, Гавра, Шербура, Нантана, Ориана и Рошфора»[186].

В сентябре 1853 г. в Бостон прибыл капитан-лейтенант А. С. Горковенко. «Согласно полученной в Петербурге инструкции, Горковенко должен был обратить внимание на древесину (сорта леса, его доставка и хранение), используемую при постройке военных судов (парусных, паровых, преимущественно с паровыми движителями; на организацию такой постройки; на плавучие доки, верфи и «вообще на различные механические приспособления». При изучение вопросов оснащения судов Горковенко следовало обратить внимание на такелаж и парусину «из хлопчатой бумаги». Особое внимание российский офицер должен был обратить на достижения в области морской артиллерии: выяснить, не употребляются ли орудия «с внутренними винтовыми нарезками» и орудийные станки без платформ; изучить устройство крюйт-камеры и пороховых ящиков; узнать, какие используются пыжи (шарообразные или кольцеобразные), ударные замки, сроки службы чугунных орудий, меры, предпринимаемые для предотвращения разрыва пушек… Горковенко предлагалось осмотреть «новейшие пароходы», в т. ч. и речные…»[187]

В 1856 г. был создан Кораблестроительный технический комитет. Одной из задач этого органа было изучение, обобщение и освоение опыта иностранного военного кораблестроения, создание и использование нового вооружения и технических средств флота[188].

С октября 1855 г. по октябрь 1857 г. в Швеции, Норвегии и Дании находился контр-адмирал Б.А. фон Глазенапа, который собирал сведения о технических новинках. С 1856 г. в Великобритании жил военно-морской агент адмирал граф Е.В. Путятин, который следил за всеми новинками в военно-технической области в Англии и Франции[189].

В июне 1856 г. был утвержден «Проект общих статей инструкции агентам, направляемым за границу». Пятый пункт этого документа предписывал военным агентам собирать информацию «об опытах правительства над изобретениями и усовершенствованиями оружия и других военных потребностей, оказывающих влияние на военное искусство»[190].

В том же году военный агент во Франции флигель-адъютант полковник П. П. Альбединский получил задание собрать максимум информации о новых образцах нарезных ружей и пуль к ним, а также «осторожно получить эти предметы секретным образом». Оказать содействие ему в выполнении этого задания должен был его коллега, военный агент Пруссии во Франции майор Трескау. Этот человек уже не раз оказывал услуги российской военной разведке. К концу года задание было выполнено.

Добытая полковником П. П. Альбединским информация была внимательно и скрупулезно изучена в Оружейном комитете. На основании ее было принято решение о переходе с гладкоствольных на нарезные ружья и о снижении массы пули.

В марте 1857 г. военный агент П. П. Альбединский привлек к сотрудничеству с российской военной разведкой офицера-ординарца французского императора и регулярно стал получать от этого агента ценные документы. В частности, среди полученной от офицера-ординарца информации были «чертеж и описания корпуса орудия калибра 12» и описание «ударных трубок» для гаубицы, производство которых было организовано на оружейном заводе в Меце[191].

С 1859 г. в Российской империи начали разрабатывать казнозарядную винтовку. Тогда Оружейный комитет испытал более 130 иностранных и не менее двух десятков отечественных моделей. И, наконец, в 1864 г. остановил свой выбор на винтовке

англичанина Терри, появившейся шестью годами раньше. В ее конструкцию браковщик Тульского оружейного завода внес два десятка усовершенствований, и в ноябре 1866 г. ее приняли в серийное производство под названием «скоростная капсюльная винтовка». По иронии судьбы, на международной выставке в Париже она была признана одной из лучших[192].

В 1860 г. в «Положение об общем образовании управления морским ведомством» было подтверждено, что Кораблестроительный технический комитет «... следит в России и за границей за всеми улучшениями по технической части кораблестроения и механики».

В 1862 году в Россию из США вернулись капитан 1-го ранга С.С. Лисовский и капитан корпуса корабельных инженеров Н.А. Арцеулов. С собой они привезли подробные чертежи и спецификации строящихся за океаном кораблей. На основе этих данных было решено построить броненосные корабли «Ураган» и «Тифон», а также броненосную батарею «Не тронь меня»[193].

Военный агент в Брюсселе Эммануэль Николаевич Мещерский сообщил в Санкт-Петербург:

1862 г. – сведения о конкурсе нарезных ружей в Бельгии, о карабинах Глейя и Ладри;

1865 г. – сведения о патроне и ружье Манье, о последних опытах над оружием в Венсене и о новом способе переделки большого ствола в меньший;

1866 г. – чертежи ружья, переделанного по системе Лендерса, образец стали и один ствол, изготовленный по способу парижских фабрикантов Кристофа и Лекруа, 7-линейное русское трофейное ружье, переделанное в меньший калибр по способу Кристофа и Лекруа, винтовки Энфильда, переделанные по системе Лендерса;

1867 г. – доставил 2000 патронов от фабриканта Монтиньи, сведения о системе Альбини, доставил ружье системы Альбини, заказал и доставил две картечницы Кристофа, сведения о новых металлических патронах с образцами и рисунками, отчет артиллерийского управления в Бельгии с программой испытания стрелкового оружия, сведения о новом патроне с металлической гильзой фабриканта Рошара, брошюру о ружьях системы Кохрана, сведения о ружьях системы Альбини, принятых на вооружение в бельгийской армии;

1868 г. – ружье системы Терссена с патронами;

1869 г. – новый экземпляр ружья Терссена, ружье Литтихского оружейника Бови и 100 патронов к нему, сведения о ружьях систем Генри и Генри – Мартини, сведения об усовершенствованной системе Снайдера, ружье фабриканта Генри и 100 патронов к нему, «духовое ружье» Галана и 500 пуль к нему.

Из Вены военный агент Федор Федорович Торнау передал в Санкт-Петербург сведения:

1867 г. – о ружье Веттерли, о ходе перевооружения итальянской армии, о системе Винчестер;

1868 г. – о взрывчатой пуле Дрейзе и одноместных картечницах;

1869 г. – о сабле-револьвере миланского оружейного завода Colombo Micheloni, о револьвере Dumorthier, о револьвере Degneldre, о новом ружье миланского оружейного завода.

Из Константинополя военный агент Виктор Антонович Франкин сообщил:

1865 г. – о ружье системы Терссена (доставил и само ружье от литтихского оружейника Тикина-Тассета), о пуле Фюсно;

1867 г. – о переделке ружей по системе Снайдера для турецкой армии литтихской фабрикой Тикин-Тассета;

1868 г. – о ружье Терссена.

Из Литтиха (старое название Льежа – города в Бельгии) военный агент Графф передал:

1866 г. – описание экстрактора[194] Лендерса (присутствовал при испытании);

1867 г. – об игольчатом механизме Приша, о заказе ружей системы Снайдерса, о ходе перевооружения стран Европы, о способах проверки упругости стальных стволов во Франции и Швейцарии.

Из Лондона военный агент Левашев сообщил в 1861 г. о ружье системы Монт-Строма. Сменивший его Николай Александрович Новицкий сообщил:
1865 г. – о переделке энфилдских ружей по системе Снайдера;
1866 г. – отчет Комиссии по переделке энфилдских штуцеров в казнозарядные, штуцер Энфильда, переделанный по системе Снайдера, и два ящика патронов, газетную статью о конкурсе казнозарядных ружей, рапорт о переделке 200 000 ружей по системе Снайдера, о системе Болла, отчет Английского комитета о выборе системы Снайдера, о результатах стрельбы на меткость из ружья системы Шасспо, о ружье Дженкса, об опытах в Льеже на Королевской ружейной мануфактуре;
1867 г. – об испытании Оружейным комитетом Великобритании 94 систем скорострельных ружей, инструкцию по обучению войск ружьям системы Снайдера, о ружьях Фужеру, о 8 системах ружей, отобранных для дальнейших испытаний, отзыв о системе Шапссо, состоящего при Греческой миссии французского гвардейского поручика Бурбаки, штуцер мастера Келка, «Отчет о состоянии, развитии и направлениях стрелкового дела в Великобритании», описание и чертежи системы Пибод;
1868 г. – о картечнице Бертрана.
Из Парижа военный агент Петр Львович Виттенштейн сообщил:
1862 г. – рапорт о переделке во Франции 200 000 ружей системы Шасспо;
1864 г. – о капсюльной и игольчатой системах Шасспо;
1865 г. – о введении игольчатой системы Шасспо;
1866 г. – о перевооружении ружьями игольчатой системы Шасспо – Плюмереля, о бумажном и металлическом патронах к ружью Шасспо;
1867 г. – об испытании в Литтихе ружья Дженикса, о переделках во Франции ружья по системе Снайдера, о ружье барона Гогенброка, об испытании на Венсенском полигоне ружья барона Гогенброка, о ходе изготовления во Франции ружей системы Шасспо;
1869 г. – о вооружении французской армии стрелковым оружием.
Из Стокгольма военный агент А. Моллериус сообщил:
1867 г. – о скорострельном ружье Шмидта, о перевооружении шведской армии ружьями системы Ремингтон;
1870 г. – о ручном огнестрельном оружии в Швеции.
Из Флоренции военный агент Рихтер сообщил:
1867 г. – о доставке нового итальянского казнозарядного ружья;
1869 г. – сведения о переделке 150 000 ружей.
Из США военные агенты А. Орлов и К. Гинниус сообщили:
1866–1868 гг. – о развитии артиллерийских систем в США, данные обо всех казнозарядных и магазинных ружьях, револьверах и пистолетах, созданных в США, о проводившихся испытаниях оружия, о существующих в стране оружейных заводах и их производственных возможностях, прислали ружья системы Пибоди, два ружья Моргенштерна, ружья Бердана, три ружья Снайдера под патрон Боксера, ружье Винчестера для императора, подробные сведения о ружье Дженкса, о картечницах Гатлинга.
Из Швейцарии были получены сведения о ружье Шмидта, четыре ружья, переделанные по системе Мильбанк—Амслера в мастерской Амслер—Лаффона[195].
В январе 1867 г., когда был организован Морской технический комитет, на него были возложена обязанность изучения иностранного опыта и перспектив развития зарубежных флотов.
В этот же период, в связи с модернизацией Российской империей своего военно-морского флота, резко возросла роль научно-технической разведки в сфере судостроения. Многочисленные инженеры и мастера-судостроители были срочно отправлены за границу для изучения иностранного опыта в этой сфере. Кроме этого, заказы на постройку нескольких военных кораблей были размещены на судоверфях Англии и США. В эти страны были командированы военные инженеры-судостроители не только с целью

контроля постройки заказанных Российской империей судов, но и изучения иностранного опыта[196].
В 1867 г. военный агент в Германии полковник Доппельмайер сообщил подробные сведения о способах испытания упругости стальных оружейных стволов.
В 1870 г. сменивший его Голенищев-Кутузов сообщил об «изменениях в германских игольчатых ружьях» и «вывод о пользе картечниц, сделанных прусским правительством» [197].
Также нужно отметить, что российское военное ведомство часто командировало за рубеж военных специалистов для ознакомления с иностранным опытом в военно-технической сфере.
С 1865 г. по 1866 г. в США находился ученый секретарь Артиллерийского комитета (Артком) Главного артиллерийского управления Александр Павлович Горлов. Во время своей командировки он собрал различные материалы «как относящиеся до артиллерийской специальности, так и вообще по военному делу». После его возвращения в Россию было принято решение создать новую винтовку для русской армии[198].
В 1867 г. он снова поехал в США, но теперь вместе с секретарем Оружейной комиссии Арткома ГАУ поручиком Карлом Ивановичем Гунниусом. Среди добытых ими «трофеев» – «4,2 линейная стрелковая винтовка образца 1868 г.».
В марте 1869 г. поручик Гунниус умер, а Горлов был назначен военным агентом в США. Он получил задание выяснить, что такое картечница Гатлинга. Он не только добыл ее подробное описание, но и создал вариант под русский патрон. В 1870 г. картечница Гарлинга – Горлова была принята на вооружение полевой артиллерией российской армии. В 1871 г. в каждой артбригаде было сформировано по одной батарее из восьми картечниц. В 1876 г. их передали на вооружение крепостей[199].
В июле 1873 г. Горлов был назначен военным агентом в Великобритании[200]. Изучив британский опыт по использованию холодного оружия, он предложил усовершенствовать сабли, которые состояли на вооружении российской кавалерии. Идея заключалась в том, что с помощью этого оружия можно было наносить не только рубящие, но и колющие удары. В результате в 1881 г. на вооружение в российской армии были приняты новые драгунские, казачьи шашки и палаши[201].
В 1881 г. Горлов добыл Наставление об обучении войск полевой артиллерии в Англии. В 1882 г. он вернулся в Россию[202].
В июне 1876 г. в США на празднование 100-летнего юбилея принятия Декларации независимости приехал великий русский химик Д. И. Менделеев. Его поездку организовало Русское техническое общество, активно сотрудничавшее с российской разведкой. Среди прочих заданий, которые предстояло выполнить ученому во время ознакомительной поездки по США, было два непосредственно связанных с «промышленным шпионажем».
В тот период Российская империя пыталась решить проблему удешевления процесса добычи нефти. Из ста нефтедобывающих компаний, которые начали работать, выжило только четыре. Остальные закрылись, не выдержав конкуренции с более дешевой американской нефтью.
Д.И. Менделееву предстояло выяснить, как американские нефтедобывающие компании смогли значительно снизить себестоимость процесса добычи нефти. В результате поездки по стране и многочисленных встреч с людьми, связанными с нефтедобычей, Д.И. Менделеев подготовил подробный анализ ситуации и дал свои рекомендации по удешевлению процесса добычи нефти.
Вторая проблема, которую предстояло решить ученому, – раскрыть секрет производства бездымного пороха. И здесь он добился больших успехов. Не только сумел получить секретные формулы, но на их основе разработать более эффективный вид бездымного пороха[203].

В 1892 г. находящийся проездом в США капитан 1-го ранга Ф.В. Дубасов сумел добыть копии чертежей новейшего броненосца[204].
В Великобритании с 1891 по 1894 г. в качестве военно-морского агента находился капитан 1-го ранга З.П. Рожественский. Он «обратил внимание на развиваемый англичанами новый тип минного крейсера, разведчик достал и выслал в ГМШ схему устройства компенсирующего вибрацию корпусов новых английских миноносцев, строящихся на фирме «Ярроу», подробно доложил о характеристиках и планах строительства истребителей миноносцев типа «Хэвок»…»[205].

Организация военно-технической разведки в Российской империи в начале прошлого века

К началу прошлого века сотрудники российской военной разведки и дипломаты были заняты добычей совершенно другой информации. Военных интересуют мобилизационные планы и степень готовности к войне потенциальных противников. Дипломатия – истинные взаимоотношения между странами.
В задачи созданного в 1903 г. VII отделения (статистика иностранных государств) 1-го военного статистического отделения управления 2-го генерал-квартирмейстера Генерального штаба входило «рассмотрение изобретений по военной части»[206].
В 1906 г. на специальном совещании, организованном Генеральным штабом и посвященном «составлению программы для военных агентов», выяснилось, что научно-техническая разведка работает крайне неэффективно. Представители всех главных управлений Генерального штаба высказали резко отрицательное мнение об эффективности добычи информации военными агентами по данному вопросу.
Например, представитель Главного артиллерийского управления заявил, что военные агенты не смогли добыть почти ничего из той информации, которая необходима данному управлению. Ежегодная практика командировки за рубеж 4–5 офицеров-артиллеристов не может решить возникшей проблемы. Поэтому как вариант решения данной проблемы – сбора информации для Артиллерийского управления – была бы практика прикрепления к военным агентам помощников – офицеров-артиллеристов для координации сбора необходимых сведений. Другим предложением представителя Главного артиллерийского управления было внесение в годовую смету расходов этого ведомства специальной статьи расходов – на покупку секретных чертежей и документов.
Данное предложение принято не было. Зато всем заинтересованным управлениям Генерального штаба было предложено составить список интересующих их вопросов для последующей рассылки обобщенного перечня всем военным агентам. Правда, перечень получился очень объемным, не были выделены первоочередные вопросы, информация по которым больше всего требовалась. Кроме этого, к пояснению к рассылаемому перечню Генеральный штаб «честно» предупредил военных агентов, что на все вопросы ответить все равно невозможно, поэтому нужно выбрать только те, на которые достаточно просто получить ответ. В результате заинтересованные управления получили в лучшем случае ответы на второстепенные вопросы, а в худшем остались вообще без ответа[207].
Другая причина неудач в сфере научно-технической разведки военных агентов – их низкий уровень военно-технической подготовки. В силу множества причин на эти должности назначали выпускников Николаевской академии Генштаба, а не, например, Михайловской артиллерийской академии. Поясним, что первая готовила будущих командиров корпусов и армий, а вторая – специалистов-артиллеристов.
Слабая военно-техническая подготовка военных агентов в начале прошлого века иногда становилась причиной конфузов. Так, военный атташе в Вене прислал «чертеж трубки австро-венгерской полевой артиллерии № 5 образца 1905 года». Вскоре выяснилось, что это деталь почтовой повозки.

Другой военный агент добыл 500 граммов новейшего и секретного немецкого пороха S. Позже выяснилось, что разведчику продали порцию старого пороха.
Военный агент в Брюсселе купил чертежи и описание «дистанционной трубки». В Санкт-Петербурге выяснили, что это «грубо отделанная болванка, похожая на трубку»[208].
Несмотря на это, российские подданные все же занимались военно-технической разведкой и достигли определенных успехов. Так, русские конструкторы-оружейники, проникнув инкогнито в Германию, имели возможность детально ознакомиться с новейшими образцами немецкого оружия[209]. Чиновник МИДа Иван Манасевич-Мануйлов, который в начале прошлого века специализировался на политическом шпионаже и внешней контрразведке, в 1905 г. за добытые сведения о современных образцах оружия и боеприпасов, использующихся в вооруженных силах западноевропейских стран, получил от Главного артиллерийского управления 16 тысяч марок и 40 тысяч франков[210].
В 1912–1913 г. в США военно-морской агент капитан 1-го ранга Д. Васильев сумел добыть секретные сведения:
спецификации и чертежи строящихся линейных кораблей «Пенсильвания» и «Оклахома»;
чертежи строящейся канонирской лодки «Сакроменто»;
спецификации подводных лодок Н-3 (№ 31), Н-2 (№ 32), К-5, К-6, К-7 (№ 36, 37, 38);
лекции главного инженер-механика американского флота;
чертежи электрической проводки на линейном корабле «Вайоминг»;
спецификации миноносцев № 43–50;
чертежи подводного аппарата для линкоров системы Вашингтонского адмиралтейства образца 1912 г.;
описание устройства усовершенствованных мин Уайтхеда и Блисса 1911–1912 г.;
брошюру о взрывных веществах и минных заграждениях издания 1909 г.;
чертежи 12– и 14-дюймовых снарядов образца 1912 года;
чертежи новой снарядной трубки, использовавшейся на флоте;
чертежи 14– и 16-дюймовых орудий[211].
Справедливости ради отметим, что военно-морские агенты в других странах не могли заявить о подобных успехах в сфере научно-технической разведки.
С чем была связана такая резкая утрата повышенного интереса к чужим технологиям? Объяснение простое – красть чужие технологии Российской империи больше не требовалось.
Это не значит, что наша страна отказалась от использования чужих достижений для совершенствования собственных технологий или решила придерживаться принципа, гласящего, что воровать плохо. Просто другие державы сами делились, в разумных пределах, секретной информацией. И происходило это по нескольким причинам.
Начнем с того, что Англия и Франция стали союзниками России. И красть у друзей стало как-то неприлично. Например, военный агент во Франции граф П. Игнатьев старался не проводить разведывательных операций на территории этой страны. Тем более что Франция сама регулярно делилась информацией о новых технологиях, в первую очередь в военной сфере, с нашей страной.
Часто российские военные специалисты легально посещали секретные предприятия. Например, морской инженер В. Костенко был командирован для наблюдения за строительством крейсера «Рюрик». Все три месяца пребывания в этой стране офицер регулярно посещал броневые и снарядные заводы Брауна и Фирти в Шеффилде. Кроме этого, он ознакомился с чертежами и деревянными моделями строящихся на стапелях в Белфасте трансконтинентальных лайнеров «Титаник» и «Олимпик». Он обратил внимание на низкую живучесть корабля в случае его столкновения с айсбергом и предупредил об этом британских судостроителей. К сожалению, его предупреждение не было услышано.
Такие командировки были распространены среди отечественных специалистов. Тот же В. Костенко в 1904 г. выехал за рубеж для наблюдения за постройкой броненосца «Орел». На нем младший помощник судостроителя А. Н. Крылова участвовал в Цусимском

сражении и попал в японский плен. После освобождения он не сразу поехал домой, а сначала посетил судоверфи Америки, Англии, Франции и Швейцарии[212]. Страны – сохранившие нейтралитет во время Первой мировой войны либо воевавшие против Германии. Для них Российская империя была стратегическим союзником.

Как это ни парадоксально звучит, но и Германия также иногда делилась секретной информацией с Российской империей. И происходило это под чутким руководством двух императоров – германского Вильгельма II и российского Николая II. Этих двух людей, кроме династических уз, связывала еще и личная дружба. Если такая вообще возможна между правителями двух великих держав.

Из переписки между ними, которая охватывает период с 1894 по 1914 г., можно узнать массу интересных фактов. Например, осенью 1902 г. Россия получила секретные чертежи кораблей германского флота, за которыми активно охотились разведки многих европейских держав[213].

Еще один важный фактор – появление дешевой рабочей силы после отмены крепостного права в 1861 г. и благоприятные экономические условия привлекли зарубежных инвесторов. Иностранные специалисты устремились в Российскую империю. В первую очередь германские промышленники. С этой державой у нашей страны были особые отношения.

«Россия всегда нуждалась в немцах, которые были ее учителями, и слишком доверяла им, допуская немцев во все отрасли управления и государственного строительства»[214], – писал один из офицеров российской контрразведки в начале прошлого века. И многие известные дореволюционные отечественные военачальники, ученые, дипломаты и промышленники носили немецкие фамилии, но при этом большинство из них верно служили Российской империи. Хотя бывали и исключения.

Вот один из таких примеров. Расположенная в Санкт-Петербурге Путиловская судоверфь полностью находилась под контролем гамбургской фирмы «Бинт и Фокс». Директора судоверфи – Оранский, Бауер и Поль, начальники отделов: военного судостроения – Шеллинг, большой и малой судостроительных верфей – Реймер и Фент, их помощники, почти все чертежники (более 100 человек), большая часть коммерческого отдела, электромонтеры и прочие – все были без исключения немецкие подданные[215].

В начале войны Оранский был арестован российской контрразведкой по подозрению в шпионаже. При обыске у него были изъяты:

· судостроительная программа на 1912–1930 гг.;

· технические условия по морскому судостроению;

· технические материалы по Ижевскому заводу;

· технические условия на поставку металла на Петербургский военный завод[216].

В докладе, подготовленном начальником Центрального контрразведывательного отделения Главного управления Генерального штаба Российской армии летом 1917 г., освещалась деятельность германской разведки при посредничестве торгово-промышленных предприятий, судоходных компаний, торговых фирм, российских банков, страховых обществ и т.п. По утверждению авторов документа, немецкая агентура пронизывала все стороны жизни Российской империи[217]. Другое дело, что большинство приведенных в тексте доклада фактов так и не были доказаны. Когда большевики во главе с Владимиром Лениным пришли к власти, то они очень тщательно изучили все, что имело отношение к германскому шпионажу на территории Российской империи во время Первой мировой войны. Органы госбезопасности активно искали неразоблаченную царской контрразведкой немецкую агентуру. Обнаружить удалось очень мало настоящих немецких разведчиков.

В годы «холодной» войны историки из КГБ еще раз проанализировали все доступные документы. И им не удалось обнаружить следов деятельности огромной агентурной сети противника.

В 1991 г. специалист в области истории немецкой разведки В. М. Гиленсон в своей работе «Германская разведка против России» написал:
«Исследования, проводившиеся в России по поводу неудач поражения русской армии в Первой мировой войне в связи с действиями немецкой разведки, позволяют судить, что действия последней не оказали на это сколь-нибудь существенного влияния. Немецкий шпионаж не имел прямого отношения к тем или иным поражениям русской армии.
Проигранные русской армией сражения, как показывает внимательное изучение документов, не были следствием предательства или деятельности немецких военных разведчиков на уровне государственного или военного руководства. Германской агентурной разведке не удалось внедрить своих людей на ключевые посты в командование русской армии, подавляющее большинство солдат и офицеров до конца выполнили свой долг. Поражение русских войск объясняется совершенно другими причинами, к числу которых можно отнести ошибки Верховного командования, вытекающего из невнимательного отношения к данным собственной разведки, а также стремлению Ставки идти навстречу требованиям союзников России, не считаясь с реальной обстановкой, что привело к стратегическим просчетам, оплаченным большой кровью»[218].
Когда по тем или иным причинам не удавалось пригласить иностранных специалистов, приходилось самим внедрять зарубежные технологии. Типичный пример – история развития военного авиастроения в Российской империи. В начале прошлого века самолет использовался в двух сферах: как игрушка для очень богатых людей или в качестве нового средства нападения и ведения разведки.
Еще до начала Первой мировой войны, 13 мая 1914 г., отечественное Морское ведомство, разочарованное гидропланами Сикорского С-10 постройки БВ-3, вынужденно констатировало, что «наши заводы... зарекомендовали себя с самой неблагоприятной стороны, как в смысле недостатка необходимой тщательности разработок деталей и техники их выполнения, так и смысле соблюдения сроков». Поэтому было принято решение закупать авиационную технику за рубежом.
Было ввезено порядка 1800 самолетов и 4000 двигателей. Маршрут движения груза проходил через северные или дальневосточные порты, был небезопасен и долог. Огромные залежи оборудования скапливались на пристанях и подъездных путях, и даже особые группы офицеров – «толкачей» – не смогли наладить их оперативную доставку на фронт. И тогда решили активно использовать трофейную технику.
Чаще всего на ней летали русские авиаторы. Хотя иногда добытые образцы отправлялись в глубь страны, подальше от линии фронта. Известны как минимум названия двух отечественных компаний, которые специализировались на серийном производстве «контрафактных» самолетов[219].
Акционерное общество воздухоплавания В.А. Лебедева приступило к их выпуску в 1915 г. В качестве базовых моделей, например, были использованы трофейные морские аэропланы: Ханза – Брандербург тип В и Фридрихсхафен тип ФФ.33[220].
Другая фирма – компания одесского банкира А.А. Анитра. Незадолго до августа 1914 г. он сумел каким-то образом купить лицензию на сборку немецких бипланов модели «Авиатик П20». Производство успешно функционировало до 1918 г.[221]
Другой пример. До начала Первой мировой войны многие модели отечественных самолетов комплектовались немецкими моторами. Понятно, что с началом боевых действий эти поставки прекратились. Сначала пытались использовать технику союзников – Франции и Англии, но тогда снижались летные качества машин. И поэтому летом 1915 г. в авиационном отделе РБВЗ под руководством инженера В.В. Киреева был разработан рядный 6-цилиндровый двигатель воздушного охлаждения РБВЗ-6 в 150 л.с по типу германского «Аргуса» в 140 л.с. Этот мотор строили серийно, к осени 1916 г. на русских заводах выпускали по 10–15 моторов. Их ставили на различные модификации «Муромцев».

В 1916 г. в городе Александровске Запорожской губернии (ныне Запорожье) был организован моторостроительный завод «Дюфлон и Константинович» (Дека). По замыслу он должен был обеспечивать самолеты русской армии моторами по типу трофейных «Мерседесов» в 100 л.с. и «Бенц» в 150 л.с.. В 1916–1917 гг. на заводе под руководством инженера Воробьева занимались выпуском рабочих чертежей двигателей М-100 по типу 100-сильного «Мерседеса». В работе принимал активное участие студент В. Я. Климов, впоследствии генеральный конструктор авиадвигателей. До конца 1917 г. завод так и не успел организовать серийный выпуск моторов[222].

Во время Первой мировой войны началось активное изучение трофейной техники. Однажды русские подбили немецкий самолет. Германский летчик, чтобы не выдать секрета, выбросил одну из деталей пулемета в болото. Он и его пытался уничтожить, но не смог. Отечественных оружейников заинтересовал новый принцип оружия, но для того, чтобы разобраться в нем, нужно было восстановить недостающую деталь. И тогда Дегтярев, ставший впоследствии знаменитым оружейным конструктором и вторым (после Сталина) Героем Социалистического Труда, без проблем справился со стоящей перед ним задачей[223].

Часть третья
Контрразведка и защита госсекретов

Глава 18
Военная контрразведка с древнейших времен до начала прошлого века

Известно, что еще до прихода татаро-монгольского войска на Русь князья, среди прочего, уделяли повышенное внимание выявлению вражеских лазутчиков. Дело в том, что основная опасность для них исходила не от местного населения, а ближайших и дальних соседей, которые мечтали либо занять место правителя, либо захватить контролируемую им территорию.

Первая контрразведывательная операция, если выражаться современным языком, фиксируется отечественными и зарубежными источниками уже при князе Владимире Святославиче Красное Солнышко (948–1015). В Польше в то время правил хитрый и предприимчивый Болеслав I Храбрый[224], задумавший расширить свои владения за счет Руси. В граничащем с Польшей Туровском княжестве правил тогда пасынок Владимира Святополк, не имевший никаких оснований испытывать к киевскому князю нежные чувства. Учитывающий все это Болеслав поспешил выдать за Святополка свою дочь и в помощь к ней направил католического епископа Рейнберна. Обещая поддержку польского короля, вдвоем они легко убедили Святополка отложиться от Киева. Однако Владимир, узнав, «что его сын по наущению Болеслава намерен тайно против него выступить», приказал схватить всех троих заговорщиков. Приказание было выполнено, и пленников бросили в столичную темницу, где епископ вскоре скончался. Очевидно, что кто-то внимательно следил за туровским князем и в нужный момент сообщил о подстрекаемой из-за границы подготовке мятежа великому князю в Киев.

Другой пример. Дружинники владимирского князя Юрия Всеволодовича[225] захватили в районе Суздаля двух высокопоставленных агентов монгольского хана Батыя, которые шли с секретным заданием к венгерскому королю Белу IV[226]. У доставленных во Владимир шпионов нашли письмо к королю с предложением военного союза против Руси и половцев, написанном на венгерском языке. Сами эмиссары также говорили на нескольких иностранных языках[227]. Так и не дождавшись ответа от венгерского короля, Батый в 1241 г. оккупировал территорию страны. Сам Бела IV был вынужден искать

убежища в Австрии, где герцог Фридрих II оказал ему гостеприимство, но отобрал за это всю венгерскую казну. Когда в 1242 г. монголы оставили Венгрию и повернули назад в Монголию, Бела IV вернулся в свою страну и приложил всевозможные усилия к восстановлению страны, для чего отстраивал разоренные монголами города, привлекал всячески новых поселенцев и в 4 года почти совершенно сгладил следы произведенных опустошений, за что и получил прозвище «второго основателя Венгрии». Вот так операция «контрразведки» русского князя Юрия Всеволодовича повлияла на историю одной из стран Восточной Европы.

В январе 1493 г. в Москве произошла казнь изменников. На льду Москвы-реки сожгли князя Ивана Лукомского[228] и его сообщника – латинского толмача (переводчика) Матиса Ляха, а также двоих жителей Смоленска – братьев Богдана и Олехну Селевиных. Согласно тогдашней официальной версии, братьев Селевиных казнили за то, что они «посылали з грамотами и с вестми человека своего Волынцева к князю литовскому Александру Литовскому[229]. А князя Ивана Лукомского послал к великому князю служить король польский Казимир, а привел его к целованию на том, что ему великого князя убить или зелием окормить, да и зелие свое с ним послал, и то зелие у него выняли»[230].

Контрразведка в XVII – XVIII веках

В 1615 г. Разрядный приказ «издал» указание о том, что «беречь накрепко, чтоб в полках из немецких полков лазутчиков не было»[231]. Учитывая то, что, среди прочего, данное учреждение было прообразом современного военного ведомства, можно утверждать, что оно занималось, среди прочего, и вопросами контрразведки.

В марте 1632 г. пограничный севский воевода Михаил Еропкин сообщил в Москву о приходе в Севск из Новгород-Северска шляхтича Яна Заболоцкого, сообщившего о предстоящей засылке из Польши в Россию лазутчиков под видом послов нейтральной Австрии с целью осмотра «порубежных городов и крепостей»[232].

Во второй половине XVII в. белгородский воевода сообщил в Москву, что «… Ивашка Брюховецкий в твои государевы украинские города лазутчиков иных в черном платье (священнослужителей. — Прим. авт.), а также де государь лазутчики в Белгороде иные переиманы»[233].

Поясним, что Иван Брюховецкий в 1663 г. по инициативе Москвы был избран гетманом Левобережной Украины, а в 1668 г. решил изменить России. По его указанию часть московских воевод была перебита, остальные смогли спастись, но поддержки народа гетман не получил. Он попытался заключить военный союз с турецким султаном и крымским ханом. Был казнен в 1668 г.[234]

В Тайный приказ воевода из города Борисова Хлопов сообщил о «шатости» в войсках гарнизона, возглавляемого полковником Томасом Бели, потому что «тот полковник Томас тебе великому государю в службе неверен, а почему неверен, и я холоп твой, отпишу тебе великому государю вперед, а ныне написать не успел»[235]. Возможно, что воевода планировал провести расследование и о результатах доложить в Москву.

Накануне очередной Русско-польской войны 1653–1655 гг. вопросами организации борьбы с иностранным шпионажем занимался лично глава правительства боярин Борис Морозов. К тому времени в стране уже была разработана система контрразведывательных мероприятий, которая постоянно усовершенствовалась. Были и органы, которые, среди прочего, занимались противодействием иностранному шпионажу. Посольский приказ отвечал за нейтрализацию шпионов в Москве, а Разрядный приказ – в приграничных районах.

Кроме этого, иностранцам было запрещено посещать Сибирь и юго-восточные районы страны (Астрахань и Поволжье), где проходили торговые пути в Персию, Бухару, Индию и на Кавказ. Их не опускали в расположение русских крепостей, особенно в приграничных районах.

Иностранные дипломаты находились фактически под круглосуточным наблюдением посольских приставов. Последние выполняли двойную задачу. С одной стороны, они должны были обеспечить комфортное существование иностранцев в России, а с другой – минимизировать их возможность общения с местным населением. Всех, кто все же сумел пообщаться с дипломатами, задерживали и доставляли в Посольский приказ для допроса.
Иностранцам запрещалась носить русскую одежду и нанимать русских слуг. Селить их старались компактно. Еще в середине XVI в. для иностранцев в Москве около реки Яуза была организована Немецкая слобода.
В Соборном уложении 1649 г. в одной из статей говорилось:
«Кто захочет московским государством завладеть или какое дурно учинить, и про то кто на него известит, и по тому извету сыщется про тое его измену допряма, и такова изменника по тому же казнить смертию».
Говоря современным языком, за шпионаж была предусмотрена высшая мера наказания[236].
В 1663 г., во время Русско-польской войны, двое разведчиков противника были направлены для сбора информации в Москву. Через несколько дней русские воеводы И. Хованский и Г. Лавров сообщили об этом царю. Эту информацию они получили от торговых людей. Вот что сообщили, в частности, бизнесмены:
«…зовут Микушев, родом лях, ростом средний, волосом рус, бороду бреет… и другого Онашкою зовут Васильев сын Шышенок, белорус, головы на голове русы, ростом высок, бородка онденька, невелика, на двое. А срок им стать на Москве – Николин день, мае в 9-й день… А станут они на Москве в татарской слободе»[237]. Понятно, что при наличии таких подробных примет отыскать лазутчиков в Москве было не сложно.
В XVIII в. вопросами контрразведки занимались дипломатическая служба и полевое военное командование. Так, в параграфе два инструкции воеводам 1719 г. говорилось:
«Надлежит ему воеводе старательно осмотрительство иметь, чтобы никакие шпионы от государственных неприятелей в его провинции не обретались»[238].
Тайная канцелярия занималась решением этой проблемы крайне редко. Так, в 1726 г. в Шлиссельбургскую крепость был тайно заточен шведский шпион капитан Цейленбург с приказанием держать его в строжайшей изоляции. Через 15 лет сыскное ведомство даже не смогло объяснить причин ареста узника[239].
Военные власти расследовали в 1741 г. деятельность ревельского купца Иоганна Витте, который был тайным информатором Стокгольма.
В 1743 г. велось следствие над шведскими дезертирами Ю. А. Ф. Гавони и И. Коконте, обвинявшимися в шпионаже[240].
Императрица Елизавета Петровна 11 июня 1742 г. приказала издать указ об организации в России контрразведывательной службы – под эгидой Секретной экспедиции Сената и Коллегии иностранных дел: учреждались должности тайных агентов, обязанных вести проверку паспортов, досмотр судов и карет, наблюдать за приезжающими иностранцами. Однако с этого времени дела о шпионаже передавались непосредственно в Тайную канцелярию[241].
В 1744 г. был пойман шведский шпион Александр Луетин.
В 1749 г. схвачен солдатами Астраханского пехотного полка обходивший караулы уроженец Финляндии Томас Гранрот.
В 1752 г. расследовалось дело купца Якова Гарднера и слуг подполковника Ингерманландского полка барона Лейтрома, подозревавшихся в шпионской деятельности[242].
В 1756 г. началась шпионская эпопея француза шевалье Мейсонье де Шуазель, которого Париж послал в Россию «в качестве француза, недовольного своим отечеством», с целью устроиться на службу… у английского посла при российском дворе Уильямса. Дипломат сразу разоблачил агента, и последнему пришлось срочно бежать в Ригу. Там он непродолжительное время следил за военными приготовлениями России в Лифляндии, но

был скоро разоблачен. По итогам следствия императрице было доложено, что «сей француз прямой и небезопасный шпион, потому что самую подозрительную корреспонденцию под подложными именами производил и в главных приморских городах приискивал себе корреспондентов». В 1757 г. Россия стала союзницей Франции во время Семилетней войны, и Мейсонье де Шуазель был выпущен на свободу[243].

В 1757 г. были задержаны прусские шпионы барон Ремер и слуги принца Антона Ульриха Ламберт и Эрик Стампель. Полковник Нарвского гарнизона Сванге-Блюм и нарвский комендант барон фон Штейн попались на передаче секретных сведений прусским властям в письмах, адресованных в гарнизон польского города Данциг.

В 1758 г. за аналогичные преступления были осуждены капитан Альбрехт Ключевский и драгун Абрам Дейхман. За добывание секретной информации для Пруссии в том же году под следствие попал прапорщик Павел Калугерович, а в 1759 г. – инженер-поручик Фридрих Теш и вахмистр Мартин Келлер, в 1761 г. – Даниил Фишер.

Бдительный армейский поручик Тизенгаузен в феврале 1761 г. опознал в торговце из польского Торуня Фишера прусского «аудитора» по имени Лоэ. Арестованный военными властями «коммивояжер» сознался, что был завербован прусским фельдфебелем Янцыном, в «мужичком платье» действовавшим в тылу русских войск. Назвал он имя еще одного агента: Ян Петерсон. Оба шпиона должны были разведать места дислокации русских войск в окрестностях Гданьска[244].

В июне 1761 г. был арестован генерал-майор русской армии уроженец Саксонии граф Готлиб Курт Генрих Тотлебен. Его обвинили «в переписке с неприятелем через некого «жида», у которого были найдены донесения генерала-изменника и копии «секретных ордеров» русского командования»[245].

В июле 1791 г. был арестован член Коллегии иностранных дел надворный советник Иван Вальца. С 1787 г. он регулярно сообщал в Париж сведения о внешней политике Екатерины II[246].

В июне 1794 г. был арестован капитан Черноморского ВМФ капитан-лейтенант Монтегю, который был агентом французской разведки[247].

Важную роль в выявлении иностранных шпионов играла внешняя разведка. Российские послы в Турции не жалели денег и подарков на подкуп местных должностных лиц, зачастую отдавая для этого и свои личные средства. Поэтому Петр I был хорошо осведомлен о замыслах своего могущественного противника. Однажды в Стамбуле была получена информация, со всей срочностью переданная в Россию:

«По велению султана турского велено господарю мультянскому (молдавскому) послать нарочно двух человек из греческих купцов в Российское государство под именами купеческими будто для торгового промыслу, а в самом деле для того, чтобы они всякими мерами промысл чинили: высокую персону его царского величества через отраву умертвить. За что ему, мультянскому господарю, от Порта обещано вочно иметь господарство и его наследникам».

Государственный канцлер граф Головин дал указание о сыске «купцов», которые были арестованы в Москве. Помимо тщательно замаскированной склянки с ядом, у них были обнаружено несколько десятков тысяч червонцев и алмазы на большую сумму.

Военная разведка донесла и о готовившемся в 1712 г. секретными агентами Карла XII вооруженном выступлении пленных шведов, множество которых находилось в Москве[248].

Об успехах Третьей экспедиции Третьего отделения в сфере противодействия иностранному шпионажу почти ничего неизвестно, хотя оно было создано в 1826 г.[249] и просуществовало до 1880 г. Одна из причин – большинство отечественных историков сконцентрировали свои усилия на изучении лишь одной сферы деятельности Третьего отделения – политического сыска.

Рождение военной контрразведки

Накануне Отечественной войны 1812 г. в ходе военной реформы, проводившейся военным министром России генералом от инфантерии М.Б. Барклаем де Толли, в России была впервые организационно оформлена военная контрразведка. В документах 1812–1815 гг. она также именовалась «высшей», «вышней» и «воинской» полицией.

Формирование новой структуры началось в марте 1812 г., когда были назначены руководители «высшей полиции» – директора в каждую из трех армий. В 1-й Западной армии (главнокомандующий – Барклай де Толли) этот пост занял бывший директор Особенной канцелярии Министерства полиции Яков де Санглен[250], который с 17 апреля 1812 г. одновременно являлся директором Высшей военной полиции при военном министре; во 2-й Западной армии (главнокомандующий – генерал от инфантерии князь П.И. Багратион) директором полиции стал подполковник маркиз М.-Л. де Лезер, эмигрант-роялист из Франции, с 1800 г. состоявший на русской службе, и в 3-й Западной армии (главнокомандующий – генерал от кавалерии А.П. Тормасов) – действительный статский советник И.С. Бароцци, занимавшийся организацией разведки во время войны с Турцией 1806–1812 гг.

Фактически аппарат военной контрразведки существовал только в 1-й армии, где был образован штат чиновников и канцелярия. Ему подчинялась полиция всех губерний Российской империи от границы с Австрией до Балтийского моря. Во время войны сотрудники де Санглена осуществляли операции также в полосе действий 2-й и 3-й армий.

Директора Высшей военной полиции 2-й и 3-й армий не успели приступить к формированию штата сотрудников. Бароцци, едва прибыв в 3-ю армию, уехал в Санкт-Петербург, так как, по его словам, имел от командования Молдавской армии особое поручение к императору. Де Лезер, появившийся во 2-й армии лишь после падения Смоленска (август 1812 г.), был заподозрен, как и другие иностранцы, в «сношениях с неприятелем» и выслан в Пермь (в 1813 г. был оправдан и возвращен на службу).

В сентябре 1812 г., после отставки Барклая де Толли с поста военного министра, де Санглен и его сотрудники, находившиеся в прямом подчинении главы военного ведомства, вместе с канцелярией министерства отбыли в Санкт-Петербург. Директором Высшей военной полиции в армии был назначен бывший чиновник Министерства полиции надворный советник барон П.Ф. Розен, помощник де Санглена. Введение в декабре 1812 г. должности военного генерал-полицмейстера не изменило контрразведывательных функций армейской полиции, о чем говорилось в одном из приказов М.И. Кутузова.

Кадры Высшей военной полиции составлялись из сотрудников Министерства полиции (отставной поручик И.А. Лешковский, надворный советник И.А. Шлыков), местных полицейских чиновников (виленский полицмейстер Вейс и ковенский – майор Е. Бистром), отставных военных (подполковник Е.Г. Кемпен), чиновников различных ведомств (А. Бартц из таможни, коллежский секретарь В.П. Валуа) и даже иностранцев на русской службе, таких, как, например, отставной ротмистр австрийской армии по национальности итальянец В. Ривофинноли.

С началом Отечественной войны 1812 г. сотрудники Высшей военной полиции были направлены на фланги и в тыл противника. При оставлении территории в их задачу входило создание агентурных групп (в Полоцке, Могилеве и др.). В канцелярию Высшей военной полиции постоянно поступала информация о движении войск неприятеля, положении в его тылу. К примеру, П.Ф. Розен и Е.А. Бистром действовали в районе Динабург – Рига, А. Барц – в районе Белостока, где попал в плен к французам; В. Ривофинноли – в Подмосковье; Шлыков оперировал под Полоцком и Смоленском, затем в полосе 3-й армии, позднее выявлял агентуру противника в Москве. И.А. Лешковский был прикомандирован к корпусу генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна. Е.Г. Кемпен послан в Мозырь в корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля для развертывания агентурной работы на территории Белоруссии. К.Ф. Ланг

с двумя казаками специализировался на захвате «языков» (всего взял их десять), при этом был ранен. Вейс пропал без вести; В.П. Валуа на короткий срок попал в плен.
Деятельность Высшей военной полиции во время Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. заключалась в сборе разведывательной информации и противодействии французскому шпионажу. Кроме чисто военных задач, ею выполнялись и политические – контроль на местах и выявление должностных преступлений интендантов и поставщиков товаров для армии[251].
Отдельно следует отметить деятельность службы военно-секретной полиции в частях Отдельного оккупационного корпуса (численность 35 тыс. человек), который дислоцировался на территории Франции. В задачу представителей полиции входило оперативное обеспечение корпуса, борьба с дезертирством, профилактика и расследование уголовных преступлений, совершенных как самими военнослужащими, так и против них. Командовал службой военно-секретной полиции подполковник Иван Липранди. Когда осенью 1818 г. корпус был выведен из Франции, то выяснилось, что за четыре года не боевые потери (дезертирство, гибель в результате бытовых ссор и т.п.) этого соединения составили всего лишь 3% от его численности. По тем временам это довольно мало. И в том, что большинство военнослужащих вернулись в Россию, во многом заслуга военно-секретной полиции.

Чем занималась Высшая военно-секретная полиция

После победоносного похода в Европу и возвращения русской армии на родину значительная часть войск была расквартирована в Королевстве Польском и западных приграничных губерниях России. Главная квартира главнокомандующего 1-й Западной армии генерала-фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли находилась в Могилеве. Обстановка в западных районах была тревожной. Умный и опытный фельдмаршал понимал, что без планомерно организованной разведки и контрразведки стабилизировать ситуацию в регионе не удастся. Поэтому по его инициативе в 1815 г. при Главном штабе русской армии на базе расформированной Высшей военной полиции 1-й армии создается отделение Высшей военно-секретной полиции с центром в Варшаве.
Основное внимание сотрудников этого органа было сосредоточено на армии Королевства Польского (королем Польши в 1815–1830 гг. был русский император, а наместником – великий князь Константин Павлович). Высшая военно-секретная полиция находилась в подчинении начальника Главного штаба «Его Императорского Величества» генерал-лейтенанта барона Ивана Ивановича Дибича, а непосредственное руководство ее деятельностью осуществлял начальник Главного штаба великого князя Константина Павловича генерал-лейтенант Дмитрий Дмитриевич Курута.
Обязанности Высшей военно-секретной полиции были чрезвычайно широки. Одной из них являлось ведение разведки и внешней контрразведки в Австрии и Пруссии, сбор военной и политической информации об этих странах, «содержание агентов во многих городах за границею и в Королевстве Польском». В ее компетенцию входили, кроме того, военная контрразведка, политический сыск, а также борьба с контрабандистами, фальшивомонетчиками и религиозными сектами. Сотрудники военно-секретной полиции отслеживали на территории сопредельных с Россией государств вражеских агентов, засылаемых в империю. За подобными лицами велось тщательное наблюдение, как за рубежом, так и на российской территории.
Центральный аппарат военно-секретной полиции, находившийся в Варшаве, состоял из начальника отделения, чиновника по особым поручениям, прикомандированного жандармского офицера и канцеляриста, ведавшего делопроизводством. Но и при столь небольшом штате руководящих сотрудников секретная полиция добивалась впечатляющих результатов. Высшая военно-секретная полиция имела разветвленную сеть резидентур. В 1823 г. среди ее резидентов значились подполковник Засс, полковник Е.Г. Кемпен, дивизионный генерал Рожнецкий, руководивший Заграничной агентурой,

начальник 25-й пехотной дивизии генерал-майор Рейбниц, организовавший ведение разведки в австрийской Галиции, прежде всего в стратегически важном округе Лемберг (Львов). Чтобы не раздувать бюрократический штатный аппарат, для выполнения отдельных поручений регулярно привлекались армейские и жандармские офицеры, фельдъегеря, гражданские чиновники. Это были опытные и проверенные люди, которых посылали для ревизии деятельности агентуры на местах. Командиры воинских частей, расквартированных в западных губерниях Российской империи, также имели свою агентуру, выполнявшую задания Высшей военно-секретной полиции.

В целом работа Высшей военно-секретной полиции благодаря использованию офицеров армейских частей и чиновников местной администрации была довольно эффективной. Она не только организовывала разведку в приграничных государствах, а также контрразведку на своей территории за рубежом, но и по мере сил пресекала деятельность всевозможных сепаратистских националистических организаций, действовавших из-за границы.

Тем не менее она не смогла предотвратить антироссийские выступления, наиболее крупным из которых являлось Польское восстание 1830 г. Великий князь Константин Павлович едва не был убит в Варшаве. Ему с трудом удалось отступить и отвести русские войска в пределы Российской империи, где они соединились с армией генерал-фельдмаршала И.И. Дибича. Оба эти военачальника вскоре умерли от холеры. Очевидно, эти обстоятельства привели к упразднению в 1831 г. Высшей военно-секретной полиции[252].

Отдельно следует отметить деятельность учрежденной летом 1821 г. во 2-й Южной армии тайной полиции. Если в Польше угроза для вооруженных сил исходила от настроенного антироссийски местного населения, то во 2-й армии – от собственных военнослужащих. Так, входивший в ее состав 6-й корпус дислоцировался на территории недавно присоединенной к России Бессарабии. Служить туда отправляли разжалованных за разные преступления офицеров. В этот регион стремилось попасть огромное число уголовников, бродяг и авантюристов. Поэтому рассчитывать на высокий уровень боеспособности и дисциплины корпуса не приходилось. Чего именно опасалось командование можно узнать, ознакомившись с инструкцией-опросником «О предметах наблюдения для тайной полиции в армии»:

«…Не существует ли между некоторыми офицерами особой сходки, под названием клуба, ложи и прочего? Вообще какой дух в полках и нет ли суждений о делах политических и правительства?... Какие учебные заведения в полковых, ротных или эскадронных штабах; учреждены ли ланкастерские школы, какие в оных таблицы: печатыния или писанные и если писаные, то не имеют ли правил непозволительных».

Вооруженные силы – защитник или противник самодержавия

Одна из главных задач военной контрразведки – контроль над лояльностью военнослужащих вооруженных сил по отношению к действующей власти. Если не уделять этому достаточного внимания, то возможен военный переворот (восстание декабристов в 1825 г.) или армия позволит радикальной оппозиции реализовать свои политические планы (Октябрьская революция в 1917 г.). В обоих случаях власть знала о том, что в армии начались брожения, но ничего не сделала для нейтрализации смутьянов.

Проблемы с лояльностью армейских офицеров после окончания Отечественной войны 1812 г. власть впервые ощутила за несколько лет до декабря 1825 г., когда на Сенатской площади в Санкт-Петербурге произошло событие, известное как «восстание декабристов».

В октябре 1820 г. отказались подчиняться приказу солдаты лейб-гвардии Семеновского полка. После этого происшествия 4 января 1821 г. император Александр I утвердил проект создания Тайной военной полиции и выделил на ее содержание 40 000 рублей в год. Она должна была обслуживать гвардейский корпус. Ее основная задача – сбор информации

«не только обо всех происшествиях в вверенных войсках, но еще более – о расположении умов, о замыслах и намереньях всех чинов». При этом планировалось обойтись минимальными средствами. Штат нового органа состоял из 12 «смотрителей». Девять из них должны были следить за поведением и высказываниями нижних чинов в банях, трактирах и других общественных местах. Остальные трое – надзирать за офицерами. Также был назначен и управляющий библиотекарь Гвардейского штаба М.К. Грибовский[253].

Со своей задачей она справилась частично. Так, сотрудникам этого органа удалось проникнуть в руководящий орган «Союза благоденствия» – Коренной совет и подготовить подробный отчет о самом тайном обществе, его целях, персональном составе и конкретной антиправительственной деятельности. Правда, власти никак не среагировали на это сообщение. Как и на многочисленные доносы, которые начали поступать на имя императора в 1825 г.[254], Российский император так и не принял решительных мер по отношению к заговорщикам. Вернее, только за девять дней до своей смерти он прикажет начать аресты выявленных членов тайных обществ.

Восстание декабристов послужило очередным серьезным напоминанием императору, что он не всегда может рассчитывать на армию и за ней нужно внимательно и постоянно присматривать. Особенно за расквартированными в столице гвардейскими частями.

Напомним, что в истории Российской империи был период «дворцовых переворотов» (1725–1762), когда политику государства определяли отдельные группировки дворцовой знати, которые активно вмешивались в решение вопроса о наследнике престола, боролись между собой за власть, осуществляли дворцовые перевороты. Решающей силой дворцовых переворотов была гвардия, привилегированная часть созданной Петром регулярной армии (это знаменитые Семеновский и Преображенский полки, в тридцатые годы XVIII в. к ним прибавились два новых, Измайловский и Конногвардейский). Ее участие решало исход дела: на чьей стороне гвардия, та группировка одерживала победу. Гвардия была не только привилегированной частью русского войска, она являлась представительницей целого сословия (дворянского), из среды которого почти исключительно формировалась и интересы которого представляла. По аналогии можно сказать, что к 1917 г. российская армия, укомплектованная крестьянами (они составляли до 90% населения страны), тоже выражала интересы своего сословия. Добавьте к этому тот факт, что в начале прошлого века офицеры, да и сам «царь батюшка» не пользовались непререкаемым авторитетом, в отличие от начала XIX в. Поэтому рассчитывать на то, что офицеры смогут удержать контроль над распропагандированной агитаторами радикальной оппозиции солдатской массой, было бы неразумно. Первые тревожные «звонки» для власти прозвучали в последней четверти XIX в. О военно-революционной организации «Народная воля» (1881–1883) мы подробно расскажем ниже, а сейчас опровергнем одно распространенное заблуждение: после восстания декабристов власти ничего не сделали для того, чтобы предотвратить аналогичные события в будущем.

В 1826 г. Третьим отделением было организовано агентурное обеспечение гвардии, т.к. именно она активно участвовала в «дворцовых переворотах» в соответствующую эпоху и в восстании декабристов. В Секретном архиве» Третьего отделения сохранилось несколько дел под общим названием «Агентурные донесения и записки о наблюдении за состоянием воинских частей Петербурга». Оговоримся сразу: Третье отделение не имело собственной агентуры, а пользовалось услугами жандармских офицеров[255]. К началу тридцатых годов выяснилось, что офицеры гвардейских полков не представляют угрозы для власти, поэтому основное внимание было уделено частям и соединениям, куда были высланы участники тайных обществ[256].

Характеризуя настроение гвардейских полков, глава Третьего отделения А.Х. Бенкендорф в отчете своего ведомства за 1840 г. сообщил царю:

«Ропоту не слыхать, и в войске этом с некоторого времени какая-то тишина. Нельзя скрывать, что тишина всея происходит не от удовольствия, напротив, кроется вообще

какое-то глухое чувство, заставляющее употреблять скрытность и осторожность в самых выражениях, и вообще, в молодых офицерах веселость, очевидно, уменьшилась»[257].
Известно несколько случаев нейтрализации тайных обществ, аналогичных по своей идеологии декабристам. Так, в 1826 г. была ликвидирована тайная офицерская группа Николая Завалишина. Весной того же года был арестован гвардейский штабс-капитан Алексеев за сочинение стихов политического содержания и пропаганду идей декабристов. Ему грозила смертная казнь, но в качестве меры наказание было назначено многолетнее тюремное заключение. Другой поэт и офицер Алексей Полежаев был разжалован в солдаты и отправлен на Кавказ в действующую армию[258].
Другое воинское соединение, которое находилось под пристальным вниманием Третьего отделения, был Отдельный Кавказский корпус. Здесь служили разжалованные в рядовые за различные преступления офицеры, а также участники тайных обществ. И здесь у Третьего отделения не было своей агентуры. Непосредственное наблюдение за теми, кто скомпрометировал себя в глазах власти, осуществлялось с помощью командования корпуса[259].
Справедливости ради отметим, что Третьему отделению, кроме выполнения одной из функций военной контрразведки (контроль за лояльностью армии), приходилось заниматься и обычной контрразведкой. В частности, в Санкт-Петербурге у нее была развитая агентурная сеть, которая состояла из мелких чиновников, работников гостиниц, ресторанов и театров. Эти люди следили за прибывшими в город иностранцами и иногородними[260]. Впрочем, дело не ограничивалось исключительно наружным наблюдением. В начале тридцатых годов была сформирована система наблюдения за иностранными подданными. Вот как она функционировала.
Обо всех иностранцах, легально планирующих посетить Российскую империю, в Третьем отделении узнавали из МИДа (русские послы докладывали в Петербург обо всех желающих получить визу) и таможни (в момент пересечения границы). Обо всех перемещениях внутри России докладывали жандармские штаб-офицеры. Учитывая то, что тогда путешествующих по России иностранцев было не так уж много, да и сложно им было затеряться среди местного населения, поэтому можно утверждать, что любой иноземный гость попадал в поле зрения Третьего отделения. И там решали – можно ему или нет путешествовать по стране. Иногда визитера могли вежливо «депортировать» из России. Так, в 1835 г. агент Бенкендорфа познакомился с французом Флаттоном, который намеревался отправиться на обучение в Харьковский университет. Однако на студента он похож не был, и Бенкендорф предложил Николаю I отправить француза на родину. Краткая резолюцию императора гласила: «Счастливого пути молодому человеку 23 лет».
Другой пример. В 1837 г. англичанин Браун, как следовало из полученных агентурных данных, был «отправлен из Англии обществом покровителей польских выходцев для собирания как в столицах, так и в Царстве Польском, различных сведений и для исполнения каких-то поручений… поэтому немедленно по прибытии сюда его ему было сделано надлежащие внушение, убедившее его, что цель его приезда известна, и он, увидев себя обнаруженным, охотно последовал данному ему совету возвратиться, откуда приехал»[261].

Новые «декабристы»

На протяжении нескольких десятилетий после событий на Сенатской площади в Санкт-Петербурге офицерский корпус сохранял верность режиму. Хотя это было затишьем перед бурей. В начале восьмидесятых годов правоохранительные органы ликвидировали Военно-революционную организацию «Народной воли» – самую мощную в русском революционном движении после декабристов. Ее основная цель – подготовка военного переворота или присоединение к народному восстанию. Организация считала себя частью партии «Народная воля» и подчинялась Исполнительному комитету. В ее руководящий Военно-революционный центр постоянно входили представители Исполнительного

комитета «Народной Воли» (первыми были Андрей Желябов[262] и Николай Колодкевич[263]). Кроме головного органа – Центрального военного кружка в Санкт-Петербурге, – по утверждению современных историков, существовали еще отделения (кружки) в 20 городах Российской империи, членами которых было свыше 400 офицеров армии и флота. При этом организация имела обширные связи вплоть до высших военных сфер (генерал-лейтенант Михаил Скобелев[264], начальник Николаевской академии Генерального штаба Михаил Иванович Драгомиров[265] и др.)[266].

Если говорить о структуре Военно-революционной организации, то по версии следствия она была такой:

Центральный военный кружок в Санкт-Петербурге – создан осенью 1880 г., объединял семь групп, общая численность активных участников – до 50 человек;

Артиллерийские кружки в Санкт-Петербурге – образовались в конце 1880 г. в Артиллерийской академии и на пороховом заводе;

Сборный кружок в Санкт-Петербурге – объединял офицеров различных войсковых частей;

Кронштадтские военные кружки;

Военная организация юга;

Одесский военный кружок;

Николаевский военный кружок;

Николаевский морской кружок;

Тифлисский военный кружок.

Скорее всего, существовали и другие подпольные антиправительственные организации, но полиция не смогла установить их существование.

По утверждению следствия:

«...Военные местные кружки не имели между собою тесного общения. Несмотря, однако, на разрозненность, следует признать, что они были устроены по одному образцу и руководствовались одинаковыми правилами. Назначение их было привлечь на сторону замышляемого народовольческим сообществом восстания как можно больше офицеров, состоящих на службе. Но, возлагая на каждого члена обязанность пропагандировать в среде товарищей, основатели и руководители кружков строго воспрещали офицерам распространять пропаганду на нижних чинов, как в пехотных полках, так и во флоте. Офицеры должны были лишь намечать, каждый в своей части, солдат и матросов, наиболее способных к восприятию социально-революционных учений, и дальнейшее их развращение предполагалось возложить на особых пропагандистов из примкнувших к сообществу рабочих. Сами офицеры, члены кружков, не должны были участвовать в каких бы то ни было предприятиях сообщества, пока состояли на службе. Наиболее пригодные для таких предприятий и приглашенные к участию в них офицеры обязывались предварительно выйти в отставку и перейти на нелегальное положение».

До сих пор для историков остается «белым пятном» все, что связано с контактами между известным российским военачальником Михаилом Скобелевым и антиправительственными силами. Известно лишь, что в начале 1882 г., находясь в Париже, искал встречи с одним из известных революционеров-теоретиков – Петром Лавровым[267]. А после его загадочной смерти 26 июня 1882 г. в московской гостинице «Англия» одна из европейских газет писала, что «генерал совершил этот акт отчаяния (самоубийства. — Прим. авт.), чтобы избежать угрожавшего ему бесчестия вследствие разоблачений, удостоверяющих его в деятельности нигилистов». Ходили также слухи, что Михаил Скобелев замышлял арестовать царя и заставить его подписать конституцию, и по этой причине он якобы был отравлен полицейскими агентами.

Военно-революционная организация «Народной воли» была ликвидирована полицией в середине восьмидесятых годов XIX в., но до сих пор остается без ответа ряд вопросов, касающихся ее масштабов, сил, планов и деятельности. А ведь ресурсы, которыми располагала Военно-революционная организация «Народной воли», были

внушительными. Так, весной 1882 г. глава организации лейтенант ВМФ Александр Викентьевич Буцевич[268] только в Кронштадте «рассчитывал на два морских экипажа (около 8 тыс. человек) и на два небольших броненосца, а также на гарнизоны девяти крепостных фортов». Вероятно, периферийные кружки Военно-революционной организации, действовавшие более чем в 40 городах Российской империи, тоже рассчитывали на местные гарнизоны. По свидетельству одного из членов организации, она решила распространять свои действия «на все части войска, расположенные в Европейской России»[269].

Все арестованные по делу Военно-революционной организации были осуждены по так называемому «процессу 17-ти».

Возьмем, к примеру, преступные деяния, которые, согласно обвинительному заключению по «делу 17-ти», инкриминировались члену Исполнительного комитета «Народной воли» (занял этот пост в мае 1882 г.) Александру Буцевичу. В нем нет ни слова о готовящемся военном перевороте или поддержке в случае народного восстания флотских экипажей.

«Александр Викентьевич Буцевич, отставной флота лейтенант, привлеченный к дознанию в бытность свою на действительной службе, последние 7 лет состоял при Министерстве Путей Сообщения; 32 лет от роду, вдовец. Окончил курс в Морском училище и в Морской Академии, а затем в Институте Инженеров Путей Сообщения. До дня своего ареста 5 июня 1882 г., обвиняемый проживал в д. № 3 по Малой Мастерской вместе со своей матерью, сестрами и малолетней дочерью…

Александр Буцевич, признавая свое знакомство с Грачевским и Анной Корба, показал, что, считая экономическую и политическую революцию неизбежной, он примкнул к «партии народной воли», стремящейся к таковому перевороту; что отношения его, Буцевича, к партии выражались в знакомстве с ее представителями, в получении запрещенных изданий и во временном их хранении и что в практические предприятия партии он посвящен не был. Относительно совместимости своего воинского звания с принадлежностью к революционному сообществу, Буцевич объяснил, что считает себя обязанным, в качестве русского офицера, защищать интересы России и ее представителя Государя Императора до тех пор, пока интересы России и ее Государя солидарны между собою, но когда означенные интересы окажутся несовместимыми, то он, Буцевич, признает своим долгом стать на сторону народа».

Не будем рассуждать о политических воззрениях лейтенанта ВМФ Буцевича, а кратко сообщим о его практической антиправительственной деятельности. В конце 1880-го или начале 1881 г., он, благодаря своему товарищу лейтенанту ВМФ Николаю Суханову[270], стал активным членом формировавшейся тогда в Санкт-Петербурге Военно-революционной организации «Народной воли». После ареста в апреле 1981 г. Николая Суханова стал одним из руководителей организации. В июле 1881 г. был командирован в Николаев для проведения инженерных работ. Успешно совмещал служебную деятельность и работу в военных кружках «Народной воли» в южном регионе. При составлении уставов южных военных кружков настоял на принятии ими более решительной боевой программы; был сторонником военного восстания и разрабатывал план захвата власти военной организацией для передачи ее Исполнительному комитету как временному правительству. В декабре 1881 г., на обратном пути в Санкт-Петербург, познакомившись через члена Исполнительного комитета «Народной воли» Веру Фигнер[271] с штабс-капитаном 59-го Люблинского пехотного полка Крайским, организовал при посредстве последнего в Одессе кружок из офицеров Люблинского полка. Может быть, его антиправительственная деятельность осталась бы незамеченной властями, если бы он продолжал заниматься привычным делом – курировать работу военной организации. Но ему хотелось активной политической деятельности, и это его и сгубило. В начале 1882 г. он вернулся в Санкт-Петербург, где в апреле того же года был принят А. Корбою и М. Грачевским в члены Исполнительного комитета «Народной воли». Одновременно он начал участвовать в организации в Санкт-Петербурге динамитной

мастерской в квартире Прибылевых и проектировал устройство небольшой динамитной мастерской в Кронштадте.
Полиция арестовала Буцевича в ночь на 5 июня 1882 г. в Санкт-Петербурге, после задержания Грачевского и Прибылевых. При обыске у Буцевича было изъято большое количество нелегальной литературы, а в бумагах М. Грачевского – составленное и написанное рукой Буцевича воззвание к офицерам: «Товарищи по оружию».
И самое важное – существование Военно-революционной организации «Народной воли» стало для правоохранительных органов Российской империи очень неприятным сюрпризом. Более того, если бы Военно-революционная организация существовала бы отдельно от «Народной воли» и не имела общего руководства, то, скорее всего, первая так и не была бы раскрыта полицией. По той простой причине, что в Российской империи Третье отделение не занималось вопросами мониторинга лояльности вооруженных сил. Да если бы и попыталось заняться, то встретило бы серьезное сопротивление со стороны офицерского корпуса. Недолюбливали, напишем так, жандармов в Вооруженных силах Российской империи.
Подробнее о деятельности военной организации «Народной воли» – все, что удалось выяснить к 1883 г. правоохранительным органам Российской империи, – рассказано в приложении к данной главе.

Приложение 7
Фрагмент Артикула Воинского11 декабря 1714 года

Глава шестнадцатая —
об измене и переписке с неприятелем

Артикул 124. Кто из офицеров или рядовых с неприятелем тайную и опасную переписку иметь будет, и неприятелю или его союзникам как-нибудь ведомость какую подаст, или с неприятелем, и от него с присланным трубачем, барабанщиком, и с таковыми подозрительными особами без ведома и указу от фелтмаршала или коммендантa, хотя в поле, в крепостях или где инде, тайным образом разговор иметь, переписыватца, писма принимать или переносить будет, оный имеет, яко шельм и изменник, чести, пожитков и живота лишен, и четвертован быть.
Толкование. Однакоже прилучаются случаи, в которых сие наказание умаляется, и преступитель сперва казнен, а потом четвертован бывает, яко же оное наказание прибавляется рванием клещами ежели оная измена великой вред причинит войску, землям, городу или государю. Такожде не позволяется ни сыну с родным своим отцом, которой у неприятеля обретается, тайно корреспондовать. Такожде таковому наказанию и комендант подвержен, которой сведом, что таковыя писма от неприятеля приходят, или от него отпустятца, а оныя он не переймет и не распечатает, и в принадлежащем месте не известит. Ибо он виновным себя тем причинит, что он о таковой корреспонденции ведая, и на тое позволил. Никто из пленных да не дерзает письма свои сам запечатывать, и тайным образом оныя пересылать. Но должен, не запечатав коммендaнту вручить, которой в принадлежащее место отослать имеет. Ежели пленной против сего поступит, то он самому себе причесть имеет, естли тем, и протчим виновным с ним, за их труды наказанием заплачено будет. Ибо он подобно шпиону почитается, или лазутчику, посланному от неприятеля, дабы о состоянии неприятельском уведомится. Которые по воинскому резону и обыкновению повешены бывают.

Артикул 125. Кто неприятелю пароль или лозунг объявит, хотя офицер или рядовой, или даст оному иные какие изменнические знаки, стрельбою, пением, криком, огнем, и сему подобное, оный равно, как выше помянуто, казнен будет.

Толкование. Кто лозунг забудет или с фальшивым лозунгом найден будет, о том в 49 артикуле помянуто.

Артикул 126. Пароль и лозунг имеют не всякому отдавать, кому не надлежит, а особливо, если он незнаком есть, и тако на него надеятися не можно.

Артикул 127. Кто какую измену, или сему подобное учинить намеритца, и хотя он сие к действу не произведет, однакоже имеет по состоянию дела и признанию воинскаго суда, таковым же высоким наказанием наказан быть, яко бы за произведенное самое действо.

Артикул 128. Как офицеры, так и рядовые да не дерзают о воинских делах, о войске, о крепости что писать, ниже о том с другими корреспондовать, под потерянием чина, чести или по состоянию дела и живота самаго.
Толкование. В сем случае запрещается для того так жестоко о войске, или из крепости о воинских делах что писать, дабы неприятель тем ведомости о войске или о состоянии крепости не получил, и свои дела потом толь осторожнее учредить возмог. Понеже часто случается, что отправляющияся почты с писмами, от неприятеля чрез его партии переняты бывают. Того ради тому, что в таковых письмах написано, более верить можно, нежели что от каких лазутчиков или пленных донесено будет.

Артикул 129. Если кто у ведает, что един или многие нечто вредительное учинить намерены, или имеет ведомость о шпионах или иных подозрительных людях, в обозе или гарнизонах обретающихся, и о том в удобное время не объявит, тот имеет, по состоянию дела, на теле или животом наказан быть.
Толкование. Кто ведая, видя и приметя, что таковыя вредительныя дела обращаются, а о том в удобное время не объявит, тогда не может сим извинитца, что он того доказать не мог. Ибо инако есть, когда кого явно в каком деле обличат, и в таком случае довотчик понужден есть довод свой доказать. А инако есть нежели в тайне что доводчик объявит, и предостерегать в таковом же случае, а к доказательству его понуждать не надлежит. Ибо довольно есть, что чрез его доношение и предосторожность начальство случай получит. А на оного, на кого донесено, крепко должно смотреть и примечать, что не можно ли что подобное правде из того доводу присмотреть. И тако при таковых доводах зело осторожно поступать, и не вскоре за арест взять, но тайно и накрепко розыскать надлежит, что может ли правда быть в донесенном на него. Ибо часто всякий честный человек от злоумышленного и мстительнаго человека невинным образом оклеветан бывает.

Артикул 130. Кто от неприятеля патенты или манифесты добровольно примет, и во обретающейся земле разсеет, оный по состоянию дела, на теле или животом наказан будет.

Артикул 131. Равное же наказание примет, кто фалшивые и изменнические ведомости, чрез которыя робость салдатам причинена быть может, хотя сам или чрез других розсеет.
Артикул 132. Все ведомости, которыя о неприятеле получатся, всяк тайно содержать и токмо своему офицеру или генералу о том известить имеет, а другим под наказанием о том ничего не объявлять.

Приложение 8
Военная организация «Народной воли»

Устав Центрального военного кружка Военной организации партии «Народной воли»

«1) Центральный военный кружок, имея своею целью полное политическое и экономическое освобождение народа, вполне разделяет программу партии «Народной воли», отпечатанную в 3 № ее органа.
2) Составляя разветвление существующей революционной организации, кружок, как специально военный, ставит себе задачи: а) организовать в войске силу для активной борьбы с правительством и б) парализовать остальную часть войска, почему-либо неспособную к активной борьбе.
3) В пределах программы центральный кружок безусловно подчиняется решению Исполнительного комитета, оставляя за собой право совещательного голоса: а) при начертании политики партии на следующий период, б) во всех случаях, когда исполнение возлагается на военную организацию.
Примечание. Отдельные члены Военной организации имеют право самостоятельно, без совещания с кружком, принять предложение Исполнительного Комитета.
4) При изменении программы военная организация имеет решающий голос.
5) Условия вступления в центральный кружок: сознательный и деятельный социалист-революционер.
6) Для приема в члены требуется единогласное решение кружка и согласие Исполнительного Комитета.
7) Член обязывается ставить интересы партии выше всех других.
8) Решения кружка постановляются большинством 1/3 голосов.
9) Выход члена центрального кружка из организации партии безусловно воспрещается.
10) Выход его из центрального военного кружка допускается лишь с согласия Исполнительного Комитета и единогласного решения самого кружка.
11) Агенты Исполнительного Комитета могут входить в центральный кружок: а) как постоянные его члены со всеми правами и обязанностями члена кружка и б) как временно прикомандированные с голосом совещательным по текущим делам кружка и голосом решающим за Исполнительный Комитет.
12) Решение кружка во всех делах для члена обязательно.
13) Центральный военный кружок выдает денежные средства всей военной организации. Все поступления от военной организации идут в центральный кружок, причем 75% передаются в Исполнительный Комитет, а 25% остаются в самостоятельное распоряжение центрального кружка.
14) Центральный кружок избирает кассира, ведущего отчетность.
15) Члены центрального военного кружка в сношениях с кружками военной организации именуются «агентами центрального кружка».

Инструкция местному военному кружку Военной организации «Народной воли»

1. Кружку вменяется в обязанность собирать подробные и точные сведения: о расположении пороховых погребов, оружейных складов и складов с различными боевыми запасами, узнавать, где и в каком количестве находятся различные склады с вещевыми запасами военного снаряжения.
2. Кружку вменяется в обязанность ознакомиться с месторасположением части в тактическом отношении и по возможности также доведать в тактическом отношении пункты близлежащей местности.
3. Кружок содействует способным из своих членов занять важные в служебном отношении должности: адъютанта, казначея, заведывающего оружием и т.п.
4. Для революционной пропаганды среди офицеров и поддержки революционного настроения своих членов кружок назначает собрания, устраивает совместные чтения тенденциозных книг, равно и партионных изданий.

5. В видах привлечения новых сторонников партии кружку рекомендуется устраивать либеральные салоны (говорильни), легко доступные для офицеров части, кои могут подавать надежду на такое привлечение.
6. Кружок изыскивает способы завязать сношения с влиятельными лицами города, местности, дабы, на случай действия вооруженною рукою, воспользоваться их помощью или ослабить их противодействие.
7. Кружок обращает особенное внимание на добывание денежных средств, для чего употребляет все законом дозволенные средства, например торговлю и т. п. Равным образом принимает дарения лиц, кои принадлежать к партии, по каким-либо обстоятельствам, не могут, но от материальной поддержки ее не отказываются.
8. Для испытания лиц, вновь привлекаемых к партии, кружок может давать им небольшие поручения революционного характера.
9. Кассиром кружка рекомендуется выбирать лицо более или менее состоятельное и по своему характеру предпочитающее уединенную жизнь.
10. Библиотека должна помещаться у лица, имеющего собственную квартиру или дом, преимущественно у лица, не ведущего пропаганды.
11. Библиотека может быть общей для нескольких кружков.
12. Кружковые собрания не должны иметь место у кассира или библиотекаря.
13. Говорильни могут быть у лица, не принадлежащего к кружку.
14. Пароли надо знать наизусть.
15. Шифрованную переписку надо уничтожить немедленно по миновании надобности, или владелец такой переписки должен переписывать ее по собственному, ему одному известному, паролю.
16. Об исполнении революционного поручения член сообщает лишь одному представителю или агенту партии, смотря по тому, от кого принял поручение.
17. Члены различных кружков не должны знать друг друга. Сношения могут поддерживаться только через представителей.
18. Списываться членам кружков, в случае разлуки, рекомендуется лишь по неотложным делам партии и частной переписки избегать.

«Процесс 14-ти». Дознание о военной организации.
Январь – июнь 1883 г.

«В течение последних лет неоднократно получались указания на отдельные случаи преступных сношений лиц, состоявших на действительной военной службе, с членами тайных обществ и даже на принадлежность некоторых офицеров к этим последним. Выяснившиеся при этом данные, удостоверяя виновных тех или других лиц, не свидетельствовали, однако, о существовании с преступною целью самостоятельных военных кружков. С развитием, однако, деятельности народовольческого сообщества, включившего в свою программу привлечение к революционной деятельности военных, стали поступать сведения о возникновении в среде офицеров армии и флота особых групп с социально-революционным направлением. Определительные в сем отношении указания были представлены весною 1882 г. покойному генерал-майору Стрельникову обер-офицерским сыном Дмитрием Петровым, который показал, что, под влиянием Веры Фигнер, в Одессе образовался преступный кружок в среде офицеров 59-го Люблинского пехотного полка, состоявший из следующих лиц: подполковника Ашенбреннера, штабс-капитана Крайского, поручиков Каменского и Телье и подпоручика Стратановича. Привлечение названных офицеров к ответственности признано было тогда преждевременным, так как за ними, в видах выяснения их связей и деятельности, было учреждено негласное наблюдение.
Впоследствии, однако, обнаружение в конце того же 1882 года, по заявлению поручика 16-го гренадерскаго Мингрельского полка Анисимова, преступного кружка среди

офицеров вышеназванного полка в Тифлисе, выяснившиеся посредством наблюдения в Харькове за Верою Фигнер и ее единомышленниками сношения этих лиц с штабс-капитаном 9-й артиллерийской бригады Похитоновым и поручиком 28-й артиллерийской бригады Рогачевым, наконец, доказанное участие подпоручика 131-го Тираспольского пехотного полка Тихоновича в устройстве побега политического арестанта Василия Иванова из Киевского тюремного замка в августе минувшего года, дали достаточный материал для исследования значения и размеров социалистической пропаганды в среде военных, поэтому в марте сего года последовало распоряжение об аресте всех названных лиц военного звания.

Откровенными показаниями некоторых из числа привлеченных офицеров относительно образования самостоятельных военных кружков для социалистической пропаганды выясняется нижеследующее:

Организация кружков и возникновение центрального военного кружка

Возникновение военных кружков относится к осени 1880 г. и последовало по инициативе казненного государственного преступника Желябова. Подробные указания по поводу этой организации даны поручиком Рогачевым, которого Вера Фигнер, приглашая в ноябре минувшего года на роль организатора террористического кружка в Петербурге, познакомила с организацией социально-революционной партии вообще, ее текущими делами и способами действия. Указания, данные по сему поводу Рогачевым, разъясняют, таким образом, устройство военных кружков в том виде, в каком эта организация обрисовывалась Рогачеву по рассказам Фигнер.

Первая военная группа создалась в конце 1880 г. и получила название центральной, в состав ее вошли: лейтенанты Суханов и Штромберг с военной стороны, Желябов и Колодкевич – со стороны Исполнительного Комитета. Члены группы занялись разработкой «Устава военного центрального кружка». Уставу этому, как показывает Похитонов, партия придавала такую важность, что не решалась его печатать, боясь огласки; единственный, по-видимому, его экземпляр найден был в числе бумаг Колодкевича при его аресте.

Месяца через два после образования центральной группы число членов центрального военного кружка достигло 10–15 человек, а в Петербурге и его окрестностях составилось 7 кружков, число членов которых в общей сложности доходило до 50 человек. В состав центрального кружка вошли артиллеристы: штабс-капитаны Дегаев и Похитонов, поручик Рогачев и подпоручик Панин; флотские офицеры: Буцевич, Завалишин и Дружинин, а делегатами комитета по аресту Колодкевича и Желябова, – Савелий Златопольский, Анна Корба и Вера Фигнер (Филиппова). Деятельность центрального военного кружка на первых же порах его существования ознаменовалась появлением в подпольной литературе в августе 1881 г. двух преступных воззваний: а) «К офицерам русской армии» и б) «Славному казачеству войска Донского, Уральского» и пр. объявления Исполнительного Комитета. Оба эти воззвания призывали офицеров присоединиться к тайному обществу для защиты народа и, в случае открытого восстания, принять в нем участие.

В составлении и распространении названных преступных воззваний ближайшее участие принимали, как оказывается, Савелий Златопольский и Похитонов. По сему предмету этот последний говорит в своем показании следующее:

«Воззвание к офицерам русской армии Златопольский читал мне вчерне; с редакцией его я не вполне был согласен, но так как своей не представил, то воззвание было напечатано в том виде, как его показывал мне Златопольский; когда воззвания были напечатаны, Златопольский принес мне целую пачку, которую я распространил, как путем личных сношений, так и по почте».

Поездка агентов центрального военного кружка по России

Около того же времени, летом 1881 г., членами центрального военного кружка предприняты были поездки в различные местности Империи для вербовки новых членов в военной среде. Лейтенант Буцевич, получивший служебную командировку в Николаев, принял на себя организацию военных кружков как в этом городе, так и в Одессе; туда же летом отправилась Вера Фигнер. Анна Корба летом 1881 г. ездила в Тифлис и положила начало Мингрельскому кружку. Дружинин был в Киеве, но поездка его осталась без результатов. Успех деятельности Корба и Буцевича объясняется тем, что на Кавказе и в Одессе почва для пропаганды среди военных была подготовлена местными деятелями. Дмитрий Петров находился уже ко времени поездки Буцевича в Одессу в сношениях с офицерами Крайским, Стратановичем, Ашенбреннером; этот последний, будучи прикомандирован к 58-му Прагскому полку, расположенному в Николаеве, перенес преступную пропаганду в общество офицеров этого полка; на Кавказе поручик Антонов следовал внушениям учителя Китани и литератора Чрелаева.

Пропаганда среди военных на Кавказе

По приезде в Тифлис Корба познакомилась с Антоновым через Чрелаева и стала снабжать его изданиями «Народной воли», которые были передаваемы затем Антоновым для прочтения некоторым из товарищей по полку. Вслед за тем Корба предложила ему устроить кружок из офицеров полка, сочувствующих революционным идеям. Предложение это было принято Антоновым и передано товарищам. Для обсуждения целей кружка и его организации состоялось несколько сходок; на одной из них, на квартире поручика Липпомана, Корба, заявив, что она действует по поручению «исполнительного комитета», познакомила присутствовавших с ходом противоправительственного движения, выяснила им значение и цель «исполнительного комитета» и предложила образовать военный кружок, который в своих действиях был бы обязан согласоваться с программой комитета, тут же ею прочитанной собранию, и организовать пожертвования на цели тайного сообщества. Вслед за тем в кружок мингрельцев был введен Анною Корба присланный в Тифлис артиллерийский офицер, отрекомендованный под фамилией Кавелина, и заявивший о своем присутствии в кружке весьма туманными рассуждениями о социализме. Уезжая осенью 1881 г. из Тифлиса, Корба поручила кружок военных туземцу Григорианцу, как лицу, который по ее отъезде должен был снабжать офицеров запрещенными изданиями и поддерживать связь их с ней, что тот и исполнил, собрав при этом с офицеров 100 руб., предназначавшихся на устройство тайной типографии.
По приезде на Кавказ весной 1882 г. Дегаева последний тотчас же сошелся с Антоновым через княжну Шервашидзе на состоявшемся по случаю его приезда сходе и предложил кружку программу деятельности, заключавшуюся в полном подчинении «исполнительному комитету», в собирании статистических сведений о составе воинских частей известных местностей, складах оружия и военных запасах и в вербовании юнкеров и нижних чинов, сочувствующих революционному делу. Тут же Дегаев разъяснил офицерам, что в Петербурге существует «высший военный кружок», через который остальные военные кружки сносятся с комитетом, не имея к этому последнему непосредственного отношения, и что подчинение Тифлисского военного кружка «Петербургскому высшему кружку» является для пользы дела безусловно необходимыми. Дегаев поддерживал сношения с членами военного кружка в течение лета 1882 г. и, передав им листки для сбора пожертвований в пользу «Красного Креста Народной воли», устроил ежемесячные вычеты из жалованья с каждого члена кружка, а перед отъездом из Тифлиса в сентябре 1882 г., познакомил Антонова с Еленою Ивановною Дубенскою, т. е. с Галиною Чернявскою. Чернявская, хотя продолжала видеться с Антоновым вплоть до его ареста, принимала, однако, относительно небольшое участие в делах военного кружка,

так как приезжала в Тифлис, как это установлено дознанием, со специальным поручением руководить ограблением Горийского казначейства и пользовалась местными революционными элементами лишь настолько, насколько это было ей необходимо, для успеха указанного предприятия.

Одесский кружок

Сношения подполковника Ашенбреннера, штабс-капитана Крайского и подпоручика Стратановича с упомянутым Дмитрием Петровым относятся к началу 1881 г., через Петрова же лица эти познакомились с Верой Фигнер (Филипповой), а впоследствии и с Буцевичем, приехавшим, по словам Крайского, осенью 1881 г. При первом же свидании Буцевич заявил Крайскому, что одного праздного сочувствия противоправительственному движению недостаточно, что необходимо так или иначе выразить свою деятельность, что военные могут принять участие в движении в форме кружков, на каких бы то ни было началах, что из таких кружков будут выделяться люди, могущие принять на себя более серьезные обязательства, кружок же первоначально мог бы быть составлен из самого незначительного числа лиц, которое, несомненно, увеличится при развитии деятельности кружка. Приняв предложение организовать кружок, Крайский пригласил принять в нем участие поручиков Люблинского полка Каменского и Мураневича; в согласии подпоручика Стратановича, бывшего в это время в отсутствии из Одессы, Крайский не сомневался, так как Стратанович сам раньше высказывал мысль о необходимости кружка и впредь, изъявил согласие принять в нем участие, если бы таковой составился. Мураневич, впрочем, изъявивший сначала согласие, на свидание не пришел и затем отказался от участия в кружке. «Таким образом,–говорит Крайский в своем показании,– кружок составился из 3 лиц: меня, Стратановича и Каменского, на следующих началах: кружок признал солидарность с программой партии «Народной воли», которую изложил Буцевич; кружок принял обязательство увеличивать число своих членов путем пропаганды среди офицеров, и каждый член кружка обязался ежемесячно делать известный денежный взнос в размере по желанию, на разные могущие встретиться надобности; одно из лиц кружка должно было хранить эти взносы и вообще состоять в связи с статскими; обязанность эту принял на себя я, при этом Буцевич показал мне употребление шифра и дал кусок цианистого калия; письма, в случае надобности, я должен был писать на его имя».

Николаевский кружок

Еще ранее приезда в Одессу Буцевич летом 1881 г., находясь по делам службы в Николаеве, был занят устройством военного кружка в этом городе из офицеров 58-го Прагского полка, в котором, по словам штабс-капитана Талапиндова, к этому времени уже было несколько человек, начавших, под влиянием прикомандированного к полку подполковника Ашенбреннера, сочувственно относиться к противоправительственному движению. Квартира Ашенбреннера, проживавшего вместе с офицерами Прагского полка Маймескуловым и Мицкевичем, служившая сначала местом сборищ для кутежей, мало-помалу превращена была хозяином в место собраний для рассуждения споров по разным зкономическим и политическим вопросам, а затем и открытой пропаганды социалистических воззрений. Кроме Ашенбреннера, Маймескулова и Мицкевича, квартиру эту посещали и принимали участие в предосудительных разговорах штабс-капитан Талапиндов и подпоручики Кирьяков и Успенский. Считая офицеров достаточно подготовленными, Ашенбреннер начал затем снабжать их изданиями «Народной воли» и другими сочинениями запрещенной литературы и завел особую квартиру для сборищ сочувствующих противоправительственному движению на средства, которые должны были получаться путем вычетов из жалованья названных офицеров. По призде Буцевича

он, по словам Талапиндова, «прямо обратился к Ашенбреннеру и через него познакомился со всеми нами». Знакомство это произошло на указанной конспиративной квартире, куда его привел Ашенбреннер. «Буцевича, – говорит Талапиндов, – как видно, очень занимал вопрос об организации военных кружков. До его приезда наш кружок существовал без определенной программы, цели. Буцевич же предложил нам выработать конституцию нашего кружка, т. е. изложить на бумаге, кто и в какой степени готов принять участие в делах революционной партии. Конституция эта тут же была выработана под его руководством. Помню, что в ней было сказано, что мы разделяем программу исполнительного комитета, была установлена степень подчиненности центру, определен был порядок решения вопросов, возникающих в кружке, а также предложения, которые в будущем может сделать центр, установлена норма числа членов, могущих составить кружок, и вместе с тем выражена была степень готовности каждого из нас участвовать в делах партии». Во время пребывания Буцевича в Николаеве туда же приезжала и «Елена Ивановна» (В. Фигнер) и также несколько раз была на «конспиративной» квартире.

Результат поездок членов центрального военного кружка, таким образом, оказался успешным. Помимо организации кружков в названных выше местностях, поездки эти, по словам поручика Рогачева, имели еще значение потому, что дали «центру» массу указаний на офицеров, готовых вступить в члены партии (на основании этих указаний были составлены особые списки «офицерам-кандидатам»), и выяснили вообще, что военная среда представляется удобною для преступной пропаганды. С этого времени из многих военных частей предъявляются требования на постоянное получение запрещенных изданий, и во многих местах высказывается потребность в издании специального военного органа. Чтобы удовлетворить всем этим требованиям, центральный военный кружок решил принять следующие меры: в наиболее важных городах основать окружные кружки с теми же обязанностями, в отношении своих местностей, какие центральный кружок имел относительно всей России, затем предполагалось открыть особую типографию для издания военного журнала и брошюр, установить периодические командировки агентов центральных кружков, наконец, устраивать переводы офицеров из одной местности в другую сообразно потребностям. На выполнение всех этих мер потребовалась значительная сумма денег, которая и была потребована от комитета. «Между тем, – говорит Рогачев, – дела комитета сильно пошатнулись, люди, подвизавшиеся на революционном поприще 8–10 лет, почти все были арестованы, вновь вступившие членами в комитет, на пополнение убыли, еще не приобрели необходимой опытности; находясь в таком положении, комитет предложил центральному военному кружку прекратить на время свою деятельность, выждав, пока дела центра поправятся». Это было, по мнению комитета, тем более необходимо, что аресты коснулись уже войска, и дальнейшая решительная деятельность в сем направлении могла привлечь все внимание полиции на военную организацию.

Аресты офицеров

Таково было положение, в котором застали преступную военную организацию распоряжения об аресте тех членов ее, на коих имелись указания. Аресты эти за время с 1 января по 1 июля сего года были произведены в следующей постепенности:

В Тифлисе арестованы:

12 января – 16-го Мингрельского гренадерского полка: капитан Макухин, штабс-капитаны Держановский и Липпоман, поручики: Антонов, Алиханов и Цицианов.

4 марта – того же полка штабс-капитан Вачнадзе и поручик Митник.

В Киеве:

20 марта – 131-го Тираспольского пехотного полка подпоручик Тихонович.

В Смоленске:

29 марта – подполковник 59-го Люблинского пехотного полка Ашенбреннер,

В г. Кобеляках, Полтавской губ.:
31 марта – штабс-капитан 9-й Артиллерийской бригады Похитонов.
В Одессе:
2 апреля – 59-го Люблинского пехотного полка штабс-капитан Крайский, поручик Стратанович.
В Москве:
4 апреля – поручик 28-й Артиллерийской бригады Рогачев.
В Кронштадте:
4 апреля – 7-го флотского экипажа лейтенант Куприанов, Кронштадтской Крепостной Артиллерии подпоручик Алексей Прокофьев и брат его, корпуса флотских штурманов поручик Александр Прокофьев.
В Александрополе:
26 апреля – Карсо-Александропольской крепостной артиллерии поручик Шепелев.
(Дальнейшие аресты офицеров, по данным, выяснившимся дознанием, произведены в июле месяце.)
Из числа арестованных офицеров как по характеру деятельности, так и по значению, которым они пользовались в среде тайного преступного сообщества, несомненно, выделяются: Похитонов, Рогачев и Ашенбреннер. Имея постоянные и близкие сношения с руководящими членами преступного сообщества, они в последнее время намечались как лица, на коих предполагалось возложить ответственные поручения и организацию отдельных предприятий. Деятельность первых двух вполне выясняется данными ими подробными и откровенными показаниями, подтверждаемыми прочими обстоятельствами дела. Что же касается Ашенбреннера, то он признал лишь принадлежность свою к «социально-революционной партии», заявив, что вступил в тайное сообщество в течение 1882 г. вследствие личных убеждений, которые складывались у него мало-помалу в течение многих лет. Руководясь теми же убеждениями, он минувшей осенью взял 11-месячный отпуск и приехал в Петербург с тем, чтобы ближе познакомиться с членами партии, завязать с ними сношения, а затем, выйдя в отставку, окончательно посвятить себя революционной деятельности. Показание это не вполне точно: знакомство Ашенбреннера с Петровым и Фигнер, по данным дознания, относится к весне 1881 г., и в том же году Ашенбреннер уже положил начало Николаевскому военному кружку.

Показание Похитонова

Сношения Похитонова с преступным сообществом начинаются с конца 1880 г., когда он, находясь в Артиллерийской академии, встретился с товарищем своим по Артиллерийскому училищу Дегаевым и принял предложение этого последнего вступить в ряды тайного сообщества. Разъясняя Похитонову цель деятельности партии и средства к ее достижению, Дегаев указывал на необходимость революционной организации в войске, дабы лишить в известный момент правительство опоры в борьбе его с революционными элементами. Такая организация, по словам Дегаева, в то время уже начала осуществляться, и с членом ее Дегаев познакомил Похитонова в лице лейтенанта Суханова. Убеждения этого последнего окончательно повлияли на Похитонова, и он согласился примкнуть к военной организации тайного преступного сообщества. Суханов познакомил Похитонова с уставом военной организации и ввел его в течение зимы 1880/81 г. в революционную среду, где он встречал Веру Фигнер, Перовскую, Фроленко, Анну Корба и Буцевича; этого последнего, впрочем, Похитонов видел еще ранее у своего знакомого, капитана Савельева. По аресте весной 1881 г. Суханова и Дегаева и по отъезде около того же времени Буцевича на юг Похитонов вступил в сношения с Савелием Златопольским, и с этого времени деятельность его перешла уже на практическую почву. По собственному его сознанию, он в это время, получая от Златопольского различные указания, вел революционную пропаганду между офицерами, преимущественно

товарищами по академии, и распространял преступные издания. С целью иметь квартиру для свиданий Златопольский познакомил Похитонова осенью 1881 г. с врачом Мартыновым, а на квартире этого последнего Похитонов встречался со Стефановичем, Зинаидой Зацепиной, сестрой ее Надеждой Якимовой и Теллаловым.
Вслед за арестом Теллалова и Мартынова у Похитонова в декабре 1881 г. произведен был обыск, и он, в интересах тайного сообщества, временно устранился от всяких дел и свиданий. Положение это, однако, продолжалось недолго: вернувшийся в начале февраля из поездки Буцевич возобновил сношения с Похитоновым и свел его с Грачевским.
В мае 1882 г., по окончании академии, Похитонов уехал сначала на Кавказ лечиться, а затем к месту расположения бригады, в г. Кобеляки Полтавской губ. Хотя для возобновления сношений по приезде в этот город Буцевич дал Похитонову адрес в Петербурге, но Похитонов им не воспользовался, так как узнал в Кобеляках об аресте Буцевича, Грачевского, Корба и др.
В начале ноября в Кобеляки приехал Дегаев; цель его приезда, как он объяснил Похитонову, заключалась в том, чтобы точно узнать местопребывание этого последнего и завязать с ним отношения. Дегаев, кроме того, сообщил ему, что Вера Фигнер находится в Харькове и что, в случае надобности его видеть, он пришлет ему условную телеграмму. Недели через две такая телеграмма была получена, и Похитонов отправился в Харьков, где его на вокзале встретил Дегаев, пришедший затем к нему вечером с Верою Фигнер и каким-то неизвестным господином. Фигнер тотчас же приступила к деловому разговору и, находя, что пребывание Похитонова в глуши невыгодно для революционной партии, убеждала его выйти в отставку, чтобы всецело посвятить себя преступной деятельности или же перейти на службу в один из революционных центров, дабы стать в более близкие отношения к партии и расширить, насколько возможно, преступную пропаганду в среде военных. Фигнер посетила Похитонова несколько раз и на последнем свидании, снабдив деньгами для уплаты в гостинице, дала адрес для писем. Решительного ответа на сделанное ему предложение Похитонов не дал, сказав, что подумает. Вслед за тем, возвращаясь в начале января сего года из Москвы, куда он ездил по семейным делам, он вновь виделся с Фигнер, был у нее на квартире и узнал от нее, что устроенная в Одессе тайная типография обнаружена и что заведывающий ею Дегаев арестован. Вследствие этого было решено, что Похитонов, возвратившись в Кобеляки, тотчас же возьмет четырехмесячный отпуск и приедет в Харьков; отпуск, однако, разрешен не был, о чем Похитонов уведомил Фигнер и в ответ получил письмо, в котором она уведомила, что Дегаеву удалось бежать из-под стражи. Вскоре затем состоялся арест Похитонова. Здесь необходимо указать, что найденная в конце 1881 г. у Теллалова при его аресте записка о приготовлении ракет была писана Похитоновым, который объяснил, что составлял ее по просьбе Златопольского, интересовавшегося возможностью применения ракет к революционным целям.

Показание Рогачева

Весною 1881 г. Похитонов, проживая в С.-Петербурге, имел ближайшие отношения с поручиком Рогачевым. Подробности этих отношений изложены в показании поручика Рогачева. Знакомство Рогачева с революционерами началось еще в 1874 г., когда принадлежавший уже к числу агитаторов брат его Дмитрий (впоследствии осужден в каторжные работы) приехал из Петербурга в Орел и старался возбудить в нем интерес к социальным вопросам и к социальной литературе. Приехав затем в Петербург для поступления в Павловское училище, Рогачев встретился с товарищем своим по Орловской гимназии Баранниковым, который ввел его на студенческие сходки и снабжал разными подпольными изданиями. В мае 1876 г. прибыл в Петербург брат Рогачева Дмитрий. При свидании с ним Николай Рогачев познакомился с присутствовавшими при этом Желябовым и Верою Фигнер. Дмитрий Рогачев, однако, был вскоре арестован, а Николай

Рогачев, произведенный в офицеры, уехал домой, а затем в место расположения бригады. В конце 1880 г., вернувшись в Петербург для приискания какого-либо другого рода службы, Рогачев вновь встретился с Баранниковым. С этого времени сношения его с членами преступного сообщества возобновляются: Баранников познакомил его с Колодкевичем, отрекомендовавшимся под именем «Глеба Николаевича», и Савелием Златопольским, который назвался именем «Филиппа Даниловича» (под этим же именем Златопольский был известен и Похитонову). Все трое часто посещали Рогачева, давали ему издания «Народной воли», «программу» Исполнительного Комитета и разные другие подпольные издания, а во время разговоров доказывали несостоятельность существующего государственного строя, необходимость и полезность насильственных действий со стороны партии и пр. В январе 1881 г. Рогачев командирован был по службе в Гельсингфорс, где и пробыл около 3 месяцев. Возвратившись весной в Петербург, он встретился со знакомым ему раньше поручиком артиллерии Похитоновым, находившимся тогда в академии, и поселился с ним на одной квартире, где и проживал до конца мая месяца, а затем опять уехал на службу в 28-ю бригаду, расположенную в Виленском военном округе. Осенью 1882 г. Рогачев получил от Похитонова письмо, в коем этот последний просил его непременно приехать в Кобеляки.

«Как только явилась возможность взять отпуск, – говорит Рогачев в своем показании, – я отправился в означенный город. Похитонов сообщил мне, что Фигнер желает меня видеть, и если я ничего не имею против этого, то должен ехать в Полтаву и там ждать ее. Мне была указана гостиница, где остановиться, и на другой день я уехал в Полтаву. Через день туда же приехала Фигнер. Дня два или три я прожил в Полтаве, и каждый день мы встречались, причем просиживали по нескольку часов у меня в номере. Результат этих свиданий был тот, что я согласился выйти в отставку и вступить в партию в качестве активного члена».

Намерения этого Рогачеву осуществить не пришлось, так как 4 апреля сего года он был арестован.

Для полноты изложения результатов дознания о преступной деятельности лиц военного звания необходимо коснуться оснований привлечения к нему подпоручика Тихоновича.

Арест подпоручика Тихоновича в Киеве и его показание

В ночь на 17 августа 1882 г. из Киевского тюремного замка бежал политический арестант Василий Иванов, привлеченный к дознанию, производимому покойным генерал-майором Стрельниковым. Подозрение в способствовании побегу означенного арестанта пало на двух надзирателей тюремного замка, которые вследствие этого и были по этому делу присуждены военно-окружным судом в каторжные работы. Между тем впоследствии были получены указания, что побег совершен при содействии бывшего в этот день караульным офицером в тюремном замке, подпоручика 131-го Тираспольского пехотного полка Тихоновича. На первом же допросе Тихонович показал: «Государственного преступника Василия Иванова, содержавшегося в Киевской тюрьме и бежавшего в ту ночь, когда я был в карауле, выпустил из тюрьмы лично я, без всякого постороннего участия; побудительной причиной этого поступка было мое давнишнее знакомство с Ивановым».

Из дальнейшего показания Тихоновича видно, что бывший студент Киевского университета Василий Иванов, с которым он познакомился за несколько месяцев до своего ареста, часто посещая Тихоновича, приносил ему для чтения разные революционные издания и познакомил его с какой-то барышней, называвшейся «Антониной Николаевной». Эта последняя также часто навещала Тихоновича. Из разговоров с ней Тихонович убедился, что она, подобно Иванову, принадлежит к революционной партии. По аресте Иванова Тихонович встретился с ним в тюрьме, в первый же раз, когда был в карауле, имел возможность разговаривать с ним и под

влиянием этих разговоров, а также личного расположения к Иванову, решился освободить его при первой возможности. Продолжая видеться с Антониной Николаевной, которая часто к нему заходила, Тихонович сообщил ей о своем намерении, а впоследствии указал и ночь, в которую план освобождения должен был быть приведен в исполнение. Со времени ареста Иванова и до его побега Тихонович был в карауле в тюрьме четыре раза и каждый раз ночью, пользуясь отсутствием внутреннего военного караула, говорил с Ивановым через двери камеры и обсуждал с ним план освобождения.
Этот последний, по словам Тихоновича, состоял в следующем: «Иванов должен был разобрать в своей камере часть печки, прилегавшей к коридору и таким образом выйти. Во время этой работы у него на окне должен был гореть ночник, который Иванов, при окончании работы, должен был потушить. Я же должен был наблюдать за окном камеры из офицерской комнаты. Побег был решен в ночь на 17 августа: придя 16-го в караул, я принес с собою купленные мною для Иванова пиджак и фуражку, затем рассчитал смены караула так, чтобы к 3 часам ночи в карауле никаких служебных передвижений не было. Таким образом, когда ночник у Иванова, согласно условию, был потушен, последняя смена стояла на часах и на дворе ни солдат, ни сторожей не было. Пройдя из офицерской комнаты в коридор тюрьмы, я встретил там Иванова, вылезшего через сделанное им отверстие в печке, передал ему заготовленное для него платье и, когда он его надел, вывел Иванова на караульный дворик, поставил его там за будку. Увидав часового, я послал его на правый фас, под предлогом узнать, не спит ли там часовой, а сам, отворив калитку, вывел Иванова, который и пошел по направлению к большой житомирской дороге. После этого я Иванова больше не видел».
Затем Тихонович имел еще несколько свиданий с продолжавшей его посещать Антониной Николаевной и спрашивал ее о судьбе Иванова, но она от ответа уклонилась и вскоре исчезла из Киева; впоследствии, в феврале сего года, Тихонович от кого-то слышал, что Антонина Николаевна арестована на рождественских праздниках 1882 г. в Москве. По предъявлении Тихоновичу фотографической карточки арестованной 13 января сего года в Москве священнической дочери Софии Васильевой Никитиной он признал в ней упоминаемую им Антонину Николаевну. Допрошенная по сему Никитина подтвердила показание Тихоновича относительно знакомства его с ней, как с Антониной Николаевной».

Из дознания о военной организации, с 1 июня 1883 г. по 1 января 1884 г.:

«Дознание, произведенное генерал-майором Середою, и откровенные показания лиц, привлеченных им к делу в качестве обвиняемых, дали ныне возможность значительно дополнить изложенные в предыдущем обзоре сведения о возникновении и деятельности той отрасли народовольческого сообщества, которая сделалась известною под названием «военной организации», и изобразить ход и последовательное развитие ее в точном, хронологическом порядке.
Начало народовольческой организации среди военных должно быть отнесено к весне 1880 г., когда по инициативе и под руководством старых членов партии «Народной воли» Желябова и Колодкевича возник в С.-Петербурге «Центральный, или главный военный кружок», в который, кроме вышеозначенных лиц, вошли членами Суханов, Штромберг и Рогачев. Тогда же был выработан устав этого кружка, черновой набросок которого был найден в числе бумаг Колодкевича, при задержании последнего 26 января 1881 г., ..подлинность его засвидетельствована показанием члена этого кружка, офицера Папина.
Для обсуждения способов приведения в исполнение предположенной этим уставом военной организации члены Центрального военного кружка собирались регулярно, по два раза в неделю, на квартире Суханова, куда также, по вечерам, иногда были приглашаемы некоторые из товарищей этого последнего, перед которыми Суханов и Желябов, в страстных речах увлекавших слушателей, развивали свои взгляды на современное

экономическое положение и указывали на необходимость борьбы для того, чтобы устранить лежащий, по их словам, на обществе правительственный гнет, говорили об обязанностях образованных классов прийти на помощь простому народу и, в конце концов, доказывали, что следует соединиться с партией «Народной воли» ввиду безусловной справедливости преследуемых ею целей. Путем подобных собраний мало-помалу устанавливалась связь посещавших квартиры Суханова и Люстига офицеров с членами террористической шайки, которые зимою 1880/81 г. съехались в Петербург в полном составе. Офицеры эти были: Завалишин, Александр Прокофьев, Гласко, Серебряков, Дружинин, Папин, Чижов, Рогачев, Похитонов и некоторые другие, степень участия коих в деятельности военной организации в настоящее время подлежит еще выяснению. Все они послужили кадром для незамедливших, к осени того же года, образоваться отдельных военных кружков в С.-Петербурге и Кронштадте.

В Петербурге по инициативе Дегаева и Папина к концу 1880 г. были образованы кружки в Артиллерийской академии, в которые в числе прочих вошли: Похитонов, Николаев, Дубинский; в Константиновском военном училище: из Котова, Элиавы, Губаревича-Радобыльского и др. и, наконец, обер-фейерверкерский, основанный при посредстве обер-фейерверкера Богородского в среде служивших на пороховых заводах обер-фейерверкеров. В следующем году в Петербурге же образовался, кружок из офицеров разных частей войск, известный под именем «Сборного», к коему принадлежали тот же Похитонов, Рогачев, Дмитрий Чижов, Константин Степурин и другие.

В Кронштадте к тому же времени уже существовал самостоятельно образованный кружок из морских офицеров и гардемаринов, группировавшихся около мичмана Дружинина и собиравшихся в его квартире. К кружку этому, получившему свое начало еще в 1878 г. в Морском училище, в то время, когда в нем обучались некоторые из его членов, принадлежали, кроме Дружинина и его сожителей Скворцова и Балка, мичман Вырубов и воспитанник Морского технического училища Иван Петров, а также унтер-офицер Потихонин, оружейный мастер Вальтерсдорф и слесарь, отставной унтер-офицер Федоров. Кружок этот, не имевший еще пока связи с Центральным военным кружком, занимался, под руководством Дружинина, чтением революционных изданий, которые привозились из Петербурга мичманом Булановым и Лавровым и деятельною пропагандою между нижними чинами, следы которой уже усматривались из прежних дознаний (дело Стемпневского и др.). Впоследствии, за выходом Дружинина, перенесшего в 1881 г. свою деятельность в среду Центрального военного кружка, первоначальный кронштадтский кружок соединился с тем сообществом, которое, будучи известно под именем «Кронштадтского морского кружка», было образовано зимою 1880 г. Сухановым и Штромбергом.

Первый состав этого кружка был следующий: Штромберг, Карабанович, Серебряков и Завалишин. Впоследствии к нему примкнули лейтенанты: Разумов, Гласко, Добротворский, мичман Скворцов, подпоручик Александр Прокофьев и другие лица.

Тотчас же по образовании этого кружка лица, входившие первоначально в его состав, поехали в одно из воскресений в Петербург, и здесь были Сухановым представлены Желябову и Колодкевичу, как членам Исполнительного комитета, познакомившим их тогда же с различными фракциями революционной партии. («Черного передела», «Народной воли» и партии «Набата»), и объяснившим существующую между ними разницу во взглядах.

Деятельность Кронштадтского морского кружка на первое время ограничивалась сходками, бывавшими раз в неделю на общей квартире Завалишина, Штромберга и Суханова, на которой был выработан устав, впоследствии, однако, забракованный Сухановым, предложившим кружку принять составленную им программу, на что все члены изъявили свое согласие. Насколько в кружке Дружинина подготовке и пропаганде путем чтения революционных изданий придавалось большое значение, настолько же во вновь образованном морском кружке это признавалось излишним, так как, по мнению

постоянного оратора кружка Серебрякова, «дело и без чтения представляется ясным как день», вследствие этого члены кружка стали тяготиться отсутствием всякой деятельности, и Центральному военному кружку представилась необходимость занять их различными поручениями, которые передавались из Петербурга при посредстве Суханова и Штромберга. В этих видах Разумову было представлено отвезти в Москву запрещенные издания, что он и исполнил, совершив поездку на средства, полученные им от своего кружка. Завалишину Суханов поручил доставить несколько запалов, четыре штуки которых тот получил без всяких затруднений в Минном классе, где он обучался в то время. В начале 1881 г. Карабанович был командирован в Петербург на заседание Центрального военного кружка, на котором Желябов сообщал о положении военной революционной организации, говоря, что к ней принадлежит много гвардейских офицеров, академиков, а также лиц с солидным положением, т. е. батальонных и полковых командиров; на этом же собрании было говорено о готовившемся в то время покушении на жизнь Государя Императора, на которое Желябов указывал, как на средство для возбуждения к всеобщему восстанию. Наконец, приехав в Кронштадт, Суханов обсуждал с членами морского кружка планы освобождения государственных преступников из Петропавловской крепости и ограбления Кронштадтского банка, не приведенные в исполнение вследствие признанной членами кружка рискованности означенных предприятий. В начале февраля Штромберг передал Морскому кружку, что партия сильно нуждается в деньгах и просит помощи; тогда кружок, кассиром которого состоял Серебряков, собрал и передал Штромбергу 600 руб., из числа коих 100 рублей были внесены Завалишиным, 200 руб. – Штромбергом и 300 руб. остальными членами.

В день 1 марта 1881 г. из числа членов кронштадтского кружка в квартире Суханова, в Петербурге, находились Завалишин и Штромберг, при бытности коих к Суханову приходила Перовская и со слезами говорила, что партия должна употребить все средства для освобождения Желябова.

Около половины того же месяца Суханов предложил морскому кружку завести гектограф, на котором были отпечатаны речь профессора Соловьева и воззвание по поводу события 1 марта. В этой работе принимали участие Завалишин, Серебряков, Разумов, Штромберг и Скворцов. Вскоре после этого Завалишин и Штромберг вместе с Грачевским и Сухановым приняли участие в очищении квартиры Веры Фигнер от находившихся в ней типографии и запаса динамита, причем первая была отвезена на квартиру Суханова, а динамит опущен в отхожее место. Остальные вещи Фигнер, заключавшиеся в революционных изданиях и разном оружии, были перевезены Сухановым и Грачевским. На другой же день, по очищении квартиры, в нее явилась полиция.

На страстной неделе того же года Суханов и Фигнер приехали в Кронштадт, причем последняя поселилась на квартире, занимавшейся Завалишиным и Штромбергом, где все время ее пребывания до 2-го дня Пасхи собирались члены морского кружка и происходило чтение разных книг и статей, указываемых и объяснявшихся Верою Фигнер; беседы с нею, по собственному сознанию членов кружка, произвели на них сильное впечатление. Так продолжалось до конца апреля, когда последовал арест Гласко и Штромберга и большинство остальных членов кружка отправились на разных судах в море.

Деятельность двух прочих военных кружков в Кронштадте, известных под именами «артиллерийского» и «пехотного», до конца 1881 года ограничивалась исключительно вербовкою новых членов путем пропаганды между военными.

Эти военные кружки не принимали деятельного участия в приготовлениях к злодеянию, совершенному 1 марта, но некоторые офицеры были посвящены в тайну цареубийственного замысла, между ними Рогачев, предупрежденный о том Желябовым. Уже тогда офицеры, члены центральной группы, пользовались служебными своими командировками для распространения преступных учений в частях войск, расположенных вне С.-Петербурга. Рогачев сознался, что в феврале 1881 г., будучи отправлен главным

артиллерийским управлением по службе в Гельсингфорс, он получил от Перовской и Желябова рекомендации к разным лицам в этом городе и образовал там местный военный кружок. Из числа участников его он назвал лишь Шепелева, но можно предположить, что именно этот кружок, основанный Рогачевым, сгруппировался впоследствии около Сикорского.

После 1-го марта центральный военный кружок продолжал свою деятельность, так как произведенные тогда аресты не коснулись его членов, за исключением Суханова, Штромберга и Дегаева. Накануне ареста Суханова он предложил морскому кружку взять у него типографию и перевезти в Кронштадт, что и было исполнено Завалишиным и Штромбергом; типография была сдана на хранение Александру Прокофьеву, и впоследствии Грачевский приезжал в Кронштадт учить моряков печатному делу; эта типография впоследствии, по указанию Дегаева, переслана Прокофьевым в Одессу; в самый же день ареста Суханова, 28 апреля, Рогачев вынес из его квартиры когда-то хранившееся у Желябова имущество сообщества: разные документы, динамит, снаряды, типографские принадлежности и т. п. Отнеся эти вещи к себе, он отправился на вокзал Балтийской жел. дороги предупредить некоторых кронштадтских моряков, имевших задание в тот же день прибыть к Суханову, но опоздал к поезду и известил Штромберга об аресте Суханова в условленных выражениях по телеграфу.

Весною 1881 г. местом сходок центрального кружка служила квартира на Кирочной улице, в которой поселились Рогачев и Похитонов. Но обстоятельства не были благоприятны для пропаганды в столице. Штромберг выслан был административным порядком в Восточную Сибирь; Дегаев, выпущенный на свободу, выдержав переходный экзамен на IV курс в Институте Путей Сообщения, отправился на инженерные работы в Архангельскую губернию; Буцевич получил служебную командировку в Николаев; Рогачев поехал к месту своего служения в г. Вилькомире, где была расположена 29-я артиллерийская бригада; наконец, Дружинин оказался скомпрометированным сношениями своими с двумя матросами в Кронштадте, у которых найдены были запрещенные издания. Хотя произведенный у него обыск и не дал результатов, но он был тогда же уволен от должности экипажного адъютанта.

К тому же и наиболее выдающиеся члены руководящего террористического кружка, направлявшие центральную военную группу, вынуждены были в то время оставить С.-Петербург. Деятельность последней оживилась снова лишь по возвращении сюда в конце лета Савелия Златопольского, а вскоре затем и Дегаева. Офицеры стали опять собираться у Похитонова, переехавшего на новую квартиру по Захарьевской улице. Златопольский, как показывает Папин, в радужных красках описывал им положение сообщества. Тогда же появились и воззвания, обращенные Исполнительным комитетом «К офицерам русской армии» от 24 августа и «Ко всем казачьим войскам» от 3 сентября. В половине декабря привлечен Похитонов к дознанию о враче Мартынове, в квартире которого он был задержан, что побудило его, по освобождении из-под стражи, отстраниться на время от участия в деятельности центрального военного кружка. Члены последнего перестали сходиться у него на квартире и собрания свои перенесли в Кронштадт, в квартиру Серебрякова.

Там в конце декабря возвратившиеся в С.-Петербург Корба и Буцевич сообщили им о результатах своей пропагаторской деятельности, первая на Кавказе, а второй в Одессе и Николаеве. Известие об образовании кружков в трех армейских Пехотных полках: Мингрельском, Люблинском и Прагском (кружок морских офицеров в Николаеве возник несколько позже, а именно летом 1882 г.) – снова воскресило надежды центральной военной группы на успех и побудило ее с новым усердием возобновить свои преступные действия. Начало 1882 г. было временем ревностнейшего проявления деятельности этого сообщества для привлечения в ряды свои наибольшего числа состоявших на действительной службе офицеров. Руководимое Буцевичем, оно решило отправить специальных военных организаторов во все концы России. Составлены были

шифрованные книжки со списками офицеров, считавшихся расположенными к вступлению в партию. Офицеры, уже примкнувшие к ней, снабжали организаторов рекомендациями к своим товарищам.
Одним из таких организаторов был Рогачев. Вызванный Буцевичем и заручившись двухмесячным отпуском, он в январе прибыл в С.-Петербург и, получив наставление центральной военной группы, отправился «вводить военную организацию» в Северо-Западном и Прибалтийском краях. Он поехал туда через Москву, Орел, Смоленск, Витебск, посетил Динабург, Ригу, Митаву, Либаву, Вильно и Минск.
Чтобы иметь возможность побывать во всех названных городах, он фиктивно заболел в Динабурге и, послав официальное свидетельство о болезни в 28-ю артиллерийскую бригаду, продолжал свой путь. Так как, по военным правилам, заболевший офицер должен быть свидетельствуем через каждые десять дней, то ему пришлось несколько раз возвращаться в Динабург, что не представляло затруднения, ибо большая часть посещенных им местностей отстоит не более одного дня езды от Динабурга по железной дороге.
По возвращении в С.-Петербург Рогачев отдал отчет в своей поездке не общему собранию центрального военного кружка, а лишь некоторым его членам, облеченным особым доверием сообщества.
Следует заметить, что поездка Рогачева в Северо-Западный край совпадает с пребыванием в Вильно Грачевского, с заведением там тайной типографии, и вообще с попытками ввести в этом крае народовольческую организацию.
По словам Рогачева, предприятие его увенчалось полным успехом: всюду положено было им начало местным военным кружкам, собрано множество указаний на офицеров, готовых вступить в партию, выяснилось также, что многие офицеры интересуются делами сообщества и предъявляют требования на постоянное получение запрещенных изданий.
Так показывает Рогачев. Но по свидетельству другого члена центрального военного кружка, Папина, результаты поездки Рогачева были ничтожны. Командированный одновременно с одинаковою целью в Киев Дружинин не имел никакого успеха и вернулся разочарованным.
Как бы то ни было, центральный военный кружок, продолжая собираться в Кронштадте у Серебрякова, занимался текущею революционною политикою, которая заключалась главным образом в укреплении в умах членов военной организации мысли о возможности и необходимости инсуррекции во имя осуществления целей партии «Народная Воля». Еще в апреле 1881 г., на одном из заседаний центрального кружка Суханов произнес речь, в которой утверждал, что последние события доказали, что дела партии идут хорошо и что, ввиду этого, она может через год сделать попытку произвести инсуррекционное движение. Под этим движением разумелось не производство демонстраций, вроде бывшей в 1876 г. на Казанской площади, а, напротив, вооруженное восстание всей партии в такое время и при таких обстоятельствах, когда будет некоторая надежда на успех, и возможно будет, хотя временно, прекратить действие правительственной власти и популяризовать требования и цели партии путем печатного слова, при посредстве захваченных типографий, воззваний на сходках и площадях. Ввиду практического осуществления подобного движения, признавалось крайнею необходимостью заняться подготовительными работами, как-то: собиранием различных сведений, приготовлением складов, изучением местностей будущего восстания и пр., но главное – упрочением революционной военной организации. Для этой цели решено было учредить в главных городах Империи военные окружные центры, которые служили бы в отношении местных кружков данного края тем же, чем центральный военный кружок должен был быть для всей России. Во главе кружка должен был стоять представитель центральной группы, ведающий и направляющий все дела местных кружков. Границы округов точно не обозначались, но размеры их зависели от многих условий, между прочим: 1) от количества железных дорог, проходящих в данной местности; 2) от числа войск, в ней

расположенных; 3) от величины городов. Так, например, в район Виленского округа должны были входить: Вильно, Динабург, Витебск, Рига, Митава, Либава, Ковно и Минск. Окружным представителям предполагалось подчинить все местные кружки, которые должны были доносить им о всех своих делах, о привлечении новых членов, о поездках офицеров в отпуски или по казенным надобностям. Офицеров этих окружной представитель имел задание снабжать разными указаниями и рекомендациями в города, расположенные по пути. Такими представителями центра были назначены: Рогачев в Виленском округе и Ашенбреннер, основатель Одесского и Николаевского кружков, – в Новороссийском крае. В феврале 1882 г. центральный военный кружок выработал образцовый устав частного офицерского кружка и инструкций для чинов такого кружка.

Кроме того, центральный кружок намеревался наладить издание специального революционного органа для военных (редакцию предполагалось вверить Папину, а средства должны были получиться от Буцевича); завести для того собственную типографию, установить постоянные и регулярные командировки своих членов в местные кружки, наконец, достигнуть возможности перемещать офицеров сообразно требованиям партии. Для приведения всех этих мер в исполнение требовались значительные суммы, и центральный военный кружок обратился за ними к Исполнительному комитету. Но Исполнительный комитет, сильно поколебленный задержанием Богдановича и Савелия Златопольского весною 1882 г., окончательно распался после июньских арестов, предавших в руки правосудия Грачевского и его ближайших сообщников и вызвавших бегство Тихомирова и Баранниковой за границу. Тогда же был арестован и Буцевич, глава и руководитель центрального военного кружка, который с этого времени может считаться прекратившим свою преступную деятельность. Осенью того же года роль его покушался принять на себя один из членов кружка артиллерийской академии штабс-капитан Кунаев, старавшийся собрать разрозненные революционные элементы в среде военных в Петербурге, – но безуспешно, как он сам потом сообщал членам морского кружка, с которыми виделся в приезд свой, в ноябре месяце, в Кронштадт. Как видно из предыдущей главы, Вере Фигнер также не удалось вовлечь в свои разрушительные замыслы офицеров, остававшихся на службе в С.-Петербурге и Кронштадте, и пришлось обратиться к содействию лиц, ранее выбывших из центрального военного кружка, а также членов местных военных кружков, образованных в разных городах, преимущественно на юге России.

Переходя к изложению сведений, добытых дознанием о кружках этой последней категории, следует заметить, что первым из них по времени был кружок Мингрельского полка, основанный Анною Корба в Тифлисе весною 1881 г. Деятельность его подробно изложена в предыдущем обзоре.

Одновременно с отправлением Корба на Кавказ, а именно в начале апреля 1881 г., Вера Фигнер была послана в Одессу для ведения местных революционных дел в качестве агента «исполнительного комитета». Она не должна была заниматься сама пропагандою в войсках, но лишь подготовить ее приобретением связей между офицерами. Организацией местных кружков в Одессе и соседних городах должен был заняться Суханов, намеревавшийся взять для того продолжительный отпуск; когда же он был задержан, то вожаки сообщества решили поручить это дело Буцевичу, получившему от Министерства Путей Сообщения служебную командировку в Николаев, где он должен был провести все лето.

Прибыв в Одессу, Фигнер воспользовалась первым удобным случаем, чтобы через Дмитрия Петрова познакомиться с двумя офицерами расположенного в Одессе 59-го пехотного Люблинского полка: Болеславом Крайским и Федором Стратановичем, а также чтобы возобновить знакомство с подполковником того же полка, откомандированным в 58-й пехотный Прагский полк, стоящий в Николаеве, Михаилом Ашенбреннером.

В начале июня, по пути в Николаев, Буцевич заехал в Одессу и привез к Фигнер письмо от «исполнительного комитета», приглашавшего ее сообщить Буцевичу все имеющиеся у нее

сведения о военных, познакомить его с теми из них, которых считает пригодными для целей партии, вообще, оказать ему полное содействие в возложенном на него деле.
Фигнер предложила Буцевичу свести его с некоторыми из одесских офицеров, но он не мог оставаться на этот раз в Одессе долее одного дня и ограничился тем, что взял у нее рекомендательное письмо в Николаев к Ашенбреннеру.
Михаил Ашенбреннер, один из старых штаб-офицеров полка, командир батальона, украшенный боевыми отличиями, полученными им во время долголетней службы в Туркестанском крае, пользовался значительным влиянием на некоторых из своих полковых товарищей, которых привлекал к себе частью превосходством своего развития над малосведущими молодыми офицерами, дружеским с ними обращением, увлекательностью своей речи, частью же разгульным образом жизни, общими с ними пирушками и попойками. Влиянием этим он воспользовался, чтобы проповедывать им социалистические учения сначала на отвлеченной почве науки, потом, мало-помалу, переходя на почву революционную и проповедуя ниспровержение существующего в России государственного и общественного строя путем народного восстания.
Такого рода беседы Ашенбреннера с товарищами происходили большею частью за кутежами в общей квартире, занимаемой им с казначеем полка капитаном Николаем Маймескуловым и штабс-капитаном Адольфом Мицкевичем. Участие в них принимали и другие офицеры Прагского полка: капитан Петр Зайнчневский, штабс-капитан Николай Талапиндов, подпоручики Николай Кирьяков, Иван Успенский. Но вскоре признано было нужным завести для сходок особую конспиративную квартиру, которая и была устроена в помещении, занимаемом сообща Кирьяковым и Успенским.
Таким образом, была подготовлена почва в Николаеве ко времени прибытия Буцевича, в половине июня 1881 г. При его участии и под его руководством все вышеназванные офицеры решились образовать из себя местный военный кружок с определенною программою. Она была выработана на одном из собраний, происходивших в квартире Кирьякова и Успенского. В ней было сказано, что кружок разделяет программу так называемого Исполнительного комитета «Народной воли»; устанавливалась степень подчиненности кружка центру; определялся способ разрешения возникавших в кружке вопросов, а также предложений центра большинством 2/3 голосов; ограничивалось число членов кружка; возлагалась на них обязанность соглашаться на перевод по службе сообразно требованиям центра и вообще являться по первому призыву его в место, назначенное для произведения восстания. С членов кружка назначен был постоянный сбор в размере 3 руб. в месяц, которые и удерживались казначеем Маймескуловым из причитающегося им жалованья.
В течение лета 1881 г. члены кружка часто собирались на сходки, читали запрещенные издания, обсуждали разные вопросы, между прочим, об освобождении содержавшейся в тюремном замке государственной преступницы Фанни Морейнис. Два раза посетила их и Вера Фигнер, проезжавшая через Николаев, отправляясь в сентябре 1881 г. в Москву на совещание с вожаками главного террористического кружка, а также возвращаясь оттуда в Одессу. Целью ее было, между прочим, встретиться с Буцевичем, но первый раз она не застала его в Николаеве, так как он уехал в гор. Вознесенск на работы. Она остановилась на квартире Зои Ге, слушательницы акушерских курсов, куда и послал Ашенбреннер Талапиндова провести ее на конспиративную квартиру офицеров. Кружок собрался в полном составе приветствовать гостью, которую Ашенбреннер представил им под именем «Елены Ивановой». Разговор велся в духе революционном, причем говорили больше Ашенбреннер и Вера Фигнер. Она интересовалась узнать настроение общества офицеров Прагского полка и произвела на них большое впечатление красивою своею наружностью и увлекательным красноречием.
На возвратном пути из Москвы Вера Фигнер остановилась в Николаеве у Леонида Голикова, одного из подсудимых бывшего нечаевского процесса, привлекавшегося с тех пор к целому ряду дознаний о социально-революционной пропаганде и занимавшему

должность секретаря Николаевской Земской Управы. Он хотя и был знаком с Ашенбреннером и Мицкевичем и даже, по всей вероятности, доставлял им запрещенный издания, но вел себя крайне осторожно и никогда не показывался на собраниях офицеров Прагского полка.

И в этот приезд Вера Фигнер посетила сходку военного кружка, на которой присутствовал и Буцевич. Обсуждался вопрос о возбуждении восстания. Высказывалось мнение, что, смотря по силам партии, его следует начать либо в одной местности, либо в двух или в нескольких одновременно; что для этого нужно предварительно стянуть в эти местности боевые силы сообщества двумя способами: 1) постепенными переводами в намеченные пункты членов организации, 2) одновременным наплывом в назначенную минуту значительного числа людей решительных и солидарных между собою. Вера Фигнер сначала читала письмо, писанное из Сибири политическим ссыльным и описывающее тяжелое положение находящихся там государственных преступников. Затем она стала упрекать Ашенбреннера в бездействии, говоря, что партия возлагала на него большие надежды и что сам он обещал еще в Одессе действовать энергично, а в действительности не сделал ничего, ибо, по мнению ее, наем конспиративной квартиры и собрания на ней нельзя еще считать делом. Она заметила, что в Харькове еще не заведено офицерских кружков и что полезно было бы перевести туда на службу Талапиндова или Кирьякова, поручив им заняться образованием таких кружков.

Действительно, вскоре после того Талапиндов ездил в Харьков по своим делам. Рекомендациями в этот город снабдил его находившейся в то время в Николаеве хорунжий 7-го казачьего полка Матвей Фомин, с которым познакомил его Ашенбреннер как с социально-революционным деятелем. Фомин дал Талапиндову письмо к проживавшей в Харькове слушательнице акушерских курсов Матвеевой, которая, в свою очередь, познакомила его с Георгием Кервили, французским подданным и резервным офицером французской службы, владельцем в Харькове книжного магазина и слушателем местного Ветеринарного института. Кервили выразил согласие заняться пропагандою среди офицеров расположенных в Харькове частей войск, но сам Талапиндов, возвратясь в Николаев, рассказывал, что трудно что-либо поделать с харьковскими офицерами, хотя между ними и есть сочувствующие.

Между тем Буцевич по окончании работ комиссии техников, в которой он состоял членом, в декабре 1881 г., оставил Николаев и отправился через Одессу в С.-Петербург. В Одессе он оставался несколько дней, в продолжение которых занялся организацией местного военного кружка из офицеров Люблинского полка. Прежде всего он познакомился с Крайским в квартире Дмитрия Петрова. Он объявил ему, что считает недостаточным праздное сочувствие социально-революционным целям, что необходимо выражать его на деле, что военные могут принять участие в революционной деятельности в форме кружков на каких бы то ни было началах, что из кружков, составленных «на самом, так сказать, безобидном основании», будут выделяться люди, могущие принять на себя со временем более серьезные обязательства, что кружок может состоять сначала из самого малого числа лиц и что число это с течением времени при развитии деятельности увеличится.

Убежденный этими доводами, Крайский взял на себя устройство сходки. На ней присутствовали, кроме его самого, товарищи его по Люблинскому полку – поручики Павел Телье, Михаил Каменский и Иринарх Мураневич. Буцевич изложил им программу Исполнительного комитета «Народной Воли», и все они, за исключением Мураневича, выразили согласие примкнуть к ее организации, составив из себя особый местный кружок, в число членов которого был включен и отсутствовавший Стратанович, заранее выразивший на то свое согласие. Подобно Николаевскому военному кружку, кружок Люблинского полка обязывался увеличивать число своих членов путем пропаганды между офицерами. Каждый член должен был ежемесячно делать в кассу кружка денежный взнос, в произвольном размере, на могущие возникнуть общие надобности.

Представителем кружка назначен был Крайский. На обязанности его лежало хранение взносов, сношение со штатскими, ведение переписки. Уезжая из Одессы, Буцевич показал Крайскому употребление шифра, снабдил его цианистым калием и пригласил писать ему о делах кружка, адресуя письма в Кронштадт на имя подпоручика Кронштадтской крепостной артиллерии Алексея Прокофьева. Сам Буцевич дважды писал Крайскому из С.-Петербурга: тотчас по приезде, согласно условию, лишь для пробы, спрашивая, нет ли чего-нибудь нового и не прибыло ли членов в кружок, и летом 1882 г., незадолго до ареста, с просьбою сообщить подробности о задержании в Одессе трех артиллерийских офицеров.

В течение всего 1882 г. деятельность Одесского военного кружка не выразилась ни в чем существенном. Ежемесячные членские взносы не превышали одного рубля, и за все время существования кружка их поступило не более 60 рублей. Офицеры хотя и собирались на общей квартире, но никаких вопросов не обсуждали, а ограничивались чтением социалистических книг, как-то: «Капитала» Маркса, «Сущности социализма» Шеффле и т. п. Не было даже сделано попытки распространить пропаганду на другие полки, расположенные в Одессе и окрестностях.

Зато в Николаеве Ашенбреннеру удалось образовать второй военный кружок из служивших в этом городе морских офицеров.

Весною 1882 г. он познакомился с прапорщиком корпуса флотских штурманов Иваном Ювачевым и, убедившись в его сочувствии социально-революционным целям, посвятил его в тайну военной организации и предложил ему составить местный кружок из товарищей своих по флоту. Ювачев согласился и пригласил к участию в кружок мичманов Александра Афанасьева и Николая Толмачева. Впоследствии к ним присоединились Владимир Бубнов, лейтенант Дмитрий Скаловский и Сергей Янушевский.

Николаевский кружок морских офицеров был образован на тех же основаниях, что и кружки Прагского и Люблинского полков. Члены его признали себя солидарными с программою исполнительного комитета, а кружок свой – составною частью военной организации народовольческого общества. И здесь были установлены ежемесячные денежные взносы, периодические сходки, но последние собирались не на особой квартире, а частью у Ювачева, частью в различных ресторанах. Кружок испытывал большой недостаток в деньгах, а потому в среде его возникла мысль ограбить Николаевское отделение Государственного банка, но она не вышла из области предположения, за совершенною невозможностью привести такое предприятие в исполнение.

Все вышепоименованные военные местные кружки не имели между собою тесного общения. Несмотря, однако, на разрозненность, следует признать, что они были устроены по одному образцу и руководствовались одинаковыми правилами. Назначение их было привлечь на сторону замышляемого народовольческим сообществом восстания как можно больше офицеров, состоящих на службе. Но, возлагая на каждого члена обязанность пропагандировать в среде товарищей, основатели и руководители кружков строго воспрещали офицерам распространять пропаганду на нижних чинов как в пехотных полках, так и во флоте. Офицеры должны были лишь намечать, каждый в своей части, солдат и матросов, наиболее способных к восприятию социально-революционных учений, и дальнейшее их развращение предполагалось возложить на особых пропагандистов из примкнувших к сообществу рабочих. Сами офицеры, члены кружков, не должны были участвовать в каких бы то ни было предприятиях сообщества, пока состояли на службе. Наиболее пригодные для таких предприятий и приглашенные к участию в них офицеры обязывались предварительно выйти в отставку и перейти на нелегальное положение».

От сопок Маньчжурии до окопов Первой мировой войны

Когда в начале прошлого века в Российской империи начался процесс создания органов военной контрразведки, то большинство представителей офицерского корпуса среагировали на это равнодушно. Большинство офицеров всерьез не воспринимали угрозу военного шпионажа.

В принятом в 1890 г. «Положении о полевом управлении войск в военное время» не предусматривалось наличие системы органов военной контрразведки, как и в аналогичном документе, датированном 1914 г.[272]

Подробная история создания и функционирования органов военной контрразведки в Российской империи с 1903 по 1917 г. подробно освещена в литературе[273]. Поэтому кратко расскажем об органах военной контрразведки и подробно об ее успехах и неудачах. Также затронем тему обеспечения лояльности вооруженных сил по отношению к действующей власти.

Отметим важный факт: контрразведка представляла опасность, исходящую от германской и австрийской разведок. Так, в декабре 1909 г. разведотделение штаба Варшавского военного округа добыло сведения под условным наименованием «Программа тайной разведки Германии в пределах России». Документ фактически был руководством по организации разведки на территории России.

В 1910 г. разведка Киевского военного округа смогла добыть документ «Разведка внутренней России». В нем были проанализированы мероприятия австрийской и германской разведок за последние 8 лет, что позволило сделать вывод о высоком уровне ее организации, масштабности и результативности действий[274].

Разведочное отделение Главного управления Генерального штаба

Было учреждено в январе 1903 г. Фактически начало действовать только летом 1903 г. Располагалось в Санкт-Петербурге по адресу: Таврическая улица, дом № 17. Основная задача: «охрана военной тайны и обнаружение лиц, выдающих ее иностранцам» в Санкт-Петербурге и его окрестностях.

Начальники Разведочного отделения:

ротмистр Отдельного корпуса жандармов Владимир Николаевич Лавров (июнь 1903 г. – август 1910 г.);

полковник Отдельного корпуса жандармов Василий Андреевич Ерандаков (август 1910 г. – июнь 1911 г.).

Штатное расписание по состоянию на август 1903 г.:

начальник отделения;

старший наблюдательный агент – 1;

наблюдательный агент – 6;

агент-посыльный – 1;

агент для собирания справок и сведений, установки лиц, взятых под наблюдение – 1;

внутренний агент – 9;

почтальон – 2.

Основное направление деятельности – организация наблюдения за сотрудниками иностранных дипломатических миссий, а также российскими гражданами, подозреваемыми в шпионаже[275].

Преобразовано в Петербургское городское КРО (контрразведывательное отделение) в июне 1911 г. (подробнее об этом ниже)[276].

Отделение по розыску о международном шпионстве – IV (секретное) дипломатическое отделение Особого отдела Департамента полиции

Было создано в начале июля 1904 г. по распоряжению директора Департамента полиции А.А. Лопухина. Инициатором создания и первым руководителем отделения стал чиновник для особых поручений при министре внутренних дел Иван Манасевич-Мануйлов. Основная задача данного органа – организация наблюдения за иностранными дипломатическими миссиями, расположенными в Санкт-Петербурге, а также перехват и расшифровка дипломатической переписки.

С середины марта 1905 г. Отделение по розыску о международном шпионстве стало именоваться IV (секретным) дипломатическим отделением Особого отдела Департамента полиции. До сентября 1905 г. его возглавлял Аркадий Михайлович Гартинг, который с 30 января 1905 г. исполнял обязанности делопроизводителя Департамента полиции. После отъезда последнего за границу руководство отделением перешло к его бывшему заместителю – ротмистру Отдельного корпуса жандармов Михаилу Степановичу Комиссарову. Летом 1906 г. отделение было расформировано[277].

Из-за того что IV отделение и Разведочное отделение частично занимались одним и тем же делом – организацией наблюдения за иностранными посольствами, это спровоцировало серию конфликтов между ними. Так, начальник последнего, Лавров, докладывал:

«Опираясь на исключительные права Департамента полиции и располагая средствами, во много раз превосходящими таковые Разведочного отделения, означенная организация стала брать под свое наблюдение наблюдаемых Разведочным отделением, не исключая и сухопутных военных агентов, перекупать лиц, работавших для Разведочного отделения, или просто запрещать им служить отделению и вообще всячески ему препятствовать, а затем начала вторгаться и в Главное управление Генерального штаба: перлюстрировать корреспонденцию офицеров и учреждать за ними наружное наблюдение. Разведочное отделение в конце концов оказалось сжатым со всех сторон, вся работа его перешла на самоохранение и отчасти на выполнение отдельных поручений, специальная же деятельность свелась почти к одному формализму»[278].

Окружные Контрразведывательные отделения – КРО

После окончания Русско-японской войны были предприняты меры по коренному улучшению организации контрразведывательной службы. Это было связано с тем, что в районе боевых действий российская контрразведка бездействовала. И одна из причин бездействия российских спецслужб на сопках Маньчжурии – отсутствие профессиональных контрразведчиков.

Поэтому и было усилено взаимодействие офицеров Генерального штаба с охранным отделением. Последний выделял в распоряжение Генерального штаба своих опытных агентов.

В 1908 г., во время киевского съезда старших адъютантов разведывательных отделений, была выработана общая система организации военной контрразведки в мирное время.

Согласно этой системе, контрразведкой должны были заниматься чины отдельного корпуса жандармерии, пограничной стражи под руководством старших адъютантов разведывательных отделений штабов военных округов.

Их деятельность контролировало 5-е делопроизводство Главного Управления Генерального штаба. Был установлен тайный контроль за всеми иностранными гражданами, проживающими на территории военных округов[279].

Начиная с 1908 г. правительство создает несколько межведомственных комиссий. Ключевой вопрос – создавать систему контрразведки при МВД или Военном ведомстве[280].

В 1909 г. была собрана очередная специальная межведомственная комиссия под председательством директора Департамента полиции. На заседании комиссии было решено привлечь к делу контрразведки особых жандармских офицеров.

Комиссия так и не решила вопросы о взаимодействии жандармерии и штабов военных округов, о применении к иностранцам особых правил специального надзора, о подсудности дел по шпионажу специальному суду и т.п.
МВД и Министерству финансов (которому подчинялись пограничная и таможенная стража) вменялась неукоснительная борьба со шпионажем.[281]
В 1910 г. победила вторая точка зрения. И 8 июня 1911 г. военный министр утвердил «Положение о контрразведывательных отделениях». Их системой руководил Отдел генерал-квартирмейстера Главного управления ГШ. Центральный орган был представлен Петербургским отделением, ставшим преемником Разведочного отделения. Местные отделения создавались при штабах военных округов: Петербургское, Московское, Виленское, Варшавское, Киевское, Одесское, Тифлисское, Иркутское и Хабаровское контрразведывательные отделения (КРО)[282].
В июне 1911 г. в составе Особого делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генштаба создается Регистрационное отделение. Тогда же военный министр генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов утвердил «Положение о контрразведывательных отделениях», «Инструкцию начальникам контрразведывательных отделений», «Правила регистрации лиц контрразведывательными отделениями» и «Инструкцию начальникам контрразведывательных отделений по расходованию ассигнованных им сумм и ведения отчетности по ним».
Для руководства созданными в крупных городах и военных округах контрразведывательными отделениями была учреждена должность помощника делопроизводителя Особого делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера ГУ ГШ, на которую был назначен подполковник Отдельного корпуса жандармов Владимир Михайлович Якубов.
Окружные КРО были сформированы при штабах Петербургского, Московского, Варшавского, Виленского, Киевского, Одесского, Тифлисского, Туркестанского, Иркутского и Приамурского военных округов.
Начальниками КРО назначались офицеры Отдельного корпуса жандармов; помощниками их могли быть как строевые армейские, так и жандармские офицеры.
Отличный от окружных КРО статус получило Петербургское городское КРО, заместившее собой прежнее Разведочное отделение, подчиненное напрямую Отделу генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (Огенквар ГУГШ) и занимавшееся обеспечением безопасности центральных учреждений империи.
Кроме того, при Особом делопроизводстве Огенквара был создан нештатный центральный регистрационный орган во главе с В.М. Якубовым. В 1913 г. он был присоединен к Петербургскому городскому КРО, что подтвердило статус последнего как головного органа контрразведки империи.
В апреле 1914 г. Петербургское городское КРО переименовали в КРО ГУГШ. С 1911 г. его возглавлял подполковник В.А. Ерандаков.

Расходы на содержания КРО[283] в год:

Петербургское городское КРО

Было создано в 1911 г.
Входило в структуру Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ и подчинялось начальнику отдела.
Адрес: Каменный остров, ул. Набережная р. Малой Невки, д. 13[284].

Структура КРО в 1912 г.:
Начальник.

Помощник.
Канцелярия:
Письмоводитель;
Младший чиновник – 2 чел.;
Фотограф и переписчица – 2 чел.;
Писарь – 3 чел.;
Канцелярский староста.

Агентурная служба:
Заведующий 1-м столом;
Заведующий 2-м столом;
Заведующий 3-м столом.

Особый секретный отдел:
Старший чиновник;
Переводчица;
Переписчик.

Отделение наружного наблюдения:
Наблюдательный агент – 6 чел.[285].
Численность персонала в 1912 г. колебалась от 40 до 60 человек[286].
Адрес конспиративной квартиры: Басков пер., 32[287].

Центральное регистрационное отделение
Входило в структуру Особого делопроизводства Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ.
Адрес: Санкт-Петербург, Саперный пер., 13/6.
Вело картотеку на лиц, причастных к военному шпионажу, подозревавшихся в нем, уволенных из органов контрразведки, предлагавших ей свои услуги. А еще лиц, чьи имена прозвучали в СМИ по обвинению в шпионаже. Данные получал от всех ОКР Российской империи.
Функционировало с ноября 1911 г. по апрель 1914 г. Затем преобразовано в КРО ГУГШ[288].

КРО штаба войск Гвардии
Было создано в ноябре 1911 г. для оперативного обеспечения предприятий ВПК и войск Петроградского военного округа. Также оперативно обеспечивало военно-окружной совет, штаб округа, пять окружных управлений (интендантское, артиллерийское, инженерное, военно-санитарное и военно-ветеринарское).
Подчинялось разведотделению и генерал-квартирмейстеру штаба Петербургского военного округа.
Структура КРО штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа:
Начальник;
Чиновник для поручений;
Наблюдательные агенты – 8 чел.
Адрес: Манежный пер., 6/8[289].

КРО штаба Виленского военного округа
Структура КРО в 1911 г.:
Начальник;
Помощник начальника;
Сотрудник для особых поручений – 2 чел.;
Старший наблюдательный агент – 2 чел.;

Младший наблюдательный агент – 6 чел.;
Переводчики с польского, литовского и еврейского (идиш) языков – 5 чел.[290]

Чем занимались КРО

В условиях мирного времени вся агентура КРО подразделялись на две категории: консульскую и штабную. В ведении первой находились иностранные посольства и консульства, находящиеся на территории Российской империи. Вторая агентура занималась высшими учреждениями военного и морского ведомства.

А как же Вооруженные силы? – спросите вы. Еще в 1908 г. Николай II запретил ведение агентурной работы в армии и на флоте. К тому же устанавливать наблюдение за офицерами можно было лишь в исключительных случаях, да и то с разрешения генерал-квартирмейстера. Так что фактически Вооруженные силы остались вне сферы внимания контрразведки.

На практике контрразведывательная работа КРО представляла собой несколько совокупных участков или линий:

закордонная деятельность по приобретению источников в разведывательных органах противника или их окружении – внешняя контрразведка;

разработка имеющихся на территории Российской империи дипломатических представительств и вызывающих подозрение в проведении шпионажа иностранных фирм;

контрразведывательное обеспечение штабов и других важных военных учреждений;

проверка и разработка результатов перлюстрации корреспонденции и заявлений частных лиц, содержащих информацию о фактах шпионской деятельности;

расследование чрезвычайных происшествий, подозрительных на совершение диверсий[291].

Из всех перечисленных выше направлений деятельности КРО только одно имеет прямое отношение к военной контрразведке. А еще два (расследования фактов диверсий и реагирования на заявления частных лиц) лишь частично. При условии, что о противоправном действии сообщил военнослужащий или оно напрямую касается Вооруженных сил. Аналогичная ситуация по диверсиям.

Еще один важный аспект работы сотрудников КРО – методы вербовки агентуры. Чаще всего использовались два: отказ от уголовного преследования за совершенные преступления и материальное вознаграждение[292]. В отличие от сотрудников Департамента полиции и жандармов, многие из которых вербовали агентов на идейной основе или используя, например, чувство мести потенциального «тайного информатора» по отношению к товарищам по революционной борьбе (бывало и такое), сотрудники контрразведки предпочитали действовать прямолинейно. А это, как показывает мировой опыт, не самая оптимальная и результативная тактика.

Кто следил за лояльностью армии

Выше мы рассказали о существовавшей в семидесятые годы XIX в. военной организации «Народной воли» и о том, что к 1883 г. она была полностью разгромлена. Прошло меньше четверти века и в Вооруженных силах снова началось брожение. Речь идет о вооруженных восстаниях на крейсере «Очаков» и броненосце «Потемкин». При советской власти официальная версия обоих мятежей была обильно разбавлена революционной романтикой. При этом о лидерах и организаторах антиправительственных выступлений старались говорить как можно меньше.

Бунт на крейсере «Очаков» возглавил лейтенант Петр Шмидт[293]. Назвать его идейным и пламенным революционером крайне сложно. По справедливым словам одного из ранних биографов офицера, в революционные события лейтенант вошел волею случая, как человек невероятно амбициозный, жаждущий славы и не отличавшийся особой честностью.

На военную службу он поступал несколько раз, и каждый раз его увольняли с громким скандалом. Непонятно, как офицеру с таким послужным списком и плохой репутацией вообще позволили служить капитаном крупного судна. Так, он впервые поступил на Балтийский флот в чине мичмана 1 января 1887 г. Был зачислен в стрелковую команду 8-го Балтийского флотского экипажа. Но высокое самомнение и крайняя амбициозность вызвали его неприятие офицерским коллективом – уже через 20 дней Шмидта отчислили по болезни с шестимесячным отпуском и переводом на Черноморский флот. В 1888 г. женился на проститутке Доминике Гавриловне Павловой, что спровоцировало мощный скандал в офицерской среде. Прослужил в чине мичмана всего два года и уволился в запас по болезни.

Затем с 1892 по 1898 г. вновь находился на службе. Служил на канонерской лодке «Бобр», входившей в состав Сибирской флотилии на Дальнем Востоке. В 1898 г. в чине лейтенанта снова ушел в запас. Плавал на океанских торговых судах Добровольного флота и РОПИТ (Русское общество пароходства и торговли). Был капитаном парохода «Диана», который занимался перевозкой грузов по Черному морю.

В 1904 г. с началом Русско-японской войны был мобилизован на Балтийский флот и назначен старшим офицером угольного транспорта «Иртыш», входившего в направляющуюся на Дальний Восток эскадру адмирала Рожественского. В сентябре 1904 г. в Либаве, где готовился к походу «Иртыш», Шмидт устроил драку на балу, организованном обществом Красного Креста. По мнению сослуживцев, единственная цель потасовки – добиться увольнения из ВМФ. Во время похода эскадры Шмидт неоднократно подвергался взысканиям; на стоянке в Порт-Саиде, у входа в Суэцкий канал, лейтенанта Шмидта «по болезни» списали с «Иртыша» и отправили в Россию. Назначен командиром миноносца № 253, базировавшегося в Измаиле для патрулирования на Дунае.

В начале революции 1905 г. организовал в Севастополе «Союз офицеров – друзей народа», затем участвовал в создании «Одесского общества взаимопомощи моряков торгового флота». Ведя пропаганду среди матросов и офицеров, Шмидт называл себя внепартийным социалистом.

18(31) октября Петр Шмидт возглавил толпу народа, окружившую городскую тюрьму, требуя освободить заключенных.

20 октября (2 ноября) 1905 г. на похоронах восьми человек, погибших в ходе беспорядков, произнес речь, ставшую известной как «клятва Шмидта»: «Клянемся в том, что мы никогда не уступим никому ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав». В тот же день Петр Шмидт был арестован. 7(20) ноября Шмидт был отправлен в отставку в чине капитана 2-го ранга.

14(27) ноября возглавил мятеж на крейсере «Очаков» и других судах Черноморского флота. На корабле был поднят красный флаг. Шмидт объявил себя командующим Черноморским флотом, дав сигнал: «Командую флотом. Шмидт». В тот же день он отправил телеграмму Николаю II: «Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от Вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и не повинуется более Вашим министрам. Командующий флотом П. Шмидт».

На следующий день мятеж был подавлен.

Петр Шмидт был приговорен военно-морским трибуналом к смертной казни. Расстрелян 6(19) марта 1906 г. на острове Березань. Кроме него, были расстреляны Н.Г. Антоненко (член революционного судового комитета), машинист А. Гладков и старший баталер С. Частник.

Вот такой вот идейный революционер. При советской власти такой сюжет мог присниться военным контрразведчикам только в кошмарном сне. Офицеру с таким набором «грехов» – не место в ВМФ.

Реальная история восстания на броненосце «Потемкин» тоже отличается от официальной советской версии. Из курса школьной истории, которую преподавали в СССР, все знали,

что причиной бунта послужило протухшее мясо из борща. Матросы, увидев, как из кусков мяса выползают белые черви, не только утратили аппетит, но и отказались выполнять приказы офицеров.

В жизни все происходило иначе. Накануне восстания (13 июня 1905 г. по старому стилю) командир броненосца капитан 1-го ранга Е.Н. Голиков отправил миноносец № 267 в Одессу для приобретения провизии. Ревизором мичманом А.Н. Макаровым и матросами-артельщиками было приобретено на базаре 28 пудов говядины.

В самой Одессе с 12 июня начались беспорядки и забастовки рабочих. 13 июня казаки в портовом районе разогнали демонстрацию, были жертвы. Местное революционное подполье в борьбе с войсками использовало самодельные бомбы и огнестрельное оружие. Поэтому и на корабле среди матросов царили революционные настроения. Организатором и первым руководителем восстания на броненосце стал уроженец Житомира артиллерийский унтер-офицер и член РСДРП с 1903 г. Григорий Вакуленчук. Нужно отметить, что два года членства в партии большевиков свидетельствуют о том, что за плечами этого человека богатый опыт революционной деятельности. Поэтому и во время службы на корабле он занимался антиправительственной пропагандой. В советское время такого смутьяна сотрудники военной контрразведки быстро бы выявили и изолировали от остального экипажа. А тогда унтер-офицер мог относительно безнаказанно вести революционную пропаганду среди нижних чинов.

Утром 14 июня часть привезенного на броненосец мяса была положена в котел для приготовления борща. В 11 часов на броненосце был дан сигнал на обед. Команда отказалась брать баки для борща и демонстративно ела сухари, запивая их водой. В корабельную лавку выстроилась очередь. Об отказе команды есть борщ было доложено старшему офицеру И. И. Гиляровскому и командиру корабля Е.Н. Голикову.

Командир приказал собрать команду. Борщ был освидетельствован старшим врачом броненосца С.Е. Смирновым, который признал его хорошим. После этого командир пригрозил матросам наказанием за бунт и приказал тем, кто хочет есть борщ, перейти к 12-дюймовой башне. Из строя к башне вышло около ста человек. Видя упорство матросов, командир приказал вызвать караул, после чего большая часть команды перешла к башне. Когда в строю осталось около 30 человек, старший офицер задержал оставшихся, приказал переписать их фамилии и принести брезент. Приказание принести брезент было расценено командой как подготовка к расстрелу задержанных в строю матросов.

Часть команды побежала на батарейную палубу, взломала пирамиды с винтовками и вооружилась. Попытки офицеров успокоить команду и привлечь на свою сторону не участвовавших в бунте матросов ни к чему не привели. Первым выстрелом, сделанным из батарейной палубы Г.Н. Вакуленчиком, был убит артиллерийский офицер лейтенант Л.К. Неупокоев. В завязавшейся схватке старший офицер выстрелом из винтовки смертельно ранил Г.Н. Вакуленчука. В следующее мгновение старший офицер был убит несколькими матросами.

В ходе восстания были убиты 6 офицеров: командир корабля капитан 1-го ранга Е.Н. Голиков, старший офицер капитан 2-го ранга И.И. Гиляровский, старший артиллерийский офицер лейтенант Л.К. Неупокоев, старший минный офицер лейтенант В.К. Тон, штурманский офицер прапорщик Н.Я. Ливинцев и лейтенант Н.Ф. Григорьев. Был убит также старший врач броненосца С.Е. Смирнов. Оставшиеся в живых офицеры были арестованы.

В архиве сохранилась докладная записка полковника Корпуса морской артиллерии Шульца (присутствовал при испытании орудий броненосца):

«14 июня во вторник... около 11 часов утра, как только командир вместе со мной начал обедать, явился старший офицер с докладом, что команда отказывается есть сваренный из привезенного мяса борщ, так как мясо червивое и тухлое. При этом старший офицер объяснил, что, по заявлению врача, мясо было не испорченное, а лишь только один кусок покрылся червями, как это часто бывает при сильной жаре, сделав же промывку в рассоле,

мясо сделалось вполне годным. Командир приказал собрать команду на шканцы... Я, считая неудобным, как лицо не судового состава, присутствовать при разъяснении претензии, остался в адмиральской столовой. Через некоторое время я услышал команду «караул на верх», затем прошло несколько минут, как раздался ружейный выстрел. В это время я входил в адмиральскую спальню, назначенную мне для спанья. Вслед за выстрелом раздался неправильный ружейный залп и крики команды. Я схватил взятый с собой карманный револьвер и начал его заряжать. В это время вбежали в спальню с искаженными от страха лицами около 10 матросов с просьбой дать им здесь спрятаться, так как команда убивает офицеров и матросов. Я разрешил им остаться. В это время начали раздаваться как одиночные выстрелы, так и залпы, а через некоторое время раздались и выстрелы из 47-мм пушек. По прошествии около четверти часа прибегает в спальню какой-то квартирмейстер и кричит спрятавшимся там матросам немедленно уйти вон, во избежание излишнего кровопролития, так как туда сейчас будут стрелять... Вскоре затем оказалось, что броненосец снялся с якоря и идет приблизительно по направлению в Одессу...»

Вместе с другими офицерами он был арестован восставшими.

«15 июня в среду... во время обеда нас спросили, не хотим ли обедать и ужинать в кают-компании... Мы на это согласились. Воспользовавшись тем, что все оставшиеся в живых офицеры собрались вместе, я расспрашивал обо всем виденном ими...

По рассказам, когда караул был вызван наверх, старший офицер приказал собравшейся команде разделиться на желающих и не желающих есть борщ. Когда фамилии последних он начал записывать, все нижние чины вдруг скучились вместе, причем многие схватили из пирамид ружья и начали их заряжать откуда-то взятыми патронами. Старший офицер, вероятно по приказанию командира, приказал караулу стрелять по матросам, но то не было исполнено; тогда старший офицер выхватил у ближайшего караульного ружье и выпустил 2 или 3 пули в одного из матросов, ранив его смертельно. В это время караул присоединился к остальным матросам, из которых некоторые произвели залп в старшего офицера, убитого выбросили за борт...

Вслед за тем был убит старший артиллерийский офицер лейтенант Неупокоев. Поручик Назаров рассказал, что, побежав на ют, он видел, как стоял Неупокоев, а затем, будучи ранен пулей в голову, упал ничком на палубу.

После убийства старшего офицера команда начала отыскивать офицеров для избиения их. По рассказу техника от Николаевского завода по башенным установкам, он был свидетелем, как потащили наверх командира корабля, спустившегося вниз, а затем слышал несколько выстрелов. Кто-то говорил, что, когда командир подымался по трапу и наполовину очутился над палубой, он был убит несколькими выстрелами и тоже выброшен за борт...

Относительно смерти лейтенанта Григорьева вольный механик с Николаевского завода Харкевич рассказал следующее: «Я вместе с инженером-механиком Коваленко и лейтенантом Григорьевым спрятались в моей каюте. Услышав приближение матросов, мы все трое разделись и выпрыгнули через 75-мм борт в воду... По нам команда стреляла из ружей, ранив в голову Григорьева, который и пошел ко дну; я же и Коваленко добрались до щитов, откуда были сняты командой и арестованы на корабле.

Подобно лейтенанту Григорьеву, погиб и прапорщик запаса Ливенцов. Он побежал в адмиральское помещение, там разделся и бросился в воду, где и был убит ружейным выстрелом...

Мичман Вахтин... по требованию команды... вышел... в кают-компанию, на него набросились матросы и стульями начали бить по голове... Когда матросы удалились, Вахтин в полусознательном состоянии пополз под стол, боясь быть выброшенным за борт. Через некоторое время оттуда его вытащили и понесли в лазарет, где младшим врачом была сделана перевязка...»

По версии восставших, они подняли стрельбу, решив, что командир корабля прикажет отказавшихся от борща расстрелять на месте. Во главе бунтующих встал матрос Матюшенко. Он лично убил пятерых из семи погибших офицеров. А потом опомнился (видно, вместе со всей командой). О раненых позаботились, оставшихся офицеров позднее свезли на берег и отпустили.
Снова процитируем Шульца:
«...Взбунтовавшаяся команда выбрала в качестве командира прапорщика в запасе Алексеева... когда он не хотел на это согласиться, ему грозили немедленной смертью. Алексеев часто сиживал в кают-компании, так что я имел возможность к нему присмотреться... мог убедиться, что это глубоко несчастный человек, которому не хватило характера тут же покончить с собою. Но он, чтобы хотя отчасти искупить свою вину, принимал все меры для устранения кровопролития. Так, например, все оставшиеся в живых офицеры имеют причину приписать Алексееву свое освобождение вместо умерщвления. Также его влиянию надо приписать, что с броненосца не бомбардировали Одессу...
Уходя на броненосце «Князь Потемкин Таврический» из Севастополя, решительно не было каких-либо явлений, которые дали бы возможность предположить, что может случиться что-либо похожее на бунт. Отношение командира корабля к команде было самое заботливое, так, например... при мне командир вел переговоры с управляющим рыбным заводом об уступке сетей для ловли рыбы, чтобы этим доставить удовольствие команде.
После бунта служба на корабле шла, по-видимому, в большом порядке, церемониал подъема и спуска флага, как слышно было в кают-компании, производился, не отступая от положения; караульный начальник рапортовал Алексееву по узаконенной форме; пьяных совсем не было видно и т.п.».
Мы не будем подробно рассказывать о событиях в Одессе, которое спровоцировало восстание на броненосце «Потемкин», а лишь кратко обозначим ключевые моменты. Согласно сообщению Одесского жандармского управления в Департамент полиции 16 июня 1905 г.:
«...Команда броненосца взбунтовалась за плохую пищу и, будучи революционно настроенная, собрала комитет двадцать человек, решающий дальнейшую участь броненосца. Бунт никакой связи с забастовкой в Одессе не имеет, хотя по прибытии в Одессу явившиеся на броненосец студенты и курсистки из евреев объявили матросам, что войска всего гарнизона сложили оружие и что прибывающие остальные суда эскадры с командой Потемкина солидарны. Было намерение громить с броненосца город».
На самом деле войска гарнизона получили приказ не применять оружия в портовом районе из-за боязни командования спровоцировать обстрел города броненосцем. Другие военные корабли, которые стояли на рейде, восставших (за исключением экипажа броненосца «Георгий Победоносец», там тоже арестовали офицеров, но убивать не стали, а просто отправили на берег, а через какое-то время часть лояльного властям экипажа нейтрализовала мятежников (67 человек) не поддержали. Зато в портовом районе начались погромы, поджоги и грабежи. Также были зафиксированы многочисленные стычки горожан с войсками. При этом со стороны первых использовались револьверы и самодельные бомбы. По неофициальным данным, оглашенным в июне 1905 г. (советские историки называют цифру в 1,5 тысячи убитых), в результате стычек погибло 50 человек и было ранено 500 (источник – задержанное цензурой сообщение Российского телеграфного агентства).
Беспорядки в Одессе прекратились внезапно. 18 июня мятежный броненосец покинул рейд и направился в Румынию, где надеялся пополнить запасы угля, пищи и воды. Румынские власти отказались выдать им требуемое и предложили сдать броненосец и высадиться со статусом военных дезертиров. Моряки отказались и снова ушли в море. В это время пошли разговоры о том, что Великобритания готова направить свой флот для

уничтожения броненосца. Поэтому 22 июня «Потемкин» прибыл в Феодосию. На его борту почти не осталось угля, воду приходилось добывать с помощью опреснителей, а из провизии остались сухари и солонина.
Из-за угрозы обстрела города власти Феодосии разрешили доставить на корабль продовольствие. Тогда же удалось получить последние новости о ситуации на «Потемкине».
В донесении начальник Таврического губернского жандармского управления Феодосии, отправленном в Санкт-Петербург 25 июня 1905 г., в частности сообщил:
«...Во время отвоза на броненосец провизии с катера его бежал матрос Кабарда, который на допросе показал, что на «Потемкине» имеется 750 человек экипажа, в числе коего до 400 новобранцев, совсем не сочувствующих охватившему броненосец революционному движению, что всем руководят два севших в Одессе неизвестных статских (профессиональные революционеры Константин Фельдман и Березовский. – Прим. авт.), из коих – один, судя по фуражке, студент, и что на броненосце имеется только 67 человек, проникнутых духом мятежа, людей наиболее решительных и отчаянных, держащих в руках весь экипаж; что командир «Потемкина» Голиков и старший офицер Неупокоев убиты матросом Матюшенко, убито еще шесть офицеров... На борту находятся: прапорщик запаса Алексеев, командующий броненосцем по принуждению, и два механика, распорядительной же частью заведует старший боцман; что угля на броненосце осталось около 10 000 пудов, воду добывают опреснителем, провизии нет и команда уже 4 дня питается сухарями, пьянствует, состояние духа ее угнетенное, и разногласие в распоряжениях и неисполнительность видны на всем: людей боятся отпускать с катера, чтобы не убежали, динамо-машины не действуют, отчего не могут стрелять 12-дюймовые орудия, чистка броненосца не производится, и команда утомлена и расстроена...»
Броненосец снова отправился в Румынию и на рейде Констанцы сдался. Экипаж румынские власти согласились признать военными дезертирами (этот статус позволял не выдавать их России). Уступчивость румынского правительства отчасти объяснялась тем, что и они боялись пушек броненосца: у Румынии не было военно-морских сил, способных ему противостоять.
Между тем ситуация на Черноморском флоте была угрожающей. Командование частично утратило контроль над частью экипажей. Очень четко картина обрисована в шифрованной телеграмме главного командира Черноморского флота и портов вице-адмирала Чухнина управляющему Морским министерством, Севастополь, от 23 июня 1905 г.:
««Екатерина» и «Синоп» совершенно ненадежны. На всех судах есть партии человек 50–70, которые держат в руках команду, большинство пассивно трусливо, но легко возбуждается и присоединяется к бунтовщикам. Офицеры потеряли авторитет и власть, нельзя ни за что ручаться. Приходится быть очень осторожными, пока не арестованы бунтовщики. Необходимо увеличить войска для ареста».
Разумеется, эти 50–70 человек не сразу захватили власть над основной массой экипажа. Да и свои антиправительственные настроения они, скорее всего, особо не скрывали. Поэтому нужно было их сразу изолировать и не допустить такого развития ситуации. Другое дело, что если в советское время сотрудники военной контрразведки внимательно отслеживали политические взгляды экипажа и при первой же попытке антисоветской агитации у военнослужащего возникали серьезные проблемы, то в при «проклятом царском режиме» такого не было.
Было бы несправедливо утверждать, что руководство МВД проигнорировало эти два ЧП (восстания на крейсере «Очаков» и броненосце «Потемкин») и не сделало соответствующих выводов. Так, 15 ноября 1905 г. в губернские жандармские управления и охранные отделения был направлен секретный циркуляр, в котором «по обстоятельствам тревожного времени вопросу о предупреждении противоправительственной агитации в войсках» придавалось особенно серьезное значение и посему предписывалось «иметь в этом отношении самый тщательный и

неослабный надзор для принятия своевременных мер и привлечение агитаторов к законной ответственности». В этом послании заведующий политической частью Департамента полиции П.И. Рачковский требовал «о всяком, даже самом незначительном случае появления преступной агитации среди войск... безотлагательно доносить департаменту».

Другое дело, что реализовать на практике это указание было крайне сложно. С одной стороны, Николай II запретил тайные наблюдения в войсковых частях, считая достаточным общий надзор командного состава. Поэтому в своих донесениях в Департамент полиции чины охранки часто указывали на невозможность выявить агитаторов в местах, находящихся «в исключительном ведении военного командования», т.е. в казармах и военных лагерях. С другой стороны, большинство офицеров российской армии крайне негативно относились к деятельности жандармов. Поэтому последним сложно было рассчитывать на помощь и сотрудничество со стороны первых.

Вопреки распространенному мнению, отказ армейских офицеров от сотрудничества с Департаментом полиции был связан не только с моральными принципами, но и практическими соображениями. С начала же революции 1905 г. полиция и жандармерия были поставлены как бы над армией. Начальники жандармских управлений и охранных отделений снабжали Департамент полиции сведениями о состоянии воинских частей, а оттуда через министра внутренних дел информация попадала к царю и военному министру. Армейские начальники, таким образом, находились под контролем Министерства внутренних дел. В жандармских управлениях хранились данные о политической благонадежности офицеров, с которыми не могли ознакомиться командиры частей. Это иногда вело к уходу из полков прекрасных офицеров, так как войсковому начальству поступали часто непроверенные сообщения об их принадлежности враждебным правительству партиям. Подобная зависимость задевала самолюбие генералов и офицеров.

В некоторых случаях сведения о волнениях в частях не доходили до жандармов, тем более что выявление отдельных происшествий или вооруженных выступлений нижних чинов грозило офицерам разными наказаниями, вплоть до увольнения в отставку в дисциплинарном порядке из-за непринятия «надлежащих мер к усмирению неповинующихся», что и делалось с помощью судов и Высшей аттестационной комиссии. Так, в 1905 г. в Усть-Двинской крепости произошло выступление солдат. Командир крепости генерал Петров скрыл от штаба Виленского округа и от военного министра политические причины этих волнений. Однако начальник крепостной жандармской команды ротмистр Флоринский доложил о происшествии своему начальству. При разборе дела штаб Виленского округа принял сторону командира крепости и, защищая честь мундира, обвинил Флоринского в искажении фактов и некорректном поведении и обратился в Министерство внутренних дел с просьбой удалить его из крепости. Однако спустя некоторое время подозрения начальника жандармской команды подтвердились, и генерал Петров был снят с должности.

Несмотря на это, в период революции 1905 г. полиция действовала весьма эффективно. Так, к сентябрю 1906 г. Департамент полиции выявил и организовал наблюдение за 50% всех существовавших тогда в Вооруженных силах подпольных леворадикальных организаций.

Сведения о работе военных организаций среди солдат и матросов охранка получала по-разному. Наиболее ценной считалась информация, полученная от секретных сотрудников, внедренных в эти организации. Особенно здесь «везло» эсеровским военным группам. Попытки социал-революционеров поднять в сентябре 1907 г. восстание солдат и матросов в Севастополе провалились «благодаря» провокатору, предупредившему жандармов. Очевидно, не без помощи известного провокатора Азефа довольно быстро было подавлено выступление в Кронштадте в 1906 г. Секретные агенты в эсеровских

организациях помогли командованию подготовиться и к подавлению восстания в Свеаборге.
По неполным данным, секретные сотрудники охранных отделений действовали в Кронштадтской, Финляндской, Екатеринославской, Варшавской, Тифлисской, Усть-Двинской, Ревельской, Одесской, Саратовской, Пермской военных организациях социал-демократов. Активно вели они свою подрывную деятельность и в двух крупнейших – Петербургской и Московской. Вся информация, поступавшая от агентов, группировалась в специальные сводки, которые составлялись ежемесячно.
Размах солдатских волнений и невозможность их подавить только силами, которыми располагало военное ведомство, заставили Николая II пойти на уступки в отношении деятельности жандармов в армии. 15 сентября 1906 г. П.А. Столыпин распорядился учредить в воинских частях внутреннюю агентуру. Но еще до этого циркуляра, на свой страх и риск, не имея возможности иными способами раскрыть революционную пропаганду в частях, жандармы привлекали для сотрудничества солдат, тем более что запрещение императора не снимало ответственности по защите армии от влияния «вредных учений».
Кроме этого, активно использовалось наружное наблюдение. Также применялся ряд необычных приемов. Так, агенты полиции, одетые в форму казаков или солдат посещали места скопления нижних чинов и во время разговоров выявляли агитаторов. На митингах активно работали фотографы, которые запечатлевали ораторов.
Наряду с агентурным способом жандармы практиковали перлюстрацию корреспонденции, связанной с районами солдатских выступлений, а также получали необходимую информацию, изучая периодическую печать и революционные издания.
Используя агентурные источники, политическая полиция не отвергала и легальные каналы сбора информации о положении в армии. В армейской среде ими были жандармские команды. Кроме того, чины политической полиции активно использовали для сбора сведений дознания по политическим преступлениям в воинских частях.
Ценные факты о работе военных организаций чины полиции получали при проведении внесудебных репрессий (аресты, обыски). Захват жандармами, например, архивов Московской и Петербургской военных организаций сразу же высветил их связи с другими революционными группами. Другой важной задачей жандармских управлений являлось проведение арестов и обысков. Также снизить уровень революционного брожения в армии удалось за счет ликвидации подпольных типографий, где печаталась агитационная литература для солдат, эпандармерия организовывала провалы транспортировки военной литературы, которая шла из-за границы, жандармские унтер-офицеры сопровождали поезда, идущие в районы дислокации частей и соединений, пресекая распространение революционных изданий. К этому следует добавить, что большинство военных организаций леворадикальных партий и движений в 1905–1906 гг. ликвидировались по два раза. Понятно, что их деятельность была парализована[294].
В последнее десятилетие существования Российской империи власти сделали все, чтобы не допустить активной деятельности Департамента полиции и военной контрразведки в армии и на флоте. Император Николай II, а вместе с ним и руководство страны верили, что офицерский корпус не только имеет мощный иммунитет от любой антиправительственной пропаганды, но и сам способен защитить от смутьянов рядовых и унтер-офицеров.
В качестве примера укажем на Циркуляр Департамента полиции на работу в армии от 13 марта 1913 г. Процитируем этот документ:
«В течение последних лет противоправительственные партии с особой энергией направили свою деятельность на пропаганду революционных идей и внесение смуты и недовольства среди воинских частей.
Чинам Корпуса Жандармов, стражам Государственного порядка и борцам с его врагами надлежит особо верно следить за проявлениями указанной преступной деятельности и

рука об руку с войсковым начальством принимать все дозволенные законом меры к ее прекращению в самом зачатии.
Применение таковых мер и выбор приемов борьбы требуют в данном случае особой осмотрительности и такта, так как приходится иметь дело с военной организацией, коей присущи свои бытовые и жизненные условия, неосторожное вторжение в которые может повести к весьма печальным результатам.
Прежде всего командир воинской части должен быть вполне осведомлен, если в составе его части есть воинские чины, зарекомендовавшие себя в прошлом какими-либо противоправительственными выступлениями.
Далее на чинах Корпуса должна лежать обязанность ограждать войсковые части от проникновения в их среду революционных агитаторов, а потому надлежит иметь самый действительный надзор и наблюдение за посещениями лицами, политически неблагонадежными, воинских казарм и за сношениями нижних чинов вне казарм с лицами, проходившими по агентуре, и за посещениями каких-либо сборищ и собраний.
Данными указанных наблюдений, относящимися до воинских чинов, чины Корпуса должны делиться с командирами частей, памятуя, что командир части есть ближайший и главный ответчик за нижних чинов и за сохранение в части порядка и благополучия и что войсковое начальство и Корпус жандармов в данном случае служат и работают на пользу одного общего дела.
Успех дела, как то указано выше, вполне зависит от выбора средств и приемов и личного такта исполнителей.
Прошу помнить, что я не допущу бесцельного и необоснованного вторжения в область внутренней жизни части, относящейся всецело к обязанностям ее войскового начальства, а равно предостерегаю чинов Корпуса от привлечения нижних воинских чинов к сотрудничанию, так как признаю такую меру противною самым основам воинской дисциплины, а потому ничем не оправдываемой и впредь недопустимой…»

Борьба с японским шпионажем в Санкт-Петербурге

В сентябре 1904 г., когда эскадра адмирала Рожественского готовилась к отплытию на Дальний Восток, были арестованы два японских подданных, несколько месяцев назад принявших православие, и более того, один из них собрался жениться на русской девушке. К. Камакура и С. Акиеси имели звания капитанов ВМФ Японии и активно собирали информацию об эскадре адмирала Рожественского.
В ходе Русско-японской войны был арестован ротмистр Н. И. Иванов, продавший военному атташе Акаси важные государственные секреты за 500 рублей. В Одессе был арестован русской контрразведкой консул Тагаси – готовил диверсии в мае–июне 1904 г. Он успел отправить 4 донесения до того момента, как был выслан из России[295].
В январе 1904 г.[296] (по данным из других источников, произошло это значительно раньше – в 1902 г.[297]) в поле зрения сотрудников российских правоохранительных органов попал штаб-офицер по особым поручениям при Главном интенданте ротмистр Николай Иванович Ивков. Произошло это после того, как российский офицер встретился с сотрудником японской дипмиссии капитаном Тано. Вскоре выяснилось, что Ивков сотрудничал еще и с французской и германской разведками. К концу предварительного следствия агент, находясь в заключении, покончил жизнь самоубийством[298]. По данным из другого источника, он также встречался с японским военным атташе М. Акаси. Агент передавал японцу информацию о возможных маршрутах движения войск из Европейской России на Дальний Восток, расчет времени, необходимого для переброски туда 300-тысячной армии и ряд других секретных сведений. Согласно отчету Акаси, всего за декабрь 1904 г. – январь 1905 г. он выплатил Ивкову свыше 2 тыс. руб. и рассчитывал пользоваться его услугами и в дальнейшем. Арест Ивкова в феврале 1905 г. расстроил эти планы[299].

Жандармы в роли контрразведчиков

Созданная в начале прошлого века система КРО в Российской империи не смогла полностью взять на себя организацию контрразведывательной деятельности в провинции. Жандармы, как и прежде, продолжали охотиться на агентов и кадровых сотрудников иностранных спецслужб. Ведь Вену и Берлин накануне Первой мировой войны интересовали не только хранящиеся в сейфах Генштаба документы, но и множество других военных секретов будущего противника. Например, пропускная способность железнодорожных магистралей (от этого зависело, как быстро после объявления частичной или полной мобилизации части и соединения российской армии будут переброшены к западным границам) или состояние той или иной военной крепости. Такую информацию могли добыть «агенты-маршрутники», которые месяцами путешествовали по бескрайним просторам нашей страны. Эти люди часто попадали в поле зрения жандармов, т.к., не имея легальных источников доходов, останавливались в дорогих гостиницах и не испытывали затруднений в финансовых средствах. К тому же они обычно перемещались по районам, которые не представляли никакого интереса для туристов.

Хотя под наблюдение жандармов попадали не только путешествующие по России иностранные туристы, но и дипломаты и офицеры зарубежных армий. В качестве примера процитируем письмо начальника Московского охранного отделения Туручанипова окружному генерал-квартирмейстеру штаба Московского военного округа М. И. Шишкевичу от 15 июня 1911 г.:

«Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что 5-го сего июня из Петербурга в Москву прибыли два офицера германской армии: обер-лейтенант Гастон Клевиц и лейтенант Вульфгар фон Корвер, из коих второй в тот же день выехал в Варшаву, о чем сообщено телеграммой начальнику Варшавского охранного отделения, а первый находится в Москве по настоящее время, причем за ним установлено наружное наблюдение, о результатах которого, а также все сведения о нем будет доложено Вашему Превосходительству дополнительно.

Что касается сведений об Эдуарде Габбе, Зейдель, Старкмет и других, то таковые будут представлены завтра…»[300]

Другой источник информации для жандармов, на основании которого они брали под наблюдение гостя – «отношение» (ориентировка), которую присылал на имя начальника губернского жандармского управления (ГЖУ) соответствующий Департамент МВД, КРО или Разведочное отделение соответствующего военного округа. В этом документе сообщались установочные данные на подозреваемого в шпионаже человека[301].

Также жандармы, служившие в региональных подразделениях, были знакомы со многими методами, используемыми спецслужбами Германии и Австро-Венгрии. Так, в июле 1914 г. из Санкт-Петербурга все руководители ГЖУ получили такой документ:

«Австрийский Генеральный штаб в изыскании новых путей для получения секретных военных сведений и с целью привлечения сотрудников в предполагающиеся якобы к изданию газеты в г. Кракове, поместил в польскую газету «Польский курьер» от 20 апреля с.г. № 121, издающиеся в г. Варшаве, объявление следующего содержания:

«Ищу способного газетного корреспондента из Варшавы и окрестностей на очень хороших условиях. Предложение присылать: Бюро объявлений, Здислав Лабендзин, Краков, улица Велополе, 30».

По указанному адресу было сделано предложение своих услуг, причем от полученного ответа от редактора Здислава Лабендзина (копия письма и проспект при сем прилагается) можно усмотреть, что это бюро по военному шпионажу, т.к. от корреспондента требуется сообщать только такие сведения военного характера, которые в ежедневную печать не попадают.

Об изложенном докладываю Вашему Высокоблагородию для сведения и на тот случай, если бы представилось возможным установить совершенно секретное наблюдение за

корреспонденцией, могущей кем-либо посылаться из губернии по вышеприведенному адресу» [302].
Пример другого «отношения», которое было разослано в июле 1914 г.:
«По имеющимся у меня сведениям, в Германии, в г. Бремене, существует справочное Разведывательное Бюро под названием «Поставщик международных известий», деятельность которых направлена и на Россию.
Во главе отдела, ведующего разведкой в России, стоит некто Джон Говард, который обратив, между прочим, внимание на агентов по продаже швейных машинок «Компании Зингер» с целью завербования их в число сотрудников на местах, некоторым из них разослал письма, написанные под копирку карандашом…»
Далее руководителям ГЖУ предписывалось установить наружное наблюдение за теми, кто будет писать письма по адресу: «Джону Говарду, Бремен, 13 Постлагернд / Германия».
Джона Говарда интересовали ответы на такие вопросы:
«1. Сколько рот в саперном батальоне.
2. Сколько рот имеют понтонные батальоны.
3. Какую организацию имеет железнодорожный батальон.
4. Сколько человек в роте пехотного полка.
5. Что слышно относительно мобилизации…
Наше Бюро весьма интересуется рапортами, разборами относительно перемещения Генеральных штабов, маневров, обучения войск, всего касающегося мобилизации и увеличения армий, дивизий и полков, а также передвижения войск.
Мы особенно хорошо вознаграждаем за снятие копий с подобных документов (т.е. переписывалось все точно на другую бумагу) и выслать такую копию по нижеуказанному адресу…»[303]
Третий образец «обращения», датированный маем 1914 г.:
«По поступившим в Главное управление Генерального штаба сведениям в последнее время замечено, что существующие в Германии т.н. «международные брачные бюро» обращаются к нижним чинам частей войск Российской армии с письменными предложениями своих посреднических услуг по приисканию им невест, «отвечающих индивидуальным требованиям каждого».
По некоторым данным возможно понять, что означенные германские бюро в таких случаях в действительности преследуют разведывательные цели, а именно, стремясь под видом устройства брачных сделок на весьма якобы выгодных в материальном отношении условиях войти в близкие отношения с воинскими чинами, такие бюро имеют в виду использовать ознакомление с интимными сторонами их жизни для получения от наименее устойчивых в нравственном отношении и за денежное вознаграждение сведений, касающихся военной обороны России.
Одним из таких брачных бюро-контор является бюро Александра Блюгера в Берлине…»[304]
Не следует забывать и о том, что приграничные ГЖУ, среди прочего, имели свою агентуру в приграничной полосе сопредельных государств. Германская разведка активизировала свою деятельность на территории Российской империи в 1910 г. Она еще больше возросла после осени 1912 г., когда на секретном совещании в Берлине главного командования Вооруженных сил Германии под руководством императора Вильгельма II начальник Большого Генштаба генерал Г. фон Мольтке высказался за немедленное начало войны с Россией.
И почти сразу же о подготовке Берлина к войне начали докладывать из западных ГЖУ, в первую очередь Варшавского. В частности, в Санкт-Петербург было отправлено такое сообщение:

«Прусским правительством проведен подсчет всех проживающих в Пруссии запасных, которым вручены явочные карты с обозначением сборных пунктов на случай мобилизации».
Начальник Варшавского железнодорожно-полицейского управления сообщил:
«…из Германии в Краков и Львов следуют ежедневно ночные поезда с боеприпасами».
Эти сообщения опередили информацию, добытую военной разведкой[305].
Возможно, что одна из причин того, что российская военная разведка оказалась менее информирована, чем МВД, – недостаточное финансирование. Так, в 1910 г. в Российской империи было израсходовано 190 тысяч рублей на «секретные расходы» Морского ведомства и 835 тысяч рублей на разведмероприятия Военного ведомства. В Германии в тот же период было израсходовано в четыре раза больше средств[306].
Если жандармам западного региона Российской империи приходилось противостоять германской и австрийской разведкам, то их коллеги на Дальнем Востоке охотились на японских шпионов.
В апреле 1908 г. начальник Иркутского губернского жандармского управления (ГЖУ) сообщил директору Департамента полиции: «Вслед за прекращением военных действий на Дальнем Востоке стал замечаться наплыв в виде врачей, фотографов, прачечников в главных городах Приамурского и Иркутского генерал-губернаторств. По имеющимся данным, многие из японцев только прикрываются указанными профессиями, в действительности же занимаются систематической военной разведкой». Повышенный интерес у названных лиц вызывала Амурская, Сибирская и Китайско-Восточная железные дороги и имеющиеся там сооружения: мосты, тоннели, склады и т.д. Объектом пристального внимания вражеских агентов – японцев, корейцев и китайцев – было, кроме того, развитие водных путей, состояние и дислокация войск, система их комплектования, снабжения, возможности мобилизации и передислокации на Дальний Восток, деятельность органов военного и гражданского управления. В другом документе сообщалось: «Проживавшие в Харбине, Чите, Иркутске японские прачки и парикмахеры открыли за счет своего правительства много магазинов с целью конспирации шпионской деятельности. К примеру, владелец магазина в Иркутске Сироси зарегистрирован как шпион». Выбранные японской спецслужбой в качестве прикрытия профессии позволяли, не привлекая внимания, входить в контакт с русскими гражданами, в том числе и с военнослужащими, с целью получения интересующей информации.
При этом из-за специфики организации деятельности военных контрразведчиков – разведывательные отделения штабов Иркутского, Омского и Приамурского военных округов не имели собственной внутренней агентуры и вынуждены были обращаться за поддержкой в этом деликатном деле к губернаторам, а относительно установления надзора за японцами, китайцами и другими иностранцами, вызывающими подозрение, – к начальникам ГЖУ – эффективность работы была низкой[307]. Во-первых, нужно учитывать ведомственную разобщенность. Во-вторых, в тот период времени радикальная оппозиция (тех, кого в советское время именовали революционерами) пыталась организовать вооруженные выступления против существующей власти. Поэтому основное внимание жандармы уделяли именно этой категории «врагов государства». В-третьих, в регионе находилось огромное количество политических ссыльных, которые требовали к себе повышенного внимания.
С июля 1908 г. в Сибири помимо контрразведывательных отделений при штабах двух военных округов к борьбе со шпионажем привлекались ГЖУ, охранные отделения, жандармские полицейские управления (ЖПУ) Забайкальской и Сибирской железных дорог, уездные начальники, исправники и полицейские уездные управления, полицмейстеры, военные агенты, работающие в Китае, Японии, и консульства в Мукдене, Гирине, Харбине, Цицикаре, Урге. Так, сведения о проживающих в пределах округа японцах, китайцах и корейцах поступали от уездных начальников, исправников, из полицейских уездных управлений и от полицмейстеров. В штабе Иркутского военного

округа была введена регистрация иностранцев и подозрительных лиц, за которыми устанавливалось наблюдение. Сведения о следующих через российскую территорию иностранцах доставлялись всеми вышеперечисленными учреждениями и лицами, а также военными агентами, Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ) и штабами соседних военных округов. Получив соответствующие данные, штаб округа направлял их в соседние округа, охранные отделения и ЖПУ железных дорог. Однако, несмотря на столь разветвленную контрразведывательную сеть, существенных результатов в борьбе со шпионажем достичь не удалось[308].

Организация борьбы со шпионажем противника во время Русско-японской войны

В отечественной литературе достаточно подробно освещена деятельность российских спецслужб во время войны с Японией[309]. Поэтому мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе.

Результаты борьбы с иностранным шпионажем. 1903–1914 гг.

Осенью 1903 г. в поле зрения российских контрразведчиков попал начальник 9-го отделения Главного инспекторского управления Петр Никандрович Есипов. Его подозревали в сотрудничестве с австрийской разведкой. В ходе следствия было установлено, что «он продавал секретные военные сведения в Австрию и, между прочим, доставил в текущем году в Вену 440 листов одноверстной карты»[310].

В 1906 г. в Варшаве удалось нейтрализовать семейную резидентуру Германа, которая состояла из отца и двух его детей – сына и дочери. Им удалось добыть ценную информацию о местах перевода кавалерийских полков, точное расположение в Привислинском крае 46 воинских частей, точные адреса офицеров, служивших в крепостных укреплениях Привислинского края, а также полный список адресов офицеров разведотдела штаба Варшавского военного округа. Причем на группу полиция вышла случайно. Писарь Федотов, который служил в штабе округа, обратил внимание на странное поведение младшего Германа и доложил об этом своему командиру Николаю Степановичу Батюшину. А последний сообщил начальнику Привислинского районного охранного отделения Павлу Павловичу Заверзину[311].

В 1909 г. внимание контрразведчиков привлекла компания, которая занималась разработкой известковых месторождений и строительством цементного завода на острове Эзель. Ее учредителями были коммерческий советник Вассидио и бывший германский офицер Гельдершедт[312].

В 1910 г. полицией был задержан отставной корнет 8-го драгунского Смоленского полка барон Э.П. Унгерн фон Штернберг. В результате обыска, проведенного на его квартире, были изъяты финансовые документы и «Секретный доклад Комиссии по обороне о величине новобранцев в призыв 1910 года». Была доказана его связь с австрийской и германской разведками[313].

В 1911 г. на пограничной станции Белоостров был задержан капитан артиллерии А.А. Постников, следовавший в Швецию. Офицера обвинили в том, что он в 1910–1911 гг. сообщал военному агенту германского правительства (военному атташе) сведения об «упразднении крепостей, о предполагаемом изменении крепостных гарнизонов, о развитии укреплений в Николаевской крепости… каковы заведомо должны в видах внешней безопасности России храниться в тайне от иностранных государств»[314].

В том же году была пресечена деятельность агентурной группы в районе Бьеорка – торговцев братьев Коха и Роберта Зейца. В сентябре 1911 г. был арестован британский подданный Гарольд Вильямс – корреспондент нескольких газет и осведомитель германского подданного Зигфрида Гейома. При задержании у корреспондента были изъяты копии 11 служебных документов российского ВМФ (более 50 страниц инструкций, рапортов и т.п.), относящихся к периоду Русско-японской войны[315].

В апреле 1912 г. жандармами был задержан болгарский подданный Дмитрий Дальчев, который совмещал путешествие по России и шпионаж. В марте 1913 г. за аналогичное противозаконное деяние был арестован другой турист – австрийский подданный Эммануил Лакои[316].

С сентября 1911 г. по май 1913 г. было арестовано по обвинению в шпионаже 140 человек. Из них было осуждено:
1911 г. – 8 человек;
1912 г. – 79 человек;
1913 г. – 55 человек.
Было возбуждено за этот период 75 уголовных дел[317].
В 1911 г. Охранным отделением Петербурга была пресечена деятельность Рафаила Поважье, бывшего матроса, служившего в типографии Морского министерства. Он работал на «почве» шпионажа с 1893 г. и продавал иностранным разведкам информацию, проходящую через его руки[318].
Следствием было установлено, что еще в 1893 г. Поважье передал иностранному агенту сборник однофлажковых сигналов русского флота. В 1909 г. передал агенту сборник трехфлажных сигналов и экземпляр «Морского ежемесячника», где приводились тайные сведения, добытые русским правительством о состоянии морских сил некоторых иностранных держав.
Сигнальные знаки, переданные Поважье, имели чрезвычайную важность, так как служили для переговоров русских военных судов в открытом море и являлись шифром[319].
В 1912 г. немецкая разведка, используя тяжелое материальное положение полковника И.И. Штейна (похитил крупную сумму казенных денег), завербовала его. Предатель был арестован российской контрразведкой при попытке передать секретные карты Генерального штаба. За свои деяния получил 20 лет каторги[320].
В том же году был нейтрализован полковник К.П. Лайков, незадолго до этого переведенный из Санкт-Петербурга в штаб Варшавского военного округа. Он предложил военному агенту (атташе) Австро-Венгрии в России полковнику Мюллеру совершенно секретный мобилизационный план Вооруженных сил России на случай войны. За свою услугу он просил 200 000 рублей – сумма по тем временам значительная[321].
Еще один «инициативник», полковник Леонтьев, решил продать полный план наступления российской армии на Германию и Австро-Венгрию за 10 000 рублей[322]. Также был нейтрализован российской контрразведкой.
В 1912 г. был нейтрализован немецкий агент – офицер для особых поручений при заведующем передвижением войск по железным дорогам и водным путям Петербургско-Рижского района штаб-ротмистра К.К. фон Мейера. На свои шпионские гонорары он снимал две квартиры в Санкт-Петербурге и владел имением в Новгородской губернии[323].
19 января 1912 г. «при совместном агентурном освещении и непрерывном наблюдении были задержаны во Владиславе Захарий Кауфман и Гирш Сагалович, которые везли для продажи за границу важные мобилизационные документы штаба Виленского военного округа. Одновременно с этим в городе Ковно был арестован писарь 28-й артиллерийской бригады Иван Греблов и его соучастники – Рабинович и Шеин…»[324]
14 июня 1913 г. младший наблюдательный агент иркутского КРО Усовец увидел, как во время рукопожатия с японцем солдат местного полка передал тому листок бумаги. Была установлена личность военнослужащего. Им оказался ефрейтор 26-го Сибирского полка Т. Кацан, являвшийся вестовым командующего Иркутским военным округом. В июле ротмистр Н.П. Попов получил сообщение Заграничной агентуры о том, что в Харбине располагают сведениями о его поездке в Маньчжурию, поступившими от бывшего секретаря владивостокского японского консульства Хирото Минори. Источником утечки информации, как позже выяснилось, оказался тот самый солдат. 20 июня он заходил в

прачечную «Сираиси», где проживал упоминавшийся дипломат. 8 сентября Кацан был задержан с поличным. У него обнаружили записку с указанием места расположения разведотделения штаба округа и фамилий офицеров. 18 марта 1914 г. иркутский военный окружной суд приговорил Кацана за сотрудничество с японской разведкой к 4 годам каторжных работ. Агент, завербовавший его, установлен не был[325].
В 1913–1914 гг. на территории Варшавского военного округа было задержано несколько китайцев-торговцев, уличенных в военном шпионаже в пользу Германии[326].

Когда контрразведка бессильна

В начале прошлого века в Российской империи существовало четыре фактора, которые значительно облегчали работу германской разведки.
Первый – часть военных заказов размещалась на иностранных предприятиях, как в самой России (например, АО, где владельцы большинства акций иностранные подданные или филиалы зарубежных компаний), так и за ее пределами. Второй – огромное количество немцев, которые занимали посты топ-менеджеров и ведущих технических специалистов на предприятиях российского ВПК. Третий – экспансия германского капитала в экономику Российской империи. Четвертый – коррумпированность и преступная халатность отдельных представителей военной, административной и бизнес-элиты страны.
Сложно обеспечить необходимый уровень секретности, когда «из 10 эскадренных броненосцев, вступивших в строй перед Русско-японской войной по программам 1895 и 1898 г., 8 кораблей было построено на казенных заводах Морского ведомства (Балтийском, Ново-Адмиралтейском и о. Галерном) и 2 – на заграничных («Форж и Шантье» и заводе Крампа). Так же обстояло дело и с крейсерами 1-го ранга: из 11 кораблей, вступивших в строй по тем же программам, 6 было построено на казенных заводах и 5 – на иностранных. Строительством эскадренных миноносцев для русского флота занимались заводы «Норман» (Франция), «Торникрофт» (Англия) и «Шихау» (Германия)»[327].
Крупнейший мировой монополист в области радиосвязи АО «Сименс – Шуккерт» (головной офис общества находился в Берлине) участвовал в реализации нескольких российских военно-морских программ. Компания владела двумя электротехническими предприятиями – заводом военных и морских приборов (производство осветительного и электротехнического оборудования военного назначения) и заводом динамо-машин (производство генераторов и двигателей).
АО «Сименс – Шуккерт» должно было поставлять электрооборудование Морскому ведомству, смонтировать его на судах и крепостях ВМФ, а также осуществлять его сервисное обслуживание и ремонт. Так, в июне 1914 г. был оформлен контракт на сумму 170 тыс. рублей, который предусматривал установку телеграфов и телефонов на два линкора типа «Полтава», крейсер «Рюрик», а также ремонт коммуникационного оборудования на других кораблях. Это позволило германской разведке на законных основаниях ознакомиться с тактико-техническими спецификациями кораблей и подводных лодок[328].
Члены правления «Общества Путиловских заводов», которое являлось официальным представительством немецкого концерна «Ф. Крупп», подозревались контрразведкой в шпионаже и передаче в Германию «условия Военного ведомства по производству различных видов и типов вооружений». Так, в ноябре 1909 г. сотрудниками Департамента полиции была зафиксирована попытка члена правления Люциана Антоновича Бишлягера «достать секретные сведения через одного из служащих Главного артиллерийского управления Военного министерства»[329]. Правда, в отношении последнего подозрения в сотрудничестве с германской разведкой были беспочвенными. В 1909 г. Бишлягер занимал пост начальника конструкторского бюро Путиловского завода и был известен как талантливый изобретатель и администратор. В частности, он был одним из создателей

«трехдюймовой пушки образца 1902 г.», которая считалась одним из лучших полевых орудий начала прошлого века[330]. Возможно, что Бишлягер пытался получить секретные документы для себя, а не для германской разведки.

Зато другой эпизод из его биографии сложно объяснить чем-то иным, кроме шпионажа или преступной халатности, которые в тридцатые годы прошлого века в Советском Союзе трактовались исключительно как вредительство с единственным возможным наказанием – расстрелом.

В феврале 1912 г. Бишлягер подписал договор с гамбургской судостроительной компанией «Блом и Фосс» на оказание технического содействия при строительстве судоверфи Путиловского завода. Однако, начиная с момента проектирования и заканчивая процессом строительства, немцами были допущены серьезные технические ошибки, которые иначе как вредительством не назовешь. Нужно учитывать тот факт, что «Блом и Фосс» считался одним из лидеров в судостроении. После завершения строительства директором был назначен отставной германский офицер К.А. Орабновский, а весь персонал также набран из немцев.

По агентурным данным, полученным петербургским ОКР, все сотрудники этой фирмы «составляли организацию, в руках коей сосредотачивались сведения о судостроении, изготовлении орудий и снарядов, а их передача за границу шла через Комитет добровольного флота»[331].

Деятельность других членов правления «Общества Путиловских заводов» также больше напоминала шпионаж или преступную небрежность. Так, генерал-лейтенант в отставке Антон Францевич Бринк (в прошлом начальник Главного управления кораблестроения и снабжения Морского ведомства и главный инспектор морской артиллерии) незадолго до Первой мировой войны отправил в Австро-Венгрию чертежи новейших типов пушек системы Г.Л. Дурлахрела. Свой поступок он мотивировал тем, что там должны были изготовить детали для этих орудий[332].

Еще одного члена правления «Общества Путиловских заводов» французская разведка считала «крупнейшим шпионом германского Генерального штаба»[333].

Российские контрразведчики утверждали, что член правления «Общества Путиловских заводов» и владелец 55 предприятий ВПК К.К. Шпан под прикрытием последних производил сбор сведений об экономическом потенциале Российской империи. С помощью внутренней агентуры КРО были зафиксированы многочисленные контакты К.К. Шпана с высокопоставленными членами Главного артиллерийского управления Военного министерства – генералами Е.К. Смысловским, П.О. Гельфрейхом, Якимовичем, выступавшими не столько главными партнерами при распределении заказов, сколько хорошо оплачиваемыми источниками секретной информации. Кроме того, по данным КРО, К.К. Шпан находился в тесном контакте с послом Германии Фридрихом фон Пурталесом и советником германского посольства Гельмутом фон Люциусом[334].

Авторы книги «Германо-австрийская разведка в царской России» Д. Сейдаметов и Н. Шляпников утверждали:

«К крупнейшим очагам шпионажа принадлежала германская фирма «К. Шпан и сыновья» – «товарищество» по торговле машинами, металлами, металлическими изделиями и оптическими приборами, имевшее отделения в Москве и Петербурге. Главные владельцы этого «товарищества» Константин и Эмиль Шпан являлись видными агентами германской разведки. Константин Шпан, приняв русское подданство, состоял председателем и членом правлений Акционерного русского общества для изготовления снарядов и военных припасов, «Русско-Балтийского судостроительного и механического общества» и целого ряда других предприятий. В то же время Константин Шпан являлся представителем крупнейших капиталистических концернов Германии: Круппа, Гуго Стиннеса и «Блом и Фосса»…

Несмотря на то что братья Шпан (второй из них являлся офицером запаса германской армии) давно были известны как крупные шпионы, их близость к правительственным

кругам и к генералитету позволяла им долгое время работать во вред России. Лишь под давлением неопровержимых улик и общественного мнения в мае 1915 г. братья Шпан были арестованы и высланы»[335].
Сам А.И. Путилов, по данным агентуры Санкт-Петербургского городского КРО, вместе с К.К. Шпаном и московским банкиром Д.Л. Рубинштейном «считался неуловимым шпионом, работавшим в пользу Германии уже много лет». Правда, доказать вину этих людей не удалось[336].
Офицер германской армии Ф.К. Шифлер, действующий под «прикрытием» представителя оружейного завода «Браунинг», завербовал директора Сестрорецкого оружейного завода генерал-майора С.Н. Дмитриева-Байцурова. По данным петербургских контрразведчиков, ранее он совершил «денежную растрату, на покрытие каковой занял деньги у Шифлера, и находится в денежной от него зависимости»[337].
В конце 1912 г. в поле зрения российской контрразведки попал директор Особенной канцелярии по кредитной части Минфина Л.Ф. Давыдов. Несмотря на то что его связь с германской разведкой была доказана, официального обвинения ему не было предъявлено. Спасли высокопоставленные покровители[338].
Одним из директоров «Общества механических, гильзовых и трубочных заводов Барановского П.В.» был О.О. Брунстрем, а директором «Соединительного кабельного завода» – К.Л. Вахтер. Обоих российская контрразведка считала германскими шпионами, но к уголовной ответственности так и не смогла привлечь[339].
Другой источник поступления в Берлин данных о предприятиях ВПК и материальном положении отдельных военнослужащих Российской империи – Петербургское отделение «Института Шиммельпфенга», который занимался ведением «кредитной истории»[340]. Так, в начале августа 1914 г. в Новгородской губернии из-за шпионажа властями были закрыты справочные конторы и агентства о кредитоспособности «Институт Шиммельпфенга».
Отдельно следует отметить деятельность германских перестраховочных компаний. Одним из их требований к российским клиентам при оформлении контрактов – предоставление последними «при полисах самых точных планов, чертежей, спецификаций и описания земельного имущества, построек, оборудования фабрик, пароходов и т.п.». В результате к 1914 г. в распоряжении Генштаба Германии оказались сведения о стратегических объектах, производственных мощностях предприятий ВПК, типах кораблей, характере и объеме перевозимого груза…»[341]
Также в процедуре сбора информации участвовали германские банки, которые занимались инвестициями, в т.ч. и в предприятия ВПК. Достаточно сказать, что в Российской империи активно работали 58 немецких банков[342].

Приложение 9
Отчет об организации и деятельности разведочного отделения за 1903 г.

11 декабря 1903 г.
Совершенно секретно

Организация

Для организации разведочного отделения, по соглашению подлежащих ведомств, из состава Тифлисского охранного отделения были выделены три лица: начальник отделения, отдельного Корпуса жандармов ротмистр ЛАВРОВ и два наблюдательных агента, запасные сверхсрочные унтер-офицеры ЗАЦАРИНСКИЙ и ИСАЕНКО, а впоследствии и старший наблюдательный агент того же охранного отделения губернский секретарь ПЕРЕШИВКИН.

Наружная агентура

Первые трое из перечисленных чинов прибыли в С.-Петербург во второй половине июня и в конце того же месяца вступили в исполнение своих обязанностей, причем прежде всего было приступлено к организации наружной агентуры.
Работа эта встретила весьма серьезное затруднение в том, что, приискивая агентов, в то же время необходимо было тщательно скрывать самый факт существования разведочного отделения. Ввиду этого обстоятельства в отделение не могло поступать заявлений лиц, желающих служить, с другой же стороны, и самому отделению нельзя было искать агентов непосредственно от себя, и ему оставалось только два способа: или подыскивать агентов исподволь, негласно, при случае, или обратиться к содействию местных охранных учреждений Департамента полиции. При первом способе можно было бы подобрать действительно вполне подходящих людей, но комплектование шло бы чрезвычайно медленно. Охранные учреждения, сами постоянно нуждающиеся в хороших людях, не могли, конечно, предоставить особого выбора, но зато обращение к ним давало возможность сразу приобрести потребное число агентов.
Дабы отделение могло скорее начать функционировать, что прежде всего было необходимо для возможно быстрого выяснения условий работы и выработки сообразно с тем дальнейшего плана организации, первый набор агентов был сделан из преданных и рекомендованных местными охранными учреждениями, причем люди по возможности не посвящались в суть дела, так как предвиделось, что часть их, по ближайшем ознакомлении, окажется несоответствующей и ее придется удалить. Дальнейшее затем комплектование велось исключительно приисканием при случае, по предварительном собрании сведений о каждом лице и его испытании.
Из числа семи человек, приобретенных от охранных учреждений, трое (ХРАМОВ, ДМИТРИЕВ, ПАЛЬМИРСКИЙ) оказались несоответствующими и были уволены, четвертый (ПЕТРОВ), пожилой и болезненный, оставлен для собирания сведений лишь временно, до подыскания на его место соответствующего лица, и, наконец, пятый (БУКАНОВ), оказавшийся мало развитым, назначен агентом-посыльным, так как для этой должности требуется лишь честность, трезвость и молчаливость, каковыми качествами БУКАНОВ достаточно обладает. Остальные двое из переданных агентов (ВОРОНОВ и ХАРИТОНОВ; недостаток последнего – несколько высокий рост) оставлены для чисто наблюдательной службы. Затем подысканы уже самим отделением еще два агента (ЗАЙЦЕВ и ТРОФИМОВ) и для собрания сведений и справок одно лицо, состоящее на государственной службе, а потому проходящее по отчетности не под своей фамилией, а под псевдонимом («ВЕРНОВ»).

Внутренняя агентура

Постепенным ознакомлением с делом выяснилось, что для установления деятельности военных шпионов одного наружного наблюдения совершенно недостаточно. Если при исследовании тайных политических организаций, представляющих целые сообщества и постоянно проявляющих себя то тем, то другим явным действием, требуется параллельно с наружным наблюдением прочная внутренняя организация, то в деле розыска военных шпионов, работающих порознь или мелкими группами и старающихся ничем себя не проявить, тем более является необходимой в помощь наружному наблюдению хорошая внутренняя агентура. Но агентура эта должна иметь совершенно особый характер. В деле политического розыска внутренние агенты (сотрудники) сами непосредственно входят в тайные кружки и принимают активное участие в их деятельности: ведут пропаганду, распространяют подпольные издания и прочее. Такая агентура дает всегда хорошие и безусловно верные сведения, но при розыске военного шпионства она совершенно

неприменима. Не говоря уже о том, что такой агент-провокатор, желая выслужиться, всегда может сам склонить к преступлению лиц, до тех пор совсем неповинных, и таким образом будет открывать дела им же созданные, но помимо того, вообще участие агента в преступной деятельности государственных изменников так или иначе самого его делает преступником, и это обстоятельство всегда будет создавать серьезное затруднение для судебного разбирательства и класть неблаговидную тень на отделение, низводя его до уровня низших розыскных полицейских органов, к сведению коих, ввиду провокаторских приемов агентов, не всегда можно относиться с полным доверием.

Ввиду изложенного, прием провокаторский оставлен в отделении лишь для исключительных случаев, и то не иначе как с особого на то каждый раз разрешения высшего начальства, агентуре же дана организация «внутреннего наблюдения», то есть внутренние агенты лишь «наблюдают» за теми действиями и сношениями лиц, которые не могут быть замечены наружными агентами. Наружные агенты работают на улице, а внутренние на квартирах, в разных правительственных учреждениях, в гостиницах, в ресторанах и проч. В объем деятельности внутренних агентов входит также и наблюдение за корреспонденцией.

Когда отделению удается постепенно приобрести внутренних агентов во всех тех центральных военных учреждениях, из коих могут черпаться секретные сведения, при всех подлежащих иностранных военных агентах, а равно и в тех местах, где в большинстве случаев производится передача сведений, то тогда военное шпионство охватится тесным кольцом, пройти через которое будет крайне затруднительно.

Таким образом, приискание внутренней агентуры является самой серьезной задачей отделения и в то же время самой трудной его работой: нужно не только подыскать лицо, полезное для дела по своему общественному положению, но и выбрать вполне подходящее по своим качествам, склонить его работать и подвергнуть предварительному испытанию, причем все дело вести так, чтобы в случае несогласия его работать или признания его неподходящим, ничем не обнаружить перед ним существование отделения и его деятельность. Особенно затруднительна такая работа среди военнослужащих, которые, ввиду особых условий военной службы, с трудом соглашаются на тайную деятельность агента и легче других могут обнаружить отделение перед своим начальством. По этой причине начальник отделения не может непосредственно сам подыскивать внутренних агентов, а должен иметь посредника, который действовал бы по его инструкциям. Для этого рода деятельности главным образом и был приглашен упомянутый выше губернский секретарь ПЕРЕШИВКИН.

К сожалению, ПЕРЕШИВКИН не мог быть освобожден из Тифлиса ранее октября, поэтому приискание внутренних агентов сильно замедлилось, приходилось действовать через разных случайных лиц под вымышленными предлогами или пользоваться рекомендованными охранным отделением двумя сотрудниками МЕРСОЙ и РОЗЕНБЕРГОМ, которые в дела отделения не посвящались и ныне, за минованием в них надобности, удалены.

Состав отделения

В настоящее время разведочное отделение имеет следующий состав:

1. Начальник отделения, ротмистр ЛАВРОВ.
2. Старший наблюдательный агент, губернский секретарь ПЕРЕШИВКИН.
3. Шесть наружных наблюдательных агентов: АЛЕКСАНДР ЗАЦАРИНСКИЙ, АНИСИМ ИСАЕНКО, МИХАИЛ ВОРОНОВ, АЛЕКСАНДР ХАРИТОНОВ, АЛЕКСАНДР ЗАЙЦЕВ и НИКОЛАЙ ТРОФИМОВ.
4. Агент-посыльный, МАТВЕЙ БУКАНОВ.
5. Для собрания справок и сведений и для установок (выяснения фамилий лиц, взятых по наблюдению) двое – МИХАИЛ ПЕТРОВ «ВЕРНОВ» (последний назван по псевдониму).

6. Девять сотрудников (внутренние агенты): «ЕФИМОВ», «ЖДАНОВ», «БОЛОТОВ», «ИВИН», «КОРОЛЕВ», «ОСИПОВ», «СИДОРОВ», «АНФИСОВ» и «ЛАРИОНОВ» (все названы по псевдонимам; «Анфисов» и «Ларионов» приняты с декабря месяца, последний без содержания, лишь с покрытием расходов).
7. Два почтальона – «СОБОЛЕВ» и «АВДЕЕВ» (псевдонимы).
Число наружных агентов в С.-Петербурге необходимо увеличить по крайней мере на одного, при одновременной же работе и в других городах агентов потребуется несколько больше. Число сотрудников необходимо увеличить, пока не достигнется упомянутое выше полное внутреннее освещение.

Наблюдательная деятельность

Истекшее время существования разведочного отделения (26 июня – 10 декабря) было периодом организационным и учебным, так как работа главным образом состояла в изучении дела, выяснении системы организации, подыскании агентов и сотрудников и обучении их. Тем не менее наблюдение все же велось с первых же дней образования отделения, постепенно расширяясь по мере роста организации.
За указанный период под наблюдением состояли:
1. Австро-венгерский военный агент, князь ГОТФРИД ГОГЕНЛОЭ-ШИЛЛИНГСФЮРСТ.
2. Германский военный агент, барон фон ЛЮТВИЦ.
3. Японский военный агент, подполковник МОТТОИРО АКАШИ.
4. Служащий в Департаменте торговли и мануфактур, коллежский секретарь СЕРГЕЙ ИВАНОВ-ВАСИЛЬЕВ.
5. Начальник 9-го отделения Главного интендантского управления, действительный статский советник ПЕТР НИКАНДРОВ ЕСИПОВ.

АВСТР. ВОЕН. АГ[343]. КН. ГОГЕНЛОЭ
Австро-венгерский военный агент князь ГОГЕНЛОЭ-ШИЛЛИНГСФЮРСТ состоял под наблюдением со 2 июня по 6 сентября, то есть по день своего выезда за границу, откуда он возвратился лишь 26-го прошлого ноября. Наблюдением выяснились следующие знакомые ГОГЕНЛОЭ: германский военный агент барон фон ЛЮТВИЦ, служащий в австрийском посольстве граф ИОСИФ ВЕНКГЕЙМ, председатель комитета Петербургского кружка спортсменов, граф ПАВЕЛ ФЕЛИКСОВИЧ СУМАРОКОВ-ЭЛЬСТОН, особенно же часто ГОГЕНЛОЭ бывал у князей БЕЛОСЕЛЬСКИХ-БЕЛОЗЕРСКИХ, на их даче на Крестовском острове, где нередко, видимо, даже ночевал. Однако во всех этих сношениях, как и вообще в поведении князя ГОГЕНЛОЭ-ШИЛЛИНГСФЮРСТА, не было замечено ничего подозрительного, вследствие чего явилось предположение, что для собирания секретных военных сведений князь имеет какого-либо посредника. Предположение это вскоре подтвердилось: наблюдением и негласным розыском в августе месяце было установлено, что князь ГОГЕНЛОЭ имеет, по своей должности военного агента, помощника, поручика австрийской службы АНТОНА ЛОСТЕРА, сношения с коим ведет довольно осторожно.
По выезде АНТОНА ЛОСТЕРА 29 августа за границу был произведен негласным путем осмотр его квартиры, каковой осмотр показал, что она обставлена весьма конспиративно: помещение, занимаемое ЛОСТЕРОМ, находится в здании австрийского посольства, в глубине, между вторым и третьим дворами, но таким образом, что из окон хорошо видны и оба двора, и вход со стороны улицы; квартира состоит из двух комнат и кухни, в коих ЛОСТЕР проживает совершенно один, даже без прислуги, причем не только наружная дверь, но и кабинетная снабжена американским замком. Такой результат осмотра еще более подтвердил подозрение касательно тех функций, которые выполняет ЛОСТЕР при князе ГОГЕНЛОЭ.

4 ноября ЛОСТЕР возвратился из-за границы в Петербург и, взятый с вокзала же под наблюдение, в тот же день вечером посетил на час здание, принадлежащее польскому костелу и непосредственно к нему примыкающее (Невский, 32). Дальнейшим наблюдением выяснилось, что это здание ЛОСТЕР посещает весьма нередко, обыкновенно по вечерам, приблизительно на час, заходя в него то через один, то через другой подъезд, причем посещения эти несколько раз совпадали с опусканием ЛОСТЕРОМ накануне письма в почтовый ящик. На этих данных, в связи с отсутствием до сего времени указаний на посещение квартиры ЛОСТЕРА кем-либо из сомнительных лиц, построилось подозрение, что ЛОСТЕР свои тайные свидания ведет именно в упомянутом здании костела, а потому за последним, на время посещения его ЛОСТЕРОМ, ныне установлено особо бдительное наблюдение. Несколько дней тому назад из названного здания, по выходе оттуда ЛОСТЕРА в 10-м часу вечера, был взят под наблюдение весьма подозрительный субъект, но окажется ли он действительно имеющим значение для дела – сказать утвердительно в настоящее время нельзя.

ГЕРМАНСКИЙ ВОЕННЫЙ АГЕНТ ЛЮТВИЦ

Германский военный агент барон фон ЛЮТВИЦ находился под наблюдением с 26 июня по 12 августа и с 5 ноября по настоящее время. (С 12 августа по 5 ноября ЛЮТВИЦ был за границей.) Наблюдение за ЛЮТВИЦЕМ до сего времени не дало никаких серьезных результатов; удалось лишь установить его довольно близкое знакомство с князем ГОГЕНЛОЭ-ШИЛЛИНГСФЮРСТОМ и сношения с поручиком ЛОСТЕРОМ.

Работа за ЛЮТВИЦЕМ крайне затрудняется двумя обстоятельствами: 1) дом, в коем он квартирует, расположен таким образом, что наблюдающему негде стать: он или себя обнаружит, или сам ничего не будет видеть и 2) ЛЮТВИЦ держит готового извозчика, за которым обыкновенно извозчики поспевать не могут. Летом и осенью в этом отношении помогали велосипеды, теперь же их применять нельзя и ЛЮТВИЦА приходится терять почти каждый раз. Ввиду сего наружное наблюдение за ЛЮТВИЦЕМ ныне заменено внутренним наблюдением за лицами, посещающими его квартиру с черного хода, и вместе с тем подыскиваются способы к устройству агентуры в самой его квартире.

ЯПОНСКИЙ ВОЕННЫЙ АГЕНТ АКАШИ

Японский военный агент подполковник МОТОИРО АКАШИ стоит под наблюдением с 7 сентября. Подполковник АКАШИ работает усердно, собирая сведения, видимо, по мелочам и ничем не пренебрегая: его несколько раз видели забегавшим в английское посольство, расспрашивающим о чем-то на улице Шведско-Норвежского военного агента барона КАРЛА ГЕРГЕРА ЛЕЙЕНГЮВУДА и наблюдали в сношениях, непосредственно или через секретаря Японской миссии САМАРО АКИДЗУКИ, с целым рядом различных японцев, из коих наиболее подозрительными являются: ЯГИ МОТОХАЧИ и САНТОРО УЕДА. МОТОХАЧИ (китайский подданный) никаких видимых занятий не имеет и числится проживающим «капитаном», УЕДА же хотя и отмечен вольнослушателем С.-Петербургского университета, но до сего времени входящим в университет еще ни разу замечен не был.

В интересах скорейшего освещения деятельности АКАШИ в настоящее время уже вполне подготовлена обстановка для заагентурения одного лица, могущего быть в этом отношении весьма полезным.

КОЛЛЕЖСК. СЕКР. ВАСИЛЬЕВ

Служащий в Департаменте торговли и мануфактур коллежский секретарь СЕРГЕЙ ИВАНОВ ВАСИЛЬЕВ взят под наблюдение с 21 июля. Основанием к наблюдению за ВАСИЛЬЕВЫМ послужило заграничное агентурное сведение о том, что он осенью 1902 г. продавал иностранным державам чертежи по секретной конструктивной части Главного артиллерийского управления.

Наблюдением установлен довольно длинный ряд знакомых ВАСИЛЬЕВА из его сослуживцев, различных техников, писцов Сената и Главного управления торгового мореплавания, служащих в технических конторах и у нотариусов, и, наконец, лиц без всяких определенных занятий, причем самыми к нему близкими являются: писец Главного управления торгового мореплавания, из запасных писарей Интендантского управления, ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВ ФЕДЮНИН и выгнанный за пьянство бывший сослуживец ВАСИЛЬЕВА, а ныне без определенных занятий и постоянного местожительства некий НИКОЛАЙ ИВАНОВ ПРОКОФЬЕВ. Эти два лица, видимо, и подыскивают ВАСИЛЬЕВУ нужных людей и устраивают ему с ними свидания: ФЕДЮНИН – по вечерам в трактирах, в особенности же в ресторане Советова (угол Невского и улицы Гоголя), где он ежедневно с Васильевым обедает, а ПРОКОФЬЕВ – в гостинице Италии (на Петербургской стороне), куда ВАСИЛЬЕВ обыкновенно по утрам приходит пить чай.

Так как наружное наблюдение до настоящего времени не установило никакой связи ВАСИЛЬЕВА или его ближайших знакомых хотя с кем-либо из военнослужащих, то в помощь наружному наблюдению было учреждено также и внутреннее. Это последнее дало о ВАСИЛЬЕВЕ следующие сведения: СЕРГЕЙ ИВАНОВ ВАСИЛЬЕВ происходит из крестьян Московской губернии, дед его был извозчиком, а отец – директором Самсоньевского городского училища в Петербурге. ВАСИЛЬЕВ с женой разошелся и живет с любовницей. Получая по своей службе в Департаменте торговли и мануфактур рублей по 50 в месяц, он живет небогато, но временами у него появляются деньги как бы случайно, происхождение коих он объясняет частными заработками. ВАСИЛЬЕВ действительно занимается всевозможными делами: ведет какие-то сношения с техническими конторами, то переписывает бумаги, то что-то чертит, достает справки для мелких спекуляций, берет на комиссию продажу швейных машинок и прочее, причем о делах своих он говорить вообще не любит. На квартиру к ВАСИЛЬЕВУ приходят только упомянутые выше ФЕДЮНИН и ПРОКОФЬЕВ, да еще изредка два спившихся гражданских чиновника.

Наиболее подозрительной деятельность ВАСИЛЬЕВА представлялась в период от начала 1901 г. по май 1903-го, когда он за пьянство был удален с государственной службы и жил случайным заработком. В это время ВАСИЛЬЕВ занимался безусловно какими-то темными спекуляциями, так как о своих делах совещался с ФЕДЮНИНЫМ и ПРОКОФЬЕВЫМ всегда шепотом, при закрытых дверях. ВАСИЛЬЕВ в то время часто уезжал из Петербурга и получал письма в большом количестве, в том числе и заграничные, причем для иностранной корреспонденции переводчиком ему служил ПРОКОФЬЕВ.

В октябре месяце был произведен секретный осмотр записной книжки СЕРГЕЯ ИВАНОВА ВАСИЛЬЕВА, каковой осмотр вполне подтвердил приведенные агентурные сведения о нынешней деятельности Васильева: в книжке помещены всевозможные заметки коммерческого и комиссионерского характера и адреса разных контор, техников и инженеров. Могущими иметь значение для дела оказались лишь секретный шифр и запись некоторых центральных учреждений с проставленными против них крестиками.

На основании изложенного нужно заключить, что приведенные выше заграничные агентурные сведения относительно ВАСИЛЬЕВА не подлежат сомнению, но с другой стороны названный ВАСИЛЬЕВ не принадлежит к числу профессиональных шпионов, а скорее представляет тип людей, ничем не брезгающих для легкой наживы и хватающихся за все, что попадет под руку. Поэтому наблюдение за ВАСИЛЬЕВЫМ может затянуться на продолжительное время и даст результаты только тогда, когда среди разных спекуляций ему снова попадется предложение или возможность украсть какие-либо сведения.

Д. С. С.[344] ЕСИПОВ

Начальник 9-го отделения Главного интендантского управления действительный статский советник ПЕТР НИКАНДРОВ ЕСИПОВ подчинен наблюдению, ввиду установленной тождественности его с тем лицом, которое, по указанию заграничного источника, продает секретные сведения в Австрию и, между прочим, доставил в текущем году в Вену 440 листов одноверстной карты.

Наблюдение за ЕСИПОВЫМ начато с 20 октября.

Наблюдением и негласным розыском выяснилось, что ПЕТР НИКАНДРОВ ЕСИПОВ человек весьма зажиточный: состоит одним из крупных клиентов Северного банка, имеет порядочное имение в Тамбовской губернии, в 1–2 верстах от ст. Есипово Грязи Царицынской линии, а весной нынешнего года купил еще, за 20 000 рублей, дом с участком земли в г. Воронеже (в слободе Грачевке). Жена ЕСИПОВА с детьми в настоящее время проживает в Воронеже, в упомянутом доме, а сам ЕСИПОВ с одним из сыновей живет в Петербурге, по Алексеевской улице в д. № 14, кв.1.

Из всех выясненных знакомых ЕСИПОВА наиболее интересными для дела представляются капитан СМИРНОВ, коллежский секретарь ЯКОВЛЕВ, как лица, служившие ранее в отделении ЕСИПОВА, а ныне переведенные в Мобилизационный отдел того же интендантского управления, а также и состоящий в распоряжении Главного интенданта полковник РАДЫНСКИЙ. Последний обращает на себя внимание тем, что ведет заграничную переписку и имеет какие-то запутанные денежные дела (с одной стороны, ему постоянно посылают из Варшавы и Москвы письма с требованием денег, иногда под угрозами, с другой же – он получает по почте какие-то денежные суммы, рублей в 100–200).

Кроме этих знакомств, наблюдение за ЕСИПОВЫМ в Петербурге пока ничего существенного не дало. Несравненно больший интерес для дела представляет его поездка из Петербурга в октябре месяце. За эту поездку ЕСИПОВ проявил себя двумя подозрительными действиями: 1) отправляясь в отпуск, он доложил по начальству, что едет получить 8000 р., причитающиеся ему по ликвидации маслобойного завода, в действительности же, прибыв в г. Борисоглебск 27 октября, он в тот же день получил из местного отделения Северного банка 10 000 рублей, им же самим переведенные, а затем уже этими деньгами погасил в обществе взаимного кредита несколько векселей на сумму 8518 руб. и 2) того же 27 октября вечером перед отъездом из Борисоглебска ЕСИПОВ имел на вокзале как бы случайную встречу с неизвестным подполковником Генерального штаба, оказавшимся, по выяснению, штаб-офицером при штабе XVII корпуса подполковником АЛЕКСЕЕМ ИВАНОВИЧЕМ ЧЕРЕПЕННИКОВЫМ. Встреча эта представляется подозрительной по следующим соображениям: Борисоглебск не узловая станция и, как город, очень маленький и неинтересный, так что заехать туда без особой надобности, случайно положительно нельзя; 1) ЧЕРЕПЕННИКОВА видели в Борисоглебске еще утром 27 октября; 2) ЧЕРЕПЕННИКОВ побыл в Борисоглебске, по крайней мере,ЧЕРЕПЕННИКОВ в то время был в заграничном отпуску по 3 ноября, поэтому нужно думать, что он приехал в Борисоглебск по возвращении из-за границы.

Дальнейшее наблюдение за ЕСИПОВЫМ продолжается, вместе с тем с 1 декабря учреждено наблюдение и за подполковником ЧЕРЕПЕННИКОВЫМ (в Москве).

Ротмистр ЛАВРОВ.

Источник: Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. – М., 2001. С. 16–26.

Приложение 10

Японский шпионаж до 1903 г.

Отношение военного министра Куропаткина – Министру юстиции Муравьеву Н. В.

25 августа 1898 г.
Секретно

Командующий эскадрою Тихого океана контр-адмирал Дубасов телеграммою от 23 сего августа за № 970 сообщает управляющему Морским министерством, что 17-го числа сего же месяца арестован в Порт-Артуре японец, выдающий себя за коммерческого агента Фуну Хара; он задержан во время черчения карты города с нанесением батарей и расположения орудий; при нем, между прочим, найдены карта Восточной Азии японского издания и подробная программа для собирания на Квантуне сведений военно-политического характера. При этом контр-адмирал Дубасов заявляет, что он полагал бы необходимым для пресечения в самом начале подобных попыток иностранцев привлечь означенного японца к ответственности по второй части 256 I ст. Улож. о Наказ. (по прод. 1895 г.), преданием его суду, согласно закону от 20 апреля 1892 г., причем, ввиду отсутствия на полуострове органов гражданской судебной власти, предоставить возбуждение уголовного преследования ему, контр-адмиралу Дубасову, а производство следствия поручить военному следователю.
Временно управляющий Морским министерством вице-адмирал Авелан препроводил копию означенной телеграммы ко мне, для зависящего распоряжения.
Со своей стороны, рассмотрев вопрос о порядке производства дела по обвинению задержанного в Порт-Артуре японца в преступлении, предусмотренном 256 I ст. Улож. о Наказ., я нахожу, что за отсутствием на Квантунском полуострове жандармских чинов и лиц прокурорского надзора гражданского ведомства, по означенному государственному преступлению не может быть произведено дознание, как бы следовало, в порядке, определенном правилами Устава Уголовного Судопроизводства (ст. 1035 2–10). Посему и ввиду того, что на упомянутом полуострове пребывают военный следователь Приамурского военного округа и помощник военного прокурора Приамурского военно-окружного суда, я полагал бы, согласно с мнением контр-адмирала Дубасова, произвести по сему делу следствие по правилам Военно-судебного устава, через упомянутого военного следователя, при личном присутствии лица военно-прокурорского надзора. Засим дело это я признавал бы необходимым, на основании пункта 111 высочайше утвержденного 20 апреля 1892 г. мнения Государственного Совета, передать на рассмотрение военного суда с тем, чтобы обвиняемый был предан суду по заключению военно-прокурорского надзора, подлежащим военным начальством.
Сообщая о таковых моих предложениях вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить уведомить меня, не встречается ли с вашей стороны препятствий к указанному выше направлению настоящего дела.

Военный министр генерал-лейтенант Куропаткин.

Источник: Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. – СПб., 2005. С. 368–369.

Заключение
по делу японских подданных Коноскэ Сивоко, Зюузи Сузуки и Магосичи Сивоя, обвиняемых в шпионаже

30 июня 1902 г. на почтовую станцию Черкасскую Южно-Уссурийского округа пришли три японца, назвавшиеся докторами, обратившие на себя внимание содержателя станции Осташевой, почтальона Лаврова и других тем, что они выходили со станции в разные стороны, осматривали окрестности, делали письменные отметки и рассматривали

большой лист бумаги вроде географической карты. Японцы эти со всеми бывшими при них бумагами были 1 июля подпоручиком Шумским задержаны.

По осмотру и переводу взятых у названных японцев бумаг оказалось: в православном молитвеннике – ключ к шифру, которым зашифрованы сделанные на других страницах записи. В записях этих заключаются подробные сведения о составе и количестве русских войск, расположенных в населенных пунктах Маньчжурии и Приморской области с отметками о названии, численном составе войсковых частей, количестве и роде орудий и пр. Есть отметки об общем количестве войск в военное время в Амурском, Сибирском, Казанском, Московском, Одесском военных округах и Квантунской области. Из веденных в виде дневника записей в 4 памятных книжках видно, что авторы их в качестве продавцов японского целебного «хотана» обошли пешком многочисленные местности Приморской области и Маньчжурии, причем точно и подробно описаны маршруты между населенными пунктами, отмечены расстояния между ними, номера телеграфных столбов, военные посты, состояние дорог, болота, глубина и ширина встречающихся речек и ручьев, мосты, броды, перевалы и горы с указанием их высоты и удобства подъема, селения с обозначением числа жителей, количества лошадей, скота, запасов дров, сена и т. п.

По заключению допрошенного в качестве сведущего лица начальника штаба Владивостокской крепости Генерального штаба полковника Громова, указанные выше сведения о подробном расквартировании русских войск и пр. подлежат хранению в тайне, могли быть получены путем только личного сбора сведений и представляют, как и сведения о состоянии путей, количестве запасов и пр., весьма существенный интерес для иностранного государства при соображениях о ведении против России военных операций.

В найденном у Сивоко и его товарищей, в числе прочих бумаг, счета общества «Ниппон-Юзен-Кайша», от которого, судя по записям, упомянутые японцы получали денежные авансы, между прочим, отмечен расход в 1 р. 13 к. за заказную корреспонденцию, адресованную в Японский Генеральный штаб.

По сообщению императорского Японского коммерческого агентства во Владивостоке, ходатайствовавшего об освобождении задержанных японцев из-под стражи, они не более как «японские маленькие обыкновенные торговцы».

Допрошенные в качестве обвиняемых Сивоко, Сузуки и Сивой виновными в собирании с целью сообщения иностранному правительству сведений, подлежащих в видах внешней безопасности России хранению в тайне, себя не признали, объяснив, что они путешествовали с исключительной целью продажи лекарства «хотана»; по объяснению Сивоко, найденный у него молитвенник был у него похищен и затем случайно возвращен ему в вагоне пассажиром японцем с надписями, смысл которых ему не понятен. Более подробные объяснения в свое оправдание обвиняемые, по их заявлению, представят на суде.

Принимая во внимание, что совокупность изложенных выше данных не оставляет сомнений в виновности японских подданных Коноске Сивоко, Зюузи Сузуки и Магосичи Сивоя в преступлении, предусмотренном 256 I ст. Улож., я полагал бы, закончив настоящее дознание в административном порядке, вменить им в наказание время, проведенное под стражей по этому делу, и выслать их за границу с воспрещением возвращаться в пределы империи; из вещественных доказательств памятные книжки, молитвенник и счет оставить при деле, а остальные уничтожить.

Составлено октября 28-го дня 1902 года, в Иркутске.

Прокурор Иркутской Суд. палаты Малинин.

Источник: Из истории русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. – СПб., 2005. С. 373–376.

Приложение 11
Протокол
заседания межведомственной комиссии по организации контрразведывательной службы в России от 28 марта 1909 г.

«Комиссия в заседаниях своих, ознакомившись с материалами, имеющимися по означенному вопросу, и с постановкой контрразведки (борьба с военным и морским шпионством) в России до настоящего времени, пришла к заключению, что:
1. Широкая военная разведка иностранных государств в России, получившая весьма сильное развитие, давно ставит на очередь вопрос активной борьбы с лицами, занимающимися шпионством, т.е. выдвигает необходимость иметь особый контрразведочный орган.
2. До сих пор такого органа не было и его функции исполнялись отчасти чинами Корпуса жандармов, отчасти Главным управлением Генерального штаба и Морским Генеральным штабом, а равно и разведывательными отделениями штабов округов.
3. Полное отсутствие денежного отпуска на этот предмет, недостаток знаний и опыта у случайно стоящих и постоянно меняющихся руководителей контрразведкой, неимение каких бы то ни было инструкций и правил, наконец, отсутствие пригодных агентов всех степеней – все это не соответствовало успеху контрразведки.
Несогласованность же деятельности розыскных учреждений Министерства внутренних дел и начальников разведывательных отделений штабов округов только еще больше тормозила успех.
Ввиду этого комиссия признала необходимым:
1. Учреждение особых органов, ведающих контрразведкой и снабжение для этого соответственными средствами.
2. Выработку положения и инструкций для этих органов…
Военным шпионством является сбор всякого рода сведений о вооруженных силах (сухопутных и морских) и об укрепленных пунктах государства, а также имеющих военное значение географических, топографических и статистических данных о стране и путях сообщения, производимый с целью передачи их иностранной державе.
К сведениям этого рода должны быть отнесены:
а) состав, организация, дислокация, вооружение, комплектование вооруженных сил (сухопутных и морских), обучение войска и флота, внутренний быт, командный состав и настроение войск;
б) сведения о военных и морских учреждениях, заведениях, складах и магазинах и о состоянии запасов в них (портовых, интендантских, артиллерийских, минных, инженерных, санитарных и проч.);
в) сведения о крепостях, укрепленных пунктах и базах флота;
г) мобилизация и сосредоточение войск и флота по объявлению войны;
д) приказы, отчеты о произведенных маневрах, стрельбах и опытах, уставы, инструкции и наставления по различным отделам обучения войск и флота;
ж) сведения военно-географические и статистические о местностях пограничных как по сухопутной, так и по морской части и имеющих стратегическое значение, особенно же о позициях, о свойствах и проходимости местных преград (рек, болот и пр.) и возможных местах высадки, равно как и о прилегающих к укреплениям районах;
з) данные о грунтовых путях сообщения в этих местностях, особенно о сети шоссейных дорог (их состояние, переправы и др. препятствия); перевозочные средства;
и) сведения о железных дорогах, узловых пунктах и в особенности о важнейших железнодорожных сооружениях, порча коих может оказать существенное влияние на движение (мосты, тоннели, трубы, насыпи, водокачки, гати и проч.) и относительно оборудования железных дорог, влияющего на пропускную и провозную их способность

(водоснабжение, склады топлива, число путей, запасы оборудования станций, средства мастерских, платформы, нагрузочные и разгрузочные приспособления, сигнализация, пакгаузы и проч.), склады переносных железных дорог;
к) телеграфное и телефонное сообщение; голубино-почтовые и радио-телеграфные станции;
л) военное воздухоплавание.
Иными словами, должна привлекать внимание всякая деятельность по добыванию сведений о вооруженных силах, военно-материальных или военно-технических средствах России теми лицами, деятельность которых возбуждает подозрение в шпионстве.
Было установлено, что самой плодотворной ареной всех многочисленных иностранных разведчиков являются наши важнейшие в военном отношении пункты, а главной целью их деятельности – важнейшие в этих пунктах военные учреждения, как-то: штабы, адмиралтейства, военно-окружные штабы, с их типографиями, интендантские, артиллерийские и инженерные управления и портовые учреждения. Обо всех служащих в этих учреждениях, начиная с нижних чинов и до высших, иностранными шпионами собираются самые точные сведения с целью, путем подкупа или опутывания, добыть нужные сведения.
Относительно организации иностранной разведки в России выяснено, что, не говоря уже про японцев, все наши европейские соседи, признавая за военной разведкой первенствующую важность, не останавливаются для достижения своих целей ни перед какими расходами, так как последние есть почти единственное средство для успеха; некоторые же государства, например Австрия, – насколько имеются данные судить, – достигли на этом поприще высокой степени искусства, приближаясь к японцам.
В общем же организация нашими соседями военной разведки в России является почти тождественной и представляется в следующем виде.
Все руководство разведкой сосредотачивается в Генеральных штабах, в руках особых отделений Военного и Морского министерств. Следующими инстанциями, ведающими разведкой, служат иностранные войсковые штабы пограничных частей (по значению соответств. нашим округам), а в самой России, кроме официальных и морских агентов, сбор военных сведений иностранными правительствами вменяется в одну из гласных обязанностей всем их официальным представителям, в особенности консульствам, сосредотачивающим и объединяющим местную военно-разведывательную деятельность. На это имеются многочисленные указания, подтверждаемые целым рядом наблюдений.
Как центральные учреждения в военных министерствах, так и штабы пограничных корпусов и консульств для своих целей владеют целым рядом первостепенных агентов, специально и тщательно подготовленных к этой роли, с различными сферами шпионской деятельности. Этим агентам вверяются особые районы русской территории, в которых они собирают сведения военного значения и в которых ими содержится целая сеть второстепенных, а затем и третьестепенных агентов различного назначения.
Расходы, ассигнуемые нашими соседями на военную разведку, очень значительно и неизмеримо превосходят наши расходы, например, по достоверным документам, штаб одного из корпусов в Галиции получает на разведку до 50–60 тысяч рублей. Приняв во внимание и соответствующие кредиты других главных органов разведки, нетрудно заключить о грандиозности, сравнительно с нашей, военно-разведывательной деятельности, направленной нашими соседями против нас. Такая разведка, организованная и действующая в мирное время, будет служить могучим средством к успеху и в военное; напротив, у нас, какие бы деньги на нее ни были бы ассигнованы во время войны, она далеко не даст тех же результатов, так как явится организованной наспех импровизацией, с агентами не подготовленными, а случайными.
Положение России ухудшается тем чувствительнее, что наше пограничное население в пределах Царства Польского и Юго-Западного края, а равно и Дальнего Востока является по преимуществу инородческим, по своей замкнутости и враждебности к нам это

население дает целые гнезда, в которых находят укрытия иностранные шпионы, и пока мало доступные для нашего наблюдения. К этому надо присоединить громадное количество иностранных подданных, а среди них значительное количество военнослужащих, проживающих во всех городах нашей пограничной полосы, под самыми разнообразными профессиями: владельцев, имений, торговых фирм, магазинов, мелких торговцев, служащих, заполняющих чуть ли не сплошь разные торговые учреждения, до содержателей публичных домов включительно; просто путешествующих или гостящих у своих родственников, учащихся и прочих лиц, вращающихся в самых разнообразных классах и слоях населения. Все они, конечно, оказывают даже без всякого вознаграждения посильное содействие делу военной разведки своего государства и служат теми многочисленными насосами, которые выкачивают нужные сведения из районов пребывания, передают их в главные органы разведки, и здесь эти сведения взаимно проверяются и уже обработанные поступают в иностранные Генеральные штабы. Сюда надо присоединить и высокое понимание нашими соседями – наблюдаемое у всех чинов и во всех ведомствах – общности государственных интересов и вполне согласованную совместную работу этих ведомств для обеспечения таких интересов…

Контрразведка (борьба со шпионством) заключается в своевременном обнаружении лиц, занимающихся разведкой для иностранных государств, и в принятии мер для воспрепятствования разведывательной работе этих государств в России. Конечная цель контрразведки есть привлечение к судебной ответственности уличенных в военном шпионстве лиц на основании ст.ст. 108–119 Уголовного Уложения 1903 г., или прекращение вредной деятельности названных лиц хотя бы административными мерами.

Особенному вниманию контрразведочного органа подлежат:

1. Иностранные военные атташе сухопутные и морские, за которыми необходимо периодическое наружное наблюдение (агентов же германских, австрийских, английских, японских, шведских, турецких, североамериканских, итальянских и германского офицера, состоящего при особе его величества, необходимо обеспечить и внутренним наблюдением).
2. Состоящие при посольствах, миссиях и т.д. иностранные офицеры и другие чины этих учреждений в случае указания на них агентуры.
3. Иностранные консулы и чины консульств в следующих пунктах:

Варшава, Петербург, Киев, Вильна, Либава, Одесса, Севастополь, Кронштадт, Иркутск, Владивосток, – в зависимости от имеющихся на то агентурных указаний.

4. Приезжающие в Россию иностранные военные чины и живущие в пределах империи как действительной службы, так и запасные, при получении соответствующих агентурных на них указаний.
5. Семейство и прислуга всех перечисленных выше лиц по указанию агентурной службы.
6. Иностранцы, живущие близ границы и в пунктах, важных в военном отношении по указанию агентурной службы.
7. Иностранцы, владеющие магазинами и другими торговыми и промышленными заведениями, публичными домами (особенно во Владивостоке), иностранцы-комиссионеры, врачи, фотографы, учителя и т.п., т.е. вообще лица, по своей деятельности соприкасающиеся с военнослужащими, по указанию агентурной службы.

Примечание. Особенно интересны представители Германии и Австрии на Западе и Японии на Востоке, хотя это не исключает необходимость наблюдения в подозрительных случаях и за подданными других государств. Необходимо обратить внимание, не имеют ли у них пристанища приезжие иностранцы, не посещают ли их военные чины систематически, и стараться приобрести агентуру в этой сфере. Следует иметь в виду, что в пограничных округах часто живут жены иностранных офицеров; необходимо выяснять причины раздельного жительства, и если таковые не ясны, то устанавливать наблюдение агентурное и наружное, особенно во время приезда мужей.

8. Иностранцы, замеченные в неоднократном переезде границы без всяких видимых причин.
9. Русские подданные, замеченные в частых подозрительных сношениях с иностранцами при наличности каких-либо определенных указаний на иностранцев.
10. Все русские офицеры и нижние чины (особенно из состава высших штабов, адмиралтейств, канцелярий и управлений), живущие выше средств и близко стоящие к военно-секретным сведениям.
Примечание. Следует иметь в виду, что подобными лицами, как показала практика, всегда широко тратятся деньги на женщин. (Бывали случаи вовлечения в шпионскую деятельность лиц, попавших в тяжелое материальное положение благодаря начетам, долгам, болезни, любовным увлечениям и т.п.)
Наиболее типичными чертами лиц, занимающихся шпионством, является слабохарактерность, тщеславие (получение иностранных орденов) и неустойчивость в нравственном отношении.
11. Русские подрядчики военного ведомства, комиссионеры (особенно евреи), служащие и мастера военных и морских заводов и мастерских, при наличии определенных указаний, а иностранные инженеры на важнейших заводах и независимо от указаний агентуры (должны состоять на учете).
12. Лица, замеченные в наблюдении за нашими разведывательными органами.
13. Владельцы и служащие книжных магазинов, наиболее посещаемые иностранцами, особенно магазинов, берущихся достать секретные военные издания при указаниях на этих лиц агентуры (к таковым обыкновенно принадлежат фирмы, не пользующиеся широкой известностью).
14. Лица, втирающиеся в военную среду (особенно еврейского происхождения) и завязывающие для этого добрые отношения даже с семействами военнослужащих.
15. Путешествующие с фотографическими аппаратами, производящие промеры, статистические исследования в местах, важных в военном отношении. (По этому поводу желательно издание циркулярных распоряжений по корпусу жандармов, полиции, пограничной страже и таможенному ведомству.)
16. Лица, служащие в мобилизационных отделениях железных дорог. (В этой сфере желательно учреждение агентуры.)
17. Станционные и железнодорожные служащие, особенно в пограничных районах, замеченные в частых сношениях с военнослужащими, живущими у границы. (По этому поводу желательно распоряжение по Отдельному корпусу жандармов о недопуске иностранцев к занятию каких бы то ни было должностей, а равно и к содержанию и обслуживанию станционных буфетов на железных дорогах в приграничных районах.)
18. Лица, проживающие в приграничных районах, часто получающие из-за границы деньги, несоответственно роду их занятий и образу жизни.
19. Родственники лиц, уже арестованных в шпионстве.
20. Лица, вызывающие военнослужащих для занятий по публикациям.
21. Лица, стоящие во главе разведывательных органов в Германии и Австрии, для наблюдения за которыми признается необходимым организация агентурного наблюдения в Берлине, Вене, Кенигсберге, Данциге, Познани, Бреславле, Кракове, Перемышле, Львове.
Обращаясь к мерам для борьбы со шпионством, Комиссия нашла, что таковые должны представлять собою противовес способам шпионства, принятым иностранными государствами.
При этом Комиссия, приняв в соображение также и некоторые распоряжения местных правительственных органов, признала, что наиболее рациональной мерой контрразведки является организация правильно и широко поставленной агентурной службы.
Службе этой первым долгом необходимо систематически выяснять лиц и учреждения, ведающие за границей и в России шпионством, освещая внутренним на местах

наблюдением их жизнь и деятельность. Дальнейшею задачей явится выяснение путем наружного наблюдения связей и сношений лиц, намеченных внутренней агентурой как между собою, так и с русскими и иностранцами на нашей территории. Принимая же во внимание, что, как установлено целым рядом рассмотренных Комиссией судебных дел, главной сферой деятельности шпионов являются высшие учреждения военного и морского ведомств, таковые признано необходимым освещать постоянной внутренней агентурой. Наконец, Комиссия признала необходимым приобретение секретных сотрудников и среди лиц, занимающихся в России иностранной разведкой.

Подробные указания по ведению этого негласного расследования изложены в особой инструкции, выработанной Комиссией.

Обсудив все вышеизложенное и изучив подробно весь добытый опытом материал последних лет, Комиссия признала, что для правильного ведения контрразведки необходимо учреждение особого органа, занимающегося исключительно контрразведкой и снабженного как достаточными средствами, так и полномочиями; во главе же этих органов должны стоять лица со специальной подготовкой к делу розыска, причем Комиссия признала нецелесообразным возложение всей исполнительной деятельности в этой сфере на действующий ныне состав охранных отделений или разведывательных отделений штабов военных округов ввиду той массы дел, которыми и без того перегружены названные учреждения по своей прямой специальности.

Поэтому более желательным представляется сформирование особых военно-розыскных органов, причем необходимо использовать для их образования и деятельности как упомянутые охранные отделения, уже обладающие опытом в розыске, так и разведывательные отделения штабов, ввиду их компетентности в военных вопросах, и сосредоточение в них весьма необходимых данных по нашей разведке за границей.

Комиссия признала полезным поставить во главе контрразведочных отделений жандармского офицера, ввиду необходимости не только теоретической, но и практической подготовки лиц, состоящих во главе розыска, и для установки более тесной внутренней органической связи вновь учреждаемых отделений с существующими ныне розыскными учреждениями, во главе коих в большинстве случаев стоят офицеры Корпуса жандармов.

Но принимая во внимание необходимость иметь во всех отделениях помощников начальников отделений, каковые не могут быть замещены офицерами Корпуса жандармов, ввиду недостатка штатного личного состава этого корпуса, Комиссия признала необходимым командирование для замещения должностей помощников начальников контрразведочных отделений строевых обер-офицеров распоряжением начальников штабов округов по соглашению с директором Департамента полиции.

Имея в виду отчасти недостаточность состава корпуса, а с другой стороны, возможность достаточной подготовки для заведывания этим делом строевых офицеров, при условии подготовки их при Департаменте полиции, Комиссия полагает возможным допущение и последних к заведыванию военным розыском.

Кроме личного офицерского состава, контрразведочные отделения должны состоять из потребного числа чиновников для особых поручений, а равно старших и младших наблюдательных агентов. Число этих чиновников и агентов всех степеней будет неодинаково в различных пунктах, в зависимости от особенностей каждого из пунктов и интенсивности шпионской деятельности соответствующих районов.

В отношении условий деятельности проектированных отделений Комиссия находит необходимым установить, что таковые должны представлять собою законспирированные канцелярии и не должны иметь обнаруживающего их деятельность названия.

Сообразно имеющимся в Генеральных штабах сведениям, военно-розыскные учреждения должны быть сформированы в гг. Варшаве, Киеве, Вильне, Одессе, Петербурге, Иркутске, для работы в районах одноименных пограничных военных округов и в кр. Владивостоке для Приамурского военного округа, главным же образом для этой крепости, являющейся

важным единственным оплотом на Дальнем Востоке, причем эти органы, сообразно предстоящей им работе, надлежит организовать в следующем составе:
1. С.-Петербург. Начальник отделения, 2 помощника (один военного ведомства и один морской – для побережья Балтийского моря), 2 чиновника для поручений, 4 старших наблюдательных агента, 14 младших наблюдательных агентов.
2. Варшава. Начальник отделения, 1 помощник, 3 чиновника, 3 старших и 10 младших наблюдательных агентов, 1 переводчик.
3. Киев. Начальник отделения, 1 помощник, 1 чиновник, 3 старших и 10 младших наблюдательных агентов, 1 переводчик.
4. Вильна. Начальник отделения, 2 помощника (один военного ведомства и один морской – для Либавы), 1 чиновник для поручений, 2 старших и 6 младших наблюдательных агентов, 1 переводчик.
5. Одесса. Начальник отделения, 2 помощника (один военнго ведомства и один морской – для Севастополя), 1 чиновник для поручений, 2 старших и 4 младших наблюдательных агента, 1 переводчик.
6. Иркутск. Начальник отделения, 1 помощник, 2 чиновника для поручений, 2 старших и 4 младших наблюдательных агента, 2 переводчика.
7. Владивосток. Начальник отделения, 1 помощник, 1 чиновник для поручений (для Хабаровска), 2 старших и 6 младших наблюдательных агентов, 2 переводчика....
Источник: Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. – М., 2001. С. 28–37.

Приложение 12
Инструкция
начальника контрразведывательных отделений
от 8 июня 1911 г.

А. Борьба с военным шпионством

§ 1.
Военным шпионством (военной разведкой) является сбор всякого рода сведений о вооруженных силах (сухопутных и морских) и об укрепленных пунктах государства, а также имеющих военное значение географических, топографических и статистических данных о стране и путях сообщения, производимый с целью передачи их иностранной державе.
К сведениям подобного рода должны быть отнесены:
а) состав, организация, дислокация, вооружение, комплектование вооруженных сил (сухопутных и морских), обучение войск и флота, внутренний быт, командный состав и настроение войск и флота;
б) сведения о военных и морских учреждениях, заведениях, складах и магазинах и о состоянии запасов их (портовых, интендантских, артиллерийских, минных, инженерных, санитарных и проч.);
в) сведения о крепостях, укрепленных пунктах и базах флота;
г) мобилизация и сосредоточение войск и флота по объявлению войны;
д) приказы и отчеты о произведенных маневрах, стрельбах и опытах сухопутных войск и флота (в последнем в особенности учебных отрядов), уставы, инструкции и наставления по различным отделам обучения войск и флота;
е) сведения военно-географические, топографические и статистические о местностях пограничных как сухопутных, так и морских, имеющих стратегическое значение, особенно же о позициях, о свойстве и проходимости местных преград (рек, болот и пр.) и возможных местах высадки, равно как и о прилегающих к укреплению районах; сведения о свойствах и проходимости прилегающих к отечественным берегам морских, речных и

озерных водных пространств, со всеми фарватерами, заливами, бухтами, пристанями, гаванями, рейдами и прочими удобствами для стоянки и прихода судов военных и коммерческих;
ж) данные о грунтовых путях сообщения и в этих местностях, особенно о сети шоссейных дорог (их состояние, переправы и другие препятствия); перевозочные средства;
з) сведения о железных дорогах, узловых пунктах и в особенности о важнейших железнодорожных сооружениях, порча коих может оказать существенное влияние на движение (мосты, тоннели, трубы, насыпи, водокачки, гати и проч.) и относительно оборудования железных дорог, влияющих на провозную их способность (водоснабжение, склады топлива, число путей, запасы оборудования станций, средства мастерских, платформы, нагрузочные и разгрузочные приспособления, сигнализация, пакгаузы и проч.), склады переносных железных дорог;
и) телеграфные и телефонные сообщения; прибрежные и островные наблюдательные пункты морского ведомства и пограничной стражи; голубино-почтовые станции и радиотелеграфные станции;
к) военное воздухоплавание;
л) личные характеристики начальствующих лиц военного и морского ведомств.
Иными словами, военным шпионством является всякая деятельность по добыванию сведений о вооруженных силах, военно-материальных или военно-технических средствах.

§ 2.
Контрразведка (борьба со шпионством) заключается в своевременном обнаружении лиц, занимающихся разведкой для иностранных государств, и в принятии вообще мер для воспрепятствования разведывательной работе этих государств в России. Конечная цель контрразведки есть привлечение к судебной ответственности уличенных в военном шпионстве лиц на основании ст. ст. 108–119 Угол. Ул. 1903 г. или прекращение вредной деятельности названных лиц хотя бы административными мерами.

§ 3.
Для достижения указанных в параграфе 2 целей контрразведка должна прежде всего стремиться к выяснению заграничных разведывательных центров, являющихся, с одной стороны, первоисточниками организованного шпионства в России, а с другой – сосредоточием добываемых иностранными шпионами сведений. В дальнейшем необходимо путем заведения в означенных центрах постоянной внутренней агентуры, а равно путем устройства на службу к ним, в качестве агентов разведчиков, возможно большего числа подставных лиц стремиться к всестороннему выяснению всей организации иностранного шпионства и преследуемых последним задач. (Пользование двойными шпионами должно быть крайне осторожно и лишь в исключительных случаях.)

§ 4.
Наряду с изложенным в параграфе 3, контрразведывательные отделения обязаны систематически выяснять лиц и учреждения, непосредственно ведущих разведку в России, освещая негласным наблюдением их жизни – деятельность, связи и сношения. В интересах такого выяснения представляется необходимым обслуживать постоянной внутренней (консульской и штабной) агентурой:
1) находящиеся на территории России иностранные консульства и агентства, имея в виду, что в числе их могут оказаться центры военного шпионства, и
2) высшие учреждения военного и морского ведомств, являющиеся главной сферой деятельности шпионов по добыванию секретных документов.

§ 5.

Назначение «консульской» агентуры – освещение внутренней жизни консульства. Необходимо обратить внимание, кто посещает консульство вообще и в неурочное время в особенности, о чем говорят, где именно собираются для более или менее конспиративной беседы, как в таких случаях проникают в квартиру консула (атташе, секретаря), куда и кто из чинов консульства выезжает, не имеют ли место конспиративные выезды (в измененном костюме, внешности, и в необыденное или безусловно неурочное время, или в необыденном экипаже и проч.), на какие адреса получается корреспонденция, каким образом поступает или отправляется из консульства (почтовые, дверные ящики), где хранятся дела консульства вообще, нет ли особых тайных хранилищ, кто и как хранит ключи от них, какие замки и ключи от этих хранилищ (на всякий случай желательно добыть слепки).
Для осуществления этой задачи лучшим средством является приобретение сотрудников (желательно в каждом учреждении не менее двух) из числа прислуги консула или домашних (атташе, секретаря, служащих, родственников и т.п.). Постановке служащих к этим лицам чинами, ведающими контрразведку, не всегда достигает цели, а потому признается более целесообразным использование существующей уже у названных лиц прислуги и других служащих.

§ 6.
Самой плодотворной ареной всех многочисленных иностранных разведчиков являются наши важнейшие в военном отношении пункты, а главной целью их деятельности в этих пунктах – военные учреждения, что и вызывает необходимость организации «штабной» агентуры. Назначение этой агентуры – освещение личного состава военных и морских учреждений, как центральных, так и местных, т.е. штабы, адмиралтейства, военно-окружные штабы с их типографиями, интендантские, артиллерийские и инженерные управления и портовые учреждения. При этом надлежит обращать внимание на отрицательные качества служащих (слабохарактерность, склонность к картам, к спиртным напиткам, увлечение женщинами, болтливость), образ жизни их, особенно если таковой не соответствует материальным средствам, а иногда служебному положению; знакомство, действительную постановку хранения секретных документов и сведений, а равно как нет ли лиц, стремящихся под тем или иным предлогом проникнуть и ознакомиться с упомянутыми выше данными; в положительном случае какие у них к тому основания или способы и к кому из непосредственно стоящих у этого дела лица эти близки (т.е. через кого проникают к интересующему делу). Обративших на себя внимание надлежит подвергать при помощи агентуры непрерывному негласному наблюдению.

§ 7.
Независимо от упомянутых в параграфе 4 учреждений особенному вниманию контрразведывательных отделений подлежат:
1. Иностранные сухопутные и морские офицеры (состоящие на действительной службе, так и в запасе или в отставке), пребывающие в России.
2. Иностранные консулы и чины консульств в пограничных областях России, в зависимости от имеющихся на то агентурах указаний.
3. Представители заграничных заводов, выделывающие предметы вооружения, боевые и военно-технические средства.
4. Семейства и прислуга всех перечисленных выше лиц по указанию агентурной службы.
5. Инородцы, живущие близ границы и в пунктах важных в военном отношении, по указанию агентурной службы.
6. Иностранцы, владеющие магазинами и другими торговыми и промышленными заведениями, публичными домами (на Востоке), иностранцы-комиссионеры, врачи, фотографы, учителя, ростовщики и т.п., т.е. вообще лица, по своей деятельности соприкасающиеся с военнослужащими, по указанию агентурной службы.

Примечание. Необходимо обращать внимание – не имеют ли у вышеназванных лиц пристанища приезжие иностранцы, не посещают ли их военные чины систематически, и стараться приобрести агентуру в этой сфере. Следует иметь в виду, что в пограничных округах часто живут жены иностранных офицеров; необходимо разъяснять причины раздельного жительства, а если таковые не ясны, то установить наблюдение агентурное и наружное, особенно во время приезда мужей.
7. Иностранцы, замеченные в неоднократном переезде границы без всяких видимых причин.
8. Русские подданные, замеченные в частых подозрительных сношениях с иностранцами при наличности каких-либо определенных указаний на иностранцев.
9. Русские военные и классные чины (офицерского звания и нижние чины), особенно из состава высших штабов, адмиралтейств, канцелярий и управлений, живущие выше средств и близко стоящие к военно-секретным сведениям.
Примечание 1. Следует иметь в виду, что лица, вовлеченные в выдачу документов, обыкновенно начинают широко тратить деньги на жизнь (бывали случаи вовлечения в шпионскую деятельность лиц, попавших в тяжелое материальное положение и благодаря начетам, долгам, болезни, любовным увлечениям и т.п.).
Примечание 2. Наиболее типичными чертами лиц, занимающихся шпионством, являются слабохарактерность, тщеславие (получение иностранных орденов) и неустойчивость в нравственном отношении.
10. Русские подрядчики военного и морского ведомств, комиссионеры (особенно евреи), служащие и мастера военных и морских заводов и мастерских, при наличности определенных указаний, а иностранные инженеры на важнейших заводах и независимо от указаний (должны состоять на учете).
11. Лица, замеченные в наблюдении за нашими разведывательными органами.
12. Владельцы и служащие книжных магазинов, наиболее посещаемых иностранцами, особенно магазинов, берущихся достать секретные военные издания, при указаниях агентуры на этих лиц (к таковым обыкновенно принадлежат фирмы, не пользующиеся широкой известностью). Особое внимание должно быть обращено на книжные магазины, торгующие военными изданиями, а также на букинистов.
13. Лица, втирающиеся в военную среду (особенно еврейского происхождения) и завязывающие для этого добрые отношения даже с семействами военнослужащих.
14. Путешествующие с фотографическими аппаратами, производящие промеры, статистические исследования в местах важных и в военном отношении.
15. Лица, служащие в мобилизационных отделениях железных дорог (в этой сфере желательно учреждение агентуры).
16. Станционные и железнодорожные служащие, особенно в пограничных районах, замеченные в частных сношениях с военнослужащими, живущими у границы.
17. Лица, проживающие в пограничных районах, часто получающие из-за границы деньги, не соответствующие роду своих занятий и образу жизни.
18. Родственники лиц, уже арестованные за шпионство.
19. Лица, вызывающие военнослужащих для занятий по публикациям. Эти публикации могут быть использованы контрразведочными органами для установления их авторов и завязки с ними сношений.
20. Гражданские учреждения, ведающие призывом запасных и ополченцев и поставкой лошадей и повозок при мобилизации.

§ 8.
Необходимо иметь внутреннюю агентуру (подобную консульской агентуре) в местах свиданий агентов иностранной разведки с лицами, дающими им сведения. Необходимо также иметь надзор в местах (лавочках, чайных, ресторанах, пивных, народном доме[345]), расположенных вблизи учреждений военного и морского ведомств и

посещаемых воинскими чинами. Желательно в таких общественных местах иметь своих сотрудников из числа служащих.

§ 9.
Лучший способ завязки сношений с лицами, могущими оказать услуги, поставить намеченное лицо в ту или иную зависимость от себя (сделать обязанным себе), приняв предварительно во внимание отрицательные качества намеченного лица, образ его мыслей, политические убеждения, материальное благосостояние его и проч.

§ 10.
Агенты внутреннего освещения должны быть ознакомлены с постановкой (организацией) иностранной разведки и выработанными приемами розыска постольку, поскольку это вызывается положением сотрудника и поставленной ему задачей. Необходимо иметь в виду, что сотруднику даются на первых порах незначительные поручения и исполнение таковых постоянно проверяется и корректируется. Затем необходимо ставить сотруднику более или менее определенные задачи, выполнение каковых настойчиво и последовательно требуется начальником агента.
Основной принцип – начальник руководит агентом, а не наоборот.

§ 11.
Необходимо принимать все меры к тому, чтобы секретные агенты ни в каком случае не обнаруживали бы своего участия в работе контрразведки и никоим образом не выяснили своей роли на предварительном следствии и на суде. В тех же целях необходимо наблюдать за тем, чтобы агенты ни в каком случае не имели при себе документов (инструкций, предписаний и т.п.), могущих обнаружить участие их в работе по контрразведке.

§ 12.
Всякое агентурное сведение, каким бы оно малозначащим ни оказалось, должно подвергаться всесторонней проверке. Только после тщательного обследования и использования всех возможных способов проверки вопрос может быть оставлен, да и то только открытым, так как добытые при разработке сведения, не имеющие в данный момент значения, могут развиваться и во всяком случае будут необходимы для характеристики той иной личности или того или иного момента и явления. Ввиду этого, необходима правильная регистрация всех получаемых сведений по прилагаемым при сем правилам.

§ 13.
В подготовке агентов наружного наблюдения начальник контрразведывательного отделения руководствуется существующими на сей предмет инструкциями и указаниями Департамента полиции, имея при этом в виду, что роль филеров в контрразведке не ограничивается наружной проследкой, но зачастую вызывает необходимость в сыскных приемах, даже в беседах с подозреваемыми лицами и в проникновении в общественные места разнообразного характера (рестораны всех разрядов, кофейни и т.п.). Поэтому младший наблюдательный агент, проведя наблюдаемого в общественное место высшего разряда, для него недоступное, должен немедленно (хотя бы по телефону) вызвать старшего агента или чиновника, оставаясь в наблюдении на улице.

§ 14.
Вообще старшие агенты командируются для исполнения наиболее важных поручений по наблюдению за лицами, прикосновенными к шпионству, им же в случае надобности поручается создание домашней внутренней агентуры, свидания с низшими сотрудниками,

их подготовка и предварительная завязка сношений. Кроме того, на обязанности старших агентов лежат установки лиц, в отношении коих имеются данные агентуры или наружного наблюдения, наведение необходимых в каждом случае справок (собирание примет, сведения о характере, обиходе, времяпровождении, материальном положении и пр.). Старшие агенты должны иметь вполне приличный внешний вид и умение держать себя, обеспечивающие им доступ во все общественные места.

§ 15.

Следует иметь в виду, что наружное наблюдение за лицами, у которых может быть сосредоточено дело разведки, или за лицами, в отношении которых возникло подозрение в измене, может иногда давать достаточный материал для расследования.

Из намеченных филерами лиц неотступному и настойчивому наблюдению подвергаются те, в отношении которых имеются более или менее определенные и серьезные сведения, причем в отношении тех из них, которые почему-либо не могут быть следуемы судебным или административным порядком, в целях прекращения или ограничения успеха их деятельности может быть использовано явное наблюдение (заметное и даже явно бросающееся в глаза наблюдаемому) с целью показать ему несомненность наличности надзора и принудить этим оставить свои происки.

Лица, привлекшие на себя внимание постоянными передвижениями, подлежат наблюдению в пунктах временного пребывания (и даже за границей) на предмет определения лиц, с коими имеют сношения. Об этих последних собираются самые точные сведения.

§ 16.

Если при расследовании как в России, так и за границей возникает необходимость получить за границей такие сведения, которые могут быть доставлены лишь нашими представителями в иностранных государствах (посольствами, военными и морскими агентами, консульствами и тому подобными), то запросы по этому поводу обращаются к начальникам Г.Ж. Упр-ий и Охр. Отд., в Департамент полиции, а начальники контрразвед. отделений через штаб округа в Главное управление Генерального штаба или Морской Генеральный штаб по принадлежности.

§ 17.

По сборе вполне достоверных и достаточно полных данных, не оставляющих сомнений в преступности заподозренных в военном шпионстве лиц, начальники Г.Ж.У. и О.Отд. испрашивают разрешение штаба окр. на производство ликвидации. Особое делопроизводство при отделе генерал-квартирмейстера Генерального штаба или через старшего адъютанта разведывательного отделения штаба округа, по принадлежности, на передачу этих данных жандармским властям, для производства по ним ликвидации.

§ 18.

Получив указание о своевременности ликвидации и разрешение на ее производство через посредство жандармских властей, начальник контрразведывательного отделения обязан:

1) Передать названным властям сводку материалов, собранных им по подлежащему ликвидации делу.

2) По соглашению с теми же властями установить время ликвидации, руководствуясь при выборе последнего соображением о необходимости при аресте подозреваемых захватить неопровержимые вещественные доказательства их преступности.

3) Сообщить тем же властям перечень тех лиц из числа замеченных в сношениях с подозреваемыми, у которых, одновременно с арестом последних, надлежит произвести обыски и выемки.

4) Принимать через посредство тех же властей меры к предупреждению огласки произведенной ликвидации путем печати, когда по обстоятельствам дела таковая огласка представляется нежелательной.

§ 19.
По производстве жандармскими властями ликвидации начальник контрразведывательного отделения обязан быть в курсе всех обстоятельств произведенного названными властями дознания, а равно хода предварительного следствия и судебного разбирательства, извлекая из этих производств те сведения, кои могут быть полезными для контрразведки.

§ 20.
Начальники контрразведывательных отделений, оказывая, в пределах возможного, содействие успеху следствия и дознания, принимают все зависящие меры в целях избежания случаев обнаружения этими производствами секретных сотрудников отделения, а равно приемов агентурной деятельности последнего, для чего им надлежит, в случае надобности в том, входить в личные сношения с прокурорским надзором, судебными следователями и производящими дознание жандармскими офицерами.

§ 21.
Начальники контрразведывательных отделений должны иметь в виду, что успех деятельности последних будет находиться в прямой зависимости от тех личных отношений, которые будут установлены названными начальниками с подлежащими жандармскими и полицейскими властями в подведомственных им районах. В соответствии с сим начальники контрразведывательных отделений о тех должностных лицах, кои оказывают существенное содействие их деятельности, докладывают через Особое делопроизводство генерал-квартирмейстера Генерального штаба или старших адъютантов разведывательных отделений окружных штабов, по принадлежности, на предмет их поощрения.

Б. Борьба с прочими видами деятельности иностранных государств в России, угрожающими внешней безопасности империи

§ 22.
На обязанности контрразведывательных отделений, помимо борьбы с военным шпионством, лежит выяснение и борьба с деятельностью в России иностранных государств, направленною:
1) К созданию в империи внутренних осложнений, способных нарушить успешное течение мобилизации сосредоточение наших войск для войны с упомянутыми государствами.
2) К приращению вооруженных сил последних за счет инородного населения империи.
К мероприятию упомянутых выше категорий относятся:
а) Подготовка в России вооруженного восстания.
б) Подготовка формирования за счет пограничного инородческого населения империи, вооруженных отрядов военной организации (подготовка личного состава, устройство тайных складов оружия, подрывных средств и т.п.).
в) Подготовка к порче искусственных сооружений (ж.-д. мостов, тоннелей, станционных и портовых сооружений, станций, беспроволочного телеграфа, а также всех бакенов, маяков и проч. ограждающих безопасность плавания сигналов и знаков и т.п.) в пограничных районах.
г) Сбор среди инородческого и неблагонадежного населения империи денежных средств на военные надобности.

д) Подготовка забастовок и стачек на заводах военного и морского ведомств, а также на частных заводах, изготовляющих предметы сухопутного и морского вооружения и снабжения.
е) Подготовка порчи механизмов и сооружений на таковых заводах, а также на судах военного флота и на обслуживающих последний судах коммерческого флота.
ж) Устройство и содержание, без надлежащего на то разрешения, частными лицами голубиных станций и радиотелеграфного и телефонного сообщения, а также дрессировка голубей».
Источник: Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. – М., 2001. С. 40–51.

Приложение 13
Циркулярное письмо
директора Департамента полиции Н. П. Зуева начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений
о приобретении в воинских частях вспомогательной агентуры,
7.06.1911 г.

Совершенно секретно
Циркулярно

Милостивый Государь,
В циркулярных письмах от 30 октября и 20 декабря 1910 года за №№ 127306 и 127651 указывалось на необходимость принятия самых энергичных и действительных мер для агентурного освещения революционной работы и оппозиционного настроения в воинских частях. Означенное освещение может осуществляться розыскными органами при помощи войсковой агентуры и агентуры из так называемых «вольных составов», представленной из лиц, принадлежащих к организации, т. е. постоянных сотрудников, и из лиц, не принадлежащих к организации, но соприкасающихся с неблагонадежным элементом и пользующихся его доверием, т. е. вспомогательной агентуры.
При отсутствии в воинской части определившейся революционной организации, соединившей неблагонадежный элемент, работа постоянного сотрудника сводится лишь к предупреждению могущих возникнуть для формирования организации подготовительных действий и к освещению принадлежащих к организации отдельных лиц и их связей; осветить же настроение всех неблагонадежных воинских чинов данной части, в число коих могут войти и те, оппозиционное настроение которых не явилось результатом революционной пропаганды, а возникло на почве недовольства порядком или различными условиями военной службы, постоянный сотрудник не всегда может, а потому для полного освещения воинской части необходимо также иметь и вспомогательную агентуру, которая при надлежащей постановке может оказать серьезную услугу по предупреждению возможных выступлений среди воинских чинов.
В большинстве розыскных органов вспомогательная агентура представлена только из воинских чинов, которые ограничиваются сообщением сведений, касающихся поведения своих товарищей в районе расположения части или же отношений начальствующих лиц к своим подчиненным.
Подобное состояние вспомогательной агентуры не может быть признано достаточным, если принять во внимание, что неблагонадежные воинские чины, при неблагоприятно сложившихся для их преступных побуждений обстоятельствах, вызванных личным составом служащих или же установившимся в воинской части бдительным надзором, становятся крайне разборчивыми в сближениях с сослуживцами, держатся особняком и

свою вредную деятельность до благоприятного случая проявляют вне района расположения воинской части, прибегая к переписке по условному адресу или же к посещению частных квартир, где собираются, не возбуждая подозрения с внешней стороны.
Из поступивших в Департамент полиции сведений усмотрено, что местом этих собраний, иногда и с участием частных лиц, служат небольшие лавки или мелкие мастерские (чаще сапожников), куда под предлогом покупки или заказа заходят нижние чины и, чувствуя себя вне надзора, свободно обмениваются убеждениями, читают нелегальную или запрещенную в обращении среди нижних чинов литературу, более осведомленные из них ведут пропаганду, тут же происходит подготовка к какому-либо выступлению, и, наконец, адресом владельца лавки или мастерской пользуются для секретной переписки.
При таких обстоятельствах одним из серьезных приемов борьбы является использование в качестве вспомогательной агентуры хозяев означенных лавок или мастерских или же лиц, живущих в этих помещениях и присутствующих при посещении таковых посторонними лицами.

Об изложенном сообщается для руководства при освещении деятельности военно-революционных организаций.

Примите, Милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении.
Н. Зуев.

Циркулярное письмо
директора Департамента полиции Н.П. Зуева начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений
об усилении агентурного наблюдения в воинских частях в связи с намерениями ПСР,
26.06.1911 г.

Лично
Совершенно секретно
Циркулярно

Милостивый Государь,
Циркулярными письмами от 30 октября и 20 декабря минувшего года за №№ 127036 и 127651 было уже предложено розыскным органам Империи принять самые энергичные и действительные меры к безотлагательному приобретению секретной агентуры в войсках в целях надлежащего освещения революционной агитации в частях и принятия мер к ограждению армии от растлевающего влияния революционных организаций.
В последнее время в Департамент полиции поступили вполне определенные сведения, что наиболее опасная из революционных партий – партия социалистов-революционеров, потерпев целый ряд неудач вследствие мероприятий, предпринятых в отношении ее со стороны Правительственных розыскных органов, а также и в силу внутренних партийных раздоров, – озабочена возобновлением своей преступной деятельности на таких основаниях, чтобы она дала совершенно благоприятные результаты, в смысле ниспровержения существующего в Империи государственного строя.
В сих соображениях означенная партия, имея в виду, что в произошедших в Турции и Португалии насильственных переворотах решающие роли сыграли именно армии этих государств, как своего рода ударные силы, со своей стороны определила главнейшее внимание свое обратить на революционную пропаганду и агитацию в войсках.
В то же время партия социалистов-революционеров, признает, что хотя революционизирование «солдатских масс», ввиду их исключительной восприимчивости к революционной пропаганде, может быть произведено быстрее и легче, но что все же залог

успеха лежит в революционно настроенной офицерской среде, как в более постоянном и более интеллигентном кадре, имеющем служебное и моральное влияние на подчиненных нижних чинов.
Принимая во внимание, что ни в одной армии нет такого «демократичного» командного состава, как в России, где большая часть офицеров происходит из непривилегированных сословий, благодаря чему офицерство не представляет собою как бы замкнутую касту, партия считает возможным рассчитывать на успех пропаганды, особенно если, по ее предположению, начать вести революционную пропаганду среди воспитанников военно-учебных заведений, дабы из последних выходил в армию уже достаточно распропагандированный элемент.
Важнейшим тактическим приемом партии социалистов-революционеров является в настоящее время призыв университетской молодежи и учащихся в средне-учебных заведениях идти в военные училища, идти в армию, дабы во всех ее частях были адепты партии, занятые подготовкой армии к общереволюционному выступлению.
Сообщая о столь угрожающем намерении революционеров, по поручению Г. Товарища Министра, Командира Корпуса Жандармов, я вновь прошу обратить внимание на необходимость не только возможно полного освещения чисто революционных организаций в армии, но и на необходимость организации самого осторожного, но в то же время действительного наблюдения за всеми явлениями жизни частей войск и общего настроения в них, дабы всегда быть в курсе того, какие из этих явлений могут быть использованы революционными организациями для почвы в преступных целях.
О всем замеченном в этом отношении Вам надлежит неукоснительно сообщать Департаменту полиции, от которого будут исходить надлежащие указания.
Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении.

Н. Зуев.

Циркулярное письмо
директора Департамента полиции Н.П. Зуева начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений
о необходимости усиления агентурной работы в войсках, 02.1912 г.

Совершенно доверительно

Милостивый Государь,
В Департаменте полиции в последнее время получаются указания, что революционные партии помимо определенно поставленной ими цели самым интенсивным образом вести пропаганду и агитацию в войсках, в целях подготовления войск и использования их при общем вооруженном восстании, решили, имея в виду бывшие довольно многочисленные случаи покушений на начальствующих лиц во время маневров в виде мести за строгость и т. п., использовать отдельных нижних чинов и для совершения террористических актов первостепенной важности. Такого рода попытки кажутся революционерам тем более осуществимыми, что во время маневров и смотров высокопоставленные лица находятся обычно настолько близко к частям войск, что часто представляется возможным осуществить злодеяние не только путем выстрела, но и просто штыком.
Вследствие сего вновь в дополнение к циркулярному письму от 30 октября 1910 года за № 127036, прошу Вас всемерно озаботиться приобретением и развитием в войсках секретной агентуры, как главной, так и вспомогательной, для выяснения распропагандированных нижних чинов, кои легко поддадутся подстрекательству революционных организаций на совершение террористических актов при описанных выше обстоятельствах. Общую же агентуру Вам надлежит направлять на выяснение

образования «вольных составов» революционных организаций, на деятельность их среди войск и на своевременное пресечение их преступной деятельности.
Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.
Подписал:
Н. Зуев

Верно:
за Заведующего Особым Отделом подполковник Васильев

Циркуляр
товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского начальникам губернских жандармских управлений, охранных отделений и офицерам Отдельного корпуса жандармов, ведающим розыск,
о недопустимости привлечения к сотрудничеству нижних воинских чинов,
13.03.1913 г.

Совершенно секретно
Циркулярно

В изменение циркуляров от 30 октября 1910 г. № 127306,7 июня 1911 г. № 117885 и 26 июня 1911 г. № 117 983 считаю необходимым преподать нижеследующее:
В течение последних лет противоправительственные партии с особой энергией направили свою деятельность на пропаганду революционных идей и внесение смуты и недовольства среди воинских частей.
Чинам Корпуса жандармов, стражам государственного порядка и борцам с его врагами, надлежит особо зорко следить за проявлениями указанной преступной деятельности и рука об руку с войсковым начальством принимать все дозволенные законом меры к ее прекращению в самом зачатке.
Применение таковых мер и выбор приемов борьбы требуют в данном случае особой осмотрительности и такта, так как приходится иметь дело с воинской организацией, коей присущи свои бытовые и жизненные условия, неосторожное вторжение в которые может повести к весьма печальным результатам.
Прежде всего командир воинской части должен быть вполне осведомлен, если в составе его части есть воинские чины, зарекомендовавшие себя в прошлом какими-либо противоправительственными выступлениями.
Далее на чинах Корпуса Жандармов должна лежать обязанность ограждать войсковые части от вторжения извне в их среду революционных агитаторов, а потому надлежит иметь самый действительный надзор и наблюдение за посещениями лицами, политически неблагонадежными, воинских казарм и за сношениями нижних чинов вне казарм с лицами, проходившими по агентуре, и за посещениями каких-либо сборищ и собраний.
Данными указанных наблюдений, относящимися до воинских чинов, чины Корпуса должны делиться с командирами частей, памятуя, что командир части есть ближайший и главный ответчик за нижних чинов и за сохранение в части порядка и благополучия и что войсковое начальство и Корпус Жандармов в данном случае служат и работают на пользу одного общего дела.
Успех дела, как то указано выше, вполне зависит от выбора средств и приемов и личного такта исполнителей.
Прошу помнить, что я не допущу бесцельного и необоснованного вторжения в область внутренней жизни части, – относящейся всецело к обязанностям ее войскового начальства, – а равно предостерегаю чинов Корпуса от привлечения нижних воинских чинов к сотрудничанию, так как признаю такую меру противною самым основам воинской дисциплины, а потому ничем не оправдываемой и впредь недопустимой.

Поставляя об этом в известность начальников жандармских Управлений, предлагаю ознакомить с высказанными взглядами всех подведомственных им офицеров, причем не допускаю мысли, чтобы кто-либо из офицеров Корпуса мог нарушить мои указания, преследуя интересы личного блага или карьеры.
Подписал:
За Министра Внутренних Дел
Товарищ Министра Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
генерал-майор Джунковский

Скрепил:
Директор С. Белецкий

Верно:
Заведующий Особым Отделом полковник Еремин

Глава 20
Контрразведка во время Первой мировой войны

Когда началась Первая мировая война, борьбу с иностранными разведками продолжили вести Департамент полиции и КРО при штабах военных округов. Процесс перехода системы контрразведки с «мирного» на «военный» продлился до конца 1916 г. Объяснялось это тем, что отдельные подразделения были созданы только в 1915 и 1916 гг.
В конце 1916 г. система военной контрразведки Российской империи включала в себя следующие органы:
КРО[346] (им подчинялись контрразведывательные пункты) штаба военного округа на театре военных действий. КРО входили в структуру военно-цензурного отделения. Последние подчинялись начальникам штабов военных округов;
КРО штаба главнокомандующего армиями фронта. КРО подчинялись начальнику разведывательного отделения Отдела генерал – квартирмейстера;
КРО штаба армий. Контрразведывательное отделение подчинялось начальнику разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера;
КРО ГУГШ, входившего в состав Особого делопроизводства Огенквара ГУГШ, в начале августа 1915 г. было переименовано в Центральное военно-регистрационное бюро (ЦВРБ);
КРО литер «Б» (было создано в ноябре 1915 г.);
КРО Ставки Верховного главнокомандующего (было создано в январе 1916 г.);
КРО штабов военно-морских флотов (например, КРО штаба ЧФ было создано только в октябре 1915 г.);
КРО штабов внутренних (находившихся в тылу) военных округов[347].
Назовем основные причины, из-за которых так долго создавалась описанная выше система.
Во-первых, в «Положении о полевом управлении войск в военное время», которое было утверждено в июле 1914 г., было предусмотрено деление территории России на две зоны: фронт и тыл. Соответственно возникало два военных центра: Верховного главнокомандующего (которому подчинялись фронты и армии) и Военного министерства с входящим в него ГУГШ и штабами тыловых военных округов. Понятно, что такое «раздвоение» управления снижало эффективность взаимодействия «фронтовых» и «тыловых» КРО.

Во-вторых, несмотря на возросшую активность иностранных разведок в тылу, штаты ОКР штабов военных округов не были увеличены, что заметно снижало эффективность их работы. Нужно еще учитывать, что большинство сотрудников этих ОКР были мобилизованы в действующую армию и служили во фронтовых и армейских ОКР. В качестве примера можно указать, что весь персонал КРО штаба Петроградского военного округа был переведен в ОКР штаба 6-й армии, которая дислоцировалась в столице Российской империи[348]. Справедливости ради отметим, что «город на Неве» от этого только выиграл. Правда, такое случалось редко. В большинстве случаев КРО «тыловых» военных округов оказывались сильно ослабленными из-за мобилизации сотрудников в действующую армию.

В-третьих, оперативным обеспечением Ставки Верховного главнокомандующего руководство страны озаботилось только в январе 1916 г. Тогда было создано КРО Ставки. Ему предписывалось «выявление и пресечение шпионажа в районе дислокации Ставки, а также лиц, которые проводят в интересах воюющих с Россией держав действия, могущие нанести вред военным интересам страны. КРО должно было регистрировать всех военных и гражданских чинов Ставки и обслуживающих ее лиц. На отделение была возложена обязанность по объединению деятельности всех КРО на театре военных действий».

Структура КРО Ставки:

оперативные подразделения;

военно-регистрационное бюро[349].

В-четвертых, только осенью 1915 г., чтобы снизить нагрузку на КРО штаба 6-й армии, было создано КРО литер «Б». Это подразделение отвечало за оперативное обеспечение всех предприятий ВПК Санкт-Петербурга[350].

Организация военной контрразведки в ВМФ

В начале прошлого века ситуация с организацией военных секретов в системе ВМС Российской империи была специфичной. С одной стороны, германская разведка не смогла приобрести свою агентуру в Морском главном штабе (МГШ), а с другой стороны, у Берлина были многочисленные тайные информаторы на объектах ВПК Российской империи.

В 1907 г. германская разведка смогла получить тактико-технические спецификации новейших линкоров типа «Севастополь». В 1912 г. в Берлине были получены сведения о строительстве подводных лодках и миноносцев на частных верфях в Либаве и Риге[351].

После хищения «Малой судостроительной программы 1907 года» власти стали уделять повышенное внимание оперативному обеспечению Балтийского флота, а также Морскому ведомству.

В конце 1913 г. на совещании в Вене руководства Военного ведомства Австро-Венгрии было заявлено, что усилия добыть секретные данные, «касающиеся русского Балтфлота, остались пока безрезультатными, вследствие невозможности завязать связь в соответствующих военно-морских сферах…»

В феврале 1914 г. контрразведка приступила к реализации распоряжение военного министра В.А. Сухомлинова об усилении борьбы с военным шпионажем «в отношении флота и обслуживающих Военное ведомство заводов»[352].

История создания органов контрразведки в ВМФ отличается от аналогичного процесса, который происходил в Сухопутных силах. Начнем с того, что только в апреле 1906 г. был создан Морской Генеральный штаб (Генмор). В его структуре появилось отделение иностранной статистики, которое с 1907 г. должно было заниматься «сбором информации о строительстве, планах использования морских сил потенциальных противников России, а также руководством деятельностью военно-морских агентов (атташе. — Прим. авт.) в Швеции, Германии, Италии, Турции и некоторых других странах». Еще одна задача – внешняя контрразведка – вместе с военно-морскими агентами «уделять внимание работе по выявлению организаций и лиц, осуществляющих подрывную деятельность против

российского флота». При этом вопросами контрразведывательного обслуживания непосредственно отечественного ВМФ должны были заниматься Департамент полиции и Разведочное отделение Генерального штаба[353].

При этом Департамент полиции имел опыт борьбы с иностранным шпионажем и деятельностью политической оппозиции, но его позиции в Вооруженных силах были крайне слабы. Это не только негативное отношение большинства офицеров к жандармам и полицейским, но и незнание последними особенностей организации военно-морской службы. Жандармские офицеры начинали свою карьеру в Вооруженных силах, но это были армейские части, а не флотские экипажи.

Ситуация с Разведочным отделением была не лучше. Кроме незнания морской специфики, его сотрудники служили по другому ведомству, а это создавало множество проблем.

И только в 1911 г. Генмор начал проводить работу по борьбе с иностранным морским шпионажем на территории Российской империи. В мае 1914 г. приказом по Генмору был создан специальный отдел, получивший название «Особое делопроизводство», на который возложили руководство разведкой и контрразведкой[354]. В «Инструкции заведующему Особым делопроизводством Морского Генерального штаба» было подчеркнуто, что на делопроизводство возлагается «направление деятельности контрразведки на флоте и в Морском министерстве». При этом этот орган не имел своих подразделений на местах[355]. Да и его штатное расписание – заведующий и три офицера – делопроизводителя[356] – не позволяло заниматься практической деятельностью.

В 1916 г. были созданы пять КРО, которые подчинялись Морской регистрационной службе Генмора. Перечислим их.

На Балтийском флоте:

Финляндское КРО – зона ответственности от госграницы со Швецией до Сестрорецка;

Балтийское КРО – южное побережье Финского залива.

На Черноморском флоте – Черноморское КРО (зона ответственности – все побережье).

На флотилии Северного Ледовитого океана:

Беломорское КРО с зоной ответственности по побережьям Баренцова и Белого морей с упором на Архангельск и Мурманск;

Тихоокеанское КРО – побережье Тихого океана.

Формально этим КРО подчинялись КРО морских крепостей, укрепленных позиций, районов, пунктов и т.п., находящихся в ведении командующих флотами. Кроме того, в подчинении КРО Северного Ледовитого океана находился особый Мурманский КРП (Контрразведывательный пункт)[357].

Их деятельностью руководило созданное в марте 1916 г. в структуре Особого делопроизводства МГШ контрразведывательное отделение – Морская регистрационная служба (МРС). Одновременно были созданы три разведывательных отделения (разведка на Балтийском, Тихоокеанском и Черноморском театрах военных действий (ТВД).

На МРС были возложены следующие задачи:

общее руководство контрразведывательными отделениями на ТВД;

организация военной цензуры «телеграмм, почтовых отправлений и периодической печати»;

изучение корреспонденции иностранных моряков;

наблюдение за частными радиостанциями;

разрешение на выезд из России иностранных подданных»[358].

После гибели 20 октября 1916 г. линкора «Императрица Мария» (в этом не без оснований подозревали германскую агентуру – подробнее об этом будет рассказано ниже) начальник Морской регистрационной службы капитан 2-го ранга Виктор Андреевич Виноградов предпринял необходимые меры по активизации деятельности контрразведки. В начале 1917 г. выступил инициатором созыва совещания, где планировалось обсудить один вопрос: «О создании морской контрразведки». Мероприятие продлилось восемь дней.

В нем приняли участие руководитель разведывательного делопроизводства ГУГШ полковник М.Ф. Раевский, начальник Центрального военно-регистрационного бюро полковник В.Г. Туркестанов, заместитель начальника Морской регистрационной службы МГШ полковник А.И. Левицкий, начальник контрразведки штаба Петроградского военного округа полковник В.И. Якубов и начальник Петроградского морского контрразведывательного отделения полковник И.С. Николаев. Реализовать все идеи не удалось. После Февральской революции из органов военной контрразведки были уволены все жандармы, а также чиновники Департамента полиции[359].
Несмотря на это система военно-морской контрразведки, по крайней мере формально, продолжала функционировать. К октябрю 1917 г. она имела следующую структуру:

Центральная морская регистрационная служба (Петроград):
Петроградское морское контрразведывательное отделение.

КРО штаба Балтийского флота (Ревель):
КРО штаба Свеаборгской крепости;
КРО штаба Або-Оландской укреп. позиции;
КРО в Ботаническом заливе;
КРО штаба Крепости Императора Петра Великого;
КРО штаба Моонзундской укреп. позиции.

КРО штаба Черноморского флота (Севастополь):
КРО штаба Севастопольской крепости;
КРО штаба Очаковской крепости;
КРО штаба Восточного района Черноморского флота (Батуми);
КРО штаба Северо-Западного района Черноморского флота (Одесса);
КРО штаба Керченской укреп. позиции;
КРО штаба Дунайской укреп. позиции;
КРО штаба Мариупольского военного порта;
КРО Николаевского военного порта.

КРО штаба Флота Северного Ледовитого океана (Архангельск):
Мурманский контрразведывательный пункт;
Кемьский контрразведывательный пункт[360].

Кто погубил линкор «Императрица Мария»
В истории гибели линкора «Императрица Мария» до сих пор остаются «белые пятна». 11 июня 1911 г. корабль был заложен на заводе судостроительной компании «Руссуд» в Николаеве и к началу 1915 г. был почти достроен. 30 июня 1915 г. он прибыл в Севастополь и в течение двух месяцев проходил приемные испытания. Было выявлено несколько недоработок. Представляют интерес замечания Постоянной комиссии, проводившей испытания линкора: «Система аэрорефрижерации артиллерийских погребов «Императрицы Марии» испытывалась в продолжении суток, но результаты получались неопределенные. Температура погребов почти не понизилась, несмотря на суточную работу холодильных машин. Неудачно выполнена вентиляция. Ввиду военного времени пришлось ограничиться только суточными испытаниями погребов». В сентябре 1915 г. «Императрица Мария» вошла в состав Черноморского флота. К 25 августа приемные испытания завершились. Участвовала в боевых операциях против германо-турецкого флота.
20 октября примерно через четверть часа после утреннего подъема матросы, находившиеся в районе первой башни линкора «Императрица Мария», стоявшего вместе с другими кораблями в Севастопольской бухте, услышали характерное шипение горящего

пороха, а затем увидели дым и пламя, выбивавшиеся из амбразур башни, горловин и вентиляторов, расположенных вблизи нее. На корабле сыграли пожарную тревогу, матросы разнесли пожарные рукава и начали заливать водой подбашенное отделение. В 6 ч 20 мин корабль потряс сильный взрыв в районе погреба 305-мм зарядов первой башни. Столб пламени и дыма взметнулся на высоту 300 м.

Когда дым рассеялся, стала видна страшная картина разрушений. Взрывом вырвало участок палубы позади первой башни, снесло боевую рубку, мостик, носовую трубу и фок-мачту. В корпусе корабля позади башни образовался провал, из которого торчали куски искореженного металла, выбивались пламя и дым. Множество матросов и унтер-офицеров, находившихся в носовой части корабля, было убито, тяжело ранено, обожжено и сброшено силой взрыва за борт. Перебило паровую магистраль вспомогательных механизмов, перестали работать пожарные насосы, отключилось электроосвещение. Затем последовал еще ряд мелких взрывов. На корабле были отданы распоряжения о затоплении погребов второй, третьей и четвертой башен, приняты пожарные шланги с портовых плавсредств, подошедших к линкору. Тушение пожара продолжалось. Корабль буксиром развернули лагом к ветру.

К 7 ч утра пожар стал стихать, корабль стоял на ровном киле, казалось, что он будет спасен. Но через две минуты раздался еще один взрыв, более мощный, чем предыдущие. Линкор стал быстро оседать носом и крениться на правый борт. Когда носовая часть и пушечные порты ушли под воду, линкор, потеряв остойчивость, опрокинулся вверх килем и затонул на глубине 18 м в носу и 14,5 м в корме с небольшим дифферентом на нос. Погибли инженер-механик мичман Игнатьев, два кондуктора и 225 матросов. Еще 85 человек были тяжело ранены.

На другой день, 21 октября 1916 г., поездом из Петрограда в Севастополь отбыла специальная комиссия по расследованию причин гибели линейного корабля «Императрица Мария» под председательством адмирала Н.М. Яковлева. Одним из ее членов был назначен генерал для поручений при морском министре А.Н. Крылов. За полторы недели работы перед комиссией прошли все оставшиеся в живых матросы и офицеры линкора «Императрица Мария». Было установлено, что причиной гибели корабля послужил пожар, возникший в носовом погребе 305-мм зарядов и повлекший за собой взрыв пороха и снарядов в нем, а также взрыв в погребах 130-мм орудий и боевых зарядных отделений торпед. В результате был разрушен борт и сорваны кингстоны затопления погребов, и корабль, имея большие разрушения палуб и водонепроницаемых переборок, затонул. Предотвратить гибель корабля после повреждения наружного борта, выровняв крен и дифферент заполнением других отсеков, было невозможно, так как на это потребовалось бы значительное время.

Рассмотрев возможные причины возникновения пожара в погребе, комиссия остановилась на трех наиболее вероятных: самовозгорание пороха, небрежность в обращении с огнем или самим порохом и, наконец, злой умысел. В заключении комиссии говорилось, что «прийти к точному и доказательно обоснованному выводу не представляется возможным, приходится лишь оценивать вероятность этих предположений...». Самовозгорание пороха и небрежность обращения с огнем и порохом были признаны маловероятными. В то же время отмечалось, что на линкоре «Императрица Мария» имелись существенные отступления от требований устава в отношении доступа в артиллерийские погреба. Во время стоянки в Севастополе на линкоре работали представители различных заводов, причем количество их достигало 150 человек ежедневно. Работы велись и в снарядном погребе первой башни – их выполняли четыре человека с Путиловского завода. Пофамильная перекличка мастеровых не проводилась, а проверялось лишь общее количество людей. Комиссия не исключила и возможность «злого умысла», более того, отметив плохую организацию службы на линкоре, она указала «на сравнительно легкую возможность приведения злого умысла в исполнение».

Из возможных версий две первые комиссия в принципе не исключала. Что касается злого умысла, то, даже установив ряд нарушений в правилах доступа к артиллерийским погребам и недостаток контроля за находившимися на корабле рабочими-ремонтниками, комиссия посчитала эту версию маловероятной. Возможность злого умысла не подтверждал и адмирал Колчак, который уже спустя 15 минут после начала пожара прибыл на обреченный корабль. В своих показаниях после ареста Чрезвычайной следственной комиссией 24 января 1920 г. Колчак заявил:

«Насколько следствие (комиссия Морского министерства. — Прим. авт.) могло выяснить, насколько это было ясно из всей обстановки, я считал, что злого умысла здесь не было. Подобных взрывов произошел целый ряд за границей во время войны – в Италии, Германии, Англии. Я приписывал это совершенно непредусмотренным процессам в массах новых порохов, которые заготовлялись во время войны... Другой причиной могла явиться какая-нибудь неосторожность, которой, впрочем, не предполагаю. Во всяком случае, никаких данных, что это злой умысел, не было».

Иначе говоря, ни одна из выдвинутых комиссией версий не нашла достаточного фактического подтверждения.

Расследованием причин гибели «Императрицы Марии» также занимались Севастопольское жандармское управление и контрразведывательное отделение при штабе командующего Черноморским флотом (самостоятельное контрразведывательное отделение). Оговоримся сразу: обоим органам не удалось собрать убедительных доказательств того, что взрыв организовала агентура немецкой разведки. Зато это смогли сделать их советские коллеги – украинские чекисты. Так утверждает известный историк Александр Александрович Зданович.

В 1933 г. органами ОГПУ Украины в крупном судостроительном центре страны – Николаеве была разоблачена резидентура немецкой разведки, действовавшая под прикрытием торговой фирмы «Контроль-К», возглавляемой Виктором Эдуардовичем Верманом, 1883 г. рождения, уроженцем города Херсона, проживавшим в Николаеве и работавшим начальником механосборочного цеха «Плуг и молот». Цель организации – срыв судостроительной программы набирающего мощь военного и торгового флота Советского Союза. Конкретные задачи – совершение диверсий на Николаевском заводе имени Анри Марти, а также сбор информации о строящихся там судах, большинство из которых были военными. Этот крупнейший судостроительный завод страны образовался на базе того самого Русского судостроительного акционерного общества «Руссуд», со стапелей которого сошла «Императрица Мария». В ходе следствия выяснилось много интересных фактов, уходящих корнями в дореволюционный Николаев.

Сам Верман являлся разведчиком со стажем. На допросе он рассказывал:

«Шпионской деятельностью я стал заниматься в 1908 г. в Николаеве, работая на заводе «Наваль» в отделе морских машин. Вовлечен в шпионскую деятельность я был группой немецких инженеров того отдела, состоящей из инженера Моора и Гана». И далее: «Моор и Ган, а более всего первый, стали меня обрабатывать и вовлекать в разведывательную работу в пользу Германии».

Так уж сложились обстоятельства, что ему было поручено взять на себя руководство всей немецкой разведсетью на юге России: в Николаеве, Одессе, Херсоне и Севастополе. Вместе со своей агентурой он вербовал людей для разведывательной работы, собирал материалы о промышленных предприятиях, данные о строящихся военных судах подводного и надводного плавания, их конструкции, вооружении, тоннаже, скорости.

На допросе Верман рассказывал:

«Из лиц, мною лично завербованных для шпионской работы в период 1908–1914 гг., я помню следующих: Штайвеха, Блимке, Наймаера, Линке Бруно, инженера Шеффера, электрика Сгибнева». Все они сотрудники судостроительных заводов, имеющие право прохода на строящиеся корабли.

Особый интерес вызвал электрик Сгибнев. Он отвечал за работы по оборудованию временного освещения строящихся на «Руссуде» военных кораблей, в том числе и «Императрицы Марии». В 1933 г. в ходе следствия Сгибнев показал, что Вермана очень интересовала схема артиллерийских башен дредноутов. А ведь первый взрыв на линкоре «Императрица Мария» раздался именно под носовой артиллерийской башней. На одном из допросов он сообщил:

«В период 1912–1914 гг. я передавал Верману сведения в устной форме о строящихся линейных кораблях типа «Дредноут»: «Мария» и «Александр III», в рамках того, что мне было известно о ходе их постройки и сроках готовности отдельных отсеков кораблей».

Таким образом, у Вермана концентрировалась в руках ценнейшая информация о возрастающей мощи русского флота на Черном море. После оккупации юга России немцами его разведывательная деятельность была вознаграждена по достоинству. Из протокола допроса:

«В 1918 г. по представлению капитан-лейтенанта Клосса я был германским командованием за самоотверженную работу и шпионскую деятельность в пользу Германии награжден Железным крестом 2-й степени».

Но вернемся к взрыву на «Марии». В этот период Верман был депортирован и организовать взрыв не мог. Но в Николаеве и Севастополе была оставлена хорошо подготовленная разведсеть. Позднее он сам говорил об этом:

«...Я лично осуществлял связь с 1908 г. по разведывательной работе со следующими городами: ... Севастополем, где разведывательной работой руководил инженер-механик завода «Наваль» Визер, находившийся в Севастополе по поручению нашего завода специально для монтажа строившегося в Севастополе броненосца «Златоуст». Знаю, что у Визера была своя шпионская сеть в Севастополе». Здесь и возникает вопрос – не участвовал ли Визер в «достройке» «Императрицы Марии» или ее ремонте в начале октября 1916 г.? Тогда на борту корабля ежедневно находились десятки инженеров, техников и рабочих. Проход на корабль этих людей не составляет труда. Вот что об этом говорится в письме Севастопольского жандармского управления начальнику штаба командующего Черноморским флотом:

«...Матросы говорят о том, что рабочие по проводке электричества, бывшие на корабле накануне взрыва, до 10 часов вечера могли что-нибудь учинить и со злым умыслом, так как рабочие при входе на корабль совершенно не осматривались и работали также без досмотра. Особенно высказывается подозрение в этом отношении на инженера той фирмы, что на Нахимовском проспекте, в д.355, якобы накануне взрыва уехавшего из Севастополя».

Следствие по делу арестованных в Николаеве германских агентов было закончено в 1934 г. Вызывает недоумение и легкость наказания, понесенного Верманом и Сгибневым. Первый был выдворен за пределы СССР в марте 1934 г., второй – приговорен к 3 годам лагерей[361]. А как иначе можно было поступить в отношении немецкого подданного Вермана, главная вина которого заключалась в том, что «летом 1933 г. ему через секретаря германского консульства в Одессе Гана была передана директива германской разведки о развертывании диверсионной работы, для осуществления которой Ганн предложил ему связаться с инженером Карлом, которому и была поручена непосредственная диверсионная работа по заводу им. Марти»[362]. А фамилия Сгибнева вообще отсутствует в сообщениях, которые руководство органов госбезопасности направляло Иосифу Сталину.

Сам Верман имел косвенное отношение к делу «резидентуры немецкой разведки, действовавшей под прикрытием торговой фирмы «Контроль-К». Заместитель председателя ОГПУ Я.С. Агранов 15 октября 1933 г. доложил Иосифу Сталину:

«ГПУ УССР вскрыта и частично ликвидирована в г.г. Мариуполе и Николаеве диверсионно-разведывательная организация немецкой нац.-социалистической партии, работавшей под прикрытием фирмы «Контроль-К». Ячейки резидентуры этой

организации вскрыты в оборонных цехах заводов – «Имени Ильича» и «Азовсталь» (Мариуполь), «Имени Марти» и «61», «Плуг и молот» (Николаев), в Мариупольском, Бердянском, Николаевском, Херсонском и Одесском портах и в частях XV дивизии (44-й стр. полк, 15-й артполк).

Организацией руководил представитель фирмы «Контроль-К» на Украине Вайнцетель Иосиф (б. австрийский инженер, австрийский подданный). Главными резидентами Вайнцетеля по диверсионно-разведывательной работе являлись:

1. Гришай Рихард, член австрийской организации нац.-соц. партии, инженер конструкторского завода «Плуг и молот»;
2. Карл Густав, б. инженер германской армии, инженер-конструктор завода «Имени Марти», германский подданный;
3. Игтурм Альфред, прибалтийский немец, гр. СССР, представитель конторы «Контроль-К» в г. Николаеве (арестован и сознался).

Из важнейших секретных материалов, добытых немцами, обращают на себя внимание данные об оборонных целях мариупольских и николаевских заводов («А. Марти», «Плуг и молот», «Им. 61», «Им. Ильича», «Азовсталь»), строительство подлодок и спецсудов, рецепты специальной танковой стали «ММ» и «МИ», данные о состоянии XV дивизии и Мариупольского гарнизона и т.д.…

По делу арестовано 28 человек…»[363]

В ходе дальнейшего «разворачивания следствия по делу германской диверсионно-повстанческой организации, работавшей под прикрытием фирмы «Контроль-К», выявлен чрезвычайно широкий размах диверсионно-повстанческой работы организации». Членов организации обвиняли не только в разведывательной деятельности, но и в подготовке серии диверсий[364]. Также «корреспондент – переводчик главной конторы «Контроль-К» Гаман был обвинен в убийстве своей коллеги Михельсон. Согласно версии следствия, «убийство это произошло в силу опасения, возникшего у Гамана, что Михельсон, также являвшейся членом шпионской группы…, в связи с начавшимися арестами некоторых сотрудников «Контроль-К» начала проявлять нервозность и неустойчивость, прямо высказывая неуверенность в себе на случай своего ареста ГПУ»[365].

Понятно, что при таком наборе обвинений следствие мало интересовали подробности разведывательно-диверсионной деятельности отдельных подследственных до 1917 г. Разве кроме даты начала сотрудничества с германской разведкой. Нужно отметить еще один важный факт, на который редко кто из историков обращает внимание. Несмотря на наличие разветвленной агентурной сети германской разведки в Российской империи, линкор «Императрица Мария» стал единственной жертвой диверсантов Бисмарка. Почему, например, не было диверсий на балтийских линкорах? Ведь Восточный фронт являлся тогда главным в войне враждующих коалиций. К тому же балтийские линкоры раньше вступили в строй, да и пропускной режим на них вряд ли был более жестким. Да и германская шпионская агентура в столице империи Петрограде была более развита. Что могло дать уничтожение одного линейного корабля на Черном море, кроме морального удовлетворения Берлина? К осени 1916 г. линкор перестал играть важную роль на Черном море.

Другой важный факт – корабли ВМФ Российской империи, в отличие от других стран – участниц Первой мировой войны, крайне редко становились жертвами диверсантов. Так, в сентябре 1916 г. в Архангельске при сходных обстоятельствах взорвался пароход с боеприпасами «Барон Дризен», который прибыл из США. Тогда погибло 695 человек. В трюмах на момент катастрофы оставалось 1600 тонн взрывчатых веществ, а также металлы и различное оборудование. Согласно выводам межведомственной комиссии, которая расследовала причины трагедии, «все указывало на «злой умысел», на «взрыв с помощью адской машины электрическим способом или с помощью бикфордова шнура с капсюлями гремучей ртути». Подозрение пало на оставшихся в живых членов команды парохода: капитана Ф. Дреймана, навещавшего в городе эвакуированную сюда жену,

старшего помощника Д. Акмана и третьего помощника Н. Козе, находившихся в городе по служебным делам, а также боцмана И. Полько, которого, по его словам, выбросило за борт взрывной волной. Вскоре остался единственный подозреваемый – боцман Полько, в показаниях которого следователи усмотрели много несуразного; он сознался в совершении диверсии и был приговорен к расстрелу (о приведении в действие приговора информации нет)»[366]. На Западе от рук диверсантов пострадало значительно больше судов.

Органы военной контрразведки на Балтийском флоте

К концу 1916 г. в Петрограде и в районах, подчиненных командующему Балтийским флотом, действовало семь контрразведывательных отделений (КРО). Перечислим их:

Петроградское морское КРО было организовано в июле 1916 г., но только к концу года было укомплектовано личным составом;

КРО при штабе командующего Балтийским флотом; начальник – подполковник А.Н. Нордман;

КРО при штабе Свеаборгской крепости; начальник – прапорщик И.К. Симонович;

КРО при штабе морской крепости императора Петра Великого; начальник – старший лейтенант С. С. Калакуцкий;

КРО при Або-Аланской укрепленной позиции; начальник – корнет И.К. Гришковский;

КРО при Моонзундской укрепленной позиции; начальник – ротмистр П.М. Чаркин;

КРО в Ботаническом заливе; начальник – капитан 2-го ранга А.В. Гавришенко[367].

Дело компании «Зингер»

С первых дней войны последовали массовые аресты и высылка германских подданных, лиц с немецкими фамилиями, а также ликвидация, правда только частичная, германских торговых и промышленных предприятий[368]. Большинство сотрудников последних российские правоохранительные органы, не без основания, подозревали в шпионаже в пользу противника.

В качестве примера расскажем о деле немецкой компании «Зингер». Еще до войны за ее деятельностью внимательно наблюдали российские контрразведчики. Ее головной офис находился в Гамбурге, а в Санкт-Петербурге – филиал (в 1912 г. компания была вынуждена перевести свое представительство в Москву, т.к. шпионская деятельность была слишком заметной). Пост директора-распорядителя занимал офицер германской армии А. Флор. В его подчинении находились четыре заместителя, каждый из которых отвечал за свой регион («район») России. В свою очередь, каждый район делился на зоны ответственности «центральных отделений фирмы», в подчинении которых имелись «депо» и сеть коммерческих агентов[369]. Данная структура позволяла обеспечить 100%-ное покрытие территории Российской империи.

При объявлении мобилизации в России германская спецслужба для выяснения численности призванных из запаса нижних чинов использовала разветвленную по всей Российской империи немецкую компанию «Зингер». Каждый ее агент был обязан изучать обслуживаемую им местность во всех отношениях и в течение года несколько раз представлять списки населенных пунктов с точным указанием дворов и жителей. В распоряжении заведующих «депо» имелись карты, на которых записывались необходимые данные. Управляющие центральными отделениями, снабженные картами, объезжали заведующих «депо» 3–5 раз в год, обозначая места проживания представителей администрации, расположение войск, складов, железнодорожных узлов, сооружений и т.д. Сведения особо секретного характера передавались устно при личных встречах. Каждому агенту вменялось в обязанность поддерживать самые лучшие отношения с администрацией, а также военными и гражданскими чинами, предоставлять им льготы при продаже швейных машин. Еще в 1913 г. «Зингером» заинтересовалась военная контрразведка, в частности КРО при штабе Иркутского военного округа.

Сотрудники контрразведки в своей зоне ответственности обнаружили шесть центральных отделений «Зингера»: барнаульское, омское, томское, читинское, иркутское и петропавловское. Каждое отделение имело 89 «депо» по 25 человек каждое. Таким образом, на территории Иркутского и Омского военных округов, по предположению иркутских контрразведчиков, действовало 4450 германских агентов.

В ночь на 2 августа 1915 г. были произведены обыски в помещении иркутского отделения «Зингера» и на квартирах его управляющего Ю. Гейстера, бухгалтера Г. Фридрихса, инспектора фирмы по Восточной Сибири Ю. Латышева и бывшего служащего Ф. Ценнера. У них были обнаружены материалы об урожаях, населенности различных районов, карта городского района с нанесением на ней 50 железнодорожных сооружений и зданий военного ведомства и другие материалы, дававшие основание полагать, что эти лица работали на германскую разведку. Они были арестованы.

Этим дело и ограничилось. Совет министров Российской империи, рассмотрев 18 сентября 1915 г. вопрос о принятии мер в отношении акционерного общества, распорядился приостановить вне театра военных действий дальнейшее закрытие магазинов и отделений «Зингера», а также постановил открыть ранее закрытые учреждения. Справедливости ради отметим, что начальник Генерального штаба генерал от инфантерии М.А. Беляев приказал военным контрразведчикам продолжать наблюдение за деятельностью сотрудников «Зингера». В результате им удалось нейтрализовать несколько резидентур германской разведки[370].

Другие эпизоды «тайной войны»

В начале Первой мировой войны в Одессе была ликвидирована группа из 17 человек, которая передавала в Германию сведения о передвижении русских войск и снабжении артиллерийских частей снарядами[371].

В июне – сентябре 1914 г. была проведена операция по нейтрализации директора Путиловской судоверфи К.А. Орбановского, который намеревался через Приморье вывезти из России секретные документы.

16 августа 1914 г. он был задержан в гостинице «Версаль» во Владивостоке. При обыске у него изъяли: «…судостроительную программу от 1912 до 1930 г. ...технические условия на поставку предметов из стали, выдержки технических условий русского Морского министерства за 1913 г., перечень материалов, необходимых для Ижорского завода, технические условия поставки металлического антимона на Санкт-Петербургский патронный завод, технические условия на поставку предметов из кованой стали…»[372]

С августа 1914 г. по сентябрь 1915 г. КРО штаба Приамурского военного округа были проведены операции против агентуры германской разведки на Дальнем Востоке. В поле зрения контрразведки попал торговый дом «Кунст и Альберс», поддерживавший тесную связь со многими шпионскими группами и передававший сведения немецкому посольству в Китае.

В сентябре 1914 г. во Владивосток прибыл директор Путиловского завода К. Орбановский, доставивший совладельцу «Кунст и Альберс» Даттану чемодан с секретными материалами, собранными в Петрограде. Во время обыска у Орбановского полиция изъяла: судостроительную программу; технические условия на поставку предметов из никелевой стали на Петербургский военный завод; выдержки из технических условий русского Морского министерства за 1913 г., перечень материалов, необходимых для Ижевского оружейного завода, и т.д.

11 октября 1914 г. был арестован как лицо, подозреваемое в шпионаже, совладелец торгового дома «Кунст и Альберс» Даттан. Благодаря наличию высокопоставленных покровителей ему удалось избежать сурового наказания[373].

В 1915 г. Московским охранным отделением Департамента полиции арестовано по подозрению в военном шпионаже 29 человек[374].

Военный чиновник Крылов, секретарь генерала Оранского – начальника штаба Северо-Западного фронта, делал выписки из секретных документов, проходивших через его руки. Записи должен был передать германскому «вербовщику»[375].

Среди других успешных операций российской контрразведки можно назвать разоблачение немецкого шпиона с довоенных времен ротмистра Бенсона, двойных агентов Разведотдела штаба 9-й армии Сентокоралли, Затойскго и Михеля, австрийской шпионки Леонтины
Карнюк[376].

Успехом Департамента полиции можно назвать разоблачение немецкой резедентуры в Новороссийске в 1915 г.[377]. На Юго-Западном фронте до марта 1916 г. было разоблачено 87 австрийских и немецких шпионов[378].

Разведки Германии и Австро-Венгрии с началом боевых действий перешли к массовой вербовке и засылке своей агентуры в прифронтовую полосу расположения русских войск. Ее подготовка велась в специальных разведывательных школах и центрах. Курс обучения длился около двух недель, затем шпионы переходили линию фронта. В их задачу входило добывание сведений о расположении артиллерии, пехоты, кавалерии, о путях сообщения, оборонительных сооружениях, о местах расположения штабов и т. п. На выполнение заданий, как правило, давалось 7–10 дней. Необходимость борьбы с массовой неприятельской агентурой на театре военных действий и побудила правительство России создать дополнительную систему контрразведки. Был выбран верный и эффективный путь – выявлять вражескую агентуру еще при ее обучении, что достигалось зафронтовой работой и сбором данных о деятельности школ при допросах арестованных неприятельских агентов. Уже к середине 1915 г. русская контрразведка располагала именными списками на 23 разведывательных органа австро-германских войск.

Большая контрразведывательная работа проводилась накануне наступательных операций. В немалой степени успех Юго-Западного фронта под руководством Алексея Брусилова[379] в 1916 г. обеспечила фронтовая контрразведка, которая до марта 1916 г. разоблачила 87 австрийских и немецких шпионов. Также с помощью КРО штаба VII армии удалось выявить 37 агентов «немецкой шпионской организации, руководимой неким Вернером»[380].

Активно работали русские военные агенты за границей. Так, полковнику Б.А. Семенову, военному агенту в Румынии, удалось собрать подробные сведения о шестнадцати филиалах немецкой разведывательной службы в этой стране и предоставить в ГУГШ списки более чем на 150 лиц, подозреваемых в агентурных связях с немцами[381].

Кому удалось избежать возмездия

Перечисленные выше разоблаченные агенты иностранных разведок – это лишь вершина айсберга. В жизни успехи российских охотников на шпионов были куда скромнее, чем это пытаются доказать официальные отечественные историки. Так, накануне и во время Русско-японской войны три офицера Генштаба А. Федоров, В. Варский и граф И. Зелинский долгое время воровали секретные документы из фельдъегерской почты Генштаба.

30 сентября 1906 г. пришла депеша начальника штаба Виленского военного округа от Глав. штаба, Управ. ген.-квартирмейстера, Мобилизационного отдела, Отделения XI, стол 4, в которой сообщалось о плохой упаковке секретной корреспонденции. Дело в том, что мешки пришли со следами вскрытия и в них вместо документов прислали макулатуру. Более того, кто-то вложил и опись с ее описанием. Поэтому раньше никто не замечал подмены. Может, и в этот раз все бы обошлось, если бы кто-то не обратил внимание на поврежденную упаковку. Поясним, что секретные документы пересылались в холщовых мешках, горловина которых обвязывалась шнуровкой. На узле и на шнурке ставились сургучные печати[382]. Имена предателей стали известны только после 1917 г.

Другой важный момент. Несмотря на то что Русско-японская война продемонстрировала неэффективность и низкую боеспособность российской системы военной контрразведки в условиях боевых действий, никаких мер по ее совершенствованию принято не было. Когда началась Первая мировая война, то снова дефицит кадров, отсутствие руководящих документов, не проводилось мероприятий по защите от проникновения посторонних лиц в прифронтовую полосу и т.п. И это несмотря на то, что почти десять лет в Санкт-Петербурге активно обсуждались причины поражения русской военной контрразведки[383]. Руководство Военного министерства и Генерального штаба никак не отреагировало на эту дискуссию. В результате, когда началась Первая мировая война, командование российской армии получило целый букет проблем, который так и не смогло решить до 1917 г.

Об этом как-то не принято говорить, но многие агенты германской разведки сумели избежать заслуженного наказания благодаря своему высокому положению в обществе. Речь, в частности, идет о руководителях предприятий ВПК и высокопоставленных чиновниках.

Перед началом Первой мировой войны немецким офицером Ф.К. Шифлером, работавшим в России под «прикрытием» представителя германского оружейного завода «Браунинг», был завербован директор Сестрорецкого оружейного завода генерал-майор Н.Г. Дмитриев-Байцуров. Согласно данным Петроградского городского КРО, «ранее он совершил денежную растрату, на покрытие каковой занял денег у Шифлера, и находится в денежной от него зависимости»[384]. Несмотря на это, генерал-майор продолжал руководить работой предприятия ВПК.

Дело полковника Мясоедова

Отдельные официальные историки среди главных успехов российской военной контрразведки в годы Первой мировой войны указывают на разоблачение ею агента немецкой разведки – переводчика контрразведывательного отделения при штабе 10-й армии Северо-Западного фронта подполковника Сергея Николаевича Мясоедова.

На самом деле обвинение в шпионаже против этого человека было сфабриковано (что продемонстрировано в ряде публикаций[385]), а его невиновность еще в 1967 г. доказал известный советский историк Корнелий Шацилло в статье «Дело полковника Мясоедова». Она была опубликована в журналах «Вопросы истории» № 4 за 1967 г. и «Военно-историческом журнале» № 7 за тот же год.

До Первой мировой войны Сергей Мясоедов служил начальником пограничного отделения С.-Петербургско-Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог, на пограничном пункте Вержболово. В 1907 г. ушел в отставку. В 1910 г. был принят на военную службу и назначен штаб-офицером для поручений при Главном штабе.

В 1911 г. против Сергея Мясоедова началась крупная интрига, возглавляемая одним из лидеров оппозиции Александром Ивановичем Гучковым. В газетах «Вечернее время» и «Новое время» появились статьи с намеками против Мясоедова. 17 апреля 1912 г. в «Новом времени» появилось интервью с Гучковым, который уже открыто обвинил Мясоедова в шпионаже. Потом между ними произошла дуэль: никто не пострадал. После этого скандала Мясоедов снова был уволен в запас, и было проведено расследование, которое не выявило в действиях Мясоедова ничего подтверждающего обвинения в шпионстве.

Когда началась Первая мировая война, то он пошел служить в ополчение. Затем подал рапорт и был переведен в штаб 10-й армии, где служил переводчиком.

В конце января 1915 г. в Петроград прибыл освобожденный из германского плена поручик 25-го Низовского полка Яков Колаковский. Сначала он заявил, что якобы в германском Генеральном штабе ему поручили убедить коменданта крепости Новогеоргиевская[386] и сдать ее за один миллион рублей. При этом нужно учитывать,

что данная крепость не была рассчитана на длительную осаду противником и смогла продержаться не более 10 суток. http://www.grwar.ru/library/BakhurinSpy/BS_01.html .
Затем он сообщил контрразведчикам: «Будучи взят в плен в 1914 г. в бою под Сольдау, но желая возвратиться в Россию, предложил немцам свою службу в качестве разведчика в пользу Германии… При отправлении меня в Россию из Берлина лейтенант Бауермейстер советовал мне обратиться в Петрограде к отставному жандармскому подполковнику Мясоедову, у которого я могу узнать много ценных для немцев сведений».
Начальник Петроградского охранного отделения Константин Николаевич Глобачев допросил его, но не поверил ни одному его слову. Более того, Департамент полиции организовал за ним негласное наблюдение, как за немецким шпионом.
А вот военные контрразведчики, наоборот, не только заинтересовались его похождениями, но и поверили ему. В феврале 1915 г. по инициативе генерал-квартирмейстера Северо-Западного фронта Бонч-Бруевича и начальника контрразведки штаба фронта Николая Батюшина Мясоедов был арестован и обвинен в шпионаже и мародерстве. Началось следствие. Вот только доказать факт шпионажа полковника не удалось. Удалось доказать лишь факт мародерства, что можно было бы инкриминировать многим участникам военных операций в Восточной Пруссии. Несмотря на отсутствие доказательств шпионской деятельности Мясоедова (не считая голословных заявлений поручика), военный суд признал его виновным в совершении именного этого преступления (а не мародерства) и приговорил к смертной казни.
При этом командующий не утвердил приговор, «ввиду разногласия судей», но дело решила резолюция Верховного главнокомандующего Николая Николаевича: «Все равно повесить!»
После войны начальник немецкой разведки Вальтер фон Николаи написал в своих мемуарах:
«Приговор… является судебной ошибкой. Мясоедов никогда не оказывал услуг Германии».
Лейтенант Бауермейстер, который фигурировал в показаниях поручика, заявил:
«Я никогда в жизни не обменялся ни единым словом с полковником Мясоедовым и никогда не сносился с ним через третьих лиц».
К тому же военные контрразведки, которые занимались его делом, сработали явно не профессионально. Вместо того чтобы направить Колаковского к Мясоедову и задержать последнего с поличным, они сначала арестовали последнего, а только затем начали собирать доказательства его вины[387].

Военная контрразведка при Временном правительстве
4 марта 1917 г. Временное правительство приняло решение ликвидировать Отдельный Корпус жандармов (ОКЖ), включая и железнодорожную полицию, и Охранные отделения. Офицеров и нижних чинов ОКЖ предписывалось направлять в строевые части. В результате своих постов лишилось до 90% начальников КРО и их помощников и большинство младших агентов (занимались наружным наблюдением). Фактически почти все кадровые военные контрразведчики оказались не у дел, а многие из них были арестованы. К осени 1917 г. продолжали действовать подразделения ГУ ГШ и Московского военного округа. При этом эффективность уцелевших органов была крайне низка, т.к. в пылу «демократического» угара новые власти сделали все, чтобы раскрыть агентурный аппарат Департамента полиции, который использовался при политическом сыске. В результате имена большинства агентов попали на страницы газет, а те, кто избежал публичной огласки, предпочли прекратить сотрудничество с правоохранительными органами.
При этом Временное правительство, надо отдать ему должное, понимало необходимость существования военной контрразведки. Поэтому 23 апреля 1917 г. генерал Новицкий утвердил «Временное положение о контрразведывательной службе во внутренних

районах». 2 мая 1917 г. Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев утвердил «Временное положение о контрразведке на театре военных действий».
В соответствии с «Положением» для тыловых районов система органов военной контрразведки была следующей. В ГУ ГШ вводилась должность обер-квартирмейстера, который отвечал за разведку и контрразведку. Один из его помощников занимал пост начальника вновь образованного КРУ (контрразведывательного управления), которое состояло, в свою очередь, из центрального КРО и центрального регистрационного бюро.
Начальник КРУ не только руководил работой КРО тыловых военных округов, но и организовывал работу по наиболее важным шпионским делам, возникающим как в Петрограде, так и в окружных КРО.
Центральный КРО занимался:
внешней контрразведкой;
разработкой иностранных дипломатических миссий;
контрразведывательным обеспечением центральных военных и государственных учреждений.
Штат центрального КРО составляли 76 сотрудников (из них 10 наблюдательных агентов и 10 наружного наблюдения).
Центральное регистрационное бюро решало следующие задачи:
организация архива;
информационно-аналитическая работа;
проведение различных экспертиз.
Также в ее структуре функционировала фотолаборатория.
Для театра военных действий в структуре штаба Верховного главнокомандующего было создано КРУ, в состав которого вошло центральное КРО. Также были созданы КРО фронтов, армий и КРО военных округов на театре военных действий. А 25 августа 1917 г. были введены контрразведывательные пункты корпусов. Их начальники одновременно были помощниками руководителей КРО штабов армий.
Сама по себе система работоспособная и логичная. Правда, ее эффективность заметно снизилась из-за кадровых проблем. На посты начальников КРО и их помощников можно было назначать только офицеров Генштаба или лиц с высшим юридическим образованием. Понятно, что те и другие не имели опыта оперативно-розыскной работы. К тому же первые не имели квалифицированной юридической подготовки, а вторые – военной. Эту проблему решили относительно просто. Все кандидаты должны окончить специальные подготовительные курсы. Сохранился запрет на прием в органы военной контрразведки офицеров ОКЖ и сотрудников Департамента полиции. К концу августа 1917 г. Временному правительству все же удалось укомплектовать органы военной контрразведки.
Если деятельность системы военной контрразведки на территории Российской империи была частично восстановлена лишь к концу августа 1917 г., то в самом Петрограде все происходило по-другому. В столице действовал КРО штаба Петроградского военного округа под руководством Б. В. Никитина. Штатная численность сотрудников этого органа – 140 человек. Для сравнения: КРО штаба фронта в мае 1917 г. насчитывало 48 человек. Справедливости ради отметим, что Б.В. Никитин сосредоточил основные усилия своего учреждения на борьбе с большевиками, т.к. справедливо расценивал деятельность последних как эффективный способ подрыва боеспособности российской армии. Также он установил связь со спецслужбами Антанты для разработки большевиков. Из шести делопроизводств КРО два (1-е и 3-е) занимались исключительно политическими делами[388].
Хотя военной контрразведкой занимались не только представители Вооруженных сил Российской империи, но и гражданские ведомства. Так, в июле 1917 г. начал действовать Отдел контрразведки (ОКР) Министерства юстиции. Основной функцией этого органа была борьба со шпионажем воюющих с Россией держав и с насильственными попытками

восстановления старого строя. Фактически этот орган должен был заниматься вопросами политического сыска, в т.ч. и в российских Вооруженных силах.
Летом 1917 г. сотрудники ОКР Министерства юстиции разрабатывали материалы о заговоре в Ставке Верховного главнокомандующего и Генштабе, приверженца военной диктатуры личного ординарца генерала Л.Г. Корнилова кадета В.С. Завойко.
21 сентября 1917 г. ОКР Министерства юстиции было расформировано.

Приложение 14
Доклад
помощника генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего Юго-Западного фронта генерал-майора Н.Н. Духонина
о результатах проверки
делопроизводства и порядка несения службы в одном из контрразведывательных отделений, расположенных в районе фронта. 12 марта 1916 г.

С 8 по 20 февраля сего года, согласно предписанию начальника штаба главнокомандующего армий Юго-Западного фронта от 7 февраля 1916 г. за № 27844, была произведена проверка делопроизводства и порядка несения службы в одном из контрразведывательных отделений, расположенных в районе фронта, причем оказалось следующее:
(…)

Рабочая сила отделения и порядок несения службы в отделении

Состав чинов отделения, как кадр будущего отделения, был в общем недостаточно удовлетворителен как в численном, так и в качественном отношении.
В отношении порядка дальнейшего укомплектования отделения руководствовались требованием параграфа 13 наставления по контрразведке.
Однако отсутствие в штате специального канцелярского состава отделения привело к тому, что из числа наблюдательных агентов 1 старший и 3 младших агента всецело посвящали свой труд канцелярии, не говоря уже о том, что 4 чиновника для поручений и 2 переводчика почти весь свой рабочий день проводят за канцелярским делом, отдаваясь делу розыска в виде исключения.
При таких условиях живому делу контрразведки посвящаются наименее интеллигентные силы состава, а именно агенты наружного наблюдения, и, кроме того, весьма слабо развитой и в численном и в качественном отношении и поэтому мало деятельной секретной агентуры.
Начальник отделения и его помощник, также погрязшие исключительно в канцелярской работе, не могли в должной мере этим слабым силам давать руководящие указания.
К этому необходимо добавить, что из состава отделения работали три чиновника и переводчик по просмотру корреспонденции в качестве военных цензоров, причем в помощь им для распечатывания и запечатывания конвертов, кроме того, назначалось ежедневно два-три агента.
Таким образом, уже в самой организации отделения заключались задатки его недостаточно производительной работы и прежде всего в области, наиболее важной для дела, именно контрразведывательного розыска.
Неудивительно поэтому, что при явном предпочтении канцелярской работы живому делу требования «Наставления по контрразведке в военное время» выполнялись главным образом лишь с точки зрения канцелярской формы, а некоторые из них, как требования параграфа 27 о высылке подвижных наблюдательных агентов в поезда железных дорог, на

пароходы и т.д. отделением не выполнялись вовсе, несмотря на простоту организации такого наблюдения путем высылки железнодорожных наблюдательных агентов.
Равно отделением не принималось побудительных мер через начальника штаба к строгому исполнению жандармскими органами на территории округа параграфа 28 «Наставления по контрразведке в военное время», и сколько-нибудь заслуживающего внимания данных контрразведывательного характера ими не было сообщаемо.
Дело контрразведки до сих пор некоторые чины отдельного Корпуса жандармов, по-видимому, не признают первостепенным в своей деятельности даже в настоящее, военное время, считая, что для розыска по шпионажу имеются специальные органы.
Задачи по наблюдению, обследованию и выяснению даются начальником отделения, а иногда по его указанию чиновниками, заведующими наблюдением, который распределяет их между агентами.
Особых филеров в отделении нет, и обязанности эти выполняются младшими агентами, наведение же необходимых справок, собирание сведений об обиходе, времени препровождения, материального положения, а также наблюдение в особо важных случаях возлагается преимущественно на старших наблюдательных агентов.
Ежедневно из наличного состава агентов наряжаются 2–4 для обследования и на выяснение, все же остальные агенты–на наблюдение.
За одним лицом наблюдение ведется обыкновенно двумя человеками и лишь при недостатке агентов, что особенно часто случается в последнее время, одним.
В период проверки были три таких наблюдаемых.
В настоящее время дежурного агента в отделении не наряжают, так как все агенты находятся в расходе, и если встречается необходимость в экстренной установке наблюдения за новым лицом среди дня, то посылается кто-либо из числа чинов канцелярии, причем особенно часто назначается фотограф.
Командировки агентов в другие города для отвода наблюдаемого или его принятии довольно часты; почти всегда отсутствуют 4–6 человек, причем агенты находятся в поездке в среднем около 4 дней.
Эти командировки, вследствие ограниченности штата отделения, являются большим ущербом для дела, так как многих лиц, подлежащих наблюдению, не представляется совершенно возможным взять в наблюдение; агентам же, назначенным на обследование и выяснение, приходится обследовать вдвое больше лиц, что отражается прежде всего на качестве работы, а затем они часто и не успевают выполнить весь наряд, и его приходится переносить на следующий день.
В среднем ежедневно отделению приходится вести наблюдение за 6–8 человеками, обследовать и выяснить около 20–25 человек.
Работа агентов по наблюдению начинается обыкновенно в 9.30–10.00 утра, если же есть основание предполагать, что наблюдаемый может уйти рано или если он рабочий, около 7.00–7.30 часов утра и кончается в 9.30–10.00 часов вечера, но бывают наблюдаемые, за которыми следят до 12 часов ночи. В том случае, если есть основание предполагать, что наблюдаемый может уехать в данный день по железной дороге, наблюдение кончается с отходом последнего поезда.
Перерывов наблюдения среди дня нет, так как агенты обедают по очереди.
Ночные наблюдения с 12 до 3 часов ночи редки, за все время войны не более 3 случаев.
Обследование и выяснение начинается в 9.00–9.30 часов утра и кончается около 10 часов вечера.
При обследовании и главным образом при выяснении приходится иногда подкупать швейцаров гостиниц и домов и дворников (3 руб. 50 коп.).
После дневной работы агенты собираются в особом помещении при отделении в период с 10 до 11 часов вечера.
Каждый из них сначала докладывает заведывающему наблюдением, а затем составляет рапортичку своей дневной работы.

Сводку этого материала заведывающий наблюдением тотчас же докладывает начальнику отделения, что бывает не ранее 11 часов вечера.
Около 11.30–12.00 часов ночи агенты, получив новые задачи на следующий день, расходятся.
Иногда некоторых агентов зовет к себе для личного, более подробного доклада начальник отделения или чиновник, ведущий данное дело.
В случае неудовлетворительной работы агента начальник отделения большей частью ограничивается лишь выговором.
Свободного времени в последнее время агенты совершенно не имеют (раньше было 1–2 дня ежемесячно).
Наблюдение не производится в самые дни Св. Пасхи, Рождества Христова и на Новый год.
В великую субботу и на вторые дни Рождества Христова и в день Пасхи наблюдение ведется поочередно, по 1/2 дня.
Завязки новых сношений, установление более крупных связей, а равно и вербовка агентов производились главным образом одним из переводчиков, заведывающим наружным наблюдением, и отчасти чиновниками и секретной агентурой.
Никаких серьезных случаев, требующих непосредственного руководства самого начальника отделения или его помощника в отношении выяснения связей заподозренных, в отделении не было.
Агентурная сеть ограничивается почти штаб-квартирой начальника отделения, так как организованные особые контрразведывательные пункты тайной агентуры еще не насадили.
В ближайшем будущем начальник контрразведывательного отделения предполагает разработать новую схему тайной агентуры, а также создать кадры подвижной секретной агентуры на важнейших железнодорожных направлениях района.
Создание параллельно с этим особых контрразведывательных пунктов из чинов наблюдательного состава даст известные точки опоры секретной агентуре, если не всей, то, во всяком случае, ее значительной части (часть согласится работать только с начальником отделения или его помощником).
Работа этих пунктов будет идти в таком случае рука об руку с работой секретных агентов.
Секретная агентура развита недостаточно. Так, упущено насаждение агентуры в пунктах, представляющих богатые источники для контрразведывательной работы, например на некоторых железнодорожных пунктах, где также весьма вероятно нахождение агентов враждебных нам государств, как в пунктах, где легко вести регистрацию проходящих войск и грузов; далеко не на всех заводах и мастерских и в разного рода больших организациях, обслуживающих армию, имеются осведомительные агенты.
Не освещается, например, такая многочисленная и разношерстная по своему составу организация, как Всероссийский Земский Союз, дающая, как оказывается, пристанище для всякого рода отрицательного с военной точки зрения элемента, где, наряду с благородным порывом бескорыстного служения Родине, гнездятся самые низменные поползновения к наживе, уклонения от военной службы и, может быть, военного шпионажа.
Слабо развита агентура в гостиницах, ресторанах, различных увеселительных заведениях, оттуда поступают редкие и малозначительные сведения штучного характера.
Имеющиеся тайные агенты работают вообще вяло, более сильны в области данных им разработок, чем в самостоятельном доставлении сведений о предполагаемом шпионаже.
Случаев обнаружения по их инициативе военного шпионажа не было.
Агенты имеют конспиративные свидания с начальником отделения или, реже, с известным им чиновником. Для таких свиданий имеются две конспиративные квартиры у служащих отделения.

Квартиры эти мною осмотрены и оказались вполне соответствующими своему назначению.
О необходимости свидания агенты сообщают условным письмом с указанием времени.
Сообщенные агентами сведения записываются кратко в особые дневники.
Оплата труда тайных агентов месячная, от 25 до 75 рублей, и, кроме того, оплачивались их счета. Штучников мало.
Выяснение организации разведки противника, ее центров, откуда высылаются агенты, и направления их движения не производилось, и заграничная агентура, требуемая параграфом 32 «Наставления по контрразведке в военное время», отделением не устанавливалась.
Казалось бы, что при более живой постановке дела контрразведки и надлежащего подбора тайной агентуры на местах такая заграничная контрразведка могла создаться легко и естественно.
Что касается выполнения контрразведывательным отделением частных задач, поставленных контрразведке параграфом 33 «Наставления по контрразведке в военное время», изд. 1915 год., в отношении ограждения войск, штабов, управлений, заведений, обслуживающих армию, от проникновения в них агентов противника, освещения личного состава воинских чинов, выслеживания лиц, распространяющих ложные слухи и стремящихся создать затруднения, направленные во вред нашей армии, то, судя по достигнутым за время войны результатам, деятельность отделения была малозначительной и отличалась несколько вялым характером.
За офицерскими чинами наблюдение велось в случаях малозначительных и единичных.
Сотрудниками из нижних чинов отделение не пользовалось, агентурная охрана стратегических мостов была отделением своевременно организована, хотя и в недостаточной мере.
Из заводов и фабрик, изготовляющих необходимые для армии предметы и материалы и имеющихся в районе отделения, агентура установлена лишь на четырех; остается, таким образом, не обследована агентурой большая часть заводов.
В отношении пункта «е» параграфа 33 было издано постановление о регистрации голубей.
Был произведен ряд детальных обследований с приглашенными специалистами сооружений, дающих основание предполагать существование тайной радиотелеграфной станции, но открыть таковые не удалось.
В отношении выполнения параграфа 34 «Наставления по контрразведке в военное время» о всесторонней проверке и быстром обследовании добытых агентурных сведений в отделении имеется достаточно пробелов.
Запоздание и недостаточная обстоятельность в обследовании находят себе некоторое объяснение в крайне ограниченном для отделения штате служащих.
К этому присоединяется крайне неудовлетворительная работа полиции, дающей весьма часто неверные сведения.
Требованиями параграфов 37, 38 и 39 «Наставления по контрразведке в военное время», касающимися порядка производства ликвидации, отделение в общем руководствовалось.
План ликвидации окончательно утверждался начальником штаба.
Исполнительными органами по ликвидации являлись главным образом чиновники отделения, из коих один числился нештатным помощником полицейского пристава, что в значительной степени упрощало производство самой ликвидации.
В более серьезных случаях ликвидацию производит начальник отделения.
При производстве ликвидации чинами контрразведывательного отделения всегда привлекались полицейские власти.
Добытый при ликвидации материал, как-то: переписка, вещественные доказательства разбирались и изучались начальником отделения и чиновником, непосредственно ведающим этим делом.

Окончательное решение, на основании изучения добытого материала, утверждалось начальником штаба.
Все задержанные в пределах округа, согласно требования параграфа 40 «Наставления по контрразведке в военное время», зачислялись за штабом.
Ко времени проверки отделения за штабом числилось 11 арестованных.
Случаи передачи дел проверяемым контрразведывательным отделением в другие контрразведывательные отделения за время текущей войны имели место, причем высылались все добытые и имеющиеся в отделении по делу сведения и материалы.
Ознакомление мое во время проверки контрразведывательного отделения с личным его составом, путем просмотра дел, личных бесед и опросов, а также с тайной агентурой путем просмотра доставленного ею материала и наведения о ней справок, дает мне основание доложить следующую характеристику вышеупомянутых лиц и их служебных качеств, дабы вполне представить ясно степень работоспособности контрразведывательного отделения в области его специальной деятельности.

Чины контрразведывательного отделения

Помощник начальника отделения
Эту должность с 3 октября 1915 г. исполняет бывший строевой обер-офицер. Он ведает всей перепиской, исходящей из штаба по делопроизводству контрразведывательного отделения (но не только по контрразведке, и большую часть времени находится в штабе.
В отделении бывает утром приблизительно с 9.30 до 11 часов и вечером с 9.30 до 11.30–12 часов ночи.
Подготовляет доклады начальнику штаба, наводит необходимые справки.
Толковый, основательный работник, но в деле контрразведки еще малоопытный, несколько болезненный.

Чиновники:
1. Бывший штабс-капитан. Уволенный из полка по суду чести, по его уверениям, за роман с женой товарища, по словам офицеров полка, за растрату денег офицерского собрания, хозяином которого был, и за ряд других неблагоприятных поступков.
Разумный, но несколько легкомысленный; ловкий, с внешним лоском, нравственности несомненно условной, и пережитая катастрофа не случайность.
Работает легко и упреков пока не заслуживает, но смотрит на свое положение, как на случайное, только потому здесь, что выбит из колеи и деться некуда.
Ныне, «благодаря своей связи», как он выразился, ему предложили должность члена землеустроительной комиссии.
2. Бывший правитель канцелярии одного из губернаторов, уволенный от службы за растрату.
Вполне интеллигентный, достаточно образованный, с хорошим знанием французского, немецкого и польского языков, умный, опытный, мог бы принести отделению незаменимую пользу, но наряду с этим ленивый, иногда до полной апатии ко всему; опустившийся, считающий себя «бывшим» человеком, с крайне извращенными половыми инстинктами, и поэтому ослабевший физически; он не в состоянии уже работать с должной продуктивностью и нуждается в неослабленном наблюдении и в понудительных мерах.
3. Молодой, недавно окончивший юридический факультет Киевского университета, из бедной мещанской семьи; разумный, энергичный, с инициативой и желанием работать на пользу дела.
Дорожит местом и, по-видимому, своим служебным положением удовлетворен.
Это «настоящий», а не «бывший» человек.

Полезный и желательный канцелярский чиновник; в деле розыска, где нужна врожденная способность, показать себя не имел случая и потому судить о нем, как о чиновнике для поручений по розыску, не могу...
4. Вся жизнь прошла в полиции, в охранных отделениях в качестве старшего филера, наблюдательного агента.
Работал в провинции и в Петрограде.
Опыт по части наблюдения большой, и есть не только привычка, но и любовь к этому делу; но наряду с этим, недостаточное развитие, некоторая болтливость, отсутствие выдержки и уравновешенности ослабляют его ценные качества как агента; как чиновник хотя и старательный, но недостаточно грамотный и развитой, не соответствует своему назначению...

...Старшие агенты:
1. Бывший унтер-офицер полевого жандармского эскадрона, служит с 20 июня 1914 г., окончил 2-классное училище.
В мирное время служил младшим наблюдательным агентом в Киевском контрразведывательном отделении, но был уволен за лень.
Получает задачи по обследованию и выяснению.
В последнее время обследуется много греческих и французских подданных, прибывших по торговым делам.
Толковый агент, но для должности старшего наблюдательного агента недостаточно интеллигентен.
2. Бывший писарь губернского жандармского управления, окончил сельскую школу и выдержал экзамен на зауряд-военного чиновника[389]. Служит с 1911 г.
В мирное время был в контрразведывательном отделении писарем на машине[390]; со дня мобилизации – старшим наблюдательным агентом.
Получает задачи по обследованию и выяснению.
Бывают случаи, что приходится отложить выполнение части задачи до следующего дня, за полной невозможностью выполнить ее в один день.
Довольно толковый, выдержанный, но мало интеллигентный для старшего наблюдательного агента.
3. Служит с 1 марта 1914 г., в мирное время был младшим агентом; на военной службе состоял в пехотном полку; окончил сельскую школу.
Большей частью бывает в наблюдении и лишь иногда в обследовании и выяснении.
Малоинтеллигентный, но, по-видимому, твердого характера и надежный человек.
4. Служит с 18 июля 1914 г., окончил 2-классное министерское училище; на военной службе не был.
Хотя числится агентом, но в действительности ведает журналом входящих и исходящих бумаг. Получает и отправляет пакеты, в том числе и денежные.
Является исключительно канцелярским служащим.

Младшие агенты
1. Служивший ранее в контрразведывательных отделениях, служит с 20 мая 1915 года.
Объяснение о переходе на службу из предыдущего отделения не вполне удовлетворительно, ссылается на дороговизну жизни. На военной службе был старшим писарем в пехотном полку. Окончил городское училище...
2. Служит с 23 июля 1915 г., окончил народное училище, ратник 2-го разряда.
Малоразвитой.
3. Служит с 20 июля 1914 г., на военной службе состоял в крепостном пехотном полку.
Довольно толковый, но малограмотный и малоинтеллигентный.
4. Служит с 20 июля 1914 г., ратник ополчения 1-го разряда, кончил одноклассное училище.

Имел одно наиболее серьезное наблюдение совместно с другим агентом.
Потеряв наблюдение на станции Раздельной, отыскал наблюдаемого и восстановил наблюдение.
Довольно смышленый и надежный.
5. Служит с 7 февраля 1915 г., окончил одноклассное училище.
Раньше был писцом в Губернском правлении.
Недостаточно интеллигентный, вяловат и малоразвитой…

Переводчики
1. Галичанин, служит с июля 1915 г., знает украинский, польский и немецкий языки.
Получил образование в гимназии и был в пехотном полку вольноопределяющимся, а потом переехал в Россию и служил сначала в округе путей сообщения, впоследствии секретарем магистрата, оттуда попал в жанд. офиц., а затем в отделение.
Раньше служил в штабе чиновником для поручений.
Принял русское подданство в 1912 г. ...
2. Еврей, служит с мая 1913 г. Сначала был секретным сотрудником. На военной службе состоял в пехотном полку.
Уроженец штаб-квартиры начальника отделения и знает ее отлично; сначала торговал рыбой, а последние 7 лет имел временные занятия в банках, работал на бирже, выполняя мелкие поручения.
Ввиду незначительной работы по переводам, привлекается к ведению переписки по денежной отчетности и к розыскной работе.
Каждое утро и после обеда бывает в кофейнях и известен многим как еврейский цензор.
Юркий, умный, понимающий людей и имеющий большую склонность к розыску, но не переводчик и тем более не канцелярский служащий по денежной отчетности...
Фотограф – служит с начала мобилизации 1914 г. Раньше работал по фотографиям.
На военной службе не был. Окончил три класса художественного училища.
Назначается в наружное наблюдение тогда, когда много наблюдаемых и некому наблюдать.
Не особенно, по-видимому, толковый и едва ли полезен как наблюдательный агент.
Начальник отделения мне докладывал, что его не удовлетворяет выбор чиновника для поручений, ведающего контрразведывательным пунктом, так как первые его служебные шаги заставляют сильно сомневаться в правильности его назначения на эту должность.
Старший наблюдательный агент, работающий на контрразведывательном пункте, судя по достигнутым результатам, недостаточно опытен в деле.
Из вышеизложенного видно, что в отношении состава служащих, в особенности чиновников и старших наблюдательных агентов, надлежало бы проявить более строгий выбор в соответствии с предъявляемыми требованиями и отказаться от точного определения окладов содержания.
Шаблонной системы штатной оплаты известной должности надлежит противопоставить систему дополнительных денежных наград...
...Для каждой должности необходимо установить минимальный и приблизительно максимальный размеры; в отношении последнего допускать, в зависимости от приносимой служащим пользы, больший простор.
Надо отказаться от мысли, что повышение оклада обязательно должно быть связано с переходом на высшую должность.
В деле контрразведки каждая должность требует особых способностей.
Наблюдательный агент может в своей должности проявить не только полное соответствие, но и талант, между тем этот же агент окажется совершенно непригодным для обследования, выяснения и тем более не будет годиться для канцелярской работы.
Применяя в широкой степени поощрительную систему денежного вознаграждения служащих, оказавших действительные услуги контрразведке, надлежит соответствующим

уменьшением оклада, вплоть до самого минимального оклада, присвоенного должности, штрафовать агентов, проявивших нерадение к службе.
В отношении же военнообязанных необходимы более строгие меры, вплоть до предания суду и отчисления в строй рядовым.
Такими мерами, возможно, искоренить подчас инертное отношение к делу службы, проявляемое служащими, и различные их домогательства.
Необходимо соответствующей разработкой штата контрразведывательного отделения избегнуть крайне нежелательного ослабления состава наблюдательных агентов назначением их в канцелярии, а также отнюдь не отвлекать служащих отделения к работе, ничего общего с делом контрразведки не имеющей.

Секретные сотрудники отделения
1. Почтово-телеграфный чиновник, служит с 1 июня 1911 г.; доставляет почтовую корреспонденцию по данным ему указаниям и по собственному выбору из корреспонденции «до востребования».
Исполняет поручения по делам, касающимся почтово-телеграфного ведомства.
Результат работы за время войны: несколько случаев обнаружения уголовного и отчасти политического характера.
Условия военного времени в большой степени ослабили значение этого сотрудника, так как перлюстрация заменена законным просмотром писем военной цензурой; отличительные черты этого агента: добросовестность и должная конспиративность, доказательством служит его продолжительная работа при весьма чутком отношении к подобного рода деятельности его товарищей, почтово-телеграфных чиновников.
2. Жена чиновника для поручений контрразведывательного отделения Штаба армии, служит с 1 августа 1911 г., дает сведения случайного характера, имея связи среди польского коренного общества и среди служащих железных дорог.
По своим качествам и по многочисленным знакомствам могла бы быть полезной.
Доставленные сведения за время войны более чем скудны и в большинстве не требовали от нее, как агента, абсолютно никакого искусства и усилий, являясь сведениями штучного характера.
Агент, несомненно, распустился и ничего не делает, получая зря деньги.
Причина–отсутствие руководства его работой и халатность чиновника, регистрирующего эту работу.
Надо предъявить требования и проследить за результатом их выполнения или отказаться от такого агента.
3. Чиновник, служит с 1 июня 1913 г., дает сведения по освещению различных слоев населения.
Деятельность этого агента, по сравнению с другими агентами, отличается несколько большей продуктивностью, хотя, в общем, недостаточно для агента.
Наиболее ценен по разработке уже имеющихся сведений.
4. Бывший капитан речного судоходства, служит с 1 июня 1914 г.; является местным старожилом, имеет много знакомых и, как еврей, пронырлив.
Результаты: не обнаружил ни одного шпионского дела, в разработках слаб.
Несомненно мог работать с достаточной продуктивностью, будучи завсегдатаем кофеен, биллиардных, ресторанов; теперь зря получает деньги, абсолютно не принося никакой пользы и, по моему мнению, подлежит увольнению и выселению из района отделения за недобросовестное выполнение взятых на себя обязательств.
5. Конторщик завода, служит с 1 марта 1915 г. Первоначально освещал деятельность отделения фирмы «Зингер и компания», доставляя сведения о ней.
В настоящее время дает сведения о деятельности завода, а явно и другие случайного характера.
Как агент, освещающий настроения служащих завода, удовлетворителен.

6. Конторщица, работающая на пишущей машине. На службе с 15 июня 1915 г.
Местная старожилка, имеющая обширный круг знакомства, получает задачи по разработке тех или иных сведений.
Разоблачений шпионского характера не представляла.
Малоценный по своей работе агент, но возможно, что и выработается при хорошем руководстве, так как задатки, необходимые для этого, имеются.
7. Родственница чиновника отделения, служит с 1 июля 1915 г.; дает малозначительные сведения о текущих явлениях городской жизни, исполняет поручения по получаемым заданиям.
Пока бесполезный агент, ибо дает сведения вроде того, что на железнодорожной станции появляются подозрительные лица, вступающие в разговор с нижними чинами.
8. Бывший австрийский офицер, жил в России еще в мирное время. В отделении служит с 1 сентября 1915 года, состоял одновременно на службе в одном из консульств.
Сообщает сведения об австрийских подданных и о поляках.
Сведений изобличающего характера нет; добросовестно исполняет поручения по данным задачам, но по собственной инициативе дал очень мало.
При хорошем руководстве мог бы продуктивно работать.
9. Поляк, русско-подданный, частный поверенный, несколько лет жил в Австрии, работает с 1 ноября 1915 г.; освещает польскую колонию, знает хорошо австрийских поляков; никаких сведений в контрразведывательном отделении по собственной инициативе не получено.
Исполняет поручения по разработкам. Может работать, но пока удовлетворителен лишь в разработке сведений.
10. Мастер порохового завода. Служит с 1 ноября 1915 г., освещает настроение порохового завода, изготовляющего взрывчатые вещества.
За время службы доставил в двух случаях серьезные сведения политического характера, находящиеся в разработке по согласованию с начальником губернского жандармского управления.
Сведений, изобличающих шпионство, не было.
Как агент на заводе – удовлетворителен.
11. Мелкий землевладелец. Служит с 1 декабря 1915 г. Доставляет сведения о настроении крестьян, евреев района, примыкающего к пунктам расположения мостов.
Случаев изобличения шпионов до сего времени не было.
Как агент по охране мостов – удовлетворителен.
12. Заводской машинист. Служит с 1 декабря 1915 г. Следит за деятельностью завода и дает сведения о случаях и на других заводах.
Сведений изобличающих не доставил.
Слабый агент, нуждается в большом руководстве.
13. Рабочий арсенала. На службе с 1 января 1916 г. Дает сведения о деятельности арсенала.
За короткое время службы сотрудника сведения эти достаточно интересны.
Из изложенного видно, сколь малочисленна и бедна в качественном отношении в настоящем составе секретная агентура контрразведывательного отделения.
Подбор ее в значительной степени случайный.
Большая часть агентов попала в отделение благодаря родственным связям со служащими – и лишь в отношении нескольких агентов, главным образом в заводских предприятиях, был произведен некоторый выбор – и поэтому результаты их разработки оказались более удовлетворительными.
К отсутствию должного подбора агентуры необходимо добавить еще и неудовлетворительное руководство ею, ибо ничем иным нельзя объяснить, почему агенты, способные по своим личным качествам к работе, в действительности в течение

длительного времени не давали никакой работы или доставляли сведения, не имеющие агентурной ценности.
Некоторые из агентов, по-видимому, не отдают себе вполне ясного отчета, в чем заключается военный шпионаж.

Делопроизводство отделения

В делопроизводстве отделения обращает на себя внимание
1. Значительное количество дел, не имеющих не только прямого, но большинство и никакого отношения к контрразведке; часть этих дел возникла по инициативе отделения, других контрразведывательных отделений и жандармских управлений.
2. Некоторые бумаги, могущие послужить при разработке хорошим материалом по контрразведке, но получившие слишком запоздалое и далеко не исчерпывающее исполнение, вследствие недостаточно внимательной оценки их значения; вообще замечено некоторое замедление в исполнении бумаг в отделении, главным образом относящихся к делопроизводству чиновников для поручений.
3. Излишне большое количество письменных докладов начальника отделения вместо представления непосредственно для подписи бумаг, вытекающих из данного вопроса.
4. Неразработанная редакция некоторых бумаг, списанная почти дословно из малограмотных агентских рапортичек без надлежащей оценки сведений по их существу.
5. Затруднительность наведения справок, ибо все подлинные доклады остаются в делах не отделения, равно как черновики бумаг, исполненных по этим докладам, а в штабе; таким образом, в контрразведывательном отделении нет следа дальнейшего направления дела.
6. Слишком большое число лиц, посвященных в дела отделения, что, конечно, не может способствовать сохранению необходимой конспиративности работ...

Регистрация
(параграфы 47–55 Наставления по контрразведке)

Карточки алфавита имеются установленных двух цветов: красные – на заподозренных лиц и белые – на лиц, лишь проходивших через дела отделения; рассортированные в алфавитном порядке начальной буквы и хранятся в ящиках, особых для каждой буквы (1–2 на каждую букву, обоих цветов).
Состояние карточек со временем выхода наставления по контрразведке правильно, но карточки, ранее изготовленные, не просматривались и остались белого цвета и на лиц заподозренных. Казалось бы, пересмотр этих карточек, ввиду важного значения регистрации в деле контрразведки, необходим хотя бы постепенный.
Проверка по делам отделения правильности ведения регистрации указала, что в составлении регистрационных карточек имеются пропуски.
Процент таковых в отношении общего числа проверенных карточек сравнительно незначительный, но полагаю, что точность в регистрации должна быть самая строгая, доведенная до 100%, и на обязанности начальника отделения и его помощника лежит самая тщательная и возможно частая проверка правильности ее ведения.
Согласно п. «б» параграфа 47, регистрационные карточки алфавита белого цвета составляются для всех лиц, проходящих по делам контрразведывательного отделения, но не заподозренных в шпионаже.
Между тем при составлении карточек не использованы следующие сведения, регистрация коих могла бы послужить материалом для контрразведки:
а) списки приезжающих в Россию иностранцев; из этих списков заносились лишь фамилии иностранцев, заявивших о том, что они едут в район отделения, т.е., может быть, потому и менее всего опасных в отношении их деятельности в этом районе;

б) сведения полиции об иностранцах, прибывающих в район отделения; списки эти в отделении лишь проверяются по регистрационным карточкам;
в) списки рабочих на заводах, приготовляющих предметы вооружения и снаряжения.
Регистрационные листы № 1 на заподозренных лиц, составленные согласно приложению 4 к параграфу 48 «Наставления по контрразведке», находятся в особом деле; ко дню проверки 14 февраля оказалось 17 листов; по мере получения новых данных составляются дополнительные регистрационные листы.
В деле составления регистрационных листов отделением проявляется большая осторожность.
Более или менее значительных шпионов не зарегистрировано.
Дактилоскопические и фотографические снимки имеются почти на всех листах.
Примечание параграфа 48 «Наставления по контрразведке» о пользе составления в отделении фотографических альбомов на регистрируемых лиц, с отметкой на альбоме номеров регистрационных документов, отделением не выполняется, что является, на мой взгляд, существенным пробелом.
На практике часто приходится убеждаться в огромной и ничем не заменимой пользе, приносимой таким альбомом при установлении личности.
Альбом желательно иметь не только на лиц, на коих составляются регистрационные листы, но по возможности и на в тех, на которых составляются красные карточки, причем к каждой заномерованной карточке должно составляться в книге пояснение со справочными данными о данном лице.

Хранение дел

1. Все дела, за исключением тех, коими ведает непосредственно начальник отделения, хранятся в обыкновенных шкафах за замками, ключи от которых на общей связке находились до последнего времени у старшего наблюдательного агента, второй их экземпляр – у начальника отделения.
Считаю, что первый экземпляр ключей должен быть у помощника начальника отделения.
Текущие бумаги оказались запертыми в ящиках письменных столов тех чиновников, которые ими ведают.
В секретном несгораемом шкафу при проверке оказались:
1. Шифры: а) военный, б) для сношения с губернаторами и начальниками губернских жандармских управлений, с начальниками городской и уездной полиции, в) частный ключ прокурорского надзора.
2. Наставление по контрразведке.
3. Австрийские и германские паспортные бланки, высылаемые по требованию контрразведывательного отделения армии.
4. Мобилизационный план и записка контрразведывательного отделения;
5. Личный входящий и исходящий журнал.
6. Дела №№ 1, 7, 9, 22 за текущий и предыдущие годы.
7. Инструкция для тайной и разведывательной службы в Австрии.
8. Различные инструкции, издаваемые разновременно по контрразведке.
9. Дневник тайных агентов и данные перлюстрации мирного времени.
10. Деньги.
Два верхних ящика несгораемой кассы оказались запертыми бывшим начальником контрразведывательного отделения; что хранится там, начальнику отделения неизвестно, так как ключа ему не было оставлено.
В запертом столе начальника отделения оказались секретные приказы, приказания и циркуляры, секретное расписание войск округа, печати, тетрадь с фотографическими карточками охранных агентов, денежная отчетность за текущий и прежние года, карта со стратегическими мостами на реках.

Заключение
о деятельности
контрразведывательного отделения

Общая цель контрразведки, согласно параграфу 1 «Наставления по контрразведке в военное время», заключается в обнаружении, обследовании, разработке и ликвидации в кратчайший срок всякого рода шпионских организаций и агентов, тайно собирающих сведения о наших вооруженных силах и вообще всякого рода сведения военного характера.
С этой точки зрения контрразведывательное отделение не дало за время войны сколько-нибудь останавливающего внимание материала. Возникавшие дела оказывались по обследованию и разработке не шпионскими и были ликвидированы; обследование и разработка материала, полученного отделением, иногда давали некоторые данные уличающего характера, но главным образом касались дел незначительных и в большинстве передавались в контрразведывательные отделения других округов и армий.
Были случаи явно погасших дел вследствие недостаточности и главным образом несвоевременности их обследования и разработки; ликвидация дел в кратчайший срок, тесно связанная с качествами разработки первоначально добытых сведений, не могла быть при вышеозначенных условиях успешной.
Причины такой неудовлетворительной работы отделения заключаются в:
– неправильной организации и общей постановке службы отделения, представляющего собою преимущественно канцелярское учреждение, обремененное вдобавок делами, часто ничего общего с контрразведкой не имеющими, а не розыскной орган по делам военного шпионажа.

– не вполне соответствующем своему назначению составе служащих.
– крайне бедном в численном и в качественном отношения составе тайной агентуры и отсутствии, помимо резидентов, подвижного наблюдения на важнейших направлениях.

Желательные мероприятия в целях рациональной постановки работы контрразведывательного отделения соответственно с его назначением

1. Ограничение круга ведения контрразведывательного отделения исключительно делами, имеющими отношение к контрразведке. Отнюдь не возлагать на отделение разработку различных негласных данных, ведение переписки по выселениям иностранцев, производство секвестров имущества, полицейских обысков и т.п., ничего общего с делом контрразведки не имеющих.
2. Придание отделению иной, более жизненной организации, которая обеспечивала бы возможность правильного его функционирования соответственно с прямым назначением...
3. Более строгий подбор служащих, а равно и секретной агентуры отделения; последнюю насадить во всех важнейших местах и направлениях возможного шпионажа и работы агентов враждебных государств во вред нашей армии; придать более широкое развитие контрразведывательным пунктам.
4. Необходимость более широкого содействия со стороны губернских жандармских и железнодорожных полицейских жандармских управлений, а также общей полиции в деле контрразведки.

Подлинный подписал:
генерал-майор ДУХОНИН».

Источник: Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. – М., 2001. С. 60–79.

Приложение 15

Автором публикуемого документа предположительно является начальник Центрального контрразведывательного отделения Главного управления Генерального штаба. Документ составлен не ранее июня – не позднее 29 ноября 1917 г.
Центральное контрразведывательное отделение ГУ ГШ было вновь образовано в мае 1917 г. в связи с реорганизацией органов контрразведки после Февральской революции. В задачи отделения входило: наблюдения за иностранными миссиями, аккредитованными в России; наведение справок и переписка по делам военнопленных и о лицах, переезжающих границу; наблюдение за иностранными предприятиями и обществами; расследования и переписка по материалам военной цензуры; наблюдение за лицами из числа населения, подозреваемыми в шпионаже, главным образом военнослужащими. Кроме того, отделение наблюдало за военными заводами.
При публикации документа взята лишь та его часть, где раскрывается деятельность немецких фирм в России. Опущена часть документа, освещающая деятельность фирм в Швеции, Дании, Норвегии, Японии, США.
Текст документа приводится в соответствии с современной орфографией и пунктуацией.

1. Германская разведка при посредстве торгово-промышленных предприятий

Промышленность Германии является важнейшим союзником германской армии. Лишь благодаря высшей степени ее организованности возможно то сопротивление, какое оказывает наш противник натиску союзных держав в течение трех лет войны.
Организация германской промышленности для целей военных и мирного захвата других государств и народов началась тотчас же после франко-прусской войны, когда выяснилась с полной определенностью исторически-логическая неизбежность общеевропейского столкновения, причины которого маскировались немцами под видом экономических кризисов и катастроф; на самом же деле причины эти таились в политике мировой гегемонии, неуклонно проводимой Германией...
Главной задачей, решить которую были призваны германские промышленники в России, Франции и Англии, являлось осведомление о развитии производительных сил страны, противодействие этому развитию и агентурная разведочная служба.
Осведомление о развитии производительных сил иностранных государств совершалось немецкими промышленниками с большой легкостью вследствие той близости к вопросу о военных заказах и всех тех отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности, которые в большей или меньшей степени касались вопросов обороны страны. Нет ни одной области промышленности в России, где бы немецкий капитал и руководящие им лица не играли выдающейся роли. Особенное внимание было обращено немцами на электрическую, металлургическую, химическую промышленности, на добычу твердого и жидкого топлива и на лесную промышленность.
Предприятия Круппа, Гуго Стиннеса, Сименс–Шуккерта, фон Гратенау, Шпана, «Всеобщая компания электричества», Артура Коппеля, Вальдгофа, Баденский анилиновый синдикат и Гамбургской и Бременской лесных бирж наложили свою руку на перечисленные отрасли русской промышленности в лице крупнейших заводов и промыслов.
Дойч-банк с 1905 г. отпускает различные суммы (в 1911 г. – 2 миллиона марок) в виде беспроцентных ссуд крупнейшим немецким заводчикам в России для организации

«промышленно-торговых экспедиций». На эти средства были произведены, судя по брошюрам, изданным Берлинской и Гамбургской биржами, экономические исследования Северного Урала, Эмбинского нефтеносного района Закавказья, Тихоокеанского побережья – от залива Посьета до устья Амура, Архангельской и Вологодской губы, Камчатки, Восточного Забайкалья, Кавказских нефтяных районов, различных водопадов и пр.

В остальных русских предприятиях немцы имели своих агентов, изучавших развитие дела и наблюдавших за всем.

Доказательством сказанного может служить тот факт, что обширный, охвативший весь Старый Свет и Америку, «пангерманский электротехнический союз» открыл свое отделение в 50-х годах прошлого столетия под наименованием «С.-Петербургского политехнического общества», существующего в Петрограде и в настоящее время. Немецкие инженеры обязаны участвовать в этом обществе и обязаны два раза в год представлять подробные отчеты о деятельности тех предприятий, в которых они работают. Отчеты эти посылались в Берлин, на Артиллерийскую ул., № 11, где они подвергались обработке и регистрации, производимым в последние годы военным инженером ген. Беше, одним из членов совета промышленно-статистического отдела при германском Генеральном штабе...

Германские промышленники и немцы-инженеры сразу или постепенно производили замену оборудования наших заводов, фабрик и промыслов установками германского производства. Этим и объясняется беспомощность нашей промышленности, проявившаяся в первые месяцы Великой войны. Запасных частей к немецким машинам не оказалось, на рынке не было нужных станков для перехода промышленности на мобилизованное состояние, не было необходимых материалов, ввоз которых в Россию находился почти исключительно в руках германских купцов и комиссионеров...

Глубокое и всестороннее внедрение немецких капиталов, техники и промышленных деятелей в нашу промышленность и удобный для Германии торговый договор тормозили развитие таких важных для России отраслей промышленности, как машиностроительная, металлургическая, химическая, судостроительная и пр.

В этом отношении мы находились в полной зависимости от немцев. Вот почему, когда русская промышленность мобилизовалась, когда она сбросила с себя немецкую опеку, немцы произвели последнюю попытку задержать нашу самодеятельность в этой области. Многим из общественных деятелей известны жалобы русских изобретателей на не успех применения их методов и способов производства благодаря немцам-техникам, медлительность в выполнении заказов, непонятные, полные злого умысла ошибки в производстве предметов военного снаряжения и т. д.

Наряду с такой пассивной оппозицией немцев шла другая тайная и опасная работа, проводимая немецкими агентами. Она известна, конечно, Генеральным штабам военного и морского ведомств всех союзных стран и состояла в устройстве пожаров и взрывов на фабриках и заводах, готовивших боевое снаряжение для войны с Германией. Для целей «саботажа» германское казначейство отпустило в 1916 г. особые средства, которыми ведали агенты, подчиненные проф. Эмилю Фишеру и военно-статистическому бюро при Генеральном штабе в Берлине.

Однако вред, приносимый агентами, производящими непосредственные покушения на наши фабрики и заводы, как эпизодический и допускающий непосредственную с ним борьбу, гораздо менее опасен, чем та систематизированная разведочная служба, которую выполняли в России и союзных странах Германский электрический, Баденский анилиновый, Рейнско-Вестфальский угольно-металлургический синдикаты, возглавляемые Сименсом, Круппами, Стиннесом, Штучмом и Фридрихом Байером...

2. Судоходство

Важную роль в вопросе разведки и ослабления противника играет судоходство – переходная ступень от промышленности к торговле.
Известно, что вопросы внутреннего каботажа в России и дальнего плавания, в смысле конкурирования на свободных морях, находятся в России на крайне невысокой степени развития...
Развивая свой торговый флот для соревнования с Великобританией, Германия, естественно, была озабочена тем, чтобы не допустить учреждения в России собственного океанского торгового флота. С этой целью Германии удалось установить льготные для себя в этом отношении статьи торгового договора, по проекту Баллина, фон Дернбурга и М. Варбурга провести на совещании банков в 1904 г. гарантированный правительством ссудный капитал для германских арматоров в смысле поощрения отечественного судостроения, скупки иностранных пароходов и заарендован ими некоторых иноземных верфей...
В союзе с такими германскими транспортными и погрузочными обществами, как Гергардт и Гей, Книп и Вернер, бр. Нобель, Кунст и Альберс, Дитрих Гейдеман, Ферстер, Геппнер и Ко, Трансман, Мартене, Шмит, Штретер, Люче и др., действующими и ныне в Архангельске и Владивостоке, немцы захватили в свои руки всю нашу морскую торговлю и использовали свое исключительно выгодное положение в интересах своей родины.
Они составили точные навигационные карты Либавского и Рижского рейдов, Белого моря и Дальневосточного побережья, пользуясь услугами торговых моряков и членов «Германского флотского союза», разбросанных от берегов Тихого океана до Черного, Балтийского и Белого морей.
Борьба с германским торговым флотом вследствие дешевых морских фрахтов, удобных страховых ставок и невозможности обзавестись собственными морскими судами казалась у нас бесполезной, и наша внешняя торговля попала всецело в руки германских комиссионеров, в то время как все попытки развить отечественное судостроение разбивались о явные и тайные противодействия немцев и пассивность в этом направлении Министерства торговли и промышленности, не сумевшего убедить Министерство финансов в государственном значении и политической важности этого предприятия, требующего для своего возникновения некоторой правительственной инициативы и жертв со стороны Государственного Казначейства.

3. Германская торговля

В деле разведки германский Генеральный штаб широко пользовался немцами-купцами, производящими торговлю в иностранных государствах. Удобство кредита, предоставляемого немецкими купцами своим клиентам, строго обдуманная торговая система, необычайная подвижность германских купцов дали возможность последним проникнуть во все отрасли внутренней торговли России и на всех наших рынках, биржах, в биржевых и оценочных комитетах занять влиятельное положение...
Для насаждения возможно большего числа наблюдательных постов в виде германских торговых предприятий банку «Дисконто-Гезельшафт» еще в 1902 г. в германском имперском банке был открыт специальный кредит, размеры которого определить не удалось, но о существовании его были приведены данные в гамбургской биржевой газете, где были опубликованы списки предприятий, возникших на ссуды, выдаваемые имперским банком...
В 1908 г. Германские консулы в России сообщили крупнейшим германским предприятиям содержание циркуляра № 2348, изданного 7 апреля 1908 г. германским Генеральным штабом. Циркуляр этот был повторен 22 июня 1913 г. и содержал в себе предложение Генерального штаба принять в число служащих некоторых торговых предприятий лиц, командируемых в Россию штабом, причем в циркуляре № 2348-бис указывалось на необходимость уплаты командируемым лицам значительного содержания, которое

Военное министерство принимало на свой счет. В 1908 г. действительно во многих германских торговых предприятиях появились приказчики и конторщики, совершенно не знающие русского языка и в качестве торговых служащих совершенно бесполезные для фирм, обслуживаемых ими.

Как показали обыски в некоторых германских фирмах, эти приказчики занимали иногда высокое служебное положение в военном и морском ведомствах в Германии.

Наряду с такой чисто разведочно-политической программой проводилась и другая программа, основанная на захвате торговли России в немецкие руки для того, чтобы в нужный момент внести замешательство в тылу. Захват этот совершался при широкой материальной поддержке германских банков, за которыми, как упоминалось выше, скрывалось берлинское правительство, напрягавшее всю свою энергию на всестороннюю подготовку к вооруженному столкновению. Разительными доказательствами сказанного служат захват острова Сахалина немцами и торговля сибирским маслом. В первом случае начало было положено принцем Генрихом Прусским, который во время своего плавания по Тихому океану искал здесь будущие базы для германского флота на время неизбежной войны. Отсутствие этих баз и погубило крейсерскую эскадру адмирала графа фон Шпее, развившего свои действия в Тихом океане и погибшего потом в бою у Фольклендских островов.

Принц Генрих Прусский, ознакомившись с морским плацдармом Тихого океана, имел совещание в Америке с Шиффом, а во Владивостоке с Даттаном и директором фирмы «Артур Коппель» о программе захвата каменноугольных богатств обоих побережий. После этого свидания Шифф и Отто Кон при содействии своего банка, известного под фирмой «Кен, Леб и компания», старались заарендовать единственные на Тихоокеанском побережье Северной Америки каменноугольные копи на о. Ванкувер. Когда эта попытка не дала практического результата, тогда в 1914 г. германцы, живущие в С.А.С. Штатах, выработали план вооруженного нападения на Ванкувер, что было предупреждено, однако, канадскими властями.

Поручение, данное принцем Генрихом относительно России, увенчалось гораздо большим успехом. Первая попытка торгового дома «Артур Коппель» заарендовать на 90 лет богатейшие каменноугольные месторождения острова Сахалин, несмотря на сильную поддержку, оказанную германским посольством в Петрограде, успеха не имела, и бывший в то время министром земледелия и государственных имуществ действительный тайный советник А.С. Ермолов предложение торгового дома «Артур Коппель» решительно отклонил. Тогда выступил под флагом русского подданного германский консул Адольф Даттан. Лично от себя, а также при посредстве подставных лиц – крестьянина Ренкевича, дворянина Хитрово и членов семейства Бринера – он успел захватить лучшие площади каменноугольных месторождений Сахалина и владеть ими и до настоящего времени. Даттан старался расширить свои владения и с этой целью, при непонятной бездеятельности и полном отсутствии политической программы местного горного надзора, вел упорную борьбу с русскими предпринимателями...

Что касается западносибирского масляного рынка, то он был захвачен председателем австро-германских экспортеров Майманом, скупавшим все масло и продававшим сибирским маслоделам немецкие гвозди, бочки, дубовую клепку, веревки и даже рогожу, т. е. все необходимое для укупорки экспортного сибирского масла...

Придавая большое значение торговым фирмам с точки зрения осведомления при их помощи о состоянии противника, берлинское правительство, и особенно военное министерство, обратило самое серьезное внимание на возникший в Гамбурге в 1858 г. «Комми-Ферейн» – «Союз приказчиков и коммивояжеров». Все немцы-приказчики во всех государствах состоят членами этого союза и, подобно членам С.-Петербургского политехнического общества, обязаны ежегодно посылать доклады в гамбургскую «Централь». Правительство Германии, начиная с 1902 г., при посредстве гамбургского

банка «Макс Варбург и Ко» оказывает широкую финансовую поддержку названному союзу...
Деятельность союза шла параллельно деятельности «Германского флотского союза», нашедшего в нем весьма деятельного помощника. Гамбургский союз в лице своих представителей Бена и Шиммольпфенга принял участие в совещании, созванном при германском Военном министерстве в 1904 г., где и была выработана подробная программа тех отчетов, какие должны были быть составляемы членами союза... О их деятельности в России можно судить лишь по событиям последнего времени, а именно со второй половины 1916 г. Гамбургский «Комми-Ферейн» принял на себя два поручения германского правительства. В конце сентября 1916 г. «Комми-Ферейн» вошел в соглашение с некоторыми норвежскими и шведскими судовладельцами относительно включения в состав команд их пароходов, под видом нейтральных боцманов, германских флотских офицеров. Члены «Комми-Ферейна», находящиеся в С.А.С. Штатах, приняли на себя труд по внесению беспорядка и замешательства при погрузке военного снаряжения для России и союзных стран, что, как известно из практики Архангельского и Владивостокского портов, имело в некоторых случаях значительный успех.
Гамбургский «Комми-Ферейн» вел такие переговоры с целым рядом нейтральных фирм, и нет никакого сомнения в том, что под видом служащих нейтральных фирм, действующих в России, Англии и Франции, скрывается немало членов «Союза приказчиков и коммивояжеров», исполняющих поручения гамбургской «Централи» и германского Военного министерства. Обилие германских агентов, живущих вдоль всей нашей скандинавской границы, говорит за то, что эти агенты поддерживают сношения между Берлином и скрытыми под маской нейтральности членами гамбургского союза, так же как и с другими агентами гамбургской разведки. Сношения эти поддерживаются также при посредничестве директоров различных «русских» отделений германских фирм, свободно посещающих Стокгольм, Копенгаген, Христианию и Женеву, немцев – русских подданных, часто отправляющихся в Швецию за товарами, и различных добровольцев-агентов, щедро оплачиваемых немецким золотом.

4. Банки

Германские банки, как уже упоминалось в настоящей записке, выполняют многие политические поручения правительства. Роль в иностранных государствах не ограничивается только кредитными операциями среди немецких промышленников и купцов, но и участием германского капитала в банках той страны, на которую в данный момент обращено внимание германского правительства. В отношении России в этом направлении особенное значение имеют: 1) группа Дойч-банка, состоящая из 25 банков, обладающих, по отчетам 1913 г., 1 077 000 000 марок; 2) состоящая из 16 банков группа «Дисконто-Гезельшафт», располагающая 718 млн марок и 3) небольшая (из 5 банков) группа германского торгово-промышленного банка с капиталом в 270 млн марок. Кроме этих групп, в делах русских банков заинтересованы отдельные банкирские дома вроде бр. Гирш, Мендельсона, Варбурга, Иоганна Берегнберга и др.
Группы Дойч-банка и германского Торгово-промышленного банка дружественны с нашим Рижским коммерческим, Петроградским Международным коммерческим, Русским для внешней торговли и Азовско-Донским коммерческим и Коммерческим банком в Варшаве. Имена Мойера, Винекепа, Розенталя и Кроненберга повторяются в списках учредителей почти всех русских банков. На Берлинской бирже котируются акции следующих русских коммерческих банков: Азовско-Донского, Коммерческого банка в Варшаве, Петроградского учетного и ссудного, Петроградского Международного коммерческого, Рижского коммерческого, Русского для внешней торговли, Сибирского торгового, Варшавского учетного и Торгового банка в Лодзи.

В составе правлений и советов русских банков немало германцев и осталось еще очень много немцев. Связь банков с безличным капиталом, идущим из Германии, и политическая роль германских банков заставляют обратить самое серьезное внимание на деятельность наших банков. Не может быть никакого сомнения в том, что банки при постоянных и неизбежных сношениях своих с заграничными корреспондентами могут весьма легко исполнять различные поручения политического характера.
В Хапаранде проживал специальный агент Дойч-банка, некто Еальцер, оказавшийся затем Свенсоном, сносившийся с вождями большевиков, и целый ряд биржевых и банковских агентов, внимательно следивших за деятельностью русских банков для ограждения интересов германских держателей акций русских банков. Это одно уже указывает на постоянную коммерческую связь некоторых русских банков с Германией. Связь эта во время войны с таким противником, как Германия, может представить непосредственную опасность и с точки зрения военных интересов.

5. Страховые общества

Страховые общества, действующие в России, отданы под правительственный надзор. Это вызвано той связью, которая существует между страховыми обществами, с одной стороны, и с германскими обществами перестрахования и банками – с другой. Германские общества перестрахования главным условием сношений со страховыми обществами ставили доставление им при полисах самых точных планов, чертежей, спецификаций и описаний земельных имуществ, построек, оборудования фабрик, пароходов и пр. На основании этих сведений германская главная квартира знала будущие плацдармы, планы городов, отдельные важные в стратегическом отношении постройки; количество запасов продовольствия, степень оборудования фабрик и заводов противника и рейсы и характер грузов пароходов. В Лейпциге профессор доктор Иоганн Карберг читал в феврале 1915 г. публичную лекцию, показывая на экране планы и чертежи наших Путиловского, Коломенского, Сормовского и других заводов и доказывая, что русская промышленность не в состоянии поддержать армию в смысле достаточного снабжения ее нужными предметами военного снаряжения.
В упомянутой в настоящей записке статье В. сметы Военного министерства среди субсидируемых правительством предприятий упоминались общества перестрахования, оказывающие правительству «особые важные услуги».

6. Организация немцев в нейтральных странах. <...>

А. Швеция

В сопредельной с Россией Швеции германское правительство развило необычно энергичную деятельность, мобилизовав для этого при посредстве германских банков и гамбургского «Комми-Ферейна» не только шведских купцов и некоторых банковских деятелей, но и лиц различных профессий и общественного положения. Работа германских агентов была чрезвычайно разнообразна. Главные силы были мобилизованы для закупки и доставки в Германию важнейших для фронта и тыла шведских товаров и для противодействия таким же закупкам и заказам, делаемым Россией.
Нам приходилось искать в Швеции, равно как и в остальных Скандинавских странах, металлы, станки, азотную кислоту, хлопок и химический полуфабрикат. В этом направлении развивались противодействия со стороны Германии, которая, с одной стороны, покупала все то, что могло быть использовано русской военной промышленностью, а с другой – при посредстве принимающего в политической и военной жизни Германии близкое участие «Гандель-стага» отправляла на шведский машинный

рынок непрочные и устаревшие уже механизмы и орудия производства, а во враждебные страны – агитационную литературу.
За тем, что покупалось и что требовалось Россией на шведском рынке, внимательно следило особое бюро при германском посольстве в Стокгольме.

Б. Фирмы, обслуживающие интересы Германии и Австрии

Ниже сообщаются списки немецких, нейтральных и других фирм в России, которые ликвидированы, взяты под надзор или занесены в черные списки за обслуживание военных, политических и экономических интересов Германии и ее союзников. В большинстве случаев прилагаются те сведения, какие имеются о деятельности перечисленных фирм в распоряжении прежнего правительства, Министерства торговли и промышленности, контрразведки русской и союзной, а также в русских и иностранных газетах, разоблачавших деятельность фирм.

Неприятельские предприятия в России

Список ликвидированных торгово-промышленных предприятий

1. Общество электрического освещения 1886 г. Электрические станции в Петрограде, Москве и Лодзи.
По исследованию правительства, фирма эта была центром германской промышленности в Москве.
Общество было членом пангерманского Электрического синдиката и было в тесной связи с фирмой Сименса, т. е. с фирмами Сименс–Шуккерт–Гальске и Всеобщей компанией электричества, уличенных в России и за границей в шпионстве, и с Дойч-банком.
Общество 1886 г. до 1917 г. было защищаемо против ликвидации усилиями придворной партии, главным образом через ст. секретаря И.Л. Горемыкина и графов Буксгевденов, за одним из которых была г-жа Сименс. В бюро профессора О. Куна при германском Генеральном штабе был особый стол для обработки статистических сведений о России, доставляемых два раза в год Обществом 1886 г.
2. Московское акционерное общество электричества. Электрическая станция и торфяные залежи в Богородском уезде Московской губ.
3. Русское акционерное общество электрических районных станций. Электрическая станция под Петроградом.
4. Киевское электрическое общество. Электрическая станция в г. Киеве, освещение гор. Киева и городской трамвай.
5. Германское акционерное общество для эксплуатации газа и электричества. Газовые заводы в городах Вильке и Кронштадте.
6. Германское «континентальное газовое общество». Эксплуатация газового завода в гор. Одессе.
7. Германское акционерное общество электричества «В. Ламейер и Ко» во Франкфурте-на-Майне. Электрический трамвай в гор. Киеве.
8. Германское акционерное общество электрических предприятий. Электрические станции в городах Двинске, Киеве и Белостоке.
9. Акционерные: общество русских электрических заводов «Сименс и Гальске» и русское общество «Сименс и Шуккерт». Производство и установка различного рода электрических устройств; заводы в Петрограде.
10. Акционерное общество «Всеобщая компания электричества». Устройство и эксплуатация различного рода электрических сооружений; торговля машинами и различными аппаратами для электрических оборудований. Завод в гор. Риге.

Все эти фирмы (2–10) входят в состав пангерманского Электрического синдиката, через который осуществлялись германская и австрийская разведки. Кроме того, все газовые общества были в тесной связи с Баденским анилиновым синдикатом и предприятиями «Гуго Стиннес». Через эти фирмы германское правительство осуществляло свой план распространения германской промышленности и торговли в России, и в распоряжение названных фирм предоставлялись особые кредиты на поддержку и оказание финансовой помощи мелким немецким предприятиям. Через эту группу предприятий руководители германского и австрийского шпионажа в России – советник Гельмут фон Люциус, граф Лерхенфельдт, Геринг и граф Чернин – вели организованную разведку и изучение боевой и экономической подготовки России, чем пользовались статистики Электрического синдиката в Берлине, Артиллерийская ул., 11, и центральные военно-статистические бюро при австрийском и германском Генеральных штабах.

Директора некоторых из фирм упомянутой группы: Г.О. Герц, Э.В. Гот, Э.А. Крангальс, А.А. Шварц, Г.Ю. Зевиг, Г.А. Шпигель, Ю.Г. Вестфален, Б.А. Дейтшель, М.В. Фридлендер и др. – ежегодно в разные периоды отправляли в Берлин обстоятельные доклады, помечая их словом «БОК», т. е. «Бюро Отто Куна», являющееся отделом германского Генерального штаба.

Наиболее деятельным из перечисленных предприятий является «Всеобщая компания электричества».

Русское общество «Всеобщая компания электричества» – русский филиал германского предприятия того же наименования ( ), являющегося главным членом «пангерманского электрического союза». В числе учредителей предприятий, кроме Сименса, учредителя Дойч-банка, находится советник Вильгельма II Вальтер Ратенау, одна из крупнейших политико-промышленных фигур современной Германии.

11. Общество русского Северо-Западного пароходства. Пароходное сообщение между Лондоном, Ливерпулем и Либавой.

К делам общества очень близко стоял Баллин, руководитель «Гамбург Америка линии», передавший обществу германские штурманские карты и получивший от правления общества отчеты и записки, содержание которых неизвестно. Директорами общества состояли казненный за измену жандармский полковник Мясоедов и его сообщники братья С. и Д. Фрейдберги.

<...>

14. Русское общество целлюлозной фабрики «Вальдгоф». Целлюлозная фабрика и лесная дача в Валкском уезде Лифляндской губернии.

В делах фирмы участвовали казненные за явное шпионство и предательство жандармский полковник Мясоедов и его сообщники. Кроме этих лиц, против членов правления были явные улики в сношениях с фон Люциусом, консулом Вальтером и ген. Хелиусом. Когда часть членов правления акционерного общества Вальдгоф была отдана под суд, а остальную часть вместе со служащими немцами (60 человек) выслали в Сибирь, акционерное общество выбрало новое правление, и фирма Вальдгоф, поставив перед своим немецким названием «русское акционерное общество», продолжала свою работу. Новое правление (Вас. Остр., 14 лин., д. 3) на одном из собраний постановило выплачивать всем высланным в Сибирь директорам и служащим-немцам впредь до окончания войны половину получаемого ими жалованья. Таким образом, несколько директоров и в ссылке получают 10–15 тыс. руб. в год...

Вся исполнительная власть по делам Петроградского отделения фирмы Вальдгоф перешла к двум конторщикам: Прокопе и Гейдеману. До войны первый получал около 200 руб., а второй – 85. Теперь же первый получает 500 руб., а второй – 300. Прокопе и Гейдеман по очереди ездили по делам фирмы в Швецию. Когда они возвращались оттуда, то их рассказы полны были самыми интимными подробностями о жизни тех бывших служащих фирмы Вальдгоф, которые успели проехать в Германию и вступить там в ряды действующей армии. После одной из таких поездок стало известно, что бывшие служащие

Петроградского отделения фирмы Вальдгоф, офицеры запаса Фрейтис Милек ранен в левую руку, лесничий Нуслэ убит на французском фронте, директор перновской фабрики Хельвиг убит и конторщик Петр Гротте также убит.
Все инструкции, получаемые фирмой Вальдгоф, всегда тесно связаны с этими таинственными поездками в Швецию. Когда Гейдемана или Прокопе спрашивали о том или ином нововведении, они зачастую просили подождать до их поездки за границу...
«Дюбуа и Тимо». Контора по продаже целлюлозы из фабрик Вальдгофа (Мойка, 42).
Тиме, очень богатый человек (владелец в Петрограде нескольких домов и гостиницы «Пале-Рояль» на Пушкинской ул.), состоит членом правления русского акционерного общества «Вальдгоф» и в настоящее время является фактическим директором-распорядителем петроградского отделения этой фирмы….
15. Русское акционерное общество для развития и увеличения числа перевозочных средств и для эксплуатации таковых в России «Судовагон».
Основателями Общества являются имперский советник Симон Ландау, директор австрийского акционерного общества для устройства и развития средств сообщений, и Альфред Страус, директор германского об-ва отдачи вагонов в наем. Советник Ландау вместе с Майманом представит австрийскому штабу обширный доклад на тему о беспомощности русских железных дорог в случае войны. Доклад был составлен на основании поездок Маймана от Владивостока до Границы и Эйдкунена и статистических сведений, собранных в «Судовагоне». Кроме того, это предприятие находилось в сношениях с заподозренной в шпионстве и фигурирующей в деле бывшего военного министра Сухомлинова эмигрантской конторы Карлсберг, Спиро и Ко. Характер этих сношений, по-видимому, не был достаточно выяснен.
<... >
41. Акционерное общество «Артур Коппель» и «русское общество полевых и узкоколейных путей «Паровоз». Механический и вагоностроительный завод в Петрограде. Опреснители морской воды в г. Баку; вагоностроительный завод в д. Коло под Варшавой.
Фирмы эти известны во Франции и С.А. С. Штатах под именем «Артур Коппель и Оренштейн» и разоблачены союзной контрразведкой как шпионские организации, обслуживающие французские восточные крепости. В числе пайщиков фирм состоит нынешний министр Германии – доктор Швандер. Что касается России, то служащие владивостокского отделения «Артур Коппель» еще в 1904 г. шпионили в пользу Японии, о чем доносил начальник Уссурийской жел. дороги военный инженер полковник Н.И. Кремер военному губернатору. В Двинской крепости был арестован военный шпион швед фон Зегебаден, при котором найдено письмо с описанием Ковенского и Двинского укрепленных районов. Письмо было адресовано в Петроградское отделение «Артур Коппель», и под маркой была надпись В., т. е., вероятно, Б лин. Служащие в Петроградском отделении фирмы инженеры Густав Густавович Клебер и директор Роберт Кутцнер были частыми посетителями советника германского посольства фон Люциуса, руководителя германской разведки в России, и ген. фон Хелиуса, изучавшего боевую готовность России. При обыске найдены циркуляры германского Генерального штаба за № 2348 от 7 апреля 1908 г. и 22 июня 1913 г. за
№ 2348-бис о принятии в число служащих фирм военных агентов. По негласным сведениям, в 1910 г. германское казначейство покрыло убытки, понесенные фирмой при выполнении ею заказов в русских крепостях....

Источник: Орлов В.Г. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. – М., 1998. С. 208–210.

Закон к шпионам и изменникам суров, но...

Первым современным законодательным актом, предусматривающим уголовную ответственность за шпионаж, был французский закон Code penal. В 1870 г. Германия приняла Уголовное уложение, в котором был учтен опыт Франции. Правда, специалисты уже в то время отмечали явное несовершенство этих документов.

В 1886 г. генерал Жорж де Буланже[391], став военным министром Франции, обнародовал закон, где впервые дал четкое определение термина «шпионаж» и того, кто совершает это преступление[392]. Французский закон от 18 апреля 1886 г. послужил основой для аналогичных законодательных актов многих европейских стран.

К сожалению, наша страна не учла опыта Франции и Германии. Ответственность за военный шпионаж, как одну из форм государственной измены, хотя и была введена в действие Законом от 20 апреля 1892 г., но перечень описанных в нем деяний был узок. Если французский Закон 1886 г. критиковали за слишком мягкое наказание за шпионаж, то российский – за слишком узкое понятие «шпионажа» и, как следствие, невозможность применить его на практике.

Под термином «шпионаж» в конце XIX – начале XX в. отечественное законодательство подразумевало: «способствование иностранному государству по сбору сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России и вооруженных сил или сооружений, предназначенных для защиты страны». Таким образом, наказуемым является сообщение всех сведений, касающихся российской армии и государственной обороны.

В Российской империи уголовно наказуемыми деяниями в сфере шпионажа считались:

само занятие шпионажем, согласно определению, которое приведено выше;

нарушение правил обработки и хранения секретных документов и предметов. Уголовная ответственность наступала только в случае их хищения, утраты или уничтожения. При этом было не важно, получил ли доступ к этим документам и предметам противник или нет;

содержание голубей или организация беспроволочного телеграфа в приграничных районах.

Вступление в силу Закона от 20 апреля 1892 г. повлекло за собой изменение законодательной базы: в отечественном «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» появилась ст. 111, 425 и 1034 пункт 5 и, в «Уставе о наказаниях налагаемых мировым судом» – ст. и в «Уставе уголовного делопроизводства» ст. 1030, 1054 и 1061.

При этом ответственность за шпионаж для гражданских и военных лиц была разной. Ответственность за шпионаж, как один из семи видов государственной измены, для гражданских лиц предусматривалась статьями: «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (ст. 111, 425, 1034 пункт 5), «Устава о наказаниях, налагаемых мировым судом» (ст.), а для военных чинов – в «Приказах по военному ведомству» (ст. 243 и 271).

Статья 111 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» почти без изменений вошла в «Уголовное уложение» 1903 г., поэтому ее мы подробно рассмотрим ниже.

Согласно ст. 425 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» «должностное лицо, допустившие в силу небрежного обращения или нарушения правил работы или хранения документа или предмета, подпадающего под действия грифа «долженствующие сохраняться в тайне», хищение, уничтожение или утрату, приговаривалось «к заключению в крепость от двух лет и восьми месяцев до четырех лет или от одного года двух месяцев до двух лет с лишением особенных прав и привилегий».

А статья 1034 пункт 5 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» карала за распространение сведений, содержащих государственные секреты, в «открытой» печати.

По «Уставу о наказаниях, налагаемых мировым судом» (ст.) устройство беспроволочного телеграфа или содержание почтовых голубей в приграничных районах каралось заключением в тюрьму на срок от одного месяца до одного года.

В правление Николая II завершила работу специальная комиссия, учрежденная еще Александром III в 1882 г., под председательством криминалиста Николая Таганцева[393]. Составленное ее «Уголовное уложение» вступило в силу 22 марта 1903 г. В отличие от «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» оно устанавливало более детальный перечень государственных преступлений и усилило наказание за их совершение[394].

С 1903 г. к уголовно наказуемым деяниям в сфере шпионажа добавились:

сообщение или опубликование в интересах иностранного государства секретных сведений – являлось тягчайшим видом государственной измены, за который по Уголовному уложению 1903 г. грозило 8 лет каторги, а по Закону от 5 июля 1912 г. – до 15 лет каторжных работ;

опубликование же сведений, составляющих военную тайну, наказывалось лишь в том случае, если виновный действовал в интересах иностранного государства, и при этом не имело значения, действовал ли он по соглашению с иностранным правительством или его агентами, мотивы действия виновного безразличны – он мог просто опубликовать эти сведения из ненависти к России или по другой причине.

Актуальность введения уголовной ответственности за это деяние демонстрируют следующие примеры. За несколько лет перед началом Первой мировой войны в одном из немецких журналов был напечатан весь секретный «Проект о русской малой судостроительной программе» за два дня до его рассмотрения на закрытом заседании Государственной думы[395].

Другой типичный случай. В № 12 от 10 мая 1910 г. английский журнал «Инжиниринг» поместил подробные чертежи вновь сооруженных русских броненосцев «Гангут», «Полтава», «Севастополь» и «Петропавловск»[396].

Между тем, если бы удалось установить источник утечки информации, виновный был бы привлечен к уголовной ответственности за разглашение сведений, содержащих государственную тайну.

В «Уголовном уложении» понятие «шпионаж» было значительно расширено. Рассмотрим, какие еще деяния, кроме тех, что были перенесены из «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», попали под определение «шпионаж»:

1. Было введено разграничение для тех, кто занимался шпионажем или разгласил секретные сведения, не имея к ним официального допуска, и для тех, кому они были доверены по службе или получены ими в силу служебного положения. Для второй категории предусматривалось более суровое наказание.

2. Была введена смертная казнь за убийство с целью «благоприятствования или способствования в шпионстве». Это единственное из перечисленных деяний в сфере шпионажа, за которое предусматривалось наказание в виде смертной казни.

3. Отдельно предусматривалось наказание за снятие копий с секретных документов. Для России того периода это было актуально. В тот период большое количество унтер-офицеров и писарей были готовы, при благоприятных условиях, начать торговать копиями с секретных документов.

4. Нахождение в «закрытом» районе с целью осуществления противоправной деятельности. Для наступления уголовной ответственности достаточно было иметь фальшивые документы (паспорт, справку и т. п.), пытаться скрыть свою национальность, подданство, род занятий и т. п.

5. Участие в организации, поставившей своей целью «учинение государственной измены». Попытка привлечь на скамью подсудимых не только непосредственных исполнителей – людей, занимающихся шпионажем, но и курьеров, хозяев конспиративных квартир, резидентов, вербовщиков и т. п.

Статья 108 «Уголовного уложения» предусматривала смертную казнь для российского подданного, если он совершил убийство с целью «способствование или благоприятствования в шпионстве».

Если российский подданный был военнослужащим в войске неприятеля, то его ожидала бессрочная каторга (ст. 109).
Статья 111 (переписана из «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных») гласила, что разглашение сведений, содержащих государственные секреты, каралось каторгой на срок не больше 8 лет для гражданских лиц. А для чинов военного ведомства наказание определено в форме каторжных работ на срок от 12 до 15 лет.
Отдельно в ст. 111 было определено, что если «перечисленные данные были вверены виновному по службе, или получены по его служебному положению, или наконец, ему было объявлено воспрещение сообщать или публиковать их, то он наказывается строгой каторгой на срок от 4 до 15 лет». Более сурово наказывались за аналогичное преступление военные чины – каторга до 20 лет или бессрочная. А если виновный осознавал всю тяжесть совершаемых преступлений, то мера наказания – смертная казнь.
Статья 112 «Уголовного уложения» предусматривала наказание за снятие копий с документов, подпадающих под гриф «долженствующие сохраняться в тайне», для гражданских лиц заключением в тюрьму на срок от 2 недель до года, а для военных – отдание в исправительные арестантские отделения на срок от полутора до трех лет.
Тех шпионов, которые по тем или иным причинам не имели при себе компрометирующих документов, но находились в «закрытых» районах, ожидало заключение в тюрьму от 2 недель до одного года – для гражданских лиц, а для военных – отдачей в арестантские роты от 3 до 4 лет.
При этом согласно ст. 113 уголовная ответственность наступала, если «лицо скрыло свое звание, подданство, национальность...» Согласно этой статье виновного ожидало тюремное заключение, если это лицо, используя поддельные документы или «легенду», «проникло в Российское укрепленное место, на военное судно или иное военное сооружение, предназначенное для защиты страны».
Статья 118 «Уголовного уложения» предусматривала наказание за «участие в обществе, поставившем своей целью для учинения государственной измены». Основная цель этой статьи – привлечь к ответственности не только непосредственных исполнителей, но и организаторов агентурной сети, вербовщиков, курьеров, хозяев конспиративных квартир и т.п. Правда, в российской судебной практике не было ни одного громкого дела, связанного с осуждением всех участников шпионской сети. Обычно на скамью подсудимых попадали лишь исполнители, при условии, что они занимали не слишком высокое положение в обществе.
Статья 119 «Уголовного уложения» предусматривала ответственность иностранцев и лиц без гражданства при нарушении ими ст. 108 (по всем пунктам).
Одной из особенностей нормативно-правовой базы того периода являлось отсутствие подробного «Перечня сведений, составляющих государственную тайну». На основании законодательства можно лишь выделить отдельные группы сведений, имеющих гриф «долженствующие сохраняться в тайне»:
планы, чертежи, рисунки или макеты российских укрепрайонов, крепостей и других фортификационных сооружений;
технические данные о военных кораблях;
сведения о содержании мобилизационных планов и расположении войск на случай войны.
Хотя говорить о том, что отечественное законодательство позволяло эффективно бороться с агентами и сотрудниками иностранных спецслужб, которые занимались добычей секретных сведений на территории Российской империи, не совсем корректно. Например, из-за «особенностей» законодательства из 150 установленных правоохранительными органами Варшавского военного округа австрийских и германских шпионов (от мелких контрабандистов до офицеров Штаба военного округа) к уголовной ответственности было привлечено 33 человека[397]. Всего же в этом военном округе с 1901 по 1910 г. было выявлено 48 австрийских и 110 германских агентов[398].

Говорить о том, что определенные деяния классифицировались правоохранительными органами как «шпионаж», на основе только процитированных выше документов, будет не совсем корректно. Существовал как минимум один ведомственный нормативный документ, где понятие «шпионаж» трактовалось более широко. Речь идет об «Инструкции начальникам контрразведывательных отделений», которая была утверждена 8 июня 1911 г. военным министром Владимиром Сухомлиновым[399].

Согласно этому документу секретными, а значит, их сбор или разглашение подпадали под действия статей «Уголовного уложения», считались 11 групп сведений:

«а) Состав, организация, дислокация, вооружение, комплектование вооруженных сил (сухопутных и морских), обучение войск и флота, внутренний быт, командный состав и настроение войск и флота.

б) Сведения о военных и морских учреждениях, заведения, складах и магазинах и о состоянии запасов их (торговых, интендантских, артиллерийских, минных, инженерных, санитарных и т. п.).

в) Сведения о крепостях, укрепленных пунктах и базах флота.

г) Мобилизация и сосредоточения войск и флота по объявлению войны.

д) Приказы и отчеты о произведенных маневрах, стрельбах и опытах сухопутных войск и флота (в последнем особенности учебных отрядов), уставы, инструкции и наставления по различным отделам обучения войск и флота.

е) Сведения военно-географические, топографические и статистические о местностях пограничных, как сухопутных, так и морских, имеющих стратегическое значение, особенно о позициях, о свойстве и проходимости местных преград (рек, болот и пр.) и возможных местах высадки, равно и прилегающих к укреплению районах. Сведения о свойствах и проходимости прилегающих к отечественным берегам морских, речных и озерных водных пространств; со всеми заливами, бухтами, пристанями, гаванями и прочими удобствами для стоянки судов военных и коммерческих.

ж) Данные о грунтовых путях сообщений в этих местностях (пограничных районах. – Прим. авт.), особенно о сети шоссейных дорог (их состояние, переправы и другие препятствия).

з) Сведения о железных дорогах, узловых пунктах и в особенности о важнейших железнодорожных сооружениях, порча коих может оказать существенное влияние на движение (мосты, тоннели, трубы, насыпи, водокачки, гати и пр.) и относительно оборудования железных дорог, влияющие на перевозную (пропускную. – Прим. авт.) способность (водоснабжение, склады, топливо, число путей, запасы оборудования станций, средства мастерских, платформы, наградные и разгрузочные приспособления, сигнализация, пакгаузы и проч.), склады переносных железных дорог.

и) Телеграфные и телефонные сообщения; прибрежные и островные наблюдательные пункты морского ведомства и пограничной стражи; голубино-почтовые станции и радиотелеграфные станции.

к) Военное воздухоплаванье.

л) Личные характеристики начальствующих лиц военного и морского ведомств»[400].

С фактами существования ведомственных перечней, о которых знало ограниченное число лиц, мы еще не раз столкнемся. В Советском Союзе это было распространенным явлением.

В 1912 г. в Российской империи был принят самый прогрессивный в Европе законодательный акт, направленный на правовое обеспечение защиты государственной тайны и противодействие иностранному шпионажу[401]. По крайней мере, так утверждали правоведы той эпохи. Хотя их мнение могло быть субъективным.

Своевременность и необходимость изменения законодательной базы доказывает «Объяснительная записка к проекту об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионажа», которую подписали 3 марта 1912 г. военный министр Российской империи Владимир Сухомлинов и министр юстиции Иван

Щегловитов[402]. В этом документе доказывается несоответствие правовых норм требованиям времени.

«Наше уголовное законодательство дает возможность бороться не с самим шпионажем в современной его постановке, а лишь с исключительными его проявлениями – передачею и сообщением, правда, наиболее важных, но благодаря принятым мерам и наиболее редко добываемым сведениям о военной обороне государства. Обычная же деятельность шпионства, собирание и передача данных о военных силах России, на основании коих иностранные власти получают уже самостоятельно безусловно тайные сведения, относятся к области ненаказуемых действий. Равным образом ненаказуемым является умышленное соглашение с иностранными властями для добывания интересующих их сведений о военной мощи России, хотя, вступая в такое соглашение, проходя подготовительный курс шпионской работы, виновный, конечно, не может не осознавать, что такою деятельностью он оказывает услуги иностранному государству и тем самым приносит ущерб безопасности России». Такие выводы мотивировались тем, что «в прежние время, когда военные сооружения и вооружения армий не достигали такой сложности и состояли в различных странах более или менее на одном уровне, а военной техники, в строгом смысле этого слова, почти не существовало, шпионство носило совершенно иной и притом случайный характер. Государства, интересовавшиеся планами соседей, посылали к ним шпионов и ставили последним задачу проникнуть главным образом в политические замыслы, в предложения относительно с их стороны агрессивных действий самостоятельно или в союзе с другими державами. В связи с этим и те сведения, которые пытались добыть шпионы, касались главным образом государственных тайн в обширном смысле, тайн, имеющих международный характер и находящихся в близкой связи с внешними интересами государства. Сведения же о военных планах собирались шпионами старого времени попутно, наряду с выполнением главных задач. Отмеченными обстоятельствами обуславливался как судебный характер самого шпионства, так и выбор лиц для этой деятельности».

Далее в документе говорилось, что стояние на месте не только преступно, но и смертельно опасно. «Наше время – время вооруженного мира, стремления цивилизованных государств превзойти друг друга военным могуществом, не обнаруживая преждевременно собственных приготовлений, – вызвано изменением самого понятия военной мощи, главенствующую основу которой ныне представляют прогрессивные технологические усовершенствования. В силу этого представилось необходимым быть в курсе постоянных изменений состояния сил вероятных противников, нововведений вооружений и военных приспособлений, которые почти ежедневно вводятся в армиях европейских стран»[403].

Закон от 5 июля 1912 г. «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства в мирное время» (далее Закон от 5 июля 1912 г.) значительно расширил понятие государственной измены путем шпионажа, изменив, с одной стороны, изложение некоторых статей Уголовного уложения, а с другой стороны, ввел в действие ряд новых карательных постановлений, предусматривающих уголовную ответственность за некоторые виды шпионажа, ранее уголовно ненаказуемые.

Согласно новому Закону, шпионаж теперь рассматривался как самостоятельное преступление, а не как один из семи видов государственной измены, охватывая не только сам процесс шпионажа и пособничество ему, но и просто разглашение секретных сведений.

В Уголовном уложении разглашение секретных сведений по неосторожности или халатности рассматривалось как отдельное должностное преступление, не связанное со шпионажем.

Кроме этого, было введено новое определение сведений, являющихся государственной тайной в военной сфере. «Это сведения или предметы, касающиеся внешней безопасности России или ее вооруженных сил, предназначенных для военной обороны страны».

Рассмотрим теперь, какие еще действия, кроме перечисленных в «Уголовном уложении», попадали под определение шпионаж согласно Закону от 5 июля 1912 г.:
1. Опубликование, сообщение или передача другому лицу в интересах иностранных государств сведений, содержащих гостайну. При этом было не важно наличие самого факта передачи сведений. Достаточно было и попытки.
2. Передача третьим лицам описания изобретения или патента в сфере обороны и внешней безопасности России.
3. Сбор сведений, содержащих гостайну, без намерения передать иностранным агентам или представителю иностранного правительства эти сведения.
4. Попытка совершить полет на летательном аппарате над фортификационными сооружениями или «закрытыми» районами.
Если участник шпионской организации донес в полицию или существенно помог следствию в ликвидации такой организации, то тогда предусматривалось освобождение от уголовной ответственности.
Закон состоял из двух разделов:
– первый, содержал статьи, которые были добавлены в Уголовное уложение;
– второй раздел состоял из трех пунктов.
При этом ст. 111 кардинально изменилась. Теперь она звучала так:
«виновный в способствовании иностранному правительству или агенту иностранного государства в собирании сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России или вооруженности ее сил, сооружений, предназначенных для военной обороны страны, наказывается:
заключением в исправительный дом.
Покушение наказуемо».
Важно отметить, что закон ввел новое определение государственной тайны, применительно к военной сфере: это «сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России или вооруженности ее сил, сооружений, предназначенных для военной обороны страны»[404].
Статья гласила, что виновный в опубликовании, сообщении или передаче другому лицу в интересах иностранного государства, без надлежащего уполномочия, сведений, содержащих гостайну, наказывался каторгой на срок не свыше 8 лет или срочной каторгой.
Статья карала не только в случае совершения преступлений, предусмотренных статьями 111 и , но и если была предпринята только попытка совершить деяние, предусмотренное этими статьями. Срок наказания – 3 года тюрьмы.
В статье предусматривалась ответственность для лиц, « виновных в совершении преступных деяний, предусмотренных ст. 111... если означенные в статьях сведения или сведения, вверенные ему по службе, либо он имел возможность получить их и ознакомиться с ними, пользуясь своим служебным положением, наказывается:
1) в случае совершения деяний, предусмотренных ст. 111, каторгой на срок не свыше 6 лет;
2) в случае совершения деяний, предусмотренных пунктом 1 ст. срочной каторгой;
3) в случае совершения деяний, предусмотренных пунктом 2 ст. – каторгой на срок не свыше 8 лет;
4) в случае совершения деяний, предусмотренных ст. , – заключение в исправительный дом на срок не ниже 3 лет».
Статья гласит, что виновный может провести на каторге не свыше 8 лет, если он сообщит другому лицу сведения, касающиеся описания изобретений, патентов в сфере обороны и внешней безопасности России.
В статье 112, полностью взятой из «Уголовного уложения», предусматривалось теперь наказание не только за сам факт шпионажа, но и за попытку. Кроме того, добавился раздел, гласящий: «сему же наказанию подлежит виновный в собирании, без надлежащего

разрешения долженствующих сохраняться в тайне сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России или вооруженных ее сил или сооружений, предназначенных для военной обороны страны».
В статье говорилось, что «виновный в пролете, без надлежащего разрешения, на летательном аппарате над российским укрепленным местом в пределах крепостного района, а также над районами, пролет над коими запрещен подлежащую властью, наказывается:
заключением в тюрьму».
Граница зоны крепостного района, согласно Приказам по военному ведомству, ограничивается 20–25 верстами в окружности.
Тем самым была предпринята попытка противодействовать аэроразведке путем ввода объявления районов закрытых для пролета летательных аппаратов.
В ст. предусмотрено освобождение от уголовной ответственности лиц или смягчение наказания лица, чьи деяния подпадают под действие ст. 118, если он донес о «противозаконном сообществе» или существенно помог следствию в ликвидации такой организации.
Статья предусматривает ужесточение наказания за преступления, совершенные в период войны. Так согласно пункту 1 данной статьи, преступления подпадающие под пункт 2 ст. , пунктов 2 или 3 ст. , карается каторгой без срока[405].
Первая мировая война заставила усилить мероприятия по защите военной тайны, в том числе и в сфере цензуры, как одного из методов защиты информации.
Так, 10 июля 1914 г. был принят указ «Об утверждении временного положения о военной цензуре». Согласно этому Положению, в «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» вводились новые статьи .
Статья гласила, что виновного, сообщившего в публичной речи, докладе или в печати сведения, подпадающие под понятие гостайна, ожидало заключение в тюрьму на срок от двух до восьми месяцев.
Статья предусматривала ответственность за непредоставление периодического или непериодического печатного издания в военно-цензурное управление.
Следует отметить, что Закон 5 июля 1912 г. представлял право министру внутренних дел запрещать на определенный срок сообщение в печать сведений, касающихся внешней безопасности России или ее вооруженных сил и сооружений, предназначенных для военной обороны страны. И 28 января 1914 г. министр воспользовался этим правом, запретив публикацию указанных выше сведений на один год.
А 12 июля 1914 г., за несколько дней до начала Первой мировой войны, был объявлен второй, значительно дополненный перечень сведений, которые не подлежат оглашению в печати:
«Об устройстве, составе и численности всякого рода воинских частей и учреждений военного и морского ведомства, а равно о местах расположения, о передвижении сих частей и учреждений и об изменениях в их устройстве, составе и численности.
О вооружении, снаряжении, обмундировании, довольствии, санитарном состоянии, боевых качествах и всякого рода техническом оборудовании армии и флота или их отдельных частей, а равно и о всех предполагаемых и вводимых изменениях по сим предметам.
О современном состоянии, вооружении, снаряжении, снабжении всякого рода запасами и значении для военного времени крепостей, укреплений, опорных пунктов (баз) и военных портов, а также о проектировании и сооружении новых, о расширении или упразднении существующих, о численности и составе их гарнизонов.
О местах расположения и о передвижении отрядов и учреждений добровольной санитарной помощи.

О производстве всякого рода работ в крепостях, укреплениях, упорных пунктах (базах), на судах флота и при подготовке позиций, а также на заводах по изготовлению заказов военного и морского ведомств для надобностей военного времени.
Сведения, указывающии на подготовку к мобилизации»[406].
Первая мировая война послужила причиной принятия двух важных законодательных актов – «Об утверждении Временного положения о военной цензуре» (Указ 10 июля 1914 г.) и «Перечня сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространения коих в печати, в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается на основании статьи 1 отдела 2 Закона от 5 июля 1912 г. и статьи 5 Высочайшего указа правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г.».
Основной задачей военной цензуры был контроль над издаваемой в военное время печатной продукцией и просмотр корреспонденции в целях пресечения разглашения гостайны.
Согласно Указу от 10 июля 1914 г. появились еще два уголовно-наказуемых деяния:
сообщение в докладе, публичном выступлении или печати сведений, составляющих гостайну;
непредставление печатного издания в военно-цензурное управление.
Первый перечень (вступил в силу 20 июля 1914 г.) включал в себя 25 пунктов, связанных с различными аспектами военной жизни. Под категорию гостайна попали сведения, начиная от количества нейтрализованных шпионов и заканчивая описанием посещения царскими особами театра военных действий.
После начала Первой мировой войны перечень сведений был значительно расширен. Существовало 29 групп сведений, опубликование или использование которых в публичных выступлениях было запрещено:
1. О структуре, численности и кадровом составе частей морских и сухопутных сил, о личном составе военного и морского ведомств, об изменении в их структуре, численности этих частей и учреждений.
2. О личном и количественном составе войсковых частей и учреждений военного и морских ведомств.
3. О качестве вооружения, снаряжения, обмундирования, снабжения, санитарного обеспечения армии и флота, о боевых и морских качествах строящихся и проектируемых военных судов.
4. О назначении, современном состоянии, вооружении крепостей, морских баз и военных портов, о проектировании новых и упразднении старых, об численности и составе гарнизонов.
5. О местах дислокации и перемещения частей и учреждений, указанных в пункте, как и об учреждениях медицинской помощи.
6. О производимых работах в крепостях, укреплениях, морских базах, военных портах, на судах и на флоте, на заводах по изготовлению заказов военного и морских ведомств, о производстве в связи с военными нуждами работ на оборудование коммерческих и государственных заводах, с указанием их дислокации и производимой продукции.
7. О движении коммерческих судов, входящих, стоящих и уходящих из русских портов, о доставке военных грузов в Россию, количестве и номенклатуре.
8. О боевой готовности армии и флота.
9. Информация, указывающая на начало мобилизации частей и учреждений, о ходе мобилизационных работ и их состоянии, о готовности частей к передислокации на театр военных действий.
10. О порядке укомплектования частей и соединений.
11. О пропускной способности и техническом состоянии железных дорог.
12. О существующих и проектируемых грунтовых, шоссейных дорогах и водных путях, ведущих в районы боевых действий.

13. О техническом состоянии телефонных и телеграфных линий связи.
14. Об особенностях рельефа местности районов боевых действий с учетом стратегии и тактики.
15. О результатах обстрелов противником территории России.
16. О катастрофах неприятельских судов.
17. О смотрах и парадах войск, их проводе на фронт.
18. Все приказы, касающиеся пункта 1.
19. О содержании писем и телеграмм с театра военных действий.
20. О способах и результатах стрельб.
21. О проверках и опытных мобилизациях.
22. О боевых и военных мероприятиях за границей.
23. О слухах и предположениях о действиях войск.
24. О состоянии снабжения армии и флота топливом и продовольствием.
25. О потерях личного состава и военной техники.
26. О поимке шпионов, следствии и суде над ними.
27. Об авариях, забастовках и стачках.
28. Сведения о деятельности предприятий, работающих на оборону.
29.Фотоснимки, рисунки, описания всего, что не подлежит разглашению[407].

Чуть позднее, 9 ноября 1914 г., был издано дополнение к этому перечню. Он состояло всего лишь из одного пункта: «О предположениях, постановлениях и мероприятиях по Совету министров, как связанных с чрезвычайными расходами военного времени, так и вызванных военными обстоятельствами»[408].

Через год после начала войны, когда часть пунктов перечня перестали быть актуальными, например, о результатах опытной мобилизации, 29 июля 1915 г. был издан новый перечень сведений[409]. Больше перечней сведений до 1917 г. не издавалось.

9 ноября 1914 г. перечень был дополнен еще одним пунктом: «О предложениях, постановлениях и мероприятиях по Совету Министров, связанных с чрезвычайными расходами, вызванными войной». А 29 июля 1915 г. был издан новый перечень. В нем появилось шесть новых пунктов, а еще один был убран, как устаревший. Больше перечней до 1917 г. не издавалось.

Глава 22
Военные тайны Российской империи

Уже в первые годы прошлого века все крупные мировые державы начали подготовку к войне, напряженно наблюдая за тем, что делают потенциальные союзники и противники. В мирное время немногочисленные аппараты спецслужб «охотились» за мобилизационными планами, новинками военной техники и информацией о приготовлении к будущей войне.

Как следствие этого, в военном ведомстве начались активные действия по созданию и совершенствованию системы по защите военной тайны. Работа велась по четырем направлениям:

создание и совершенствование системы контрразведывательных органов. Их основной задачей являлось противодействие шпионажу противника в мирное и военное время (об этом подробно рассказано в других главах данной книги);

организация комплексной системы защиты информации, содержащей военную тайну;

совершенствование системы фельдъегерской связи;

организация военной цензуры.

Спустя много лет после окончания Первой мировой войны можно утверждать, что, несмотря на все принимаемые меры, Российская империя не смогла эффективно и надежно защитить свои военные секреты.

В русском обществе проблема противодействия шпионажу противника регулярно обсуждалась на страницах газет «Русского инвалида», «Нового времени», «Военного сборника». Но все материалы носили дискуссионный характер и были интересны лишь узкой группе специалистов и любопытных. Изредка выходили и монографии, посвященные проблеме военного шпионажа.

Одновременно с этим проводилась разъяснительная работа в войсках. Например, как вспоминает один из руководителей дореволюционной российской контрразведки Николай Батюшин[410], «в штабе Варшавского военного округа был установлен после Русско-японской войны порядок подробного оповещения о неподлежащих оглашению приказаний по округу о всяком дошедшем до суда шпионском деле, не делая никаких тайн из описания тех приемов, к которым прибегали шпионы в целях собирания секретных военных сведений».

По мнению Николая Батюшина: «это доверие высшего военного начальства к офицерам, во-первых, ликвидировало все кривотолки после судебного разбирательства шпионских дел, а во-вторых, воспитывало в должном направлении офицерскую среду, через нее и солдат в должном ими гражданского долга. Невольно просачивалось это затем и в толщу гражданского населения, которое являлось, таким образом, незаменимым сотрудником агентов правительства»[411].

Также нужно отметить, что в 1907 г. (переиздана в 1912 г.) в Российской империи была опубликована книга капитана 2-го пехотного полка французской армии Рауля Рюдеваля «Разведка и шпионаж. Практические указания строевым офицерам»[412]. В ней автор на основе опыта Франко-прусской войны 1870 г. и Русско-японской войны подробно разбирал различные приемы шпионажа и способы противодействия ему. Нужно учитывать, что Франция проиграла войну Пруссии, а Россия – Японии во многом из-за того, что Париж и Санкт-Петербург очень сильно недооценили возможности германских и японских спецслужб. Данная книга использовалась в качестве учебного пособия для офицеров российской армии.

Когда началась Первая мировая война, выяснилось, что армия и вместе с ней и государство не способны обеспечить необходимый уровень защиты военной тайны. И, как следствие этого, население не было готово активно помогать органам контрразведки.

И только 22 июня 1914 г. газета «Русский инвалид» опубликовала обращение к гражданам Российской империи. Это была первая попытка выразить мнение властей об отношении к защите военной тайны в Российской империи. В нем власти призывали население хранить в тайне информацию о дислокации, перемещении и численности войск. Население призывали не верить различным слухам и сохранять спокойствие. Правительство обещало информировать о реальной обстановке на фронте.

Через несколько месяцев начали издаваться брошюры, где подробно описывались реальные и вымышленные случаи деятельности разведслужб противника. Так, читатели изданной в 1914 г. в Москве тонкой брошюрки «Немецкий шпионаж» узнали вот такую историю:

«Служивший химиком на резиновом заводе «Треугольник» в Петрограде немецкий шпион Келлер старался отравить всех рабочих завода и тем самым вызвать среди рабочих форменный бунт. К счастью, рабочие вскоре заподозрили, откуда дует ветер, и немецкому шпиону пришлось бы плохо, если бы его не арестовали и не посадили в тюрьму»[413].

Понятно, что такие истории лишь возбуждали повышенную шпиономанию в обществе, заставляя искать врагов среди лиц с немецкими фамилиями.

К сожалению, время было упущено. Волна шпиономании, захлестнувшая Россию, как и другие европейские страны, не способствовала активизации мероприятий по защите военной тайны. Как писал один из офицеров контрразведки Российской империи:

«Не только в том штатском обществе, в котором я постоянно вращался, не имели никакого представления о контрразведке, ее назначении и цели, но и среди военных было

весьма смутное понятие о сущности этого крайне сложного и необходимого учреждения»[414].
Другой офицер российской армии, Михаил Бонч-Бруевич[415], занимавшийся вопросами контрразведки в Петербурге в период Первой мировой войны и разработавший «Проект наставления по организации контрразведки в действующей армии», полностью разделял мнение своего коллеги.
Он вспоминает, что «тайная война», которая велась параллельно явной, была мало кому известна. О явной войне трещали газеты всех направлений, ее воспроизводили бесчисленные фотографии и киноленты, о ней рассказывали миллионы участников – солдат и офицеров. О «тайной войне» знали немногие. В органах, которые занимались ею, все было строжайшим образом засекречено[416].
Сам орган военной контрразведки, первоначально названный Разведочным отделением, создавался негласно, «без официального учреждения его», иначе, по мнению организаторов, терялся бы главный шанс на его эффективную деятельность. Этот принцип сохранился до 1917 г. Даже должность начальника Разведочного отделения в целях конспирации именовалась «... состоящей в распоряжении начальника Генерального штаба»[417].

Кто охранял военные секреты

В российской армии проведение контрразведывательных мероприятий возлагалось на службу генерал-квартирмейстера. Анализ учебного пособия для офицеров Генерального штаба – «Служба Генерального штаба. Разведывательные органы армии», изданной в 1901 г. в Санкт-Петербурге, позволил определить, кто в Вооруженных силах Российской империи в начале прошлого века должен был заниматься вопросами защиты военных секретов.
Согласно этому учебному пособию, вопросами военной контрразведки должен заниматься комендант. Правда, если внимательно изучить перечень его обязанностей, то выяснится, что он отвечал за организацию содержания под стражей шпионов противника, дезертиров и пленных. Фактически он выполнял чисто полицейские функции[418].
Самым опасным во время боевых действий считался перехват донесений и приказов противником. Говоря другими словами, считалось, что если враг сумеет перехватить такой документ, то он не будет использовать содержащуюся в нем информацию в своих интересах, а просто уничтожит его. В результате военачальники не узнают о ситуации в подчиненных им частях и соединениях, а командиры не смогут выполнить приказы вышестоящего командования. В качестве меры противодействия рекомендовалось посылать несколько экземпляров донесения для повышения вероятности доставки его адресату[419].
В отношении полевого телеграфа указывалось, что противник может только разрушить линии связи. О возможности съема информации с провода или использование линий телеграфа противником в качестве средства оперативной связи ничего не говорилось[420]. Хотя уже в то время во многих европейских странах, например в Германии, проводились опыты по тайному подключению к линиям связи.

Организация секретного делопроизводства

Вопросами организации секретного делопроизводства в Генеральном штабе занималось сразу несколько структур.
Вопросами ведения секретной переписки по всем вопросам занимался восьмой стол VII отделения (ведение военной статистики иностранных государств) Второго управления генерал-квартирмейстера:
ведение переписки по секретным вопросам;

ведение переписки по агентурной разведке;
обеспечение работы прикомандированных иностранных офицеров к русской армии.
Именно это отделение занималось и организацией разведки.
VIII отделение (архивно-историческое) Второго управления генерал-квартирмейстера. Распределение функций внутри отделения:
1-й стол – выдача документов;
2-й стол – выдача книг;
3-й стол – делопроизводство по допущению занятий в архивах и библиотеках.
Это отделение совмещало в себе функции обычной библиотеки и спецотдела, регламентирующего вопросы допуска работы с секретными документами[421].
Было еще одно подразделение в структуре Генерального штаба, связанное с организацией секретной переписки. «Канцелярия. Журнальная часть. Ведение переписки и журналов по входящим и исходящим секретным документам»[422].
Все вопросы, связанные с организацией хранения, пересылки и обработки мобилизационных планов, регламентировались специальной инструкцией. В каждом военном округе инструкция была разработана с учетом мест дислокации войсковых частей и штаба округа. Каждый экземпляр инструкции имел гриф «секретно» и номер экземпляра. Тираж инструкции печатался только в военной типографии.
Рассмотрим теперь сам текст инструкции. В разделе 1 «Пункты хранения» детально расписывалось, где и в каких условиях должны храниться мобилизационные планы. Указывались город или железнодорожная станция, место хранение и способ хранения.
Местом хранения мобилизационных планов обычно являлись:
«Мобилизационный отдел штаба округа;
помещение караульного начальника гарнизонной гауптвахты;
денежная кладовая гарнизонной гауптвахты;
карцер при гауптвахте».
Способов хранения секретных документов было два: в железном ящике или в железном ящике, который вкладывался в деревянный сундук.
Во втором разделе инструкции подробно расписана процедура передачи документов в войсковые части на хранение.
Так, в первом параграфе второго раздела говорилось, что «документы должны храниться в опечатанных железных ящиках. А в отдельных пунктах ящики должны были быть дополнительно вложенные в деревянные сундуки (по два в каждый сундук). Сами сундуки должны быть прикрепленны к полу».
Во втором параграфе данного раздела говорилось, что «передача железных ящиков с документами на хранение в указанные в разделе 1 Учреждения и установка их в деревянные ящики производится уполномоченными от Заведующего передвижением войск и Начальника железной дороги. Эти лица должны иметь удостоверения личности утвержденного образца. При этом эти лица не могут производить передачу ящиков независимо друг от друга, а лишь при условии явки обоих представителей вместе.
Коменданты городов и Штаба военного округа должны быть заблаговременно извещены Заведующим передвижением войск о времени доставки ящиков и о том, кто из офицеров округа откомандирован с этой целью».
В третьем параграфе говорилось о месте укладки документов в ящик.
В следующем параграфе подробно описывался сам процесс опечатывания ящика. Так, согласно требованиям инструкции, железные ящики, предназначенные для хранения в деревянных сундуках, «опечатываются следующим образом:
1. В крышке каждого ящика, около переднего его края, и в передней стенке просверливаются отверстия, предназначенные для продевания двух бечевок, изготовленных с вплетенной в них тонкой проволокой.

2. После запора ящика одну из бечевок пропускают через ушко ключа, связывают узлом и концы припечатывают к особой маленькой дощечке печатями Начальника железной дороги и Заведующего передвижением войск.
3. После того как ящики будут доставлены в пункты хранения и размещены в общем деревянном сундуке, концы второй веревки (связанной с узлом одновременно с первой), запечатанные номерными печатями Начальника железной дороги и Заведующего передвижением войск к стенке деревянного сундука.
4. Слепки с печатей, вложенные в футляры, передаются коменданту города, который хранит их в особом железном ящике или прочно запираемом деревянном под свою личную ответственность.
5. Получив слепки и удостоверившись в целостности и подлинности печатей, комендант города либо Секретарь штаба округа опечатывают деревянные сундуки своими печатями и принимают на хранение вместе со слепками печатей ключ от деревянного сундука. После чего составляется акт установленной формы, в двух экземплярах, за подписями принявшего сундук на хранение и уполномоченного на передачу его.
6. Один экземпляр акта передается Начальнику железной дороги, другой, вместе с представленным удостоверением о личности, хранится у коменданта города либо в канцелярии Штаба округа.
7. Коменданты городов и секретарь Штаба округа несут полную ответственность за целостность печатей, которыми опечатаны железные ящики».
В пятом параграфе говорилось о том, что железные ящики, передаваемые на хранение без деревянных сундуков, опечатываются двумя сургучными печатями – Начальника железной дороги и Заведующего передвижением войск, но без прикрепленных к ним ключом, способами, указанными в четвертом параграфе.
Ключ от этих железных ящиков передается либо помощнику Начальника Мобилизационного отдела, либо уполномоченному от железной дороги агенту, либо другому должностному лицу для хранения в особом железном ящике или в прочном, хорошо запираемом, деревянном ящике.
В шестом параграфе говорилось, что копии всех актов передаются Заведующему передвижением войск.
В седьмом параграфе обычно описывались особые условия хранения в некоторых населенных пунктах. В частности, в Штабе военного округа сундук, в числе секретных дел мобилизационного отдела, охраняется во внеслужебное время часовым у дверей Мобилизационного отдела. В период работы отдела находится под наблюдением старшего адъютанта Мобилизационного отдела.
Третий раздел инструкции целиком посвящен описанию процедуры обмена документов.
В первом параграфе говорилось, что обмен железных ящиков или мобилизационных документов производится уполномоченными Начальника железной дороги и Заведующего передвижением войск, снабженными подлинными предписаниями: первый – Начальника железной дороги, второй – Заведующего передвижением войск.
Во втором параграфе говорилось, что предназначенные для вложения в ящики новые документы доставлялись в пункты хранения в тюках или железных ящиках, полученных в Управлении железной дороги.
В третьем и четвертом параграфах подробно описывалась сама процедура замены документов:
1. В присутствии коменданта города, либо секретаря штаба, либо Начальника Мобилизационного отдела или его помощника, открыв деревянный сундук, уполномоченный проверяет целостность печатей.
2. Сняв печати и совершив обмен железными ящиками или документов в железных ящиках, уполномоченные вновь накладывают установленные печати и составляют акт.
3. Далее производились действия, аналогичные тем, что выполнялись при первичном вложении железного ящика в деревянный сундук.

В пятом параграфе особо подчеркивалось, что уполномоченного необходимо немедленно допустить к железному ящику для обмена документов сразу же после прибытия, за исключением случаев, когда допуск во внеурочное время не допускается существующем законом (параграф 219 Гарнизонного устава).

В четвертом разделе инструкции подробно расписывалась процедура изъятия мобилизационных планов при объявлении частичной или полной мобилизации[423].

Попытки неуклонно следовать требованиям инструкции по организации хранения секретной переписки часто оканчивались неудачей.

В частности, еще до начала Русско-японской войны в «Записке о работах, необходимых для улучшения Сибирской Железной дороги со стратегической целью», датированной 10 октября 1901 г., говорилось, среди прочего, о необходимости приобретения несгораемых шкафов и ящиков.

В этом документе указывалось на то, что соблюдение требований этой инструкции в Сибири не гарантировало необходимого уровня сохранности мобилизационных документов.

Это было связано со сложной криминальной обстановкой в регионе. Большую часть населения составляли ссыльные, готовые пойти на любые преступления ради наживы. И огромное количество иностранных фирм, готовых помочь своим государствам в добыче этих документов. Как следует из текста документа, вся секретная переписка, в том числе и по мобилизационным вопросам, хранилась в обычных деревянных ящиках[424].

А вот как было организовано хранение секретных документов в одном из контрразведывательных отделений Юго-Западного фронта во время Первой мировой войны. В результате проверки, которая была проведена с 14 по 16 февраля 1916 г., комиссия установила:

«Все дела, за исключением тех, коими ведает непосредственно начальник отделения, хранятся в обычных шкафах за замками, ключи от которых на общей связке находились до последнего времени у старшего наблюдательного агента, второй же экземпляр у начальника отделения...

...Текущие бумаги оказались запертыми в ящики письменных столов, которые их ведут.

В секретном несгораемом шкафу при проверке оказались:

1. Шифры:

а) военный

б) для сношения с губернатором и начальниками губернских жандармских управлений, с начальниками городской и уездной полиции

в) частный ключ прокурорского надзора

2. Постановление по контрразведке.

3. Австрийские и германские паспортные бланки, выписываемые по требованию контрразведывательного отделения армии.

4. Мобилизационный план и записка контрразведывательного отделения.

5. Личный входящий и выходящий журнал.

6. Дела № 1, 7, 9, 22 за текущий и предыдущие годы.

7. Инструкция для тайной и разведывательной службы в Австрии.

8. Различные инструкции, издаваемые разноименно по контрразведке.

9. Дневник тайных агентов и данные перлюстрации мирного времени.

10. Деньги.

Два верхних ящика несгораемой кассы оказались запертыми бывшим начальником контрразведывательного отделения, что хранится там, начальнику отделения неизвестно, т.к. ключа ему не было оставлено.

В запертом столе начальника отделения оказались секретные приказы, приказания и циркуляры, секретное расписание войск округа, печати, тетрадь с фотографическими карточками охранных агентов, денежная отчетность за текущей и прежние годы»[425].

Не все секретные документы во время Первой мировой войны хранились так надежно. После окончания войны командир 1-го германского армейского корпуса генерал Герман фон Франсуа в своих мемуарах описал эпизод, когда в ходе Восточно-Прусской операции 1914 г.[426] удалось захватить в городе Нейденбурге[427] (там во время стремительного отступления непродолжительное время дислоцировался штаб 23-го корпуса русской армии) множество секретных документов.
Германский военачальник вспоминал: «Большое количество карт лежало среди захваченных документов, между ними находились копии наших секретных планов и карт всех восточных крепостей. Карты Кенигсберга были точны во всех мельчайших подробностях. Только шпионским путем русские могли получить эти ценные материалы»[428]. Сразу вспоминается эпизод из Русско-японской войны, когда в Мандариновой долине отечественная разведка потеряла обоз со своими секретными документами.

Военная криптография

Во второй половине XIX в. большинство шифров Военного министерства представляли собой коды малого (до 1000 словарных величин) объема. Кодовыми обозначениями здесь являлись трех– и четырехзначные числа. Говоря другими словами, при шифровании каждое слово заменялось соответствующим ему трех– или четырехзначным числом, взятым из специального словаря. Военные шифры этого типа обычно использовались в течение длительного времени. Перерабатывался лишь относительно быстро устаревавший словарь, что объясняется, например, изменением географии военных действий и т.п. Словарные ключи были наиболее распространенным типом шифров, используемых в конце XIX в. в военном ведомстве. Их называли «военными ключами».
Особое внимание уделялось правильному использованию шифров. В военном ведомстве в случае утери хотя бы одного экземпляра шифра или при подозрении, что он «взломан» дешифровальщиками противника, предписывалось немедленно выводить этот шифр из обращения и заменять новым.
Снятие копий с шифров категорически воспрещалось. Поэтому в военное время полевые штабы армий, отдельных корпусов и отрядов снабжались запасными экземплярами шифров. Они выдавались, в необходимых случаях, тем лицам, которых не было в списке, но которым, по мнению командующих армиями или других главных войсковых начальников, следовало иметь тот или иной шифр.
Экземпляры ключей военного времени, выданные командующим войсками в округах, командирам корпусов, комендантам крепостей и наказным атаманам, хотя и находились в непосредственном распоряжении этих лиц, должны были храниться в помещениях соответствующих штабов в «запертых секретных хранилищах» – шкафах, сундуках, ящиках – и обязательно в особо секретных пакетах, запечатанных личной печатью тех лиц, на чье имя они были выданы.
Так же строго хранили экземпляры шифров (ключей) и начальники главных управлений Военного министерства и штабов округов. Замену ветхих экземпляров шифров, передачу шифров от увольняемых лиц и т.п. производил Главный штаб. Он же определял срок действия шифров.
«С целью сохранения шифров в секрете инструкциями предписывалось ни в коем случае не оставлять в делах зашифрованные документы. Лица, использующие шифр, обязаны были помещать в деле копии отправленных шифросообщений, но изложенные «обыкновенном письмом». Черновики уничтожались. Лицо, получившее шифросообщение, также было обязано уничтожить подлинник, поместив в досье входящих документов соответствующую копию, изложенную «простым письмом». Проверка шифров военного времени, находящихся в округе, проводилась не реже одного раза в год[429].

Разумеется, рекомендации по обращению с шифрами часто носили половинчатый характер. В частности, во время Русско-японской войны «не только на приемной станции, но даже на передаточной должны были оставаться копии всех распоряжений, и это, при том условии, что шифровать депешу не всегда было время, является крайне нежелательным»[430].

Военное ведомство имело специальные шифры для военного времени. Но у них были многочисленные недостатки. Задолго до войны создали специальный шифр для войсковых соединений. Это был довольно сложный лозунговый шифр двойной вертикальной перестановки по двум номерным рядам – распределителям, с частой сменой ключей[431].

До Первой мировой войны ни в одной стране мира, кроме Франции и Австро-Венгрии, не существовало военных дешифровальных органов. И созданное в ноябре 1911 г. при Генштабе австро-венгерской армии криптографическое бюро во главе с капитаном А. Фиглем безуспешно пыталось взломать русские дипломатические и военные криптосистемы[432].

Ситуация усугубилась неразберихой, связанной с мобилизацией и развертыванием российских войск в начале Первой мировой войны. Дело в том, что начальник армейского шифровального бюро полковник Андреев вплоть до последней минуты перед началом боевых действий воздерживался от рассылки копий новых шифров, предназначенных для использования в особый период. Эта мера привела к печальным последствиям.

Русскими планами ведения военной кампании против Германии предусматривалось вторжение двух армий на территорию Восточной Пруссии с востока и юга. Предполагалось, что сомкнувшиеся «клещи» приведут к разгрому германской армии, устранив угрозу флангового удара при наступлении на главном направлении через Познань на Берлин из Варшавского выступа.

1-я армия Северо-Западного фронта (была развернута к востоку от Восточной Пруссии) под командованием генерала Павла Ренненкампфа должна была вести наступление строго в западном направлении и боевыми действиями сковывала немцев.

Перед 2-й армией Северо-Западного фронта под командованием генерала Александра Самсонова (дислоцированная к югу от Восточной Пруссии) была поставлена задача обойти Мазурские озера, войти в тыл немцам и, блокировав пути отхода, уничтожить их. Естественно, что успешное решение этой задачи предполагало согласованное и тщательно спланированное взаимодействие двух русских армий.

К сожалению, отечественная служба связи совершенно не отвечала предъявляемым ей требованиям. Когда армии Павла Ренненкампфа и Александра Самсонова оказались разделенными Мазурскими озерами и стали осуществлять связь друг с другом преимущественно по радио, выяснилось, что в 1-й армии новый шифр получили, а старый уничтожили, а во 2-й армии все еще действовал старый шифр. В результате переговоры некоторое время между ними велись по радио открытым текстом.

Общая неэффективность проведенной Россией мобилизации пагубно сказалась и на доведении до войск новых военных шифров и ключей к ним. Например, 13-й корпус армии Александра Самсонова не имел ключей для чтения криптограмм, поступавших от его соседа, 6-го корпуса. По прошествии двух недель после начала войны русские связисты даже не пытались шифровать сообщения, а передавали по радио открытым текстом[433].

К этому надо добавить, что материальное снабжение армий было налажено из рук вон плохо. В распоряжении армии Александра Самсонова находилось менее 600 км провода, который был быстро израсходован.

В то же время средства радиосвязи использовали в штабах обеих русских армий и в штабах подчиненных им корпусов. Штабы дивизий и штабы более низкого звена радиосвязи не имели. Поэтому штабы корпусов для связи с дивизиями использовали проводные средства. А штабы армий, в свою очередь, потратили мизерные запасы

провода для связи с тыловым командованием. И радио оставалось единственным средством связи между штабом корпуса и армии[434].

По необъяснимой причине командование российской армии не учитывало возросшие возможности радиоразведки. Поясним, что речь идет о возможностях несанкционированного подключения к проводным линиям связи и прослушиванию радиоэфира[435].

Дело в том, что еще в 1903 г. многие отечественные и зарубежные специалисты говорили о том, что передаваемую по радиоканалу информацию легко перехватить. И создать аппаратуру, лишенную этого недостатка, в ближайшие годы невозможно.

Например, профессор физики Электротехнического института и изобретатель радио Александр Попов в докладной записке от 4 марта 1903 г. в Главное управление почт и телеграфов в связи с проектом организации радиотелеграфного сообщения между Варной и Одессой прямо указывал, что «по свойству беспроволочного телеграфа нельзя защититься от прослушивания какой-либо промежуточной станцией, если она поставит себе такую задачу».

В мае 1904 г. в газете Berlin Tageblatt была опубликована статья одного из пионеров радиодела в Германии Г. Арко «Возможное и невозможное в области беспроволочного телеграфа», в которой он полемизирует с представителями фирмы «Маркони» и другими оппонентами, убедительно обосновывая принципиальную невозможность абсолютно защищенной системы радиосвязи[436].

К сожалению, на их высказывание никто не обратил внимание. И последствия этого проявились уже в первые месяцы войны во время приграничных сражений в Польше и Восточной Пруссии, когда в штабах русской армии не была учтена опасность перехвата и расшифровки радиосообщений станциями германской разведки[437].

Но самый трагичный момент для русской армии наступил в августе 1914 г., когда в результате катастрофы у Мазурских озер из армии Ренненкампфа сумело вырваться из окружения менее 2 тысяч человек.

Как писал М. Гофман, один из разработчиков этой операции, в книге «Война упущенных возможностей»: «Русская радиостанция передала приказ в незашифрованном виде, и мы перехватили его. Это был первый из ряда других бесчисленных приказов, передававшихся у русских в первое время с невероятным легкомыслием... Такое легкомыслие очень облегчало нам ведение войны на востоке, иногда лишь благодаря этому и вообще возможно было вести операции».

Неразбериха со связью наблюдалась и в других русских армиях. Шведский криптограф Гульден писал, что «в германском имперском архиве можно прочитать, что русские радиостанции очень часто передавали свои сообщения открытым текстом, военные радиостанции не получали во время мобилизации комплекты, необходимые для связи шифров».

При таком беспорядке в начале войны неоднократно случалось, что радиостанции, прибывшие на фронт и принадлежавшие различным радиоподразделениям, не могли обменяться шифрованными сообщениями по той простой причине, что отдельные радиороты снабжали свои радиостанции собственными шифрами.

Поскольку на один и тот же участок фронта могли попасть радиостанции разных рот, то в первые же дни войны выяснилось, что радиостанции, приданные одному и тому же армейскому корпусу или кавалерийской дивизии, говорят на разных шифроязыках.

А поскольку одна радиостанция не понимала другую, то при отсутствии надежной проволочно-телеграфной связи приходилось повторять шифросообщение открытым текстом»[438].

Хотя в начале войны Россия испытывала большие трудности в обеспечении своих войск всем необходимым, в том числе и средствами связи, уже в первой половине сентября 1914 г. ей удалось полностью снабдить их шифровальными средствами. 14 сентября

1914 г. Ставка Верховного главнокомандующего отдала распоряжение о том, что все военные приказы подлежат зашифрованию.
Но уже 19 сентября молодой одаренный начальник русского отделения дешифровальной службы Австро-Венгрии капитан Г. Покорный вскрыл эту систему.
Дело в том, что такие криптосистемы не представляли непреодолимых преград для криптоаналитиков, поскольку в шифротексте зачастую сохранялась структура часто встречающихся в открытом тексте слов, таких, как «атака» или «дивизия», которые шифровали одной строкой таблицы.
К тому же поначалу русские связисты нередко вставляли открытый текст в шифрованный. Вскоре одновременное использование открытых и шифрованных текстов в сообщениях было запрещено, но было уже слишком поздно, и оно сыграло свою негативную роль. И уже 25 сентября новая криптосистема была взломана окончательно[439].
Об этом русские догадались только 19 октября. До этого дня большинство приказов, принимаемых германским командованием, основывались на данных радиоперехвата. И это не случайно. Порой русские сами сообщали наиболее уязвимые места в своей обороне.
Смена всех элементов криптосистемы позволила до 25 октября одерживать верх над 17-м армейским корпусом под командованием немецкого генерала августа фон Маккензина и загнать его в «мешок», но после расшифровки одной из телеграмм немцам стало известно слабое место в кольце русских войск. Окружение было успешно прорвано.
К весне 1915 г. в российских войсках полностью отказались от старой системы шифров и стали применять простой шифр Цезаря[440]. Большое количество таблиц, использовавшихся в период активного ведения, и ежедневная смена ключей ставили непосильную задачу перед связистами. В этих условиях вскрытие очередного русского шифра для дешифрованных служб Австро-Венгрии и Германии не составляло почти никакого труда.
Чтение русских криптограмм позволило странам германского блока принимать время от времени такие меры, которые были единственно правильными тактическими решениями в данной ситуации. Российский Генеральный штаб был озадачен прозорливостью противника.
Однажды немцы оставили занимаемые ими позиции за два дня до начала большого наступления русских войск. Одним из объяснений точного соответствия решений германского командования создавшейся обстановке русские считали их аэрофотосъемки.
Но постепенно крепло убеждение, что противник читает русскую шифропереписку. Когда весеннее немецкое наступление второго года войны достигло апогея, русские опять сменили шифр. Но эта смена доставила больше хлопот им самим. Почти все шифровки, переданные по радио в первые два дня после смены шифров, из-за допущенных ошибок так и не были прочитаны адресатами.
В июне 1916 г. вновь произошло изменение способа шифрования – в российской армии был введен первый код. Возможно, это было сделано под влиянием Франции, которой из дешифрованных немецких криптограмм стало известно, что немцы читают русские шифрособщения, или под воздействием собственной службы радиоперехвата, которая начала функционировать в 1916 г.
Нарастающая дезорганизация русской армии оказывала отрицательное влияние и на службу связи. Пропорционально снижению дисциплины в войсках росла и болтливость радистов.
В начале 1917 г. только в течение одного дня австрийская дешифровальная служба прочла более 300 русских шифротелеграмм, из чего следовало, что служба обеспечения связи России быстро разваливалась[441].
Наличие слабых военных шифров, недостаточно продуманных инструкций к ним, большое количество нарушений шифродисциплины – все это в совокупности вело к тому,

что отечественные военные шифры успешно раскрывались австрийскими и немецкими специалистами[442].
Правда, проблемы с перехватом сообщений, передаваемых по телеграфу, возникли еще в Русско-японскую войну. Если донесения в осажденный Порт-Артур шифровали, то по телеграфу информация передавалась в открытом виде.
И более того, уже в 1904 г. японские спецслужбы, впервые в истории радиотехнической разведки, реализовали на практике схему дистанционного съема акустической информации. Они использовали схему микрофон – кабель – приемник (наблюдатель)[443].
Только в 1915 г. в российской прессе прошло сообщение о том, что во время боевых действий в период Русско-японской войны были случаи перехвата телеграфных сообщений, которыми обменивалась Ставка Главнокомандующего и войска.
Порой доходило до абсурда. Проволочный телеграф, особенно аппараты Юза, русское командование считало абсолютно надежными для передачи секретных телеграмм в незашифрованном виде. С чем была связана такая уверенность в надежности этого аппарата, осталось загадкой[444].
Хотя для того чтобы быть в курсе планов командования российской армии, разведке противника можно было не использовать данные радиоперехвата. Например, в Ставке Верховного главнокомандующего находился агент иностранной разведки, который с декабря 1915 г. дежурил на секретном узле связи, где в «открытом» виде (незашифрованном) по телеграфному аппарату Юза передавались секретные оперативные и другие распоряжения фронтов, Военного министерства и др.[445]
По утверждению Николая Батюшина, «сведения (копируемые и ежедневно отсылаемые с фельдъегерями в Петроград. — Прим. авт.) касались и организации нашей армии в самом широком смысле слова, то есть не только ее устройства, но и пополнения, вооружения, снаряжения, питания и пр., и оперативные задания и выполнения их в виде секретных отчетов об операциях, указания для ведения и подготовки их и секретных дипломатических сношений и пр. ...»[446]

Организация фельдъегерской службы

Фельдъегерский корпус был учрежден императором Павлом I в декабре 1796 г. Личный состав фельдъегерского корпуса (фельдъегеря) обеспечивал доставку приказов, донесений, ценных бумаг, посылок, а также сопровождение высокопоставленных лиц.
Работу сотрудников фельдъегерского корпуса регламентировали инструкции. В частности, 25 июля 1892 г. была утверждена «Инструкция чинам фельдъегерского корпуса»[447].
В Русско-японскую войну 15 офицеров и 13 фельдъегерей были откомандированы в действующую армию – не только обеспечивать доставку приказаний и распоряжений командующих в пределах действующей армии, но и доставлять в столицу наиболее срочные и важные донесения главнокомандующего русских войск на Дальнем Востоке, но и командующими армиями, корпусов непосредственно Николаю II.
В 1913 г. «Инструкция чинам фельдъегерского корпуса» была пересмотрена и 12 сентября 1913 г. была утверждена новая.
В ней были более четко обозначены служебные обязанности и правила поведения чинов фельдъегерского корпуса как на службе, так и вне ее. Кроме того, первая глава «Об общих обязанностях чинов фельдъегерского корпуса» была дополнена разделом «Об автомобилях и подрядческих лошадях».
В параграфе 62 инструкции регламентировалось обращение с секретными пакетами. Пакеты от императора на имя министров и главнокомандующих должны быть доставлены чинами корпуса тотчас же по прибытии в Санкт-Петербург прямо военному министру, министру иностранных дел или председателю Совета министров, хотя бы это было в

ночное время. При этом в рассыльных книгах, кроме расписки, должны быть обозначены получатель, месяц, число и час сдачи пакетов по принадлежности[448].
После начала Первой мировой войны начальник фельдъегерского корпуса издал приказ об усилении режима секретности для чинов фельдъегерского корпуса.
«Объявляю чинам корпуса о безусловной необходимости остерегаться случайных знакомств и расспросов посторонних лиц, в особенности по служебной деятельности чинов корпуса. В текущую войну неограниченно распространен неприятелем шпионаж, поэтому надо остерегаться в ответах даже на самые, казалось бы, невинные вопросы, задаваемые, однако, с одной целью: собрать подробные сведения для неприятеля обо всех не только военных, но и общегосударственных мероприятиях, вызванных настоящей войной и проведение которых втайне от врага представляет одно из средств к достижению Россией успеха в войне и последующей победе над врагами»[449].
В качестве итога можно процитировать слова А. С. Резанова, сказанные им на второй год Первой мировой войны: «Хотя в последние годы военное начальство прилагало большие старания к охране военных тайн, но промахи были очень часты, и это понятно: после целого рядя лет распущенности в этой области требовался известный промежуток времени, чтобы привить военным чинам привычку вдумчивого отношения к понятию военного секрета и военной скрытности»[450].
К сожалению, слова военного прокурора так и остались пожеланием. Привычку «вдумчивого отношения к понятию военного секрета и военной скрытности» смогли привить обществу только в Советской России.

Глава 23
Кто и как охранял секреты царского МИДа

В начале прошлого века крупные капиталистические государства вступили в борьбу за рынки сбыта и колонии. Это потребовало от них активно защищать свои интересы, и, как следствие этого, возросла роль информации о внешнеполитических планах отдельных стран в том или ином регионе, о военном и промышленном потенциале, мобилизационных планах и новинках военной техники.
Выход Российской империи на мировую арену и ее активное участие в этой борьбе потребовали развития дипломатических отношений со многими странами. И, как следствие этого, проведение более гибкого внешнеполитического курса.
В 1902 г. у России за границей было 6 посольств, 25 миссий, 3 политических и дипломатических агентства, 29 генеральных консульств, 69 консульств и 39 вице-консульств. Всего же различных «штатных установлений» министерства за границей было 173, кроме того, имелось более 300 консулов, вице-консулов и консульских агентов.
При этом руководство страны и самого МИДа не предпринимало почти никаких попыток создать комплексную систему защиты информации. И более того, многие чиновники просто не понимали необходимости соблюдать элементарные правила по обеспечению сохранности сведений, содержащих информацию о планах и особенностях проведения внешнеполитического курса Российской империи.
В качестве примера можно привести отрывок из воспоминаний министра иностранных дел графа Владимира Ламсдорфа[451]. Всю жизнь он был связан с центральным аппаратом МИДа. С 1886 г. он являлся членом цифирного комитета МИДа (орган, ведающий вопросами организации криптографической защиты информации в министерстве).
Известный российский политик Сергей Витте[452] позднее написал в своих мемуарах, что в силу своего положения «... граф Ламсдорф был ходячим архивом Министерства иностранных дел по всем секретным делам этого министерства»[453].

Как писал сам Владимир Ламсдорф в своем «Дневнике», «странным является мое положение в данный момент, мои секретные архивы содержат все тонкости политики последнего царствования. Ни молодой государь (Николай II), ни почтеннейший Шишкин[454], назначенный временно управляющим Министерством иностранных дел, не имеют ни малейшего представления о документах, доверенных в последние годы исключительно и совершенно бесконтрольно мне... Я оказался исключительным обладателем государственных тайн, являющихся основой наших взаимоотношений с другими странами»[455].

В своем дневнике граф Владимир Ламсдорф помещал копии порой совершенно секретных документов. Например, копии перлюстрации переписки германского посольства в России.

Если записи из этого дневника попали бы к иностранным правительствам или были бы опубликованы, то, кроме серии дипломатических скандалов и ухудшения международного положения Российской империи, была бы значительно затруднена работа российских спецслужб.

В качестве доказательства этого утверждения можно привести историю, связанную с министром иностранных дел Алексеем Лобановым-Ростовским[456]. В одной из своих бесед с иностранным дипломатом он оказался чересчур откровенным и повел с ним речь о чем-то, что не могло быть известно русскому министру из официальных источников. Об этом стало известно германскому послу, чьи интересы оказались задеты. Реакция немецкого дипломата последовала незамедлительно. В своей шифротелеграмме, отправленной в Берлин, он писал: «Использую этот шифр из осторожности, так как предыдущий употреблялся слишком часто и у меня появились основания для недоверия. Меня предупредили, прошу о новом шифре». По мнению Владимира Ламсдорфа, поместившего этот документ в свой «Дневник», «проболтаться могли Лобанов или Шишкин при их разговорах с дипломатами или же с министром финансов и его агентами»[457].

Одна из причин такого отношения – отсутствие четкого перечня вопросов, не подлежащих разглашению перед посторонними лицами.

Перечень сведений в сфере внешнеполитической деятельности государства, относимых к государственной тайне

В начале прошлого века в Российской империи не существовало межведомственного перечня сведений, относимых к государственной тайне. Каждый владелец секретной информации – Правительство, МИД, Министерство обороны, Департамент полиции – самостоятельно определял состав сведений, относимых к государственным секретам.

Основным источником, позволяющим получить представление о составе сведений, охраняемых государством в сфере внешней политики, служат архивы царского МИДа, частично рассекреченные после революции 1917 г. Можно выделить следующие группы сведений.

Секретные договора и секретные протоколы к обычным договорам, заключенным Россией со своими союзниками. Например, Тайное соглашение между Россией и Японией (17–30 июля 1907 г.)[458], Русско-болгарское соглашение (проект договора декабрь 1909[459]. В каждом из этих договоров был предусмотрен пункт, что подписавшие его стороны обязуются хранить в тайне содержание подписанного документа.

Переписка императора и руководства государства.

Материалы, полученные в результате перлюстрации переписки зарубежных консульств и посольств со своими правительствами. В качестве примера – шифропереписка французского посла в Петербурге М.Палеолога с министром иностранных дел Франции Т. Декассэ[460] или шифропереписка посла Великобритании сэра Дж. Бьюкенена со статс-секретарем по иностранным делам сэром Эд. Греем[461].

Донесения сотрудников спецслужб. Так, в архив МИДа попали «Донесение военного агента в Берлине от 30 января 1909 г. Михельсона», «Донесение морского агента в Германии от 18 января 1907 г. Б. Бопа» или «Донесение агента Министерства финансов в Германии и Австро-Венгрии П. Миллера от 21 января 1909 г.»[462]
Аналитические материалы. Например, «Раздел Турции. Справка по малоазиатскому вопросу»[463].
Как мы видим, из приведенного выше перечня под конфиденциальную информацию подпадал очень широкий круг вопросов – начиная от переписки послов и заканчивая аналитическими материалами по различным аспектам внешней политики.

Органы защиты информации в МИДе

Во внешнеполитическом ведомстве вопросами обеспечения защиты государственной тайны в сфере внешней политики занимались:
– шифровальный департамент – вопросы организации криптографической защиты каналов связи;
– послы и консулы, на которых был возложен весь спектр обязанностей, начиная от подбора технического персонала и заканчивая организацией отправки дипломатической почты.
В конце XIX в. шифровальная служба МИДа была организована следующим образом. При канцелярии министра был шифровальный департамент с двумя отделениями. Их функции были следующими:
Первое отделение – ведение всей шифропереписки с заграничными учреждениями. Его возглавлял барон К.И. Таубе.
Второе отделение – дешифровка чужой дипломатической переписки.
Специального учебного заведения, где бы преподавали искусство криптографии, в России не было, и поэтому чиновниками в шифровальный департамент, как, впрочем, и во все другие департаменты министерства, назначались не лица, обладающие суммой определенных знаний и известными способностями, а окончившие лицей или юридический факультет.
В годы Первой мировой войны организацией шифросвязи в МИДе ведал цифирный комитет. В 1915 г. в него входили А. Нератов, В. Арцимович, Базили, К. Таубе, Э. Феттерлайн, Ю. Колемин, М. Чекмарев, Н.Г. Шиллинг, Н.И. фон дер Флит. Члены этого комитета были в курсе всех вопросов, связанных с организацией шифросвязи в России. В частности, члены комитета располагали информацией о всех использующихся на линиях связи шифрах, о действующих системах ключей и т.п.[464]
5 октября 1917 г. управляющий шифровальным отделением МИДа, член цифирного комитета Ю.А. Колемин подал подготовленную им совместно с его помощником М.Н. Чекмаревым докладную записку на имя министра иностранных дел Временного правительства Михаила Терещенко.
Эта записка, по словам Колемина, писалась в момент, когда специальная служба России «оказалась на грани крушения». Поэтому автор считал совершенно необходимым безотлагательную ее полную реорганизацию.
Он писал: «Отделение теперь функционирует. Но я не вижу возможности, чтобы оно оказалось впоследствии жизнеспособным без проведения в жизнь указанных мною принципов, которые, по моему глубокому убеждению, могут быть изменены в частностях, но не по существу». Иначе дело идет «к неминуемому банкротству, последствия которого могут быть для нас неисчислимыми».
Записка Колемина представляет особый интерес. В ней автор рассматривает место сотрудников шифровального отделения МИДа в «Табеле о рангах» и предлагает, как нужно перестроить всю систему шифровальной службы МИДа.

Необходимость перестройки деятельности криптографической службы, в общем, понимали и руководители министерства. Но вопрос пытались решить лишь формально. Хотя и был наспех подготовлен проект, в котором делалась попытка скопировать подобную немецкую специальную службу. В этих условиях и появился документ Колемина.

В своей записке Колемин указывал, что работники криптографической службы всегда считаются как бы людьми второго сорта, рядовыми чиновниками, что особенно бросается в глаза на фоне привилегированных дипломатов.

Но между тем этим людям второго сорта «шифры и вместе с ними все государственные тайны даются прямо в руки... Но это еще не все. Получив шифры и государственные тайны в свои руки, эти люди навсегда замыкаются в... экономические рамки ничтожного оклада. Прозябание на местах и беспросветная будущность – вот к чему сводится горизонт этих людей».

Далее Колемин пишет: «На каком именно основании тут предполагалось бы, что они должны чувствовать особую с интересами своего дела солидарность, остается неизвестным, за исключением только тех случаев, если удалось бы набрать полный штат таких идеалистов, добросовестность коих можно было бы безнаказанно эксплуатировать, что, очевидно, не входит в расчет законодателя. Я не отрицаю, что во время войны можно и на самом деле рекрутировать такой благонадежный кадр даже на основании только что изданного положения. Стоит только обратиться, как это и делается, к раненым офицерам, числящимся на действительной службе, чтобы иметь людей, исполняющих свой воинский долг хотя бы и в тылу. Но ведь такое состояние не вечно. Когда-нибудь да кончится война и настанет час демобилизации. И в этот час наши шифровальщики перестанут быть прикомандированными к нам офицерами и очутятся всецело в условиях делопроизводителей VIII и VII разряда шифровального отделения»[465].

Из приведенной цитаты можно видеть, что не все благополучно в шифровальной службе МИДа России. Маленькая зарплата, отсутствие перспектив роста, пренебрежительное отношение со стороны дипломатов и обычных чиновников, ограничения, накладываемые самой спецификой службы шифровальщиков, – все это вызывало проблемы с подбором кадров для шифровального отделения МИДа и обеспечением режима секретности.

А может, попытка скопировать иностранные образцы организации криптографической службы на русскую почву поможет решить эту проблему? Ответ Колемина:

«Я считаю свою обязанность высказать глубокое мое убеждение, что эта цель не достигается вовсе. Я осмеливаюсь утверждать, что здесь имеется только одна неизбежность провала всего нашего дела о шифрах и возможность нанесения интересам непоправимого вреда.

На самом деле, при осуществлении задания, заключающегося в перенесении на русскую почву иностранных образцов, хотя бы и хороших, нельзя упускать из виду необходимость согласовывать их с нашей социальной восприимчивостью, которая слагается из целой сети факторов, от грубых материальных условий до нашего сокровенного психического облика включительно. Иначе материальная копия может вылиться в карикатуру».

Далее Колемин рассуждает о менталитете русского и немецкого чиновников. И приходит к выводу, что если для Германии такой вариант организации криптографической службы работал вполне успешно, то в России «специалисты-криптографы будут попадать в безвыходные условия второразрядной службы со всеми внутренними предпосылками неудовлетворенности. Они будут принадлежать к хорошо известному классу вечно обиженных...»

И это означает не только возможность вербовки иностранными спецслужбами, хотя и, по мнению Колемина, «...если бы и устояла честность, то рвение к делу вряд ли устоит. А создавать организацию, в которую заложено игнорирование стимулов производительности труда, – дело безнадежное. Из такого учреждения, при наступлении нормальных условий, лучшие силы уйдут, а с остальными оно будет влачить жалкое

существование до краха... и притом до такого краха, который при совершившемся уже приспособлении всего Министерства к новому порядку ведения нашей секретной переписки может обойтись очень дорого».
Колемин дает конкретные предложения по организации корпорации работников криптографической службы, деятельность которой была бы обусловлена соответствующими гарантиями как экономического, так и морального свойства, и, что не менее важно, корпорации, свободной от протекционизма и других пороков.
Автор процитированного выше документа не ограничился только описанием ситуации и предложениями по ее исправлению. Он предпринял определенные шаги. К сожалению, они были бессмысленны, так как через несколько недель власть в России захватили большевики.
19 октября 1917 г. каждый из чиновников шифровального отделения МИДа подписал текст присяги, которую составил Ю.А. Колемин для криптографов. Вот ее текст:
«Я, нижеподписавшийся, вступая в исправление моих обязанностей, обещаю, что буду всегда свято и ненарушимо соблюдать перед посторонними лицами молчание обо всех материалах, при помощи которых я буду исполнять возложенное на меня ведение секретной переписки Министерства иностранных дел. Обещаю, что буду свято и ненарушимо сохранять в тайне от посторонних лиц все сведения, которые будут проходить через мои руки и перед глазами моими при ведении этой секретной переписки. Обещаю, что буду всегда осторожно, обдуманно и предусмотрительно обходиться с вверенными мне тайными материалами, обещаю, что буду всегда осторожно, обдуманно и предусмотрительно относиться к тем условиям, при которых я могу с сослуживцами по отделению говорить об имеющихся у нас профессиональных сведениях, дабы всеми силами моими содействовать ненарушимости и непроницаемости этих тайн, составляющих собственность не мою, а доверяющего их мне Министерства, ведающего при помощи их, через меня, интересами моего Отечества. Обещания сии подкрепляю благородным и честным моим словом.
Петроград, 19 октября 1917 г.».[466]

Лакеи в роли шпионов

В большинстве стран мира многие сотрудники обслуживающего персонала посольств и миссий (из числа местных жителей) одновременно исполняют обязанности тайных информаторов местных спецслужб. Эта традиция «возникла» в момент зарождения международной дипломатии и продолжает существовать и в наши дни.
Если подбор сотрудников криптографических подразделений МИДа контролировало государство, наем технического персонала для заграничных учреждений зависел от личных качеств посла или консула. А большинство из них имели довольно слабое познание в сфере противодействия иностранным спецслужбам. Разумеется, были дипломаты, которые демонстрировали бдительность, но их были считаные единицы.
В качестве примера можно процитировать слова посла Остен-Сакена, писавшего еще в 1895 г. в своем докладе, что в консульствах, расположенных в пограничных пунктах Мемель, Кёнигсберг, Торне и Бреславе, нарушаются элементарные требования режима секретности.
В частности, дипломат указывал, что «присутствие на службе в их канцеляриях прусских подданных я считаю недопустимым и опасным». Далее автор этого доклада, аргументируя свою точку зрения, напоминал, что «нельзя забывать, что к пограничным консулам беспрестанно командируются с секретными поручениями чиновники и офицеры разных ведомств и что в делопроизводстве находится масса дел доверительного характера. Кроме того, в этих консульствах постоянно хранятся шифры трех министерств: военного, внутреннего и иностранных дел...»

И более того, «эти же иностранцы должны заменять наших пограничных консулов во время их служебных разъездов, отпусков, болезней и принимать секретные депеши и разных офицеров, направляемых в Пруссию»[467].
Здесь уместно будет заметить, что все или почти все курьеры, фельдъегеря, прислуга и пр. были подкуплены. За небольшую мзду, выплачиваемую ежемесячно или поштучно, они приносили в указанное место содержимое корзин, стоящих у письменного стола их хозяев, копировальные книги из канцелярий, черновики и подлинники получаемых писем и официальных донесений и даже целые коды и шифровальные ключи[468].
В качестве подтверждения этого факта можно рассказать историю Юлиуса Рейхака, прослужившего в российском посольстве в Швейцарии более 20 лет в должности старшего канцелярского служащего и имевшего доступ во все помещения посольства и ключи от всех сейфов. Кроме этого, он сам упаковывал и отвозил на вокзал всю дипломатическую почту посольства, тем самым значительно облегчая работу немецкой разведки по перлюстрации российской дипломатической почты.
Если бы российский дипломат в декабре 1910 г. не подслушал разговор двух беспечных немецких разведчиков, то Юлиус Рейхак продолжал бы спокойно работать на немецкую разведку еще много лет[469].
После поражения в Русско-японской войне только военное ведомство начало более серьезно относиться к проблеме защиты информации в загранучреждениях. В частности, была предпринята попытка решить проблему подбора персонала для обслуживания военных атташе.
Один из вариантов решения этой проблемы – выписывать прислугу из России. Предусматривалась возможность каждого военного атташе иметь денщика из нижних чинов полевой жандармерии. При этом государство брало на себя все расходы по доставке служащего к месту работы, выдаче ему «подъемных», а атташе был обязан сам только содержать слугу.
Другим мероприятием можно назвать рассылку Генштабом инструкции, где всем атташе рекомендовалось хранить секретные бумаги в сейфах посольств, напоминалось, что квартиры военных атташе не имеют статуса «экстерриториальности».
В инструкции содержались признаки, по которым можно было определить, что прислуга получает второе жалование в местной контрразведке. Разумеется, это был не выход, но хотя бы первый шаг по организации режима секретности в посольствах.
В августе 1912 г. Генштабом была введена секретная инструкция «военным агентам и лицам их замещающим», где были изложены правила пользования почтовой и телеграфной связью. В частности, в ней говорилось, что несекретные срочные документы нужно отправлять с курьером МИДа, секретные срочными шифрованными телеграммами, а секретные несрочные – заказным письмом или через знакомых лиц[470].
Тем самым Генштаб признал ненормальное положение в технологии пересылки секретной почты загранучреждений России и более того, фактически узаконил этот порядок. Рассмотрим чуть подробнее, как пересылалась секретная корреспонденция.
Использование запечатанных конвертов и специальных вализных мешков не гарантировало защиту содержимого пакетов и мешков от любопытных глаз противника.
Так, «в присутствии секретаря посольства однажды, в виде опыта, была вынута почта из посольского вализного мешка, не трогая печатей, замков, не разрезая наружного шва у мешка». Это из воспоминаний русского военно-морского атташе в Америке в 1911–1912 г. капитана 1-го ранга Васильева.
В начале 1913 г. некий П. Брандт написал статью «К борьбе со шпионажем», опубликованную в газете «Русский инвалид» (№ 112 от 29 апреля 1913 г.), где доказал всю ложность надежд на сохранность секретов при существующих тогда образцах конвертов, прошивание и накладывание сургучных печатей[471].
А порой при пересылке секретной корреспонденции происходили совсем странные ситуации. И только глупостью чиновников можно объяснить тот факт, что в Японии,

например, конверты с грифом «секретно» и «совершенно секретно» часто терялись, а телеграммы попадали не по адресу. При этом следует учесть, что секретные письма отправлялись обычной почтой.

Пакеты распределялись на простые, секретные и совершенно секретные в зависимости от их содержимого, что никак не влияло на степень защищенности при пересылке по обычной почте. Пакеты, содержащие донесения военных агентов, «пересылались открытой почтой, с надписью «совершенно секретно» и запечатанные сургучом»[472].

Документы, пересылаемые военному атташе в Китае, имели пометку на конверте: «Военному агенту». И это было распространенным явлением, когда вся переписка с военными агентами велась на официальных бланках, с указанием на конверте полного адреса (название учреждения, должность и чин адресата и т. п.).

Другим направлением деятельности в сфере применения методов организационной защиты были попытки разработать типовую инструкцию по хранению и обработке конфиденциальных документов. Правда, и это начинание не увенчалось успехом. Разрабатывались лишь указания отдельным дипломатам по организации секретной переписки с Петербургом.

Например, в «Секретной инструкции Российско-Императорскому Генеральному Консулу в Индии», датированной 7 января 1900 г., говорилось о том, что «по прибытии Вашему в Калькутту, Вам надлежит тотчас же проявить озабоченность наилучшего способа переписки Ваших секретных донесений в России и в Лондоне. Со своей стороны, мы обращаем вместе с сим, и Французское правительство с просьбой разрешить Вам пользоваться с этой целью любезным посредничеством Французского Генерального Консульства в Калькутте, подобно тому, как это происходит в настоящие время в Бомбее. Из силы Вам придется, вероятно, периодически отправлять Вашу секретную корреспонденцию с доверенными лицами, быть может, с одним из чиновников вверенного Вам генерального консульства, что же касается секретных планов, адресованных в императорскую миссию в Пекине, то Вы могли бы посылать таковые в наше Консульство в Калькутте, либо для дальнейшего отправления по назначению на срочных русских пароходах»[473].

И порой сами дипломаты были вынуждены импровизировать, пытаясь избежать перехвата своей переписки спецслужбами противника.

Про графа Николая Игнатьева[474] в российском «черном кабинете» (орган, занимавшийся перлюстрацией почтовой корреспонденции) рассказывали, что он, будучи послом в Турции, отправлял свои письма простыми (не заказными) письмами, в грошовых конвертах, которые пролежали некоторое время рядом с селедкой и мылом. Адрес же на конверте он заставлял писать своего лакея, причем не на имя министра иностранных дел, а на имя его дворника или истопника, по частному адресу. Эти меры действительно спасали корреспонденцию графа от перлюстрации.

Несмотря на принимаемые меры по организации защиты информации, почти ничего не изменилось в этой сфере.

Когда в начале Первой мировой войны военный агент Алексей Игнатьев[475] вернулся к месту во Францию, то человек, печатавший на пишущей машинке шифротелеграммы в одной из комнат российского посольства в Париже, встретил его радостной фразой на немецком языке...

Когда шокированному увиденным кадровому военному разведчику Алексею Игнатьеву объяснили, почему именно барон Х. занят столь важным делом – умеет печатать на машинке и вообще хороший человек, то российский офицер пришел в ужас от происходящего...[476]

Правда, это не единичный случай. Так, князь Орлов, приехавший в отпуск к своему богатому дядюшке в Париж во время Первой мировой войны, был привлечен к шифрованию телеграмм. И таких эпизодов десятки.

Порой доходило до курьезов. Так, военный атташе в Швейцарии полковник Дмитрий Ромейко-Гурко в первые дни войны был вызван в Петербург, оставив в стране пребывания ключ от сейфа со списками агентуры в Германии[477]. По иронии судьбы, немецкий агент Юлиус Рейхак, разоблаченный в декабре 1910 г., работал именно в этом посольстве и, возможно, имел ключ к сейфу военного атташе.

Криптографические методы защиты информации

Русскими дипломатическими представителями в Европе при переписке с МИДом активно использовались биграммные шифры. Основные недостатки такого шифра – короткий, не более трех лет, срок использования. Но многие из них активно использовались по пятнадцать–двадцать лет, что значительно увеличивало вероятность «взлома» противником. Существовали две разновидности биграммных шифров[478]:
русские биграммные шифры, по которым шифровали сообщения на русском языке французские биграммные шифры.
Еще один вид шифров – это биклавные шифры. Они представляли собой шифр многозначной замены, состоящий из 26 различных простых замен с достаточно сложным выбором замены на каждый знак открытого текста, определяемые двумя ключами. При этом отдельным знакам открытого текста (буквами и знаками препинания) соответствуют два знака шифрованного текста. Таким образом, длина шифрованного текста не соответствует длине открытого текста.
Правда, биклавные шифры не нашли широкого применения в начале XX в. Как писал Таубе в 1901 г.: «Система биклавная не применима в настоящее время ввиду смешанной передачи буквами и цифрами, не допускаемой телеграфными конвенциями»[479].
Активно использовались до 1917 г. шифровальные коды. Объем словаря составлял до 10 тыс. слов и выражений. При достаточном объеме шифротекста можно сравнительно легко дешифровать. Большинство кодов были алфавитными, то есть буквы, слоги и слова располагались в порядке алфавита, а соответствующие им кодовые обозначения представляли собой естественные числовые последовательности. Это в значительной мере облегчало дешифрование, поскольку место каждого кодового обозначения определялось местом слова в словаре соответствующего языка эквивалентного объема.
После кражи экземпляров шифров из российской миссии в Пекине 19 августа 1888 г., биграммный шифр с ключом № 356 был временно выведен из употребления, но в конце XIX в. вновь введен в другом регионе.
В начале прошлого века многие страны имели свои, действующие весьма эффективно, службы дешифровки. Поэтому примененять в чистом виде алфавитные и неалфавитные шифры было опасно. В связи с этим возникла насущная необходимость по введению усложнений для увеличения стойкости кодов.
частая смена ключей и кодов;
применение одновременно нескольких кодов в тех местах, где была такая возможность;
применение различного рода приемов типа использования различных вариантов кодовых обозначений;
применение различных способов и систем перешифровки.
Параллельное применение нескольких кодов требовало больших затрат на составление и издание большого их количества, поэтому широкого распространения не получило. В России, как и во многих других странах, применялись различные виды перешифровок кодов: с помощью колонной замены, гаммирования и перестановок.
Например, использованный в МИДе, начиная с 1910 г., «передвижной условно-словарный ключ № 437» был «предназначен для шифрования приведенных в секретных сообщениях выражений общего характера и ссылок, независимо от набора любым секретным ключом (или сочетанием ключей) открытого текста шифруемого сообщения».

Ключ № 437 представлял собой шифр, который можно назвать «код + гамма + обратный код + набор простых замен для шифрованния чисел».
Применения в шифре № 437 обратной операции кодирования практически сводит на нет возможности применения указанных методов дешифрования, по крайней мере до тех пор, пока не удается накопить достаточно большой объем шифроматериала, чтобы с достаточно большой надежностью можно было снять обратный (алфавитный) код.
Перешифровальный ключ № 448 «Лямбда» предназначался для перешифрования первичного цифрового шифротекста, полученного при шифрованнии сообщения с помощью какого-либо цифрового кода.
Шифром «Лямбда» были снабжены:
все заграничные учреждения МИДа;
представители МИДа на Кавказе;
чиновники МИДа, прикомандированные к приамурскому, туркестанскому и иркутскому генерал-губернаторам и к начальнику Закаспийской области.
На время войны этим шифром снабжалась также дипломатическая канцелярия при штабе Верховного главнокомандующего.
Но уже к концу 1914 г. стало ясно, что действующие коды не обеспечивают в достаточной мере тайну шифрованной корреспонденции и вместе с тем усложняют сам процесс шифрованиая. Министерству было предложено срочно изготовить для снабжения своих учреждений:
1) особые словари на 10 тыс. знаков, наборные и разборные;
2) словарные разборные и наборные таблицы с особыми вертикальными шифрами;
3) особые ключи для перешифрования.
Однако через два года, осенью 1917 г., в докладе, представленном руководством шифровального отдела Временному правительству, констатировалось, что выполнение этой программы провалилось и в качестве временных мер пришлось вводить более слабые шифры – трехзначные словари.

Глава 24
Диссиденты из Департамента полиции

С середины XIX в. до 1917 г. в России существовал фактор, игравший заметную роль в русской государственности – борьба правительства с радикально настроенной оппозицией. Вторая половина XIX в. – это начало эпохи терроризма в России, пик которой пришелся на начало прошлого века, а последние террористические заговоры были зафиксированы в 1916 г.
С 1905 г. по 1907 г. в России террористами было убито и покалечено 4500 государственных служащих, к этому числу следует добавить 2180 убитых и 2530 раненых частных лиц.
С начала января 1908 г. по середину мая 1910 г. было зафиксировано 19 957 терактов и революционных грабежей, в результате которых погибло 732 госчиновника и 3051 частное лицо, 1022 чиновника и 2829 частных лиц – ранено. За весь этот период на счету террористов по всей стране было 7634 жертвы[480].
Всего же в период с 1901 по 1911 г. жертвами террористических актов стало около 17 тысяч человек. Эсеровскими боевиками было совершено 263 террористических акта. Среди объектов акций: 2 министра, 33 генерал-губернатора, губернатора и вице-губернатора; 16 градоначальников, начальников окружных отделений, их помощников, начальников сыскных отделений; 7 адмиралов и генералов; 15 полковников; 8 присяжных поверенных; 26 агентов полиции и провокаторов[481].

Отдельно нужно отметить «политически мотивированные грабежи». Это когда представители антиправительственных радикальных партий и движений насильственно изымали деньги у государства и частных лиц на продолжение своей деятельности.

Согласно подсчетам Минфина Российской империи, с начала 1905 г. и до середины 1906 г. революционный бандитизм нанес ущерб банкам на сумму, превышающую миллион рублей. С октября 1905 г. по октябрь 1906 г. был совершен 1951 грабеж, экспроприаторы присвоили 7 млн рублей[482].

Террористическая идея появилась в отечественном революционном движении в 1860 г. Чуть позднее были совершены первые террористические акты: 9 апреля 1866 г. бывший студент Дмитрий Каракозов[483] стрелял в императора Александра II, промахнулся, был схвачен и по решению суда публично повешен; 21 апреля 1863 г. был убит по обвинению в предательстве студент Иван Иванов «пятеркой» членов общества «Народная расправа», возглавляемого его руководителем и вождем Сергеем Нечаевым[484]. Все, что происходило позднее, это логическое продолжение двух преступлений. Покушались не только на руководителей страны, но и на любых представителей «режима». Не менее суровая кара ждала предателей или тех, кого просто подозревали в сотрудничестве с правоохранительными органами.

Правительство посчитало, что Третье отделение не справляется со своими обязанностями, и в 1880 г. его упразднило. Общее руководство жандармским корпусом возлагалось на министра внутренних дел. В системе министерства стал работать Департамент полиции, при котором был создан Особый отдел для борьбы с политическими преступлениями. Кроме того, с 1890 г. в Петербурге и в Москве стали действовать отделения по охране порядка и общественной безопасности (Охранные отделения). В начале прошлого века сеть охранных отделений создается по всей стране.

Департамент полиции выявлял революционные организации, а также пытался пресечь готовящиеся ими выступления: терроризм, экспроприацию, насильственное свержение существующего строя[485].

Обо всем этом подробно рассказано в многочисленных публикациях. Поэтому мы коснемся другой темы – защиты государственных секретов в Департаменте полиции и того, как реализация мероприятий в этой сфере влияла на эффективность борьбы с радикальной оппозицией.

Начнем с перечня сведений, составляющих государственную тайну. Он обычен для всех спецслужб – сведения о методах и средствах, используемых в оперативно-розыскной деятельности, информация о «негласных помощниках» и добытые ими сведения. Вот только в Уголовном уложении не предусматривалось ответственности за их разглашение. Единственный случай, когда был осужден высокопоставленный чиновник полиции за передачу информации о методах работы с «негласными помощниками», произошел в 1908 г.

Алексея Лопухина[486], который занимал пост директора Департамента полиции с 1902 по 1905 г., осудили за то, что он вступил в контакт с представителями радикальной оппозиции. Среди его знакомых был Владимир Бурцев[487] – знаменитый «охотник на провокаторов». Ему отставной чиновник сообщил имена нескольких «негласных помощников» провокаторов, в частности Евно Азефа («Раскина»)[488].

За это экс-директор Департамента полиции в мае 1909 г. был осужден по ст. 52 (участие в сообществе, ставившего своей целью разрушение государственного строя) и ст. 102 (ч.1 и ч.3), под которые подпадала деятельность этого сообщества.

В приговоре суда было написано, что «отставной действительный статский советник А.А. Лопухин признан виновным в том, что, зная о существовании общества, ставившего целью своей деятельности ниспровержение путем вооруженного восстания, террористических актов и цареубийства, вошел в сношение с этим обществом и выдал в ноябре 1908 и декабре 1908 г. в Лондоне имя провокатора Евно Азефа». Суд приговорил его к 5 годам каторги[489]. А вот по мнению командира Корпуса жандармов П.Г. Курлова,

деяния А.А. Лопухина не подпадали под действие ст. 102, и формально обвиняемый не мог быть осужден из-за отсутствия состава преступлений согласно действующему в то время Уголовному уложению, хотя сам факт сотрудничества с революционерами бывшего директора Департамента полиции, друга детства премьер-министра П.А. Столыпина заставил суд вынести такой приговор[490].

Сенат заменил Алексею Лопухину каторгу ссылкой в Минусинск; в 1911 г. Лопухин был частично помилован; в 1912 г. ему было разрешено поселиться в Москве, где он занимался адвокатской практикой, а позже стал вице-директором торгового Сибирского банка. После Октябрьской революции Лопухин некоторое время оставался в России; новая власть претензий к нему не имела, но в 1920 г. он эмигрировал.

История Алексея Лопухина – это типичный пример того, что регулярно происходило в Охранных отделениях. Клерки за деньги или из-за симпатии к противникам царского режима охотно делились с представителями радикально настроенной оппозиции служебными секретами. Чаще всего они выдавали имена провокаторов, хотя сделать это порой было очень сложно. Среди огромного массива документов только в агентурных записках ярче всего проявлялась личность провокатора. Ведь основой результат взаимоотношений куратора (жандармского офицера) и доверенного лица – Агентурная записка, которую писал сам сотрудник правоохранительных органов. В ней никогда не упоминалось истинное имя информатора. Этот документ докладывался только начальнику Охранного отделения. Первый экземпляр подшивался в личное дело негласного сотрудника, а второй вшивался в дело, содержащее материалы по определенной партии или движению за соответствующий год. Еще существовали Записки – различные аналитические документы, которые готовили сами офицеры.

Циркуляры вырабатывались на основе двух вышеназванных материалов и рассылались начальникам губернских жандармских управлений охранных отделений.

Обзоры составлялись на основе всех поступающих материалов и конфискованных революционных изданий и освещали деятельность отдельных партий. А еще существовали Своды заслуживающих внимания сведений, где содержалась информация о революционной деятельности за определенный период времени[491].

Также следует отметить такой факт. В Департаменте полиции каждый отдел имел свои номера для регистрации входящих и исходящих документов:

1-1000 – секретная часть;
1001-10.000 – первое делопроизводство;
10.001-24.000 – второе делопроизводств;
24.000-46.000 – третье делопроизводство;
46.001-52.000 – четвертое делопроизводство;
52.001-67.000 – пятое делопроизводство;
67.000-82.000 – шестое делопроизводство;
82.001-87.000 – седьмое делопроизводство;
87.001-93.000 – восьмое делопроизводство;
93.001-111.000 Особый (политический) отдел и далее – для секретных документов.

В секретном делопроизводстве использовались грифы: секретно; совершенно секретно; доверительно; совершенно доверительно; святая святых[492].

Отметим сразу: в Департаменте полиции отсутствовала централизованная система защиты служебной тайны. Каждое подразделение организовывало защиту по своему усмотрению. Поэтому можно говорить лишь об общих элементах или принципах защиты.

Первый принцип, применительно к работе с «негласными помощниками», довольно образно обрисовал начальник Особого отдела Департамента полиции Сергей Зубатов[493]. Он писал: «Вы должны смотреть на сотрудника как на любимую женщину, с которой вы находитесь в нелегальной связи. Берегите ее как зеницу ока. Один неосторожный ваш шаг, и вы ее опозорите. Никогда и никому не называйте имени вашего сотрудника, даже вашему начальнику. Сами забудьте его настоящую фамилию и

называйте его только по псевдониму». До начала прошлого века не существовало руководящего документа, где были бы подробно рассмотрены вопросы организации работы с агентурой. Все вопросы, в том числе и хранение секретных документов (например, донесения негласных помощников), решались согласно «охранному обычаю»[494].

В утвержденном 12 августа 1902 г. «Положении о начальниках розыскных отделений» и в двух инструкциях: «О ведении внутренней агентуры» (утвержденная 9 февраля 1907 г.) и «Инструкция филерам Летучего отряда и филерам охранных и розыскных отделений» (утвержденная 7 февраля того же г.) были разработаны на основе предшествующего опыта и лишь закрепляли порядок обеспечения конспирации при работе с «сотрудниками внутреннего наблюдения» – провокаторами.

Согласно «Инструкции по организации и ведению внутренней агентуры», «каждое агентурное сведение, даже маловажное по первому впечатлению, должно быть сохранено в строгой тайне.

Вообще агентурные сведения не могут служить темой для собеседования даже с избранными сослуживцами раньше, чем они не будут окончательно разработаны и ликвидированы.

Все материалы, имеющие отношение к делу розыска и к сотрудникам, должны сохраняться в совершенном секрете и с наивозможной бережливостью и осмотрительностью.

Откровенные показания, заявления и анонимы, – если есть возможность авторов склонить в агентуру, – оглашению и предъявлению не подлежат, а первые в протокол не заносятся.

В ликвидационных записках не следует называть даже псевдонимов сотрудников, употребляя взамен их выражение – «по имеющимся агентурным сведениям»[495].

Кроме этого, из инструкции можно выделить следующие меры, «необходимые для сохранения в тайне имени «секретного сотрудника»:

фамилию может знать только лицо, ведающее розыском, остальным, в случае необходимости, можно сообщить кличку или номер;

никто, кроме ведающего розыском, не должен знать в лицо «секретного сотрудника», свидания проводятся на особых конспиративных квартирах»[496].

«Начальники охранных отделений должны сосредоточить в своих руках весь розыск. «Положение» требовало от ведущих розыск строгой конспиративности и предписывало начальникам каждый раз доносить в департамент о всех случаях обнаружения следствием или дознанием личности секретного сотрудника отделения или приемов его агентурной деятельности». Таким образом, была предпринята попытка в рамках существующей системы защиты информации ввести функцию контроля за эффективностью работы системы[497].

Эти две инструкции имели гриф «Совершенно секретно. Государственная тайна», размножены путем литографии в количестве 30–50 экземпляров, и ее получили только начальники охранных отделений для личного ознакомления. Позднее согласно приказу Департамента полиции с отдельными положениями инструкции можно было ознакомить ближайших сотрудников только с «голоса» – пересказав содержание инструкций[498].

В 1911 г. была подготовлена очередная «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения». В этом документе также указывалось, что «сведения, доставляемые секретными сотрудниками, должны храниться с соблюдением особой осторожности и в строгой тайне» (параграф 19 Инструкции). Кроме этого, «в ликвидационных записках никогда не следует помещать конспиративные клички сотрудников, а также указывать на лицо, давшее сведенья, а употреблять для этого выражение «по имеющимся негласным сведениям». Агентурные сведения, известные лишь одному сотруднику или тесному кругу лиц, помещать в такие записки не подлежит вовсе» (параграф 25 Инструкции)[499].

Рассмотрим чуть подробнее, как строилась защита информации в различных подразделениях Департамента полиции.
Начнем с отдела внутреннего наблюдения. «Агентурный отдел» стоит особняком от прочих отделов. Он был автономным. У него были свои тайны не только от остальных чиновников охранки, но даже от своих мелких чиновников. Он имел своих поставщиков материала – «секретных сотрудников», имена которых держались в секрете и зашифровывались кличками. Имя сотрудника знал только жандармский офицер, работающий с ним.
Список «сотрудников» имел начальник Охранного отделения, представлявший их в Департамент полиции.
«Сотрудники» редко представляли письменные доклады. Обычно их доклады докладывались одним и тем же офицером и поступали в отдел лишь переписанными на специальные бланки, где в заголовке ставилось, к какому разделу отнести («обычное движение», «социал-демократическое» и т.п.), кто дал сведения (кличка) и кто принял.
Эти агентурные записки поступали в соответствующие дела (по партиям), а копии – в личное дело сотрудника. Все документы нумеровались[500].
Отдел секретного делопроизводства ведал всей секретной перепиской Департамента полиции. Ему подчинялись все «черные кабинеты»[501].
Шифры Департамента полиции, жандармерии существенно уступали шифрам МИДа и Военного министерства по своим криптографическим качествам.
Так, например, секретный телеграфный ключ шефа жандармов 1907 г. представлял собой набор из 30 простых замен, где буквам открытого текста соответствовали две цифры текста шифрованного, номер ключа – простой замены – представлялся в открытом виде в начале сообщения.
Другой жандармский шифр – это алфавитный цифровой код на 110 величин, одно– и двузначный, со сдвигом, то есть первые словарные величины (агитатор, администрация фабрики, арестовать и т.п.) имеют соответственно обозначения 87, 88, 89 и далее по циклу[502].

Агентурные шифры среди множества шифров России всегда занимали особое положение. В соответствии с названием они предназначались для связи агентов с Центром.
В России в начале прошлого века применялись шифры Цезаря (с частой сменой ключа), книжные шифры, шифры вертикальной перестановки, шифры простой перестановки с различными усложнениями, шахматных и произвольных лабиринтов, прямоугольных и прямолинейных решеток, двойных перестановок[503].
Отдел наружного наблюдения. В его задачи входила организация наружного наблюдения – слежка. Принцип, когда объект наблюдения проходил под кличкой, соблюдался неукоснительно. Филеры не знали фамилии, причины, по которой за данным человеком было установлено наблюдение[504].
На каждый объект наблюдения заводилась своя карточка, где указывались кличка, приметы и с кем контактировал. Карточка не имела грифа. Кроме этого, имелись и личные дела. На обложке указывались его номер, фамилия, кличка. В самом деле имелись приметы человека, как связан с политикой и отчеты о наблюдении[505].
Так, согласно параграфу 74 «Инструкции об организации наружного наблюдения» «письма по наблюдению посылаются закрытыми в двух конвертах с сургучной печатью, причем в верхнем конверте на месте делается прорезь, чтобы сургуч при запечатывании проник до внутреннего конверта и пропечатал его к наружному». Письмо рекомендовалось сдавать на вокзале или опускать его в почтовый ящик при вокзале[506].
Наиболее полно меры инженерно-технической защиты информации были использованы в помещениях Заграничной агентуры Департамента полиции.

Вот как описывает интерьер этого отдела один из членов комиссии Временного правительства, созданной для расследования деятельности Заграничной агентуры Департамента полиции:
«На дверях Заграничной агентуры, помещавшейся в нижнем этаже русского посольства в Париже, мы нашли печать консульства и личную печать заведующего агентурой Красильникова, сняв ее и отомкнув дверь, находящуюся на запоре под двумя ключами...»
«Две небольших комнаты – одна в два окна, другая в одно – за решетками; окна выходят во двор, общий для посольства и консульства».
Это было сделано не случайно. Уже тогда для наружного наблюдения использовались возможности для визуальной разведки, поэтому исключить возможность того, что будут попытки съема информации путем наблюдения с улицы, нельзя.
«Первая комната – канцелярия; вдоль стен стоят высокие шкафы с делами; это и есть заграничный архив Агентуры; две шифоньерки с карточными каталогами, один шкаф со старыми делами, кипами «агентурных листков» и альбомами фотографий революционеров, три письменных шкафа с печатными машинками на них и огромный несгораемый шкаф»[507].
Основная опасность для Заграничной агентуры, как и для всего Департамента полиции, исходила изнутри – чиновников, филеров, по тем или иным причинам начинавших сотрудничать с радикально настроенной оппозицией, и тогда меры инженерно-технического и организационного характера становились малоэффективными.
Рассмотрим теперь меры организационного характера. Все входящие и исходящие бумаги нумеровались. Телеграммы шифровали с 1884 г., с момента организации Заграничной агентуры. Это позволяло уменьшить вероятность хищения документов.
Канцелярия Охранного отделения и имевшийся при ней архив разделялись на общую канцелярию и общий архив и на канцелярию и архив – секретные. Помещались они в одном и том же здании, но на разных этажах и не имели между собой почти ничего общего. Даже более того, служащие общей канцелярии не имели права входить в секретные комнаты.
Можно сказать, что, например, называвшийся первым стол в общей канцелярии был наиболее невинным. Там занимались личным составом всех открытых, несекретных служащих «охранки», рассматривали разные прошения об отпусках, повышениях, выписывалось жалованье и пр. В общей канцелярии велась та обширная переписка, которая велась во всех казенных учреждениях России.
Все несекретные бумаги нумеровали № 3000 и выше. Секретные же проходили за номерами от 1 до 3000.
Второй стол этой канцелярии был занят уже более серьезной работой. Этим столом выдавались свидетельства о политической благонадежности.
Гораздо более значительной являлась секретная канцелярия. Она делилась на секретный и особо секретный отдел. В секретном архиве хранились дела всех террористов, крупных общественных деятелей и видных революционеров[508].
Принцип, когда имя агента знал только офицер, работающий с ним, соблюдался и здесь. Так, по финансовым отчетам все агенты проходили под кличками. Тот же принцип соблюдался и при ведении картотек. В «агентурном листке» – обобщенная жандармским офицером информация, полученная от агента,– упоминалась только кличка[509].
С 1909 г. в Департаменте полиции старались не обозначать на своих карточках подлинные имена провокаторов[510]. Хотя и до этого имена наиболее ценных негласных сотрудников знали только офицеры, которые с ними работали.
В качестве примера – история Д.С. Соловейчик, которая входила в близкое окружение В.И. Ленина. Она занималась вопросами переписки и участвовала в организации доставки секретной корреспонденции из-за рубежа в Российскую империю. Член РСДРП с 1903 г., активный участник революции и Гражданской войны, комиссар полка, штурмовавшего

Перекоп, она несколько лет проработала в ВУЧК (Всеукраинская чрезвычайная комиссия). Ее арестовали в 1938 г. как троцкистку.
О ее связях с Департаментом полиции стало известно только в 1938 г. О том, что в окружении В.И. Ленина существовал агент Охранного отделения, большевики знали давно. Такой вывод сотрудники ВУЧК сделали на основании анализа уцелевших документов из архива Киевского охранного отделения Департамента полиции. Поиски предателя продолжались более двадцати лет. И может быть они закончились бы неудачей, если бы сама Д.С. Соловейчик случайно не проговорилась на одном из допросов. Когда следователь мимоходом задал ей вопрос о том, кого из близкого окружения В.И. Ленина она подозревает в тайном сотрудничестве с Охранным отделением, то она назвала себя[511].
Основным источником утечки секретной информации из Департамента полиции были собственные сотрудники. Радикально настроенная оппозиция (эсеры, большевики и т.п.) в большинстве случаев не могли «взломать» шифры (используемые при переписке между Охранными отделениями), использовать специальную аппаратуру (просто еще не придумали[512]), а вот использовать недостатки в работе с кадрами – здесь использовался весь арсенал средств.
Рассмотрим сначала подбор кадров для Департамента полиции. Условно все категории сотрудников можно разделить на три категории:
руководители отделений и офицеры жандармерии, непосредственно работающие с агентурой;
оперативные работники – в большинстве своем сотрудники отделов наружного наблюдения;
технический персонал – писари, чиновники и т.п.
Если проанализировать допуск этих категорий к конфиденциальной информации, то формально только офицеры жандармерии знали имена агентов, методы, применяемые при работе с агентурой, и т. п., что составляло тайну. Поэтому и подбор лиц на эту должность был очень строгим.
Для поступления было необходимо:
иметь потомственное дворянство;
окончить военное или юнкерское училище по первому разряду;
не быть католиком;
не иметь долгов и пробыть в строю не менее 6 лет.
Если претендент удовлетворял этим требованиям, то его ждало два экзамена (письменный и устный) и негласная проверка Департаментом полиции по месту постоянного проживания. Основное внимание обращалось на отсутствие долгов и политическую благонадежность. Поэтому возможность поступления на службу человека, сочувствующего какой-либо политической партии, исключалась[513].
Совсем по-другому обстояло дело с приемом на работу чиновников. Принцип «рыбак рыбака видит издалека» в кадровой политике применялся довольно часто. В этом не было ничего странного.
Сергей Зубатов – первый начальник Московского охранного отделения, разработавший систему внутренней агентуры – целую школу, – в студенческие годы принимал участие в революционном движении студенчества.
Ландезен-Геккельман-Гартинг А.М. – заведующий Заграничной агентурой с 1903 по 1909 г. – начинал свою карьеру с работы тайного агента, организовав в 1885 г. арест дерптской типографии. Ушел в отставку в чине статского советника.
Доброскок-Добровольский Н.В. (кличка «Николай–Золотые очки») – сначала провокатор среди меньшевиков, а после разоблачения – чиновник Петербургского охранного отделения.
Хотя не всегда такой принцип срабатывал. Порой бывшие провокаторы становились диссидентами или поступали на службу исключительно для сбора информации о методах,

используемых Департаментом полиции для борьбы с революционерами, и имен провокаторов – «негласных сотрудников».
И если «диссидент» хотел просто заработать денег или отомстить начальству за увольнение или медленное перемещение по служебной лестнице, то к его услугам «охотник на провокаторов» Владимир Бурцев – историк и библиограф революционного движения, разоблачивший благодаря помощи бывших чиновников Департамента полиции более 500 агентов полиции, внедренных в революционное движение.
Методы, применяемые этим человеком в борьбе с царской охранкой, аналогичны методам ненавистного ему Департамента полиции: внутренняя агентура, подкуп должностных лиц, наружное наблюдение.
Как признавал сам Владимир Бурцев в своих мемуарах, «деятельность охранных отделений носила строго конспиративный характер, и охранники мало доверяли друг другу, каждый вел только порученное ему дело». Поэтому, кроме Леонида Меньщикова[514], бескорыстно сотрудничавшего с Бурцевым, было еще много помощников. Часть из них продавала информацию, часть не требовала оплаты, были и такие, кого агенты Бурцева использовали «в темную».
Как вспоминает редактор этого издания Владимир Бурцев: «Для одних редакция «Былого» являлась приманкой, когда они рассчитывали что-нибудь заработать за сообщение материалов, а для других это было местом, где они могли бы из соображений нематериальных поделиться своими сведениями»[515].
Чиновник, работавший в архиве Департамента полиции, в течение нескольких месяцев снабжал делами (более 20 томов по 800 страниц каждый) Владимира Бурцева. Была налажена целая система связи. С чиновником встречался посредник. Сам Бурцев из-за плотной слежки не смог бы работать с этим источником. В этой операции была задействована и «переписчица», делавшая копии наиболее интересных документов[516].
Хотя «диссиденты» появились в Департаменте полиции задолго до Владимира Бурцева. Например, в Петербургском охранном отделении служил секретарем III Отделения Н. В. Ключников – тайный агент революционной организации «Народная воля»[517].
Кроме чиновников, занимавших высокие посты, с революционерами охотно делились информацией и мелкие клерки. В частности, уже упоминавшийся выше Леонид Меньщиков в 1905 г., недовольный своим продвижением по службе, написал анонимное письмо, где указал имена провокаторов Азефа и Татарова.
Более тщательно подбирались служащие «черных кабинетов». Как правило, это были всесторонне проверенные люди, «безоговорочно преданные престолу», давшие подписку о неразглашении тайны. Непосредственно перлюстрацией по всей России занималось 40–50 человек, которым помогали работники почт. Правда, с цензорами приключился другой конфуз. Несколько из них оказались агентами разведки Австро-Венгерской империи.
К. Цаверт, агент австрийской разведки, свыше 40 лет служил в Киеве тайным цензором почты, кроме него, «тайными информаторами Вены» были Макс Шульц, Эдвард Хардак и Конрад Гузандер.
В частности, Циверт читал всю корреспонденцию, адресованную генералу Михаилу Алексееву – начальнику русского Генерального штаба, переписку военного министра Сухомлинова и многих других[518].
В Департаменте полиции была предпринята попытка создать комплексную систему защиты информации. Для защиты переписки использовались меры криптографического, организационного и инженерно-технического характера.
Система секретного делопроизводства не только позволяла контролировать местонахождение документа, регламентировала правила работы, но и уменьшала вероятность раскрытия агента в случае несанкционированного доступа к отдельным делам агентов противника. В качестве примера можно привести тот факт, что после революции потребовалось несколько лет упорной работы и доступа ко всем документам Департамента полиции для разоблачения всех провокаторов.

Были и недостатки у этой системы. Отсутствие уголовной ответственности позволяло довольно легко избегать наказания предателям, а подбор кадров на должности чиновников позволял довольно легко внедрять агентов или находить «инициативников».

К 1913 г. проблема с «диссидентами» из Департамента полиции не только не была решена, а, наоборот, приняла катастрофические размеры. Как писал Александр Красильников[519], заведующий Заграничной агентурой, в своем отчете: «…1913 год в жизни заграничной агентуры ознаменовался рядом провалов секретных сотрудников, явившимися результатом не оплошности самих сотрудников, а изменой лица или лиц, которым были доступны по их служебному положению дела и документы, относящиеся к личному составу агентуры вообще, и заграничной в особенности. Обращает внимание то обстоятельство, что в начале года имели место только единичные случаи провалов, как, например, разоблачения Глюкмана (Ballet) и Лисовского-Ципина, сотрудника Петербургского охранного отделения, покончившего жизнь самоубийством.

С осени провалы усилились, и в настоящие время они приняли эпидемический характер»[520].

Кроме внутренних «диссидентов», работающих в Департаменте полиции, был еще и «технический» персонал, состоящий из иностранцев, – это в отношении Заграничной агентуры в Париже. Так, Александр Красильников писал: «Агенты наружного наблюдения отлично осведомлены о том положении, в которое поставлена агентура, далеко не являются людьми, верными своему долгу, способными сохранить служебную тайну; наоборот, большинство из них, за малым исключением, к числу которых следует отнести главным образом англичан, готовы эксплуатировать в личных интересах не только все то, что им могло сделаться известно, но и сам факт нахождения на службе у русского правительства»[521].

Там с этой проблемой боролись по-своему. Сотрудники Заграничной агентуры при приеме на работу давали подписку о сохранении в тайне служебных секретов. Хотя это порой оказывалось бессмысленным.

Например, Леруа раскрыл революционерам не только методы организации наружного наблюдения, но и предложил несколько способов эффективного «отрыва» от филеров[522]. В частности, он сообщил обо всех сотрудниках наружного наблюдения, задействованных в наблюдении за эмигрантами, и методах, применяемых сотрудниками этой службы, а так же как им противодействовать; еще он составил подробную карту Парижа с указанием «мертвых зон» – мест, где по тем или иным причинам затруднено или невозможно вести наружное наблюдение.

А его коллега Лионе при увольнении прихватил с собой множество писем и фотографий. Это он использовал для шантажа бывших работодателей[523].

Была целая серия предательств со стороны сотрудников наружного наблюдения. В частности, некто Лурих сообщил о прибытии в Париж группы московских и петербургских филеров – в результате эта акция стала бессмысленной.

Хотя проблемы возникали и при организации связи. Так, М.А. Русиков застрелился в 1910 г. после того, как письмо с приглашением прибыть на конспиративную встречу попало в руки революционеров. Правда, проблемы с перехватом сообщений случались крайне редко[524].

Для связи с агентурой, как и раньше, использовались шифр Цезаря, книжный шифр, шифры перестановок. Основное требование к таким шифрам – простота использования, криптографическая стойкость, вся документация к шифру должна обладать «скрываемостью» или же, в идеале, безликостью.

В 1911 г. была принята секретная «Инструкция по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения». В этом документе излагались общие принципы проведения агентурной работы, организации взаимодействия с тайными сотрудниками и другие вопросы.

В частности, параграф 16 данной инструкции гласил: «Секретные сотрудники не должны знакомиться со сведениями, даваемыми другими сотрудниками. С особой осторожностью следует относиться вообще к ознакомлению сотрудника с ходом розыска, а также деятельностью и личным составом розыскного учреждения».
В параграфе 19 говорилось: «Сведения, даваемые секретным сотрудником, должны храниться с соблюдением особой осторожности и строжайшей тайны». Правда, в инструкции не давалось расшифровки требований «особой осторожности» и «строжайшей тайны».
В параграфе 25 рассматривался вопрос о правилах оформления «ликвидационных записок». В частности, говорилось о том, что «никогда не следует помещать конспиративных кличек сотрудников, а также вообще указывать на лицо, давшее сведения, а употреблять для этого выражения «по имеющимся неоспоримым сведениям». Агентурные сведения, известные лишь одному секретному сотруднику или очень тесному кругу лиц, помещать в такие записки не подлежит вовсе».
Отдельно рассматривался вопрос о ведении личных дел на каждого секретного сотрудника. В параграфе 38 говорилось: «На каждого секретного сотрудника заводится отдельная тетрадь (книжка), куда заносятся все полученные от него сведения».
Еще одно требование к работе с секретными сотрудниками – отсутствие фотографий в личном деле и упоминание конкретных биографических данных (фамилии, года и места рождения и т.д.). На связь с секретным сотрудником выходил только офицер полиции, завербовавший его.
Все доклады секретных сотрудников начинались словами: «Источник сообщает...», подписывался документ агентурной кличкой. Тем самым уменьшалась вероятность раскрытия секретного агента.
Но демократические идеи и настроения проникали всюду. И проблема сотрудничества сотрудников Департамента полиции с революционерами, когда чиновники пытались им помочь избежать ареста, скрыть улики во время обысков и т.п., к 1914 г. встала особенно остро.
Руководитель Департамента полиции Степан Белецкий[525] в 1912 г. приказал заказать за границей аппаратуру для прослушивания. Именно «Белецкий положил начало использованию подслушивающих устройств. По иронии судьбы, бесчисленное множество «жучков», расплодившихся в период существования советских органов безопасности, ведет свою родословную от нескольких подслушивающих аппаратов, выписанных по инициативе Белецкого из-за границы и установленных в помещении большевистской фракции»[526].
В период Первой мировой войны к проблемам борьбы с оппозицией, а именно радикально настроенные политики представляли наибольшую опасность для Российской империи, добавились «борьба с темными силами» – Григорием Распутиным и его окружением, многие не без оснований предполагали, что в окружении «старца» находятся германские шпионы.
Начнем с противодействия оппозиции – режим утратил контроль над происходящими процессами, и даже многочисленные предательства сотрудников Департамента полиции воспринимались как обычное происшествие.
И проблема была не только в материальном факторе или жажде месте, как это было в предыдущие годы, порой «безнравственный характер многих операций ставил перед диссидентами дилемму: выполняя гражданский долг, они нарушали корпоративную солидарность; сохраняя верность тайной полиции, они становились соучастниками ее преступных деяний»[527].
А вот текст одной из многочисленных докладных записок, поданных на имя директора Департамента полиции в январе 1916 г.:
«Ваше превосходительство!

Вы удивляетесь, что секреты Департамента полиции являются достоянием публики, а дело очень простое: находящиеся на службе в Департаменте полиции писцы и чиновники постыдным образом продают эти тайны. Удачно удален Зыбин, теперь не мешало бы заглянуть в действия Крылова, последователя некогда уволенного Циппа. Крылов (старший) во всех отделах ДП имеет своего человека, если же дело касается другого учреждения, то составляет подложные документы и является как уполномоченный ДП, путается с жидами, не имеющими прав на жительство в столице, сообщая им секретные циркуляры...»[528]

После начала беспорядков, в отличие от волнений 1905 г., полиция полностью утратила контроль над ситуацией. По свидетельству членов Чрезвычайной следственной комиссии, которая должна была расследовать преступные деяния царских министров и высших должностных лиц, сотрудники Особого отдела Департамента полиции даже не пытались организовать уничтожение секретных архивов.

В Париже последний заведующий агентурой Департамента полиции опечатал помещения, распустил сотрудников и срочно выехал в столицу Российской империи.

Вот что происходило в Петрограде и в Москве в первые дни Февральской революции.

27 февраля 1917 г. дом 16 на Фонтанке – здание Департамента полиции – подвергся нападению одним из первых. «Все сотрудники, находившиеся в здании и понимавшие, что связь с тайной полицией ставит их в крайне уязвимое положение, в страхе разбежались, не оказав сопротивления. Тогда толпа нападавших беспрепятственно растеклась по кабинетам Департамента полиции, и в конце концов была обнаружена святая святых охранки.Наспех порывшись в папках, они схватили те, что показались им самыми важными, вынесли их во двор и подожгли. Сохранилось, однако, достаточно документов, свидетельствующих, с каким размахом охранка использовала секретных агентов, осведомителей и провокаторов в политическом розыске на протяжении последних лет перед крушением Российской империи».

«Московское охранное отделение было захвачено немного позднее, причем какие-то вооруженные люди на автомобилях подожгли его архивы. До сих пор остается неизвестным, было ли это сделано в пылу революционного энтузиазма или явилось продуманной акцией тех, кому было чего опасаться, если бы полицейские досье сохранились в неприкосновености»[529].

Кроме борьбы с оппозицией, МВД проводило и контрразведывательные операции. О них рассказано в соответствующей главе данной книги. Здесь укажем еще пару эпизодов. Так, Особый отдел Департамента полиции сообщил в 1916 г., что в Варшаве создана школа по подготовке малолетних (10–12 лет) шпионов.

В качестве другого предупреждения Департамент полиции сообщил всем заинтересованным ведомствам, что «очень большое внимание кайзеровская разведка уделяет вербовке чиновников среди русских офицеров и чиновников различных штабов и управлений»[530].

Еще одним успехом Департамента полиции можно назвать разоблачение немецкой резидентуры в Новороссийске в 1915 г.[531].

В 1915 г. арестовано по подозрению в военном шпионаже 29 человек[532].

Была предпринята попытка задействовать Заграничную агентуру Департамента полиции в мероприятиях военной контрразведки. Красильников (глава Заграничной агентуры Департамента полиции) завел своих собственных агентов, специально отдавшихся военному шпионажу, но, кроме того, привлек к этому делу и агентов Заграничной агентуры – постоянных своих сотрудников, как французов (Бинту и Самбен), так и русских секретных сотрудников. Такое «смешение» двух различных «ремесел» не только не принесло пользу делу военной контрразведки, но даже, думается, повлекло весьма печальные последствия[533].

Так попытка использования «двойных агентов» – Литвинова и Долина – окончилась неудачей. Они не смогли выявить немецкую агентуру в России, предотвратить диверсию на дредноуте «Мария», и немцы не верили им[534].
Более успешно занимались контрразведкой французские граждане Бинту и Самбена. В частности, был организован «контршпионаж» в Скандинавии – были зафиксированы контакты министра внутренних дел Протопопова и немецкого министра, разоблачили нескольких агентов и сообщили о незаконной торговле русскими кредитными рублями, организованной при содействии некоторых русских чиновников[535].
У Департамента полиции не все было так плохо. Например, прообраз современной спецбиблиотеки успешно выполнял свои функции до 1917 г.
Каждый год в Департаменте полиции готовились «Обзоры», освещающие революционное движение за прошедший год. Ни один из «Обзоров» так и не был опубликован целиком или частично «ни в обычной, ни в «подпольной», ни в заграничной» прессе. Только после падения царского режима появилась возможность опубликовать эти документы[536].
А книга генерал-полковника Отдельного корпуса жандармов Александра Спиридовича[537] «Революционное движение в России», изданная Департаментом полиции в 1916 г. мизерным тиражом для библиотеки Жандармского управления, так и осталась доступной узкому кругу сотрудников департамента[538].
Департамент полиции оказался заложником системы. С одной стороны предпринимались попытки проводить контрразведывательные мероприятия, бороться с внутренними «диссидентами», с другой – апатия и обреченность.

Глава 25
Бессилие спецслужб Российской империи: убийство Григория Распутина

Порой в частных эпизодах мировой истории, как в капле воды, отражается могущество и бессилие спецслужб нескольких государств. Не стало исключением и убийство Григория Распутина в декабре 1916 г. На фоне последующих событий – Февральской революции и захвата власти большевиками осенью 1917 г. – среди большинства советских историков оно считается малозначительным. Ну, убили фаворита императрицы, причем среди убийц был великий князь Дмитрий Павлович, племянник Николая II, и князь Феликс Юсупов, муж племянницы Николая II, княжны императорской крови Ирины Александровны. Зато смерть Распутина вызвала радостные чувства у большинства жителей Петрограда. А через полтора года и самого императора вместе с семьей большевики расстреляли.
Жизнь и смерть Григория Распутина подробно описаны в отечественной литературе, поэтому мы не будем пересказывать биографию этого человека[539]. Отметим лишь, что он не только оказывал очень сильное влияние на императорскую чету и, соответственно, влиял на внешнюю и внутреннюю политику, проводимую Николаем II, но также оказался (сам того не желая) на пути у могущественных сил, которые хотели сильно ограничить или ликвидировать власть монарха в России. Говоря другими словами, изменить существующий в стране политический строй. А одна из основных задач спецслужб – не допустить такого развития событий. Провести радикальную систему госвласти хотели не только левые (эсеры, большевики и др.), но и центристы с правыми. Фактически к началу Первой мировой войны спецслужбам Российской империи нужно было каким-то образом нейтрализовать деятельность огромного количества политических партий и движений. А сделать это, когда Николай II, мягко говоря, не обладал чертами характера диктатора, да и не хотел, в силу множества причин, становиться им, было крайне сложно.
На мгновение отвлечемся от основной темы и попробуем ответить на вопрос: а была ли альтернатива 1917 году? Теоретически монархия могла бы сохраниться. Правда, для этого еще в 1906 г. нужно было ввести диктатуру и запретить все политические партии и организации. Частично это было сделано в отношении левой радикальной оппозиции.

После 1907 г. ее активность на территории Российской империи была минимальной. И только политическое брожение во время войны позволило ей в начале 1917 г. начать готовить государственный переворот. Другое дело, что во время Первой мировой войны в стране произошел сильнейший политический и экономический кризис, добавьте к этому не очень хорошие дела на фронте и тяготы жизни в тылу. Поэтому удержать власть в 1917 г. Николаю II было бы значительно труднее, чем это кажется на первый взгляд.

Справедливости ради отметим, что подобные процессы наблюдались и в двух других империях – Германской и Австро-Венгерской. И обе они тоже прекратили свое существование в 1918 г. Причем там активность оппозиции была значительно ниже.

Во время Первой мировой войны во всех трех государствах начался глубочайший политический и экономический кризис. Определенные силы, не только левые партии, но и бизнес-элита, воспользовались им для достижения своих целей. Понятно, что интересы левых радикалов и крупных промышленников совпадали лишь в одном – необходимости замены абсолютной монархии на другой политический строй. А вот дальше между ними начались разногласия. Если в Австрии и Германии они смогли «договориться» (результат – австрийский фашизм и германский социал-национализм), то в России – социализм. Мы не будем обсуждать на страницах данной книги особенности каждой из трех политических моделей.

Если рассматривать события в Российской империи, то в первое десятилетие прошлого века произошло формальное совпадение интересов группы представителей российской бизнес-элиты и лидеров легальной оппозиции (партии кадетов, октябристов и др.), зарубежных масонов (многие из лож активно сотрудничали с правительствами и разведками тех стран, где находились их ложи)[540] и правительства Великобритании. Оговоримся сразу: каждая из трех вышеназванных сил преследовала исключительно свои интересы. Например, российская бизнес-элита мечтала о реформировании государственного и сильно коррумпированного государственного аппарата, возможности влияния на принятие важнейших внутриполитических и внешнеполитических государственных решений. А вот Великобритания была вечным противником России и всегда мечтала ослабить соперницу. Сделать это можно было только одним способом – заменить абсолютную монархию на парламентскую республику. Так что участие Лондона в подготовке Февральской революции было гарантировано.

Мы бы не стали утверждать, что российская бизнес-элита, зарубежные масоны и британская разведка сыграли в процессе падения царского режима главную роль. Скорее, поучаствовали в дестабилизации обстановки в стране. Их роль была примерно такой же, как большевиков во время революционных событий в 1905 г. Да, было вооруженное восстание в Москве, организованное Львом Троцким. Хотя будущий «демон революции» тогда не был членом ВКП(б). Были менее удачные вооруженные столкновения с правительственными войсками по всей европейской территории Российской империи, но все они были быстро подавлены властями. А потом российские правоохранительные органы разгромили всю радикальную оппозицию, и до весны 1917 г., когда сменилась власть, в стране не было крупных вооруженных выступлений.

Николай II, даже если бы Лондон с Парижем и российская бизнес– и политическая элита не интриговали бы против него, у власти все равно бы не удержался. Из-за своего мягкого характера и слабоволия. В начале 1917 г. у него были все шансы подавить революцию в зародыше и ввести военную диктатуру в стране. Он этого не сделал. Более того, среди Романовых не было человека, который мог бы заменить Николая II на посту императора.

Британский бизнес мечтает о российских рынках сбыта

Мы уже упомянули о том, что в начале прошлого века германские предприниматели успешно интегрировались в российскую экономику. Произошло это из-за множества причин.

Во-первых, начиная с эпохи Петра Первого германские специалисты были желанными гостями на российской земле.
Во-вторых, российские императоры испытывали больше симпатий к своим германским коллегам, чем занимающим пост «зиц-председателя» британским монархам. Тем более раздражали их французские премьер-министры или американские президенты, которые демонстрировали не свое аристократическое происхождение, а бизнес и политические успехи. Да и США в начале прошлого века еще не стали сверхдержавой и в Санкт-Петербурге воспринимались как более слабая (в экономическом и военно-политическом аспекте) страна, чем, например, Великобритания или Германия.
По мнению Лондона, изменить эту ситуацию можно было только одним способом – заменив германофильскую политическую и бизнес-элиту теми, кто симпатизировал Великобритании. Для решения этой задачи туманный Альбион активно использовал средства «тайной дипломатии» и разведки.

Лондон начинает…

По разным причинам большинство авторов, рассказывая об участии кадетов и масонов (под ними подразумевают членов зарубежных и российских лож) в организации Февральской революции, почему-то крайне скупо сообщают о роли Лондона. Возможно, из-за того, что многие подробности событий начала прошлого века продолжают оставаться секретными и в наши дни. Британская разведка умеет хранить свои тайны. А те, кто пишет о деятельности спецслужб туманного Альбиона, почему-то считают, что они действовали самостоятельно. Хотя военное ведомство и британский МИД, а в подчинении находились спецслужбы, четко выполняли указания правительства[541].

Цели Лондона в «тайной войне»

Одна из основных задач, которые пришлось решать британским дипломатам и разведчикам в начале прошлого века, – заставить Российскую империю перестать балансировать между двумя группировками: «прусской» (Германия и Австро-Венгрия) и «британской» (Англия – Франция), присоединиться ко второй и не дать ей возможность выйти из нее.
До 1912 г. Россия фактически наблюдала за подготовкой к схватке между двумя «владычицами просторов Мирового океана» и сохраняла специфичный «нейтралитет». Это продолжалось до того момента, пока в 1911 г. выстрел террориста не оборвал жизнь премьер-министра Петра Столыпина. Политик считал, что Россия должна принять участие в Мировой войне только после того, как будут решены все внутриполитические, финансовые, экономические и другие проблемы. А до того момента следовало оттягивать вооруженный конфликт[542].
Сменивший его Владимир Коковцев хотя и старался соблюдать принципы внешней и внутренней политики, определенные предшественником, но делал это недостаточно четко. В результате улучшились отношения с Англией и ухудшились с Германией. А если учесть, что пост министра иностранных дел занимал Сергей Сазонов, который не скрывал своей симпатии к Британии, то нет ничего удивительного в том, что в середине 1912 г. между Англией и Россией установились «сердечные отношения».
В конце февраля 1912 г. были официально определены главные противники России – Германия, Австро-Венгрия и Турция – и разработан план наступления русской армии в Восточной Пруссии (район Мазурских озер)[543].
А ведь еще в первые годы прошлого века отношения между Санкт-Петербургом и Лондоном были напряженными! В июне 1905 г. Николай II и Вильгельм II подписали текст военно-политического союза, который предусматривал, среди прочего, после заключения русско-японского мира привлечь к Германии и России еще и... Францию.

Если бы этот хитроумный план удалось реализовать, то не было бы 1 августа 1914 г. и двух революций 1917 г.[544] История не терпит сослагательного наклонения. Во многом благодаря действиям британской разведки на протяжении всей Первой мировой войны наша страна безропотно играла роль младшего партнера в Антанте и даже не пыталась повысить свой статус, прощая «союзникам» различные грехи. Например, невыполнение обязательств по поставкам оружия (в июне 1916 г. в России от заказанного поступило – по винтовкам 30%, по патронам – ничего, по тяжелым орудиям – 23%)[545]. Более того, царь Николай II упорно выполнял взятые на себя обязательства по ведению войны до конца... Для Англии и Франции они означали подписание Версальского мира в 1918 г., а для Российской империи – ее исчезновение с политической карты мира и расстрел императорской семьи большевиками.

Вспомним, что в начале прошлого века Тройственному союзу в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии противостояли два обособленных союза: франко-русский и англо-французский. Их объединению мешали острые противоречия между Лондоном и Санкт-Петербургом в Азии и поддержка Японии правительством Великобритании.

Германская дипломатия предпринимала серьезные усилия к недопущению образования Антанты. Кайзер Вильгельм Второй лично руководил этим процессом, использовав все имеющиеся в его распоряжении ресурсы. Хотя даже его усилий оказалось недостаточно. Возможно, одна из причин неудачи – отсутствие в России прогерманской политической партии и активной пропаганды на страницах газет.

Только в июне 1915 г. бывший личный секретарь министра финансов и председателя Совета министров Сергея Витте Иосиф Колышко предложил германскому послу в Стокгольме свои услуги по организации в газете «Русское слово» пронемецкой пропаганды. К его идее немцы отнеслись скептически. Через год он снова появился в столице нейтральной Швеции. После длительных переговоров стороны смогли договориться. На финансирование изданий было потрачено два миллиона рублей. Часть денег попала в газету Максима Горького «Новая жизнь». Она начала выходить только в мае 1917 г.[546]. В марте 1917 г. он появился в Петрограде и, кроме издательского проекта, начал параллельно ему другой – попытку организовать сепаратные переговоры. В конце мая его арестовали, в сентябре выпустили под залог в 30 тысяч рублей. Иосиф Колышко поспешил эмигрировать за границу, где и умер[547].

Британские дипломаты и разведчики учли печальный опыт противника, и, начиная с 1906 г., активно использовали возможности отечественной прессы и стремление лидеров либеральной оппозиции (октябристов и кадетов) к сближению с Францией и Британией. Вот только решить поставленную перед ними задачу они смогли только в 1914 г.

А вот Германия могла бы сделать это быстрее, «мобилизовав» на решение задачи сближения с Россией все имеющиеся ресурсы. Можно назвать как минимум три причины, из-за которых Вильгельму II нужно было «дружить» с нашей страной.

Во-первых, тесные производственно-экономические связи между двумя государствами. Достаточно сказать, что в начале прошлого века пальма первенства в торговле с Российской империей принадлежала Германии[548]. По данным сводок от 1913 г., приводимых «Торгово-промышленной газетой», капиталы немецкого происхождения составляли в газовой промышленности около 70%, а в электротехнической – 85% всех основных капиталов этих отраслей промышленности. Хотя цифра занижена, так как не учитывались частные инвестиции. А также покупка иностранными подданными и компаниями акций российских акционерных обществ[549].

Нужно также учитывать тот факт, что немецкие предприниматели на протяжении нескольких веков активно осваивали сферу тяжелой и легкой промышленности, а их британские коллеги (до конца XIX в.) – торговлю. И только в начале прошлого века жители туманного Альбиона начали экспортировать капитал в Россию[550]. Одна из причин – высокие таможенные пошлины на ввозимый в страну товар. Экономически целесообразно производить его непосредственно на месте. Хотя основные

капиталовложения производились не в промышленность, а в добывающие отрасли. Например, в нефтяную и горнодобывающую отрасли.

Германские промышленники и инвесторы были заинтересованы в поддержании дружеских отношений между двумя странами. По крайней мере до того момента, пока официальный Берлин занимал дружественную или нейтральную позицию по отношению к Санкт-Петербургу. Вот только степень реального влияния немецких бизнесменов и инвесторов на царское правительство была минимальной, как и возможность использования поддержки правительства Германии. Основная причина – немецкие бизнесмены «сторонились контактов с консульствами, и эти последние ничего не знали об их переговорах с русскими чиновниками и фирмами». Поэтому, как писал германский генеральный консул В. Кольхаас в 1907 г.: «официальные представительства в России находятся в весьма сложном положении, будучи практически не способными похлопотать за того или иного немецкого претендента». Так же избегали контактов с дипломатами и обрусевшие немцы. Основная причина – бизнесмены почти ничего не ожидали от правительства. Ведь, в отличие от Англии, Германия (во всяком случае, до Первой мировой войны) не проводила ориентированной на бизнес внешней политики[551]. Мы не рассматриваем ситуацию, когда отдельные немецкие предприниматели сотрудничали с германской разведкой.

Во-вторых, большинство высококвалифицированного инженерно-технического и административного персонала, работающего на многочисленных заводах и фабриках, были немцами или прошли обучение в германских высших учебных заведениях. Там у них остались родственники, друзья, преподаватели, часто они сами выезжали на стажировки. То же самое можно сказать и о самих владельцах компаний. Например, в 1918 г. один из исследователей этого вопроса писал:

«…в Россию Германия присылала не только капитал в денежной форме, а импортировала людей, приносивших с собой часто капиталы, но всегда предпринимательский дух, энергию, инициативу, опыт... Из немецких рук предприятия почти не уходят, владельцев не меняют»[552].

А вот мнение офицера отечественной контрразведки, высказанное им в 1915 г.: «Немцы были нашими учителями в экономике, политике, науке, и мы вынуждены были считаться с ними»[553]. Не следует забывать о многочисленных (в 1914 г. их число превысило 2 млн) немецких колонистах, которые селились по всей России[554], большинство из которых можно назвать патриотами страны проживания[555]. Если бы это было бы не так, то Германия получила бы очень мощную и многочисленную «пятую колонну» в глубоком тылу у противника. К этому следует добавить, что многие известные дореволюционные отечественные военачальники, ученые, дипломаты и промышленники носили немецкие фамилии, но при этом они верно служили России[556].

Все эти люди могли бы выступить за сближение двух стран, если бы Вильгельм II начал бы такую пропагандистскую кампанию в российской прессе и нашел бы прогермански настроенные политические партии.

Были германофилы и лоббисты интересов немецких предпринимателей в ближайшем окружении российского императора, но они не смогли оказать реального влияния на внешнюю и внутреннюю политику Николая II. Как уже было сказано выше, германское правительство не только не использовало этот довольно мощный ресурс, но и не защищало их интересы.

В-третьих, русский царь больше симпатизировал монархическим Германии и Австро-Венгрии, чем республиканским Англии и Франции. При этом его некорректно считать ярым германофилом. От своего отца Александра III он унаследовал антигерманские настроения, скрепленные франко-русским договором. Когда Николай II стал императором, то заявил о том, что при возможном сближении с Германией будет учитывать интересы Франции. А это «блокировало» любую попытку заключения договора между Россией и Германией, т.к. Франция была партнером Англии. А у туманного

Альбиона Германия – главный противник на просторах Мирового океана. С другой стороны, внешнеполитическая экспансия Санкт-Петербурга на Балканах и Ближнем Востоке раздражала Берлин и Вену[557].

Эти и другие причины заставляли Николая II проводить двоякий курс по отношению к Германии. С одной стороны, активно шла подготовка к будущей войне против нее. А с другой стороны, Санкт-Петербург и Берлин начали процесс сближения между собой. Потом, правда, страны стали стремительно удаляться друг от друга.

В качестве подтверждения этого достаточно привести такой пример. Германия иногда сама делилась секретной информацией с Российской империей. И происходило это под чутким руководством двух императоров – германского и российского. Их, кроме династических уз, связывала еще и личная дружба. Если такие отношения могут быть между правителями великих держав[558]. Из переписки между ними, которая охватывает период с 1894 по 1913 г., можно узнать массу интересных фактов. Например, осенью 1902 г. Россия получила секретные чертежи кораблей германского флота, за которыми активно охотились разведки многих европейских держав[559]. В то же время они служили прекрасным барометром отношений между двумя державами. Если в 1909 г. они обменялись десятью посланиями, то в 1910 г. – пятью, а с 1911 по 1913 г. фактически переписка прервалась (известны семь писем Вильгельма II и ни одного Николая II)[560].

Эти дружеские отношения не мешали российскому монарху регулярно читать германскую дипломатическую корреспонденцию, которой посол обменивался со своим правительством в Берлине. Николай II просто следовал существовавшей традиции. Ведь процесс перлюстрации дипломатической корреспонденции иностранных миссий начался в сороковых годах XVIII в. в эпоху «дворцовых переворотов». Тайные цензоры охотились на тех, кто проявлял нелояльность к находящемуся на троне правителю. Среди подозреваемых были и иностранные подданные.

Когда процедура престолонаследия была отработана, то сотрудники «черных кабинетов» занялись своими прямыми обязанностями – тайным наблюдением за противниками российского государства. Например, в 1800 г. член коллегии МИДа Николай Панин писал российскому послу в Берлине:

«Мы располагаем шифрами переписки короля (Пруссии. – Прим. авт.) с его поверенным в делах здесь. Если вы заподозрите Хаугвица (министра иностранных дел Пруссии. – Прим. авт.) в вероломстве, найдите предлог для того, чтобы он направил сообщение по данному вопросу. Как только сообщение, посланное им или королем, будет расшифровано, я немедленно сообщу Вам о его содержании»[561].

С 1870 г., в связи с передачей почтового ведомства в состав Министерства внутренних дел, «черные кабинеты» оказались в прямом подчинении министра МВД. А техническое управление их деятельностью с 1886 г. было возложено на старшего цензора санкт-петербургской цензуры иностранных газет и журналов. Официально должность «главного перлюстратора» Российской империи именовалась так: помощник начальника Главного управления почт и телеграфов[562].

Отечественные «черные кабинеты» жили по собственным законам, знакомясь с перепиской всех лиц, за исключением императора и министра внутренних дел. Все остальные, включая иностранных дипломатов, были не застрахованы от любопытных глаз тайных цензоров. Даже почта, перевозимая курьерами в специальных вализах, вскрывалась, и при необходимости с нее делали копии, которые каждое утро предоставляли министру внутренних дел.

В 1906 г. Англия и Россия начали постепенный переход от соперничества к сближению. В отчете МИДа нашей страны за 1906 г. заявлялось, исходя из войны с Японией и «создавшемся отчасти благодаря этому крайне тяжелым положением воочию доказали невозможность продолжения традиционной внешней политики и в этом отношении 1905 год являлся поворотным пунктом в наших отношениях с Англией»[563]. Это никак

не повлияло на тайную деятельность МВД в Санкт-Петербурге в отношении корреспонденции британского посольства.

В начале прошлого века сотрудники Министерства внутренних дел не только занимались перлюстрацией, но и кражами иностранных дипломатических кодов и шифров, а также текстов исходных («открытых») шифротелеграмм. Их наличие значительно облегчало работу криптографам[564].

В июне 1904 г. британский посол Чарльз Хардинг доложил в Лондон о том, что начальнику его канцелярии была предложена огромная по тем временам сумма – 1000 фунтов. За это бюрократ должен был добыть один из дипломатических шифров. В том же донесении дипломат сообщил, что один русский высокопоставленный политик сказал, что ему «все равно, насколько подробно я передаю наши с ним беседы, если это делается в письменной форме, но он умолял меня ни в коем случае не пересылать мои сообщения телеграфом, поскольку содержание всех наших телеграмм известно».

А через три месяца посол сообщил, что вице-директор Департамента полиции Петр Рачковский создал секретный отдел «с целью получения доступа к архивам иностранных миссий в Санкт-Петербурге». О результатах деятельности этого подразделения можно узнать из доклада секретаря посольства Сессила Райса. В феврале 1906 г. он писал: «Вот уже в течение некоторого времени из посольства исчезают бумаги. Курьеры и другие лица, связанные по работе с посольством, находятся на содержании и, кроме того, получают вознаграждение за доставку бумаг».

Руководил работой секретного отделения по наблюдению за иностранными посольствами и военными агентами, перлюстрации и дешифровке их секретной почты Михаил Комиссаров. По утверждению Сессила Райса, «около посольства по вечерам постоянно находятся полицейские эмиссары с тем, чтобы получать доставляемые бумаги».

Англичане пытались противодействовать тайному нарушению экстерриториальности посольства: установили новый сейф, врезали в дверцы архивных шкафов новые замки, сотрудники получили строжайшую инструкцию никому не передавать ключи от канцелярии и т.п., но ничего не помогало – секретные документы продолжали пропадать.

А через два месяца все тот же британец получил доказательство того, что «к архивам посольства существует доступ, позволяющий выносить бумаги и производить их съемку в доме Комиссарова»[565].

Ситуация не изменилась даже во время Первой мировой войны, когда появилась Антанта. Сотрудники Департамента полиции продолжали регулярно перехватывать и дешифровывать переписку между английским послом Джорджем Бьюкененом и статс-секретарем по иностранным делам сэром Эдвардом Греем, а также их французскими коллегами[566]. Как мы увидим ниже, эта мера оказалась недостаточно эффективной, чтобы противостоять деятельности разведок этих стран.

Почему Российская империя, несмотря на все отрицательные последствия, сначала вступила в Первую мировую войну, а когда в конце 1914 г. со стороны Германии начался зондаж возможностей проведения переговоров о сепаратном мире, продолжала сражаться?

Одна из основных причин – активная работа британских спецслужб. Арсенал используемых средств был достаточно широк, начиная от пропаганды в газетах и заканчивая созданием огромной армии «агентов влияния», в которой «служили» представители либеральной оппозиции (лидеры партий октябристов и кадетов) и капиталисты. С момента своего появления в 1906 г. на политической сцене руководители этих движений активно выступали за сближение с Англией и Францией. Тогда же были установлены первые контакты с правительствами этих держав.

Отдельное направление деятельности британской разведки – активные мероприятия. В частности, участие в заговоре с целью ликвидации Григория Распутина, который активно выступал за проведение мирных переговоров с Германией.

Россия – рай для агитаторов

Иностранные разведки чувствовали себя в относительной безопасности, когда речь шла о проведении пропагандистских кампаний в российской прессе и приобретении «агентов влияния». Напомним, что согласно действующему тогда законодательству уголовно наказуемым деянием считался только «шпионаж». А под это определение попадали только четыре вида деяний.

Опубликование, сообщение или передача другому лицу в интересах иностранных государств сведений, содержащих гостайну. Поясним, что «это сведения или предметы, касающиеся внешней безопасности России или ее Вооруженных сил, предназначенных для военной обороны страны».

Передача третьим лицам описания изобретения или патента в сфере обороны и внешней безопасности России.

Сбор сведений, содержащих гостайну, без намерения передать иностранным агентам или представителю иностранного правительства эти сведения.

Попытка совершить полет на летательном аппарате над фортификационными сооружениями или «закрытыми» районами[567].

По иронии судьбы, до 1910 г. заниматься этим в нашей стране было некому. У дипломатов были свои проблемы, да и опекали их правоохранительные органы достаточно плотно. Да и сами они не пытались заниматься противозаконной деятельностью. Военный атташе в Санкт-Петербурге хотя и докладывал об успехах страны пребывания, но делал это весьма деликатно и щепетильно, как истинный джентльмен. Точно так же поступали его коллеги в Вене и Берлине. Никто в Лондоне и не рассчитывал, что они будут заниматься «секретной деятельностью». Один из атташе писал:

«Я ни за что не стану заниматься секретной работой. С моей точки зрения, военный атташе – гость страны, аккредитующей его, и потому должен видеть и узнавать лишь то, что дозволено гостю. Несомненно, он должен держать глаза и уши открытыми и не упускать ничего, но секретная деятельность – не по его части, он должен решительно отказываться прилагать к ней руку»[568].

«Секретной» деятельностью, согласно многочисленным легендам, в начале прошлого века в Санкт-Петербурге якобы занимался британский авантюрист Сидней Рейли. Вот только многочисленные исследования говорят о том, что этот человек был не очень прилежным шпионом[569].

Косвенно об этом свидетельствует и такой факт. В 1907 г. у Британии не было ни одного тайного агента в Европе! Через год, во время заседания подкомитета по агрессии Комитета имперской обороны, начальник оперативного управления генерал-майор Джон Юарт признался, что «существующий механизм получения сведений из Германии и с материка вообще в военное либо мирное время крайне несовершенен...»[570]

Рассчитывать на помощь соотечественников тоже не приходилось. В Санкт-Петербурге проживало не более четырех тысяч британских подданных, и жили они достаточно обособленно друг от друга, в отличие, например, от немцев. Хотя отдельные иностранцы регулярно информировали посольство по определенным вопросам.

Поэтому основное направление деятельности разведки туманного Альбиона в тот период – это пропаганда необходимости сближения двух стран и лоббирование этого процесса в Государственной думе. И здесь ее деятельность совпадала с тем, чем занимались их французские коллеги.

Из арсенала спецслужб

В большинстве европейских стран до 1914 г. считалось законной практика «субсидирования» иностранных дружественных газет. При этом Россия занимала первое

место по размаху такой деятельности. Наиболее распространенный прием – дача взяток издателям и журналистам, а также размещение оплаченных («заказных») материалов[571]. Наши «союзники» из Антанты действовали более изощренно.

Еще с довоенных времен в Российской империи действовал так называемый «Французский институт». В уставе этого учреждения было сказано, что его основная задача – способствовать развитию между двумя державами «отношений научного и интеллектуального характера». При этом из десяти учредителей института четверо – видные руководители масонского центра «Великий Восток Франции»[572]. Чиновники Департамента полиции выступали против существования таких «отношений», заявляя об их «крайней нежелательности», но руководство нашей страны их проигнорировало. Торжественное открытие этого учреждения состоялось 18 октября 1911 г. Всего по России (Москве, Ростове-на-Дону, Варшаве, Одессе и т.п.) функционировало более десяти подобных организаций.

О том, чем занимались эти учреждения, в 1920 г. написал сотрудник «Французского института» Рауль Лабри. По его словам, с началом войны организация, где он работал, превратилась в отделение специального пропагандистского органа в Париже – «Дома прессы». В 1916 г. начальник французской военной миссии полковник Лавернь проводил ежедневные совещания руководителей различных французских заведений для выработки пропагандистских «планов действий» и указаний французам, рассеянным по России, о проведении лекций и подготовке статей для местной прессы. Статьи направлялись в более чем 40 газет Петрограда, Москвы, Владивостока, Тифлиса и других городов. Понятно, что ключевая идея всех публикаций – доведение войны до «победного конца»[573].

Аналогичные мероприятия, только более масштабные, проводили и британские спецслужбы. В Англии действовали три разведывательные службы: Департамент военных операций Военного министерства, Департамент военно-морской разведки (во время Первой мировой войны – Бюро «40 О. В.») Адмиралтейства[574] и созданное в 1909 г. Бюро секретных служб. В начале века оно объединяло разведки МИДа и Министерства колоний и по делам Индии. Разведывательный департамент этого Бюро стал именоваться МИ-1с[575].

При каждом из этих органов существовал отдел пропаганды. К ним следует добавить множество специфичных пропагандистских органов, которые специализировались на подготовке различных материалов не только для союзных и нейтральных стран, но и государств, участвовавших в Первой мировой войне на стороне Германии. Среди этих «добровольных» учреждений наиболее известны: Комитет национальных патриотических организаций, Комитет прессы нейтральных стран, Парламентский комитет мобилизации, Викторианская лига и Союз демократического контроля.

В сентябре 1914 г. появилось и четвертое официальное подразделение в сфере агитации – Бюро военной пропаганды[576]. Новая организация готовила пропагандистские материалы для нейтральных и союзных стран, посылала туда свои миссии и отдельных лиц для изучения настроений общественности и выработки рекомендаций. Среди входящих в ее состав подразделений следует отметить отдел разведки. О высоком статусе Бюро и важности решаемых ее задач можно судить по тому, что руководителем назначили члена кабинета.

Эффективность работы этих учреждений снижала ведомственная разобщенность. Поэтому в январе 1916 г. контроль за всей пропагандой был возложен на МИД[577]. О масштабах деятельности многочисленных организаций свидетельствует фрагмент мемуаров германского агента Дж. Зильбера:

«Телеграфное агентство Рейтер передавало ежемесячно свыше миллиона слов за границу... что соответствует приблизительно содержанию одного тома Британской энциклопедии. Еженедельно иностранная пресса получала до 400 статей на всех языках мира... Во всех нейтральных странах Европы появлялись одновременно сотни

антигерманских публикаций». Многие факты просо сочинялись, другие значительно извращались и подтасовывались[578].

Также мероприятиями в сфере пропаганды занимались сотрудники британской военно-разведывательной миссии, которая официально была аккредитована при Главном управлении Генерального штаба в Петрограде. Официальные задачи этого представительства были такие: наблюдение за перемещением германских войск, за торговыми операциями России, составление так называемых «черных» списков контрабандистов, а также контроль за поездками британского военного персонала по территории страны. Дополнительные, негласные задачи – насаждение агентуры и попытка повлиять на внешнюю и внутреннюю политику страны пребывания.

Упомянутое выше британское Бюро военной пропаганды имело в Петрограде свое представительство – полуофициальное Англо-русское бюро пропаганды. Работой этого учреждения руководили люди, имевшие непосредственное отношение к британской разведке. Первый из них – русист Бернард Пэрс, носивший громкий титул «официальный корреспондент ее величества». А второй профессиональный писатель Хью Уолпол[579].

Бернард Пэрс впервые приехал в Россию в 1898 г. и прожил в нашей стране два года. С 1904 по 1905 г. он совершил второй визит, не только как ученый русист, но и как неофициальный осведомитель Британского посольства в Петербурге и британского МИДа. Такой статус был распространен среди английских ученых, журналистов и писателей, посещавших нашу страну в начале прошлого века. Тогда же он начал активно расширять политические связи. В 1912 г. он организовал визит членов Государственной думы – представителей оппозиционных царю партий (октябристов и кадетов) в Англию. Многие из этих людей станут «агентами влияния» и будут выступать за войну до «победного конца». После Октябрьской революции все они эмигрируют на остров туманного Альбиона.

В 1914 г. он назначен официальным осведомителем британского правительства в России, с поручением находиться при армии. С 1915 г. до октября 1917 г. – корреспондент солидной британской газеты «Дейли телеграф». Писатель Всеволод Иванов в начале тридцатых годов прошлого века написал в одном из своих очерков об этом человеке:

«Сей чистый академист профессор Пэрс поведал мне откровенно (они познакомились в 1919 г. – Прим. авт.), что он состоял всю Великую войну в контрразведке штаба нашей Третьей армии... Все наши секретные агенты – мальчишки и щенки по сравнению с этим коварным почтенным профессором литературы, несомненно, имевшим крупные связи в Англии».

А вот чем занимался второй руководитель Англо-русского бюро пропаганды. С осени 1914 г. по лето 1915 г. Хью Уолпол находился при Русском Красном Кресте на Польском и Галицийском фронтах, а в октябре 1915 г. возглавил бюро. При нем оно просуществовало недолго – «развалилось в результате постоянной утечки информации»[580]. Возможно, что его закрыли по другой причине – слишком явными стали связи его руководителя с сотрудниками британской разведывательной миссии[581].

Среди дипломатов следует выделить вице-консула Роберта Локкарта (в 1918 г. он стал одним из руководителей «Заговора послов». – Прим. авт.), который тогда постигал азы ремесла шпиона. Приехав в Россию в 1912 г., к лету 1915 г. он установил многочисленные контакты с лидерами либеральной оппозиции в Москве. Вот, например, что он написал в своих мемуарах о московском городском голове и главноуполномоченном Всероссийского союза городов – члене ЦК партии кадетов Михаиле Васильевиче Челнокове:

«Хотя он и был на двадцать с лишним лет старше меня, мы стали с ним интимными друзьями. Через него я познакомился с вождями московского политического движения – князьями Львовым, Василием Маклаковым, Мануиловым, Кокошкиным и многими другими. От него я получил копии секретных резолюций московской Городской думы, руководимого Львовым земского союза и союза городов, одним из руководителей коего

он был. Случалось ему снабжать меня и копиями секретных постановлений кадетской партии или даже документами вроде писем Родзянки к председателю Совета министров, каковые я первым сообщал посольству, – маленькие успехи, создававшие мне репутацию особенно искусной ищейки. Мои связи оказали мне возможность быть полезным даже Военному министерству»[582].

И это не удивительно, ведь в квартире разведчика, превращенной в салон, можно было встретить кого угодно, начиная от коменданта Кремля и заканчивая политическими деятелями. В непринужденной и дружественной обстановке обсуждались самые деликатные и конфиденциальные темы[583].

Британское правительство не забыло услуг, которые оказал стране Михаил Челноков. В марте 1917 г. ему в торжественной обстановке вручили знаки ордена Подвязки, которые, по словам Роберта Локкарта, «король пожаловал ему в награду за услуги англо-русскому союзу». Странная формулировка, если учесть, что награжденный был простой городской голова Москвы (напомним, что столицей тогда был Санкт-Петербург)[584].

Еще один британский подданный – журналист Гарольд Вильсон – также оказывал конфиденциальные и специфичные услуги своей стране. С одной стороны, он активно изучал Россию, и написанная им в 1914 году «Россия русских» считается одним из уникальных произведений о нашей стране по глубине понимания русской жизни[585]. А с другой – он выступал в качестве посредника между британским послом Джорджем Бьюкененом и представителями русской оппозиции. Например, 24 января 1916 г. он организовал «русско-английский чай», на котором присутствовали лидеры кадетов (Милюков, Набоков, Вернадский, Протопопов и др.) и представители британской миссии (в частности, упоминавшийся выше Бернард Пэрс)[586]. Это мероприятие было организовано в рамках программы установления контактов правительства Англии с либеральной оппозицией в России. До конца 1915 г. в Лондоне весьма равнодушно относились к этой политической силе, используя не полностью ее возможности, как одной из фракций в Государственной думе, и в качестве «поставщика» агентов (работающих за деньги или ради идеи) из среды офицеров, сотрудников Департамента полиции, чиновников, представителей интеллигенции. Большинство из них были активными членами или сочувствующими политических движений октябристов, кадетов, прогрессистов и трудовиков[587].

Зачем, когда благоприятный для Британии российский внешнеполитический курс задавал Сергей Сазонов, который внимательно прислушивался к пожеланиям Лондона и Парижа.

Этот человек руководил отечественным МИДом с 1910 г. по июль 1916 г. – период, когда велась подготовка к Первой мировой войне и начался зондаж о возможности проведения переговоров о сепаратном мире. Понятно, что англофил во главе внешнеполитического ведомства сделал все, чтобы Россия вступила в войну на стороне Антанты и участвовала в ней до конца. Свою деятельность он согласовывал с Парижем и Лондоном. Высокопоставленный чиновник МИДа Владимир Лопухин в своих мемуарах утверждал:

«…Сазонов работал в тесном сотрудничестве с английским послом Бьюкененом и французским Палеологом. С самого начала войны этот триумвират ежедневно сходился в кабинете Министерства иностранных дел и сообща направлял деятельность русского дипломатического ведомства. Сазонов нашел себе руководителей... И не одного, а двух. Слушался их Сазонов беспрекословно».

Хотя он учитывал интересы не только иностранных правительств, но и внутренней либеральной оппозиции, с которой начал контактировать еще в 1912 г. Противники режима активно поддерживали его, так как Сергей Сазонов «приязненно» относился к Государственной думе, а также активно проводил внешнеполитическую линию на союз с Англией и Францией и выступал за продолжение войны до конца. Один из лидеров оппозиции Павел Милюков однажды заявил:

«Я был сторонником Сазонова и защищал его от нападок германофилов и правых. Поскольку Сазонов является защитником интересов наших и наших союзников, я всегда выступал его защитником и сторонником».

Странно иметь министром иностранных дел политика, который активно сотрудничает с оппозицией. Это стало одной из основных причин его отставки в июле 1916 г.

Заграничные партнеры Сергея Сазонова не делали таких громких заявлений о его поддержке, как либеральная оппозиция, а действовали. Когда слухи об отставке министра начали циркулировать среди дипломатов, то Англия и Франция предприняли несколько попыток прямого вмешательства в дела России, предприняв ряд демаршей для его спасения. В частности, 6 июля 1916 г. британский посол послал секретную телеграмму императору, в которой просил его, прежде чем принять решение, «взвесить серьезные последствия, которые может иметь отставка Сазонова», прозрачно намекая, что в противном случае России придется встретить серьезные затруднения в любых (прежде всего финансовых) переговорах с союзниками, а также на послевоенной мирной конференции. Аналогичный демарш предпринял глава британской военно-разведывательной миссии Самюэль Хор[588].

Все эти попытки оказались безуспешными, и 7 июля 1916 г. Сергей Сазонов лишился своего поста руководителя МИДа. Занявший его место Борис Штюрмер не «страдал» «антантофильством», поэтому Англии и Франции пришлось искать другие способы воздействия на внешнюю политику Российской империи.

Британский посол дважды посетил Николая II, требуя отставки Бориса Штюрмера и обуздания растущего германского влияния при дворе. Тревогу дипломата можно понять. Достаточно процитировать телеграмму, отправленную им в Лондон 18 октября 1916 г.: «Не хочу проявлять ненужный пессимизм, – писал он, – но никогда после начала войны я не чувствовал такого огорчения по поводу здешней ситуации, особенно в том, что касается будущих англо-русских отношений. Германское влияние усиливается после ухода Сазонова из Министерства иностранных дел»[589].

В Лондоне и Париже справедливо опасались изменения форм участия России в Первой мировой войне, в частности заключения сепаратного мира. Хотя, по мнению многих историков, основная причина кадровых перестановок – Николай II решил поставить во главе МИДа преданного себе человека, а таких в 1916 г. оставалось очень мало.

И с этим преданным человеком императору пришлось расстаться уже 10 ноября 1916 г. Вот что он написал за несколько часов до того, как это произошло, своей супруге:

«Я приму Штюрмера через час и буду настаивать на том, чтобы он взял отпуск. Увы! Я думаю, что ему придется совсем уйти, – никто не имеет доверия к нему... даже Бьюкенен говорил мне в последнее наше свидание, что английские консулы в России в своих донесениях предсказывают серьезные волнения в случае, если он останется. И каждый день я слышу об этом все больше и больше. Надо с этим считаться»[590].

Если бы в Лондоне тогда прочли это письмо, то были бы довольны. Пропагандистская кампания в российской либеральной оппозиционной прессе, направленная против «темных сил» и руководителя МИДа, достигла своей цели. Борис Штюрмер 11 ноября 1916 г. ушел в «бессрочный» отпуск, а на пост премьер-министра был назначен Александр Трепов. В одном из первых официальных заявлений новый руководитель сообщил, что Россия продолжит войну до победного конца и о том, что «преждевременного мира», заключенного «отдельно от наших союзников, не будет никогда». Руководство стран Антанты одобрило это назначение.

Если бы Николай II и планировал проведение переговоров о заключении сепаратного мира, то серьезные попытки зондажа возможности переговоров он начал предпринимать еще на рубеже 1915–1916 г. Тогда же в Петрограде заговорили о скорой отставке Сергея Сазонова. Хотя этим попытки вывода империи из войны царь не ограничил. Назначив Бориса Штюрмера премьер-министром, а затем заменив им Сергея Сазонова, Николай II

готовил механизм проведения сепаратных переговоров[591]. А британская разведка готовила контрмеры.
В середине 1916 г. либеральная оппозиция (в первую очередь кадеты) начала новый этап политической борьбы. В его основе лежала сознательная дискредитация и клевета правительства. Например, сбор информации о предпринятых Борисом Штюрмером шагах в сторону заключения сепаратного мира (чего на самом деле не было). В своей борьбе либералы активно опирались на западных союзников. Например, с британским послом Джорджем Бьюкененом велись разговоры на тему измены в русском правительстве. В Лондоне «услышали» эти беседы и одобрили действия оппозиции. Произошло это 27 октября 1916 г. в Александровском зале Петроградской думы на заседании «Общества английского флага». Посол в своей речи выразил уверенность в скорой победе, но при этом отметил, что она должна произойти не только над врагом внешним. «Окончательная победа должна быть одержана над коварным врагом внутри наших стран», – сказал он. Понятно, что под ними подразумевались сторонники сепаратного мира. Также в своем выступлении британец выразил надежду, что «он, вероятно, услышит через несколько дней в Государственной думе столь же определенное заявление по этому поводу большинства народных представителей». Таким образом, дипломат санкционировал аналогичное выступление в Государственной думе. По мнению многих историков, речь, которую Павел Милюков собирался произнести там, была согласована с западными дипломатами, а не с собственными политическими союзниками. Когда она прозвучала 1 ноября 1916 г. в первый день работы V сессии Государственной думы, то произвела эффект разорвавшейся бомбы. А один из депутатов растерянно спросил у оратора: «А ваша речь – глупость или измена?»
В своем выступлении оратор обвинил власти в разрухе и поставил вопрос: «Что это – глупость или измена?», далее он озвучил слухи, которые циркулировали в высшем обществе. Не имея никаких доказательств и лишь цитируя германскую и австро-венгерскую прессу, он делал вывод о возможном предательстве супруги Николая II императрицы Александры Федоровны и премьер-министра Бориса Штюрмера. Через несколько дней текст выступления начал гулять по стране. Фактически он подтвердил циркулировавшие до этого сплетни[592].

Кто генерировал антигосударственные слухи

Их основными «производителями» были не агенты британской разведки, как это можно предположить, а «сливки» российского общества, родственники царской семьи, ненавидящие императрицу. Она тоже не симпатизировала им. Спускаясь в «низы», слухи попадали в благодатную почву, созданную тяготами и лишениями военного времени. По свидетельству современников, размах скандальных сплетен был столь значителен, что во время показа одного из эпизодов военной кинохроники, когда императору вручают Георгиевский крест, в зале раздавались громкие возгласы: «Царь с Егорием, царица с Григорием[593]!»
При этом такой информации верили не только простые обыватели, но и те, кто входил в ближайшее окружение Николая II. В качестве примера можно процитировать генерал-майора Отдельного корпуса жандармов начальника дворцовой охраны Александра Спиридовича:
«Когда на фронтах и прифронтовой полосе десятками расстреливали людей по одному лишь подозрению в государственной измене, столица России – Петербург – кишмя кишела не только подозрительными в этом отношении лицами, но и лицами с определенной репутацией разведчиков, офицеров германского Генерального штаба, имевших доступ к пресловутому «старцу», а через него непосредственно к министрам, вплоть до председателя Совета Министров Б.С. Штюрмера»[594].

Вот только, по мнению независимых исследователей, многочисленные германские «агенты» так и не смогли реально повлиять на ход Первой мировой войны.
Исследования, проводившиеся в России по поводу неудач поражения русской армии в Первой мировой войне в связи с действиями немецкой разведки позволяют утверждать, что действия последней не оказали на это сколько-нибудь существенного влияния. Немецкий шпионаж не имел прямого отношения к тем или иным поражениям русской армии[595].
Специалист в этой области В. М. Гиленсон в работе «Германская разведка против России», опубликованной в 1991 г., делает вывод:
«Проигранные русской армией сражения, как показывает внимательное изучение документов, не были следствием предательства или деятельности немецких военных разведчиков на уровне государственного или военного руководства. Германской агентурной разведке не удалось внедрить своих людей на ключевые посты в командование русской армии, подавляющее большинство солдат и офицеров до конца выполнили свой долг. Поражение русских войск объясняется совершенно другими причинами, к числу которых можно отнести ошибки Верховного командования, вытекающего из невнимательного отношения к данным собственной разведки, а также стремление Ставки идти навстречу требованиям союзников России, не считаясь с реальной обстановкой, что привело к стратегическим просчетам, оплаченным большой кровью»[596].
О пагубном влиянии подобных «сплетен и слухов» на политическую ситуацию в России лучше всех сказал великий князь Александр Михайлович:
«Трон Романовых пал не под напором предтеч Советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и других общественных деятелей, живущих щедротами империи... Было совершенно напрасным трудом угодить... революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства, и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах. Как надо было поступить с теми великосветскими русскими дамами, которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли гнусные слухи про царя и царицу?.. Как надо было поступать с теми членами Государственной думы, которые с радостными лицами слушали сплетни клеветников, клявшихся, что между Царским Селом и ставкой Гиндербурга существовал беспроволочный телеграф? Что следовало сделать с теми командующими вверенных им царем армий, которые интересовались нарастанием антимонархических стремлений в тылу больше, чем победами на немецком фронте?»[597]

Кто «заказал» Григория Распутина

Слухи не только будоражили общественное мнение, что привело в конечном итоге к Февральской революции, но и спровоцировали атаку на Григория Распутина со стороны представителей генералитета. И британская разведка имела к ней непосредственное отношение. Ведь атака не только позволяла нейтрализовать одного из сторонников сепаратного мира, но и доказать наличие «темных сил», о которых сообщил в своей речи в Думе Павел Милюков.
В декабре 1916 г. безуспешную атаку на императора с целью устранения влияния на дела государства «скрытых безответственных сил» и на формирование пользующегося доверием большинства населения страны правительства предприняли члены Государственного совета, сословных дворянских организаций, руководители отдельных партий (входящие в прогрессивный блок Государственной думы) и группа ближайших родственников Николая II.
Во главе великокняжеской фронды стоял известный придворный историограф великий князь Николай Михайлович. Его поддерживали трое братьев. Их требования звучали

лаконично – удаление от дел Григория Распутина и Александры Федоровны. Категорично утверждать о том, что они стали очередными «жертвами» слухов или симпатизировали Британии и поэтому начали борьбу против «темных сил», мы бы не стали. Просто это были две из множества причин, заставивших выступить их против царя.

Императрица, узнав об их требованиях, в одном из своих писем супругу назвала их кровными врагами, а великого князя Николая Михайловича просила выслать из Петрограда в Сибирь еще 4 ноября 1916 г. Причина столь категоричного требования проста – тот регулярно общался с руководителями либеральной оппозиции и часто обменивался мнениями по различным вопросам с британским послом[598].

Вторая половина 1916 г. ознаменовалась не только требованиями либеральной оппозиции удаления от Царского двора руководителей «темных сил», но и подготовкой серии заговоров. Все из них, кроме убийства Григория Распутина, так и не были реализованы, и о них известно очень мало. По мнению некоторых историков, наиболее вероятная схема переворота предусматривала захват императора в его поезде между Петроградом и Ставкой. С этой целью лидер октябристов и председатель Центральной военно-промышленной комиссии Александр Гучков установил контакты с офицерами различных гвардейских частей и с кружком офицеров, руководимых князем Вяземским. Солдаты не были посвящены в сущность дела и должны просто выполнить приказ своих командиров[599].

Среди активных участников операции можно назвать близких друзей Роберта Локкарта московского городского голову Михаила Челнокова и председателя Всероссийского земского союза князя Георгия Львова. Если в Лондоне знали о готовящемся перевороте, то как отнеслись к этому сообщению? Вероятнее всего, предпочли не вмешиваться в то, что происходит в Петербурге. Ведь в случае успеха к власти должны были прийти «англофилы», которые выступали за продолжение войны до конца. А те, кто выступал за сепаратный мир, утратили бы политическое влияние.

Одновременно готовилась операция по убийству Григория Распутина. Согласно «официальной» версии дореволюционных и советских историков, этот проект придумали, подготовили и успешно реализовали в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. три человека: двоюродный брат Николая II великий князь Дмитрий Павлович, видный монархист-черносотенец Владимир Пуришкевич и князь Феликс Юсупов-Сумароков-Эльстон, женатый на племяннице царя Ирине Александровне.

На самом деле эти три человека были лишь исполнителями идеи, которую придумали лица, входящие в политическую и светскую элиту Российской империи и выступающие против проводящейся Николаем II внешней и внутренней политики. Сейчас доказано, что к числу вдохновителей этого «заговора» можно причислить члена кадетского центрального комитета масона Василия Маклакова (он одновременно участвовал в заговоре по устранению императора), председателя Государственной думы октябриста Михаила Родзянко, фактического лидера великокняжеской фронды Николая Михайловича, старшей сестры императрицы Елизаветы Федоровны и других членов царской семьи. К этому следует добавить, что и британская разведка как минимум была прекрасно осведомлена об этом «заговоре».

Объяснять причину и роль руководителей либеральной оппозиции в убийстве Григория Распутина нет необходимости. Если эти люди ради своих политических интересов планировали сместить самого императора, то что тогда говорить об обычном сибирском мужике, которого ненавидела вся страна. А вот на описании роли Николая Михайловича и британских разведчиков мы остановимся подробнее. Ведь Николай Михайлович, мягко говоря, симпатизировал англичанам. Вспомним упоминавшийся выше факт его контактов с британским послом. Кто знает, может быть, его британские знакомые подтолкнули к мысли о том, что «ужасное положение династии» связано с «влиянием Распутина». Такую идею он высказал в начале ноября 1916 г. одному из исполнителей заговора Михаилу Пуришкевичу. А через несколько дней, 6 или 7 ноября 1916 г., черносотенец сообщил

Василию Маклакову, что принято решение об убийстве Григория Распутина в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. А незадолго до этого с членом центрального комитета кадетов встретился Феликс Юсупов и сказал, что у кадетов есть два способа устранения «святого старца»: купить или убить. Собеседники тогда ни о чем не договорились.

Какие конкретно цели преследовали заговорщики и почему в успешной реализации этого проекта были заинтересованы не только в Петрограде, но и в Лондоне? По утверждению Василия Маклакова, Феликс Юсупов и его сообщники полагали, что после устранения Григория Распутина императрица потеряет душевное равновесие и ее придется поместить в психиатрическую больницу. Тогда все переменится, и царь «сделается хорошим конституционным монархом». В таком развитии событий были заинтересованы и в Лондоне. Ведь реальной политической властью в стране обладали бы партии, которые доказали свою «англофилию».

Хотя был более весомый аргумент в пользу нейтрализации Григория Распутина. Вот что об этом написала жена Родзянко матери Феликса Юсупова (обе дамы были в курсе деталей «заговора» и активно поддерживали его) 1 декабря 1916 г.: «После официального сообщения о предложении Германии и Австрии начать мирные переговоры очень опасаются распутинского согласия на заключение мира помимо союзников. Все вероятно. Послы французский и английский жаловались... что их принимают с трудом, а Германия через Александру Федоровну старается восстановить царя против союзников. Никогда Россия не видела таких черных дней и таких недостойных представителей монархизма»[600].

Руководитель военно-разведывательной миссии Самуэль Хор подразумевал «Распутина и его компанию» (т.к. она «является скрытой движущей силой антивоенных группировок» опасность сепаратного мира оставалась). Например, британец в своем донесении директору военной разведки 9 декабря 1916 г. (озаглавленном «Состояние общественного мнения в России») отмечал рост недовольства царским правительством во всех социальных слоях, причем у «трудящихся классов» оно сосредотачивалось в основном «на плачевном состоянии в сфере продовольствия». Так, недавно «произошло несколько угрожающих стачек в Петрограде и в других промышленных центрах». Причем начатые в качестве демонстраций против войны, они «завершились манифестациями против правительства». Обнадеживающим симптомом разведчик считал преобладание либеральной оппозиции над «темными силами»[601].

Поступок убийц Григория Распутина встретил не только одобрение и поддержку среди членов императорской семьи, но и среди сотрудников британского посольства. Так, 19 декабря 1916 г. английский посол Бьюкенен неожиданно устроил в фешенебельном ресторане Контана вместо традиционной ежегодной встречи банкет представителей британской колонии с участием Родзянко и Сергея Сазонова. Дипломат, пользуясь случаем, призывал к продолжению войны до победного конца[602].

Роберт Локкарт признался в своих мемуарах, что был близко знаком с Дмитрием Павловичем, «самым большим англофилом из всех великих князей»[603]. В отношении остальных убийц Роберт Локкарт написал, что они верили в «старый режим и хотели его спасти», действуя из соображений, «пожалуй, неправильно понятого патриотизма».

Британский разведчик Самуэль Хор признал, что Михаил Пуришкевич предупредил его за две недели о предстоящем убийстве. При этом он не проинформировал об угрозе российские власти. Зато он стал первым из западных дипломатов, кто доложил своему правительству подробности ликвидации Григория Распутина. Не скрыл он и расчетов, с этим связанных, в т. ч. на «незамедлительную отставку Протопопова и различных шефов тайной полиции», а также на постепенное устранение с ответственных постов видных распутинцев, которых считал германофилами.

Вот только здесь британская разведка ошиблась. Николай II, наоборот, начал заменять либерально настроенных министров сторонниками Григория Распутина. Например, 27 декабря 1916 г. председателем Совета министров был назначен князь Николай

Голицын, который до этого руководил Комитетом помощи русским военнопленным под патронажем самой императрицы. Также активизировались попытки зондажа сепаратных переговоров[604].

«Ликвидаторы» из Лондона

Британский историк Эндрю Кук в изданной в Англии в 2005 г. книге «Убить Распутина. Жизнь и смерть Григория Распутина» высказал свою версию того, кто и как совершил это преступление. В частности, он утверждает, что Сэмюэль Хор не был посвящен в планы британской разведки. Произошло это по той простой причине, что сотрудники британской резидентуры в Петрограде, в силу ряда причин, не воспринимали его в качестве начальника и поэтому решили не сообщать всех деталей предстоящей операции.
Эндрю Кук утверждает, что двое британских разведчиков Освальд Райнер и Стивен Элли – не только находились в особняке Юсупова в ночь, когда было совершено убийство, но также помогали выносить тело жертвы. Более того, именно Освальд Райнер застрелил тяжело раненного Распутина. Об этом ниже. Третий британский разведчик, Джон Скейл, также участвовал в заговоре, но за несколько дней до проведения операции был отправлен на Румынский фронт для организации диверсий[605].
Описанная в книге Кука сцена убийства разительно отличается от «канонической» версии. Согласно утверждению британского историка:
1. Убийцы не смогли накормить жертву отравленными пирожными. На это указывают два факта. Во-первых, он не любил сладкого и, соответственно, не мог наестся смертельно опасным угощением. Во-вторых, в его организме не было обнаружено следов цианистого калия. Более того, убийцы вообще не планировали использовать яд. Дело в том, что у них был доступ к различным лекарствам, которые при передозировке могли спровоцировать летальный исход, но они не применили их[606].
2. В организме убитого обнаружено приличное количество алкоголя, из чего автор сделает вывод, что сначала жертву напоили, а потом… Процитируем протокол вскрытия:
«На левом боку – зияющая резаная рана, нанесенная острым предметом или шпорой.
Правый глаз выпал из орбиты и вытек на лицо. В углу правого глаза порвана кожа. Правое ухо частично оторвано.
На лице и на теле жертвы имеются признаки побоев некоторым гибким, но твердым предметом.
Гениталии расплющены тем же предметом».
К этому нужно добавить «расплющенный и деформированный нос» и различные «резаные раны неправильной формы».
По мнению экспертов, такие повреждения жертва могла получить только в результате жестокого избиения группой лиц. Причем один из нападавших нанес удар в левый бок ножом или тесаком.
По версии Кука, Распутина сначала напоили, а потом начали избивать. Автор книги дипломатично уходит от ответа на вопрос, участвовали ли в этой бойне двое британских разведчиков или они все это время просидели в одной из комнат, ожидая, пока Феликс Юсупов с компанией закончит процесс умерщвления. Зато автор утверждает, что Юсупов вызвал троих братьев своей супруги Ирины – князей Андрея, Федора и Никиту, которые и помогли присутствующим (врачу санитарного поезда Пуришкевича Станиславу Лазаверту, депутату Госдумы Владимиру Пуришкевичу и великому князю Дмитрию Павловичу) избить жертву[607]. Согласитесь, что семеро (причем один из них вооружен ножом или тесаком) могут избить одного здорового, но сильно пьяного мужика.
После такой экзекуции нападавшие решили, что Распутин долго не проживет, и оставили умирать его в подвале. А сами поднялись наверх, чтобы отпраздновать завершение, как им тогда казалось, операции.

3. Через какое-то время Распутин пришел в себя и самостоятельно выбрался из подвала во двор. Кто-то из избивавших его заметил это и выстрелил через оконное стекло. Жертва инстинктивно упала в снег. И тогда убийцам пришлось выйти во двор и добить его тремя выстрелами из пистолета. Первые два были произведены с расстояния 20 см и не были смертельными. Одна пуля «вошла в левую часть груди, прошла сквозь желудок и поразила печень», а вторая «вошла в правый бок и пронзила почки». По утверждению медэкспертов, после них жертва могла еще прожить как минимум минут двадцать. Первый выстрел, скорее всего, произвел Феликс Юсупов или Дмитрий Павлович, а второй – Пуришкевич. По крайней мере, стреляли из принадлежащих им пистолетов.
Зато третий выстрел был произведен в голову в упор и не оставлял жертве шансов на спасение. Согласно протоколу, «входное пулевое отверстие по центру лба представляет собой рваную рану с расходящимися трещинами в местах разрывов. Наличие рваных краев позволяет предположить, что пуля в момент входа увеличилась в диаметре». Говоря другими словами, в голову жертвы попала безоболочная пуля. Поясним, что мягкие безоболочные пули обладают высокой пластичностью и при контакте с мягкими биологическими тканями тратят часть энергии на собственную деформацию, тем самым увеличивают время воздействия и мощность удара. Это обстоятельство послужило одной из причин того, что Гаагская декларация (1899 г.) запретила использование для поражения человека пуль, сплющивающихся в теле. Во время Первой мировой войны только у британских офицеров были револьверы системы «Вэблей» под патрон с безоболочной пулей. А стрелявшим был Освальд Райнер[608].

Накануне Февральской революции

Либеральная оппозиция также действовала, пытаясь парламентскими и «силовыми» методами повлиять на императора. В частности, лидеры этого течения продолжали разрабатывать план дворцового переворота. Лидер октябристов Александр Гучков свидетельствует:
«План заключался в том (я только имен не буду называть), чтобы захватить по дороге между Ставкой и Царским селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно при поддержке воинских частей, на которые здесь в Петрограде можно рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавляют собой правительство. Таким образом, вы видите, дело пришлось бы иметь не со всей армией, а с очень небольшой ее частью. Надо было бы найти часть, которая была бы расположена для целей охраны по железнодорожному пути, а это было трудным. Здесь Петроградский гарнизон не представлял, конечно, трудности, но все-таки мы не желали бы касаться солдатских масс».
Одна из причин того, что этот план не был реализован – обоснованная боязнь заговорщиков перед революцией, которую мог спровоцировать их переворот. О том, что происходило в начале января 1917 г. в Петрограде, в своих мемуарах прекрасно описал британский посол Джордж Бьюкенен:
«Революция носится в воздухе, и единственно не ясно, будет ли она проведена сверху или снизу. О дворцовом перевороте говорили открыто, и на обеде в посольстве один мой русский друг, который занимал высокий пост в правительстве, заявил, что это сводилось просто к тому, будут ли убиты царь и императрица вместе или только последняя. С другой стороны, мог произойти и взрыв народного недовольства, вызванный продолжительной нехваткой продовольствия».
Звучит странно. Посол «дружественной» державы обсуждает с высокопоставленным чиновником планы физического устранения законного руководителя страны. Вместо того чтобы предупредить императора о грозящей ему опасности, дипломат по просьбе лидеров либеральной оппозиции решил «предпринять последнюю попытку спасти царя». Хотя эта

встреча напоминала беседу старшего с младшим, где британец терпеливо объяснял, что нужно делать руководителю великой державы.

Встреча состоялась 12 января 1917 г. В начале разговора Николай II высказал предположение, что предстоящая в Петрограде межсоюзническая конференция окажется последней перед «завершающей мирной конференцией». Тем самым он продемонстрировал свою надежду на скорое окончание Первой мировой войны. Собеседник выразил сомнение, заявив, что «политическая обстановка в России не позволяет ожидать сколько-нибудь крупных результатов от ее работы». Развивая свою мысль, он говорил об отсутствии гарантий в том, что «нынешнее русское правительство сохранится и решения конференции будут соблюдаться его наследниками». Царь возразил, указав на беспочвенность таких опасений. На что посол ответил, что «координация наших усилий еще является недостаточной, если в каждой из союзных стран отсутствует полная солидарность между всеми классами населения». В качестве примера страны, где все с этим благополучно, он назвал Англию. Одновременно он изложил требования либеральной оппозиции о необходимости создания правительства, пользовавшегося доверием населения. Понятно, что в его состав должны были войти лидеры октябристов и кадетов. Также он указал на необходимость считаться с мнением Государственной думы и Земства. Император внимательно выслушал пожелания. Обрадованный такой реакцией дипломат заявил, что «немцы оказывают косвенное влияние на императрицу через лиц ее окружения», в результате чего «ее дискредитируют и обвиняют в работе на интересы Германии». Потом Джордж Бьюкенен выразил недовольство Протопоповым, ибо, «пока он остается на посту министра внутренних дел, между правительством и Думой не будет сотрудничества, которое является главным условием победы». Также он утверждал, что министр «действует в пользу примирения с Германией». Здесь император проявил твердость и отклонил обвинение. Дальше разговор пошел о ситуации в стране. На предупреждение дипломата о том, что «на революционном языке разговаривают не только в Петербурге, но и по всей России», монарх ответил, что не стоит придавать разговорам об этом слишком серьезное значение. Тогда посол упомянул о готовящемся дворцовом перевороте. Это сообщение взволновало царя. На этом их беседа закончилась[609].

За несколько дней до этого события, 7 января 1917 г., британский разведчик Самуэль Хор отправил в Лондон очередное донесение. В этом документе он информировал о впечатлениях от своей поездки в Москву. В частности, он обратил внимание на то, что «главные военные и земские представители» говорили с редкой откровенностью о «невыносимом положении» России. Даже начальник Московского военного округа, являвшийся самым закоренелым консерватором, считал существование тогдашнего строя безнадежным.

В другом донесении этого человека, датированным 18 января 1917 г., можно прочесть такие слова: «прогрессивные» партии (октябристы и кадеты) спокойно продолжают организационную работу, и их руководство полно решимости не предпринимать шагов, которые сыграют на руку противнику на фронте и в тылу. Они принимают все меры предосторожности о недопущении повторения «анархических взрывов», что, дескать, дискредитировало и подорвало дело революции 1905 года, которая сошла с накатанного либерально-буржуазного курса[610].

А полиция продолжала педантично фиксировать многочисленные контакты представителей либеральной оппозиции с британскими разведчиками и дипломатами. Например, в записке Петроградского охранного отделения от 6 февраля 1917 г. можно причитать об этом следующее: «Находясь в непосредственном общении с английским посольством, кадеты черпают оттуда соответствующие указания и советы». А в донесении от 15 февраля 1917 г. указывается, что британского посла регулярно посещают октябристы.

Министр МВД Алексей Протопопов позднее свидетельствовал:

«Достоверно замечание, что посол Англии, нашей союзницы, сочувствовал, может быть, и содействовал работе нашей оппозиции. Он, вероятно, предполагал, что за успехом этой работы последует взрыв энтузиазма, способный склонить чашу весов военного счастья на сторону держав согласия».
Он докладывал царю о контактах Джорджа Бьюкенена с лидерами «прогрессивного» блока, но император никак не среагировал на эти сообщения. Требовалось принятие решительных мер по пресечению подобного «сотрудничества», но на это самодержавие опасалось идти[611].

Когда император лишился власти

Дополнительные сведения о тайной политике Британии в отношении России можно почерпнуть из секретных донесений французской разведки, которая тоже активно действовала в Петрограде. Например, представитель разведывательного отделения Генерального штаба Франции в России капитан де Малейси в своем донесении, отправленном в Париж 4 апреля 1917 г., отмечал, что главной причиной Февральской революции было недовольство царем и императрицей всех слоев общества. А произошла она благодаря заговору англичан и либеральной буржуазии. Вдохновителем мероприятия был британский посол, а техническим руководителем – Александр Гучков. При этом они планировали только «отречение самодержавца и установление либеральной опеки с одним из великих князей в качестве регента», но ситуация вышла из-под их контроля. Также французский разведчик называл и других участников «дворцового переворота». В частности, он упомянул Военно-промышленную комиссию, великого князя Николая Николаевича и генерала от инфантерии начальника штаба Ставки Михаила Алексеева.
О том же писал в своем дневнике 7 апреля 1917 г. руководитель французской военной миссии генерал Жанен. Также он указал, что англичане в результате прихода к власти лидеров либеральной оппозиции рассчитывали на получение крупных концессий, в частности, на северные леса, кавказскую нефть и т.п.[612]
Когда британское правительство поняло, что либералы, пришедшие к власти в результате Февральской революции, не способны удержать власть, а население Российской империи готово поддержать любого, кто объявит основным пунктом своей политической программы заключение мира с Тройственным союзом, то начали предпринимать судорожные меры для спасения ситуации. Использовать либеральную буржуазию, хотя многие ее лидеры вошли в состав Временного правительства, оказалось бесполезно. Они и так, во главе с Александром Керенским, продолжали ратовать за войну до победного конца. По мнению Роберта Локкарта, это и стало одной из причин того, что к власти в октябре пришли большевики. Ведь они заявили о выходе из войны! Того, что два года до этого добивались «темные силы».
В какой-то момент британская разведка оказалась бессильной. Идея отправить в Россию франко-британскую делегацию социалистов с целью убедить русских товарищей не прекращать войну оказалась бессмысленной. Гости не знали русского языка, да и дискутировать с местными опытными ораторами, которые могли часами «лить воду из пустого в порожнее», они не могли[613].
Следующая попытка агитации была предпринята летом 1917 г. Предполагалось агитировать русских солдат при помощи кинокартин, демонстрирующих события, происходящие на Западном фронте. По мнению Роберта Локкарта, эффект этих лент на дезорганизованную российскую армию был бы противоположным задуманному и только бы увеличил количество дезертиров. Предполагалось, что выступающие перед сеансами ораторы будут призывать к ведению войны до победы. Сами организаторы сомневались в успехе мероприятия, но военные – народ дисциплинированный и приказ командования нужно выполнять.

Проблемы начались еще в Москве, когда городская администрация разрешила показывать только кино, но никаких речей, кроме выступления Роберта Локкарта. Генеральный консул сумел достичь нужного эффекта, но после этого речи запретили[614].
А потом события начали развиваться по кошмарному для российской бизнес-элиты, зарубежных масонов и британского правительства сценарию. Прибывшая в Петроград из эмиграции и ссылок в апреле—мае 1917 г. «команда» левых радикалов начала подготовку Октябрьского переворота. Дальнейшие события известны.

Часть четвертая
Военная разведка

Глава 26
Рождение военной разведки (древнейшие времена – XIII век)

Военная разведка существует на Земле столько, сколько существует и воюет само неспокойное человечество. Она появилась еще в те незапамятные доисторические времена, когда одно первобытное племя, перед тем как напасть на другое, посылало лазутчиков под видом заблудившихся охотников или торговцев кремневыми наконечниками. Упоминание о первых лазутчиках можно обнаружить в текстах Ветхого завета ишумерского эпоса о полулегендарном правителе города Урук в Шумере (XXVIII в. до н. э.) Гильгамеше[615].
В бывшей Ассирии археологи раскопали царскую библиотеку, где были обнаружены глиняные донесения секретных агентов VII в. до н.э. Ганнибал, одержавший ряд блистательных побед над Римом, добивался их во многом благодаря хорошо поставленной разведке, причем он и сам не чуждался этой профессии и время от времени лично проникал в римский стан, перевоплощаясь с помощью парика и фальшивой бороды[616]. Огромные возможности разведки этот полководец познал не только на собственном опыте, но и благодаря случаю.
Своим первым успехом в Итальянской кампании Ганнибал был обязан македонскому царю Филиппу V, заключившему с ним союз против Рима. Однажды Филипп отправил к Ганнибалу послов. Те спокойно достигли Италии, но по дороге в лагерь Ганнибала возле Капуи были перехвачены римлянами и доставлены к римскому претору. На вопрос о цели их путешествия они заявили, что посланы царем Македонии к римскому Сенату с лучшими пожеланиями и предложением заключить союз между Македонией и Римом против Карфагена. Претор, приятно удивленный таким открытием, принял послов с большим почетом и щедро предоставил им все необходимое для их долгого путешествия, объяснив дорогу в Рим и изложив подробно позиции римских и карфагенских армий.
Послы, снабженные такой информацией, без особого труда достигли штаба Ганнибала и рассказали ему о планах Филиппа. Финикиец был, естественно, доволен и послал их обратно к Филиппу со своими предложениями. На обратном пути в открытом море их перехватила римская эскадра. Послы снова стали лгать, объясняя, что держат путь в Рим и что, покинув претора, они опасались попасть в руки к финикийцам, передвигаясь по суше, поэтому пытались попасть в Рим по морю. Их объяснение показалось римскому адмиралу вполне правдоподобным. Они могли бы и в этот раз спастись, но внешность двух приближенных Ганнибала вызвала у адмирала подозрение, что и привело к провалу всей операции[617].
В трудах китайского военного теоретика Сунь Цзы (VI–V вв. до н.э.) и в индийских законах Ману (II в. до н.э. – II в. н.э.) подчеркивалась необходимость ведения разведки, в том числе агентурной, как элемента защитной функции государства[618].

У живших на территории европейской части современной России славянских племен преобладала не военная разведка как таковая (в современном понимании этого слова), а военная хитрость. Хотя и она предполагала использование различных приемов сбора информации о противнике и контрразведывательных мероприятиях. Именно использование военной хитрости, а также специальная система психофизической подготовки снискали славянам славу профессиональных воинов. Их охотно принимали на службу многие правители европейских феодальных государств.

Древнерусские летописи также подтверждают, что военная разведка играла существенную роль в период становления Киевской Руси, а затем и Московского княжества. Ведя наблюдение за ордами кочевых племен, выявляя намерения соседних государств, военные разведчики способствовали победам великих россиян – Александра Невского, Дмитрия Донского и других полководцев в борьбе с врагами Руси и России.

Хотя правители Руси активно начали использовать возможности разведки задолго до рождения знаменитых полководцев. Например, князь Святослав, сын Игоря, предупреждал противника вызовом: «Хочу на вас идти». Противник начинал спешные приготовления. В это время лазутчики князя изучали, где и какие силы неприятель сосредоточил, оценивали запасы его вооружения и продовольствия, выискивали слабые места в обороне и боевых порядках.

Организация военной разведки в IX–X веках

С середины IX в. по конец XV в., то есть с момента возникновения русской государственности на территории европейской части современной России, существовали княжества – суверенные и вассальные феодальные государства и государственные образования во главе с князьями. Крупные княжества назывались великими и дробились на уделы.

Спорные вопросы между феодальными властителями решались с помощью силы. Кто победит в локальном вооруженном конфликте, тот и прав. От качества подготовки военного похода зависел его результат. С другой стороны, князьям необходимо было знать планы своих соседей. Также глав княжеств интересовали численность и состав войск потенциальных противников и союзников, их вооружение, места постоянной дислокации, слабые и сильные стороны военачальников и т.п. На все эти вопросы можно было получить ответ только с помощью средств военной разведки.

Единственными органами государственной власти и управления, включая военное, в княжествах являлись сами феодальные властители-князья, которые организовывали и вели разведку на высшем, государственном уровне. Все решения принимались лично князем в совете с двумя-тремя приближенными, либо, в случае создания военной коалиции, на совете князей, выдвигавшем по общему согласию военного вождя. Эти «советы» не были постоянными органами, а собирались лишь для решения возникавших задач. Главными функциями разведки в этот период являлось предупреждение об агрессии со стороны соседних феодальных государств и их коалиций или обеспечение подготовки своего государства (союза) к такой же агрессии против соседей с целью захвата территории, а также разведка противника непосредственно в ходе боевых действий.

Разведка в войске (дружине) организационно еще не выделялась. И здесь ее организовывал и направлял князь. Именно он назначал из числа членов дружины специальных лиц, которые отвечали за добычу сведений о противнике, сбор рати, подбор мест для стоянок войска, разведку дорог и бродов через реки.

В Киевской Руси IX–X вв. все дела, относящиеся к проблемам войны и мира, включая организацию разведки, как составную часть внешнеполитической и военной деятельности, решал князь в совете с двумя-тремя особо близкими людьми, часто не занимавшими никакой официальной должности. Это могли быть близкий военный

деятель, воевода, иногда какой-либо весьма умный и доверенный слуга и, наконец, чаще обычного – духовник князя. Но всегда этот круг людей менялся, был непостоянным и неофициальным, все зависело от личности его участников, от их способностей и таланта, влияния и практической значимости в глазах того или иного князя, которого они обслуживали, а не от занимаемой должности и положения при дворе. Фактическим и номинальным руководителем стратегической разведки на Руси в домонгольский период был только сам великий князь, имевший в каждом отдельном случае эпизодических и во многом случайных доверенных советчиков – непрофессионалов[619].

Из истории тайной войны периода IX–XIII веков

К сожалению, в русских летописях сохранилось очень мало описаний отдельных операций военной разведки. Можно лишь предполагать, что большинство сражений славяне выигрывали благодаря не только прекрасной военной подготовке, но и активному использованию приемов военной хитрости и разведки. Последние, наряду с верховой ездой и владением холодным оружием, входили в «программу подготовки» профессиональных воинов.

По мнению доктора исторических наук Владимира Плугина, одна из первых (документально подтвержденных) разведывательных операций славян была проведена весной 839 г. Процитируем рассказ ученого:

«Как сообщает придворный священник императора франков Людовика I Благочестивого Пруденций (в сочинении, известном под названием «Вертинские анналы»), 18 мая 839 г. его величество принимал в небольшом городке Ингельгейме, расположенном на берегу Рейна, посланцев народа Рос, то есть государства Русь, которое в настоящее время большинство ученых справедливо отождествляют географически с Киевской державой (это одно из первых упоминаний о ней в сохранившихся документах). Прибыли нежданные гости вместе с посольством византийского императора Феофила, но, в отличие от греков, вызвали у Людовика подозрение. Представители малознакомой – или даже вовсе незнакомой – восточной страны по внешнему облику и языку очень напоминали ему, напротив, хорошо знакомых норманнов – датчан и норвежцев, нападающих на северное побережье империи, и шведов, которых он имел удовольствие видеть у себя десять лет назад. «Тщательно доисследовав причину их прибытия,– записал Пруденций,– император узнал, что они действительно принадлежат к народу свеонов. Считая их скорее разведчиками по тому царству (Византии. — Прим. авт.) и нашему, чем искателями дружбы, он решил задержать их у себя, чтобы можно было достоверно выяснить, с добрыми ли намерениями они пришли туда (сюда? — Прим. авт.) или нет». Очевидно, к делу была подключена имперская служба безопасности, которая под высочайшим руководством и выработала первые рекомендации. В том смысле, что, может быть, они и послы, а не шпионы, однако же очень на них похожи. А потому расследование следует продолжить. Поскольку греки, видимо, уже откланивались, Людовик просил их сказать своему августейшему брату (отправив в Константинополь и письмо), что «из любви к нему охотно принял» гостей из страны Рос, и «если они окажутся людьми вполне благожелательными, а также представится возможность им безопасно вернуться на родину (о содействии чему просил Феофил. — Прим. авт.), то они будут туда отправлены с охраной. В противном же случае они будут отправлены с посланными к его особе, с тем чтобы он сам решил, что с таковыми надлежит сделать». Какой «случай» был в конце концов доказан – «противный» или иной – и куда затем отправились послы государства Рос, в Константинополь или в Киев,– это осталось неизвестным. Следовательно, неизвестно, были ли первые официальные представители Киева в империи франков разведчиками. Людовика ведь смутила прежде всего их национальность.

Почему же в самом деле в Константинополь и Ингельгейм были отправлены не славяне, а варяги? Потому, вероятно, что у могучего уже Русского государства (его правитель назван

в анналах царем «по имени хакан», то есть «каганом») не было еще в достатке подготовленных мужей из местной знати, способных нести трудную посольскую службу. Нужно было знать языки, нравы и обычаи разных стран, дипломатический этикет, пути-дороги и многое другое. Бывалые викинги, колесившие по Европе, больше подходили для подобных целей»[620].

Вот их и использовали киевские князья для проведения первой разведывательной операции по изучению чужих земель. При этом их в первую очередь интересовали территории Восточно-Римской империи, на которую спустя два десятилетия они напали, государство Каролингов они не стали атаковать. Хотя этот эпизод можно считать первым случаем испуга Европы перед могучей и коварной русской военной разведкой. А свой профессионализм она доказала очень скоро.

Другим примером эффективно организованной разведки на государственном уровне может служить поход руссов в 860 г. на Византию. 18 июня 860 г. Константинополь (древнее название современного турецкого города Стамбул) подвергся неожиданной яростной атаке русского войска. Руссы на 200 кораблях подошли со стороны моря, высадились у самых стен византийской столицы и осадили город. К этому времени император Михаил III увел из Константинополя в Малую Азию сорокатысячное войско, чтобы отразить нашествие арабов. На борьбу с пиратами был отвлечен от Константинополя и византийский флот. Внутренние распри сотрясали империю. Столица оказалась беззащитной. Митрополит Фотий писал:

«Те, для которых некогда одна молва о ромеях казалась грозою, подняли оружие против самой державы их и восплескали руками, неистовствуя в надежде взять царственный град, как птичье гнездо».

Столь удачный выбор момента для нападения был бы невозможен без хорошо организованной разведки древнерусского государства. Осада продолжалась целую неделю и была снята в результате переговоров с руссами спешно вернувшегося из Малой Азии византийского императора[621]. Между Киевом и Константинополем был заключен «Договор мира и любви». Этот документ впервые оформлял межгосударственные отношения Руси и Византии (империи ромеев), означал международное признание Руси. Также Византия обязывалась ежегодно уплачивать дань Руси за ее воздержание от войн.

Хотя военная хитрость использовалась русскими князьями не только против иностранных врагов, но и во внутриполитической борьбе. Например, в 882 г. новгородский князь Олег (вошедший в историю под именем Вещий Олег) решил захватить Киев и уничтожить местных правителей Аскольда и Дира. Вместе с дружиной он спустился по реке Днепр, послав вперед корабль с разведчиками, выдавшими себя за греческих купцов и сообщившими киевским князям об идущем следом – якобы для подписания договора – большом посольстве. Ничего не подозревающие князья вышли из крепости и появились на пристани, чтобы встретить его. Пред ними предстал коварный Олег, окруженный «торговцами» и держащий на руках малолетнего сына Игоря. После взаимных приветствий важный гость внезапно воскликнул: «Не вы князья, а мы князья Киева!» По его знаку Аскольд и Дир тут же были зарублены переодетыми в «свиту» телохранителями, и сотни выскочивших из судов дружинников в течение нескольких минут завладели Киевом[622].

В 907 г. Олег совершил поход на Царьград (древнерусское название Константинополя). И снова не обошлось без разведки. Греки, будучи не в силах противостоять двигающимся по суху по направлению к столице двум тысячам парусных ладей, приняли условия русского князя и были готовы заплатить дань. При этом они вознамерились убить завоевателя во время церемонии подношения даров. Олег каким-то образом узнал о грозящей ему опасности и отказался принять смертоносные дары. Возможно, что в стане противника были его агенты. Известен и другой эпизод «тайной войны» из этого же похода. К самому Константинополю армия Олега подошла внезапно, посеяв в городе жуткую панику. Как же ему это удалось, ведь ладьи могли идти по Черному морю только

каботажем, говоря другими словами, плыли вблизи побережья с частыми стоянками. Ответ прост: Олег организовал мощную систему военной разведки и контрразведки. Существовали специальные конные летучие отряды, которые двигались по побережью. Они не только подбирали места для укромных стоянок, но и пресекали всякую утечку информации о движении флота. Возможно, Олег активно использовал агентуру из числа местных жителей – болгар[623].

В июне 941 г. князь Игорь, нарушив мир с Византией, подошел к Босфору с 1000 судами. Греческий флот в то время отсутствовал (был в походе против сарацин). Высаженные на берег воины Игоря принялись разорять и грабить окрестности. Хотя победе они радовались рано. Греческая флотилия, состоявшая из 15 кораблей, применила секретное смертоносное оружие – «греческий огонь» (разновидность напалма). Об этом оружии славянские лазутчики заранее ничего не сообщили Игорю, поэтому для князя это был неприятный сюрприз. Множество русских деревянных кораблей сгорело, а большинство воинов погибло. Игорь вернулся из неудачного похода только с 10 судами. Этот пример прекрасно иллюстрирует, что бывает, когда военачальники уделяют недостаточное внимание организации военной разведки.

Летом 968 года, воспользовавшись тем, что киевский князь Олег был далеко за Дунаем, печенеги с огромным войском подошли к Киеву и обложили город. На другой стороне Днепра со своим войском стоял черниговский воевода Претич, но не решался прийти на выручку осажденным – ввиду очевидного неравенства сил. Тогда осажденные в Киеве начали искать смельчака из числа горожан, кто решится прорваться через печенежский заслон и сказать Претичу, что если завтра он не придет на помощь, то истомленные жаждой и голодом киевляне сдадутся. Вызвался юноша (к сожалению, в летописях не сохранилось ни его имени, ни рода занятия), который хорошо говорил по-печенежски. Он и отправился выполнять это опасное задание. Держа в руках узду и спрашивая встречных степняков, не видел ли кто его коня, он благополучно добрался до берега реки, «сверг порты, сунуся в Днепр и побреде». Печенеги спохватились и начали стрелять ему вслед, но тщетно. Навстречу разведчику устремились русские ладьи, и подвиг смельчака оказался не напрасным. Когда Претич узнал об отчаянном положении киевлян, то решил на рассвете подступить в ладьях к городу и вывезти мать Олега, княгиню Ольгу, и трех его сыновей – Ярополка, Олега и Владимира. По всей видимости, план операции придумала сама Ольга. На рассвете, когда ладьи начали движение, защитники города устроили вылазку и расчистили коридор, по которому княгиня с внуками смогла попасть на берег Днепра. Мать и дети князя Олега были спасены [624].

Другой эпизод «тайной войны» произошел через два года после описанных выше событий. Воспользовавшись уходом князя Святослава на Русь из Переславца на Дунае, где он прочно осел и оставил часть дружины, болгары осадили город. Защищал его воевода Волк. Вскоре осажденные стали испытывать «скуду в хлебе». К тому же агенты Волка доносили ему, что кто-то из горожан активно сотрудничает с болгарами и готовит какую-то подлость защитникам. Воевода принял решение уйти из города, но все выходы были блокированы противником. И тогда он пошел на военную хитрость. Начал активно распускать слухи, что будет оборонять Переславец до последнего воина, велел резать коней и свиней, солить и сушить мясо. Одновременно, втайне от болгарских «глаз и ушей», у берега Дуная начал снаряжать ладьи. Однажды ночью воины Волка по его приказу в нескольких местах подожгли крепость. Болгары решили, что это начали действовать их агенты в крепости (вспомним про планируемую подлость), и поспешили на приступ. А Волк с дружиной тайно погрузился на ладьи и переправился на другой берег Дуная. Там он захватил болгарские суда («кубары») и увел их, лишив противника возможности преследовать себя[625].

В 979 году князь Владимир привел из-за моря в Новгород варягов и начал вооруженную борьбу за киевский престол, вызывающе предупредив своего брата Ярополка (отправив к нему новгородских посадников), чтобы тот «пристроивался к битве».

Обладая силами и возможностями меньшими по сравнению с теми, которые имелись в распоряжении киевского князя, Владимир возлагал большие надежды на разведку. Через лазутчиков он выявил в окружении Ярополка жадного и тщеславного воеводу Блуда, которого и завербовал в агенты, пообещав в своем «прелестном (от слова «прельщать» – заманивать) письме», что тот ему будет «в отца место», если поможет захватить или убить своего князя.

Блуд выполнил задание. Напуганный его речами о якобы созревшем заговоре киевлян, Ярополк бежал из хорошо укрепленного Киева. А после долгой и изнурительной обороны в осажденной Родне снова послушался совета продажного воеводы и явился на переговоры в резиденцию Владимира. Но не успел туда даже войти: сопровождавший его Блуд перед носом дружинников захлопнул дверь на крюк, а два выскочивших из засады варяга пронзили Ярополка мечами. Так Владимир оказался единоличным властителем всея Руси и начал захват новых территорий.

Перед каждым походом он подсылал лазутчиков, возбуждавших среди населения недовольство своими правителями, сеявших панику при приближении русских сил, а также распространявших слухи о жестокости Владимира к непокорившимся и о необыкновенной гуманности и щедрости к сдавшимся добровольно.

Но не всех могли устрашить такие угрозы. Например, слишком долго и безрезультатно пришлось Владимиру осаждать каменный Херсонес. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что этот город был первоклассной крепостью, одной из лучших в Византийской империи. 339 тысяч квадратных метров его территории окружали мощные стены «кордонной» и «квадровой» кладки, возведенные в V–VI вв. Их высота доходила до 15 метров, ширина – до трех, а в отдельных местах – до пяти-шести. Ключевые участки обороны были усилены еще одним каменным поясом – протейхиским. По всему периметру этой части крепости, которая была обращена к суше, высились прямоугольные и круглые боевые башни. Их было больше двадцати. Внутри крепости находилась цитадель. Все предыдущие попытки захвата города готов, тюрок, хазар и печенегов заканчивались неудачами. Это вселяло веру в победу защитников Херсонеса.

Проклиная стойкость его защитников, князь собрался было уводить войско, как вдруг ему поднесли прилетевшую из крепости стрелу с запиской агента: «На востоке от тебя колодезь; из него вода идет по трубе в город; откопай колодезь и перейми воду». Князь так и поступил. Лишенный воды город сдался на милость победителя [626]. Хотя, по утверждению историков, в городе находился не один агент, а, говоря современным языком, действовала резидентура русской разведки. А если быть совсем точными, то представители местной деловой элиты, которая ориентировалась на Русь. Да и большинство жителей многонационального портового города не питали особо теплых чувств к Византии.

Повествуя о событиях 1001 г., Никоновская летопись лаконично сообщила:

«Того же лета посла Володимер гостей (купцов. – Прим. авт.) своих, аки в послех (как послов. – Прим. авт.) в Рим, а других в Иерусалим и в Египет и в Вавилон, съглядети земель их и обычиев их».

На самом деле поехали, как и следовало, дипломаты и военные разведчики (часто совмещавшие две должности) под «личинами» купцов[627]. Фактически это одна из первых попыток организовать централизованный и систематический сбор информации о малоизвестных тогда правителям Киевской Руси Иерусалиме, Египте и Риме.

Организация военной разведки в X веке

Руководство стратегической, внешней разведкой Владимирской Руси в еще большей степени, чем на Киевской Руси, осуществляется лично великим князем. В его персоне в еще большей степени соединяются функции «военного министра» и «министра

иностранных дел», организующего свою деятельность на базе получаемых разведывательных сведений.
Гибель Ярослава Второго в результате предательства его дипломатического советника боярина Федора Яруновича была сильным аргументом против того, чтобы великие князья посвящали приближенных в тайны внешней политики[628].
Проводимая новгородским князем Александром Ярославичем, названным впоследствии Невским, внешняя политика имела своей целью защитить русские земли от иноземных захватчиков. Эта политика, как и стратегия ведения боевых действий, основывалась на правильном учете соотношения противостоящих сил и адекватной оценке обстановки, что было возможно только при эффективно действовавшей стратегической (внешней, зарубежной) разведке. Так, шведско-немецкие феодалы были разгромлены в 1240–1242 гг., т.е. в то время, когда основные силы татаро-монголов были отвлечены на поход в Западную Европу. Когда же Батый вернулся в Восточную Европу, Александр проявил необходимую гибкость и в ходе четырех поездок в Орду договорился с ним об установлении мирных отношений, устранив повод для новых вторжений.
Задачи обороны новгородских земель решались Александром Невским быстрыми наступательными действиями. Стратегические цели достигались последовательными ударами, обеспечивающими фланг и тыл новгородского войска в каждом последующем походе. Так, разгром шведов был необходим для успешной борьбы с немецко-рыцарской агрессией, а победы над немцами создали условия для отпора третьему противнику – литовским феодалам. Без изучения и знания противника достичь этого было бы невозможно.
Александр Невский лично разрабатывает все военные и внешнеполитические мероприятия, лично организует разведку, в результате чего его действия вплоть до момента их реализации являются полнейшей тайной для всех и потому практически всегда оказываются успешными. Он не посвящает в свои планы и замыслы ни духовенство в лице духовников и митрополитов, ни лиц гражданской и военной администрации – бояр и воевод. Внешнеполитическая и военная деятельность в целом и организация разведки как ее составной части не только остается лично руководимой князем, но еще более засекречивается и становится узкосемейным, а потому наследственным, строго последовательным мероприятием династии, обязательным для всех ее поколений. Практически исключаются в организации разведки какие-либо советчики[629].

Из истории тайной войны XIII века

Примером успешно организованной тактической разведки, в данном случае войсковой, могут послужить события 1240 г. Летом этого года шведское войско под командой Биргера, зятя короля, появилось в устье реки Ижоры, где и был разбит лагерь. Войско состояло из шведских феодалов, норвежцев и финских племен. Биргер был уверен в победе и послал в Новгород послов к князю Александру с заявлением: «Если можешь мне сопротивляться, то я уже здесь, воюю твою землю». На границах Новгородской земли сторожевую службу несли заставы из числа местных племен. Так, на морском побережье у устья Невы службу наблюдения осуществляли вооруженные люди из племени водь. Начальник одной из застав Пелгусий, как свидетельствует летопись, обнаружил шведскую флотилию и обо всем, что увидел, доложил Александру.
Получив разведывательные сведения о появлении противника, новгородский князь решил внезапно его атаковать. Времени на организацию войска не было, да и созыв веча мог затянуть сборы и привести к срыву внезапных действий. Поэтому Александр решил выступить против шведов со своей дружиной, усилив ее лишь новгородскими добровольцами и отрядом ладожан. Рать во главе с Александром устремилась к устью реки Ижора. В полдень 15 июля новгородцы внезапно атаковали шведских феодалов.

Нападение было столь неожиданным, что шведы не успели «опоясать мечи на чресла свои». Новгородцы же бились «в ярости мужества своего», пробились к центру лагеря противника и подрубили шатер самого Биргера. Было потоплено три шведских корабля. Войско зятя шведского короля было разбито, и его остатки бежали на уцелевших кораблях. Потери новгородцев были незначительны.

Умение организовать разведку помогло Александру Невскому и в борьбе с немецкими рыцарями, которые, объединившись со шведами, явились в 1242 г. захватить русские земли. Победа на льду Чудского озера не была случайностью. Сторожевые отряды постоянно следили за перемещением главных сил немцев. Зная, что они направляются к Псковскому озеру, Александр Невский выбрал удачную позицию. Сражение закончилось полным поражением захватчиков[630].

Глава 27
Военная разведка в период образования централизованного государства (XIV–XVII века)

В конце XIV – начале XV в. для проведения операций военной разведки во время боевых действий использовались как агенты-одиночки (лазутчики), так и немногочисленные группы всадников («подъезды», их можно сравнить с современными разведывательно-диверсионными группами) и крупные (до нескольких сотен человек) отряды. Все они должны были собрать необходимую информацию и оперативно сообщить ее князю для принятия последним того или иного решения.

При этом каждый отряд был автономным разведывательным подразделением. Так, например, князь Дмитрий Донской направил в придонскую степь с целью «добыть языка» и проверить сведения, полученные от посла к Мамаю Захария Тютчева, «крепкая сторожи» Родиона Ржевскаго и Климента Поленина, каждый из которых имел двоих помощников. Последние не только помогали начальнику «сторожи» в исполнении им служебных обязанностей, но и выполнять самостоятельные задания. Кроме того, они могли заменить начальника в случае его смерти или в других ситуациях.

Другой разведывательный отряд, которым командовал Семен Мелик, направленный тем же князем, сразу же после переправы через Оку «подъ самую татарскую сторожу» с заданием «добыть языка». Мелику подчинялись пять «лучших» московских дворян, которые считались лучшими воинами и разведчиками. Каждый из них мог выполнять самостоятельные задачи в сфере разведки. Позднее двое из этих дворян – Петр Горский и Карп Александрович – доставили собранные отрядом сведения, а также захваченного в плен татарина из свиты самого Мамая[631].

Превращение в восьмидесятые годы XV в. Московского великого княжества в Русское централизованное государство с титулом и рангом царства приводит к отказу князя (великого князя) от личного, персонального, а с 1389 г. – семейно-династического руководства внешней политикой, включая организацию и ведение стратегической разведки. Уже в правление великого князя Василия III возникает частный совет государя, своего рода кабинет, состоящий из наиболее близких и доверенных лиц,– так называемая Ближняя дума. Наиболее сложные вопросы внешней и внутренней политики предварительно обсуждались членами Ближней думы, а затем уже подготовленное решение выносилось на утверждение Боярской думы. Состав и численность Ближней думы полностью зависели от воли царя.

Административная реформа

Возникновение централизованного государства обусловило появление государственного аппарата – особой системы рабочих органов и учреждений, выполняющих отдельные

функции государственной власти, которые раньше безраздельно осуществлял князь. Первыми органами аппарата центрального государственного управления стали Приказы.

Слово «приказ» в смысле «учреждение» в первый раз встречается в 1512 г. в грамоте великого князя Василия Владимирскому Успенскому монастырю. Приказная система не имела стройного внутреннего единства и четкого разграничения функций между центральными органами. При учреждении Приказов пытались следовать принципу разделения их по виду деятельности, по составу курируемого населения и по подведомственным территориям, когда в ведение отдельного приказа передавались отдельные территории. На деле же происходило следующее – нередко один и тот же вид деятельности осуществлялся сразу несколькими Приказами. Более того, продолжительность деятельности Приказа была различна и могла зависеть от сроков царствования русских государей. Присоединение новых территорий приводило к появлению новых Приказов. Отдельные Приказы занимали подчиненное положение по отношению к другим. Одни Приказы могли временно вводиться в состав других Приказов. Все вышесказанное затрудняло подсчет общего количества существующих Приказов, число которых, по разным оценкам, колебалось от 39 до 62[632]. Все Приказы состояли в ведении царя и Боярской думы.

Единого органа военного управления в XVI в. еще не было. Управление было организовано по видам войска: Разрядный приказ ведал поместным ополчением и служебными назначениями в войске, Стрелецкий приказ – стрельцами, Пушкарский приказ – «нарядом», Оружейный приказ – производством ручного оружия, Бронный приказ – производством защитного снаряжения. Всего при царе Иване Грозном (1530–1584) было известно до десяти Приказов, в той или иной мере занимавшихся военными вопросами.

Русское государство воевало в среднем один год из двух, поэтому и разведывательные сведения, необходимые для его феодальных властителей, носили преимущественно военный и военно-политический характер. На государственном уровне разведка организовывалась и велась множеством Приказов (Иноземным, Казанским дворцом, Литовским, Лифляндским, Малороссийским, Новгородской четью, Панским, Полонянничим, Посольским, Разрядным, Сибирским, Смоленским, Стрелецким, Тайных дел), имевших свои собственные силы и средства и которым в той или иной степени приходилось вступать в контакт с зарубежьем[633]. Ведущее место в деле разведки среди этих Приказов занимал с момента своего образования в 1549 г. Посольский приказ.

Посольский приказ разрабатывал «наказ» членам посольских миссий, в котором подробно перечислялись цели и задачи посольства – поручения, возложенные на главу миссии, его обязанности и нормы поведения в чужой стране, а также излагались речи и ответы на возможные вопросы. Кроме того, наказы включали в себя предписания о сборе разведывательных сведений, отражающих различные стороны жизни государства, в которое направлялось посольство.

Управление подведомственными территориями со стороны Приказов осуществлялось через глав местных администраций, наместников и с середины XVI в. городовых воевод. Появление городовых воевод «было вызвано построением со стратегическими целями новых городов на окраинах, где военные задачи выступали на первый план, почему и само население их являлось почти «сплошь обязанным службою, а также присоединением новых населенных инородцами областей, где все отрасли управления сосредотачивались в военных руках»[634].

Городовые воеводы возглавляли управление города с прилегающей к нему территорией – уездом. В обязанности городового воеводы входило в том числе «принятие предупредительных мер относительно нападения неприятеля и в собирании войск и в командовании ими»[635].

К середине XVII в. на городских воевод приграничных русских населенных пунктов также возлагалась обязанность ведения военной разведки в пограничной полосе. Для этой

цели они регулярно посылали лазутчиков за рубеж. Вот, например, задание, которое предстояло выполнить в 1661 г. русскому лазутчику Фомке Еремееву:
«Проведать подлинно, сколько ныне на Десне польских и литовских людей, и десенские мещани великому государю радеют ли, и чаять ли в них какие крепости в постоянстве».
В больших городах при воеводах состояла целая коллегия – воевода «с товарищи», т.е. воевода старший, воевода младший и дьяки. В таких случаях непосредственными руководителями разведки были воеводы, а исполнители – различные подьячие, осадные головы, стрелецкие головы и просто дети боярские. Все эти люди, занимавшиеся разведкой в XVII в., никакой специальной разведывательной подготовки не имели. Проводимая ими разведывательная деятельность не была их основной обязанностью. Например, городовой воевода ведал сбором дворянского ополчения и поддержанием в порядке городского военного укрепления, которое часто было в запущенном состоянии, руководил местной полицией, судил мелкие дела и имел немало фискальных обязанностей. В таких условиях вопросы разведки, несмотря на их большую значимость, воеводы решали как бы мимоходом, оставаясь все же главными руководителями разведки на местах. Просматривая акты, относящиеся к XVII столетию, можно увидеть, что ни одно разведывательное дело не обходилось без участия воеводы. Воевода вербовал разведчиков, инструктировал их перед отправкой за рубеж, финансировал их, проводил в приказной избе расспрос вернувшихся лазутчиков.
Но основную роль в военной разведке в мирное время играли рядовые разведчики. По указанию руководителей Приказов или воевод они регулярно выезжали за границу для выполнения заданий разведывательного характера. Там они не только сами добывали различными способами конфиденциальные сведения, но и создавали резидентуры, которые работали в их отсутствие. Фактически успех той или иной разведывательной операции полностью зависел от конкретного человека.
Несмотря на появление Приказов, так и не была решена главная задача – создание органа, специализирующегося на ведении разведки и контрразведки. Фактически разведкой за границей постоянно занимались только профессиональные дипломаты, часто имевшие довольно смутное представление о тонкостях ратного дела, и случайные агенты.

Разрядный приказ

Делопроизводство Приказа велось по столам (отделам. – Прим. авт.), которых во второй половине XVII в. было девять: Московский, Приказной, Севский, Белгородский, Владимирский, Новгородский, Киевский, Денежный и Поместный.
Особенно интересны с точки зрения разведывательной деятельности столы Московский, Приказной и пограничные Севский и Белгородский, в районе деятельности которых были сосредоточены сильнейшие воинские соединения – Севский и Белгородский полки. Другие крупнейшие пограничные районы и города, такие, как Новгород, Псков и Смоленск, ведались в Посольском приказе, и переписка с ними велась через Посольский приказ.
Рассмотрим разведывательную деятельность каждого стола Разряда в отдельности.
Московский стол Разрядного приказа курировал Москву и, как организованный ранее всех других столов, оказался местом сосредоточения всех тех дел, которые не подлежали ведению других столов данного стола. В делопроизводстве Московского стола сохранилось 1180 столбцов (1549–1704), в которых часто встречаются документы, относящиеся к разведке, в т.ч. и военной, причем наибольшее их число приходится на начало XVII в. Очевидно, разведывательная деятельность Московского стола постепенно угасает, переходя в Приказный стол. Характер переписки говорит о том, что Московский стол, как и другие столы, интересовали вопросы военной разведки. Так, в вестовой отписке путивльского воеводы от 5 сентября 1647 г. докладывается о получении вестей от

коронного гетмана Н. Потоцкого о намерении крымского хана идти войной на Русь осенью.

Московский стол не был только пассивным собирателем вестей. Он активно руководил в целом разведкой, стремясь улучшить последнюю. Когда, например, воевода города Царь-Алексеевский князь Василий Ивов жаловался в 1647 г. в Разрядный приказ, что сосед его, Усердский воевода, не сообщает ему вестей о передвижениях татар, то Московский стол вмешивается: на отписке дьяком была наложена помета:

«156 г. сентября в 11 день послать государеву грамоту к Борятинскому с осудом для чего он тех вестей князю Василью не писал, о том бы он отписал, и вперед бы к нему о всяких вестях писал».

В отличие от других столов Разрядного приказа, работа которых была построена по территориальному принципу, Московский стол выполнял работу экстерриториальную: переписка велась с большим числом воевод различных городов. Среди присланных с мест сообщений иногда встречаются любопытные. Например, 2 августа 1631 г. из города Ржева местный воевода Иван Шаховской прислал письмо с просьбой освободить от уплаты налогов землю Андрея Чюркинского, т.к. последний регулярно бывает за границей и собирает интересующие Москву сведения.

Такой же экстерриториальной организацией был и Приказный стол Разрядного приказа, основными функциями которого были:

1) опрос вернувшихся из иноземного плена русских воинов, а также захваченных в плен иностранцев;

2) беседы с приехавшими в Москву иностранцами;

3) велась переписка с военными гарнизонами. Полученные от них сведения (вестовые отписки) обрабатывались и через Приказ тайных дел ежедневно докладывались царю.

Такой прекрасный состав источников, какими были русские, возвратившиеся из плена, и иностранцы, взятые в плен, а также огромное число вестовых отписок создали положение, когда Приказный стол стал самым осведомленным органом в Разрядном приказе. Наряду с этим Приказный стол вел активную переписку по вопросам военной разведывательной деятельности с воеводами разных городов: Брянска, Вязьмы, Великих Лук, Белгорода, Новгорода, Тулы, Козлова и других.

Территория, подведомственная Севскому столу Разрядного приказа, находилась на стыке двух направлений – юго-западного и южного. Поэтому этот стол вел военную разведку в юго-западном направлении против Речи Посполитой и в южном – против Крыма. Если против Речи Посполитой применялась главным образом агентурная разведка через засылаемых в страну лазутчиков, то против Крыма проводилась преимущественно войсковая разведка с целью не допустить неожиданного вторжения татар в пределы Московского государства.

Белгородский стол вел военную разведку на юге в соответствии с местом дислокации Белгородского полка, который стоял по Белгородской «засечной черте» и в городах Слободской Украины (историческая область в России XVII–XVIII вв. на территории современной Харьковской и частей Липецкой, Донецкой, Сумской, Воронежской, Белгородской и Курской областей) – Белгороде, Ахтырке, Харькове, Чугуеве, Изюме и на верховьях Дона, в городах Ельце, Усмани, Воронеже, Старом и Новом Осколе и других. Это определяло и направление разведки, которое было против крымских татар и турок.

Остальные столы Разрядного приказа с разведывательной точки зрения неинтересны.

Руководство военной разведкой со стороны Разрядного приказа происходило главным образом в письменной форме, при этом охватывался широкий круг вопросов разведки войсковой, агентурной и торговой. Наряду с письменной формой осуществлялось, хотя и в меньшей степени, живое руководство в форме поездок дьяков и подьячих на места.

Руководство военной разведкой со стороны Разрядного приказа осуществлялось постановкой как общих, так и частных задач, последние иногда регламентировались вплоть до мельчайших подробностей.

Иван Грозный и войсковая разведка

В царских указах часто требовалось, чтобы каждый воевода, независимо от того, каким полком он командует, обязан был от себя лично организовывать разведку и добывать «языка». Так же активно допрашивали перебежчиков и военнопленных. Нередко в этих беседах активное участие принимал сам Иван Грозный. Учитывая царившие тогда нравы, можно предположить, что к тем, кто молчал на допросах, применяли меры физического воздействия.

Очень интересные данные о войсковой разведке даются в «Дневнике последнего похода Стефана Батория на Россию в 1581 году». Здесь описывается неудачная осада поляками Пскова, который они взять не смогли, несмотря на пятимесячную осаду города. Этот «Дневник» вел младший секретарь королевской канцелярии, как предполагают, священник Иван Петровский. Находясь близко к главному командованию, он был лицом осведомленным. Вот несколько цитат из этого документа:

«12/IX – Русские повесили у стены венгерца и насмехаются над поляками и над королем; русские захватили пахолка (слуга в польской армии, наподобие денщика. – Прим. авт.); другие сами перебежали к ним; есть опасение, что от них русские узнают о подкопе под крепостные стены, ведущиеся поляками…

31/XI – Русский, передавшийся полякам и видевший много, убежал назад...

12/XII – Русские в крепости все знают, что у поляков делается...

13/XII – Перехвачен русский гонец, секретное письмо было зашито в седло».

Русские военнопленные, находящиеся в литовском и турецком плену, также старались быть всячески полезными своей родине. Пользуясь всяким удобным случаем, сообщали в Москву все, что казалось им заслуживающим внимания. Находившийся в литовском плену князь Федор Васильевич Овчина-Телепнев-Оболенский послал в столицу Московского государства к своему родственнику гонца – своего слугу Якова Снозина, которому дал приказ сообщить в Москве ряд ценных вестей.

Если говорить конкретно о военной разведке, то Москву в период правления Ивана Грозного интересовали вопросы численности и дислокации войск противника (например, «где стоят литовские ратные люди» или «куда назначен им сбор»); причины концентрации войск у границы («нет ли у короля какого умышления на Московское государство»); соотношения родов войск, особенно конницы и т.п. Также Москву интересовали вопросы политического и экономического (например, цены на зерно, соль и т.п.; деловая активность иностранных купцов в отдельных регионах и т.п.). Также были интересны вопросы религиозной борьбы между православной и католической церквями. Несмотря на это, не было четкой специализации на политическую и военную разведку. Были лишь тайные агенты, которым поручалось выяснить тот или иной вопрос. Сегодня такой человек собирает информацию о дислокации подразделений иностранной армии в приграничной с Россией области, а через пару месяцев интересуется ценами на соль и зерно в том же самом регионе.

Также важно отметить, что большинство лазутчиков были профессионалами в своем деле. Они прекрасно знали приграничные районы, где им предстояло действовать; владели необходимыми иностранными языками; умели придумывать «легенды», объясняющие их нахождение в данном районе, и т.п.

Сроки пребывания тайных агентов колебались от нескольких дней (лазутчики или, говоря современным языком, агенты-маршрутники, которые действовали в приграничной полосе) до нескольких лет (дипломаты, сотрудники посольств, гонцы, резиденты, купцы и др. люди, длительное время находящиеся за рубежом).

Приказ тайных дел – орган военной разведки

В 1654 г., всего через пять лет после законодательного закрепления понятия государственного преступления, возникает и первый отечественный орган государственной безопасности – Приказ тайных дел.
Приказ был учрежден Алексеем Михайловичем в 1654 г., перед военным походом против Речи Посполитой, и оставлен в Москве, имея задачей разбирать подаваемые на царское имя челобитные. Во главе его был поставлен тайный дьяк, которому подчинялся небольшой штат из 6–7 подьячих. Обычно, рассмотрев дело по челобитной, глава Приказа тайных дел докладывал о нем лично царю, после чего по указу Алексея Михайловича дело, минуя Боярскую думу, разрешалось в личной канцелярии царя или передавалось для исполнения в другой Приказ. Сфера деятельности Приказа неуклонно расширялась по мере возникновения тех или иных вопросов.
Одна из его задач – организация разведывательной деятельности[636]. Ранее ею занимался Посольский приказ. Последний продолжал существовать, но разведывательная деятельность все больше переходит в ведение Приказа тайных дел. Таким образом, впервые предпринимается структурное разделение дипломатии и разведки, хотя руководители Посольского приказа и сотрудники дипломатической службы по повелению царя по-прежнему продолжали выполнять отдельные ответственные задания разведывательного характера. В регулярную практику секретной переписки вводятся шифры[637].
Хотя занимался Приказ тайных дел и военной разведкой. Мало того, он, кажется, был единственным Приказом, который мог вмешиваться в чрезвычайно засекреченное дело московской разведки, проводимое другими приказами, давать руководящие указания и установки, поощрять старательных и взыскивать с нерадивых. Он требовал точной и своевременной информации по интересующим его вопросам с «нарочными гонцы» и со своей стороны посылал к воеводам своих гонцов, с тем чтобы подтолкнуть воеводу отписать о том, что у него делается. За несвоевременность подачи информации строго взыскивалось. Наряду с этим сурово карали и за подачу ложной информации. Так, князю И. И. Лобанову-Ростовскому был объявлен выговор за сокрытие понесенных в бою потерь.
Наиболее важные вести воеводы, минуя Разрядный и Посольский приказы, посылали прямо в Приказ тайных дел. Так, например, в 1661 г. смоленский воевода Борис Репнин, посылавший лазутчика Федьку Бовецкого из Смоленска в Ригу, собранные им сведения, содержавшие важные данные о прибытии в Ригу морем двенадцатитысячного войска, направил в Москву дьяку Дементью Башмакову. В том же году борисовский воевода, посылавший лазутчиков в Минск, направил принесенные ими вести, вместе со своими комментариями, прямо в Приказ тайных дел.
Разведывательная деятельность Приказа тайных дел отличалась от аналогичной работы Разрядного и Посольского приказов. Если последние располагали многочисленной тайной агентурой и активно участвовали в ее повседневной работе, то Приказ тайных дел не разменивался на мелочи и не вмешивался без необходимости в прерогативы Разрядного и Посольского приказов. Тайный приказ получал данные военной разведки, собранные в недрах Разряда и Посольского приказа и воеводами.
После смерти царя Алексея Михайловича в 1676 г. и вступления на престол царя Федора Алексеевича Приказ тайных дел был упразднен.

Указания об организации разведки в военных уставах

В период образования централизованного русского государства с возникновением в это время новой материальной базы войны – широким внедрением огнестрельного оружия – существенно возросли боевые возможности войск. Это потребовало создания первых воинских уставов.

Необходимость организации военной разведки была отражена в первой военной печатной книге на русском языке «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки» 1621 г. Онисима Михайлова[638]. В «Указе о вестовщиках и лазутчиках», являвшемся составной частью «Устава...», подчеркивалось, что следует делать организатору разведки, в качестве которого выступает «великий воевода» – командующий войском.

«Прежде всего подобает Государю или Великому Воеводе воинству великое прилежание имети, чтоб ему всякие прямые вести от мужеска полу и женска известны были».

Здесь же указывалось, что для сбора разведывательных сведений должны использоваться не только «лазутчики», но и «подъезды» (в нынешнем понимании – разведывательные группы войсковой разведки. — Прим. авт.), которые наряду с наблюдением за противником должны были захватывать пленных – добывать «языков», для чего предписывалось «имети в великих и малых полках добрых и прилежных, смелых людей, смотря по делу, для посылки в подъезды... чтоб добытися языки».

Глава 28
Военная разведка в XVIII веке

Вооруженные силы России в восьмидесятые-девяностые годы

XVII в. находились в небоеспособном состоянии. К тому же страна не имела собственного военно-морского флота. В этой обстановке российский император Петр I приступил к созданию регулярной армии в рамках проведения военных реформ. Из-за сложной внешнеполитической обстановки, а также потребности России обеспечить выход к Балтийскому морю эффективность нововведений приходилось проверять в боевой обстановке. И это относилось не только к вооруженным силам, но и к организации военной разведки и контрразведки.

Операции войсковой разведки

После восшествия на престол Петр I почти сразу же столкнулся с проблемой ведения боевых действий против агрессивно настроенных соседей. Первую строчку в этом списке занимала Турция. Военная операция против этой страны, вошедшая в историю под названием Азовских походов, стала экзаменом для молодого государя. Ведь он сам лично организовал и возглавил походы русских войск и флота к турецкой крепости Азов в устье реки Дон.

Мы не будем подробно останавливаться на описании боевых действий, лишь коснемся военной разведки. Ее роль в первом Азовском походе свелась к допросам пленных (в этих мероприятиях принимал участие сам император) и вылазкам казацких лазутчиков. Полученные таким способом сведения проверялись личной рекогносцировкой генералов, а иногда и самого царя. Это свидетельствует, с одной стороны, о недоверии командования к добытым таким способом сведениям, а с другой – недостаточно отработанной системе организации тактической разведки. Казацкие лазутчики часто сообщали искаженные (недостаточно точные и преувеличенные) сведения о противнике, а «языки» зачастую давали ложные сведения, которое не дополнялись агентурными данными, т.к. в стане противника не было русской агентуры.

В конце 1695 г. началась подготовка ко второму Азовскому походу. Во время его проведения вновь войсковая разведка действовала крайне неудачно и слабо. Казацкие лазутчики в этот раз, сообщая сведения о неприятеле, приуменьшили число вражеских кораблей. Только личная проверка сообщенных сведений императором предотвратила

военную катастрофу. Зато во время второго Азовского похода были максимально использованы возможности политической разведки.
Взятие Азова явилось первой крупной победой русских войск и впервые созданного в России флота, началом превращения России в морскую державу. Опыт Азовских походов был использован для дальнейшей реорганизации русской армии и строительства мощного флота. В том числе и при организации войсковой разведки.
В условиях подготовки войны со Швецией и заключения другими державами мира с Турцией русское правительство в 1700 г. заключило с ней на тридцать лет перемирие. Согласно этому договору к России отошли Азов и побережье Азовского моря до реки Миус.

Идеолог военной разведки

Если говорить о дальнейшем развитии военной разведки при Петре I, то во всех последующих сражениях военачальники использовали не только лазутчиков и показания пленных, но и также организовали охоту за «языками». В чем между ними разница? Пленных обычно допрашивали после окончания боя, когда большая часть сообщаемой ими информации потеряла свою актуальность. К тому же не все они могли сообщить что-то ценное. А вот «языков» захватывали до начала битвы. Да и брали не первого попавшегося солдата-пехотинца, а офицера или военного специалиста, например артиллериста или сапера. Пушкарь мог сообщить места дислокации, тип и количество орудий, а также запас пороха и ядер к ним. А сапер – про фортификационные сооружения.
Так же активно использовались возможности политической и экономической разведки. Например, дипломаты, путем подкупа чиновников иностранных государств, добывали сведения не только политического, но и военного характера. Известно, что перед началом боевых действий Петр располагал подробными сведениями о вооруженных силах противника. При этом он получал их из разных источников, а потом сводил воедино.
Хотя Петр I не только выполнял обязанности аналитика, но и сам часто добывал необходимую конфиденциальную информацию. Например, во время посещения Риги он вместе с несколькими приближенными не только внимательно осмотрел крепость, а она, говоря современным языком, соответствовала европейским стандартам военных крепостей того времени, но и измерил глубину рва, а также сделал необходимые зарисовки. Те места, куда комендант его не пустил, он внимательно изучил с помощью подзорной трубы. Его повышенная разведывательная активность и наглость, с которой он проводил визуальную разведку крепости, привели в ярость коменданта. Дело чуть не закончилось стрельбой. Можно себе представить, что могло заставить дисциплинированного служаку чуть не отдать приказ открыть огонь по императору иностранного государства. Среди российских императоров это был единственный случай, когда царь лично занимался визуальной разведкой. Так что Петр использовал все возможности для сбора военной информации о противнике и того же самого требовал от своих подчиненных.
Именно Петр I выступил инициатором учреждения постоянных посольств и консульств в ряде западноевропейских государств. Разумеется, большинство, если не все, направляемых за рубеж дипломатов выполняли секретные поручения императора. Тогда же у него возникла мысль о прикреплении к русским посольствам офицеров, получивших спустя сто с лишним лет наименование военных атташе. Хотя привычным для себя делом – целенаправленно и систематически заниматься сбором информации военного и военно-технического характера – военные атташе стали заниматься не сразу. При Петре I они, как и гражданские дипломаты, выполняли различные конфиденциальные поручения императора.

Первый резидент в Швеции

В качестве примера, иллюстрирующего организацию военной разведки при Петре I, расскажем об одной из разведывательных миссий русского посла, которому одновременно приходилось заниматься сбором информации военного и политического характера в экстремальных условиях. С такой же проблемой столкнулись и другие отечественные дипломаты.

В первые годы XVIII в. Швеция была одним из главных противников России. В течение XVII в. армия этой северной страны не знала поражений и считалась лучшей в Западной Европе. А шведский король Густав-Адольф с самодовольством заявлял: «Русские совершенно отрезаны от Балтийского моря так, что они на его волны не могут спустить даже лодку». Да и дипломатические отношения между двумя государствами были очень напряженными. Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда Петр I взошел на престол, то он начал активно готовиться к битве с северным соседом. Одно из мероприятий – сбор информации о противнике. Эту важную и деликатную миссию он доверил своему другу – князю Андрею Хилкову. Его он направил в Стокгольм в качестве резидента (так тогда называли посла).

Интересен маршрут, каким был направлен Хилков в Швецию. Из Пскова он прибыл в Нарву, тогда еще занимаемую шведами, откуда и донес царю, что гарнизон ее состоит из трехсот старых, слабых и больных солдат. Выехав весной, он не «спешил» добраться до Стокгольма, попутно сообщая, опять-таки, о состоянии шведских гарнизонов в городах Прибалтики. В Стокгольм Андрей Хилков прибыл только 18 июня 1700 г., за несколько месяцев до сражения под Нарвой. Но король уже не принял его в Швеции, так как он находился с лета 1699 г. в Дании. Куда любезно и пригласил князя Андрея Хилкова.

В тот самый день, когда русские войска выступали в поход против Швеции (21 августа 1700 г.), русский резидент Андрей Хилков был на аудиенции у Карла, который оказал ему дружественный и любезный прием. В этот же день дипломатической почтой был отправлен рескрипт царя, повелевавший Хилкову формально объявить войну, но вручить шведскому монарху послание его российского коллеги резидент не смог. Война уже началась.

В сентябре 1700 г. после возвращения в Стокгольм, он был посажен под домашний арест. Князю оставили лишь двух слуг и священника. Дом караулили 48 солдат. Вместе с ним арестован был и весь состав русской миссии, и, следовательно, казалось бы, что прекратилась и разведывательная деятельность русского резидента. Правда, из Дании он еще смог послать «ведомость», но из Швеции связь порвалась, а восстановить ее надо было во что бы то ни стало.

К чести русской агентурной разведки надо отнести то, что она справилась с поставленной задачей. Петр получал непрерывно информацию о положении в Швеции в течение всего времени двадцатиоднолетней Северной войны, несмотря на арест Хилкова. Информация поступала даже от самого резидента! Бдительность таких крупных шведских дипломатов, как министр иностранных дел Венгт Оксеншерн и позднее канцлер граф Карл Дилер, была обманута.

На территории Швеции все годы войны действовала агентурная сеть, непосредственное участие в работе которой принимали русские военнопленные во главе с генералом А.А. Вейде.

Из письма барона П.П. Шапирова от 10 сентября 1706 г. мы узнаем следующее:

«При сем же посылаю к вашему величеству списки с писем, писанных под буквою «В» от Андрея Измайлова, через почту последнего полученные; и в Измайловых письмах приложены были письма от резидента князя Андрея Хилкова под буквою «Д», которые он, наняв тайно человека, прислал к нему в датскую землю. Я не смел оных всех к вашему величеству не послать, хотя зело постранно они писаны, понеже есть в них нужда, да и для того, что Гаврила Иванович (руководитель Посольского приказа граф Головин. –

Прим. авт.) изволил ко мне писать, дабы все министерские письма посылать к вашему величеству».
Со временем до Карла XII стали доходить сведения о жестоком обращении в России со шведскими пленными, не исключая офицеров.
Разгневанный король, пребывавший тогда в Бендерах, принял ответные меры. Указом от 19 апреля 1712 г. он предписал Сенату удалить всех русских пленных из Стокгольма, лишив господ их прислуги. Сенат не счел нужным точно выполнять королевский указ. Князю Хилкову, например, высланному в губернию Вестманланд в 1714 г., прислугу оставили. Однако появление русских отрядов близ самой шведской границы и опасение за судьбу столицы заставили власти принять еще более жесткие меры и переместить русских пленных в глубь страны.
Местом заточения был выбран остров Висингсе, расположенный в центре одного из крупнейших европейских озер Веттерн. Там, в замке Висингсборг, принадлежавшем когда-то знаменитому шведскому астроному Тихо Браге, томились и именитые русские дворяне Долгорукий, Трубецкой, Головин, Бутурлин. Туда попал и Андрей Хилков.
В неволе русский резидент сохранял мужество и не утратил присутствия духа. Вместе со своим секретарем Алексеем Маникеевым он принялся писать книгу «Ядро русской истории», первый, по сути, фундаментальный труд по отечественной истории. Князь Хилков скончался 8 ноября 1716 г. В 1718 г. генералов Головина и Трубецкого обменяли на фельдмаршала Реншельда и графа Пипера, плененных под Полтавой. Возвращавшиеся генералы везли на родину останки своего товарища князя Хилкова, которые были захоронены в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге[639].

На тайной службе у Петра Первого

Рассказанная выше история – лишь один из эпизодов «тайной войны» эпохи Петра Первого. На самом деле аналогичных историй существует множество. Ведь при этом российском императоре организация политической и военной разведки продолжала совершенствоваться. И любой отечественный дипломат оказывался участником «тайной войны».
С 1680 г. управление войском в основном было сосредоточено в Разрядном, Рейтарском и Иноземном приказах, а с 1700 г. – в Приказе военных дел. При этом ни один из них не организовывал и не вел военной разведки, как это было в XVI–XVII вв. (вспомним рассказанное в прошлой главе про Разрядный приказ). В качестве такого приказа выступает Посольский приказ. В XVII в. появляются первые русские постоянные миссии за рубежом – в 1654 г. в Швеции, в 1673 г. в Речи Посполитой, уже при Петре I в 1699 г. в Голландии, а чуть позже и в других европейских странах. Если в середине XVII в. наличие постоянных представителей России за рубежом было скорее исключением из правил, то при Петре I это стало нормой. С момента появления зарубежных дипмиссий их начали активно использовать для проведения мероприятий политической и военной разведки. Таким образом, Посольский приказ наделяется постоянно действующими зарубежными силами, хотя специального органа для организации и ведения разведки в рамках этого Приказа не создается. Дипломатия не отделяется от стратегической, внешней разведки, составляя с ней единое целое.
Каждому послу, отправляемому за границу, вручались многостатейные секретные инструкции, охватывающие широкий круг вопросов, подлежащих освещению. В 1702 г. послом России в Турцию направляется стольник Петр Андреевич Толстой. Человек, имевший прямое отношение не только к военному ведомству, но и к разведке. В феврале 1697 г. он был отправлен в Венецию, чтобы вместе с другими стольниками «во Европе присмотреться новым воинским искусствам и поведениям». Так было указано в сопроводительной грамоте Петра к венецианскому дожу Сильвестру Валерию.

Петр Толстой «присмотрелся» не только к новейшим достижениям в сфере вооружений и тактики, но и к разведке и дипломатии. А Венеция славилась своими достижениями в этих двух сферах.
Когда в 1700 г. он поехал в качестве посла в Турцию, то ему пришлось на практике реализовывать полученные в Венеции знания. Перед отъездом из Москвы ему были доведены следующие секретные инструкции, подлежащие неукоснительному исполнению:
«Будучи при дворе салтанова величества, стольнику Петру Андреевичу Толстому чинить со всяким радением, и наведываться втайне по сим нижеписанным статьям...
1.
Будучи при салтане дворе, всегда иметь прилежное и непрестанное с подлинным присмотром и со многоиспытанным искусством тщание, чтоб выведать и описать тамошнего народа состояние ...каковые в том (управлении) персоны будут, и какие у них с которым государством будут поступки в воинских и политических деле и в государствах своих устроения ко умножению прибылей или к войне тайные приуготовления и учредшпелства... и морем ли или сухим путем...
3.
Ис пограничных соседей, которые государства в первом почитании. У себя имеют, и который народ болши любят, и впредь с кем хотят мир держать или войну весть, и для каких причин и которой стороне чем првляютца и какими способы, и кому не мыслят ли какое ученитъ отмщение…
5.
О употреблении войск какое чинят устроение, и сколко какова войска, и где держат в готовности и салтановой казны по сколку в году бывает им в даче, и по чему каким чинам порознь, и впредь ко умножению войск есть ли их попечение, также и зачатия к войне с кем напред чаять по обращению их нынешнему...
9.
В Черноморской протоке (что у Керчи) хатят ли какую крепость делать и где (как слышна была), и какими мастерами, или засыпать хатят и когда: ныне ль или во время войны?
10.
Конницу и пехоту, после цесарской войны, не обучают ли Европейским обычаем ныне или намеряютца впреть, или по старому нерадят?...
12.
Бумбардиры пушкари в прежнем ли состоянии или учат внофь и хьто учат какова народу, и старые инженеры бумбардиры иноземцы ль или их, и школы тому есть ли?[640]
13.
Бумбардирские корабли [или Италианские поландры]есть ли?...».
Всего 17 статей.

Таким образом, Толстому предписывалось вести «прилежное» и «непрестанное» разведывание всех сторон жизни Оттоманской империи – военной, политической и экономической.
Петр Толстой блестяще справился со стоящей перед ним задачей. За четырнадцать лет пребывания в Турции он создал и эффективно использовал агентурную сеть. Уже в 1703 г. он прислал подробный доклад о внутриполитическом положении в Турции. Из него Петр I узнал, что страна разрывалась от внутренних классовых и религиозных противоречий, страдала от безденежья, произвола и бездарности правящей феодальной верхушки. В своем отчете он подчеркнул «разноплеменность» населения, отметив, что на одного турка приходиться десять христиан, стонущих под игом иноземных захватчиков. Турки считали каждого христианина своим потенциальным врагом и естественным союзником России.

Кроме сведений политического и экономического характера, Петр Толстой докладывал в Москву и о военных делах Турции. В качестве примера можно указать на сохранившиеся ведомости и росписи кораблей турецкого флота, стоявшего в «Цареграде» летом 1704 г. Согласно этому документу, 28 турецких кораблей имели 1842 пушки и 13 250 человек экипажа. Кроме общих данных в приложении в ведомости была дана подробная характеристика каждого корабля.

«Первый большой новый корабль о трех жильях. Ширина его мастерских аршин шестидесяти с одним, портелов на нем 120, а пушек 114, а ядро их большей первой батареи пятьдесят – четыре фунтовое. На том же корабле из тех пушек суть 8 толстых коротких, именуемых инка-морат; ядро их каменное ста тридцати двух фунтовое, людей на корабле становится 13 250 человек».

В примечании к ведомости сказано:

«Не подобает дивитися, что написаны корабли, понеже суть болше портелов, нежели пушек для того, что Турки в каморке не ставят пушек на первой портеле носовой, а меру ядер пушечных не мочно описати совершенно, потому что, когда корабль еще нов, поставляется больше пушек, а когда одрехлеет – менше, и когда посылают на Белое море (так называлось Эгейское море. — Прим. авт.) тяжелые пушки ставят, а на Черное море – легкие за сердитость его.

На сих кораблях не бывает иных огненных снарядов, окроме пушек, пищалей добрых и сабель и некакой материи сделанные ядра снарядные, которыми стреляют из пушек по неприятельским кораблям для зажигания.

На всяком корабле суть неводники иноземцы матросы болшие, и прежде Турки не были искусны корабельному владению, а ныне научился от многих ренегатов, которые живут в их флоте, а наипаче Сулейман капитан Голанец, муж разумный и искусный в таких делах, вторый Байрам капитан француз, третий Мустафа майор Пин, четвертый Антерман-баша, который ныне капитан баша».

Собрать все эти сведения, а тем более переслать их – большое искусство, так как турки очень ревниво относились к сохранению тайны своего флота. Агенты Толстого сумели это сделать, если Петр I получил такие данные.

При этом нужно учесть, что Петру Толстому приходилось работать в сложных условиях. Многое зависело от прихоти султана. Например, в 1705 г. отношение со стороны правителя к русскому посольству испортилось. Вот как описывал свою жизнь посол:

«Меня страшно стеснили. Заперли со всеми людьми на дворе моем, и ни кого ни с двора, ни на двор не пускают; сидели мы несколько дней без пищи, потому что и хлеба купить никого не пустили, а потом едва упросили большими подарками, что начали пускать по одному человеку для покупки пищи.

В это время приехал ко мне из Москвы переводчик и подьячий с письмами и подарками от вас к визирю, письмо я к визирю отвез и подарок отослал, визирь принял любезно и сделал мне маленькое послабление, но сее же нахожусь в тесном заключении, какого по приезде моем сюда никогда еще не терпел.

Притом нахожусь в большом страхе от своих дворовых людей: жив здесь три года, они познакомились с Турками, выучились и языку турецкому, и как теперь находимся в большом утеснении, то боюсь, что, не терпя заключения, поколеблются в вере, потому что мусульманская вера мало мысленных очень прельщает; если явится какой-нибудь Иуда, великие наделает пакости, потому что люди мои присмотрелись, с кем я из христиан близок и кто великому государю служит, как, наприм, Иерусалимский патриарх господин Савва и другие; и если хотя один сделается ренегатом и скажет Туркам, кто великому государю работает, то не только наши приятели пострадают, но и всем христианам будет беда. Внимательно слежу и не знаю, как бог управит.

У мены уже было такое дело: молодой подьячий Тимофей, познакомившись с Турками, вздумал обусурманиться; бог мне помог об этом сведать; я призвал его тайно и начал ему говорить, а он мне прямо обявил, что хочет обусурманиться; я его запер в своей спальне

до ночи, а ночью он выпил рюмку вина и скоро умер, так его бог сохранил от такой беды, Савва знает об этом.
И теперь, опасаясь того же, я хотел было отпустить в Москву сына своего, чтобы с ним отправить тех людей, от которых боюсь отступничества; но Турки сына моего в Москву не отпускают».
Петру Толстому приходилось заниматься не только вопросами контрразведывательного характера, но и решать политические задачи. Например, не допустить вступления Турции в Северную войну накануне Полтавской битвы. В то время по Западной Европе циркулировали слухи о якобы заключенном тайном союзе между шведским королем Карлом XII, его польским коллегой Станиславом Лещинским и турецким султаном против России. Выяснить, соответствуют ли слухи действительности, и не допустить реализации этого проекта было поручено императором Толстому. Последний, где с помощью слов, а где и подарками, сумел ослабить влияние польской агентуры на турецкого султана.
9 декабря 1707 г. Петр I писал Толстому из Преображенского:
«Писали цифирью вы, что поляк Лещинового отпущен не с честью и без всякого дела, а ныне писал гетман, с которого посылаем при сем копию, что получил он от некоторого корреспондента из Волоской земли, что бутто тот Поляк; для лица так отбит, а тайно с ним сделана; также будто и некоторой ага с листами к Шведу и Лещинекому послан.
О чем надлежит вам подлинно проведать, истинна ль то, и немедленно писать.
Также чтоб купить или Мавракардата (турецкий дипломат. — Прим. авт.) или много такого, который ведет секрет Турской, суля ему хотя три или четыре тысячи червонных в Венеции (которые Сава Рагуайнский обещает дать там, а буде б сему не поверили), то Сава обещает посредникоф в том дать из Царегородских жителей, чтоб совершенное Турское намерение /от чего, боже сохрани/ и войне мог обявить за шесть месяцеф».
Выяснилось, что посланцем Лещинского в Константинополе был галицкий стольник, по национальности поляк, Горский.
Еще не получив письма Петра, Толстой принял меры, чтобы выяснить причину его приезда и узнать содержание привезенного от Лещинского письма. Для этого он стал рассылать собольи шубы турецким вельможам.
Горский приехал в Константинополь 19 июля, а 30 июля 1707 г. султанский имам уже сообщил Толстому, что письмо он видел и что в нем содержится предложение о создании тройственного союза против России: Швеции, Польши и Турции, а пока что предлагалось немедленно разрешить крымскому хану выступить против русских войск как передовому отряду Турции в помощь Лещинскому и Карлу XV.
Далее, сообщал султанский имам (высшее духовное лицо в Турции, рангом пониже Муфтия. — Прим. авт.), в письме содержалась самая настоящая интрига против русского посольства в Турции. Дескать, некоторым полякам царь Петр под большим секретом показывал письма русского посла из Константинополя, в которых он писал:
«…все христианские народы, пребывающие в подданстве у Турков, ко противности на них готовы, и подписаны де те письма рунами греков и прочих христиан».
По словам имама, Горский предлагал произвести обыск в доме посла Толстого, чтобы найти все компрометирующие его письма. Отдельные турецкие вельможи настаивали на проведении этой акции, но визирь отказался, ссылаясь на то, что такое оскорбление посла будет равносильно объявлению войны. А к ней Турция не готова.
Заранее подкупленные Петром Толстым турецкие вельможи сделали все для отпора проискам Лещинского. В результате польский курьер был выслан из страны, а Петр I получил от Петра Толстого сообщение, что Турция «будет соблюдать мир с Россией, несмотря на происки Лещинского».
Хрупкий мир продлился до 20 ноября 1710 г. В тот день Турция объявила войну России. А Петр Толстой вместе с сотрудниками посольства был арестован и заточен в тюрьму, где он находился до 5 апреля 1712 г., когда был заключен Прутский мир. В сентябре 1714 г. Петр Толстой покинул Турцию.

С целью более профессионального освещения вопросов военной политики иностранных государств и состояния их вооруженных сил военные чины направляются за границу с разведывательными целями, как в составе временных посольств, так и отдельно под прикрытием выполнения официальных поручений. Так, в 1697 г. в состав Великого посольства, отправленного Петром Великим в Западную Европу для укрепления союза России с рядом западноевропейских государств в интересах борьбы с Турцией, был включен майор Преображенского полка Адам Адамович Вейде. Он собирал, обрабатывал и обобщал материал по организации и боевой подготовке иностранных армий. Его доклад о деятельности «саксонской, цесарской, французской и нидерланской армий» вошел в историю как «Устав Вейде»[641].

В этот же период военные чины армии и флота стали направляться за границу с разведывательными целями под прикрытием выполнения официальных поручений – обучения, а также стажировки в иностранных вооруженных силах. Известно, что сам Петр I изучал западноевропейский военный и военно-морской опыт, а также кораблестроение в Голландии. В этих же целях широко применялась волонтерская, то есть добровольная, служба русских офицеров в армиях и флотах иностранных государств, а также привлечение на русскую службу иностранцев – носителей современных западноевропейских военных и военно-технических знаний и умений, как в сухопутные силы, так и в военно-морской флот.

Одновременно стала применяться практика назначения на посты руководителей и в состав постоянных миссий за границей военных. В 1711 г. послом России в Голландии был назначен подполковник князь Борис Иванович Куракин, участвовавший с Семеновским полком в Полтавской битве.

Кто и как руководил разведкой

Непосредственное руководство разведкой на государственном уровне в эти годы осуществлял лично Петр I – русский царь, ставший в 1721 г. императором, который в ряде случаев лично адресуется к руководителям зарубежных миссий России. Так, Б.И. Куракин, находящийся на посту посла России в Англии, в январе 1719 г. получает указание Петра провести разведку военно-морской базы Швеции – Карлскруны:

«Понеже о состоянии карлскронского гавана (гавань. — Прим. авт.) по се время никто у нас не знает, того для зело нужно, чтобы вы сыскали двух человек таких, которые там бывали, а имянно: одного из морских офицеров или шипаров, а другова, который бы знал инженерской наук, хотя мало, и чтоб они друг про друга не знали, а нанять их так, чтоб сделать с ними тайную капитуляцию и чтоб они из Любка (Любека. – Прим. авт.) поехали туда будто службы искать и осмотрели все, а в запросах бы нам учинили так, чтоб их не приняли, и когда не примут, тогда б, возвратясь в Любек или Данцих, приехали к нам, а ежели можете таких сыскать, кои там были год или два назад, то б всего лутче, и чтоб сие зело было тайно и для того обещай им довольную плату»[642].

Такие два человека были найдены. 30 июля 1719 г. Петр I пишет Куракину:

«Благодарствую за двух человек, за голанца и француза, которые о известной своей негоциации, возвратясь, нам сказали, а особливо первой зело обстоятельно о флоте, только немного поздно, ибо мы уже начали, а они приехали; и буде война сего году не окончается, то заранее таких людей посылать и чтоб кончае в марте у нас не стали. Не изволь жалеть денег, заплачено будет, а посыпать надобно морских, и француз зело обстоятельно сказал...»[643]

В 1696 г. в России был создан новый для нее вид вооруженных сил – военно-морской флот, который, в силу возникших потребностей, стал формировать и развивать собственную разведку.

Вторая административная реформа Петра Первого

В 1717–1721 гг. Петр I вместо Приказов учредил Коллегии, в том числе Иностранных дел, Военную и Адмиралтейств-коллегию. Управление зарубежной разведкой в центре сосредоточилось в руках Коллегии Иностранных дел, получившей эти функции от Посольского приказа, а на местах за границей разведка велась русскими постоянными миссиями. Добывавшиеся ими сведения в подавляющем большинстве случаев носили военный и военно-политический характер. Военная коллегия и Адмиралтейств-коллегия разведку прямо не организовывали, но осваивали опыт зарубежного военного строительства, создания и использования военных сил и вооружения в своей сфере интересов через направлявшихся в европейские армии и флоты на обучение, и стажировку военных и гражданских служащих.

Первые постоянные органы военной разведки

Во время Северной войны сложилась система полевого управления русской армией. Во главе действующей армии стоял генерал-фельдмаршал, пользовавшийся единовластными правами и подчинявшийся лично царю.
При главнокомандующем имелся «полевой штаб армии», через который осуществлялось управление войсками. Штаб возглавлял генерал-квартирмейстер. В Уставе 1716 г. было определено:
«Сей чин требует мудрого, разумного и искусного человека в географии и фортификации, понеже ему надлежит учреждать походы, лагери. Особо надлежит ему генеральную землю знать, в которой находится свое и неприятельское войска, также какие реки, проходы, дефиле, горы, леса и болота находятся...»
Понятно, что получить информацию о контролируемой противником территории можно было только с помощью разведки.
В дивизиях и бригадах, еще не имевших твердых штатов, штабов не имелось. Командовавшие ими генералы и бригадиры руководили через адъютантов и личную канцелярию. Дивизиям придавались чины квартирмейстерской службы. Полк стал основной тактической единицей. Командиром полка был полковник, имевший в своем распоряжении штаб части.
В русской армии с переходом в начале XVIII в. на регулярную основу еще в 1711 г. появилась генерал-квартирмейстерская часть – орган, занимавшийся обеспечением подготовки решений командира (командующего) по управлению подчиненными силами и средствами, то есть штабная служба, укомплектованная соответствующими специалистами.
Генерал-квартирмейстерскую часть составляли квартирмейстерские чины – полковые квартирмейстеры, как стали называться полковые станоставцы, обер-квартирмейстеры, генерал-квартирмейстеры и др. Каждый квартирмейстерский чин выполнял в период военных действий определенные функции. На генерал-квартирмейстера возлагалась организация составления маршрутов, собирания всех сведений о местности, где предстоит проходить войскам, съемки местности, назначения мест под лагеря, а также сбора разведывательных сведений о противнике. Под непосредственным начальством генерал-квартирмейстера состояли все обер-квартирмейстеры (по одному в каждой дивизии) и другие чины квартирмейстерской части. Полковые квартирмейстеры подготавливали для полка квартиры. К этому времени была упразднена должность полкового сторожеставца, а его обязанности перешли к полковому адъютанту, который не относился, однако, к квартирмейстерской части. Организацию разведки возглавлял командующий армией.
Круг обязанностей генерал-квартирмейстера впервые был закреплен «Уставом воинским» 1716 г. В «Уставе...» указывалось: «...а особливо надлежит ему (генерал-квартирмейстеру. — Прим. авт.) генеральную землю знать, в которой свое и неприятельское войско обретается». Чины генерал-квартирмейстерской службы должны

«хорошо знать страну, где ведется война», уметь «составлять ландкарты», «учреждать» походы, лагеря, «ретраншементы», вести «протокол всем походам и бывшим лагерям»[644].

«Уставом воинским» 1753 г. задача по организации разведки в войсках на период боевых действий по-прежнему возлагалась на командующего армией. Так, в главе «О генерал-фельдмаршале и о всяком аншефте» отмечалось, что последний «лазутчиков, где нужно, высылает для ведомости прилежно со всяким опасением, сколь силен неприятель, что намеряется делать, стоит ли в траншементе или нет. О всяких онаго поступках ему ведать нужно есть»[645].

Генерал-квартирмейстерская служба организовывалась в войсках только на период походов и военных действий.

До середины XVIII в. Генерального штаба как самостоятельного постоянного органа управления в русской армии не существовало, хотя понятие «чины Генерального штаба» стало применяться несколько раньше. Само название «Генеральный штаб» имело только собирательное значение: под чинами Генерального штаба понимались все офицеры и генералы, находившиеся на службе в штабах, то есть специалисты штабной службы. В России с 1720 по 1762 г. этот орган включал только должностных лиц, состоявших при генералах.

Созданная в 1762 г. для реформирования армии Воинская временная комиссия предложила устроить квартирмейстерскую часть на основе западноевропейского опыта. С января 1763 г. на основе рекомендаций Комиссии («дабы оному, обще с генерал-квартирмейстерами, яко главными в том штабе классами во время мира способом того Генерального штаба, собрало подробные известия и сочиняло, с примечаниями по воинскому искусству ландкарты всем положениям и проходам, а при случаях отправления армии или корпусов на войну, чтобы из того Генерального штаба и отряжало военное правительство, по числу отправляющегося войска, потребных к нему тех чинов»), утвержденных Екатериной II, Генеральный штаб выделился в особое учреждение, функции которого состояли в сборе сведений о приграничных территориях, в составлении карт, разведке путей сообщения и обеспечении передвижения по ним войск.

По положению 1772 г. на Генеральный штаб были возложены задачи подготовки данных для боевой деятельности войск, изучения местности и составления топографических карт для военных потребностей. Члены квартирмейстерской службы впервые выделялись в отдельную категорию – «чины Генерального штаба армии» со своим особым начальником.

В 1796 г. вступивший на престол Павел I упразднил Генеральный штаб, а всех его чинов распределил по полкам. Вместо Генерального штаба была учреждена «Свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части», подчиненная непосредственно царю. Функции Свиты четко определены не были. В мирное время офицеры занимались преимущественно топографическими съемками в Финляндии и Литве, а остальные находились при войсках и исполняли службу Генерального штаба только в случае войны.

Поясним, что в конце XVIII – начале XIX в. в большинстве европейских стран одной из основных задач корпуса офицеров Генерального штаба было изучение близлежащих стран, в особенности вероятных противников. При этом сам Генеральный штаб был вспомогательным органом высшего командования по управлению войсками[646]. Так что Россия просто использовала зарубежный опыт.

В начале XIX в. одной из задач Свиты Его Императорского Величества стало изучение окраин Российской империи и сопредельных территорий. Офицеры Свиты занимались топографической съемкой местности, сбором географической, этнографической, экономической и другой информации об этих регионах. Отдельно отметим, что данный орган накануне войны России с Францией не занимался сбором информации о

Европейском ТВД (театр военных действий)[647]. Поэтому Свиту сложно считать полноценным органом военной разведки.

Рождение военно-морской разведки

Военно-морская разведка начала формироваться в 1696 г., когда был создан первый орган централизованного управления ВМС – Корабельный приказ, и закончила более чем через 200 лет[648].

В 1698 г. была проведена одна из первых операций российской военно-морской разведки. Во время похода корабля «Крепость» из Таганрога в Константинополь вице-адмирал К.И. Крюйс произвел рекогносцировку занятой турками крепости Керчь и походов к ней. Он выяснил, что старые стены легко пробивали даже шестифунтовые ядра, и смог определить ширину фарватера[649].

Во время Северной войны применялась рекогносцировка и захват «языков». В экипажах кораблей отсутствовали офицеры, ответственные за проведение военно-морской разведки. Этим занимались дежурная (караульная) и вахтенная смены[650].

В 1717 г. была создана Адмиралтейская коллегия – орган, отвечавший в т.ч. и за сбор и хранения данных полученных от всех источников информации. В частности, каждый флагман «по возвращению из компании должен подать в Адмиралтейскую коллегию протоколы и журналы, как свои, так и командиров всех кораблей, добыв в том квитанцию».

В утвержденном в 1720 г. Морском уставе ряд статей касался разведки. Например, регламентировался порядок и срок подачи сведений, полученных в результате допроса пленных, и о том, что добытые о противнике сведения необходимо хранить в тайне[651]. Правда, после смерти Петра I занимавшие трон Екатерина и Анна Иоанновна военно-морской разведки почти не уделяли внимание.

В марте 1756 г. (накануне Семилетней войны) для централизованного управления вооруженными силами была создана Конференция при высочайшем дворе. Вся разведывательная информация стекалась в кабинет канцлера А.П. Бестужева-Рюмина. Понятно, что из-за отсутствия эффективно действующих органов разведки на местах объем информации был небольшим и сведения часто носили противоречивый характер.

Ситуация частично изменилась после того, как императорский трон заняла Екатерина II. Так, во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. активно использовалась агентурная разведка. Понятно, что для этого требовались разведчики, которые занимались вербовкой и получением сведений от агентов.

Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. для получения сведений о противнике «были организованы побережные пикеты, казачьи конные и пешие дозоры, велся опрос иностранных судов, а также практиковался захват турецких рыбачьих и коммерческих судов с целью получения от экипажей интересующей информации»[652].

В 1799 г. по инициативе Павла I при Адмиралтейской коллегии был образован Особый комитет, который, среди прочего, стал ведать сбором информации об иностранных флотах. На комитет возлагались разнообразные обязанности, среди которых «попечения об издании полезных сочинений, назначения разных статей для перевода с иностранных языков и задания к решению разных вопросов кораблестроения…» Правда, поступавшие в комитет сведения были неполными, противоречивыми и устаревшими.

Одним из способов добычи информации был «опрос проходящих торговых и рыбацких судов, захват и допрос пленных с кораблей противника. Использовалась и информация, полученная от местных жителей»[653].

Секретная миссия в Среднюю Азию

Правителей Российской империи интересовали все территории, граничащие с нашей страной. Если в Западную Европу для сбора конфиденциальной информации можно было отправить дипломатов, то в Среднюю Азию – военных. Слишком много опасностей для путешественников таил этот край. Одним из первых исследователей этого региона стал Тимофей Степанович Бурнашёв. В историю он вошел как один из организаторов горнозаводского производства на Алтае и исследователь Средней Азии.

Родился он в семье прапорщика Сибирского казачьего корпуса в 1773 г. Рано остался без отца. После двух лет учебы в Змеиногорской горнозаводской школе в 1875 г. начал службу пробирным учеником. Способностями и трудолюбием обратил на себя внимание начальника заводов Г.С. Качки, который отправил талантливого подростка учиться дальше – в Барнаульское горное училище. В 1791 г. он вернулся в Змеиногорский рудник ревизором горного производства. Затем переходит на работу в Риддерский рудник, где впервые создает лабораторию по исследованию добавленных руд.

В 1794 г. судьба Тимофея Бурнашёва сделала новый крутой поворот. Управляющий Сибирским краем генерал Густав-Эрнест Штрандман получил высочайшее повеление о посылке в Среднюю Азию «под секретным видим экспедиции для узнавания сего края во всех отношениях». Рассмотрев множество кандидатур, генерал остановил свой выбор на Тимофее Бурнашёве. Феноменальный стрелок, рудознатец и дипломат, обладающий прекрасной военной подготовкой и большой физической силой.

Подготовка военного разведчика к экспедиции проходила в обстановке строжайшей секретности. Позже он напишет в своих воспоминаниях:

«Велено было мне назваться русским купцом, а между тем воспрещено даже любопытствовать о настоящем моем звании и мне не иметь ни с кем никакого обращения и знакомства, кроме главного правителя дел... Отправка моя будет с Оренбургской линии из-под города Троицка, при купеческом караване татар. Наперво в Большую Бухарию, а оттуда через Самарканд, Ходжемснт, Уратубу, Кокан – в Ташкентию. Из сего места через Туркестан, Киргизскою степью обратно в Россию».

Экспедиция состояла из двух человек – самого Бурнашёва и старшего сержанта 4-го линейного батальона Сибирского корпуса Бсэноснкоба.

Несмотря на полную секретность миссии и великолепную подготовку, члены экспедиции после прибытия в Бухару попали под подозрение. В течение 12 суток они фактически находились под домашним арестом, и все это время их интенсивно допрашивали. По словам Бурнашёва, бухарские чиновники очень сомневались в цели его путешествия, однако «купцы» смогли рассеять все сомнения. Им даже было разрешено присутствовать на аудиенции бухарского эмира:

«Пользуясь полученной свободой, проживали мы в сем многолюдном городе до мая месяца, и в сие время успели собрать много нужных и любопытных сведений. Все путевые замечания делал я придуманными мною еще в России знаками, дабы никто не мог их читать, ...даже товарищ мой не мог разбирать сего моего письма».

В мае 1795 г. в свите российского посланника Бурнашёв отправляется домой, в Россию. Однако бухарская контрразведка, прекрасно понимая значение сведений, собранных мнимым купцом, и не имея формальных поводов для его ареста, пытается не допустить возвращения Бурнашёва. Она организует набег отряда киргизов Малой Орды на караван посланника. Ночью у реки Сыр-Дарья Бурнашёву удается бежать, и он самостоятельно добирается до Оренбурга.

Его отчет о путешестви, озаглавленный «Замечания о пути по Бухарии», был срочно отправлен в столицу Российской империи, а сам разведчик был повышен в звании. На этом его приключения не закончились.

В начале 1798 г. инспектор Сибирской дивизии, племянник А. В. Суворова князь А. И. Горчаков, приказывает Бурнашёву организовать новую секретную экспедицию в малоизученные районы Киргизской степи. Подготовка к новой миссии заняла у военного разведчика около двух лет.

Ему предстояло под видом посланника выехать к одному из киргизских султанов и по пути собрать через русских пленных все возможные сведения о «ташкентских землях» и секретных проходах через Голодную и Киргизскую степи.
В течение полугода Бурнашёв с десятью казаками и султаном Букеем кочевал по безводной степи. Как российский посланник, он посетил Ташкент, где вручил послание Павла I.
По возвращении в Омск Тимофей Бурнашёв составил подробное описание малоизученных «Ташкентских земель», которое получило высокую оценку в Петербурге. За усердие он был пожалован чином горного штаб-офицера[654], а через какое-то время был назначен управляющим Локтевского сереброплавильного завода.
Впервые отчеты о его смертельно опасных разведывательных путешествиях по Средней Азии были опубликованы в журнале «Сибирский вестник» в 1818 г. В то время их автор занимал пост члена Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства.
В 1821 г. Тимофей Бурнашёв был назначен начальником Нерчинского горного округа. Оказался невольным тюремщиком декабристов С.Г. Волконского, братьев П.И. и А.И. Борисовых, В.Д. Давыдова, Е.П. Оболенского, А.З. Муравьева, С.П. Трубецкого, А.И. Якубовича, присланных на Благодатский рудник для отбывания каторжных работ. По отзыву Е.П. Оболенского, был «довольно груб» на словах, на деле же старался «облегчить наше положение». Выйдя в 1832 г. в отставку, вернулся в Барнаул, увлекся селекцией, стал членом двух московских обществ – испытателей природы и сельского хозяйства. В 1838 г. награжден золотой медалью за разведение китайского и других сортов табака. Умер в Барнауле в 1849 г.

Глава 29
Военная разведка в XIX – начале XX века

В XIX – начале XX в. среди крупнейших военных теоретиков Российской империи преобладала точка зрения на Генеральный штаб как на учреждение, ответственное за сбор и переработку всех данных, необходимых высшему командованию для подготовки страны и армии к войне.
Новый толчок развития русская военная разведка получила в период Наполеоновских войн. Кампании 1805 и 1806 гг. завершились подписанием мирного договора, во многом невыгодного для России. Впрочем, несмотря на воцарение мира, никто не обольщался насчет планов французского императора: Наполеон к тому времени достаточно показал себя, и было ясно, что заключение мира не означает для России гарантию от будущей войны с Францией. Знание планов Бонапарта было необходимо как воздух или, если быть более точными в сравнении, как порох.
В 1807–1810 гг. генерал-адъютант князь П.М. Волконский находился в поездке по странам Европы. По возвращении, в числе прочих донесений, он представил отчет «О внутреннем устройстве французской армии Генерального штаба». А генерал М. Барклай де Толли, ставший в 1810 г. военным министром, прочитав этот отчет, получил повод обсудить с императором вопрос о создании постоянного органа стратегической разведки. Несмотря на сложные отношения с Бонапартом, Франция по-прежнему оставалась для российских «верхов» образцом для подражания, чем и воспользовался разумный министр. Первым таким органом стала Экспедиция секретных дел при Военном министерстве, созданная уже в январе 1810 г. (В январе 1812 г. она была переименована в Особенную канцелярию при военном министре.) Экспедиция должна была заниматься ведением стратегической, оперативно-тактической разведки (сбор данных о войсках противника на границах России) и контрразведки. Она подчинялась непосредственно военному министру и, кроме организации разведки, занималась обобщением всей поступившей разведывательной

информации, выработкой рекомендаций для составления военных планов и осуществления различных мероприятий при передислокации воинских частей на границе[655].
Первыми руководителями военной разведки Российской империи являлись флигель-адъютант полковник А.В. Воейков – с 29 сентября 1810 г., полковник А.А. Закревский – с 19 марта 1812 г., полковник П.А. Чуйкевич – с 10 января 1813 г.[656]
Особенная канцелярия при военном министре «отвечала за сбор за рубежом разведывательной информации, ее анализ, обобщение и доклад военному министру, а также за выработку инструкций для отправляемых за границу разведчиков».
Об эффективности работы этого органа свидетельствует такой факт. В январе 1812 г. ее сотрудники подготовили карту дислокации французских войск. Численность вооруженных сил противника они оценили в 400–500 тысяч человек. Современные французские историки подсчитали, что в подчинении Наполеона находилось 450 человек[657].
В январе 1812 г. было образовано Главное отделение начальника Главного штаба, в которое вошла квартирмейстерская часть, состоящая из двух отделений. Сотрудники первого отделения должны были заниматься «собиранием всех сведений о земле, где война происходит». Правда, эффективность этого органа была низкой, т.к. не были определены способы и средства выполнения этой задачи[658].

Первые операции нового органа разведки

В январе 1810 г. российский военный министр Барклай де Толли предложил царю направить в русские посольства за границей специальных людей, которые должны были бы собирать сведения о вооруженных силах страны пребывания: их численности, вооружении, дислокации, о военачальниках и пр., а также о настроениях и благосостоянии народа, т. е., говоря по-современному, резидентов под дипломатическим прикрытием. Российский император Александр I согласился с предложением, и для выполнения секретных поручений в зарубежные командировки были посланы следующие офицеры: полковник А.И. Чернышев (Париж); полковник Ф.В. Тейль фон Сераскерен (Вена); полковник Р.Е. Ренни (Берлин); майор В.А. Прендель (Дрезден); поручики М.Ф. Орлов (Берлин); П.Х. Граббе (Мюнхен); П.И. Брозин (Кассель, затем Мадрид).
Наибольших результатов добился полковник А.И. Чернышев, офицер Особенной канцелярии квартирмейстерской части Главного штаба. В кратчайший срок он сумел создать во Франции сеть информаторов и уже 23 декабря 1810 г. сообщал: «Наполеон уже принял решение о войне против России, но пока что выигрывает время из-за неудовлетворительного положения его дел в Испании и Португалии»[659]. Одним из информаторов Чернышева был чиновник военного министерства Франции Мишель, состоявший в группе, которая каждые две недели готовила лично для императора Наполеона Бонапарта сводки о численности и дислокации французских вооруженных сил. Копии этих документов Мишель передавал Чернышеву.
Деятельность Чернышева в Париже закончилась в 1811 г. из-за досадного промаха. В то время как полковник находился в отъезде в Петербурге, полиция произвела негласный обыск в доме, где он квартировал, и обнаружила записку Мишеля. Французские власти обвинили Чернышева в шпионаже, но поскольку он находился в это время в России, все последствия для него ограничились тем, что он не смог вернуться в Париж. Совершенно по-другому все закончилось для Мишеля: он был арестован и приговорен к смертной казни.
Подробно о жизни и деятельности Александра Чернышева рассказано в художественно-документальном романе Ю. Когинова «Тайный агент императора: Чернышев против Наполеона: Исторический роман»[660] и монографии М. Алексеева «Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II»[661], поэтому мы не будем подробно останавливаться на этой истории.

Может показаться удивительным, но одним из самых ценных русских агентов во Франции был… Шарль-Морис Талейран, министр иностранных дел Наполеона, который во время Эрфуртского свидания Александра I и Наполеона в сентябре 1808 г. сам предложил свои услуги русскому императору. Сначала Александр не очень-то доверял Талейрану, но после конфиденциальной встречи его подозрения рассеялись. Министр работал за деньги: за огромное по тем временам вознаграждение он сообщал о состоянии французской армии, давал советы относительно укрепления российской финансовой системы и т.д. А в декабре 1810 г. написал Александру I, что Наполеон готовится к нападению на Россию, и даже назвал его дату – апрель 1812 г.

Несмотря на то что переписка Талейрана с Александром велась со строгим соблюдением правил конспирации, к началу 1809 г. у Наполеона появились подозрения в том, что его министр ведет двойную игру. В январе император неожиданно возвратился из Испании, где в то время вел войну, в Париж, и 28 января 1809 г. произошла знаменитая сцена, когда темпераментный корсиканец кричал своему министру: «Вы вор! Вы вор, мерзавец, бесчестный человек! Вы не верите в Бога, вы всю вашу жизнь нарушали все ваши обязательства, вы всех обманывали, всех предавали, для вас нет ничего святого, вы бы продали вашего родного отца!.. Почему я вас еще не повесил на решетке Карусельской площади? Но есть, есть еще для этого достаточно времени! Вы – грязь в шелковых чулках! Грязь! Грязь!..»[662]

Эмоции эмоциями, однако обвинения были голословными: император не имел конкретных доказательств предательства Талейрана, так что тот остался невредимым и до самого начала войны передавал в Россию важную информацию.

На тайной службе двух императоров

Генерал от кавалерии и герой Отечественной войны 1812 г. Иван Осипович Витта всегда предпочитал оставаться в тени, действуя за кулисами политической и военной истории. Историки до сих пор спорят, где он родился в 1881 г. – в заштатной польской крепости Каменец-Подольский или в великосветском Париже.

Другое «темное пятно» в его биографии – участие в цареубийстве Павла I. Согласно одной версии, он был в курсе планов заговорщиков и за пять дней до убийства переведен в Конный полк (самая преданная жертве войсковая часть) в качестве наблюдателя. Согласно другой – о готовящемся убийстве он ничего не знал. Вне зависимости от этого, Александр I не считал его заговорщиком и поэтому позволил сделать стремительную карьеру. В октябре 1801 г. он произведен в полковники Конного полка, а с 1803 г. командовал лейб-гвардии Кирасирским Ее Величества полком – одной из старейших частей русской армии.

В возрасте 24 лет в звании полковника он участвовал в битве при Аустерлице. В 1807 г., после заключения Тильзитского мира, он внезапно выходит в отставку. До сих пор не понятно, что послужило причиной этого поступка. Внезапно он поселяется в Вене, а в 1809 г., когда Наполеон объявил войну Австрии, вступает волонтером в французскую армию. Если однополчане считали его предателем, то Александр I отнесся к этому поступку спокойно.

После разгрома Австрии граф Ян фон Витт (так теперь его называли) оказался в Париже, где начал вести великосветскую жизнь. Он входит в доверие к сестре Наполеона Полине. Затем попадает в походную канцелярию к французскому императору. Последний командирует его в Турцию – сколачивать антирусскую коалицию. В 1811 г. он назначен личным тайным агентом Наполеона в герцогстве Варшавском. С этого момента он допущен к важнейшим секретам Франции. А Александр I регулярно получает от него информацию о планах Наполеона, местах дислокации и маршрутах перемещения французских войск. Его шпионская карьера прервалась за две недели до начала Отечественной войны 1812 г. Ян фон Витт тайно переплыл через Неман и явился в штаб

1-й армии, где сообщил о точной дате начала войны и оперативные планы Наполеона по окружению Дрисского лагеря.
Затем участие в войне в качестве командира Украинской уланской дивизии и портрет в Военной галерее Зимнего дворца.
На Венском конгрессе Витт находился в свите Александра I и занимался привычным и любимым делом – политическими интригами и шпионажем. После окончания конгресса он остался в Париже и служил в качестве генерала по особым поручениям при командующем Оккупационным корпусом. Скорее всего, под «особыми поручениями» подразумевалась разведка.
Затем он вернулся в Россию и по поручению Александра I создал собственную спецслужбу, которая занималась политическим сыском в пяти губерниях: Киевской, Волынской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической. Одновременно он занимался проектом создания военных поселений. Была и третья сфера деятельности, в которой до сих пор для историков множество «темных пятен». Речь идет об участии Витта в заговоре декабристов. Нельзя однозначно утверждать, что он разделял их идеи, скорее рассматривал в качестве партнеров, которые помогут ему удержаться у власти. Дело в том, что если с Александром I у него были хорошие взаимоотношения, то с будущим наследником престола – непонятные. Поэтому он мог предложить декабристам свои услуги в обмен на пост в будущем правительстве.
После подавления восстания он не был репрессирован, а продолжал служить. Во время Русско-турецкой войны 1829 г. с ним произошел очень странный случай. Согласно биографу генерала, «…направляясь в Яссы для осмотра подведомственных ему резервных кавалерийских частей и решив совершить часть пути от Одессы морем, Витт случайной бурей был занесен в Константинополь и Варну, осажденные нашими войсками. Присоединившись потом к армии, Витт сообщил ценные сведения о состоянии Турции… 21 апреля 1829 года Витт был произведен в генералы от кавалерии». На самом деле Витт, находясь в Одессе, руководил деятельностью агентурной сети, которую создал, находясь еще на службе у Наполеона. Позднее он перебрался в Варну, откуда регулярно совершал визиты в Стамбул.
Осенью 1830 г. он участвовал в подавлении восстания в Польше. Затем занимал пост варшавского военного губернатора, с 1836 г. был главным инспектором кавалерии, в 1838 г. тяжело заболел и умер[663].

Продолжение военной реформы

Но вернемся в Петербург, к Барклаю де Толли. Военный министр уделял большое внимание не только стратегической, но и агентурной разведке, которую вели своими силами командующие полевыми армиями и командиры корпусов. 27 января 1812 г. Александр I подписал три секретных дополнения к «Учреждению для управления Большой действующей армией»: «Образование высшей воинской полиции», «Инструкцию директору высшей воинской полиции» и «Инструкцию Начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полицией». В этих документах впервые проведено разделение на собственно разведчиков и агентов. В частности, в дополнении об «Образовании высшей воинской полиции» в п. 13 «О лазутчиках» говорилось:
«1. Лазутчики на постоянном жалованье. Они... рассылаются в нужных случаях, под разными видами и в различных одеяниях. Они должны быть люди расторопные, хитрые и опытные. Их обязанность есть приносить сведения, за коими они отправляются, и набирать лазутчиков второго рода и разносчиков переписки.
2. Лазутчики второго рода должны быть предпочтительно обывателями нейтральных и неприятельских земель разных состояний, и в числе оных дезертиры. Они приносят сведения по требованию и по большей части местныя. Они получают особенную плату за каждое известие, по мере его важности»[664].

А в дополнении к «Инструкции Начальнику Главного штаба по управлению высшей воинской полицией» весьма недвусмысленно предписывалось:
«В случае совершенной невозможности иметь известие о неприятеле в важных и решительных обстоятельствах должно иметь прибежище к принужденному шпионству. Оно состоит в склонении обещанием наград и даже угрозами местных жителей к проходу через места, неприятелем занимаемые»[665].
Также Высшая воинская полиция должна была «собирать сведения об неприятельской армии в занимаемой ее земли». Под собиранием сведений понималось: «точные сведения о движении, расположении, духе и прочие о неприятельских войсках в землях оными занимаемых, нужными для открытия их слабой и сильной стороны и для принятия этому потребных мир». В качестве источников информации предлагалось использовать агентов Высшей воинской комиссии, которых нужно было направлять «в пограничные губернии, в армию и за границу». При этом зарубежная зона делилась на «земли союзные, земли нейтральные и земли неприятельские»[666].
Перед началом Отечественной войны 1812 г. агентурная разведка в войсках была достаточно успешной. Войсковая же разведка велась по старинке – конными разъездами: «Вооруженное шпионство производится следующим образом. Командующий отряжает разные партии козаков... команды сии поручает он самым отважным офицерам и дает каждому расторопного лазутчика, который бы знал местное положение...»[667]
Действовала в России и контрразведка, причем вполне успешно. Так, известно, что с 1810 по 1812 г. на территории Российской империи было задержано 39 агентов, работавших на иностранные спецслужбы.
Так что нападение Наполеона вовсе не было неожиданностью для российских правящих верхов и военного командования. Было известно точное время наступления французов, их численность, дислокация войск, имелись сведения о командирах подразделений. Но, к сожалению, на выработку плана военных действий все это существенного влияния не оказало. Русские армии отступали от границы до Москвы точно таким же образом, как если бы разведданных не было вовсе.
Во время войны разведка велась разнообразными методами – и через лазутчиков и агентов, и опросом пленных, и с помощью партизанских отрядов, и путем перехвата почты противника. Причем после того, как наступил перелом в войне в пользу России, вся эта информация наконец-то стала играть важную роль в разработке стратегических и тактических планов командования.

Когда закончилась Отечественная война 1812 года

После победы над Наполеоном надобность в услугах военной разведки резко сократилась. О грядущих войнах никто пока не задумывался. Несмотря на это, сбор информации об иностранных вооруженных силах начал носить систематический характер. Например, в январе 1812 г. был создан Военный ученый комитет при Военном министерстве, который просуществовал до мая 1903 г.[668].
Среди функций данного комитета в 1812–1854 г.: «собирание и рассмотрение всех вновь издававшихся лучших сочинений по разным областям военного искусства, назначение к переводу на русский тех сочинений, которые того заслуживали…»[669]
С 1863 г. в обязанности комитета, среди прочего, входило «…составление соображений и рассмотрение инструкций по частям… статистической…; наблюдение за собиранием подробных сведений о ресурсах России и иностранных государств в военном отношении, составление и издание военных обзоров; наблюдение за ходом образования… на Курсе восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел»[670].
В 1815 г. Особенная канцелярия при Военном министерстве была распущена, а ее функции переданы Первому отделению Управления генерал-квартирмейстера Главного штаба. Отделение в основном обрабатывало информацию, которую получало от

Министерства иностранных дел и из некоторых других источников, хотя делало попытки командировать за границу и своих офицеров.
В августе 1827 г. в структуре центрального аппарата Морского министерства был создан Ученый комитет, который просуществовал до июня 1891 г.[671] Он был учрежден «для изучения и обобщения новых достижений в различных отраслях военно-морского дела в России и за рубежом и внедрения этих достижений»[672].
В 1828 г. Свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части вновь переименовывается в Генеральный штаб, после объединения с Военно-Топографическим депо и корпусом топографов – в Департамент Генерального штаба в составе Военного министерства. В его задачи входило «все относящееся к общему расположению, квартированию, передвижениям и действиям Военно-Сухопутных Сил империи».
С мая 1832 г. по октябрь 1863 г. 2-е отделение Департамента Генерального штаба Военного министерства «занималось собиранием и рассмотрением военно-исторических, топографических и статистических сведений о России и иностранных государств…»[673]
С 1844 г. в составе Военного министерства начали создаваться военно-дипломатические управления. Перечислим их:
Управление русского военного агента в Англии (1844–1920);
Управление русского военного агента в Бельгии (1880–1918);
Управление русского военного агента в Греции (1914–1918);
Управление русского военного агента в Испании (1915–1918);
Управление русского военного агента в Сербии (1905–1918);
Управление русского военного агента во Франции (1856–1918);
Управление русского военного агента в Швейцарии (1880–1918)[674].
Поражение в Крымской войне заставило руководство Военного министерства вновь обратить на разведку самое пристальное внимание. 10 июля 1856 г. Александр II утвердил инструкцию о работе военных агентов. Но полноценные централизованные органы военной разведки появились в России только в сентябре 1863 г., когда император в порядке эксперимента ввел в действие на два года Положение и штаты Главного управления Генерального штаба (ГУГШ).
Разведкой в ГУГШ ведали 3-е (военно-ученое) и 2-е (азиатское) отделения. В функции первого, среди прочего, входило «собирание верных и подробных сведений о военных силах России и иностранных государств… переписка с нашими заграничными военными агентами… составления соображений по военно-статистическим работам и военно-учетным экспедициям, а также смет и инструкций для экспедиций и все вообще по сим последним перепискам».
Азиатское отделение выполняло те же задачи, но, как следовало из его названия, в странах Азии. Среди его основных функций: «соображение и составление военно-статистических сведений о наших пограничных с Азией областях и принадлежащих им азиатских владениях… военно-дипломатические сношения с соседними с Россией Азиатскими владениями… переписка по снаряжению военно-ученых и других экспедиций в вышеупомянутые страны…»[675]
По штатному расписанию во 2-м отделении числилось 8 сотрудников, в 3-м – 14.
Новая структура себя оправдала, и в 1865 г., при очередной реорганизации Военного министерства, она была сохранена. Изменилась только нумерация структурных частей: 3-е отделение было переименовано в 7-е военно-ученое отделение Главного штаба; его руководителем был назначен полковник Ф.А.Фельдман. На него, среди прочего, была возложена задача «собирания сведений по иностранным армиям».
Азиатское отделение получило название Азиатской части. Правда, теперь она занималась делами четырех военных округов: «Кавказского, обоих Сибирских и Туркестанского». Разведывательная деятельность Азиатской части была ограничена статистическим изучением вновь присоединенных территорий в Средней Азии и на Кавказе. Задачи же «составления военно-статистических сведений» об азиатских странах должны были

решаться в Канцелярии Военно-ученого комитета[676] (о нем ниже). Состояло Азиатское производство из заведующего, полковника А.П. Проценко, и его помощника.
Увеличилось число зарубежных агентов. В Париже в качестве агента находился флигель-адъютант полковник Витгенштейн, в Вене – генерал-майор барон Торнау, в Берлине – генерал-адъютант граф Н.В. Адлерберг 3-й, во Флоренции – генерал-майор Гасфорт, в Лондоне – полковник Новицкий, в Константинополе – полковник Франкини.
Административная мысль Российской империи работала неустанно, и реорганизации продолжались. В январе 1867 г. 7-е военно-ученое отделение Главного штаба перешло в состав Совещательного комитета, который был образован для руководства «ученой» и топографической деятельностью. 30 марта 1867 г. совещательный комитет был преобразован в Военно-ученый комитет Главного штаба; в составе его на базе 7-го отделения была создана канцелярия, которая до 1903 г. и являлась центральным органом российской военной разведки. Первым ее руководителем стал генерал Н.Н. Обручев, правая рука военного министра Милютина, после него – генералы Ф.А. Фельдман (с 1881 по 1896 г.), В.У. Соллогуб (с 1896 по 1900 г.) и В.П. Целебровский (с 1900 по 1903 г.).
Согласно «Положению о военном министерстве» (утверждено императором Александром II 1 января 1869 г.) одним из направлений деятельности Военно-ученого комитета являлось:
«а) составление соображений и рассмотрение инструкций по частям: военно-ученой, статистической и геодезической;
(…)
в) наблюдение за собиранием подробных сведений о способах России и иностранных государств в военном отношении».
К обязанностям личного состава Канцелярии ВУК было отнесено: «собирание военно-статистических сведений о России и иностранных государствах; переписка по делам, возбужденным в Комитете, а также по делам, касающимся военных агентов и редакций повременных изданий»[677].

Во время и после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
В 1877 г. России предстояла война, на сей раз с Турцией. Общее руководство агентурной разведкой на Балканах и в Турции было возложено на полковника П.Д.Паренсова, офицера по особым поручениям, опытного разведчика.
Основная тяжесть военных действий должна была лечь на сосредоточенную в Бессарабии группировку российской армии под командованием великого князя Николая Николаевича, который лично поставил перед Паренсовым задачу: отправиться в Бухарест и организовать сбор сведений о турецких войсках, расположенных на территории Болгарии и Румынии. Паренсов под именем Пауля Паульсона выехал из Кишинева в Бухарест. За короткое время он сумел создать агентурную сеть и собрать вокруг себя группу преданных людей из местных жителей, что было не удивительно, ибо население Балканских стран давно и сильно ненавидело турок.
«…в феврале 1877 г. благодаря его энергии, предприимчивости и знанию удалось наладить дело, и из разных пунктов от лазутчиков начали поступать ценные сведения. Так, в Рушуке, говорит Паренсов, Карванидес доставлял мне еженедельно, а иногда по несколько раз в неделю, донесения вроде срочных ведомостей о прибытии и уходе войск, орудий, разного рода военного материала, о постройке и вооружении фортов и о флоте. В этих ведомостях всегда в особой рубрике помещались всевозможные слухи, предположения и т.п. В том же Рушуке помощник начальника товарной станции Рушукско-Варненской железной дороги, болгарин, служа мне и получая определенное жалованье, самым аккуратным образом сообщал в определенные сроки через Пачовича о прибытии и отправке по железной дороге войск, артиллерии и грузов, причем благодаря его служебному положению точность была замечательной и служила мне поверкой сообщений, делаемых Карвонидесом»[678].

Одним из главных помощников Паренсова стал болгарский банкир и хлеботорговец Евлогий Георгиев, имевший торговых агентов и склады во многих городах Болгарии, и потому ему совсем нетрудно было предоставить Паренсову значительное число осведомителей. Георгиев же познакомил Паренсова с Григорием Начовичем. Этот человек владел французским, немецким, румынским языками и, что играло далеко не последнюю роль, русским. Имел широкие связи и был чрезвычайно изобретателен в способах добывания информации. Кстати, ни Георгиев, ни Начович не принимали никакого вознаграждения за свою работу на русскую разведку.

В течение зимы 1876/77 г. резидентура Паренсова во множестве доставляла сведения о количестве турецких войск, их передвижениях, кораблях и минных заграждениях на Дунае, состоянии укреплений, продовольственных запасах. С началом боевых действий понадобились новые, еще более точные данные о неприятельских войсках. В связи с этим русская разведка стала использовать агентов-ходоков. Одним из них был Константин Николаевич Фаврикодоров, грек по происхождению, участник Крымской войны и обороны Севастополя. Внешне он походил на турка, прекрасно владел турецким языком. 26 июня 1877 г. под именем турецкого подданного Хасана Демерши-оглу он был послан в глубокий разведывательный рейд по тылам турецкой армии – в города Видин и Плевен, а оттуда на юго-восток, в Румелию и крепости Шумлу и Варну. Фаврикодоров отлично справился с задачей, принес множество ценных сведений и потом еще не раз отправлялся в такие же рейды в турецкий тыл.

В 1880 г. управляющий Военно-ученым комитетом, будущий начальник Главного штаба генерал-адъютант Обручев писал:

«Никогда данные о турецкой армии не были столь тщательно и подробно разработаны, как перед минувшею войной: до местонахождения каждого батальона, каждого эскадрона, каждой батареи...»[679]

В статье «Разведка», опубликованной в VI томе семитомной «Энциклопедии военных и морских наук» (издана в 1893 г.) под редакцией «заслуженного профессора Николаевской академии Генерального штаба генерал-лейтенанта Леера», можно узнать подробности организации войсковой разведки в российской армии. Об агентурной разведке автор статьи упоминает мимоходом, как и об использовании военных агентов (атташе) для сбора секретных сведений за рубежом.

«Разведка в общем смысле – сбор сведений о положении, средствах, силах и намерениях неприятеля и о местности. Сведения эти собираются не только в военное, но и в мирное время. Это достигается посредством:

а) заблаговременное знакомство с неприятельскими странами через военных агентов;

б) содержание в готовности карт и планов, составляющих в деле изучения местности весьма важный военный материал;

в) шпионаж, который нередко представляет превосходное средство узнавать не только о движении и силах неприятеля, но и о самых сокровенных намерениях его и планах;

г) расспроса местных жителей, этим, однако, следует пользоваться осторожно и умело, т.к. показания их часто умышленно искажаются, а иногда неверны по недостаточности шпионажа;

д) дезертиров (перебежчиков) – им сложно верить, но от них можно получить, при умелом расспрашивании, весьма ценные сведения о составе и расположении неприятельских войск;

е) пленных, на показания которых можно полагаться еще менее, чем на рассказы дезертиров, но по этим показаниям, данными пленными, и сравнивая с другими добытыми сведениями, а также по форме одежды пленных получить понятие о составе неприятельских отрядов;

ж) собственно войсковая рекогносцировка или обозрение – как живых сил неприятеля, так и местности производимая с открытием военных действий особо назначаемыми от войск

лицами, командами и отрядами. Войсковая Р. бывает обыкновенная и усиленная (форсированная). 1-я производится постоянно или отдельными лицами, или небольшими командами, но всегда с определенной целью, рассчитывая при исполнение их более на хитрость, ловкость и изворотливость, чем на силу. Сведениями от этих Р. не всегда удается воспользоваться, т. к. обстановка может измениться, да и неприятелю нетрудно силою воспрепятствовать сбору таких сведений. Усиленная рекогносцировка производится отрядами из 2 или 3 родов оружия, почти всегда непосредственно перед боем, чтобы добытыми сведениями можно было немедленно воспользоваться. Без этого же усиленные рекогн-ки не только неуместны, но даже вредны: они ведут к напрасным потерям и указывают противнику слабые стороны его расположения. Сила отряда для Р. определяется ее целью, величиною препятствий, которых можно ожидать со стороны неприятеля, местностью, удалением отряда от главных сил и т. п. Успех всякой Р. зависит от:

1) хорошего выбора лиц и командиров;
2) искусного направления выбранных средств;
3) искусного производства наблюдения;
4) обстоятельного и толкового донесения.

Начальник должен быть неутомимым, смелым, решительным, но в то же время обладать большой осмотрительностью и осторожностью. В важных случаях разведка поручается офицерам, получившим высшее военное образование. Иногда разведку производит сам начальник отряда, не исключается и такое.

Независимо от назначения особых лиц для Р., наблюдение за противником должно идти непрерывно, что и исполняется передовыми войсками, высылающими постоянно разведчиков. Эти Р. производятся преимущественно кавалерией, посредством сторожевых и летучих разъездов, для чего в кавалерийских полках имеется до 96 разведчиков, выбранных из людей наиболее сметливых, лихих, расторопных, решительных и неутомимых, подготовленных к этому делу еще в мирное время в особых командах.

Вся обыкновенная Р. производится быстро и скрытно, почему, прежде всего, избирается выгодное направление для следования, принимаются все меры предосторожности при движении, стараются подойти незаметно возможно ближе к противнику и, избрав удобное место для наблюдения, помогают себе тревогою и на других пунктах, чтобы обмануть противника. Противник самым тщательным образом скрывает от нас свои силы и намерения, поэтому редко удается обозреть все, о чем необходимо доставить сведения. Большею частью приходится видеть только передовые войска и по силе и расположению их догадываться об остальном.

Для этих догадок могут служить различные признаки, которыми сопровождается всякое военное предприятие. Признаки эти называются военными приготовлениями. Польуясь ими, опытный и проницательный человек, знающий нрав и обычаи противника, прочтет по ним все так же легко, как бы лично видел самое дело. Цвет мундиров, брюк, головных уборов, номера на пуговицах, погонах и г. н. могут служить для определения количества и состава неприятельских войск. Появление новой формы или исчезновение пехоты показывает прибывшее подкрепление или ослабление противника. Число орудий и батарей, а также знамен и значков в отряде довольно верно определяет количество войск. О силе противника можно судить еще по числу отдельных групп и промежутков между ними во время движения, вернее же – по времени, которое количество употребила на прохождение известного пространства. По направлению, скорости и густоте пыли можно иногда довольно точно судить о количестве и роде войск, идущих в колонне. По оставленному биваку легко определить число бивакировавшихся войск и время их ухода. По сломанным брошенным повозкам, числу и состоянию трупов лошадей, количеству и изнуренности отсталых можно судить о силе и составе противника и о состоянии его войск. Протяжение позиции, занятой неприятелем, и присутствие того или другого начальника дают некоторые указания о силе и составе отряда, готовящегося к бою.

Остановка передовых войск и расстановка передовых постов показывают, что противник остановился на отдых. Движение разъездов, перемещение темных масс между местными предметами, блеск оружия, пыль могут означать, что неприятель в движении. Занятие пехотою местных предместий, постановка артиллерии показывают расположение противника на позициях. Места устройства магазинов, арсеналов, депо, переговоры с владельцами соседних государств до некоторой степени намечают вероятный театр военных действий и направление движения противника. Иногда состав отряда может служить указанием об его назначении. Например, разведка направления дорог служит признаком наступления в этом направлении. Отправка же обозов и порча дорог, ведущих к нам, – признаки готовящегося отстоя. Ослабление или совершенное исчезновение бивачных огней показывают иногда отступление войск. Раздача патронов, зарядов, осмотр оружия, отправка обозов могут быть приметами приготовления к бою. Заготовка материалов, сбор лодок, рубка леса, приготовление плотов, фашин, туров служат признаками предстоящей переправы. Разрушение мостов, гатей, порча дорог, в особенности важных ж.-д. сооружений, означают, что неприятель принимает оборонительное положение. Перечислить все приметы невозможно, поэтому каждый часовой, разведчик и начальник разъезда должны с величайшим вниманием относиться ко всему виденному и затем обстоятельно и подробно докладывать своему начальнику, которому придется сгруппировать полученные сведения и вывести заключение. Однако к приметам следует относиться очень осторожно, ибо неприятель очень часто нарочно дает ложные приметы. Поэтому одни приметы следует проверять другими и по совокупности всех сведений приходить к тому или иному заключению»[680].

Новая реформа

Однако война, как это обычно бывает, не только высветила сильные стороны, но и вскрыла недостатки в организации разведки. Административная мысль ответила на этот факт традиционно: реорганизацией. В декабре 1879 г. был утвержден новый штат канцелярии Военно-ученого комитета в составе управляющего делами, 5 старших и 9 младших делопроизводителей с четким определением функций каждого. Штаты азиатского делопроизводства в 1886 г. увеличили с 2 до 5 (!) человек, а к середине 1890-х гг. оно состояло из трех делопроизводств. Первые два отвечали за работу азиатских военных округов, третье занималось разведкой за рубежом. К концу XIX в. Россия имела военных агентов в 18 столицах мира и морских агентов в 10 странах.

Новая реорганизация состоялась в июле 1900 г. В составе Главного штаба была учреждена генерал-квартирмейстерская часть, в которую в числе прочих вошли оперативное и статистическое отделения. На последнее были возложены и функции Азиатского делопроизводства. В декабре 1900 г. этой части передали также канцелярию Военно-ученого комитета.

В апреле 1903 г. в структуре Главного штаба произошли новые изменения. Вместо канцелярии Военно-ученого комитета ведение разведки было поручено 7-му (военная статистика иностранных государств) отделению 1-го (Военно-статистического) отдела Управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба. 7-е отделение состояло из начальника, 8 столоначальников и такого же числа их помощников. Практически сразу внутри 7-го отделения выделилась добывающая часть, получившая название Особого делопроизводства, в котором числилось два офицера[681]. (Однако в 7-м отделении по-прежнему не были разделены добывающие и обрабатывающие функции разведки и не велась работа по руководству разведкой военных округов.) Начальником 7-го отделения в 1903 г. был назначен генерал-майор В.П.Целебровский, ранее руководивший Военно-ученым комитетом Главного штаба. Целебровский возглавлял военную разведку до 1905 г., когда его сменил генерал Н.С. Ермолов, занимавший этот пост до 1906 г.

На сопках Маньчжурии

Еще задолго до Русско-японской войны 1904–1905 гг. русская военная разведка уделяла внимание Японии, проводившей агрессивную политику на Дальнем Востоке. В 1898 г. военным агентом в эту страну был назначен полковник Ванновский. Это было не слишком удачное назначение: он не смог завербовать хороших агентов, не знал языка, поэтому японцы (а на Востоке искусство дезинформации традиционно высоко развито) поставляли ему такие сведения, какие сами считали нужным. В середине 1903 г. он был заменен полковником Самойловым, который всего за полгода, остававшиеся до начала войны, сумел снабдить Главный штаб достаточно точными сведениями. Успешно работали и военно-морские агенты. Направленный в Японию еще в 1895 г. лейтенант Будиловский завербовал ценного информатора – переводчика Такахаси. Его преемник, лейтенант Цагин, имел трех информаторов в портах Йокосука, Куре и Сасебо. Последний агент – Русин – информировал Главный штаб не только о положении на флоте и о военно-морских береговых укреплениях, но и о возросшей активности ВМС, прямо предупреждал о близкой войне. Эти данные во многом послужили основой для предложений наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева о мерах по отражению возможного удара или даже нанесении упреждающего удара. Однако из Санкт-Петербурга последовал приказ «не провоцировать японцев». Как известно, провоцировать их не понадобилось – Япония напала внезапно и без объявления войны.

Во время Русско-японской войны ведение разведки осуществляло разведывательное отделение генерал-квартирмейстера штаба Маньчжурской армии. Собственно организацией разведки руководил полковник Нечволодов, назначенный перед самой войной военным агентом в Корее. Он завербовал и в апреле 1904 г. направил на японскую территорию трех агентов-французов – Шаффанжона, Барбье и Превиньо. Барбье под видом коммерсанта добрался до Макао, Шаффанжон действовал на Зондских островах. В июне 1905 г. оба агента вернулись и представили отчеты. Превинью работал в тылу японских армий в Китае и Корее.

Нечволодова в качестве организатора разведки против Японии сменил генерал-майор Косаговский. Известны имена его информаторов: Коллинз, Балэ, Эшар, Дори, действовашие на Дальнем Востоке и в самой Японии – в Йокогаме, поддерживавшие связь с резидентом через военных агентов. Англичанин Коллинз, сотрудник пароходного «Восточно-азиатского общества», добровольно изъявил желание сотрудничать с русской разведкой, так как с началом войны оказался в трудном материальном положении. Он раньше бывал в Японии и одно время даже являлся придворным жокеем микадо, а теперь снова вернулся в эту страну, выговорив себе, кроме оплаты расходов, жалованье в размере 300 долл. в месяц. Связь с ним должна была осуществляться по телеграфу особым шифром. Однако Коллинз проработал всего три месяца, после чего был арестован и приговорен судом к 11 годам каторги (после окончания Русско-японской войны был освобожден). Военный агент в Китае генерал Дессино направил через линию фронта троих своих осведомителей: Макса Липпенова, Леона Кроуэля и Гомера Кай-Глера, которые выдавали себя то за коммерсантов, то за журналистов. То есть агентурная разведка работала. Однако информация штаба Маньчжурской армии поставлялась только в Петербург, штабы нижестоящих подразделений с ней не знакомили, и они имели лишь те разведданные, которые добывали собственными силами. Русская разведка действовала и в Европе. Здесь ее главным направлением было выявление японских военных заказов. Ценная информация поступала от военного агента в Германии полковника Шебеко, от агента в Швеции полковника Алексеева.

В октябре 1904 г. после разделения русской Маньчжурской армии на три части, разведкой стали заниматься соответственно разведотделения трех штабов. Формально координацию их деятельности осуществлял штаб главнокомандующего, но на деле они работали самостоятельно, стремясь опередить друг друга. В июне 1905 г., спустя полтора года после начала войны, штаб главнокомандующего наконец-то выделил основные направления работы. Зона ответственности была разделена на три района: Япония и Корея

(ответственный – полковник Огородников), Маньчжурия (капитан Афанасьев) и порты Маньчжурии (штабс-капитан Россов). Первый имел в своем распоряжении 10–15 агентов, в основном европейцев. Капитан Афанасьев сосредоточился на вербовке китайцев, что являлось новым шагом в разведке на Дальнем Востоке. На него работало около 20 агентов разной ценности, получавших соответственно и разное жалованье – от 30 до 300 руб.; всего на оплату агентуры Афанасьев тратил от 7200 до 9200 руб. в месяц. Его агенты-китайцы должны были перемещаться в тылу японских войск и подробно доносить обо всем, где они были: что видели, что слышали… Выводы же делал начальник. Однако, пока все это было организовано, война подошла к концу и была почти проиграна[682].

От Русско-японской до Первой мировой войны

Позорное поражение в войне с Японией, помимо прочих причин, показало, что в Российской империи по-прежнему слишком мало внимания уделялось агентурной разведке. Военные реформы, начавшиеся в 1906 г., дали повод офицерам-разведчикам, не дожидаясь очередной смены табличек на кабинетах, чем бы, вполне возможно, все для них и закончилось, внести свои предложения по коренной реорганизации разведработы. По их мнению, разведкой следовало заниматься штабам приграничных округов под руководством ГУГШ. Главное управление должно было создавать агентурную сеть в важнейших центрах стран – предполагаемых противников, а штабы округов – в приграничных районах сопредельных государств. Еще одним важным звеном в выявлении сил вероятных противников России они считали секретные командировки офицеров Генерального штаба для рекогносцировки путей сообщения и укрепленных районов в приграничной полосе.

В апреле 1906 г. была утверждена новая структура ГУГШ, которая впервые официально закрепила разделение добывающей и обрабатывающей функций военной разведки.

В структуру ГУГШ входил Отдел генерал-квартирмейстера, который состоял из:

Части 1-го обер-квартирмейстера;

Части 2-го обер-квартирмейстера;

Крепостной части;

Особого делопроизводства;

Делопроизводства по службе Генерального штаба;

Военно-ученого архива;

Библиотеки.

Часть 1-го обер-квартирмейстера состояла из делопроизводств:

1-е – по оперативным вопросам Европейских театров военных действий;

2-е – по общим вопросам обороны государства;

3-е – по вопросам военной статистики России и по специальным занятиям офицеров Генерального штаба;

5-е – добывающее (разведывательное);

6-е – по военной статистике (1903–1905 гг.);

7-е – по военной статистике иностранных государств (1903–1905 гг.).

Часть 2-го обер-квартирмейстера состояла из четырех делопроизводств по оперативным вопросам Азиатских театров военных действий и делопроизводства, по изучению сил и средств иностранных государств Азии.

Особое делопроизводство ведало служебной перепиской с военными агентами, сбором сведений об иностранных армиях[683].

Добывающая функция была сосредоточена в 5-м (разведывательном) делопроизводстве части 1-го обер-квартирмейстера Отдела генерал-квартирмейстера ГУГШ, состоявшем из одного делопроизводителя и двух его помощников, один из которых отвечал за восточное, а другой – за западное направление разведки. Первым делопроизводителем был назначен полковник М.А. Адабаш, его помощниками – молодые офицеры О.К. Энкель и

П.Ф. Рябиков. В марте 1908 г. М.А. Адабаша сменил полковник Н.А. Монкевиц, руководивший военной разведкой до начала Первой мировой войны.
Но на этом реорганизации не прекратились. 11 сентября 1910 г. уже в который раз утверждаются новые штаты Главного управления Генерального штаба. 5-е делопроизводство преобразуется в Особое делопроизводство (разведки и контрразведки) в составе Отдела генерал-квартирмейстера. Подчинялось непосредственно генерал-квартирмейстеру, что свидетельствовало о повышении статуса разведслужбы и роли разведки. В его составе была образована журнальная часть для ведения секретной переписки. Всего штат Особого делопроизводства включал в себя делопроизводителя, трех его помощников и журналиста. Обрабатывающие делопроизводства вошли в состав частей 1-го и 2-го обер-квартирмейстеров. Части 1-го обер-квартирмейстера занимались западным направлением, 2-го – восточным.
В личном составе в результате преобразований 1909–1910 гг. существенных изменений не произошло. Хотя начальники ГУГШ менялись, как в калейдоскопе, – 5 человек за 6 лет: Ф.Ф. Палицын (1906–1908), В.А. Сухомлинов (1908–1909), Е.А. Гернгрос (1910), Я.Г. Жилинский (1911–1914), Н.Н. Якушкевич (с 1914), но кадровый состав отделов и делопроизводств практически оставался прежним вплоть до начала Первой мировой войны. В октябре 1910 г. полковник Н.А. Монкевиц был назначен помощником 1-го обер-квартирмейстера ГУГШ, руководителем Особого делопроизводства и военно-статистического производства части 1-го обер-квартирмейстера, т. е. добывающими и обрабатывающими органами разведки на западные страны. Должности руководителей Особого делопроизводства занимали полковник О.К. Энкель (1913–1914) и полковник Н.К. Раша (1914–1916).
В апреле 1906 г. был создан Морской генеральный штаб. В его структуре было учреждено иностранное отделение, которое среди решения прочих задач, связанных со сбором и обработкой информации о зарубежных ВМС, должно было руководить «деятельностью военно-морских агентов (атташе) в Швеции, Германии, Турции, Италии и в некоторых других странах»[684].

Военно-морская разведка

При Александре I военно-морской разведке уделялось слишком мало внимания. Более того, флот крайне редко выходил в море. Сбором информации из «открытых» источников занимался МУК (Морской ученный комитет) ГМШ (Главный морской штаб). Поэтому ничего удивительного в том, что в середине XIX в. «интересующая командование флота информация разведывательного характера поступала в Морское министерство непосредственно от МИДа, от частных лиц и экипажей судов, разведочной и дозорной службы из состава российских эскадр развернутых на морских театрах»[685].
В 1867 г. был создан МТК – Морской технический комитет. Одно из его подразделений – ученое отделение – занималось «вопросами изучения иностранного опыта и перспектив технического развития зарубежных флотов»[686].
Во второй половине XIX в. основными источниками поступления разведывательной информации были:
Военно-морские агенты (с 1856 г.) и командированные за границу офицеры (приписанные к консульствам, следящие за строительством заказанных Россией за рубежом кораблей и т. п.);
Береговые стационарные посты наблюдения (при крепостях, фортах и маяках);
Специально выделенные суда для разведки;
Корабли и суда, назначенные для ведения дозорной и охранной службы;
Офицеры ГМШ (в основном МУК (Морской ученый комитет) и МТК (Морской технический комитет) анализирующие зарубежные СМИ и рукописные источники;
Тайные агенты (разовые услуги);
Члены экипажей кораблей и судов;

Военное ведомство, МИД, МВД и т.п.

Обработкой, полученной от всех трех источников, занималось четыре подразделения: МУК, МТК, гидрографический архив и 2-е отделение Канцелярии управления генерал-квартирмейстера[687].

Военно-морскими агентами ведало 1-е отделение Канцелярии Морского министерства. В 1868 г. в особой инструкции говорилось: «одной из самых главных задач военно-морского отделения Канцелярии является сбор сведений от морских агентов за границей и из иностранных журналов и газет относительно состояния и развития военно-морских сил иностранных государств по всем отраслям военно-морского искусства».

С 1860 г. МУК после упразднения ГМШ был подчинен Морскому министерству. Теперь он не только «собирает…, рассматривает …, изучает…», а также следит за развитием «морских и вспомогательных наук необходимых для развития морских сил», а также делит часть своих обязанностей с Корабельным техническим комитетом (о нем мы уже писали в главе, посвященной научно-технической разведке), которой отныне занимался:

«…следит в России и за границей за всеми усовершенствованиями по технической части кораблестроения и механики»[688].

С 1884 г. деятельность военно-морских агентов координировал Военно-морской отдел (с 1891 г. – Военно-морской ученый отдел ГМШ). Среди функций данного подразделения значились: «собирание и обработка сведений и материалов о боевых силах и средствах иностранных военных флотов; о развитии и степени готовности военно-морских сил и учреждений иностранных государств; о морских укрепленных пунктах, составление и описание планов и по возможности фотографических снимков; собирание сведений о местах прокладки телеграфных подводных линий; об укреплениях и способах защиты берегов и портов иностранных государств; переписка с русскими военно-морскими агентами в иностранных государствах, сообщение полученных от них сведений, материалов, документов в надлежащие учреждения морского и других министерств»[689].

В 1885 г. был воссоздан ГМШ. В его структуре был Военно-морской отдел, среди задач которого было «собирание сведений о состоянии иностранных военных флотов и команд».

В 1887 г. МУК был сначала переименован в Военно-морской ученый комитет (ВМУК), а в 1891 г. был вовсе упразднен. Поэтому в том же году Военно-морской отдел ГМШ был преобразован в Военно-морской ученый комитет с расширением его функций. Перечислим некоторые из них:

«изучение способов и средств для крейсерской войны в океанах;

составление статистических сведений о торговых флотах иностранных держав, о коммерческих и иных портах и угольных станций во всех частях света, о направлении главных торговых путей и пунктах пересечения их;

собирание сведений о приготовлениях и действиях иностранных флотов в случае войны между иностранными державами;

собирание и разработка сведений и материалов о боевых силах и средствах иностранных флотов, о развитии и степени готовности военно-морских сил и учреждений иностранных государств;

о морских укрепленных пунктах; составление их описаний, планов и по возможности фотографических снимков;

собирание сведений о местах положения телеграфных подводных линий;

об укреплениях и способах защиты берегов и портов иностранных государств;

переписка с русскими военно-морскими агентами в иностранных государствах, собирание полученных от них сведений, материалов и документов в надлежащие учреждения для морского и других министерств, переписка с русскими консулами»[690].

Вопросами военно-морской разведки с 1891 г. по 1903 г. занимался Военно-морской ученый комитет ГМШ[691].

С 1903 г. по апрель 1906 г. организацией разведки занималась Стратегическая часть Военно-морского ученого отдела ГМШ[692].
В апреле—июне 1906 г. вопросами, связанными с организацией военно-морской разведки, занималось информационное отделение Военно-статистического отдела МГШ. Последнему также подчинялись военно-морские агенты[693].
В июне 1906 г. из ГШМ была «выделена стратегическая часть в отдельное, в составе морского Министерства учреждение» – Морской генеральный штаб (МГШ). По штатной организации данная структура состояла из оперативной части и трех отделений (военно-исторического, русской и иностранной статистики) и делопроизводства. Численность аппарата – 15 человек. В ведение МГШ, среди прочего, было отнесено «сношения с Министерством иностранных дел, с Советом Государственной обороны (СГО) и Главным Управлением Генерального штаба (ГУГШ) по политическим и военным вопросам; изучение морских сил иностранных государств; обобщения опыта войны на море». Разведывательно-информационные функции выполняло Отделение иностранной статистики (ОИС)[694].
В ноябре 1906 года было создано объединенное «Секретнее бюро» двух Генштабов (военного и морского). Его основная задача оценка и обмен добытой военной и военно-морской разведки информации. В 1912 году «Секретное бюро» вошло в состав Иностранной (Статистической) части МГШ и стало называться Центральным бюро[695].
В июле 1908 г. были образованы оперативные отделения штабов командующих морскими силами (флотов), которые пришли на смену оперативным отделениям в портах. В образованных отделениях сосредоточилось все делопроизводство штабов по оперативным, организационным, мобилизационным, учебным, статистическим и разведывательным вопросам[696].
В 1907 г. на МГШ была возложена задача организации тайной (агентурной) разведки в государствах – вероятных противниках Российской империи: Германия, Австро-Венгрия, Турция, Италия и Япония, возможно, Англия и Франция).
Начальнику МГШ были подчинены военно-морские агенты за границей «для поставления Морскому генеральному штабу возможно полных и точных сведений о вооруженных морских силах и средствах иностранных государств» и оперативные отделения в портах. Последние предназначались для сбора и обработки разведывательной информации. Этим же занималось отделение иностранной статистики МГШ[697].
В июне 1908 г. Отделение иностранной статистики было преобразовано в Иностранную часть МГШ. Другое ее название: «Секретная служба Генмора»[698].
В сентябре 1908 г. была утверждена «Инструкция военно-морским агентам». Поясним, что до этого времени их деятельность регламентировалась «Инструкцией для военных агентов». Согласно этому документу военно-морские агенты обязаны:
сообщать русским дипломатическим представителям сведения о состоянии морских сил иностранных государств, немедленно предупреждать их обо всех важных переменах и военных приготовлениях данной стороны;
исполнять все поручения послов и начальников миссий, непосредственно касающихся морского дела;
официально присутствовать на церемониях и торжествах, согласно требованиям этикета и обычаям страны или когда необходимо представительство со стороны русского Морского министерства;
исполнять, по возможности, поручения центрального морского ведомства.
Впервые военно-морским агентам было законодательно разрешено вербовать агентуру[699].
В 1910 г. последнее было переименовано в Иностранную часть МГШ и стало отвечать за организацию и ведение агентурной разведки. Позже были образованы оперативные отделения штабов флотов, которые заменили оперативные отделения в портах.

В октябре 1911 г. в МГШ произошла очередная реорганизация. Теперь в его состав входило семь частей. Одна из них была статистическая и объединяла два отдела: статистический и иностранный.
На Иностранный отдел Статистической части МГШ возлагалось: «собирание и обработка сведений об общем политическом положении и о силах и средствах иностранных государств к войне». Внутри отдела работа велась по т. н. «номерным столам». К ведению каждого «стола» относилась переписка с военно-морским агентом, анализ отчетов и донесений секретной агентуры, чтение соответствующих книг, газет, журналов, содержание «ящика – регистра» по своим государствам и взаимодействие с офицерами и чиновниками ГМШ, ГУГШ, МИД и т. п. В состав Иностранного отдела входило Центральное бюро[700].
Военно-морские агенты продолжали находиться в подчинении у МГШ[701].
В мае 1914 г. Статистическая часть была расформирована. Из нее был выделен специальный отдел – Особое делопроизводство Морского генерального штаба (ОД МГШ), на который было возложено «ведение тайной разведки о морских вооруженных силах вероятных противников на всех театрах военных действий, подготовка и организация наблюдения на море за противником во время войны и направление деятельности контрразведки во флоте и Морском министерстве». Функционально ОД МГШ делился на разведку мирного времени, разведку военного времени, контрразведку и цензуру[702].
Структура Особого делопроизводства МГШ в мае—октябре 1914 г.:
Балтийский «стол»;
Черноморский «стол»;
Дальневосточный «стол»;
Центральное бюро;
Военно-морская цензура;
Военно-морские агенты[703].
В августе 1914 г. был создан оперативно-распорядительный орган воюющих флотов – Военно-морское управление (ВМУ), которое входило в структуру штаба Верховного главнокомандующего. Среди прочего в функции ВМУ входило «обобщение данных о боевых действиях на русских морских театрах, составе и базировании неприятельских и своих флотов, их состоянии и потребностях». Для решения этой задачи в ВМУ существовало статистическое делопроизводство[704].
В МГШ с октября 1914 г. по февраль 1917 г. организацией военно-морской разведки занимался информационный отдел Статистического отделения и Особое делопроизводство. Структура последнего в указанный период имела следующий вид:
Балтийский «стол»;
Черноморский «стол»;
Дальневосточный «стол»;
Военно-морские агенты;
Центральное бюро;
Морская регистрационная служба.
Трем «столам» подчинялись военно-морские агенты, находившиеся в расположенных в соответствующих регионах странах. Остальные военные дипломаты подчинялись непосредственно руководству Особого делопроизводства[705].

Зарождение радиоразведки в ВМФ Российской империи

Во время Русско-японской войны российская армия впервые использовала средства радиоразведки. 20 марта 1904 г. адмирал С.О. Макаров подписал Приказ об организации перехвата кораблями флота радиопередач японских судов. В этом документе флотоводец, в частности, указал, что «неприятельские телеграммы следует записывать, если можно, то выявлять смысл депеш»[706].

Правда, активно этот способ сбора информации о противнике в сухопутных силах начали использовать только при советской власти. Зато в ВМФ Российской империи к началу Первой мировой войны он получил достаточно широкое распространение.
В 1907 г. была сформирована Служба берегового сообщения (с 1909 г. – Служба связи). С 1910 г. начали создаваться подразделения радиоразведки в составе данной службы. Эти подразделения вели радиоперехват и пеленгацию радиотехнических средств фронтов скандинавских стран, Германии, Британии, Италии и Турции[707].
В июле 1914 г. были утверждены императором Николаем II «Положение о Службе связи» и «Положение о Службе связи в службе авиации». В первом документе, в частности, указывалось:
«Служба связи имеет целью доставлять флоту необходимые сведения о происходящем на море и побережье, а равно обеспечение сношений между судами. Для наблюдения за происходящим на море и для сношений судов с берегом, а так же для обеспечения сношений между судами на побережье морей устанавливаются наблюдательные и передаточные посты».
Свою эффективность радиоразведка доказала во время Первой мировой войны. «Деятельность дешифровальных отделений и станций Балтийского и Черноморского морей при поддержке радиоразведки в составе Службы связи флотов стали основным источником в системе военно-морской разведки для ежедневного оперативного обеспечения командования флотов разведывательной информацией, помогавшей при организации и планировании операций и боевой деятельности воюющих флотов»[708].

История полковника Редля

Одной из самых крупных «шпионских историй» предвоенного времени явилось дело полковника Редля. 26 мая 1913 г. все газеты Австро-Венгерской империи напечатали сообщение Венского телеграфного агентства, извещавшее о самоубийстве полковника Альфреда Редля, начальника штаба 8-го корпуса австро-венгерской армии. По официальной версии, он покончил с собой в припадке безумия, вызванного нервным истощением из-за продолжительной бессонницы. Однако на следующий день в пражской газете «Прага тагеблатт» появилась странная заметка, в которой говорилось: «Одно высокопоставленное лицо просит нас опровергнуть слухи, распространяемые преимущественно в военных кругах, относительно начальника штаба пражского корпуса полковника Редля, который, как уже сообщалось, покончил жизнь самоубийством в Вене в воскресенье утром. Согласно этим слухам, полковник будто бы обвиняется в том, что передавал одному государству, а именно России, военные секреты. На самом же деле комиссия высших офицеров, приехавшая в Прагу для того, чтобы произвести обыск в доме покойного полковника, преследовала совсем другую цель»[709]. Австрийцы, приученные строжайшей цензурой читать между строк, все поняли правильно: в высших военных кругах был такой полковник Редль, который застрелился после его разоблачения как русского агента.
Альфред Редль родился в Лемберге (г. Львов) в семье аудитора гарнизонного суда. В 15 лет поступил в кадетский корпус, потом в офицерское училище. Блестящая аттестация и превосходное знание иностранных языков привлекли к молодому лейтенанту внимание кадровиков Генерального штаба, и он был зачислен в штаты высшего военного органа империи. В 1900 г., в чине капитана, был командирован в Россию, тогда уже считавшуюся вероятным противником Австро-Венгрии, где несколько месяцев проходил стажировку в военном училище в Казани.
Вернувшись в Вену, капитан был назначен помощником начальника разведывательного бюро Генерального штаба генерала барона Гизля фон Гизлингена. Тот поручил ему руководство агентурным отделом бюро («Kundschaftsstelle», сокращенно «KS»), отвечавшего за контрразведывательные операции. В этой должности Редль проявил себя отличным организатором. Он полностью реорганизовал отдел контрразведки и превратил

его в одну из сильнейших спецслужб австро-венгерской армии. По его инициативе были введены новые приемы работы и использована новейшая для того времени техника. Но главная заслуга Редля состояла в том, что он добывал уникальные секретные документы русской армии. Его успехи были настолько впечатляющи, что генерал Гизлинген, назначенный командиром 8-го пражского корпуса, забрал Редля, к тому времени уже полковника, к себе в качестве начальника штаба.

Первым, кто более или менее подробно рассказал о «деле Редля», был полковник Вальтер Николаи, накануне Первой мировой войны занимавший пост начальника разведывательного отдела германского Генерального штаба. Он описал эти события в своей книге «Тайные силы», вышедшей в Лейпциге в 1923 г. Его версию уточнил другой разведчик, Ронге, в книге «Война и индустрия шпионажа» (в русском переводе – «Разведка и контрразведка». М., 1937), а также Урбанский в статье «Провал Редля».

События развивались следующим образом. В начале марта 1913 г. в Берлин было возвращено письмо, адресованное до востребования в Вену господину Никону Ницетасу. В Берлине его вскрыла немецкая служба перлюстрации. В конверте находились 6000 крон и записка, в которой сообщалось о высылке денег и давался адрес некого господина Ларгье в Женеве, которому следовало писать впредь, и еще один адрес в Париже. То, что письмо со столь крупной суммой не было объявлено ценным, вызвало определенные подозрения; их усиливало то обстоятельство, что оно было отправлено из пограничного с Россией немецкого городка Эйдкунен, а почтовая марка на нем была наклеена необычным образом. Ознакомившись с содержанием письма, полковник Николаи принял решение переслать его своему австрийскому коллеге Урбанскому, полагая, что оно связано со шпионской деятельностью на территории Австро-Венгрии. За венским почтамтом было установлено наблюдение. В скором времени на имя того же Ницетаса пришло два письма, и 24 мая 1913 г. таинственный г-н Ницетас был идентифицирован как полковник Редль.

Об этом открытии Ронге немедленно сообщил своему начальнику Урбанскому, который, в свою очередь, поставил в известность начальника Генерального штаба генерала Конрада фон Гетцендорфа. По его указанию в отель «Кломзер» направилась группа из четырех офицеров во главе с Ронге, которые должны были предложить Редлю застрелиться, чтобы смыть позорное пятно на мундире, что и было исполнено. При обыске на квартире полковника в Праге было обнаружено большое количество документов, подтверждающих, что Редль в течение многих лет работал на русскую разведку (как впоследствии утверждалось – с 1902 г.) и что его услуги очень хорошо оплачивались. Истинные причины самоубийства полковника Редля было решено сохранить в тайне. Но, как утверждает Ронге, случилась непредвиденная утечка информации, которая попала в газеты.

Такова общепринятая версия «дела Редля», изложенная основными участниками событий. Но при внимательном рассмотрении эта в высшей степени детективная история выглядит вовсе не такой уж убедительной. Прежде всего это касается доказательств шпионской деятельности Редля. Ни Урбанский, ни Ронге не приводят фотокопии письма, пришедшего на венский почтамт на имя Ницетаса, со швейцарским адресом французского капитана Ларгье, который действительно был арестован в Женеве по подозрению в шпионаже. Поэтому закрадывается законное подозрение – существовало ли вообще письмо? Описывая результаты обыска в пражской квартире Редля, Ронге сообщает, что Урбанский обнаружил «обширный материал», занимавший целую комнату. Сам Урбанский пишет, что у Редля сохранились многочисленные неудачные снимки с секретных документов, свидетельствующие о его неопытности в фотографии. Но никто никогда не называл ни одного конкретного документа, обнаруженного в квартире Редля, что тоже довольно странно.

Но что поражает больше всего, так это описание допроса Редля в отеле «Кломзер». Быстрота и поверхностность допроса просто поразительны! Совершенно непонятно, почему такой профессионал, как Ронге, удовлетворился ничего не значащими словами

Редля о том, что он работал в одиночку, и не попытался установить важные детали: кто его завербовал, когда, как передавались донесения и т.д. Также непонятны причины, по которым ему не то что позволили, но предложили немедленно покончить с собой. И т.д. и т.п. Странностей и неувязок в этом деле так много, что возникает закономерный вопрос: а был ли вообще полковник агентом русской разведки? Чтобы попытаться ответить на него, следует ознакомиться с организацией русской военной разведки и ее сотрудниками, работавшими против Австро-Венгрии перед Первой мировой войной.

Разведка против Австро-Венгрии велась как ГУГШ, так и разведотделениями штабов Варшавского и Киевского военных округов. Военным агентом в Вене до 1903 г. был полковник Владимир Христофорович Рооп. Именно он завербовал некого офицера, занимавшего ответственную должность в австрийском Генштабе и в дальнейшем поставлявшего ценную информацию русской разведке. В 1903 г., будучи отозванным из Вены и назначенным командиром полка в Киевском военном округе, Рооп передал свои венские связи капитану Александру Алексеевичу Самойло, в то время служившему старшим адъютантом штаба Киевского военного округа и отвечавшему за сбор разведывательных данных по австро-венгерской армии. Воспользовавшись сведениями Роопа, Самойло нелегально побывал в Вене и через посредника установил контакт с его источником в Генштабе. Тот согласился продолжать сотрудничество с русской разведкой за солидное вознаграждение, и в течение нескольких лет штаб Киевского округа получал от своего неизвестного агента важные сведения. Вот выдержка из рапорта генерал-квартирмейстера округа в ГУГШ, датированного ноябрем 1908 г.:

«За последний год от упоминаемого выше венского агента были приобретены следующие документы и сведения: новые данные о мобилизации австрийских укрепленных пунктов, некоторые подробные сведения об устройстве вооруженных сил Австро-Венгрии, сведения о прикомандированном к штабу Варшавского военного округа П. Григорьеве, предложившем в Вену и Берлин свои услуги в качестве шпиона, полное расписание австрийской армии на случай войны с Россией...»[710].

В 1911 г. Самойло переводится в Особое делопроизводство ГУГШ, и туда же передается ценный австрийский агент. В «Записке о деятельности штабов Варшавского и Киевского военных округов и негласных агентов в Австро-Венгрии по сбору разведывательных сведений в 1913 г.», составленной Самойло, этот агент числится в рубрике «Негласные агенты» под № 25. Там же перечислены секретные документы, полученные от него в 1913 г.:

««Krieg ordre Bataille» (план боевого развертывания на случай войны) к 1 марта 1913 г. с особым «Ordre de Bataille» (план боевого развертывания) для войны с Балканами, мобилизация укрепленных пунктов, инструкция об этапной службе, положение об охране железных дорог при мобилизации, новые штаты военного времени...».

В этой же «Записке» Самойло, подводя итоги деятельности агента № 25, пишет: «Дело Редля указывает, что этим агентом и был Редль, однако это отрицает генерал Рооп, которым агент первоначально и был завербован»[711].

Из сказанного следует, что в Вене был обвинен в шпионаже и покончил с собой посторонний для русской разведки человек. Это подтверждает и тот факт, что перед самой войной, в 1914 г., Самойло вновь выезжал на свидание с агентом № 25 в Берн и получил от него интересующие русскую разведку сведения, хотя так и не узнал имени своего информатора. Следовательно, можно утверждать, что Редль не был русским агентом, так как информация от источника в Вене продолжала поступать и после самоубийства полковника.

Возникает вопрос: почему же в таком случае в предательстве был обвинен полковник Редль? Этому можно предложить следующее объяснение. В начале 1913 г. в австрийскую контрразведку поступили сведения о существовании в Генштабе тайного агента, передающего русским секретные материалы. Однако поиски шпиона не дали результатов, что грозило крупными неприятностями руководству спецслужб австрийской армии.

В конце концов, Урбанский и Ронге решили сделать «козлом отпущения» Редля, тем более что руководству контрразведки было известно о его гомосексуальных наклонностях. Это обстоятельство делало его уязвимым для шантажа и могло послужить объяснением причин «предательства». Контрразведка быстро организовала «улики» и таким образом вынудила Редля пойти на самоубийство (а возможно, его просто убили). Это являлось необходимым условием «разоблачения» шпиона, поскольку ни о каком суде или следствии не могло быть и речи. После смерти Редля информация о его «шпионской деятельности» была быстро и аккуратно подсунута журналистам. (Впрочем, все могло быть и еще проще: полковник Редль застрелился по каким-то своим причинам, и его самоубийство было оперативно использовано контрразведчиками.)
В дальнейшем миф о предательстве Редля старательно поддерживался на плаву усилиями Урбанского и Ронге, вовсе не заинтересованных в том, чтобы правда об этом деле стала известна. А источник русской разведки продолжал работать, теперь уже под «крышей» погибшего полковника Редля.

На тайных фронтах Первой мировой войны

Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война стала серьезным испытанием для русской военной разведки. Главной ее задачей, как и обычно на войне, было вскрытие военных планов противника, выявление группировок его войск и направлений главного удара. Так, например, о действиях разведки во время наступления русских войск в Восточной Пруссии в августе 1914 г. можно судить по следующему донесению генерал-квартирмейстера 1-й армии: «К началу отчетного года район обслуживался агентурной сетью из 15 человек негласных агентов, из которых трое находились в Кенигсберге, остальные – в Тильзите, Гумбинене, Эйдкунене, Инстербурге, Данциге, Штеттине, Алленштейне, Гольдапе и Кибартах. Планировалось насадить еще трех агентов в Шнейдемюле, Дейч-Эйлау и Торне. Для содержания сети и ее усиления ГУГШ был утвержден отпуск на расходы 30 000 рублей в год.
В течение отчетного года агентурная сеть подверглась серьезным изменениям, главная причина которых – перемена дислокации. В настоящее время на службе состоят 53 агента, из них 41 – на местах, остальные высылаются с новыми задачами»[712]. А старший адъютант разведотдела штаба 2-й армии полковник Генштаба Лебедев в рапорте от 22 августа 1914 г. указывал, что с начала войны в тыл противника для выполнения различных задач было направлено 60 агентов[713].
Разведка работала достаточно умело, но все было тщетно. Во время наступления 1-й и 2-й армий ее донесения не принимались во внимание (как видим, подобная традиция довольно устойчива – она ведет отсчет еще с 1812 г.). Более того, в штабе Северо-Западного фронта разведданные о том, что можно ожидать нанесения флангового удара тремя немецкими корпусами, были сочтены плодом чрезмерного воображения разведчиков. В результате передовые части 2-й армии генерала Самсонова 28–30 августа были окружены и уничтожены.
В 1915 г., когда между русскими и немецкими войсками установилась сплошная линия фронта, возможности агентурной разведки сократились, а отсутствие централизованного управления разведывательными операциями еще больше затрудняло получение объективной и точной информации. В связи с этим в апреле 1915 г. генерал-квартирмейстер Ставки Главнокомандующего генерал-лейтенат М.С. Пустовойтенко направил генерал-квартирмейстерам фронтов и армий циркулярную телеграмму:
«С самого начала штабы армий и фронтов ведут негласную разведку за границей совершенно самостоятельно, посылая своих агентов в разные города нейтральных стран, не оповещая ни высшие штабы, ни друг друга взаимно. Вследствие этого в Бухаресте, Стокгольме и Копенгагене сосредоточилось большое количество агентов, работающих независимо и без всякой связи. Агенты эти стараются дискредитировать друг друга в глазах соответствующего начальства, иногда состоя на службе сразу в нескольких штабах,

что часто приводит к нежелательным последствиям. Ввиду изложенного обращаюсь в Вашему Превосходительству с просьбой: не признаете ли Вы возможным и полезным сообщить мне совершенно доверительно о всех негласных агентах штаба фронта (армии), находящихся за границей как с начала войны, так и вновь командируемых»[714].
Однако, как правило, генерал-квартирмейстеры фронтов и армий отказывались передавать свою агентуру ГУГШ, и до конца войны единого руководства агентурной разведкой наладить так и не удалось. Тем не менее российская военная разведка продолжала активную работу, добиваясь порой значительных успехов.
Многие военные агенты в нейтральных странах выполняли свои обязанности вплоть до весны 1918 г. – до тех пор, пока у большинства русских дипломатических миссий не были исчерпаны средства на содержание сотрудников.
Впоследствии генерал-майор П.Ф. Рябиков дал такую оценку русской военной разведке этого периода: «Надо сознаться, что постановка разведывательного дела в России не носила в достаточной степени государственного характера, не чувствовалось в этой отрасли службы достаточного определенного идейного руководства правительством, а налицо была лишь скромная ведомственная работа, сплошь и рядом преследовавшая свои узкие цели и задачи, иногда противоположные в разных ведомствах»[715]. Тем не менее разведка существовала, работала и была не так уж плоха. Что же касается привычных нам сегодня форм ее деятельности, то они вызваны к жизни совсем другим, тотально организованным временем, каким стал для человечества XX век.

Биографии руководителей военной разведки

АДАБАШ Михаил Алексеевич. Генерал-майор (1912). Военной разведкой руководил с 1906 по 1908 г.
Родился в 1864 г. Окончил Петровско-Полтавскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Старший офицер штаба 38-й пехотной дивизии, старший адъютант штаба 2-го кавалерийского корпуса.
В 1901–19003 гг. – помощник делопроизводителя, затем делопроизводитель отделения генерал-квартирмейстерской части Главного штаба. В 1903–1904 гг. – столоначальник 7-го отделения (военной статистики иностранных государств) Главного штаба, в 1904–1905 гг. – помощник начальника того же отделения. Затем находился в командировке за границей. С июня 1905 г. помощник начальника отделения Главного управления Генерального штаба.
С мая 1906 г. по октябрь 1907 г. – делопроизводитель 5-го разведывательного делопроизводства части 1-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба.
С октября 1907 г. по июль 1909 г. – военный агент в Брюсселе и Гааге. Затем – по февраль 1912 г., командир 6-го гренадерского Таврического великого князя Михаила Николаевича полка.
С февраля 1912 г. – в отставке.
После Октябрьской революции 1917 г. перешел на сторону советской власти. По состоянию на август 1920 г. числился в корпусе Генерального штаба РККА.

ВОЕЙКОВ Алексей Васильевич (1778–1825). Военной разведкой руководил с 1810 по 1811 г.
В 1796 г. окончил с отличием Московский университетский пансион.
На военной службе с 1793 г. Служил на адъютантских должностях. Участвовал в Швейцарской кампании 1799 г. в качестве ординарца А.В. Суворова, в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг., во Французской кампании 1806–1807 гг. и Шведской кампании 1808–1809 гг. В последней особо отличился в войсках М.Б. Барклая де Толли при переходе через пролив Кваркен.

В январе 1810 г. произведен в чин полковника, с сентября 1810 г. – флигель-адъютант российского императора Александра I.
В 1810–1811 гг. – директор Экспедиции секретных дел при военном министре. Одновременно с апреля 1811 г. – редактор Комиссии по составлению воинских уставов и уложений.
С марта 1812 г. – командир 3-й бригады 27-й пехотной дивизии. За Бородино получил чин генерал-майора. Участник Заграничных походов 1813–1814 гг.
С 1815 г. – в отставке.

ЕРМОЛОВ Николай Сергеевич. Генерал-лейтенант (1909). Военной разведкой руководил с 1905 по 1906 г.
Родился в 1853 г. Окончил Санкт-Петербургский университет, выдержал экзамен на офицерский чин при Михайловском артиллерийском училище, окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В 1891–1905 гг. – командир эскадрона, старший адъютант штаба гвардейского корпуса, обер-офицер при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа, начальник строевого отделения штаба Кронштадтской крепости, военный агент в Лондоне.
С марта 1905 г. по май 1906 г. – начальник военного статистического отделения Управления генерал-квартирмейстера Главного штаба.
В 1906–1907 гг. – генерал для поручений при начальнике Генерального штаба.
В 1907–1916 гг. – военный агент в Великобритании.
После Октябрьской революции формально продолжал выполнять свои обязанности, входя в кабинет бывшего министра иностранных дел России С.Д. Сазонова.

ЗАКРЕВСКИЙ Арсений Андреевич (1786–1865), граф. Военной разведкой руководил с 1812 по 1813 г.
Из мелкопоместных дворян Тверской губ. Воспитывался в Гродненском кадетском корпусе. На военной службе с 1802 г., прапорщик Архангелогородского пехотного полка. Участник Французских (1805, 1806–1807), Шведской (1808–1809), Турецкой (1806–1812) кампаний. В 1805 г. был в Аустерлицком сражении. В качестве адъютанта генерал-фельдмаршала Н.М. Каменского участвовал в походах 1807–1811 гг. В 1811 г. и в период Отечественной войны 1812 г. – адъютант командующего 1-й Западной армией М.Б. Барклая де Толли. Проявил особое мужество в Бородинском сражении.
С марта 1812 г. – директор Особенной канцелярии при военном министре. С 1813 г. – флигель-адъютант Александра I. За отличия в сражении под Кульмом произведен в чин генерал-майора, в Лейпцигской битве – генерал-адъютанта.
В 1815–1823 гг. – дежурный генерал Главного штаба, глава инспекторского и аудиторского департаментов.
В 1823–1828 гг. – командир отдельного Финляндского корпуса и генерал-губернатор Великого княжества Финляндского. С 1826 г. – сенатор; в 1828–1831 гг. – министр внутренних дел. В 1829 г. произведен в чин генерала от инфантерии. В 1848–1859 гг. – московский генерал-губернатор.

МОНКЕВИЦ Николай Августович (1869–1926). Генерал-лейтенант Генерального штаба (1916). Руководил военной разведкой с 1906 по 1914 г.
Окончил 2-й кадетский корпус, 1-е Павловское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба. В 1897–1900 гг. – помощник старшего адъютанта Варшавского военного округа, командир роты лейб-гвардии Литовского полка. В 1901–1904 гг. – и. д. офицера для особых поручений при штабе 1-го кавалерийского корпуса, старший адъютант штаба Варшавского военного округа. В последующие годы – редактор «Варшавского военного журнала», начальник штаба 1-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи в Санкт-Петербурге, правитель канцелярии управления начальника

военных сообщений 3-й Маньчжурской армии, сотрудник 7-го отделения, и. д. военного агента в Берне. С марта 1908 г. по октябрь 1910 г. – делопроизводитель, затем, до июня 1914 г., – помощник 1-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба с обязанностями заведования военно-статистическим делопроизводством части 1-го обер-квартирмейстера и особым делопроизводством Главного управления Генерального штаба, 1-й обер-квартирмейстер Генерального штаба.
В июле 1914 г. – мае 1917 г. – начальник штаба 30-го армейского корпуса, командир 71-й пехотной дивизии, и. д. начальника штаба 47-го отдельного корпуса. С мая 1917 г. – начальник штаба 4-й армии. В связи с отказом от предложения Совета солдатских депутатов возглавить 4-ю армию в декабре 1917 г. освобожден от занимаемой должности. С декабря 1917 г. по июнь 1918 г. находился в распоряжении бывшего командующего Румынским фронтом царского генерала Д.Г. Щербачева, пытался воспрепятствовать разграблению имущества фронта. В июне 1918 г. эмигрировал во Францию. Автор книги «Decomposition de l'armee russe», изданной в Париже, в которой описывал развал старой русской армии, начиная с февраля 1917 г. В 1919–1920 гг. – представитель Деникина в Париже.
Летом 1926 г. уволен из РОВС. В ноябре того же года застрелился в Париже. В кругах русской эмиграции циркулировал слух, что, якобы являясь агентом ОГПУ, симулировал самоубийство, чтобы скрыть бегство в Советский Союз.

ОБРУЧЕВ Николай Николаевич (1830–1904). Генерал-адъютант (1878), генерал от инфантерии (1887), почетный член Академии наук (1888), Академии Генштаба и Московского университета. Военной разведкой руководил с 1867 по 1881 г.
Родился в семье офицера. Окончил 1-й Кадетский корпус в Петербурге (1848), Академию Генштаба (1854). В 1848 г. поступил прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк. В 1850 г. подготовил научный труд под названием «Опыт истории военной литературы в России» (не опубликован). После академии служил в штабе главнокомандующего гвардейским и гренадерским корпусами. В 1855–1856 гг. – квартирмейстер 2-й гвардейской пехотной дивизии. С 1856 г. – профессор и начальник кафедры военной статистики Академии Генштаба.
Сблизился с революционными демократами Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым. В 1858 г. по инициативе Д.А. Милютина и Н.Н. Обручева был основан «Военный сборник», который последний редактировал совместно с Н.Г. Чернышевским и В.М. Аничковым и опубликовал в нем ряд материалов оппозиционного содержания. В начале 1860-х гг., оставаясь профессором Академии Генштаба и занимая должность начальника штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии, Обручев становится активным участником революционно-демократического движения, одним из организаторов тайного общества «Земля и воля», участвует в подготовке нелегальных изданий, во время заграничных командировок сблизился с Герценом и Огаревым. В 1863 г. отказался участвовать в подавлении Польского восстания. Однако впоследствии отошел от революционного движения.
В 1867–1881 гг. – управляющий делами Военно-ученого комитета Главного штаба, один из ближайших сотрудников военного министра Д.А. Милютина в подготовке и проведении военных реформ. В 1876 г. разработал стратегический план войны с Турцией.
В июле–октябре 1877 г. состоял в распоряжении командующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича, участвовал в разработке планов боевых действий.
В 1881–1897 гг. начальник Главного штаба и председатель Военно-ученого комитета; руководил разработкой планов войны против Германии и Австро-Венгрии.
С 1893 г. – член Государственного совета.
С 1897 г. – в отставке, жил во Франции.

ПОТАПОВ Николай Михайлович (1875–1946). Генерал-лейтенант. Руководил военной разведкой в 1917 г.
Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1888), Михайловское артиллерийское училище (1891), Академию Генерального штаба (1897).
Командир роты, батальона, старший адъютант штаба 38-й пехотной дивизии, обер-офицер для поручений при штабе Варшавского ВО.
В 1901–1903 гг. – помощник военного агента в Вене, в 1903–1915 гг. – главный инструктор черногорской армии, военный агент в Черногории.
С ноября 1916 г. состоял в Главном управлении Генерального штаба: начальник эвакуационного управления, затем начальник отдела эвакуации военнопленных, с апреля 1917 г. – генерал-квартирмейстер Генштаба.
С июля 1917 г. сотрудничал с военной организацией при Петроградском комитете РСДРП(б). Одним из первых военных специалистов перешел на сторону советской власти.
С ноября 1917 г. по май 1918 г. – начальник Главного управления Генштаба, одновременно с декабря 1917 г. – помощник управляющего Военным министерством и делами Наркомвоена (до ноября 1918 г.). С июня 1918 г. – член Высшего военного совета, с июня 1919 г. – председатель Военного законодательного совета (с апреля 1920 г. – совещания) при РВСР, с сентября 1921 г. – помощник главного инспектора Всевобуча.
С 1924 г. на военно-дипломатической работе, выезжал в Финляндию, Францию. Сыграл видную роль в операции «Трест», которую провели органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ в 1922–1927 гг. Комбриг. В 1938 г. уволен в запас. Занимался военно-научной и преподавательской работой.

РАША Николай Карлович. Родился в 1877 г. Полковник Генерального штаба (1913). Руководил военной разведкой с 1914 по 1916 г.
Окончил Московское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба.
В 1905–1911 гг. – командир роты, старший адъютант штаба 26-й пехотной дивизии.
С февраля 1911 г. – помощник делопроизводителя, с марта 1914 г. по август 1916 г. – делопроизводитель Главного управления Генерального штаба.

РЯБИКОВ Павел Федорович (1875–1932). Генерал-майор Генерального штаба. Руководил военной разведкой в 1917 г.
Окончил Полоцкий кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Прошел путь от командира роты до помощника старшего адъютанта Разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии, должность которого занял в октябре 1904 г.
С августа 1906 г. – помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба, с августа 1910 г. – заведующий обучением Императорской Николаевской академии.
В ноябре 1914 г. вернулся в службу разведки; старший адъютант разведывательного отделения штаба 2-й армии, с сентября 1915 г. по февраль 1916 г. – начальник Разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта. Затем был назначен командиром 199-го пехотного Кронштадтского полка. С февраля 1917 г. – помощник 2-го обер-квартирмейстера (руководитель разведывательной части) Отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, в советское время – с декабря 1917 г. по апрель 1918 г. – исполняющий должность 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ.
С марта 1918 г. – преподаватель Военной академии Генерального штаба. После эвакуации академии в Екатеринбург вместе с остальным профессорско-преподавательским составом академии, а также большей частью слушателей 3-го курса в августе 1918 г. перешел на сторону белых. Продолжал преподавательскую работу в Военной академии Генерального штаба в Томске, готовившей специалистов для Белой армии, затем служил 2-м генерал-

квартирмейстером в штабе Колчака. Был начальником штаба Восточного фронта (под командованием генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса). В военных условиях продолжал исследование теории разведки, написал монографию «Разведывательная служба в мирное и военное время», изданную в Томске в 1919 г.
После разгрома белогвардейцев в Сибири эмигрировал в Японию, затем в Китай. Жил в Шанхае. Являлся представителем атамана Семенова в Китае. По приглашению военного министерства Чехословакии переехал в эту страну, сотрудничал с Генштабом чехословацкой армии, одновременно являлся профессором белоэмигрантских Зарубежных высших военно-научных курсов.

СОЛЛОГУБ Василий Устинович (1848–1908). Генерал-лейтенант (1897). Военной разведкой руководил с 1896 по 1900 г.
Окончил Константиновское военное училище, Николаевскую академию Генштаба. Служил в лейб-гвардии Волынском полку командиром батальона, адъютантом полкового штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В мае–августе 1878 г. состоял для поручений при начальнике штаба действующей армии; затем старший адъютант штаба гвардейского корпуса; в 1878–1879 гг. состоял для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа.
С марта 1881 г. служил в канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба: младшим (1881–1883) и старшим делопроизводителем (1883–1884). В 1884–1890 гг. – начальник отделения Главного штаба. В 1890–1896 гг. состоял при Главном штабе.
В 1896–1900 гг. – управляющий делами Военно-ученого комитета Главного штаба.
С 1900 г. по март 1905 г. и в октябре–декабре 1905 г. – в распоряжении военного министра, в марте–октябре 1905 г. – главнокомандующего сухопутными и морскими силами против Японии.
С декабря 1905 г. по октябрь 1906 г. – временный генерал-губернатор Прибалтийского края.

ФЕЛЬДМАН Федор Александрович (1835–1902). Генерал от инфантерии (1901). Военной разведкой руководил с 1881 по 1896 г.
Окончил Пажеский корпус, Николаевскую академию Генерального штаба.
В 1863–1865 гг. – старший помощник начальника, в 1865–1867 гг. – начальник Военно-ученого отделения ГУГШ; в 1867–1876 гг. – делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба; в 1876–1881 гг. – военный агент в Вене.
С октября 1881 г. по октябрь 1896 г. – управляющий делами Военно-ученого комитета Главного штаба и член комитета по мобилизации войск.
В 1896–1900 гг. – директор Императорского Александровского лицея; член Военно-ученого комитета Главного штаба.

ЦЕЛЕБРОВСКИЙ Виталий Платонович (1854–1907 или 1908). Генерал-майор Генерального штаба (1900). Военной разведкой руководил с 1901 по 1905 г.
Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Старший адъютант штаба дивизии в 1886–1896 гг.; младший делопроизводитель, в 1896–1901 гг. – старший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба. С ноября 1901 г. по май 1903 г. – управляющий делами этого комитета; в 1903–1905 гг. – начальник отделения по военной статистике иностранных государств отдела военной статистики Управления 2-го генерал-квартирмейстера Главного штаба; с ноября 1905 г. – постоянный член и управляющий делами Главного крепостного комитета.

ЧУЙКЕВИЧ Петр Александрович (1783–1831). Военной разведкой руководил с 1813 по 1815 г.

Из дворян Полтавской губернии. Окончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус. На военной службе с 1797 г. С 1804 по 1807 г. состоял в Свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. Участник Французской (1807) и Турецкой (1807–1809) кампаний. В 1809 г. вышел в отставку.
В 1810 г. принят на службу в Секретную экспедицию Военного министерства. Занимался анализом поступающей развединформации. В январе 1812 г. составил дислокационную карту французских войск, в апреле 1812 г. подготовил итоговые рекомендации русскому командованию; в апреле–июне находился с военно-дипломатическим поручением в Пруссии.
В Отечественную войну 1812 г. – обер-квартирмейстер казачьего корпуса М.И. Платова.
В 1813–1815 гг. – управляющий Особенной канцелярией при военном министре.
С 1816 г. – в отставке. В 1820 г. вновь поступил на военную службу и был причислен к канцелярии Главного штаба. В 1823 г. произведен в чин генерал-майора. С октября 1829 г. – начальник штаба Отдельного Оренбургского корпуса. Автор исторических трудов.

ЭНКЕЛЬ Оскар Карлович (1878–1960). Полковник (1912). Руководил военной разведкой с 1913 по 1914 г.
Окончил Финляндский кадетский корпус, Николаевскую академию Генерального штаба.
В 1907–1909 гг. – командир роты, помощник старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии, старший адъютант штаба 13-й пехотной дивизии. С апреля 1907 г. – помощник делопроизводителя, с апреля 1913 г. – делопроизводитель Главного управления Генерального штаба. В 1914–1917 гг. – военный агент в Италии.
После октября 1917 г. эмигрировал в Финляндию. Начальник Генерального штаба Вооруженных сил Финляндии. Генерал-майор армии Финляндии.

Приложение 16
Военные и военно-морские агенты

Австро-Венгрия

Военные агенты
Тейль фон Сераскеркен Федор Васильевич – 1810–1811 гг.
Штакельберг Эрнст Густавович – полковник (генерал-майор) – 1852–1856 гг.
Торнау Федор Федорович – полковник (с 1861 г. генерал-майор, с 1870 г. генерал-лейтенант) барон – 1856–1871 гг.
Фельдман Федор Александрович – полковник (с 1.01.1878 г. – генерал-майор Свиты) – 23.05.1876—8.10.1881 гг.
Каульбарс Николай Васильевич – подполковник (полковник с 1896 г.) барон – 18.10.1881—17.12.1886 гг.
Воронин Степан Александрович – полковник – 12.05.1893—1.05.1900 гг.
Рооп Владимир Христофорович – подполковник (с 1.04.1901 г. полковник) – 1.05.1900—13.05.1905 гг.;
Ермолов Николай Сергеевич – до марта 1905 г.;
Вогак Константин Ипполитович – с марта 1905 г.;
Марченко Митрофан Константинович – полковник – 24.06.1905– 2.09.1910 гг.;
Занкевич Михаил Ипполитович – полковник – 5.10.1910– 8.07.1913 гг.;
Винекен Александр Георгиевич – полковник – барон – 12.08.1913 – 19.07.1914 гг.

в Боснии (при австрийской оккупационной армии)

Каульбарс Николай Васильевич – полковник – барон – 1878–1879 гг.

Помощники военного атташе
Потапов Николай Михайлович – подполковник – 18.06.1901—10.06.1903 гг.
Занкевич Михаил Ипполитович – подполковник – 25.11.1903—9.01.1905 гг.

Морские агенты
Шестаков Иван Алексеевич – 02.1873 – 10.1881 гг. (и в Италии)
Капнист Алексей Павлович – 1903–1906 гг. (и в Италии)
фон Ден Дмитрий Владимирович 1-й – 2.10.1906 – 1911 гг.
Бойль Роман Константинович 1-й – 1911—1912 гг.
Врангель П. Г. – 1913–1914 гг.

Бельгия и Нидерланды

Военные агенты
Смагин Дмитрий Алексеевич – полковник – 1895 – февраль 1898 г.;
Миллер Евгений Карлович – подполковник – 12.02.1898—14.08.1901 гг.
Кузьмин-Караваев Александр Николаевич – полковник (с 6.12.1906 г. – генерал-майор) – 24.11.1901 – 6.07.1907 гг.
Адабаш Михаил Алексеевич – полковник – 17.11.1907 – 29.07.1909 гг.
Агапеев Владимир Петрович – подполковник (с 6.12.1910 г. полковник) – 14.10.1909 – 9.02.1914 г.;
Потоцкий Сергей Николаевич – полковник – 15.03.1914—1.07.1916 гг.
Майер Людвиг (Леонтий) Андреевич – подполковник – 12.08. 1914 – 1916 г.

Бельгия, Испания и Португалия

Карцов В. А. – 1910–1913 гг.;
Дмитриев В. И. – 1914 г.

Болгария

Военные агенты
Каульбарс Николай Васильевич – генерал-майор – барон – 2.09. – 17.12.1886 г.
Леонтович Евгений Александрович – полковник – 20.10.1901 – 20.04.1902 гг.
Протопопов Николай Иванович – полковник (с 6.04.1903 – генерал-майор) – 20.04.1902—19.12.1904 гг.
Леонтьев Максим Николаевич – генерал-майор – 9.01.1905—19.01.1911 гг.
Романовский Георгий (Юрий) Дмитриевич – полковник (с 27.11.1914 – генерал-майор) – 21.02.1911—24.10.1915 гг.

Морские агенты
Яковлев Василий Васильевич 9-й – 1915–1916 гг.

Великобритания

Военные агенты
Игнатьев Николай Павлович – капитан (с 26.08.1856 г. – полковник) – граф – 7.06.1856—16.10.1857 гг.

Новицкий Николай Александрович – полковник – 1860-е
Кутайсов Павел Ипполитович – граф – 27.04.1871—27.07.1882 гг.
Горлов Александр Павлович – генерал-майор – 1873–1882 гг.
Бутурлин Сергей Сергеевич – 4.10.1884—12.12.1890 гг.
Ермолов Николай Сергеевич – генерал-майор (с 29.03.1909 г. – генерал-лейтенант) – 7.01.1891—2.03.1905 гг., 20.02.1907—1.08.1916 гг.;
Вогак Константин Ипполитович – генерал-майор – 24.03.1905—20.02.1907 гг.
Половцев Петр Александрович – капитан – 1906 г. (врид.)

Помощники военных агентов
Голеевский Николай Лаврентьевич – штабс-капитан – с 1907 г.
Николаев Александр Михайлович – полковник – 20.02.1914 – после 1.01.1916 г.

Морские агенты
Путятин Евфимий Васильевич – вице-адмирал – 4.07.1856—1857 гг. (и во Франции), 1858–1861 гг. (и во Франции)
Бутаков Григорий Иванович – контр-адмирал – 1863—1867 гг. (и во Франции)
Лихачев Иван Федорович – контр-адмирал (с 1874 г. вице-адмирал) – 1867–1883 гг. (и во Франции)
Зеленой Николай Александрович – капитан 1-го ранга – 1889–1891 гг.
Рождественский Зиновий Петрович – капитан 1-го ранга – 1891–1894 гг.
Ухтомский Павел Петрович – капитан 1-го ранга – 1894–1896 гг.
Григорович Иван Константинович – капитан 2-го ранга – 1896–1898 гг.
Успенский И. П. – 1899–1903 гг.
Бострем Иван Федорович – 12.1901 – 1905 гг.
Бэр Ф. И. – 1906–1909 гг.
Кербер Людвиг Бернгардович (с 11.1916 г. Корвин Лев Федорович) – 1909–1911 гг.
Рейн Николай Готлибович – капитан 2-го ранга – 1911—1913 гг.
Волков Николай Александрович – 07.1913 – 1917 гг.

Германия

Военные агенты
Ренни Роберт (Роман) Егорович – 1810–1811 гг.
Орлов Григорий Федорович – 1811–1812 гг.
Мансуров Александр Павлович – 1831–1847 гг.
Бенкендорф Константин Константинович – генерал-адъютант – 1855—1856 гг.
Адлерберг Николай Владимирович – генерал-майор (с 1861 г. – генерал-лейтенант) – 19.09.1856—20.04.1866 гг.
Голенищев-Кутузов Василий Павлович – полковник – 1866—? гг.
Даллер Александр Александрович – 14.11.1871—8.09.1884 гг.
Бутаков Александр Михайлович – подполковник (с 24.04.1888 г. – полковник) – 18.09.1884—18.08.1894 гг.
Енгалычев Павел Николаевич князь – подполковник (с 5.04.1898 – полковник) – 30.08.1894—12.05.1900 гг., 18.08.1900—6.04.1901 гг.;
Ромейко-Гурко Василий Иосифович – полковник – 6.04 – 24.11.1901 г.
Шебеко Вадим Николаевич – подполковник (с 6.04.1903 г. – полковник, с 1904 г. – флигель-адъютант) – 24.11.1901—23.11.1905 гг.;
Михельсон Александр Александрович – полковник (с 18.04.1910 г. – генерал-майор) – 20.01.1906—4.02.1911 гг.;
Базаров Павел Александрович – полковник – 4.02.1911—28.06.1914 гг.

Потоцкий Сергей Николаевич – июль 1914 года.

в Дрездене

Прендель Виктор Антонович – майор – 1810–1811 гг.

в Мюнхене

Граббе Павел Христофорович – поручик – 09.1810 – 04.1812 гг.

Германия и Нидерланды

Невахович Николай Александрович – капитан 2-го ранга – 1876–1883 гг.
Доможиров Александр Михайлович – капитан 2-го ранга – 1884–1889 гг.
Дубасов Федор Васильевич контр-адмирал – 1892—1897 гг.
Кетлер Эдуард Эдуардович – 1896–1898 гг.
Полис Александр Клементиевич – 1898—1902 гг.
Долгоруков Александр Александрович князь – 1902–1908 гг.
Бок Борис Иванович – 1908–1910 гг.
Беренс Евгений Андреевич 1-й – 1911–1914 гг.
Римский-Корсаков Михаил Михайлович – 06.1914—1917 гг. (в связи с войной только в Нидерландах).

Греция

Военные агенты
Скалон Александр Антонович – полковник – 1830–1836 гг.
Протопопов Александр Павлович – 24.02.1881—16.03.1888 гг.
Калнин Эммануил Христианович – полковник – 17.02.1895—20.08.1899 гг.
Хольмсен Иван Алексеевич – подполковник (с 6.12.1904 г. – полковник) – 2.06.1900 – 28.10.1906 гг.
Артамонов Виктор Алексеевич – подполковник (с 6.12.1908 г. – полковник) 10.05.1907 – 14.10.1909 гг.
Гудим-Левкович Павел Павлович – полковник – 14.10.1909—20.11.1916 гг.
Муханов Александр Владимирович – полковник (с 1917 г. генерал-майор) – с 11.1916 г.
Леонтьев Максим Николаевич – генерал-майор – 1917 г.

Сотрудники и помощники
Калнин Эммануил Христианович – полковник – в распоряжении военного агента – 17.02.1895—15.06.1899 гг.

Дания Швеция, Норвегия

Военные агенты фон Блом Михаил Оттович – июль 1885 – январь 1896 г.;
Сирелиус Отто Оттович – полковник (с 14.04.1902 – генерал-майор) – 11.01.1897 – 3.06.1903 гг.
Алексеев Александр Максимович—полковник – 27.06.1903—31.12.1907 гг.
Игнатьев Алексей Алексеевич – 28.12.1907—10.03.1912 г.;
Ассанович Петр Львович – 6.12.1912—13.04.1914 гг.
Кандауров Дмитрий Леонтьевич – апрель 1914 г.;
Потоцкий Сергей Николаевич – полковник (с 1917 г. – генерал-майор) – 1917 год

Морские агенты
Дубасов Федор Васильевич – контр-адмирал – 1892–1897 гг.
Кетлер Эдуард Эдуардович – 1896–1898 гг.
Полис Александр Клементиевич – 1899–1902 гг.
Долгоруков Александр Александрович – князь – 1902–1908 гг.
Петров А. К. 1908–1911 гг.
Келлер Павел Федорович – ст. лейтенант – граф – 9.05.1911—1914 гг.
Сташевский Владимир Арсеньевич (с 23.05.1916 в Швеции и Норвегии) – 1914–1917 гг.
Бескровный Борис Сергеевич – капитан 2-го ранга (в Дании) – 23.05.1916—1917 гг.
Веймарн Павел Петрович – капитан 2-го ранга (в Норвегии).

Испания

Брозин Павел Иванович – 1810 – 05.1811 гг.
Остен-Сакен И. Д. – до августа 1909 г.
Скуратов А. П. – с августа 1909 по 1914 г.

Бельгия, Испания и Португалия

Карцов В. А. – 1910—1913 гг.;
Дмитриев В. И. – 1914 г.

Италия

Военные агенты
Винспиер Роберт Антонович – генерал-майор – 1840-е гг.
Гасфорд Всеволод Густавович – полковник – 1859–?
Новицкий Николай Александрович – полковник – 1860-е гг.
Розен Григорий Александрович – подполковник (с 13.04.1896 г. – полковник) – 28.11.1881 – 1.07.1889 гг.
Трубецкой Николай Андреевич – князь – капитан (с 28.03.1893 г. – подполковник, с 13.04.1897 г. – полковник)– 1.04.1892 – 17.02.1901 гг.
Миллер Евгений Карлович – полковник – 14.08.1901 – 8.12.1907 гг.
Волконский Александр Михайлович – князь – полковник – 5.02.1908—2.12.1912 гг.
Булгарин Фаддей Болеславович – полковник – 14.12.1912—31.10.1913 гг.
Энкель Оскар Карлович – полковник – 28.01.1914—1917 гг.

Морские агенты
Шестаков Иван Алексеевич – 02.1873—10.1881 гг. (и в Италии)
Капнист Алексей Павлович – 1903–1906 гг. (и в Италии)
фон Ден Дмитрий Владимирович 1-й – 2.10.1906—1911 гг.
Бойль Р.К. – 1911–1912 гг.
Врангель П.Г. – 1913–1914 гг.
Беренс Евгений Андреевич 1-й – 1915–1917 гг.

Китай

Военные агенты
Шнеур Николай Яковлевич – полковник – 1883–1886 гг.

Путята Дмитрий Васильевич – подполковник (с 30.08.1888 г. – полковник) – 23.10.1886 – 26.03. 1892 гг.
Соковнин Михаил Алексеевич – капитан – 1895 г.
Сумароков Н.С. – 1895 – октябрь 1899 г.;
Вогак Константин Ипполитович – генерал-майор – 26.03.1892—29.05.1903 (одновременно с 20.02.1893—17.01.1896 в Токио)
Десино Константин Николаевич – генерал-майор – 28.10.1899 – после 1.05.1903 гг. (2-й в.а.)
Огородников Федор Евлампиевич – 4.10.1903—1.04.1907 гг.
Вейстингер – штабс-капитан – и.о. – 1905 г.
Корнилов Лавр Георгиевич – полковник – 1.04.1907—02.1911 гг.
Вальтер Рихард-Кирилл Францевич – полковник (с 1913 г. – генерал-майор) – 14.04.1911—1915 гг.

в Мукдене (де-факто)

Блонский Василий Васильевич подполковник – 1911—1917 гг.

в Цицикаре (де-факто)

Манакин Михаил Михайлович – полковник – 1907—1910 гг.
Афанасьев Стефан (Степан) Васильевич – 1911–1917 гг.

Помощники военных агентов
Вальтер Рихард-Кирилл Францевич – подполковник (с 1907 г. – полковник)– 27.08.1906 – 11.03.1911 г.
Афанасьев Стефан (Степан) Васильевич – 1907—1910 гг.
Блонский Василий Васильевич – подполковник – 1910—1911 гг.
Николаев Александр Михайлович – подполковник – 1911—1914 гг.
Татаринов Александр Александрович – подполковник – 1915 г.
Кременецкий Константин Александрович – 1915—1917 гг.

В распоряжении
Россов Петр Алексеевич – 1897—1898 гг.
Шаренберг Валериан Николаевич – штабс-капитан – 1907—1910 гг.
Полевой Николай Александрович – штабс-капитан – 1909—1913 гг.

Морские агенты
Воскресенский А. Н. – 1907—1914 гг.

Корея

Стрельбицкий Иван Иванович – полковник – 1896—1902 гг.
Раабен Леонид Рудольфович – подполковник – 1902—1905 гг.

Персия

Военные агенты (де-факто, формально заведующие обучением персидской кавалерии, командиры Персидской казачьей Е.В.Ш. бригады, руководители военной миссии)
Бларамберг Иван Федорович – штабс-капитан – 03.1836—1841 гг.

Франкини Виктор Антонович – генерал-майор – с 04.1877 г., далее – заведующий обучением персидской кавалерии
Домонтович Алексей Иванович – подполковник (полковник с 1880 г.) – 01.1879—1882 гг.;
Чарковский Петр Владимирович – полковник – 06.1882—1885 гг.
Кузьмин-Караваев Дмитрий Дмитриевич – полковник – 1885—01.1890 гг.
Шнеур Николай Яковлевич – полковник – 01.1890—01.1893 гг.
Бельгард Владимир Карлович – ротмистр – 01.1893—02.1894 гг.
Косаговский Владимир Андреевич – полковник (с 1900 г. генерал-майор) – 02.1894—1903 гг.
Чернозубов Фёдор Григорьевич – полковник – 30.09.1903—1.06.1906 гг.
Ляхов Владимир Платонович – полковник – 26.08.1906—1909 гг.
Вадбольский Николай Петрович – полковник князь (с 1911 г. – генерал-майор) – 18.09.1909—1914 гг.
Прозоркевич Николай Васильевич – подполковник (полковник с 1915 г.) – 1914—1916 гг.
Майдель Владимир Николаевич—генерал-майор барон – 16.10.1916—1917 гг.
Клерже Георгий Иосифович—полковник – 1917—1918 гг.
Старосельский Всеволод Дмитриевич—полковник – 1919—1920 гг.

в Мешхеде

Скурат Лев Николаевич – подполковник (с 1915 г. – полковник) – 1911—1917 гг.

Румыния

Военные агенты
Бобриков Георгий Иванович – полковник – 11.1876 г.
фон Поппен Георгий Васильевич – 14.01.1888 – 12.09.1989 гг.
Таубе Фердинанд Фердинандович – генерал-майор – барон – фон – 1895 – июль 1899 гг.
Леонтович Евгений Александрович – полковник – 26.07.1899—20.10.1901 гг.
Леонтьев Максим Николаевич – полковник – 20.10.1901– 9.01.1905 гг.
Занкевич Михаил Ипполитович – подполковник (с 6.12.1908 г.– полковник) – 9.01.1905—5.10.1910 гг.
Искрицкий Евгений Андреевич – полковник – 14.01.1911—19.08.1913 гг.
Семенов Борис Анатольевич – полковник – 23.10.1913 – 3.07.1916 гг.
Татаринов Александр Александрович – полковник – 1916 г.

Морские агенты
Щеглов Александр Николаевич – 1914–1917 гг.

Сербия

Военные агенты
Никитин А.П. – генерал-лейтенант – 11.1876 г.
Бобриков Георгий Иванович – полковник – с 08.1877 г.
фон Поппен Георгий Васильевич – 14.01.1888—12.09.1989 гг.
Таубе Фердинанд Фердинандович – генерал-майор – барон – фон – сентябрь 1889 – июль 1899 г.;
Леонтович Евгений Александрович – полковник – 20.04.1899– 17.02.1902 гг.
Сысоев Иван Николаевич – полковник (с 2.04.1906 – генерал-майор) – 9.10.1902—4.06.1907 гг.

Агапеев Владимир Петрович – подполковник (с 6.12. 1910 г. полковник) – 27.11.1907—14.10.1909 гг.
Артамонов Виктор Алексеевич – полковник (с 6.12.1915 г. – генерал-майор) – 14.10.1909—1917 гг.

Соединенные штаты Америки

Военные агенты
Горлов Александр Павлович – полковник (генерал-майор) – 1868—1873 г.
Шебеко Вадим Николаевич – подполковник – 28.10.1899—24.11.1901 гг.
Распопов Н. Н. – 01. 1902—08.1907 гг.
де-Боде А. К. – 01.1908—08.1912 гг.
Голеевский Николай Лаврентьевич – полковник – 4.12.1912 – после 1.01.1916 г.
Николаев Александр Михайлович – полковник – 05.1916—1917 гг.

Морские агенты
Кроун А Е – капитан 2-го ранга – 1862–1864 гг.
Мертваго Дмитрий Федорович – капитан 1-го ранга – 1892—1899 гг.;
Ферзен Василий (Вильям) Николаевич – 1900—1902 гг.;
Бутаков Александр Григорьевич 1-й – 1903—1905 гг.
Небольсин Аркадий Константинович – 1905—1909 гг.
Васильев Д.С. – 1910—1914 гг.

Турция

Военные агенты
Дюгамель Александр Осипович – поручик – 22.08.1826—1.10.1827 гг.
Берг Федор Федорович – полковник – 01.—23.10.1827 г.
Липранди Иван Петрович – полковник – 1827 г.
Дандрико – полковник
Дюгамель Александр Осипович – 1832—1834 гг.
Дайнези Иосиф Францевич – полковник – 03.1840—09.1841 гг.
Тизенгаузен Е Ф. – 06.1849—30.03.1850 гг.
Остен-Сакен К.И. – полковник – граф – 03.1850—1853 гг.
Франкини Виктор Антонович – полковник – 06.1856—1870 гг.
Зеленой Александр Семенович – подполковник – 16.07.1870—5.03.1879 (с перерывом в 1977—1878 гг.)
Веригин полковник – 1879—1880 гг.
Филиппов Владимир Николаевич – генерал-майор – 1881—1887 гг.
Пешков Николай Николаевич – подполковник – 10.1888—06.1896 гг.
Калнин Эммануил Христианович – полковник (с 6.12.1902 г. – генерал-майор) 20.08.1899—19.11.1904 гг.
Алексеев Александр Павлович – подполковник (с 6.12.1905 – полковник) – ноябрь 1904—октябрь 1906 г.;
Хольмсен Иван Алексеевич – полковник (с 6.12.1910 г. – генерал-майор) – 28.10.1906—14.01.1913 гг.
Леонтьев Максим Николаевич – генерал-майор – 8.03.1913—16.10.1914 гг.

в Эрзеруме (де-факто)

Малама Яков Дмитриевич – подполковник – 01.1873—12.1874 гг.

Аверьянов Петр Иванович – 1901–1905 гг.
Вышинский Евгений Евгеньевич – подполковник – 1908—1914 гг.

в Ване

Грязнов Федор Федорович – подполковник – с 12.1892 гг.
Маевский Владимир Теофилович – подполковник – с 1895 г.
Шелковников Борис Алексеевич – 1905 г.
Термен Ричард Иосифович – подполковник – 1905—1908 гг.

в Ризе

Пешков Николай Николаевич – капитан (с 1886 г.) – 1883—1886 гг.
Гиппиус Александр Иванович – с 1886
Маевский Владимир Теофилович – подполковник – с 1901 г.

в Хаме

Шелковников Борис Алексеевич – до 1914 г.

в Мосуле (де-факто)

Бензенгр Александр Васильевич – 1908—1910 гг.

Помощники и сотрудники
Калнин Эммануил Христианович—подполковник – с 11.1890 г.;
Леонтьев Максим Николаевич—полковник (пом. в.а.) – 30.05.—20.10.1901 гг.
18.05.1896—28.10.1899 гг. – капитан Шебеко Вадим Николаевич – в распоряжении военного агента.

Морские агенты
Эбергардт Андрей Августович – 1894—1896 г.;
Степанов 2-й Владимир Алексеевич – 1897—1899 гг.
Петров 6-й Александр Васильевич – 1900—1902 гг.
Бергель Константин Владиславович – 1903 гг.
Шванк А. Ф. – 1904—1907 гг.
Щербо Николай Иванович – 1908 г.
Щеглов Александр Николаевич – 1909—1914 гг.

Франция

Военные агенты
Чернышев Александр Иванович – штабс-ротмистр (с 1810 г. – ротмистр, полковник) – 1810—13.02.1812 гг.
Чевкин Константин Владимирович – генерал-майор – 1830 г.
Глинка-Маврин Борис Григорьевич – штабс-капитан (с 3.04.1838 г. – капитан, полковник с 9.11.1842) – 25.04.1835—22.01.1844 гг.
Штакельберг Эрнст Густавович – 1848 г.
Альбединский Петр Павлович – полковник – 3.10.1856—27.10.1858 гг.
Шувалов Павел Андреевич граф – ротмистр (с 1859 г. – флигель-адъютант, с 17.04.1860 г. – полковник) – 17.04.1859—15.07.1861 гг.

Витгенштейн Лев Петрович (?) – флигель-адъютант полковник – князь – до 1866 г. (?)
Фредерикс Лев Александрович – полковник (с 1879 г. – флигель-адъютант, с 30.08.1884 г. – генерал-майор, с 30.08.1894 г. – генерал-лейтенант, с 1896 г. – генерал-адъютант) – барон – 12.10.1876—29.07.1899 гг.
Муравьев-Амурский Валериан Валерианович – полковник – граф – 28.08.1899—9.03.1901 гг.
Лазарев Владимир Петрович – 9.03.1901—15.05.1908 гг.
Кузьмин-Караваев Александр Николаевич – полковник – 1.10.1905 – 1.12.1905 гг. (врид)
Адабаш Михаил Алексеевич – полковник – 28.01.1908—1.03.1908 гг. (врид)
Ностиц Григорий Иванович – 3.08.1908 —1.03.1912 гг.;
Игнатьев Алексей Алексеевич – полковник граф – 10.03.1912—1917 гг.

Помощники и сотрудники
Орлов Алексей Николаевич – флигель-адъютант – штабс-ротмистр князь – 9.04.1896—?

Морские агенты
Алексеев Евгений Иванович – 1883—1886 гг.
Бэр Феликс Иосифович – 1895 г.;
Мартынов Борис Николаевич – 25.04.1895—1898 гг.;
Шеин Сергей Павлович – 1898—1901 гг.
Епанчин Гавриил Алексеевич – 1901—1906 гг.
Погуляев Сергей Сергеевич – 1906—1910 гг.
Карцов Виктор Андреевич – 1910 —1913 гг.
Дмитриев Владимир Иванович 6-й – капитан 1-го ранга – 01.04.1913—1917 гг.

Черногория

Военные агенты
Боголюбов Андрей Андреевич – полковник – с 05.1877 г.
Леонтович Евгений Александрович – полковник – 20.10.1901—20.04.1902 гг.
Сысоев Иван Николаевич – полковник (генерал-майор с 2.04.1906 г.) – 9.10.1902—4.06.1907 гг.
Потапов Николай Михайлович – подполковник (с 6.12.1906 г. – полковник, с 6.12.1912 г. – генерал-майор) – 10.06.1903—08.1916 гг.

Швейцария

Военные агенты
Розен Григорий Александрович – полковник (с 19.05.1896 г. – генерал-майор) – 1.04.1892—23.03.1907 гг.
Монкевиц Николай Августович – полковник – 05.1907—01.1908 гг.
Ромейко-Гурко Дмитрий Иосифович – полковник – 12.04.1908 года – 6.08.1914 гг.
Головань Сергей Александрович – полковник (генерал-майор с 6.12.1915 г.) – 13.09.1914—1917 гг.

Швеция

Военные агенты в Швеции
Бодиско Андрей Андреевич – полковник
Алексеев Александр Максимович – полковник – 27.06.1903 – после 1.11.1907 г.

Япония

Вогак Константин Ипполитович – генерал-майор – 20.02.1893—17.01.1896 гг.
Соковнин Михаил Алексеевич – капитан – 1896 г. (и.д.)
Янжул Николай Иванович – полковник (с 1897 г. – генерал-майор) – 17.01.1896 г. – 18.09.1899 гг.
Соковнин Михаил Алексеевич – подполковник – 1900 г. (и.д.)
Ванновский Глеб Михайлович (Максимилианович) – 1900—08.1902 гг.
Самойлов Владимир Константинович – полковник (с 1909 г. – генерал-майор) – 09.1902—01.1905 гг., 01.1906—1914 гг.
Яхонтов Виктор Александрович – полковник – 10.1916 —1917 гг.

В распоряжении военного атташе
Толузаков Сергей Александрович – поручик – 05.1906—06.1907 гг.
Медзевич Сигизмунд Викентьевич – штабс-капитан – 1913—1914 гг.

Морские агенты
Назимов П.Н. лейтенант – 1858—1861 гг.
Костарев П.М. лейтенант – 1861—1866 гг.;
Будиловский Иван Васильевич лейтенант – 1895—1996 гг.
Чагин Иван Иванович – 1896—1899 гг.
Русин Александр Иванович – 1899—1904 гг.
Воскресенский Апполинарий Николаевич – ст. лейтенант (1908 г.) – 1907– 1914 гг.

Заключение

Когда большевики осенью 1917 г. захватили власть в России, то им пришлось создавать систему спецслужб заново. И дело не только в желании поскорее избавиться от «проклятого наследия царского режима», но и множестве других причин, которые для каждой сферы свои. Из-за специфичного отношения императора Николая II к деятельности спецслужб последние, мягко говоря, частично деградировали. И если военная разведка продолжала эффективно работать, то утверждать то же самое о политической разведке сложно.
С политическим сыском были свои проблемы. Теоретически Департамент полиции и Отдельный Корпус жандармов могли ликвидировать «пятую колонну» в лице правой оппозиции и центристов и тем самым предотвратить Февральскую революцию и сохранить власть монарха. Ведь только приход к власти Временного правительства позволил большевикам осенью 1917 г. захватить власть в стране. Другое дело, что спецслужбы не получили приказа на нейтрализацию реальных противников существующей власти.
Существовавшая в начале прошлого века система защиты государственных и военных секретов на тактическом уровне была правильной и надежной, но на стратегическом уровне была обречена на поражение.
Расскажем теперь о том, с чем столкнулись большевики и как они решали возникшие проблемы.
Внешняя разведка. В Российской империи такого органа (по крайней мере, в начале прошлого века) не существовало. Использовать наработки и кадры Заграничной агентуры Департамента полиции было невозможно по двум причинам. Во-первых, большинство кадровых сотрудников этой структуры были настроены негативно по отношению к новой

власти. Во-вторых, Заграничная агентура специализировалась на проведении мероприятий в области политического сыска, а не внешней разведки.
Большевики поступили мудрее своих предшественников. Начиная с 1921 года они начали создавать «при каждой дипломатической и торговой миссии РСФСР» резидентуру. Резидент работал под «легальным» прикрытием в миссии, и его как разведчика знал лишь глава учреждения. В помощь резиденту выделялись оперработники. В странах, с которыми у Советской России не было дипломатических отношений, создавались «нелегальные» резидентуры[716]. Результат не заставил себя долго ждать. Уже к середине двадцатых годов Советская Россия обладала эффективно работающей системой внешней разведки.
Военная разведка. Здесь у большевиков была другая проблема. Часть сотрудников царской контрразведки были тайными врагами новой власти. Поэтому с ними пришлось расстаться и набирать новых сотрудников. Также большинство агентов военной разведки Российской империи по тем или иным причинам отказались работать на разведку Советской России. В результате во время Гражданской войны система военной разведки пережила множество реформ[717], результатом которой стало создание в начале двадцатых годов эффективно работающей системы.
Военная контрразведка. Лидеры Советской России не стали повторять ошибку своих предшественников и сразу же организовали жесткий и тотальный контроль за лояльностью и честностью личного состава Красной Армии. При этом военные чекисты охотились не только за иностранными шпионами, но и за теми, кто проявлял нелояльность советской власти и совершал «преступления по должности» (например, расхищал военное имущество). При этом наказания за эти преступления были очень суровые – вплоть до расстрела[718]. В результате за короткий срок не только удалось создать боеспособную Красную Армию, но и ликвидировать множество заговоров противников советской власти и выиграть поединок у белогвардейской разведки и контрразведки. Нужно отметить, что руководящие кадры последней частично были укомплектованы офицерами царских спецслужб.
Политический сыск. Большевики понимали, что политическая лояльность общества – это один из важнейших факторов существования советской власти. И опасность для существующего строя может исходить от любой группы населения. По этой причине под контроль бралось любое проявление отклонения «от генеральной линии партии и правительства». В этом было одно из отличий советского политического сыска от того, что существовал в начале прошлого века в Российской империи. Другой важный факт – Владимир Ленин и Иосиф Сталин наделили органы госбезопасности очень широкими полномочиями. О таких возможностях руководство Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов могло только мечтать.
Организация защиты государственных секретов. И здесь большевикам пришлось создавать все с «нуля». Почему так произошло? Возьмем, к примеру, организацию шифровальной связи. Российская криптографическая служба в начале прошлого века считалась одной из лучших и сильнейших в мире[719], но это не спасло страну от поражения в Первой мировой войне. На фронте использовались легко вскрываемые противником системы шифрования[720]. Нужно добавить, что шифровальная служба Российской империи страдала тремя существенными недостатками. Во-первых, вместо единой и централизованной она была ведомственной (МИД, Департамент полиции и военное ведомство), и поэтому в каждом ведомстве трудились специалисты, чьи навыки были востребованы. Например, занимался Департамент полиции перлюстрацией корреспонденции и вскрытием шифровальных систем, используемых революционерами, поэтому там служили высокопрофессиональные криптоаналитики, которые могли вскрыть большинство шифров. Зато не было опытных разработчиков новых шифровальных систем. Во-вторых, разработчики новых криптосистем не всегда

учитывали отечественный и зарубежный опыт. В-третьих, не было учебных заведений, где готовили криптографов[721].
Другой пример – законодательство в сфере защиты госсекретов. В Советском Союзе наказание за любое нарушение в сфере охраны государственных и военных секретов было более суровым, чем в Российской империи[722].

Список источников

Сборники опубликованных документов

Авербах О. Законодательные акты, вызванные войной 1914 г. с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. – СПб., 1914.
Авербах О. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. – СПб., 1915.
Агентурная работа политической полиции Российской империи: Сборник документов. 1880–1917. – СПб; М., 2006.
Дело Лопухина. В особом присутствии правительствующего Сената. – СПб., 1910.
Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. – СПб., 2005.
Константинополь и проливы. По секретным материалам бывшего МИДа. Кн. 1. — М., 1925.
Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. – М., 1994.
Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 года. – М., 2003.
Правила хранения в частях и учреждениях Военного ведомства документов по мобилизации Средне-Азиатской железной дороги. Ташкент, 1911.
Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827–1869. – М., 2006.
Сборник секретных документов из архива бывшего МИДа № 1. – Пг., 1917.
Сборник секретных документов из архива бывшего МИДа № 2. – Пг., 1917.
Сборник секретных документов из архива бывшего МИДа № 6. — Пг., 1918.
Свод законов Российской империи. Т. XV. – М., 1876.
Синяя книга: Сборник тайных документов, извлеченных из архива бывшего Министерства иностранных дел. — М., 1918.
Тайны политического сыска: инструкция о работе с секретными сотрудниками. – СПб., 1992.
Уголовное уложение. — Киев, 1903.
Штаден Г.О. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. – Л., 1925.

Монографии

Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830 – начало 1860-х гг.». – Саратов, 2008.
Авдеев В., Карпов В. Секретная миссия в Париже: граф Игнатьев против немецкой разведки в 1915–1917 годах. — М., 2009.
Агафонов В.К. Заграничная охранка. Составлено по секретным документам заграничной агентуры и Департамента полиции. – Пг., 1918.
Агафонов В.К. Парижские тайны царской охранки. – М., 2004.
Александров А.О., Петров Г.Ф. Крылатые пленники России. – СПб., 1997.
Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. – М., 1998.
Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. II. – М., 1998.
Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. III, ч. 1. – М., 2001.

Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. III, ч. 2. – М., 2001.
Алексеев М.А. Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II. – М., 2010.
Алексеев А. Лексика русской разведки. – М., 1996.
Алексеева И. Мириэль Бьюкенен. – СПб., 1998.
Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. – М., 1996.
Анисимов Е.В. Русский застенок. Тайны Тайной канцелярии. – М., 2010.
Астраханская история. Жандармы и контрразведка. – Астрахань, 2008.
Байуотер Г. Морская разведка и шпионаж (1914–1918 годы). – СПб., 1996.
Батюшин Н. Тайная военная разведка и борьба с ней. – М., 2002.
Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. – М., 2005.
Белая книга российских спецслужб. — М., 1996.
Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. – М., 2009.
Борисов А. Особый отдел империи. – СПб; М., 2001.
Бояджи Э. История шпионажа в двух томах. Т. 1. – М., 2003.
Брачев В.С. Заграничная агентура Департамента полиции. – СПб., 2001.
Валеев Р.М., Мратхузина Г.Ф. Российско-индийские взаимоотношения в отечественной историографии и источниковедении. – Казань, 2007.
Варламов А. Григорий Распутин-Новый. – М., 2008.
Военная контрразведка. История. События. Люди. Книга первая. – М., 2008.
Володихин В.Д. Опричнина и «псы государевы». – М., 2010.
Воскобойникова Н.В. Управление и делопроизводство органов политического сыска Нижегородской губернии (1890–1917). – Нижний Новгород, 2006.
Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях власти (1914 – весна 1917 г.). – М., 2003.
Галвазин И.П. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной деятельности. – М., 2001.
Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. – М., 1997.
Горбовский А., Семенов Ю. Без единого выстрела: Из истории российской военной разведки. – М., 1984.
Гражуль В.С. Тайны галантного века. Шпионаж при Петре I и Екатерине II. – М., 1997.
Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. – М., 2007.
Дамаскин И.А. 100 великих операций спецслужб. — М., 2003.
Дегтярев К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. – М., 2009.
Дегтярев К., Колпакиди А. СМЕРШ. – М., 2009.
Деревянко И.В. Щупальца спрута. – М., 2004.
Джанибекян В. Провокаторы. – М., 2000.
Доверено охранять Отечество. (Из истории органов безопасности в Вологодском крае). – Вологда, 2008.
Дресвянин С. Секретная война. – СПб., б/г.
Жандармы России. – СПб; М., 2002.
Женщины-террористки в России — Ростов-на-Дону, 1996.
Жухрай В.М. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. – М., 1991.
Жухрай В.М. Террор. Гении и жертвы. – М., 2002.
Зверев В.О.Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. – Омск, 2008.
Звонарев К.К. Агентурная разведка. В 2 т. Т. 1. – М., 1931.
Звонарев К.К. Агентурная разведка. В 2 т. Т. 2., – М., 1931.
Звонарев К.К. Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 годов. – М., 2003.
Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1917): Организационное строительство. – М., 2004.

Зданович А.А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: жизнь и приключения Владимира Кривоша. – М., 2007.
Изместьев В. Значение секрета и скрытности. – Варшава, 1906.
Ильина Т.И. Военные агенты и русское оружие. – СПб., 2008.
История винтовки. От пистолета до автомата. — М., 1993.
История спецслужб России. – М., 2004.
История сыска в России. Кн. 1. – Минск, 1996.
История сыска в России. Кн. 2. – Минск, 1996.
Казнина О.А. Русские в Англии. – М., 1997.
Кан Д. Взломщики кодов. – М., 2000.
Клембовский В.Н. Тайны разведки (военное шпионство). – СПб. — 1911.
Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т. 3. Курс русской истории, ч. 3. — М., 1957.
Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т.4. Курс русской истории, ч. 3. — М., 1958.
Колоколов Б.Г. Жандарм с царем в голове. – М., 2009.
Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. Кн. 1., М., 2000.
Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. – М., 2009.
Колпакиди А., Север А. КГБ. – М., 2010.
Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Распутин. Тайный и явный. – СПб., 2003.
Кравцев И.Н.Тайные службы империи. – М., 1999.
Кравцов И.Н.Японская разведка на рубеже XIX–XX веков. (Документальное исследование о деятельности японской разведки в указанный период). – М., 2004.
Красильников Р. КГБ против МИ-6. Охотники за шпионами. – М., 2000.
Кудрявцев Н.А. Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. – СПб., 2002.
Кук Э. Сидней Рейли ST1. В паутине секретных спецслужб. – Киев, 2003.
Кук Э. Убить Распутина. Жизнь и смерть Григория Распутина. – М., 2007.
Курукин И.В. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. – М., 2010.
Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. – М., 2008.
Лурье Ф. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. – М., 1998.
Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. – М., 1999.
Максимов А.Б. Разведка Великой Отечественной. Нетрадиционный взгляд на мастерство разведки советской госбезопасности. – М., 2010.
Мартынов Е.Н. Из печального опыта Русско-японской войны. – СПб., 1906.
Молева Н.М. Тайная канцелярия Российской империи (секретные люди, секретные дела, секретное время). – М., 2007.
Надтачиев В.Н. Военная контрразведка Белоруссии: Судьбы, трагедии, победы... – Минск, 2008.
Немецкий шпионаж. – М., 1914.
Никитинский И., Софиков П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918. – М., 1942.
Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. – М., 1995.
Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. – М., 1917.
Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года. М.,1995.
Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 годов: Секретные операции на суше и на море. – М., 2004.
Павлов Д., Петров С. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 годов. – М., 1993.
Пантелеева Т.Л., Бурцев В.Л. Личная история, политическая и общественная деятельность в 1882–1907 годах. – Уфа, 2008.

Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000.
Плугин В., Богданов А., Шеремет В. Разведка была всегда…: Заново прочтенные страницы истории спецслужб от начала Киевской Руси до конца Российской империи. — М., 1998.
Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. 1. — М., 1992.
Радзинский Э. Распутин. Жизнь и смерть. – М., 2007.
Резанов А.С. Немецкое шпионство. – Пг., 1915.
Ричелсон Джеффри Т. История шпионажа XX века. – М., 2000.
Роуан Р. Очерки секретных служб. – СПб., 1992.
Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка 16. Политический сыск при царях. – М., 1993.
Рюдеваль Р. Разведка и шпионаж. Практические указания строевым офицерам. – СПб., 1912.
Сахаров В. Распределение занятий Главного штаба по его управлениям, отделам и столам. – СПб., 1903.
Сватиков С. Зарубежная агентура Департамента полиции. — М., 2002.
Север А. Спецназ КГБ. Гриф секретности снят! – М., 2008.
Север А. Русско-украинские войны. – М., 2009.
Сейдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России. — М., 1939.
Семеновский М.И. Тайная канцелярия при Петре Великом. – М., 2008.
Сергеев Е., Удунян Ар. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. – М., 2003.
Сироткин В.Г. Почему «слиняла» Россия? – М., 2004.
Симбирцев И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880–1917. – М., 2006.
Симбирцев И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718–1825. – М., 2006.
Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. – М., 2006.
Смирнов А.А. Русский флот до Петра. Масоны в русском флоте. – СПб., 2001.
Соболев Д.А., Хазанов Д.Б. Немецкий след в истории отечественной авиации. – М., 2000.
Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. – М., 1994.
Соловьев В. Сочинения в 18 кн. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. 5–6. — М., 1990.
Соловьев В. Сочинения в 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8., М., 1990.
Соловьев В. Сочинения в 18 кн. Кн. V. История России с древнейших времен. Т. 9–10., М., 1990.
Соловьев О.Ф. Международный империализм – враг революции в России. – М., 1982.
Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. – М., 1986.
Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. – СПб., 2006.
Степанов Ю.Г., Цветков И.Ф. Эскадренный миноносец «Новик». – Л., 1981.
Столетие Военного министерства. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. – СПб., 1902.
Таймасова Л.Ю. Зелье для государя. Английский шпионаж в России в XVI столетии. – М., 2010.
Таратута Ж.В., Зданович А.А. Таинственный шеф Мата Хари. Секретное досье КГБ № 21152. – М., 2000.
Тарле Е.В. Сочинения в 12 томах. Т. 4. — М., 1958.
Тарле Е. Талейран. – М., 1992.

Трифанов М.А. Фельдъегерская связь в России. Исторический очерк. – М., 1994.
Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма в 1866–1882 годах. – М., 1978.
Троцкий И. Третье отделение при Николае I. – Л., 1990.
Трошина Т.И. Великая война… Забытая война… Архангельск в годы Первой Мировой войны (1914–1918). – Архангелск, 2008.
Турло С.С., Залдат И.П. Шпионаж. – М., 2002.
Ухач-Огорович И.А. Манчьжурский театр военных действий в период Русско-японской войны 1904–1905 годов. – Киев, 1911.
Фроянов И.Я. Грозная опричнина. – М., 2009.
Хлобустов О. Госбезопасность от Александра I до Путина. – М., 2005.
Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). – М., 2008.
Чернозубов А. Служба Генерального штаба. Разведывательная организация армии. – СПб., 1901.
Чертопруд С.В. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. — М., 2002.
Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., – 1919.
Чукарев А.Г. Тайная полиция Николая I (1826–1855). В 2 кн. Кн. 1. – Ярославль, 2003.
Чукарев А.Г. Тайная полиция Николая I (1826–1855). В 2 кн. Кн. 2. – Ярославль, 2003.
Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825–1855. – М.; Жуковский, 2005.
Шишкин О. Распутин. История преступления. – М., 2004.
Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII и XIX веков и Вольная печать. – М., 1984.
Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. – М., 1992.
Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004.
Энциклопедия военных и морских наук. В 7 т. Т. VI. – СПб., 1893.
Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003.

Справочные издания

Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 4. Центральные государственные учреждения. Министерство иностранных дел. Военное министерство. Морское министерство. – СПб., 2004.
Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Т. 1. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX – начала XX в. – М., 1994.
Российский государственный военно-исторический архив: Путеводитель. В 4 т. Т. 1. – М., 2006.

Статьи в СМИ и сборниках

Алексеев М. Агент № 25 // Совершенно секретно. 1993. № 8.
Аптекарь П. Агенты и резиденты // Родина. 1993. № 8–9.
Бахтар П. А завтра была война – мировая, но не имевшая еще порядкового номера // Новости разведки и контрразведки. 1995. № 3–4.
Бахар П. Как покупали фальшивки // Новости разведки и контрразведки. 1997. № 9 (90).
Бахурин Ю.А. Шпиономания как фактор деморализации войск гарнизона крепости Новогеоргиевск в кампаниях 1914–1915 год // Материалы II Международной научной студенческой конференции «Научный потенциал студенчества – будущему России». Т. 3. Философия и история. – Ставрополь, 2008.

Белозер В. Контрразведывательная деятельность в русском флоте (1900–1918) // Морской сборник. 2009 год. № 8.
Белозер В. Контрразведывательная деятельность в русском флоте (1900–1918) // Морской сборник. 2009. № 9.
Белозер В. Морская разведка военно-морского флота Российской империи // Морской сборник. 2008. № 4.
Белозер В., Смоловский А. Морская разведка военно-морского флота Российской империи // Морской сборник. 2008. № 5.
Богуславская О. Ключ без права передачи // МК – Московский комсомолец. 1996. 26 июня. № 116.
Богучарский В. Третье отделение собственной ее императорского высочества канцелярии о себе самом // Вестник Европы. 1917. Март. Кн. 3.
Буяков А., Плутов А. В дореволюционной России // Честь и верность. 70 лет военной контрразведки Тихоокеанского флота. – Владивосток, 2002.
Васильев И.И., Зданович А.А. Защита военных и государственных секретов в России до начала XX века // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. — М., 2007.
Вуколов Н. Князь Хилков, который живет в Мытищах. // Эхо планеты. 2002 год. № 12.
Вуколов Н. Андрей Хилков, его предки и потомки // Молодежь Эстонии. 2002 год 26 июля.
Вудхол Э. История полковника Редля и других //В кн. С риском для жизни. – М., 1991.
Вязьмитинов М.Н. Жандармы и армия. Политический сыск и Вооруженные силы России в революции 1905–1907 годах // Военно-исторический журнал. 1995 год. № 1.
Гурушина Н.Н., Поткина И.В. Английские капиталы и частное предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М., 1997.
Дегтярев К. На тайной службе ее величества // Разведка. 2010. Февраль.
Дегтярев К. Тайная армия Ирана // Разведка. 2010. Январь. № 1.
Десятов С. Религия и шпионаж // Разведка. 2010. Январь. № 1.
Дьяконова И.А. Прямые германские инвестиции в экономику имперской России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М., 1997.
Емелин А. Военно-морские агенты России // Морской сборник. 2007. № 2.
Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во время царской власти.// Голос минувшего. 1917. Сентябрь–октябрь. № 9–10.
Зверев В.О. О некоторых организационных аспектах становления органов морской контрразведки Российской империи на Балтийском театре военных действий (1914–1918) // Омский научный вестник. 2006. № 2 (31).
Зверев В.О. Организация германской агентурной разведки в Санкт-Петербурге и борьбы с ней контрразведки (1910–1914 годы): историографический обзор // Омский научный вестник. 2006. № 1 (30).
Зверев О.В. Организация внутренней агентуры столичных отделений контрразведки (1911–1913) // Спецслужбы России на страже национальной безопасности страны: Материалы научной конференции «Русская военная разведка в Азии в XVIII – начале XX века». – Омск, 2007.
Зданович А.А. Забытое дело подполковника Гримма // Независимое военное обозрение. 1998. № 6.
Зданович А.А. Организация и становления спецслужб Российского флота // Материалы исторических чтений на Лубянке. Российские спецслужбы. История и современность. 1997–2000 годы. — М., 2003.
Зданович А. Постарайтесь убрать «Марию» // Независимое военное обозрение. 1999. 23 июля.

Измозик В. «Черные кабинеты» в России (XVIII – начало XX века) // Жандармы России. – СПб. М., 2002.
Инаба Ч. Из истории разведки в годы Русско-японской войны (1904–1905). Международная телеграфная связь и перехват корреспонденции противника // Отечественная история. 1994 год. № 4–5.
Канунников А. Военно-секретная полиция России // На боевом посту. 1994. № 4.
Каширин В. Опасные связи капитана Прудкина // Родина. 2009. № 8.
Каширин В. Разведчики военного шпионства // Родина. 2008. № 8.
Кирмель Н.С. Германские шпионы торговали в Сибири швейными машинками «Зингер» // Военно-исторический журнал. 2002. № 4.
Кирмель Н.С. «…Японские прачки и парикмахеры открыли… много магазинов с целью конспирации шпионской деятельности» // Военно-исторический журнал. 2001. № 3.
Клейн Б. Донна Джована // Русский глобус. 2008. Январь. № 1.
Колонтаев К. Политическая разведка Российской империи // Дуэль. 2004. 20 апреля. № 16.
Крыло И. Превосходительный интриган // Культура. 2009. № 34.
Курукин И. Загадки генерала Скобелева // Парламентская газета. 2007. 11 октября.
Лазарев В.И. Секреты меблированных комнат // Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. – М., 2000.
Лебедев В. Разведка виновна менее всех // Независимое военное обозрение. 2001. № 42.
Левченко А. Его называли советским Максимом // Гудок. 2001. 23 февраля. № 33.
Ламбик С. Люди непроницаемой тайны // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 24.
Меха И.В. Становление секретных служб России и их роль в освоении Азии // Спецслужбы России на страже национальной безопасности страны: Материалы научной конференции «Русская военная разведка в Азии в XVIII – начале XX века». – Омск, 2007.
Надтачиев В.Н. Военная контрразведка Белоруссии: Судьбы, трагедии, победы… – Минск, 2008.
Павлов Д.Б. Российская контрразведка в годы Русско-японской войны // Отечественная история. 1996. № 1.
Партала М.А. У истоков радиоразведки // Защита информации. Конфидент. 2001. № 6.
Польский Г. Провал агента А-47 // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 24 (81).
Польский Г. Цена предательства ...// Новости разведки и контрразведки. 1996. № 22 (79).
Поросков Н. Борьба с «военным шпионством» в России // Независимое военное обозрение. 1998. № 27.
Поросков Н.В. «Аквариуме» работают молчаливые люди // Независимое военное обозрение. 1996. 24 октября. № 20.
Прохоренко О. «Черепановы мне друзья, но истина дороже» // Гудок. 2000. 5 ноября. № 207-бис.
Рафаенко Н. Секретные миссии в Среднюю Азию // Независимая газета. 1993. 30 марта.
Рейтблат А.И. Русские писатели и III отделение (1826–1855) // НЛО. 1999. № 40.
Серебрякова Е. Разведка в эпоху Древнего Рима // Независимое военное обозрение. 2003. 22 августа. № 29(344).
Смоловский А. Разведка в действиях флотов России и СССР. // Морской сборник. 2007. № 3.
Соловьева В. Инженер, который мог спасти «Титаник» // Секретные материалы. 2000. № 21 (40).
Соловьев О.Ф. За линией фронтов (1914–1918) // Новая и новейшая история. 1986. № 2.
Федосеев С. Ядро, шрапнель, снаряд // Вокруг света. 2008. Сентябрь. № 9.
Черкасов П. Русский агент во французском МИДе // Русская мысль. 2000. № 4316.
Черкасов П. Третий человек в Третьем отделении // Родина. 2007. № 9.
Чертопруд С. Век технической разведки // Независимое военное обозрение. 1998. № 46.
Чертопруд С.В. Законодательные акты по защите гостайны в Российской империи в начале XX века // Вопросы защиты информации. 1996. № 4 (35).

Чертопруд С.В. История органов криптографической связи России // ВКСС. Connect. 2001. № 4.
Чертопруд С.В. Организация защиты государственных секретов в МИДе Российской империи с 1903 по 1917 год // Вопросы защиты информации. 1998. № 1–2 (40–41).
Чертопруд С.В. Организация защиты информации в Российской армии в начале XX века // Вопросы защиты информации. 1999. № 1 (44).
Чертопруд С. Охрану гостайны ввели большевики // Независимое военное обозрение. 1999. 21 мая. № 19(142).
Чертопруд С.В Потерять и забыть // Независимое военное обозрение. 2003. 7 марта. № 8.
Шацилло К. Дело полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4; Военно-исторический журнал. 1967. № 7.
Шигин В. Штирлиц XIX века // Независимое военное обозрение. 2005. 24 июня.
Широкорад А.Б. Парадоксы Польского восстания 1863 г. // Независимая газета. 2008. 6 июня.

Мемуары и художественно-документальные произведения

Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. – М., 1964.
Бурцев В.А. В погоне за провокаторами — М., 1989.
Вершвовский М. Следствие было недолгим — Л., 1991.
Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1990.
Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. – М., 2009.
Дроздов Ю.И. Нужная работа. – М., 1994.
Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Кн. 1–3. — М., 1989.
Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Кн. 4–5. – М., 1989.
Когинов Ю.И. Тайный агент императора: Чернышев против Наполеона: Исторический роман. – М., 1996.
Курлов П.Г. Гибель императорской России. – Берлин, 1923.
Локкарт Роберт Брюс. История изнутри. Мемуары британского агента. – М., 1991.
Никитин Б.В. Роковые годы. – М., 2000.
Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. – М., 1991.
Орлов В.Г. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. – М., 1998.
«Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1—2. — М., 2004.
Санников Г.З. Большая охота. Разгром вооруженного подполья в Западной Украине. – М., 2002.
Скосаревский Г. Из боевой жизни офицера разведчика. – СПб. 1911.
Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция. Т. 1. – Нью-Йорк, 1962.
Спиридович А. Записки жандарма. – М., 1991.
Устинов С.М. Записки начальника контрразведки. – Ростов-на-Дону, 1991.

Примечания

1 Жухрай В.М. Террор. Гении и жертвы. – М., 2002.
2 Жухрай В.М. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. – М., 1991.
3 Горбовский А., Семенов Ю. Без единого выстрела: Из истории российской военной разведки. – М., 1984.
4 Жандармы России. СПб.; М., 2002. С. 278–474.
5 Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. – СПб; М., 2006.

6 Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). – М., 2000.
7 Лурье Ф. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. – М., 1998. С. 82–322.
8 Зданович А. А., Измозик В.С. Сорок лет на секретной службе: жизнь и приключения Владимира Кривоша. М., 2007. С. 40–165.
9 Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. – М., 2007.
10 Агафонов В.К. Парижские тайны царской охранки. – М., 2004.
11 Борисов А. Особый отдел империи. – М.; СПб., 2001. С. 111–475.
12 Джанибекян В. Провокаторы. – М., 2000. С. 7–259.
13 Воскобойников Н.В. Управление и делопроизводство органов политического сыска Нижегородской губернии (1890–1917). – Нижний Новгород, 2006.
14 «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1–2. – М., 2004.
15 Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009.
16 Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.
17 Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830 – начало 1860-х гг.)». – Саратов, 2008.
18 Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825–1855. – М., Жуковский, 2005.
19 Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827–1869. – М., 2006.
20 Курукин И.В. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. –М., 2010.
21 Володихин В.Д. Опричнина и «псы государевы». М., 2010.
22 Фроянов И.Я. Грозная опричнина. – М., 2009.
23 Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. – М., 2008.
24 Анисимов Е.В. Русский застенок. Тайны Тайной канцелярии. – М., 2010.
25 Семеновский М.И. Тайная канцелярия при Петре Великом. – М., 2008.
26 Молева Н.М. Тайная канцелярия Российской империи (секретные люди, секретные дела, секретное время). – М., 2007.
27 Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. – М., 2005. С. 49–69, 85–107, 200–236.
28 Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. – М., 1998; Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. II. – М., 1998.
29 Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. III, ч. 1. – М., 2001; Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. III, ч. 2. – М., 2001.
30 Авдеев В., Карпов В. Секретная миссия в Париже: граф Игнатьев против немецкой разведки в 1915–1917 годах. – М., 2009.
31 Сергеев Е., Улунян Ар. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. – М., 2003.
32 Звонарев К.К. Агентурная разведка: Русская агентурная разведка до и во время войны 1914—1918 годов. – М., 2003.
33 Игнатьев П. Моя миссия в Париже. – М., 1999.
34 Алексеева М.А. Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II. – М., 2010.
35 Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. С. 11–14.
36 История спецслужб России. – М., 2004. С. 27.
37 Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. С. 18–20.
38 История спецслужб России. – М., 2004. С. 233–234.
39 Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Том 1. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX – начала XX в. – М., 1994. С. 21.

40 Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Том 1. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX – начала XX в. – М., 1994. С. 23.
41 Там же. С. 24.
42 Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Т. 1. С. 29.
43 Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Т. 1. С. 30–31.
44 Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Т. 1. С. 32.
45 Там же. Т. 1. С. 33–34.
46 Там же. Т. 1. С. 36.
47 Там же. Т. 1. С. 36.
48 Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель. Т. 1. С. 37.
49 Каширин В. Опасные связи капитана Прудкина // Родина. 2009. № 8.
50 Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года. – М., 1995.
51 Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. – СПб., 2006. С. 22.
52 Дегтярев К. Тайная армия Ирана // Разведка. 2010. Январь. № 1.
53 Максимов А.Б. Разведка Великой Отечественной. Нетрадиционный взгляд на мастерство разведки советской госбезопасности. – М., 2010. С. 49, 69.
54 Симбирцев И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718–1825. – М., 2006. С. 297.
55 Летопись по Воскресенскому списку. Ч. 2. ПСРЛ. Т. 8. – СПб., 1856–1859. С. 35.
56 Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. 11. – Спб., 1859. С. 51.
57 Там же. С. 52.
58 Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. – М., 1999. С. 83.
59 Смирнов А.А. Русский флот до Петра // Масоны в русском флоте. – СПб., 2001. С. 13.
60 Столетие военного министерства. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. – СПб., 1902. С. 11.
61 Беликов М. Разведка в русском феодальном государстве XV–XVII веков. Диссертация кандидата исторических наук. – М., 1946.
62 Сигизмунд I Старый (1467–1548) – великий князь Литовский и король Польши с 1506 г.
63 Беликов М. Разведка в русском феодальном государстве XV–XVII в.
64 Кудрявцев Н.А. Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. – СПб., 2002. С. 185.
65 Таймасова Л.Ю. Зелье для государя. Английский шпионаж в России в XVI столетии. – М., 2010.
66 Сигизмунд II Август (1520–1572) – великий князь Литовский с 1529 г. (правил совместно с Сигизмундом I Старым), король Польши с 1530 г. (правил совместно с Сигизмундом I Старым), глава федеративного государства Речь Посполита Обоих Народов (с 1569 г.).
67 Симбирцев И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718–1825. – М., 2006. С. 303.
68 Там же. С. 304–305.
69 Беликов М. Разведка в русском феодальном государстве XV–XVII веков.
70 Беликов М. Указ. соч.
71 Там же.
72 Симбирцев И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718–1825. С. 331.
73 Беликов М. Указ. соч.
74 Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. – М., 1994. С. 96–97.
75 Штаден Г.О. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. – Л., 1925. С. 18.

76 Беликов М. Указ. соч.
77 Там же.
78 Там же.
79 Беликов М. Указ. соч.
80 Там же.
81 Доверено охранять Отечество. (Из истории органов безопасности в Вологодском крае). – Вологда, 2008. С. 25–26.
82 Беликов М. Указ. соч.
83 Кудрявцев Н.А. Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. Спб., 2002. С. 164.
84 Беликов М. Указ. соч.
85 Беликов М. Указ. соч.
86 История спецслужб России. – М., 2004. С. 47.
87 Кудрявцев Н.А. Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. С. 165.
88 Десятов С. Религия и шпионаж // Разведка. 2010 г. Январь. № 1.
89 Беликов М. Указ. соч.
90 Беликов М. Указ. соч.
91 Симбирцев И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718 – 1825. С. 325.
92 Гражуль В. Тайны галантного века. – М., 1997. С. 86.
93 Энциклопедия военной разведки России. – М., 2004. С. 6–7.
94 Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. – М., 2008. С. 400–401.
95 Там же. С. 406.
96 Симбирцев И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718–1825. С. 305.
97 Понятовский Станислав Август (1732–1798) – граф Понятовский, последний польский король и великий князь Литовский (1764–1795), один из фаворитов будущей российской императрицы Екатерины II.
98 Симбирцев И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718–1825. С. 307, 311.
99 Черкасов П. Русский агент во французском МИДе // Русская мысль. 2000 г. № 4316.
100 Симбирцев И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718–1825. С. 371–372.
101 Там же. С. 372.
102 Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. М., 2006. С. 339.
103 Алексеев М.А. Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II. – М., 2010. С. 6.
104 Алексеева М.А. Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II. С. 6.
105 Валеев Р.М., Мратхузина Г.Ф. Российско-индийские взаимоотношения в отечественной историографии и источниковедении. – Казань, 2007. С. 55.
106 Алексеева М.А. Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II. С. 6.
107 Валеев Р.М., Мратхузина Г.Ф. Российско-индийские взаимоотношения в отечественной историографии и источниковедении. С. 59.
108 Алексеева М.А. Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II. С. 12–13.
109 Алексеев М.А. Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II. С. 140.

110 Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. С. 340.
111 Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. – М., 2009. С. 137.
112 Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. С. 337.
113 Филиппеус Константин Федорович (1838–1898), из дворян, учился в Горыгорецком земледельческом институте, в 1854 г. окончил Петербургский университет, чиновник Министерства иностранных дел, преподавал немецкий язык в Гельсингфорсе, в 1863 г. участвовал в усмирении восстания в Польше, в апреле 1869 г. поступил в III Отделение, руководил 3-й экспедицией (политический сыск), в июне 1874 г. вышел в отставку.
114 Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII и XIX веков и Вольная печать. – М., 1984. С. 256.
115 Троцкий И. Третье отделение при Николае I. – Л., 1990. С. 21.
116 Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. С. 331.
117 Толстой Яков Николаевич (1791–1876) – участник Отечественной войны 1812 г., председатель литературно-общественного кружка «Зеленая лампа», член «Союза благоденствия», поэт, автор книги стихотворений «Мое праздное время».
118 Колонтаев К. Политическая разведка Российской империи // Дуэль. 2004 г. 20 апр. № 16; Черкасов П. Третий человек в Третьем отделении // Родина. 2007 г. № 9.
119 Рейтблат А.И. Русские писатели и III отделение (1826–1855) // НЛО. 1999 г. № 40.
120 Колонтаев К. Политическая разведка Российской империи // Дуэль. 2004 г. 20 апр. № 16.
121 Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. С. 337.
122 Рохау Август Людвиг (1810–1873) – немецкий историк. В 1833 г., за участие в нападении на франкфуртскую гауптвахту, был приговорен к 20-летней каторге, но бежал в Париж и только в 1848 г. возвратился в Германию. Был ревностным сторонником ее объединения. В 1871 г. был избран в германский рейхстаг.
123 Рейтблат А.И. Русские писатели и III отделение (1826–1855) // НЛО. 1999 г. № 40.
124 Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. С. 204–205, 206–207.
125 Широкорад А.Б. Парадоксы польского восстания 1863 года // Независимая газета. 2008 г. 6 июня.
126 Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. С. 361–365.
127 Герцен Александр (1812–1870) – русский писатель, публицист, философ, революционер. В 1847 г. эмигрировал за границу, где прославился своими радикально-республиканскими взглядами. Вместе с Огаревым возглавлял Вольную русскую типографию и издавал еженедельник «Колокол».
128 Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – русский мыслитель, революционер, анархист, панславист, один из идеологов народничества. С 1840 г. жил за границей. В 1844 г. Правительствующий сенат приговорил «бывшего поручика» Михаила Бакунина, отказавшегося вернуться в Россию, к лишению «дворянского достоинства и всех прав состояния», а также «в случае явки в Россию сослать в Сибирь в каторжную работу». Все принадлежащее ему в России имущество было конфисковано в казну.
129 Огарев Николай Платонович (1813–1877) – поэт, публицист, русский революционер. В 1856 г. эмигрировал в Великобританию; жил в Лондоне, где вместе с Герценом возглавил Вольную русскую типографию. Был одним из инициаторов и соредактором еженедельника «Колокол». Разработал социально-экономическую программу уничтожения крепостного права посредством крестьянской революции. Развил теорию «русского социализма», выдвинутую Герценом. В социалистических воззрениях Огарева

важную роль играли народнические тенденции. Участвовал в создании революционной организации «Земля и воля» (1860–1861), в пропагандистской кампании М.А. Бакунина и С.Г. Нечаева (1869–1870).
130 В 1843 г. находясь за границей, опубликовал памфлет с критикой Николая I и отказался вернуться по вызову Третьего отделения, поэтому был объявлен вне закона.
131 Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) – русский революционер, теоретик анархизма, географ, историк, литератор. В марте 1874 г. был арестован за участие в деятельности одной из ранних народнических организаций – «Большого общества пропаганды», известного как кружок «чайковцев». Вместе с другими членами кружка он вел революционную агитацию среди рабочих Петербурга, был одним из инициаторов «хождения в народ». Летом 1876 г. сбежал из тюремного госпиталя и сумел добраться до Лондона. Оттуда перебрался в Швейцарию.
132 Долгоруков Петр Владимирович (1816—1868) – князь, историк и публицист, деятель Вольной русской печати. В 1859 г. тайно выехал за границу, в Париже выпустил книгу «Правда о России», содержащую резкую критику правительства и программу реформ. В 1861 г. был приговорен Сенатом к лишению княжеского титула, прав, состояния и к вечному изгнанию. Сотрудничал в «Колоколе» Герцена, хотя во многом расходился с ним во взглядах.
133 Тургенев Николай Иванович (1789–1881) – русский экономист и публицист, активный участник движения декабристов. Один из крупнейших деятелей русского либерализма. В 1826 г., будучи членом «Союза благоденствия», отказался вернуться в Россию и был заочно приговорен за участие в движении декабристов к смертной казни.
134 Гартман Лев Николаевич (1850–1913) – русский революционер-народник. В 1876 г. примыкает к организации «Земля и воля» и принимает участие в революционном движении на юге России. В 1878–1879 гг. живет в тамбовской и саратовской коммунах землевольцев. После раскола «Земли и воли» вначале участвует в работе организации «Черный передел», однако вскоре переходит к народовольцам. В августе 1879 г. работает в Санкт-Петербурге в динамитной мастерской. В сентябре–ноябре 1879 г. (под именем Н.С. Сухорукова) участвует совместно с Софьей Перовской в подготовке покушения на царя Александра II (подкоп на железной дороге под Москвой). В декабре 1879 г. бежал за границу.
135 Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. С. 245.
136 Там же. 1826 – 1880. С. 246–247.
137 Меха И.В. Становление секретных служб России и их роль в освоении Азии. // Спецслужбы России на страже национальной безопасности страны: Материалы научной конференции «Русская военная разведка в Азии в XVIII – начале XX века». – Омск., 2007. С. 9–10.
138 Симбирцев И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880—1917. – М., 2006. С. 320–321.
139 Каширин В. Опасные связи капитана Прудкина // Родина. 2009. № 8.
140 Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). – М., 2000. С. 145.
141 Симбирцев И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880–1917. С. 317.
142 Пантелеева Т.Л. В.Л. Бурцев. Личная история, политическая и общественная деятельность в 1882–1907 годах. – Уфа. 2008, С. 88.
143 Там же. С. 82.
144 Швырев Петр Яковлевич (1863–1887) – русский революционер-народник.
145 Дембо (Бринштейн) Исаак Вульфович (1863–1890) – революционер-народник. За пропаганду среди столичных рабочих в 1884 г. привлекался к дознанию. Привлекался по делу 1 марта 1887 г. о цареубийстве. С арестом членов «Террористической фракции» эмигрировал в Цюрих, где проживал под фамилией Бринштейна. Здесь Дембо проявил

себя деятельным революционером, старался оживить революционную работу, завести связи с Россией и возобновить террор.
146 Дембовский Александр – член польской революционной партии «Пролетариат».
147 Теплов А. Л. – народоволец. В 1878 г. его дело слушалось в суде Сената. Был сослан на поселение в Восточную Сибирь. Эмигрировал в Париж, где входил в кружок террористов, готовившихся начать деятельность в России. Был ранен во время опыта с метанием снарядов.
148 Рейнштейн Борис – род. в 1866 г. Народоволец с 1884 г. Работал в Ростове. В эмиграции с 1886 г., здесь стоял на точке зрения сочетания социал-демократической пропаганды с террором. Перевел на русский язык ряд произведений Маркса и транспортировал нелегальную литературу в Россию. Принимал участие в подготовке покушения на Александра III. В марте 1889 г. после взрыва при опытах с метанием бомб (около Цюриха) перешел на типографскую работу. В 1890 г. был осужден парижским судом на 3 года каторги по подозрению в террористической работе. После освобождения уехал в Америку, где 25 лет был связан с социалистической рабочей партией. В 1917 г. вернулся в Россию, а в 1918 г. вступил в РКП. Занимался общественной работой, в т.ч. и в Коминтерне.
149 Раппопорт Юрий. В 1888 г. привез из-за границы «проект союза русских социально-революционных групп». По проекту реформы должны быть осуществлены рабочей социалистической партией, к которой присоединяются крестьяне. Но эти социалисты-народники рассчитывали в борьбе на интеллигенцию, немного на рабочих и на очень слабую поддержку крестьян.
150 Пантелеева Т.Л. В.Л. Бурцев. Личная история, политическая и общественная деятельность в 1882–1907 годах. С. 94, 95, 96, 98–99, 106–107, 137, 143.
151 Вершвовский М. Следствие было недолгим. – Л., 1991. С. 35, 42, 44–46.
152 Сообщение директору Департамента полиции. 3 августа 1904 года // Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. – СПб., 2005. С. 452–453.
153 Вершвовский М. Следствие было недолгим. С. 54–55.
154 Сообщение чиновника особых поручений в Париже Мануйлова директору департамента полиции // Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны. – СПб., 2005. С. 450.
155 Инаба Ч. Из истории разведки в годы Русско-японской войны (1904–1905). Международная телеграфная связь и перехват корреспонденции противника // Отечественная история. 1994. № 4–5.
156 Инаба Ч. Из истории разведки в годы Русско-японской войны (1904–1905). Международная телеграфная связь и перехват корреспонденции противника // Отечественная история. 1994. № 4–5.
157 Вершвовский М. Следствие было недолгим. С. 65.
158 Павлов Д.Б. Российская контрразведка в годы Русско-японской войны // Отечественная история. 1996. № 1.
159 Чертопруд С.В. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. – М., 2002. С. 5.
160 Соловьев В. Сочинения в 18 кн. Кн. III. История России с древнейших времен. 5–6. – М., 1990. С. 505.
161 Соловьев В. Сочинения в 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. 7–8. – М., 1990. С. 48–49.
162 Смирнов А.А. Русский флот до Петра // Масоны в русском флоте. – СПб., 2001. С. 39.
163 Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. 3. Курс русской истории. Ч. 3. – М., 1957. С. 264 – 266.
164 Соловьев В. Сочинения в 18 кн. Кн. V. История России с древнейших времен. Ч. 9–10. – М., 1990. С. 291–292.

165 Беликов М. Разведка в русском феодальном государстве XV–XVII веков.
166 Смирнов А.А. Русский флот до Петра // Масоны в русском флоте. С. 63–64.
167 Белая книга российских спецслужб. – М., 1996. С. 6.
168 Беликов М. Разведка в русском феодальном государстве XV–XVII веков.
169 Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года. – М., 1995. С. 40.
170 Смирнов А.А. Русский флот до Петра // Масоны в русском флоте. С. 59–60, 62–63.
171 История спецслужб России. – М., 2004. С. 47, 48.
172 Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 3. – М., 1958. С. 25–27.
173 Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т. 4. С. 110–111.
174 Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. – М., 1998. С. 25–26.
175 Симбирцев И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718–1825. С. 334.
176 Там же. С. 354–355.
177 Прохоренко О. «Черепановы мне друзья, но истина дороже» // Гудок. 2000. 5 ноября. № 207-бис.
178 Тарле Е.В. Сочинения в 12 т. Т. 4. – М., 1958. С. 68.
179 Алексеев М.А. Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II. – М., 2010. С. 147.
180 Очерки истории российской внешней разведки. В 6. т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года. С. 146–148.
181 Алексеева М.А. Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II. С. 137.
182 Там же.С. 113, 416–417.
183 Там же. С. 148.
184 История винтовки. От пистолета до автомата. – М., 1993. С. 17.
185 Очерки истории российской внешней разведки. В 6. т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года. С. 150–151.
186 Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917). Кандидатская диссертация. – М., 2008. С. 58.
187 Алексеев М.А. Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II. С. 149.
188 Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. С. 61.
189 Емелин А. Военно-морские агенты России // Морской сборник. 2007. № 2.
190 Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. С. 55–56.
191 Там же. С.57–58.
192 История винтовки. От пистолета до автомата. С. 26.
193 Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696 – 1917). С. 64.
194 Приспособление для выдвижения гильзы из ствола.
195 Ильина Т.И. Военные агенты и русское оружие. – СПб., 2008. С. 64–66.
196 Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. С. 61–63.
197 Ильина Т.И. Военные агенты и русское оружие. С. 64–66.
198 Там же.
199 Там же.
200 Там же.
201 Там же.
202 Там же.
203 Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года. С. 163.

204 Емелин А. Военно-морские агенты России // Морской сборник. 2007. № 2.
205 Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917). С. 89.
206 Звонарев К.К. Агентурная разведка. В 2 т. Т. 1. – М., 1931. С. 11.
207 Звонарев К.К. Агентурная разведка. С. 69 – 71.
208 Ильина Т.И. Военные агенты и русское оружие. С. 31.
209 Дроздов Ю.И. Нужная работа. – М., 1994. С. 20.
210 Вершвовский М. Следствие было недолгим. С. 65.
211 Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917). С. 189–190.
212 Соловьева В. Инженер, который мог спасти «Титаник» // Секретные материалы. 2000. № 21 (40).
213 Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. С. 111.
214 Устинов С.М. Записки начальника контрразведки. – Ростов-на-Дону, 1991. С. 18.
215 Звонарев К.К. Агентурная разведка. В 2 т. Т. 2. – М., 1931. С. 35.
216 Сейдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России. – М., 1939. С. 24.
217 Орлов В.Г. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. – М., 1998. С. 200–212.
218 Таратута Ж.В., Зданович А.А. Таинственный шеф Мата Хари. Секретное досье КГБ № 21152. – М., 2000. С. 86.
219 Александров А.О., Петров Г.Ф. Крылатые пленники России. – СПб., 1997. С. 8–9.
220 Александров А. О., Петров Г.Ф. Крылатые пленники Росии. С. 74 .
221 Там же. С. 9.
222 Соболев Д.А., Хазанов Д.Б. Немецкий след в истории отечественной авиации. – М., 2000. С. 33.
223 Левченко А. Его называли советским Максимом // Гудок. 2001. 23 февраля. № 33.
224 Болеслав I Храбрый (967–1025) – польский князь (992–1025) и король (1025).
225 Юрий (Георгий) Всеволодович (1188–1238) – великий князь Владимирский (1212–1216, 1218–1238).
226 Бела IV (1206–1270) – венгерский король из династии Арпадов.
227 Симбирцев И. Первая спецслужба России. Тайная канцелярия Петра I и ее преемники. 1718–1825. – М., 2006. С. 298.
228 Лукомские – княжеский род литовского происхождения. В 1473 г. князь Иван Лукомский выехал в Москву, а его имение в Литве было конфисковано.
229 Ягеллон Александр (1461–1506) – великий князь Литовский с июля 1492 г. (провозглашение избрания в октябре 1501 г.), король Польши с декабря 1501 г.
230 Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. – М., 1999. С. 88.
231 Беликов М. Разведка в русском феодальном государстве XV–XVII веков. Диссертация кандидата исторических наук. – М., 1946.
232 Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. С. 95.
233 Беликов М. Разведка в русском феодальном государстве XV–XVII веков.
234 Север А. Русско-украинские войны. – М., 2009. С. 77–79.
235 Беликов М. Разведка в русском феодальном государстве XV–XVII веков.
236 Кудрявцев Н.А. Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. С. 205–206.
237 Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. С. 96.
238 Беликов М. Разведка в русском феодальном государстве XV–XVII веков.
239 Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. С. 400.
240 Там же. С. 401.
241 Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. С. 402.
242 Там же. С. 405.
243 Там же. С. 407–408.

244 Там же. С. 408–409.
245 Курукин И.В., Никулина Е.А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. С. 412.
246 Там же. С. 412–413.
247 Там же. С. 407–415.
248 Дроздов Ю. Нужная работа. С. 16.
249 Чукарев А.Г. Тайная полиция Николая I (1826–1855). В двух книгах. Кн. 1. – Ярославль, 2003. С. 110.
250 Документы русской военной контрразведки в 1812 г. Вступ. ст. и публ. / В.М. Безотосного // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. II, III. – М., 1992.
251 Энциклопедия секретных служб России. – М., 2003. С. 31–32.
252 Канунников А. Военно-секретная полиция России // На боевом посту. 1994. № 4; Энциклопедия секретных служб России. С. 33–34.
253 Григорьев Б.Н., Колоколов Б.Г. Повседневная жизнь российских жандармов. – М., 2007. С. 93–94.
254 Там же. С. 96–104.
255 Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. С. 132–133.
256 Там же. С. 216–217.
257 Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825–1855. – М.; Жуковский, 2005. С. 440.
258 Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826–1880. – М., 2006. С. 139, 140.
259 Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. С. 134.
260 Там же. С. 135.
261 Там же. С. 221–222.
262 Желябов Андрей Иванович (1851–1881) – революционер-народник, член Исполнительного комитета «Народной воли», один из организаторов убийства императора Александра II.
263 Колодкевич Николай Николаевич (1849–1884) – революционер-народник, член Исполнительного комитета «Народной воли».
264 Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – выдающийся русский военачальник и стратег. Генерал-адъютант (1878), генерал от инфантерии (1881).
265 Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) – военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1891). В 1887—1889 гг. – начальник Николаевской академии Генерального штаба.
266 Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма в 1866–1882 годах. – М., 1978. С. 221.
267 Курукин И. Загадки генерала Скобелева // Парламентская газета. 2007. 11 октября.
268 Буцевич А.В. (1849–1885) – в 1881–1882 гг. один из руководителей Военно-революционной организации «Народной воли»; с апреля 1882 г. – член ИК «Народной воли». Арестован в июне 1882 г. Приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.
269 Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма в 1866–1882 годах. С. 221.
270 Суханов Николай Евгеньевич (1851–1882) – лейтенант ВМФ, революционер, народник. В 1871–1872 гг. участвовал в «тайном революционном обществе» моряков, арестован в феврале 1872 г., но из-за недостатка улик освобожден. Осенью 1879 г. стал членом Исполнительного комитета «Народной воли», возглавлял ее Военную организацию, участвовал в подготовке покушения на Александра II 1 марта 1881 г. Арестован 28 апреля 1881 г. Судился по «процессу 20-ти». Приговорен к смертной казни, расстрелян.
271 Фигнер Вера Николаевна (1852–1942) – русская революционерка, террористка, член Исполнительного комитета «Народной воли», позднее эсерка.

272 Васильев И.И., Зданович А.А. Защита военных и государственных секретов в России до начала XX века // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. – М., 2007. С. 148.
273 Каширин В. Разведчики военного шпионства // Родина. 2008. № 8; Зверев В.О. Организация германской агентурной разведки в Санкт-Петербурге и борьба с ней контрразведки (1910–1914 гг.): Историографический обзор // Омский научный вестник. 2006. № 1 (30); Кравцев И.Н. Тайные службы империи. – М., 1999. С. 99–143; Зверев В.О. О некоторых организационных аспектах становления органов морской контрразведки Российской империи на Балтийском театре военных действий (1914–1918) // Омский научный вестник. 2006. № 2 (31); Кирмель Н.С. «…Японские прачки и парикмахеры открыли… много магазинов с целью конспирации шпионской деятельности» // Военно-исторический журнал. 2001. № 3; Надтачиев В.Н. Военная контрразведка Белоруссии: Судьбы, трагедии, победы… – Минск, 2008. С. 11–17; Хлобустов О. Госбезопасность от Александра I до Путина. М., – 2005. С. 129–139; Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. С. 120–163; Никитин Б.В. Роковые годы. М., 2000. С. 3–215.
274 Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. – Омск, 2008. С. 69.
275 Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. – СПб., 2006. С. 45–46, 49, 65.
276 Каширин В. Разведчики военного шпионства // Родина. 2008. № 12.
277 Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 годов. – М., 2004. С. 35–38; Брачев В.С. Заграничная агентура Департамента полиции. – СПб., 2001. С. 91.
278 Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. С. 148; Каширин В. Разведчики военного шпионства // Родина. 2008. № 12.
279 Павлов Д., Петров С. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 годов. – М., 1993. С. 322.
280 Поросков Н. Борьба с «военным шпионством» в России // Независимое военное обозрение. 1998. № 27.
281 Павлов Д., Петров С. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 годов. С. 322.
282 Поросков Н. Борьба с «военным шпионством» в России // Независимое военное обозрение. 1998. № 27; Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. С. 155.
283 Батюшин Н. Тайная военная разведка и борьба с ней. – М., 2002. С. 107.
284 Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. С. 75, 77; Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. С. 179, 181.
285 Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. С. 163–164; Зверев О.В. Организация внутренней агентуры столичных отделений контрразведки (1911–1913) // Спецслужбы России на страже национальной безопасности страны: Материалы научной конференции «Русская военная разведка в Азии в XVIII – начале XX века». – Омск, 2007. С. 30.
286 Зверев О.В. Организация внутренней агентуры столичных отделений контрразведки (1911–1913) // Спецслужбы России на страже национальной безопасности страны: Материалы научной конференции «Русская военная разведка в Азии в XVIII – начале XX века». С. 30.
287 Зверев О.В. Организация внутренней агентуры столичных отделений контрразведки (1911 – 1913) // Спецслужбы России на страже национальной безопасности страны: Материалы научной конференции «Русская военная разведка в Азии в XVIII – начале XX века». С. 27–28.

288 Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. С. 78, 79.
289 Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. С. 80, 84; Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. С. 184.
290 Надтачиев В.Н. Военная контрразведка Белоруссии: Судьбы, трагедии, победы… С. 18.
291 Лазарев В.И. Секреты меблированных комнат // Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. С. 156.
292 Зверев О.В. Организация внутренней агентуры столичных отделений контрразведки (1911–1913) // Спецслужбы России на страже национальной безопасности страны: Материалы научной конференции «Русская военная разведка в Азии в XVIII – начале XX века». С. 27–28.
293 Шмидт Петр Петрович (1867–1906) – русский революционер, демократ, один из руководителей Севастопольского восстания.
294 Вязьмитинов М.Н. Жандармы и армия. Политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 годах // Военно-исторический журнал. 1995. № 1.
295 Зданович А.А. Забытое дело подполковника Гримма // Независимое военное обозрение. 1998. № 6.
296 Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. С. 67, 74.
297 Военная контрразведка. История. События. Люди. Книга первая. – М., 2008. С. 15.
298 Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. С. 67, 74.
299 Павлов Д.Б. Российская контрразведка в годы русско-японской войны // Отечественная история. 1996. № 1.
300 Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. С. 197.
301 Астраханская история. Жандармы и контрразведка. – Астрахань, 2008. С. 25, 26.
302 Там. же. С. 58–59.
303 Астраханская история. Жандармы и контрразведка. С. 60.
304 Там же. С. 65.
305 Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. С. 34–35.
306 Там же. С. 36.
307 Кирмель Н.С. «…Японские прачки и парикмахеры открыли… много магазинов с целью конспирации шпионской деятельности» // Военно-исторический журнал. 2001. № 3.
308 Там же.
309 Павлов Д.Б. Российская контрразведка в годы Русско-японской войны // Отечественная история. 1996. № 1; Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 годов: Секретные операции на суше и на море. – М., 2004; Кравцов И.Н. Японская разведка на рубеже XIX–XX веков (Документальное исследование о деятельности японской разведки в указанный период). – М., 2004; Деревянко И.В. Щупальца спрута. – М., 2004. С. 94–128.
310 Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. С. 49–50.
311 Там же. С. 159–163.
312 Белозер В. Контрразведывательная деятельность в русском флоте (1900–1918) // Морской сборник. 2009. № 8.
313 Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. С. 183–184; Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. С. 111.

314 Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. С. 183–184; Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. С. 112.
315 Белозер В. Контрразведывательная деятельность в русском флоте (1900–1918) // Морской сборник. 2009 год. № 8.
316 Астраханская история. Жандармы и контрразведка. С. 26.
317 Звонарев К.К. Агентурная разведка. В двух томах. Т. 2. – М., 1931. С. 40.
318 Павлов Д., Петров С. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. С. 271.
319 Клембовский В.Н. Тайны разведки (военное шпионство). – Санкт-Петербург, 1911. С. 82; Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. С. 128.
320 Орлов В.Г. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. С. 19–28.
321 Польский Г. Провал агента А-47 // Новости Разведки и Контрразведки. 1996. № 24 (81).
322 Роуан Р. Очерки секретной службы. Из истории разведки. – СПб., 1992. С. 225.
323 Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. С. 33; Зверев В.О. Вербовка германской агентуры в Петербургском военном округе в канун Первой мировой войны: от реальности к мифу // Спецслужбы России на страже национальной безопасности страны: Материалы научной конференции «Русская военная разведка в Азии в XVIII – начале XX века». – Омск, 2007. С. 34; Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. С. 55.
324 Старков Б.А. Указ. соч. С. 186–187.
325 Кирмель Н.С. «…Японские прачки и парикмахеры открыли… много магазинов с целью конспирации шпионской деятельности» // Военно-исторический журнал. 2001. № 3.
326 Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. С. 149.
327 Степанов Ю.Г., Цветков И.Ф. Эскадренный миноносец «Новик». – Л., 1981. С. 73.
328 Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. С. 44–45.
329 Там же. С. 45.
330 Федосеев С. Ядро, шрапнель, снаряд // Вокруг света. 2008. Сентябрь. № 9.
331 Зверев В.О. Указ. соч. С. 48.
332 Там же. С. 45.
333 Там же. С. 46.
334 Там же. С. 46.
335 Сейдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России. – М., 1939. С. 33.
336 Зверев В.О. Указ. соч. С. 46.
337 Там же. С. 59.
338 Там же. С. 112–113.
339 Там же. С. 116.
340 Там же. С. 50.
341 Зверев В.О. Указ. соч. С. 51.
342 Там же. С. 53.
343 Агент. (Прим. авт.)
344 Действительный статский советник.
345 Общедоступное негосударственное просветительское учреждение клубного типа. В России создавались начиная с последнего десятилетия XIX в., особенно широко – после революции 1905 г. Финансировались местными промышленниками, частными благотворителями, муниципальными управами, обществами трезвости.
346 Контрразведывательные отделения.

347 Алексеев М. Военная разведка России. Первая мировая война. Кн. III, ч. 2. – М., 2001. С. 167–168; Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. С. 150, 152.
348 Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1917): Организационное строительство. – М., 2004. С. 18–20, 21, 33.
349 Там же. С. 29–30.
350 Там же. С. 34–35.
351 Зверев В.О. О некоторых организационных аспектах становления органов морской контрразведки Российской империи на Балтийском театре военных действий (1914–1918) // Омский научный вестник. 2006. № 2 (31).
352 Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. С. 120.
353 Зданович А.А. Организация и становления спецслужб Российского флота // Материалы исторических чтений на Лубянке. Российские спецслужбы. История и современность. 1997–2000 годы. С. 5–6.
354 Зверев В.О. О некоторых организационных аспектах становления органов морской контрразведки Российской империи на Балтийском театре военных действий (1914–1918) // Омский научный вестник. 2006 год. № 2 (31).
355 Буяков А., Плутов А. В дореволюционной России // Сб. Честь и верность. 70 лет военной контрразведки Тихоокеанского флота. – Владивосток, 2002. С. 10–11.
356 Зверев В.О. О некоторых организационных аспектах становления органов морской контрразведки Российской империи на Балтийском театре военных действий (1914–1918) // Омский научный вестник. 2006. № 2 (31).
357 Белозер А. Контрразведывательная деятельность в русском флоте (1900—1918) // Морской сборник. 2009. № 9.
358 Зверев В.О. О некоторых организационных аспектах становления органов морской контрразведки Российской империи на Балтийском театре военных действий (1914–1918) // Омский научный вестник. 2006. № 2 (31).
359 Зданович А.А. Организация и становления спецслужб Российского флота // Материалы исторических чтений на Лубянке. Российские спецслужбы. История и современность. 1997–2000 годы. С. 8–9; Буяков А., Плутов А. В дореволюционной России // Сб. Честь и верность. 70 лет военной контрразведки Тихоокеанского флота. – Владивосток, 2002. С. 12.
360 Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917). С. 405.
361 Зданович А. Постарайтесь убрать «Марию» // Независимое военное обозрение. 1999. 23 июля; Линейный корабль «Императрица Мария» // http://flot.sevastopol.info/ship/linkor/impmariya.htm.
362 Докладная записка Г.Г. Ягоды И.В. Сталину о «диверсионной» деятельности сотрудников конторы «Контроль-К» 10 декабря 1933 года // Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 года. – М., 2003. С. 474.
363 Докладная записка Я.С. Агранова И.В. Сталину по делу ликвидированной ГПУ УССР организации «Мариуполь – Николаев». 15 сентября 1933 года // Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 г. С. 468–469.
364 Спецсообщение Г.Е. Прокофьева И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу о необходимости арестов австрийских и германских подданных // 3 ноября 1933 года. Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 года. С. 470.
365 Записка Г.Г. Ягоды И.В. Сталину с приложением записки А.Я. Вышинского о поджоге подводных лодок. 29 января 1934 года // Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ –

НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 года. С. 480.
366 Трошина Т.И. Великая война… Забытая война… Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). – Архангельск, 2008. С. 130–131.
367 Зверев В.О. О некоторых организационных аспектах становления органов морской контрразведки Российской империи на Балтийском театре военных действий (1914–1918) // Омский научный вестник. 2006. № 2 (31).
368 Звонарев К.К. Агентурная разведка. В 2 т.. Т. 2. С. 43.
369 Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. С. 48–49.
370 Кирмель Н.С. Германские шпионы торговали в Сибири швейными машинками «Зингер» // Военно-исторический журнал. 2002. № 4.
371 Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. С. 164.
372 Зверев В.О. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу накануне Первой мировой войны. С. 120–121.
373 Кирмель Н.С. Германские шпионы торговали в Сибири швейными машинками «Зингер» // Военно-исторический журнал. 2002 год. № 4; Сейдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России. – М., 1939. С. 24.
374 Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. – М., 1919. С. 10.
375 Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. – М., 1964. С. 59.
376 Орлов В.Г. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. – М., 1998. С. 293.
377 Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. С. 48.
378 Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. С. 155.
379 Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – русский военачальник и военный педагог, генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915), главный инспектор кавалерии РККА (1923).
380 Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. С. 155.
381 Яковлев Л.С. Контрразведка России накануне и в годы Первой мировой войны // Сб. «Научная конференция ФСБ России. «Исторические чтения на Лубянке» 1997 года. Российские спецслужбы: история и современность». —М., 1998.
382 Польский Г. Цена предательства... // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 22 (79).
383 Рюдеваль Р. Разведка и шпионаж. Практические указания строевым офицерам. СПб., 1912. С. 31–32, 41; Мартынов Е.Н. Из печального опыта русско-японской войны, СПб.. 1906. С. 149, 150; Изместьев П.И. Значение секрета и скрытности. – Варшава, 1906. С. 13, 17, 157; Клембовский В.Н. Тайны разведки (военное шпионство). – СПб., 1911. С. 6–8, 114; Скосаревский Г. Из боевой жизни офицера разведчика. – СПб., 1911. С. 10; и др.
384 Зверев В.О. Вербовка германской агентуры в Петербургском военном округе в канун Первой мировой войны: от реальности к мифу // Спецслужбы России на страже национальной безопасности страны: Материалы научной конференции «Русская военная разведка в Азии в XVIII – начале XX века». С. 34.
385 Бояджи Э. История шпионажа в двух томах. Т. 1. – М., 2003. С. 16–17; Зверев В.О. Вербовка германской агентуры в Петербургском военном округе в канун Первой мировой войны: от реальности к мифу // Спецслужбы России на страже национальной безопасности страны: Материалы научной конференции «Русская военная разведка в Азии в XVIII – начале XX века». С. 34–35; Симбирцев И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880–1917. – М., 2006. С. 358–359; Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. – М., 2009. С. 76–79.
386 Находилась в месте слияния рек Висла и Нарева в 30 километрах от Варшавы.

387 Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. – М., 2009. С. 76–79; Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция. Т. 1. – Нью-Йорк, 1962. С. 103–111; Бахурин Ю.А. Шпиономания как фактор деморализации войск гарнизона крепости Новогеоргиевск в кампаниях 1914–1915 годов // Материалы II Международной научной студенческой конференции «Научный потенциал студенчества – будущему России». Т. 3. Философия и история. – Ставрополь, 2008.
388 Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1917): Организационное строительство. – М., 2004. С. 77, 80, 81, 85, 86.
389 Звание лица без соответствующего чина, но с образованием в Российской армии с 1891 г., занимавшего в военное время классную должность (до 8-го класса включительно по Табели о рангах).
390 Имеется в виду печатная машинка.
391 Буланже Жорж Эрнест Жан Мари (1837–1891) – французский генерал, политический деятель и вождь реваншистско-антиреспубликанского движения, известного как буланжизм.
392 Чертопруд С.В. Законодательные акты по защите гостайны в Российской империи в начале XX века // Вопросы защиты информации. 1996. № 4 (35).
393 Таганцев Николай Степанович (1843–1923) – известный русский юрист, криминалист, государственный деятель.
394 Лурье Ф. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1917. – М., 1998. С. 100–101.
395 Звонарев К.К. Агентурная разведка. В двух томах. Т. 2. – М., 1929. С. 35.
396 Резанов А.С. Немецкое шпионство. – Пг., 1915. С. 150.
397 Зданович А.А. Забытое дело подполковника Гримма. //Независимое военное обозрение. 1998. № 6.
398 Галвазин И.П. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной деятельности. – М., 2001. С. 14.
399 Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) – русский генерал от кавалерии, военный министр (март 1909 г. – июнь 1915 г.).
400 Галвазин И.П. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной деятельности. С. 40–41.
401 Чертопруд С.В. Законодательные акты по защите гостайны в Российской империи в начале XX века // Вопросы защиты информации. 1996. № 4 (35).
402 Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) – русский государственный деятель, министр юстиции (1906–1915).
403 Галвазин И.П. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной деятельности. С. 7–8.
404 Чертопруд С.В. Особенности защиты государственных секретов в России в начале 20 века. Дипломная работа. Российский государственный гуманитарный университет. – М., 1997.
405 Чертопруд С.В. Законодательные акты по защите гостайны в Российской империи в начале XX века // Вопросы защиты информации. 1996. № 4 (35).
406 Батюшин Н. Тайная военная разведка и борьба с ней. – М., 2002. С. 109–110.
407 Авербах О. Законодательные акты, вызванные войной 1914 г. с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. – СПб., 1914. С. 75–80.
408 Там же. С. 504.
409 Авербах О. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. Спб., 1915. С. 847.
410 Батюшин Николай Степанович (1874–1957) – в октябре 1914 г. начальник Разведывательного отделения штаба Северо-Западного фронта, с октября 1915 г. – генерал для поручений при главнокомандующем армиями Северного фронта, в декабре 1915 г.

присвоено звание генерал-майор. В начале 1917 г. возглавлял комиссию по борьбе со шпионажем при штабе Северного фронта.
411 Батюшин Н. Тайная военная разведка и борьба с ней. – М., 2002. С. 128.
412 Рюдеваль Р. Разведка и шпионаж. Практические указания строевым офицерам. – СПб., 1912.
413 Немецкий шпионаж. – М., 1914. С. 10.
414 Устинов С.М. Записки начальника контрразведки. – Ростов-на-Дону, 1991. С. 17.
415 Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956) – в августе—сентябре 1914 г. генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии Юго-Западного фронта, затем – штаба Северо-Западного фронта. С апреля 1915 г. начальник штаба 6-й армии, дислоцировавшейся в Петрограде и его окрестностях, затем до февраля 1916 г. – начальник штаба Северного фронта. С марта 1916 г. – начальник гарнизона Пскова, где находилась Ставка главкома Северного фронта.
416 Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. – М., 1964. С. 54.
417 Поросков Н. Борьба с «военным шпионством» в России // Независимое военное обозрение. 1998 год. № 27.
418 Чернозубов А. Служба Генерального штаба. Разведывательная организация армии. – СПб., 1901. С. 8.
419 Там же. С. 25–27.
420 Мартынов Е.Н. Из печального опыта русско-японской войны. – СПб., 1906. С. 30.
421 Сахаров В. Распределение занятий Главного штаба по его управлениям, отделам и столам. – СПб., 1903. С. 6.
422 Там же. С. 18.
423 Правила хранения в частях и учреждениях Военного ведомства документов по мобилизации Средне-Азиатской железной дороги. – Ташкент, 1911. С. 1–16.
424 Ухач-Огорович И.А. Манчьжурский театр военных действий в период Русско-японской войны 1904–1905 годов. – Киев, 1911. С. 131–133.
425 Галвазин И.П. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной деятельности. – М., 2001. С. 69–70.
426 Наступательная операция русской армии против Германии в начале Первой мировой войны с 17 августа по 15 сентября 1914 г. завершилась поражением русской армии.
427 Польский город Ниндзица (Нейденбург – немецкое название этого населенного пункта).
428 Батюшин Н. Тайная военная разведка и борьба с ней. – М., 2002. С. 43.
429 Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. – М., 1994. С. 214–215.
430 Изместьев В. Значение секрета и скрытности. – Варшава, 1906. С. 12–13.
431 Богуславская О. Ключ без права передачи //МК – Московский комсомолец. 1996. 26 июня. № 116.
432 Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. – М., 1996. С. 361.
433 Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. С. 385–386.
434 Кан Д. Взломщики кодов. – М., 2000. С. 107.
435 Чертопруд С.В. Век технической разведки // Независимое военное обозрение. 1998. 4 декабря. № 46.
436 Партала М.А. У истоков радиоразведки // Защита информации. Конфидент. 2001 год. № 6.
437 Мерзляков В.М. Об организации контрразведывательных органов России // Сб. «Исторические чтения на Лубянке» 1998 года. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века – 1922 год».
438 Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. – М., 1994. С. 277.
439 Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. С. 388–391.
440 Один из древнейших шифров. При шифровании каждый символ заменяется другим, отстоящим от него в алфавите на фиксированное число позиций.

441 Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. С. 393–394.
442 Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. С. 278.
443 Современный шпионаж // Приложение к журналу «Копейка». – М., 1915. С. 15.
444 Звонарев К.К. Агентурная разведка. В двух томах. Т. 2. – М., 1931. С. 69.
445 Батюшин Н. Тайная военная разведка и борьба с ней. – М., 2002. С. 116–117.
446 Там же. С. 117–118.
447 Трифанов М.А. Фельдъегерская связь в России. Исторический очерк. М., 1994. С. 119–121.
448 Трифанов М.А. Фельдъегерская связь в России. Исторический очерк. С. 130–131.
449 Там же. С. 133.
450 Резанов А.С. Немецкое шпионство. – Пг., 1915. С. 324–325.
451 Лаємсдорф (также Ламздорф или Ламбсдорф) Владимир Николаевич (1844–1907) – граф, российский государственный деятель, министр иностранных дел России в 1900–1906 гг.
452 Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – российский государственный деятель, министр финансов России (1892–1903), председатель Комитета министров, председатель Совета министров Российской империи (1905–1906).
453 Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. – М., 1990. С. 112–113.
454 Шишкин Николай Павлович (1830–1902) – с 1891 г. состоял на должности товарища министра иностранных дел; с 14 января 1895 г. – временный управляющий МИДом; министр с 19 августа 1896 г. до 1 января 1897 г.
455 Ламсдорф В.Н. Дневник. 1894–1896. – М., 1995. С. 133–134.
456 Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896) – министр иностранных в 1885–1896 гг.
457 Ламсдорф В.Н. Дневник. 1894–1896. – М., 1995. С. 213.
458 Сборник секретных документов из архива бывшего МИДа № 1. – Петроград, 1917. С. 5.
459 Сборник секретных документов из архива бывшего МИДа № 2. – Пг., 1917. С. 38.
460 Константинополь и проливы. По секретным материалам бывшего МИДа. Кн. 1. – М., 1925. С. 221.
461 Там же. Кн. 1. С. 226.
462 Сборник секретных документов из архива бывшего МИДа № 6. – Пг., 1918. С. 190–272.
463 Сборник секретных документов из архива бывшего МИДа № 2. С. 56.
464 Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. – М., 1994. С. 232–275.
465 Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. С. 289–291.
466 Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. С. 291–295.
467 Звонарев К.К. Агентурная разведка. В 2 т. Т. 1. М., 1929. С. 7–9.
468 Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. С. 47.
469 Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т. 1. С. 80–82.
470 Там же. С. 87.
471 Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т. 1. С. 79–80.
472 Там же. С. 2–78.
473 Синяя книга. Сборник тайных документов – извлеченных из архива бывшего Министерства иностранных дел. – М., 1918. С. 1–3.
474 Игнатьев Николай Павлович (1832–1908) – российский государственный деятель, дипломат-панславист, генерал от инфантерии (16 апреля 1878 г.), граф (12 декабря 1877 г.), генерал-адъютант.
475 Игнатьев Алексей Алексеевич (1877–1954) – граф, российский и советский военный деятель, дипломат, писатель. С 1912 по 1917 г. – военный агент во Франции.
476 Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Кн. 4–5. – М., 1989. С. 13–20.

477 Там же. Кн. 1–3. – М., 1989. С. 582–583.
478 Биграєммный шифр – это криптографический алгоритм, который предназначен для шифрования групп из двух букв (биграмм).
479 Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. С. 184–189.
480 Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. – М., 1997. С. 31–32.
481 Женщины-террористки в России. – Ростов-на-Дону, 1996. С. 7.
482 Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. С. 32—33.
483 Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866) – российский революционер-террорист, совершивший неудачное покушение на русского императора Александра II.
484 Женщины-террористки в России. С. 3.
485 История сыска в России. Кн. 1. – Минск, 1996. С. 7–8.
486 Лопухин Алексей Александрович (1864–1928) – российский судебный и административный деятель, директор Департамента полиции в 1902 г. – 1 марта 1905 г.
487 Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – русский публицист и издатель, дворянин Уфимской губернии, заслуживший за свои разоблачения провокаторов Департамента полиции прозвище «Шерлока Холмса русской революции».
488 Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка 16. Политический сыск при царях. – М., 1993. С. 212.
489 Дело Лопухина. В особом присутствии правительствующего сената. – СПб., 1910. С. 3–8.
490 Курлов П.Г. Гибель императорской России. – Берлин, 1923. С. 228.
491 Женщины-террористки в России. С. 84–90, 98.
492 Дресвянин С. Секретная война. – СПб., б./г. С. 85–86.
493 Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917) – офицер полиции Российской империи, известный русский деятель полицейского сыска и полицейский администратор, полковник Отдельного корпуса жандармов. С 1896 по 1902 г. – начальник Московского охранного отделения. С 1902 по 1903 г. – начальник Особого отдела Департамента полиции.
494 Линдер И.Б., Нечипоренко О.М., Титков О.М. По ту сторону зеркала. – М., 1997. С. 265.
495 Тайны политического сыска: инструкция о работе с секретными сотрудниками. – СПб., 1992. С. 14–15.
496 Агафонов В.К. Заграничная охранка. Составлено по секретным документам заграничной агентуры и Департамента полиции. – Пг., 1918. С. 197.
497 Там же. С. 187.
498 Агафонов В.К. Заграничная охранка. Составлено по секретным документам заграничной агентуры и Департамента полиции. С. 188.
499 Там же. С. 188.
500 Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. – М., 1917. С. 32.
501 Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. С. 10.
502 Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. С. 215–216.
503 Там же. С. 218.
504 Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во время царской власти.// Голос минувшего. 1917 год. Сентябрь – октябрь. № 9–10. С. 253.
505 Там же. С. 255.
506 Там же. С. 263–264.
507 Агафонов В.К. Заграничная охранка. Составлено по секретным документам Заграничной агентуры и Департамента полиции. – Пг., 1918. С. 6.
508 История сыска в России. Кн. 1. – Минск, 1996. С. 291–292.
509 Агафонов В.К. Заграничная охранка. Составлено по секретным документам заграничной агентуры и Департамента полиции. С. 9.
510 История сыска в России. Кн. 2. С. 207.
511 Санников Г.З. Большая охота. Разгром вооруженного подполья в Западной Украине. М., 2002. С. 109–113.

512 Чертопруд С. Век технической разведки // Независимое военное обозрение. 1998. № 46.
513 Спиридович А. Записки жандарма. – М., 1991. С. 30–32.
514 Меньщиков Леонид Петрович (1869–1932) – в 1885–1887 гг. участвовал в народовольческих кружках; в 1887 г. был арестован, дал откровенные показания; поступил в Московское охранное отделение, дослужился до старшего помощника заведующего Особым отделом Департамента полиции. В 1909 г. выехал за границу и принял активнейшее участие в разоблачительной кампании против агентов политического сыска, работавших в революционной среде.
515 Бурцев В.А. В погоне за провокаторами. – М., 1989. С. 70.
516 Там же. С. 160.
517 Брачев В.С. Заграничная агентура Департамента полиции. – СПб., 2001. С. 10.
518 Роуан Р. Очерки секретных служб. – СПб., 1992. С. 341–344.
519 Красильников Александр Александрович (1861–1931) – заведующий Заграничной агентурой Департамента полиции с 1909 по 1917 г.
520 История сыска в России. С. 138.
521 История сыска в России. С. 149.
522 Борисов А. Особый отдел империи. – СПб; М., 2001. С. 438–440.
523 Там же. С. 447–448.
524 Бурцев В.А. В погоне за провокаторами. С. 41.
525 Белецкий Степан Петрович (1873–1918) – директор Департамента полиции в 1912 – 1914 гг.
526 Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. С. 337.
527 Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. С. 383.
528 Соболева Т.А. Тайнопись в истории России. С. 288.
529 Рууд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. С. 375.
530 Никитинский И., Софиков П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918. – М., 1942. С. 10–11.
531 Там же. С. 48.
532 Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. С. 10.
533 История сыска в России. С. 228.
534 Там же. С. 233.
535 История сыска в России. С. 233–235.
536 Богучарский В. Третье отделение собственной ее императорского высочества канцелярии о себе самой // Вестник Европы. 1917 год. Март. Кн. 3. С. 86.
537 Спиридович Александр Иванович (1873–1952) – начальник императорской дворцовой охраны, генерал-майор Корпуса жандармов.
538 Агафонов В.К. Заграничная охранка. Составлено по секретным документам Заграничной агентуры и Департамента полиции. С. 129.
539 Варламов А. Григорий Распутин-Новый. – М., 2008; Радзинский Э. Распутин. Жизнь и смерть. – М., 2007; Шишкин О. Распутин. История преступления. – М., 2004; Коцюбинский А. П., Коцюбинский Д. А. Распутин. Тайный и явный. – СПб., 2003; и др.
540 Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. – СПб., 2006. С. 234.
541 Дегтярев К. На тайной службе ее величества // Разведка. 2010. Февраль.
542 Соловьев О.Ф. Международный империализм – враг революции в России. – М., 1982. С. 193.
543 Там же. С. 202.
544 Сироткин В.Г. Почему «слиняла» Россия? С. 112–113.
545 Сироткин В.Г. Указ. соч. С. 120–121.
546 Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. С. 399.
547 Колоколов Б.Г. Жандарм с царем в голове. – М., 2009. С. 421–430.

548 Гурушина Н.Н., Поткина И.В. Английские капиталы и частное предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М., 1997. С. 54–55.
549 Соловьев О.Ф. Международный империализм – враг революции в России. – М., 1982. С. 94–95.
550 Гурушина Н.Н., Поткина И.В. Английские капиталы и частное предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М., 1997. С. 75, 79.
551 Дьяконова И.А. Прямые германские инвестиции в экономику имперской России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. – М., 1997. С. 127, 128.
552 Там же. С. 126.
553 Устинов М.С. Записки начальника контрразведки. – Ростов-на-Дону, 1991. С. 8.
554 Дамаскин И.А. 100 великих операций спецслужб. – М., 2003. С. 50.
555 Сироткин В.С. Почему «слиняла» Россия? – М., 2004. С. 94.
556 Чертопруд С.В. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. – М., 2002. С. 17.
557 Соловьев О.Ф. Международный империализм – враг революции в России. – М., 1998. С. 96–97.
558 Чертопруд С.В. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. С. 17.
559 Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I. – М., 1998. С. 111.
560 Соловьев О.Ф. Международный империализм – враг революции в России. С. 199.
561 Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. – М., 1996. С. 45–46.
562 Измозик В. «Черные кабинеты» в России (XVIII – начало XX века) // Жандармы России. СПб; М., 2002. С. 344, 347.
563 Соловьев О.Ф. Международный империализм – враг революции в России. С. 112.
564 Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. С. 45–46.
565 Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. С. 46–48.
566 Константинополь и проливы. По секретным материалам бывшего МИДа. Кн. 1. – М., 1925. С. 221, 226.
567 Чертопруд С.В. Законодательные акты по защите гостайны в Российской империи в начале XX века // Вопросы защиты информации. 1996. № 4 (35).
568 Ричелсон Джеффри Т. История шпионажа XX века. – М., 2000. С. 10.
569 Кук Э., Сидней Рейли ST1. В паутине секретных спецслужб. – Киев, 2003. С. 89–109.
570 Ричелсон Джеффри Т. История шпионажа XX века. С. 15–16.
571 Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. С. 50–51.
572 Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. – М., 1986., С. 40.
573 Соловьев О.Ф. За линией фронтов (1914–1918) // Новая и новейшая история. 1986. № 2.
574 Бояджи Э. История шпионажа. В 2 т. Т. 1. – М., 2003. С. 115, 119.
575 Красильников Р. КГБ против МИ-6. Охотники за шпионами. – М., 2000. С. 37.
576 Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. С. 42.
577 Соловьев О.Ф. За линией фронтов (1914–1918) // Новая и новейшая история. 1986. № 2.
578 Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. С. 42–43.
579 Соловьев О.Ф. За линией фронтов (1914–1918) // Новая и новейшая история. 1986. № 2.

580 Казнина О.А. Русские в Англии. – М., 1997. С. 102–103.
581 Там же. С. 100–101.
582 Локкарт Роберт Брюс. История изнутри. Мемуары британского агента. – М., 1991. – С. 114–115.
583 Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. С. 45.
584 Локкарт Роберт Брюс. История изнутри. Мемуары британского агента. С. 150–151.
585 Казнина О.А. Русские в Англии. С. 100–101.
586 Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях власти (1914 г. – весна 1917 г.). – М., 2003. С. 211.
587 Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. С. 46.
588 Алексеева И. Мириэль Бьюкенен. – СПб., 1998. С. 318–319.
589 Соловьев О.Ф. За линией фронтов (1914–1917 гг.) // Новая и новейшая история. 1996. № 2.
590 Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. С. 159.
591 Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях власти (1914 – весна 1917 г.). – М., 2003. С. 210–211.
592 Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях власти (1914 г. – весна 1917 г.). С. 231–233.
593 Алексеева И. Мириэль Бьюкенен. – СПб., 1998. С. 316–317
594 Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917. Кн. I Нью-Йорк, 1960. С. 182.
595 Чертопруд С.В. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. С. 19.
596 Таратута Ж.В., Зданович А.А. Таинственный шеф Мата Хари. Секретное досье КГБ № 21152. – М., 2000. С 35.
597 Алексеева И. Мириэль Бьюкенен. С. 316–317.
598 Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. С. 163.
599 Там же. С. 163–164.
600 Соловьев О.Ф. Указ. соч. С. 165–166.
601 Там же. С. 160.
602 Там же. С. 167–169.
603 Локкарт Роберт Брюс. История изнутри. Мемуары британского агента. С. 148.
604 Соловьев О.Ф. Указ. соч. С. 170–171.
605 Кук Э. Убить Распутина. Жизнь и смерть Григория Распутина. – М., 2007. С. 350, 353.
606 Там же. С. 333–336.
607 Кук Э. Указ. соч. С. 339–340.
608 Кук Э. Указ.соч. С. 345–348.
609 Соловьев О.Ф. Международный империализм – враг революции в России С. 174.
610 Соловьев О.Ф. Указ. соч. С. 174–175.
611 Там же. С. 176–177.
612 Соловьев О.Ф. Указ. соч. С. 174–175.
613 Локкарт Роберт Брюс. История изнутри // Мемуары британского агента. С. 167–168.
614 Там же. С. 173–174.
615 Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ: Очерки истории российской военной разведки. Кн. 1. – М., 2000. С. 3–4.
616 Дроздов Ю. Нужная работа. С. 10.
617 Серебрякова Е. Разведка в эпоху Древнего Рима // Независимое военное обозрение. 2003 год. 22 августа. № 29(344).
618 Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. – М., 2009. С. 6.
619 Столетие Военного министерства. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. – СПб., 1902. С. 6–10.
620 Плугин В., Богданов А., Шеремет В. Разведка была всегда… – М., 1998. С. 14–15.

621 Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. (ПСРЛ). Т. 1. – СПб., 1846. С. 12.
622 Плугин В., Богданов А., Шеремет В. Разведка была всегда… С. 17–18.
623 Там же. С. 20–21.
624 Плугин В., Богданов А., Шеремет В. Указ. соч. С. 26–29.
625 Там же. С. 29–30.
626 Дроздов Ю. Нужная работа. С. 11.
627 Плугин В., Богданов А., Шеремет В. Указ. соч. С. 71.
628 Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. 1. – М., 1992. С. 114.
629 Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. – М., 2009. С. 8–9.
630 Софийская первая летопись. ПСРЛ. Вып. 1. Т. 5. – СПб., 1851. С. 178.
631 Столетие Военного министерства. Главный штаб. Исторический очерк. Ч. 1. Кн. 2. Отд. 1. – СПб., 1902. С. 12–13; Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. С. 9; Поросков Н. В «Аквариуме» работают молчаливые люди // Независимое военное обозрение. 1996. 24 октября. № 20.
632 Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Т. 25. – СПб., 1898. С. 186.
633 Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Т. 25. С. 186.
634 Военная энциклопедия. Т. VI. – СПб., 1912. С. 464.
635 Там же. С. 464.
636 Семенова О. Введенный указом Бориса Ельцина от 1995 года день работников органов госбезопасности России с декабря 1917 года отмечался как день чекиста // РИА «Новости». 2000. 20 декабря.
637 Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года. – М., 1995. С. 19.
638 Онисим Михайлов. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. Ч. 1. – СПб., 1777. С. 80.
639 Вуколов Н. Князь Хилков, который живет в Мытищах // Эхо планеты. 2002. № 12; Вуколов Н. Андрей Хилков, его предки и потомки // Молодежь Эстонии. 2002. 26 июля.
640 Архив князя Куракина А.Ф. – СПб., 1890–1902. Т. 1. С. 6–9.
641 О военном обучении и обязанностях воинских чинов. Сочинение Адама Вейде. 1968. Рукопись БАН. Петр. Гал. № 3.
642 Письма и бумаги Петра Великого. Т. 2. – СПб., 1887. С. 52.
643 Там же. С. 37–38.
644 Столетие Военного министерства 1802–1902. Ч. 1. Кн. II. – СПб., 1903. С. 16.
645 Устав воинский о должности генералов, фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которым при войсках надлежит быть и оных воинских делах поведения, что каждому чинить дано. – СПб., 1753. С. 38.
646 Сергеев Е., Удунян Ар. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах. 1900–1914. – М., 2003. С. 21.
647 Алексеев М.А. Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II. – М., 2010. С. 7, 13.
648 Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917). С. 19.
649 Там же. С. 21–22.
650 Там же. С. 23–25, 27, 30.
651 Белозер В. Морская разведка военно-морского флота Российской империи // Морской сборник. 2008. № 4.
652 Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917). М., 2008. С. 36, 39, 41, 44.
653 Там же. С. 46, 48.

654 Рафаенко Н. Секретные миссии в Среднею Азию // Независимая газета. 1993. 30 марта.
655 Алексеев М.А. Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II. С. 16–17.
656 Алексеев М. Военная разведка России. Кн.1. – М., 1998. С. 33–38.
657 Алексеев М.А. Военная разведка Российской империи от Александра I до Александра II. С. 19.
658 Там же. С. 54–55.
659 Ламбик С. Люди непроницаемой тайны // Новости разведки и контрразведки. 1996. № 24.
660 Когинов Ю.И. Тайный агент императора: Чернышев против Наполеона. Исторический роман. – М., 1996.
661 Алексеев М.А. Военная разведка России. Кн. 1. С. 26–46.
662 Тарле Е. Талейран. – М., 1992. С. 112–113.
663 Крыло И. Превосходительный интриган // Культура. 2009. № 34; Чекмарев В.А. Секретный агент четырех императоров // http://artofwar.ru/c/chekmarew_w_a/text_0990.shtml; Шигин В. Штирлиц XIX века // Независимое военное обозрение. 2005. 24 июня; Клейн Б. Донна Джована // Русский глобус. 2008. Январь. № 1.
664 Алексеев М. Лексика русской разведки. – М., 1996. С. 39.
665 Там же. С. 77.
666 Алексеев М.А. Военная разведка России. Кн. 1. С. 56–57.
667 Алексеев М. Лексика русской разведки. С.77.
668 С декабря 1815 г. по май 1832 г. – Военно-ученый комитет при Главном штабе, затем с мая 1832 г. по декабрь 1862 г. снова Военный ученый комитет при Военном министерстве, с сентября 1863 г. по декабрь 1865 г. – Совещательный комитет при Главном управлении Генерального штаба, с декабря 1865 г. по март 1867 г. – Совещательный комитет при Главном штабе, с марта 1867 г. по май 1903 г. – Военно-ученый комитет Главного штаба.
669 Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 4. Центральные государственные учреждения. Министерство иностранных дел. Военное министерство. Морское министерство. – СПб., 2004. С. 48.
670 Там же. С. 49.
671 До марта 1828 г. – Ученый комитет Морского министерства; с марта 1828 г. по январь 1831 г. – Ученый комитет Морского штаба е. и. в.; с января 1831 г. по январь 1836 г. – Ученый комитет Главного морского штаба е. и. в.; с января 1836 г. по ноябрь 1847 г. – Ученый комитет Морского министерства; с ноября 1847 г. по декабрь 1866 г. – Морской ученый комитет; с декабря 1866 г. по июнь 1885 г. – Ученое отделение Морского технического комитета; с июня 1885 г. по июнь 1891 г. – Морской ученый комитет.
672 Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 4. Центральные государственные учреждения. Министерство иностранных дел. Военное министерство. Морское министерство. С. 226.
673 Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 4. Центральные государственные учреждения. Министерство иностранных дел. Военное министерство. Морское министерство. С. 92.
674 Российский государственный военно-исторический архив. Путеводитель: В 4 т. Т. 1. – М., 2006. С. 512.
675 Алексеев М.А. Указ. соч. С. 202.
676 Алексеев М.А. Указ. соч. С. 207.
677 Там же. С. 209.
678 Турло С.С., Залдат И.П. Шпионаж. – М., 2002. С. 113.
679 Очерки истории российской внешней разведки. – М., 1996. Т. 1. С. 169.

680 Энциклопедия военных и морских наук. В 7 т. Т. VI. – СПб., 1893. С. 243–245.
681 Алексеев М. Военная разведка России. Кн. 1. С.84–86.
682 Лебедев В. Разведка виновна менее всех // Независимое военное обозрение. 2001 г. № 42.
683 Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 4. Центральные государственные учреждения. Министерство иностранных дел. Военное министерство. Морское министерство. С. 123, 161.
684 Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1917): Организационное строительство. М., 2004. С. 50.
685 Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917). М., 2008. С. 50, 53.
686 Там же. С. 68.
687 Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917). С. 66–67, 68.
688 Там же. С. 62–63.
689 Емелин А. Военно-морские агенты России // Морской сборник. 2007. № 2.
690 Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917). С. 74–75.
691 Там же. С. 392.
692 Там же. С. 393.
693 Там же. С. 394.
694 Белозер В.Н. Указ. соч. С. 174–175.
695 Там же. С. 177–178, 234.
696 Там же. С. 174–175.
697 Белозер В. Морская разведка военно-морского флота Российской империи // Морской сборник. 2008. № 4.
698 Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917). С. 178.
699 Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917). С. 186–187.
700 Там же. С. 180.
701 Там же. С. 397.
702 Белозер В. Морская разведка военно-морского флота Российской империи // Морской сборник. 2008. № 4.; Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917). С. 182–183.
703 Белозер В.Н. Военно-морская разведка: история создания, становления и развития (1696–1917). С. 398.
704 Там же. С. 246.
705 Там же. С. 399.
706 Смоловский А. Разведка в действиях флотов России и СССР. \\ Морской сборник. 2007 год. № 3.
707 Смоловский А. Разведка в действиях флотов России и СССР // Морской сборник. 2007 год. № 3.
708 Белозер В., Смоловский А. Морская разведка военно-морского флота Российской империи // Морской сборник. 2008. № 5.
709 Вудхол Э. История полковника Редля и других // С риском для жизни. – М., 1991. С.126.
710 Алексеев М. Агент № 25 // Совершенно секретно. 1993 год. № 8.
711 Там же. № 8.
712 Аптекарь П. Агенты и резиденты // Родина. 1993. № 8–9.
713 Там же.
714 Там же.

715 Аптекарь П. Указ. соч.
716 Дегтярев К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. – М., 2009. С. 13–15, 17.
717 Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. – М., 2009. С. 63–75, 102–118.
718 Дегтярев К., Колпакиди А. СМЕРШ. – М., 2009. С. 13–25.
719 Анин Б., Петрович А. Радиошпионаж. – М., 1996. С. 361.
720 Колпакиди А., Север А. КГБ. – М., 2010. С. 47.
721 Колпакиди А., Север А. КГБ. С. 49.
722 Чертопруд С.В. Потерять и забыть // Независимое военное обозрение. 2003. 7 марта. № 8.

See more books in http://www.e-reading.club